

M 67
29

801-12
1280

ВСЕОБЩАЯ
И С Т О Р І Я

Георга Вебера.

Переводъ со втораго изданія,

ПЕРЕСМОТРѢННАГО И ПЕРЕРАБОТАННАГО ПРИ СОДѢЙСТВІИ СПЕЦІАЛИСТОВЪ.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

Перевелъ Андреевъ.

Изданіе К. М. Солдатенкова.

Цѣна 4 руб. 50 коп.

МОСКВА.

Типографія В. В. Исленьева (М. Щепкина), Средняя Кисловка, домъ Волковыхъ.

1885.

Изданія К. Т. Солдатенкова.

- Берга. Записки объ осадѣ Севастополя. 2 части. М. 1865 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Буассе, Гастонъ. Римская религія. Перев. М. Корсакъ. М. 1878 г. Ц. 5 р.
- — Цицеронъ и его друзья. — — М. 1880 г. Ц. 2 р.
- Бэра. Исторія всемірной торговли. 3 части. Пер. Э. Циммермана. М. 1876 г. Цѣна 7 р. 50 к.
- ✓ Вегеле, Франца. Дантъ Алигьери, его жизнь и сочиненія. Перев. А. Н. Веселовскаго. М. 1881 г. Ц. 3 р.
- Вейса. Внѣшній бытъ народовъ съ древнѣйшихъ до нашихъ временъ. 6 частей (съ 1945-ю рисунками въ текстѣ) въ пер. В. Чаева и И. Васильева. М. 1879 г. Ц. 24 руб.
- Веселовскій, А. Н. Этюды о Мольерѣ. Мизантропъ. М. 1881 г. Цѣна 2 руб.
- Вольскаго. Историческое народно-хозяйственное значеніе обработки земли крестьянами собственниками. М. 1865 г. Цѣна 2 р. 50 к.
- Гартмана. Сущность міроваго процесса или философія безсознательнаго, въ 2-хъ книгахъ. А. Козлова. М. 1876 г. Цѣна 4 р. 50 к.
- Геттнера. Исторія всеобщей литературы XVIII вѣка. Т. III, кн. I и II. М. 1872 г. Цѣна 4 р. 75 к.
- ✓ Гиббонъ, Э. Исторія упадка и разруш. Римской имперіи (съ портретомъ автора). Пер. В. Невдомскаго. Т. I, II, III, IV и V. М. 1884 г. Ц. 19 р.
- Гизо. Исторія цивилизаціи во Франціи. Т. I, II, III и IV. Пер. П. Г. Вишницова. М. 1877 г. Цѣна 8 руб.
- Гнейстъ. Исторія Государ. учреждений Англіи, перев. съ нѣмец. С. А. Венгелова. М. 1885 г. Ц. 4 р. 50 к.
- Ешевскаго. Сочиненія, 3 части. М. 1875 г. Цѣна 6 р.
- Забѣлина, И. Е. Кунцево и древній Сѣтунскій станъ. М. 1872 г. Ц. 2 р.
- Опыты изученія русскихъ древностей и исторіи. 2 части. Ц. 4 р.
- Мининъ и Пожарскій, прямые и кривые въ смутное время. Цѣна 1 р. 50 к.
- Зиберъ, Н. И. Очерки первобытной экономич. культуры. 1883 г. М. Цѣна 4 р. 50 к.
- Игеринга. Борьба за право. Пер. И. Волкова. М. 1872 г. Ц. 75 к.
- Навелина. Сочиненія, 4 части. М. 1875 г. Цѣна 5 р.
- Каррьера. Искусство въ связи съ общимъ развитіемъ культуры. Т. I, II, III, IV и V. Пер. Е. Корша. М. 1874 г. Ц. 20 р.
- Ключевскаго. Древнерусскія житія святыхъ, какъ историческій источникъ. М. 1875 г. Цѣна 2 р.
- Кольцовъ, А. В. Стихотворенія. Изданіе 8-е. М. 1884 г. Ц. 20 к.
- Корсакъ. Первоначальные уроки грамматики. М. 1879 г. Ц. 60 к.

(См. 3-ю страницу обложки).

M 67
29

804-12
1280

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

Георга Вебера.

Переводъ съ втораго изданія.

ПЕРЕСМОТРѢННАГО И ПЕРЕРАБОТАННАГО ПРИ СОДѢЙСТВІИ СПЕЦИАЛИСТОВЪ.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

Перевелъ Андреевъ.

Изданіе К. М. Солдатенкова.

МОСКВА.

Типографія М. П. Щепкина, Средняя Кислотная, домъ Волновыхъ.
1885.

NC TOP R

ВСЕОБЩАЯ

Теоретическая

Перевод с русского языка

ИЗДАТЕЛЬСТВО В. ПЕТРОВИЧА ПЕТРОВИЧА

ТОМ ПЕРВЫЙ

Перевод с русского языка

Издательство В. П. Петровича

190550

ИСТОРИЯ ВОСТОКА,

изложенная сообразно новейшему состоянию исторических знаний
о древнем Востоке.

Предисловіе къ русскому переводу.

«Всеобщая Исторія» Вебера—наилучшій изъ тѣхъ трактатовъ, которые имѣютъ своимъ назначеніемъ дать подробный разсказъ о фактахъ исторіи человѣчества. Это признано во всемъ ученомъ мірѣ.

Потому въ предисловіи къ переводу этой книги на русскій языкъ нѣтъ надобности распространяться о ея достоинствахъ.

Онъ имѣетъ и слабыя стороны. Поговоримъ о нихъ.

Веберъ—ученый очень добросовѣстный; но онъ только очень добросовѣстный и очень ученый человѣкъ. Онъ не гениальный человѣкъ. Въ своихъ общихъ понятіяхъ, онъ не самостоятельный мыслитель. Тѣ мнѣнія, которыя кажутся справедливыми огромному большинству нѣмецкихъ историковъ, кажутся справедливыми и ему. Въ этихъ мнѣніяхъ есть два элемента противонаучные. Одинъ изъ нихъ—наслѣдіе, уцѣлѣвшее въ умахъ нѣмецкихъ историковъ отъ періода владычества системъ трансцендентальной философіи надъ нѣмецкою наукою. «Введеніе» у Вебера составлено въ этомъ вкусѣ. Другой противонаучный элементъ въ его книгѣ—обыкновенная не у однихъ нѣмцевъ, у людей всѣхъ націй слабость: пристрастіе къ своей націи.

Такъ; и очень жаль, что такъ. Безъ философскихъ разсужденій въ трансцендентальномъ тонѣ и безъ разсужденій о превосходствѣ нѣмецкой націи надъ итальянскою, французскою и англійскою, книга Вебера была-бы несравненно лучше. Но и при этихъ своихъ дурныхъ примѣсахъ, она въ сущности все-таки книга честная: авторъ, если и говоритъ много противонаучнаго, то лишь потому, что ошибается; онъ всегда добросовѣстенъ.

Предисловіе къ первому изданію.

Планъ этого труда, разъяснимый «Введеніемъ», разсматривающимъ «задачу всеобщей исторіи», излагается въ «Программѣ», которая была напечатана при первомъ выпускѣ перваго тома.—Эта «Всеобщая Исторія»,—говорится въ программѣ ея—представить цѣльное, всестороннее изображеніе исторической жизни народовъ древняго и новаго времени, давая обзоръ важнѣйшихъ явленій и результатовъ умственной и религіозной, политической, промышленной и военной дѣятельности ихъ. Для этого, она должна воздавать должную справедливость стремленіямъ и культурнымъ пріобрѣтеніямъ всѣхъ народовъ, оцѣнивая все съ чисто-исторической точки зрѣнія безъ всякихъ постороннихъ цѣлей и пристрастій. «Всеобщая Исторія» должна быть правдивымъ, нелицепріятнымъ судомъ, разсматривающимъ всѣ человѣческія дѣла и намѣренія въ истинномъ ихъ видѣ, не окрашивающимъ ихъ въ колоритъ, какого требуетъ мимолетное настроеніе духа времени, не поддающимся никакому увлеченію дня. Авторъ будетъ и при изложеніи давнихъ временъ помнить интересы настоящаго, но лишь въ томъ смыслѣ, что будетъ подробно излагать тѣ историческія явленія, которыя имѣли преобладающее явленіе на культурную жизнь слѣдующаго времени и на понятія нашихъ дней.

Держась на чисто-исторической почвѣ, наша «Всеобщая Исторія» будетъ разсматривать религіозныя представленія и формы культа всѣхъ націй со стороны ихъ естественнаго развитія и ихъ нравственнаго вліянія; она будетъ и въ вѣрованіяхъ, въ религіозныхъ кругахъ дохристіанскаго и внѣ-христіанскаго міра признавать достойныя уваженія попытки изслѣдовать непостижимую связь природы и человѣческой жизни съ творческою и сохраняющею божественною силою. Подобно религіи, предметомъ особенно подробнаго изложенія въ этомъ трудѣ будутъ проявленія культурной жизни народовъ въ литературѣ, наукѣ и искусствѣ и вліяніе умственныхъ стремленій того или другаго на-

рода на ходъ общечеловѣческой образованности. Но и практическая жизнь народовъ, проявляющаяся военными дѣйствіями, государственными и юридическимъ устройствомъ, торговли и промышленности, будетъ предметомъ должнаго вниманія, а предисловіемъ къ разсказу объ историческомъ развитіи народа будетъ краткій очеркъ природы и характера страны народа. Въ религіозной жизни народовъ будетъ воздаваемо уваженіе только чистому стремленію найти путь къ Богу, доставить божественному и духовному элементу человѣческаго существа господство надъ плотью, матеріею, а въ государственной и юридической жизни будетъ воздаваемо оно только тѣмъ явленіямъ, формамъ и учрежденіямъ, которыя открываютъ наибольшій просторъ развитію человѣческой свободы и общественной равноправности.

Относительно формы изложенія, авторъ будетъ заботиться о ясномъ порядкѣ въ распредѣленіи матеріала, такъ чтобы удобно было обозрѣвать массы его, и объ интересности, плавности разсказа. Чтобы можно было быстро давать представленія о ходѣ фактовъ и о важнѣйшихъ событіяхъ, и съ тѣмъ вмѣстѣ не жертвовать подробностями, необходимыми для полноты общей картины, въ книгѣ будутъ употреблены два шрифта: крупнымъ будетъ печататься связный разсказъ, а для пополненія будетъ служить мелкій. Въ трактатѣ предназначеномъ не для однихъ ученыхъ, а для всей публики, большинство которой не можетъ специально заниматься историческими изысканіями, существенную важность имѣютъ ясность слога и отчетливый порядокъ разсказа. Авторъ будетъ также, сколько можетъ, заботиться о томъ, чтобы работа его стояла въ уровень съ новѣйшими понятіями исторической науки. Онъ будетъ излагать факты по важнѣйшимъ источникамъ, но будетъ пользоваться новѣйшими трудами по исторіи и этнографіи, заслужившими уваженіе своею основательностью, и въ изложеніе фактовъ будутъ введены достовѣрные результаты этихъ изслѣдованій. Основаніемъ разсказа будутъ служить источники. Въ дѣлѣ разъясненія трудныхъ, темныхъ и спорныхъ вопросовъ, насколько они разъяснены и рѣшены, авторъ будетъ пользоваться мыслями нынѣшнихъ изслѣдователей. Но критическія изысканія и ученые разсужденія совершенно исключаются изъ книги; массѣ образованной публики нужны и пригодны лишь результаты изслѣдованія; пути, которыми авторъ достигъ ихъ, должны быть лишь показываемы перечисленіемъ ученыхъ трудовъ, которыми онъ пользовался.

Изъ этихъ словъ «Программы» можно видѣть, что авторъ смотрѣлъ на свою задачу серьезно, и онъ надѣется, что законченнымъ теперь первымъ томомъ предпринятаго имъ труда онъ даетъ доказательство

тому, что дѣйствительно стремился къ цѣли, которую ставилъ себѣ въ «Программѣ», исполнялъ работу такъ, какъ говорилъ; онъ надѣется, что читатель не найдетъ въ этой части его труда устарѣлыхъ понятій и сужденій, обычныхъ пустыхъ разсказовъ и историческихъ тривіальностей, которыми такъ дискредитованы книги, имѣющія своимъ заглавіемъ слова «Всеобщая Исторія», найдетъ, напротивъ того, результаты многолѣтнихъ серьезныхъ занятій и заботливой работы. Въ годы полной дѣятельности силъ, въ продолженіе цѣлаго періода смѣны поколѣній, авторъ почти исключительно занимался исторіею въ самомъ широкомъ смыслѣ понятія о ней; непрерывное практическое примѣненіе добытаго занятіями давало ему достаточную возможность понять, что именно изъ массы историческихъ знаній нужно для образованныхъ классовъ общества; потому онъ считаетъ себя имѣвшимъ право взяться за исполненіе задачи, важность и трудность которой онъ самъ вполне понимаетъ. Историческая наука быстрыми шагами движется впередъ; сумма ея пріобрѣтеній увеличивается изслѣдованіемъ подробностей; историческое знаніе расширяется и разъясняется; соразмѣрно этому раскрываются новые пути, устанавливаются новыя точки зрѣнія и для дѣятельности трудящихся надъ классификаціею, приведеніемъ въ порядокъ и въ связь этого матеріала съ цѣлью составить очеркъ всеобщей исторіи. Всеобщая исторія должна идти впередъ, въ уровень съ ходомъ историческихъ изслѣдованій и специальной исторіи, не должна оставаться позади научныхъ требованій настоящаго.

Выбрать изъ громадной массы матеріала надобное и важное, ясно, въ удобномъ для обзора порядкѣ изложить его сжатымъ, точнымъ разсказомъ — трудъ, котораго нельзя назвать легкимъ. Потому, авторъ проситъ не осудить его за то, что онъ ставитъ въ нѣкоторую заслугу себѣ и считаетъ имѣющимъ право на нѣкоторую признательность многотрудное дѣло приведенія въ порядокъ и связь матеріаловъ его работы, отношенія которой къ другимъ историческимъ трудамъ онъ опредѣлитъ напомниманіемъ о словахъ Наэана Тамплиеру:

Nur muss der Eine nicht den Andern mäkeln,

Nur muss der Knorr den Knubben hübsch vertragen,

Nur muss ein Gipfelchen sich nicht vermessen,

Dass es allein der Erde nicht entschossen ¹⁾.

Гейдельбергъ, августъ 1857 г.

Г. Веберъ.

¹⁾ Смыслъ этихъ стиховъ Лессинга: «Не будемъ злорѣчить другъ о другѣ, будемъ чужды нетерпимости, не будемъ считать себя изъятами отъ недостатковъ». Прим. перев.

Чрезъ семь лѣтъ послѣ того, какъ было написано это предисловіе, авторъ находитъ надобность снова поговорить о характерѣ и направленіи своего труда и высказать свое мнѣніе о первыхъ четырехъ томахъ его. Это второе предисловіе содержитъ въ себѣ дополненія и поясненія къ замѣткамъ, напечатанной при первомъ выпускѣ пятого тома, потому позволяю себѣ повторить ее здѣсь:

Предпосылая предисловіе печатаемому теперь тому, содержащему въ себѣ исторію первыхъ столѣтій исторіи Европы по переселеніи народовъ, я имѣю ближайшею цѣлью дать отчетъ относительно того, какъ велъ я работу въ прежнихъ томахъ, характеризовать способы, какими я старался разрѣшить задачу, поставленную мною себѣ при началѣ дѣла, объяснить цѣли, къ которымъ я стремился и думаю продолжать стремиться.

Моя «Всеобщая Исторія» — книга для образованныхъ классовъ общества. Все ея содержаніе показываетъ, что я никогда не забывалъ объ этомъ ея предназначеніи. Если нѣкоторымъ казалось, что и эта работа, подобно моимъ краткому и подробному «Учебникамъ Всеобщей Исторіи», назначена по преимуществу для учащихся, тѣ, кому казалось такъ, были наведены на свою мысль моею преподавательскою профессією, а не характеромъ этого моего труда. Правда, «Всеобщая Исторія» имѣетъ черты, показывающія, что авторъ ея — преподаватель: я обязанъ по преимуществу школьнѣе, что опредѣленность и точность выраженія сдѣлалась для меня второю природою, что не нравится мнѣ неясность, полу-непонятная самому говорящему неопредѣленность рѣчи, что я врагъ шумихи звонкихъ фразъ; школьнѣе и постоянному общенію съ молодежью обязанъ я и тѣмъ, что сохранилъ нѣкоторый идеализмъ въ мысляхъ и въ изложеніи мыслей о фактахъ и дѣятеляхъ исторіи, что чувствую уваженіе къ важности предмета, когда пишу объ историческихъ явленіяхъ, бывшихъ нѣкогда сущностью жизни погибшихъ теперь народовъ и минувшихъ поколѣній; что мнѣ отвратительно опускаться въ тинистые потоки безправственности, искать матеріаловъ для характеристики отдѣльныхъ-ли людей, эпохъ-ли въ пошлости и порокѣ. Я привыкъ думать, что лучше внушать молодежи любовь къ благородному и высокому идеальными примѣрами, нежели рисовать ей сначала грѣхъ, а потомъ адъ и его ужасы; я такъ проникся этимъ мнѣніемъ, что вліяніе его по всей вѣроятности проявляется и въ изложеніи моей «Всеобщей Исторіи».

Предисловіе къ первому тому ея говорило, что эта работа будетъ основываться прежде всего на источникахъ, но что я также буду пользоваться результатами новыхъ историческихъ изслѣдованій. Мнѣ

кажется, что я добросовѣстно исполнялъ это увѣреніе. Кто хоть бѣгло просмотрѣлъ который-нибудь изъ вышедшихъ томовъ, вѣроятно скажетъ, что я всегда почерпалъ изъ источника и не пропустилъ безъ вниманія ни одной сколько-нибудь важной новой исторической работы, по крайней мѣрѣ изъ писанныхъ на нѣмецкомъ языкѣ; скажемъ также, что при всей краткости и сжатости, съ какою надобно было мнѣ излагать богатое содержаніе, въ общемъ характерѣ книги, въ прагматическомъ сопоставленіи причинъ и слѣдствій, въ ходѣ разсказа постоянно видѣнъ умственный трудъ автора. Усвоить себѣ существенное содержаніе множества подробныхъ монографій, объединить усвоенное переработкою въ своихъ мысляхъ и изложить въ связномъ разсказѣ, съ постоянною заботою о краткости и точности слога, такъ чтобы въ логическомъ распредѣленіи не было ни скачковъ, ни пробѣловъ, въ слогѣ и разсказѣ не было мозаичнаго набора неоднородныхъ кусковъ — это не особенно легкая историческая работа. Я охотно говорю, что я очень много обязанъ трудолюбію нѣмецкихъ изслѣдователей исторіи, и моею постоянною заботою было отмѣчать, какъ заимствованное, то, что я заимствовалъ отъ другихъ; но все находящееся на страницахъ моей «Всемирной Исторіи» — полная моя собственность; я приобрѣлъ ее себѣ тяжелымъ трудомъ, и въ сумму времени, какимъ покупалъ я ее, должно было войти много часовъ, отнятыхъ у ночнаго отдыха. Въ особенности собственное мое дѣло — распредѣленіе историческаго матеріала, порядокъ изложенія. Чтобы сохранить свободу взгляда, я преднамѣренно не искалъ пособія себѣ ни въ какой другой, краткой ли, обширной ли, всеобщей исторіи. Я полагалъ, что болѣе чѣмъ тридцатилѣтнее занятіе всѣми частями исторіи и приобретенная постояннымъ сочетаніемъ изученія и практическаго примѣненія опытность даютъ мнѣ право искать самому дорогу себѣ. Итакъ, планъ и постройку этого труда я считаю собственностью исключительно моею; за матеріалы постройки, которыхъ искалъ я повсюду, я чувствую себя обязаннымъ благодарить другихъ.

Предисловіе къ «Всеобщей Исторіи» говоритъ, что она будетъ стремиться отдавать должную справедливость стремленіямъ и культурнымъ приобретеніямъ всѣхъ народовъ, оцѣнивая все съ чисто-исторической точки зрѣнія, безъ всякихъ постороннихъ цѣлей и пристрастій, но что она будетъ особенно подробно разсказывать о тѣхъ народахъ и государствахъ, которые имѣли преобладающее вліяніе на ходъ образованія и на понятія позднѣйшихъ временъ.

Я оставался вѣренъ этому правилу въ исторіи древняго міра, буду

оставаться, по мѣрѣ моихъ силъ, вѣренъ и въ слѣдующихъ томахъ. Какъ предоставлялъ я въ древней исторіи почетнѣйшее мѣсто эллинамъ, такъ въ исторіи среднихъ вѣковъ и новаго времени буду предоставлять это мѣсто нѣмецкому народу, о дѣлахъ и судьбахъ и умственной жизни его буду рассказывать съ наибольшою подробностью; но буду оставлять и другимъ націямъ положеніе, на какое имѣютъ онѣ право, и никогда не буду забывать моего девиза: «справедливость ко всякому искреннему стремленію — истинная гуманность». Самый ходъ исторіи требуетъ такого изложенія. Эллинскій духъ былъ важнѣйшимъ элементомъ жизни древняго міра. А потомъ, нѣмецкій народъ, когда созналъ себя какъ одно цѣлое и соединился въ одно государство, образовалъ центръ, около котораго группировались другія націи, совершалось все движеніе исторической жизни въ средніе вѣка и въ эпоху реформаціи. Мои слова, что «Всеобщая Исторія» будетъ идти своимъ спокойнымъ путемъ, не подчиняя своихъ сужденій ни политическимъ или религіознымъ пристрастіямъ, ни измѣнчивымъ направленіямъ времени, не будутъ, конечно, перетолковываемы въ томъ смыслѣ, что авторъ въ безцвѣтной объективности будетъ съ одинаковымъ интересомъ говорить о возвышенномъ, благородномъ и о низкомъ, пошломъ, или будетъ смотрѣть на все съ безучастнымъ равнодушіемъ стоической безнадежности, примиряющейся со всѣмъ. Читатель съ перваго же взгляда долженъ, я полагаю, видѣть, что въ моей груди есть сердце, согрѣтое теплымъ чувствомъ къ свободѣ и родинѣ и ко всѣмъ высшимъ благамъ человѣчества, что всякому стремленію къ благороднымъ цѣлямъ, всякой борьбѣ для достиженія ихъ всегда посвящены глубочайшія мои симпатіи. Тѣми моими словами я хотѣлъ сказать только, что въ моихъ сужденіяхъ о лицахъ и фактахъ я всегда старался переноситься въ условія времени, подвліяніемъ которыхъ дѣйствовали люди и совершались событія, а не бралъ мѣркою для приговоровъ мнѣнія нынѣшнихъ партій; что, свободный отъ вѣроисповѣдной или политической ортодоксальности, я старался разсматривать жизнь человѣчества съ высшей человѣческой или философской точки зрѣнія, и безъ предвзятаго мнѣнія безпристрастно изучалъ историческія лица и дѣла. При появляющихся теперь во множествѣ попыткахъ опровергнуть установившіяся историческія сужденія такъ называемыми «апологіями» и построить прошедшее по понятіямъ и тенденціямъ настоящаго, вѣроятно будетъ найдено не напраснымъ заявленіе намѣренія разсматривать всеобщую исторію не чрезъ призму современныхъ увлеченій или какой-нибудь церковной или политической доктрины.

Безпристрастная, свободная, отъ предвзятыхъ мнѣній и догматизма точка зрѣнія необходимое условіе того, чтобы всеобщая исторія давала правильное изображеніе дѣйствительной жизни прошлаго. И вѣроятно ни въ одномъ народѣ нѣтъ такого безпристрастія, такой свободы отъ пробужденій, какъ въ нѣмецкомъ, нѣтъ такой готовности признавать и цѣнить особенности другихъ народовъ. Потому я думаю, что нѣмецкій народъ больше всѣхъ другихъ призванъ дать всеобщей исторіи ея истинный видъ. Его положеніе въ срединѣ Европы, его стремленіе къ общечеловѣческой образованности, врожденная ему космополитская склонность прилагать и къ чужеземцамъ, и къ врагамъ мѣрило гуманности, справедливости, доброжелательства, — все это, повидимому, даетъ ему особенную способность быть хранителемъ и распредѣлителемъ историческихъ сокровищъ. Если въ прежнія времена онъ далъ направленіе исторической жизни, владычествовалъ надъ нимъ, велъ жизнь человѣчества впередъ, то и послѣ на долю ему выпало — правда, не блестящее, но все таки почетное — призваніе наблюдать ходъ всемірной исторіи и съ добросовѣстною точностью записывать въ книгу ея свои и чужія умственные приобрѣтенія.

Я хотѣлъ высказать этими строками, что я съ радостною твердостью и неослабною энергіею продолжаю идти къ ясно сознаннымъ цѣли, и, не пугаясь ни длинноты пути, ни его трудностей, которыя зналъ я и до начала его, продолжаю бодро идти впередъ. Сколько лѣтъ и дней суждено мнѣ прожить, скрыто въ темномъ лонѣ будущаго; но въ томъ могу я дать увѣреніе, что не покину этой работы, пока буду сохранять жизнь и здоровье. Занятіе любимымъ предметомъ для меня источникъ радостныхъ и возвышающихъ душу ощущеній. Рассказываютъ, что Халифъ, процарствовавъ со славою пятьдесятъ лѣтъ, насчиталъ въ своей жизни только четырнадцать часовъ чистаго, истиннаго счастья. Гиббонъ замѣчаетъ на это: «Мои счастливые часы далеко превзошли скудную цифру Халифа, а значительною частью ихъ я обязанъ пріятной работѣ надъ моимъ историческимъ трудомъ». Эти слова великаго историка примѣняются и ко мнѣ. Нѣтъ счастья болѣе прочнаго, чѣмъ радостная дѣятельность въ достойной работѣ на общую пользу. И въ этомъ, какъ во всемъ, оправдывается истина старыхъ словъ: «Гдѣ твое сердце, тамъ и сокровище твое».

Г. Веберъ.

Гейдельбергъ, май 1864.

Предисловіе къ второму изданію.

Когда я, двадцать пять лѣтъ тому назадъ, являлся передъ публикою съ первымъ томомъ «Всеобщей Исторіи», самымъ горячимъ моимъ желаніемъ было, чтобы судьба дозволила мнѣ довести до конца эту работу, предпринятую по давнему, зрѣло обдуманному плану. Судьба не только исполнила то мое желаніе, и доставила мнѣ счастье начать новое изданіе, дала мнѣ умственную бодрость и физическое здоровье обзрѣть передъ концомъ моей жизни законченный трудъ, заняться переработкою нѣкоторыхъ отдѣловъ его по новымъ изслѣдованіямъ и научнымъ приобрѣтеніямъ, заботою объ исправленіи другихъ отдѣловъ. Я пригласилъ людей болѣе молодыхъ и специалистовъ помогать мнѣ, и принялъ мѣры, обезпечивающія на случай моей смерти доведеніе начатаго изданія до конца въ томъ-же духѣ и по тому-же методу. И могу съ удовольствіемъ сказать, что ученые большой извѣстности, специалисты по разнымъ отдѣламъ исторіи и археологіи оказали или обѣщали мнѣ свое содѣйствіе.

Прежнія предисловія къ первому изданію даютъ необходимыя понятія о планѣ и цѣли этой книги. Моя «Всеобщая Исторія» написана для образованныхъ классовъ. Я постоянно держался въ работѣ этой точки зрѣнія. Характеръ моего труда таковъ, что масса образованныхъ людей,—вся та масса, для которой издаются хорошія газеты,—найдетъ въ этой книгѣ соотвѣтствующее ея образованію, потребностямъ и интересамъ изложеніе историческихъ свѣдѣній. Но я никогда не проводилъ границу общедоступности слишкомъ низко: я постоянно стремился дать историческому разсказу и по формѣ и по содержанію такой характеръ, чтобы моя книга могла устоять и предъ судомъ ученаго историка. Я ставилъ себѣ двоякую задачу: дать образованному другу историческаго знанія точное по языку и занимательное по формѣ изложеніе историческаго матеріала, и съ тѣмъ вмѣстѣ возбудить въ специалистѣ убѣжденіе, что книга имѣетъ серьезное ученое достоинство и находится на уровнѣ высоты нынѣшнихъ успѣховъ исто-

рическаго изслѣдованія. При постоянномъ прогрессѣ и возрастающемъ расширеніи нашей образованности, я полагалъ, что могу ставить высокія требованія относительно умственного развитія и относительно объема знаній читателя. То, что добылъ усерднымъ изученіемъ источниковъ, нашелъ въ основательнѣйшихъ трудахъ по исторіи отдѣльныхъ народовъ и эпохъ, въ заслуживающихъ наибольшаго довѣрія монографіяхъ, что разъяснилъ себѣ размышленіемъ, я старался сообщить читателю яснымъ логическимъ разсказомъ, занимательнымъ языкомъ.

Настоящее время конечно неблагоприятно выступленію въ путь къ вершинѣ всемірно-исторической науки. Система раздѣленія труда доведена до такого развитія, кругъ занятій отдѣльнаго ученаго сѣузился до такой степени, что лишь изученіе подробностей считается достойнымъ уваженія историческимъ трудомъ; а съ тѣмъ вмѣстѣ, большинство образованныхъ людей, подобно гастрономамъ, желаетъ лишь привлекательныхъ плодовъ, какіе предлагаются ему въ общезанимательныхъ періодическихъ изданіяхъ, въ популярныхъ лекціяхъ, въ роскошныхъ книгахъ съ рисунками. Такое время имѣетъ мало расположенія къ серьезнымъ трудамъ обширнаго объема, не ограничивающимся разсказами подробностей, стремящимся изслѣдовать связи между частями предмета, раскрыть въ массѣ явленій дѣйствующія силы, показать въ исторіи человѣчества возростаніе добра, ходъ улучшенія жизни въ ряду поколѣній. Но я съ довѣріемъ смотрю на будущее. Человѣческая природа не такова, чтобы на-долго могли влачиться волнами переменчивыхъ теченій времени. Возвратятся годы, когда съ новою силою воспрянетъ духъ любви къ строгому широкому умственному труду и къ всесторонности образованія; тогда начнется время, болѣе благоприятное для всеобщей исторіи, для охватывающаго предметъ во всей его цѣлости историческаго и философскаго изученія. Область исторической науки предназначена не исключительно для специалистовъ, какъ области другихъ наукъ; она—широкое поле, которое принадлежитъ всѣмъ образованнымъ людямъ, на которомъ все мыслящее человѣчество находитъ знаніе и пониманіе общественной жизни, возникновенія и развитія идей и стремленій, владычествующихъ надъ міромъ, на которомъ видитъ оно, какъ боролись, стремились и блуждали прежнія поколѣнія людей на путяхъ своего движенія къ свободѣ, къ благосостоянію, къ достойному человѣка образу жизни, къ нравственному порядку. Исторія общее умственное достояніе всѣхъ людей, воспримчивыхъ душою къ благамъ и успѣхамъ цивилизації. Къ ней вполнѣ примѣняются слова: *Nihil humani a me alienum*.

На этой истинѣ строить всеобщая исторія свой храмъ, существованіе котораго будетъ вѣчнымъ.

Содѣйствовать тому, чтобы такое понятіе о всеобщей исторіи сдѣлалось общепринятымъ, было задачею моей литературной жизни. Уже давно я говорилъ объ этомъ такъ: всеобщая исторія должна быть зеркаломъ, въ которомъ ясно видны главныя черты суммы современнаго историческаго знанія; должна быть работою, которая ведется нескончаемо, пока человѣческая любознательность открываетъ новые рудники историческаго знанія, которая отъ времени до времени должна быть пересоздаваема, и которая должна постоянно представлять все новыя стороны, все инныя воззрѣнія, все болѣе очищенные отъ ошибокъ сужденія. Она должна быть витриною, въ которую влагаются, для того, чтобы видны были всѣмъ, сокровища, добываемыя историческою наукою, и очень большую важность тутъ имѣютъ правильность выбора, практичность и художественность распредѣленія. Историческая наука быстрыми шагами движется впередъ; сумма ея пріобрѣтеній увеличивается изслѣдованіемъ подробностей, историческое знаніе расширяется и разъясняется, соразмѣрно тому раскрываются новые пути, устанавливаются новыя точки зрѣнія и для дѣятельности трудящагося надъ классификаціею, приведеніемъ въ порядокъ и въ связь этого матеріала съ цѣлью составить очеркъ всеобщей исторіи.

Мало по малу, такое понятіе о всеобщей исторіи получаетъ преобладаніе. Съ удовольствіемъ прочелъ я, что издатель «Всеобщей Исторіи» Ранке, первый выпускъ которой вышелъ одновременно съ окончаніемъ моей «Всеобщей Исторіи», ссылается на мои слова, приведенныя выше и обращаетъ сообразность книги Ранке съ ними въ рекомендацію ей. Этимъ трудомъ знаменитаго учителя дѣло работы надъ составленіемъ всеобщей исторіи облагораживается, получаетъ общепризнанное научное достоинство. Конкуренція труда Ранке съ моимъ не возбуждаетъ во мнѣ ни неудовольствія, ни опасенія. Его книга предназначена для удовлетворенія не той надобности, какъ моя: потому онѣ могутъ существовать рядомъ, не мѣшая одна другой. «Всеобщая Исторія» Ранке, дающая монументальныя очертанія, говорящая языкомъ умственной аристократіи, краткими глубокомысленными указаніями, будетъ понятна и полезна только тѣмъ, кто приступаетъ къ чтенію ея съ необходимой научной подготовкою, съ запасомъ основательныхъ историческихъ знаній; а эту подготовку въ самомъ обширномъ размѣрѣ даетъ моя «Всеобщая Исторія». Я написалъ многіе отдѣлы моей книги въ моей окруженной кустами розъ бесѣдкѣ у

подошвы «Философской Дороги» *); но многіе другіе при лампѣ въ тихомъ кабинетѣ; и однако жъ никто не сказалъ, что книга моя «пахнетъ масломъ лампы». Общій планъ книги, порядокъ отдѣловъ ея, оглавленія частей каждаго отдѣла,—все, относящееся къ формѣ, я, прежде чѣмъ сѣсть и писать, внимательно обдумывалъ на моихъ далекихъ прогулкахъ по горамъ и доламъ.

Историкъ, сравнительно со мною молодой, недавно высказалъ въ одномъ изъ самыхъ уважаемыхъ журналовъ Германіи сходныя съ моими мысли о научномъ достоинствѣ всеобщей исторіи: «Если всеобщая исторія или исторія культуры правильно пойметъ свою задачу, то ей безъ сомнѣнія предстоитъ блестящая будущность», говоритъ онъ: «Она даетъ обществу массу знанія, извлеченную изъ громаднаго количества матеріаловъ; едва ли есть какая нибудь наука, которой хоть мимоходомъ не пользовалась бы она для своихъ соображеній. Она смотритъ съ высокой своей точки зрѣнія на движеніе народовъ и культуръ, и сужденія ея широки. Работать для нея—работа для царицы знаній. Ей предназначено выработать важнѣйшія данныя для новой философіи, которая возникнетъ изъ научныхъ переворотовъ нашего времени. Таково ея призваніе потому, что она стоитъ выше огромнаго большинства другихъ наукъ. Она съ своей точки зрѣнія можетъ обозрѣвать всю жизнь людей, поэтому можетъ видѣть и то, чего не суждено увидѣть никогда взгляду, обозрѣвающему лишь маленькую долю жизни; въ игрѣ волнъ исторіи она можетъ распознать не только законъ движенія, но и направленіе его; она видитъ море, къ которому катятся эти бушующія волны. Въ ходѣ исторіи человѣчества она слышитъ шаги Бога».

Я не могъ бы характеризовать точнѣе и лучше этого мое понятіе о всеобщей исторіи и задачу, которую я ставилъ себѣ въ моихъ работахъ для нея; и какъ ни далеко остался я отъ достиженія моей идеальной цѣли, но возвышаетъ душу ужъ и то, что узнанъ путь, ведущій къ этой цѣли и сдѣлано хотъ нѣсколько шаговъ по немъ. Изъ всѣхъ наукъ о человѣческой жизни, исторія имѣетъ наиболѣе практическое значеніе въ смыслѣ дидактики: она должна научать пониманію настоящаго и будущаго на основаніи прошедшаго. Но если историкъ не исполненъ любви къ своему предмету, не одушевленъ имъ, онъ останется холоденъ и не внушитъ убѣжденія другимъ. Справедливы и въ этомъ дѣлѣ слова поэта:

*) Philosophenweg — одна изъ самыхъ живописныхъ горныхъ мѣстностей близъ Гейдельберга.

Doch werdet ihr nie Herz zu Herzen schaffen,
Wenn es euch nicht von Herzen geht,—

«не привлечете вы къ себѣ сердецъ, если ваша рѣчь не идетъ отъ вашего сердца». Подобно поэту и художнику, историкъ произведетъ великое, лишь когда въ чистомъ, неподдѣльномъ видѣ выразитъ то, что является ему въ его душѣ. Во всемъ, что читалъ и писалъ я, былъ я соучастникъ моимъ чувствомъ. Я всегда переносился душою въ рассказываемое и описываемое.

То, что я въ предисловіи къ первому изданію говорилъ о моей точкѣ зрѣнія и о характерѣ моего историческаго труда, вполне примѣняется и къ настоящей переработкѣ моей книги. Свободный отъ всякой узкой вѣроисповѣдной или политической ортодоксальности, я старался разсматривать жизнь человѣчества съ высшей человѣческой или философской точки зрѣнія, и приступалъ къ изученію историческихъ явленій безъ предвзятыхъ мыслей, безъ тенденцій партіи. Правдивость, безпристрастіе и справедливость я считаю основными добродѣтелями историка. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ долженъ имѣть въ груди сердце, согрѣтое любовью къ свободѣ и родинѣ и ко всѣмъ высшимъ благамъ человѣчества, ко всѣмъ благороднымъ цѣлямъ жизни. Я всегда руководился этими принципами. Я всегда старался распределять свѣтъ и тѣнь справедливою рукою и свободнымъ умомъ и слѣдовать тому правилу, что исторія должна не умалчивать никакой правды, не говорить никакой неправды. На душу человѣка, пишущаго всеобщую исторію, во многихъ случаяхъ тяжело ложится скептической вопросъ римскаго правителя Іудей: «Что такое истина?» Но онъ долженъ съ напряженіемъ всѣхъ силъ, какъ добросовѣстный кормчій, направлять путь по бурнымъ волнамъ страстей, со взоромъ, неуклонно устремленнымъ на сіяющія звѣзды, на идеальныя блага человѣчества.

Кромѣ добросовѣстнаго стремленія къ правдивости и справедливости въ изложеніи и оцѣнкѣ историческихъ событій, я считаю особенно важными двѣ вещи: во первыхъ, удобное и ясное распределение матеріала, при чемъ надобно, соблюдая хронологическій порядокъ, принимать въ соображеніе и внутреннюю, прагматическую связь между историческими событіями; во вторыхъ, ясный, точный слогъ. Извѣстенъ афоризмъ: «слогъ, это человѣкъ». И безспорно по крайней мѣрѣ то, что въ манерѣ изложенія, формѣ рѣчи всегда проглядываютъ характеръ умственной дѣятельности писателя, формы его мыслей. Иногда, особенно въ исторіи раннихъ временъ, я упоминалъ,

что по многимъ вопросамъ ученые думаютъ неодинаково. Но если я не принималъ тотчасъ же за истину и не пускалъ въ обращеніе, какъ чистое золото, каждое новое открытіе нашего преизобилующаго критическими выводами времени, изъ того еще не слѣдуетъ заключать, что новое мнѣніе оставалось неизвѣстно мнѣ. У стариковъ вообще есть нѣкоторое консервативное почтеніе къ обычному, наслѣдованному отъ прошлаго, и хоть я вовсе не партизанъ правила, что вчерашнее должно быть и нынѣшнимъ и завтрашнимъ, но я считаю своею обязанностью быть осмотрительнымъ относительно рискованныхъ нововведеній. Историческое преданіе называютъ *fable conventionne*, «сказкою, которую условились принимать за правду»; но если понимать его и примѣнять къ дѣлу разсудительно, то оно имѣетъ свои права на вниманіе. Садъ жизни всеобщей исторіи сталъ бы очень запустѣлымъ и однообразнымъ, если бы садовническую службу исполняли исключительно критика и скептицизмъ.

Гейдельбергъ, весна 1882.

Георгъ Веберъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

	<i>Стр.</i>
Предисловіе къ русскому переводу.	VII
Предисловіе автора къ первому изданію.	IX
Предисловіе автора къ второму изданію.	XVI
Введеніе. I. Задача всеобщей исторіи.	1
II. Ходъ развитія челоѣчества. Формы государственнаго	—
устройства и образа жизни	13
I. Формы государственнаго устройства.	18
II. Торговля и промышленность.	28
Китайцы и Египтяне.	
I. Китайцы.	
1. Очеркъ китайской исторіи. Конфуцій	37
2. Религіозный бытъ.	46
а. Государственная религія.	—
б. Китайскія секты.	51
3. Государство и жизнь.	53
4. Наука. Литература. Искусство	63
5. Мѣсто Китая въ исторіи	69
—II. Египтяне.	
Обзоръ источниковъ и ученыхъ трудовъ.	72
1. Египетская страна и ея жители	75
2. Древнее Мемфисское царство и пирамиды	80
3. Объединенное царство при двѣнадцатой династіи.	88
Меридово озеро и лабиринтъ	94
4. Владычество Гиксовъ.	98
5. Новое Оливанское царство	
А. Развѣтіе искусства при 18-й династіи (прибли-	—
зительно 1660—1450 годы)	
В. Блестящее время египетской исторіи; 19-ая ди-	108
настія (приблизительно 1400—1250 годы)	
6. Египетскій бытъ.	127
1. Государство и жизнь.	—
2. Религія и богослуженіе.	144
А. Египетскій циклъ боговъ.	—
В. Народная вѣра. Поклоненіе животнымъ.	157
Жреческое вѣроученіе.	

	Стр.
С. Судъ надъ умершими и похороны	164
3. Гіероглифы. Наука. Искусство	170
7. Египетъ при послѣднихъ фараонахъ	183
Общіе выводы	201
Арійцы и Иранцы.	
I. Индійцы.	
Литературныя пособія	209
Введение. Ходъ историческаго развитія индійцевъ	210
1. Индійская страна и ея жители	217
2. Арійцы на Индѣ. Веды	224
3. Героическій вѣкъ и индійскій эпосъ	234
4. Арійцы на Гангѣ и индійская культура	255
1. Касты и браманство	—
2. Индійская религія	265
1. Развитие браманизма и индійскій аске- тизмъ	—
2. Теологія и философія брамановъ	277
3. Жизнь и ученія Будды. Развитие и рас- пространеніе буддизма	283
4. Дальнѣйшее развитіе браманизма уче- ніемъ о троицѣ и воплощеніяхъ. Религі- озная система Бхагавадъ-Гиты	304
3. Государство и законный порядокъ. Уставъ Ману	313
5. Индійская культура позднѣйшихъ вѣковъ	328
1. Греческія извѣстія	330
2. Наука и искусство. Колонизація и торговля	337
II. Иранцы, Мидіане и Персы.	
Литература предмета	361
1. Иранская страна и ея жители	—
2. Зороастръ и Авеста	372
1. Происхожденіе и судьба Авесты	—
2. Вѣроученіе Зороастра	380
3. Нравы и законы	392
4. Преданія иранцевъ	397
3. Мидійское царство и начало царствованія Кира	402
1. Страна и племена Мидіи и Персіи	—
2. Древняя исторія Мидіи	405
3. Астиагъ и Киръ	410
Семитическіе народы.	
A. Вавилоняне и Ассиріяне.	
Источники и научныя пособія	421
1. Бассейнъ Эвфрата и Тигра и первыя времена исторіи Вавилона	422
2. Культура и торговля Вавилона	432
3. Религія. Астрономія. Духовенство	437
4. Древняя исторія Ассиріи	444
5. Государство и жизнь, искусство и религія, по ныне- шнему извѣстіямъ	452

	Стр.
6. Эпоха величія и паденіе Ассиріи	465
7. Эпоха блеска и паденіе Вавилона	474
B. Ханаанскіе семиты.	
Литературныя пособія. Пятикнижіе съ точки зрѣнія но- вой критики	485
— I. Сирійская страна и ея жители	489
II. Финикіяне	499
1. Исторія	—
2. Государство и общественная жизнь	510
3. Колонія, промышленность, торговля	516
4. Религія Финикіянъ	535
III. Народъ израильскій.	
1. Авраамъ. Моисей. Время судей	553
A. Патріархи	—
1. Еврейскія преданія	—
2. Историческіе выводы	558
B. Израильтяне въ Египтѣ	563
1. Пришествіе въ Египетъ. Иосифъ	—
2. Исходъ изъ Египта. Моисей	570
C. Израильтяне въ пустынь	581
1. Путешествіе въ пустыню и синайское за- конодательство	—
2. Вступленіе въ Ханаанъ и смерть Моисея	591
D. Завоеваніе Ханаана подъ предводитель- ствомъ Иисуса Навина	596
E. Время судей	604
2. Саулъ. Давидъ. Соломонъ	621
A. Основаніе царства. Саулъ	—
1. Илій и Самуилъ (приблизительно, отъ 1120 до 1050 года)	—
2. Царь Саулъ (1080—1058, или 1055—1033)	626
3. Саулъ и Давидъ	630
4. Погибель Саула	634
5. Давидъ въ Хевронѣ	637
B. Цвѣтущее время царства при Давидѣ и Со- ломонѣ	640
1. Царь Давидъ (1058—1018, или 1033—993)	—
2. Премудрый Соломонъ (1018—978, или 993—953)	658
3. Царство израильское и царство іудейское	675
A. Исторія царствъ израильскаго и іудейскаго до союза Ахава съ Іосафатомъ (отъ 978 до 900 или отъ 953 до 850)	—
B. Времена Иліи и Елисея (отъ 900—870 или 850 до 820)	683
C. Погибель царства Десяти колѣнъ израиль- скихъ. Эпоха процвѣтанія пророчества	701
D. Послѣднія времена царства іудейскаго	715
1. Бѣдственное положеніе и спасеніе царства іудейскаго. Дѣятельность Исаи	—
Пророкъ Исаія	722

	Стр.
2. Угнетеніе вѣры при Манассіи и преобразо- ваніе, совершенное Іосіею (960—620) . . .	727
3. Погибель царства іудейскаго. Дѣятель- ность Іереміи (623—586).	736
Е. Плѣнъ и возвратъ	757
1. Время плѣненія вавилонскаго (586—538) .	—
2. Возвращеніе изъ плѣна и Новый Іеруса- лимъ (537—432).	768
Религія и богослуженіе, государство и жизнь на- рода израильскаго по закону Моисееву (по свя- щенническому кодексу и по Второзаконію). .	783
Г. Обзоръ еврейской литературы (собранія Книгъ Ветхаго Завѣта)	804
I. Историческія книги	806
II. Поэтическія книги.	812
1. Псалмы.	814
2. Книги Соломоновы	818
3. Книга Іова.	823
III. Книги пророческія.	825
Общій обзоръ и заключеніе.	831

срз

ВВЕДЕНІЕ.

1. Задача всеобщей исторіи.

Въ исторіографіи различаютъ обыкновенно два направленія: лѣто- Лѣтописная
писное, которое приводитъ событія по хронологическому порядку, исторія и праг-
безъ заботы о ихъ внутренней связи, не соединяя однородное, не матическая
выдѣляя разнородное, и прагматическое, излагающее истори- исторія.
ческія явленія, какъ результаты внутреннихъ силъ, изслѣдованіе и
изображеніе которыхъ дѣлаетъ оно главною задачею историка. Лѣто-
писное направленіе довольствуется перечисленіемъ фактовъ, и ставитъ
свое достоинство въ точности и правильности передачи ихъ; прагма-
тическое слѣдитъ внутренней нити исторіи, отыскивая въ душѣ дѣй-
ствующихъ лицъ, въ характерѣ, способностяхъ, стремленіяхъ ихъ
мотивы событій, и находя, что событія лишь произведенія движу-
щихъ силъ и человѣческой дѣятельности, оно полагаетъ, что разрѣ-
шить свою задачу тѣмъ полнѣе, чѣмъ полнѣе выставитъ на видъ
отношенія между причиною и слѣдствіемъ, мыслью и дѣломъ, намѣ-
реніемъ и исполненіемъ.

Кто пишетъ всеобщую исторію, тотъ долженъ соединять оба Всемирная или
направленія и подчинять ихъ болѣе высокому закону. Онъ долженъ всеобщая исто-
оставаться вѣренъ лѣтописному методу настолько, чтобы рассказывать рія.
о вѣишемъ возростаніи и жизни народовъ по порядку времени и
естественнаго развитія, но съ тѣмъ вмѣстѣ долженъ и удовлетворять
требованіямъ прагматизма, держась въ изложеніи фактовъ внутренней
связи ихъ, цѣня по достоинству важность силы человѣческой воли,
излагая необходимую связь между причиною и дѣйствіемъ. Но при
этомъ онъ долженъ постоянно имѣть въ виду всю цѣлость жизни че-
ловѣчества, постоянно видѣть въ разнообразіи явленій единство закона,
постоянно познавать въ дѣйствіяхъ людей направляющую руку Про-
видѣнія, въ запутанномъ ходѣ событій, въ кажущихся произволѣ
и случайности—высшій міровой порядокъ. Лѣтописный методъ легко
ведетъ къ принятію мысли о совершенной, неизбѣжной необходи-
мости, налагаемой слѣпымъ дѣйствіемъ законовъ природы или пред-

опредѣленіемъ вѣчнаго духа; а прагматикъ въ своей заботѣ объ изслѣдованіи лабиринтовъ человѣческаго сердца, человѣческой головы и объясненіи всѣхъ событій человѣческими влеченіями и намѣреніями, легко теряетъ изъ виду вліяніе божественнаго міроуправленія, приписывая всѣ перипетіи земной жизни исключительно желаніямъ и дѣйствіямъ людей. Въ противоположность тому и другому, всеобщая исторія имѣетъ своею задачею показывать, что въ сбивчивомъ ходѣ жизни народовъ и долговѣчныхъ или мимолетныхъ созданійхъ человѣческаго духа проявляется разуму или чувству всемогущество, которое, не уничтожая свободы человѣческихъ желаній и дѣйствій, даетъ всѣмъ земнымъ стремленіямъ и дѣламъ направленіе, приближающее совокупность человечества къ цѣли жизни его вообще. Тотъ, кто пишетъ всеобщую исторію, долженъ пробуждать своимъ рассказомъ твердую вѣру, что въ ходѣ исторіи человечества и въ духовно-культурной жизни народовъ проявляется такое же дѣйствіе законовъ, тотъ же міровой порядокъ, какъ и въ царствахъ природы, какъ въ космическомъ строѣ небеснаго пространства.—Но эта вѣра должна быть порождена не какими нибудь хлопотами историка раскрывать или разгадывать въ отдѣльныхъ событіяхъ преднамѣренія и пути божіи посредствомъ телеологическихъ мудрованій; нѣтъ, онъ долженъ изображать историческую жизнь такъ спокойно и объективно, чтобы присутствіе божества чувствовалось безъ помощи назиданія, какъ чувствуется оно при видѣ величія земной природы, при видѣ звѣзднаго неба въ ясную лѣтнюю ночь.

Задача и цѣль всеобщей исторіи. Всеобщая исторія не то, что философы называютъ исторіею философа; историкъ долженъ стараться понять отдѣльнаго человѣка въ его обусловленности временемъ и мѣстомъ, или данный народъ въ его конкретномъ видѣ. Но онъ долженъ показывать отношенія отдѣльнаго лица и народнаго общества къ человечеству; оцѣнивая и изображая индивидуальное и частное, онъ долженъ постоянно имѣть въ виду всеобщее; онъ долженъ никогда не забывать изъ-за разнообразія о единствѣ.

Но совокупность всего хода исторіи цѣлаго человечества не должна быть предметомъ непосредственнаго изслѣдованія историка, и ходъ внутренней и внѣшней жизни отдѣльнаго человѣка не долженъ быть для него средствомъ разгадыванія путей, которыми предопредѣлилъ Творецъ вести созданныя имъ по его подобію существа къ цѣли ихъ предназначенія. Историкъ не долженъ ни возноситься на идеальную высоту абстракціи, ни спускаться въ лабиринтъ индивидуальных намѣреній и дѣйствій. Въ томъ и другомъ случаѣ онъ сбился бы съ дороги. Отдѣльный человѣкъ пріобрѣтаетъ свое историческое положеніе только въ связи съ другими людьми, призванными и стремящимися къ той же цѣли жизни. Только борьбою содѣйствующихъ и про-

тиводѣйствующихъ одна другимъ силъ человѣческая жизнь получаетъ движеніе, развитіе, совершенствованіе, ходъ и результаты которыхъ изслѣдуетъ и изображаетъ исторія. Иначе сказать, индивидуальный человѣкъ пріобрѣтаетъ свое историческое значеніе лишь какъ членъ общества, которое по языку и происхожденію образуетъ народъ, націю, по законамъ и формамъ жизни государство, по своимъ отношеніямъ къ божеству религіозную общину. Личность человѣка не поглощается обществомъ, его индивидуальная жизнь получаетъ въ обществѣ полное развитіе; жизнь государства или народа образуется лишь взаимодействіемъ силъ, доставляемыхъ отдѣльными людьми обществу, и размѣромъ силъ человѣка опредѣляется его историческое положеніе и значеніе; иногда всѣ проявленія жизни народа или племени даже сосредоточиваются въ одной выдающейся личности, такъ что въ ея дѣятельности и характерѣ выражается характеръ и дѣятельность всего общества, и исторія народа принимаетъ форму біографіи этого человѣка. Такия личности, какъ озаренныя солнцемъ вершины, высящіяся надъ необозримымъ разнообразіемъ подобныхъ, но не вполне подобныхъ явленій, имѣютъ для исторіи значеніе героевъ разсказа; она охватываетъ ихъ фигуры своею безконечною нитью, приостанавливая въ отдыхъ на нихъ свой трудный, исполненный борьбы съ препятствіями путь. Итакъ, личность сохраняетъ значеніе во всеобщей исторіи; но стремленія и дѣла личности становятся въ ней достояніемъ цѣлой націи, личное значеніе отдѣльнаго человѣка передается исторіею обществу, а онъ становится въ ней соучастникомъ всей славы и всѣхъ идеальныхъ благъ націи, умноженію которыхъ онъ содѣйствовалъ по мѣрѣ своихъ силъ. Всеобщая исторія записываетъ въ свой инвентаръ каждое важное пріобрѣтеніе отдѣльнаго лица, но взглядъ ея обращенъ на великое и всеобщее, и она, оцѣнивая и выбирая, объединяетъ личное и частное подведеніемъ его подъ общее понятіе, собираетъ частныя имущества въ собственность общества, которое въ свою очередь имѣетъ для нея значеніе лишь какъ часть человечества. Всеобщая исторія вѣрная хранительница всѣхъ идеальныхъ благъ, созданныхъ когда бы то ни было, гдѣ бы то ни было, какимъ бы то ни было народомъ; она берегаетъ за каждымъ народомъ, въ каждомъ народѣ за каждымъ человѣкомъ его собственность и награждаетъ его труды уваженіемъ и хвалой или наказываетъ его за дурное употребленіе силъ порицаніемъ и презрѣніемъ; но пріобрѣтенія всѣхъ народовъ дѣлаетъ она собственностью всего человечества и заботится о томъ, чтобы не утратилось никакое истинное благо, не исчезла съ земли никакая произошедшая отъ неба идея.

Итакъ, мы нашли, что предметъ всеобщей исторіи—члены человечества, обозначаемые понятіями государство и народъ; намъ остается изслѣдовать, какъ должна всеобщая исторія понимать и изо-

бражать эти движущіяся въ строѣ государственнаго быта народныя общества, какія проявленія жизни, какія умственныя дѣятельности должны быть съ наибольшимъ вниманіемъ разсматриваемы ею.

Мы видѣли, что народъ или нація имѣетъ для всеобщей исторіи двоякое значеніе: это совокупность множества людей; и это—часть человѣчества; потому всеобщая исторія должна разсматривать народъ не съ одной, а съ разныхъ сторонъ: во первыхъ, со стороны его національной особенности; во вторыхъ, по отношеніямъ его къ другимъ народамъ, и наконецъ, по его общему значенію въ человѣчествѣ.—Итакъ, историкъ долженъ прежде всего смотрѣть на народъ какъ на самостоятельную часть вселенной, изучать ходъ внѣшней и внутренней его жизни, его возростаніе на почвѣ его страны, изслѣдовать всѣ условія жизни, содѣйствовавшія его развитію и выработкѣ его своеобразности, и оцѣнить значеніе каждаго изъ нихъ. Въ особенности долженъ онъ разсмотрѣть природу и мѣстныя условія страны народа, чтобъ изслѣдовать, какое вліяніе на развитіе и преобладающее направленіе его, на его склонности и нравы могли имѣть климатъ и составъ почвы, рѣки и горы или море. Человѣкъ во всей своей жизни сросся съ окружающею его природою, и даже духовное достояніе народа, если не принесено ему извнѣ, коренится отчасти въ характерѣ страны, доставшейся въ жилище ему, хотя могли имѣть участіе тутъ и другіе факторы культурной жизни, какъ раса и врожденныя склонности, степень способности къ развитію и природное направленіе ума. Особенно велика зависимость всѣхъ дѣлъ жизни отъ внѣшней природы у народа въ періодъ юношеской его первобытности, или если по замкнутому положенію его страны иноземныя вліянія мало касаются его. Многія изъ загадочныхъ явленій народной жизни получаютъ правильное объясненіе лишь посредствомъ глубокаго изученія физическихъ качествъ страны народа. Итакъ, если историкъ хочетъ основательно понять коренныя качества народа, преобладающія въ народѣ направленія и склонности, обычаи, формы жизни, мотивы дѣйствій, страсти,—словомъ, всѣ врожденныя свойства народа и всѣ реальныя проявленія ихъ, историкъ долженъ идти объ-руку съ географомъ, долженъ разсмотрѣть всю обстановку жизни человѣка, разъяснить себѣ отношенія природы націи къ природѣ страны.

Народъ со стороны его национальной особенности. Но ни одному народу не данъ былъ жребій совершить свой жизненный путь въ замкнутой разобщенности; народу надобно прійти въ соприкосновеніе съ другими народами, чтобы въ борьбѣ силъ развились его склонности и способности. Эти соприкосновенія бываютъ враждебны, и когда такъ, то изъ нихъ возникаютъ войны и завоеванія; бываютъ и мирны, и тогда ведутъ къ договорамъ и торговымъ связямъ. И въ томъ и въ другомъ случаѣ, общеніемъ и смѣшеніемъ национальныхъ особенностей и передачею ум-

ственныхъ приобрѣтеній, взаимодействіемъ разныхъ народностей, развивается, возвышается и обогащается культура.

Войны и военные подвиги занимаютъ много мѣста въ всеобщей исторіи, особенно въ исторіи энергической юности народовъ. Они не единственное и даже не главное содержаніе исторіи; они — лишь одинъ изъ нѣсколькихъ важныхъ видовъ проявленія жизни народа, но одинъ изъ важныхъ; потому и они, какъ дѣла мира, какъ дѣятельности ума и воображенія, сохраняютъ право на внимательную оцѣнку ихъ значенія. Битвы—дѣла мужества народовъ; на войнѣ народная энергія проявляется во всемъ могуществѣ своей силы; въ боевыхъ встрѣчахъ выказывается полное развитіе жизненной дѣятельности; война—«двигательница человѣческой судьбы»; она предохраняетъ отъ впаденія въ изнѣженность, въ неподвижность,—даетъ храброму и твердому достойную цѣль подвиговъ. Въ дѣйствительной жизни человѣкъ, который энергически борется съ судьбою и суровыми бѣдами, является великимъ и благороднымъ, хотя бы и погибъ; и поэзія часто беретъ его героемъ своихъ идеальныхъ созданий. Подобно тому и народъ, который энергически борется, побѣждаетъ ли онъ или со славою погибаетъ, всегда будетъ пользоваться уваженіемъ историка. Война порождаетъ великія дѣла геройства, возбуждаетъ мужественное чувство, энергію характера; оттого она ужъ и сама по себѣ важный элементъ въ исторіи народовъ, и страницы о ней—достопаыныя страницы лѣтописей человѣчества. Но она имѣетъ для историка и другое, косвенное значеніе, какъ породительница великихъ связей между народами. Она переселяетъ и смѣшиваетъ націи, увеличиваетъ умственное богатство новыми произведеніями; и если она разрушаетъ старые порядки, обращаетъ культурные города въ груды развалинъ, то на напоенной кровью землѣ вырастаетъ новая жизнь, слѣдующее поколѣніе получаетъ умственное наслѣдіе погибшихъ и обогащаетъ его новыми созданіями. Правда, безъ желѣзной руки войны многіе зародыши цвѣтовъ развились бы раньше и полнѣе, но стволъ дерева скоро сталъ бы портиться гнилью, и плоды были бы менѣе обильны. Вѣчный миръ не только останется мечтою, пока будутъ существовать несовершенства въ человѣческой природѣ, но онъ былъ бы зломъ, препятствіемъ историческому воспитанію человѣческаго рода. Справедливо говоритъ знаменитый стратегикъ: «Сама человѣческая жизнь, жизнь всей природы—вѣчная борьба настоящаго изъ-за будущаго; единство народовъ не можетъ скрѣпляться иначе, какъ борьбою». Стремленія международнаго права могутъ имѣть свою цѣлью лишь то, чтобы всеми народами, даже и во время страстнаго возбужденія, были соблюдаемы законы гуманности и филантропіи, и чтобы рѣшеніе споровъ оружіемъ ограничивалось только случаями роковой необходимости.

Но отдавая справедливость войнѣ, мы не хотимъ чрезъ то умень-

а) Война.

б) Торговля и сношенія.

шать значеніе мирныхъ искусствъ, важность благотворныхъ дѣйствій спокойныхъ сношеній и торговой дѣятельности. Напротивъ того, всеобщая исторія съ наибольшою любовью рассматриваетъ то, что сдѣлано торговлею, создано искусствомъ промышленности, энергіею труда. Колоніи, основанныя руками торговцевъ на отдаленныхъ берегахъ, шире, чѣмъ походы завоевателей, распространили культуру; онѣ посѣяли сѣмена, безъ крови и слезъ давшія благородные плоды. На слѣдующихъ страницахъ этого введенія мы ближе ознакомимся съ развитіемъ, свойствами и дѣйствіями торговой и промышленной жизни. Пусть побужденія, по которымъ торговые и мореходные народы пускались въ опасныя предпріятія, въ трудныя путешествія къ далекимъ дикарямъ были такъ же не свободны отъ корыстолюбія, какъ походы завоевателей; но ихъ результаты были отраднѣе и прочнѣе. Мыслящій изслѣдователь именно въ томъ и видитъ дѣйствіе высшей силы, что своекорыстныя стремленія людей направляются ею къ служенію высокимъ ея цѣлямъ, что по дѣйствію ея и неблагородное становится благотворнымъ. Эгоистическое стремленіе къ богатству и властолюбіе, честолюбіе—самые могущественные изъ всѣхъ мотивовъ человѣческой дѣятельности; но изъ этой нечистой почвы вырастаютъ и благородныя деревья, и прекрасныя цвѣты, а не однѣ только сорныя травы. Потому историкъ съ особеннымъ интересомъ слѣдитъ за путешествіями людей образованныхъ странъ въ землю варваровъ, за пересадкою нравственныхъ и умственныхъ пріобрѣтеній передовыхъ культурныхъ націй къ грубымъ нецивилизованнымъ народамъ, за созданіями торговой дѣятельности и результатами торговыхъ сношеній, которыми пользуется и любознательность, за возникновеніемъ и возростаніемъ промышленности, возбуждающей духъ изобрѣтательности. Эти мирныя соприкосновенія и смѣшенія народовъ, различныхъ по своимъ склонностямъ, дарованіямъ и по степени образованности, увеличиваютъ умственное богатство и дѣлаютъ его общимъ ихъ достояніемъ, возвышаютъ и расширяютъ культуру, придаютъ ей новую энергію перенесеніемъ ея на молодыхъ свѣжія племена, пересаживаютъ сѣмена умственной жизни на новую почву подъ другимъ климатомъ, гдѣ они подъ новыми вліяніями измѣняются, часто облагораживаются, иногда и вырождаются, но во всякомъ случаѣ помогаютъ ходу развитія умственной жизни, расширенію владычества человѣка надъ природою. Такимъ образомъ, торговля, хотя и основана на матеріальномъ расчетѣ, всегда была могучимъ рычагомъ цивилизаціи, которая и вообще соединяетъ благородные и неблагородные элементы, добродѣтель и порокъ, чувственное сластолюбіе и идеальную любовь къ прекрасному въ многосоставное цѣлое. Именно на этомъ разнообразіи направленій и фактовъ и строить культурная жизнь свое царство, предназначенное къ осу-

ществленію нравственного начала горячимъ состязаніемъ противоборствующихъ однѣ другимъ силъ.

Прослѣдивъ тихое возростаніе народа въ его разобщенности, изучивъ его отношенія къ его странѣ и окружающей природѣ, историкъ сопровождаетъ его въ его походахъ и странствованіяхъ, изучаетъ его дѣйствованіе въ непріязненныхъ и мирныхъ сношеніяхъ съ новою вибшею обстановкою и съ другими народами. По исполненіи этихъ двухъ задачъ, ему предстоитъ разрѣшеніе третьей, самой важной: онъ долженъ изслѣдовать, какъ воспользовался на благо себѣ народъ ввѣреннымъ ему отъ Бога достояніемъ; насколько приблизился онъ созданіями своего духа къ цѣли земной жизни, насколько подготовилъ владычество божественнаго свѣта надъ мракомъ матеріи. Для этого историкъ долженъ изслѣдовать три фактора культурной жизни: государственное устройство, религію, произведенія искусства и литературы.

Государство—жилище народа, законы—охранительныя стѣны этого жилища. Народъ не можетъ обходиться безъ государственнаго устройства и определенныхъ законныхъ постановленій, какъ человѣкъ безъ домашней осѣдлости, безъ крова; и какъ дикарь въ лѣсахъ и пустыняхъ роетъ хоть пещеру для защиты себѣ отъ вѣтра и непогоды, отъ враждебныхъ звѣрей и людей, такъ всякое племя, всякій народъ, соединившійся въ какое нибудь общество, какое нибудь гражданское сожительство, долженъ имѣть какой нибудь государственный порядокъ съ какими нибудь законными правилами. По качествамъ государственныхъ формъ народа вообще можно судить о степени его культурнаго развитія; потому историкъ долженъ съ особенною внимательностію слѣдить за постепеннымъ развитіемъ государственныхъ учреждений. Первые формы ихъ нельзя съ точностію опредѣлить ни у одного народа; каждый, при своемъ появленіи въ исторіи, ужъ движется въ какомъ нибудь твердомъ порядкѣ; безъ всякаго порядка, онъ не могъ бы и существовать. Но всѣ государственныя формы имѣютъ свой естественный ходъ развитія, производимый дѣйствіемъ ихъ внутреннихъ законовъ; потому возможно, основываясь на аналогіи фактовъ у другихъ народовъ, подобныхъ изучаемому, или на фактахъ его извѣстнаго намъ быта, дѣлать выводы относительно болѣе раннихъ его состояній. Историкъ тутъ вступаетъ въ область философа, пополняя пробѣлы и перерывы историческаго преданія соображеніями; но онъ не долженъ давать слишкомъ много воли фантазіи, не долженъ слѣдовать какой нибудь произвольной, хотя бѣ и талантливо придуманной системѣ, не долженъ строить объективныя явленія изъ субъективныхъ мыслей; онъ долженъ искусною рукою съ вѣрнымъ тактомъ соединять разорванныя нити и связывать ихъ однороднымъ съ ними матеріаломъ. Вѣрный своей задачѣ историкъ будетъ видѣть въ каждой государственной формѣ соответствующій народному духу порядокъ, существенные элементы котораго установлены Богомъ.

Культурная
жизнь.

а) Государство.

Каждая нація идетъ своимъ особымъ путемъ и налагаетъ печать своей природы на все, заимствуемое отъ другихъ; поэтому о каждомъ государственномъ порядкѣ должно судить по соображенію съ кореннымъ характеромъ народа, а не по идеальной мѣркѣ, не по какой нибудь философской доктринѣ. Историкъ признаетъ каждую форму государственнаго устройства произведеніемъ жизни, сообразнымъ съ условіями той жизни, признаетъ ее сосудомъ, въ который народъ вложилъ сокровище своей духовной жизни; но онъ долженъ строго порицать дурное, отклонявшее жизнь отъ правильного хода, осуждать тираннію, иссушившую своимъ ядовитымъ дыханіемъ дерево государственнаго устройства, корить грубое насилие и мрачный деспотизмъ, подавлявшіе своими желѣзными руками священный порядокъ, показывать, какія бѣдствія были нанесены государственной жизни, задерживавшими или искажавшими естественное ея развитіе страстями, злыми влеченіями и нечестіемъ сердца. Не основной характеръ государственнаго устройства, не принципы государственныхъ формъ бываютъ виноваты, когда народная жизнь ломается и цвѣтъ умственной жизни отпадаетъ, не давъ плода: виноваты бываютъ злоупотребленія и искаженія, портящія стволъ и корни дерева, вредящіе естественному росту. Разнообразіе государственныхъ формъ, сущность и характеръ которыхъ мы рассмотримъ въ особомъ отдѣлѣ этого «Введенія», точно такъ же необходимо для развитія человѣка и успѣховъ народной жизни, какъ разнообразіе растительнаго міра для матеріальной жизни людей. Но надъ всѣми государственными формами долженъ сіять животворный небесный свѣтъ; и лишь когда онъ безпрепятственно влекутся къ нему, достигаютъ онъ цѣли своего назначенія. Этимъ принципомъ руководится историкъ въ своихъ сужденіяхъ. Каждое государственное устройство, въ исторіи котораго проявляется естественное развитіе его основныхъ началъ, ведущее отъ простаго къ многосложному, отъ менѣе совершеннаго къ болѣе совершенному, въ которомъ при возростаніи культуры улучшаются на основаніи первоначальнаго порядка законы и политическія формы, которое порождаетъ и питаетъ нравственныя силы народа, историкъ признаетъ хорошимъ, каковы бы ни были формы этого устройства. Но когда право замѣняется произволомъ и насилиемъ, когда стѣсняется и сковывается духъ, стремящійся по пути закона впередъ, когда вмѣсто необходимаго для народной жизни дѣятельнаго движенія въ границахъ закона водворяется неподвижность, умственная вялость, разслабляющая тишина, и опускаются крылья полета мысли къ свѣту, историкъ находитъ государственное устройство дурнымъ: божественный порядокъ тутъ искаженъ нечестивыми учрежденіями, истина закрыта ложью, здоровое зерно облечено ядовитою корою.

б) Религія. Государство, основанное на законѣ и правѣ, имѣетъ непосредственною своею цѣлью охранять житейское благосостояніе собравшихся въ

общество людей отъ несправедливостей и отъ насилія, главною задачею себѣ оно ставитъ возведеніе общественнаго устройства на основаніи хорошихъ обычаевъ и гражданскихъ добродѣтелей, преданности общей пользѣ и патріотизма. Второй факторъ культурной жизни народовъ, религія, имѣетъ цѣлью вести человѣка и человечество къ его предназначенію, давая ему внутреннее благородство, развивая божественный элементъ въ немъ. Государство и законъ устанавливаютъ и охраняютъ правила внѣшней жизни, сообщая имъ принудительную силу наградами и наказаніями; религія стремится возвысить силу, породить благородныя чувства, очистить сердце пробужденіемъ богобоязненности и любви къ богу, указывая человѣку на загробную, высшую жизнь. Религія—основаніе государственнаго порядка, потому что она воздѣлываетъ почву, на которой вырастаютъ хорошіе поступки, преодолеваетъ своею священою силою дурныя мысли и злыя склонности, изъ которыхъ происходятъ преступленія противъ государства и общества, обѣщаетъ небесную награду за нравственную, сообразную съ законами жизнь. Разсматриваемая съ этой стороны, религія неразлучная спутница государства, которое не можетъ безъ нея содѣйствія достигать своей цѣли: всѣ гражданскія добродѣтели, всякая преданность общему благу, всѣ необходимыя для общественной жизни правила, создающія государственный бытъ, имѣютъ свои корни въ религіи, въ ея священныхъ ученіяхъ и предписаніяхъ. Ошибочно думать, будто государство можетъ существовать безъ религіи: нравственная основа его имѣетъ религіозный характеръ; всякій порядокъ въ человѣческомъ обществѣ падаетъ, если не освящается религіею; если же когда и вводится государственное устройство, независимое отъ религіозныхъ связей, то и въ немъ люди имѣютъ религіозныя убѣжденія и чувства.

Но религія не только опора государства; у нея есть своя собственная болѣе высокая цѣль, своя особая жизнь, своя особая исторія. Религія имѣетъ своимъ корнемъ смутное сознаніе или чувство человѣка, что жизнь его обуславливается силою жизни, владычествующею во вселенной, и желаніе человѣка поддержать свою жизнь непрерывною связью съ этою всеобщею силою. Это смутное чувство находитъ самое естественное выраженіе себѣ въ представленіи о духовномъ существѣ, творцѣ, подателѣ жизни и о созданной имъ человѣческой душѣ, жизненномъ элементѣ человѣка. Такимъ образомъ, религія имѣетъ своимъ назначеніемъ сохраненіе неразрывной связи созданія съ творцомъ, души человѣка съ создателемъ ея, чтобы божественное дыханіе, живущее въ душѣ, поддерживалось и укрѣплялось постоянными сношеніями съ духовнымъ существомъ, отъ котораго произошло. И такъ, источникъ религіи—врожденное человѣческой душѣ желаніе продлить свою жизнь; религія—влеченіе божественнаго элемента человѣка къ небесной его родинѣ, области блаженства и жизни вѣчной,

стремленіе сердца къ источнику личной жизни. Къ этому влеченію присоединяется въ человѣкѣ чувство зависимости отъ переменъ въ природѣ, безсилія противъ нихъ; оно успокаиваетъ себя вѣрованіемъ во всемогущій Промыслъ, правящій по вѣчнымъ законамъ человѣческими судьбами и всею природою. Но человѣкъ видитъ, что въ земныхъ дѣлахъ часто беретъ перевѣсъ дурное, разрушающее бѣдствіями святой покой души; это возбуждаетъ въ немъ страхъ предъ враждебными ему силами. Находится ли человѣкъ на низшей ступени дикарства, или достигъ самой высокой образованности, все равно, онъ не можетъ быть свободенъ отъ желанія себѣ счастья, отъ чувства своей слабости, отъ боязни; разница лишь въ томъ, которое изъ этихъ чувствъ преобладаетъ. Когда онъ счастливъ, они могутъ дремать въ его сердцахъ; но тѣмъ сильнѣе волнуютъ они его въ часы житейскихъ бурь. Они побуждаютъ его молиться, исполнять религіозные обряды. Онъ проситъ объ исполненіи своихъ желаній, благодаритъ за исполненіе ихъ; приносить жертвы, чтобы получить милость, отвратить гнѣвъ; совершаетъ религіозныя празднества, чтобы показать свое благочестіе. Всѣ религіи, каковы бы ни были различія ихъ формъ, имѣютъ общимъ своимъ источникомъ эти чувства. Человѣческая жизнь не можетъ безъ религіи достигать своего предназначенія, гармоніи между человѣкомъ и высшею жизненною силою; это свидѣлствуетъ о томъ, что человѣческая душа имѣетъ глубокое влеченіе къ божественному существу и вѣчному блаженству. Религія—исканіе источника всякаго добра, свѣта и всякой справедливости; это исканіе, эта душевная жажда—святое зерно всѣхъ религіозныхъ учрежденій, каковы бы не были степени совершенства ихъ; и задача всеобщей исторіи—находить это зерно подъ разнообразными его оболочками; оно—звѣзда, показывающая божественное происхожденіе человѣческой души, сокровище, въ обладаніи которымъ участвуетъ все человѣчество, наслѣдіе всѣхъ поколѣній.

Но въ простой своей формѣ религіозная идея можетъ проявляться только у отдѣльнаго человѣка; въ жизни племенъ и народовъ она является облеченною въ символы, обряды; они чрезвычайно разнообразны, и иногда получаютъ такое преобладающее значеніе, что затемняютъ основное религіозное понятіе. Масса человѣчества не можетъ обходиться безъ формъ, дѣйствующихъ на внѣшнія чувства. Страсти болѣе или менѣе заглушаютъ внутренній божественный голосъ, и религіозное чувство ослабѣло бы, если бы умные и просвѣщенные учителя не ввели обычая совершать обрядовъ, не поддерживали бы сознанія грѣховности, не обновляли связь человѣка съ творцомъ жертвоприношеніями и молитвами, религіозными праздниками и символическими церемоніями. Они установили, что всѣ дѣла и событія жизни должны быть освящаемы молитвою. Но и тутъ мы встрѣчаемъ такія же злоупотребленія, такую же порчу, какъ въ государствен-

номъ устройствѣ. И тутъ основные принципы часто были искажаемы властолюбіемъ, другими страстями, насиліемъ; религіозное чувство служило средствомъ для сковыванія человѣческаго ума, для извращенія естественныхъ склонностей души; властолюбіе и хитрость жрецовъ поддерживали грубость нравовъ, истина, лежащая въ основаніи всѣхъ религіозныхъ формъ, была обезображиваема пустыми, даже безнравственными обрядами и ложными вымыслами; были вводимы жестокія жертвоприношенія, были придумываемы суевѣрные гаданія для того, чтобы управлять человѣческими поступками, были создаваемы корпораціи посредниковъ между людьми и божественными силами.

На историкѣ лежитъ трудная забота распознавать, что и подъ дурною внѣшнею оболочкою таится божественная искра, находить въ жреческихъ учрежденіяхъ пути утоленія души, стремящейся къ божеству. И если эти пути были ошибочны, онъ все-таки будетъ признавать ихъ достойными уваженія: благородное стремленіе остается почтеннымъ и въ своихъ ошибкахъ. Историкъ будетъ видѣть и въ языческихъ религіяхъ зерно внутренней истины, будетъ и въ нихъ находить много великихъ мыслей, развивающихъ человѣка.

Третій факторъ культурной жизни, искусство и литература, вырастаетъ на той же почвѣ, какъ и религія. Всѣ искусства первоначально употребляются на служеніе религіи. Архитектура строитъ храмы божеству, пластика и живопись изображаютъ божественную идею въ человѣческомъ видѣ, присоединяютъ къ этому изображенію символы, которыми облекается сверхчувственное значеніе идеи. Чѣмъ живѣе чувство прекраснаго и чѣмъ больше развито оно, тѣмъ идеальнѣе и благороднѣе религіозное искусство. Вся поэзія имѣетъ первоначально также религіозный характеръ; въ соединеніи съ пѣніемъ и музыкою, она даетъ тайному влеченію души выраженіе, помогающее чувству благочестиво возноситься выше земныхъ мыслей; она прославляетъ божество, восхваляетъ дѣянія боговъ, ихъ участіе въ судьбахъ людей. А когда съ развитіемъ культуры и расширеніемъ круга понятій поэзія покидаетъ священную область и находитъ матеріалы себѣ въ свободной груди человѣка и въ разнообразіи земной жизни, то цѣль у нея все-таки остается та же, какъ у религіи. Она тоже создаетъ ткань святой связи между землею и небомъ, прославляя благородное и великое, возбуждая къ нему. Она тоже нравственная сила, имѣющая своимъ назначеніемъ вести высокое и доброе къ побѣдѣ надъ низкимъ и пошлымъ. Потому истинное искусство всегда будетъ сіять священнымъ свѣтомъ, которому обязано своимъ происхожденіемъ, всегда будетъ свидѣлствовать о существованіи правящей божественной силы, отъ которой исходятъ, какъ лучи, нравственность и добродѣтель, исходятъ всѣ высокія влеченія и чувства, всякое истинное благородство души;

с) Искусство и литература.

поэзія—одинъ изъ цвѣтовъ спектра, образуемаго преломленіемъ духовнаго свѣта.

Искусство, и въ особенности поэзія, имѣетъ освящающую силу, основываясь и по цѣли и по содержанію на религіозномъ чувствѣ; вліяніе этой силы возрастаетъ, когда съ нравственнымъ содержаніемъ соединяется благородная форма, и такимъ образомъ идея прекраснаго и идея добраго являются слившимися въ художественномъ произведеніи. Красота и гармонія, душа всякаго искусства, тоже лучи божественнаго источника всякаго свѣта, всякаго добра; потому наслажденіе, доставляемое ими, тоже сила облагораживающая, ведущая къ нравственности и святымъ чувствамъ. Платонъ называетъ красоту и производимую ею дѣйствіемъ гармонію души успѣшнѣйшею двигательницею человѣка къ достиженію цѣли земной жизни; мы можемъ видѣть въ ней по крайней мѣрѣ одну изъ силъ, ведущихъ человѣка къ исполненію его предназначенія. Красота и гармонія находятъ себѣ чистѣйшее выраженіе въ истинномъ искусствѣ, истинной наукѣ, въ благородномъ сокровищѣ литературы. Эти идеальныя достоянія народа—зеркало его духа; и если они, подобно государственнымъ учрежденіямъ и религіозному быту, не избавлены отъ злоупотребленій и порчи, то и они точно также имѣютъ въ себѣ цѣлительную силу и одолѣваютъ зло его же собственнымъ оружіемъ.

Заключеніе.

Итакъ, задача всеобщей исторіи состоитъ въ томъ, чтобы разъяснить путь, которымъ человѣчество съ древнѣйшихъ временъ до нашего времени шло къ цѣли своего существованія, и давать видѣть или ощущать направляющую человѣчество руку Промысла, дѣйствованіе вѣчнаго всемогущества. Но человѣчество съ точки зрѣнія всеобщей исторіи не абстрактное понятіе о цѣломъ, а конкретныя проявленія этого цѣлаго, народы и государства. Не теряя изъ виду идеальнаго и всеобъемлющаго, всеобщая исторія должна заниматься дѣйствительною жизнью людей, изучать народы и руководителей народовъ, изслѣдуя ихъ стремленія и дѣла, ихъ мысли и чувства, ихъ матеріальную жизнь, умственную и религіозную дѣятельность; должна слѣдить за возростаніемъ каждаго народа, изучать его жизнь во всѣхъ ея направленіяхъ, опредѣлять своимъ верховнымъ судомъ, какое мѣсто въ человѣчествѣ принадлежитъ ему. Но чтобъ исполнять свою обязанность судьи справедливо и безпристрастно, она постоянно должна помнить вѣчные законы нравственности, права и добродѣтели, не ослѣпляясь внѣшностью. У нея нѣтъ лицепріятія; предъ ея трибуналомъ могущественный властелинъ, не признававшій никакого судьи надъ собою, не отдававшій никому отчета въ своихъ дѣлахъ, стоитъ на одной доскѣ съ угнетеннымъ бѣднякомъ; она взвѣшиваетъ поступки и стремленія ихъ обоихъ на вѣрныхъ вѣсахъ, и кто окажется слишкомъ легкимъ, тому произноситъ она приговоръ осужденія.

II. Ходъ развитія человѣчества. Формы государственнаго устройства и образъ жизни.

1.

Аристотель говоритъ, что понятіе о государствѣ должно предшествовать понятію о человѣкѣ; смыслъ этихъ словъ его тотъ, что человѣкъ по своей природѣ предназначенъ для общественной жизни, такъ что внѣ государственной связи не можетъ развиваться до самостоятельнаго существованія, и можетъ существовать лишь какъ членъ организованнаго общества. Итакъ, государство — первобытный порядокъ, необходимая первоначальная форма жизни, и не было формы, болѣе ранней; не было такого періода, когда люди жили бы въ такъ называемомъ «природномъ состояніи слѣпыхъ влеченій», были бы «существами не имѣющими разума». Даже циклопы, жившіе въ пещерахъ, «не имѣющіе законовъ нечестивцы», о которыхъ Гомеръ говоритъ, что «нѣтъ у нихъ собраній народа, каждый по произволу править своими женами и дѣтьми, и не обращаютъ они вниманія другъ на друга»,—все таки имѣли хоть семейную жизнь, первобытнѣйшую, простѣйшую форму государства, въ которой отецъ семейства повелѣваетъ женами и дѣтьми.

Но прежде, чѣмъ займемся ходомъ развитія государственныхъ формъ, въ которыхъ проявлялась жизнь народовъ, намъ надобно обозрѣть обусловливаемыя климатомъ и природою формы образа жизни и занятій, потому что характеръ жизни народа и его государственное устройство всегда находились въ тѣснѣйшей связи между собою.

На отдаленныхъ побережьяхъ, на островахъ, въ мало-доступныхъ иноземцамъ горныхъ мѣстностяхъ могло долго держаться то состояніе, въ какомъ, по описанію Гомера, жили циклопы. Не имѣя ни собственности, сколько-нибудь значительной, ни законовъ, ни общественнаго порядка, эти народы слѣдовали только внушенію самосохраненія и поддерживали свое безрадостное существованіе дикими травами и плодами, какія производитъ сама природа; если жили на побережьяхъ, то и рыболовствомъ, а если въ лѣсахъ или на поляхъ, то охотою. Дикари малодоступныхъ лѣсовъ и горъ, жившіе охотою и ловлею птицъ, вообще могли вести свое однообразное существованіе сотни или тысячи лѣтъ въ первобытномъ, безкультурномъ состояніи, не имѣя силы ни выработать себѣ культуру сами, ни усвоить себѣ и самостоятельно переработать доходившія до нихъ извнѣ умственныя пріобрѣтенія; это могло длиться до той самой поры, когда прійдутъ въ ихъ страну иноземцы и прогонятъ ихъ или передѣлаютъ ихъ бытъ. Семейная жизнь—единственная общественная связь у этихъ

Народы, не достигшіе культурнаго состоянія.

дикарей. По разницѣ характера племенъ, соглашенія и обычаи, на которыхъ она основана, бываютъ прочны или шатки.

Номады.

Кочевые пастушескіе народы или номады живутъ въ состояніи, нѣсколько подобномъ состоянію рыболовныхъ и охотническихъ народовъ, но различаются отъ нихъ тѣмъ, что имѣютъ понятіе о собственности, на которомъ основана вся культура. Рыболовы живутъ отдѣльными семьями на отдаленныхъ берегахъ моря и на берегахъ рѣкъ въ странахъ суроваго климата, охотники тоже порознь бродятъ по дѣвственнымъ лѣсамъ, чрезъ которые нѣтъ дорогъ: эти первобытные люди только при враждебныхъ соприкосновеніяхъ съ сосѣдными племенами собираются толпою около военного вождя; пастушескіе народы странствуютъ съ подвижными своими жилищами по обширнымъ лугамъ, степямъ и полу-пустынямъ, но семейства объединяются у нихъ болѣе широкимъ понятіемъ племени или рода. Отецъ семейства или старшина племени патриархально правитъ ими; онъ князь, судья и жрецъ; подъ его предводительствомъ перекочевываютъ они, перегоняя съ пастбища на пастбище свои стада, составляющія единственную значительную ихъ собственность. Палатки или кибитки, устроенныя сообразно климату и легко перевозимыя, раскидываются на мѣстахъ ихъ остановокъ въ такомъ множествѣ, что представляютъ видъ, подобный городамъ. «Гдѣ мѣстность — однообразная равнина и разница между временами года не велика», говоритъ Франкенштейнъ въ своей *Völkerkunde*, «тамъ стадо только переходитъ съ вытравленнаго пастбища на другое сосѣднее, еще покрытое травой, и оттуда назадъ, на прежнее, когда трава тамъ опять выросла. Въ другихъ мѣстностяхъ перекочевки дѣлаются на разстояніи, болѣе значительныя. Гдѣ ручьи высыхаютъ въ сухое время года, тамъ на это время стада перегоняютъ изъ области ручьевъ къ берегамъ рѣкъ, или изъ низменностей въ болѣе прохладныя, болѣе обильныя водою высокія мѣстности, или изъ глубины страны на влажное побережье моря. Въ сѣверныхъ земляхъ зима принуждаетъ къ такимъ же перекочевкамъ изнутри страны и съ высокихъ мѣстъ на менѣе холодныя и менѣе лишенные корма морскіе берега, и жизнь номадовъ, богатая невинными радостями, имѣетъ въ себѣ зародыши благородныхъ нравовъ, домашнихъ и общественныхъ добродѣтелей. Обезпеченные отъ голода дарами многочисленныхъ стадъ и растительною силою земли, общей всему племени, пастушескіе народы ведутъ свѣтлую жизнь, облагороженную священнымъ обычаемъ гостепріимства, украшенную пѣснями и племенными преданіями. Небогатые имуществами, которыхъ не цѣнятъ и пользоваться которыми не умѣютъ, не зная сословій и общественныхъ почестей, они свободны отъ опасныхъ достояній, возбуждающихъ алчность, питающихъ зависть, разжигающихъ честолюбіе.

Земледѣльческіе народы.

Но кочевые народы могутъ держаться только въ странахъ мало на-

селенныхъ и по характеру своей природы изолированныхъ; номадамъ нуженъ просторъ для перекочевокъ; когда его недостаетъ имъ, они заводятъ войны съ сосѣдами; отъ этого возбуждается въ нихъ духъ хищничества, миролюбіе заглушается чувствомъ родовой мести, и патриархальное управленіе старшины превращается въ господство неограниченной власти военачальника. Гунны и монголы показываютъ, какое ужасное состояніе возникаетъ, когда чуждый культуръ народъ пріобрѣтаетъ жажду наслажденій и роскоши цивилизованныхъ странъ и къ природной грубости невѣжественнаго пастуха присоединяются пороки культурныхъ народовъ.

Номады, по врожденной любви къ вольной бродячей жизни, долго, въ нѣкоторыхъ странахъ цѣлыя тысячелѣтія, сохраняютъ привычный бытъ и простые нравы предковъ, совершенно приспособившись къ окружающей природѣ, предпочитая пастушество и ничѣмъ не стѣсненные разѣзды верхомъ на конѣ всякому занятію, не чувствуя влеченія къ благамъ культуры, къ богатствамъ умственной жизни. Жители плодородныхъ равнинъ, посвятившіе свое вниманіе растительному царству, посѣву хлѣбныхъ зеренъ, таинственно животворимыхъ нѣдрами земли, многотрудному, но дающему обильное вознагражденіе за трудъ земледѣлію, находятъ потребность и пріобрѣтаютъ склонность облегчать работу изобрѣтеніями и нововведеніями, увеличивающими и обезпечивающими прибыль отъ труда, дающими разнообразіе жизни. Непрерывная забота, которой требуетъ нива, принуждаетъ земледѣльцевъ къ осѣдлой жизни, а надобность во взаимной помощи для успѣшности дѣла пріучаетъ ихъ жить вмѣстѣ, въ благоустроенныхъ отношеніяхъ. Земля, важнѣйшее имущество земледѣльцевъ, и осѣдлое жилище съ обширными хозяйственными постройками требуютъ болѣе точныхъ опредѣленій права собственности, болѣе прочнаго юридическаго порядка, чѣмъ кочевка въ юртахъ и стадо; притомъ, для земледѣлія нужны болѣе разнообразныя орудія, чѣмъ для скотоводства. Поэтому осѣдлые земледѣльческіе народы рано ограждаютъ себя отъ обмана и насилія законами, устанавливаютъ правила общественного быта, облегчаютъ свой трудъ изобрѣтеніемъ орудій и работою сильныхъ домашнихъ животныхъ. Земледѣліе справедливо названо «вратами, вводящими въ культурную жизнь». Труды и хлопоты дѣйствительной жизни даютъ мыслямъ земледѣльческихъ народовъ практическое направленіе, пріучаютъ ихъ интересоваться юридическими отношеніями и всѣмъ тѣмъ, что содѣйствуетъ общему благосостоянію, болѣе, нежели дѣятельностью фантазіи съ ея пѣснями и поэтическими сказаніями.

Бытъ нецивилизованныхъ народовъ совершенно зависитъ отъ характера ихъ земель; сообразно природѣ своей страны, они или ведутъ бѣдную жизнь рыболововъ, или ходятъ съ лукомъ и стрѣлами по лѣсу, кочуютъ въ кибиткахъ со стадами по лугамъ и степямъ,

разъѣзжаютъ на коняхъ по пустынямъ, или осѣдло живутъ въ хлѣбородныхъ странахъ, занимаясь земледѣліемъ. Рядомъ съ этими народами первобытнаго образа жизни, произошедшіе отъ нихъ культурные народы ведутъ жизнь, богатую разнообразіемъ. Когда перешли они изъ чуждаго культурѣ быта въ культурный, и въ чемъ состояли причины этого перехода, исторія не знаетъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ этими причинами были, вѣроятно, возростаніе населенія и нужда, заставлявшія искать новыхъ средствъ жизни и чрезъ то породившія культурныя государства; въ другихъ случаяхъ могло содѣйствовать развитію жизни то, что соединялись въ одно цѣлое разные народы разныхъ характеровъ и занятій. Для историка важно только фактическое различіе некультурнаго и культурнаго состоянія. То, что предшествовало культурному состоянію, не принадлежитъ области его занятій. Некультурные народы, жизнь которыхъ опредѣляется характеромъ окружающей ихъ природы, не имѣютъ исторіи. Опытъ прошедшаго погибаетъ у нихъ безъ всякаго замѣтнаго вліянія на ихъ бытъ. Инстинктивные влеченія и матеріальныя цѣли—основы и мотивы ихъ жизни.

Главное различіе культурнаго государства отъ некультурнаго быта состоитъ въ томъ, что разрозненные направленія жизни нецивилизованныхъ племенъ соединяются у цивилизованнаго народа въ одно цѣлое умственной связью и общественнымъ значеніемъ. Въ культурномъ государствѣ есть и рыболовы, и пастухи, и охотники, и земледѣльцы; но взаимныя сношенія, обмѣнъ продуктовъ и общее подчиненіе цѣлому смягчаетъ ихъ разрозненность, сглаживаетъ особенности типа, неизмѣнно передающіяся отъ предковъ потомкамъ у некультурнаго народа. Право собственности, существующее у некультурныхъ народовъ лишь въ зародышѣ, пріобрѣтаетъ въ культурномъ государствѣ точное юридическое опредѣленіе; законы устанавливаютъ подробныя правила наслѣдованія и другихъ случаевъ перехода имущества. Изобрѣтеніе орудій для облегченія и усовершенствованія работы ускоряется соединеніемъ силъ, обмѣномъ мыслей и технической опытности; къ прежнимъ простымъ занятіямъ присоединяются новые виды ремесленной и промышленной дѣятельности, возникаетъ свобода выбора занятій, душа успѣховъ технической дѣятельности; и благодаря всему этому, пріобрѣтаетъ важное культурное значеніе торговля, установительница мирныхъ сношеній между народами. Изъ простаго, не имѣющаго флексій языка некультурнаго народа образуется богатый словами и грамматическими формами языкъ цивилизованной націи; поэтическая литература цивилизованнаго народа даетъ благородную форму племеннымъ преданіямъ и безыскусственнымъ пѣснямъ первобытнаго времени, и они становятся героическими эпopeями, художественными лирическими пьесами; первобытная религія съ грубымъ фанатизмомъ, свирѣпыми жертвоприношеніями очищается и получаетъ украшенную искусствомъ форму.

Культурное государство проявляетъ свою формирующую силу не тѣмъ однимъ, что соединяетъ разрозненныя дѣятельности для достиженія общей цѣли, но и тѣмъ, что раздѣляетъ протівоестественное соединеніе правъ и, обособляя разные занятія, открываетъ каждому изъ нихъ путь естественнаго развитія. У некультурныхъ народовъ старшина не только правитель, но и судья, и жрецъ; въ культурныхъ государствахъ эти обязанности обыкновенно распределяются между разными лицами; всѣ семейства у первобытныхъ народовъ занимаютъся однимъ и тѣмъ же, имѣютъ одинаковыя права; въ культурномъ государствѣ они, по большей или меньшей почетности своего положенія и по разницѣ въ размѣрахъ имущества раздѣляются на сословія, и во многихъ государствахъ это раздѣленіе достигало такой рѣзкости, что установились наслѣдственные разграниченія, недопускавшія брака между лицами разныхъ сословій, воспрещавшія даже внѣшнія сношенія между ними. Такое развитіе сословнаго устройства, уничтожающее личную свободу, называется раздѣленіемъ народа на касты. Оно показываетъ, что государство образовалось чрезъ покореніе одного народа другимъ и имѣетъ цѣлью сохранить при измѣнившихся обстоятельствахъ прежнюю разницу между побѣдителями и покоренными. Но и въ тѣхъ культурныхъ государствахъ, гдѣ раздѣленіе сословій не дошло до кастоваго устройства или гдѣ это устройство утратило свою строгость, существовали сословныя различія, имѣвшія очень большое вліяніе на ходъ ихъ развитія: были привилегированныя сословія, дворянство и духовенство, превосходившія остальной народъ богатствомъ и образованностью или знаніемъ военного дѣла; они раздѣляли между собою владычество надъ народомъ. Государь принадлежалъ обыкновенно къ сословію дворянства. Владѣтельный родъ возвышается надъ всѣми другими семействами и называется династіею.

До культурной высоты поднимались государства почти только одной кавказской расы, жизнь которой поэтому почти исключительно образуетъ содержаніе всемірной исторіи. Не всѣ народы кавказской расы достигли одинаковой степени образованности; многіе остались въ некультурномъ состояніи, или, поднявшись надъ нимъ, впали въ него снова. Но изъ другихъ расъ ни одна не возвышалась до истинно культурнаго состоянія; всѣ ихъ народы, за очень немногими исключеніями, всегда жили въ первобытномъ состояніи рыболововъ или охотниковъ, кочевниковъ или земледѣльцевъ. Это не опровергается ссылкой на то, что китайцы—народъ монгольской расы: они своею особенною, неподвижною образованностью и чуждою всякаго развитія государственною жизнью занимаютъ исключительное положеніе въ исторіи. Тѣ негры, которые переняли у европейцевъ внѣшность культуры, не сумѣли устроить у себя цивилизованный бытъ ни въ Либеріи, ни на Гаити; въ обоихъ этихъ государствахъ всѣ культурныя учрежде-

нія получили каррикатурный характеръ. Черныя племена малоизслѣдованныхъ земель тропической Африки думаютъ лишь объ удовлетвореніи чувственныхъ потребностей и живутъ въ лѣнивомъ покоѣ, пока несдерживаемые ничѣмъ инстинкты и страсти не производятъ у нихъ взрывовъ животной ярости и кровожадной мстительности, за которыми опять слѣдуетъ тупая апатія. Собственными усилиями негры нигдѣ не поднялись выше первыхъ началъ культуры, выше грубыхъ формъ религіи, нигдѣ не сохранили памяти о давнихъ временахъ, нигдѣ не дошли до справедливыхъ законовъ или гуманныхъ понятій. Исторіи принадлежатъ только тѣ народы, въ жизни которыхъ проявляется самосознаніе, у которыхъ умственная дѣятельность создаетъ разнообразныя произведенія свѣтлой мысли, которые перерабатываютъ воспринятое извнѣ въ одно органическое цѣлое съ тѣмъ, что создали сами. Гдѣ обычай неподвиженъ, техническая ловкость дѣйствуетъ лишь заученнымъ способомъ, гдѣ перемѣны состоятъ лишь въ томъ, что дикіе инстинкты производятъ разрушеніе, тамъ не велико поле дѣятельности историка: онъ отмѣчаетъ нѣсколькими штрихами крупныя черты быта и спѣшитъ обратить свой взглядъ туда, гдѣ жизнь и движеніе, дѣятельность и творчество, гдѣ живая живущая сила духа непрерывно создаетъ новыя формы, не впадая никогда въ бездѣйствіе, въ неподвижность.

Племенная и
общинная
жизнь.

Сообразно этому ходу жизни народовъ видоизмѣнялись и формы государственнаго устройства, обзоромъ которыхъ мы займемся теперь. Изъ семейной жизни развилась племенная и общинная; это было производимо природнымъ влеченіемъ людей къ общительности и размноженію, соединявшимъ семейства и создававшимъ кровные союзы такъ называемаго родового быта; было производимо и обоюдною выгодною, и необходимостью обороны противъ общихъ враговъ, отъ которыхъ не могли бы защититься разрозненные семейства. Эти болѣе или менѣе обширные племенные союзы, основанные на общности происхожденія, сами въ свою очередь образуютъ основаніе всѣхъ первобытныхъ государствъ, принимавшихъ разныя формы, смотря по различіямъ положенія и природы странъ, образа жизни и склонностей племени и по различіямъ характера сосѣднихъ племенъ. Жители горъ и лѣсовъ, не затрудняемые въ своихъ движеніяхъ имуществомъ, котораго у нихъ мало, крѣпкіе здоровьемъ, суровые, легко соединялись для военныхъ предпріятій съ цѣлью грабежа и наслажденій, дѣлали набѣги и чтили вождя, который первый бросается въ битву и своею храбростью, да и другими своими качествами доставляетъ успѣхъ ихъ набѣгамъ. Безъ сомнѣнія, рано стали образоваться такія же товарищества у племенъ, жившихъ на бѣдныхъ берегахъ:

они пускались въ морской разбой, добывая себѣ грабежомъ то, чего не давала имъ скудная родная мѣстность. У народовъ, занимающихся грабежомъ, легко пріобрѣтается наибольшее уваженіе, наибольшую власть тотъ родъ, изъ котораго происходятъ самые искусные, храбрые и предприимчивые вожди набѣговъ; такимъ образомъ, является княжеская династія, которой наследственно принадлежитъ санъ вождя; главы другихъ семействъ—товарищи его по оружію. Важное положеніе въ товариществѣ давалось вначалѣ только саномъ главы семейства и личными качествами; послѣ, при накопленіи имущества, — и богатствомъ; хитрость или умъ, энергія и физическая сила довершали преобладаніе чловѣка въ кругу товарищества.

У хищническихъ племенъ соединяющею людей связью было влеченіе къ воинской славѣ и алчность грабежа. Земледѣльческія семейства были соединяемы въ племенные или общинные союзы потребностью взаимнаго содѣйствія въ работѣ и надобностью защищать свое имущество, плоды своихъ трудовъ отъ грабежа и насилія. Въ этихъ, болѣе мирныхъ, обществахъ вождь становился, вѣроятно, тотъ глава семейства, который, заслуживая уваженіе своими личными качествами, владѣлъ притомъ и наибольшимъ количествомъ земли; санъ вождя лишь расширялъ кругъ дѣйствія его патріархальнаго правительственнаго, судебнаго и жреческаго права. Военныя столкновенія съ другими племенами въ послѣдствіи устанавливали и тутъ наследственное единовластіе, а переходъ къ культурному состоянию порождалъ развитіе болѣе сложнаго устройства: подъ властью монарха, стали завѣдывать разными отдѣлами государственнаго организма разные сановники.

Итакъ, первыя государства были произведеніями природы или необходимости, потому что создавались не преднамѣреніями людей, а естественнымъ ходомъ дѣлъ, внутреннею или внѣшнею необходимостью. Ни о какомъ договорѣ, ни о какихъ конституціяхъ или основныхъ уставахъ, которыми опредѣлялись бы общественныя отношенія съ предусмотрительностью относительно будущихъ случаевъ, не могло быть въ тѣ времена и рѣчи. Понятіе о семействѣ было перенесено на племенной союзъ, а съ него на первобытное государство; патріархальныя права отца семейства перешли на князя племени, отъ него на государя. Они основывались частью на происхожденіи — царскій родъ скоро сталъ считаться происходящимъ отъ національнаго бога или отъ героя племенныхъ преданій, — частью на обычаяхъ и нравахъ народа, частью на понятіи о наследственной собственности, въ качествѣ которой власть, принадлежащая монарху какъ имущество, передается имъ другому лицу по его волѣ или по наследственному порядку, частью на личныхъ доблестяхъ и дарованіяхъ. Патріархальная форма государственнаго быта можетъ сохраняться въ своей чистотѣ лишь пока одноплеменный на-

Теократія.

родъ, весь одинаковый по языку, нравамъ и образу жизни, ведетъ по старинному порядку замкнутую жизнь, и ходъ ея не подвергается потрясеніямъ отъ войнъ съ другими народами. Иногда, какъ напри- мѣръ у израильтянъ, патріархальное государство становится теокра- тіею, «царствомъ, царь котораго Богъ»; идея отцовской справед- ливости и любви, лежащая въ понятіи о патріархальной власти, переносится на національнаго бога, непрерывно управляющаго госу- дарственными дѣлами; отношеніе народа къ нему представляется по- добнымъ отношенію дѣтей къ отцу; и глава государства только исполнитель повелѣній бога. Эта благороднѣйшая и возвышеннѣйшая форма патріархальной системы, облакающая правительственною вла- стью олицетворенную идею высшей справедливости, можетъ существо- вать только при сильной религіозности народа, твердаго въ своихъ вѣрованіяхъ, простаго сердцемъ и обладающаго юношескою живостью воображенія; она теряетъ почву, когда религія получаетъ абстракт- ный характеръ: жизнью править только живое; абстрактныя понятія не имѣютъ власти надъ народомъ.

Монархическая форма госу- дарственного устройства.

Изъ патріархальной формы государственнаго устройства развивается монархическій принципъ, имѣющій разныя видоизмѣненія, но не допускающій никакихъ формъ права, кромѣ первобытныхъ, и никакихъ иныхъ основныхъ законовъ, кромѣ обычая и религіозныхъ постановленій, опирающихся на преданіе и освященныхъ страхомъ Божиимъ. Воля государя — законъ. У воинственныхъ племенъ изъ патріархальной системы произошли военныя царства, имѣвшія своею основою завоеваніе. Государь народа, покорившаго себѣ дру- гіе народы, пріобрѣталъ расширеніе своихъ правъ, по надобности управлять побѣжденными со всевозможною строгостью. Сообразно по- нятіямъ древности о завоеваніи, побѣжденные были обыкновенно или дѣлаемы данниками, или обращаемы въ рабство; изъ этого скоро возникали новыя формы права и образовалось различіе сословій. Старшины побѣдившаго народа пріобрѣли болѣе высокое положеніе, какъ товарищи военнаго царя въ битвахъ, совѣтники его, исполни- тели его приказаній, соучастники господства надъ побѣжденными, и какъ жрецы, учащіе народъ богобоязненности, поддерживающіе на- ціональную религію. Военное дворянство и духовенство ограничивали власть царя, но онъ сохранялъ патріархальныя права военачальника, судьи и верховнаго жреца. Эту форму имѣло военное царство у евро- пейскихъ народовъ: въ греко-римскомъ мірѣ и у германскихъ племенъ въ началѣ среднихъ вѣковъ. Въ Азіи, гдѣ подъ вліяніемъ климата и роскошной природы, человѣческая энергія рано ослабѣла, и вошло въ обычай рабское повиновеніе, изъ патріархальной власти царя раз- вился деспотизмъ, и установилась неограниченная власть царя съ наследственнымъ правомъ. По отношенію къ еди- новластилю, деспоту, весь народъ находится въ состояніи

Деспотизмъ.

рабства; единовластитель — владыка жизни и собственности своихъ подданныхъ, приближающихся къ нему въ смиренномъ видѣ, съ тре- петомъ; воля деспота—законъ; исполнители закона—созданія его вы- бора и прихоти. При обширности государства царь не можетъ одинъ исполнять патріархальныя обязанности военачальника, судьи и пра- вителя, потому передаетъ ихъ сановникамъ, у которыхъ однако точно такъ же нѣтъ прочныхъ правъ, какъ и у массы остальнаго народа. При передачѣ власти сановникамъ, въ деспотическихъ государ- ствахъ не происходитъ раздѣленія разныхъ обязанностей, умень- шается только пространство, на которомъ дѣйствуетъ власть: на- мѣстникъ имѣетъ полную власть надъ своею провинціею и управ- ляетъ ею такъ же деспотически, какъ его повелитель всѣмъ цар- ствомъ; но, въ сознаніи своей безправности, держитъ себя передъ царемъ, какъ рабъ. Въ европейскихъ династическихъ государствахъ королевская власть опиралась на наследственное дворянство, кото- рое, при всемъ своемъ самоуправствѣ, имѣло съ народомъ и роди- ную связи, освященные обычаемъ: оно не было безправнымъ, потому, требуя уваженія къ своимъ правамъ, не могло не имѣть нѣкотораго уваженія и къ правамъ подвластныхъ. Этого не было въ азіатскихъ деспотическихъ государствахъ: власть опиралась въ нихъ на толпу сановниковъ и слугъ, которыхъ произволъ властелина поднималъ изъ ничтожества и можетъ по прихоти низвергнуть опять въ ничтожество и раздавить. Сильный слѣпымъ повиновеніемъ подданныхъ, ограни- ченностью ихъ понятій, привычнымъ вѣрованіемъ въ божественное происхожденіе царской власти, азіатскій деспотизмъ опирался и на гіерархію.

Съ наибольшею силою проявляется деспотизмъ въ однообразныхъ долинахъ рѣкъ, гдѣ сама природа налагаетъ на жизнь печать одно- образія. Онъ неспособенъ къ развитію. Подавивъ кругомъ себя все, онъ падаетъ и самъ. Не имѣя корней въ почвѣ, на которой выскитъ, онъ низвергается первою сильною бурей. Въ европейскихъ военныхъ государствахъ военное сословіе сохраняло самостоятельность, и сохра- нялась нѣкоторая степень свободы хоть въ нѣкоторыхъ частяхъ народа, потому что были зародыши развитія. Изъ нихъ образовалась систе- ма феодализма, основанная на территориальномъ правѣ. Она очень далека отъ идеи общаго права, простирающагося на все населеніе государства; на лбу ея клеймо крѣпостнаго права; но въ основаніи ея лежатъ понятія о вѣрности, о взаимности правъ и обя- занностей, потому она менѣе унижала человѣческое достоинство, чѣмъ деспотизмъ, основанный на рабствѣ, и съ нею могли уживаться граж- данскія доблести, нравственные влеченія. Правда, феодализмъ пре- вращалъ государство въ мертвый агрегатъ множества владѣній; правда, «крѣпостной», «приписанный къ землѣ», *glebae adscriptus*, былъ ли- шенною свободы принадлежностью помѣстья; потому справедливо на-

Феодализмъ.

зывать феодализмъ великимъ преступленіемъ противъ идеи права. Но все-таки онъ былъ важною ступенію прогресса въ развитіи права; то было время юности нынѣшнихъ государствъ; феодализмъ соотвѣтствовалъ опеку надъ несовершеннолѣтними. Онъ облагородилъ и смягчилъ нравственными элементами суровыя основы, изъ которыхъ возникъ: право завоеванія, военно-служебное устройство и территоріальную власть; при немъ сохранились корни и зародыши свободы и самостоятельности, такъ что съ теченіемъ времени могла вырасти изъ нихъ сословная форма государственной жизни; онъ былъ благопріятенъ развитію общественныхъ добродѣтелей: вѣрности и преданности, чести и любви. «Кто отрицаетъ великое и идеальное въ понятіяхъ и отношеніяхъ феодальнаго устройства», говоритъ Раумеръ, «тотъ по узкости взгляда, видящаго мудрое только въ современномъ, неспособенъ понимать прошлое. Кто отрицаетъ, что ложились иногда мрачныя тѣни на жизнь тѣхъ временъ, что феодализмъ имѣлъ и дурныя стороны, тотъ забываетъ, что во всемъ на землѣ есть недостатки, глупо идолопоклонствуетъ предъ одною изъ формъ историческаго развитія и хочетъ остановить неудержимый ходъ его на произвольно избранномъ мѣстѣ».

Республиканская форма государства. На востокѣ деспотизмъ остался господствующею государственною формою, и даже персидское военное царство, учрежденія котораго первоначально были подобны германскимъ, постепенно выродилось въ деспотию. Въ греко-римскомъ мірѣ изъ патріархальныхъ царствъ развились республики, съ ограничекою равноправностію гражданъ, если верховная власть перешла изъ рукъ одного въ руки привилегированной части свободнаго населенія, или съ полною равноправностію всѣхъ свободныхъ людей, если власть перешла ко всему свободному населенію. Ужъ и у Гомера цари, имѣющіе свой санъ по происхожденію отъ боговъ и, по теократически—патріархальному понятію тѣхъ простыхъ временъ, правящіе людьми, какъ представители живущей у боговъ справедливости, окружены князьями и главами благородныхъ семействъ, сотоварищами по оружію и совѣтниками.

Аристократія. Черезъ нѣсколько времени, эти благородныя фамиліи овладѣли верховною властью; при этомъ, во многихъ случаяхъ сначала еще оставались за царскимъ родомъ нѣкоторыя преимущества; послѣ, форма правленія сдѣлалась вполнѣ аристократическою. Къ совѣщательному праву, принадлежавшему благороднымъ во времена царей, присоединили они и остальные царскія права: военачальничество, судебную власть и жреческія обязанности; но исполненіе жреческихъ обязанностей требуетъ знанія ихъ, потому обыкновенно поручалось избраннымъ для того родамъ, члены которыхъ и занимали особое положеніе въ государствѣ. При простотѣ государственнаго быта управленіе имъ было немногосложно. Самое важное изъ внутреннихъ дѣлъ было отправленіе правосудія; потому имъ зани-

мались сами члены аристократическаго правительства: руководясь обычаями, они разбирали тяжбы, наказывали за преступленія. Знаніе обычнаго права прежде было наследственною принадлежностію царей патріархально-теократическаго государства. Такъ слѣдовало быть по ихъ происхожденію отъ вѣчныхъ боговъ, въ понятіи о которыхъ лежала идея справедливости. Аристократія не могла выводить свое знаніе права изъ этого источника; притомъ сословные интересы судей оказывали большое вліяніе на ихъ рѣшенія, и народъ сталъ недоувѣрчивъ: у него явилось убѣжденіе, что партія, въ рукахъ которой находится судебная власть, часто пользуется ею въ свою выгоду, а не на общее благо. У народа пробудилось желаніе оградить себя отъ злоупотребленій судей, отнять судебную власть у своекорыстныхъ и суровыхъ аристократовъ, и такимъ образомъ борьба народной общины съ привилегированнымъ сословіемъ въ республикахъ древности начинается обыкновенно требованіемъ письменныхъ законовъ, требованіемъ, чтобы установлено было положительное право, которое имѣло бы ненарушимую святость и силу, такъ что государственныя власти только служили бы органами его. Этотъ переходъ отъ аристократическаго правленія къ демократическому, отъ неписаннаго права къ договорному совершался медленно. Аристократическіе роды, привилегіи которыхъ были наследственными правами ихъ сословія, владѣли матеріальными и умственными средствами поддерживать свое господство. Они опирались на дѣла своихъ предковъ, память о которыхъ жила въ народѣ; богатство давало имъ независимое положеніе, возможность пріобрѣтать образованіе, заниматься упражненіями въ военномъ искусствѣ и, благодаря тому, первенствовать талантами и въ дѣлахъ мира и въ войнѣ. Но надменность и своекорыстіе влекли ихъ злоупотреблять наследственнымъ могуществомъ, и это привело ихъ власть къ паденію. И по своему происхожденію, и по своимъ формамъ, аристократія представляетъ много различій. Наибольшія притязанія на почетъ и власть представляетъ наследственная аристократія, основывающаяся на заслугахъ предковъ, на славѣ благородства, на мысли, что воспоминаніе о доблестяхъ предковъ должно развивать въ потомкахъ чувство чести и удерживать ихъ отъ недостойныхъ поступковъ. Но есть и аристократія богатства, плутократія, могущественная своею денежною силою.

Аристократическое правленіе стояло на почвѣ права и было прочно, пока благородныя семейства оставались обладателями большой наследственной собственности, сохраняли доблести и чувства предковъ, имѣли на своей сторонѣ превосходство по образованности и по военному искусству; пока народная община, заботясь лишь о томъ, чтобы добывать себѣ необходимое для жизни и спокойно пользоваться пріобрѣтеннымъ, еще не приходила къ сознанію своихъ правъ и своей силы, съ благодарностію припоминая великія дѣла прошлаго, чтילה

Олигархія.

въ аристократахъ славныя имена ихъ предковъ; пока господствующія фамиліи еще были связаны съ подвластными союзомъ взаимной вѣрности и доброжелательства. Но когда аристократическіе роды, исполненные честолюбія и гордости, сплотились такъ тѣсно, что патріотическія доблести замѣнились у нихъ сословными интересами, и они стали держать себя вдали отъ народа, который между тѣмъ сталъ зажиточнѣе и образованнѣе, чѣмъ былъ въ старину;—словомъ, когда аристократія выродилась въ олигархію, члены которой общими силами поддерживали выгоды своего привилегированнаго сословія,—они потеряли и почву подъ собою, и начался поворотъ къ преобладанію демократіи. Въ тѣхъ государствахъ, гдѣ главнымъ занятіемъ населенія было земледѣліе, и народъ жилъ разрозненными дворами, каждый хозяинъ на своемъ участкѣ, переходъ къ демократіи совершался медленнѣе, чѣмъ тамъ, гдѣ по удобству мѣстоположенія или по бесплодію почвы развились промышленность и торговля, образовался классъ богатыхъ горожанъ и подлѣ него масса народа, не имѣющаго обезпеченныхъ средствъ жизни, жаждавшаго переменъ. Привилегированное сословіе во многихъ республикахъ устанавливало имущественный цензъ, по которому для участія въ правительственныхъ собраніяхъ и для занятія должностей надобно было имѣть известное количество собственности; это дѣлало олигархію еще болѣе замкнутою и превращало ее въ тиранию.—Исходъ борьбы противъ привилегированнаго сословія ускорился во многихъ государствахъ тѣмъ, что кто-нибудь изъ аристократовъ, или по честолюбію, или по раздраженію на соперниковъ, или по убѣжденію въ необходимости переменъ государственнаго устройства, отдѣлялся отъ своего сословія и становился вождемъ народной партіи, «демагогомъ». Черезъ это къ перевѣсу физической силы присоединялось у народной партіи политическое и военное искусство, и она одолевала. Тогда благодарный народъ оставлялъ власть въ рукахъ своего вождя, но прочнымъ учрежденіемъ это не становилось; тиранія была повсюду въ древности лишь переходною ступенью отъ аристократическаго правленія къ демократическому.

Тиранія.

Демократія.

Демократіею называется та форма республиканскаго устройства, при которой всѣ граждане имѣютъ равное право на участіе во всѣхъ отрасляхъ государственной власти, и вся законодательная, судебная и административная дѣятельность исполняется или всею совокупностью гражданъ или отъ ихъ имени представителями, которыхъ выбираютъ граждане и которые отвѣтственны передъ народомъ. Основное начало ея—верховная власть народа; по этому принципу, вся государственная власть принадлежитъ народу, то есть совокупности свободныхъ и пользующихся политическимъ полноправіемъ мужчинъ; народъ—источникъ всего законодательства. При строжайшей послѣдовательности въ развитіи понятія о демократіи,

она—такая форма устройства, въ которой народъ управляетъ собою самъ; правители и управляемые—это одни и тѣ же лица, и народъ самъ занимается всѣми своими общественными дѣлами. Но въ этомъ размѣрѣ демократическая идея неосуществима на практикѣ; потому въ дѣйствительности занятія народныхъ собраній ограничиваются установленіемъ законовъ, выборомъ судей и правителей, контролемъ ихъ дѣйствій и смѣною ихъ. С в о б о д а изустнаго и письменнаго или печатнаго слова и равенство всѣхъ передъ закономъ—необходимыя условія верховной власти народа; на равенствѣ основывается справедливость, самая необходимая общественная добродѣтель въ демократіи: если большинство будетъ властолюбиво, ему легко будетъ нарушить свободу и права личности.—Демократія возможна не при всякихъ нравахъ. Она требуетъ патріотизма, готоваго на жертвованія для общаго блага, требуетъ простоты и одинаковости образа жизни, требуетъ возможно большаго равенства имуществъ и образованности; требуетъ, чтобы число населенія было не очень велико, потому что, при широкой личной свободѣ, живой политической дѣятельности, участіи всѣхъ въ общественной жизни, въ ней открытъ просторъ развитію горячихъ политическихъ страстей, легко дѣлающихся опасными для государственнаго единства. Умѣренная демократія примѣняетъ верховную власть народа только къ установленію законовъ и выбору представителей, а веденіе дѣлъ предоставляетъ отвѣтственнымъ выборнымъ; абсолютная демократія старается какъ можно болѣе увеличить число лицъ, занимающихъ общественныя должности, и сократить срокъ времени, на какое избираются должностныя лица, чтобы доставить всѣмъ или хотя очень многимъ участіе въ управленіи. Но это дѣлаетъ ходъ общественной жизни шаткимъ, законы непрочными, и пробуждаетъ въ народѣ любовь къ переменамъ; все это отнимаетъ у демократіи твердыя опоры и ведетъ къ искаженію ея, къ охлократіи, владычеству толпы. Охлократія составляетъ прямую противоположность олигархіи, въ которой богатое меньшинство господствуетъ надъ бѣднымъ большинствомъ; въ ней бѣдное большинство владычествуетъ надъ богатымъ и знатымъ меньшинствомъ и сваливаетъ на него почти всю тяжесть государственныхъ расходовъ, достигая этимъ двойной цѣли: во первыхъ, ослабить зажиточныхъ людей и постепенно уравнивать ихъ съ массою; во вторыхъ, дать членамъ своей партіи достаточныя средства къ жизни на счетъ государственныхъ доходовъ. При такомъ искаженіи, демократія попадаетъ обыкновенно подъ власть хитрыхъ и ловкихъ демагоговъ, умѣющихъ льстить массѣ и обманывать ее, и на послѣдокъ среди безпорядочныхъ волненій является вождь, подавляющій силою оружія разрозненную ожесточеніемъ партій, клубами, тайными обществами массу, забывшую въ вол-

Охлократія.

неніи страстей всякія патріотическія чувства, всѣ гражданскія добродѣтели, всякую заботу объ общемъ благѣ.

Законная монархія.

Итакъ, отъ деспотизма страдала личная свобода, демократія подвергала опасности государственное единство; видя это, люди, при болѣе политической зрѣлости, пришли къ установленію государственной формы, соединяющей въ себѣ элементы обѣихъ тѣхъ формъ; эта сложная форма — законная монархія, въ которой твердое монархическое единство власти соединяется съ демократическою свободою, и охватывающій все населеніе основной законъ дѣлаетъ государство органическимъ цѣлымъ. По различію характера народовъ и разницамъ обстоятельствъ, изъ которыхъ возникла законная монархія, она принимала разныя формы. Во многихъ государствахъ она произошла изъ феодализма, когда при успѣхахъ развитія третье сословіе, раздѣлявшееся на сословіе поселянъ и сословіе горожанъ, приблизилось своимъ значеніемъ къ дворянству и духовенству и получило льготныя грамоты, давшія ему политическія права и должное участіе въ законодательствѣ и судебной власти. Монархія, произошедшая изъ феодализма, имѣетъ сословное устройство. Законы въ ней считаются происходящими отъ королевской власти; правда, о нихъ совѣщается и принимаетъ ихъ сословный сеймъ, но они получаютъ значеніе законовъ лишь по принятіи ихъ королемъ; каждое сословіе составляетъ особую часть сейма; главное назначеніе сейма — отвращать злоупотребленія власти, устранять несправедливости и притѣсненія, охранять матеріальныя и нравственныя права людей всѣхъ сословій. Сеймовая форма государства основывалась первоначально на обычаяхъ или на льготныхъ грамотахъ; послѣ, она была развиваема договорами, улучшалась, получала болѣе опредѣлительности, и въ нѣкоторыхъ государствахъ сеймъ сдѣлался законнымъ посредникомъ между наследственной королевскою властью и политически созрѣвшимъ, сознавшимъ свое значеніе народомъ.

Конституціонная монархія.

Но случаи такого спокойнаго хода дѣла рѣдки. Лишь немногія изъ государствъ, имѣвшихъ феодальныя сеймы, превратились въ законную монархію посредствомъ мирнаго соглашенія. Обыкновенно, ея возникновенію предшествовало разрушеніе прежняго порядка абсолютизмомъ и низверженіе абсолютизма революціоннымъ движеніемъ въ пользу свободы и демократіи. Законная, или, по терминологіи, заимствованной изъ Англіи, конституціонная монархія, соединяетъ въ себѣ составныя части всѣхъ правильныхъ государственныхъ формъ, перечисленныхъ нами: монархическій, аристократическій и демократическій элементы сливаются въ ней въ одно цѣлое. Нѣкоторыя конституціонныя монархіи близки къ республиканской формѣ правленія: въ нихъ принятъ принципъ верховной власти народа; государь лишь первый сановникъ государства; въ выборѣ своихъ помощниковъ и совѣтниковъ онъ долженъ слѣдовать мнѣнію собранія

представителей народа и обязанъ повиноваться законамъ наравнѣ съ подданными, а въ нѣкоторыхъ государствахъ даже избирается и низлагается ими. Въ другихъ государствахъ преобладаетъ монархическій принципъ: верховная власть не принадлежитъ народу, государь называетъ себя царствующимъ «божіею милостью», лично стоитъ выше закона и удерживаетъ за собою право предлагать законы представителямъ народа (законодательный починъ). Но для того, чтобы конституціонное устройство было прочно, конституція должна имѣть неприкосновенную святость, быть ограждена отъ всякаго нарушенія и охраняема парламентскими властями. Размѣръ народныхъ правъ и охраняема парламентскими властями. Размѣръ народныхъ правъ бываетъ такъ же неодинаковъ, какъ и размѣръ власти государя. Существеннѣйшія изъ нихъ: право избирать представителей, ограниченное цензомъ или принадлежащее всѣмъ, и свобода парламента. По различію того, высокъ ли избирательный цензъ, или не высокъ, или вовсе нѣтъ его, конституціонная монархія имѣетъ аристократическій или демократическій характеръ.

Государства различаются одни отъ другихъ не только по формамъ правленія, но и по своему національному составу. «Единство народности, то есть, единство происхожденія и языка — счастливая принадлежность первобытнаго государства на его тернистомъ пути къ образованности», говоритъ Дальманъ въ своей «Политикѣ»: «но исторія часто разрушала это тихое первобытное созданіе природы, налагая другъ на друга разныя племена и народности.»

Различіи между государствами по отношеніямъ къ народности и единству.

Мы видимъ въ исторіи три рода государствъ: 1) цѣльныя національныя государства, населеніе которыхъ все принадлежитъ одной народности и которыя охватываютъ всю эту народность, такъ что границы государства совпадаютъ съ границами народа; 2) государства, границы которыхъ менѣе обширны, чѣмъ границы народа. Ихъ бываетъ три разныя вида: государства, на которыя раздробленъ народъ, или не имѣютъ никакой связи между собою, или составляютъ федерацію государствъ, или соединены въ одно федеративное государство. При простой федераціи государствъ, каждое изъ нихъ сохраняетъ свою независимость, но есть у нихъ общее союзное правительство, состоящее изъ представителей государствъ. Общее правительство федеративнаго государства составляютъ, кромѣ представителей государствъ, представители гражданъ; части этого государства тоже называются государствами, но они — части, подчинены цѣлому; всѣми внѣшними дѣлами и всѣми тѣми изъ внутреннихъ, которыя имѣютъ важность для цѣлаго, завѣдуетъ общее правительство; 3) въ разноплеменныхъ государствахъ соединены завоеваніемъ въ одно политическое цѣлое народы, различные по языку и происхожденію. Такихъ государствъ больше, чѣмъ всякихъ другихъ, и въ исторіи, и въ современности. Жребій побѣжденных въ началѣ бываетъ иногда очень суровъ. Но съ теченіемъ времени въ очень мно-

гихъ случаяхъ изъ слиянія побѣдителей и побѣжденныхъ возникаетъ новая національность, приобретающая высокое развитіе. «Связь людей по одинаковости происхожденія ослабѣваетъ, а связь по жизни въ одной мѣстности крѣпнетъ съ успѣхами образованности», говоритъ Дальманъ: «любовь къ родинѣ у дикаря не имѣетъ опредѣленности, состоитъ почти исключительно въ любви къ людямъ, которыхъ привыкъ онъ видѣть, и къ привычному образу жизни. Съ развитіемъ просвѣщенія, она становится опредѣленною любовью къ мѣстности, въ особенности по вліянію мѣстныхъ сооружений, создаваемыхъ искусствомъ».

2.

Общественная жизнь людей въ государственномъ союзѣ принимала множество разныхъ формъ, отъ простаго некультурнаго быта до очень высоко развитыхъ государственныхъ и юридическихъ организацій. То же было и относительно дѣятельностей, обогащающихъ и украшающихъ частную жизнь, относительно производства и обмѣна предметовъ необходимости и произведеній, дающихъ жизни красоту.

Мѣновая торговля.

Торговля повсюду первоначально была мѣвною, какою остается и теперь у дикихъ племенъ. Этотъ видъ ея возникъ въ безвѣстныя времена глубочайшей древности, когда люди начинали основывать общественный бытъ и устанавливать закономъ и договоромъ его условія. Жители плодородныхъ и богатыхъ земель промѣнивали свои избытки на продукты природы и искусства, привозимые къ нимъ другими народами изъ сосѣднихъ и дальнихъ странъ, и обогащали чрезъ то свою жизнь и свои наслажденія дарами, въ которыхъ отказала имъ природа ихъ земель. Нужда, любовь къ наслажденіямъ и духъ изобрѣтательности скоро создали средства и пути сдѣлать общимъ достояніемъ произведенія разныхъ климатовъ. У всѣхъ дикихъ и полудикихъ народовъ торговля сохранила этотъ характеръ и тогда, когда образованные государства уже давно перестали мѣнять товаръ, нашедши другой способъ торговли, давъ опредѣленную, повсюду одинаковую цѣнность благороднымъ металламъ и сдѣлавъ средствомъ обмѣна производимую чеканкою монету.

Сухопутная или караванная торговля.

Въ первыя времена торговля была исключительно сухопутная. Правда, рано были изобрѣтены лодки для переправы черезъ широкія и глубокія рѣки и для плаванія по нимъ и вдоль морскаго берега; но долго не отваживались люди пускаться въ открытое море, терять землю изъ виду; да и меньше было возможности обезопасить себя на морѣ отъ нападеній хищныхъ прибрежныхъ жителей и отважныхъ морскихъ разбойниковъ, чѣмъ на сухомъ пути отъ нападеній дикихъ племенъ. Европейскіе народы вступили въ культурную жизнь позже, чѣмъ жители нѣкоторыхъ азіатскихъ и африканскихъ земель; и тѣ государства, которыя въ древности были единственными культурными

въ Европѣ, лежали на полуостровахъ, открытыхъ сношеніямъ только съ моря; потому сухопутная торговля въ древнѣйшія времена ограничивалась исключительно Азією и частью Африки. Тамъ она рано приняла большой размѣръ въ той формѣ, которую мы называемъ караванною торговлею. Трудности и опасности торговыхъ переѣздовъ черезъ обширныя пространства, населенныя во многихъ мѣстахъ дикими хищными племенами и перерѣзанныя горами, пустынями, безплодными степями, дѣлали необходимымъ, чтобы соединялось много людей на общія поѣздки. Потому рано образовались торговые общества, соединенными силами покрывавшія расходы на устройство и охрану перевозки товаровъ большими партіями. Уже одно то, что нужно было много верблюдовъ, которые способнѣе другихъ прирученныхъ животныхъ выносить долгій путь, въ особенности чрезъ мѣстности, бѣдныя водою, и которыми потому болѣе другихъ вьючныхъ животныхъ пользовались для дальнихъ торговыхъ поѣздокъ, требовало большаго числа людей, умѣющихъ обращаться съ верблюдами, и привычныхъ выдерживать трудности и лишения; нужны были конвойные, умѣющие владѣть оружіемъ, чтобъ отражать нападенія; нужны были опытные, знающіе дорогу проводники. Потому торговцы вступали въ связи съ кочевыми племенами степей; номады давали имъ вьючныхъ животныхъ и продовольствіе, вели и охраняли караванъ. При необходимости возить товары на верблюдахъ и пользоваться помощью номадовъ, умѣющихъ обращаться съ верблюдомъ, живущимъ лишь на просторѣ степей, караванная торговля ограничивалась исключительно землями, въ которыхъ и номады и верблюды имѣютъ необходимыя для нихъ условія климата, мѣстности и пищи. Такія земли находятся лишь въ Азіи и Африкѣ; тамъ и была отчизна караванной торговли.

Для успѣшности торговли вообще нужна правильность сроковъ: нужно, чтобы въ опредѣленное время въ опредѣленномъ мѣстѣ сосредоточивались товары; для караванной торговли это въ особенности необходимо, потому что сношенія между продавцомъ и покупщикомъ, при неудобствѣ и далекости пути, трудны, а они ведутъ дѣло личными свиданіями. Такимъ образомъ, караваны должны ходить опредѣленными дорогами, въ опредѣленные мѣста; этимъ облегчаются торговые обороты; да и затруднительно, а во многихъ случаяхъ невозможно было бы караванамъ ходить иначе. При выборѣ дорогъ и складочныхъ мѣстъ руководительницею была сама природа, скупо приготовившая въ обширныхъ степяхъ и песчаныхъ пустыняхъ мѣста остановокъ, гдѣ странникъ и его верблюдъ могутъ найти подъ тѣнью пальмъ у прохладнаго источника отдыхъ, въ которомъ послѣ тяжкихъ лишеній и трудовъ такъ нуждаются. Эти мѣста остановокъ стали центрами посреднической торговли, рынками всѣхъ товаровъ. Тутъ возникли храмы, уважаемые всѣми, охранявшіе своею святостью тре-

вожную жизнь купцовъ, дававшее религиозное освященіе торговлѣ, привлекавшее къ себѣ множество поклонниковъ, дѣлавшіеся чрезъ то средоточіями и религиозной и мірской жизни. У этихъ храмовъ скоро возникли богатые, большіе торговые города, въ которые стекались всѣ богатства, вся роскошь свѣта.

Предметы
торговли.

Но при всей обширной караванной торговлѣ, она, сравнительно съ морскою торговлею, была очень ограничена, по трудности перевозки. Какъ мала масса товара, для перевоза которой нужны сотни верблюдовъ, сравнительно съ тѣмъ, сколько нагружается на одинъ большой морской корабль! Потому, въ караванную торговлю вовсе не шли громоздкіе или массивные товары. Даже не было торговли хлѣбомъ въ собственномъ смыслѣ этого слова. Продовольствовать хлѣбомъ большіе города было больше заботою правительства, чѣмъ занятіемъ купцовъ. Обыкновенная пища, простая одежда не были предметами привоза издалека. Люди приспособляли свой образъ жизни къ произведеніямъ ближайшихъ окрестностей, такъ что всѣ тѣ издѣлія и сырые матеріалы, которые нынѣ составляютъ важнѣйшую часть торговли, были исключены изъ нея въ простыя времена ранней древности. Дорогія вещи, предметы роскоши и удобства и нѣкоторые изъ предметовъ, надобныхъ для богослуженія, были важнѣйшими товарами. Индія, съ ея изобиліемъ драгоценныхъ металловъ и камней, жемчуга и слоновой кости, пряностей и благовонныхъ куреній, требовавшихся въ большомъ количествѣ на языческое богослуженіе, съ ея шелковыми, шерстяными и бумажными тканями, была главнѣйшимъ рынкомъ, куда шли, откуда шли восточные караваны. Всѣ народы, по землямъ которыхъ проходили караваны, завлекались въ торговлю съ ними; поэтому караванная торговля имѣла еще больше вліянія на развитіе культуры, чѣмъ морская, дѣйствіе которой мало проникало вдаль отъ побережья. Караванная торговля создала тѣ большіе города, которые въ первыя историческія времена сіяли на огромныя пространства, какъ центры цивилизаціи, но сдѣлались, правда, и центрами роскоши, разсадниками обезсиливающаго сластолюбія и унижительныхъ пороковъ.

Морская тор-
говля.

Не только сухопутная, но и морская торговля получила свое начало въ Азіи и сѣверной Африкѣ. При скудости географическихъ свѣдѣній и при боязни опасностей, грозившихъ торговцу на невѣдомыхъ моряхъ, люди долго не отваживались пускаться въ открытое море. Когда предприимчивые торговцы осмѣлились наконецъ отплыть вдаль отъ берега и отправляться поперекъ моря къ противоположнымъ землямъ, мореплаваніе почти исключительно ограничивалось Средиземнымъ моремъ и примыкающимъ къ нему Чернымъ моремъ. Финикійцы плавали въ Атлантическій океанъ; прибрежные народы плавали по Индійскому океану, по Черному морю, по Персидскому заливу; но эти малочисленные плаванія, извѣстныя больше по пре-

данію, чѣмъ по достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, не имѣютъ важности во всеобщей исторіи, какъ и преданіе объ исчезнувшемъ островѣ на Атлантическомъ океанѣ, называемомъ въ легендахъ Атлантидою, и рассказы Финикійцевъ о плаваніи кругомъ Африки не имѣли вліянія на открытіе Америки и морского пути въ Остъ-Индію. Средиземное море, омывающее берега всѣхъ трехъ частей древняго міра, оставалось главнымъ мѣстомъ морской торговли во времена до нашей эры. Древніе народы не могли имѣть особеннаго влеченія покидать на своихъ гребныхъ судахъ, безъ компаса, замкнутый бассейнъ и плыть дальше, съ опасностью жизни, на поискъ невѣдомыхъ товаровъ, когда земли, легко доступныя имъ, доставляли въ богатомъ изобиліи все, надобное для наслажденій ихъ жизни. Легенды и фактическіе рассказы о затрудненіяхъ и бѣдствіяхъ, ожидающихъ плавателя на отдаленныхъ варварскихъ берегахъ, тоже отклоняли ихъ отъ смѣлыхъ попытокъ, а расчетливая политика купцовъ, облекавшихъ таинственнымъ мракомъ свои предпріятія и умышленно распространявшихъ ложныя извѣстія для устраненія конкуренціи, поддерживала эту суевѣрную боязнь.

Морская торговля въ древности была тоже очень проста, ограничиваясь покупкою, продажей или обмѣномъ товаровъ; кредитныя операціи, имѣющія такую важность въ нынѣшней торговлѣ, были почти еще вовсе неизвѣстны; простота государственной жизни и системы налоговъ не допускала большаго развитія денежныхъ спекуляцій; правильныхъ и надежныхъ почтовыхъ сообщеній не существовало, потому торговецъ былъ принужденъ самъ плыть на кораблѣ съ товарами, самъ заниматься распродажей ихъ, особенно когда товары шли къ далекимъ, мало-цивилизованнымъ народамъ: коммисіонной торговли или вовсе или почти вовсе не было. Товары въ морской торговлѣ были вообще тѣ же, какъ въ караванной; только торговля виномъ, масломъ и другими произведеніями сельскаго хозяйства, перевозить которыхъ выюкомъ было трудно или невозможно, въ морской торговлѣ получила развитіе, и матеріалы для выдѣлки тканей и вещи для обыденнаго употребленія приобрѣли болѣе широкій сбытъ.

Есть поговорка, что нужда — мать изобрѣтеній; и безъ сомнѣнія, главнымъ образомъ нужда, физическая потребность привела людей къ открытію здоровыхъ и обильныхъ матеріаловъ для пищи, къ изобрѣтенію одежды, сообразной съ климатомъ и переменами годовыхъ временъ, къ постройкѣ удобныхъ жилищъ, изобрѣтенію полезныхъ орудій, посуды, оружія. Но очень большое вліяніе имѣла и любовь къ наслажденію, врожденное человѣку влеченіе покорить себѣ природу, чтобъ она служила ему. Потребность чувственныхъ наслажденій привела первобытнаго человѣка къ изготовленію вкусной пищи помощью огня и посредствомъ искуснаго соединенія разныхъ мате-

Промышлен-
ность.

риаловъ; послѣ онъ сталъ прибавлять пряности; и уже рано узналъ онъ наслажденіе, доставляемое возбуждающими и опьяняющими напитками. Одежду себѣ первобытные люди дѣлали въ началѣ для защиты отъ холода и зноя, дождя и вѣтра, отчасти и по врожденному чувству стыдливости, для прикрытія наготы. Но скоро пробудились въ нихъ желаніе нравиться, любовь къ нарядамъ; физическая потребность усложнилась искусственными понятіями, условными формами; одежда стала разнообразнѣе, измѣнчивѣе, вошли въ обычай притиранья, золотые уборы, жемчугъ, драгоценные камни; у нѣкоторыхъ народовъ возникли обычаи насильственно придавать формамъ тѣла искусственныя очертанія. Первоначальныя, грубо сложенные изъ бревенъ и земли жилища замѣнились при развитіи цивилизаціи искусно построенными домами; влеченіе къ удобствамъ и удовольствіямъ стало находить себѣ удовлетвореніе выдѣлкою хорошей посуды, облагораживалось пробужденіемъ изящнаго вкуса, любви къ искусствамъ. Нужда и трудность работы рано привели первобытнаго человѣка къ изготовленію простаго оружія, простыхъ рабочихъ орудій. Дерево, камни, кости и т. п. служили ему матеріаломъ для этихъ издѣлій, пока открытіемъ искусства добывать металлы былъ сдѣланъ важный шагъ къ богатому развитію культуры. Мѣдь и желѣзо стали тогда основными элементами промышленности, опорами всей ея дѣятельности, матеріалами, изъ которыхъ стали выковываться и наносящій раны мечъ, и охраняющіе отъ ранъ ратные доспѣхи, и служащія дѣламъ мира орудія труда. Начало технической обработки металловъ у народа — эра, съ которой начинается переходъ его отъ инстинктивной первобытной жизни къ цивилизованному состоянію, къ самостоятельнымъ изобрѣтеніямъ и производству. Мастерскія мѣдниковъ и кузницы стоятъ на порогѣ цивилизаціи, и отъ нихъ уже недалеко до просвѣщенной городской жизни, до великихъ рынковъ промышленности и торговли.

Городская
жизнь.

Подобно всѣмъ другимъ направленіямъ жизни, промышленность культурныхъ государствъ имѣла ближайшимъ своимъ основаніемъ то, что разныя изобрѣтенія и техническія искусства соединялись въ одно цѣлое, и съ тѣмъ вмѣстѣ распредѣленіе разныхъ работъ между разными людьми совершенствовало ихъ силы. Въ механическихъ и техническихъ дѣятельностяхъ улучшеніе издѣлій зависитъ болѣе всего отъ обученія имъ; потому жизнь въ большихъ городахъ, гдѣ удобно обучаться техникѣ и гдѣ соревнованіе охватываетъ всѣ отрасли производства, очень сильно содѣйствовала быстротѣ возростанія и развитія промышленности.

Соединеніе множества людей на небольшомъ пространствѣ усложняетъ формы жизни, порождаетъ множество вводимыхъ соглашеніемъ правилъ житейскаго порядка и приличія; возникаютъ подраздѣленія людей по житейскимъ отношеніямъ между ними, водворяются рос-

кошь, комфортъ и возбуждаютъ къ изобрѣтеніямъ, къ промышленной энергіи. Пища становится болѣе разнообразна и изысканна, матеріалы для нея доставляютъ все животное и все растительное царства; одежда и ткани, служащія для украшенія жилищъ, получаютъ все болѣе изящныя и благородныя формы при развитіи ткацкаго и красильнаго искусствъ; въ посудѣ съ драгоцѣнностью матеріала соединяется красота формы, и мертвыя сокровища минеральнаго царства служатъ украшенію жизни.

I. КИТАЙЦЫ.

Литература: Mémoires concernant l'Histoire, les sciences, les arts, les mœurs, les usages etc. des Chinois, par les missionnaires de Pekin. Paris, 1797—1814. t. I—14. 4.—Le Chou-king, un des livres sacrés des Chinois traduit et enrichi de notes par P. Gauhil. Paris, 1770.—Histoire générale de la Chine ou Annales de cet Empire, traduites du Tong-kien-kang-mou par I. A. M. de Moyrac de Mailla, publiées par Grosier. Paris, 1777—80. t. I—VII. 4.—Gützlaff, Geschichte des chinesischen Reiches. Herausgegeben von K. Fr. Neumann. Stuttgart und Tübingen, 1847, и его же: China opened or a display of the topography, history, customs etc. of the Chinese empire; revised by A. Reed. London, 1838.—Ferd. Freiherr v. Richthofen, China. I. Berlin, 1877. 4.—Dr. A. Wuttke, Geschichte des Heidenthums. Zweiter Theil, enthaltend: das Geistesleben der Chinesen, Japanesen und Indier. Bresl. 1853.—The Sacred Books of China, the Texts of Confucianism translated by James Legge. I. Oxford, 1879.—Plath, die Religion und der Cultus der alten Chinesen. (Abhandlungen der philosoph.—philolog. Classe der bayerischen Akademie. Bd. IX. München, 1860).—Edkins, Chinese Buddhism. London, 1880.

1. Очеркъ китайской исторіи. Конфуцій.

Китайская имперія, со включеніемъ постепенно приобрѣтенныхъ ею подвластныхъ земель и вассальныхъ государствъ (Манджурія, Корея, Монголія, Малая Бухарія, Тибетъ, Анамъ и Тонъ-кинъ), превосходить пространствомъ и числомъ населенія всю Европу, а Китай въ тѣсномъ смыслѣ слова, это — обширная страна восемнадцати собственно китайскихъ провинцій, лежащая на востокъ отъ громадной горной массы центральной Азіи, охваченная съ сѣвера отрогами священнаго хребта Небесныхъ Горъ (Тянь-шана), съ запада — крутымъ склономъ тибетской террасы, съ юго-запада — подъемами хребтовъ индо-китайскаго полуострова и расширяющаяся въ формѣ вѣера къ востоку, къ прибрежнымъ морямъ Великаго Океана. Восточное продолженіе Куэнь-луна, входящее далеко въ глубь страны, дѣлитъ ее на двѣ половины. Сѣверная половина, бассейнъ извилистой Желтой Рѣки (Гоанъ-го), покрыта въ равнинахъ между нагихъ хребтовъ глубокимъ слоемъ неистощимо плодороднаго суглинка и спускается къ морю широкою плоскостью. Средній и южный Китай, по которому текутъ Янъ-тзе-кіанъ или Та-кіанъ и Ги-кіанъ, — склонъ тибетской террасы, образующей своими развѣтвляющимися выступами разнообразныя горныя и холмистыя мѣстности, покрытыя роскошною растительностью, мно-

Природа страны
и народа.

жествомъ прекрасныхъ садовъ. Но различіе между частями Китая исчезаетъ по сравненію съ гораздо болѣе рѣзкою противоположностью всего Китая съ охватывающимъ его поясомъ центрально-азиатской возвышенности, не имѣющимъ стоковъ къ океану, лишеннымъ почти всего, что необходимо для высокаго развитія человѣческой жизни, оставшимся страной скитанья кочевыхъ ордъ. А въ Китаѣ соединились, какъ рѣдко гдѣ въ другихъ странахъ, дары природы, необходимые для того, чтобы человѣческая жизнь могла стать богата удобствомъ и наслажденіемъ. Даже въ холодной и высокой сѣверо-западной окраинѣ плодородная почва даетъ обильные урожаи пшеницы, проса и ячменя; въ долинахъ юга созрѣваютъ двѣ и три жатвы хлѣба въ годъ, на низменностяхъ превосходно растутъ рисъ и сахарный тростникъ; на югѣ отъ Куэнъ-луна—отчизна ароматнаго чайнаго дерева, область къ сѣверу оттуда — родина прядущаго драгоцѣннаго нити шелковичнаго червя, а на сосѣднихъ съ Загантскою Индією побережьяхъ высятся подъ яснымъ небомъ надъ лимонными, смоковничными, гранатовыми рощами пальмы и другія деревья замѣчательной красоты. Много въ Китаѣ и металловъ. Долгое дѣйствіе многочисленныхъ потоковъ сгладило препятствія, какія представляютъ сношеніямъ между людьми хребты на западъ отъ Китая, и рѣки протекаютъ безъ пороговъ свои длинныя пути отъ верховья до моря. Потому равнины этихъ рѣкъ были готовыми отъ природы дорогами, и по нимъ удобно было одному изъ племенъ монгольской расы раздвинуть по всей странѣ свои поселенія, не быстрымъ ходомъ отважныхъ боевыхъ подвиговъ, а тихимъ постоянствомъ движенія впередъ шагъ за шагомъ. Гдѣ жило это племя прежде, о томъ ничего не знаетъ преданіе; но есть много данныхъ, заставляющихъ полагать, что въ оазисахъ великой степной котловины Шамо приобрѣло оно земледѣльческія знанія и склонность къ осѣдлой жизни, сдѣлавшія его способнымъ проявить на новой родинѣ въ совершенной замкнутости отъ остальнаго міра свои особенности расы и характера чрезвычайно своеобразною культурою, рано оцѣпенѣвшія формы которой сохраняютъ до сихъ поръ столько силы, что, наперекоръ всѣмъ историческимъ измѣненіямъ и разницамъ образа жизни, различію языка и происхожденія 420 милліоновъ жителей Китая, соединяютъ всѣхъ ихъ въ народъ одного государства, сознающій себя однимъ народомъ.

Древніе писатели, которые получали свои свѣдѣнія о Китаѣ отъ торговцевъ, ѣздившихъ туда сухимъ путемъ, и потому полагая, что это страна чрезвычайно далекая, прославляютъ ее, какъ изобилующую животными, деревьями и плодами всякаго рода, богатую благороднымъ шелкомъ, изъ котораго жители ея выдѣлываютъ драгоцѣннѣйшія ткани, продаваемые ими въ значительномъ количествѣ; эти серы (seres) живутъ въ сѣверо-западной гористой шелковой странѣ серикъ (serica), говорятъ древніе писатели, и изображаютъ ихъ народомъ кроткимъ, справедли-

вымъ, воздержнымъ, любящимъ спокойствіе и удобство, въ совершенной замкнутости уклоняющимся отъ всякихъ сношеній съ другими народами, имѣющимъ большіе и богатые города. Торговлю со скинами, пареями и другими сосѣдями они, по увѣренію этихъ извѣстій, ведутъ такъ: оставляютъ свои товары въ пустынь и берутъ за нихъ положенные тамъ другіе товары, не вдаваясь ни въ какія иныя сношенія;—черты, идущія и къ нынѣшнимъ китайцамъ, показывающія глубокую давность и неизмѣнность характера и обычаевъ ихъ.

Всеобщую исторію начинаютъ разсказомъ о китайцахъ только потому, что этотъ единственный народъ монгольской расы, возвысившійся надъ полудикимъ состояніемъ кочевой жизни, остается съ древнѣйшихъ временъ изошедъ вътѣю на деревъ культуры, безъ всякаго вліянія на ходъ жизни тѣхъ народовъ, развитіе которыхъ составляетъ предметъ всеобщей исторіи. Они такъ замѣчательны своеобразиемъ типа своей цивилизации, имѣютъ такую важность для исторіи и культуры сосѣднихъ восточно-азиатскихъ народовъ, что нельзя вовсе ничего не говорить о нихъ; но лишены живаго историческаго развитія, которое дало бы имъ полное соучастіе во всемірно-историческомъ движеніи, они стоятъ у порога его; потому, всеобщая исторія, давъ краткій очеркъ ихъ религіознаго, государственнаго и общественнаго быта, ихъ промышленной и торговой дѣятельности, вѣчно сохранявшихъ все одинъ и тотъ же основной характеръ, исключаетъ ихъ изъ области своего разсказа. Китай — отдѣльный міръ, не только по частной и общественной жизни своего народа, но и по природѣ страны. — Въ этой странѣ, говоритъ Риттеръ, народъ, какъ будто на островѣ, обособленный отъ остальнаго міра, развивался, въ эгоистическомъ самодовольствѣ такъ оригинально, выработавъ себѣ такую этнографическую индивидуальность, что личныя особенности отдѣльнаго человѣка необходимо должны были чрезвычайно сгладиться ею. Характеръ народа поглощалъ тутъ характеръ личности. Но не только природа страны и отдѣльность ея положенія, окруженнаго горами, морями и протягивающеюся на 300 милъ китайскою степью, произвели однообразіе типа людей; въ томъ же направленіи дѣйствовали монгольское происхожденіе этого народа и врожденное свойство его приспособляться къ самымъ разнообразнымъ условіямъ климата, вѣрно сохраняя прежній образъ жизни, прежніе нравы. Кавказская раса ужъ и по внѣшнему виду отличается отъ другихъ расъ богатствомъ формъ, разнообразіемъ въ чертахъ лица; а у монгольской расы, какъ и у европеевъ, гораздо больше однообразной типичности всѣхъ формъ тѣла и, въ частности, формъ лица. Такую же разницу представляетъ и умственное развитіе расъ. Китайцы дошли до границы, дальше которой не двинулась до сихъ поръ въ своемъ культурномъ развитіи монгольская раса. Природа и исторія какъ бы хотѣли показать на китайцахъ примѣръ того, какова можетъ быть высота монгольской цивилизации. У восточныхъ народовъ вообще народный типъ преобладаетъ надъ индивидуальностью; тѣмъ болѣе должны были принять и сохранить своеобразный національный типъ и инстинктивность народнаго духа китайцы, направляемые и своимъ происхожденіемъ, и природою своей страны къ однообразію неподвижной обособленности жизни. Потому китайскій бытъ имѣетъ характеръ произведеннаго необходимою продукта природы и такую силу, что превращаетъ все чуждое въ одинаковое съ собою: завоеватели никогда не могли видоизмѣнить китайскую народную и государственную жизнь.

Древняя исторія Китая, свѣдѣнія о которой мы имѣемъ лишь въ туземныхъ источникахъ, темна, недостоверна и отрывочна, потому что у китайцевъ нѣтъ пониманія истинно исторической жизни, и лѣтописцы ихъ по національному тщеславію относятъ начало своего государства, основаніе религіи и государственнаго порядка къ баснословно давнему времени,

Неподвижный характеръ китайской исторіи.

чтобы придать имъ больше авторитетности и приписывать священный характеръ. Китайцы считают свои учрежденія и обычаи священнымъ и разумнымъ порядкомъ, который существовалъ всегда и преобразование котораго было бы преступнымъ нарушеніемъ законнаго хода національной жизни. Поэтому у нихъ нѣтъ ни мѣста, ни почвы отважному созиданію новаго, образующаго сущность всей истинно исторической жизни. Задача человѣчества состоитъ, по китайскимъ понятіямъ, въ сохраненіи первоначальнаго быта, который китайцы представляютъ себѣ золотымъ вѣкомъ превосходнѣйшаго гражданскаго порядка, величайшаго благоденствія, и въ восстановленіи тѣхъ частей этого быта, которыя подверглись временному разстройству или измѣненію. Потому для нихъ нѣтъ развитія въ исторіи; она для нихъ лишь антропологическая сторона естествознанія и должна изображать нормальное, вѣчное, неизмѣнное въ государственной жизни, какъ астрономія въ круговращеніяхъ планетъ и движеніяхъ солнца. Они постоянно указываютъ на древность какъ на идеаль. Этотъ оцѣненнѣйшій бытъ приводится во временныя колебанія лишь толчками извнѣ. Годы счастья и мира не имѣютъ исторіи.

Первобытное
время.

По разсказу китайскихъ лѣтописей, предки «черноволосаго народа» пришли въ глубокой древности съ сѣверозапада, изъ равнинъ сѣверной части Хухунорской террасы, въ долину Вей (Wei), одного изъ притоковъ Гоанъ-го, побѣдили жившихъ въ дикомъ состояніи туземцевъ, частью истребили или прогнали ихъ, частью покорили и приучили къ своимъ правамъ, языку и всѣмъ національнымъ особенностямъ, такъ что покоренные постепенно слились въ одинъ народъ съ завоевателями. Послѣ того великіе государи, изъ которыхъ особенно знамениты Фу - ги (Fu - hi), Яо, Шунъ и министръ Шуна, ставшій преемникомъ его, Ю (Jü), насадили первыя сѣмена образованности или нравственнаго благоустройства: они расчистили поля для нивъ, научили земледѣлію, устроили шелковичныя плантаціи, научили шелководству, осушили каналами подвергавшуюся при Фу-ги и Яо страшнымъ наводненіямъ страну, сдѣлали ее плодородной; приучили народъ къ домашней и общественной жизни, къ мирному порядку, къ брачному благоустройству; положили основаніе государственнымъ учрежденіямъ, ввели законы, основали святое поклоненіе небу. До Ю, царствовавшего, по хронологіи лѣтописей, за 2205 лѣтъ до нашей эры, цари были избираемы; сыномъ его начинается первая наследственная династія, Гіа (Hia). Изъ этихъ разсказовъ видно съ достовѣрностью лишь то, что государство было въ началѣ невелико, расширялось медленно и долгое время занимало только мѣстность по Вей и по низовью Гоанъ-го до залива Пе-чи-ли и до Желтаго моря; что разныя части государства и князья ихъ были сначала очень самостоятельны, но существовалъ общій патріархальный старшина, императоръ, и что энергическіе императоры, опираясь на уваженіе всего народа къ ихъ сану, расширили его власть такъ, что императоръ сталъ верховнымъ властителемъ, а другіе князья были низведены

въ положеніе отвѣтственныхъ передъ нимъ правительственныхъ сановниковъ.

Надобно признавать совершенно баснословными времена Фу-ги и Яо, эту наиболѣе чтимую китайцами, священную для нихъ эпоху идеальнаго развитія ихъ быта, періодъ основанія ихъ религіи и культуры. Но печать недостоверности и искаженія лежитъ и на исторіи обѣихъ первыхъ двухъ династій, Гіа и Шанъ, (или Инъ, In), которыя, по хронологіи лѣтописей, царствовали по 1123 годъ до Р. Х. и при которыхъ, по лѣтописямъ, было много злодѣяній и бунтовъ. Время, нѣсколько болѣе достовѣрное, начинается лишь съ превозносимаго хвалою Ву-ваня, основателя третьей династіи, Чеу, царствовавшей до половины III столѣтія до нашей эры. Императоръ Ву-вань считается законодателемъ Китая; собственно ему приписывается совершенное устройство государственной организаціи. Но и династія Чеу, при которой, около 550 года до нашей эры, родился Кунъ-фу-тзе, испортилась; расточительность, развратъ и вообще порочность властителей, коварства и злодѣянія придворныхъ стали производить междоусобія и довели до большаго разстройства государство, утратившее при Чеу нѣсколько земли на сѣверозападѣ, но расширившееся на югъ за устье Янъ-тзе-киана и далеко за эту рѣку по среднему теченію ея. Имперіи грозило совершенное распаденіе: областные правители и военачальники лишь на словахъ признавали власть императора и стремились основать независимыя царства; казалось, что неограниченная монархія въ Китаѣ замѣнится прежнею феодальною разрозненностью, что непокорные вассалы отнимутъ почти всю власть у «сына неба». И если династія все-таки продержалась очень долго, то лишь благодаря соперничеству между князьями; когда однажды пять князей вступили въ союзъ, то стали властителями всего Китая. Этому разстройству положили конецъ государи династіи Цинь. Они захватили царскую власть въ провинціи, которой управляли, приняли титулъ царей, побѣдили другихъ феодальныхъ владѣтелей, и честолюбивый царь Ши-гоанъ-ти, энергическій, но деспотичный правитель, овладѣлъ императорскимъ престоломъ (221 до Р. Х.). Онъ поднялъ императорскую власть до самаго высокаго могущества и окончательно сокрушилъ феодальную власть князей, отнявъ у нихъ земли; чтобы сдѣлать на вѣки невозможнымъ возвращеніе къ феодализму, онъ, по словамъ лѣтописей, велѣлъ, какъ дѣлали это до него нѣкоторые изъ феодальныхъ владѣльцевъ по своимъ областямъ для своихъ интересовъ, истребить всѣ письменные памятники прежняго времени, на которые ссылались недовольные вассалы въ доказательство законности своихъ правъ; этимъ онъ хотѣлъ отнять всякую опору у приверженцевъ прежняго порядка дѣлъ. Строгій, беспощадный основатель императорскаго всемогущества, Ши-гоанъ-ти преслѣдовалъ все, мѣшавшее его стремленію: и литературу, и учениковъ

Династія Гіа,
2205—1767.

Династія
Шанъ,
1766—1123.

Династія Чеу,
1122—256.

Династія Цинь,
255—206.

Ши-гоанъ-ти,
246—210.

Кунъ-фу-тзе, идеи котораго достигли въ тѣ времена широкой распространенности и величайшаго авторитета. Онъ велѣлъ бросить въ огонь Шу-кинъ и Ши-кинъ (въ 212 году) и зарыть живыми въ землю 460 недовольныхъ писателей. О немъ говорятъ, что, слѣдуя ученіямъ своего министра Ли-се, одинаковаго съ нимъ по направленію, онъ пытался замѣнить своею личною волею народный духъ, испровергнуть основы китайскаго быта, отмѣнить древніе законы и обычное государственное устройство; потому китайскіе историки изображаютъ его тиранномъ и врагомъ неба. Но черты этой отталкивающей характеристики вѣроятно должны быть смягчены; вѣроятно слѣдуетъ думать только, что Ши-гоанъ-ти, хвалившійся происхожденіемъ отъ легендарныхъ царей древности, титулъ которыхъ Ти (вторая часть титула Гоанъ-ти) принялъ, слишкомъ суровой рукой старался отмѣнять запутанныя формы правленія, возникшія при Чеу, выдававшіяся за первобытныя установленія и погубившія династію Чеу. Едва ли можно было тогда не понимать неосновательность уваженія къ этимъ формамъ, какъ первобытнымъ; устройство правленія, которымъ хотѣлъ замѣнить ихъ Ши-гоанъ-ти, было, подобно нынѣшнему, гораздо пригоднѣе ихъ для обширнаго государства, благосостоянію котораго онъ безспорно принесъ пользу, въ особенности сооруженіемъ шоссейныхъ дорогъ, которыхъ онъ провелъ много. Такую же энергію выказывалъ Ши-гоанъ-ти и во внѣшнихъ дѣлахъ. Онъ расширилъ границы имперіи до такого объема, что только на юго-западѣ не простирались онѣ до нынѣшнихъ ея предѣловъ, но зато принадлежалъ къ ней и Тонъ-кинъ; въ защиту отъ вторженій сѣверныхъ номадовъ, Гіонъ-ну (Hiong-nu), построилъ онъ наибольшую часть знаменитой великой стѣны, начинающейся на западѣ у города Сучеу и идущей на протяженіи болѣе 300 миль черезъ горы, долины, пропасти, рѣки до залива Пе-чи-ли. У проходовъ важныхъ путей и въ опасныхъ мѣстахъ она двойная и даже тройная, вездѣ имѣетъ 25 футовъ вышины; толщина ея до самаго верха такая же, какъ при основаніи; она снабжена брустверомъ въ 5 футовъ вышины, бойницами и, на опредѣленныхъ разстояніяхъ одна отъ другой, конусообразными башнями. Постройку этой стѣны начали еще до Ши-гоанъ-ти двое изъ его предшественниковъ, царей страны Чинъ. Великая стѣна имѣла чрезвычайно важное значеніе не только для обороны Китая, но и въ исторіи запада, потому что хищныя степныя племена съ той поры стали направлять свои опустошительныя нашествія, вмѣсто Китая, на западъ.

Черезъ нѣсколько лѣтъ по смерти Ши-гоанъ-ти его династія прекратилась: его сынъ, четвертый царь династіи Цинъ, былъ убитъ династіею Гань (206). Мѣсто Цинъ заняла династія Гань (Han), усердно преданная ученіямъ Кунъ-фу-тзе, поставившая ихъ верховнымъ руководствомъ для управленія. Подавленный феодализмъ теперь уже не угро-

жалъ неограниченной власти императора никакой опасностью, поэтому первые правители новой династіи велѣли разыскивать и возстановлять старыя книги. Уцѣлѣвшіе отрывки были расположены по порядку, пробѣлы пополнены, какъ и припоминалось. Древняя лѣтопись (Шу-кинъ), была, какъ рассказываютъ, написана вновь со словъ девяностолѣтняго старика, знавшаго ее наизусть, — и въ послѣдствіи пополнена по уцѣлѣвшему списку на бамбуковыхъ дощечкахъ; если это извѣстіе справедливо, недостоверность древней исторіи Китая доказывается имъ такъ же ясно, какъ неправдоподобностью ея содержанія. — При династіи Гань китайская имперія достигла наилучшаго своего процвѣтанія и наибольшей обширности. Походами, предпринимавшимися съ половины II столѣтія нашей эры противъ хищническихъ племенъ на западѣ, китайцы успѣли не только покорить ихъ, но и приобрести торговые сношенія, чрезъ которыя западъ получилъ первыя извѣстія о серахъ и произведеніяхъ ихъ страны и ихъ искусства; великій полководецъ императора Минъ-ти, современникъ Траяна, Панъ-Чао, проникъ до Каспійскаго моря. Эти западныя завоеванія были, правда, покинуты послѣ того, но имѣли для Китая ту важность, что въ имперію были перенесены изъ бассейна Оксуса виноградная лоза и орѣховое дерево; садоводство и огородничество обогатилось введеніемъ множества новыхъ деревьевъ, овощей и цвѣтовъ. Подъ покровительствомъ династіи Гань ученіе Кунъ-фу-тзе распространилось по всѣмъ землямъ китайскаго государства и укоренилось. При слѣдующихъ династіяхъ (Тсинъ 263—420 по Р. Х.; сѣверные Сунъ 420—479; Ци 479—502; Лянъ и Чинъ 502—589; Суи 589—617; Танъ 617—906) блескъ имперіи постепенно померкъ; пороки и преступленія расточительнаго двора, вялость сластолюбивыхъ и невоинственныхъ императоровъ производили бунты, отпаденія областей и всякія смуты, пользуясь которыми, западныя и сѣверныя племена хищныхъ наѣздниковъ дѣлали вторженія и болѣе или менѣе продолжительныя завоеванія. Только при великомъ императорѣ Тай-тсунъ, изъ династіи Танъ, прославившемъ свое имя такъ, что византійскій императоръ посылалъ посольство къ нему, и присоединившемъ къ имперіи земли по Тарыму, а также и Корею, начинается, въ VII вѣкѣ нашего лѣтосчисленія, новый славный періодъ, въ который внѣшніе враги были побѣждены и покорены, администрація улучшилась, вновь стали процвѣтать торговля и промышленность, развились и были ободряемы литература и наука. Династія Тай-тсуна, заслужившаго добродѣтелью и мудростью любовь народа, оставалась на престолѣ въ VIII и IX столѣтіяхъ; но послѣдніе слабые государи ея, управляемые женами и любимцами, вели государство къ упадку, о ходѣ и катастрофахъ котораго мы кратко расскажемъ въ концѣ этого отдѣла. Китайскія лѣтописи и по наступленіи вѣковъ достоверной исторіи представляютъ плохой матеріалъ: сухое перечисленіе внѣшнихъ со-

95 по Р. Х.

Тай-тсунъ
627—650 по
Р. Х.

религій, мирно уживаючіся съ нею, могли приобрѣсти нѣкоторую важность въ Китаѣ: ученіе Лао-тзе и проникші въ Китай изъ Индіи буддизмъ.

2. Религіозный бытъ.

а) государственная религія.

Происхожденіе
государствен-
ной религіи.

Китайская государственная религія основывается на народной вѣрѣ доисторическихъ временъ. Изъ древнѣйшихъ общенародныхъ религіозныхъ понятій развился у китайцевъ рядъ обычаевъ набожности, пережившихъ возрѣнія, которыми они были порождены и которыя въ началѣ историческаго времени ужь вымирали. Погруженный въ заботы о непосредственныхъ надобностяхъ жизни, умъ китайца всегда находилъ родною своею сферою міръ дѣйствительности, такъ что не могъ считать человѣка предназначеннымъ для иной жизни, кромѣ земной. Оттого, сверхчувственный міръ вѣры интересовалъ китайцевъ не столько самъ по себѣ, сколько по вліянію, какое, по ихъ мнѣнію, имѣлъ онъ на человѣческую жизнь. Такимъ образомъ, религіозное чувство китайца удовлетворялось правилами жизни, которыя скоро стали неизмѣнными обычаями и считались имѣющими самобытную силу. Эти мысли установились тѣмъ легче, что по патріархальному обычаю не было надобности въ особыхъ священнослужителяхъ: религіозные обряды совершали тѣ же лица, которыя во всѣхъ дѣлахъ были представителями семейства, округа или цѣлаго народа. Приносить жертвы, произносить молитвы, это было не исключительною профессіею особаго класса людей, получившихъ богословское воспитаніе, а временною обязанностью, соединенною съ извѣстнымъ общественнымъ положеніемъ человѣка. На комъ же могъ бы тогда лежать долгъ выработать изъ религіозныхъ убѣжденій народа цѣльное ученіе и передавать его? По мѣрѣ того, какъ изъ удѣльныхъ княжествъ, соединенныхъ вначалѣ только слабою связью, формировалось централизованное бюрократическое государство, китайскіе правители все болѣе и болѣе придавали священнымъ обычаямъ предковъ значеніе государственныхъ правилъ. Считая ихъ, подобно другимъ наслѣдованнымъ отъ отцовъ обыкновеніямъ, достопочтенными завѣтами старины, благотворность которыхъ доказана опытомъ, они охраняли эти первобытныя формы какъ палладіумъ національности. Но ихъ прозаическій умъ, направленный исключительно къ практическимъ цѣлямъ, отклонялъ отъ глубокаго изслѣдованія религіозныхъ вопросовъ и отъ размышленій о чудесномъ и сверхъестественномъ. Имъ не нравилось то, что не могло быть предметомъ непосредственнаго

чувственного опыта. Этотъ образъ мыслей выказывается уже въ тѣхъ религіозныхъ разсужденіяхъ, которыя находятся въ Шу-кинѣ; въ нихъ политическія соображенія преобладаютъ надъ религіозными.

Старинная китайская народная вѣра приписывала цѣлесообразные процессы природы существамъ, дѣйствующимъ и чувствующимъ подобно человѣку, чтла эти существа молитвами и жертвоприношеніями, чтобы склонять ихъ къ благотворному дѣйствованію. Поклоненіе имъ было поклоненіемъ природѣ, потому что ихъ считали воплощенными или невидимо присущими ея дѣятельности. По этой религіи, они были духовными силами, соединенными съ явленіями природы, не болѣе того. Но кажется, что въ древнѣйшее время возрѣніе было не таково: тогда вѣрили, что духи природы могутъ, какъ свободныя личности, принимать видъ животныхъ или изобрѣтенныхъ китайскою фантазіею существъ и являться подъ этими видами людямъ. Древнія пѣсни говорятъ о духахъ, сходившихъ съ высокихъ горъ, чтобы давать рожденіе особенно даровитымъ людямъ. Китайцы нѣкогда представляли себѣ небо совершенно личнымъ богомъ; это ясно изъ того, что они говорили о слѣдахъ ногъ его, называли предковъ династій Шанъ и Чоу произошедшими отъ него, рассказывали о его разговорѣ съ однимъ изъ царей. Но въ историческія времена этого миѣческаго возрѣнія ужь нѣтъ; оно ужь устранено, отъ него сохранились лишь немногіе остатки. Еще до Лао-тзе и Кунъ-фу-тзе возникла въ Китаѣ натуралистическая философія, отвергавшая народную вѣру въ духовъ, производившая процессы природы отъ смѣшенія разныхъ веществъ и объяснявшая ихъ механическимъ дѣйствіемъ качествъ смѣшивающихся веществъ. Вліянію этого образа мыслей, считающаго силы природы безличными и нераздѣльными отъ матеріи, должно приписывать то, что китайцы, продолжая поклоняться духамъ природы, не сдѣлали изъ нихъ боговъ природы и мало заботились о разъясненіи себѣ того, что жь именно такое эти духи, каковы ихъ взаимныя отношенія. Китайцы имѣли тѣмъ меньше влеченія къ подобнымъ изслѣдованіямъ, что съ самыхъ давнихъ временъ природа представлялась ихъ религіозному сознанію однимъ великимъ цѣлымъ, сообразно тому, что и самъ бытъ ихъ въ древнѣйшія времена былъ очень простой: надобныя для ихъ благосостоянія отношенія природы къ нимъ состояли почти исключительно въ томъ, чтобы природа давала успѣхъ ихъ земледѣлію. А ихъ земледѣлію такъ благопріятствовала ежегодная правильность переменъ погоды въ ихъ краѣ, благопріятствовали столькія другія природныя условія, что имъ должно было казаться: правильность и гармонія составляютъ сущность окружающей человѣка природы, и внутренняя жизнь природы идетъ по ненарушиму порядку, нормальный ходъ котораго доставляетъ человеку счастье пользоваться плодами труда. Было у нихъ вѣрованіе, что существуютъ зложелательные духи, могущіе вредить человѣку; но

Поклоненіе
природѣ.

они были убѣждены, что совершеніемъ извѣстныхъ дѣйствій человекъ преодолеваетъ вліяніе этихъ духовъ. Они думали, что кажущаяся случайность счастья и несчастья на самомъ дѣлѣ подчинена закону, и что существуютъ обряды, которыми предотвращаются бѣды; успѣшность этихъ пріемовъ подтверждалась, по ихъ мнѣнію, свидѣтельствомъ опыта, и они исполняли обряды съ суевѣрною аккуратностью. Потому, когда случались неблагоприятныя имъ нарушенія привычнаго хода природы, напимѣръ, наводненіе или засуха, у нихъ не было мысли, что это можетъ происходить отъ борьбы противоположныхъ силъ природы, быть дѣйствіемъ злаго начала, враждебнаго благотворному порядку. Если природа переставала благопріятствовать человеку, они думали, что онъ не исполнилъ тѣхъ дѣйствій, посредствомъ которыхъ обычно пріобрѣтается ея благосклонность, или, если соблюлъ всѣ эти правила, то самъ сдѣлался недостойнымъ ея милостей, нарушая своимъ образомъ жизни порядокъ природы и не слѣдуя внутреннимъ законамъ ея, которымъ слѣдуетъ все остальное въ мірѣ. Въ природѣ нѣтъ противоборствующихъ порядку силъ; только человекъ, преступая вѣчный порядокъ, извращаетъ его и самъ готовитъ себѣ гибель. Эти мысли дѣлали міръ лишеннымъ божества, желѣзнымъ, пустымъ механизмомъ, благотворнымъ лишь для достойнаго, грозящимъ гибелью недостойному; но за то онѣ придавали китайской религіи глубоко-нравственный характеръ. По китайскимъ понятіямъ, природа требуетъ отъ человека не того только, чтобъ онъ подчинялся ей, чтилъ ее, но и того, чтобъ онъ соблюдалъ должную мѣру и порядокъ во всѣхъ дѣлахъ жизни; она блюдетъ, чтобъ онъ исполнялъ всѣ свои обязанности. Обязанности свои человекъ можетъ познавать разумомъ: онѣ вытекаютъ изъ его отношеній къ другимъ людямъ и изъ отношенія человечества къ природѣ. Такимъ образомъ, по китайскому ученію о нравственности, религіозныя обязанности совпадаютъ съ гражданскими; исполненіе каждой обязанности требуется религіознымъ чувствомъ опасенія, что нарушеніемъ ея колеблется не только общественный бытъ, но и порядокъ природы, подвергается опасности существованіе не только государства, но и самаго человечества. Этимъ убѣжденіемъ, ясно высказываемымъ ужъ и въ Шу-кинѣ, объясняется твердость привязанности китайца къ обычаю своего народа: по господствующему воззрѣнію, этотъ обычай—единственная форма, въ которой безопасно жить человеку, потому что только въ ней возможно ему жить сообразно назначенію своей природы, какъ это признано мудростью съ самыхъ давнихъ временъ. Китайскимъ мыслителямъ чуждо понятіе откровенія, потому что божественный элементъ по китайскимъ понятіямъ существуетъ не внѣ природы, а въ ней самой, и, собственно говоря, тождественъ съ нею, слѣдовательно не дѣйствуетъ на человека отдѣльно отъ нея. Не имѣя ученія объ откровеніи, китайцы выводили всѣ обязанности изъ про-

стыхъ требованій природы. Послѣдователи Кунъ - фу - тзе считали источникомъ нравственности Гяо (Нiao), обязанность любви дѣтей къ родителямъ; въ одномъ изъ киновъ, Гяо-кинѣ, излагается, какимъ образомъ изъ этой простѣйшей обязанности происходятъ всѣ правила, которымъ долженъ слѣдовать человекъ, и въ особенности тотъ человекъ, который долженъ быть образцомъ для всѣхъ другихъ людей, властелинъ. Богослуженіе имѣетъ своимъ основаніемъ для китайцевъ лишь свою доказанную опытомъ полезность и сохраняется ими лишь потому, что оно необходимо. Характеръ его рано сталъ совершенно сухимъ. Въ немъ нѣтъ религіознаго одушевленія, возносящаго сердце въ свѣтлый міръ идеаловъ. Его совершаютъ съ дѣловою аккуратностью, какъ подчиненный, пришедшій къ начальнику, заботится соблюдать должное приличіе и добросовѣстно исполнить требованія этикета; кончивъ обрядъ, китаецъ, довольный, что не допустилъ въ немъ никакой ошибки, снова погружается въ свою холодную, прозаическую обыденную жизнь, не перерываемую никакимъ праздникомъ. Официальный характеръ его набожности отражается и въ томъ, что небу присвоенъ у него санъ императора, землѣ санъ княгини, горамъ и рѣкамъ санъ министровъ.

Важнымъ значеніемъ, какое имѣетъ въ китайскомъ культѣ небо (Тянь), обязано оно тому, что оно—фонъ, на которомъ совершается круговращеніе свѣтилъ, то-есть, и сѣня время года; это даетъ возможность считать небо принципомъ, которому подчинено все и который остается неизмѣненъ при всѣхъ перемѣнахъ во всемъ. Потому китайцы приписали небу сохраненіе порядка въ природѣ; а этотъ порядокъ превосходитъ, и небу приписываются за то доброта, милосердіе и всякія тому подобныя качества. Оно считается Ти, «царемъ», или Шанъ-Ти, «верховнымъ царемъ», но его не считаютъ личнымъ богомъ, отдѣльнымъ отъ природы, тѣмъ менѣе творцомъ міра. Земля наравнѣ съ нимъ считается существовавшей вѣчно. Все находящееся между небомъ и землею, по китайскому выраженію, «десять тысячъ (тма) предметовъ», считается произведеніемъ взаимодѣйствія неба и земли. Потому вступающіе въ бракъ дѣлаютъ воззваніе къ небу и землѣ; «призвать небо и землю» значитъ: вступить въ бракъ. Богослуженіе и народная вѣра признавали небо за личнаго бога и приписывали ему непосредственное дѣйствіе на ходъ дѣлъ въ мірѣ; но китайскіе мыслители отвергли мнѣніе, что ходъ міра нуждается въ какомъ нибудь произвольномъ вмѣшательствѣ. Они соглашались, что небо «очень умный духъ», но настойчиво говорятъ, что у него «нѣтъ ни голоса, ни обонанія», а воля его, по ихъ понятію, не болѣе, какъ то, что оказывается окончательнымъ результатомъ хода фактовъ. Въ Шу-кинѣ еще отражается мысль, что порядокъ природы—дѣйствіе личнаго божества. Но это мнѣніе было разрушено матеріалистическимъ ученіемъ, безъ сомнѣнія, очень древнимъ, по которому вселенная считалась результатомъ дѣйствія двухъ основныхъ силъ вѣчной матеріи. Одна изъ этихъ силъ, *Линъ*, принципъ свѣта, дѣйствія, движенія; другая, *Янъ*,—принципъ тьмы, неподвижности, под-вергающійся дѣйствію *Линъ* и воспринимающій его въ себя. Изъ этихъ двухъ силъ были выводимы всѣ качества предметовъ и законы фактовъ; гармоническій порядокъ, производимый взаимодѣйствіемъ основныхъ принциповъ, замѣнялъ въ этомъ ученіи божество. Небо, судьба и природа были въ немъ только названіями этого порядка вселенной. «Сердце неба и земли»—то-есть, душу вселенной—«можно называть дѣйствующимъ духомъ; но онъ отличается отъ человѣческаго духа тѣмъ, что не имѣетъ мыслей»,—говорилъ Чу-ги.

По старому патриархальному обычаю, знатные приносили жертвы духам своего дома, удѣльные князья духамъ земледѣлія, духамъ горъ, рѣкъ и почвы своей области, и только императору было предоставлено совершать служеніе небу и землѣ, четыремъ странамъ свѣта, великимъ горамъ и рѣкамъ имперіи. Храмовъ не было. Жертвоприношенія совершались подъ открытымъ небомъ. Послѣ, императоръ сталъ совершать жертвы только небу, землѣ, солнцу и лунѣ; приношеніе другихъ жертвъ были возложены на сановниковъ. Жертвоприношенія были въ старину пышными торжествами; послѣ, роскошь ихъ уменьшилась, не только по расчету бережливости, но и потому, что стали считать обряды формальностями, не имѣющими внутренней силы быть полезными. «Если мы не служимъ человѣку, то какъ можемъ мы служить духамъ?» говоритъ Кунъ-фу-тзе; въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ: «Жертва тому, что не духъ своего предка,—лестъ».

Культь предковъ.

Глубоко коренился въ народной жизни только культъ предковъ, происшедшій изъ вѣрованія, что духъ человѣка переживаетъ его смерть и продолжаетъ его существованіе, подобное прежнему. Кажется, всегда китайцы меньше думали о томъ, какъ и гдѣ живутъ души умершихъ, чѣмъ объ исполненіи своихъ обязанностей къ нимъ. Старая народная религія не знаетъ особеннаго царства умершихъ, не знаетъ загробнаго воздаянія за добро и зло. Ей довольно было того, чтобы люди сожалѣли о смерти своихъ близкихъ, и чтобы тѣло было хоронимо заботливо, потому что иначе духъ умершаго прогнѣвался бы. Уваженіе, которое семейные обязаны были имѣть къ живому, должны они продолжать оказывать ему и по его смерти тѣмъ, чтобы извѣщать его духъ о важныхъ семейныхъ случаяхъ, и просить у него совѣта въ дѣлахъ, о которыхъ люди совѣщаются между собою. Духи не только интересовались судьбою своихъ семейныхъ, но и могли даровать имъ счастье. Кто въ предписанное время призывалъ ихъ и доставлялъ имъ удовольствіе музыкою и танцами, предложеніемъ пищи и питья, того они награждали долгою и благополучною жизнью. Какъ именно дѣлали они это, и въ какомъ отношеніи къ духамъ неба и земли находятся духи умершихъ, китайцы не заботились разъяснить себѣ.

Сила вліянія духовъ и степень почитанія, какое надобно было оказывать имъ, была различна, смотря по степени важности умершихъ. Предки простолюдина должны были довольствоваться нагимъ нибудь уголкомъ въ его жилищѣ; предки знатнаго человѣка, тѣмъ болѣе удѣльнаго князя, требовали себѣ особаго зала или храма; предки императора требовали себѣ семи храмовъ. О духахъ замѣчательныхъ государей стариннаго времени говорили, что они взошли на небо и вмѣстѣ съ небомъ управляютъ судьбами людей. Почитаніе оказывается не изображеніемъ умершихъ, а собственно духамъ ихъ, которыхъ въ старинныя времена, до Ши-гоанъ-ти, считали присущими въ обрядахъ служенія имъ: они находились тутъ въ видѣ одного изъ младшихъ мальчиковъ семейства; этого мальчика и чтла семья обрядами; по прайней мѣрѣ на праздникахъ почитанія предковъ у знатныхъ людей это было такъ. Позднѣе, вошло въ обычай вѣшать въ храмахъ дощечки съ именами умершихъ и совершать обряды передъ этими дощечками. Уже и въ самыя древнѣйшія извѣстныя намъ времена, торжества почитанія умершихъ были не столько религіознымъ служеніемъ, сколько пышными праздниками, которые глава семейства при соучастіи родныхъ или вассаловъ устраивалъ въ память и честь своихъ предковъ, приглашая къ тому множество гостей. При скептическомъ направленіи мыслей

образованныхъ людей, обряды въ честь умершихъ не могли привести къ обоготворенію ихъ. Напротивъ, китайцы скоро стали думать, что эти обряды заслуживаютъ сохраненія лишь потому, что въ нихъ проявляются и поддерживаются ими семейныя чувства и уваженіе къ старинѣ,—чувства, полезные для общественной жизни. Преданіе приписываетъ Кунъ-фу-тзе слова: «Если бы я сказалъ, что мертвые знаютъ что нибудь объ этомъ, то благочестивые сыновья и послушные внуки стали бы, я опасюсь, лишать себя жизни, чтобы перейти къ умершимъ. Если бы я сказалъ, что мертвые не замѣчаютъ ничего, то ненабожные сыновья стали бы, я опасюсь, не заботиться о родныхъ и оставляли бы ихъ непохороненными».—По соображенію полезности почитанія умершихъ, исполненіе правилъ его считается у китайцевъ одною изъ главныхъ обязанностей нравственнаго человѣка. Государство принимаетъ на себя заботу о погребеніи тѣхъ умирающихъ, у которыхъ нѣтъ родныхъ, о праздникахъ поминовенія ихъ, и чтитъ память людей, оказавшихъ услуги общему благу, въ особенности тѣхъ императоровъ и сановниковъ, которымъ преданіе приписываетъ благотворныя изобрѣтенія. Сословія, профессіи, цехи имѣютъ тоже духовъ покровителей. Самое почетное положеніе въ культѣ великихъ людей пріобрѣла память Кунъ-фу-тзе. Можно полагать, что почитаніе нѣкоторыхъ духовъ-покровителей, наиримѣръ, царствовавшихъ передъ династією Гіа пяти государей (Ти) и ихъ сподвижниковъ, остатокъ старинной міеологіи, которая рачіоналистическою передѣлкою была послѣ превращена въ исторію: дѣла, приписываемыя этимъ великимъ цивилизаторамъ, имѣютъ очень міеическій характеръ.

Изъ суевѣрій, которыхъ много въ простомъ народѣ, о гаданіяхъ намъ извѣстно, что они уже существовали въ древности. Гадали по листьямъ травы Ши (тысячелистника), гадали на трещинахъ, которыя образуются въ корѣ черепахи, надъ огнемъ. Старыя истолкованія этихъ гаданій, составлявшія тайную науку, вымерли. Позднѣйшія гаданія и предсказываніе будущаго имѣютъ много принятаго изъ чужихъ земель. Религіознаго значенія китайцы не придаютъ имъ. Они основаны на наблюденіи и вычисленіи небесныхъ явленій и годовыхъ перемѣнъ; по нимъ составляется расчетъ хорошихъ и дурныхъ дней. Нынѣ правительство издаетъ календарь, въ которомъ помѣщаются астрономическія предсказанія; изъ нихъ особенно важны для китайцевъ свѣдѣнія о томъ, когда будутъ затменія солнца и луны. Затменія считаются съ древности событіями очень гибельными, потому что, при затменіи, солнце (или луна) пожирается огромнымъ дракономъ; императоръ долженъ прогонять этого дракона, стуча въ волшебный барабанъ. Важнѣйшую роль въ народныхъ суевѣріяхъ играетъ Фенъ-шуй, «ученіе о вѣтрѣ и водѣ», объясненіе примѣтъ, по которымъ узнается, благопріятно ли какое нибудь мѣсто для извѣстнаго дѣла.

в) кита́йскія секты.

При равнодушіи китайцевъ ко всему идеальному и сверхъестественному, при отсутствіи религіознаго энтузіазма у нихъ и при ихъ исключительной заинтересованности дѣлами дѣйствительной жизни, не трудно было другимъ религіямъ получить право быть терпимыми рядомъ съ государственной и найти себѣ послѣдователей между людьми, имѣющими влеченіе къ задушевному благочестію. Но эти религіи, хоть и приспособлены къ тому, чтобы уживаться съ государственной, не требующей убѣжденія и не имѣющей никакой опредѣленной догматики, никогда не могли пріобрѣсти національнаго значенія; ихъ послѣдователи остаются въ положеніи сектантовъ, которыхъ равнодушное государство терпитъ, пока они кажутся неопасными для него; замѣтнаго вліянія на національную жизнь онѣ не имѣютъ.

По старому патриархальному обычаю, знатные приносили жертвы духамъ своего дома, удѣльные князья духамъ земледѣлія, духамъ горъ, рѣкъ и почвы своей области, и только императору было предоставлено совершать служеніе небу и землѣ, четыремъ странамъ свѣта, великимъ горамъ и рѣкамъ имперіи. Храмовъ не было. Жертвоприношенія совершались подъ открытымъ небомъ. Послѣ, императоръ сталъ совершать жертвы только небу, землѣ, солнцу и лунѣ; приношеніе другихъ жертвъ были возложены на сановниковъ. Жертвоприношенія были въ старину пышными торжествами; послѣ, роскошь ихъ уменьшилась, не только по расчету бережливости, но и потому, что стали считать обряды формальностями, не имѣющими внутренней силы быть полезными. «Если мы не служимъ человѣку, то какъ можемъ мы служить духамъ?» говорить Кунъ-фу-тзе; въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ: «Жертва тому, что не духъ своего предка,—лесть».

Культь пред-
ковъ.

Глубоко коренился въ народной жизни только культъ предковъ, происшедшій изъ вѣрованія, что духъ человѣка переживаетъ его смерть и продолжаетъ его существованіе, подобное прежнему. Кажется, всегда китайцы меньше думали о томъ, какъ и гдѣ живутъ души умершихъ, чѣмъ объ исполненіи своихъ обязанностей къ нимъ. Старая народная религія не знаетъ особеннаго царства умершихъ, не знаетъ загробнаго воздаянія за добро и зло. Ей довольно было того, чтобы люди сожалѣли о смерти своихъ близкихъ, и чтобы тѣло было хоронимо заботливо, потому что иначе духъ умершаго прогнѣвался бы. Уваженіе, которое семейные обязаны были имѣть къ живому, должны они продолжать оказывать ему и по его смерти тѣмъ, чтобы извѣщать его духъ о важныхъ семейныхъ случаяхъ, и просить у него совѣта въ дѣлахъ, о которыхъ люди совѣщаются между собою. Духи не только интересовались судьбою своихъ семейныхъ, но и могли даровать имъ счастье. Кто въ предписанное время призывалъ ихъ и доставлялъ имъ удовольствіе музыкою и танцами, предложеніемъ пищи и питья, того они награждали долгою и благополучною жизнью. Какъ именно дѣлали они это, и въ какомъ отношеніи къ духамъ неба и земли находятся духи умершихъ, китайцы не заботились разъяснить себѣ.

Сила вліянія духовъ и степень почитанія, какое надобно было оказывать имъ, была различна, смотря по степени важности умершихъ. Предки простолюдина должны были довольствоваться какимъ нибудь уголкомъ въ его жилищѣ; предки знатнаго человѣка, тѣмъ болѣе удѣльнаго князя, требовали себѣ особаго зала или храма; предки императора требовали себѣ семи храмовъ. О духахъ замѣчательныхъ государей стариннаго времени говорили, что они взошли на небо и вѣстѣ съ небомъ управляютъ судьбами людей. Почитаніе оказывается не изображеніемъ умершихъ, а собственно духамъ ихъ, которыхъ въ старинныя времена, до Ши-гоанъ-ти, считали присущими въ обрядахъ служенія имъ: они находились тутъ въ видѣ одного изъ младшихъ мальчиковъ семейства; этого мальчика и чтла семья обрядами; по крайней мѣрѣ на праздникахъ почитанія предковъ у знатныхъ людей это было такъ. Позднѣе, вошло въ обычай вѣшать въ храмахъ дощечки съ именами умершихъ и совершать обряды передъ этими дощечками. Уже и въ самыя древнѣйшія извѣстныя намъ времена, торжества почитанія умершихъ были не столько религіознымъ служеніемъ, сколько пышными праздниками, которые глава семейства при соучастіи родныхъ или вассаловъ устраивалъ въ память и честь своихъ предковъ, приглашая къ тому множество гостей. При скептическомъ направленіи мыслей

образованныхъ людей, обряды въ честь умершихъ не могли привести къ обоготворенію ихъ. Напротивъ, китайцы скоро стали думать, что эти обряды заслуживаютъ сохраненія лишь потому, что въ нихъ проявляются и поддерживаются ими семейныя чувства и уваженіе къ старинѣ,—чувства, полезные для общественной жизни. Преданіе приписываетъ Кунъ-фу-тзе слова: «Если бы я сказалъ, что мертвые знаютъ что нибудь объ этомъ, то благочестивые сыновья и послушные внуки стали бы, я опасюсь, лишать себя жизни, чтобы перейти къ умершимъ. Если бы я сказалъ, что мертвые не замѣчаютъ ничего, то ненабожные сыновья стали бы, я опасюсь, не заботиться о родныхъ и оставляли бы ихъ непохороненными».—По соображенію полезности почитанія умершихъ, исполненіе правилъ его считается у китайцевъ одною изъ главныхъ обязанностей нравственнаго человѣка. Государство принимаетъ на себя заботу о погребеніи тѣхъ умирающихъ, у которыхъ нѣтъ родныхъ, о праздникахъ поминовенія ихъ, и чтитъ память людей, оказавшихъ услуги общему благу, въ особенности тѣхъ императоровъ и сановниковъ, которымъ преданіе приписываетъ благотворныя изобрѣтенія. Сословія, профессіи, цехи имѣютъ тоже духовъ покровителей. Самое почетное положеніе въ культѣ великихъ людей пріобрѣла память Кунъ-фу-тзе. Можно полагать, что почитаніе нѣкоторыхъ духовъ-покровителей, напримѣръ, царствовавшихъ передъ династією Гіа пяти государей (Ти) и ихъ сподвижниковъ, остатокъ старинной міеологіи, которая рационалистическою передѣлкою была послѣ превращена въ исторію: дѣла, приписываемыя этимъ великимъ цивилизаторамъ, имѣютъ очень міеическій характеръ.

Изъ суевѣрій, которыхъ много въ простомъ народѣ, о гаданіяхъ намъ извѣстно, что они уже существовали въ древности. Гадали по листьямъ травы Ши (тысячелистника), гадали на трещинахъ, которыя образуются въ корѣ черепахи, надъ огнемъ. Старыя истолкованія этихъ гаданій, составлявшія тайную науку, вымерли. Позднѣйшія гаданія и предсказываніе будущаго имѣютъ много принятаго изъ чужихъ земель. Религіознаго значенія китайцы не придаютъ имъ. Они основаны на наблюденіи и вычисленіи небесныхъ явленій и годовыхъ перемѣнъ; по нимъ составляется расчетъ хорошихъ и дурныхъ дней. Нынѣ правительство издаетъ календарь, въ которомъ помѣщаются астрономическія предсказанія; изъ нихъ особенно важны для китайцевъ свѣдѣнія о томъ, когда будутъ затменія солнца и луны. Затменія считаются съ древности событіями очень гибельными, потому что, при затменіи, солнце (или луна) пожирается огромнымъ дракономъ; императоръ долженъ прогнать этого дракона, стуча въ волшебный барабанъ. Важнѣйшую роль въ народныхъ суевѣріяхъ играетъ Фенъ-шуй, «ученіе о вѣтрѣ и водѣ», объясненіе примѣтъ, по которымъ узнается, благопріятно ли какое нибудь мѣсто для извѣстнаго дѣла.

в) китаѣскія секты.

При равнодушіи китайцевъ ко всему идеальному и сверхъестественному, при отсутствіи религіознаго энтузіазма у нихъ и при ихъ исключительной заинтересованности дѣлами дѣйствительной жизни, не трудно было другимъ религіямъ получить право быть терпимыми рядомъ съ государственной и найти себѣ послѣдователей между людьми, имѣющими влеченіе къ задушевному благочестію. Но эти религіи, хоть и приспособлены къ тому, чтобы уживаться съ государственной, не требующей убѣжденія и не имѣющей никакой опредѣленной догматики, никогда не могли пріобрѣсти національнаго значенія; ихъ послѣдователи остаются въ положеніи сектантовъ, которыхъ равнодушное государство терпитъ, пока они кажутся неопасными для него; замѣтнаго вліянія на національную жизнь онѣ не имѣютъ.

Учение Тао.

Во времена Кунъ-фу-тзе политическія смуты, разрушавшія прежній государственный порядокъ, заставляли умнѣйшихъ людей націи искать твердыхъ основаній для народнаго устройства нравственной и государственной жизни. Едва ли кто другой изъ нихъ равнялся философскимъ глубокомысліемъ и геніальностью Лао-Кіюну (Lao-Kiün) или Лао-тзе, родившемуся около 604 г. до Р. Х., жившему въ наслѣдственныхъ областяхъ династіи Чеу, находившемуся на императорской службѣ и бывшему наконецъ хранителемъ императорскаго архива. Туманные афоризмы его Тао-те-кинъ, то есть «классической книги о Тао и о добродѣтели» считаются основой вѣрованій въ сектѣ послѣдователей Тао. Въ нихъ излагаются нравственные понятія и политическія теоріи «ученія Тао». Слово «тао» (путь) встрѣчается и въ другихъ классическихъ школахъ, въ смыслѣ «основной принципъ всего хода природы и норма человѣческой дѣятельности». Но у Лао-тзе онъ—терминъ, употребляемый лишь по недостатку другаго, для обозначенія основнаго элемента всякаго бытія; этотъ элементъ не можетъ имѣть никакого вполне соответствующаго названія, но можно называть его «путемъ», потому что все исходитъ отъ него и возвращается въ него. Идеаль человѣка по ученію Лао-тзе, «святой человѣкъ», находится въ постоянномъ таинственномъ общеніи съ этимъ источникомъ всего бытія, такъ что вся жизнь «святаго» проникнута силою Тао, и онъ безъ собственной воли, безъ преднамѣренія и усилія, проявляетъ своими дѣлами всѣ высокія качества Тао. Только такое общеніе съ Тао даетъ человѣку истинную добродѣтель. По высшему пониманію сущности Тао, это элементъ возможности бытія, сокровенный источникъ его, въ глубинѣ котораго лежитъ «бездѣйственность»; потому въ «бездѣйственности» состоитъ и истинная сущность добродѣтели святаго. Изъ равнодушной, апатичной глубины ея поступки его развиваются какъ-бы процессомъ природы, какъ фазисъ бытія природы; это ничто иное, нежели обыденная добродѣтель житейскаго быта и мірскаго благоразумія, дѣйствующая сознательно, по соображеніямъ о цѣляхъ. Эта такъ сказать растительная добродѣтель святаго, подобно сокровенному, чуждому эгоизма дѣйствованію Тао, имѣетъ непреодолимую силу, привлекающую къ подражанію ей всѣхъ, видящихъ ея проявленія и ведущую такимъ образомъ къ той великой цѣли, чтобы всѣ люди сдѣлались существами творящими добро безъ намѣренія и знанія, по самому влеченію своей природы, доброй и святой, и не могущими поступить иначе. Сообразно, этому политическій идеаль Лао-тзе—маленькая община людей, имѣющихъ лишь первобытнѣйшія потребности, небогатая, потому не возбуждающая въ другихъ народахъ желанія ограбить ее, а поэтому не нуждающаяся ни въ войскѣ, ни въ оружіи; не нуждающаяся и въ правительствѣ, потому что всѣ члены ея имѣютъ законъ въ собственномъ сердцѣ. Ученіе Лао-тзе—самое послѣдова-

тельное развитіе старинныхъ китайскихъ понятій о внутреннемъ единствѣ закона природы и закона человѣческой жизни. Оно осталось безъ дальнѣйшей разработки, рано будучи сдѣлано лишь прикрытіемъ для ученія секты, замѣнившей стремленіе къ нравственному преобразованію жизни дикими бреднями о духахъ, приспособлявшейся сначала къ народнымъ вѣрованіямъ, не вошедшимъ въ государственную религію, потомъ къ буддистскому фантазерству, и предавшейся наконецъ занятію алхиміею, изобрѣтенію напитка, дающаго безсмертіе (въ этомъ смыслѣ истолковываетъ она слова Лао-тзе, что смерть безсильна надъ святымъ). Нѣкоторые изъ китайскихъ императоровъ заказывали изготовить для нихъ напитокъ безсмертія, и мудрецы ученія Тао часто пользовались милостями двора, въ особенности при династіи Сунъ; но никогда не было и попытки сдѣлать ихъ ученіе государственною религіею. Напротивъ, оно стало въ глазахъ образованныхъ людей смѣшною тайною наукою шарлатановъ и колдуновъ.

Буддизмъ, изложеніе котораго отнесено нами къ индійской исторіи, былъ возвѣщаемъ въ Китаѣ двумя миссіонерами еще въ 68 г. до Р. Х., но лишь въ III столѣтіи нашей эры сталъ сильно распространяться въ имперіи, главнымъ образомъ между простолюдинами. Въ Китай было принесено и переведено на китайскій языкъ много сочиненій сѣверныхъ буддистовъ. Но подобно тибетцамъ и алтайскимъ народамъ, китайцы ознакомились съ этимъ ученіемъ лишь въ той испорченной формѣ, какую получило оно въ сѣверной Индіи; въ этомъ искаженіи ученія, основатель его Будда (котораго китайцы называли въ-старину Бутъ, потомъ Фу-та, наконецъ стали называть Фу) былъ самъ сдѣланъ богомъ,—возникло множество идоловъ, богослуженіе переполнилось механическою формальностью. Серьезными послѣдователями буддизма въ Китаѣ надобно считать, собственно говоря, только жрецовъ его, постепенно сдѣлавшихся совсѣмъ невѣжественными; но фантастическій міръ ихъ вѣроученія нравится черни, для которой государственная религія слишкомъ суха; простолюдины жгутъ куренія передъ буддистскими алтарями, и буддистскія понятія глубоко проникли въ духъ народа; но самъ буддизмъ не сдѣлался національною религіею. И въ Китаѣ и въ Японіи онъ принесъ пользу дѣлу разведенія садовъ и рощъ и цвѣтоводству: буддійскіе храмы, монастыри и кладбища окружены садами, группами акклиматизированныхъ деревьевъ и ковромъ пестрыхъ, разнообразныхъ цвѣтовъ.

3. Государство и жизнь.

Государство — основаніе и средоточіе всей китайской жизни; вся умственная дѣятельность китайцевъ сливается съ нимъ. Они, по понятію китаецъ, созданіе неба, существенная часть гармоніи вселенной,

вмѣстилище всякой разумности, всякаго совершенства. Человѣкъ имѣеть значеніе для китайца лишь какъ членъ государства; высокое положеніе въ частной жизни даетъ человѣку мало почета; степень уваженія къ человѣку опредѣляется его должностью или профессіею. Быть полезнымъ государству—высшая цѣль жизни; потому мудрецъ долженъ искать государственной службы, быть чиновникомъ. Религіозная жизнь поглощена государственною; нравственность и благочестіе совпадаютъ съ исполненіемъ гражданскихъ обязанностей. Весь государственный бытъ Китая произошелъ изъ быта патриархальныхъ удѣльныхъ владѣній, наследственные правители которыхъ имѣли надъ подданными всю ту власть, какую имѣеть отецъ надъ дѣтьми. Кромѣ этихъ наследственныхъ правителей, не было ни кастъ, ни наследственныхъ сословій. Отъ отца къ сыну переходило только имущество, а почетность положенія не переходила. Должности въ службѣ князя и соединенныя съ ними почести были даваемы не по происхожденію, а по способностямъ, знанію, трудолюбію и нравственности. Въ древнѣйшія времена удѣльные князья выбирали верховнаго владѣтеля, который до Ши-гоанъ-ти имѣлъ титулъ «ванъ», царь. Первоначально выборъ въ этотъ санъ вѣроятно былъ просто признаніемъ личныхъ талантовъ или фактическаго перевѣса силы, основанной на обширности наследственныхъ земель династіи верховныхъ владѣтелей. Но въ историческія времена князья имперіи, раздѣлявшіеся на пять классовъ, были уже только сановниками царя, отвѣтственными передъ нимъ, владѣли своими наследственными землями только ужъ какъ ленами, и новый князь, наследуя свои владѣнія, долженъ былъ просить инвеституры. Зависимость ихъ обнаруживается и тѣмъ, что царь самъ назначалъ чиновниковъ на многія изъ главныхъ должностей въ большихъ княжествахъ и дѣлалъ объѣзды по государству, чтобы видѣть, хорошо ли управляетъ князь, а князья были обязаны пріѣзжать на главные праздники царскаго двора, для засвидѣтельствованія своей преданности владыкѣ.

Въ древнія времена, у китайцевъ не было частной поземельной собственности: земля принадлежала государю. Но девять десятыхъ частей удобной для хлѣбопашества земли были предоставлены въ пользованіе народу, участками, величина которыхъ опредѣлялась степенью плодородія почвы и числомъ людей въ семьѣ; былъ правительственный надзоръ за тѣмъ, хорошо ли земля воздѣлывается. Десятая часть урожая поступала въ подать на содержаніе двора государя и на жалованье его чиновникамъ; кромѣ того, на поселянахъ лежала натуральная повинность обрабатывать ту одну десятую долю земли, которая не была роздана имъ. Урожай съ этой доли принадлежалъ государю; ему принадлежали также доходы отъ лѣсовъ, водъ, рудниковъ и охоты. Остававшіеся у казны излишки полученнаго ею

хлѣба хранились въ магазинахъ и употреблялись на прокормленіе бѣдныхъ и на поддержку населенія въ неурожайные годы.

Всѣ права власти основывались только на обычаяхъ; и обычай подчинялъ ихъ важнымъ ограниченіямъ. Продуктъ народнаго духа, онъ былъ сильнѣе произвола отдѣльнаго лица. Китайцы приписывали нѣкоторыя учрежденія своимъ легендарнымъ устроителямъ общаго блага, какъ, напримѣръ, Фу-ги, Яо, Шуну, но существенный характеръ своего привычнаго быта считали произведеніемъ самого народа; и этому быту, въ которомъ совмѣщались, по ихъ мнѣнію, всѣ предписанія человѣческаго разума, государь обязанъ былъ подчиняться наравнѣ съ подданными. Потому постановленія власти первоначально имѣли характеръ поученій; они объясняли народу его обязанности и грозили наказаніями за ихъ нарушенія. Только уголовное право получило въ Китаѣ законодательное развитіе; вопросы частнаго права поступаютъ на разсмотрѣніе и рѣшеніе судей лишь по поводу преступленій. За то обычай властвуетъ съ такою силою, что походить на законъ, и управлять всѣми поступками людей безъ содѣйствія власти. Онъ распредѣляетъ участки общинной земли, устанавливаетъ сѣвооборотъ на нихъ, распредѣляетъ подати, наблюдаетъ за торговлею, мѣрами, вѣсами, рыночными цѣнами, устанавливаетъ правила государственной, гражданской и нравственной жизни, обязанности относительно родителей и стариковъ, брачные и похоронные обряды, правила учтивости и приличія, покррой одежды и формы бритья и прически волосъ. Все предусмотрѣно съ такою точностью, что жизнь человѣка рано утрачиваетъ свѣжесть влеченій индивидуальности, приспосаблиется съ первой молодости къ духу всего общества, срастается съ нимъ. Свобода и самостоятельность, источники всей истинной культуры и нравственности, не находятъ себѣ мѣста въ этой жизни и считаются дурными стремленіями, которыя для пользы государства надобно обуздывать и подавлять, потому что отъ нихъ происходятъ всяческія общественныя бѣдствія. Жизнь по обычному порядку кажется китайцу природною формою его существованія, государственная опека не представляется ему стѣсненіемъ его свободы, потому что она лежитъ на всѣхъ, не допускаетъ никакихъ исключеній; она даже охраняетъ его отъ произвола и притѣсненія.

Вся государственная жизнь Китая сосредоточивается въ верховномъ властелинѣ, «императорѣ», какъ переводятъ титулъ Гоанъ-ти (Hoang-ti). Онъ—представитель отношеній всего человѣчества къ небу; какъ небо изображаетъ собою порядокъ вселенной, такъ онъ олицетвореніе государственнаго порядка; какъ небо и земля—отецъ и мать всего, такъ онъ и его правленіе заступаютъ для народа мѣсто отца и матери. Сообразно этой идущей отъ древнихъ временъ политической теоріи, онъ называется «сыномъ неба»; этотъ титулъ обозначаетъ, что онъ подчиненъ только небу; но съ тѣмъ вмѣстѣ обо-

значаетъ, что онъ вполне подчиненъ небу, что его санъ лишь должность, порученная ему природою на благо народа. Для исполненія своей высокой обязанности, онъ необходимо долженъ вполне подчиняться закону неба, отражающемуся въ древнихъ государственныхъ установленіяхъ, и охранять этотъ законъ. Онъ долженъ сіять для всѣхъ, какъ образецъ вѣрнаго исполненія обязанностей, въ особенности обязанностей родства, быть образцомъ смиренія, воздержности, религіозности; онъ долженъ самъ обладать добродѣтелями, которыхъ требуетъ отъ другихъ, подражать примѣру древнихъ, свято соблюдать въ своей собственной жизни законъ и порядокъ, избѣгать всякаго произвола, отечески заботиться о своемъ народѣ, нелицепріятно, какъ небо, наказывать преступленія и награждать добродѣтели. Когда онъ таковъ, небо показываетъ свою гармонию съ нимъ тѣмъ, что онъ пользуется любовью народа, что между его подданными владычествуютъ нравственность, миръ и благосостояніе, все у нихъ идетъ хорошо, большихъ бѣдствій нѣтъ. Напротивъ того, примѣръ порочнаго государя необходимо долженъ, по китайскимъ понятіямъ, переносить всѣ его пороки на его государство, какъ примѣръ дурнаго отца губительно дѣйствуетъ на семейство. Первый признакъ дурнаго правленія—недовольство народа государемъ. Если государь не обращаетъ вниманія на это, являются общія бѣдствія: голодъ, землетрясенія, наводненія; это предостереженія, дѣлаемые небомъ забывшему свои обязанности государю. Если и они остаются напрасны, небо, по жалости къ народу, чтобы не погибалъ онъ, отнимаетъ у своего сына должность, и голосомъ народа, возводящимъ на престолъ болѣе достойнаго, высказывается рѣшеніе неба. Итакъ, «голосъ народа—голосъ божій». Въ китайской имперіи гибель династій всегда представляется слѣдствіемъ преступленій и пороковъ государей. Такія мысли высказаны въ Шу-кинѣ, въ доказательство справедливости смѣны династій, предшествовавшихъ Чоу: то были явленія, соответствовавшія необходимости порядка вселенной. Эта теорія глубоко проникла въ сознание китайскаго народа; ею объясняется изумительное малодушіе, овладѣвающее и всѣмъ народомъ и въ особенности правительствомъ при побѣдоносномъ вторженіи иноземныхъ завоеваній. При такихъ катастрофахъ, чиновники толпами убиваютъ себя, чтобы не пережить паденія династїи: имъ кажется, что событія возвѣщаютъ неотвратимую судьбу; потому они не пытаются мужественно бороться съ грозящимъ бѣдствіемъ; и народъ съ покорностью судьбѣ принимаетъ перемѣну династїи, какъ нѣчто неизбежное.

При увеличеніи объема государства, когда сосредоточеніе всей власти въ лицѣ императора дало администраціи характеръ строго-централизованнаго организма, задача управленія осталась по прежнему легкой, благодаря прочности обычая, консерватизму массы, почтительности ея къ начальству. Потому число чиновниковъ, или какъ назы-

ваютъ ихъ европейцы малайско-португальскимъ словомъ, мандариновъ, остается до сихъ поръ чрезвычайно мало по сравненію съ огромнымъ населеніемъ; приказанія ихъ исполняются, хотя въ распоряженіи у нихъ нѣтъ большого числа войскъ. Сначала были назначаемы въ мандарины лучшіе воспитанники высшихъ школъ; но скоро найдено было надобнымъ, чтобы желающіе занять административныя должности готовились къ нимъ пріобрѣтеніемъ спеціальныхъ знаній, потому что древній порядокъ, служащій образцомъ, становился все менѣе и менѣе извѣстенъ не изучавшимъ его; обычай, соблюденіе котораго главная задача начальниковъ, дѣлался, при склонности китайцевъ къ церемоніальности, все болѣе и болѣе многосложнымъ; въ новопокоренныхъ провинціяхъ чиновники являлись единственными представителями китайскихъ государственныхъ преданій и понятій; притомъ, высшіе чиновники должны были помогать императору своими совѣтами, потому должны были имѣть обширныя спеціальныя знанія. Совѣтникамъ императора поставлено въ обязанность неуклонно защищать старинный обычай даже и противъ намѣреній императора. «Министръ долженъ поддерживать добродѣтель своего господина и заботиться о благѣ своихъ подчиненныхъ», говоритъ Шу-кинъ: «министръ, не убѣждающій порочнаго государя исправиться, заслуживаетъ быть наказанъ наложеніемъ клейма». Сановники, противившіеся безразсудствамъ и несправедливостямъ императоровъ, восхваляются въ государственныхъ лѣтописяхъ. Когда упрочился авторитетъ старинныхъ писателей, было опредѣлено, что для поступленія на службу необходимо выдержать государственный экзаменъ, на которомъ требуется, главнымъ образомъ, знаніе классической литературы и умѣнье писать хорошимъ офиціальнымъ слогомъ. Въ древности, экзаменовъ еще не было; но и тогда чиновники были выбираемы исключительно изъ числа образованныхъ людей. Нынѣшняя китайская бюрократія страдаетъ тѣмъ недостаткомъ, что заученныя на память литературныя свѣдѣнія считаются въ ней знаніемъ, достаточнымъ для занятія даже самыхъ высшихъ мѣстъ не только въ администраціи, но и въ арміи. Въ древности, китайская жизнь была чиста отъ самыхъ дурныхъ изъ нынѣшнихъ своихъ пятенъ: ни рабства, ни эвнушества тогда не было. Рабство возникло только уже при чрезмѣрномъ размноженіи народа и обѣдненіи низшихъ классовъ. Обычай держать эвнуховъ произошелъ отъ развитія сладострастія и многоженства. Какъ почти повсюду въ тѣхъ странахъ, гдѣ интересы отдѣльнаго лица охраняются государствомъ лишь насколько требуетъ вниманія къ нимъ соображеніе государственной пользы, въ Китаѣ образовались цеховыя корпораціи, заботящіяся исключительно о своей выгодѣ; ими управляють старшины, наблюдающіе за исполненіемъ правилъ, установленныхъ для ограниченія конкуренціи между членами цеха. Правительство терпитъ эти корпораціи, пока онѣ не имѣютъ политическихъ

тенденцій. Но въ новое время часто возникаютъ изъ нихъ тайныя общества, невинными прикрытіями замаскировывающія свое стремленіе ниспровергнуть существующій порядокъ; возстанія, устраиваемыя ими, иногда принимали большіе размѣры.

Рабы и эвнухи. Военнопленные и преступники первоначально были употреблены на общественныя работы, то есть были *государственными рабами*; за нѣсколько столѣтій до Р. Х. стали и *частные* люди покупать рабовъ: родители продавали въ рабство дѣтей, въ особенности дѣвушекъ, бѣдные самихъ себя; много разъ было воспрещено это, но такъ съ тѣхъ временъ и удержалось оно донынѣ. Впрочемъ, законы охраняютъ рабовъ отъ жестокости господъ.—Эвнушество возникло не за долго до VIII столѣтія до Р. Х. Вначалѣ, были подвергаемы оскотченію преступники и ихъ ближайшіе родственники. Впоследствии, возникъ у людей высшаго сословія и въ особенности при императорскомъ дворѣ обычай имѣть эвнуховъ гаремными сторожами; въ періоды нравственнаго упадка эвнухи пріобрѣтали большое вліяніе, часто занимали важнѣйшія государственныя должности, и дѣлали много вреда государству своимъ коварствомъ. Въ Шу-кинѣ и Ши-кинѣ есть ужъ громкія жалобы на владычество женщинъ и эвнуховъ. Естественнымъ послѣдствіемъ преобладанія государственныхъ интересовъ было то, что установились тяжелыя и жестокия наказанія за преступленія противъ государственнаго порядка,—между тѣмъ какъ общій характеръ китайскихъ законовъ противъ, отеческій. По китайскимъ понятіямъ, преступленіе противъ государства — преступленіе и противъ неба. Битью палками и другимъ тѣлеснымъ наказаніямъ подвергаются и знатные люди, и важные сановники. Но при отсутствіи чувства личной чести, тѣлесное наказаніе въ Китаѣ менѣе обидно наказываемому, чѣмъ было бы челоуѣку другой страны.

Войско. Китай—гражданское государство, потому гражданскія должности въ немъ выше военныхъ. Въ древнѣйшія времена войско было ополченіе всѣхъ способныхъ носить оружіе. Теперь оно состоитъ изъ регулярной арміи и милиціи. Въ древнемъ Китаѣ не было кавалеріи. Главную силу войска составляли военные колесницы. На колесницѣ находились, кромѣ правившаго ею, два воина: направо вооруженный копьемъ, налѣво — стрѣлокъ. Лукъ былъ любимымъ оружіемъ древнихъ китайцевъ. Искусство стрѣльбы изъ него пользовалось большимъ уваженіемъ. По мнѣнію Кунъ-фу тзе, въ немъ выражается твердость характера, дѣлающая челоуѣка надежнымъ и въ мирныхъ государственныхъ дѣлахъ. Для расширенія китайской имперіи были основываемы военныя колоніи; колонисты были воины и вмѣстѣ земледѣльцы; охраняя границы государства, они, кромѣ того, и превращали пустыни въ нивы. Но мирному характеру китайцевъ, никогда не была привлекательна военная служба: она — тягость имъ. Потому пѣсни Ши-кина, относящіяся къ военному дѣлу, не пѣсни боевой отваги, а пѣсни плача о жребіи воина. При императорѣ существуетъ съ древности коллегія надзора, Ко-тао; члены ея нѣчто въ родѣ цензоровъ или спартанскихъ эфоровъ: они хранители государственныхъ законовъ, они «совѣсть государства», и обязаны наблюдать за тѣмъ, чтобы управленіе было ведено въ духѣ древнихъ правилъ и не были нарушаемы священные порядки, уста-

новленные небомъ; они представители основнаго государственнаго принципа, имѣющіе право протестовать противъ дѣйствій императора и министровъ, пользующіеся большимъ уваженіемъ народа и страшныя чиновникамъ хранители закона. Нерѣдко вмѣшиваются они въ самыя интимныя дѣла двора; иногда выступаютъ противъ пороковъ и дурныхъ дѣйствій государя съ такою же строгостью и непреклонностью, какъ израильскіе пророки.

Государственные эфоры (Ко-тао).

«Право на занятіе должностей дается въ Китаѣ только образованіемъ, а не происхожденіемъ», говоритъ Вуттке: «каждый чиновникъ долженъ имѣть ученое образованіе; научившись знатъ вѣчный, ненарушимый порядокъ, онъ обязанъ быть представителемъ его, и отвѣтствуетъ за свою вѣрность ему не только передъ императоромъ, но и передъ самимъ небомъ, что еще важнѣе. Императоръ долженъ имѣть только такихъ чиновниковъ, которые носятъ въ себѣ сознаніе вѣчной государственной идеи».—Государственные экзамены производятся сановниками и учеными, въ залѣ, посвященной памяти Кунъ-фу тзе; въ каждомъ окружномъ городѣ есть такой залъ. Высшіе экзамены производитъ самъ императоръ, въ своемъ дворцѣ.—Въ войскѣ владычествуетъ строгая дисциплина; и даже офицеровъ наказываютъ палками. Для созыванія войска еще съ древнихъ временъ придумано давать съ горъ сигналы огнемъ.—Жалобы пѣсни солдатъ, находящіеся въ Ши-кинѣ, показываютъ, что китайцы ужъ и въ древности не любили войны: «Какъ высока гора, какъ широка долина! И я все иду и иду, иду на войну, на битву. О, какъ желалъ бы я оставаться дома!»—«Когда мы пошли въ походъ, прекрасны были всходы хлѣбовъ; погибнуть они, пока мы прійдемъ назадъ. Дологъ путь, скудна ѣда. О, сколько бѣдъ перенесъ я съ той поры, какъ заставили меня взять мечъ вмѣсто плуга!»

Государственные доходы, доставляемые высокими пошлинами и налогами на имущество, употребляются на пользу народа патриархальнымъ порядкомъ. Система правительственной опеки, заботящейся о народѣ, но не дающей ему никакого участія въ управленіи, проявляется очень широкимъ размѣромъ правительственныхъ расходовъ на общепользныя дѣла: правительство содержитъ склады запасовъ хлѣба, госпитали, строитъ дороги, мосты, сооружаетъ каналы, плотины для предотвращенія наводненій. Непосредственный предметъ заботы правительства матеріальное благосостояніе народа. «Царская добродѣтель состоитъ въ хорошемъ управленіи, а оно—въ прокормленіи народа», говоритъ Шу-кинъ: «Для прокормленія, нужны вода, огонь, металлъ, дерево, земля и посѣвъ; царь долженъ заботиться, чтобы все это было. Нужно также все то, что возвышаетъ хорошія качества народа, доставляетъ ему необходимыя вещи и изобиліе; царь долженъ заботиться и обо всемъ этомъ. Когда эти девять обязанностей исполняются какъ слѣдуетъ, народъ привѣтствуетъ ихъ исполненіе съ радостью. Но заботливость правительства не ограничивается матеріальною стороною жизни: подъ его руководствомъ и надзоромъ находятся и школы преподаванія музыки, вообще все воспитаніе.—Воспитаніе первоначально имѣло цѣлью и физическое и умственное развитіе челоуѣка; оно состояло въ наученіи

Управленіе.

Воспитаніе. шести добродѣтелямъ (разсудительности, привѣтливости, мудрости, правдивости, умѣренности и уживчивости), шести обязанностямъ (вѣрности родителямъ, вѣрности друзьямъ, доброжелательству, любви къ роднымъ, добросовѣстности, сострадательности) и шести искусствамъ (приличію, музыкѣ, стрѣльбѣ изъ лука, управленію телѣгою, словесности, ариѳметикѣ). Но скоро идеаломъ образованности стало простое знаніе того, что знали и дѣлали предки; и ученіе состоитъ теперь почти исключительно въ томъ, что механически заучиваются наизусть книги, которыя предписало изучить правительство; предметы этого преподаванія: необходимѣйшія знанія, главнымъ образомъ, правила нравственности, гражданская добродѣтель, послушаніе родителямъ и императору, соблюденіе законовъ, жизнь по правиламъ спокойствія и порядка. Музыкѣ придается большое значеніе; она считается «отголоскомъ гармоніи вселенной», приучающимъ душу къ порядку и нравственной гармоніи, изгоняющимъ изъ окружающей природы злыхъ духовъ, а изъ сердца страсти и дурныя желанія. Правила нравственности и законы положены на музыку и дѣти учатся имъ, распѣвая ихъ. Въ древнемъ царствѣ съ особенною заботливостью учили музыкѣ слѣпыхъ; они дѣлались придворными музыкантами, играли на религиозныхъ и другихъ праздникахъ. Кромѣ элементарныхъ школъ, которыя находятся и въ самыхъ маленькихъ мѣстечкахъ, есть много училищъ для дальнѣйшаго образованія; въ нихъ принимаются лучшіе ученики нисшихъ школъ. Но мертвенная машинальность, проявляющаяся во всей китайской жизни, не даетъ ученію приносить такіе плоды, какъ въ другихъ странахъ: лишенное свободы и самостоятельности, стремленіе къ образованію ограничивается усвоеніемъ ученыхъ свѣдѣній и правилъ житейскаго благоразумія.

Трудолюбіе китайцевъ. Народъ, мысли котораго съ дѣтства получаютъ практическое направленіе, неизбѣжно долженъ считать главною задачею своей жизни трудъ и дѣловыя хлопоты. Потому китайцы всегда были трудолюбивы, какъ муравьи, неутомимо прилежны въ работѣ. Но ихъ дѣятельность не одушевлена никакими идеальными мыслями, она лишь искусная техника, аккуратная, прилежная машинальная работа. Древнѣйшимъ и важнѣйшимъ занятіемъ считается земледѣліе, элементъ порядка и нравственности въ китайской государственной и общественной жизни. Первый земледѣлецъ — самъ императоръ. Въ началѣ весны онъ совершаетъ праздникъ полей. Приготовясь къ нему постомъ, молитвою, разными обрядами, онъ проводитъ серебрянымъ плугомъ нѣсколько бороздъ на ввѣренномъ его заботѣ полѣ, и послѣ того ѣстъ сельскій обѣдъ, приготовленный самою императрицею. — Мало странъ, гдѣ земля воздѣлывается такъ прилежно и заботливо, какъ въ Китаѣ. Обширныя поля колосовыхъ хлѣбовъ и риса, множество садовъ съ великолѣпными цвѣтами, цвѣтущими кустарниками, съ бесѣдками изъ благоуханныхъ вьющихся растений,

съ роскошными фруктовыми деревьями, холмы, воздѣланные террасами, превосходные каналы и каналы для орошенія и осушки, цвѣтущія чайныя и хлопчатниковыя плантаціи свидѣтельствуютъ о высокомъ совершенствѣ обработки земли. Земледѣліе — прочная, неизмѣнная основа китайскаго государства; введеніемъ и развитіемъ хлѣбопашества завоеванныя провинціи связаны съ имперіею крѣпче, нежели могла бы связать военная сила. То, что пытались совершить мечемъ западные завоеватели, китайцы прочнѣе и благотворнѣе совершили плугомъ. — Шелководство тоже съ древности было гордостью націи, источникомъ большихъ доходовъ. Императоръ — покровитель земледѣлія; шелководство имѣетъ почетъ находится подъ покровительствомъ императрицы. Она держитъ въ своихъ комнатахъ шелковичныхъ червей, которыхъ кормятъ листьями изъ императорскихъ садовъ. Въ изготовленіи шелковыхъ тканей, какъ и во всѣхъ другихъ отрасляхъ промышленности, техническая ловкость китайцевъ изумительна. Питье чаю еще не было извѣстно въ классической періодъ китайской древности; области, производящія чай, тогда еще принадлежали къ имперіи. Говорятъ, что пить чай первые начали буддистскіе монахи. Обработывать желѣзо и бронзу китайцы учились въ очень глубокой древности. Въ ткачествѣ опередили они всѣхъ. Ихъ рѣзныя издѣлія изъ дерева, слоновой кости и рога, ихъ превосходный фарфоръ издавна были предметами заграничной торговли и удивляли другіе народы своимъ совершенствомъ. Шелковая писчая бумага (съ 153 г. по Р. Х.), порохъ, который они употребляли, впрочемъ, только для фейерверковъ, и книгопечатаніе (около 593), производящееся у нихъ посредствомъ разныхъ деревянныхъ досокъ, печатаніе рисунковъ вырѣзанныхъ на деревѣ, бумажныя деньги (съ 119 г. по Р. Х.), очки и многія другія изобрѣтенія были извѣстны китайцамъ многими столѣтіями раньше, нежели европейцамъ. Но все это оставалось у нихъ безъ развитія; имъ недоставало возбуждающаго къ усовершенствованіямъ знакомства съ иноземными изобрѣтеніями и опытами; потому они далеко отстали отъ западныхъ образованныхъ народовъ во всѣхъ отрасляхъ промышленности, приближающихся къ искусству и совершенствуемыхъ умственною дѣятельностью. Только тѣ издѣлія, которыя требуютъ лишь механической ловкости рукъ и технического навыка достигли у нихъ — и притомъ, съ очень давнихъ временъ — высокаго совершенства. Замкнутость государства помѣшала торговлѣ китайцевъ съ другими народами получить такой размѣръ, какой слѣдовало бы ей имѣть по благопріятному для нея положенію страны и по богатству продуктовъ. Но тѣмъ сильнѣе развилась внутренняя торговля при расширеніи государства: разница произведеній природы и промышленности въ разныхъ областяхъ имперіи возбуждала къ обмѣну ихъ, а китайцы обладаютъ большою способностью къ торговлѣ. У нихъ было мало

Шелководство.

Торговля.

склонности къ далекимъ плаваніямъ, потому они предоставили иноземнымъ купцамъ плавать къ нимъ. Но есть извѣстіе, что въ V-мъ вѣкѣ по Р. Х. китайскіе купеческіе корабли доходили до Гирь, на Евфратѣ.

Нравственность
и семейная
жизнь.

Самымъ яснымъ образомъ и съ самой выгодной стороны своеобразность китайской духовной жизни проявляется въ ихъ общественныхъ отношеніяхъ и семейномъ бытѣ. По китайскимъ понятіямъ, человѣкъ имѣетъ значеніе, не какъ самостоятельное свободное лицо, а лишь какъ членъ общества; потому онъ можетъ заслуживать уваженія только подъ условіемъ подчинять свои поступки и весь свой образъ жизни господствующимъ правамъ и обыкновеніямъ, ни въ чемъ не уклоняться съ торной дороги обычая, не имѣть индивидуальности, ничѣмъ не отличаться отъ другихъ. Покрой одежды установленъ тысячи лѣтъ тому назадъ правительствомъ, и съ той поры оставался неизмѣннымъ; отступать отъ него не дозволяется. Коса на выбритой кругомъ головѣ мужчины точно также считается необходимою принадлежностью сына «срединной имперіи», хотя этотъ обычай насильно введенъ у китайцевъ манджурами. Уродованіе ногъ бандажами и тѣсными башмаками, мѣшающими правильному росту пальцевъ и пятки, такая же необходимость для женщины, какъ и широкій покррой одежды. Подобно этимъ, и всѣ другія обыкновенія, всѣ другія формы частной жизни подчинены неизмѣннымъ правиламъ. Потому добродѣтели китайцевъ только пассивныя. Не дѣлать дурнаго, вреднаго обществу—это важнѣе, по мнѣнію китайцевъ, чѣмъ дѣйствовать энергично. Уваженіе къ родителямъ, послушаніе начальству, любовь къ роднымъ и друзьямъ, обходительность и учтивость—главныя обязанности китайца. Бракъ и семейство, «средоточіе нравственной жизни», регулируются очень точными правилами. Бракосочетаніе мужчины и женщины, дающее начало семейству—подобіе давшаго начало вселенной сочетанія плодотворящей первобытной силы съ воспринимающею первобытною матеріею, неба съ землею. Бракъ возникъ вмѣстѣ съ государствомъ: Фу-ги, устроившій послѣ великаго потопа государственный порядокъ, былъ и учредителемъ брака. Это воззрѣніе возвысило женщину въ Китаѣ изъ униженнаго положенія, въ которомъ находилась она у другихъ народовъ древности. Правда, она обязана повиноваться мужу и вполне подчинена не только ему, но и его родителямъ; однако же, она все таки пользуется большимъ уваженіемъ, какъ необходимый членъ семейства. Въ честь женской добродѣтели и самоотверженности воздвигнуто много триумфальныхъ воротъ. Но, по общему восточному обычаю, жизнь женщины и у китайцевъ ограничена домашнимъ бытомъ; женщина не бываетъ въ мужскомъ обществѣ, и о ея образованіи мало заботятся. Бракъ установленъ небомъ; потому онъ обязанность для китайца; только въ брачной жизни мужчина можетъ

исполнить свое предназначеніе. Многоженство дозволено; но встрѣчается не часто. Наложницы подчинены первой по старшинству брака законной женѣ, и ихъ дѣти считаются юридически ея дѣтьми. Женихъ пріобрѣтаетъ невесту выкупомъ, который даетъ ей родителямъ. Степени родства, въ которыхъ бракъ недозволителенъ, простираются далеко по генеалогическимъ развѣтвленіямъ. Самая священная связь семейной жизни—любовь дѣтей къ родителямъ; и китайцы постоянно заботятся о томъ, чтобы научать людей этой высшей изъ всѣхъ человѣческихъ обязанностей.

4. Наука. Литература. Искусство.

Наука, знаніе—душа китайской государственной и народной жизни. Достоинство человѣка измѣряется количествомъ его знаній. Истинные государственные люди — мудрецы и ученые, потому что только они способны понимать искусное устройство государственнаго механизма и поддерживать неизмѣнный ходъ его по старому порядку, оберегать отъ порчи порожденный небомъ организмъ національной жизни. Мирлобивому народу нужны не герои, а только искусные управители государственной машины.

Чтобы вѣрнѣе сохранить для потомства старыя преданія, въ которыхъ корни всего законнаго, всего существующаго, китайцы еще въ глубокой древности изобрѣли символы для точнаго обозначенія понятій и словъ. Изъ первобытныхъ ко-тоу, гіероглифическихъ фигуръ, изобрѣтеніе которыхъ приписываютъ они царю Фу-ги, они выработали систему идеографическаго письма, въ которомъ каждая фигура обозначаетъ опредѣленное понятіе, независимо отъ звуковъ слова, и которое поэтому примѣнимо только къ односложному языку, не имѣющему грамматическихъ словоизмѣненій. Изъ идеографической системы, посредствомъ сочетанія разныхъ знаковъ въ одну фигуру и метафорическаго обозначенія абстрактныхъ представленій, произошелъ нынѣшній письменный языкъ, состоящій изъ фигуръ; неопредѣленность смысла и многочисленность этихъ знаковъ дѣлаютъ его такимъ труднымъ, что нужно цѣлыя годы, чтобы выучиться читать его, и только ученые умѣютъ читать книги всякаго содержанія. Слово изображается не группою буквъ, а одною фигурою. Общее число этихъ знаковъ—тридцать или сорокъ тысячъ; но изъ нихъ употребительны лишь тысяча двадцать, а для обыкновенныхъ письменныхъ и литературныхъ надобностей достаточно знать только 4.000 знаковъ.—Такою неуклюжею оцѣпенѣлостью отличается и изустный китайскій языкъ, понимать который тоже очень затруднительно, потому что, при неподвижности своихъ способовъ выраженія, онъ не можетъ точно

Письмо и
языкъ.

приспособляться къ мысли, не выражаетъ ея, а лишь даетъ намеки на нее.

Китайцы первоначально чертили свои письменные знаки шиломъ на бамбуковыхъ дощечкахъ или на крѣпкихъ листьяхъ, послѣ стали писать ихъ на тканяхъ деревянными палочками, обмакиваемыми въ тушь, а съ начала I вѣка по Р. Х. кисточками на тонкой бумагѣ. Отъ этихъ переменъ измѣнялся и характеръ знаковъ; насчитываютъ 14 измѣненій манеры писать; нѣкоторыя изъ нихъ употребляютъ, впрочемъ, лишь въ очень ограниченномъ размѣрѣ. Порядокъ, которымъ пишутся знаки, вообще таковъ: начинаютъ съ праваго верхняго угла листа, и ставятъ знаки одинъ подъ другимъ; такъ что строки идутъ вертикально, и одна за другою съ-права на лѣво. Способъ печатанія книгъ таковъ: листъ рукописи наклеивается на деревянную доску; всѣ свободныя мѣста между чертами знаковъ выпрѣзываются, такъ что получаютъ выпуклыя черты знаковъ; этою дощечкою выпуклаго шрифта и производится печатаніе.—Китайскій языкъ существенно отличается отъ европейскихъ тѣмъ, что слова въ немъ не имѣютъ никакихъ измѣненій по грамматическимъ формамъ. Его называютъ изолирующимъ; потому что слово въ немъ сохраняетъ въ рѣчи тотъ самый видъ, какой имѣетъ каждое взятое порознь отъ другихъ, и остается неизмѣннымъ во всѣхъ своихъ сочетаніяхъ, каковы бы ни были грамматическія отношенія: нѣтъ ни формъ для обозначенія этихъ отношеній, ни формъ, которыми видоизмѣняется значеніе корня и образуются производныя слова, ни формъ различія между разными частями рѣчи. Но, понятіе обозначаемое словомъ, имѣетъ такую неопредѣленность, что отдѣльно взятое слово соотвѣтствуетъ, по нашимъ понятіямъ, только тому, что въ нашихъ языкахъ называется корнемъ слова, а соотвѣтствующимъ опредѣленному слову той или другой части рѣчи оно дѣлается только чрезъ постановку на опредѣленное мѣсто въ предложеніи. Порядокъ словъ имѣетъ въ китайскомъ языкѣ то значеніе, какое въ другихъ языкахъ имѣютъ формы словъ. Обозначаемыя порядкомъ словъ грамматическія отношенія точнѣе опредѣляются употребленіемъ вспомогательныхъ словъ и формированіемъ словъ сложныхъ. Эта система способовъ придавать ясность рѣчи доведена до такого совершенства, что смыслъ рѣчи дѣйствительно выходитъ ясенъ, хотя почти всѣ слова китайскаго языка таковы, что каждое соотвѣтствуетъ въ разныхъ случаяхъ словамъ разныхъ частей рѣчи: бываетъ то существительнымъ, то прилагательнымъ, то нарѣчіемъ, то глаголомъ. Въ какомъ именно значеніи употреблено слово, это бываетъ неясно лишь въ письменномъ языкѣ, когда авторъ употребляетъ устарѣлыя выраженія, преднамѣренно пишетъ слишкомъ сжатымъ или туманнымъ слогомъ. По основному характеру китайскаго языка, конструкція предложеній должна быть проста, рѣчь должна состоять изъ короткихъ предложеній. Но употребленіе вспомогательныхъ словъ даетъ возможность построения длинныхъ, многосложныхъ періодовъ. Всѣ слова въ китайскомъ языкѣ односложныя. Потому число ихъ и первоначально было очень невелико, а съ теченіемъ времени все уменьшалось, потому что утрачивались прежнія разницы звуковъ и черезъ это разные слова получали одинаковый выговоръ. Но различныя такъ называемыя „интонаціи“, то-есть различія высоты и модуляцій тона, какимъ произносится слово, даютъ возможность обозначать, въ какомъ изъ разныхъ своихъ значеній оно употреблено. Въ нѣкоторыхъ нарѣчіяхъ число разныхъ интонацій доходитъ до девяти. Каждая особая интонація слова—особое слово.—Языкъ образованнаго общества, куань-гуа (kuan-hua), обыкновенно, хоть и неправильно называющійся у европейцевъ „языкомъ мандариновъ“, имѣетъ

450 группъ звуковъ, и давалъ имъ разныя интонаціи, онъ дѣлаетъ изъ нихъ 1203 слова, а по счету китайскихъ словарей, и гораздо больше, 2193, или даже 4040 словъ. Языкъ образованнаго общества—правильно развившаяся новая форма того языка, на которомъ писаны древнѣйшія книги, пользующіея классическою авторитетностью. Онъ распадается на нѣсколько нарѣчій, которыми говорятъ на сѣверѣ, въ средней полосѣ и на юго-западѣ Китая; всѣ образованные китайцы понимаютъ его. Но древнее произношеніе словъ сильно измѣнилось въ немъ; гораздо вѣрнѣе сохранилось оно въ нѣкоторыхъ изъ многочисленныхъ народныхъ нарѣчій. Китайскія народныя нарѣчія, хоть и несомнѣнно происходятъ отъ одного языка, такъ различны другъ отъ друга, особенно съ лексикографической стороны, что легко можно принять ихъ за разные языки.

Китайская литература богата мыслями практическаго благоразумія, по бѣдна творческою фантазіею, философскимъ глубокомысліемъ, поэтическимъ одушевленіемъ.—Самое важное произведеніе ея—«кины» (King), священныя книги, составленный Кунъ-фу-тзе сборникъ древнѣйшихъ преданій китайской жизни. Этотъ сборникъ состоитъ изъ трехъ киновъ въ собственномъ смыслѣ слова, содержаніе которыхъ считается принадлежащимъ глубокой древности, и изъ нѣсколькихъ новыхъ, но также очень уважаемыхъ трактатовъ, написанныхъ самимъ Кунъ-фу-тзе и важнѣйшими изъ его учениковъ. Три кина, это: И-кинъ, книга о сущности природы и о нравственности, дающая истолкованіе фигуръ, начертанныхъ, по преданію, основателемъ государства, Фу-ти, и называющихся Куа; книга эта очень темна, и позднѣйшіе комментаріи не столько разъясняли, сколько искажали смыслъ ея; Ши-кинъ, «книга пѣсней», собраніе лучшихъ старинныхъ пѣсней, по китайскому преданію, составленное Кунъ-фу-тзе на пользу развитія нравственности; Шу-кинъ, книга государственныхъ лѣтописей. Пѣсни Ши-кина принадлежатъ разнымъ временамъ, и содержаніе ихъ очень разнообразно. Нѣкоторыя были предназначены для пѣнія на государственныхъ празднествахъ, имѣютъ цѣлью возбужденіе религіознаго и нравственнаго чувства; другія скорбятъ о порчѣ древнихъ добродѣтельныхъ нравовъ, прославляютъ счастливое старое время и выражаютъ желаніе, чтобъ оно возвратилось; третьи съ лирическимъ одушевленіемъ поютъ наивнымъ народнымъ тономъ о радостяхъ любви и наслажденіяхъ жизни, хвалятъ или порицаютъ императоровъ и правительство. Вообще въ нихъ властвуетъ нѣжная нравственность и естественность чувства.—Самая важная изъ священныя книгъ—Шу-кинъ; она—главное основаніе китайской государственной жизни, потому пользуется очень высокимъ уваженіемъ. Въ Шу-кинѣ рассказываются баснословныя событія древнѣйшей исторіи, начинающейся съ Яо; въ рассказъ вставлены нравственныя и политическія разсужденія объ обязанностяхъ хорошаго правительства, нравственныя сентенціи, практическіе совѣты; связь ихъ съ рассказомъ увеличиваетъ ихъ авторитетность. По истребленіи книгъ импе-

Литература.
Кины.

раторомъ Ши-гоанъ-ти, Шу-кинъ не могъ быть восстановленъ вполнѣ: осталось столько пробѣловъ, что уцѣлѣвшее составляетъ по объему лишь немногимъ больше половины прежней книги.

Изъ другихъ трактатовъ, считающихся классическими и называемыхъ иногда тоже книгами, наиболее важны: Ли-ки, «книга обычаевъ», и четыре трактата, въ которыхъ изложено учение Кунъ-фу-тзе; они написаны не имъ самимъ, а по его смерти его учениками; это: Та-г-ио (Ta-hio) «Великое учение», Чунъ-юнь «Твердая середина», Люнь-ю (Lün-jü) и «Книга Менъ-тзе». На ряду съ ними ставятъ Гяо-кинъ (Hiao-king), «Книгу объ обязанностяхъ дѣтей». При всемъ уваженіи китайцевъ къ этимъ книгамъ и комментаріямъ на нихъ, написаннымъ Чу-тзе, ни онъ, ни тѣмъ болѣе комментаріи Чу-тзе не считаются безошибочными. Понятіе о сверхъестественномъ откровеніи совершенно чуждо китайцамъ.

Астрономія и
другія есте-
ственные на-
уки.

Предметами научныхъ изслѣдованій китайцевъ были астрономія, другія естественныя науки, государственная и народная жизнь. Сверхъ-чувственнымъ они не занимались. Они думаютъ, что наблюденіе неба и земной природы, въ которыхъ проявляется божественный элементъ, служить естественнымъ, правильнымъ путемъ къ истинѣ и разумности, потому составляетъ священную обязанность. Съ древнѣйшихъ временъ, они очень любили заниматься астрономіею; въ числѣ занимавшихся ею были императоры; астрономы замѣняли въ Китаѣ пророковъ. Потому китайцы рано научились вычислять движенія планетъ, солнечныя и лунныя затменія, опредѣлили длину солнечнаго года, лунные циклы, ввели у себя точную хронологію, правильный календарь. Императоръ долженъ сообразовать свои правительственныя дѣйствія съ ходомъ небесныхъ свѣтилъ; дни нарушенія небеснаго порядка затменіями — дни печальныхъ торжествъ, совершаемыхъ съ разными странными обрядами. Земная природа также стала у нихъ издавна предметомъ научнаго изслѣдованія. Они считаютъ пять стихій, по ошибочному истолкованію тѣхъ словъ Шу-кина, которые были приведены у насъ на стран. 59. Эти пять стихій: вода, огонь, дерево, металлъ, земля. Китайцы рано узнали свойства магнита и изобрѣли компасъ, рано стали заниматься ботаникою, изучать полезныя и вредныя дѣйствія травъ и корней на человѣческое тѣло.

Подобно естествознанію, и философія у китайцевъ исключительно занимается изслѣдованіемъ дѣйствительности. Источники китайской философіи — примѣры и правила предковъ, изученіе настоящаго; главное ея содержаніе у нихъ составляютъ практическія наблюденія, правила жизни, совѣты благоразумія. Даже философія китайскаго Аристотеля Чу-ги, официально признанная за государственное ученіе, ограничивается сухими моральными разсужденіями и правилами житейскаго благоразумія. Выше этого не подымается умъ китайца. О предназначеніи человѣка для загробной жизни китаецъ не думаетъ; его интересуютъ лишь правила, которыхъ надобно ему держаться,

чтобъ умѣть жить на землѣ. «Я учу васъ только тому, чему вы можете научиться и собственнымъ разумомъ, пользуясь имъ, какъ должно», говоритъ Кунъ-фу-тзе: «нѣтъ ничего естественнѣе и проще принциповъ моего нравственнаго ученія. Все, что говорю я вамъ, исполняли наши древніе мудрецы». Практическія ученія о добродѣтели, о гражданскихъ обязанностяхъ, о правительственныхъ принципахъ, о частной жизни, о домашнемъ хозяйствѣ и земледѣліи составляютъ прославляемую издавна китайцами древнюю мудрость, идущую путемъ преданія отъ Яо и Шуна чрезъ непрерывный рядъ добродѣтельныхъ и разсудительныхъ учителей.

Преобладающее у китайцевъ направленіе мыслей, благопріятное успѣхамъ практическихъ знаній, земледѣлія и промышленности, было неблагопріятно развитію искусства и поэзіи. Китайскому воззрѣнію совершенно чуждо стремленіе истиннаго художника вложить въ природу мысль, оживить мертвую матерію, перенести идеаль въ дѣйствительность. «Потому Китай имѣетъ очень высоко развитую технику, но искусство въ немъ очень мало развито», говоритъ Вуттке: «украшеній много, но прекраснаго мало у китайцевъ; у нихъ владычествуется рабское подражаніе природѣ до мельчайшихъ подробностей; свободного творчества нѣтъ; все подробности отдѣланы съ робкою заботливостью о точности, но въ цѣломъ нѣтъ жизни. Даже и тѣ слабыя начала искусства, какія есть у китайцевъ, отняты у свободного творчества: художникъ обязанъ исполнять свои произведенія по законамъ, основаннымъ не на художественномъ чувствѣ, а на древнемъ преданіи. Правила художественныхъ работъ точно такъ же предписаны государствомъ, какъ правила постройки дымовой трубы или канала. Прогрессъ въ искусствѣ такъ же невозможенъ, какъ и въ исторіи».

Искусство.

Архитектура у китайцевъ имѣетъ единственною цѣлью служеніе практическимъ цѣлямъ, лишена свободы, лишена идеальныхъ стремленій. Въ сѣверныхъ провинціяхъ еще остается тотъ способъ постройки, который господствовалъ въ первобытныя времена. Тогда рыли жилища въ отвѣсныхъ стѣнахъ холмовъ твердой глины, или строили хижины съ двойными досчатыми стѣнами и набивали глиною ихъ промежутокъ. Китайскіе храмы — просто залы безъ украшеній; арки въ честь заслужившихъ этотъ почетъ людей — прозяческіе памятники; дома строятся низкіе, неуклюжіе, съ кровлями, выгнутыми по формѣ палатокъ. Только въ сооруженіяхъ для общественной пользы, напримѣръ, въ постройкѣ мостовъ, китайская архитектура заслуживаетъ похвалы. Китайскія башни, Та, произведенія вычурнаго стиля, соответствующаго странности національнаго характера. «Эти башни строятся въ нѣсколько этажей, уступами одинъ надъ другимъ», говоритъ Куглеръ въ своей Kunstgeschichte: «на каждомъ этажѣ пестрая изогнутая кровля, увѣшанная весело звенящими колокольчиками; на черепицахъ кровли блестящая глазурь золотистаго цвѣта; стѣны выкрашены пестрыми полосами или одѣты блестящими фарфоровыми плитками. Нанкинская фарфоровая башня (построенная въ XV вѣкѣ) одно изъ знаменитѣйшихъ сооруженій этого рода». — Издѣлія пластическіе искусства, каменные и фарфоровыя, металлическія и вырѣзанные изъ слоновой кости, изумительно хороши по техническому исполненію, но совершенно лишены художественной красоты. То же самое можно сказать и о живописи, произведенія которой получаютъ очень старательную

Архитектура.

Пластическія
искусства.

Живопись.

отдачу, но прозаны. Живописцы рабски подражают природѣ. Простые предметы: цвѣты, птицы, рыбы и т. п. изображены на китайскихъ рисункахъ очень вѣрно, отчетливо, превосходными красками; но фигуры людей лишены движенія, а на лицахъ нѣтъ мысли. Притомъ, въ китайской живописи нѣтъ ни воздушной перспективы, ни тѣней. Не лучше живописи музыка, хотя она съ древности пользуется покровительствомъ императоровъ. Китайскіе оркестры состоятъ изъ безчисленнаго множества очень звонкихъ инструментовъ. Музыка шумна и монотонна, чувства въ ней нѣтъ. Ноты были введены уже только въ новое время, іезуитами; прежде, необходимо было заучивать мелодію наизусть.

Поэзія

Для свободнаго поэтическаго творчества нѣтъ почвы въ странѣ, гдѣ человѣческая жизнь не имѣетъ развитія, гдѣ личность не достигаетъ самостоятельности. Созданія фантазіи не нужны народу, не имѣющему идеальныхъ стремленій, вполне довольствующемуся тѣмъ, что даетъ ему обыденная дѣйствительность. Эпическая поэзія съ ея высокими нравственными идеями неизвѣстна китайцамъ, потому что въ нихъ нѣтъ пониманія геройскихъ дѣлъ: мужественная борьба человѣка съ судьбою кажется имъ грѣховнымъ возмущеніемъ противъ законовъ природы; у нихъ нѣтъ мифологій, дающей матеріалы эпосу, ихъ историческимъ временамъ не предшествуетъ геройскій вѣкъ. Въ китайской литературѣ нѣтъ эпическихъ поэмъ, въ ней есть только рассказы о придворныхъ приключеніяхъ, сухіе романы обыденнаго содержанія, длинные и скучныя изображенія общественнаго быта, чуждыя глубокихъ нравственныхъ идей и поэтическаго одушевленія. Не могла у китайцевъ получить поэтическаго достоинства и драма: народъ, не знающій дѣйствія и развитія въ исторіи, не способенъ вложить дѣйствіе въ драму, сдѣлать ее поэтическимъ отголоскомъ исторіи человѣчества. Драматическія произведенія у китайцевъ имѣютъ цѣлью лишь дать публикѣ развлеченіе, повеселить ее; содержаніемъ ихъ обширной сценической литературы служатъ лишь дѣйствительные случаи, приключенія, происходящіе въ жизни средняго сословія, интриги и фарсы; высшая задача ихъ пьесъ—превознесеніе обыденной морали. Драматическое искусство не пользуется въ Китаѣ уваженіемъ. Бываютъ въ театрѣ китайцы любятъ, но онъ не имѣетъ вліянія на нравственность и образованіе націи. Драма у европейскихъ народовъ изобразительница всего великаго и идеальнаго, у китайцевъ—чуждый поэзіи сколокъ съ дѣйствительности. Только въ лирической поэзіи, имѣющей своимъ содержаніемъ не изображеніе дѣйствія, а высказываніе мыслей и чувствъ, есть граціозность и благородство, хотя глубокаго одушевленія нѣтъ. Самыя лучшія ея произведенія—пѣсни Ши-кина. Вообще въ китайской лирикѣ властвуетъ дидактическій характеръ; мысль часто примыкаетъ къ заимствованному изъ жизни природы образу, который повторяется въ пьесѣ нѣсколько разъ, но лишь идетъ рядомъ съ мыслью, не имѣя внутренней связи съ нею. Нравственныя сентенціи и житейскія правила китайской практической философіи очень часто составляютъ

содержаніе лирической дидактики. Высшее требованіе китайской морали, умѣренность, воздержность отъ всякихъ крайностей, служить руководствомъ для нихъ и въ поэзіи: они избѣгаютъ въ ней пафоса, какъ въ жизни стараются сдерживать волненія чувства; потому основная черта всей ихъ поэзіи холодное спокойствіе. Разсудительность, любовь къ правильному ходу жизни, удерживая китайца отъ излишества въ чувственныхъ наслажденіяхъ, оберегаютъ его и отъ всякаго энтузіазма. Онъ хочетъ, чтобы спокойствіе его души не было нарушаемо ни чѣмъ.

5. Мѣсто Китая въ исторіи.

Нашъ очеркъ быта китайцевъ объясняетъ восторгъ, съ какимъ Восхищеніе иезуиты, жившіе миссіонерами въ Китаѣ, и всѣ приверженцы абсолютизма, всѣ защитники патріархально-деспотическихъ учреждений, всѣ партизаны принципа пассивнаго повиновенія превозносятъ похвалами націю, въ бытѣ которой инстинктивное однообразіе жизни некультурныхъ народовъ соединяется съ внѣшними формами цивилизаціи, оставляющими ее однако же чуждой стремленію культурныхъ народовъ къ свободѣ. Они прославляютъ пассивныхъ добродѣтели китайцевъ: ихъ любовь къ порядку, умѣренность, трудолюбіе, почтительность къ высшимъ, послушность начальству, повиновеніе законамъ и т. д., мудрость ихъ законовъ, основанныхъ на ученіи чистой нравственности, предусмотрительно подводящихъ подъ правила все въ жизни, считаемыхъ народомъ за установленія, испущенія отъ неба, потому глубоко уважаемыхъ имъ, охраняемыхъ его преданностью въ неприкосновенности, какъ сокровище; они восхищаются патріархальнымъ характеромъ власти, правящей народомъ безъ предоставленія ему участія въ ея дѣлахъ, хвалятъ всеобщее равенство, не знающее сословныхъ различій, владычество древнихъ неизмѣнныхъ законовъ надъ всѣми членами государства, ненарушимую силу предписаній морали, строгое исполненіе обязанностей и т. д. Но они не хотятъ видѣть, съ какими недостатками соединена неподвижность прославляемаго ими кристаллизировавшагося быта; забываютъ, что безъ умственной борьбы, безъ развитія народъ не можетъ исполнять своего человѣческаго предназначенія; что народъ, не имѣющій идеальныхъ стремленій, не поднимающій взгляда отъ обыденной практической жизни, останавливается на первой ступени лѣстницы восхожденія къ цивилизаціи и гуманности; что законодательство, основанное на абстрактныхъ ученіяхъ морали, не свободное выраженіе національной мысли, не созданіе народной энергіи, а искусственно построенный механизмъ, колеса котораго приводятъ въ движеніе пассивную жизнь государства и народа; что законы, не созданные самимъ народомъ,

Восхищеніе китайцами.

Оборотная сторона.

бесильны бороться съ пороками и злоупотребленіями; что китайское патріархальное управленіе часто бывало произвольнѣйшимъ деспотизмомъ, постыднѣйшимъ владычествомъ наложницъ и эвнуховъ, и восхваляемое всеобщее равенство состоитъ главнымъ образомъ въ равенствѣ всеобщаго рабства; не замѣчаютъ, что жизнь, состоящая только въ соблюденіи формалистики, бесплодна, пуста; что нравственность, вѣрность обязанностямъ у китайцевъ не возвышаетъ характера, не служитъ выраженіемъ душевнаго чувства, а состоитъ лишь въ наружномъ исполненіи предписанныхъ правилъ и часто бываетъ обманчивою сдѣлкой съ требованіями закона.

Умственная
оцѣненность
Китая.

Формалистика, установленная закономъ и охватывающая, какъ футляръ, все проявленія жизни китайца, отняла у него возможность развитія и произвела то умственное оцѣпенѣніе, ту неподвижность быта, которыми Китай отличается отъ всехъ другихъ цивилизованныхъ странъ и которыя такъ сильны, что не могли преодолѣть ихъ даже завоеванія, и что все иноземные элементы, вторгавшіеся въ Китай, получали характеръ чисто китайскій. Все въ Китаѣ остается неизмѣннымъ съ древности: государственное устройство и промышленность, общественная жизнь, наука и литература. «Китай — балзамированная мумія, завернутая въ шелковый саванъ и расписанная гіероглифами», говоритъ Гердеръ: — «китайцы страстно любятъ золоченую бумагу и лакъ, кудреватая фигуры своего письменнаго языка и погребушки прекрасныхъ сентенцій: ихъ умственная жизнь похожа на эту золоченую бумагу, этотъ лакъ, это кудреватое письмо и эти погребушки пустыхъ фразъ. Природа отказала имъ въ даръ великихъ научныхъ открытій, но дала имъ узкимъ глазамъ зоркость, щедро надѣлила ихъ хитрою изворотливостью, талантомъ ловкаго подражанія всему, что находитъ полезнымъ себѣ ихъ корыстолюбіе». Китайскій народъ — засохшая вѣтвь на деревѣ исторической жизни человѣчества.

Самодовольство
китайцевъ.

Одна изъ главныхъ причинъ застоя въ китайской жизни — слишкомъ высокое мнѣніе китайцевъ о себѣ и презрѣніе къ понятіямъ и обычаямъ всехъ другихъ народовъ, не мѣшающее имъ заимствовать иноземныя изобрѣтенія, но не допускающее ихъ усвоивать воззрѣнія иноземцевъ на жизнь. Они считаютъ свою имперію идеаломъ разумности; все народы другихъ странъ — грубые, руководимые не разумомъ, а страстями варвары, съ которыми китайцамъ не слѣдуетъ имѣть сношеній, которыхъ они должны не пускать въ Небесное Царство Срединъ. Это самодовольство естественный результатъ того, что во все время, въ теченіе котораго складывались понятія китайцевъ, они знали только такіе народы, которыхъ дѣйствительно превосходили во всемъ и которые, сравнительно съ ними, были варвары; содѣйствовала этому и географическая замкнутость ихъ страны. По воззрѣнію китайцевъ, ихъ имперія должна владычествовать надъ всеми народами; но они предпринимали завоеванія лишь по какимъ нибудь

особеннымъ случаямъ: китайская имперія гражданское, а не военное государство. По понятіямъ китайцевъ, все въ ихъ имперіи идетъ хорошо, въ ней вѣчно господствуетъ порядокъ, согласіе; все другіе народы должны признать эти ея достоинства и добровольно принять китайскіе законы; слѣдовательно нѣтъ причины вынуждать ихъ къ тому силою: привлекательное зрѣлище вѣчнаго счастья въ Китаѣ склонитъ иноземные народы присоединиться къ Царству Срединъ. Китайцы желаютъ пріобрѣтенія владѣній только мирнымъ путемъ; войны они ведутъ только для обороны своей страны или для подавленія возстанія и всегда считаютъ это бѣдствіемъ, нарушающимъ священный порядокъ и правильный ходъ жизни. Они прославляютъ только миролюбивыхъ императоровъ; воинственная энергія не нравится имъ. Постановленіе, запрещавшее иностранцамъ пріѣзжать въ Китай, было основано на опасеніи, что они могутъ нарушить спокойствіе имперіи насиліемъ или вліяніемъ своихъ понятій. Распространеніе христіанства, грозившее взволновать застой китайской жизни, возбудило подозрительность въ правительствѣ и повело къ усиленію системы замкнутости. Но европейская предприимчивость нашла средства сломать преграды и проникнуть въ запертую, таинственную страну. Новыя свѣдѣнія о Китаѣ показали, до какого глубокаго упадка доведено Царство Срединъ умственною оцѣпенѣlostью и лицемерною формалистикой. Правственная испорченность, ужасающая бѣдность и ихъ позорныя и страшныя послѣдствія — факты, встрѣчаемые на каждомъ шагу въ Китаѣ. Обремененное избыткомъ населенія Царство Срединъ страдаетъ неисчислимыми болѣзнями; стволъ дерева испорченъ, корни его гнилы; возможно ль ожидать здоровыхъ плодовъ?

II. ЕГИПТЯНЕ.

Обзор источников и литературы. Древние египтяне были народъ, любившій писать, заботившійся о сохраненіи воспоминаній прошлаго. У них издавна существовали *мѣстописи царства и царей*, веденіемъ которыхъ занимались жрецы, бывшіе писцами храмовъ. На основаніи этихъ лѣтописей, египетскій ученый, ознакомившійся и съ греческою образованностью, **Манеонъ**, изъ нижнеегипетскаго города Себеннита, въ половинѣ III вѣка до Р. X. написалъ на греческомъ языкѣ, по порученію Птолемея Филадельфа, *египетскую исторію*. Но отъ нея уцѣлѣли только немногіе отрывки и извлеченный изъ нея, расположенный по династіямъ, списокъ царей съ обозначеніемъ числа лѣтъ царствованія. Этотъ списокъ дошелъ до насъ въ разныхъ рецензіяхъ; въ каждой изъ нихъ порядокъ именъ царей сильно перепутанъ, хронологическая связь во многихъ мѣстахъ порвана. «Основательнѣйшія изслѣдованія, какимъ ученые специалисты подвергли списокъ именъ фараоновъ и хронологическое распредѣленіе ихъ династій, подтвердили неизбѣжную необходимость принимать, что нѣкоторыя изъ манеоновыхъ династій царствовали одновременно, и такимъ образомъ значительно уменьшить продолжительность того времени, какое составляетъ сумма годовъ царствованія этихъ тридцати династій, говоритъ Бругшъ. Полигисторъ *Эратосѳенъ* (274—194 до Р. X.), бывшій главнымъ директоромъ Александрійской бібліотеки, написалъ хронологическій трактатъ о древней исторіи, изъ котораго дошелъ до насъ другой списокъ египетскихъ царей, содержащій въ себѣ 38 именъ; этотъ списокъ во многомъ не сходится съ Манеоновымъ. Оба списка внесъ въ свои синхронистическія таблицы исторіи ученый константинопольскій монахъ Григорій, называемый по своей должности въ монастырѣ *Синкелломъ*. Онъ старался привести цифры этихъ списковъ въ согласіе съ составленною по Ветхому Завету христіанскою хронологіею. Если эти чисто хронологическія извѣстія сильно разнорѣчатъ между собою, то еще меньше можно согласить съ ними хронологію и имена царей Египта въ разсказахъ *греческихъ* писателей. Тѣмъ богаче и достовѣрнѣе извѣстія этихъ писателей о памятникахъ, нравахъ, обычаяхъ, законахъ и религіи, вообще народной жизни Египта ихъ времени. Но у нихъ было обыкновеніе переносить на египетскихъ боговъ имена греческихъ и свои греческія понятія вносить въ изложеніе египетскихъ религіозныхъ воззрѣній; это подавало поводъ ко многимъ недоразумѣніямъ и ошибкамъ. Не думая о томъ, что во всѣхъ религіяхъ, основанныхъ на обоготвореніи природы, естественно образуются сходныя представленія, греческіе писатели часто объясняли себѣ это сходство тѣмъ, что египетская религія была источникомъ всѣхъ другихъ. — Между греческими писателями, разсказывающими о Египтѣ, первое мѣсто занимаетъ **Геродотъ**, совершившій путешествіе по этой странѣ около 460 г. до Р. X. Черезъ четыре столѣтія послѣ него ѣздилъ туда **Диодоръ Сицилійскій**, чтобы сдѣлать тамъ изслѣдованія, надобныя для отдѣла о Египтѣ въ его «Исторической Библіотекѣ». Онъ пользовался и прежними греческими сочиненіями, не дошедшими до насъ, въ особенности Гекатеємъ. Въ первые годы нашей эры написалъ свое очень важное географическое сочиненіе **Страбонъ**, говорящій и о Египтѣ, отчасти по собственному наблюденію, отчасти по обшир-

нымъ изслѣдованіямъ Эратосѳена. Обо всемъ, что видѣли сами, греческіе путешественники сообщаютъ свѣдѣнія вѣрныя; но въ томъ, что разсказываютъ они объ исторіи, религіи и т. д., много очень грубыхъ ошибокъ. Во времена Римской имперіи вниманіе ученыхъ и знатныхъ людей было очень заинтересовано таинственною египетскою страной, и ее посѣщали многіе. Особенно важны свѣдѣнія, сообщаемыя римскимъ писателемъ Плиніемъ въ *Historia Naturalis* и греческимъ ученымъ **Плутархомъ**, въ небольшомъ сочиненіи котораго объ *Изидѣ и Озирисѣ* находятся драгоцѣнныя извѣстія о египетской религіи (лучшее изданіе этой книги сдѣлано Партеемъ, присоединившимъ къ тексту подробныя объясненія). Изложеніе мифовъ у Плутарха совершенно вѣрно; но его философское объясненіе ихъ не болѣе, какъ его собственная теорія. Послѣ побѣды христіанства Египетъ, страна чудесъ и волшебства, облекая таинственнымъ мракомъ; владычество турокъ внесло туда запустѣніе и варварство. Перерывъ изслѣдованій длился до экспедиціи Наполеона Бонапарте (1798). Это было предпріятіе безразсудное, но съ него начинается новая эра свѣдѣній о древнемъ Египтѣ. *Description de l'Egypte*—твореніе, достойное признательности; въ немъ собраны богатые научные матеріалы, хотя въ то время не было умѣнья понимать гіероглифы. Ключъ къ чтенію и пониманію ихъ найденъ гениемъ тоже французскаго ученаго, **Шамполіона** младшаго. Онъ, изучивъ по старымъ книгамъ исчезнувшій изъ употребленія въ живой рѣчи, языкъ коптовъ, потомковъ древнихъ египтянъ, открылъ правильный методъ дешифрованія гіероглифовъ и примѣнилъ его къ чтенію надписей на египетскихъ памятникахъ. Труды Шамполіона *Précis du système hieroglyphique* и *Grammaire égyptienne* дали начало многочисленнымъ и успѣшнымъ изслѣдованіямъ Египта. Въ Парижѣ, Лондонѣ, Берлинѣ, Туринѣ и Булакѣ (предмѣстьѣ Каира) основаны богатые *египетскіе музеи*, облегчившіе трудъ изслѣдователей. Такимъ образомъ, въ нашемъ столѣтіи возникло у всѣхъ цивилизованныхъ націй соревнованіе проявить изученіемъ памятниковъ и новооткрытыхъ письменныхъ источниковъ исторію загадочной страны и прославленную мудрость ея. Итальянскій ученый **Розеллини** издалъ обширный трудъ, въ которомъ описалъ множество памятниковъ всѣхъ частей Египта до самой Нубіи и переводомъ надписей пролилъ много свѣта на историческую жизнь, общественный бытъ и религію Египта. Къ этому времени пробудилась въ Англіи сильная склонность къ изслѣдованію Египта; изъ трудовъ англійскихъ ученыхъ, надобно назвать въ особенности книгу *Вилькинсона* *Manners and Customs of the ancient Egyptians* (2-ое изданіе, 1878, три тома); въ этомъ важномъ трудѣ находится масса очень интересныхъ свѣдѣній по всѣмъ частямъ египетской древности. Развилась большая склонность къ изслѣдованіямъ о Египтѣ и въ Германіи, особенно послѣ того, какъ Фридрихъ Вильгельмъ IV, король прусскій, отправилъ въ Египетъ ученую экспедицію для изслѣдованія и описанія памятниковъ. *Лепсіусъ*, бывшій главою экспедиціи, далъ разсказы о ея путешествіи въ «Письмахъ изъ Египта, Эѳіопіи и Синайскаго Полуострова» (*Briefe aus Aegypten etc.*) и полнѣе изложилъ результаты своихъ изслѣдованій въ *Chronologie der Aegypter* и въ огромномъ изданіи, важнѣйшемъ трудѣ по исторіи Египта, *Denkmäler aus Aegypten und Aethiopien* («Памятники Египта и Эѳіопіи»). Къ трудамъ Лепсіуса примыкаютъ *Reiseberichte aus Aegypten* Бругша и множество другихъ работъ. Раньше того, интересъ къ Египту былъ пробужденъ въ Германіи книгами Партее (*Wanderungen im Nilthale*) и Прокеша (*Erinnerungen*), такъ что *Бунзенъ* предпринялъ подробное изслѣдованіе древней исторіи Египта (*Bunsen, Aegyptens Stelle in der Weltgeschichte*; три первые тома изданы въ 1845 году; черезъ одиннадцать лѣтъ, еще два тома). Въ этомъ обширномъ трудѣ о религіи, языкѣ и въ особенности о хронологіи древняго Египта, сдѣлана попытка привести Манеоновы списки династій въ согласіе съ Эратосѳеновымъ спискомъ царей и съ другими извѣстіями и такимъ образомъ установить хронологію египетскихъ династій. Къ противорѣчащимъ Бунзену выводамъ о хронологіи древнихъ династій пришелъ Бѣкъ (*Böckh, Manetho und die Hundssternperiode*). По его мнѣнію, началомъ правленія Менеса, перваго царя древне-египетскаго царства, должно считать 5703 годъ до Р. X., потому что отъ этого года до 1322 года, въ которомъ начался новый періодъ Сотиса (Сириуса), прошло три цикла Сотиса; циклъ Сотиса состоялъ изъ 1460 лѣтъ, и по этому счету, мы получаемъ: $1322 + 1460 + 1460 + 1460 = 5702$. Исто-

рію египетского искусства разъяснили Куглеръ, Шназе и, изучавшіи египетскіе памятники въ самомъ Египтѣ, Браунъ; философію религіи Рётъ (Röth, Die Religionsgeschichte etc.), общую исторію Египта въ связи съ исторією другихъ культурныхъ странъ Востока изложили Лёбелль и Дункеръ (Max Duncker, Geschichte des Alterthums, 5-ое изданіе, Leipzig, 1878 г., 4 тома). Раньше того, былъ ужь сдѣланъ Гереномъ опытъ примѣнить извѣстія новыхъ путешественниковъ и результаты топографическихъ изслѣдованій къ разъясненію исторіи древняго Востока (Heeren, Ideen über die Politik, den Verkehr und den Handel der alten Welt); но въ его многословномъ изложеніи сглаживаются характеристическія черты древняго быта. — Въ новыхъ изданіяхъ своего труда Дункеръ пользовался и новѣйшими изслѣдованіями о первыхъ временахъ египетской исторіи. — То, что было писано о древнемъ Египтѣ нѣмецкими учеными до Лепсіуса, почти все устарѣло и съ фактической, и съ научной стороны, такъ что сохраняетъ лишь литературно-историческое значеніе; многое изъ этихъ трудовъ оказалось и совершенно ошибочнымъ. Только съ Лепсіуса начинается въ Германіи истинно-научная разработка египетской исторіи; прежніе нѣмецкіе ученые писали о Египтѣ лишь какъ дилетанты. Со времени Лепсіуса, ведется методическое изслѣдованіе египетскихъ текстовъ, и единственнымъ вѣрнымъ источникомъ признаны они. Количество ихъ очень возросло, благодаря экспедиціи Лепсіуса, и колоссально увеличивается систематическими раскопками, изъ которыхъ особенно важны произведенныя Мариэттомъ. Въ Германіи, Англіи, Франціи многіе ученые посвящали себя этимъ изслѣдованіямъ и труды по египтологіи такъ многочисленны, что нельзя дать здѣсь полный обзоръ литературы предмета. По исторіи Египта, назовемъ: Lepsius, Königsbuch (1858); Brugsch, Geschichte Aegyptens (1877); исторію восточныхъ народовъ Масперо и новое изданіе исторіи Дункера; Wiedemann, Geschichte Aegyptens (1880); Dümichen, Geschichte des alten Aegypten (часть сборника Allgemeine Geschichte in Einzeldarstellungen, herausgegeben von W. Oncken, Berlin, 1878 года). Масперо присоединяетъ къ исторіи Египта исторію сосѣднихъ азіатскихъ земель: когда у фараоновъ начинаются дѣла съ Ханааномъ, Вавилонією, Ассирією, Финикією и Малою Азією, онъ рассказываетъ предшествовавшую исторію того народа, объ отношеніяхъ котораго къ египтянамъ приходится ему говорить. — Труды по мифологіи: Lepsius, Tottenbuch (1842) и Aelteste Texte des Tottenbuchs (1867). Въ статьѣ Ueber den ersten ägyptischen Götterkreis Лепсіусъ показалъ, что надобно раздѣлять первобытные и позднѣйшіе элементы въ египетской религіи и что этимъ способомъ можно достигать достовѣрныхъ понятій о ней. Труды по египетскому языкознанію: Brugsch, Wörterbuch (1867—1880), Hieroglyphische Grammatik (1872); Le Page Renouf, Elementary grammar (1875); Erman, Neuägyptische grammatik (1880). — *Гіератическая* — обыденная — система египетскаго письма была дешифрована Гудвиномъ (Goodwin) и Шабá (Chabas); позднѣйшая форма гіератической, *демотической* системы (Бругша Grammaire démotique 1855), въ новѣйшее время лучше обработана Ревилью (Revillout). Трудные гіероглифическіе тексты греко-римскаго времени были переводимы въ особенности много Дюмхеномъ и Бругшемъ. Хорошіе переводы важныхъ текстовъ помѣщаются въ Records of the past, издаваемыхъ англійскимъ обществомъ библейской археологіи. — Во введеніи къ «Исторіи Египта» Бругшъ говоритъ: «У классическихъ писателей древности нѣтъ вѣрныхъ и связныхъ рассказовъ о древнѣйшей исторіи египтянъ. Ошибочныя, искаженныя до каррикатурности преданія, записанныя у нихъ, принесли больше вреда, чѣмъ пользы изслѣдованіямъ; они давали ложныя представленія о Египтѣ и его исторіи, болѣе чѣмъ на два тысячелѣтія закрыли истину туманною тѣнью легендъ и сказокъ. Обманчивый покровъ былъ разорванъ лишь изученіемъ памятниковъ, начавшимся, къ сожалѣнію, очень поздно, такъ что слишкомъ много каменныхъ свидѣтельствъ погибло. Новоузнанные, пробужденные къ новой жизни памятники открыли намъ истину и показали, что во времена классической древности исторія древняго Египта была ужь непонятною книгою «подъ семью печатами». По отношенію къ событіямъ египетской исторіи, этотъ отзывъ о классическихъ писателяхъ справедливъ. Но о жизни египтянъ, о нравахъ, обычаяхъ, религіи, общественныхъ учрежденіяхъ ихъ греческіе писатели сообщаютъ очень много извѣстій, очевидно достовѣрныхъ, такъ что

всеобщая исторія, вниманіе которой должно быть обращено на бытъ и умственную жизнь народа, не можетъ признавать ихъ рассказы непригодными для нея матеріаломъ. Не все значеніе отнято у нихъ египетскими папирусами. Они остаются заслуживающими вниманія, хотя многое въ нихъ сомнительно, ошибочно и баснословно.

1. Египетская страна и ея жители.

Египетъ называется у жителей Оаметъ, а на коптскомъ языкѣ Кеме, «черная земля», по противоположности темной плодородной полосѣ его ослѣпительно свѣтлому песку ливійской пустыни, простирающейся въ даль на западъ. Эта узкая плодородная полоса — долина Нила, обязанная рѣкѣ своимъ существованіемъ. Если бы не разливы Нила, песокъ пустыни заглушилъ бы своею смертоносною силою всякую растительность до самаго берега Чермнаго моря. Потому Геродотъ называетъ долину Египта «подаркомъ Нила», а у Гомера страна и рѣка называются однимъ и тѣмъ же именемъ. Плодотворящая рѣка, начало и разливъ которой древніе египтяне считали священной тайною, и верховье которой открыто лишь очень недавно англійскими путешественниками, — истокъ двухъ лежащихъ подъ экваторомъ на обширной возвышенности огромныхъ озеръ, изъ которыхъ каждое больше Аральскаго моря; одно изъ нихъ Викторія-Ньянза (или Укереве), другое — Альбертъ-Ньянза (или Мвутанъ). Оба во время дождей поднимаются выше обыкновеннаго своего уровня. Воды ихъ изливаются нѣсколькими истоками, направляющимися на сѣверъ и соединяющимися въ одну рѣку. Немногія снѣговыя горы, лежащія на востокъ отъ Викторія-Ньянзы, не имѣютъ вліянія на повышеніе уровня озеръ. Тѣ истоки Викторія-Ньянзы, которые образуютъ Бахрѣ-эль-Абиадъ, «Бѣлую рѣку», какъ называется верхнее теченіе Нила, сливаются въ одно русло на нѣкоторомъ разстояніи отъ озера, такъ что Нилъ и начинается дельтою, какъ дельтою достигаетъ моря. Бахрѣ-эль-Абиадъ течетъ на сѣверъ и перерѣзываетъ Альбертъ-Ньянзу въ сѣверо-восточной части площади этого озера; далеко къ сѣверу отъ Альбертъ-Ньянзы впадаетъ въ Нилъ Бахрѣ-эль-Газаль; главную изъ рѣкъ, образующихъ этотъ притокъ Нила, Бахрѣ-эль-Джуръ, должно, по всей вѣроятности, считать главнымъ истокомъ собственной массы водъ Альбертъ-Ньянзы. Бахрѣ-эль-Абиадъ течетъ по горной странѣ, отчасти покрытой дѣвственными лѣсами, отчасти прорѣзываемой необозримыми лугами, на которыхъ ведутъ, въ дракахъ между собою, однообразную кочевую жизнь негритянскія племена; по саваннамъ, покрытымъ гигантскою чуть не съ дерево травой, перепутанною въющимися растеніями, и въ густыхъ тамариндовыхъ и сикоморовыхъ лѣсахъ живутъ тамъ львы и слоны, гіены и носороги, зебры, антилопы и исполинскія

змѣи, а въ самой рѣкѣ крокодилы и гиппопотамы. Далѣе къ сѣверу, впадаетъ въ Нилъ съ востока Бахрѣ-эль-Азрекѣ, «Голубая рѣка», названная такъ по цвѣту ея воды. Истокъ ея на Абиссинской террасѣ, на вышинѣ 12,000 футовъ, и она течетъ съ горы Саменѣ огромною дугою, не очень обильная водою, по плоскогорью, одѣтому роскошною растительностью; на немъ красуются кедровые лѣса и рощи фруктовыхъ деревьевъ, финиковыя пальмы съ вѣероподобными листьями, тѣнистые тамаринды, разнообразныя колоссальныя деревья, подымающіяся надъ высокимъ кустарникомъ и густою сѣтью вьющихся растений; тамъ безчисленное множество птицъ и обезьянъ. Бахрѣ-эль-Азрекѣ несетъ съ абиссинскихъ горъ къ низовью террасы чистую воду, пріятную для питья. По впаденіи этой рѣки, Бахрѣ-эль-Абиадѣ получаетъ названіе Нила. Вода Голубой рѣки долго течетъ въ немъ особою полосою, не смѣшиваясь съ водою Бѣлой рѣки. Дальше, Нилъ протекаетъ Нубійскую страну, гдѣ то касаются береговъ его лишенныя всякой растительности песчаныя равнины, то преграждаютъ путь ему скалистые, болѣею частью нагіе хребты, такъ что онъ долженъ переливаться черезъ безчисленные пороги, пока у пальмовыхъ лѣсовъ Сіэны достигаетъ границы Египта. Тутъ, между живописными островами Филою (Philae) и Элефантиною, волны его въ послѣдній разъ шумно низвергаются черезъ темныя, дико нагроможденныя гранитныя скалы, и природа долины измѣняется. Прорѣзъ рѣки въ скалистой террасѣ пустыни образуетъ по обѣ стороны ложбины высокія стѣны, между которыми Нилъ спокойнымъ теченіемъ несетъ свои тихія воды къ морю, сопровождаемый по восточной сторонѣ отдѣляющимъ долину отъ песчаныхъ дюнъ Чермнаго моря хребтомъ благородныхъ базальтовыхъ, порфировыхъ, серпентиновыхъ скалъ, а съ западной стороны охраняемый плоскогорьемъ отъ сыпучаго золотистаго песка пустыни, который однако жъ иногда заносится до окраины долины знойными ураганами съ юговостока. Въ этой глубокой ложбинѣ широкая рѣка тихо, величаво катитъ свои молчаливыя воды, превращая въ зеленый оазисъ оба свои побережья, насколько открываетъ доступъ ея плодотворной влагѣ природа или человѣческое искусство. Не получая притоковъ, Нилъ собственнымъ спокойнымъ изобиліемъ напояетъ и освѣжаетъ жаркую страну, на которую почти никогда не ниспосылаетъ дождя безоблачно ясное небо. Ниже Мемфиса, Нилъ дѣлитъ свое многоводное теченіе на два главные рукава и нѣсколько другихъ, меньшихъ; его долина расширяется въ равнину, на которой плодородныя нивы перемежаются съ роскошными лугами, а по берегамъ красуются пальмовыя и сикоморовыя лѣса; и наконецъ, прорѣзавъ илистыя низменности и поясъ дюнъ, воды Нила изливаются въ море;—это дельта Нила, область намывной почвы, изумительное плодородіе которой дѣлало Египетъ житницею древняго міра. «Потокъ Египетскій», у деревни Эль-Аришъ, древней Ринокоруры, съ

глубочайшей древности былъ границею Египта со стороны Палестины, а путь по пустынѣ вдоль морскаго берега былъ единственною дорогою, соединявшею Египетъ съ сосѣдними культурными землями Азіи. На западѣ плодородныя оазисы открываютъ караванамъ пути вдаль, и туземныя вьючныя животныя, верблюды, лошади, оселъ даютъ возможность возить товары по этимъ путямъ.

Плодородіе Египта обуславливается ежегодными разливами Нила. Когда на абиссинскихъ горахъ, съ которыхъ течетъ Голубая Рѣка, таетъ снѣгъ и періодическіе дожди тропическихъ земель увеличиваютъ массу воды; Нилъ начинаетъ подыматься, и растетъ три мѣсяца, съ половины іюня до половины сентября. Въ іюлѣ онъ уже выступаетъ изъ береговъ, и когда приближается время полного разлива, при которомъ вода подымается на 20 футовъ выше своего обыкновеннаго уровня, жители отпираютъ плотины и пускаютъ воду въ каналы, которыми трудолюбіе человѣка еще въ древнѣйшія времена прорѣзало подъемы земли, чтобы провести орошеніе и въ лежащія за этими грядами мѣстности. Египетъ становится тогда похожъ на море, по которому, какъ острова, разбросаны города и высокія мѣста. Безчисленныя суда и лодки оживляютъ разлившуюся рѣку, и все населеніе въ праздничномъ нарядѣ празднуетъ весельемъ дни, дающіе плодородіе землѣ. По окончаніи періода дождей подъ тропиками, рѣка мало по малу возвращается въ свои берега, оставляя повсюду у разлива осадокъ плодороднаго ила, принесеннаго теченіемъ изъ горныхъ странъ. Въ октябрѣ, почва осыхаетъ; тогда засѣваютъ ее и она быстро покрывается зеленью всходовъ, дѣлающихъ ее подобною сплошному огороду. Время роста хлѣбовъ длится до конца февраля; въ мартѣ наступаетъ жатва; за нею слѣдуютъ три мѣсяца засухи, и уровень Нила въ это время самый низкій. Зеленая долина скоро стала бы добычею пустыни, если бы животворящая рѣка не начинала въ іюнѣ уже возобновлять свой ежегодный подъемъ.

Характеръ египетской природы; обусловленный таинственными измѣненіями рѣки, опредѣлилъ собою направленіе жизни египтянъ. Почва, на которой сами собою росли хлѣбъ и другія питательныя растенія, влекла народъ къ земледѣлію, возводящему человѣка на первую ступень культуры; рѣка влекла къ судоходству, періодическія измѣненія уровня ея наводили на мысли объ устройствѣ орошенія, о каналахъ, принуждали сдѣлать прочныя межи, чтобы разливъ не смывалъ границъ участковъ; этимъ были развиваемы понятія о правѣ и собственности, было развиваемо искусство измѣренія, въ особенности измѣренія поземельныхъ участковъ (геометрія буквально значить: землемѣріе). Правильность повышенія и пониженія воды въ рѣкѣ вела къ опредѣленію точнаго счета времени, къ раздѣленію года на три четырехмѣсячныя части, соотвѣтственно тремъ періодамъ, производимымъ переменами уровня рѣки: время разлива, время по-

сѣва, время жатвы. Замкнутость страны, далекой отъ аренъ, на которыхъ сталкивались беспорядочныя вторженія народовъ, благопріятствовала спокойному развитію умственныхъ способностей и преобладающихъ склонностей и произвела своеобразную цивилизацію. Ограниченность пространства, на которомъ оставляетъ рѣка свой плодородный илъ, принуждала экономно распоряжаться землею и селиться близко дворъ къ двору; это имѣло слѣдствіемъ возникновеніе городовъ, установленіе формъ общественной жизни, юридическаго порядка, развитіе промышленности, искусствъ; въ горахъ былъ камень, чрезвычайно хорошій въ обработкѣ; онъ доставлялъ превосходный матеріалъ для архитектуры и ваянія. Даже религіозная жизнь, съ ея многочисленными и своеобразными формами культа и созданіями искусства, развилась подъ вліяніемъ характера страны: догматы, символы и праздники ея находились въ связи съ ходомъ годовыхъ перемѣнъ въ египетской природѣ. Раннее развитіе разнообразныхъ формъ жизни въ безопасной и плодородной странѣ мягкаго климата произвело еще въ глубокой древности мнѣніе, что египтяне—древнѣйшій изъ всѣхъ народовъ.

Происхожденіе и значеніе греческаго названія Нильской страны, «Египетъ», еще не объяснено достовѣрнымъ образомъ. Очень вѣроятно, что это слово греческое видоизмѣненіе туземнаго названія, сохранившагося въ имени коптовъ (по арабски: кубтъ), потомковъ древнихъ египтянъ. По вопросу о томъ, какого племени были древніе египтяне, темноокрасный цвѣтъ кожи ихъ фигуръ въ раскрашенныхъ рисункахъ на памятникахъ, и нѣкоторыя особенности типа ихъ лицъ ясно показываютъ, что въ нихъ была и примѣсь эіопской крови; но элементы такъ называемой кавказской расы, свидѣтельствующіе повидимому о переселеніи египтянъ на берега Нила изъ Азіи, пріобрѣли съ теченіемъ времени перевѣсъ, какъ очевидно и по общимъ формамъ тѣлосложенія и въ частности по формѣ черепа; то же самое доказываютъ египетскій языкъ, нравы египтянъ и способность этого народа къ высокой культурѣ. Въ преданіи о сыновьяхъ Ноя, имя Хама кажется свидѣтельствующимъ, что у евреевъ сохранялось воспоминаніе объ азіатскомъ происхожденіи египтянъ. Въ томъ, что египтяне постепенно подымались изъ низовья Нила вверхъ по рѣкѣ, мы видимъ продолженіе естественнаго пути, по направленію котораго шло ихъ переселеніе изъ Азіи. По новѣйшимъ изслѣдованіямъ можно считать доказаннымъ, что египтяне близко родственны берберамъ и туарегамъ сѣверной Африки, восточноафриканскимъ беджа, сомали и галла, и вмѣстѣ съ семитическими народами составляютъ одно великое лингвистическое семейство, отчизна котораго находилась въ Азіи. Но родство этого египтосемитическаго племени съ индогерманскимъ еще не доказано. Само собою разумѣется, что во

всѣхъ народахъ африканской отрасли египтосемитическаго племени есть большая примѣсь негритянской крови.

О тѣсномъ соотношеніи между страной и народомъ Египта Риттеръ говоритъ: «На сколько простираются наши историческія свѣдѣнія, мы не знаемъ другаго, живущаго на большой рѣкѣ культурнаго народа, въ исторіи котораго локализирующее дѣйствіе природы его страны выражалось бы такъ рѣзко, являлось бы такимъ преобладающимъ въ его внѣшнемъ и внутреннемъ развитіи, свободная дѣятельность лица была бы такъ подавлена этимъ преобладаніемъ, какъ у египтянъ, какими являются они намъ по свидѣтельству всѣхъ памятниковъ ихъ древности. Какъ изображеніе египетскаго бога имѣетъ вполне египетскій характеръ лишь когда сдѣлано изъ египетскаго порфира, такъ и египетскій народъ является первобытнымъ народомъ, произошедшимъ изъ природы нильской долины, неразрывно связаннымъ съ египетскою землею». Да; но къ этому замѣчанію великаго географа должно сдѣлать ту поправку, что произведенія египетской скульптуры имѣютъ наибольшее совершенство, когда сдѣланы изъ матеріала, наиболѣе удобнаго для обработки (напримѣръ, известняковыя барельефы саркофаговъ въ пирамидахъ), а наименѣе совершенны они тогда, когда сдѣланы изъ порфира и базальта.—Качества камня египетскихъ горъ очень благопріятствовали развитію художественной дѣятельности, иѣковѣчные памятники которой дивятъ насъ и достоинство которой особенно ясно видно въ верхнемъ Египтѣ гдѣ нѣтъ дождей, воздухъ всегда сухъ и потому памятники сохранились лучше, нежели въ нижнемъ Египтѣ. Известнякъ, находящійся въ горахъ обѣихъ стѣнъ долины отъ дельты до Оивъ, очень хорошъ и для всякихъ построекъ и для изваяній самой тонкой отдѣлки; точно такъ же и мелкозернистый песчаникъ верхняго Египта и Нубіи; ассуанскіе сіениты и граниты доставляли громадныя камни для обелисковъ, саркофаговъ, статуй и монолитныхъ колоссовъ; даже кирпичи изъ нильскаго ила, употреблявшіеся на валы, городскія стѣны, ограды храмовъ и внутреннюю часть одѣтыхъ каменными плитами памятниковъ, были тверже и прочнѣе вавилонскихъ.—Изъ растений собственно-египетской флоры чрезвычайно полезны были: *пипирусъ*, гигантское растеніе изъ семейства ситниковыхъ, съ высокимъ трехграннымъ стеблемъ и развѣвающимися кистью, употреблявшееся на выдѣлку матеріала для письма, о чемъ мы будемъ говорить ниже, полезное своими сочными корнями, которые служили здоровою пищею, и достаточною для жизни первобытнымъ людямъ, по словамъ Діодора; и *лотусъ*, мучнистыя сѣмена котораго доставляли їду, питательную какъ хлѣбъ.—Діодоръ говоритъ, что египтяне съ самыхъ дальнихъ временъ усердно занимались геометріею и ариѳметикою, потому что ежегодный разливъ рѣки по полямъ подаетъ частый поводъ къ спорамъ сосѣдовъ о межахъ. Рѣшить, гдѣ истинная граница участка, трудно, если дѣломъ не займется искусный землеѣръ (Діодоръ, I, 81).—По достовѣрнѣйшимъ изслѣдованіямъ, три времени года и имена мѣсяцевъ были: 1) Время разлива; его мѣсяцы: Тойтъ (Thouth), начинавшійся 20 іюля, Фаофи, Атиръ (Athyr), Хоіакъ; 2) Зима, (посѣвъ); его мѣсяцы: Тиби (Tybi), Мехіръ, Фаменотъ (Phamenoth) Фармути (Pharmuthi); 3) лѣто (жатва); его мѣсяцы: Пихонъ, Пайни, Эпифи, Месоре; 4) пять прибавочныхъ дней.—О географіи древняго Египта и объ административномъ дѣленіи его достовѣрныя свѣдѣнія даются намъ новооткрытыми списками областей (номовъ, по греческому названію). По новымъ изслѣдованіямъ оказалось, что изображенія на внѣшней сторонѣ стѣнъ нѣкоторыхъ изъ главныхъ храмовъ, представляющія ряды фигуръ, совершающихъ приношенія божеству, это символическія изображенія областей Египта съ ихъ мѣстными особенностями и важнѣйшими произведеніями. Бругшъ, Ружэ младшій, Дюмихенъ работали надъ объясненіемъ этихъ изображеній, чрезвычайно важныхъ для полученія свѣдѣній о географіи древняго царства фараоновъ, и пришли къ результатамъ разъясняющимъ дѣленіе государства на номы и округа и политико-статистическій характеръ ихъ. Въ «Исторіи восточныхъ народовъ» Масперо и въ «Исторіи древняго Египта» Дюмихена находится подробное описаніе всѣхъ округовъ, составленное на основаніи изслѣдованій французскаго египтолога

де Румѣ, и приложены подробныя описанія, изображенія и планы развалинъ храмовъ
каждаго округа.

2. Древнее мемфисское царство и пирамиды.

Недостовѣр-
ность древней
исторіи.

Не было народа, который такъ заботился бы, какъ египтяне, со-
хранить жизнь, связать прошедшее неразрывными узами съ настоя-
щимъ, преодолѣть силу смерти; и однакожь, мы имѣемъ лишь не-
удовлетворительныя, отрывочныя извѣстія о египетской исторіи, лишь
безпорядочныя, безсвязныя матеріалы ея. Немногіе народы посвящали
столько труда установленію хронологіи, опредѣленію цикловъ небес-
наго и земнаго круговорота жизни; и однакожь въ хронологіи еги-
петскихъ царей, ихъ сооружений и памятниковъ очень много спор-
наго, недостовѣрнаго. Неутомимыя изслѣдованія путешественниковъ
и ученыхъ разъяснили многое, бывшее темнымъ, дополнили много
пробѣловъ, дали связность многomu, бывшему прежде отрывочнымъ;
но лѣтописи, въ которыхъ египетскіе жрецы излагали по связному
порядку дѣла царей и событія страны, погибли. Отъ египетскихъ
списковъ царей сохранились только отрывки на лоскутахъ туринскаго
папируса; греческая редакція этихъ списковъ, составленная Манеѳо-
номъ, неисправимо испорчена. Перечисленія именъ царей, находимыя
въ храмахъ, неполны. Потому египетская хронологія очень отрывочна.
Эпохи династій мы можемъ опредѣлять лишь приблизительно; точныя
цифры можно найти только относительно 26-й династіи. Но порядокъ
династій достовѣренъ въ существенныхъ своихъ чертахъ. Важнѣйшіе
источники для насъ теперь надписи и рисунки, которыми египтяне
давали краснорѣчивое украшеніе своимъ архитектурнымъ памятникамъ.
Ими дополняются, подтверждаются или исправляются извѣстія, кото-
рыя греческіе писатели передаютъ по рассказамъ храмовой прислуги
и своихъ проводниковъ, большею частью очень невѣжественнымъ, а
также и Манеѳоновъ списокъ династій.

Насколько сами египтяне имѣли извѣстія о первыхъ временахъ своей
исторіи, вопросъ темный. Спутанность списковъ древнѣйшихъ династій
рѣшаетъ его, повидимому, въ отрицательномъ смыслѣ. Надписи начинаются
съ царя С н о ф р у (въ концѣ третьей династіи). Подлѣ пирамиды этого
царя, въ Мейдумѣ, найдены гробницы его двора, и остался отъ него на
Синайскомъ полуостровѣ рельефъ. Но историческихъ извѣстій очень мало
въ надписяхъ этого древнѣйшаго времени, такъ называемаго „періода пи-
рамидъ“. Извѣстія о царяхъ древнѣйшаго времени, находящіеся у Мане-
ѳона и въ позднѣйшихъ египетскихъ текстахъ, имѣютъ характеръ совер-
шенно баснословный. Они упоминаютъ объ этихъ царяхъ главнымъ обра-
зомъ какъ о представителяхъ мудрости.

По мнѣнію египтянъ, надъ ихъ страною царствовали, въ продол-
женіе огромныхъ періодовъ времени, сначала высшіе боги, потомъ Менесъ основ-
женіе огромныхъ періодовъ времени, сначала высшіе боги, потомъ Менесъ основ-
второстепенныя божества, и послѣ того полубоги. Сколько можемъ
видѣть, кажется, что въ глубокой древности существовало на бере-
гахъ Нила нѣсколько разныхъ государствъ съ независимыми другъ
отъ друга племенными князьями, съ патриархальными правами и учре-
жденіями. Быть можетъ, однимъ изъ такихъ племенныхъ князей былъ
царь первобытнаго верхнеегипетскаго города Тиса (This), Менесъ,
о которомъ разсказываютъ, что онъ соорудилъ плотину, чтобъ от-
клонить на востокъ Нилъ, протекавшій у подошвы Ливійскихъ горъ;
онъ хотѣлъ, чтобы между рѣкою и западною пустынею было мѣсто,
на которомъ бы построить новую столицу своего государства. По-
строеніемъ этой столицы, Мемфиса, начинается исторія египетскаго
царства, первымъ царемъ котораго поставленъ въ Манеѳоновомъ
спискѣ Менесъ. О томъ, къ какому времени отнести начало его цар-
ствованія, съ котораго начинается египетская хронологія, ученые ду-
маютъ не одинаково: разница происходитъ оттого, считать ли всѣ
тридцать династій Манеѳона царствовавшими одна послѣ другой, или
полагать, что нѣкоторыя изъ этихъ династій царствовали одновре-
менно. Въ первомъ случаѣ получается баснословная цифра 5702 лѣтъ
до Р. Х., во второмъ получается началомъ царствованія Менеса—по
одному разсчету, 3643 годъ, по другому 3892,—то-есть, все таки,
цифра вдвое или втрое больше того числа лѣтъ до нашей эры, съ
какого начинаются первые слѣды исторіи всего остальнаго человѣ-
чества.

Съ того времени, какъ Менесъ или Мена «постоянный» построилъ
первый большой храмъ Пта (Ptah), главному богу мемфисцевъ, и
пріучилъ народъ признавать и исполнять писанные законы, а его
преемникъ Атотисъ (Athotis) основалъ царскій замокъ, до переворота,
произведеннаго вторженіемъ семитическихъ пастушескихъ народовъ,
то есть съ начала 4-го до конца 3-го тысячелѣтія ранѣе нашей
эры, владычествовали въ древнемъ Мемфисскомъ царствѣ двѣнадцать
династій, о которыхъ мы не знали бы почти ничего, кромѣ именъ
царей, если бы нѣкоторые изъ этихъ царей не передали память о
себѣ отдаленнѣйшему потомству громадными надгробными памятника-
ми и не ознакомили его надписями и рисунками съ жизнью такихъ
временъ, въ которыя все остальное человѣчество было нѣмо, и послѣ
которыхъ все еще долго оставалось нѣмымъ.

Въ самой глубокой древности, о какой мы имѣемъ историческія
данныя, у египтянъ ужъ господствовалъ обычай предохранять тѣла
умершихъ отъ гніенія и погребать ихъ въ прочныхъ, крѣпкихъ гроб-
ницахъ, чтобъ они были защищены отъ всякаго поврежденія или
оскверненія случайностями или человѣческими руками. Этотъ обычай
несомнѣнно былъ порожденъ давнимъ вѣрованіемъ египтянъ, что

посмертное продолженіе жизни души обусловлено сохраненіемъ тѣла. Состояніе души послѣ смерти всегда занимало фантазію восточныхъ народовъ, и часто внушало имъ заботливыя обыкновенія. Но нигдѣ люди не посвящали тѣламъ своихъ умершихъ такихъ большихъ заботъ, какъ въ Египтѣ. На окраинѣ западной пустыни, гдѣ исчезало отъ египтянина солнце и гдѣ начиналось для него царство смерти, избралъ онъ мѣсто успокоенія усопшимъ, въ прохладныхъ глубинахъ скалъ, вдали отъ суетливаго шума долины. Египтяне чрезвычайно заботились объ этихъ гробницахъ. Еще при жизни человѣка было приготовляемо и украшаемо мѣсто, гдѣ онъ будетъ покоемъ по смерти. «Египтяне считаютъ временную жизнь маловажною, и придаютъ величайшую важность жизни человѣка послѣ смерти въ славномъ воспоминаніи», говоритъ Діодоръ: «Домы живыхъ называютъ они гостинницами, говоря тѣмъ, что мы живемъ въ нихъ недолго, а гробницы умершихъ называютъ вѣчными жилищами, потому что мертвые остаются тамъ безконечное время. Потому, на постройку домовъ они обращаютъ мало заботы; но тѣмъ усерднѣе заботятся прекрасно устроить гробницы. Въ особенности у царей было желаніе оставить потомству напоминаніе о своемъ величіи. Потому царь немедленно по вступленіи на престолъ начиналъ строить гробницу, въ которой будетъ покоемъ его тѣло, обкладывая ее массивными камнями и кирпичною одеждою для прочной защиты отъ налетающихъ изъ пустыни урагановъ и во все продолженіе своего царствованія увеличивалъ сооруженіе въ длину, ширину и высоту все новыми каменными обкладками, такъ что выростала цѣлая искусственная каменная гора; преемнику его оставалось только закончить постройку внѣшнею облицовкой и вложить гробъ во внутренній склепъ, куда велъ снаружи узкій корридоръ. Помѣстивъ тамъ гробъ, заваливали корридоръ массивными камнями, въ нѣкоторыхъ разстояніяхъ одинъ отъ другаго, и задѣлывали входъ плитами. Кругомъ гробницы царя строились гробницы его семейныхъ и приближенныхъ, чтобъ и по смерти около царя группировался его придворный штатъ.

Эти царскія гробницы—п и р а м и д ы. Онѣ стоятъ у окраины западной пустыни на нагой, безжизненной террасѣ скалы, поднимающейся на 100 футовъ надъ долиною,—въ той мѣстности, которую и все населеніе Мемфиса избрало кладбищемъ себѣ, чтобы тѣла были въ безопасности и отъ разливовъ рѣки и отъ знойнаго дыханія пустыни. Тамъ и теперь все еще высятся онѣ, эти колоссальныя пирамиды, близъ деревень Гизе (Gizeh), Дашуръ и нѣсколькихъ другихъ, какъ стражи границы между пустынею и зеленою оживленною долиною, а подлѣ нихъ стоитъ безчисленное множество меньшихъ гробницъ, построенныхъ надъ могилами или вырубленныхъ въ скалѣ.

Пирамиды расположены длиннымъ рядомъ, идущимъ параллельно рѣкѣ, съ сѣвера на югъ. Высота ихъ отъ 20 до 450 футовъ. Чи-

сло ихъ очень велико (многія, впрочемъ, почти совершенно разрушены). Выше всѣхъ подымается та, которую построилъ себѣ, чтобы покоемъ въ ней по смерти, царь Хуфъ или, какъ называетъ его Геродотъ, Хеопсъ. Онъ принадлежалъ къ четвертой династіи мемфисскихъ царей, и безъ сомнѣнія онъ тотъ самый, который изображенъ на выровненной стѣнѣ Синайской скалы, хватающимъ колѣнопреклоненнаго передъ нимъ врага за волоса, чтобъ убить; итакъ, строитель колоссальнѣйшей изъ пирамидъ владѣлъ и каменною Аравіею съ ея мѣдными рудниками. Кромѣ этого, исторія ничего не знаетъ о могучемъ властелинѣ, надгробный памятникъ для котораго строили, по преданію, 100,000 человѣкъ въ продолженіе 30 лѣтъ, и о тиранствѣ, алчности, нечестіи котораго египтяне рассказывали греческому историку неимоверные ужасы. Строители двухъ другихъ очень большихъ пирамидъ, одна изъ которыхъ лишь немногимъ ниже хеопсовой, другая гораздо ниже, царь Хафра, называемый у грековъ Хефреномъ, и Менкара (у грековъ: Микеринъ) тоже принадлежали къ четвертой династіи, и, по Геродоту, были ближайшими преемниками Хеопса: Хефренъ былъ его братъ, подобный ему тиранъ, а Микеринъ, сынъ Хеопса, былъ справедливый и кроткій властитель;—эти извѣстія трудно примирить съ надписями. Построеніе этихъ трехъ большихъ пирамидъ надобно относить къ временамъ никакъ не позже конца четвертаго тысячелѣтія до нашей эры. А ихъ архитектура, съ правильными своими формами, съ могучимъ, хоть нѣсколько боязливымъ способомъ сооруженія, съ искусно проложенными корридорами и прекрасною, плотною укладкою полированныхъ громадныхъ камней, свидѣлствуетъ, что эти пирамиды были не первыми созданіями египетскаго искусства; что, напротивъ, имъ предшествовалъ долгій періодъ практики, время постепеннаго возрастанія умственныхъ силъ и технической ловкости. Египетское искусство достигло при четвертой и пятой династіяхъ высшаго своего процвѣтанія: оно было тогда реалистичнымъ и свѣжимъ, въ немъ еще вовсе нѣтъ оцѣпенѣлости болѣе позднихъ временъ. Статуи Хафры въ булакскомъ музеѣ, находящаяся тамъ же деревянная статуя сановника, называемая и въ Каирѣ и въ Европѣ «статуею сельскаго старшины», статуя писца въ Луврѣ, прекрасные известняковые барельефы съ ихъ наивными фигурами животныхъ,—это превосходныя созданія искусства. Изумительная перевозка колоссальныхъ камней на каткахъ помощью рычаговъ показываетъ, что царская власть ужъ преодолѣла патріархальныя ограниченія и безусловно располагала силами густаго и трудолюбиваго населенія, привыкшаго служить ей. Вырубленные въ скалахъ гробницы своими надписями, барельефами и разбитыми статуями тоже свидѣлствуютъ о долгомъ предшествовавшемъ періодѣ развитія искусства.

Постройка пирамид. Постройка пирамид начиналась тѣмъ, что вырубали въ скалѣ могилу, надъ которою возводили изъ огромныхъ камней четырехугольный холмъ. Основаніе его было правильнымъ квадратомъ, стороны котораго лежали по линіямъ четырехъ странъ свѣта. Эта маленькая пирамида подымалась уступами футовъ на 40 вышиною. «Ее увеличивали, обкладывая со всѣхъ сторонъ каменною одеждою въ 15 или 20 футовъ толщиною. Первую одежду обкладывали второю и т. д., пока наконецъ закладывали уступы камнемъ, чтобы стѣны были гладкими плоскостями. Этимъ постепеннымъ возрастаніемъ пирамидъ объясняется то, что нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ колоссальную величину, а рядомъ съ ними стоятъ небольшія. Каждый царь начиналъ строить пирамиду себѣ, какъ только вступалъ на престолъ. Онъ дѣлалъ ее сначала небольшую, чтобы имѣть готовую гробницу, если ему суждено процарствовать недолго. Но потомъ постоянно увеличивалъ ее все новыми обкладками, до того времени, когда чувствовалъ, что приближается конецъ его жизни. Если онъ умиралъ, не окончивъ строенія, то лишь довершали послѣднюю обкладку. Такимъ образомъ величина надгробнаго памятника царя была соразмѣрна продолжительности его правленія. Если бы всѣ другія условія, отъ которыхъ зависѣлъ ходъ работы, всегда были одинаковы, то по числу обкладокъ пирамиды, какъ по слоямъ древеснаго ствола, можно было-бы опредѣлять, сколько времени длилось царствованіе строившаго ее». (Лепсіусъ, Письма изъ Египта). «Въ Мейдумской пирамидѣ, одной изъ самыхъ южныхъ, говоритъ Браунъ, «обкладки болѣе или менѣе обвалились, внутренніе слои одежды вверху выступаютъ наружу, и мы видимъ въ массѣ постройки нѣсколько полированныхъ стѣнъ, старшія внутри болѣе новыхъ; наружныя обкладки часто сдѣланы изъ камней, обтесанныхъ менѣе старательно, чѣмъ внутреннія; очевидно, что сооруженіе было отъ времени до времени увеличиваемо». Изъ этого надобно заключать, что царь сначала покрылъ свою будущую могилу не очень большою пирамидою, а потомъ, имѣя время продолжать, обкладывалъ постройку все новыми стѣнами, чтобы гробъ имѣлъ болѣе прикрытія.—На квадратномъ фундаментѣ законченное сооруженіе подымалось четырьмя сходящимися вверху отлогими стѣнами, плоскости которыхъ были подъ прямыми углами одна къ другой. Снизу казалось, что онѣ совершенно сходятся вверху; но на самомъ дѣлѣ, вверху онѣ были срезаны платформою.

Величина и разныя особенности пирамидъ. Мемфисскія пирамиды, число которыхъ болѣе тридцати, надгробные памятники такого же числа царей, расположены группами, идущими по направленію отъ сѣвера къ югу, отъ деревни Абу-Рашъ, противъ Гелиополя, черезъ Гизе (Gizeh), Саккару, Дашуръ, Лиштъ, Мейдумъ. Отъ многихъ сохранились только фундаменты съ небольшими остатками развалившейся массы. Въ особенности мало уцѣлѣло отъ тѣхъ, которыя были построены изъ дѣланнаго кирпича, или, точнѣе сказать, изъ толстыхъ черепицъ, дѣланныхъ съ примѣсью соломы. Но и у самыхъ большихъ, самыхъ крѣпкихъ, вершины и почти весь наружный слой обвалились, вывѣтрившись, или обломаны: арабы брали изъ пирамидъ камни для своихъ построекъ, искали внутри пирамидъ сокровищъ, потому ломали ихъ не только снаружи, но и внутри.

1. Гизехскія пирамиды. Самыя большія и прекрасныя изъ сохранившихся пирамидъ—тѣ три гизехскія, о которыхъ мы ужъ упоминали. Онѣ образуютъ одну группу, вмѣстѣ съ нѣсколькими меньшими. Самая большая, на внутреннѣхъ тесаныхъ камняхъ которой написано красною краскою имя *Хуфу*,—отмѣтка, обозначающая въ каменоломняхъ, для какой постройки они предназначены—имѣла первоначально 233 метра въ длину стороны по фундаменту и 146 метровъ вышины; но теперь длина стороны по фундаменту только 227 метровъ, а высота пирамиды только 137 метровъ: вершина сломана, такъ что образовалась небольшая терраса. Высота пирамиды такъ велика, что Страсбургскій соборъ, если бы стоялъ внутри, не доставалъ бы своею вершиною до террасы. Колоссальный римскій храмъ Петра помѣстился бы внутри этой массы, содержащей въ себѣ около 2.500,000 кубическихъ метровъ камня. По срединѣ сѣверной стороны, на высотѣ 15 метровъ надъ занесенною пескомъ площадью фундамента, сдѣланъ входъ, вышиною въ 1,06 метра, шириною въ 1,22 метра. Онъ ведетъ въ комнату, вырубленную въ скалѣ на глубину около 30 метровъ и находящуюся почти въ 180 метрахъ подъ вершиною пирамиды. У самаго входа вертикально опускается внизъ корридоръ,

ведущій въ другую галлерею, проведенную ниже первой, и сложенную изъ кусковъ гранита, гладко вытесанныхъ и плотно подогнанныхъ одинъ къ другому; «эта большая галлерея» ведетъ въ двѣ комнаты, одну изъ которыхъ называютъ комнатою царя, другую комнатою царицы. Комната царя, въ которой нашли разбитый саркофагъ, и была собственно могилою. Стѣны ея—гладкія гранитныя. Надъ плоскимъ потолкомъ находится рядъ низкихъ небольшихъ камеръ, устроенныхъ для того, чтобы уменьшить и распредѣлить по сторонамъ давленіе каменной массы на потолокъ могилы. Очевидно, что эта пирамида то самое сооруженіе, о которомъ рассказываетъ Геродотъ (II, 124—127): «По словамъ жрецовъ, царь Хеопсъ былъ первый, заставившій египтянъ работать на него. Нѣкоторыхъ онъ назначилъ перевозить камни изъ каменоломенъ аравійской горной цѣпи къ Нилу; эти камни перевозились на лодкахъ черезъ рѣку; и другіе люди были назначены перевозить ихъ къ Ливійской цѣпи горъ. Къ этой работѣ назначено было по десяти миріадъ людей на три мѣсяца. Въ такомъ угнетеніи народъ работалъ 10 лѣтъ надъ постройкою дороги для перевозки камней и надъ ихъ перевозкою; эта работа, по моему мнѣнію, была не меньше работы надъ самою постройкою пирамиды, потому что длина дороги пять стадій, ширина ея десять сажень, а высота, гдѣ самая большая, 8 сажень; и она построена изъ гладко вытесаннаго камня, и на ней вырѣзаны изображенія. Въ этомъ прошло десять лѣтъ. А надъ самою пирамидою работали двадцать лѣтъ. Каждая сторона пирамиды имѣетъ 8 плетръ длины; она четырехугольная; высота ея такая же, какъ длина основанія; она сдѣлана изъ гладко вытесаннаго камня, сложеннаго такъ, что края подогнаны одинъ къ другому очень хорошо; и нѣтъ ни одного камня меньше 30 футовъ длиною. Пирамиду эту строили какъ лѣстницу съ широкими ступенями или уступами. Сдѣлавъ первую ступень, они подымали на него камни по подмосткамъ изъ невысокихъ столбовъ; втащивъ камень на первый уступъ, они передвигали его на подмостки слѣдующаго уступа, и такъ дальше; потому что, сколько было уступовъ, столько и подмостковъ.—И обозначено египетскими письменами на пирамидѣ, сколько рѣдьки, луку и чесноку съѣли работавшіе, и, какъ я хорошо помню, что сказалъ мнѣ переводчикъ, прочитавшій надписи, на это было израсходовано 1600 талантовъ серебра (около 2.200,000 рублей золотомъ). Если это правда, то сколько же должно было пойти на желѣзо для рабочихъ инструментовъ, на пищу и одежду работавшимъ!» Далѣе, Геродотъ говоритъ, что Хеопсъ провелъ подъ землею выложенный камнемъ ровъ изъ Нила подъ пирамиду, и вокругъ подземныхъ комнатъ, такъ что гробница была, какъ островъ, окружена водою; это взято, вѣроятно, изъ народнаго преданія, желавшаго сдѣлать удивительную постройку еще болѣе удивительною; проведеніе воды кругомъ гробницы было невозможно ужъ и по одному тому, что основаніе пирамиды лежитъ на 140 футовъ выше низкаго уровня Нила. Геродотъ продолжаетъ: средняя изъ трехъ не очень большихъ пирамидъ, стоящихъ передъ Хеопсовою, построена его дочерью, изъ камней, которые она, торгуя собою по приказанію отца, получала за свою любовь отъ тѣхъ, кому продавалась. Всѣ эти анекдотическія извѣстія Гомера—разказы его невѣжественныхъ проводниковъ, совершенно неосновательны; достовѣрны у него лишь описанія того, что видѣлъ онъ самъ.—Вторая пирамида, приписываемая Хефрену (Хафра), имѣвшая прежде 138, теперь имѣющая только 136 метровъ вышины, устроена внутри подобно Хеопсовой, но уступаетъ ей достоинствомъ работы. Мѣсто, на которомъ она стоитъ, нѣсколько выше. На верху еще сохранилась часть гладкой одежды, потому взойти на нее очень трудно. Чтобы сдѣлать площадку для ея постройки и ровное пространство около нея, пришлось рубить скалу, которая на сѣверѣ и западѣ отъ выровненной площади подымается стѣною въ 20—30 футовъ. На полу могильной комнаты найденъ заваленный мусоромъ саркофагъ безъ надписи.—Геродотъ рассказываетъ: «Первый ярусъ построилъ Хефрентъ изъ нестраго эоипскаго камня и сдѣлалъ пирамиду на 40 футовъ меньше другой большой, которая подлѣ. Обѣ стоятъ на одномъ холмѣ, высота котораго около 100 футовъ». На гробницахъ, устроенныхъ вокругъ этой пирамиды, встрѣчается нѣсколько разъ имя Хафры; въ одной изъ этихъ гробницъ находился саркофагъ царя-строителя. Геродотъ говоритъ, что по ненависти къ несправедливымъ царямъ Хеопсу и Хефрену, державшимъ хра-

6. Пирамида Хефрена.

мы запертыми и угнетавшимъ народъ работою, египтяне называли ихъ пирамиды не ихъ именами, а именемъ пастуха Филита, который тогда пасъ въ той мѣстности свое стадо. Это впрочемъ не больше, какъ преданіе. По преданію же Діодоръ говоритъ, что по смерти Хеопса и Хефрена опасались оскорбленій ихъ тѣламъ отъ взрыва народной ненависти, потому похоронили ихъ тайкомъ, и не въ ихъ пирамидахъ, а въ такомъ мѣстѣ, на которое народъ не обращалъ вниманія. Третья пирамида, приписываемая Микерину (Менкара), имѣла прежде 66 метровъ, теперь имѣетъ только 62 метра высоты, но превосходить пирамиды Хеопса и Хефрена красотою и правильностью постройки. Греки называли ее «самою драгоценною и прекрасною изъ всѣхъ пирамидъ». Чтобы получить ровную плоскость для нея, строителямъ пришлось наложить два слоя колоссальныхъ камней на мѣстность, прежде покату ю къ сѣверо-востоку. На сооруженной такимъ образомъ платформѣ пирамида подымалась нѣсколькими ярусами, построенными въ видѣ уступовъ; громадныя ступени были потомъ заполнены кирпичными обкладками, образовавшими косыя стѣны пирамиды, а эта обкладка была одѣта полированными съ лицевой стороны гранитными плитами. Корридоръ, идущій спускомъ внутрь пирамиды, приводитъ сначала въ верхнюю комнату, заграждавшуюся опускающимися гранитными дверями и приваленными къ дверямъ гранитными массами, и предназначавшуюся для похороннаго торжества, а изъ нея въ нижній, вырубленный въ скалѣ, выложенный гранитомъ, могильный покой, въ которомъ былъ найденъ изваянный изъ темнокоричневаго базальта саркофагъ Микерина, превосходное художественное произведеніе. На сохранившейся крышкѣ деревяннаго гроба написана двумя вертикальными строками молитва: «Блаженный царь Менкара, вѣчноживущій, происходящій съ неба, дитя Нутъ и наследникъ Себа. Да распрострется твоя мать Нутъ надъ тобою: во имя ея, какъ таинство неба. Да дастъ она тебѣ сдѣлаться какъ богъ, уничтожая твоихъ враговъ, царь Менкара, вѣчноживущій». Былъ цѣль и самый гробъ; но при перевозкѣ въ Англію погибъ у испанскаго берега. Итакъ, эту великолѣпную пирамиду несомнѣнно построилъ Микеринъ (Менкара), котораго греки называютъ сыномъ Хеопса. На сѣверной сторонѣ ея было, по словамъ Діодора, написано его имя. «Объ этомъ царѣ разсказываютъ» — продолжаетъ Діодоръ, «что онъ гнушался жестокостію своихъ подданныхъ; всячески заботился приобрести расположеніе народа и между прочимъ, при производствѣ публичнаго суда, употреблялъ большія суммы на подарки честнымъ людямъ, о которыхъ говорили, что они не могли получать съ тяжбъ рѣшенія, какого были достойны». — Вѣроятно Хефрену принадлежить колоссальный сфинксъ, символъ царскаго могущества и владычества, громадная голова котораго, обращенная лицомъ на востокъ, подымается на 40 футовъ изъ сыпучаго песка долины у подножія холма пирамидъ. Это левъ съ человѣческой головою, держащій между передними лапами небольшой храмъ, и вырубленный изъ цѣльной скалы. На немъ есть надпись, принадлежащая Тутмесу IV, и говорящая о реставраціи сфинкса этимъ царемъ, во время котораго онъ былъ уже засыпанъ песками. «Размѣры головы болѣе чѣмъ въ тридцать разъ превосходятъ величину человѣческой головы», говоритъ Партей: «вышина головы отъ темени до подбородка 26 футовъ; тѣло льва имѣетъ въ длину почти 90 футовъ. По расчету пропорцій другихъ, меньшихъ сфинксовъ, высота этого колосса отъ темени до базиса его должна составлять около 74 футовъ. Голова находится въ состояніи прискорбной испорченности, оттого что въ одну изъ послѣднихъ войнъ мамелюки стрѣляли въ нее изъ пушекъ. Общее очертаніе лица и величаво-простаго головнаго убора египетскихъ статуй еще замѣтно; но носъ и часть лѣваго глаза исчезли, художественно причесанные волосы избиты и пробуравлены ядрами».

Колоссальный сфинксъ.

2. Абусирскія пирамиды.

Вторая группа пирамидъ, находящихся близъ деревни Абусира, принадлежит пятой династіи. Эти пирамиды гораздо ниже Гизехскихъ (высота ихъ 50—70 метровъ) и характеръ ихъ сооруженія менѣе заботливый о достоинствѣ постройки. Внутренняя часть состоитъ изъ неправильно нагроможденныхъ глыбъ камня той мѣстности; эти камни связаны вмѣсто извести нильскимъ иломъ; лицевая обкладка, теперь исчезнувшая, состояла изъ тесанныхъ камней Турахскаго известняка.

Оригинальный видъ представляетъ собою такъ называемая «ступенчатая пирамида» близъ Саккары. Она подымается шестью или, вѣрнѣе сказать, считая засыпанную пескомъ нижнюю, семью ступенями громаднхъ камней; песокъ пустыни, занесенный вѣтромъ даже на верхнюю площадку и сыпавшійся оттуда по всѣмъ уступамъ, даетъ ей вершинѣ выпуклое очертаніе. Внутри, вырублена глубоко въ скалѣ комната, вышина которой до странности велика: это какъ будто внутренняя пустота четырехъ-угольной башни, въ стѣны которой выходятъ концы перепутанныхъ, какъ лабиринтъ, галлерей. Изъ отверстій галлерей можно было спускаться внизъ лишь по веревкамъ. На самомъ низу есть еще углубленіе, входъ въ которое былъ задвинутъ большимъ кускомъ гранита; въ этомъ углубленіи стоялъ саркофагъ.

У деревни Дашура, подлѣ пирамиды изъ тесаннаго камня, стѣны которой еще сохранились гладкими, стоитъ изящное сооруженіе, внутренняя часть котораго сложена изъ черепичныхъ кирпичей и которое было одѣто исчезнувшюю теперь обкладкою изъ тесанныхъ плитъ. Чтобы получить для своего сооруженія на неровностяхъ скалы ровную площадь, строители сдѣлали каменную ограду и насыпали въ ней песокъ. Быть можетъ на этой пирамидѣ была та гордая надпись, которую приводитъ Геродотъ (II, 136): «Не суди обо мнѣ низко по сравненію съ каменными пирамидами: я настолько же превосхожу ихъ, сколько Зевсъ превосходитъ другихъ боговъ; потому что всовывали жердь глубоко въ болото, и сколько ила оставалось прилипшимъ къ жерди, собирали и дѣлали изъ того кирпичъ. Такъ построилъ меня».

Около пирамидъ расположены гробницы. Это отлогіе холмы съ пирамидально-сходящимися сторонами, сложенные изъ плитняка. Дверь на восточной сторонѣ обыкновенно ведетъ въ комнату, предназначенную для почитанія того, кто погребенъ тутъ; онъ самъ изображенъ рельефною работою на стѣнѣ; онъ стоитъ или сидитъ; сзади, его жена, обнявшая его одною рукою. Пестрые гіероглифы сообщаютъ его титулы, описываютъ его богатство или перечисляютъ жертвы, какія должны быть приносимы ему. Саркофагъ стоитъ не въ этой комнатѣ, а въ другомъ, болѣе простомъ помѣщеніи; къ нему ведетъ другой корридоръ, входъ въ который на западной сторонѣ постройки. «Изображенія на стѣнахъ — обыкновенно сцены изъ жизни покойнаго», говоритъ Лепсіусъ: «Главное ихъ назначеніе состояло, повидимому, въ томъ, чтобы показать посѣтителю, что покойный былъ богатъ скотомъ, рыбою, лодками, принадлежностями охоты, слугами и т. д. Благодаря тому, мы близко знакомимся съ тогдашнею жизнью во всѣхъ ея подробностяхъ. Многочисленные надписи говорятъ, что такое изображаютъ эти сцены или перечисляютъ родство покойнаго, часто имѣющее широкія развитія, приводятъ его титулы, его должности, такъ что мы могли бы составить адресъ-календаръ двора и администраціи царя Хеопса или Хефрена. Самые значительныя изъ этихъ надгробныхъ сооружений или гробницъ въ скалахъ принадлежать болѣею частью роднымъ или высшимъ сановникамъ того царя, у пирамиды котораго расположены, и нерѣдко встрѣчаются гробницы отца, сына, внука, даже правнука, такъ что получаютъ цѣлыя генеалогическія таблицы знатныхъ фамилій, составлявшихъ аристократію страны 5,000 лѣтъ тому назадъ». — «Эти гробницы», продолжаетъ Лепсіусъ въ другомъ мѣстѣ, «даютъ намъ своими многочисленными изображеніями и надписями въ комнатахъ, назначенныхъ для почитанія усопшихъ, пзумительно полное знакомство съ тогдашнимъ житейскимъ бытомъ египтянъ, съ ихъ искусствомъ и ремеслами, ихъ богатствами и обыденными занятіями, съ организациею ихъ управленія, съ ихъ титулами, съ ихъ родственными отношеніями, ихъ богослуженіемъ, ихъ почитаніемъ усопшихъ. Живопись на тончайшемъ слоѣ штукатурки часто бываетъ прекрасна выше всякаго ожиданія, и иногда свѣжа, будто сдѣланная вчера, и совершенно цѣла».

В. Саккарская ступенчатая пирамида.

4. Кирпичная пирамида близъ Дашура.

Гробницы въ скалахъ.

3. Объединенное царство при двѣнадцатой династїи. Меридово озеро и лабиринтъ.

При четвертой династїи древнее мемфисское царство достигло высшаго своего процвѣтанія. Неразрушимо прочныя, дивно громадныя произведенія искусства, созданныя руками безчисленнаго множества людей, передаютъ отдаленнѣйшему потомству славу царей, строителей пирамидъ. Но эти изумительныя сооруженія были памятники страшнаго деспотизма, нечестиваго угнетенія, память о которыхъ переходила у египетскаго народа изъ рода въ родъ и дожила до греческихъ историковъ, записавшихъ ея сказанія. «Пирамиды», говоритъ Бругшъ: «выразительнѣе живаго слова и письменной рѣчи повѣствуютъ о слезахъ и скорбяхъ, страданіяхъ и бѣдствіяхъ цѣлаго народа, обреченнаго воздвигать тщеславію фараоновъ эти памятники вѣчности. Лишь временами могло бывать правленіе болѣе мягкое, какъ по преданію было при Менкарѣ. Чрезмѣрныя требованія царей изнуряли силы народа, такъ что при пятой династїи, пирамиды которой тоже стоятъ на западныхъ кладбищахъ, мемфисское царство стало клониться къ упадку; а между тѣмъ новая, шестая династїя, происходившая изъ сосѣдняго съ Эѳіопіею города Элефантины, основала въ Верхнемъ Египтѣ другое царство и скоро распространила свою власть и на Нижній Египетъ. Ея цари ничѣмъ не отличаются на памятникахъ отъ прежнихъ, потому надобно полагать, что они были того же племени. Они тоже строили близъ Мемфиса пирамиды, какъ теперь открыто. Знаменитѣйшій изъ царей шестой династїи былъ Пепи, котораго греческіе писатели называютъ Фіопсомъ; и вѣроятно къ этой династїи, именно къ послѣднимъ ея временамъ, относится царяца Нитокрида «свѣтлолицая», «румянощекая», которой преданіе приписывало построеніе пирамиды Микерина. Послѣ того слѣдуютъ нѣсколько столѣтій, отъ которыхъ не осталось никакихъ надписей; вѣроятно, Египетъ былъ тогда раздробленъ на нѣсколько государствъ. Новое время блеска и величія началось лишь, когда царь ѳиванскій Аменемгать I (Amenemhat) соединилъ «оба Египта». ѳиванскіе цари, «владыки обѣихъ земель», прославили свои имена и войнами, и завоеваніями, и величественными сооруженіями. Та династїя, которая первая царствовала надъ вновь соединеннымъ Египтомъ, двѣнадцатая династїя Маневонова списка. Ей принадлежатъ знаменитыя имена фараоновъ: нѣсколько Усертесеновъ (которыхъ греки называютъ Сезортосами) и четыре Аменемгата. Она царствовала въ три послѣдніе

вѣка третьяго тысячелѣтія до нашей эры (приблизительно, отъ 2300 до 2100 до Р. Х.). Сезортосъ I, соправитель и потомъ преемникъ своего отца Аменемгата I, обезсмертилъ себя памятниками, свидѣтельствующими и о величіи его царства и о его усердіи къ построенію храмовъ. Столбъ, найденный въ Нубіи, у Вади-Хальфы (Halfa), близъ втораго порога Нила, представляетъ ряды плѣнныхъ африканцевъ, которыхъ богъ ведетъ къ этому царю, а надпись съ его именемъ на утесѣ Синайскаго хребта показываетъ, что владѣнія древнихъ фараоновъ на Аравійскомъ полуостровѣ были и при немъ подъ властью Египта. Сезортосу принадлежитъ древнѣйшій изъ всѣхъ уцѣлѣвшихъ до нашего времени большихъ обелисковъ. Египтяне ставили въ честь бога солнца Ра высокія, высѣченныя изъ одного цѣльнаго камня, четырехстороннія колонны; обыкновенно, по двѣ такія колонны передъ храмомъ Ра. Онѣ снизу вверхъ нѣсколько утончаются, а вверху срезаны въ формѣ маленькой пирамиды. Такую колонну Сезортосъ I посвятилъ (около 2300 г.) богу солнца въ нижнеегипетскомъ городѣ Онѣ (Геліополѣ). Этотъ обелискъ стоитъ и до сихъ поръ; онъ находится въ пальмовомъ саду въ Матаріѣ. На его сторонахъ, на которыхъ пчелы налѣпили свои сѣрые соты, находится нѣсколько надписей, всѣ одинаковаго содержанія. Онѣ возвѣщаютъ, что «царь Верхняго и Нижняго Египта, Усертесенъ I, котораго любятъ духи Геліополя, вѣчноживущій, золото Горуса, жизнь рожденныхъ, добрый богъ», поставилъ этотъ памятникъ.

Слѣдующіе цари, Аменемгаты и Усертесены, тоже увѣковѣчили память о себѣ сооруженіями, надписи и изображеніями на которыхъ свидѣлствуютъ о военныхъ подвигахъ и завоеваніяхъ. Нумидія была, кажется, совершенно покорена въ это время, и власть надъ нею упрочена постройкою укрѣпленій по обоимъ берегамъ Нила. Въ одномъ изъ нубійскихъ храмовъ, построенныхъ въ это время, изображенъ египетскій царь, которому поклоняется, какъ божеству, одинъ изъ его преемниковъ; вѣроятно, этого царя считали основателемъ египетскаго владычества надъ Нубіею. Мы знаемъ, что тогда были разрабатываемы нубійскіе рудники; а изъ надписей, находящихся по пути къ берегу Чермнаго моря, гдѣ нынѣ Коссейръ, видимъ, что Египетъ велъ тогда оживленную торговлю съ Пунтомъ, то есть съ Аравіею. Также при двѣнадцатой династїи были вырублены въ отвѣсныхъ скалахъ арабской цѣпи горъ высоко надъ Ниломъ замѣчательныя бенигассанскіе могильныя гроты, на стѣнахъ которыхъ нарисованы разнообразныя сцены изъ египетской жизни, и въ числѣ ихъ знаменитый рисунокъ, изображающій семейство семитическихъ номадовъ, пришедшее въ Египетъ и просящее милостиваго покровительства у вельможи, тѣло котораго погребено въ томъ гротѣ. Въ залѣ другаго грота находятся тяжелыя колонны съ продольными ложбинками и кубическою капителью, представляющія такое сходство съ

дорическими, что многие считают дорическія колонны произошедшими отъ египетскихъ. Но такія колонны находятся только въ очень древнихъ памятникахъ египетскаго искусства, потому невѣроятно, чтобы греки подражали имъ. Притомъ, эти колонны съ жолобчатыми выемками, возникшими вѣроятно изъ сръзыванія угловъ четырехъ-угольных колоннъ, встрѣчаются въ Египтѣ рѣдко; обыкновенныя египетскія колонны подражаютъ растительнымъ формамъ, въ особенности лотусу съ его высокимъ стеблемъ и съуживающимся бутонъ цвѣтка или такую же чашечкою.

Знаменитѣйшій царь двѣнадцатой династіи, Аменемгать III, быть можетъ тотъ царь, котораго греческіе писатели называютъ Меридомъ. Въ Среднемъ Египтѣ, на Западъ отъ Нила, есть прекрасная область, отдѣленная отъ рѣки горнымъ хребтомъ пустыни, и называющаяся нынѣ Факомъ, полу-оазисъ, соединенный боковою ложбиною долины съ оживотворяющею его рѣкою. По греческимъ рассказамъ, эта область, бывшая прежде пустынею, превращена въ плодороднѣйшую изъ всѣхъ египетскихъ провинцій умомъ и заботою царя Мерида, прорывшаго чрезъ боковую ложбину каналъ; по этому каналу, называемому нынѣ Іосифовымъ онъ во время разлива рѣки провелъ избытокъ ея водъ въ ту низменную мѣстность, оградивъ ее громадными плотинами, слѣды которыхъ еще видны, такъ что вода осталась тамъ озеромъ; отъ этого озера уцѣлѣлъ остатокъ, нынѣшній водоемъ. Благотворное сооруженіе Мерида не только дало плодородіе пустынному прежде Фаюму, имя котораго и значить «озеро» (по-египетски, фіомъ), но и давало въ скудные водою времена орошеніе жаждавшей влаги мемфисской странѣ, въ которую были проведены отъ озера каналы. Благодаря тому, во время Мерида страна ниже Мемфиса получала достаточное орошеніе, даже когда Нилъ подымался не выше 8 локтей (13 футовъ),—рассказываетъ Геродотъ,—между тѣмъ какъ теперь (во время Геродота) Нижній Египетъ получаетъ достаточное орошеніе лишь въ тѣ годы, когда вода Нила подымается до 15 или 16 локтей. Отъ небрежности, плотины въ послѣдствіи времени попортились и были прорваны водою; большая часть озера высохла. Еще и теперь не вдалекѣ отъ слѣдовъ его плотинъ лежитъ въ западномъ направленіи отъ озера Биркетъ - эль - Керунъ, естественно углубленный водоемъ, наполненный, вѣроятно, при какомъ-нибудь очень высокомъ разливѣ Нила. И хотя масса воды въ немъ не велика, это озеро дѣйствуетъ на окрестность такъ живительно и плодотворно, что сахарныя плантаціи, розовые и апельсиновые сады тамъ роскошнѣе, чѣмъ въ долинѣ Нила.—Итакъ, по извѣстіямъ Геродота, сооруженное Меридомъ искусственное озеро имѣло благотворное назначеніе регулировать разливы Нила и какъ можно дальше проводить его оплодотворяющую воду. Можно полагать, что Аменемгать оказалъ большую услугу Египту тѣмъ, что вообще заботился

объ орошеніи, устраивалъ оросительные каналы; слѣдующіе цари, вѣроятно, продолжали его дѣло, и такимъ образомъ, система орошенія въ Египтѣ была доведена до высокаго совершенства, возбуждавшаго удивленіе въ Геродотѣ.—Онъ продолжаетъ: «Съ тою же цѣлью Меридъ велѣлъ наблюдать высоту разлива на южной границѣ своего государства, которая при его предшественникѣ была подвинута до втораго порога Нила, въ Эіопіи»—до мѣста, гдѣ стоитъ нынѣ городъ Семнахъ (Semnah)—«и велѣлъ отмѣчать на прибрежныхъ скалахъ эти наблюденія».

Въ области, которой далъ своими оросительными сооружениями плодородіе, Аменемгать основалъ «городъ Крокодиловъ», а близъ него построилъ дворецъ, который у грековъ называется лабиринтомъ: это сооруженіе охватывало три стороны четырехъ-угольнаго двора постройкою, въ которой было множество комнатъ и залъ, расположенныхъ перепутанными группами; число этихъ отдѣловъ дворца соотвѣтствовало числу областей (номовъ) Верхняго и Нижняго Египта; представители областей собирались тутъ для торжественныхъ совѣщаній и жертвоприношеній, представители каждаго нома въ предназначенномъ для него отдѣлѣ зданія. На четвертой сторонѣ двора стояла большая пирамида, въ которой, быть можетъ, было погребено тѣло Аменемгата, у созданнаго имъ общаго національнаго святилища и государственнаго дворца. Позднѣйшее преданіе приписывало, какъ рассказываетъ Геродотъ, построеніе лабиринта Додекархамъ, правленіе которыхъ относится къ временамъ 26-й династіи Манеѳона. «На этомъ мѣстѣ лежатъ груды глины, образовавшіяся изъ развалившихся стѣнъ лабиринта», говоритъ Браунъ: «остаются тутъ и бѣлые обломки его колоннъ; мѣсто это перерѣзано каналомъ, вырытымъ въ новыя времена; въ сторонѣ лежитъ круглый холмъ глины, это развалина пирамиды; пирамида была построена изъ необожженнаго кирпича и одѣта плитами, отъ которыхъ осталось мало слѣда. Лепсіусъ открылъ въ этихъ грудяхъ обломки надписей, въ которыхъ нашелъ имя Аменемгата III. Эти огромныя развалины лежатъ близъ деревни Говары (Howara), окруженныя роскошными лугами, розовыми и фруктовыми садами, пальмовыми рощами.

Извѣстія греческихъ писателей о лабиринтѣ и Меридовомъ озерѣ подтверждены и объяснены нынѣшними, произведенными на мѣстѣ, изслѣдованіями. Геродотъ слѣдующимъ образомъ описываетъ лабиринтъ въ томъ состояніи, въ какомъ былъ онъ тогда: «Лабиринтъ лежитъ нѣсколько выше Меридова озера, недалеко отъ города Крокодиловъ. Я самъ видѣлъ его; онъ выше всякаго описанія. Если бы собрать вмѣстѣ все, что построено изъ кирпича и камня эллинами, то оказалось бы, что все это меньше лабиринта по количеству труда и расходовъ, хотя храмы Эфесскій и Самосскій вовсе не такіе, чтобы не стоило говорить о нихъ. Правда, и пирамиды выше всякаго описанія, и каждая изъ нихъ перевѣситъ множество величайшихъ эллинскихъ сооружений; но лабиринтъ превосходить и пирамиды. Внутри его двѣнадцать крытыхъ дворовъ, ворота которыхъ стоятъ

Лабиринтъ и Меридово озеро по рассказамъ греческихъ и римскихъ писателей.
а) Лабиринтъ. Геродотъ.

Страбонъ.

одни противъ другихъ; шесть дворовъ на полночь, шесть на полдень, одинъ за другимъ; и снаружи обведены они одною стѣною. Въ лабиринтъ два рода комнатъ: одиѣ подъ землею, другія надъ ними; ихъ 3000 числомъ, по 1500 каждаго рода. Верхнія комнаты и видѣлъ самъ и ходилъ по нимъ, и говорю о нихъ какъ очевидецъ; а подземныя я знаю только по разсказу: египтяне, которые надзираютъ за ними, никакъ не хотѣли показывать мнѣ ихъ, потому что, говорили они, тамъ гробницы царей, построившихъ лабиринтъ съ самаго фундамента, и священныхъ крокодиловъ. Но верхнія комнаты, которыя видѣлъ я, произведение, превышающее человѣческія силы: многочисленныя ходы черезъ ряды комнатъ и извилистые проходы черезъ дворы представляютъ тысячи чудесъ. Изъ двора идешь въ комнаты, изъ комнатъ въ залы, изъ залъ и изъ комнатъ опять въ ряды комнатъ. А потолокъ надо всѣмъ этимъ тоже изъ камня, какъ стѣны; камни очень хорошо притесаны другъ къ другу. А стѣны всѣ покрыты вырубленными въ нихъ гіероглифами. Каждый дворъ имѣетъ колоннады по всему своему протяженію, и почти весь сложенъ изъ бѣлаго камня. А въ углу, гдѣ конецъ лабиринта, стоитъ пирамида въ 40 сажень; на ней изсѣчены большія фигуры животныхъ, и въ нее вдѣланъ ходъ подъ землею (Геродотъ, II, 148).—Страбонъ (въ 17-ой книгѣ) говоритъ о лабиринтѣ, что онъ «великое дворцовое зданіе, состоящее изъ столькихъ дворцовъ, сколько было номовъ (областей) въ Египтѣ. Сколько было номовъ, столько въ этомъ сооруженіи прилегающихъ одинъ къ другому дворовъ съ колоннадами; всѣ они въ одинъ рядъ и въ одной оградѣ. Передъ входами въ дворы или залы сдѣлано много длинныхъ извилистыхъ корридоровъ, перепутывающихся одинъ съ другимъ, такъ что безъ проводника никакой посторонній человѣкъ не можетъ найти ни входа, въ который бы то ни было дворецъ, ни выхода изъ него. Удивительно, что потолокъ въ каждой комнатѣ—одна цѣлая плита, и потолокъ на корридорахъ по ширинѣ одна плита, необыкновенной величины; ни дерева, никакого другаго матеріала въ потолкахъ не употреблено. Если взойти на кровлю, которая невысока, потому что все зданіе лишь въ одинъ ярусъ, то видишь кругомъ себя каменную плоскость изъ этихъ огромныхъ плитъ, а если взглянешь оттуда на колоннады, то видишь, что онѣ тянутся рядомъ, и потолокъ каждой лежитъ на 27 колоннахъ, и каждая колонна сдѣлана изъ одного цѣлаго камня. И стѣны сложены изъ камней не меньшей величины. Въ концѣ этого зданія, которое имѣетъ больше стадіи (въ квадратахъ) стоитъ гробница, четырехсторонняя пирамида, имѣющая и въ вышину и по бокамъ 400 футовъ. Говорятъ, зданіе имѣетъ столько дворовъ потому, что въ немъ обыкновенно происходили собранія номовъ. Отъ номовъ приходили депутаты изъ благороднаго сословія, каждая депутация съ своими жрецами и жертвенными животными, и собраніе совѣщалось о важнѣйшихъ дѣлахъ. Каждый номъ собирався въ назначенномъ для него дворцѣ».—Диодоръ (I, 66) разсказываетъ, что двѣнадцать царей построили лабиринтъ изъ прекраснѣйшихъ камней; онъ имѣлъ форму четырехугольника, и длина каждой стороны была стадіи. Изваяніями и другими украшеніями невозможно было ихъ пременить, превзойти ихъ. Къ наружной стѣнѣ зданія примыкала внутри крытая колоннада, каждая сторона которой состояла изъ 40 колоннъ. Потолокъ былъ изъ одного камня—по ширинѣ колоннады—съ искусными изваяніями и разными пестрыми рисунками. Это были достопримѣчательности изъ родины каждаго царя и изображенія святилищъ и жертвоприношеній той области, превосходныя картины, исполненныя очень искусно».—Плиніи въ своей «Естественной Исторіи» (36, 13), называя египетскій лабиринтъ образцомъ, по которому построены греческіе, критскій и лемносскій, изображаетъ его чертами, еще болѣе великолѣпными: «Входы и колонны были сдѣланы изъ пароскаго мрамора»—вѣроятно, Плиніи принялъ за мраморъ полированный мелкозернистый известнякъ—«остальная масса построена изъ гранита; и теченіе вѣковъ не могло разрушить ее. Невозможно описать общій планъ и всѣ части этого сооруженія. Оно имѣетъ 25 отдѣловъ, по числу египетскихъ областей, называемыхъ номами; для каждаго нома построена огромная часть зданія, которой и дано его имя. Кромѣ того, лабиринтъ содержитъ въ себѣ святилища всѣхъ боговъ и болѣе 15,000 переносныхъ святилищъ. Къ нему также принадлежитъ пирамида, имѣющая въ вышину 240 футовъ и занимающая своимъ основаніемъ шесть египетскихъ югеровъ. Въ немъ также есть комнаты, построен-

Диодоръ.

Плиніи.

ныя на возвышеніяхъ; колонны въ нихъ сдѣланы изъ гранита; въ нихъ поставлены изображенія боговъ и царей и изваянія чудовищъ. Нѣкоторыя комнаты устроены такъ, что когда отворишь дверь, то производится подобный грому трескъ. Почти всѣ ходы по лабиринту сдѣланы такъ, что идешь по нимъ въ темнотѣ».

«Но какъ ни великъ лабиринтъ», говоритъ Геродотъ (II, 149) «Меридово озеро, близъ котораго онъ построенъ, возбуждаетъ еще больше удивленія. Окружность этого озера 3600 стадій; длина его по направленію съ сѣвера на югъ; глубина его простирается до 50 сажень. Оно сдѣлано человѣческими руками, это очевидно. Воду свою оно получаетъ не отъ какого нибудь источника, потому что та мѣстность очень скудна водою, вода проведена въ него изъ Нила, каналомъ. Шесть мѣсяцевъ вода течетъ въ озеро, и шесть мѣсяцевъ изъ озера. И когда она вытекаетъ изъ него, то въ продолженіе шести мѣсяцевъ рыбная ловля доставляетъ каждый день талантъ серебра царской казнѣ, а когда вода втекаетъ въ озеро, то лишь 20 минъ. Почти въ самой срединѣ озера стоятъ двѣ пирамиды, имѣющія 50 сажень вышины надъ водою, и на каждой изъ нихъ сидитъ на тронѣ каменный колоссъ».—То же говоритъ Диодоръ (I, 52): «Нилъ подымался не всегда на одинаковую высоту, а плодородіе земли опредѣлялось высотой разлива; это озеро, называющееся и до сихъ поръ Меридовымъ въ память о царѣ, сдѣлавшемъ его, должно было принимать въ себя излишекъ воды, чтобы при слишкомъ большомъ разливѣ земля не наводнялась чрезмерно, и не образовались бы болота и болотные пруды, а при единственномъ маломъ подъемѣ разлива, нивы не страдали отъ недостатка воды. Царь провелъ изъ рѣки къ озеру каналъ, длиною въ 80 стадій и въ 300 футовъ ширины; тогда можно стало пускать воду въ озеро или изъ озера, такъ чтобы всегда былъ уровень воды, какой надобенъ для хорошаго урожая. Но чтобы отпирать или запирали озеро, нужно было сдѣлать очень искусное и дорогое сооруженіе, такъ что даже только отворить или затворить эти ворота канала обходилось не менѣе 50 талантовъ. И теперь еще каналъ продолжаетъ доставлять египтянамъ ту же пользу. Когда рыли озеро, царь оставилъ на срединѣ нетронутое мѣсто, на которомъ послѣ построилъ гробницу себѣ и двѣ пирамиды, одну для себя, другую для своей жены, каждую въ стадію вышиною, и на каждой пирамидѣ поставилъ каменную статую, которая изображала сидящую на тронѣ человѣческую фигуру. Доходъ отъ рыболовства на озерѣ отдавалъ онъ своей женѣ на покупку благовоннаго масла и другихъ туалетныхъ принадлежностей. Доходъ составлялъ талантъ серебра въ день, потому что, какъ разсказываютъ, въ озерѣ 22 породы рыбы, и ея ловится такое множество, что хоть и занимается соленіемъ ея очень большое число людей, но едва могутъ они управиться съ работою».

Тотъ замѣчательный Бенигассанскій барельефъ, о которой мы говорили, находится въ гробницѣ царскаго родственника Негеры (Nehera), сына Хмунготепы (Chmunhotep). По увѣренію Лепсіуса эта сцена живо напоминаетъ пришествіе Іакова съ его семействомъ въ Египетъ и легко могла бы быть принята за изображеніе переселенія Іакова, еслибы пришествіе Іакова не относилось къ времени, гораздо болѣе позднему, и если бы не слѣдовало понимать, что подобныя переселенія отдѣльных семействъ должны были случаться часто. Такіе переселенцы были предшественниками гиксовъ и навѣрное много облегчили имъ вторженіе». «Царскій писецъ Нефруготепъ (Nefruhotep), подводившій пришельцевъ къ важному сановнику, гробницею котораго служитъ этотъ гротъ, подаетъ ему листъ папируса. На листѣ написано время, когда пришли эти 37 человѣкъ въ Египетъ: шестой годъ правленія царя Усертесена II. Глава и владыка переселившагося рода назывался Абша, а имя рода было Ааму;—люди свѣтлокожей расы, изображенія которыхъ встрѣчаются вмѣстѣ съ людьми трехъ другихъ расъ, въ гробницахъ 19-й династии, называются Ааму, какъ египтяне называли сирійцевъ, азіатцевъ. Шамполіонъ, бывши въ Бенигассанѣ, принялъ этихъ переселенцевъ за грековъ; онъ не зналъ тогда, какой отдаленной древности принадлежитъ памятникъ. Вилькинсонъ считалъ ихъ плѣнниками; этому противорѣчитъ то, что въ рукахъ у нихъ оружіе и лира, что съ ними тутъ жены, дѣти, ослы и вьюки. Я полагаю, что они—семейство изъ племени гиксовъ, просящее, чтобы его приняли въ плодородную страну египетскую; и потомки ихъ быть можетъ отворили ворота въ Египетъ своимъ соплеменникамъ, семитическая завоевате-

6) Меридово озеро. Геродотъ.

Диодоръ.

Бенигассанскіе барельефы.

лянь его». Въ надписи говорится только, что они пришли и принесли въ дань косметическую мазь для глазъ.

4. Владычество Гиксовъ.

Историческая
неясность фак-
та.

За двѣнадцатую династію слѣдовалъ длинный рядъ Себекхотеповъ (Sebekhotep), объ исторіи которыхъ мы не знаемъ почти ничего, но прекрасные памятники которыхъ встрѣчаются повсюду, отъ Дельты до Эѳіопіи. Они, какъ читаемъ о нихъ у Масперо и Пичмана, всѣми силами заботились объ украшеніи большихъ городовъ, построили въ Ѡивахъ огромный храмъ Аммона, сдѣлали значительныя постройки въ Абидосѣ, въ Бубастѣ (говорятъ, что именно въ Бубастѣ была найдена прекрасная луврская статуя Себекготена III) и въ Танисѣ, который былъ, кажется, любимой ихъ резиденціею. Но судя по многочисленности царей этого имени и кратковременности ихъ царствованій въ спискѣ царей на Туринскомъ изорванномъ папирусѣ, надобно думать, что ихъ время было тревожное, полное мятежей, междоусобныхъ войнъ и кровавыхъ катастрофъ. Египетъ раздробился тогда на мелкія владѣнія, постоянно воевавшія между собою и постоянно бунтовавшія противъ законнаго царя. Можно полагать, что съ этими смутами имѣло связь вторженіе Гиксовъ и борьба народовъ, поднятая этимъ событіемъ, которое и послѣ всѣхъ изслѣдованій и гипотезъ о немъ остается темно. На слѣдующихъ страницахъ мы приводимъ позднѣйшій египетскій рассказъ о немъ, передаваемый греческими писателями, но теперь же замѣтимъ, что новыя изслѣдованія возбудили много сомнѣній въ достовѣрности греческихъ извѣстій о гиксахъ. Стали находить, что владычество гиксовъ не могло быть продолжительно, потому что цари 13-й династіи дѣлали свои постройки болѣею частью въ Дельтѣ, слѣдовательно должны были владѣть ею. Явились сомнѣнія и въ томъ, что гиксы были народъ семитическаго происхожденія, потому что черты ихъ лица на остаткахъ огромныхъ сооружений въ ихъ столицѣ Танисѣ такъ же далеки отъ семитическаго типа, какъ и отъ египетскаго. Владычество Шасу, то есть бедуиновъ, которыхъ греки называютъ гиксами, простиралось на весь Египетъ; оставались-ли при этомъ національные областные государи, какъ ихъ вассалы, мы не знаемъ, подобно тому, какъ не знаемъ ихъ происхожденія и исторіи. Египтяне разрушили ихъ памятники, такъ что въ остаткахъ ихъ надписей можно разобрать лишь нѣсколько именъ.

Гиксы въ Егип-
тѣ.

При 13-й династіи или по ея прекращеніи вторглись въ Египетъ гиксы, воинственный пастушескій народъ, овладѣли Нижнимъ Егип-

томъ и взяли Мемфисъ. Бругшъ говоритъ: «Мы не имѣемъ почти никакой возможности сомнѣваться въ томъ, что иноземцы, вторгнувшіеся въ Египетъ, были сирійцы, нашедшіе въ Шасу, то есть въ бедуинахъ, полезныхъ помощниковъ себѣ, знающихъ мѣстность проводниковъ чрезъ безводную пустыню, и что единоплеменники ихъ, семиты, осѣдло жившіе въ восточной части Египта, помогли имъ нанести египетскому царству смертельный ударъ, на цѣлыя столѣтія лишившій египетскую націю всякой воли, всякой самостоятельной жизни. По египетскому преданію, они разрушили храмы боговъ, истребляли населеніе, обратили въ рабство тѣхъ египтянъ, которыхъ не убили и наложили дань на весь Египетъ, и Нижній и Верхній. Болѣе пяти столѣтій владычествовали цари пастуховъ; они были суровые притѣснители, но не могли искоренить египетскихъ нравовъ, обычаевъ и учреждений: египтяне крѣпко держались своихъ народныхъ особенностей, и гиксы не имѣли вліянія на національность,—говорило египетское преданіе. Развитіе египетской образованности было задержано, дѣятельность искусства остановлена, разрушено, вѣроятно было много величественныхъ храмовъ и другихъ сооружений; но быстрое возрожденіе египетской культуры по изгнаніи поработителей служить яснымъ доказательствомъ, что умственная жизнь народа не была совершенно заглушена владычествомъ гиксовъ, что цари ихъ скоро приняли египетскіе нравы. Египетскіе цари удалились въ Верхній Египетъ, изъ котораго власть ихъ предковъ нѣкогда расширилась на всю страну, и покинули на произволъ пришельцевъ прекраснѣйшую и богатѣйшую часть Египта. Въ Ѡивахъ фараоны вѣроятно сохранили независимость, быть можетъ, по временамъ давая дань или оказывая почести царямъ пастуховъ, чтобъ отвратить ихъ нашествіе, быть можетъ, иногда поступая подъ покровительство Эѳіопіи. Верхній Египетъ не могъ быть привлекателенъ пастушескому народу: ни въ узкой плодородной полосѣ по рѣкѣ, ни въ лишенной дождя и растительности пустынѣ тамъ нѣтъ простора пастбищъ для стадъ. Въ греческихъ спискахъ династій помѣщены и цари — чужеземцы и туземные государи, платившіе имъ дань; въ египетскихъ чужеземцы опущены, какъ узурпаторы. Чтобы запретить другимъ азіатскимъ народамъ доступъ въ Египетъ съ сѣверо-востока, на пути, который при своемъ вторженіи нашли открытымъ, гиксы построили на этой границѣ большую крѣпость Аварисъ (по египетски: Гатъ-уаръ, Hat-uar) и поставили въ ней многочисленный гарнизонъ тяжеловооруженныхъ воиновъ. Въ Египтѣ водворилось лагеремъ владычество иноземцевъ, началось время, не оставившее по себѣ памятниковъ; лишь немногія смутныя преданія о немъ сохранились у потомства. Когда путешествовалъ по Египту Геродотъ, жрецы рассказывали ему о «пастухѣ Филитѣ», который насъ у большихъ пирамидъ свои стада и именемъ котораго народъ называлъ эти памятники угнетенія и

страданій. Бѣдствія подневольной работы и страданія подъ чужеземнымъ ярмомъ слились въ воспоминаніи народа въ одинъ мрачный образъ.

Послѣ долгаго періода тяжелой подвластности гиксамъ, царямъ верхняго Египта удалось многолѣтней войною за свободу свергнуть иго иноземцевъ, энергія которыхъ вѣроятно разслабла въ роскошной странѣ. Три династіи, 14-ая, 15-ая и 16-ая, царствовали въ это время; но до насъ не дошло извѣстій, которыми проявлялся бы историческій мракъ его; сохранилось лишь нѣсколько именъ царей, о которыхъ сомнительно, кто были они: гиксы, или египтяне. Нѣкоторые полагаютъ, что это были гиксы, царствовавшіе въ Дельтѣ; другіе думаютъ, что это были цари туземныхъ династій, царствовавшихъ одна въ нижнемъ, другая въ верхнемъ Египтѣ и платившихъ дань гиксамъ. Борьба за свободу начата была владѣтелемъ очень небольшого государства, Расекененомъ, возставшимъ противъ гикса Апепи, по баснословному разсказу одного изъ лондонскихъ папирусовъ; поводомъ къ возстанію былъ споръ изъ-за колодезя. Достоверно лишь то, что Расекененъ первый принялъ снова титулъ царя. Борьба была продолжительна; только ужъ третій преемникъ Расекенена, Аамесъ I (Aahmes; въ греческой формѣ Амазисъ) взялъ, послѣ трудной осады, крѣпость Аварисъ, какъ разсказываетъ намъ надпись одного изъ начальниковъ его флота.

Въ позднѣйшія времена, египтяне считали этого Аамеса первымъ царемъ новаго царства. Имъ начинается 17-ая, или, по другому счету, 18-ая династія: Его жена была «черная», то есть, по всей вѣроятности, эѳіоплянка; вѣроятно, слѣдуетъ по этому думать, что верхне-египетскіе цари получали въ войнѣ помощь отъ эѳіоплянъ. Но въ Дельтѣ пастухи сопротивлялись долго и упорно. Подъ защитою болотъ той части Египта и опираясь на свой укрѣпленный лагерь, Аварисъ, обезпечивавшій имъ сношенія съ Азіею и поддержку отъ ихъ соплеменниковъ (семитовъ), они отражали всѣ нападенія египтянъ, пока наконецъ Амазисъ, утомленный долгою борьбою, вступилъ съ ними въ переговоры и обѣщалъ дать имъ свободный пропускъ въ Сирію. Число гиксовъ, ушедшихъ туда, простиралось, какъ мы читаемъ, до 240.000 вооруженныхъ людей, кромѣ ихъ семействъ. Они поселились большею частью на югозападномъ берегу Ханаана. Быть можетъ, что главнымъ племенемъ въ составѣ завоевателей Египта были филистимляне, отъ имени которыхъ произошло и названіе, данное египтянами «еврейскому стану», Аварису, Пелузіумъ (въ латинской формѣ) то есть, филистимскій городъ. Быть можетъ, выселеніе гиксовъ изъ Египта дало толчекъ сильнымъ передвиженіямъ народовъ Азіи; воспоминаніе объ этихъ передвиженіяхъ сохранилось въ многочисленныхъ преданіяхъ о странствованіяхъ, основаніи колоній, переселеніяхъ народовъ, и распространеніи религій. У египтянъ

воспоминаніе о ненавистномъ владычеству чужеземцевъ сохранилось въ мрачномъ культѣ бога Тифона (египетское имя его Сутехъ или Сеть), который былъ исключенъ изъ числа благотворящихъ боговъ: ему поклонялись гиксы, и вѣроятно только со времени владычества ихъ египтяне стали считать его враждебною силою, понимать подъ его именемъ или иссушающее дыханіе зноя пустыни, или хищничество сосѣднихъ сѣверныхъ народовъ. Погребена и забыта, лежитъ подъ прахомъ тысячелѣтій исторія народовъ на восточной границѣ Египта. Но ихъ отцы были нѣкогда властителями Египта, предъ грубою силою которыхъ низко склонились фараоны, удалившіеся въ южныя части государства, чтобы сотни лѣтъ влачить тамъ незамѣтное существованіе. Сеть былъ тогда побѣдителемъ Озириса.

Отрывокъ изъ Египетской исторіи Манеѳона, сохранившійся у Іосифа Флавія, раз-
сказываетъ о вторженіи и владычествѣ гиксовъ слѣдующимъ образомъ: «Царемъ сталъ Тимай (Амунтимай). При немъ, не знаю почему, Богъ былъ непріязненъ Египту, и неожиданно вторглись дерзко изъ восточныхъ странъ въ землю египетскую люди неславнаго племени. Они легко заняли ее и овладѣли ею безъ борьбы; правителей ея они сдѣлали подвластными себѣ, потомъ сожгли города и раззорили храмы боговъ. Со всѣми уроженцами ея они поступали самымъ враждебнымъ образомъ: однихъ — убивали, другихъ съ женами и дѣтьми уводили въ рабство. Послѣ того выбрали они одного изъ среды себя царемъ; его имя было Салатисъ (Salatis). Онъ поселился въ Мемфисѣ, сталъ собирать дань съ верхней и съ нижней страны и поставилъ гарнизоны во всѣхъ городахъ, въ которыхъ это было наиболѣе полезно. А всего болѣе позаботился онъ укрѣпить восточную границу, предвидя, что бывшіе тогда въ цвѣтъ своего могущества ассирійцы будутъ дѣлать попытки вторгнуться съ той стороны въ государство. Въ септротскомъ номѣ онъ нашелъ особенно удобный для того городъ, лежащій на востокъ отъ Бубастаго рукава Нила и, по древнему преданію о богахъ, называвшійся Аварисомъ» (Хатъ-уаръ, Hat-uar значитъ: домъ бѣгства).—Онъ увеличилъ постройки этого городъ, укрѣпилъ его сильными стѣнами и поселилъ въ немъ гарнизонъ въ 240.000 тяжеловооруженныхъ или около этого числа. Туда отправлялся онъ лѣтомъ, какъ для того, чтобы вновь снабдить ихъ продовольствіемъ и роздать имъ жалованье, такъ и для того, чтобы заниматься съ ними военными упражненіями и тѣмъ внушать страхъ иноземцамъ. Первые шесть царей, правившихъ имъ, постоянно вели войну и старались совершенно истребить египтянъ. Весь этотъ народъ называли Гиксомъ (Нухос), то есть, царями-пастухами, потому что huk' на священномъ языкѣ значитъ царь, а sos на простонародномъ нарѣчьи пастухъ или пастухи. Нѣкоторые говорятъ, что они были арабы». Съ разсказомъ Манеѳона согласно въ существенныхъ чертахъ то, что разсказывается въ папирусѣ Sallier, I: «Случилось, что страна египетская принадлежала иноземцамъ. Правда, былъ тогда царь, Ра Сенененъ, но онъ былъ только гакъ (hak—старшина) южнаго города; а непріатели занимали городъ Ааму (кочевыхъ пастуховъ), и былъ царь Апани въ городѣ Аварисѣ, и весь свѣтъ приносилъ ему свои произведенія. И царь Апани выбралъ себѣ своимъ божественнымъ господиномъ бога Сутеха и не служилъ никому изъ другихъ боговъ, которымъ поклонялись во всей странѣ. Онъ построилъ ему святилище прекрасной и долговременной работы; назначалъ царь Апани праздники и дни, чтобы въ каждое время приносить жертвы богу Сутеху». Цари-пастухи владычествовали надъ Египтомъ 511 лѣтъ. «А тогда цари Фиваиды и цари остальнаго Египта возстали противъ пастуховъ и началась великая и продолжительная война. И при царѣ, имя котораго было Мисфрагмутосисъ (Misphragmuthosis), пастухи были побѣждены, выгнаны изъ всего остальнаго Египта и заперты въ городъ, который имѣетъ въ объемѣ 10.000 аруръ (около 4 милъ; арура 150 футовъ) и называется Аварисомъ. Этотъ городъ па-
она.

стухи окружили большими и врытыми стенами, чтобы сохранять тамъ въ безопасности свое имущество и свою добычу». Сынъ Мисфрагмутосиса Тутмосисъ (Thutmosis) пытался одолѣть этотъ городъ осадой, продолжаетъ Иосифъ свой рассказъ по Манефону, и сталъ подъ его стѣнами съ 480,000 человекъ. Потерявъ наконецъ надежду овладѣть имъ посредствомъ осады, онъ заключилъ съ пастухами договоръ, по которому позволилъ имъ оставить Египетъ и свободно уйти, куда хотятъ. Такъ они со всѣмъ своимъ имуществомъ и своими семействами, не меньше 240,000 человекъ числомъ, ушли чрезъ пустыню въ Сирію. Но, по памятникамъ, освобождение совершилъ не Тутмосисъ, а Аамесъ (Амазисъ), царствовавшій, по хронологіи Лепсіуса, съ 1684 по 1659 годъ до Р. Х.

5. Новое Фиванское царство.

А) РАЗВИТІЕ ИСКУССТВА ПРИ 18-й ДИНАСТІИ.

(Приблизительно 1660—1450 годы).

Фиванскія династїи.

Освобождение страны шло изъ Фивъ; потому естественно, что этотъ городъ, который еще во время иноземнаго владычества туземные цари украшали зданіями и сдѣлали достойнымъ имени столицы, теперь сталъ главнымъ городомъ Египта. Мемфисъ былъ оскверненъ царями-пастухами, сталъ недостойнымъ своего прежняго первенства. Съ новою столицею получилъ въ официальномъ богочитаніи первое мѣсто между всѣми богами главный богъ Фивъ, Аммонъ, Аммонъ-Ра, царь боговъ, и новые цари усердно заботились прославить служеніе ему величественными храмами и всевозможными созданіями искусства. По имени этого главнаго бога и Фивы были называемы городомъ Аммона (Но-Аммонъ, въ греческомъ переводѣ Діосполь, Diospolis). Цари 18-й династїи были: Аамесъ (Амазисъ), Аменофисъ I (Аменготепъ, Amenhotep), Тутмосисъ I (Thutmosis, иначе Dehutimes), Тутмосисъ II, Рамака (царица), Тутмосисъ III, Аменофисъ II, Тутмосисъ IV, Аменофисъ III, Аменофисъ IV. Побѣда надъ гиксами, смертельными врагами египтянъ, одушевила націю и ея царей гордымъ довѣріемъ къ своимъ силамъ, и дала имъ подвигамъ и созданіямъ геніальную энергію. Правда, мало письменныхъ извѣстій о фиванскихъ фараонахъ дошло до поздняго потомства; но безчисленные памятники и созданія искусства, которыми они украсили берега рѣки, барельефы, картины и гордые надписи свидѣлствуютъ о могуществѣ египетскаго царства и его властителей въ тѣ дни блеска, о высокомъ развитіи техническихъ искусствъ, о славныхъ побѣдахъ и торжествахъ надъ далекими странами и народами. Основательницею величія и блеска государства была 18-я династїя; начатое ею было довершено 19-ю династїею, къ которой принадлежали Сетосъ (Sethos), Менефъ I, и знаменитѣйшій изъ фараоновъ, пре-

емникъ Сетоса, предшественникъ Менефты, Рамсесъ II, или Сетосъ II. При Менефтѣ произошелъ исходъ дѣтей Израиля изъ Египта. Время его правленія опредѣляется съ прочною достовѣрностью тѣмъ, что при немъ начался періодъ Сотиса, о которомъ мы будемъ говорить ниже. Въ этомъ періодѣ считалось 1460 лѣтъ и онъ кончился въ 139 году нашей эры; слѣдовательно, 1322 годъ до Р. Х. принадлежитъ времени царствованія Менефты.

Цари 18-й и 19-й династїи строители тѣхъ фиванскихъ дворцовъ Великолѣпныя и храмовъ, тѣхъ изсѣченныхъ въ скалѣ гробницъ и гротовъ, тѣхъ фиванскія сооружений. колоннадъ и сфинксовыхъ аллей, величественныя развалины которыхъ по обѣимъ сторонамъ рѣки, на протяженіи двухъ географическихъ миль протекавшей между зданіями колоссальнаго города, возбуждаютъ удивленіе путешественниковъ. Это истинно національныя памятники, созданія самосознательной народной жизни, находившей выраженіе себѣ въ національныхъ богахъ и въ дѣлахъ царей. Потому цари изображаются на памятникахъ въ самой тѣсной связи съ богами. Боги всегда съ искреннѣйшею признательностью принимаютъ почитаніе, оказываемое имъ царями и общаются за него царямъ все хорошее и пріятное. «Я дарю тебѣ владычество на миллионы лѣтъ», говоритъ царь боговъ «своему возлюбленному сыну», за то, что «сынъ воздвигъ ему великолѣпный храмъ изъ хорошаго бѣлаго песчаника». Кругомъ святилищъ божества, изображеніе котораго украшаетъ самый священный отдѣлъ зданія, стоятъ ряды предназначенныхъ для богослуженія и для управленія храмомъ многочисленныхъ построекъ дивной огромности и красоты. Колоннады и дворы служатъ помѣщеніями большихъ судебныхъ или праздничныхъ собраній. Стѣны, покрытыя превосходными барельефами и надписями, возвѣщаютъ подвиги царей и богобоязненность ихъ; колоссальныя статуи и обелиски пополняютъ свидѣтельствуемое стѣнами. Ворота привлекаютъ издали взглядъ къ величественному входу: это пилоны, высокие, подобныя башнямъ сооруженія, пирамидально утончающіяся вверху и срезанныя вверху широкою плоскостью. Ряды лежащихъ сфинксовъ украшаютъ священные пути, ведущіе къ нимъ. Цари за царями, поколѣнія за поколѣніями заботливо увеличивали главные храмы новыми блестящими пристройками, и потому нѣкоторые храмы разрослись дивными конгломератами до чрезвычайно обширныхъ размѣровъ. На внутренніе дворы часто выходятъ открытые аванзалы съ колоннами или четырехугольными пилястрами, къ передней сторонѣ которыхъ примыкаютъ изваянія человѣческихъ фигуръ. Барельефы на стѣнахъ внутреннихъ отдѣловъ святилищъ имѣютъ символическій смыслъ или историческое содержаніе, и всѣ были раскрашены разноцвѣтными красками, въ нѣкоторыхъ храмахъ до сихъ поръ сохраняющими великолѣпную свѣжесть; на потолкахъ внутреннихъ залъ были изображены звѣзды или фигуры созвѣздій, а не-

редъ пилонами стояли обелиски съ надписями царя, посвящающаго божеству свое сооруженіе.

Карнаксій раз-
валины.

Таковъ громадный міръ развалинъ, распростирающійся между пальмами деревни Карнака, и бывшій нѣкогда мѣстомъ разросшагося въ цѣлый городъ изумительно колоссальнаго храма. Первоначальное небольшое святилище Аммона, построенное Аменемгатомъ I, было расширяемо почти всѣми царями 18-ой и 19-ой династій; росли и росли пристройки: новые храмы, залы, колоннады, пилоны; воздвигались все новые обелиски и статуи, и выросъ цѣлый міръ созданій искусства, возбуждающій даже и развалинами своими чувство восторженнаго изумленія. При первомъ взглядѣ на эти груды упавшихъ колоннъ, разбитыхъ обелисковъ и статуй, засыпанныхъ пескомъ сфинксовъ, путешественникъ теряется; но онъ обозрѣваетъ великолѣпныя массы краснаго гранита, превосходнаго известняка, цвѣтнаго песчаника, понимаетъ художественную красоту разнообразнаго сонма созданій искусства, и имъ овладѣваетъ восхищеніе. Каждая новая династія соревновала прежнимъ въ славѣ расширить и украсить это національное святилище. Кругомъ остатковъ первоначальнаго храма Аммона, Тутмосисъ I, въ половинѣ XVII вѣка до Р. Х., воздвигъ величавый храмъ съ нѣсколькими залами и широкимъ дворомъ; у западнаго входа, онъ соорудилъ на искусственной террасѣ, обложенной кирпичемъ, два большихъ пилонъ, къ которымъ велъ священный путь между двойнаго ряда сфинксовъ. Передъ привратнымъ сооруженіемъ у другаго входа онъ поставилъ два обелиска изъ краснаго гранита, вышиною въ 69 футовъ; одинъ еще стоитъ; на немъ надпись, говорящая, что царь Тутмосисъ воздвигъ своему отцу Аммону, владыкѣ престоловъ двухъ странъ (т.е. Верхняго и Нижняго Египта) два большіе обелиска. На южной сторонѣ онъ построилъ два другіе пилонъ и стѣны примыкающаго къ нимъ двора. Тутмосисъ III и его сестра Рамака (Хнумтъ-Аментъ), правившая государствомъ въ малолѣтство царя, увеличили храмъ съ задней стороны заломъ, потолокъ котораго лежитъ на 56 колоннахъ, комнатами, окружающими этотъ залъ съ трехъ сторонъ, и наружною стѣною, охватывающею всю эту пристройку. За обелисками Тутмосиса I у привратнаго сооруженія регентша воздвигла два новыхъ, еще болѣе высокихъ обелиска. Одинъ изъ нихъ лежитъ разбитый; но другой еще стоитъ; высота его 90 футовъ; на немъ, кромѣ посвятельной надписи, есть изображеніе: Аммонъ простираетъ благословляющую руку надъ склонившимъ передъ нимъ колѣна молодымъ царемъ, и, какъ говоритъ надпись, обѣщаетъ царицѣ жизнь и счастье. Послѣ Тутмосисъ III изобразилъ на стѣнахъ своей пристройки свои завоеванія въ «Двурѣчьи» Нагараинѣ (Naharaina), то есть, Месопотаміи, и побѣды свои надъ Рутену (сирійцами) и надъ ханаанскими Хета (Хеттеями).—«Слѣдующіе цари», говоритъ Лепсіусъ, «завершали зданіе храма съ передней

стороны, строили новые храмы близъ него, соорудили еще два большихъ пилонъ на юго-западъ отъ пилоновъ Тутмосиса I, такъ что съ этой стороны входъ въ ограду главнаго святилища величаво образовали четыре высокіе портала. У первыхъ пилоновъ Тутмосисъ IV поставилъ два обелиска и сдѣлалъ на нихъ надпись, въ которой обычнымъ у египетскихъ царей тономъ самовозвеличенія говорить, что онъ, «сынъ солнца», поставилъ передъ вратами храма Аммона два гранитныхъ обелиска «блестящихъ какъ серебро». Одинъ изъ нихъ стоитъ теперь въ Римѣ передъ Латераномъ. Прекраснѣйшая часть всего сооруженія, большой залъ съ колоннами, быть можетъ служившій, кромѣ религіозныхъ цѣлей, и для судебныхъ засѣданій, былъ построенъ знаменитѣйшими царями 19-ой династіи, Сетосомъ и Рамсесомъ. На барельефахъ изображенъ Рамсесъ, получающій отъ бога Аммона мечъ побѣды для избіенія толпы связанныхъ длиннородыхъ враговъ. Въ карнакскомъ храмѣ можно прослѣдить много столѣтій египетской исторіи: каждый не совершенно эфемерный царь сдѣлалъ въ немъ какое-нибудь сооруженіе.

Зданія карнакскаго храма составляютъ продолговатый четырехугольникъ. Аллея, образуемая двумя рядами сфинксовъ, лежащихъ львовъ съ бараньими головами, ведетъ отъ Нила, съ прибрежнаго края террасы на западъ къ святилищу, главный фасадъ котораго обращенъ въ эту сторону, къ рѣкѣ. Аллея приводитъ къ исполинскимъ воротамъ; эти ворота отдѣльное зданіе, въ 60 футовъ вышиною; они затворялись огромными дверями. Ворота вели во дворъ, образуемый залами, потолки которыхъ покоились на колоннахъ въ 70 футовъ вышины, каждая изъ одного цѣльнаго камня. Теперь всѣ онѣ лежатъ изломанныя, кромѣ одной изъ среднихъ, которая стоитъ, какъ часовой на стражѣ надъ тѣлами павшихъ товарищей. Изъ этого кладбища колоннъ зданіе другихъ воротъ открываютъ путь къ широкой лѣстницѣ, ведущей въ другой залъ съ колоннами, громаднѣйшій въ цѣломъ Египтѣ. «Этотъ залъ имѣетъ 164 фута въ ширину и 320 футовъ въ длину», говоритъ Лепсіусъ: «Каменный потолокъ его поддерживаютъ 134 колонны. Каждая изъ 12 среднихъ колоннъ имѣетъ въ охватѣ 36 футовъ, и 66 футовъ вышины до архитрава; окружность ихъ капителей 64 фута. Остальныя колонны имѣютъ 40 футовъ вышины и 27 футовъ въ охватѣ. Невозможно описать подавляющее впечатлѣніе, какое испытываетъ человѣкъ, когда въ первый разъ вступаетъ въ этотъ лѣсъ колоннъ и ходить изъ одного ряда ихъ въ другой, между изображенными на нихъ, повсюду выступающими въ туманныхъ или ясныхъ очеркахъ величавыми фигурами боговъ и царей». Всѣ стѣны покрыты врѣзанными углубленно въ нихъ или вырѣзанными барельефною работою и раскрашенными скульптурными изображеніями подвиговъ царей и символическихъ религіозныхъ фигуръ и дѣйствій; ихъ яркія краски, красная и синяя на бѣломъ или свѣтложелтомъ фонѣ, до сихъ поръ не утратили блеска. Этотъ величественный залъ началъ царемъ Сетосомъ (около 1400 г.) и достроенъ его сыномъ Рамсесомъ II. Углубленно врѣзанныя и раскрашенныя изображенія на стѣнахъ представляютъ побѣды Сетоса надъ Рутену, то есть, сирійцами, и Шасу, то есть пастушескими народами, и торжества этихъ побѣдъ. Шасу были безъ сомнѣнія жители южной Сиріи, потому что надъ вѣрностью, въ которую бѣгутъ они, написаны слова «вѣрность въ странѣ Канана», а надъ фигурою плѣнника, котораго Сетосъ приводитъ къ Аммону, написано «Нагараина» (Месопотамія). По окончаніи войны царь возвращается съ торжествомъ домой на колесницѣ, нагруженной связанными плѣнниками и головами убитыхъ враговъ; другіе плѣнники привязаны на веревкахъ сзади колесницы. Въ надписи, Аммонъ, призна-

Подробности.

тельный за великолѣпнѣе построеннаго ему храма, говорить Сетосу: «Даю тебѣ мою власть, мой престолъ, мое мѣсто и долготу жизни моей, будь царемъ надъ Египтомъ и Красною землею (Финикию), имѣй ихъ престоломъ твоимъ и Нубію подножіемъ твоихъ сандалій». Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ: «Я даю тебѣ преодолѣть все народы, чтобы страхи твои были въ сердцахъ Нубіи и Ливіи, и чтобы цари пришли къ тебѣ какъ одинъ человекъ и принесли дары на своихъ спинахъ». Рамсесъ II поставилъ передъ западными воротами свои статуи колоссальной величины, изсѣченные изъ краснаго гранита; одна еще стоитъ, но съ испорченною головою. Скульптурныя изображенія въ аванзалѣ представляютъ Рамсеса покорителемъ земли Кушъ, лежавшей къ югу отъ Сиріи, а на южной сторонѣ общей обводной стѣны онъ и на колесницѣ и пѣший сражается съ разными врагами; главнымъ образомъ ведетъ онъ тутъ борьбу съ Хеттами противъ крѣпости Кедешъ. На этой же стѣнѣ написанъ и договоръ, который Рамсесъ въ 21 году своего правленія заключилъ съ Хеттами. Хетты вооружены лукомъ и стрѣлами, щиты ихъ имѣютъ продолговато-четыреугольную форму. Бороды у нихъ нѣтъ. Шапки ихъ плотно прилегаютъ къ волосамъ; у нѣкоторыхъ на шапкѣ перо. Волоса ихъ падаютъ длинными локонами на плеча. Одежда ихъ длинная, подпоясанная, съ короткими рукавами. Куглеръ говоритъ объ этомъ залѣ, что «живое чувство архитектурныхъ пропорцій подавлено тутъ наложенными на нихъ украшеніями». Передъ заломъ былъ въ послѣдствіи построенъ окруженный колоннадами и украшенный пилономъ дворъ въ 320 футовъ длины и 270 футовъ ширины. «Этимъ закончена была постройка главной массы зданій храма», говоритъ Лепсіусъ: «она имѣла въ длину 1170 футовъ; въ этотъ счетъ не включены ни ряды сфинксовъ передъ послѣднимъ пилономъ, ни особое святилище, построенное Рамсесомъ Миауномъ, примыкавшее къ задней стѣнѣ храма. Въмѣстѣ съ этими расширеніями, длина до крайнихъ воротъ общей обводной стѣны составляетъ почти 2000 футовъ; ширина мѣста, охватываемого этою стѣною, приблизительно равна длинѣ. Позднѣйшія династіи, нашедшія сооруженія главнаго храма уже законченными со всехъ сторонъ, но не хотѣвшія отказаться отъ заботы о возвеличеніи центра египетскаго богослуженія, строили на обведенномъ общемою оградой мѣстѣ особые храмы и расширяли ихъ».

Луксорское
святилище.

Въ полу-часѣ пути къ югу отъ Карнакскаго храма лежитъ на томъ же берегу рѣки другой міръ развалинъ, къ которымъ лѣпятся глиняныя хижины деревни Луксора. На искусственно сооруженной террасѣ берега рѣки, Аменофисъ III, одинъ изъ могущественнѣйшихъ фараоновъ 18-ой династіи, построилъ тутъ второе великолѣпное святилище Амону-Ра; оно должно было служить добавочнымъ храмомъ карнакскаго святилища и было соединено съ этимъ центромъ національной религіи шоссейными дорогами и аллеею двойнаго ряда сфинксовъ, имѣвшихъ тоже форму льва съ бараньею головою. Такимъ образомъ, входъ въ этотъ храмъ былъ съ сѣвера и, какъ въ Карнакѣ, тоже со стороны рѣки, но здѣсь это было у самаго берега. Центральнѣйшій храмъ окружали залы съ колоннами и другія комнаты, отдѣлявшіяся портикомъ отъ двора, образуемаго крытыми колоннадами; передъ дворомъ высились огромные пилоны. Колонны имѣютъ форму лотуса съ не развернувшася чашечкою. Превосходно изваянные колоссальные сфинксы съ бараньими головами образовали аллею священной дороги изъ Карнакскаго храма; они имѣли по 18 футовъ въ длину и лежали на высокихъ престолахъ, грудью и головою къ дорогѣ; съ каждой стороны находилось 600 этихъ изваяній, въ 10

футахъ одно отъ другаго. По этому пути, великолѣпнѣйшему изъ всехъ, когда-либо созданныхъ людьми, ходила, какъ по глубокому рову, старо-египетская процессія ладьи Аммона. Теперь эта аллея гигантскихъ сфинксовъ исчезла и величавый южный храмъ превратился въ груды развалинъ, изъ которой поднимаются только пилоны, два обелиска и около 200 колоннъ. На архитравахъ повсюду были сдѣланы посвящательныя надписи, говорившія:

«Могущественный и мудрый Горусъ, правоправищій, благоустроившій свою землю, держащій вселенную въ спокойствіи, великій своею силою и побѣдившій народы варваровъ, царь, владыка справедливости, многолюбимый сынъ солнца, Аменготепъ, повелитель Египта, построилъ это зданіе и посвятилъ его своему отцу Амону, господину престоловъ вселенной, на южной сторонѣ Оивъ. Онъ возвелъ его изъ твердыхъ и хорошихъ камней, чтобы сооруженіе вышло прочное. Таково то, что сдѣлалъ сынъ солнца Аменготепъ, возлюбленный Амона-Ра».

И Луксорскій храмъ, подобно карнакскому, великіе цари слѣдующей династіи расширяли новыми сооруженіями. Рамсесъ II построилъ великолѣпную колоннаду изъ 14 колоссальныхъ статуй, капители которыхъ имѣли форму лотуса съ раскрывшеюся чашечкою, и дворъ, вкругъ котораго стояли въ два ряда колонны. Передъ дворомъ онъ воздвигъ величественное пилонное сооруженіе, на колоссальныхъ стѣнахъ котораго были изваяны изображенія во славу подвиговъ его. Это сцены изъ битвъ и лагерной жизни воликаго завоевателя. Онъ въ исполнскомъ видѣ стоитъ на военной колесницѣ, на головѣ у него шлемъ; сзади его ястребъ богини побѣды. Мѣткими стрѣлами убиваетъ онъ враговъ и колесница его ѣдетъ по трунамъ и разбитымъ вражескимъ колесницамъ. На другой сторонѣ сооруженія онъ сидитъ въ своемъ станѣ, окруженный вельможами своего царства, а солдаты занимаютъ дѣлами лагерной службы. Передъ пилономъ стоятъ, засыпанные мусоромъ, колоссальныя статуи строителя, изваянные изъ чернаго гранита, и обелискъ, превосходной работы, въ 75½ футовъ вышиною. Ихъ было тутъ два. Другой украшаетъ теперь Площадь Согласія въ Парижѣ. Надпись на обелискѣ говоритъ, что „Рамсесъ, владыка вселенной, „Ра-усерь-мао“ избранникъ (бога) Ра, построилъ это зданіе въ честь своего отца Амона-Ра и воздвигъ ему эти два великіе каменные обелиска передъ Рамессеумомъ, городомъ Амона“.

Между тѣмъ украшалась храмами и памятниками и западная сторона города на лѣвомъ берегу рѣки. Узкая полоса пустыни, идущая отъ Гурны до пальмовыхъ рощъ Мединетъ-Габу, между наполемою Ниломъ плодородною землею и подошвою горъ съ ихъ необозримымъ рядомъ гробницъ, была застроена: цари 18-ой династіи покрыли ее сооружениями, по громадности и великолѣпію подобными карнакскимъ и луксорскимъ. Вся эта мѣстность была первоначально посвящена почитанію усопшихъ. Греки называютъ ее Мемноніею. Ливійскій хребетъ подходитъ у Гурны близко къ рѣкѣ, но крутымъ поворотомъ отступаетъ на западъ, образуя котловину, которая теперь называется Эль-Асасифъ; спуски хребта въ котловину—высокія отвѣсныя известняковыя скалы, стѣны которыхъ, представляющія превосходный

Западная сто-
рона Оивъ
(Мемнонія).

материалъ для самой тонкой скульптурной работы, обращены на югъ и на востокъ, Цари одиннадцатой династіи были погребены въ прохладныхъ гротахъ этой отвѣсной стѣны горъ, на высотѣ нѣсколькихъ сотъ футовъ, куда ведутъ вырубленные въ скалѣ ступеньки или построенныя изъ кирпича лѣстницы. И подошвы этихъ гротовъ, гдѣ въ красиво изваянныхъ, девятифутовыхъ по длинѣ саркофагахъ, покоились давніе цари, регентша Рамака соорудила величественный храмъ, къ которому вела священная аллея сфинксовъ, имѣвшая 1600 футовъ длины; священнѣйшая часть храма, закрытая гранитными воротами, дворами, изящными залами, была вырублена въ скалѣ. На всѣхъ скульптурныхъ картинахъ Рамака изображена въ мужскомъ платьѣ, и только надписи показываютъ, что она женщина. Впослѣдствіи времени, овалы, въ которыхъ было написано ея имя, были выломаны и замѣнены овалами съ именемъ ея младшаго брата Тутмеса III. Онъ довершилъ постройку сестры и соорудилъ два другіе храма у окраины пустыни; на полузасыпанной пескомъ кровлѣ южнаго его храма стоитъ, противъ Луксора, деревня Мединетъ-Габу; отъ другаго храма сохранились только немногіе слѣды. На окраинѣ плодородной земли передъ развалинами Мединетъ-Габу поднимаются два сидящіе на престолахъ колосса, вышиною отъ 60 до 70 футовъ надъ первоначальнымъ уровнемъ мѣстности; они украшали входъ въ огромное сооруженіе, совмѣщавшее въ себѣ дворецъ и храмъ, построенное Аменофисомъ III, строителемъ луксорскаго храма. Они были поставлены, вѣроятно Аменготепомъ, сыномъ Гапу, архитекторомъ - вельможею, слава котораго сохранялась еще при Птолемеяхъ. Сѣверо-западный колоссъ—та знаменитая «звучащая статуя», о которой милый греческій рассказъ говорилъ, что это прекрасный Мемнонъ каждое утро привѣтствуетъ свою мать Аврору, проливающую на него свои росныя слезы въ печали о ранней смерти героя. Многочисленные обломки громаднхъ статуй свидѣлствуютъ объ огромности и великолѣпіи храма Аммона; на двухъ кускахъ камня найдена посвятельная надпись, призывающая владыку неба поселиться въ прекрасномъ домѣ, который построилъ ему въ Фивахъ Аменготепъ. Священные дороги, окаймленные по обѣ стороны рядомъ сфинксовъ, вели отсюда къ священнымъ мѣстамъ на сѣверѣ; теперь онѣ лежатъ глубоко подъ нивами съ каждымъ годомъ повышающейся почвы.

Другія постройки 18-й династии и войны ея. И въ другихъ городахъ была оживленная архитектурная дѣятельность. Въ Эсне (Esneh), древнемъ Латополѣ, найденъ камень отъ двери сооруженія съ надписью Тутмосиса II, а въ Эдфу (древнемъ Apollinopolis Magna), Тутмесъ III построилъ храмъ, пристройки котораго послѣ были расширены. Къ временамъ Тутмосиса IV и Аменофиса III относятся гробницы въ скалахъ, остатки украшеннаго внутри колоннами храма близъ Эль-Каба (древней Eileithyia) и два

храма съ колоннами изящной формы на островѣ Элефантинѣ близъ первыхъ пороговъ Нила. Но не одними сооруженіями проявила свое величіе 18-я династія: почти всѣ цари ея вели счастливыя войны съ народами юга и расширяли господство Египта надъ долиною Верхняго Нила. Надписи и остатки храмовъ, построенныхъ въ очень благородномъ стилѣ, свидѣлствуютъ, что владычество фараоновъ въ эту эпоху простиралось на всю Нубію до Семіе (Semieh). Въ Даккѣ (древней Псельхидѣ) близъ Корте и Амады и близъ Вади-Хальфы у втораго порога, открыты храмы съ колоннами и другія зданія, принадлежащія временамъ Тутмосиса III, Тутмосиса IV и Аменофиса II. Найденная въ Амадѣ надпись говоритъ, что «добрый богъ, владыка Египта, царь солнце, опора вселенной, Тутмосисъ (IV), податель справедливости, построилъ этотъ храмъ изъ песчаника своему отцу Фра, господину неба и земнаго круга, дѣлающему его на вѣки жизнеподателемъ». Далеко выше къ югу, у Солеба, близъ границы Донголы, Аменофисъ III построилъ «своему собственному духу» великолѣпный храмъ съ пилономъ, къ которому примыкали дворъ, образуемый колоннадами, и залъ съ 48 изящными колоннами, капители которыхъ имѣли форму лотуса; а въ Седеингѣ женѣ своей, Ти, соорудилъ такое же святилище, въ живописныхъ развалинахъ котораго одна колонна еще стоитъ. Надписи въ обычномъ тонѣ самовозвеличенія называютъ царя-строителя солнцемъ, владыкою истины, повелителемъ чистой страны, и говорятъ, что онъ расширилъ границы государства, покоривъ народы юга и сѣвера. Древнія владѣнія Египта на Синайскомъ полуостровѣ были вновь завоеваны, если были когда-нибудь утрачены; возобновилась разработка находящихся тамъ рудниковъ; святилище, основанное Аменемгатомъ III, было при Тутмосисѣ III расширено и украшено пилономъ. Сирійскія и арабскія племена сѣверо-востока тоже испытали на себѣ пробудившуюся воинственность египетскаго народа и энергію его царей, хотѣвшихъ отмстить за страданія Египта подъ игомъ гиксовъ. Важнѣйшая сторона дѣятельности 18-й династии—ея походы въ далекія страны Азіи, очень близко ознакомившіе египтянъ съ азіатскою культурою, сильно видоизмѣнившіе прежнія понятія египетскаго народа. Въ Египетъ проникаютъ семитическіе культы (служеніе Баалу, Астартѣ), въ языкѣ появляется много семитическихъ словъ, и устанавливаются очень дѣятельныя сношенія между Сирією и Египтомъ. Такимъ образомъ Египетъ выступаетъ изъ своей замкнутости и становится государствомъ, участвующимъ въ общемъ ходѣ человѣческой исторіи. Греческіе историки не говорятъ объ этихъ походахъ, и они остались бы навсегда забыты, если бы не сохранили извѣстій о нихъ развалины огромныхъ сооружений и надписи. Аменофисъ I велъ войну въ южной Эіопіи, и совершилъ походъ въ Азію. Тутмосисъ I проникъ на югъ въ Нубію, а на сѣверѣ въ Месопотамію, гдѣ поставилъ въ память своихъ побѣдъ двѣ колонны,

которые Тутмосисъ III еще нашелъ уцѣлѣвшими. Рамака послала экспедицію въ южную Аравію и на Сомалійскій берегъ, «въ страны ладона», и изобразила этотъ походъ въ своемъ Деръ-эль-Бахрійскомъ храмѣ; — это походъ въ Аравію, приписываемый греческими историками Сезострису. Тутмосисъ III начинаетъ свое правленіе большою войною противъ коалиціи всѣхъ западно-азиатскихъ народовъ, главою которой былъ царь лежавшаго на Оронтѣ города Кадеша. Коалиція была сокрушена битвою при Мегиддо. Послѣ того Тутмосисъ III предпринималъ другіе походы, въ которыхъ собиралъ растенія и животныхъ чужихъ странъ. Аменофисъ II ходилъ въ «Верхнюю Сирію», вѣроятно, для подавленія бунта; привелъ въ Египетъ и повѣсилъ семь плѣнныхъ царей. О Тутмосисѣ IV упоминается, что онъ совершалъ походы въ Месопотамію. Аменофисъ III велъ войны главнымъ образомъ въ Эѳіопіи, гдѣ строилъ и храмы. Эѳіопія стала подвластною Египту землею, которою управлялъ по египетскимъ законамъ намѣстникъ, называвшійся «сыномъ царя эѳіопскаго»; въ Сиріи оставались туземные мелкіе владѣтели, платившіе дань Египту. Послѣдній царь 18-й династіи, Аменофисъ IV, хотѣлъ преобразовать гражданскія и военныя учрежденія Египта и замѣнить господствующую религію исключительнымъ поклоненіемъ солнцу въ прямомъ, матеріальномъ смыслѣ слова солнце. Онъ зашелъ въ своей реформаторской горячности такъ далеко, что удалилъ изъ всѣхъ святилищъ служеніе Аммону и другимъ египетскимъ богамъ, имѣвшее пантеистическій характеръ, истребилъ ихъ имена и изображенія во всѣхъ общественныхъ зданіяхъ и даже въ тѣхъ частныхъ гробницахъ, входъ въ которыя оставался открытымъ; отбросилъ свое имя, напомиравшее объ Аммонѣ, принялъ имя Ху-энъ-атенъ («блескъ солнечнаго диска») и наконецъ, совершенно покинувъ Ѳивы, городъ Аммона, основалъ себѣ въ Среднемъ Египтѣ, въ большомъ изгибѣ восточной стороны долины, новую резиденцію, гдѣ построилъ роскошныя дворцовыя сооруженія и великолѣпный храмъ солнца. Развалины этого города еще видны—у Тель-эль-Амарны и сосѣднихъ деревень. Черезъ нѣсколько времени по его смерти, его религіозное нововведеніе было уничтожено: почитаніе прежнихъ боговъ восстановлено, новый городъ и храмы «поклонника солнца» были разрушены, имя и надписи реформатора истреблены въ спискахъ царей и на общественныхъ памятникахъ. За Аменофисомъ IV слѣдовали быстро смѣнявшіяся царствованія узурпаторовъ. Этотъ періодъ смутъ прекратилъ царь Горенгебъ (Horeheb). Послѣ него началось правленіе 19-й династіи, происходившей вѣроятно изъ Дельты.

Звучащая статуя Мемнона. Главнымъ поводомъ къ превращенію Аменофиса у греческихъ писателей въ Мемнона было, по мнѣнію Лепсіуса, то, что вся западная половина Ѳивъ называлась Мемноніею; греки полагали, что это значить: строителемъ дворцовъ и храмовъ ея былъ Мемнонъ.

Двѣ статуи, изображающія сидящаго на престолѣ царя Аменготепу, а у его ногъ маленькія стоящія фигуры его жены Мутъ-эмъ-уа и его матери Ти (Thi), изваяны каждая изъ одного куска вѣпкого темно-краснаго гранита съ бѣлыми кварцевыми пятнами. Онѣ изумительныя произведенія технической ловкости въ обработкѣ одного изъ самыхъ твердыхъ и самыхъ хрупкихъ камней (Бругшъ). Арабы называютъ эти статуи «Шамі и Тама» или Саманатъ, «идолы». — Мнѣ о звучащей статуй Мемнона возникъ, когда землетрясеніе 27 года до Р. Х. опрокинуло верхнюю часть этого колосса и въ нижней части его сдѣлалось замѣтнѣе то не рѣдкое въ пустыняхъ и обширныхъ развалинахъ явленіе, что камни звучатъ отъ образующихся въ нихъ мелкихъ трещинъ. Лепсіусъ говоритъ: «Удивительно, что многіе изъ лопнувшихъ кусковъ, сохранившихъ лишь слабую связь съ главною массою, издаютъ, когда ударишь по нимъ, металлически ясный звукъ, а другіе, рядомъ съ ними, звучатъ глухо или вовсе нѣмь; это зависитъ отъ ихъ положенія. Многочисленныя греческія и римскія надписи, вырубленныя на статуѣ путешественниками, въ особенности тѣми, которымъ удалось слышать привѣтствіе Мемнона Аврорѣ, начинаются только со времени Нерона и продолжаются до Септімія Севера, о которомъ надобно, кажется, полагать, что именно онъ велѣлъ реставрировать статую, которая, до изломавшего ее землетрясенія, состояла изъ одного цѣльнаго камня. Кажется, что когда была восстановлена верхняя часть, которую при реставраціи сложили изъ нѣсколькихъ камней, звуки, если не совершенно прекратились, то стали слышаться рѣже и менѣе сильно». Говорятъ, что эти дребезжащія и пѣвучіе звуки слышались главнымъ образомъ въ началѣ утра, когда послѣ прохладной росистой ночи жаркіе лучи солнца падали на хрупкій песчанистый конгломератъ, изъ котораго изваяна статуя. «Кто бывалъ въ египетскихъ храмахъ при восходѣ солнца», говоритъ Партей въ своихъ *Wanderungen durch das Nilthal*, «тотъ знаетъ легкое дребезжанье, пробѣгающее по стѣнамъ, когда верхняя часть ихъ нагревается солнцемъ!» — Въ сказаніи объ эѳіоплянинѣ Мемнонѣ, сынѣ Авроры, то есть, сынѣ востока, приходившемъ черезъ Сузу на помощь троянцамъ и нашедшемъ раннюю смерть въ троянской войнѣ, скрываются, быть можетъ, старыя воспоминанія о походахъ Аменофиса и его преемниковъ.

Въ самомъ дальнемъ отъ рѣки углу Эль-Асасифской котловины, на мѣстѣ поки-Гурнскій храмъ. нутой теперь деревни Гурны лежатъ развалины древнѣйшаго храма западной половины Ѳивъ. Путь, длиною болѣе 600 футовъ, украшенный съ обѣихъ сторонъ колоссальными баранами и сфинксами, велъ изъ долины прямою линіею къ переднему двору, изъ него по широкой лѣстницѣ во второй дворъ, передняя стѣна котораго была украшена изваяніями и стоявшею передъ нею колоннадою, по второй лѣстницѣ, подводилъ къ гранитнымъ воротамъ, хорошо сохранившимся, и черезъ нихъ выводилъ на послѣдній дворъ, боковыя стороны котораго были образуемы изящными залами и другими комнатами, а заднюю сторону составлялъ широкий фасадъ, построенный передъ крутою скалою. Гранитныя ворота въ этомъ фасадѣ служатъ входомъ во внутреннѣйшій отдѣлъ сооруженія, въ святилище, вырубленное въ скалѣ и покрытое высокимъ каменнымъ сводомъ; изъ этого храма нѣсколько дверей ведутъ въ ниши и комнаты, вырубленныя и по обѣимъ боковымъ и по задней сторонамъ его. Всѣ онѣ и стѣны самаго храма были испещрены выгравированными превосходными изваяніями на сѣромъ фонѣ скалы; всѣ отдѣлы храма исполнены въ изящномъ стилѣ тѣхъ временъ. Это обширное сооруженіе, подлѣ котораго стояли ряды другихъ построекъ, теперь разрушенныхъ, первоначально было, какъ надобно полагать, соединено пересѣкавшею всю долину дорогою съ рѣкою, за которою путь велъ по прямому направленію къ большому карнакскому храму; едва ли можно сомнѣваться, что именно для проложенія этой дороги былъ изсѣченъ сквозь холмъ, находящійся между горнымъ хребтомъ и долиною, узкій проходъ, по которому пролегаетъ путь изъ долины къ храму». (Lepsius, Briefe, стр. 281 слѣд.). Сетосъ, первый царь 19-ой династіи, построилъ въ той же мѣстности храмъ съ портикомъ о десяти колоннахъ; храмъ окружали дворы и залы съ колоннами, капитали которыхъ имѣли форму лотуса. Рамсесъ III построилъ въ Гурнѣ дворецъ. Онъ воздвигъ и тѣ два обелиска изъ краснаго

мрамора, которые называются «иглами Клеопатры». Первоначально они стояли передь однимъ изъ египетскихъ храмовъ, послѣ были переведены въ Нижній Египетъ и до недавняго времени находились близъ Александріи; одинъ стоялъ, другой лежалъ. Одинъ изъ нихъ теперь въ Лондонѣ, другой въ Нью-Йоркѣ. «Правленіе Аменофиса III можно считать періодомъ самаго чистаго стиля египетской архитектуры», говоритъ Куглеръ: «Были и послѣ воздвигаемы громадныя сооруженія, но скоро становится замѣтно въ нихъ, что египетскій бытъ стѣсняеть свободу эстетическаго развитія».

В. ВЛЕСЯЩЕЕ ВРЕМЯ ЕГИПЕТСКОЙ ИСТОРИИ; 19-я династія.

(Приблизительно 1400—1250 годы).

(Цари 19-й династіи были: Рамсесъ I, царствовавшій недолго; Сетосъ I; Рамсесъ II; Менефта; Сетосъ II; затѣмъ слѣдуетъ періодъ смутъ, конецъ которымъ положилъ основатель 20-й династіи, Сетнахтъ.—Точныя цифры лѣтъ невозможны).

Великіе цари 19-й династіи счастливо продолжали идти проложеннымъ царями 18-й династіи путемъ военной и художественной славы. Сетосъ I (Sethos) и его великій сынъ Рамсесъ II Міамунъ, то есть «Возлюбленный Аммономъ», совершили дѣла, много столѣтій сохранявшіяся въ памяти народа и возвѣщаемыя потомству многочисленными изображеніями на стѣнахъ храмовъ и на пилонахъ возведенныхъ ими сооружений. Когда греки впослѣдствіи слышали рассказы объ этихъ подвигахъ, то перенесли всѣ преданія объ отцѣ и о сынѣ на идеальное лицо, которое называли Сезострисомъ, возложивъ такимъ образомъ на одного властителя всю славу побѣдъ и сооружений длившагося почти цѣлое столѣтіе періода двухъ царствованій. Имя «Сезострисъ» возникло, быть можетъ, изъ формы «Сесетсу», бывшей, повидимому, престолярною замѣной имени «Рамсесъ». Возможно и то, что циклъ преданій о Сетосѣ и Рамсесѣ расширенъ въ легендѣ о Сезострисѣ прибавкою сказаній о подвигахъ одного изъ Усертесеновъ, царей 12-й династіи, и о военныхъ предпріятіяхъ и сооруженияхъ царицы Рамаки. Обычай египетскихъ царей присвоивать себѣ памятники своихъ предшественниковъ, замѣняя въ надписяхъ имена строителей своимъ именемъ, облегчалъ преданію дѣло превознесенія одного имени. Сетосъ совершалъ удачныя походы до Эфрата, покорилъ «враждебную страну Канана» и Нагараину (Месопотамію); объ этомъ свидѣлствуютъ, какъ мы ужъ говорили, изображенія и надписи большого карнакскаго зала. Онъ расширилъ завоеванія своихъ предшественниковъ въ Нубіи и дальше вверхъ по Нилу; это доказываются остатками храма, построеннаго имъ у горы Сесе въ Донгольской области и тѣмъ, что въ овалахъ именъ побѣжденныхъ въ карнакскихъ надписяхъ встрѣчается имя Кушитовъ (черныхъ наро-

довъ). На одномъ изъ рисунковъ этого великолѣпнаго храма, при изображеніи триумфа, надпись превозноситъ Сетоса такъ, что лишь Озирисъ остается выше его. «Ты пошелъ покорить чужія страны и ты сокрушилъ вселенную твоимъ голосомъ истины; ты усмирилъ враговъ своихъ какъ Ра на небѣ; ты очистилъ сердца всѣхъ варваровъ: Ра отдалъ тебѣ предѣлы ихъ; твоя боевая сѣкира была надъ престолами всѣхъ чужихъ странъ, ихъ цари были прободены твоимъ мечемъ». Судя по этому, надобно, кажется, полагать, что на первомъ планѣ въ легендѣ о Сезострисѣ были подвиги не Рамсеса, а Сетоса. Кажется, что Сетосъ правилъ царствомъ отъ собственнаго имени только до рожденія сына, а послѣ того правилъ отъ имени Рамсеса, который былъ законнымъ царемъ, вѣроятно, потому, что его мать была изъ рода прежнихъ царей. Быть можетъ, этимъ объясняется продолжительность царствованія Рамсеса: онъ былъ царемъ 66 лѣтъ. Такимъ образомъ, трудно разобрать, какія дѣла Рамсеса принадлежатъ ему только номинально, и какія дѣйствительно совершены имъ. Конечно, должно быть много преувеличенія въ передаваемыхъ греческими писателями народныхъ сказаній о сухопутныхъ и морскихъ военныхъ подвигахъ Сезостриса, о томъ, какъ онъ съ безчисленнымъ множествомъ пѣхоты, конницы и военныхъ колесницъ прошелъ, покоряя всѣ народы на своемъ пути, до скифовъ и еракійцевъ, потомъ на далекій востокъ до индовъ, и на югъ до эіоплянъ, покорилъ и эти народы; но всѣ древнія извѣстія о немъ въ сущности согласны между собою; во время Геродота были еще цѣлы колонны, поставленныя имъ въ покоренныхъ странахъ въ память объ одержанныхъ побѣдахъ; остатки египетскихъ храмовъ и другихъ памятниковъ найдены путешественниками въ Сиріи, близъ древняго Берита и въ далекой Эіопіи, въ Нубіи и Донголѣ; изображенія на стѣнахъ воздвигнутыхъ Сезострисомъ зданій представляютъ сцены битвъ и триумфальныя шествія, въ которыхъ идутъ за нимъ связанные плѣнники,—все это вмѣстѣ ясно свидѣлствуетъ, что Рамсесъ-Сезострисъ былъ однимъ изъ могущественнѣйшихъ владыкъ царства фараоновъ, что въ походахъ на югъ, онъ, покоряя «презрѣнныя племена Кешъ» (кушитовъ), проникалъ дальше своихъ предшественниковъ, что онъ ходилъ далеко и въ сирійскую землю. Войны въ Сиріи теперь имѣли не тотъ характеръ, какъ при 18-й династіи. Теперь египтянамъ приходилось тамъ бороться съ большимъ царствомъ, какого прежде не было въ Сиріи; оно было основано Хета (хеттеями), народомъ неизвѣстнаго происхожденія, но никакъ не семитическаго. Рамсесъ I и Сетосъ I воевали съ царями Хета, и оба кончили тѣмъ, что заключили съ ними союзъ. Рамсесъ II въ первые годы своего единодержавія тоже воевалъ съ Хета и ихъ союзниками. Въ битвѣ съ ними при Кадешѣ на Оронтѣ онъ, по разсказу поэтическихъ текстовъ, лично самъ, почти одинъ, подъ покровительствомъ Аммона, истре-

билъ непріятельское войско. Не смотря на эту побѣду и слѣдующіе походы, онъ на 21 году своего правленія заключилъ съ царемъ Хета, Хетасаромъ, оборонительный и наступательный союзъ; договоръ этотъ точно опредѣляетъ подробности всѣхъ условій союза. Рамсесъ женился на старшей дочери Хетасара. Такой исходъ войны мало соответствуетъ хвалебному велерѣчію надписей; но Рамсесъ все-таки остался любимымъ героемъ народнаго преданія, которое водило его въ Малую Азію и Арменію, доводило до Чернаго моря и дѣлало всѣ народы этихъ странъ данниками его. Этотъ Рамсесъ II тотъ Рамсесъ, военные подвиги котораго дѣлали главнымъ предметомъ своихъ восхваленій египетскіе жрецы, объясняя Германику, сыну Друза, по египетскимъ памятникамъ, древнее величіе своей страны, и о которомъ до сихъ поръ свидѣлствуетъ овалъ съ его именемъ на выступѣ скалы финикійскаго побережья, близъ рѣки Лика (Нагръ-Эль-Кельба), гдѣ еще видны изваянія и памятные столбы съ его именнымъ щитомъ, въ знакъ того, что онъ соорудилъ этотъ памятникъ въ честь трехъ высочайшихъ боговъ своей страны, Ра, Аммона и Пта (Ptah), которыхъ благодарить за свои побѣды.

Великолѣпныя
сооруженія.

Еще болѣе, чѣмъ блестящими военными подвигами, Рамсесъ II прославилъ себя своими сооруженіями, тѣми многочисленными зданіями и памятниками, которые воздвигъ онъ въ Фивахъ и другихъ городахъ Египта, и великолѣпные остатки которыхъ, покрытые изваяніями, свидѣлствуютъ и теперь о высокомъ развитіи художественнаго чувства и мастерской техники этого блестящаго времени египетской исторіи. Почти цѣлая половина всего числа сохранившихся памятниковъ принадлежитъ Рамсесу II. Его сооруженія превосходны, особенно по совершенству техники; но нельзя отрицать и того, что во вторую половину его царствованія ужь очень замѣтнымъ образомъ начинается упадокъ искусства, легко объясняющійся чрезмѣрною многочисленностью сооруженій. Не знаешь, чему болѣе удивляться: громадности ли размѣровъ, или тонкости и чистотѣ исполненія трудной архитектурной и скульптурной работы. Два царя, которыхъ сказаніе соединило подъ именемъ Сесостриса, расширили прежнія святилища, Карнакское и Луксорское: увеличили ихъ пристройками новыхъ залъ съ колоннами, покрыли стѣны этихъ залъ изваяніями сценъ изъ своихъ войнъ; отдѣльное новое великолѣпное сооруженіе на западномъ берегу рѣки, между постройками Гурны и Мединетъ-Габу, начатое Сетосомъ и довершенное въ громаднѣйшемъ размѣрѣ его сыномъ, предназначалось на вѣки возвѣщать о могуществѣ, величій, великолѣпій царей, своихъ строителей. Сетосъ I соорудилъ себѣ въ западныхъ Фивахъ гробницу, самую величественную изъ всѣхъ извѣстныхъ намъ. Недалеко оттуда, у старой Гурны, стоитъ большой погребальный храмъ его, достроенный Рамсесомъ II. На юго-востокѣ

отъ этого храма Рамсесъ II построилъ такой же храмъ для себя. «Великій домъ Рамсеса», какъ именуютъ надписи это зданіе, обыкновенно называемое теперь Рамессеумомъ,—одно изъ знаменитѣйшихъ египетскихъ сооружений; еще греки, называвшіе его «гробницею Озимандіа», прославляли и подробно описывали его. Оно состоитъ изъ огромныхъ пилоновъ, дворовъ, залъ съ колоннами, замкнутыхъ стѣнами, другихъ залъ, открытыхъ во дворъ, и изъ разныхъ другихъ построекъ; повсюду всѣ стѣны покрыты изваяніями. Пилонное сооруженіе вело во дворъ, со всѣхъ четырехъ сторонъ окаймленный открывавшимися на него колоннадными залами; изъ ихъ колоннъ остались стоящими только двѣ. Съ этого двора другіе ворота вели на второй дворъ, окруженный колоннами и каріатидами; на немъ, среди другихъ развалинъ, лежатъ огромные обломки колоссальной статуи, самой громадной изъ всѣхъ египетскихъ; это было изсѣченное изъ краснаго сіенскаго гранита изображеніе Рамсеса, сидящаго на престолѣ, превосходное и по красотѣ цѣльнаго камня, изъ котораго изсѣчено, и по удивительному совершенству работы, и по чрезвычайной громадности. Пьедесталъ имѣлъ 18 футовъ вышины; на немъ были изображены связанные плѣнники, въ числѣ которыхъ есть несомнѣнные семиты и несомнѣнные эіопляне. Сидящая статуя имѣла 54 фута вышины и ширина ея въ плечахъ была 21 футъ. Съ этого двора трое воротъ изъ чернаго камня вели въ громадный залъ, назначавшійся для торжествъ; каменная кровля его лежала на 60 колоннахъ, расположенныхъ десятью рядами; капители среднихъ рядовъ имѣли форму лотуса съ раскрывшеюся чашечкою. Отъ заднихъ отдѣловъ дворца и отъ окружавшихъ весь дворецъ залъ со сводами, построенныхъ изъ нильскаго черепичнаго кирпича, сохранилось мало остатковъ. Одна изъ второстепенныхъ по величинѣ залъ дворца, украшенная астрономическими изображеніями созвѣздій и планетныхъ божествъ, заключала въ себѣ священную библіотеку; на ней была надпись: «врачебница для души».—На стѣнахъ Рамессеума изображены подвиги царя-строителя и разныя сцены изъ его жизни; тутъ есть процессія посольствъ изъ южныхъ и сѣверныхъ странъ: послы ведутъ животныхъ и несутъ произведенія своихъ земель въ дань великому царю; есть отряды воиновъ съ полукруглыми щитами, копьями и боевыми сѣкирами; они идутъ плотными рядами, охраняемые съ боковъ двуколесными военными колесницами и рядами стрѣлковъ. Эти скульптурныя картины на стѣнахъ и другихъ плоскихъ поверхностяхъ зданія, показывающія религіозность царя, или служащія исторіею событій его царствованія, битвы, сцены лагерной жизни, важны для изученія религіи, военнаго быта и исторіи того времени. По содержанію ихъ видимъ, что когда строился этотъ храмъ, Рамсесъ ужь расширилъ свое государство такъ, что властвовалъ отъ «Куша» до «Нагараины», и что въ его казнохранилищѣ лежали до-

ставленные данью покоренных земель, громадные сокровища «золота, серебра, слоновой кости и черного дерева».

Храмы въ Нубіи, изсѣченные въ скалахъ. Не менѣе замѣчательны сооруженія Рамсеса-Сезостриса въ Нубіи, показывающія, что его владѣнія на югъ были очень обширны. Это храмы, изсѣченные въ скалахъ; стѣны ихъ покрыты скульптурными изображеніями, содержаніе которыхъ взято изъ его военной жизни. Въ Бетъ-эль-Валли, на югъ отъ Сіены, найдено изсѣченное въ скалѣ небольшое святилище Аммона, на стѣнахъ котораго очень изящныя скульптурныя изображенія представляютъ Рамсеса побѣдителемъ негровъ, одѣтыхъ въ шкуры. Онъ съ натянутымъ лукомъ стоитъ на колесницѣ, мчащейся на непріятелей, падающихъ передъ нимъ на колѣна; надпись говоритъ, что онъ разгоняетъ и поражаетъ стрѣлами ливійцевъ и князей народа Кушъ. Разбитые, они бѣгутъ въ свои деревни, окруженные пальмами; раненый, поддерживаемый двумя товарищами, тащится къ дому, изъ котораго на встрѣчу ему идутъ съ воплемъ скорби жена и трое дѣтей. Другая картина изображаетъ побѣдоноснаго царя сидящимъ на престолѣ; къ нему подводятъ связанныхъ князей, за которыми идутъ негры, несущіе добычу: драгоценные камни, шкуры тигровъ и пантеръ, страусовыя перья, черное дерево, слоновыя клыки; другіе негры ведутъ львовъ, антилопъ, газелей, обезьянъ и другихъ животныхъ того края. Такіе же храмы съ пилонами, колоннами, пилястрами построилъ Рамсесъ дальше на югъ, у Герфъ-Гуссена (Гирше), Вади Себуа, — «Долинѣ львовъ», и у Дерра (Derr). Но знаменитѣйшія его сооруженія въ долинѣ Верхняго Нила находятся въ окруженной скалами ложбинѣ Абу-Симбеля, въ двухъ дняхъ пути ниже Вади-Хальфійскаго порога. Это два храма, изсѣченные въ темножелтой песчаниковой горѣ; одинъ изъ нихъ большой, другой меньше. Большой посвященъ самимъ Рамсесомъ богу Ра; передъ входомъ были поставлены четыре колоссальныя статуи, изображавшія Рамсеса, сидящаго на престолѣ. Меньшій храмъ былъ посвященъ царицею богинѣ Гаторъ (Nathor); тутъ было поставлено шесть статуй, изображавшихъ царицу и ея мужа; вышина этихъ статуй 35 футовъ; статуи большаго храма имѣютъ больше 60 футовъ вышины. У ногъ исполинскихъ фигуръ царя и царицы изваяны сравнительно мелкія фигуры придворныхъ. Между престолами среднихъ колоссовъ находится дверь, ведущая въ залъ съ пилястрами, около пилястровъ стоятъ, прислоненныя къ нимъ спинами, статуи Озириса. Изъ этого зала ходъ въ другіе отдѣлы святилища; ихъ 14; они углубляются внутрь скалы на 200 футовъ, на ихъ темныхъ стѣнахъ тоже изваяны изображенія изъ военной жизни Рамсеса, его побѣды надъ ливійцами и нубійцами, надъ Хета и Рутену. Границу египетскихъ памятниковъ на югъ образуетъ храмъ, сооруженный Рамсесомъ близъ Напаты, у подошвы горы Баркала въ Донголѣ. Этотъ храмъ, посвященный Аммону, имѣющій 480 футовъ длины и состоящій

который часто упоминается въ Библии; но Рамсесъ Библии вѣроятно Танисъ. Городъ Пиѳомъ, о которомъ говоритъ Библия, находится, вѣроятно, тоже въ Дельтѣ. То, что на тяжкія работы по сооруженію этого канала употреблялись главнымъ образомъ израильтяне, жившіе въ окрестной области, и при слѣдующемъ царѣ ушедшіе отъ притѣсненія, подтверждается, кромѣ другихъ доводовъ, извѣстіемъ Діодора, что Сезострисъ при своихъ сооруженіяхъ не заставлялъ работать египтянъ.

Царствованіе
Менефты.

Еще не опредѣлены съ точностью годы и мѣста военныхъ подвиговъ Рамсеса II, и имена африканскихъ и азіатскихъ народовъ, которые по его надписямъ были побѣждены и покорены имъ, еще не всѣ разъяснены; но его сооруженія и изваянія, украшающія ихъ, даютъ отчетливое представленіе о его военныхъ подвигахъ и дѣлахъ мира. Онъ нашелъ себѣ вѣчное успокоеніе въ гробницѣ, изсѣченной въ скалѣ Мемноніи. Его скромный гробъ не соответствуетъ великой славѣ его.—У него было много сыновей, но вѣроятно большинство ихъ умерло еще во время его 66-лѣтняго царствованія, потому что наследовалъ ему 13-ый его сынъ, Менефта. Сынъ шелъ отцовскою дорогою; но блескъ царствованія отца оставилъ дѣла Менефты въ тѣни. Въ большомъ карнакскомъ залѣ найдены изображенія, показывающія, что и онъ одерживалъ побѣды надъ темнокожими негритянскими племенами, надъ свѣтлокожими азіатскими народами, и бралъ приступомъ крѣпости на высотахъ, увѣнчанныхъ пальмами; храмъ богини Гаторъ, изсѣченный въ скалѣ близъ деревни Сурагіе (Sugagieh), на сѣверѣ отъ Бенигассана, былъ сооруженъ имъ. Но бѣдны эти памятники двадцатилѣтняго царствованія по сравненію съ отцовскими подвигами и залами во славу побѣдъ. По надписямъ, въ пятый годъ царствованія Менефты вторглись въ Египетъ ливійскіе народы и союзники ихъ, сѣверные народы «изъ странъ моря»; имена этихъ сѣверныхъ народовъ были: Акаіуша, Шардана, Шакалаша, Турша и проч. Царь истребилъ ихъ. Въ этихъ сѣверныхъ народахъ изъ-за моря нѣкоторые ученые хотѣли видѣть ахейцевъ, сардинцевъ, сицилійцевъ, этрусковъ и проч.; но нельзя назвать эти истолкованія именъ достовѣрными. Скудостью памятниковъ подтверждается извѣстіе Манеѳона, что возстаніе прокаженныхъ, которыхъ сурово угнеталъ Менефта, принудило его бѣжать въ Эіопію, и оставаться 13 лѣтъ тамъ. Мы вернемся къ этому разсказу Манеѳона въ исторіи народа израильскаго.

Великолѣпіе
Ѳивъ.

Вскорѣ послѣ Менефты началась междоусобная война. Страна распалась на нѣсколько государствъ, цари которыхъ воевали между собою, и во время голода одинъ изъ этихъ царей, родомъ сиріецъ, покорилъ себѣ весь Египетъ. Богослуженіе пришло въ упадокъ. Наконецъ боги сжалились надъ несчастнымъ краемъ «и поставили сына своего, произошедшаго изъ тѣла ихъ, царя Сетнахта, царемъ

всей страны на возвышенномъ престолѣ». Такъ разсказываетъ сынъ этого Сетнахта, царь Рамсесъ III. Во время смутъ угасъ славный царскій родъ, которому Ѳивы обязаны блескомъ, сіяющимъ и теперь изъ ихъ развалинъ, обязаны славою, достигавшею до греческихъ городовъ Іоніи, гдѣ пѣвецъ Иліады влагаетъ въ уста сына героя, Ахиллеса, восхваленіе Ѳивъ, египетскаго города, «въ которомъ дома богаты сокровищами; сто воротъ имѣетъ онъ, и изъ каждаго выходятъ на битву двѣсти сильныхъ воиновъ, съ конями въ сбруѣ».—Эти ворота ужъ давно разрушились. Лишь одни изъ нихъ, обращенные къ арабскому хребту, отмѣчаютъ собою мѣсто, гдѣ шла городская стѣна. Но величественныя массы развалинъ у Карнака и у Луксора на правомъ берегу рѣки, у Гурны и Мединетъ-Габу на лѣвомъ, даютъ понятіе объ огромности и великолѣпіи древняго исполинскаго города, гдѣ между храмовъ и дворцовъ съ громадными колоннами, пилястрами, каріатидами, съ высокими обелисками, пилонами, съ колоссальными статуями, стояли построенные изъ цильскаго кирпича четырехъ-этажные и пяти-этажные дома частныхъ людей, а священныя улицы, образуемыя рядами гигантскихъ сфинксовъ, соединяли національныя святилища.

Крайняя южная группа на западной сторонѣ Ѳивъ, называемая именемъ стоявшаго тутъ, но давно исчезнувшаго коптскаго города Мединетъ-Габу,—это развалины храма, построеннаго въ XIII вѣкѣ до Р. Х. Рамсесомъ III, единственнымъ царемъ 20-й династіи, третьимъ преемникомъ Менефты, соперникомъ великихъ предшественниковъ въ созиданіи художественныхъ сооружений и «возвышенныхъ дѣлахъ», какъ говоритъ о немъ папирусъ Гарриса. И онъ, подобно Менефтѣ, сражался съ ливійскими народами и союзниками ихъ, и прославилъ свое имя величественнымъ сооруженіемъ. Огромная пилонная постройка вела въ передній дворъ, образуемый стѣнами съ каріатидами и колоннами; за этимъ дворомъ былъ второй колоннадный дворъ, за которымъ находились крытые залы и другія комнаты святилища, богато украшенные скульптурными изображеніями. Храмъ былъ опредѣленъ для почитанія усопшихъ предковъ; къ нему были присоединены зданія, предназначенныя свидѣтельствовать о величіи и богатствѣ царя. Царь изображенъ въ кругу своего семейства, разговаривающимъ съ дочерьми: прическа ихъ, образующая косу съ одной стороны головы, показываетъ, что онѣ царевны; отецъ играетъ съ ними въ кости; онѣ подаютъ ему цвѣты и фрукты; онъ, лаская, касается рукою подбородка одной изъ нихъ, беретъ другую за руку, а третья сидитъ у его ногъ. Память объ этомъ Рамсесѣ «Богатомъ» сохранилась у народа въ передаваемой Геродотомъ сказкѣ о царѣ Рампсинитѣ, велѣвшемъ построить казнохранилище, и о хитромъ ворѣ, который дѣлается мужемъ дочери царя. Въ западномъ хребтѣ сохранилась гробница Рамсеса III; кромѣ

Рамсесъ III и
его храмъ въ
Мединетъ-Габу.

комнаты, въ которой стоялъ гробъ, она имѣетъ еще много маленькихъ комнатъ; въ нихъ есть скульптурныя изображенія оружія, домашней посуды и другихъ вещей, которыя были положены въ гробницу. Прекрасный саркофагъ Рамсеса III, изваянный изъ краснаго гранита, находится теперь въ Парижѣ, а крышка саркофага въ Лондонѣ. Въ папирусѣ Гарриса Рамсесъ III съ поэтическимъ одушевленіемъ прославляетъ водворившуюся въ Египтѣ мирную тишину: «Слабой женщиной можно безопасно ходить своей дорогою. Шардана и Кагакъ (Kahak) сидятъ смирно и тихо въ своихъ городахъ; Кушъ пересталъ беспокоить Египетъ своими набѣгами. Финикія оставляетъ покоиться лукъ и всякое оружіе». Длинною рѣчью въ похвалу себѣ царь перечисляетъ то хорошее, что сдѣлалъ онъ для боговъ и для людей, для бѣдныхъ и богатыхъ. Преемникомъ Рамсеса III былъ его сынъ Рамсесъ IV, за которымъ слѣдовалъ длинный рядъ царей, называвшихся тоже Рамсесами, до самаго конца династіи.

Фиванскій
некрополь.

На сѣверо-западъ отъ Фивъ, за эль-асасифскою котловиною подымается на окраинѣ пустыни дикий песчаниковый кряжъ; желтая, разорванная ущельями стѣна его имѣетъ здѣсь до 300 футовъ вышины. Въ этихъ скалахъ жители Фивъ хоронили своихъ умершихъ. Какъ ячейки пчелинаго сота, рядами тянутся безчисленныя гробницы, изсѣченныя въ каменной горѣ. Устройство ихъ такое: за небольшимъ, подобнымъ маленькому двору входомъ идетъ спускъ въ четырехугольную гробничную комнату; тамъ вырубленъ въ скалѣ глубокій колодезь; а въ немъ ниша, куда ставили гробъ и послѣ закрывали ея отверстіе. Прямые и витые лѣстницы съ низкими каменными стѣнами ведутъ въ тихія жилища усопшихъ. Гробницы соединены между собою штольнями, корридорами, галлереями; изъ этажа въ этажъ ведутъ вертикальные спуски, подобные колодезямъ. Вѣроятно, ужъ и самимъ египтянамъ не легко было разыскивать тутъ, куда именно идти; а теперь, когда многія гробницы обвалились, выломаны, засыпаны мусоромъ, это лабиринтъ, въ которомъ трудно не заблудиться. Число гробницъ такъ велико, что нужны мѣсяцы, чтобъ осмотрѣть всѣ ихъ. На стѣнахъ гробницъ изваяны изображенія изъ жизни усопшихъ; изваяны надписи, сообщающія ихъ имена, званія, титулы, количество ихъ имущества; изваяны молитвы, благочестивыя изреченія; на потолкахъ живопись, краски которой остаются до сихъ поръ свѣжи. Гробницы знатныхъ, сдѣланныя обыкновенно въ нижнихъ рядахъ, устраивались просторныя, изящныя, богатые, такъ чтобы самый видъ ихъ показывалъ санъ покойнаго; гробница бѣднаго имѣла одну комнату; знатные устраивали въ своихъ гробницахъ по двѣ, по три комнаты и больше, и украшали ихъ скульптурою. «Жрецы и чиновники», говоритъ Лепсіусъ, «любили изображать на стѣнахъ своихъ гробницъ все свое богатство: лошадей, экипажи, стада, лодки, хозяйственные орудія, свои охотничьи парки, рыбные пруды, свои

сады и пріемныя, изображали даже художниковъ и мастеровыхъ за всяческими работами по ихъ заказу».

Далѣе на западъ подымается другая стѣна скалъ, отдѣленная отъ Гробницы царей. первой узкою пустынною долиною ущелья. Въ этомъ второмъ хребтѣ сооружены гробницы фиванскихъ царей. «Темныя, какъ будто выжженные солнцемъ скалы, прорѣзанныя бороздами иссохшихъ теперь горныхъ потоковъ, покрытыя горами вывѣтрившихся камней, образуютъ своими чрезвычайно странными формами долину царскихъ гробницъ»,—такъ описываетъ Бругшъ эту область гробовъ: «въ ней не зеленѣетъ ни одной былинки, не живетъ ни одинъ звѣрь; развѣ только крикъ носящагося въ воздухѣ орла пробуждаетъ насъ отъ грезъ о прошломъ. Здѣсь умираетъ все, и «смерть» лозунгъ въ этой нѣмой долинѣ, гдѣ исполинская природа совершила свое творчество дикою игрою стихій. Болѣе унылаго мѣста цари не могли бы нигдѣ найти для пріютовъ вѣчнаго покоя; кажется, будто здѣсь раскрываются врата входа въ преисподнюю». Послѣ длинныхъ извивовъ долина дѣлится на двѣ вѣтви. Въ правой находятся древнѣйшія гробницы, принадлежащія 18-й династіи; изъ нихъ только двѣ откопаны; другія еще остаются покрыты громадными горами обвалившихся камней. Въ лѣвой вѣтви долины погребены цари 19-й и 20-й династій; число гробницъ тутъ больше, нежели въ правой вѣтви. Длинные переходы, опускающіеся ступенями внизъ или горизонтальные, ведутъ внутрь горы на глубину отъ 50 до 300 футовъ, тѣмъ глубже, чѣмъ долѣе царствовалъ готовившій себѣ могилу. Какъ мемфисскіе цари возводили надъ своими гробницами пирамиды, увеличивая ихъ изъ года въ годъ новыми и новыми обкладками, такъ фиванскіе цари тотчасъ же по вступленіи на престолъ начинали изсѣкать въ скалѣ посмертное себѣ жилище и продолжали углублять въ горѣ его переходы, спуски и комнаты до той самой поры, какъ смерть положить конецъ этому дѣлу; гробница завершалась только тогда, какъ поставятъ въ «золотую комнату» гробъ ея строителя и заложатъ камнями входъ въ нее. По всѣмъ стѣнамъ идутъ скульптурныя изображенія, раскрашенныя яркими красками; главное содержаніе ихъ загробная жизнь, странствованія души по областямъ царства мертвыхъ, ея встрѣчи тамъ съ богами и враждебными демонами. Прекраснѣйшею изъ этихъ гробницъ считается та, которую называютъ «гробницею Бельдзони», по имени открывшаго ее итальянскаго путешественника. Это гробница Сетоса, царя 19-й династіи. Она богато украшена астрономическими и религиозно-символическими изображеніями; въ глубинѣ за идущими внутрь горы залами, лѣстницами и галлереями тамъ стоялъ въ «золотомъ залѣ» драгоценный алебастровый саркофагъ царя, покрытый и снаружи и внутри превосходною скульптурою. — Далѣе на югъ, въ не-

большомъ ущельѣ близъ Мединетъ-Габу находятся «гробницы принцессъ» той же династїи.

Этотъ замѣчательный, удивительный некрополь Фивъ былъ достойною противоположностью великому городу съ его кипучею жизнью. Всѣ другіе города тоже имѣли такіе некрополи съ катакомбами и гробничными сооруженіями. И сколько ни надѣлано раззоренія въ нихъ наглостью невѣжества и алчностью, уцѣлѣвшія въ нихъ многочисленные скульптурныя изображенія и рисунки, свитки папируса и всяческія вещи, которыми снабжали усопшихъ въ ихъ «вѣчныхъ домахъ»: амулеты и кольца, рабочія орудія, посуда, наряды и уборы даютъ богатый матеріалъ для изученія домашней и государственной жизни древнихъ египтянъ, ихъ нравовъ и общественныхъ отношеній, искусствъ и религіозныхъ представленій; и сколько ни унесено изъ гробницъ жителями Гурны для продажи европейскимъ путешественникамъ, подземное сокровище далеко не истощено, все еще продолжается исходить изъ гробницъ древняя египетская жизнь. Мы займемся теперь обзоромъ проявленій внутренней жизни египетскаго народа, достигшей полного своего развитія подъ блестящимъ владычествомъ ѳиванскихъ царей. Двѣ тысячи лѣтъ прошло съ той поры, какъ Менесъ избралъ своею резиденціей новопостроенный городъ Мемфисъ и основалъ «древнее» египетское царство; четыре столѣтія прошло съ того времени, какъ Аменофисъ I, одолѣвъ послѣдніе остатки гиксовъ, показалъ своимъ преемникамъ пути къ увеличенію египетскаго могущества завоеваніями въ странѣ Верхняго Нила и походами въ Азію для покоренія сирійскихъ и арабскихъ народовъ, показалъ имъ и примѣръ почитанія боговъ сооруженіемъ великолѣпныхъ храмовъ, которыми прославляются въ позднемъ потомствѣ имена строителей. Въ эти столѣтія египетскій народъ выработалъ себѣ своеобразныя формы жизни и понятій, выраженіе которыхъ мы и теперь еще видимъ въ безчисленныхъ памятникахъ, скульптурныхъ изображеніяхъ и рисункахъ; онъ держался этихъ формъ съ неопределимою твердостью и охранилъ ихъ противъ всѣхъ чужеземныхъ вліяній. Но въ мысляхъ самихъ египтянъ классическимъ періодомъ ихъ культуры было не время правленія 18-й и 19-й династїи, а «древнее царство» до конца 12-й династїи, потому что тогда господствовалъ древній священный языкъ и получили свой истинно египетскій, достопочтенный характеръ религія, искусство и государственное устройство, а во вторую эпоху процвѣтанія Египта, въ свѣтской литературѣ господствовалъ ужъ новый языкъ. Потому попытки возстановленія древняго быта при 26-й династїи стремились исключительно къ возобновленію учреждений «древняго царства».

Извѣстія древнихъ писателей. Подробности. Геродотъ, передавая рассказы жрецовъ и служителей при храмахъ, о Сесострисѣ-говоритъ, что Сесострисъ «пошелъ на длинныхъ» — то есть, военныхъ — «корабляхъ изъ Арабской бухты и покорилъ народы, жившіе при Черномъ морѣ, и шелъ все

1. Геродотъ.

дальше, пока достигъ до моря, чрезъ которое нельзя было плыть по причинѣ мелей. И вернувшись оттуда домой, онъ, какъ рассказывали мнѣ жрецы, собралъ большое войско и пошелъ сухимъ путемъ и покорилъ каждый народъ, бывшій на его дорогѣ. И когда онъ встрѣчалъ храбрый народъ, сильно оборонявшій свою свободу, то ставилъ въ той землѣ колонны, и на нихъ было написано его имя и имя его родины, и какъ онъ покорилъ этотъ народъ своею силою; а какихъ народовъ города онъ занималъ безъ сраженія и труда, у тѣхъ на колоннахъ писалъ онъ то же, что и у храбрыхъ народовъ, но еще прибавлялъ изображеніе женской стыдной части, показывая этимъ, что они были робки. — Изъ Азіи переправился онъ наконецъ и въ Европу, покорилъ скиновъ и ерانيينъ, какъ это видно по колоннамъ, которые онъ поставилъ. Когда онъ возвратился, то часть его войска осталась на рѣкѣ Фасисѣ и овладѣла тою страной; отъ этихъ воиновъ происходятъ колхійцы, которые очевидно египтяне, какъ это можно заключать и по ихъ темной кожѣ, по ихъ курчавымъ волосамъ, и по ихъ народному обычаю обрѣзанія. По языку и образу жизни, и по тканью полотна колхійцы тоже подобны египтянамъ, говоритъ Геродотъ, и продолжаетъ: «А изъ тѣхъ колоннъ, которые египетскій царь Сесострисъ поставилъ въ тѣхъ земляхъ, большей части ужъ нѣтъ теперь. Но въ Сирійской Палестинѣ я самъ еще видѣлъ нѣкоторыя, и тѣ письма на нихъ, и женскія части тѣла. Тоже есть въ Іонїи два изображенія этого человѣка, изсѣченныя въ скалахъ; именно, на пути изъ эфесской земли въ Фокею и на пути изъ Сарды въ Смирну.» — (Эти изображенія найдены и признаны за памятники не египетскіе, а вѣроятно ассирійскіе). — «Въ обоихъ этихъ мѣстахъ изсѣченъ на скалѣ человѣкъ въ пять пяденей вышиною, и онъ держитъ въ правой рукѣ копье, въ лѣвой — лукъ, а все остальное его вооруженіе того же вида, одинаково египетскаго и эіопскаго. И отъ одного плеча къ другому идутъ у него черезъ грудь египетскія священныя письма, говорящія такъ: «Я приобрѣлъ эту землю моими руками». Кто онъ и откуда онъ, здѣсь онъ не говоритъ; но въ другихъ мѣстахъ онъ это говорилъ. Сесострисъ тоже единственный египетскій царь, владычествовавшій надъ Эіопією; тоже онъ оставилъ и памятники передъ храмомъ Гефеста» — то есть, Пта — «въ Мемфисѣ, каменные статуи. Двѣ изъ нихъ въ тридцать локтей вышины; это статуи его и его жены; а статуи его четырехъ дѣтей каждая въ двѣнадцать локтей. И черезъ долгое время послѣ того жрецъ Гефеста не хотѣлъ допустить, чтобы Дарій персъ поставилъ свою статую передъ этими статуями, говоря, что онъ не совершалъ такихъ дѣлъ, какъ Сесострисъ египтянинъ.» — Діодоръ рассказываетъ, что Сесострисъ, котораго онъ называетъ Сесосенсъ, былъ съ дѣтства предначинанъ къ великимъ подвигамъ и подготовленъ къ нимъ воспитаніемъ, приучившимъ его выносить лишения. Предводительствуя своими сверстниками и товарищами дѣтскихъ игръ, воспитанными такъ-же, какъ онъ, и тоже приученными владѣть оружіемъ и выносить лишения, онъ еще въ юности покорилъ своей власти большую часть Ливїи. По смерти отца онъ озабочился прежде всего приобрести любовь египтянъ, привлекая къ себѣ однихъ денежными подарками, другихъ раздачею земель, третьихъ освобожденіемъ отъ наказаній, и всѣхъ своею привѣтливостью и любезностью. Достигнувъ этого, онъ съ войскомъ, въ которомъ было 600.000 пѣшихъ воиновъ, 24.000 всадниковъ и 27.000 военныхъ колесницъ, пошелъ завоевать весь свѣтъ. За нимъ повсюду слѣдовалъ прирученный левъ (это извѣстіе подтверждается изображеніями на памятникахъ); сначала онъ покорилъ эіоплянъ, и заставлялъ ихъ давать ему въ дань черное дерево, золото и слоновую кость. Потомъ онъ послалъ въ Черное море флотъ, состоявшій изъ 400 большихъ кораблей и покорилъ всѣ острова и бережныя земли того моря до самой Индіи. А самъ онъ покорилъ не только всѣ тѣ азіатскія земли, которые послѣ были покорены Александромъ Великимъ, но и ходилъ за Гангъ, овладѣлъ всею Индією до самаго океана, въ скинскихъ же земляхъ доходилъ до Танаиса (Дона). Покоривъ своей власти всю Азію и Цикладскіе острова, онъ переправился въ Европу и прошелъ всю Θравію. Но тамъ, по недостатку продовольствія и по неблагоприятности мѣстныхъ условій, едва не погибло все его войско. Въ завоеванныхъ земляхъ ставилъ онъ колонны, на которыхъ священными письмами (т. е. гіероглифами) было написано: «Эту землю покорилъ своимъ оружіемъ царь царей и владычинъ владычиновъ Сесосенсъ». Послѣ девятилѣт-

2. Діодоръ.

Есть, между прочимъ, изображеніе торжественной процессіи, въ которой жрецы несутъ Рамсеса и его жену, вмѣстѣ съ ходатайствующими за нихъ богами къ престолу Аммона, которому царь и царица совершаютъ поклоненіе и воздадутъ благодарность за то, что онъ поселился въ храмъ, построенный для него царемъ; далѣе, въ надписи говорится, что царица молить царя боговъ, чтобы онъ далъ своему возлюбленному сыну, владыкѣ вселенной, безопасную и чистую жизнь и счетъ годовъ правленія по періодамъ празднествъ. На другомъ изображеніи царь Рамсесъ стоитъ подѣ деревомъ жизни передъ престоломъ Тума и получаетъ обѣщаніе долгой жизни. Въ длинной надписи подѣ изображеніемъ ряда астрономическихъ фигуръ говорится между прочимъ: «Такъ говорятъ боги и богини на югѣ неба царю Рамсесу: солнце даетъ тебѣ всѣ свои измѣненія и какъ (возрастающая) луна юность твою на землѣ; ты являешься между людьми солнечной горою; солнце даетъ тебѣ, чтобы ты сіялъ какъ Изид-Сотисъ (Сиріусъ) на небѣ; въ разливахъ Нила не будетъ скудости, и являются тебѣ звѣзды, чтобы умножить число лѣтъ твоихъ».

Историческія
изваянія.

Еще важнѣе многочисленныя изображенія историческаго содержанія. На одной изъ скульптурныхъ сценъ въ большомъ залѣ Аммонъ подаетъ Рамсесу эмблемы власти: серпъ, бичъ, посохъ съ изогнутою рукою, и, какъ читаемъ въ надписи, говоритъ: «Прійми серпъ битвы на покореніе чужихъ народовъ и на отсѣченіе головы людямъ нечистымъ; прійми бичъ и искривленный посохъ (ялку) на владычество надѣ Египтомъ». На боковыхъ строеніяхъ первыхъ восточныхъ дверей изваяны сцены изъ боевой и лагерной жизни великаго Рамсеса. На правой сторонѣ — имена 15 взятыхъ имъ укрѣпленныхъ городовъ, и годы взятія ихъ; но слова такъ попорчены, что нельзя прочесть почти ни одного. «Египтяне насмѣхаются надѣ плѣнными царями» — такъ описываетъ Бругшъ эту сцену: «щиплютъ ихъ за бороду, бьютъ ихъ. Рядомъ изображено египетское войско въ станѣ, далѣе изображенъ большой парадъ». На краю изображенія со стороны входа въ ворота Рамсесъ II сидитъ на престолѣ, принимая выраженія преданности своихъ воиновъ или слушая доклады военачальниковъ. Стоящій за нимъ слуга держитъ надъ его головою богато украшенный зонтикъ. Другіе слуги уводятъ его коней и военные колесницы. Воины упражняются въ борьбѣ, ухаживаютъ за лошадьми, хлопчатъ съ боевыми колесницами, чистятъ свое оружіе. Двоихъ мужчинъ положили на землю и наказываютъ палками; надпись объясняетъ, что это непріятельскіе шпионы. На правомъ пилоѣ изображены сцены изъ войны съ Хетъ; война съ ними составляла, вѣроятно, одну изъ главныхъ эпохъ въ жизни Рамсеса, судя по карнакскимъ изображеніямъ ея. Главный городъ Хетъ лежалъ, кажется, у рѣки. Вожди ихъ, имена и титулы которыхъ написаны надъ ними, стоятъ въ смѣренныхъ позахъ передъ царемъ. На внутренней стѣнѣ того двора, гдѣ лежитъ опрокинутая колоссальная статуя Рамсеса, изображены другія военные сцены. «Тутъ крѣпость окружена рѣкою, образуя островъ», говоритъ Бругшъ: «Врагамъ нанесено сильное пораженіе. Ихъ военные колесницы загнаны египтянами въ рѣку, ихъ воины спасаются вплавь, или падаютъ поражаемые стрѣлами египтянъ. На берегу рѣки жаркій бой; длинные ряды военныхъ колесницъ мчатся другъ на друга, но египтяне побѣждаютъ враговъ. Главный герой египтянъ — Рамсесъ II, бьющійся съ военной колесницей, и изображенный гигантомъ; подлѣ него сражается его левъ. На обломѣ камня читаемъ, что эта битва происходила въ 5-ый годъ царствованія Рамсеса II». И тутъ написаны имена и званія многихъ изъ непріятельскихъ вождей, званія ихъ, напримѣръ, такіа: «правящій колесницею царя»; «писецъ»; «начальникъ слугъ». По описанію Розеллини, Хетъ изображены въ длинной одеждѣ, у нихъ длинные усы; у нѣкоторыхъ выбриты головы, у другихъ густые длинные волосы; есть между ними и всадники. На другомъ изображеніи, менѣе хорошо сохранившемся, царь бьется тоже съ военной колесницей, онъ посылаетъ смертоносныя стрѣлы; враги, азиаты, падаютъ, и копыта царскихъ коней топчутъ ихъ. На заднемъ планѣ крѣпость съ башнями; стѣны ея построены въ нѣсколько ярусовъ; египтяне взлѣзаютъ на стѣны по своимъ штурмовымъ лѣстницамъ; враги бросаютъ въ нихъ камни и пускаютъ стрѣлы. Названіе этой крѣпости — Кадешъ; она принадлежала Хетъ. Въ числѣ штурму-

ющихъ ее египтянъ находятся сыновья царя, съ мечемъ и щитомъ въ рукахъ, прикрытые штурмовою кровлею. Одинъ изъ нихъ убиваетъ врага, жена и дѣти котораго просятъ его о пощадѣ. Судя по вещамъ, изъ которыхъ состоитъ имущество враговъ, они пастухи. Царя окружаетъ рядъ принцевъ, изображенныхъ съ атрибутами ихъ сана (опахаломъ, скипетромъ, бантомъ и проч.). Надпись надъ крѣпостью, переведенная Бругшемъ, вѣроятно объясняетъ: «Остановившись, царь расположился лагеремъ на сѣверо-востокѣ отъ города Кадеша. Онъ поѣхалъ къ непріятельскимъ войскамъ Хетъ совершенно одинъ, не имѣя никого при себѣ. Тогда окружили его со всѣхъ сторонъ тысячи и сотни колесницъ, запряженныхъ каждая парой лошадей. Онъ изрубилъ ихъ въ груды труповъ передъ своими конями, онъ перебилъ всѣхъ царей всѣхъ народовъ, союзниковъ царя Хетъ, вмѣстѣ съ его князьями и старѣйшинами, его воинами и его конями. Онъ низвергъ ихъ одного за другимъ въ воду Оронта. Тогда обратился назадъ царь Хетъ, воздѣвъ свои руки на молитву благому богу».

Нубійскіе храмы изсѣчены въ скалахъ потому, что долина Нила тутъ очень узка и горы подступаютъ къ самымъ берегамъ рѣки. Въ пещерныхъ святилищахъ и залахъ оставлены четырехугольные столбы для поддержанія горючатокаменной крыши. Но почти у всѣхъ такихъ храмовъ есть болѣе или менѣе значительныя пристройки снаружи. Скульптура на стѣнахъ исполнена очень искусно и росписана красками, до сихъ поръ сохраняющими свѣжую яркость. Предметами изображеній служатъ: обряды поклоненія, которымъ Рамсесъ чтитъ боговъ святилища, и одержанныя имъ надъ разными народами побѣды. Важнѣе другихъ скульптурныя изображенія въ Абу-Симбелскомъ храмѣ. По сторонамъ входа изображена группа колѣнопреклоненныхъ плѣнниковъ изъ Нубіи и пустыни: три негра, три красныхъ мужчины безъ бородъ и четыре желтые фигуры съ бородами; побѣдоносный царь лѣвою рукою схватилъ этихъ людей за длинные волосы ихъ, а правая рука его съ боевою саблею замахивается нанести имъ смертельный ударъ. Аммонъ, у ногъ котораго происходитъ эта сцена, подаетъ ему серпъ и говоритъ: «Возьми серпъ, и убивай ихъ мощно. Я даю тебѣ покорить югъ и завоевать сѣверъ, разсѣять нечистыя племена всего свѣта и распространить сооруженіе твоего владычества докуда идутъ опоры неба въ обоихъ полушаріяхъ». Далѣе, видимъ царя стоящимъ въ полномъ вооруженіи на прекрасной военной колесницѣ, запряженной хранищими конями въ богато украшенной сбруѣ, царь стрѣляетъ изъ лука. Позади его сыновья въ такой же позѣ, какъ и онъ. Они штурмуютъ крѣпость, стоящую на вершинѣ скалы. Изумленные непріатели одинъ за другимъ появляются на стѣнѣ, умоляя о пощадѣ; но каждый, лишь выставится изъ-за стѣны, падаетъ, пронзенный стрѣлою. Внизу изображенія испуганные поселенцы или пастухи со стадами бѣгутъ спасаться въ крѣпость. По цвѣту кожи и одеждѣ, это сирійцы или арабы. На слѣдующемъ изображеніи Рамсесъ бьется съ врагами плѣшій; размахомъ копья онъ низвергаетъ двухъ непріятельскихъ князей. Изъ надписей объясняютъ, что это побѣдоносныя битвы его съ ливійцами и нубійцами. Далѣе видимъ торжественное возвращеніе побѣдителя въ Египетъ. Онъ въ легкой одеждѣ спокойно ѣдетъ на колесницѣ; въ одной рукѣ у него лукъ и стрѣлы, въ другой возжи; сзади колесницы его левъ, или прирученный спутникъ его, или символъ могущества. За царемъ ведутъ два ряда плѣнныхъ негровъ и краснокожихъ людей съ веревками на шеѣ и съ обвернутыми около бедеръ звѣриными шкурами; на слѣдующемъ изображеніи онъ вводитъ плѣнныхъ въ храмъ къ сидящимъ на престолахъ богамъ этого святилища, Аммону, Фра и богинѣ Мутъ. На противоположной стѣнѣ рядъ изображеній изъ войны его съ Хетъ и сцены египетской лагерной жизни, такіа же, какъ въ Рамессеумѣ. Рядъ сценъ, образующихъ одно большое изображеніе, представляетъ картины битвъ, въ которыхъ дѣйствуютъ плѣнные воины и боевыя колесницы, окруженную водою крѣпость съ башнями, ряды стройно идущихъ воиновъ съ копьями и большими щитами, лагерныя занятія другихъ воиновъ, царя подѣ зонтикомъ среди нихъ и такъ далѣе; — въ этомъ многосложномъ изображеніи находится болѣе 800 фигуръ, расположенныхъ то горизонтальными группами, то одинъ надъ другимъ; длинная надпись говоритъ, что сынъ солнца, Рамсесъ, вошелъ въ страну Хетъ и покорилъ городъ ихъ, Кадешъ; что потомъ онъ согласился примириться съ ними,

2. Нубійскіе храмы изсѣченны въ скалахъ. Абу-Симбелскіе храмы.

Храмъ Аммона,
построенный
Рамсесомъ III
въ Мединетъ-
Габу.

принялъ дань и покорность, принесенныя ему владыками Хета; что точно такъ-же поступилъ онъ съ Пити и съ Нагарайною (Месопотаміею). Есть и въ этихъ изображеніяхъ непріятельскіе шпіоны, которыхъ поймали и наказываютъ палками.

Храмъ, построенный Рамсесомъ III, примыкалъ къ прежнему храму, строителемъ котораго былъ Тутмосисъ III. Въ обоихъ этихъ храмахъ есть изображенія и надписи, не лишенные интереса. На пилонныхъ сооружеиіяхъ по сторонамъ входа въ зданіе представленъ Рамсесъ III, поражающій враговъ. Его божественный покровитель Аммонъ-Ра по-даетъ ему мечъ побѣды и ободряетъ сына его, стоящаго передъ отцомъ и изображеннаго гигантомъ, общается этому исполниту благополучно провести его чрезъ страны варваровъ, приготовить ему дороги, идти предъ конями его. Дальше, изображены побѣжденные враги; ихъ ведутъ связанными; впереди ведутъ князей ихъ. Надписаны имена; но почти все такъ попорчено, что нельзя прочесть ихъ. На наружныхъ стѣнахъ храма тоже изваяны военныя изображенія. Египетское войско идетъ на битву; у воиновъ топоры и мечи; царь ѣдетъ на своей боевой колесницѣ; передъ нимъ—другая колесница, на которой поставленъ шестъ съ бараньею головою на верхнемъ концѣ, а надъ этою головою прикрѣпленъ солнечный дискъ, символъ Аммона-Ра; это священная колесница Аммона. Дальше, изображена битва; враги падаютъ горами подъ побѣдоноснымъ натискомъ царя. Писецъ считаетъ и записываетъ отрубленные руки и половые члены враговъ. Число ихъ превышаетъ 12.000. Громадность добычи очевидна по множеству телѣтъ, запряженныхъ волами. Другое изображеніе представляетъ большую битву на водѣ; египетскіе корабли одерживаютъ побѣду. Дальше торжественное шествіе: ведутъ плѣнныхъ и несутъ добычу въ храмъ Аммона; въ храмъ богъ пріѣзжаетъ царя поздравленіями съ тѣмъ, что онъ разбилъ сердца враговъ и поразилъ земли ихъ. Внутреннія стороны стѣнъ украшены такими же изображеніями. Царь, сидящій на колесницѣ, торжествуетъ побѣду. Передъ нимъ высыпаютъ изъ мѣшковъ 3.000 отрубленныхъ рукъ и половыхъ членовъ враговъ; его сыновья ведутъ на веревкахъ плѣнныхъ князей, свѣтлокожихъ людей съ семитическими чертами лица и длинными косами, положенными черезъ плечо. Надписаны народныя имена плѣнныхъ; это Хета, Пурсата, Рабу, Заръ, Мактаръ, Шардана, Закару, Машуатъ. Въ длинной надписи восхваляется строитель великолѣпнаго храма, Рамсесъ III, «лучезарный Горусъ, множитель государства, хранитель могущества, побѣдоносная рука котораго покорила нечистыхъ ливійцевъ и истребила ихъ въ ихъ жилищахъ. Рамсесъ, великій царь милостей, хранитель владычества по образу Ра, духомъ котораго возвеличивается царскій санъ на престолѣ обоихъ міровъ, пошелъ покорить весь міръ и побѣдилъ по желаніямъ сердца своего». Дальше изображена побѣдоносная битва на морѣ близъ Мигдола, при устьяхъ Пелузійскаго рукава Нила. «Я былъ какъ богъ войны Монту Сильный (Monthu)»,—говоритъ по переводу Бругша, реляція объ этой побѣдѣ: «Я устоялъ передъ врагами. Они смотрѣли на мой рукопашный бой. Я, царь Рамсесъ III, шагалъ широко, въ сознаніи моей силы, крѣпкій рукою, защищая моихъ воиновъ въ день битвы. Тѣ, что достигли границы моей земли, они ужъ не соберутъ жатвы. Ихъ душа и ихъ духъ погибли на всю вѣчность. Тѣ, что собрались супротивъ этихъ, на великомъ морѣ, сильный пожаръ засвѣтился передъ ними, въ виду устій рѣки. Ихъ окружила желѣзная стѣна на морѣ. Они были влекомы, низлагаемы, постѣгаемы на берегу воды, столько, что убивая ихъ, навалили сотни холмовъ труповъ. Конецъ былъ новымъ началомъ. Ихъ корабли и все ихъ имущество лежали разсѣянныя по равнинѣ водъ. Такъ я отнялъ у народовъ желаніе направлять помыслы свои на Египетъ. Они прославляютъ мое имя въ своей землѣ, и сердце ихъ даже пламенѣетъ ко мнѣ, доколѣ я буду сидѣть на престолѣ Гормаку (Hormachu)». — «Случилось, что народы сѣверныхъ странъ, сидящіе на своихъ островахъ и берегахъ, вострялись тѣломъ своимъ», говорится въ другомъ мѣстѣ: «Они вступили въ моря устій Нила. Они сонѣли, втягивая съ себя жадными носами нашъ тихій вѣтерокъ. Царь устремился какъ буря на нихъ, чтобы сразиться на мѣстѣ боя, подобно тому и все его богатыри. Уничтоженъ былъ, гдѣ они стояли, духъ ихъ, отнята ихъ душа, сильнѣйшій ихъ наступилъ на нихъ».

«Рамсисинитъ имѣлъ большой кладъ золота, такъ что изъ всехъ царей, получавшихъ царство послѣ него, ни одинъ не могъ ни превзойти его въ этомъ, ни сравниться съ нимъ. И желая сохранять свои сокровища въ безопасномъ мѣстѣ, онъ велѣлъ построить себѣ каменную палату, стѣна которой примыкала къ его дому. Но зодчій придумалъ противъ него такую хитрость: вложилъ одинъ изъ камней такъ, что онъ могъ быть вынутъ двумя людьми, или даже и однимъ. Когда палата была готова, царь положилъ въ нее свои сокровища. А черезъ нѣсколько времени строитель сдѣлался смертельно боленъ и призвалъ къ себѣ своихъ сыновей, которыхъ у него было два, и разсказалъ имъ, какъ онъ позаботился о нихъ, чтобы у нихъ были обильныя средства жизни, и какую онъ придумалъ хитрость при постройкѣ царской сокровищницы. Онъ объяснилъ имъ все съ точностью, какъ вынимать камень, и далъ имъ мѣрку. Послѣ того онъ умеръ. И его сыновья не замедлили дѣломъ, пошли въ домъ царя ночью, отыскивали тотъ камень сокровищницы, легко вынули его, и взяли себѣ много золота. И произошло, что когда царь отворилъ ту палату, то удивился, увидѣвъ, что сосудовъ съ сокровищами стало меньше; однако же не зналъ, кого винить въ этомъ, потому что печать была цѣла и палата — заперта. Но когда онъ увидѣлъ два или три раза, приходя туда, что сокровищъ становится все меньше (потому что воры продолжали красть), онъ сдѣлалъ такъ: велѣлъ устроить капканы и положить ихъ около сосудовъ, въ которыхъ лежали сокровища. А воры пришли по прежнему, и одинъ изъ нихъ влѣзъ, и когда пошелъ прямо къ сосудамъ, попался въ капканъ. И когда понялъ, какая бѣда случилась съ нимъ, подзвалъ своего брата и объявилъ, что съ нимъ случилось, и велѣлъ ему поскорѣе влѣзть и отрѣзать ему голову, чтобы не погибъ черезъ него братъ, когда увидятъ его и узнаютъ, кто онъ. И тому показалось это дѣльно, и онъ послушался и сдѣлалъ такъ. Потомъ вложилъ правильно камень назадъ и пошелъ домой, взявъ голову брата съ собою. И когда наступилъ день и царь вошелъ въ ту палату, то изумился, увидѣвъ тѣло вора безъ головы въ капканѣ, палата же была неповреждена, а не имѣла ни входа, ни выхода. Итакъ, не зная, какъ ему быть, онъ сдѣлалъ такъ: велѣлъ повѣсить тѣло вора на стѣнѣ, приставилъ стражей и велѣлъ имъ, когда увидятъ кого, кто плачетъ и стонетъ, того должны они схватить и привести къ нему.

«И когда тѣло было повѣшено, мать очень огорчилась. Переговорила съ сыномъ, который остался живъ, и велѣла ему, чтобы онъ, какимъ бы то ни было образомъ, снялъ тѣло своего брата и принесъ къ ней; если-жъ онъ этого не сдѣлаетъ, она грозила ему пойти къ царю и донести, что сокровища взялъ онъ. И такъ какъ мать была раздражена на уцѣлѣвшаго сына и не хотѣла слушать, сколько онъ ни уговаривалъ ее, то онъ придумалъ такую хитрость: снарядилъ своихъ ослонъ, наполнилъ мѣхи виномъ, навьючилъ ихъ на ослонъ и погналъ ихъ къ кладовой. И когда пришелъ туда, гдѣ были стражи у повѣшеннаго тѣла, онъ вырвалъ въ мѣхахъ два или три клочка снизу, и когда вино потекло, онъ сталъ бить себя въ голову и сильно кричать, какъ будто не знаетъ, къ которому ослу прежде кинуться. А стражи, увидѣвъ, что вытекаетъ такъ много вина, выбѣжали на дорогу съ горшками и подставили ихъ подъ льющееся вино и стали съ пріятностью пить его. Онъ же ругалъ ихъ всехъ и притворялся, будто очень сердится. А стражи уговаривали его, и наконецъ онъ прикинулся смягченнымъ и успокоеннымъ. Напоследокъ свелъ онъ ослонъ съ дороги и поправилъ мѣхи; когда же, въ продолженіе разговора, одинъ изъ стражей сталъ шутить съ нимъ и разсмѣшилъ его, за это онъ далъ имъ еще мѣхъ для удовольствія. И они усѣлись тутъ, гдѣ были, и расположились пить, и пригласили его и говорили, чтобы онъ остался и пилъ съ ними. Онъ послушался ихъ и остался. И такъ какъ они во время питья сдѣлались очень къ нему дружелюбны, то онъ далъ имъ и изъ другихъ мѣховъ для удовольствія. И когда стражи хорошо выпили, они опьянѣли, и сталъ одолаживать ихъ сонъ, такъ что они уснули на томъ мѣстѣ, гдѣ пили. Тогда онъ, какъ наступила глубокая ночь, снялъ тѣло своего брата и въ насмѣшку выбралъ еще всеѣмъ стражамъ правую щеку. Потомъ положилъ тѣло на своихъ ослонъ и погналъ ихъ домой, сдѣлавъ, что велѣно ему было матерью.

Сокровищница
Рамсисинита и
хитрый воръ.
(Разсказъ Геродота).

«Когда теперь царю доложили, что тѣло украдено, онъ очень разсердился, и желая непременно дознаться, кто этотъ хитрый человѣкъ, онъ будто бы сдѣлалъ такъ, чему я однако не могу вѣрить: отдалъ на желаніе всѣмъ свою дочь, и велѣлъ ей принимать одинаково всякаго, но каждый долженъ, прежде чѣмъ она удовлетворитъ его, разсказать ей самое умное и самое постыдное дѣло своей жизни, и кто разскажетъ ей то, что случилось съ воромъ, того она должна схватить и не выпускать. Дочь стала дѣлать, какъ велѣлъ отецъ; и воръ, смѣтивъ, для чего это дѣлается, захотѣлъ все-таки перехитрить царя, и сдѣлалъ такъ: отрѣзалъ у свѣжаго трупа руку въ плечѣ и взялъ ее подъ свой плащъ, и когда вошелъ къ дочери царя и она его спросила, какъ спрашивала другихъ, онъ разсказалъ, что его постыднѣйшее дѣло то, что онъ отрѣзалъ голову своему брату, который попался въ капканъ въ царской сокровищницѣ, а его самое умное то, что онъ наполнилъ стражей и снялъ повѣшенное тѣло своего брата. Когда она услышала это, она хотѣла ухватиться за него, а воръ поставилъ въ темнотѣ руку мертваго; она схватила ее и держала крѣпко, думая, что держитъ его руку, а воръ выпустилъ руку и убѣжалъ въ дверь. И когда это было сообщено царю, онъ удивился хитрости и смѣлости этого человѣка. И наконецъ послалъ по всѣмъ городамъ и велѣлъ объявить, что воръ можетъ не имѣть опасенія, и общалъ ему большую награду, если онъ явится передъ его лицо. И воръ повѣрилъ и пришелъ къ нему, а Римпсннѣтъ чрезвычайно дивился и далъ ему ту свою дочь женою, какъ самому умному человѣку на свѣтѣ. Потому что египтяне, думая, онъ, превосходить всѣхъ другихъ, а этотъ превосходить и египтянъ.—Въ болѣе краткомъ видѣ то же самое разсказывается о сокровищницѣ орхоменскаго царя Гиріа въ легендѣ, сохраненной Павзаніемъ. Итакъ восточная сказка нашла, повидимому, доступъ въ греческую мифологию.

Царскія гробницы.

Лепсіусъ слѣдующимъ образомъ описываетъ *гробницы царей* въ Бибанъ-эль-Молюкъ (Вратахъ царей): «Кажется, что лѣвая вѣтвь главной долины прежде была заперта подъемомъ дна ея и что проходъ въ этомъ мѣстѣ сдѣланъ потомъ искусственно; въ ней находятся гробницы почти всѣхъ царей 19-ой и 20-ой династій. Отверстіе гробницы обыкновенно бываетъ на спускѣ скалы въ долину не высоко; это шаровая шахта, опускающаяся въ глубину подъ угломъ, не очень острымъ. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ верхній пласть надъ прорѣзомъ достигаетъ 12—15 футовъ толщины, въ стѣнахъ шахты обыкновенно вырублены косяки для затвора перваго входа; иногда была въ немъ одна дверь, иногда были створчатые двери; размѣръ дверей всегда большой. Обыкновенно тотчасъ же за входомъ ужъ начинаются раскрашенные скульптурныя изображенія, которые между зубчатыхъ скалъ и среди разсыпанныхъ тутъ угловатыхъ камней своимъ отчетливо вырѣзанными очертаніями и свѣжими, яркими красками фигуръ на выглаженныхъ, лоснящихся плоскостяхъ, производятъ на входящаго впечатлѣніе поразительнаго контраста. Длинные галереи величавой ширины и высоты ведутъ глубже и глубже въ скалу. Мѣстами, оставлены въ нихъ выступы косяковъ для дверей, такъ что галерея имѣла отдѣлы; эти косяки обозначаютъ отдѣлы и въ группировкѣ изображеній, идущихъ по стѣнамъ и потолку. Скульптурныя картины изображаютъ царя, поклоняющагося богамъ, обращающагося къ нимъ съ молитвами или съ оправданіями дѣлъ своей земной жизни; изображаютъ по одну сторону мирныя занятія оправданныхъ духовъ, по другую—наказанія злыхъ въ аду; на потолкѣ изображается горизонтально выпрямленная во весь ростъ фигура богини неба, изображаются часы дня и ночи съ ихъ вліяніями на людей и астрологическими значеніями; все это сопровождается объяснительными надписями. Галереи приводятъ наконецъ въ большой залъ съ потолкомъ изсѣченнымъ въ формѣ свода и опирающимся на ряды столбовъ; изваянія на его стѣнахъ идутъ обыкновенно по желтому фону золотистаго оттѣнка; потому онъ и назывался «золотымъ заломъ». Онъ предназначался для царскаго саркофага, имѣвшаго отъ 6 до 10 футовъ вышины и ставившагося посрединѣ. Но часто случалось, что царь, по сооруженіи себѣ гробницы въ ея первомъ, необходимѣйшемъ размѣрѣ, чувствовалъ свои силы еще крѣпкими, такъ что разсчитывалъ процарствовать много лѣтъ; въ такомъ случаѣ ходъ между средними рядами столбовъ зала былъ продолжаемъ галереєю съ болѣе крутымъ спус-

комъ; по сторонамъ новой галереи были тоже изсѣкаемы корридоры и комнаты; иногда галерея получала направленіе въ сторону отъ прежняго; работа шла, пока царь останавливался вторично, и въ заключеніе былъ сооружаемъ другой залъ со сводомъ на столбахъ, обыкновенно еще обширнѣе и великолѣпнѣе перваго. Если у царя еще оставалось время, то по сторонамъ новаго зала были изсѣкаемы комнаты меньшихъ размѣровъ для приношенія жертвъ за царя по его кончинѣ. Когда онъ умиралъ, то послѣ семидесятидневнаго бальзамированія тѣло его вляли въ саркофагъ, и, закрывъ саркофагъ, соединяли крышку его съ нимъ такъ искусно, что хищники, грабившіе впоследствии гробницы, никогда не могли снять крышки; нескать добычи въ саркофагъ они могли не иначе, какъ разбивъ его.

Таковы были Оивы, городъ, изумляющій путешественниковъ самыми развалинами своими. «Невозможно», говоритъ одинъ изъ нихъ, Бельдзони: «представить себѣ развертывающуюся здѣсь картину, не видѣвъ ея; самыя высокія идеи, какія можно составить по величественнѣйшимъ произведеніямъ нашей архитектуры, дали бы намъ лишь очень неточное понятіе объ этихъ развалинахъ: разница, не только по размѣру, но и по формѣ, пропорціямъ, по способу постройки такъ велика, что и кисть можетъ дать лишь слабое представленіе о характерѣ дѣла. Мнѣ казалось, будто я попалъ въ городъ великановъ, погибшихъ послѣ долгой борьбы и оставившихъ развалины своихъ храмовъ единственными свидѣтельствами о своемъ существованіи.»—«Неодѣтыя растительностью, подымаются эти безжизненные развалины надъ скалистымъ полемъ, на окраинѣ пустыни», говоритъ другой путешественникъ, Абекенъ: «лишь песокъ, служащій для многихъ изъ нихъ охранительнымъ покровомъ, обвѣваетъ или на половину заноситъ ихъ, то раскаляетъ ихъ солнце полудня, то наводитъ на нихъ прелестныя краски мягкій лучъ утренняго и вечерняго солнца. Почти вся мѣстность ихъ довольно далека отъ рѣки, такъ что разливы не доходятъ туда, тамъ начало безмолвія пустыни, тамъ прекращается жизнь».

Развалины
Оивъ.

В. ЕГИПЕТСКІЙ БЫТЪ.

1. Государство и жизнь.

Изъ греческихъ писателей мы знаемъ, что египтяне дѣлились на замкнутыя сословія. Но подробностей этого устройства мы не можемъ опредѣлить по разнорѣчивымъ греческимъ извѣстіямъ. Въ египетскихъ источникахъ нѣтъ матеріаловъ для точнаго рѣшенія вопроса, приняло ли въ Египтѣ раздѣленіе людей по сословіямъ и профессіямъ ту строгую форму, которая обозначается словомъ «касты». По нѣкоторымъ даннымъ можно заключать, что преграды между сословіями не дѣлали невозможнымъ переходъ изъ одного въ другое. Учители убѣждаютъ учениковъ заниматься прилежно, чтобы со временемъ сдѣлаться «большими князьями», а если они будутъ лѣниться, то станутъ поселянами. Дѣлая такія внушенія, учителя часто говорятъ: «Ученый господствуетъ надъ всѣми». Есть примѣры, что вельможа

Касты.

занималъ вмѣстѣ двѣ должности, жреческую и военную. Но согласны всѣ греческія извѣстія въ томъ, что жрецы и воины составляли высшія привилегированныя сословія; разнорѣчатъ они лишь относительно низшихъ сословій. Геродотъ говоритъ, что ихъ было пять: пастухи рогатаго скота, свинопасы, торговцы, переводчики и лодочники. По Діодору, ихъ было только три: земледѣльцы, ремесленники и пастухи; Страбонъ говоритъ обо всемъ промышленномъ и рабочемъ населеніи, какъ объ одномъ сословіи, простонародьѣ. Не подлежитъ сомнѣнію то, что жрецы и воины съ общимъ своимъ главою, царемъ, составляли господствующую часть націи, владѣвшую землями; а третье сословіе распадалось по разницѣмъ своихъ занятій на нѣсколько отдѣловъ, и земледѣльцы, ремесленники, торговцы были выше пастуховъ, составлявшихъ самый презираемый классъ народа. Слова Геродота, что свинопасы берутъ женъ только изъ своего сословія, и что никто изъ другихъ египтянъ не отдастъ свою дочь за свинопаса, могутъ считаться показывающими, что въ остальной массѣ простонародья браки между людьми разныхъ сословій были дозволены и часты. Но очень можетъ быть, что два высшія сословія строго охраняли свою сословную честь и въ этомъ отношеніи, что они очень дорожили чистотою крови. Это совершенно соответствуетъ естественному ходу общественнаго развитія у всѣхъ народовъ, такъ что мы должны полагать, что и у египтянъ существовало раздѣленіе по сословіямъ и профессіямъ, близкое къ замкнутости кастъ, хотя у нихъ не было законовъ, устанавливавшихъ, какъ это было у индійцевъ, непреодолимые преграды между сословіями, и вѣроятно не были запрещены браки между людьми разныхъ сословій. На слѣдующихъ страницахъ мы сдѣлаемъ краткій очеркъ происхожденія и существеннаго характера кастоваго устройства у древнихъ восточныхъ народовъ, оставляя нерѣшеннымъ, насколько осуществлялось оно въ долгой общественной жизни Египта, или, если оно было у нихъ, то прочно-ли и долго-ли сохранялось. Теперь вообще полагаютъ, что кастоваго устройства въ Египтѣ не было, и въ частности по вопросу о сословіи жрецовъ находятъ, что существованіе жреческой касты, какъ привилегированной выразительницы воли боговъ, какъ посредницы, черезъ которую люди получаютъ милость боговъ, было бы несовмѣстно съ тою строгою теократическою властью, какую имѣлъ египетскій царь. Но привилегированное положеніе духовенства очень могло существовать и при этой власти. Обрядовымъ законамъ духовенства были подчинены и цари.

Происхожденіе
и развитіе
касть.

Во „Введеніи“ мы говорили, что кастовое устройство—форма перехода отъ некультурнаго быта къ культурной жизни, и что вообще оно бываетъ результатомъ покоренія туземнаго населенія пришельцами. Очень возможно, что было это и въ Египтѣ, что въ доисторическое время народъ, при-

шедшій изъ Азіи, овладѣлъ этою страной, покоривъ туземныя эѳіопскія племена. Есть много данныхъ, свидѣтельствующихъ о томъ, что въ Египтѣ поселился народъ, пришедшій изъ Азіи. Въ преданіи о Хамѣ, сынѣ Ноя, быть можетъ, находится воспоминаніе о такомъ переселеніи. Но если какой нибудь народъ имѣлъ отъ природы расположеніе выработать себѣ и безъ внѣшняго факта завоеванія кастовое устройство, то имѣлъ именно египетскій народъ. Правильный, ненарушимый порядокъ явленій природы въ Египтѣ отразился въ бытѣ народа, наложилъ печать твердаго порядка на жизнь египтянъ, соблюдавшихъ во всѣхъ своихъ мысляхъ и поступкахъ однообразную вѣрность типу, слѣдовавшихъ во всѣхъ своихъ предпріятіяхъ инстинктивному влеченію. У такого народа естественно было образоваться обычаю, чтобы сынъ оставался при отцовскомъ занятіи; уваженіе къ привычкѣ, къ преданію, консервативный духъ народа скоро обратили обычаи въ законъ; по расчету своей выгоды, привилегированныя сословія укрѣпляли законъ тѣмъ, что избѣгали нарушеній его и строго наказывали нарушавшихъ. Съ развитіемъ цивилизаціи увеличивалось разнообразіе занятій, и въ каждомъ занятіи становилось надобно имѣть хорошую подготовку къ нему; это вело къ раздѣленію труда.—Жрецы, занимавшіеся по своей профессіи не одними только религіозными дѣлами, жертвоприношеніями и обрядами очищенія, богослуженіемъ и торжествами въ честь боговъ, но и науками, владѣвшіе знаніемъ священныхъ гіероглифовъ, руководившіе священными искусствами, словомъ сказать, бывшіе хранителями всѣхъ умственныхъ сокровищъ, должны были для исполненія обязанностей своего сословія имѣть много свѣдѣній, трудное приобрѣтеніе которыхъ поглощало все ихъ время; и естественно было имъ стремиться къ тому, чтобы добытыя ими преимущества оставались за ихъ сыновьями. Египетскій народъ, такой богобоязненный и усердный къ религіи, по всей вѣроятности охотно оказывалъ уваженіе и послушаніе сословію, которое помогало ему получать милость боговъ и вѣчное блаженство въ будущей жизни, охотно предоставлялъ духовенству его почетъ и его имущественныя выгоды. Ученые, о которыхъ такъ часто упоминается въ египетскихъ текстахъ, безъ сомнѣнія принадлежали къ жреческому сословію.—Воины, жертвовавшіе жизнью за безопасность отечества, славу царя, честь націи, готовившіеся къ своему дѣлу упражненіями, проводившіе жизнь въ опасностяхъ и лишеніяхъ, заслуживали занимать въ дни мира и спокойствія положеніе, обезпечивающее ихъ отъ нужды. Земледѣлецъ и пастухъ, торговецъ и ремесленникъ вѣроятно не считали несправедливымъ, что и воины, подобно жрецамъ, пользуются почетомъ и полученными отъ царя въ вознагражденіе за свою службу наслѣдственными участками: службѣ воиновъ они сами были обязаны безопасностью жизни и сохраненіемъ приобрѣтеннаго имущества. Почетность военнаго званія была нравственнымъ богатствомъ сословія воиновъ, потому должна была оставаться наслѣдственною собственностью сыновей воина. А признанная и установленная наслѣдственность военнаго званія легко вела къ развитію замкнутой сословной обособленности, порождаемой военными упражненіями и суровостью привычекъ военной жизни; изъ этого естественно возникало у воиновъ гордое мнѣніе, что они по своимъ наслѣдственнымъ качествамъ выше народа, что мужество находится только въ ихъ сословіи, и должно быть поддерживаемо въ немъ сохраненіемъ чистоты крови.—Подобно этому, хотя въ меньшемъ размѣрѣ, должна была съ теченіемъ времени и развитіемъ образованности возрастать и сословная обособленность ремесленниковъ отъ поселянъ. Влеченіе къ наслѣдственной передачѣ типическаго занятія было безъ сомнѣнія очень сильно. Примѣръ высшихъ сосло-

Жрецы.

Воины.

Ремесленники и
земледѣльцы.

вій діяв на низшія. Духъ касты и цеха такъ прочно коренится въ челоуѣческомъ эгоизмѣ, что при благоприятныхъ условіяхъ долженъ былъ воздвигнуть наслѣдственные преграды, охранявшія болѣе почетную профессію отъ примѣси людей изъ менѣе почетныхъ сословій. Такимъ образомъ, могло постепенно выработаться у египетскаго народа устройство, дѣлившее его на множество корпорацій по разницѣмъ происхожденія и занятій, такъ что многія профессіи стали наслѣдственными. Наслѣдственность профессій дѣлила на разныя корпораціи не только простолюдиновъ: въ сословіи жрецовъ тоже были наслѣдственными многія должности, въ особенности такія, которыя давали большой почетъ, какъ напримѣръ санъ верховнаго жреца, и тѣ, которыя требовали специальныхъ знаній: въ одной изъ гробницъ найдена родословная главнаго архитектора, показывающая, что эту высокую должность въ продолженіе 23 поколѣній непрерывно занимали его предки, иногда имѣвшіе вмѣстѣ съ тѣмъ и другія важныя жреческія должности. Потому, надобно полагать, что египетская нація дѣлилась на три наслѣдственные касты, подобныя духовенству, дворянству и третьему сословію христіанскихъ народовъ въ средніе вѣка; но что при этомъ жреческое сословіе, а еще болѣе сословіе поселянъ и городскихъ промышленниковъ подраздѣлялись по профессіямъ на разныя корпораціи, между которыми законъ не устанавливалъ наслѣдственныхъ преградъ, но которыя все таки были замкнутыми по вліянію обычая.—Книга Бытія говоритъ, что египтяне „гнушались“ пастухами; мы имѣемъ также извѣстія, что пастухи въ Египтѣ могли брать женъ только изъ своего сословія, и не могли входить въ храмы, хотъ были тоже египтяне; подъ словомъ „пастухи“ мы должны тутъ, безъ сомнѣнія, понимать кочевавшія въ низменныхъ мѣстностяхъ Дельты пастушескія племена; безпорядочное бродяжничество ихъ должно было производить отталкивающее впечатлѣніе на осѣдлое, консервативное населеніе Нильской долины.

Пастухи.

Власть царя.

Но какъ ни велики были различія между египтянами по сословіямъ и профессіямъ, какъ ни рѣзко отличался, ужъ и по внѣшнему виду, жрецъ въ своемъ длинномъ, широкомъ одѣянніи отъ ремесленника, въ его легкой одеждѣ и отъ полунагаго поселянина или наемнаго работника, всѣ они были равны передъ царскою властью: всѣ были безправные рабы, зависѣвшіе отъ милости владыки. Мы видѣли, что по египетскимъ понятіямъ цари были непосредственные преемники царствовавшихъ надъ Египтомъ боговъ, что боги, удаляясь съ земли въ блаженныя области свѣтлаго неба, передали царямъ ту власть, какую имѣли на землѣ сами. По этимъ понятіямъ, цари были намѣстники боговъ; и чтобъ они могли достойнымъ образомъ исполнять свое высокое призваніе, боги передали имъ и свои качества; собственно говоря, боги жили въ царяхъ и правили черезъ нихъ землею. Безчисленныя изображенія и надписи доказываютъ, что обожаніе царя, не то что лишь по смерти его, но и при его жизни, было твердымъ догматомъ вѣры египтянъ. На памятникахъ фараоны не только сыновья Аммона, бога солнца, они сами «солнце, данное вселенной», они «жизнеподатели», въ которыхъ соединены всѣ качества божества: могущество, святость, справедливость, мудрость. Царь воплощеніе высшаго изъ боговъ, «могущественный Горусъ», излива-

ющій на счастливую египетскую землю благодать своихъ щедротъ. Оиванскіе цари еще при жизни посвящали себѣ храмы. Въ темномъ глубочайшемъ святилищѣ Абу-симбельскаго храма богъ Рамсесъ возсѣдаетъ среди обнимающихъ его боговъ Ра, Аммона и Пта, а на стѣнахъ онъ изображенъ приносящимъ жертвы самому себѣ. Амен-фисъ III тоже соорудилъ храмъ своему «божественному образу» (въ Солебѣ, въ Нубіи). Въ Луксорскомъ и въ другихъ храмахъ есть цѣлыя ряды изображеній, показывающихъ, какъ боги заботятся о царѣ съ самаго рожденія его, воспитываютъ его, приводятъ его къ богу неба, Аммону-Ра. Этимъ понятіямъ соответствовало глубокое благоговѣніе, съ какимъ чтить царя народъ. «Египтяне оказываютъ своимъ царямъ такія почести и такое поклоненіе, какъ будто они дѣйствительно боги, думая, что кто имѣетъ силу дѣлать столько добра, какъ цари, тотъ долженъ быть соучастникомъ божественной природы», говоритъ греческій историкъ.

Намѣстникъ божества, царь—владѣтель страны и всего въ странѣ. Онъ собственникъ всей земли въ государствѣ, и отдавая участки ея другимъ, онъ дѣлаетъ это по своей благосклонности къ нимъ. Діодоръ говоритъ (I, 73), что земля въ Египтѣ была раздѣлена на три части: одну царь оставилъ за собою, другую отдалъ жрецамъ, третью воинамъ, такъ что земледѣльцы были лишь арендаторы земель царя и высшихъ сословій. У Геродота, напротивъ того, говорится, что Сезострисъ раздѣлилъ всю землю на участки землемѣрческимъ порядкомъ, и далъ каждому египтянину четырехугольный участокъ, съ опредѣленіемъ ежегодной платы съ него; это извѣстіе сходится съ разсказомъ книги Бытія, что Іосифъ обложилъ землю египтянъ взносомъ пятой части произведеній въ царскую казну; разница лишь та, что въ книгѣ Бытія положительно замѣчено, что земли жрецовъ были изъяты отъ этой подати. Итакъ, мы видимъ, что египетскій царь былъ собственникомъ всей земли, что онъ отдалъ часть ея въ свободное отъ податей владѣніе духовенству и военному сословію, остальную землю отдалъ въ наслѣдственную аренду земледѣльцамъ, платившимъ за то извѣстную долю произведеній, но не пересталъ черезъ это быть владѣльцемъ и верховнымъ хозяиномъ всей земли въ государствѣ. Поземельная собственность принадлежала въ Египтѣ исключительно царю.

Земля — собствен-
ность
царя.

На содержаніе многочисленнаго духовенства и на покрытіе расходовъ богослуженія была выдѣлена часть земли и сдана арендаторамъ, воздѣлывавшимъ ее и отдававшимъ извѣстную часть ея произведеній храмамъ. Жрецовъ и служителей при храмахъ было очень много, и духовенство занимало высокое положеніе въ государствѣ; потому очень можетъ быть, что эта часть земли дѣйствительно составляла цѣлую треть всего количества удобной земли въ Египтѣ. Извѣстно, что въ Шотландіи въ средніе вѣка духовенству принадлежала цѣлая треть всей земли. Но изъ еврей-

скаго преданія мы видимъ, что цари считались собственниками и этой части земли, отданной во владѣніе духовенству; въ книгѣ Бытія (47, 22) говорится: „Ижецамъ отъ фараона положенъ былъ участокъ, и они пѣтались своимъ участкомъ, который далъ имъ фараонъ“. Но подать съ этой земли поступала не въ царскую казну, а въ руки духовенства и въ храмы. При набожности царей и народа эти помѣстья могли въ послѣдствіи времени сдѣлаться полною собственностью святилищъ и ихъ жрецовъ. Количество участковъ, отданныхъ воинамъ, едва ли могло составлять цѣлую треть всей земли. Геродотъ положительно говоритъ, что каждый воинъ имѣлъ во владѣніи 12 отборныхъ обжъ свободной отъ податей земли, а обжа — это былъ квадратъ, стороны котораго имѣли по 100 локтей, и лишь во время похода воинъ получалъ особое содержаніе. Такой размѣръ полей былъ едва достаточенъ на прокормленіе семейства; потому воины вѣроятно не отдавали своихъ участковъ въ аренду, а воздѣлывали ихъ сами. Оттого военное сословіе и не достигло въ Египтѣ такого преобладанія, какъ военное дворянство въ другихъ странахъ; оно имѣло меньше значенія, чѣмъ духовенство, и вообще говоря его положеніе въ государствѣ было подобно положенію нынѣшнихъ регулярныхъ войскъ. Впослѣдствіи горожане повидимому стали полными собственниками тѣхъ земель, какими кто изъ нихъ владѣлъ въ городскомъ округѣ.

Отношенія царя къ духовенству. Египетскій царь, намѣстникъ божества, естественнымъ образомъ былъ господиномъ и надъ церковью; будучи главою государства, законодателемъ въ житейскихъ дѣлахъ, собственникомъ земли, онъ былъ и верховнымъ властелиномъ духовенства, верховнымъ правителемъ религіозныхъ дѣлъ; но въ нихъ онъ не имѣлъ права поступать по личному мнѣнію, а былъ обязанъ слѣдовать обычнымъ законамъ, происходившимъ, по вѣрованію египтянъ, отъ боговъ и потому бывшимъ священными. Такимъ образомъ фараоны, хотя и принадлежали по происхожденію къ военному сословію, были вмѣстѣ съ тѣмъ духовными лицами. Глава жреческой корпораціи, царь имѣлъ право совершать жреческія богослужебныя дѣйствія; могъ безъ посредничества жрецовъ входить въ общеніе съ богами; каждое утро совершалъ торжественное жертвоприношеніе и былъ представителемъ народа предъ божествомъ. Строителями храмовъ были цари; они приносили жертвы и молитвословія въ храмахъ, и, какъ видимъ на памятникахъ, признательные за то боги обѣщали награждать ихъ долголѣтіемъ, славою и всѣми земными благами. Діодоръ говоритъ, что прислугою царя были не рабы, а сыновья самыхъ знатныхъ и ученыхъ жреческихъ семействъ, а пѣвцы и пророки ставятъ въ своихъ надгробныхъ надписяхъ славою себѣ то, что служили царямъ.

Но если не было въ Египтѣ собственно того, чтобы духовенство владычествовало надъ государствомъ, то все-таки оно имѣло очень большую власть даже и надъ самимъ царемъ. Преобладаніе религіознаго направленія души во всей націи принуждало и фараоновъ, отчасти по внушенію совѣсти, отчасти въ угожденіе народному чувству, уважать служителей вѣры, совершителей священнодѣйствій.

Хранители древнихъ законовъ и обычаевъ, охватывавшихъ всю общественную и домашнюю жизнь царя, всѣ его дѣла, служители вѣры были очень строгими блюстителями правилъ, которымъ обязанъ былъ подчиняться царь. «Всѣ часы дня и ночи распределены въ жизни царя; когда именно и что именно онъ долженъ дѣлать, установлено закономъ, а не предоставлено на его волю», говоритъ Діодоръ. Въ замѣткахъ, излагающихъ подробности, мы приведемъ извѣстія о томъ, съ какою точностію были опредѣлены этими правилами не только правительственныя дѣйствія царя, но и всѣ его домашнія дѣла, даже то, какія кушанья долженъ ѣсть онъ; изъ жизни царя была изгнана всякая тѣнь свободы и самостоятельности, царь жилъ подъ ярмомъ тяжелой неволи. И если можно полагать, что цари энергическаго характера ломали всѣ эти преграды и вели свободную жизнь, что другіе цари по увлеченію страстями или по деспотическому капризу больше слушались внушеній своего произвола, чѣмъ древнихъ правилъ, то и въ исторіи другихъ странъ мы видимъ, что деспотизмъ вообще расположенъ налагать на себя желѣзное иго формалистики, церемоніала, этикета, когда находитъ это полезнымъ для возбужденія и укрѣпленія послушности и смиренія въ подданныхъ или для вышенія величія владыки. Въ Египтѣ развитію раболопнаго соблюденія обычаевъ и формальностей могло содѣйствовать астрологическое вѣрованіе, приписывавшее звѣздамъ извѣстныя вліянія въ извѣстныя дни и часы, могла содѣйствовать склонность національнаго характера крѣпко держаться обычая и преданій.

Придворный этикетъ.

Само собою разумѣется, что при господствѣ пышной формалистики торжество вступленія на престолъ и траурный церемоніаль по кончинѣ царя имѣли чрезвычайно большую важность. И о томъ и другомъ торжественномъ обрядѣ мы имѣемъ довольно подробныя свѣдѣнія; относительно коронованія доставляютъ ихъ намъ изданныя и объясненныя Вилькинсономъ изображенія, сохранившіяся въ надгробномъ храмѣ Рамсеса III въ западной части Фивъ; на нихъ представлены торжества, которыми сопровождалось принятіе «пшента», соединенной короны царствъ Верхняго и Нижняго Египта новымъ монархомъ; а траурныя церемоніи при кончинѣ царя описываетъ Діодоръ. Мы приведемъ эти свѣдѣнія въ дополненіяхъ.

Коронованіе и церемоніаль похоронъ.

Для проявленія царскаго великолѣпія надобенъ былъ многочисленный и блестящій придворный штатъ, нужны были богато украшенные дворцы, наполненные драгоценными комнатными принадлежностями. Изображенія показываютъ, что фараоны были очень богаты всѣмъ этимъ. Въ фиванскихъ храмахъ царь въ мирное время всегда изображенъ окруженный принцами, придворными сановниками, военачальниками, жрецами, секретарями; на войнѣ всегда сопровождаютъ его начальники тѣлохранителей и стрѣлковъ, колесничіе и копьеносцы; всегда стоятъ подлѣ него служители съ зонтикомъ и

Пышность двора и придворные сановники.

навѣвающимъ прохладу опахаломъ; дворцами завѣдывали особенные сановники съ многочисленною прислугою; были сановники, завѣдующіе царскими стадами, царскими кладовыми; изъ исторіи Іосифа мы знаемъ, что были кравчіе и придворные хлѣбопеки; есть много изображеній, показывающихъ, что царскій столъ былъ роскошенъ, комнаты дворца были убраны великолѣпно: посуда, престолъ съ мягкимъ сидѣньемъ, царская лодка, даже сбруя на царскихъ лошадяхъ, все блистало золотомъ, повсюду богатство и роскошь были соединены съ изящнымъ вкусомъ и прекрасною техникой.

Положеніе и
занятіе жре-
цовъ.

Наибольшее послѣ царя значеніе въ государствѣ имѣло жрецеское сословіе, раздѣлявшееся на много классовъ и корпорацій по степенямъ іерархіи и по различію занятій. Въ каждой области былъ главный храмъ, при которомъ находилась жрецеская корпорація, подъ управленіемъ верховнаго жреца вырабатывавшая и охранявшая формы вѣрованій и богослуженія, жертвенные обычаи, религіозныя сказанія, и учившая имъ народъ; она дѣлилась на разные классы по іерархическимъ степенямъ и по различію обязанностей, вѣроятно часто бывавшихъ наследственными. Отъ одного изъ христіанскихъ писателей, Климента Александрійскаго, мы узнаемъ, что въ жрецескомъ сословіи были, кромѣ разныхъ другихъ, слѣдующія корпораціи: пророки, дававшіе предсказанія при жертвоприношеніяхъ и вопрошеніяхъ боговъ; писцы при храмахъ, знатоки гіероглифическаго письма, архитекторы храмовыхъ сооружений, землемѣры; звѣздочеты (гороскописты), наблюдавшіе звѣзды и завѣдывавшіе установленіемъ календаря; хранители облаченій (столисты) и ковчегоносцы при религіозныхъ празднествахъ и процессіяхъ, священные пѣвцы, пѣвшіе при богослуженіи. Надзиратели за священными животными, люди, занимавшіеся бальзамированіемъ, служители храмовъ, занимавшіеся сохраненіемъ чистоты въ святилищахъ, и многіе другіе разряды священнослужителей тоже принадлежали къ духовному сословію; и вѣроятно въ большей части случаевъ передавали свои должности по наследству. При многихъ храмахъ находились люди, отданные во власть божества храма, и носившіе на своемъ тѣлѣ священный знакъ своей принадлежности ему, рабы храмовъ, съ выжженнымъ на тѣлѣ клеймомъ.—Но дѣятельность жрецовъ не ограничивалась вѣроученіемъ и богослуженіемъ, она обнимала всѣ науки и искусства, всю умственную сторону національной жизни. Жрецы занимались астрономіею и медициною, литературою и священными искусствами; судьи и высшіе чиновники, правители областей (номовъ), на которыя дѣлился Египетъ и которыхъ было 42, и помощники этихъ правителей, юристы, и писцы правосудія, обыкновенно были назначаемы изъ людей духовнаго сословія. «Судьи выбирались изъ Геліополя, Фивъ и Мемфиса, по десяти чело-

вѣкъ изъ каждого города», говоритъ Діодоръ (I, 75); и собравшись всѣ тридцать вмѣстѣ, они выбирали изъ своей среды верховнаго судью. Онъ носилъ на шеѣ золотую цѣпь, на которой висѣло изображеніе, сдѣланное изъ драгоценныхъ камней и называвшееся истиною. То, что было нужно на содержаніе судьямъ, царь давалъ имъ изобильно; верховный судья получалъ жалованье больше другихъ». По извѣстію Діодора, изъ котораго мы приводимъ въ дополненіяхъ еще нѣсколько подробностей, процессы велись письменно, по формамъ очень точнымъ и длиннымъ. Но кажется, что не во всѣхъ случаяхъ было такъ: въ дошедшихъ до насъ актахъ процессовъ, форма судопроизводства сплошь изустная. Вліянію духовенства надобно приписывать то, что законы и судебныя рѣшенія, примѣры которыхъ приведены у Діодора, имѣютъ мягкій характеръ, и что всѣ сословія были равноправны передъ закономъ и судомъ. Клятвопреступленіе, убійство—хотя-бы и раба—и неоказаніе помощи противъ насилія, при возможности оказать ее, наказывались смертю; дезертирство и нарушеніе военной дисциплины—лишеніемъ чести. Общимъ правиломъ было, что виновный лишается той именно части тѣла, которою совершено преступленіе. Законы о долговыхъ обязательствахъ воспрещали кредитору насчитывать просроченные проценты болѣе чѣмъ до требованія уплаты суммы, въ два раза превышающей данную въ заемъ, и не отдавали неисправнаго должника въ рабство кредитору, потому что каждый египтянинъ считался рабомъ самого царя. Неимовѣрнымъ кажется извѣстіе Діодора, что существовала юридически признанная корпорація воровъ, терпимая и контролируемая закономъ, имѣвшая начальника; но говорятъ, что подобная признанная закономъ организація существовала до недавняго времени въ Каирѣ; если такъ, это свидѣтельствовало-бы о возможности того же и въ древнія времена. Желаніе, чтобы населеніе страны увеличивалось, было причиною того, что законъ допускалъ многоженство,—впрочемъ, въ ограниченномъ размѣрѣ, — дѣтей всѣхъ женъ, даже и купленныхъ рабынь, признавали законорожденными и равноправными.

Могущество сословія жрецовъ основывалось главнымъ образомъ на уваженіи народа къ нимъ, на вѣрованіи въ святость ихъ званія; для поддержанія этого мнѣнія о нихъ они должны были подчинить себя многимъ лишеніямъ, отказаться отъ многихъ наслажденій. Весь египетскій народъ былъ, по выраженію Геродота, «чрезмѣрно богобоязненъ», и соблюдалъ много обычаевъ строгой нравственности; по любви къ чистотѣ, египтяне носили одно льняное, только что вымытое бѣлье; пили только изъ металлическихъ стакановъ, которые мыли каждый день на чисто; не ѣли за однимъ столомъ съ иноземцами, и не входили въ близкую дружбу съ ними; обрѣзывали мальчиковъ и «предпочитали опрятность благопристойности» (Геродотъ,

Судоустрой-
ство.

Законы жре-
ческой чистоты.

II, 37); правила чистоты и формалистики у жрецовъ были еще болѣе строги. Каждый три дня они должны были брить волосы на всемъ тѣлѣ, въ особенности бороду и брови, должны были купаться или брать ванну каждые сутки четыре раза: два раза днемъ и два раза ночью; должны были носить всю одежду только льняную и обувь только библосскую; жрецъ долженъ былъ имѣть только одну жену, между тѣмъ какъ другимъ египтянамъ законъ дозволялъ многоженство; египтяне всѣ вообще не ѣли бобовъ, считая ихъ нечистыми; но жреца оскверняло и то, если онъ только увидитъ бобъ. «За то имѣютъ они и большія выгоды», говоритъ Геродотъ: «Изъ своего имущества они ничего не сѣдаютъ и ничего не расходуютъ: имъ пекутъ ихъ священный хлѣбъ, и каждый изъ нихъ всякій день получаетъ очень много говядины и гусятины; даютъ имъ также вино. Но ѣсть рыбу запрещено имъ». Полученіе предметовъ надобности было единственною формою жалованья въ Египтѣ. До насъ дошло много квитанцій въ полученіи того, что слѣдовало получить, и много требованій объ уплатѣ не полученнаго; эти документы показываютъ, что всѣ, въ томъ числѣ и работники при постройкахъ, и ремесленники получали плату хлѣбомъ, гусями, одеждою и т. п.

Военное сосло-
віе и военное
искусство.

Менѣе вліятельно было военное сословіе. Во время Геродота число воиновъ было 410,000; они дѣлились на два разряда: каласирійцы и гермотибійцы (эти названія были даны имъ, вѣроятно, по ихъ одеждѣ); они жили по тѣмъ областямъ, гдѣ лежали ихъ освобожденные отъ податей земли. Имъ запрещены были всякія ремесла, и они должны были часто заниматься военными упражненіями. Изъ каждого разряда тысяча человѣкъ, смѣнявшихся по годичнымъ срокамъ, были тѣлохранителями царя. — По изображеніямъ на памятникахъ мы видимъ, что военное искусство въ Египтѣ достигло высокаго развитія: тяжелая пѣхота, подъ разными знаменами, идетъ плотными рядами, въ строѣ, подобномъ фалангѣ; ея вооруженіе: шлемъ, плотно прилегающій къ головѣ; большой щитъ; у нѣкоторыхъ отрядовъ, мечъ и копье, у другихъ боевыя сѣкиры и булавы; кинжалы и разное другое оружіе; впереди идутъ трубачи. Изображены стрѣлки, по данному знаку въ началѣ битвы пускающіе свои острые и тяжелыя стрѣлы, которыхъ еще много въ колчанѣ, висящемъ на лѣвомъ боку. На легкой, красивой военной колесницѣ ѣдетъ царь или военачальникъ, пускающій стрѣлы; колесничій стоитъ подлѣ него, съ длинными возжами, направляя бѣгъ лошадей; богатая одежда показываетъ, что только князья и знатные люди бились на военныхъ колесницахъ. На другой сторонѣ штурмъ крѣпости; воины взбираются по лѣстницамъ на стѣну; изъ-за зубцовъ стѣны непріатели пускаютъ на нихъ стрѣлы, бросаютъ камни; другіе воины подъ штурмовою прикрышею пробиваютъ ударами тяжелыхъ орудій проломъ

въ нижней части стѣны; третьи наводятъ мостъ черезъ ровъ крѣпости, четвертые роютъ подземный ходъ въ нее. — Конницы повидимому не было у египтянъ.

Жизнь и дѣла царей—главный предметъ изображеній на памятникахъ; послѣ царей, больше всего изображаются богослужебныя сцены и жрецы, военныя сцены и воины; но есть изображенія, проливающія яркій свѣтъ и на жизнь низшихъ сословій, земледѣльцевъ и пастуховъ, ремесленниковъ и торговцевъ, такъ что мы отчетливо видимъ частный и общественный бытъ египтянъ до мельчайшихъ подробностей. Эти изображенія даютъ намъ обо многомъ въ египетской жизни, о нравахъ и обычаяхъ, орудіяхъ работы и занятіяхъ, учрежденіяхъ и общественныхъ отношеніяхъ болѣе ясныя представленія, чѣмъ какія мы имѣемъ о многихъ другихъ народахъ по письменнымъ рассказамъ. Но они лишь блѣдное отраженіе жизни; эти изваянія и рисунки относятся къ дѣйствительности, какъ мумія къ живому виду человѣка, въ нихъ нѣтъ души; это однообразныя силуэты, производящія впечатлѣніе безжизненности; это мертвый міръ, и мы чувствуемъ себя безсильными перенестись въ него мыслью, какъ переносимся въ жизнь народовъ, читая рассказы о нихъ; чувства египетскаго народа угасли для насъ вполне; мы видимъ лишь формы его быта, не видя въ нихъ жизни, и наша грудь не согрѣвается сочувствіемъ. Но свѣдѣнія наши о матеріальной сторонѣ египетскаго быта богаты; этотъ міръ гробницъ подобенъ потонувшей странѣ, въ которой жизнь умерла, но вещи уцѣлѣли во всемъ своемъ разнообразіи.

Частная жизнь
по памятни-
камъ.

Разсматривая сельскую жизнь, мы видимъ, что египтяне, при всемъ своемъ презрѣніи къ пастушескимъ племенамъ съ ихъ неопрятностью и бродяжничествомъ, очень заботливо занимались скотоводствомъ. Они держали большія стада рогатаго скота, ословъ, овецъ и козъ, большіе табуны лошадей, держали очень много куръ, гусей, другой домашней птицы, держали даже свиней, хотя считали ихъ нечистыми; вельможи древняго царства любили изображать свои стада въ гробницахъ, которыя готовили для себя; это показываетъ намъ, что они гордились огромными размѣрами своего скотоводства. Египтяне были искусны въ охотѣ на дикихъ животныхъ, въ рыболовствѣ и птицеводствѣ; высшія сословія очень любили охоту, какъ видимъ по изображеніямъ ея. Цари и воины усердно занимались ею. Они били стрѣлами зайцевъ, лисицъ, гѣнъ, страусовъ, газелей и другихъ животныхъ полей и пустыни, ловили ихъ петлями и сѣтями, гонялись за ними съ арканомъ. Охотниковъ сопровождали быстрые собаки, иногда и укрошенные львы. Гиппопотамовъ убивали съ лодокъ, копьями.

Сельская
жизнь. Ското-
водство.

Египтяне очень заботливо занимались земледѣліемъ, которое въ ихъ благословенной странѣ требуетъ меньше труда, чѣмъ въ другихъ

Земледѣліе.

земляхъ. «Нигдѣ люди не собираютъ плодовъ земли такъ легко, какъ въ Египтѣ», говоритъ Геродотъ: «Жители его не проводятъ съ тяжкимъ трудомъ борозды плугомъ, не копаютъ поля заступами; когда рѣка напоитъ ихъ поля, каждый засѣваетъ свой участокъ, выгоняетъ на него стада, чтобъ они втоптали сѣмена въ землю и потомъ спокойно ждетъ жатвы». Изображенія въ гробницахъ очень наглядно показываютъ весь ходъ земледѣльской работы, отъ легкой распашки земли передъ посѣвомъ до жатвы и складыванія хлѣба въ амбары. Молотобу производили волами, какъ изображено это въ Эль-Кабскомъ храмѣ (выше Фивъ по Нилу); погонщикъ пѣлъ при этомъ пѣсенку, сообщаемую намъ гіероглифическою надписью: «Молотите, молотите, воли! Молотить вамъ надобно для хозяина, надобно и для васъ самихъ!» На памятникахъ мы видимъ и то, какъ выжимали сокъ изъ винограда, какъ выжимали масло, какъ разливали вино и масло въ сосуды, въ которыхъ сохраняли ихъ. Огородничество, садоводство и разведеніе рощъ были любимыми занятіями египетскихъ поселанъ.

Но всѣ изображенія земледѣлія, скотоводства и ремесленныхъ занятій на египетскихъ памятникахъ относятся только къ вельможескимъ помѣстьямъ; работающіе на нихъ—крѣпостные люди. Въ египетской литературѣ бытъ поселанъ описывается очень бѣдственнымъ: ихъ жатвы поѣдаютъ саранча и птицы; они не въ силахъ сполна уплачивать подати; солдаты, собирающіе подать, бьютъ ихъ, отбираютъ у нихъ скотъ и т. д.

Ремесла и промышленность. Полнѣе всего знакомятъ насъ изображенія и находимыя въ гробницахъ вещи съ промышленностью египтянъ. Мы видимъ, что этотъ трудолюбивый и искусный въ работѣ народъ съ самыхъ древнихъ временъ не только зналъ всѣ тѣ ремесла, которыя служатъ надобностямъ обыденной жизни, но ужъ и пріобрѣлъ большую ловкость въ выдѣлкѣ такихъ произведеній искусствъ и промышленности, которыя свидѣлствуютъ о высоко развитомъ чувствѣ прекраснаго, о богато украшенной общественной жизни. Искусство египтянъ обтесывать и перевозить камни мы ужъ достаточно видѣли при описаніи ихъ сооружений и другихъ памятниковъ; правда, они дѣйствовали тутъ не столько механическими снарядами и машинами, сколько употребленіемъ несмѣтнаго множества работниковъ; но колоссальныя статуи, полированные колонны и обелиски изъ одного цѣльнаго камня, эти громадныя изваянія, сдѣланныя изъ самыхъ твердыхъ каменныхъ породъ, и во многихъ случаяхъ перевезенныя на очень далекія разстоянія, показываютъ, какою необыкновенно искусною и точною техникою обладали египетскіе каменотесы, архитекторы и ваятели; удивительная прочность и свѣжесть красокъ на рисункахъ памятниковъ заставляетъ полагать, что египтяне имѣли довольно большія свѣдѣнія въ химіи. Художественная дѣятельность, создавшая египетскія сооружения съ ихъ изваяніями и рисунками, требовала пра-

вильной профессиональной подготовки мастеровъ; и мы видимъ изображенія мастерскихъ, въ которыхъ работаютъ художники: тутъ стоятъ модели; начатыя работы; мы видимъ перевозку готоваго колосса: его везутъ на каткахъ; надзиратель хлопаетъ въ ладони, чтобъ работа шла въ тактъ; солдаты и полицейскіе заботятся о соблюденіи порядка. Не менѣе искусны, чѣмъ въ каменной работѣ, были египтяне въ обработкѣ дерева, кожи, желѣза, благородныхъ металловъ и проч.; на памятникахъ мы видимъ всяческихъ ремесленниковъ и мастеровыхъ: плотниковъ съ топоромъ и пилою, столяровъ, телѣжниковъ, горшечниковъ, сапожниковъ, кожевниковъ, кузнецовъ, ювелировъ и проч. Мѣдные рудники на Синайскомъ полуостровѣ, разработывавшіеся еще при фараонахъ древняго царства, доставляли металлъ превосходнаго качества. Очень искусны были египетскіе прядильщики и ткачи, особенно въ изготовленіи тонкихъ хлопчатобумажныхъ и льняныхъ тканей; египетскія биссовые (или виссоновые) одежды, тонкость и прочность которыхъ видимъ и мы на муміяхъ, славились во всемъ древнемъ мірѣ. Изображенія знакомятъ насъ также съ устройствомъ ткацкихъ станковъ. Красить ткани и набивать рисунки на нихъ египтяне выучились, кажется, раньше финикійцевъ и умѣли лучше ихъ. То-же самое надобно думать и объ искусствѣ дѣлать стекло. Стекланная посуда встрѣчается въ гробницахъ довольно часто. Объ издѣліяхъ изъ папируса мы ужъ говорили. Названіе бумаги на многихъ новѣйшихъ языкахъ (papier, paper), заимствованное отъ папируса, показываетъ, въ какомъ большомъ употребленіи былъ онъ. Но ремесленники не пользовались уваженіемъ. Скромные подвижники первой промышленной дѣятельности людей, они были сословіемъ презираемымъ, и послѣдній писецъ въ службѣ вельможи смотрѣлъ съ пренебреженіемъ на этихъ бѣдныхъ труженниковъ.

Слова Діодора, что египтяне устраиваютъ свои дома, «гостиницы живыхъ», менѣе заботливо, чѣмъ гробницы, «вѣчныя жилища», опровергаются памятниками и найденными въ нихъ домашними вещами. Дома знаменитыхъ и богатыхъ людей были большіе, построенные удобно, убранные блистательно; многэтажные, съ плоскою кровлею, съ галлереею, они были пріятными жилищами и были хорошо отдѣланы внутри. Мебель и посуда на изображеніяхъ красива; она была искусной работы и иногда раскрашена въ яркіе цвѣта. Все, что мы видимъ нынѣ въ комнатахъ зажиточныхъ людей: столы, стулья, кресла съ мягкими подушками, кровати, всяческая посуда,—все это было у египтянъ, и притомъ разнообразное, красивое; такъ что ихъ мебель и посуда свидѣлствуютъ не только о роскоши, но и объ изяществѣ вкуса и объ очень искусной техникѣ, показываютъ высокое развитіе формъ общественной жизни. Сады съ тѣнистыми аллеями,

Домашняя жизнь.

Устройство домовъ.

Общественная
жизнь.

бесѣдками и прудами, съ цвѣтниками, фруктовыми деревьями и съ трельяжами виноградныхъ лозъ служили пріятнымъ, прохладнымъ убѣжищемъ отъ дневнаго зноя. Жизнь женщинъ въ особенности была богата удобствами и удовольствіями, свободна отъ стѣсненія, тяготящаго надъ женщиною на востокѣ. На памятникахъ мы находимъ много данныхъ, показывающихъ, что не смотря на дозволенность многоженства, отношенія между мужемъ и женою были задушевные и семейная жизнь была нравственно чиста. Комнаты женщинъ всегда богато снабжены всѣми туалетными принадлежностями; розлѣ госпожи стоятъ рабыни, готовые прислуживать ей, подаютъ ей косметическія масла и наряды, искусно причесываютъ ей волосы. Общественная жизнь вращалась около женщинъ, онѣ оживляли общество своими талантами, музыкою, пѣніемъ, танцами. Общественныя развлечения составляли важный элементъ жизни въ большихъ городахъ Египта, это показываютъ намъ безчисленныя изображенія. Мы можемъ прослѣдить по нимъ весь ходъ времени въ собраніяхъ общества по вечерамъ, съ той минуты, когда господа и госпожи, въ сопровожденіи слугъ, подходятъ или подъѣзжаютъ въ экипажахъ къ дому, гдѣ собираются гости, или выходятъ изъ паланкиновъ, въ которыхъ несли ихъ рабы,—и слуги хозяевъ встрѣчаютъ гостей,—до того времени, когда у гостей ужь проявляются слѣдствія излишняго питья винъ; въ изображенія сценъ опьяненія художники часто вносятъ сатирическія и юмористическія черты. Пиръ и праздники, на которыхъ невольники подаютъ гостямъ цвѣты и чаши, свидѣлствуютъ о роскоши и умѣньи наслаждаться жизнью. Геродотъ говоритъ (II, 78), что на пирахъ проносили около гостей гробъ съ деревянною статуею мертвого, и говорили при этомъ: «Посмотри на него, и пей и веселись, потому что когда умрешь, будешь похожъ на него»; это извѣстіе подтверждается дошедшими до насъ пѣснями. Но изображенія, находящіяся въ книгѣ Вилькинсона, показываютъ, что приглашеніе веселиться не оставалось напраснымъ: на этихъ изображеніяхъ все свидѣлствуетъ о гастрономической роскоши. Столъ весь покрытъ блюдами съ кушаньемъ и сосудами съ виномъ, всяческою посудой и чашами. Плотныя кушанья египтяне брали съ блюдъ пальцами, какъ и теперь дѣлается на востокѣ; жидкія ѣли ложками. Для увеличенія пріятности пировастья, есть тутъ артисты и артистки; они играютъ на инструментахъ, поютъ, танцуютъ; часто и пирующее общество принимаетъ участіе въ музыкѣ, пѣніи, танцахъ. Музыкальныхъ инструментовъ очень много: арфы разнаго устройства, свирѣли, флейты, лютни, гитары, тамбурины и проч.; изъ этого можно заключать, что и музыка у египтянъ получила, подобно другимъ искусствамъ, высокое развитіе. Танцы были похожи на наши балетные, только медленнѣе и сдержаннѣе ихъ. Находимъ на памятникахъ и другія раз-

влеченія: игру въ кости, игру похожую на шашки или шахматы, игру въ мячъ, игру пальцами, которая до сихъ поръ остается въ Южной Европѣ, фехтованье, игру въ сраженія на водѣ; находимъ фокусниковъ, акробатовъ, клоуновъ, дающихъ представленія и т. п.

Торговля.

Страна, такая плодородная, какъ Египетъ, такая богатая продуктами природы и издѣліями техническихъ искусствъ, должна была имѣть обширную торговлю, хотя египтяне и не любили сношеній съ иностранцами. Въ древнія времена они повидимому держали себя подобно китайцамъ: не ѣздили торговать въ чужія «жалкія» земли, а только позволяли иностранцамъ привозить товары къ нимъ въ опредѣленные мѣста, главнымъ изъ которыхъ былъ небольшой островъ Фаросъ, противъ древней пристани, Тониса, выгружать тамъ ихъ и обмѣнивать на египетскіе. По Геродоту (II, 179): Навкратъ былъ единственнымъ мѣстомъ, куда позволялось пріѣзжать иностраннымъ купцамъ, и корабли ихъ могли входить въ Нилъ только чрезъ Канопское устье. Мореплавателей, осмѣливавшихся плыть дальше Навкрата, египтяне, по извѣстію Діодора (I, 67), убивали или брали въ рабство. Послѣ, развилась большая торговля, особенно съ восточными странами. Изъ исторіи Іосифа мы знаемъ, что еще въ давнія времена измаилитскіе купцы возили въ Египетъ изъ Аравіи «пряности, бальзамъ и ладанъ», иногда и приводили въ Египетъ на продажу невольниковъ. Египетъ нуждался въ продуктахъ Сиріи и сосѣднихъ съ нимъ частей Аравіи и Африки: ладанъ, мѣди, золотъ, слоновой кости, маслѣ, въ деревѣ для судостроенія, и снабжалъ жителей этихъ странъ хлѣбомъ, оружіемъ, биссовыми одеждами, рабочими инструментами. На памятникахъ мы видимъ, что во времена новаго царства египтяне получали въ обмѣнъ за свои товары отъ восточныхъ народовъ военныя колесницы, панцыри, разное оружіе, переняли у нихъ искусство колесничнаго боя, и что торговыя связи ихъ съ азіатскими странами простирались до Эвфрата; а въ исторіи Канаана мы увидимъ, что при Соломонѣ и ближайшихъ его преемникахъ ужь египтяне снабжали израильскія и сирійскія племена военными колесницами и лошадьми, и что финикійцы имѣли для удобства торговли свой особый кварталъ въ Мемфисѣ. При дальнѣйшемъ развитіи сношеній между народами Египетъ вообще не могъ сохранять своей національной замкнутости; онъ болѣе и болѣе втягивался въ общій ходъ исторіи, наперекоръ всѣмъ усиліямъ консервативнаго національнаго духа уклониться отъ этого. Египту были нужны металлы, ладанъ, слоновая кость, рабы, дерево для судостроенія, отчасти и для отдѣлки; въ обмѣнъ за эти товары онъ давалъ избытокъ продуктовъ своего земледѣлія, произведенія своей издавна развившейся промышленности: льняныя и папирусовыя ткани, оружіе, рабочіе инструменты, стеклянныя издѣлія, рѣзные камни, уборы, горшечный товаръ, лекарственные припасы.

Чеканенной монеты у египтянъ не было. Нѣкоторые ученые полагали, что монетою служили кольца и скарабеи, которыхъ найдено въ гробницахъ такое множество. Это мнѣніе ошибочно; кольца служили украшеніемъ, скарабеи были амулеты. Египетская торговля была исключительно мѣновая. Но для сведенія баланса употреблялась мѣдь, въ формѣ прутьевъ, свернутыхъ спиралью. Ихъ каждый разъ взвѣшивали. Всѣ цѣны опредѣлялись на фунты мѣди.

1. Придворный церемоніалъ. **Дополненія.** Діодоръ описываетъ (I, 70) порядокъ, по которому долженъ былъ проводить свой день царь: «Утромъ, какъ встаетъ, онъ долженъ былъ прежде всего прочитывать присылаемыя къ нему отовсюду донесенія, чтобы въ точности знать все, происходящее въ государствѣ и давать всѣмъ дѣламъ правильное рѣшеніе. Послѣ того, онъ долженъ былъ вымыться весь, надѣть одежду бѣлаго цвѣта, возложить на себя знаки царскаго сана, и принести жертву богамъ. Было обыкновеніе, что верховный жрецъ, когда подводятъ жертвенныхъ животныхъ къ алтарю, становился подлѣ царя и громкимъ голосомъ, при собравшемся египетскомъ народѣ, молился о томъ, чтобы царю были дарованы здоровье и всѣ другія блага, если онъ будетъ исполнять свои обязанности относительно народа. При этомъ должно было перечислить всѣ его добродѣтели и сказать, что онъ богобоязненъ и очень человѣколюбивъ, воздерженъ, справедливъ и благороденъ душою; далѣе, что онъ отвращается лжи и охотно дѣлится своимъ богатствомъ, что вообще онъ выше всякихъ страстей; что если онъ наказываетъ преступленія, то наказаніе бываетъ меньше вины, а когда награждаетъ за хорошія дѣла, то награда превышаетъ заслугу. Послѣ того царь разсматривалъ жертву и находилъ въ ней счастливое предзнаменованіе, а писецъ храма между тѣмъ читалъ изъ священныхъ книгъ полезные совѣты и дѣла превосходнѣйшихъ людей, чтобы мысли царя, имѣющаго въ рукахъ всю власть, направлялись къ благороднѣйшимъ стремленіямъ при исполненіи предписанныхъ дѣлъ; предписано ему было все: не только для общественныхъ дѣлъ было опредѣлено время, но и для прогулки, омовенія тѣла, супружескихъ отношеній, вообще для всѣхъ дѣлъ жизни. Пища царя должна была быть очень проста; на его столѣ подавались только телятина и гуси, а вина онъ не пилъ больше опредѣленной мѣры, такъ что пресыщеніе и опьяненіе были невозможны. Вообще весь образъ жизни царя былъ установленъ такъ правильно, что можно бы подумать: онъ не установленъ законодателемъ, а рассчитанъ искуснѣйшимъ врачомъ по правиламъ гигиены. Если покажется странно, что цари не могли вполнѣ свободно выбирать себѣ пищу, то еще удивительнѣе, что они не могли рѣшать процессовъ по своей волѣ и не могли никого наказывать по прихоти или въ гнѣвѣ или по какому нибудь благородному побужденію, а должны были въ каждомъ дѣлѣ держаться опредѣленій закона. И они подчинялись этому обычаю безъ всякаго неудовольствія или сопротивленія; напротивъ, они были убѣждены, что ведутъ самую счастливую жизнь. У нихъ было очень мало неблагоразумныхъ поступковъ, потому что они слѣдовали правиламъ жизни, одобреннымъ разумнѣйшими людьми. Цари держали себя относительно подданныхъ очень справедливо; потому и расположеніе народа къ царямъ было сильнѣе, чѣмъ бываетъ любовь между ближайшими родными. Не только сословіе жрецовъ, но совершенно всѣ египтяне не такъ заботились о женахъ и дѣтяхъ и объ остальномъ драгоцѣнномъ для нихъ, какъ о благѣ своихъ царей. Потому почти всѣ извѣстные намъ цари держались отечественнаго порядка и постоянно чувствовали себя очень счастливыми при существованіи описаннаго здѣсь законнаго установленія.»

2. Коронованіе. На восточной стѣнѣ Рамессеума мы видимъ царя Рамсеса сидящимъ на престолѣ, который украшенъ изваяніями, изображающими льва, сфинкса и ястреба и который несутъ на плечахъ 12 египетскихъ князей; сзади Рамсеса двѣ фигуры съ распростертыми крыльями, изображающія истину и справедливость. Престолъ окружаютъ воины и жрецы,

несущіе оружіе, опахала и знаки царскаго сана; другіе идутъ сзади, съ такими же знаками въ рукахъ; за ними слѣдуютъ шесть принцевъ царской крови, воины и искусные въ письменности жрецы. На другомъ изображеніи, впереди процессіи идетъ хоръ пѣвцовъ и оркестръ музыкантовъ съ трубами, литаврами, свирѣлями и другими инструментами; за пѣвцами и музыкантами идутъ жрецы, писцы, опахалоносцы и воины; за ними, шесть сановниковъ, ученый, съ развернутымъ свиткомъ, громко читая; два сына царя и два важныя лица жреческаго и военнаго сословія; послѣднимъ идетъ верховный жрецъ, обернувшись къ престолу и подносящій царю благовонное куреніе. На слѣдующемъ изображеніи, царь, сошедши съ престола, приноситъ жертву передъ статуею бога Аммона, которую держатъ на плечахъ 22 жреца, и надъ которою балдахинъ съ богатыми завѣсами; другіе жрецы вносятъ алтарь бога, украшенный цвѣтами и другими дарами; далѣе, длинные ряды жрецовъ, несущихъ щиты съ именами предковъ царя, хоругви и священные сосуды. Передъ статуею Аммона поставленъ священный быкъ. Царица стоитъ поодаль; она зрительница обряда. Четыре птицы летятъ на четыре страны свѣта, возвѣстять богамъ юга, сѣвера, востока и запада, что царь принялъ владычество надъ «обоими царствами». Жрецъ подноситъ богу шесть колосцевъ, которые срывалъ царь золотымъ серпомъ.

Когда царь умиралъ, говоритъ Діодоръ (I, 72), то водворялась въ Египтѣ общая печаль. Люди рвали одежду на себѣ, — запирали храмы, прекращали жертвоприношенія; и по триста человѣкъ и два раза въ день пѣли жалобныя пѣсни, въ которыхъ восхваляли добродѣтели умершаго. Не ѣли ни мяса, ни мучной пищи, воздерживались отъ вина и всякихъ хорошихъ кушаній. Не купались, не употребляли ни благовонныхъ маселъ, ни мягкой постели; не позволяли себѣ наслажденія любви; проводили дни траура въ самой глубокой печали, какъ будто потеряли любимое дитя. Между тѣмъ, дѣлались приготовления къ великолѣпнымъ похоронамъ, и въ послѣдній день траура ставили гробъ съ тѣломъ у входа въ гробницу и, по законному установленію, былъ совершаемъ судъ надъ жизнью и дѣлами умершаго. Каждый имѣлъ право обвинять его. Жрецы перечисляли съ похвалами хорошія дѣла его, и народъ, собравшійся тысячами сопровождать тѣло, подтверждалъ похвалы, если царь жилъ добродѣтельно, а въ противоположномъ случаѣ опровергалъ ихъ крикомъ неудовольствія. И многіе цари дѣйствительно не были удостоены обычнаго похороннаго церемоніала, потому что народъ противился ему. Оттого, преемники ихъ поступали справедливо не только по побужденіямъ, которыя приведены нами выше, но также изъ боязни, чтобы по ихъ смерти тѣло ихъ не было посрамлено и не остался вѣчный позоръ на ихъ имени.

«Египетъ былъ во-первыхъ раздѣленъ на номы», говоритъ Страбонъ: «10 было въ Ойсандѣ, 10 въ Дельтѣ, 16 въ странѣ между ними. Нѣкоторые говорятъ, что число номовъ было равно числу дворцовъ въ Лабиринтѣ». Номы дѣлились на округа, округа на меньшія части. — О законахъ и судопроизводствѣ приведемъ еще нѣсколько подробностей изъ Діодора, почитателя мудрыхъ и прочныхъ египетскихъ учреждений, часто истолковывающаго ихъ въ смыслѣ понятій греческихъ софистовъ: «Судебное засѣданіе начиналось, когда верховный судья навѣшивалъ на грудь себѣ изображеніе правды. Всѣ законы были собраны въ восемь книгъ, въ торыя лежали подлѣ судей. Истецъ обыкновенно подавалъ просьбу, въ которой было написано по статьямъ все, какъ происходило дѣло, въ чемъ обидѣ или убытокъ ему. Обвиняемый получалъ просьбу, написанную жалующимся и письменнo отвѣчалъ на каждую статью, или что онъ не дѣлалъ этого, или по крайней мѣрѣ, что наказаніе должно быть не такъ велико. Обычай требовалъ, чтобы жалующійся написалъ возраженіе противъ этого, и чтобы обвиняемый отвѣчалъ еще разъ. Послѣ того, какъ тяжущіеся подадутъ судьямъ свои вторыя заявленія, 30 судей должны постановить свое рѣшеніе, и верховный судья кладетъ изображеніе истины на объясненіе той или другой тяжущейся стороны. Таковъ былъ всегда у египтянъ ходъ судопроизводства. Они полагали, что рѣчи адвокатовъ только затемнять дѣло, что уловки ораторовъ, впечатлѣніе жестикуляціи, слезы подсудимыхъ часто заставля-

3. Национальный трауръ по кончинѣ царя.

4. Судопроизводство.

ють судей забывать строгость законов и истинный характер дѣла и потому, въ случаяхъ затруднительности рѣшенія, сила обманчивой или прекрасной, или возбуждающей къ состраданію рѣчи увлекаетъ ихъ; а когда тяжущіеся защищаютъ свои права письменно, то можно постановить правильное рѣшеніе, потому что факты выставлены прямо на видъ, и тутъ меньше опасности, чтобы даровитый получилъ преимущество надъ недаровитымъ, опытный надъ неопытнымъ, наглый лжецъ надъ скромнымъ другомъ правды; тутъ будетъ оказываема равная справедливость всѣмъ, потому что законъ даетъ достаточный срокъ и тяжущимся возражать другъ другу, и судьямъ сравнивать ихъ показанія». — Египетскіе памятники обнаруживаютъ, какъ мы ужъ говорили, что существовало и устное судопроизводство; свѣдѣнія, сообщаемыя Діодоромъ, должны быть пополнены этою оговоркою. Онъ продолжаетъ: «Если кто видѣлъ на дорогѣ, что убиваютъ человѣка или дѣлаютъ человѣку насиліе и если могъ спасти его, но не исполнилъ этого, то подвергался смерти. Если жъ онъ дѣйствительно не могъ оказать помощи, то былъ обязанъ по крайней мѣрѣ донести о преступленіи и обвинить разбойниковъ предъ судомъ. А если онъ не сдѣлалъ этого, то получалъ опредѣленное число ударовъ плетью, и ему три дня не давали ничего ѣсть. Кто ложно обвинялъ другаго, подвергался наказанію, которое постигло бы обвиненнаго имъ, если бъ обвиненіе оказалось правдою. Было постановлено, что каждый египтянинъ долженъ записываться у начальства, чѣмъ онъ пріобрѣтаетъ средства къ жизни. Кто позволялъ себѣ фальшивое заявленіе объ этомъ, или кто промышлялъ незаконнымъ занятіемъ, тому была опредѣлена смертная казнь. — Кто выдавалъ тайны непріятелю, у того по закону отрѣзывали языкъ. Дѣлателямъ фальшивыхъ денегъ или фальшивыхъ мѣръ и вѣсовъ или поддѣльщикамъ печатей, и писцамъ, вносившимъ въ общественныя книги ложь или выскабливавшимъ записанное въ нихъ, поддѣльщикамъ документовъ отрубали обѣ руки. Проступки на войнѣ наказывались палками—это наказаніе изображено на многихъ памятникахъ. Строги были и законы, относившіеся къ женщинамъ. Изнасиловавшій женщину свободнаго состоянія подвергался оскорбленію. Если женщина совершала прелюбодѣяніе, то соблазнитель давали тысячу ударовъ палками, а ей отрѣзывали носъ. У египтянъ былъ очень оригинальный законъ о воровствѣ: было установлено, что желающіе заниматься этимъ промысломъ, должны записываться у старшины воровъ и тотчасъ отдавать ему то, что украдутъ; а тотъ, у кого что нибудь пропало, долженъ подавать старшинѣ воровъ списокъ всѣхъ пропавшихъ предметовъ, съ обозначеніемъ мѣста, дня и часа, откуда и когда они пропали. Этимъ способомъ все было легко отыскиваемо; обокраденный долженъ былъ уплатить четвертую часть стоимости украденнаго и получалъ свое имущество назадъ.

2) Религія и богослуженіе.

а) Египетскій циклъ боговъ.

Главный элементъ богопо- и душевная жизнь египтянъ имѣла самую тѣсную связь съ природою. Въ длинномъ оазисѣ Нильской долины жизнь и смерть сопряжены такъ близко, что всѣ чувства и мысли народа были обращены къ таинственной связи неизслѣдимыхъ причинъ этихъ явленій, и важнѣйшею задачею жизни человѣка на землѣ казалась здѣсь забота объ ослабленіи власти смерти, объ укрѣпленіи и воз-

величеніи животворныхъ силъ природы. Какъ житейская дѣятельность ихъ состояла главнымъ образомъ въ противодѣйствіи напору пустыни съ ея смертоноснымъ дыханіемъ иссушающаго зноя и сыпучимъ пескомъ; какъ старались они охранить тѣло умершаго отъ поѣдающей силы гніенія, такъ и богопочитаніе ихъ направлялось почти исключительно къ тому центру силъ природы, который въ круговращеніи своемъ давалъ египетской странѣ жизнь и плодородіе,—къ солнцу. Почти каждый городъ имѣлъ своихъ мѣстныхъ боговъ и лишь немногія изъ этихъ божествъ были предметами всеобщаго почитанія, потому боговъ было очень много, личности ихъ и формы служенія имъ были очень разнообразны; фантастичность мыслей о нихъ и сбивчивость значенія ихъ атрибутовъ часто дѣлаютъ очень темными отношенія этихъ разнохарактерныхъ божествъ къ основной идеѣ; но все таки религіозныя представленія египтянъ совершенно ясно показываютъ, что поклоненіе солнцу было первоначальнымъ зерномъ и всеобщимъ основнымъ элементомъ египетской вѣры, предшествовало тѣмъ мѣстнымъ вѣрованіямъ, составляло существенную часть каждаго изъ нихъ и никогда не переставало считаться кореннымъ содержаніемъ всей религіи. Собственно въ поклоненіи солнцу и состояла національная религія. Очень многія божества, кажущіяся особыми богами, имѣвшія свои особенные культы и храмы, имѣютъ по своему существенному значенію родство съ понятіемъ о солнцѣ въ какихъ нибудь его дѣйствіяхъ, «служать символами его», находятся въ генеалогической связи съ богомъ солнца; почти всѣ мѣстные боги и богини разныхъ племенъ египетскаго народа были введены въ циклъ солнечныхъ боговъ: ихъ или прямо отождествили съ солнечными богами, какъ Менту и Тума, или присоединили къ ихъ имени древнѣйшее изъ именъ бога солнца, Ра; это было слѣдствіемъ желанія поклонниковъ мѣстнаго бога возвысить его святость и силу. Такимъ образомъ, главный богъ Оивъ, Аммонъ, былъ названъ Аммонъ-Ра и сдѣлался могущественнѣйшимъ изъ національныхъ боговъ; въ нѣкоторыхъ текстахъ Аммонъ-Ра даже называется «единственнымъ во истину живущимъ богомъ»; Себекъ и почти всѣ другіе мѣстные боги тоже были введены прибавкою имени Ра въ кругъ культа солнца; ихъ положеніе и могущество было повышено этимъ. На памятникахъ имя Ра дается даже Озирису. По основаніи новаго египетскаго царства вообще появилось пантеистическое направленіе, все болѣе и болѣе сливавшее всѣхъ боговъ въ представленіе объ одномъ богѣ. «Жизнь и всякое одушевленіе изливается на землю отъ Ра», говоритъ Рётъ: «его правильное движеніе по небесному пространству производитъ дни и времена года, его теплотою обуславливается возникновеніе растительности и жизнь всѣхъ существъ; потому солнце было для египтянъ воплощеніемъ всѣхъ высшихъ божествъ». «Царь боговъ» Ра былъ

съ тѣмъ вмѣстѣ достойнымъ представителемъ богоподобнаго царя египетскаго, который поэтому называлъ себя на памятникахъ «солнцемъ» или «сыномъ солнца». — (Прежде отъ имени Ра производили названіе египетскихъ царей у евреевъ и ассиріянь «фараонъ»; это ошибка; слово «фараонъ» происходитъ отъ Перъ-аа «большой домъ» то есть, дворецъ; — это способъ выраженія напоминающій о нашемъ терминѣ «Высокая Порта»).

Поклоненіе
солнцу въ Ниж-
немъ Египтѣ.

1. Ра.

Ра, отецъ и царь боговъ, владыка обоихъ міровъ, царящій на солнечномъ дискѣ, правящій всѣмъ небомъ, былъ чтимъ особенно въ Нижнемъ Египтѣ, въ Мемфисѣ и въ «городѣ солнца» (это городъ Онъ еврейскихъ книгъ, Геліополь греческихъ писателей). Ему были посвящены быстро-летающій копчикъ и огневой быкъ Мневисъ. Въ Геліополь стояло очень древнее, чрезвычайно уважаемое святилище Ра съ многочисленными обелисками; сюда, по египетскому сказанію, каждая пять сотъ лѣтъ прилетала съ востока птица Фениксъ, сожигала себя на кострѣ благоухающаго ладана, воскресала изъ пепла въ обновленной молодости и на третій день возвращалась въ восточную страну. Она была символомъ вѣчнаго повторенія періодическихъ круговоротовъ солнца. Ра былъ испоконный владыка неба. Онъ былъ самъ себя сотворившій Богъ, создатель жизни, ежедневно вновь рождающій самого себя; въ свѣтлыхъ поляхъ его жили души людей, которые провели свою жизнь въ чистотѣ сердца; онъ былъ мощный хранитель неба; левъ съ головою солнечнаго бога, сфинксъ былъ изображеніемъ его.

Въ Тисѣ, первобытной столицѣ, которая въ послѣдствіи времени стала частью новаго города, Абидоса, поклонялись Озирису. Тамъ показывали его священную гробницу; многіе богатые и набожные египтяне приказывали хоронить ихъ въ Абидосѣ; это мы видимъ по множеству надгробныхъ колоннъ. Въ Мемфисѣ Озирисъ всегда былъ очень высоко чтимъ, вмѣстѣ съ мѣстнымъ богомъ Пта (Ptah), котораго греки называютъ Гефестомъ. Пта, богъ, образовавшій міръ изъ хаоса, былъ древнѣйшій богъ, и у него былъ особый культъ. Въ Мемфисѣ ему придавали, повидимому, идеальное значеніе, и ставили его выше самого бога солнца: Ра, физическое проявленіе бога вселенной, былъ рожденъ Пта, богомъ творческаго духа. Пта называется въ надписяхъ «отцомъ свѣта», «владыкою съ милостивымъ лицомъ», «владыкою истины»; на памятникахъ онъ часто изображается съ головою посвященнаго ему жука, скарабея, а иногда подъ фигурою этого жука. При мемфисскомъ храмѣ Пта, въ великолѣпномъ дворѣ, жилъ священный быкъ Аписъ, символъ рождающей силы солнца, чтимый египтянами съ такимъ уваженіемъ, что при смерти его было во всей странѣ время печали, и длилось, пока жрецы не найдутъ новаго быка, имѣющаго всѣ примѣты, какія должны быть

2. Пта и Пахтъ.

у Аписа; тогда начиналось семидневное торжество съ процессіями и пиршествами. Аписъ былъ чернаго цвѣта, съ бѣлымъ пятномъ на лбу, съ двухцвѣтнымъ хвостомъ, и съ наростомъ на языкѣ, въ видѣ священнаго жука. Египтяне вѣровали, что лучъ божественнаго свѣта оплодотворяетъ корову, еще не имѣвшую телятъ, и отъ этого луча родится у нея Аписъ. То, какъ Аписъ держитъ себя, когда жрецы входятъ въ его священное жилище, имѣло значеніе предвѣстій. На Мемфисскомъ кладбищѣ найдено болѣе 30 мумій Аписовъ, въ гранитныхъ саркофагахъ. Съ понятіемъ о Пта было, повидимому, близко связано понятіе о богинѣ Пахтъ или Сехетъ, «любящей Пта владычицѣ Мемфиса». Въ ниже-египетскомъ городѣ Бубастъ эта богиня была чтима подъ именемъ Бастъ; тамъ было знаменитѣйшее святилище ея, центръ радостнаго служенія ей. Она была богиня рожденія. Ей была посвящена кошка; и всѣ кошки были хоронимы въ Бубастѣ.

Национальными божествами египтянь были собственно Озирисъ, 3. Циклъ жизни бога солнца, его жена и сестра Изиды и ихъ сынъ Горусъ (Новаго въ объ Озирисъ), главнѣйшимъ образомъ, Озирисъ. Только о немъ выработаны были жрецами подробные мифы символическаго значенія, имѣвшие своимъ содержаніемъ представленія о круговоротѣ года и сопровождающихъ этотъ круговоротъ явленіяхъ природы. Озириса, благодѣтеля египетской страны, убиваетъ завистливый братъ, Тифонъ (Сетъ), при содѣйствіи 72 помощниковъ и опускаетъ тѣло убитаго въ ящикъ въ Нилъ. Воды рѣки и потомъ моря приносятъ ящикъ съ тѣломъ къ Библосу, оставляютъ его тамъ на берегу, и надъ гробомъ вырастаетъ высокій тамариндъ. Въ печали, со стонами, ищетъ Изиды исчезнувшаго мужа, сопровождаемая сыномъ Озириса и богини Нефтисъ, Анубисомъ, богомъ съ головою шакала. Нашедши наконецъ тѣло, Изиды похоронила его на священномъ островѣ Нила, Филэ (Philae). Изъ царства мертвыхъ, надъ которымъ Озирисъ властвуетъ послѣ смерти, онъ является Горусу и возбуждаетъ его къ мщенію. Сынъ созываетъ своихъ вѣрныхъ сподвижниковъ, побуждаетъ и убиваетъ Тифона, всходитъ на престолъ отца и царствуетъ надъ Египтомъ, послѣдній богъ-царь. Этотъ затѣйливый мифъ символически изображаетъ ходъ жизни природы въ Египтѣ. Товарищи Тифона — 72 дня зноя и засухи. Изиды, египетская земля, скорбитъ и стонетъ объ исчезнувшей водѣ, дававшей счастье ей. Озирисъ, оплодотворяющая сила природы, проявленіемъ которой служить Нилъ, удаляется во время владычества враждебнаго ему брата на сѣверъ, къ финикіянамъ, или спитъ межъ скалами пороговъ рѣки у Филэ и Элефантины. Но его сынъ Горусъ, новая весна, юною энергіею жизни прогоняетъ враждебнаго Тифона, и возвращаетъ египетской землѣ плодородіе. Смерть Озириса лишь кажущаяся. Онъ живетъ и дѣйствуетъ

на землѣ въ своемъ сынѣ Горусѣ, «мститель за своего отца», — живетъ и въ подземномъ царствѣ мертвыхъ, судить тамъ и пробаждаетъ къ новой жизни души усопшихъ. Въ миѣ о немъ выразилось глубочайшее вѣрованіе египетскаго народа: догматъ безсмертія души въ соединеніи съ догматомъ переселенія душъ. Озирисъ «владыка жизни» — сокровенно творящая благая сила природы; вѣчнозеленѣющій тамариндъ — священное дерево его, и его гробъ на священномъ островѣ Филѣ осѣненъ высокими тамариндами. Филѣ считалось самымъ святымъ кладбищемъ; потому многіе благочестивые люди велѣли похоронить себя на этомъ островѣ, какъ другіе желали быть похороненными въ Тисѣ-Абидосѣ. Какъ Озирисъ былъ олицетвореніемъ сокровенной силы жизни, такъ сынъ его Горусъ (Гаруэръ, Harueris) былъ олицетвореніемъ благотворнаго дѣйствія видимаго солнца. Онъ — юношеская форма бога Ра, и его эмблема тотъ же самый копчикъ, быстрый и зоркій; подобно Ра, и Горусъ даетъ фараонамъ побѣду и власть; царь часто изображается на памятникахъ въ образѣ живущаго на землѣ Горуса. Богиня, соединенная съ Горусомъ, Гаторъ (Nathor) — мѣстное видоизмѣненіе Изиды; одинаково съ Изидою, она имѣетъ своею эмблемою корову, символъ зачатія и плодородія. Въ надписяхъ одинъ изъ ея эпитетовъ «богиня плясокъ и веселья»; потому на изображеніяхъ она иногда представляется держащею сестру (музыкальный инструментъ съ бубенчиками) и тамбуринъ, эмблемы веселья. Царицы и царевны изображаются чаще всего подъ ея образомъ. Изида — олицетвореніе плодородной земли Египта, «великая богиня», имѣвшая храмы и святилища во всѣхъ частяхъ Египта. На процессіяхъ въ ея праздники носили деревянную корову, покрытую пурпуровою мантиею. Самый священный храмъ ея, въ который могли вступать только жрецы, находился на островѣ Филѣ, между водъ Нила, близъ гробницы ея царственного мужа. Богиня Нейтъ (Neith), которой поклонялись въ Саисѣ, и въ честь которой ежегодно совершался великій праздникъ иллюминаціи, была, подобно Гаторъ, видоизмѣненіемъ Изиды, олицетвореніемъ воспринимающаго и рождающаго начала природы; потому она тоже называется въ надписяхъ «богиней матерью». — Враждебную противоположность этимъ благотворнымъ силамъ представляетъ Тифонъ, олицетвореніе всѣхъ вредныхъ силъ природы, всѣхъ смертоносныхъ явленій. Онъ пожигающій солнечный зной, палящій вѣтромъ несущійся изъ песковъ Ливійской пустыни въ благодатную Нильскую долину и иссушающій все живое; онъ творецъ змѣй и ядовитыхъ насѣкомыхъ, моровыхъ повѣтрій и всѣхъ вредныхъ явленій; онъ богъ соленого моря, поглощающаго благодатныя воды Нила, и черной земной тѣни, угашающей свѣтъ луны. День его рожденія былъ днемъ всеобщаго бѣдствія, и на его праздникахъ были подвергаемы поруганію; иногда, по увѣренію Діодора,

Горусъ и Гаторъ.

Тифонъ.

и приносимы въ жертву на гробѣ Озириса, люди съ рыжими волосами. Въ сохранившемся на папирусѣ воззваніи къ нему говорится, что онъ богъ «живущій въ пустотѣ, страшный и невидимый, всемогущій разрушитель и опустошитель, потрясающій все и неодолимый самъ». Ему посвящены крокодилъ, свирѣпый гиппопотамъ и въ особенности «упрямый, наглый оселъ, съ трубоподобнымъ голосомъ»; осла низвергали въ Коптѣ со скалы; въ праздникъ солнца не давали ему корма, на жертвенныхъ хлѣбахъ изображали его связаннымъ. Тифонъ былъ также богомъ враждебныхъ Египту Канаанскихъ народовъ, потому Аварисъ былъ священнымъ городомъ его. Въ новомъ царствѣ онъ былъ богомъ войны. Къ циклу боговъ солнца принадлежалъ и греко-египетскій богъ позднѣйшей столицы Египта, Александріи, Сераписъ, котораго основатель династіи Птолемеи сдѣлалъ высшимъ изъ всѣхъ боговъ Египта, и служеніе которому пользовалось такимъ покровительствомъ Птолемеи, что въ III вѣгъ до нашей эры было въ Египтѣ 42 святилища его. Самое имя Сераписа показываетъ, что онъ богъ солнца; еще древніе писатели замѣчаютъ, что сходство названія его съ именами Озириса и Аписа не случайность, а выраженіе сродства. Египетское имя Сераписа Асаръ-Гапи (Asar Hapi), т. е. Озирисъ-Аписъ.

Сераписъ.

Эти боги солнца и природы принадлежали главнымъ образомъ Боги Верхняго Нижнему Египту, городамъ Мемфису, Саису, Гелиополю, Бубасту и проч.; только Изида и Озирисъ были общими національными божествами, чтимыми повсюду въ египетской странѣ. Верхній Египетъ, пока составлялъ особое царство, имѣлъ своихъ собственныхъ боговъ; они были созданіями того же народа, возникшими изъ тѣхъ же понятій о природѣ, потому имѣли такой же характеръ, — хотя ихъ имена и формы служенія имъ были иныя. Рождающія силы природы и животворный свѣтъ солнца составляли основаніе религіозныхъ представленій и въ Верхнемъ Египтѣ. Въ глубокой древности, главными божествами тамъ были символическія олицетворенія природы: Хнумъ, творецъ міра, и боги Менту и Тумъ, олицетворенія двухъ главныхъ проявленій бога Ра, восходящее и заходящее солнце, солнце надземнаго міра и солнце подземнаго міра; надписи называютъ Тума «солнцемъ ночи», Менту «солнцемъ дня». Но всѣ трое, они были оттѣснены на второй планъ мѣстнымъ богомъ Фивъ, Аммономъ, когда Фивы сдѣлались блестящею столицею всего царства; преобладаніе въ странѣ, доставленное городу жрецами и царями, перешло и на бога-покровителя его. Аммонъ занялъ первое мѣсто въ египетскихъ вѣрованіяхъ и богослужебныхъ обрядахъ; чтобы возвысить его и распространить повсюду служеніе ему, на него были перенесены значенія другихъ боговъ. Ему дали имя бога Ра, и сдѣлавшись Аммономъ-Ра, онъ получилъ самъ и силу бога солнца, сталъ «царемъ боговъ»,

Египта.

Хнумъ.

Менту и Тумъ.

Аммонъ.

основнымъ и верховнымъ богомъ всей системы египетскихъ божествъ, богомъ царя; цари приносили жертвы и поклоненіе преимущественно Аммону - Ра, чтобъ онъ изливалъ на нихъ лучи своего сіянія; къ его трону несли они военные трофеи, добычу, вели плѣнниковъ; ихъ санъ и величіе были дарами его благосклонности къ нимъ, онъ давалъ имъ побѣды и вѣчную жизнь. Вникая въ коренное значеніе его имени, ученые находятъ, что первоначально онъ былъ богъ «сокровенности», смутныхъ, не развившихся началъ бытія; черезъ слияніе съ Ра онъ сдѣлался владыкою неба, и свѣтъ солнца сталъ отблескомъ его божественнаго сіянія. — Хнумъ первоначально былъ главнымъ богомъ Оиванской области, особенно южной части ея; по народному вѣрованію онъ посылалъ Египту оплодотворяющую воду; онъ называется «владыкою обилія водъ», или «разливовъ». Ему былъ посвященъ баранъ, символъ порождающей силы; и онъ изображается съ бараньею головою или съ бараньими рогами. Эта баранья голова была перенесена и на Аммона, которому было даваемо имя Аммона-Хнума. Аммону-Хнуму было построено довольно много храмовъ. Знаменитѣйшимъ изъ нихъ было святилище въ оазисѣ Сива (Siwah), очаровательномъ островѣ зелени среди песковъ Ливійской пустыни, съ густыми пальмовыми рощами и чистымъ источникомъ, посвященнымъ солнцу. По имени святилища, къ высокоуважаемому оракулу котораго сходилось много почитателей, этотъ оазисъ назывался Аммоніумомъ. — Хнумъ сохранилъ свои особые храмы и послѣ того, какъ его имя и значеніе было присвоено Аммону; важнѣйшіе изъ его особыхъ храмовъ были въ Элефантинѣ, Сіэнѣ и, какъ видимъ по его изображеніямъ, въ Эѳіопіи, особенно въ Напатѣ близъ горы Баркала, гдѣ онъ былъ изображенъ въ видѣ зеленого человѣка съ бараньею головою. Тутъ, у пороговъ Нила и въ сосѣдней части Верхняго Египта, онъ, повидимому, сохранилъ значеніе божества, творящаго жизнь водами рѣки. — По своему слиянію съ Ра, оиванскій богъ подъ именемъ Аммона - Ра изображается въ видѣ человѣка синяго цвѣта, на головѣ у него круглая красная шапка съ двумя высокими перьями и солнечнымъ дискомъ, а въ рукѣ посохъ съ головою какого-то загадочнаго животного. Ему строили фараоны тѣ великолѣпныя, роскошно украшенныя скульптурою святилища, которыми, возвеличивая царя боговъ, прославляли сами себя; въ его хвалу звучали въ этихъ храмахъ священныя пѣснопѣнія; астрономическія изображенія въ гробницѣ Рамсеса V затѣйливыми символами передаютъ дѣянія его побѣдоносной борьбы съ мракомъ ночи и враждебнымъ змѣемъ Апофисомъ, подвиги его шествія по широкому звѣздному небу, какъ онъ «восходящею своею ладьею совершаетъ въ дневное время путь по верхнимъ областямъ чрезъ жилища блаженныхъ, а во время ночи, на обратномъ своемъ пути чрезъ под-

Хнумъ.

Аммонъ-Ра.

земный міръ, видитъ мученія осужденныхъ»; въ честь ему духовенство установило празднества и торжественныя процессіи, на которыхъ его изображение, сокрытое въ кивотѣ и поставленное на украшенной бараньими рогами ладѣ было носимо четырежды десятию жрецами по священной улицѣ сфинксовъ на кладбище, а предъ ладьею, осѣненной зонтиками, шли жрецы съ кадильницами еиміама.

Цикль египетскихъ божествъ не ограничивался этими богами. Народная религія имѣла много мѣстныхъ боговъ и богинь, высоко чтимыхъ. Въ святилищахъ и на памятникахъ упоминается много именъ божествъ, кромѣ перечисленныхъ выше. Но почти всѣ эти имена лишь обозначаютъ какія-нибудь частныя черты общихъ представленій, изложенныхъ нами; это лишь разныя вѣтви одного многосложнаго цѣлаго. Такъ богиня *Мутъ* (Мать), «владычица мрака», жена Аммона-Ра, изображаемая съ царскимъ уборомъ на ястребиной головѣ, обозначаетъ повидимому темное нѣдро, изъ котораго исходитъ творящій жизнь солнечный свѣтъ. Въ образѣ посвященнаго ей ястреба она на многихъ памятникахъ паритъ надъ фараонами, какъ богиня-хранительница. Какъ олицетвореніе материнской силы природы, она космогоническое божество зачатія и рожденія, родственное Изидѣ и Нейтѣ. Въ этомъ своемъ значеніи, она называется женою *Хема*, *Хемъ* (Панъ), котораго греческіе писатели называютъ Паномъ; онъ былъ богъ производящей силы природы; въ Хеммисѣ (Панополѣ) онъ имѣлъ знаменитое святилище, гдѣ былъ изображенъ какъ фаллическій богъ, размахивающій бичемъ. Такой же фаллическій богъ, съ головою и ногами козла, посвященнаго ему животного, былъ, по словамъ Геродота, чтимъ въ нижне-египетской Мендесской области; по мнѣнію Лепсіуса, это божество было одною изъ формъ Озириса и не принадлежитъ къ первобытнымъ богамъ. На монетахъ города Мендеса изображенъ козелъ, — или какъ одна особая фигура, или какъ фигура, стоящая на рукѣ фигуры божества.

Мутъ.

Хемъ (Панъ).

Въ странѣ, все существованіе которой зависѣло отъ разливовъ рѣки, происходящихъ соотвѣтственно небеснымъ явленіямъ, рано должно было, при служеніи солнцу, возникнуть поклоненіе лунѣ и другимъ небеснымъ тѣламъ. Ниже мы увидимъ, какъ глубоко проникли въ египетскую жизнь служеніе звѣздамъ и выводы изъ астрономическихъ изслѣдованій. Теперь мы упомянемъ лишь о двухъ лунныхъ божествахъ, поклоненіе которымъ было широко распространено въ Египтѣ, о Хонсу и Тотѣ (Thot). — Хонсу, «старшій сынъ Аммона, повидимому издавна былъ поставленъ въ близкое отношеніе къ оиванскому національному богу, символъ котораго, копчикъ, данъ и ему. Богъ Тотъ, на одномъ изъ Семнехскихъ изображеній, называемый сыномъ Хнума, былъ, повидимому, во всей Нильской долинѣ предметомъ особаго культа, имѣвшаго болѣе связи съ представленіями о подземномъ Озирисѣ, чѣмъ съ небеснымъ Аммономъ-Ра. Греки называютъ Тота Гермесомъ. Онъ «писецъ» боговъ, «владыка небесныхъ словъ», изобрѣтатель цифръ, арифметики, землемѣрія, астрономіи, письменныхъ знаковъ. Ему былъ посвященъ ибисъ, потому онъ

Хонсу.
Тотъ.

изображается обыкновенно съ головою этой птицы. Знаменитѣйшее его святилище было въ средне-египетскомъ городѣ Шмунѣ (Гермополѣ); тамъ содержали священнаго ибиса, и изъ всего Египта привозили туда хоронить бальзамированные трупы ибисовъ. При фигурѣ Тота въ изображеніяхъ поставлены фигуры луны и павіана. Какъ богъ луны, онъ писецъ и распредѣлитель временъ и праздниковъ; онъ записываетъ ихъ на пальмовыхъ листьяхъ. Какъ изобрѣтатель искусства писать, онъ «писецъ истины», и «богъ мудрости»; какъ богу истины, ему совершали праздникъ 19 числа перваго мѣсяца; на этомъ праздникѣ ѣли медъ и фиги, и говорили при этомъ: «сладка истина». Важнѣйшее значеніе Тота состояло въ той роли, какую игралъ онъ при судѣ надъ умершими. По вѣрованію народа, онъ записывалъ продолжительность жизни человѣка, добрыя и злыя дѣла; такимъ образомъ, судьба души каждаго находилась въ его рукахъ. Въ этомъ своемъ значеніи, онъ изображается съ письменными принадлежностями и страусовымъ перомъ, символомъ истины.

1. Ра.

Фениксъ.

Подробности о циклѣ боговъ солнца. «Ра—олицетвореніе высшаго понятія о божествѣ и первообразъ почти всѣхъ великихъ боговъ», говоритъ Лепсіусъ. На памятникахъ онъ изображается обыкновенно окрашенною въ красный цвѣтъ фигурою человѣка съ головою кончика и съ солнечнымъ дискомъ надъ головою. Надъ пилонами храмовъ солнца обыкновенно было изваяніе этой символической фигуры между двухъ крыльевъ. Разсказы о фениксѣ не во всемъ согласны между собою. Гелиопольскіе жрецы говорили Геродоту, что эта птица, видомъ и величиною подобная орлу, прилетаетъ изъ Эіопіи въ Гелиопольскій храмъ солнца, чтобы схоронить тамъ своего отца. По преданію, приводимому Тацитомъ (Annal. VI, 28), фениксъ, когда чувствуетъ приближеніе смерти, строитъ себѣ въ отчизнѣ своей, Аравіи, гнѣздо, и изливаетъ въ него свою производительную силу; изъ нея родится новый фениксъ; онъ, когда достаточно выростетъ, чтобы летѣть далеко и нести съ собою тяжесть, переноситъ завернутое въ миртовый вѣтви тѣло отца въ Гелиополь и сожигаетъ на altarѣ солнца. Другія сказанія говорятъ, что фениксъ сожигаетъ самъ себя въ храмѣ солнца, что изъ пепла его родится новый фениксъ и черезъ три дня улетаетъ туда, гдѣ жилъ прежній, въ «страну пальмъ», Финикію, восточную родину солнца. То, что въ мифѣ о фениксѣ лежитъ идея о «великомъ годѣ», что періодъ жизни феникса означаетъ періодъ «великаго года», видѣли ужъ и древніе писатели. Въ іероглифахъ, пальмовая вѣтвь—символъ года, говоритъ Лепсіусъ. На памятникахъ, фениксъ изображается похожимъ на цаплю, съ хохломъ на головѣ. Время его прилета въ Гелиопольскій храмъ было предвѣщаемо жрецами и празднуемо народными торжествами. Преданіе о фениксѣ безъ сомнѣнія имѣетъ астрономическое значеніе. Періодъ, который обозначался прилетаніемъ феникса, вѣроятно соответствовалъ времени, когда движущійся гражданскій годъ, дѣлившійся на три части, счетъ которыхъ опредѣлялся разливомъ и пониженіемъ Нила, приходилъ въ совпаденіе съ дѣйствительными годовыми явленіями природы и календарь совпадалъ съ ходомъ переменъ уровня рѣки. Христіанскіе писатели видѣли въ фениксѣ символъ безсмертія души и воскресенія тѣла.

2. Пта.

Пта (Гефестъ) — древнѣйшій богъ, богъ, проявляющій себя въ созданіи, отецъ вселенной. «Онъ космогоническій богъ,—говоритъ Бунзенъ: «онъ творческая сила, образующая міръ, и его дочь Мать, «Истина», это вселенная, устроивающая саму себя, космосъ». Какъ богъ, управляющій возникновеніемъ настоящаго порядка вселенной, Пта былъ въ мемфисскомъ храмѣ изображенъ въ видѣ не родившагося еще младенца съ

несформировавшейся головою и слабыми ногами, но ужъ одареннаго фаллическою силою. Онъ первый вышелъ изъ яйца вселенной, потому изображался съ яйцомъ въ рукѣ; ему былъ посвященъ скарабей, жукъ, о которомъ египтяне полагали, что онъ катитъ передъ собою свое яйцо, или что насѣкомыя этой породы всѣ самцы, и производятъ потомство безъ соучастія самокъ, которыхъ и нѣтъ у нихъ. Въ храмѣ на островѣ Филэ Пта изображенъ сидящимъ у горшечнаго колеса и формирующимъ на немъ яйцо; надпись этого изображенія говоритъ: «Пта, отецъ началъ, двинуцій лицо солнца и луны». Но онъ былъ также богъ дневнаго свѣта и отецъ (бога) Ра. Въ этомъ своемъ значеніи онъ, новорожденный дневной свѣтъ, изображался въ видѣ нагаго мальчика. Но обыкновенно изображается онъ, какъ неизмѣнный богъ; въ этомъ значеніи, его фигура завернута въ покровъ, какъ мумія, и онъ обѣими руками держитъ передъ собою палку, на которой утверждены четыре поперечныя палки, такъ называемый «ниломъръ», къ которому приделаны божескій скипетръ и символъ жизни.—Итакъ, есть два разные рода изображеній Пта: одно, художественное, другое—грубое.—Быкъ Аписъ изображается на памятникахъ то совершенно чернымъ, то на-половину чернымъ, на-половину бѣлымъ. Подъ смертною казнью было запрещено убивать быка, не показавъ его жрецамъ, чтобы они изслѣдовали, нѣтъ ли у него примѣтъ Аписа. Нашедши Аписа, жрецы вели его въ Нилополь, и онъ оставался тамъ 40 дней на прекрасномъ пастбищѣ. Въ эти дни приходили къ нему женщины и раскрывали передъ нимъ свою наготу. Послѣ, женщинамъ не позволяли видѣть его. Черезъ 40 дней, его везли въ Мемфисъ въ ладѣ съ маленькимъ позолоченнымъ храмомъ. «Изъ числа предвѣщаній Аписа, два относятся къ знаменитымъ людямъ, говоритъ Партей: «Астроному Эвдоксу Книдскому Аписъ далъ предвѣстіе смерти, полизавъ его одежду; такое же предвѣстіе далъ Аписъ Цезарю Германику, не захотѣвъ ѣсть кормъ изъ его рукъ». Во времена Страбона можно было смотрѣть на Аписа сквозь маленькое окно въ его стойлѣ; для посѣтителей, пріѣзжавшихъ издалека, его выпускали и на дворъ; давъ ему нѣсколько походить по двору, его уводили опять въ стойло. Когда при Птоломѣѣ I, сынѣ Лага, умеръ въ Мемфисѣ Аписъ, на его похороны не только были израсходованы всѣ назначенныя на это деньги, составлявшія большую сумму, но жрецы взяли въ-заемъ у царя еще 50 талантовъ серебра на расходы похоронъ. По извѣстію Плутарха, Аписа поили водою не изъ Нила, а изъ особеннаго колодезя, потому что отъ нильской воды, по мнѣнію египтянъ, онъ разжирѣлъ бы, а это повредило бы величавости его вида и святости его. Великолѣпныя гробницы Аписовъ найдены близъ Саккары (Sakkarah) Мариэттомъ.

Быкъ Аписъ.

Бубастская богиня Бастъ имѣла голову кошки, а въ значеніи богини Сехетъ она Пахтъ (Бастъ). Имѣла голову львицы, надъ головою дискъ солнца и въ рукѣ символъ жизни. Геродотъ называетъ Бастъ Артемидою; о святилищѣ и о праздникѣ ея онъ рассказываетъ (II, 138; 60): «Бубастское святилище все окружено водою, какъ островъ, кромѣ входа; изъ Нила проведены кругомъ него каналы въ 100 футовъ ширины, обсаженные деревьями. Передній залъ храма имѣетъ 60 футовъ вышины, и украшенъ статуями по 6 локтей вышины, очень замѣчательными. Святилище, лежащее среди города, видно отовсюду, если идешь кругомъ, потому что мѣстность подъ городомъ поднята насыпью, а святилище осталось на такой мѣстности, кака была съ самаго начала. Кругомъ него идетъ стѣна, на которой изваяны изображенія, а внутри стѣны роща очень высокаго деревьевъ, которыми обсаженъ очень высокій храмъ, гдѣ стоитъ изображеніе богини. Святилище имѣетъ стадію длины ли, ширины ли, по каждой изъ четырехъ сторонъ. Ко входу ведетъ дорога, выложенная камнями, около 3 стадій длиною и 4 плетры въ ширину, и съ обѣихъ сторонъ обсаженная очень высокими деревьями. На праздникѣ Артемиды въ Бубастѣ происходитъ такъ: садятся въ ладьи мужчины и женщины виѣсть, и въ каждую много людей обою пола. У нѣкоторыхъ изъ женщинъ есть бубны и онѣ бьютъ въ нихъ, а нѣкоторые изъ мужчинъ играютъ на флейтахъ, все время пока ѣдутъ, а остальные мужчины и женщины поютъ и бьютъ въ ладоши. И когда подплывають къ другому городу, они останавливаютъ свою ладью у берега, и дѣлають такъ: нѣкоторыя женщины продолжаютъ дѣлать то, что я ужъ говорилъ, другія громкимъ

голосомъ насмѣхаются надъ женщинами этого города, нѣкоторые плюнуть, а нѣкоторые встаютъ и поднимаютъ иверху свою одежду. Такъ дѣлаютъ онѣ у наждаго города, лежащаго при рѣкѣ. А когда приплывутъ въ Бубастъ, празднуютъ торжество, и приносятъ много жертвъ, и на этомъ праздникѣ выпивается больше вина, чѣмъ во весь остальной годъ. А собираются, считая мужчинъ и женщинъ, кромѣ дѣтей, до 700.000 человекъ, какъ говорятъ жители того мѣста».

3. Циклъ ми- Озирисъ и Изиды, Тифонъ и Нефтисъ—такъ разсказывается мифъ Озириса и Изиды. Озирисъ и Изиды—родились отъ однихъ и тѣхъ же отца и матери, Себа и Нутъ, которыхъ греки называютъ Крономъ и Реею, въ дни великаго египетскаго праздника; но Тифонъ родился черезъ боковое отверстіе, разорвавъ тѣло матери. Озирисъ и Изиды еще въ утробѣ матери полюбили другъ друга; ихъ сынъ былъ старшій Горусъ (Гаруэръ). Они стали благодѣтелями людей. Изиды открыла пшеницу и ячмень, и тогда Озирисъ ввелъ у египтянъ земледѣліе, въ замѣнъ прежняго бѣднаго и грубаго образа ихъ жизни, далъ имъ законы, научилъ ихъ чтить боговъ. Послѣ, онъ прошелъ всю землю, просвѣщая дикарей, почти вовсе не имѣя надобности употреблять оружіе, почти повсюду склоняя людей къ повиновенію пѣніемъ и музыкою, почему эллины считаютъ его за Діониса. Пока онъ путешествовалъ, Тифонъ не могъ поднять возмущенія, потому что Изиды наблюдала за нимъ. Но когда Озирисъ возвратился, Тифонъ употребилъ противъ него хитрость, набравъ 72 соумышленниковъ и пользуясь помощью находившейся тогда въ Египтѣ Эѳіопской царицы Асо. Онъ тайкомъ снялъ мѣрку съ Озириса, заказавъ сдѣлать богато украшенный ящикъ этой величины съ крышкою и велѣлъ принести его на пиръ. Всѣ любовались на прекрасный ящикъ; Тифонъ, будто въ шутку, обѣщалъ подарить его тому, кто, когда ляжетъ въ него, будетъ приходить съ ростомъ ровно въ длину сундука. Всѣ поочередно ложились, но никому не приходило въ голову по росту; наконецъ, легъ въ сундукъ Озирисъ. Заговорщики подбѣжали, наложили на ящикъ крышку, заколотили ее на немъ гвоздями, залили расплавленнымъ свинцомъ, отнесли на рѣку и пустили по ней; ящикъ уплылъ черезъ Танитское устье Нила въ море. Потому Танитское устье до сихъ поръ ненавистно египтянамъ и они не могутъ безъ отвращенія произносить его имени. Это было 17 числа мѣсяца Атира, въ который солнце проходитъ чрезъ созвѣздіе скорпіона. Услышавъ объ этомъ, Изиды обрила одну изъ прядей своихъ волосъ, и надѣла траурную одежду; тотъ городъ и называется поэтому до сихъ поръ Конто. Въ скорби ходила она по всему Египту, разспрашивая каждого о ящикѣ; спросила и у нѣсколькихъ маленькихъ дѣтей, встрѣтившихся ей. Дѣти видѣли и сказали ей, черезъ какое устье уплылъ въ море ящикъ. Потому египтяне приписываютъ дѣтямъ способность прорицанія, и принимаютъ за предвѣстія въ особенности тѣ восклицанія, какія случается дѣлать дѣтямъ при играхъ въ храмахъ. Послѣ того, Изиды узнала, что однажды Озирисъ принялъ по ошибкѣ за нее сестру ея Нефтисъ, провелъ съ Нефтисъ время, какъ съ женою, и оставилъ ей въ знакъ этого свиданія вѣнокъ; Изиды стала искать дитя, родившееся у Нефтисъ отъ Озириса; дитя было тотчасъ же по рожденіи брошено матерью, боявшеюся Тифона. Послѣ многихъ трудовъ, Изиды, ведома собаками, нашла дитя; это былъ мальчикъ; она выкормила его. Онъ сдѣлался стражемъ и спутникомъ ея, и былъ названъ Анубисомъ. Онъ стережетъ боговъ, какъ собаки стерегутъ людей. Изиды услышала о ящикѣ, что морскія волны вынесли его на берегъ близъ Библоса и тихо положила у куста древовиднаго вереска. Верескъ быстро разросся очень большой, охватилъ ящикъ и совершенно скрылъ его въ себѣ. Царь той страны крайне удивился огромности вереска, срубилъ часть его и поставилъ столбомъ подъ свою кровлю ту именно часть, въ которой скрытъ былъ ящикъ. Изиды по чудесному вѣянію отъ столба узнала это, пришла въ Библосъ, сѣла тамъ плачущая у источника, и сидѣла, не разговаривая ни съ кѣмъ; только со служанками царицы заговорила она ласково, запела имъ волоса и своимъ дыханіемъ сообщила имъ дивное благоволеніе, которое было свойствомъ ея. Увидѣвъ служанокъ, царица почувствовала влеченіе познакомиться съ иностранкою, волоса и кожа которой благоухаютъ, какъ амбродіа, и послала за нею; скоро царица подружилась съ Изидою и сдѣлала ее кормилицею своего ребенка. Изиды

кормила малютку, вкладывая вмѣсто груди палецъ въ ротъ ему, а ночью плакала младенца въ огонь, чтобы сгорали смертныя части его тѣла. Сама она превращалась къ ласточкѣ и съ жалобнымъ пѣніемъ летала кругомъ столба, въ которомъ былъ гробъ. Царица однажды увидѣла свое дитя лежащимъ въ огнѣ и громко вскрикнула; это отняло у него даръ безсмертія. Изиды сказала царицѣ, кто она, попросила себѣ тотъ столбъ, легко вынула его изъ-подъ кровли и срѣзала съ гроба верескъ, завернула дерево въ полотно, полила его благоуханными маслами и отдала царю и царицѣ (жители Библоса и теперь поклоняются лежащему въ ихъ святилищѣ дереву Изиды), а сама припала къ гробу съ такимъ рыданіемъ, что младшій изъ двухъ сыновей царя умеръ; старшаго взяла Изиды на корабль, на который поставила гробъ и отплыла. Какъ только осталась она одна съ гробомъ, она сняла крышку съ него, прильнула лицомъ къ лицу мертваго и цѣловала его. Ребенокъ тихо подошелъ сзади и смотрѣлъ, что она дѣлаетъ; она, замѣтивъ это, гнѣвно обернулась и бросила на него такой грозный взглядъ, что онъ не перенесъ ужаса, умеръ. По уваженію къ богинѣ, чтутъ и его, говорятъ, что это онъ, тотъ М а н е р о с ъ, котораго воспѣваютъ египтяне на пиршествахъ. Отправляясь къ своему сыну Горусу, который воспитывался въ городѣ Буто, Изиды спрятала гробъ съ тѣломъ Озириса. Тифонъ, охотясь ночью при лунномъ свѣтѣ, случайно нашелъ тѣло, разорвалъ его на 14 частей и разбросалъ ихъ. Изиды, узнавъ это, стала собирать куски тѣла, плавая въ папирусомъ челнокѣ по болотамъ. Гдѣ находила она кусокъ тѣла, тамъ строила гробницу; потому-то въ Египтѣ и показываютъ такъ много гробницъ Озириса. Другіе говорятъ, что это не такъ; они говорятъ, Изиды сдѣлала нѣсколько изображеній тѣла Озириса, и раздала ихъ разнымъ городамъ, какъ будто давая каждому городу истинное тѣло; такъ поступила она для того, чтобы Озирису поклонялись во многихъ мѣстахъ, и чтобы Тифонъ, если побѣдитъ Горуса и станетъ исцѣплять истинную гробницу, не могъ найти ее, сбиваемый въ своихъ розыскахъ тѣмъ, что ему будутъ называть и показывать много гробницъ. Изиды собрала всѣ куски тѣла, кромѣ половой части, которая была брошена прямо въ рѣку и съѣдена рыбами лепидотомъ, фагромъ и оксиринхомъ, которые считаются у египтянъ самыми гнусными изъ всѣхъ рыбъ. Вмѣсто съѣденной ими части тѣла, Изиды сдѣлала ея изображеніе и посвятила его Фаллосу, котораго и до сихъ поръ чтутъ египтяне.—Послѣ того, Озирисъ изъ подземнаго міра пришелъ къ Горусу, чтобы приготовить его къ борьбѣ и научить сражаться. Все болѣе и болѣе людей переходили отъ Тифона къ Горусу; говорятъ, что пришла къ Горусу и наложница Тифона, Туэра (Thueris), и что змѣй, гнавшійся за нею, былъ разрубленъ Горусомъ; потому и теперь, при посвященіяхъ, египтяне бросаютъ веревку и разрубаютъ ее. Битва длилась много дней, и Горусъ побѣдилъ. Но Изиды, которой былъ отданъ связанный Тифонъ, не убила его, а развязала и отпустила. Горусъ не вынесъ этого равнодушія; онъ даже поднялъ руку на мать и сорвалъ съ нея головы корону; но Гермесъ возложилъ на голову ей шлемъ, сдѣланный въ видѣ коровьей головы. Тифонъ послѣ того оспаривалъ права Горуса, говоря, что онъ незаконнорожденный; но при заступничествѣ Гермеса за Горуса, боги признали его законнымъ, и во второй изъ двухъ новыхъ битвъ Тифонъ былъ совершенно разбитъ. Наконецъ отъ посмертной любви Озириса Изиды родила еще сына, Г а р и о к р а т а; онъ родился преждевременно и былъ слабъ ногами.—Далѣе, Плутархъ объясняетъ этотъ мифъ, какъ символическое изложеніе хода явленій природы.—Діодоръ (I, 22) говоритъ, что гробница Озириса находится на островѣ Филэ, близъ рубежа Эѳіопіи, что въ этой гробницѣ есть памятники и что тамъ 360 жертвенныхъ чашъ. «Говорятъ, что назначенные для того жрецы должны каждый день наполнять эти чаши молокомъ и со столами призывать имена божествъ. Говорятъ, что потому и не допускаютъ на этотъ островъ никого, кромѣ жрецовъ. Жители Фиваиды всѣ считаютъ самую священною клятвою, когда человекъ клянется покойнымъ въ Филэ Озирисомъ». Другая знаменитая гробница Озириса находилась въ городѣ Бузурисѣ (то есть: «Домъ Озириса»), на одномъ изъ рукавовъ Нила. По словамъ Діодора, тутъ бывали иногда приносимы въ жертву люди съ красноватымъ цвѣтомъ кожи, въ особенности иноземцы; изъ этого, говорятъ онъ, и произошло сказаніе о свирѣпомъ

царѣ Бузирисѣ, убивавшемъ всѣхъ иноземцевъ. По Страбону, возникновенію этого сказанія содѣйствовало то, что жители Бузириса, гордясь своимъ святилищемъ и древними своими высокими качествами, были негостепримны, держали себя относительно иностранцевъ высокомерно. Въ Бузирисѣ происходили большія торжества въ честь Озириса и Изиды. Когда начиналось пониженіе воды Нила и наступало время зноя, мужчины и женщины, собиравшіеся во множествѣ отовсюду въ Бузирисъ, совершали четырехдневные обряды скорби о смерти Озириса: приносили жертвы, молились и били себя въ грудь; карійцы, которые тоже бывали тутъ, даже рѣзали себѣ ножемъ кожу на лбу. Черезъ три мѣсяца, когда вода рѣки начинаетъ снова подыматься и природа пробуждается въ новой жизни, праздновалась память того, что Изида искала тѣло Озириса: день и ночь носили изображение Изиды въ одеждѣ печали по полямъ и рощамъ до самого берега моря; при этомъ пѣли пѣсни скорби, ночью зажигали факелы, и все время шумѣли и стучали, чтобы прогнать враждебнаго Тифона. Наконецъ жрецы возглашали спасительную вѣсть, что Озирисъ найденъ, — и начинался обрядъ похоронъ: дѣлали изъ дерева ящикъ гроба, рвали льняной хлопотъ для изготовленія муміи, совершали жертвы возлінія въ честь усопшаго. — Не ф т и с ѣ тоже была предметомъ поклоненія, особенно на югѣ, въ Нубіи (въ Псельхисѣ). На памятникахъ даются ей высшіе божественные титулы: «царица неба», «владычица всѣхъ благъ», «владычица обоихъ міровъ», «великая госпожа женщинъ». — Болѣе распространено было служеніе А н у б и с у, богу съ головою шакала, которую часто считали головою собаки. — Въ египетской мифологіи Анубисъ занимаетъ мѣсто Гермеса Душеводителя, говоритъ Партей: «Онъ отводитъ души въ подземный міръ, и на тѣхъ папирусахъ, которые клались въ гробъ, онъ участвуетъ въ похоронахъ и въ судѣ надъ душою. Объ этомъ его значеніи говорятъ и его гіероглифическіе титулы: «господинъ холмовъ» и «владыка запада»: египетскія гробницы находятся болѣею частью въ западной группѣ холмовъ». Его изображенія находятся въ Филѣ и Дендерѣ; мѣстомъ поклоненія ему былъ верхне-египетскій городъ Кинополь.

Анубисъ.

Горусъ и Гаторъ.

«Горусъ изображается въ видѣ нагаго младенца», говоритъ Партей въ объясненіяхъ въ Плутарху: «на головѣ у него плотно прилегающая шапочка, волосы у него длинные, на ротъ положенъ палецъ. Ему дается много названій: «Горусъ опора міра»; «великій помощникъ»; «Горусъ солнце». Онъ изображается въ ладѣ солнца въ первый и второй часы дня; изображается сидящимъ на посохѣ съ клюкою, — знакъ власти или на чашечкѣ лотусоваго цвѣтка; въ царствѣ мертвыхъ онъ изображается у вѣсовъ». Главные его храмы были въ Омбосѣ, Эдфу и Кусѣ (Apolinopolis magna). — Въ Абу-Сямбельскомъ и большомъ Дендерскомъ (Тентирскомъ) храмахъ поклонялись богинѣ Гаторъ (Nathor), которая была женскимъ элементомъ идеи, имѣвшей Горуса мужскимъ своимъ выраженіемъ. Гаторъ самостоятельная богиня, но все-таки родственная Изидѣ по своему значенію, и подобно Изидѣ изображается женщиною съ коровьими рогами и дискомъ между нихъ, съ жезломъ Нила въ рукѣ. Она изображается и въ видѣ пестрой коровы. Прекрасныя женскія головы съ коровьими ушами, на колоннахъ Дендерскаго храма, это изображенія не Изиды, а Гаторъ. «У нея было много храмовъ, и многимъ городамъ были даны названія въ честь ея имени. Греки называютъ ее Афродитою. Она имѣла много значеній. Первоначально она была космогоническимъ божествомъ, какъ показываютъ ея названія: «жилище Горуса», «владычица всѣхъ боговъ», «кормилица Горуса, наполняющая небо и землю своими благодѣяніями», и вѣроятно въ ней выражалась общая идея рожденія и кормленія; потому ей было посвящено египетское дерево жизни, Persea.

Нейтъ.

«Нейтъ изображается на памятникахъ въ видѣ женщины съ зеленымъ лицомъ», говоритъ Партей: «на головѣ у нея корона Нижняго Египта, въ рукахъ скипетръ изъ цвѣтовъ, иногда лукъ и стрѣлы. Постоянный титулъ ея «богиня мать» или «мать боговъ». Главнымъ мѣстомъ служенія ей былъ Саисъ». На ея статуѣ въ Саисѣ была, по словамъ Плутарта, надпись: «Я — все; я — сокровенное, настоящее и будущее. Моего неплоса (покрывала) не приподнималъ еще ни одинъ смертный». — О праздникѣ лампъ Городотъ рассказываетъ (II, 62): «Въ Саисѣ собираются на жертвоприношеніе въ опре-

дѣленную ночь, и каждый зажигаетъ много лампъ на открытомъ воздухѣ. Эти лампы — сосуды съ солью и масломъ, на которомъ плаваетъ фитиль. И онѣ горятъ всю ночь, и праздникъ этотъ называется праздникомъ зажженныхъ лампъ. А тѣ египтяне, которые не приходятъ на этотъ праздникъ, тоже соблюдаютъ ночь его и повсюду тоже зажигаютъ лампы, такъ что освѣщеніе тогда дѣлается не въ одномъ Саисѣ, а по всему Египту». Греки отождествляютъ Нейтъ съ Лепною. Къ этому сближенію привело ихъ сходство между саисскимъ праздникомъ лампъ и афинскими бѣгами съ факелами, созвучіе именъ и общій, обѣимъ богинямъ символъ, тѣлцѣй челнокъ.

В. НАРОДНАЯ ВѢРА. ПОКЛОНЕНІЕ ЖИВОТНЫМЪ. ЖРЕЧЕСКОЕ ВѢРОУЧЕНІЕ.

Изъ всѣхъ этихъ божествъ только Озирисъ и окружающая его группа имѣютъ мифологію, только о нихъ былъ циклъ религіозныхъ сказаній; всѣ другіе боги и богини лишь абстрактныя понятія, не имѣющія біографіи, лишь имена и формы, служащія для обозначенія явленій природы. Въ божествахъ мужскаго пола олицетворяется могущественнѣйшее изъ проявленій оплодотворяющей силы природы, солнце, въ божествахъ женскаго пола — воспринимающая и рождающая сила нѣдръ матери — земли; потому всѣ женскія божества или сливаются между собою или по крайней мѣрѣ оказываются одинаковыми по существеннымъ своимъ чертамъ. Самъ собою представляется вопросъ, почему египетскій народъ, такой даровитый и такъ рано созрѣвшій, не обратилъ свои божества въ живыя, дѣйствующія личности созданіемъ мифовъ о нихъ. Главными причинами тутъ были, повидимому, врожденные свойства народа и характеръ его духовенства. Консервативный по природѣ египетскій народъ, крѣпко державшійся старины и привычекъ, былъ не расположенъ къ тому, чтобы наслѣдованная отъ предковъ религіозная преданія видоизмѣнялись жизненнымъ развитіемъ. У египтянъ не было міра поэтическихъ образовъ. Если и находятся слѣды мифовъ о какихъ-нибудь другихъ божествахъ, кромѣ Озириса и его группы, — на примѣръ, если есть зародышъ мифа въ представленіи о Горгудѣ (Horgud), крылатомъ дискѣ солнца, то эти представленія едва ли были у египтянъ общеизвѣстными и разработанными, какъ была, на примѣръ, обширная масса общеизвѣстныхъ мифовъ у народовъ классическаго міра. Греки слышали отъ египтянъ сколько-нибудь подробные рассказы повидимому только объ Озирисѣ и божествахъ его мифа. Египтяне имѣли, вообще только обряды богослуженія, только типы художественныхъ изображеній, наслѣдственные по священному преданію отъ предковъ, праздники и символическія церемоніи, истинный смыслъ которыхъ оставался неизвѣ-

Египетскіе боги — лишь олицетворенія понятій.

стенъ народу. Съ развитіемъ культуры, богопочитаніе у всѣхъ языческихъ народовъ становилось богаче церемоніями, разнообразіемъ и торжественнѣе; тѣмъ неизбѣжнѣе все внутреннее содержаніе должно было быть вытѣснено изъ него исполненіемъ формалистики у египтянъ, вся жизнь которыхъ была регламентирована, скована обычаями и основанными на обычаяхъ формальностями и законами. Вся религіозная жизнь египтянъ состояла въ совершеніи дѣлъ внѣшней набожности: жертвоприношеній и очищеній, священныхъ обрядовъ и молитвъ, праздниковъ и заповѣдей воздержанія; машинальное исполненіе предписанныхъ религіозныхъ обязанностей совершенно заглушило въ нихъ святое чувство сердца, живое общеніе души съ божествомъ. Безчисленные праздники, имѣвшіе своимъ основаніемъ явленія природы и астрономическія эпохи, или состоявшіе въ поклоненіи многочисленнымъ мѣстнымъ божествамъ, не столько возбуждали душу къ высшимъ стремленіямъ, сколько увлекали въ обрядность жертвоприношеній и торжественныхъ процессій. Богамъ приносили плоды и цвѣты, совершали имъ возліянія, воскуряли передъ ними благовонія; рѣзали овецъ и коровъ, телятъ и гусей на ихъ алтаряхъ, украшали храмы вѣнками и подарками; носили въ праздничные дни при стеченіи безчисленнаго народа по городу и изъ города въ городъ изображенія боговъ, умащенные благовонными маслами и украшенные драгоценными одеждами. У Геродота упоминается обычай египтянъ сбривать волосы дѣтей и выкупать эти волосы у сторожей священныхъ животныхъ, давая имъ количество серебра, разное вѣсу волосъ. Очищенія и омовенія, соблюденіе правилъ о неупотребленіи запрещенныхъ сортовъ пищи и формъ одежды, посты и другіе обычаи траура, мелочная и машинальная обрядность до такой степени владычествовали надъ религіозною жизнью египетскаго народа, что онъ утратилъ склонность и воспріимчивость къ развитію вѣроученія, къ религіи сердца и мысли. Богобоязненность египтянъ, прославляемая Геродотомъ, состояла главнымъ образомъ въ соблюденіи внѣшнихъ правилъ набожности. При такомъ характерѣ народной жизни, развитіе религіозныхъ понятій должно было стать исключительно дѣломъ духовенства. Разрабатывая космогоническія понятія, лежавшія въ основаніи египетскаго, какъ и всякаго другаго языческаго вѣроученія, духовенство не превратило ихъ въ идеальные человѣческіе образы, какіе создаетъ творчество фантазіи; въ духовенствѣ преобладала тенденція къ философскому мышленію, и оно выработало изъ нихъ натурфилософскія космогоническія системы, смыслъ которыхъ оно скрывало отъ народа, какъ тайноученіе. — Этому стремленію жреческаго сословія благоприятствовало то, что въ египетскія вѣрованія рано проникло направленіе придавать животнымъ символическое значеніе. Возникновеніе этой своеобразной формы бого-

Происхожденіе
и развитіе по-
читанія живот-
ныхъ.

почитанія еще не разъяснено достовѣрнымъ образомъ. Мы знаемъ только, что понятія о священныхъ животныхъ были тѣсно связаны съ понятіями о богахъ, что боги даже болѣе или менѣе отождествлялись съ этими животными. Всѣ попытки прослѣдить происхожденіе этихъ мыслей, найти философское или историческое объясненіе дѣла, до сихъ поръ остаются лишь гипотезами. По мнѣнію Ранке, «египетское богопочитаніе животныхъ основывается на мысли, что въ нѣкоторыхъ изъ нихъ проявляется божественный элементъ. Это выродилось въ грубое идолопоклонство; но египтяне никогда не забывали, что животныя лишь символы; предметомъ почитанія всегда оставался сокровенный въ этомъ проявленіи богъ». По мнѣнію другихъ, всѣ изображенія божествъ первоначально имѣли у египтянъ формы человѣческаго тѣла и человѣческое лицо; при неразвитости техники, эти грубые изображенія были всѣ чрезвычайно сходны; чтобы можно было различать ихъ, жрецы дѣлали на нихъ надписи гіероглифическими знаками, формы которыхъ напоминали о характерѣ или имени изображеннаго божества. Эти гіероглифическіе знаки были большею частью фигуры животныхъ; отъ этого мало по малу укоренилась привычка мыслить объ изображеніи бога всегда въ соединеніи съ гіероглифическимъ знакомъ животного, а наконецъ и ставить бога въ тѣсное соотношеніе къ животному, соединенному съ его изображеніемъ и переносить на это животное часть божественной святости. Такимъ образомъ въ народной религіи развилось поклоненіе животнымъ, принимавшее характеръ все болѣе и болѣе грубой матеріальности, по мѣрѣ того, какъ жреческая философія превращала образы боговъ въ пустыя формы абстрактныхъ понятій и расширялась бездна, раздѣлявшая тайное ученіе отъ народной религіи, утрачивалась всякая связь между ними. Животное считали посвященнымъ божеству, и поклоненіе божеству распространяли и на него. Священныхъ животныхъ держали и кормили въ храмахъ или подлѣ храмовъ, ухаживая за ними чрезвычайно заботливо. Священные сказанія и истолкованія могли различать символъ божества отъ божества; но для народа животное было священнымъ само по себѣ; праздники, которыми чтили животныхъ и предвѣстія, приписывавшіяся имъ, должны были усиливать это суевѣрное заблужденіе. Всѣмъ божествамъ солнца былъ посвященъ копчикъ, Тоту—ибисъ, быкъ—плодотворящему элементу природы, олицетворенному въ богахъ Пта и Ра; кошка была посвящена бубастской Бастъ, богинѣ рожденія, шакалъ былъ священнымъ животнымъ стража мертвыхъ, Аубиса, нѣкоторыя змѣи были посвящены божествамъ, группировавшимся около Озириса, и Хнуму; на всѣхъ этихъ животныхъ переходила нѣкоторая доля почитанія, оказываемаго ихъ богамъ; чѣмъ торжественнѣе и чѣмъ шире по Египту распространено было служеніе какому-нибудь богу,

велика, что кто увидит какое животное мертвым, останавливается вдали и зовет свидетелей, с плачем уверяя, что нашел его уже мертвым. Как глубоко вкоренилось в умах вѣрованіе въ святость этих животных и как неумалимо усердіе къ ихъ почитанію, показываетъ слѣдующій примѣръ: въ то время, когда царь Птолемей еще не объявленъ былъ другомъ римлянъ, и народъ всячески старался приобрести благосклонность пріѣзжихъ изъ Италіи, и заботливо избѣгалъ подать причину къ неудовольствію или къ войнѣ, случилось, что римлянинъ убилъ кошку; толпа сбѣжалась къ дому сдѣлавшаго это, и ни просьбы важныхъ людей, присланныхъ царемъ, ни всеобщая боязнь Рима не могли отвратить наказаніе отъ этого человека, хотя онъ сдѣлалъ то неумышленно. О мемфисскомъ Аписѣ, гелиопольскомъ мневисѣ, мендесскомъ козлѣ, точно также о крокодилѣ Меридова озера, о лѣвѣ, содержимомъ въ Леонтополѣ, и о многихъ другихъ такихъ животныхъ можно бы рассказать много. Этихъ животныхъ содержатъ въ священныхъ оградахъ, и многіе знатные люди ухаживаютъ за ними и даютъ имъ изысканнѣйшую пищу. Они постоянно кормятъ ихъ кашею изъ самой лучшей пшеничной муки или крупы и молокомъ, всяческими медовыми печеньями, вареною или жареною гусятиной. Для плотоядныхъ животныхъ ловятъ они птицъ, которыхъ бросаютъ имъ въ большомъ изобиліи. Вообще они употребляютъ на уходъ за ними много денегъ и труда. Они постоянно заняты купаньемъ ихъ въ теплыхъ ваннахъ, натираньемъ превосходнѣйшими благовонными маслами, окуриваніемъ всякими благоуханіями. Съ большими издержками изготовляютъ они имъ роскошно украшенные ложа. Если умретъ такое животное, они горюютъ такъ, какъ будто потеряли любимое дитя, и устраиваютъ чрезвычайно великолѣпныя похороны, далеко превышающіе ихъ средства.

Жреческое вѣроученіе. Межъ тѣмъ какъ народная религія все больше и больше поглощалась суевѣріемъ, формалистикою набожности, и служеніе священнымъ животнымъ, пышныя религіозныя торжества, богослужебныя обряды и жертвоприношенія, предписанія ритуала подавляли духовную жизнь массы населенія, духовенство сводило въ одно цѣлое элементы національной религіи, развивало ихъ и мало по малу выработало систему вѣроученія, слѣды которой еще отражаются въ отрывочныхъ извѣстіяхъ греческихъ писателей. Правда, эти извѣстія не свободны отъ ошибокъ и недоразумѣній, и авторы ихъ вообще не понимали внутренняго смысла священныхъ ученій, обрядовъ и символовъ египетскихъ жрецовъ; но въ нихъ есть данныя, соединяя которыя съ результатами изслѣдованія памятниковъ, можно до нѣкоторой степени узнать или хотя разгадать умственную и религіозную жизнь египетскаго духовенства.

Благодаря тому, что найдены тайныя склепы очень многихъ храмовъ, мы узнали теперь тайноученіе египетскихъ жрецовъ; оно характеризуется вообще тѣмъ, что галиматіи въ немъ еще больше, чѣмъ въ ученіи, предназначенномъ для профановъ. Да, благоразумны будутъ тѣ, кто не станетъ воображать, что это египетское священное ученіе было чрезвычайно глубокомысленно.

Три ряда боговъ. Первою заботою жрецовъ было, повидимому, то, чтобы соединить общими связями мѣстныхъ боговъ и распределить ихъ по разрядамъ. Кажется, что именно такимъ способомъ были составлены три ряда, на которые, по свидѣтельствамъ грековъ, египтяне дѣлили своихъ боговъ. Но какія божества были причисляемы къ тому или другому изъ трехъ разрядовъ, въ этомъ много разногласія. Даже и относительно числа боговъ,

одни извѣстія противорѣчатъ другимъ. Довольно будетъ одного примѣра: по Геродоту, было восемь „великихъ“ или „древнѣйшихъ“ боговъ. Но Геродотъ причисляетъ Озириса къ третьему, то есть, самому новому, ряду; а у Манеона и въ надписяхъ Озирисъ помѣщается въ первомъ ряду. Больше всего разнорѣчія относительно боговъ перваго ряда, въ которомъ и число ихъ и имена въ разныхъ источникахъ не одинаковы. По мемфисскому ученію, къ первому ряду принадлежали или семь или восемь боговъ, не считая богинь, которыя вообще были лишь олицетвореніемъ женскаго элемента обозначаемой личностью бога космогонической силы, лишь необходимымъ дополненіемъ къ богу; по ѳиванскому ученію, такихъ боговъ было девять; это были „девять великихъ ѳиванскихъ боговъ“. Но всѣ египетскія божества лишь символы силъ природы, даже и наиболѣе новые боги, третьяго ряда, не герои, не обожествленные люди: они тоже принадлежатъ великому царству символистики, олицетворяющей силы природы.

Классифицировать силы природы, олицетвореніями которыхъ были боги, **Спекулятивное вѣроученіе.** опредѣлить физическую или космогоническую связь между ними, было, повидимому, второю задачею трудовъ жреческаго сословія. Главныя усилія его мыслей были обращены на выработку ученія о возникновеніи вселенной; результатомъ этого было систематическое развитіе зародышей космогоніи, лежавшихъ въ богахъ народной вѣры. Исслѣдователямъ еще не удалось достовѣрнымъ образомъ возстановить египетское вѣроученіе по отрывочнымъ, говорящимъ о разныхъ временахъ, извѣстіямъ греческихъ и римскихъ писателей; но благодаря проницательности ученыхъ, занимавшихся этою работою, уже получены важныя выводы, по которымъ видно, что со временемъ, когда критическая разработка многочисленныхъ надписей религіознаго содержанія дастъ возможность отдѣлить старое отъ новаго, будетъ разъясненъ таинственный мракъ египетскаго вѣроученія. Для нашей цѣли достаточно будетъ привести въ дополненіяхъ существенное содержаніе извѣстнѣйшихъ изъ тѣхъ системъ объясненія египетской догматики, которыя составлены новыми изслѣдователями на основаніи извѣстій древнихъ писателей и гіероглифическихъ изысканій. Замѣтимъ однако же, что только система Лепсіуса можетъ считаться достовѣрною въ главныхъ своихъ чертахъ, а система Бунзена, въ которой слишкомъ много гипотезъ и фактическихъ ошибокъ, должна быть признана уже устарѣвшей.

Пополненія. Лепсіусъ даетъ слѣдующіе списки перваго ряда боговъ:

По Мемфисскому ученію.

1. Пта (Гефестъ).
2. Ра (Гелиосъ).
3. Шу («сынъ бога Ра») и Тефнетъ («дочь солнца»).
4. Себъ (Кронъ; «отецъ боговъ») и Нутъ (Рей; «родительница боговъ»).
5. Асаръ (Озирисъ, Діонисъ) и (6) Астъ (Изида, Деметра).
6. (7) Сетъ (Тифонъ) и Небгатъ (Nebhat; Nephthys, Нефтисъ).
7. (8) Горъ (Ног, Горусъ, Апполонъ) и Гаторъ (Афродита).

По ѳиванскому ученію.

1. Аменъ (Аммонъ, Зевсъ).
2. Менту (Month) } Два главные фазиса
3. Атму (Тумъ) } бога Ра.
4. Шу и Тефнетъ.
5. Себъ и Нутъ.
6. Асаръ (Озирисъ) и Астъ (Изида).
7. Сетъ и Небгатъ.
8. Горусъ и Гаторъ.
9. Себакъ и Танентъ или Аниетъ («дочь бога Ра»).

По Бунзену, въ каждомъ изъ трехъ рядовъ было двѣнадцать боговъ. Къ первому

ряду боговъ, по его мѣнью, принадлежали: 1, Аммонъ; 2, Хемъ (оплодотворяющій богъ Панопольскій); 3, Мутъ (Латона; богиня города Буто); 4, Кнефъ (Kneph; богъ съ бараньею головою); 5, Сети (Sate), жена Кнефа; 6, Пта (Мемфисскій творецъ міра); 7, Нейтъ (богиня Санскаая); 8, Ра (богъ Геліопольскій). Бога Пта, имѣющаго два разныя значенія, Бунзенъ считаетъ занимающимъ два мѣста, и прибавляетъ, какъ жену его, „богиню съ головою лягушки“; такимъ образомъ, онъ получаетъ десять божествъ; двухъ не достающихъ нельзя опредѣлить съ точностью, говоритъ онъ. — Второй рядъ боговъ составляютъ, по его мѣнью: 1, Хонсу (Геркулъ); 2, Тотъ (Гермесъ); 3, Атму; 4, Пахтъ (богиня Бубастская); 5, Гаторъ (Nathor, Nether, Афродита); 6, Мау или Му («сынъ бога Ра», со страусовымъ перомъ); 7, Ма (дочь бога Ра, богиня истины и справедливости); 8, Тефну (Тефнетъ); 9, Мунту (Mandulis) «сынъ бога Ра», съ головою копчика и дискомъ солнца; 10, Себагъ (Себекъ), богъ крокодиловъ Омбосскій; 11, Себъ (Кронъ); 12, Нутне (Рен). — Къ третьему ряду, по Бунзену, принадлежатъ: шесть божествъ Озирисовой группы: Озирисъ (въ двойномъ видѣ, какъ богъ надземнаго міра и какъ богъ подземнаго міра), Изида, Горусъ, Сетъ (Seth; Тифонъ), Нефтисъ, Анубисъ; далѣе, Гарпократъ и четыре духа царства мертвыхъ.

с) СУДЪ НАДЪ УМЕРШИМИ И ПОХОРОНЫ.

Посмертное
состояніе.

Существенный смыслъ вѣроученія оставался скрытымъ отъ народа; но духовенство умѣло подчинить всю жизнь египтянъ религіознымъ понятіямъ и сдѣлать служеніе богамъ важнѣйшею, даже единственною цѣлью ихъ жизни. Оно учило считать не только земныя блага дарами боговъ, счастье послѣдствіемъ благочестивыхъ дѣлъ и помышлений, несчастье послѣдствіемъ нечестивыхъ, но и устремлять взоръ за предѣлы земной жизни, на посмертную судьбу, вѣровать, что участь души въ будущей жизни зависитъ отъ того, какъ ведетъ себя человекъ на землѣ. Не только греческіе писатели, особенно Геродотъ, говорятъ намъ, что египтяне были первымъ народомъ, пришедшимъ къ вѣрованію въ безсмертіе души; мы знаемъ отъ самихъ египтянъ, что у нихъ было подробно выработанное ученіе о судьбѣ души по окончаніи земной жизни; съ ихъ представленіями объ этомъ знакомятъ насъ изображенія въ гробницахъ и замѣчательное произведеніе египетской литературы, «Книга мертвыхъ», которое клали въ гробъ съ умершимъ, какъ бы руководство для предстоящаго ему путешествія въ царство мертвыхъ. Это сборникъ молитвъ и рѣчей, болѣе или менѣе полный списокъ котораго на папирусовомъ свиткѣ давали умершему; къ нимъ присоединены мистическія призыванія, которыя были непонятны ужъ и самимъ египтянамъ позднихъ временъ, такъ что надобно было прибавлять къ нимъ комментаріи. Душа, на своемъ, показанномъ въ этой книгѣ, пути по областямъ царства мертвыхъ, будетъ встрѣчать боговъ и духовъ, и должна будетъ молиться имъ и говорить съ ними, какъ написано въ книгѣ; она будетъ подвергаться допросамъ, и тутъ написаны отвѣты, какіе должна давать она. Одно

изъ важнѣйшихъ мѣстъ книги—сцена, изображающая, какъ душа, послѣ погребенія тѣла, нисходитъ съ опускающимся подъ горизонтъ солнцемъ въ Аментесъ (Amenthes), мрачное царство тѣней, и какъ тамъ судьи мертвыхъ постановляютъ приговоръ о ней.

У входа сидитъ на возвышеніи „Поглощатель“, чудовище, похожее на гиппопотама; пасть его широко раскрыта, какъ у греческаго цербера. За входомъ черезъ богато украшенные пилоны, находится аванзалъ дворца мертвыхъ; потолокъ залъ этого дворца покоится на колоннахъ. Въ аванзалѣ сидитъ на тронѣ судья мертвыхъ, Озирисъ, въ видѣ муміи, съ короною на головѣ, съ бичемъ и изогнутымъ вверху посохомъ въ рукахъ; по сторонамъ его у стѣны зала сидятъ 42 духа; фигуры нѣкоторыхъ изъ нихъ вполне человѣческія, другіе изображены имѣющими головы разныхъ животныхъ; это члены суда, произносящіе приговоръ по вопросамъ о 42 запрещенныхъ египетскою религіею смертныхъ грѣхахъ, невиннымъ въ которыхъ называетъ себя умершій. Престолъ судьи окружаетъ вода; на двѣтахъ лотуса надъ нею изображены четыре „духа царства мертвыхъ“, съ головами человека, обезьяны, копчика и шакала; этимъ духамъ были посвящены внутренніе органы человека, каждому особый. Съ другаго конца залы входитъ умершій; М а т ь, богиня истины и справедливости, украшенная своимъ символомъ, страусовымъ перомъ, встрѣчаетъ его и ведетъ къ вѣсамъ правосудія, на которыхъ взвѣшивается его сердце: на одну чашку кладется оно, на другую положено страусово перо или поставлена маленькая статуя самой богини. Дѣломъ взвѣшивания занимаются Горусъ, изображенный съ головою копчика, и проводникъ умершихъ Анубисъ, у котораго голова шакала. Богъ письменъ и науки Тотъ, съ головою ибиса, стоитъ съ письменною тросточкою и дощечкою, чтобы записать результатъ взвѣшивания и приговоръ. Въ допросѣ и въ исповѣди грѣховъ судимаго нѣтъ возвышеннаго нравственнаго чувства. Судимый не проникнутъ смиренною скорбью о своей грѣховности, а ссылается на сообразность своей жизни съ закономъ: онъ не преступалъ священныхъ постановленій; не поносилъ словами ни царя, ни отца, ни боговъ, не оказывалъ неуваженія къ нимъ; онъ не былъ ни воръ, ни пьяница, ни прелюбодѣй, ни убійца; не говорилъ лжи, не давалъ фальшивой присяги, не качалъ головою, слушая слова истины; не былъ лицемеръ; его набожность не была притворная; онъ не былъ клеветникъ; не убилъ и не ѣлъ никакого священнаго животного, не провинился неисполненіемъ установленныхъ обрядовъ и богомольствъ; не похитилъ ничего изъ жертвъ богамъ, не укралъ ничего изъ ихъ святилищъ и т. д. Вѣроятно, рассказы о судѣ въ царствѣ мертвыхъ подали грекамъ поводъ къ ошибочной мысли, будто ужъ на землѣ, немедленно по смерти человека, производится судъ надъ нимъ и у нечестивыхъ отымается честь быть погребенными, и будто боязнь этого была для многихъ царей побужденіемъ царствовать справедливо.

Съ судьбами душъ по произнесеніи приговора знакомятъ насъ изображенія въ гробницѣ Рамсеса V. Души людей, жившихъ набожно и справедливо, идутъ въ небесныя области, гдѣ живутъ высшіе боги. Освѣщенные водою жизни, которую льетъ на нихъ съ Персеи (дерева жизни) богиня Нутъ,—въ предвѣстіе тому и возглашалось надъ умершимъ: да дастъ Озирисъ тебѣ прохладную воду!—и подерѣвленные плодами, которыми она кормитъ ихъ, души праведныхъ проходятъ черезъ подземное царство, въ которомъ множество ужасныхъ чудовищъ, змѣй, крокодиловъ, и приходятъ на поля блаженныхъ. На нихъ они ведутъ жизнь райской невинности и

Судъ надъ
умершимъ.

Жилище пра-
ведныхъ.

Переселение
душъ.

Состояние осу-
жденных на
мучения.

радости. Они занимаются тамъ сельскими трудами, рвутъ небесные плоды съ деревьевъ, гуляютъ по цвѣтникамъ и аллеямъ; купаются въ небесныхъ водахъ; собираютъ жатвы, чтобы вкушать самимъ и приносить часть собраннаго въ жертвы богамъ; радуются и наслаждаются при видѣ солнца.— Подобно другимъ восточнымъ народамъ, египтяне вѣровали въ переселение душъ, состоящее въ томъ, что отъ времени до времени душа возвращается на землю и живетъ въ тѣлѣ человѣка или какого-нибудь животнаго. Но кажется, что въ Египтѣ возвращеніе души на землю не считалось наказаніемъ, какъ было это по вѣрованію индійцевъ; напротивъ, египтяне молились, чтобы умершему позволено было возвращаться на землю и принимать какія будетъ угодно ему тѣла.— Въ гробницѣ Рамсеса V изображены и мученія, которымъ подвергаются осужденные, не освѣщаемые божественными лучами солнца. Въ разныхъ отдѣлахъ преисподней, стражами у которыхъ стоятъ вооруженные демоны, изображены мучимыя красными демонами черныя души, нѣкоторыя въ видѣ людей, другія въ видѣ птицъ, имѣющихъ человѣческія головы; нѣкоторыя изъ нихъ привязаны къ столбамъ, и демоны рубятъ ихъ мечами; другія, длинными рядами, идутъ безъ головъ; нѣкоторыя повѣшены за ноги, другія ввергнуты въ кипящіе котлы; демоны гонятъ свинью,—это, безъ сомнѣнія, тоже душа грѣшника. Человѣческая фантазія всегда была плодотворна на придумываніе мученій,—и въ христіанскія времена поэзіи Данте, какъ въ египетской древности.

Извѣстія греческихъ писателей, по которымъ египетское переселеніе душъ представляется процессомъ очищенія грѣшниковъ, трудно согласить съ данными, какія находимъ на египетскихъ памятникахъ. Быть можетъ, ученіе о непосредственномъ воздаяніи послѣ смерти, о раѣ и адѣ, должно считать древнимъ вѣрованіемъ, а догматъ переселенія душъ, которое, по Геродоту, могло длиться три тысячи лѣтъ, былъ новымъ ученіемъ: по этому догмату, отъ самого человѣка зависитъ сократить благочестивою жизнью время земнаго своего странствованія, послѣ котораго душа его становится чистою и блаженною; вѣчныхъ адскихъ мученій нѣтъ; раньше или позже, но непремѣнно наступаетъ состояніе покоя, желаемое людьми восточныхъ странъ;—такія мысли свидѣтельствуютъ о высокомъ развитіи религіи, основанной, какъ египетская, на обоготвореніи природы.

Бальзамирова-
ніе и погребе-
ніе.

До сихъ поръ не разъяснено, какую связь эти представленія египтянъ о загробной жизни имѣютъ съ ихъ обычаями предохранять тѣла отъ гніенія бальзамированіемъ. Если душа ведетъ по смерти тѣла самостоятельное существованіе, то къ чему жъ было заботиться о томъ, чтобы тѣло сохранялось? Говорятъ, что бальзамированіе было принадлежностью народной религіи, а не вѣроученія жрецовъ: народная вѣра не поднималась выше грубаго матеріальнаго представленія о неразрывной связи души съ тѣломъ, и духовенство, дошедшее до понятій, болѣе возвышенныхъ, считало неудобнымъ противо-дѣйствовать старинному обыкновенію. Но это объясненіе ошибочно, потому что именно самые знатные и образованные люди—цари, жрецы, и придворные—придавали наибольшую важность бальзамированію. Да

и по надписямъ очевидно, что египтяне всѣхъ сословій и профессій одинаково держались вѣрованія, что сохраненіе существованія души обусловливается сохраненіемъ тѣла, что разрушеніе тѣла лишаетъ душу вѣчнаго покоя въ небесныхъ областяхъ. Упроченію обычая бальзамировать тѣло могло содѣйствовать глубоко коренившееся въ египтянахъ влеченіе сохранять все живое; если невозможно было фактически сберечь его, они сохраняли его по крайней мѣрѣ въ изображеніи.

Способы бальзамированія были различны, по различіямъ общественнаго положенія покойныхъ и богатства ихъ семействъ. Тѣла знатныхъ людей бальзамировали искусные въ этомъ дѣлѣ мастера, занимавшіеся своею профессіею по официальному назначенію; этотъ способъ бальзамированія былъ такой: взрѣзывали тѣло, вынимали изъ него внутренности; вымывали его пальмовымъ виномъ, наполняли внутреннюю полость благовонными веществами, разными сортами мирры, кассіею и т. д., зашивали разрѣзы и клали тѣло на нѣсколько времени въ соду. Вымывъ его снова и обмазавъ гумми, завертывали каждую часть тѣла особымъ кускомъ биссовой ткани, потомъ все тѣло общими покровами. На животъ и на грудь клали повязки, на которыхъ прикрѣплены были золотыя и серебряныя фигуры, въ особенности скарабей, изображенія Озириса, и открытый глазъ, символъ пробужденія къ новой жизни. На тѣ муміи, которыя были дѣлаемы съ особенною заботливостью, клали поверхъ всего этого обложку изъ хлопчатобумажной ткани, смазанной клеемъ и гипсомъ; на этой обложкѣ обозначали рисункомъ черты лица. Всю остальную мумію разрисовывали гіероглифическими письменами. Человѣкъ, превращенный такимъ образомъ въ мумію, дѣлался черезъ то посвященнымъ Озирису. По окончаніи всего этого, клали мумію въ гробъ изъ сикомороваго дерева, головою на деревянную, сдѣланную въ видѣ полумѣсяца, подставку подъ шею и затылокъ; ноги муміи были обуты въ башмаки или сандалии, съ гіероглифическими надписями на подошвахъ. вмѣстѣ съ муміею клали въ гробъ уборы и разныя мелкія вещи: амулеты, оружіе, сосуды, клали богато украшенный свитокъ папируса, на которомъ были написаны правила для руководства человѣку въ загробной жизни. — Часто бывало, что деревянный гробъ ставили въ гранитный саркофагъ. На плотно прикрѣпленной крышкѣ гроба дѣлали надписи, рѣзныя изображенія, или рисунки. Надписи обозначали имя, званіе покойнаго или покойной, содержали въ себѣ воззванія къ божеству и молитвы богамъ мертвыхъ. Саркофагъ ставили на священную ладью, подъ которою былъ сдѣланъ катокъ; къ платформѣ катка припрягали четырехъ воловъ, и торжественною процессіею везли въ гробницу саркофагъ, сопровождаемый жрецомъ и окруженный ближайшими родными, которые скорбно рыдали и били себя въ грудь. Впереди несли эмблемы сословія и профессіи покойнаго. Позади шли съ воплями плакальщицы, и мужчины несли пальмовыя вѣтви. Иногда и по дорогѣ были разбросаны пальмовыя вѣтви. Когда процессія доходила до гробницы, жрецъ воскурятъ оніміамъ и совершалъ жертвоприношеніе. Одинъ изъ участвовавшихъ въ процессіи произносилъ рѣчь, въ которой восхвалялъ добродѣтели покойнаго, говорилъ все другое, что можно было сказать въ честь ему и просилъ боговъ милостиво принять его. Послѣ того ставили вертикально гробъ въ гробницѣ и подлѣ него нѣсколько кружекъ съ водою и жертвенные хлѣбы. Возвращаясь, не плыли черезъ „священное озеро“, которое находилось передъ каждою гробницею, и черезъ которое

раго они не выкуплены, их ставить дома. Иногда бывает, что впоследствии внуки их, сделавшись зажиточны, выкупают их от кредиторов или от тѣхъ, передъ кѣмъ они были виноваты, и чествуютъ ихъ великолѣпнымъ погребеніемъ».

3) Пѣроглифы. Наука. Искусство.

Пѣроглифы.

Подобно китайцамъ, египтяне изобрѣли для обозначенія и сохраненія своихъ мыслей языкъ изображеній, знаки и символическія фигуры котораго, называемые пѣроглифами, находились, вырѣзанные на камнѣ или просто нарисованные, на безчисленномъ множествѣ зданій, саркофаговъ, папирусовыхъ свитковъ и т. д. Это изображенія всяческихъ предметовъ: небесныхъ тѣлъ, растений, животныхъ, людей, частей человѣческаго тѣла, посуды, инструментовъ, строеній, геометрическихъ фигуръ, фантастическихъ существъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, они обозначаютъ собою прямо тѣ самые предметы, очертанія которыхъ представляютъ въ полномъ или въ сокращенномъ видѣ; это «изобразительные пѣроглифы»; ихъ можно понимать, не зная звука словъ, которыми назывались предметы у египтянъ. Другія изображенія имѣютъ символическій или метафорическій смыслъ, выражаютъ абстрактное понятіе болѣе или менѣе напоминающимъ его очертаніемъ чувственного предмета; на примѣръ, день обозначается солнечнымъ дискомъ, начало—переднею частью льва, истина страусовымъ перомъ; въ юношеской порѣ развитія, воображеніе народовъ легко попадаетъ на такой способъ обозначенія мыслей.—Китайцы остались въ сущности при этомъ скудномъ языкѣ знаковъ, выражающихъ понятія очертаніями ихъ. Египтяне пошли въ разработкѣ письменныхъ знаковъ дальше, и скоро усовершенствовали свою письменность тѣмъ, что стали употреблять изображенія для обозначенія звуковъ; эти «звуковые» или фонетическіе пѣроглифы составляютъ первый шагъ къ тому, чтобы писать буквами, обозначающими звуки рѣчи. Фонетическіе пѣроглифы обозначаютъ собою не предметы, очертанія которыхъ изображаютъ, и не какія-нибудь понятія, метафорически или символически соединенныя съ этими предметами, а буквы или слоги словъ рѣчи, безъ всякаго отношенія къ предметамъ, очертанія которыхъ представляютъ. Но при фонетическихъ знакахъ продолжали египтяне употреблять и символическіе, такъ что фонетическіе часто служатъ лишь къ тому, чтобы пополнять, объяснять или видоизмѣнять смыслъ символическихъ знаковъ, подлѣ которыхъ поставлены;—это третій разрядъ пѣроглифовъ, «смѣшанный». Неопредѣленность и неясность смысла была устраняема употребленіемъ такъ называемыхъ «опредѣляющихъ» знаковъ,—которые ставились вслѣдъ за словомъ,

написаннымъ изобразительными или фонетическими знаками, и показывали, въ какомъ смыслѣ употреблено оно, названіе ль это страны, или рѣки, мужчины или женщины. Число тѣхъ фонетическихъ знаковъ, которые надобно назвать въ точномъ смыслѣ слова буквами, было нѣсколько больше двадцати; ими обозначаются простые звуки, одними гласные, другими согласные; кромѣ ихъ, употреблялись знаки, обозначающіе собою цѣлые слоги. Посредствомъ соединенія этихъ чисто фонетическихъ знаковъ съ опредѣляющими и изображающими фигурами египтяне составили себѣ довольно удобный и четкій способъ письма, гораздо болѣе ясный, чѣмъ запутанныя системы клинообразнаго письма, или пеглевійскаго, или демотическаго. Только ужъ въ греко-римское время пѣроглифами стали писать такъ, что трудно читать ихъ; они были тогда игрою остроумія, въ родѣ нашей забавы ребусами. Но хоть и была легка для чтенія пѣроглифическая система письма въ древнія времена, когда еще былъ живымъ языкомъ тотъ, который передавала она, и формы рѣчи, употребляемыя въ ней, были привычны и ясны, все таки это система многосложная: въ ней больше 500 фигуръ и знаковъ; и задача дешифровать ихъ была дѣломъ чрезвычайной трудности для ученыхъ новѣйшаго времени. Пособіемъ къ разгадыванію служилъ имъ коптскій языкъ, происходящій отъ древне-египетскаго; но это было пособіе очень неудовлетворительное, тѣмъ болѣе, что и самъ коптскій пересталъ употребляться въ живой рѣчи, а сохранился только въ переводахъ священнаго писанія и церковныхъ книгахъ. При томъ, символическія изображенія допускаютъ разныя истолкованія; очертанія фигуръ часто бываютъ неопредѣленны, сбивчивы; грамматическое устройство древняго языка было совершенно неизвѣстно. Но наперекоръ всеѣмъ трудностямъ дѣла, гениальному уму Шамполиона удалось отчасти разъяснить этотъ мракъ. Толчкомъ къ рѣшенію загадки, остававшейся непонятною въ продолженіе многихъ вѣковъ, послужило то, что въ Розеттѣ найденъ былъ (хранящійся теперь въ британскомъ музеѣ) камень, на трехъ сторонахъ котораго сдѣланы три надписи, имѣющія, какъ было прочтено въ одной изъ нихъ, греческой, одинаковое содержаніе; двѣ другія надписи: пѣроглифическая и простонародная египетская. Пѣроглифами египтяне писали на памятникахъ; но у нихъ была и другая система письма, пѣратическая, образовавшаяся чрезъ упрощеніе пѣроглифическихъ фигуръ; пѣратическими знаками можно было писать быстрѣе, чѣмъ пѣроглифическими; послѣ, вошла въ употребленіе третья система письма, еще болѣе упрощенными знаками, называемая у грековъ демотическою, энхорическою или эпистолярною; она была назначена для надобностей обыденной жизни; писать ею можно было еще быстрѣе, чѣмъ пѣратическою; она соотвѣтствовала нашей стенографіи.

Пѣроглифическая система письма, изобрѣтенная египетскими жрецами, уже существовавшая, какъ говоритъ преданіе, еще во время

Пѣратическая и демотическая системы письма.

Жреческая письменность.

царя Менеса, и образовавшаяся чрезъ сочетаніе изображеній предметовъ съ обозначеніями звуковъ, рано приняла прочность типа и сохранилась во всѣ слѣдующія столѣтія неизмѣнною. Знаніе гіероглифовъ вначалѣ было по преимуществу достояніемъ духовенства; съ теченіемъ времени оно распространялось и между людьми другихъ сословій, даже между ремесленниками; но за духовенствомъ осталось завѣдываніе тѣмъ дѣломъ, чтобъ изсѣкать гіероглифическія надписи, которыхъ такъ много на стѣнахъ и другихъ плоскихъ частяхъ зданій. Растянута и монотонная велерѣчивость этихъ надписей свидѣтельствуешь, что онѣ—продукты неподвижнаго преданія, какое держится въ замкнутыхъ корпораціяхъ, руководящихся во всемъ наслѣдственными педантичными правилами. Зданія, на которыхъ сохранились эти надписи—храмы и другія священные сооруженія. Царскіе дворцы строились, какъ мы знаемъ по изображеніямъ, изъ дерева; они были красивы, но не долговѣчны. Сообразивъ многочисленность сохранившихся надписей, которыя безъ сомнѣнія всѣ принадлежатъ духовенству, мы поймемъ, что его участіе въ этихъ сооруженіяхъ, составлявшихъ гордость египетскихъ царей, должно было быть очень значительнымъ. Святые люди Египта въ очень широкомъ размѣрѣ пользовались своимъ знаніемъ письменности. Стѣны храмовыхъ залъ, пьедесталы обелисковъ, всяческіе памятники покрыты безчисленными надписями, возвѣщающими потомству дѣянія и благочестивыя чувства строителей, молящими боговъ о благосклонности къ нимъ. Саркофаги и гробницы, надписи которыхъ сообщаютъ имена и званія погребенныхъ тутъ, перечисляютъ, сколько у нихъ было стадъ, хлѣба, земель и домашнихъ вещей, свидѣлствуютъ о томъ, какъ дорожили египтяне письменными заявленіями. Изваянія, изображающія дѣятельность царей во всѣхъ ея направленіяхъ, показываютъ, что царей повсюду сопровождали знатоки писменнаго искусства, безъ сомнѣнія принадлежавшіе къ духовному сословию: они записывали на войнѣ число членовъ отрубленныхъ у враговъ, на охотѣ число убитыхъ животныхъ. Судопроизводство требовало, чтобы все было обстоятельно излагаемо письменнымъ способомъ. Судъ надъ мертвыми, изображающій Тота съ письменною тростинкою и письменною досчекою въ рукѣ воспроизводитъ передъ нами сцену жреческой письменной дѣятельности.

Но какъ ни обширна была письменность на памятникахъ, на нихъ сохранились произведенія только литературной и научной дѣятельности духовенства; эти произведенія писались на бумагѣ, которую египтяне дѣлали изъ папируса, египетскаго водянаго растенія. Они осторожно снимали иглою кожицу его стебля, достигавшаго до 4 локтей вышины; полоски этой кожицы, похожей на тонкій лубокъ, они приклеивали однѣ къ другимъ, потомъ сушили и ложили. Листы папирусной бумаги склеивались и свертывались въ свитки. Въ гробницахъ найдено

очень много свитковъ рукописей; но не столько, чтобы могли мы по нимъ вполне ознакомиться съ умственной жизнью египетскаго духовенства. Литературная дѣятельность египетскихъ ученыхъ была обширна; это показываетъ ужь и «Книга мертвыхъ», съ ея многочисленными молитвами, призываніями боговъ, гимнами, священными изреченіями и т. д. Другой остатокъ египетской литературы—находящійся въ Туринскомъ музеѣ, очень много попорченный свитокъ, содержащій списки царей и династій съ обозначеніемъ числа лѣтъ правленія. Найдены на папирусахъ и сборники изреченій, сказки, стихотворенія. Кромѣ того, мы знаемъ, что въ храмѣ Рамсеса Великаго была библіотека, «залъ книгъ». Одинъ изъ писателей христіанскаго времени, Климентъ Александрійскій, говоритъ, что египтяне имѣли 42⁴². Священные книги, заключающія въ себѣ все, относящееся къ жреческимъ и религіознымъ дѣламъ: правила богослуженія и жертвоприношеній, молитвы, духовныя пѣсни, славословія богамъ, и кромѣ того, всю мудрость жрецовъ, всѣ знанія, добытыя въ теченіе вѣковъ трудами духовенства. Ученіе о богахъ и служеніи имъ излагалось въ двадцати книгахъ; въ остальныхъ излагались науки; изъ нихъ, у Климента Александрійскаго упомянуто о географіи и астрономіи, къ занятію которыми жрецы были приведены надобностью опредѣлить дни религіозныхъ праздниковъ, сообразно съ годичнымъ ходомъ явленій природы; тутъ были также трактаты о геометріи, юриспруденціи, медицинѣ. Египтяне приписывали эти свои священные книги Тоту (Гермесу), небесному писцу. Консервативному уму ихъ пріятна была мысль, что вѣроученіе, постановленія и знанія, наслѣдованные ими отъ отцовъ, происходятъ отъ самихъ боговъ, написаны самимъ Тотомъ, что все это—божественное откровеніе. Чѣмъ болѣе расширялся кругъ знаній, тѣмъ болѣе развѣтвлялось духовное сословіе на корпораціи и классы для занятій тою или другою отраслью наукъ, тою или другою профессіею.

Мы теперь знаемъ довольно много произведеній египетской литературы. Не говоря о религіозныхъ текстахъ и магическихъ сочиненіяхъ, мы имѣемъ значительные отрывки книгъ педагогическаго содержанія (мудрыя изреченія, письма, которыми обмѣнивались учителя съ учениками и т. п.); имѣемъ сказки, въ числѣ которыхъ есть написанныя наивно и живо; стихотворенія (много пѣсенъ въ честь побѣдъ фараоновъ и вообще въ похвалу имъ; но дошли до насъ и любовныя пѣсни); нѣсколько медицинскихъ руководствъ (два такихъ папируса находятся въ Берлинѣ, одинъ въ Лейпцигѣ, одинъ въ Лондонѣ и проч.), учебникъ математики (Папирусъ Ринда, переведенный Эйзенлоромъ). Громадное число дошло до насъ юридическихъ актовъ, писемъ и т. п. Изъ всѣхъ найденныхъ до сихъ поръ папирусовъ самый большой по объему—такъ называемый „Большой папирусъ Гарриса“, переведенный Берчемъ (Birch), Эйзенлоромъ и Шаба; онъ принадлежитъ времени Рамсеса III; а самый важный изъ всѣхъ дошедшихъ до насъ памятниковъ умственной жизни египтянъ, это Папирусъ Эберса,

лечебникъ.—Огромное большинство папирусовъ принадлежатъ временамъ 19 и 20 династій.

Астрономія и
астрологія.

Однимъ изъ главныхъ занятій жрецовъ были астрономическія наблюденія и вычисления, имѣвшія очень важные результаты. Жрецы по многимъ причинамъ усердно изучали небесныя явленія. Тайственная сила, проявляющаяся въ правильности круговорота жизни природы и съ религіознымъ смиреніемъ чтимая египтянами подъ разнообразными олицетвореніями и символами, оказывалась находящеюся въ такой тѣсной связи съ движеніями солнца и звѣздами синяго неба ночи, что жрецы должны были чувствовать благоговѣніе и къ небеснымъ свѣтиламъ, устремлять внимательный взоръ на небо, чтобъ разъяснить себѣ взаимныя отношенія между земными и небесными явленіями. Астрономическія занятія египетскаго духовенства, вызываемыя надобностями житейскаго быта, были съ тѣмъ вмѣстѣ и необходимою принадлежностью ихъ стремленія къ философскому истолкованію народной религіи. Они наблюдали движенія солнца, луны, планетъ для измѣренія времени, для вычисления продолжительности года, для составленія правильнаго календаря; но при этомъ старались и проникнуть въ тайну божественнаго управленія вселенною; изслѣдывая вліянія неба на жизнь земной природы, они видѣли тѣсную связь земныхъ явленій съ небесными, это возбуждало въ нихъ вѣрованіе, что звѣзды имѣютъ вліяніе и на судьбу человѣка. Такимъ образомъ, переходъ отъ астрономіи къ астрологическому суевѣрію былъ близкій, легко объяснимый. Въ тѣ времена, когда египетская цивилизація находилась на высокой степени развитія, наблюденіе неба составляло профессію особаго класса жрецовъ; греки называютъ этихъ наблюдателей—гороскопами; они занимались опредѣленіемъ времени эпохъ года, установленіемъ гражданскаго и церковнаго календаря на каждый наступающій годъ, но также и составленіемъ предсказаній о событіяхъ человѣческой жизни.

«Если точныя наблюденія мѣстъ и движеній звѣздъ производились у какого-нибудь народа, то производились именно у египтянъ», говоритъ Діодоръ: У египтянъ есть полные списки такихъ наблюденій за неизмѣнно долгій рядъ лѣтъ, потому что они съ давняго времени очень усердно занимались этимъ. Они очень внимательно наблюдали движеніе планетъ, періоды ихъ обращенія, эпохи ихъ стоянія, полезныя и вредныя вліянія ихъ. Они часто предсказываютъ человѣку его будущую судьбу совершенно вѣрно. Для такихъ предсказаній, астрологи ихъ составляли точныя таблицы положенія планетъ и звѣздъ въ каждый часъ всего года. Цари при своихъ предпріятіяхъ и при случайностяхъ жизни часто, кажется, обращались къ искуству астрологовъ.

Календарь.

На основаніи астрономическихъ наблюденій, египтяне раньше всѣхъ другихъ народовъ установили у себя точный календарь и твердую хронологію. По крайней мѣрѣ Геродотъ говоритъ, что по рассказамъ египетскихъ жрецовъ, египтяне первые изъ всѣхъ народовъ опредѣ-

лили продолжительность года и раздѣлили его по созвѣздіямъ на 12 частей. Мы ужъ упоминали о находившемся на кровлѣ храма Рамсеса золотомъ кругѣ, и говорили, что онъ былъ раздѣленъ на дни, что на немъ было отмѣчено для каждого дня время восхожденія и захожденія звѣздъ и солнца. Египетскій годъ имѣлъ первоначально 12 мѣсяцевъ по 30 дней. Но еще во времена древняго царства эта неточность вычисления была исправлена прибавкою пяти дополнительныхъ дней, такъ что былъ установленъ гражданскій годъ въ 365 дней. Разница между нимъ и періодомъ обращенія земли вокругъ солнца, составляющая почти четвертую долю дня, не была принята въ расчетъ; поэтому египетскій годъ былъ «движущійся» солнечный годъ. Въ то время, когда была установлена его продолжительность, начало его совпадало съ тѣмъ днемъ, когда солнце восходитъ и заходитъ вмѣстѣ съ Сиріусомъ (Сотисомъ); это день, который считался тогда началомъ разлива Нила. Но съ теченіемъ времени, начало гражданского года передвигалось черезъ всѣ времена физическаго года, потому-то онъ и называется «движущимся». Египетскіе астрономы замѣтили, что въ каждые четыре года гражданскій годъ подвигается на цѣлый день впередъ физическаго, и что религіозные праздники перестаютъ совпадать съ временами года, въ какія совершались первоначально. Они исправили неточность, установивъ, кромѣ движущагося гражданского года, другой, неподвижный, продолжительность котораго опредѣлили въ $365\frac{1}{4}$ дней, и ввели четырехлѣтній періодъ, который принятъ въ Юліанскомъ календарѣ: три года имѣли по 365 дней, четвертый годъ имѣлъ 366 дней. — «Такимъ образомъ выходило, что первый день истиннаго солнечнаго года, совпадавшій съ 1 числомъ мѣсяца Тота гражданского года, черезъ 4 неподвижные года совпадалъ съ 2 числомъ Тота», говоритъ Лепсіусъ: «Черезъ дважды четыре года съ 3 числомъ, черезъ трижды четыре года съ 4 числомъ и т. д. Въ 365 четырехлѣтій, то есть, въ 1460 истинныхъ солнечныхъ лѣтъ, первый день неподвижнаго года переходилъ чрезъ всѣ дни гражданского года, и слѣдующій первый день истиннаго солнечнаго года снова совпадалъ съ 1 числомъ мѣсяца Тота, обѣ формы года снова сходились: 1460 неподвижныхъ лѣтъ составляли ровно 1461 гражданскій годъ. «Этотъ великій періодъ уравниенія двухъ формъ года былъ названъ Сотисовымъ Періодъ Сотиса. періодомъ, то есть, періодомъ Сиріуса, потому что началомъ его было опредѣлено время, когда обѣ формы года будутъ имѣть первымъ своимъ днемъ тотъ день, въ который солнце восходитъ и заходитъ вмѣстѣ съ Сиріусомъ (Сотисомъ). Египетскіе жрецы построили по періодамъ Сотиса циклы египетской хронологіи, а по этимъ цикламъ распредѣлили исторію Египта. По ихъ мнѣнію, міръ былъ созданъ въ день, соотвѣтствовавшій началу періода Сотиса, солнце взошло тогда вмѣстѣ съ Сотисомъ. Послѣ того, чрезъ всѣ тысячелѣтія, въ про-

долженіе которыхъ царствовали боги и полубоги, всё важныя событія жрецы расположили по цикламъ Сотиса, и начало той исторіи, въ которой дѣйствуютъ ужь не боги и полубоги, а люди, они также подогнали къ началу одного изъ Сотисовыхъ періодовъ.

Послѣдній годъ третьяго періода Сотиса совпадаетъ съ 139 годомъ по Р. Х. Эта цифра даетъ основаніе для достовѣрнаго опредѣленія времени первыхъ двухъ періодовъ: второй періодъ Сотиса кончился въ царствованіе Менефты; и такъ, 1322 годъ до Р. Х. принадлежалъ времени царствованія Менефты; первый періодъ кончился въ 2782 году, слѣдовательно начался въ 4242 году; такимъ образомъ, можно полагать, что начало египетской исторіи совпадаетъ съ этимъ годомъ. Черезъ 350 лѣтъ послѣ начала перваго періода Сотиса, по хронологіи египетскихъ жрецовъ, Менесъ основалъ Мемфисское царство. Манефонъ, какъ мы видѣли, составилъ полный списокъ династій и всѣхъ царей съ того давняго времени до Птолемеевъ. Но его списокъ дошелъ до насъ въ такомъ перепутанномъ и испорченномъ видѣ, что мы можемъ полагаться лишь на тѣ изъ находящихся въ немъ данныхъ, которые подтверждаются памятниками. — Вѣроятно, двѣ смѣны счета при переходѣ отъ кончившагося періода Сотиса къ новому, начинающемуся, подали поводъ къ тому преданію, которое рассказали жрецы Геродоту: «По ихъ словамъ, солнце четыре раза восходило и заходило не на обыкновенномъ своемъ мѣстѣ: гдѣ нынѣ оно заходитъ, оно тамъ, по ихъ словамъ, два раза всходило, а гдѣ нынѣ всходитъ, тамъ два раза заходило. И это не производило, по ихъ словамъ, никакой перемѣны въ Египтѣ, ни относительно плодовъ земли, ни относительно разлива Нила, ни относительно болѣзней и смертности».

Медицина.

Какъ сильна была привязанность египтянъ къ обычаю, какъ велика ихъ недовѣрчивость ко всякому нововведенію, всякому отступленію отъ правилъ, установленныхъ предками, мы видимъ особенно ясно изъ того, что греческіе писатели рассказываютъ о египетской медицинѣ. Врачами у египтянъ были жрецы. «Вся страна наполнена врачами, потому что для каждой болѣзни и для каждой части тѣла опредѣлены особые врачи», говоритъ Геродотъ; а по словамъ Діодора, они были обязаны въ точности соблюдать при леченіи предписанныя правила: «Если они слѣдуютъ этимъ законамъ священныхъ книгъ, то не бываютъ виноваты и остаются обезпечены отъ всякаго порицанія, хотя бъ и не могли спасти больного. А если поступаютъ противъ предписаннаго, то могутъ быть, по жалобѣ, наказываемы смертію. Это потому, что, какъ полагалъ законодатель, рѣдко кто можетъ знать врачебныя средства болѣе полезныя, чѣмъ способъ леченія, основанный на многолѣтнихъ наблюденіяхъ и предписанный первыми знатоками дѣла». Мы знаемъ, что египетскіе врачи славились повсюду и приглашались во всё государство, до позднихъ временъ, когда вытѣснили ихъ греческіе врачи. Въ 4 пѣснѣ Одиссеи говорится о Египтѣ, что тамъ и земля родитъ много растений для полезныхъ и много для вредныхъ смѣшеній, и каждый врачъ превосходитъ всѣхъ смертныхъ опытностію; потому что во истину они потомки Паэона». Въ походахъ сопровождали войско военные врачи, получавшіе жалованье. Замѣчателенъ тотъ фактъ, что въ древнѣй-

шемъ изъ дошедшихъ до насъ медицинскихъ папирусовъ, папирусъ Эберса, почти всѣ рецепты разумны, а позднѣйшія медицинскія рукописи кишатъ заговорами отъ болѣзней.

Не только науки, но и искусства въ Египтѣ были принадлежностью религіи, находились въ рукахъ духовенства. Въ древнемъ Мемфисскомъ царствѣ техника искусствъ достигла ужь очень высокаго развитія, хотя проявлялась не столько построеніемъ храмовъ, сколько сооружеиіемъ пирамидъ, подобныхъ горамъ надгробныхъ памятниковъ могущественныхъ царей. Эти колоссальныя созданія изумительнаго могущества энергической власти дивятся не столько благородствомъ формы или совершенствомъ отдѣлки, сколько громадностью размѣра, въ какомъ исполнена трудная работа. Но онѣ построены съ хорошимъ знаніемъ законовъ архитектуры, по искуснымъ планамъ, съ соблюденіемъ очень точныхъ пропорцій, такъ что свидѣлствуютъ не только о технической ловкости, пріобрѣтенной долгою практикой, но и о геометрическихъ знаніяхъ; строители пирамидъ обладали учеными свѣдѣніями, бывшими достояніемъ духовенства. Пирамиды возведены по планамъ и подъ руководствомъ людей духовнаго сословія, въ томъ нельзя сомнѣваться. Но духовенство не гордилось этими своими постройками; кажется, что работы возведенія пирамидъ оставили по себѣ мрачныя воспоминанія. Потому въ цвѣтущемъ Фиванскомъ царствѣ, въ періодъ блеска духовенства и національнаго величія, вовсе не было сооружаемо пирамидъ. Но покатоое направленіе стѣнъ осталось принадлежностью египетской архитектуры, только уголъ покати стѣнъ у храмовъ гораздо меньше, чѣмъ у пирамидъ. Впрочемъ, онъ довольно великъ у пилоновъ, массивнымъ башнямъ подобныхъ зданій, которыя воздвигались по обѣ стороны входа и образовали собою ворота. Эта замѣчательная черта египетскаго зодчества, возведенія стѣнъ по покатой линіи, сохранилась у египтянъ отъ ихъ первоначальныхъ построекъ, которыя дѣлались изъ глины, требующей того, чтобы стѣны выводились покато. Въ этомъ тоже проявляется неподвижный консерватизмъ египтянъ, сохранявшій всякую старину; очевидно тутъ и могущественное вліяніе природы страны на мысли человека и дѣла рукъ его: всѣ египетскія сооруженія массивны, будто придавлены; они походятъ на утесы, подымающіеся по обѣ стороны рѣчной долины, какъ бы оградой отъ вторженія пустыни.

Священные искусства.

Пилоны.

Развалины великихъ храмовъ, съ которыми ужь ознакомились мы, ясно показываютъ, что эти сооруженія строились по планамъ, составленнымъ жрецами. То зданіе, которое было храмомъ въ собственномъ смыслѣ слова, и входило въ которое могли только царь и верховный жрецъ, помещалось въ самомъ далекомъ отъ входа отдѣлѣ массы храмовыхъ сооруженій. Длинный рядъ дворовъ, колоннадъ и залъ, который велъ къ этому «святому дому божію», былъ предназначенъ могущественно дѣйствовать

Общія черты плана храмовъ.

на фантазію, возбуждать въ народѣ чувства изумленія и благоговѣнія; путь приближенія къ недоступному для народа святилищу производилъ на идущихъ къ имъ впечатлѣніе торжественной процессіи, благочестиваго пилигримства. „Характеръ цѣлаго былъ торжественно-строгій“, говоритъ Шназе: „Путь по этому сооруженію былъ благоговѣйнымъ приближеніемъ къ божеству, все тутъ было таинствомъ, въ которое посвящены только жрецы. Начало пути подготовляло къ этому настроенію души, возбуждало ожиданія; дальше, впечатлѣніе было импонирующее; оно усиливалось постепеннымъ возростаніемъ эффектовъ таинственности, ведущей во мракъ сокровеннаго святилища“. Египетскій храмъ не имѣетъ единства и благородной соразмѣрности частей греческаго храма, какъ у божествъ Египта нѣтъ красоты формъ и ясно опредѣленнаго значенія греческихъ боговъ и богинь.

Колонны.

Пирамиды и пилоны напоминаютъ скалы, многочисленность громадныхъ колоннъ съ богато-украшенными капителями — роскошную растительность нильской долины. Капители колоннъ очень разнообразны; но большею частью имѣютъ, какъ мы видѣли, формы лотуса или папируса, то съ закрытой, то съ раскрывшейся чашечкой; форма пальмы является довольно поздно. Непрерывная плоскость наружныхъ стѣнъ, не пересѣкаемая ни колоннами, ни окнами, подобна нильской странѣ своимъ величавымъ однообразіемъ; богатство скульптуры и яркихъ красокъ внутренней стороны стѣнъ дѣйствуетъ на душу какъ роскошное разнообразіе египетской растительности.

Скульптура и живопись.

Живопись и скульптура, бывшія и въ египетскихъ храмахъ, какъ въ готическихъ соборахъ среднихъ вѣковъ, только служительницами архитектуры, находились, подобно ей, подъ властью и руководствомъ жрецовъ. Скульптурныя изображенія на стѣнахъ храмовъ и въ гробницахъ всегда раскрашены. Обыкновенное ихъ содержаніе — зависимость человѣка отъ власти боговъ. Если они и представляютъ царей въ лагерь или въ битвѣ, на охотѣ или въ триумфальномъ шествіи, то египтяне знали, что податели всѣхъ благъ царямъ — боги, награждающіе усердныхъ своихъ служителей побѣдами и славой. Цѣль египетскаго искусства — сохранить нагляднымъ изображеніемъ и передать потомству факты, исторію. Высшее назначеніе искусства, возвысить и облагородить матеріальныя явленія красотой, почти совершенно чуждо египетскому искусству. Монументальное направленіе естественно вело его къ типичности и неподвижности; эти черты, проявляющіяся во всей египетской жизни, преобладаютъ и въ египетскомъ искусствѣ. Во времена древняго царства его достоинствомъ была вѣрная передача формъ; въ немъ нѣтъ благородства идеальной концепціи. Въ человѣческихъ фигурахъ этихъ изваяній иногда много жизни и движенія; портреты грубо реалистичны, правда, съ какою воспроизведены фигуры животныхъ, изумительна. Но въ болѣе позднія времена вліяніе жрецовъ приковало искусство къ формамъ, какія были освящены обычаемъ и преданіемъ, наложило печать іерархическаго порядка на изваянія и картины, изгнало изъ искусства всякую

свободу, всякую самобытность гениальнаго творчества, дало его произведеніямъ характеръ безжизненныхъ работъ, исполненныхъ по предписаннымъ правиламъ. Но чѣмъ менѣе заслуживаетъ похвалы въ позднѣйшемъ египетскомъ искусствѣ его поработанность правиламъ, тѣмъ болѣе достойна удивленія въ немъ превосходная техника скульптурной работы. Барельефы со множествомъ великолѣпно изваянныхъ фигуръ, дѣйствующие на насъ какъ нѣмыя эпическія поэмы, какъ непосредственное драматическое воспроизведеніе исторіи; огромное количество статуй, большею частью колоссальныхъ; — множество всяческихъ колоннъ, монолитныхъ обелисковъ, сфинксовъ, — все это изсѣчено изъ гранита и другихъ породъ самага твердаго камня съ удивительною правильностью линий и тонкостью отдѣлки. Правда, въ барельефахъ нѣтъ умѣнья вѣрно передавать на плоскости перспективу; размѣры фигуръ на разныхъ планахъ не соотвѣтствуютъ пропорціямъ, какихъ требуютъ законы перспективы, но въ этихъ барельефныхъ сценахъ, особенно въ сценахъ изъ военной исторіи, общественныхъ нравовъ и домашнего быта, очень много жизни и движенія, иногда проявляется, какъ мы говорили, склонность къ юмору, насмѣшкѣ; краски были приготовляемы въ такомъ совершенствѣ, что колоритъ рисунковъ до сихъ поръ сохраняетъ изумительную свѣжесть и живость.

Однообразіе египетскаго искусства выказывается въ томъ, что человѣческія фигуры изображаются всегда въ однѣхъ и тѣхъ же позахъ. Статуи, подобно рельефамъ служащія архитектурными украшеніями, прислоненныя къ стѣнамъ, пилястрамъ, пилонамъ, или въ формѣ каріатидъ поддерживающія верхнюю часть сооруженія, сфинксы, образующіе аллеи путей къ храмамъ, имѣютъ правильныя и энергическія очертанія; но мускулы не обозначены, и черты лицъ безжизненны: очевидно, что всѣ эти фигуры сдѣланы по неизмѣнному типу, по предписаннымъ правиламъ. Въ позахъ сидящихъ статуй нѣтъ свободы, въ идущихъ статуяхъ нѣтъ движенія; эти позы вѣчно одинаковы; онѣ показываютъ, что любовь египтянъ къ торжественному спокойствію, перенесенная въ искусство, сдѣлала его произведенія безжизненными.

Менѣе вредно отразилась типичность очертаній въ изображеніи животныхъ; ихъ фигуры гораздо живѣе и естественнѣе человѣческихъ, потому что отъ изображенія ихъ и не требуется ничего, кромѣ правильности линий и обозначенія физическихъ движеній; одинаковость тутъ натуральна, геометрическая монотонность фигуръ менѣе шокируетъ, и отсутствіе выраженія не вредитъ впечатлѣнію. Но соединеніе головы животнаго съ человѣческимъ тѣломъ, обыкновенная египетская форма изображеній божествъ, совершенно противорѣчитъ чувству красоты. Менѣе оскорбляетъ его фигура сфинкса, тѣло льва съ человѣческой головой, символъ соединенія умственной силы съ физическою. Сфинксы, которымъ давали обыкновенно колоссальный размѣръ, для выраженія исполинскаго могущества, лежали какъ сторожевыя собаки передъ храмами, дворцами, гробницами.

Египетское искусство имѣло два періода процвѣтанія: одинъ, во времена древняго мемфисскаго царства, другой — во времена новаго,

иванскаго. Они различны одинъ отъ другаго характеромъ своего величія. Искусство эпохи пирамидъ стремилось произвести величественное впечатлѣніе громадностью массы, преодоленіемъ трудности, какую представляетъ чистая и гладкая отдѣлка чрезвычайно твердыхъ породъ камня; въ избыткѣ юношеской энергіи, оно воздвигало чело-вѣческимъ трудомъ каменные горы простой формы, но колоссальныхъ размѣровъ. Искусство иванскаго царства, въ эпоху своего процвѣтанія, старалось соединить мягкость и красоту формы съ колоссальностью, влеченіе къ которой всегда оставалось характеристическимъ направ-леніемъ египетскаго художественнаго вкуса; оно украшало свои гро-мадныя сооруженія роскошнымъ изобиліемъ скульптурныхъ изобра-женій, старалось замѣнить широкія, тяжелыя пропорціи фигуръ вы-сокими, болѣе легкими; оно оживляло массивное однообразіе соору-женій множествомъ барельефовъ и пестрою раскраскою; старалось, насколько то допускала жреческая регламентація, приблизить формы колоннъ, статуй и барельефовъ къ природѣ, къ истинѣ, преодолѣть силою красоты предписываемую мертвыми правилами оцѣпенѣлость фигуръ. Отъ періода иванскаго искусства долго, повидимому, сохра-нялось въ Верхнемъ Египтѣ художественное преданіе, налагавшее печать классическаго стиля и на произведенія слѣдующихъ вѣковъ; между тѣмъ какъ въ Нижнемъ Египтѣ иноземныя вліянія вѣроятно внесли въ искусство много отступленій отъ преданія, чего однако же нельзя доказать, потому что всѣ ниже-египетскіе памятники позд-нихъ временъ совершенно погибли.

Музыка и поэзія повидимому еще болѣе, чѣмъ пластическія иску-ства, оставались въ исключительной власти духовенства; и кажется, главнымъ ихъ назначеніемъ было служить принадлежностью религіи. При богослуженіи безъ сомнѣнія были воспѣваемы, съ аккомпани-ментомъ оркестра, священные гимны; дошедшіе до насъ остатки ихъ показываютъ, что въ нихъ были длинныя перечисленія именъ и свойствъ божества, и что формою ихъ стиля былъ параллелизмъ отдѣловъ мысли, какъ въ еврейскихъ псалмахъ. Пѣснь плача о Ма-неросѣ, котораго Геродотъ (II, 79) уподобляетъ эллинскому и фини-кійскому Лину, очевидно была гимномъ, принадлежавшимъ къ рели-гіознымъ обрядамъ, выразившимъ скорбь о прекращеніи раститель-ности; эти печальные обряды существовали у многихъ восточныхъ народовъ. Приведенная нами пѣсенка о молотбѣ хлѣба показываетъ, что у египтянъ были народныя пѣсни, имѣвшія своимъ содержаніемъ житейскія занятія, въ родѣ еврейской пѣсни о колодезѣ (книга Числѣ, XXI, 17, 18). Геродотъ говоритъ, что египтяне имѣли народныя пѣ-сенныя мелодіи и не принимали чужихъ. Многочисленность музыкаль-ныхъ инструментовъ, изображенія которыхъ мы находимъ на памят-никахъ, свидѣтельствуетъ, что музыкальное искусство египтянъ до-стигло болѣе или менѣе высокаго развитія и было очень распростра-

нено въ народѣ, хотя Діодоръ и говоритъ, что мужчины въ Египтѣ не занимаются музыкою, думая, что она ведетъ къ изнѣженности нра-вовъ. Эти данныя очень скудны, но они и множество воззваній къ богамъ и надписей возвышеннаго, хотя и слишкомъ велерѣчиваго тона, даютъ намъ основаніе полагать, что египтяне были не лишены поэтическихъ склонностей и талантовъ. Но преобладаніе духовенства въ ихъ умственной жизни и владычество метафизическаго направленія въ умственной дѣятельности самого духовенства заглушало поэзію. Однако же нельзя вполне согласиться съ мнѣніемъ Шназе, который говоритъ: «Это былъ народъ съ живымъ воображеніемъ, очень та-лантливый, но его набожность наложила на него, съ самыхъ первыхъ временъ его развитія, оковы узкаго стѣсненія; у него была теплота чувства, была творческая фантазія, но съ первыхъ его шаговъ его чувство и фантазія оцѣпенѣли. Мудрость жреческаго воспитанія на-правила теченіе умственной жизни націи какъ будто по каменному каналу, чтобъ оно не уклонялось съ предписаннаго пути, и тысячи лѣтъ жизнь націи однообразно текла по этому каналу». Не все въ умственной жизни египтянъ было такъ неизмѣнно, какъ полагали прежде.

Пополненія. Приводимъ вполне то, что говоритъ о египетскихъ священныхъ книгахъ Священные Климентъ Александрійскій: «У египтянъ есть своя туземная наука. Это можно всего лучше увидѣть, посмотрѣвъ на египетскую богослужебную процессію. Впереди идетъ пѣвецъ, и несетъ эмблему музыки. О немъ говорятъ, что онъ долженъ твердо знать наизусть двѣ изъ Гермесовыхъ книгъ; одна изъ этихъ двухъ книгъ содержитъ въ себѣ пѣснопѣнія въ хвалу боговъ, другая излагаетъ правила жизни царя. За пѣвцомъ идетъ астрономъ (гороскопъ), держа въ рукѣ часомѣръ, утвержденный на фениксѣ; онъ долженъ знать тѣ изъ Гермесовыхъ книгъ, которыя относятся къ астрономіи; ихъ четыре: одна говоритъ о распредѣленіи неподвижныхъ звѣздъ по небу; другая о движеніяхъ и свѣтѣ солнца и луны; двѣ остальные о восхожденіяхъ звѣздъ. За астрономомъ идетъ священнописецъ (Hierogrammateus); на головѣ у него перья, а въ рукахъ книга и линейка, также чернила и тростинка, которою пишутъ египтяне. Онъ долженъ знать такъ называемыя гіероглифы, то, что относится къ космографіи, всеобщей географіи, и къ ходу луны и солнца, и къ пяти планетамъ, и что относится къ географіи египетской страны и къ описанію Нила, и къ описанію жерт-венныхъ сосудовъ, и священныхъ мѣстъ для жертвоприношеній, и къ мѣрамъ, и къ обыкновеннымъ храмовымъ дѣламъ (то-есть, вѣроятно, къ устройству храмовъ). За выше-названными слѣдуетъ ризничій (stolistes), держащій локоть законности (то-есть локоть узаконенной длины) и жертвенную чашу. Онъ знаетъ все, относящееся къ обыча-ямъ обрядовъ и къ принесенію жертвъ. Десять—число тѣхъ книгъ, которыя содержатъ въ себѣ то, что относится къ почитанію египетскихъ боговъ и служенію имъ, какъ на-примѣръ, правила о жертвахъ куренія благовоніями, о первыхъ плодахъ, о пѣсняхъ хвалы богамъ, молитвахъ, процессіяхъ, праздникахъ, и тому подобное. А послѣ всѣхъ тѣхъ идетъ пророкъ (prophetes), несущій за пазухою обыкновенный ковшъ; за нимъ слѣдуютъ несущіе хлѣбы предложенія. Онъ, какъ предстоятель святилища, знаетъ на-изусть десять такъ называемыхъ жреческихъ книгъ; ихъ содержаніе относится къ зако-намъ и богамъ (то-есть къ уставамъ вѣры и къ догматамъ) и ко всему жреческому зна-нію. Этотъ пророкъ у египтянъ завѣдуетъ и распредѣленіемъ жреческихъ доходовъ. Итакъ, число тѣхъ Гермесовыхъ книгъ, которыя совершенно необходимы, 42; изъ нихъ 36, обнимающія всю высшую науку египтянъ, заучиваются наизусть тѣми, о которыхъ я говорилъ, а шесть остальныхъ—носителями кивота (носившими въ торжественныхъ про-

цессіяхъ животь съ изображеніями боговъ); это врачебныя книги: объ устройствѣ тѣла, о болѣзняхъ, объ инструментахъ, о лекарствахъ, о глазахъ, и, послѣдняя книга, о женщинахъ. — Климента Александрійскій ведетъ свой разсказъ по порядку жреческой процессіи, въ которой старшіе классы жрецовъ шли послѣ младшихъ; потому Лепсіусъ полагаетъ, что и порядокъ распредѣленія перечисляемыхъ имъ отдѣловъ книгъ таковъ же: каждый слѣдующій отдѣлъ важнѣе предыдущаго, такъ что самыми важными были десять книгъ, специально изучаемыхъ пророками, а врачебныя шесть книгъ не должно, по его мнѣнію, причислять къ священнымъ.

Общія черты плана храмовъ. Страбонъ даетъ слѣдующее описаніе устройства египетскихъ храмовъ: Передъ входомъ въ священное сооруженіе сдѣлана выложенная камнями дорога (предхрамовая площадь) около 100 футовъ шириною и въ 300 или 400 футовъ длиною. По обѣ стороны ея стоятъ изсѣченные изъ камня сфинксы. За сфинксами находится величественное «преддверіе» (prorulon), за нимъ второе, за вторымъ третье; число сфинксовъ и воротъ не во всѣхъ храмахъ одинаково; оно зависитъ отъ длины и ширины проходовъ или преддверій. За воротами находится самый храмъ (neos); онъ состоитъ изъ большаго и великолѣпнаго «предхрамья» (proneos) и не очень большаго святилища, въ которомъ или вовсе нѣтъ статуй, или одна статуя, изображающая божество съ головою животнаго. По сторонамъ предхрамья, и справа, и слѣва, выступаютъ такъ называемыя крылья, образуемыя стѣнами одинаковой съ храмомъ высоты. На этихъ стѣнахъ изваяны колоссальныя изображенія, по своему стилю подобныя тирренскимъ и стариннымъ греческимъ. И въ этихъ храмахъ, такъ же какъ въ мемфисскихъ, находится странное сооруженіе, имѣющее много колоннъ: кромѣ колоннъ, многочисленныхъ и очень толстыхъ, поставленныхъ въ нѣсколько рядовъ, тутъ не видишь ничего прекраснаго, и нѣтъ никакихъ украшеній, такъ что все это строеніе кажется сдѣланнымъ напрасно. — Одинъ изъ посѣщавшихъ Египетъ ученыхъ нашего времени, Аббенъ, говоритъ: «Всѣ египетскіе храмы построены по одному и тому же плану, въ одномъ стилѣ, всѣ имѣютъ одинаковый характеръ. Вся масса сооруженій образуетъ замкнутый продолговатый четырехугольникъ, въ высокихъ стѣнахъ котораго не было ни одного окна, было лишь нѣсколько дверей и одинъ главный входъ съ высокими пилонами на одной изъ менѣе длинныхъ сторонъ четырехугольника. Ворота этого входа вели на открытый дворъ, со всѣхъ сторонъ окаямленный крытыми колоннадами (перистилемъ); за нимъ слѣдовалъ большой крытый залъ, потолокъ котораго лежалъ на колоннахъ, шедшихъ по длинѣ зала въ нѣсколько рядовъ; потолокъ средней галлерей зала былъ, какъ въ нашихъ базиликахъ и готическихъ церквахъ, поднятъ выше боковыхъ, такъ что чрезъ окна стѣнъ верхней части этой галлерей залъ имѣлъ еще нѣсколько свѣта, въ прибавленіе къ тому освѣщенію, какое давалъ ему входъ съ двора. За этимъ крытымъ заломъ, который греки называли гипостилемъ, слѣдовало третье отдѣленіе храма, «святая святыхъ» его; тутъ стояла статуя божества. Эти три отдѣла находятся во всѣхъ храмахъ; разница между храмами состоитъ лишь въ размѣрѣ и въ томъ, что повторяются нѣсколько разъ первые два отдѣла: «иногда бываетъ два, даже три двора одинъ за другимъ; бываетъ и по нѣскольку крытыхъ залъ; кромѣ того бываетъ по бокамъ этихъ перистилей и гипостилей множество комнатъ и залъ, имѣвшихъ свои особыя назначенія; происходило это главнымъ образомъ отъ того, что цари, бывшіе послѣ построенія храма, расширяли и украшали его; «святая святыхъ» они должны были оставлять въ первоначальномъ видѣ, и могли только строить повторенія перистилей и гипостилей». Замкнутый вѣрнымъ обводомъ общей стѣны, четырехугольникъ храмовыхъ сооруженій похожъ былъ на искусственно возведенную сплошную гору, внутри которой сдѣланы потомъ искусственныя пустыя пространства. Многіе производятъ египетскія зданія отъ первобытныхъ пещерныхъ жилищъ; это несправедливо; но обычай изсѣкать большіе скелеты въ скалахъ имѣлъ сильное вліяніе на стиль египетскихъ зданій. Та часть сооруженія храма, которая была собственно святилищемъ, часто монолитная, то-есть изваянная изъ одного камня: отъ скалы отдѣляли кусокъ, изсѣкали въ немъ святилище, и перевозили его, — иногда на много дней пути. Таково было, на примѣръ, святилище храма въ городѣ Буто.

7. Египетъ при послѣднихъ фараонахъ.

При 18-ой и 19-ой династіяхъ Египетъ достигъ высшей степени своего величія. Внѣшнему его могуществу соответствовало и внутреннее процвѣтаніе, проявлявшееся въ сооруженіяхъ и изваяніяхъ. Съ 20-ой династіею, всѣ цари которой назывались Рамсесами, являются первые признаки упадка, все яснѣе и яснѣе обнаруживавшіеся при слѣдующихъ династіяхъ. Власть царя была ослаблена силою духовенства. Гергоръ (Herhor), верховный жрецъ Аммона, становится царемъ; и основываетъ 21-ую династію. Послѣдній изъ Рамсесовъ былъ, кажется, изгнанъ имъ въ Большой Оазисъ. Многіе изъ царей 21-ой династіи называются на памятникахъ «жрецами Аммона, царя боговъ»; судя по этому, надобно полагать, что духовенство приобрѣло владычество надъ государствомъ и сначала управляло страной отъ имени слабыхъ царей 20-ой династіи, послѣ замѣнило ее царями изъ своего сословія. Но цари духовной династіи не приобрѣли себѣ славы. Памятниками ихъ остаются лишь немногія пристройки въ Карнакскомъ храмѣ и нѣсколько гробницъ, скудныхъ украшеніями. Быть можетъ, къ этой династіи принадлежалъ царь Смендесъ, который перенесъ резиденцію опять въ Нижній Египетъ, но не въ Мемфисъ, а въ Танисъ (Цоанъ), городъ лежавшій въ плодородной Дельтѣ. Въ Танисѣ имѣлъ свою резиденцію и Псусеннъ (Psusennes), современникъ Соломона, находившійся въ торговыхъ сношеніяхъ съ нимъ и поддерживавшій его противъ его враговъ на югѣ Іудеи. Мы читаемъ въ Библии, что одна изъ женъ Соломона была дочь египетскаго царя. Дружба Египта съ израильскимъ царствомъ прекратилась со смертію Псусенна. Еще при жизни Соломона, противникъ его Іеробеамъ нашелъ дружескій пріемъ себѣ въ Египтѣ, гдѣ на престолѣ былъ тогда Сисакъ (Шашанкъ, Сесонхъ), основатель 22-ой династіи, избравшій своею резиденціею городъ 970 до Р. Х. Бубастъ, лежавшій на югъ отъ Таниса. Когда десять племенъ израильскихъ отложились отъ Регабеама, сына Соломона, и избрали царемъ себѣ Іеробеама, «вышелъ Сусакимъ» — Сисакъ — «противъ Іерусалима, и взялъ сокровища дома Господня и сокровища храма и золотыя щиты, которые сдѣлалъ Соломонъ» (3 книга Царствъ, XIV, 25, 26). На стѣнѣ построеннаго Сисакомъ перваго двора Карнакского храма онъ изображенъ заносащимъ острое оружіе надъ группою связанныхъ непріятелей, косы которыхъ схвачены другою его рукою. Противъ красноцвѣтнаго царя стоитъ богъ Аммонъ, фигура котораго окрашена въ синій цвѣтъ; Аммонъ держитъ на веревкахъ нѣсколько рядовъ людей, стоящихъ на колѣнахъ и связанныхъ;

на груди у этих плѣнныхъ шиты съ именами покоренныхъ царей, странъ и городовъ. Гіероглифы этихъ надписей большею частью обломаны и вывѣтрились; но еще можно ясно прочесть имена: Магамна (Mahamna, Маганаимъ), Байтуру (Baithuru, Беѳоронъ), Мактау (Megiddo) и Юда Малькъ (Judah Malk, іудейскій царь); изъ этого мы видимъ, что Сисакъ съ успѣхомъ повторилъ походы прежнихъ царей въ Ханаанъ. Первые цари 22-ой династіи первоначально назывались «великими князьями Машауашей (Maschauascha), то есть, главнокомандующими ливійскихъ войскъ, бывшихъ въ египетской службѣ; эти ливійскія войска играли важную роль еще при 20-ой династіи. Первымъ изъ главнокомандующихъ ливійцами, захватившихъ царскую власть, былъ Сисакъ, или, правильнѣе, Шашанкъ. Онъ владычествовалъ надъ всѣмъ Египтомъ. Его преемники были менѣе могущественны; послѣдніе изъ нихъ владѣли только Мемфисомъ. Великое царство египетское раздробилось на мелкія государства, бывшія въ зависимости то отъ Эѳіопіи, то отъ Ассиріи, смотря по тому, какой изъ этихъ странъ удавалось захватить преобладаніе въ Египтѣ. Мы имѣемъ мало достовѣрныхъ свѣдѣній о мелкихъ египетскихъ царяхъ того времени и о царяхъ слѣдующей, 23-ей династіи. Ни памятники, ни надписи ничего не говорятъ намъ ни о ихъ военныхъ дѣлахъ, ни о ихъ сооруженіяхъ; даже и гробницы ихъ неизвѣстны намъ. Только имена ихъ стоятъ въ спискахъ царей, нѣмые свидѣтели о томъ, что жизнь въ Египтѣ шла обычнымъ порядкомъ, что восходили на престолъ и умирали цари, не оставившіе потомству никакихъ воспоминаній славы. Лишь найденный у горы Баркала камень съ надписью говоритъ намъ, что эѳіопскій царь Пи-анхи одержалъ побѣду надъ мелкими владѣльцами Нижняго и Средняго Египта.

Владычество эѳіоплянъ надъ Египтомъ. Болѣе двухъ столѣтій длится этотъ темный для насъ періодъ египетской исторіи. Эѳіопія сдѣлалась въ это время независимымъ государствомъ, цари котораго были, быть можетъ, потомки 21-ой династіи; они владычествовали и надъ мелкими царьками областей Верхняго Египта. Когда ниже-египетскій царь Тафнахтъ напалъ на этихъ владѣтелей, эѳіопскій царь Пи-анхи пошелъ защитить ихъ и покорилъ весь Египетъ. Это было началомъ новаго владычества иноземцевъ надъ египтянами, такого же постыднаго, какъ владычество гиксовъ. Царь Бокхоръ (какъ называется онъ у грековъ; египетская форма его имени Бокенрауфъ), одинъ изъ мелкихъ государей Нижняго Египта, бывший, по единогласному свидѣтельству греческихъ историковъ, мудрымъ правителемъ и разумнымъ законодателемъ, мирно царствовалъ въ новой своей резиденціи, Саисѣ, когда вторглись изъ Нубіи и Верхняго Египта въ Нижній Египетъ эѳіопляне, опустошая страну въ отмщеніе за бѣдствія войны и порабощенія, какимъ подвергали ихъ предковъ Рамсесъ II и другіе воинственные ѳиванскіе цари. Бокхоръ былъ убитъ въ сраженіи; эѳіопляне, народъ род-

ственного египтянамъ происхожденія, завладѣли Египтомъ, и владѣли имъ 50 лѣтъ. Геродотъ ошибается, говоря, что надъ Египтомъ гос- 725 до Р. Х. подствовалъ только одинъ эѳіопскій царь; нѣтъ, было три царя эѳіопской, по счету Манеѳона, 25-й династіи: Сабаконъ, Севехъ и Тиррхака (Tirrhaka). Но владычество эѳіоплянъ не дѣйствовало на египетскій бытъ разрушительнымъ образомъ; объясняется это не тѣмъ, что устойчивый характеръ египтянъ, выдержавшій гораздо болѣе долгое владычество гиксовъ, былъ не доступенъ никакому иноземному вліянію, а тѣмъ, что эѳіопляне еще до вторженія въ Египетъ усвоили себѣ египетскую культуру, и потому цари ихъ правили совершенно въ духѣ прежнихъ фараоновъ. Рамсесъ и другіе ѳиванскіе цари, завоевавшіе и обложившіе данью Нубію, Донголу и землю близъ горы Баркала, заботились о томъ, чтобы смягчить нравы у побѣжденныхъ, ввести у нихъ египетскіе нравы и законы, искусства и религіозныя учрежденія. Объ этомъ свидѣлствуютъ храмы въ скалахъ по Верхнему Нилу, пирамиды и зданія въ Напатѣ, и еще гораздо яснѣе доказывается это возникновеніемъ загадочнаго жреческаго государства Мероэ. Столица его, именемъ которой называется оно, не была, какъ полагали прежде многіе, метрополіею ѳивъ и Мемфиса; она была колоніей древняго египетскаго царства и служила замѣчательнымъ примѣромъ энергіи ѳиванскихъ жрецовъ и фараоновъ. Этотъ древній городъ Мероэ, лежавшій у горы Баркала, должно считать метрополіею новой колоніи того же имени, основанной, вѣроятно, только ужъ въ греческое время. Далеко на югъ отъ Баркала, подъ 16-мъ и 17-мъ градусами широты, находится каменистая пустыня, по равнинѣ которой разбросаны мѣстами группы пальмъ. Она лежитъ между Ниломъ и единственнымъ притокомъ его, Атбарою, опоясана съ ливійской стороны большими песчаными холмами, съ арабской—спусками горнаго хребта, потому древніе и называли ее «островомъ». На ней, неподалеку отъ нынѣшняго Шенди, было государство Мероэ; въ той мѣстности еще уцѣлѣло много пирамидъ (близъ деревень Бегерауѣ и Мераве), и находится много развалинъ древнихъ зданій. Слово «Мероэ» значитъ, по объясненію Лепсіуса, «бѣлая скала», и дано городу и государству потому, что вдоль берега тянутся бѣлыя скалы. Пирамиды въ Мероэ подобны мемфисскимъ, но гораздо меньше ихъ, отдѣланы красивѣе и принадлежатъ болѣе позднему времени. Тѣ извѣстія о характерѣ быта въ Мероэ, которыя находимъ у Діодора и другихъ древнихъ писателей, показываютъ, что тамъ была культура, родственная египетской: напримѣръ, и въ Мероэ писали гіероглифами; одежда жрецовъ тамъ была такая же, какъ въ Египтѣ; но особенности египетскаго быта были въ Мероэ, по крайней мѣрѣ въ позднѣйшія времена, утрированы до карикатурности, какъ это часто бываетъ у грубыхъ племенъ съ обычаями и учреждениями, заимствованными отъ образованныхъ народовъ. Напримѣръ,

Жреческое государство Мероэ.

права духовнаго сословія и царя въ Мероэ получили расширеніе, несообразное съ разсудкомъ. Жрецы избирали царя изъ своей среды по указанію оракула; и если царь правилъ не по ихъ желанію, они посылали къ нему вѣстника съ приказаніемъ умереть: боги открыли имъ, что онъ долженъ умереть, а смертный не долженъ противиться повелѣнію бессмертныхъ. Царю поклонялись въ Мероэ какъ богу, и преданность его друзей была такъ велика, что въ доказательство вѣрной любви къ нему они предавали себя смерти, когда онъ умиралъ, а если онъ поранить себя, то и они дѣлали себѣ такое же поврежденіе. Когда царь хотѣлъ подвергнуть смерти кого-нибудь, онъ только посылалъ къ этому человѣку слугу съ эмблемою смерти, и получившій ее убивалъ себя. Подражаніе видно и въ томъ, что эѳіопскіе цари Мероэ принимали имена древнихъ египетскихъ царей. Лепсіусъ нашелъ до 30 такихъ именъ царей Мероэ.

Мероэ и Эѳіопляне. Долго существовало мнѣніе, что цивилизація въ Мероэ была древнѣе египетской и что египтяне происходили изъ Мероэ. Діодоръ передаетъ древнее сказаніе, говорившее, что египетская страна была первоначально покрыта моремъ, суша тамъ образовалась постепеннымъ отложеніемъ ила, наносимаго Ниломъ изъ Эѳіопіи; и что египтяне—эѳіопляне, переселившіеся въ Египетъ подъ предводительствомъ Озириса. «Египетскіе обычаи почти всѣ имѣютъ эѳіопское происхожденіе», продолжаетъ Діодоръ (III, 3): «Переселенцы удержали свои прежніе обыкновенія. Почитаніе царя какъ бога, заботливость о сохраненіи труповъ и многія другія египетскія особенности—эѳіопскіе обычаи. Свой стиль скульптуры и свои письменные знаки египтяне тоже вынесли изъ Эѳіопіи. Жреческое сословіе у египтянъ и эѳіоплянъ слѣдуетъ одинаковымъ постановленіямъ. Всѣ, занимающіеся дѣломъ служенія богамъ, должны быть чисты; они одинаково острижены и одежда ихъ одинакова, и они носятъ посохъ, похожій формою на паукъ. Этотъ посохъ носятъ и цари, какъ скипетръ, и тоже носятъ длинную шапку съ кистью на верху и съ «асидами» (висящими шнурами). Объ избраніи царя въ Мероэ, Діодоръ говоритъ: «Жрецы сначала выбираютъ изъ своей среды самыхъ благородныхъ. Потомъ изъ этихъ избранныхъ ими народъ выбираетъ царемъ того, кого назначить въ этотъ санъ божество при устроиваемыхъ для того по обычаю процессіи и пиршествѣ; передъ новымъ царемъ тотчасъ же падаютъ на землю и поклоняются ему какъ богу». Далѣе, Діодоръ говоритъ: «Есть въ Мероэ обычай, что когда царь по какому-нибудь случаю лишится части тѣла, его приближенные всѣ отнимаютъ у себя добровольно эту же часть. Напримѣръ, если царь сломитъ себѣ ногу, то считается неприличнымъ, чтобъ его друзья имѣли прямыя ноги, и чтобы его свита не хромала вся подобно ему. Часто случается даже то, что друзья царя добровольно умираютъ съ нимъ вмѣстѣ. Эта смерть почетна и считается знакомъ истинной дружбы». Въ противоположность тому, жрецы имѣютъ власть надъ царемъ, даже надъ его жизнью. «Въ прежнія времена цари и дѣйствительно повиновались жрецамъ, не по принужденію оружіемъ или другими средствами насилія, а по одному только суевѣрному страху. Первый эѳіопскій царь, осмѣлившійся воспротивиться приказанію, былъ Эргаменъ, царствовавшій во времена Птолемея II. Онъ получилъ греческое воспитаніе и былъ знакомъ съ философіею. Онъ возвысился до самоуваженія, приличнаго царскому сану, вошелъ съ воинами въ недоступное святилище, гдѣ стоитъ золотой храмъ эѳіопскій, и перебилъ жрецовъ. Такъ онъ положилъ конецъ тому обычаю и устроилъ все по своей волѣ». «По ихъ понятіямъ, есть два разряда боговъ», продолжаетъ Діодоръ: «Боговъ одного разряда считаютъ они вѣчными, и по природѣ бессмертными; таковы напримѣръ, солнце, луна и вселенная; а другіе, полагаютъ они, первоначально имѣли, подобно прочимъ существамъ, смертную природу, и только ужь

копьями, нѣкоторые и луками въ четыре локтя длиною; они наступаютъ ногой на лукъ, натягивая его, и когда выпустить всѣ стрѣлы, обороняются дубьемъ. И женщины должны у нихъ носить оружіе, до извѣстнаго точно опредѣленнаго возраста. Почти у всѣхъ этихъ племенъ въ обычаѣ, что женщины носятъ мѣдное кольцо, продѣтое сквозь прорѣзъ въ губѣ. Нѣкоторые племена не носятъ никакой одежды и ходятъ весь годъ нагіе; только въ защиту отъ зноя имѣютъ они покрывшу, которую каждый изготовляетъ себѣ самъ изъ перваго попавшагося матеріала. Иные обвязываютъ себѣ бедра овчиною для прикрытія наготы; другіе употребляютъ для этого очищенную отъ волосъ кожу домашнихъ животныхъ. Есть и такіе, которые опоясываются передниками, плетеными, но не изъ шерсти, а изъ волосъ, вѣроятно, оттого, что по особенному свойству ихъ страны, овцы тамъ не имѣютъ шерсти. Пашу эѳіоплянъ составляютъ отчасти плоды водянаго растенія, дико растущаго въ озерахъ и въ болотистыхъ мѣстахъ, отчасти срываемиы ими вѣтви очень мягкой породы дерева, которыми они также доставляютъ себѣ тѣнь и прохладу въ полдневный зной, отчасти сезамъ (кунжутъ) и лотусъ, которые они разводятъ на своихъ поляхъ. И нѣжныя корни тростника служатъ нѣкоторымъ пищею. Нѣкоторые питаются птицами, въ которыхъ они, по своей привычкѣ къ стрѣльбѣ, попадаютъ такъ мѣтко, что ихъ потребность вполне удовлетворяется. Но большинство живетъ только мясомъ, молокомъ и сыромъ, которыя доставляютъ имъ ихъ стада. Есть между эѳіоплянами, но лишь немногіе, такіе, что не вѣруютъ въ существованіе боговъ; они ругаютъ восходящее солнце, какъ самое враждебное существо, и удаляются въ болотистыя мѣста. Страненъ и способъ, какимъ эѳіопляне поступаютъ съ своими умершими. Нѣкоторые просто бросаютъ ихъ въ рѣку и считаютъ это прекраснѣйшимъ погребеніемъ. Другіе покрываютъ ихъ стекломъ (кристалломъ) и сохраняютъ въ домахъ; они думаютъ, что черты лица умершихъ не должны быть неизвѣстными близкимъ роднымъ, да и далекіе не должны забывать своихъ родственниковъ. А нѣкоторые изъ нихъ вкладываютъ тѣла въ глиняные гробы и хоронятъ ихъ кругомъ храмовъ; и когда они клянутся этими умершими, это у нихъ считается самою священною клятвою. Царская власть у нѣкоторыхъ племенъ дается самому красивому изъ мужчинъ, потому что и власть и красота считаются одинаково дарами счастья; а у другихъ тому, кто внимательнѣе всѣхъ заботится о своихъ стадахъ, потому что онъ, надѣются они, будетъ лучше всѣхъ заботиться и о подданныхъ. Есть тоже мѣстности, въ которыхъ царское достоинство дается самому богатому, потому что только у него находятся въ изобиліи средства помогать народу; и другія, въ которыхъ царями выбираютъ отличившихся храбростью, по предположенію, что кто показалъ на войнѣ самую высокую доблесть, только тотъ достоинъ быть первымъ въ государствѣ.»

Эѳіопскіе цари. Эѳіопскіе цари, покорившіе Египетъ послѣ многихъ войнъ съ египетскими мелкими владѣльцами и съ ассирійскими царями, стремившимися подчинить себѣ Нижній Египетъ, были проникнуты духомъ египетскихъ учреждений и египетской цивилизаціи; мы ясно видимъ это по характеру ихъ управленія, совершенно одинаковому съ преданіями египетскихъ царей. Но у насъ мало достовѣрныхъ свѣдѣній объ этомъ исторически темномъ времени. **С а б а к о н ѣ** (Шабака) былъ, по словамъ Геродота, кроткій царь, не осуждавшій преступниковъ на смертную казнь, и заставлявшій ихъ копать каналы и дѣлать насыпи, чтобъ силы ихъ служили на пользу странѣ. Онъ былъ и усерднымъ чителемъ Аммона, потому на построенныхъ имъ придверныхъ столбахъ главныхъ воротъ карнакскаго храма онъ называется «жизнеподателемъ», какъ называли прежнихъ фараоновъ. Слѣдующіе цари эѳіопской династіи, **С е в е х ѣ** (какъ именуютъ его

греческіе писатели; по-египетски онъ назывался, кажется, **Шабака** или **Шебекъ**) и **Таграка** (Tahraha, Tirrhaka), оба тоже дѣлали постройки въ Карнакскомъ святилищѣ. «Ихъ имена встрѣчаются на нѣсколькихъ второстепенныхъ храмахъ этого сооруженія, и на величественной колоннадѣ передняго большаго двора; эта колоннада была построена, вѣроятно, Тагракою», говоритъ Лепсіусъ. Во времена Севеха и Таграки на сосѣднюю съ Ливаномъ часть Сиріи дѣлали нашествія ассирійскія войска. Самарійскій царь Госеа (Осіа) обратился къ Севеху съ просьбою о помощи и послалъ ему подарки; поднесеніе ихъ послами Госеи изображено на одной изъ стѣнъ карнакскаго храма, и подарки названы въ надписи «данью Сиріи». Но прежде чѣмъ успѣли египтяне прійти на помощь Госеѣ, столица его ужъ была взята ассиріянами и самъ онъ былъ отведенъ въ плѣнъ вмѣстѣ съ побѣжденнымъ народомъ израильскимъ. Многіе израильтяне бѣжали въ Египетъ и нашли себѣ могилу въ Мемфисѣ. Египтяне вѣроятно поняли, что поступили неблагоприятно, отказавъ Канаанской странѣ въ помощи противъ ассиріяновъ или промедливъ посылкою войскъ; что отдавъ Канаанъ на жертву ассиріянамъ, они сдѣлали своимъ сосѣдомъ воинственный народъ, ужъ устремлявшій свои властолюбивыя взгляды на Нижній Египетъ. Потому, когда Санхерибъ, преемникъ Салманассара, пошелъ войною на бывшее его царство іудейское, **Тиррака** (Tirrhaka, Тараконъ), вѣроятно ужъ наслѣдовавшій своему отцу, заключилъ союзъ съ Гискіею, царемъ іерусалимскимъ, и двинулъ свои войска и боевыя колесницы въ южную Іудею. Послѣ мы вернемся къ странному результату этого похода. Прежде чѣмъ египетскія войска встрѣтились съ ассирійскими, Санхерибъ неожиданно ушелъ изъ іудейской земли. Іудеи и египтяне приписали этотъ изумившій ихъ оборотъ дѣла божественному вмѣшательству. Египетскіе жрецы рассказывали впослѣдствіи Геродоту, что ночью пришло въ непріятельскій станъ множество полевыхъ мышей, и эти мыши изгрызли всѣ колчаны, луки и щиты ассиріяновъ, такъ что утромъ враги, увидѣвъ себя безоружными, бѣжали, и въ бѣгствѣ многіе погибли. На двухъ небольшихъ пилонахъ царскаго дворца въ Мединетъ Габу была изображена эта побѣда; но имя Тиргаки стерто въ надписи и замѣнено именемъ Нектанеба, бывшаго царемъ въ позднѣйшія времена. Тиргака, хотя былъ царемъ и Египта, какъ Эѳіопія, жилъ обыкновенно въ своей эѳіопской столицѣ, **Напатѣ**, у подошвы священной горы Баркала, въ скалахъ которой изсѣчено нѣсколько храмовъ; эти храмы и холмы развалины съ упавшими колоннами, поломанными сфинксами, царскія гробницы, построенныя въ формѣ небольшихъ пирамидъ близъ горной деревни Мераве («Бѣлая Скала»), свидѣтельствуютъ и теперь, что тутъ, на далекомъ югѣ, существовало эѳіопско-египетское цивилизованное государство. Фараоны эѳіопской династіи жили на югѣ быть можетъ потому, что на сѣверѣ

Тараконъ (по Бругшу, 693—666).

одолевали ихъ, подъ державой своихъ «Саргонидовъ», ассирияне, нѣсколько разъ овладѣвавшіе Нижнимъ Египтомъ.

Возстанія про- Жрецы рассказывали Геродоту, что египетскій царь Анить (Anytis),
тивъ эѳіопскаго бывший слѣпымъ, бѣжалъ отъ эѳіопскаго царя въ болотистую часть
владычества и Дельты и скрывался пятьдесятъ лѣтъ, пока эѳіопскій царь, устра-
анархіа. шенный сновидѣніемъ, не ушелъ добровольно изъ Египта; тогда
слѣпой царь возвратился въ свое государство. Счастливый походъ
противъ ассириянъ жрецы приписывали не Тиргакѣ, а жреческому
царю Сетосу (Sethos). Они говорили, что Сетосъ выказывалъ пре-
небреженіе къ воинамъ и даже отнял у нихъ отведенныя имъ зем-
ли, изъ которыхъ каждому воину давалось 12 отборныхъ участковъ
(обжъ). Потому воины отказались идти въ походъ, когда войско Сан-
хериба приблизилось къ Египту. Сетосъ, въ отчаяніи, плакалъ въ
храмѣ Гефеста (Пта), передъ изображеніемъ бога, но былъ утѣ-
шенъ въ сновидѣніи; ободренный имъ, онъ собралъ войско изъ тор-
говцевъ, ремесленниковъ и людей праздно ходившихъ по рынку, и
пошелъ на-встрѣчу ассириянъ. Въ память о чудесной помощи, ока-
занной ему божествомъ черезъ полевыхъ мышей, онъ поста-
вилъ статую, изображающую его съ мышью въ рукѣ; на статуѣ
надпись: «Взгляни на меня и будь благочестивъ».—Эти извѣстія
Геродота не сходятся съ Манеѳоновымъ спискомъ царей, въ нихъ
ясно проглядываетъ жреческая передѣлка преданія, но кажется есть
въ нихъ и фактическое воспоминаніе о томъ, что во время эѳіопскаго
владычества прежняя династія успѣла удержаться въ защищенныхъ
болотами мѣстностяхъ Дельты до той поры, когда нація оправилась
отъ удара и можно стало съ надеждою на успѣхъ начать борьбу за
независимость. Послѣ мы увидимъ, что ассирійскій царь Ассурбани-
палъ помогалъ туземнымъ владѣтелямъ, водилъ свое войско въ Фивы
и наложилъ дань на египетскихъ государей. Разсказъ, что эѳіопскій
царь добровольно отказался отъ господства въ Египтѣ, тоже не со-
всѣмъ невѣроятенъ; надобно только мотивировать это не снови-
дѣніемъ, а тѣмъ, что эѳіопянамъ грозила опасность возстанія егип-
тянъ подъ предводительствомъ туземныхъ владыкъ и нашествіе
ассириянъ. Но по разнымъ мелкимъ отрывочнымъ даннымъ мы ви-
димъ, что египтяне освободились отъ эѳіопянъ не такъ легко, что
освобожденію предшествовало тяжелое время борьбы и безпорядковъ.
Мы знаемъ, что Н е х о, потомокъ царей саисской династіи, полу-
чившій отъ ассириянъ санъ царя въ Нижнемъ Египтѣ, былъ, подобно
Бокхору, побѣжденъ и убитъ, а его сынъ, Псамметихъ, бѣжалъ въ
Сирію. Діодоръ говоритъ, что по изгнаніи эѳіопянъ была два года
анархія, кончившаяся тѣмъ, что двѣнадцать областныхъ царей заклю-
чили между собою союзъ, и что правленіе ихъ продолжалось пятнад-
цать лѣтъ. Новѣйшими изслѣдованіями найдены данныя, заставляю-
щія полагать, что по освобожденіи Нижняго Египта соединенными

усиліями мелкихъ владѣльцевъ, мѣстныхъ правителей и войсковыхъ
начальниковъ, эѳіопяне еще продолжали господствовать надъ Верх-
нимъ Египтомъ, пока могущественные ассирійскіе цари Ассаргадонъ
и Ассурбанипалъ не овладѣли всѣмъ Египтомъ, покоривъ даже и Фивы.
Вѣроятно къ этому времени внутреннихъ смутъ въ Египтѣ, длив-
шихся до возстановленія единства страны Псамметихомъ, относятся
слова пророка Ісаи (глава XIX):

«Вотъ, Господь возсѣдитъ на облакѣхъ легкомъ и грянетъ въ Египетъ, и потрясутся отъ
лица его идола египетскіе и сердце Египта растаетъ въ немъ. Я вооружу египтянъ
противъ египтянъ и будутъ сражаться брать противъ брата и другъ противъ друга,
городъ съ городомъ, царство съ царствомъ. И духъ Египта изнеможетъ въ немъ и при-
бѣгутъ они къ идоламъ и чародѣямъ, и къ вызывающимъ мертвыхъ и къ гадателямъ.
И предамъ египтянъ въ руки влѣстителя жестокаго, и свирѣпый царь будетъ господство-
вать надъ ними, говорить Господь, Господь Саваоѳъ, и истощатся воды въ морѣ и рѣка
изсякнетъ и высохнетъ, и оскудѣютъ рѣки и каналы египетскіе обмелѣютъ и высохнутъ;
камышъ и тростникъ завянутъ. Поля при рѣкѣ, по берегамъ рѣки и все посѣянное при
рѣкѣ высохнетъ, развѣется и исчезнетъ. И восплачутъ рыбаки и возрыдають всѣ,
бросающіе уду въ рѣку и ставящіе сѣти въ водѣ, впадутъ въ уныніе, и будутъ въ
смущеніи обрабатывающіе лень и тѣчи бѣлыхъ полотень. Такъ! обезумѣли князья Цо-
анскіе; совѣтъ мудрыхъ совѣтниковъ фараоновыхъ сталъ безсмысленнымъ. Обезумѣли
князья Цоанскіе; обманулись князья Мемфисскіе, и совратили Египетъ съ пути племенъ
его. Господь послалъ въ него духъ опьяненія; и они ввели Египетъ въ заблужденіе во
всѣхъ дѣлахъ его, подобно тому, какъ пьяный бродитъ по блевотинѣ своей. И не будетъ
въ Египтѣ такого дѣла, которое совершить умѣли бы голова и хвостъ, пальма и трость».

Эти смуты и слабость мелкихъ царьковъ, изъ которыхъ одни Додекархія.
были, вѣроятно, независимыми, другіе вассалами эѳіопскаго царя,
третьи вассалами ассирійскаго, привели къ возникновенію двѣнадцати-
властія «Додекархія», какъ называютъ греческіе писатели порядокъ
дѣлъ, установившійся въ Египтѣ по изгнаніи эѳіопянъ. Нѣкоторые
изъ египетскихъ военачальниковъ и правителей,—вѣроятно тѣ, ко-
торые были главными дѣятелями въ войнѣ за освобожденіе — захва-
тили власть, каждый въ своей области, и правили независимо другъ
отъ друга. Но чтобы не ослаблять себя раздорами, они соедини-
лись между собою брачными связями, заключили договоры о взаим-
ной поддержкѣ, и поступали относительно другъ друга справедливо.
Памятникомъ этого федеративнаго правленія Геродотъ называетъ Ла-
биринтъ, построенный, какъ мы знаемъ, царемъ древняго Египта,
Аменемгатомъ. Они поправили это сооруженіе, состоявшее изъ двор-
цовъ и храмовъ, и расширили его такъ, что, по увѣренію Геродота,
оно далеко превосходило своею громадностью не только всѣ грече-
скія зданія, но даже и пирамиды.

По словамъ Діодора, Лабиринтъ былъ предназначенъ служить общею гробницею для
построившихъ его царей, «чтобы, какъ были они при жизни соединены дружбою и
одинаковостью сана, такъ и по смерти совмѣщала въ себѣ ихъ тѣла одна общая
гробница».

Число этих царей, по известіямъ греческихъ историковъ, было двѣнадцать. Дункеръ полагаетъ, что египтяне называли ихъ независимыми царями лишь по національному самолюбію, а на самомъ дѣлѣ Нижний Египетъ былъ тогда подъ властью ассирійскихъ царей, Ассаргаддона и Ассурбанипала. Однимъ изъ этихъ подвластныхъ Ассиріи царьковъ былъ Псамметихъ, по изгнаніи эѳіоплянъ возвратившійся изъ Сиріи въ Саисъ. Онъ былъ потомокъ царей прежней династіи; ужь и по одному этому другіе царьки должны были опасаться его. Ихъ подозрѣнія усилились, когда онъ вступилъ въ торговые связи и подружился съ греками и финикіянами. Всѣ другіе цари соединились противъ него. Но не убили его, а только сослали въ болота приморья. Тамъ было ему всего удобнѣе пріобрѣсти помощь отъ иноземцевъ. Ему удалось заключить со скиѳами, опустошавшими тогда Лидію и Палестину, договоръ, избавившій Дельту отъ ихъ нашествія. Послѣ того онъ задумалъ овладѣть Египтомъ. При помощи карійскихъ и іонійскихъ наемниковъ, онъ побѣдилъ своихъ соправителей

664 до Р. Х. въ битвѣ при Момемфисѣ и сталъ единовластителемъ Египта. Извѣстія о ходѣ этой войны противорѣчатъ другъ другу; а рассказъ Геродота о причинѣ ссылки Псамметиха въ болота Дельты имѣетъ легендарный характеръ. Изъ этого мы видимъ, что остаемся все еще въ области народныхъ преданій, которой принадлежатъ греческія извѣстія о болѣе раннихъ временахъ египетской исторіи.

Геродотъ рассказываетъ: При самомъ началѣ правленія двѣнадцати царей, было дано имъ отъ боговъ предсказаніе, что который изъ нихъ совершитъ жертвенное изліяніе изъ мѣдной чаши, тотъ сдѣлается царемъ всего Египта. И вотъ, однажды случилось при жертвоприношеніи въ храмѣ Гефеста (Пта), что верховный жрецъ принесъ царямъ для совершенія возліянія только одиннадцать золотыхъ чашъ. Псамметиху, стоявшему позади товарищей, не достало чаши; онъ взялъ свой мѣдный шлемъ, подставилъ, чтобы вино налили туда, и совершилъ изъ него возліяніе. При видѣ этого, остальные одиннадцать царей вспомнили о предсказаніи и испугались. Но разобравъ дѣло, нашли, что Псамметихъ поступилъ такъ безъ умысла; потому пощадили его жизнь, и только сослали его въ болота, чтобы онъ не имѣлъ сношеній съ остальнымъ Египтомъ. Недалеко отъ мѣста его ссылки, при устьѣ себеническаго рукава Нила, стоялъ священный городъ Буто съ храмомъ Латоны (Гаторъ), въ святилищѣ котораго, изваянномъ изъ одного камня въ 40 футовъ вышины и ширины, находится знаменитый оракулъ. Псамметихъ спросилъ оракула о будущемъ и получилъ отвѣтъ: мѣдные люди, которые придутъ съ моря, отмстятъ за него. Черезъ нѣсколько времени, надобность заставила карійскихъ и іонійскихъ морскихъ разбойниковъ пристать къ египетскому берегу. Одинъ изъ египтянъ сказалъ Псамметиху, что пришли съ моря мѣдные люди и грабятъ селенія. Псамметихъ увидѣлъ въ этомъ исполненіе предсказанія, склонилъ ихъ большими посулами на свою сторону и при помощи ихъ и преданныхъ ему египтянъ началъ войну съ другими царями, которые однакоже оказали ему, какъ надобно думать, сильное сопротивленіе. Наконецъ, въ рѣшительной битвѣ при городѣ Момемфисѣ одинъ изъ нихъ былъ убитъ, другіе принуждены бѣжать въ Ливію, и Псамметихъ сталъ царемъ всего Египта.

Теперь столицею государства сдѣланъ Саисъ, и для Египта начинается новый періодъ развитія. Мы знаемъ всѣхъ царей и имѣемъ

достоверныя свѣдѣнія обо всѣхъ важнѣйшихъ событіяхъ египетской исторіи отъ начала царствованія Псамметиха до гибели независимости Египта. Онъ теперь выступаетъ изъ національной замкнутости прежнихъ вѣковъ, и, опираясь на свѣжіе иноземные элементы, вновь пріобрѣтаетъ процвѣтаніе, ужь въ послѣдній разъ; новый періодъ его славы и блеска непродолжителенъ: корень и вѣтви были изсушены древностью и обычаемъ, такъ что сочетаніе съ новымъ, иноземнымъ не могло произвести энергичныхъ, прочныхъ новыхъ формъ и успѣховъ, національная жизнь не могла возродиться къ новому существованію.

Псамметихъ желалъ возрожденія націи, стремился обновить египетскій бытъ элементами эллинской и финикійской цивилизаціи; мы видимъ это по нововведеніямъ, какія онъ сдѣлалъ. Онъ не ограничился тѣмъ, что выдалъ обѣщанную награду карійскимъ и іонійскимъ наемникамъ, которымъ обязанъ былъ побѣдою; онъ далъ имъ землю по обоимъ берегамъ пелузійскаго рукава Нила, ниже Бубаста, въ той мѣстности, черезъ которую самый легкій входъ въ Египетъ, и назначилъ для ихъ поселенія такъ называемый «станъ». Онъ видѣлъ въ этихъ иноземцахъ самую твердую опору своей власти, и постоянно увеличивалъ число ихъ. По словамъ Геродота, онъ даже отдавалъ на воспитаніе имъ египетскихъ дѣтей, чтобы они учили ихъ эллинскому языку, «и отъ тѣхъ, которые выучились тогда этому языку, происходятъ нынѣшніе египетскіе переводчики, говоритъ Геродотъ и прибавляетъ: «вотъ первые люди иностраннаго языка, поселившіеся въ Египтѣ»,—это ошибка. Діодоръ говоритъ, что Псамметихъ заключилъ союзы съ аѳинянами и другими греческими государствами, давалъ пособія иноземцамъ, переселившимся въ Египетъ и былъ такимъ усерднымъ другомъ грековъ, что далъ своимъ сыновьямъ греческое образованіе; «вообще, онъ былъ первый изъ египетскихъ царей, открывшій другимъ народамъ мѣста торговли въ Египтѣ и давшій полную безопасность иностраннымъ купцамъ, которые прежде могли пріѣзжать въ Египетъ лишь съ опасностью потерять жизнь или свободу. Вѣроятно, въ его время возникъ и «тирскій станъ» въ Мемфисѣ, около храма Пта.

Возстановивъ внутренній порядокъ, Псамметихъ предпринялъ походъ въ Палестину, чтобы покорить ослабленные и разрозненные народы по приморью, и сдѣлать ихъ укрѣпленные города оплотомъ Египта противъ новыхъ нашествій съ Эвфрата. Разстроенное состояніе Ассирійскаго царства, видимо разрушавшагося, обѣщало успѣхъ предпріятію. Псамметихъ и въ этой войнѣ отдавалъ иноземнымъ наемникамъ предпочтеніе передъ египетскимъ войскомъ. Наемниковъ онъ ставилъ на правомъ крылѣ, а египтянъ на лѣвомъ, менѣе почетномъ. Неудовольствіе, возбужденное этимъ въ египетскомъ военномъ сословіи, оказало, какъ надобно думать, вредное вліяніе на

Псамметихъ;
664—610.

походъ. Фараонъ вошелъ въ землю филистимлянъ, обложилъ ихъ приморскіе города, паденіе и опустошеніе которыхъ предсказывалъ пророкъ Софонія: «Газа будетъ покинута и Аскалонъ опустѣетъ; Азотъ будетъ выгнанъ среди дня и Экронъ искоренится. И будетъ приморская страна пастушьимъ овчарникомъ и загономъ для скота». Но потому ли, что филистимляне выказали и противъ египтянъ мужество и боевое искусство, которое такъ часто проявляли въ войнахъ съ израилемъ, или потому, что помѣшало походу вторженіе скифовъ, о которомъ мы будемъ говорить послѣ, — словомъ, почему бы то ни было, но Псамметихъ, 29 лѣтъ, по извѣстію Геродота, воевавшій въ Сиріи, завоевалъ тамъ кажется только города Газу, Аскалонъ и Асдодъ. О томъ, какъ упорно защищался Асдодъ, сохранилось воспоминаніе еще во времена Геродота; жители Асдода погибли, кажется, почти всѣ; Іеремія говоритъ (XXV, 20) ужъ только объ «остаткахъ Азота» (Асдода).

По возвращеніи Псамметиха изъ сирійскаго похода, вспыхнуло давно таившееся въ народѣ неудовольствіе на него за предпочтеніе къ иноземцамъ. Это показываютъ греческія извѣстія, въ достовѣрности которыхъ многіе сомнѣваются, и которые вѣроятно страдаютъ преувеличеніями, но конечно имѣютъ историческое основаніе: греческіе историки говорятъ, что значительная часть людей военнаго сословія, раздраженная предпочтеніемъ царя къ иноземцамъ, удалилась въ Эѳіопію; число ушедшихъ было болѣе 200.000 человекъ. Царь напрасно старался отклонить ихъ отъ этого намѣренія, напоминая имъ объ отечественныхъ богахъ, о женахъ и дѣтяхъ; они били копьями въ щиты и отвѣчали громкими криками, что у нихъ есть оружіе, а съ оружіемъ они легко найдутъ себѣ новое отечество, и что они мужчины, потому приобрѣтутъ себѣ женъ и дѣтей. Такъ они и ушли; завоевавъ себѣ, сколько имъ нужно, земли, и раздѣливъ ее между собою, они поселились тамъ, въ далекой Эѳіопіи, болѣе чѣмъ за сто дней пути отъ Элефантины, и распространили между дикими туземцами египетскую цивилизацію и вѣру. Нравы туземцевъ смягчились отъ этого. Быть можетъ многія изъ загадочныхъ развалинъ храмовъ съ обломками сфинксовъ и колоннъ и полуразвалившихся пирамидъ въ Мероѣ и вообще на Верхнемъ Нилѣ — остатки сооруженій этихъ выходцевъ и ихъ потомковъ, потому что людямъ на чужбинѣ мило все, напоминающее родину.

При всемъ своемъ расположеніи къ греческимъ наемникамъ и переселенцамъ, Псамметихъ твердо держался египетскаго образа жизни и старинныхъ царскихъ обычаевъ. Онъ построилъ себѣ въ Саисѣ царскій дворецъ; онъ расширилъ храмъ бога Пта въ Мемфисѣ пристройкою двора съ южной стороны, построилъ Апису храмовой дворъ съ колоннадою, богато-украшенною изображеніями; кровля этой колоннады опиралась на статуи, имѣвшія по 12 локтей въ вышину. При

Псамметихъ искусство имѣло новую, послѣднюю эпоху блеска; мы видимъ это по колоннадамъ, которыя построилъ онъ въ Карнакскомъ храмѣ и въ Филѣ, и по нѣсколькимъ изсѣченнымъ въ скалахъ гробницамъ, богато украшеннымъ скульптурою, тонкость и изящество которой свидѣлствуютъ о стремленіи художниковъ работать во вкусѣ самыхъ лучшихъ созданій прошлаго. Но великолѣпныя сооруженія Псамметиха въ Мемфисѣ и Саисѣ исчезли безъ всякаго слѣда; не сохранилось никакихъ остатковъ и отъ громадныхъ монолитовъ, которые при немъ и его преемникахъ были привозимы по рѣкѣ изъ Верхняго Египта въ Нижній.

Во все время правленія 26-ой династіи господствовало стремленіе возвратиться къ языку, правамъ, художественному стилю и т. д. классическаго времени, возстановить все, какъ было въ древнемъ мемфисскомъ царствѣ, потому время 26-ой династіи справедливо называютъ египетскою эпохой возрожденія. „Удивительна тонкость рѣзбы и разрисовки гіероглифовъ этого времени, говоритъ Масперо: и повсюду воздвигались прекрасныя статуи, были изсѣкаемы прекрасныя барельефы. Характеръ саиской эпохи искусства — красота, доводимая почти до сухости стиля, очень хорошая концепція подробностей, удивительное мастерство дѣлать покорными рѣзцу самые упорные противъ него камни. Пропорціи тѣла становятся болѣе нѣжными и легкими, формы рукъ и ногъ воспроизводятся мягче и вѣрнѣе природѣ. Это стиль иной, чѣмъ широкій, нѣсколько реалистичный стиль мемфисской эпохи, и тоже иной, чѣмъ величественный, часто грубый стиль памятниковъ эпохи Рамсеса II; это мягкій, чистый и тонкій стиль цѣломудреннаго искусства“.

Когда Псамметихъ послѣ 54-лѣтняго царствованія былъ положенъ на вѣчный покой въ изсѣченную въ скалѣ гробницу, наслѣдовавшій ему на саисскомъ престолѣ сынъ его Нехо (Некау) продолжалъ дѣйствовать въ его духѣ. Нехо тоже стремился возвысить Египетъ содѣйствіемъ иноземцевъ и сдѣлать центромъ международной торговли эту страну, положеніе которой дѣйствительно для того удобно. Съ этою цѣлью онъ очень заботился о развитіи мореплаванія и морской торговли. При содѣйствіи опытныхъ моряковъ, финикянъ, которыхъ старался заинтересовать въ своемъ предпріятіи, онъ хотѣлъ утвердиться на юго-восточномъ берегу Средиземнаго моря и устроить доходное сообщеніе между этимъ моремъ и Чернымъ. Для этого онъ повелъ дальше каналъ, начатый Рамсесомъ Великимъ, посылалъ финикійскихъ моряковъ въ экспедиціи по южнымъ морямъ для географическихъ открытій, и предпринялъ походъ въ Сирію, чтобъ отнять самарійскую страну у ассиріянъ.

Мы видѣли, что Рамсесъ-Сезострисъ прорылъ каналъ изъ Нила на востокъ до мѣстности, близкой къ Горькимъ Озерамъ, но отложилъ намѣреніе довести его до Чернаго моря. Нехо возобновилъ это дѣло. Онъ расширилъ прежній каналъ, такъ чтобы могли идти по немъ рядомъ двѣ

тріары, и соединилъ его съ Горькими Озерами. Потомъ велѣлъ рыть каналъ черезъ ущелье гряды холмовъ у подошвы хребта, въ которомъ были каменоломни; соединивъ этотъ каналъ съ прорытымъ, онъ хотѣлъ продолжить его до сѣвернаго конца залива. Уже 120,000 человѣкъ потеряли жизнь на этой работѣ подъ зноемъ; когда Нехо отступился отъ своего намѣренія, уstraшенный, какъ говоритъ Геродотъ, словами оракула, что онъ работаетъ на пользу варваровъ. По словамъ Страбона, работа была прервана раннею смертію царя. Но при Даріи, планъ соединенія морей былъ осуществленъ; во время Геродота, между ними существовало судоходство; а при Птолемейхъ, движеніе по этому водному пути было очень оживленное, хотя и трудно было поддерживать каналъ достаточно глубокимъ для судоходства, потому что при каждомъ вѣтрѣ сыпался въ него песокъ пустыни. Отъ времени до времени, каналъ расчищали; но уже болѣе 1000 лѣтъ онъ занесенъ пескомъ. Съ мыслью о проведеніи этого канала, свидѣтельствующею о широтѣ торговыхъ плановъ Нехо, имѣетъ вѣроятнo связь экспедиція, совершившая, по словамъ Геродота, плаваніе вокругъ Африки; объ этомъ плаваніи мы будемъ говорить ниже.

«Некосъ отступился отъ копанья канала и обратился къ военнымъ дѣламъ. И были построены тріары на Средиземномъ морѣ и въ Аравійскомъ заливѣ Чермнаго. Верфи ихъ еще видны и теперь. А съ сирійцами Некосъ сражался на сушѣ и одержалъ побѣду, и послѣ этой битвы взялъ Кадитисъ (Kadytis; Іерусалимъ?), большой городъ въ Сиріи. И одежду, въ которой онъ совершилъ эти дѣла, онъ посвятилъ Аполлону и послалъ ее къ Бранхидамъ въ Милетской землѣ». Такъ рассказываетъ Геродотъ о замѣчательномъ походѣ Нехо на Финикію и Самарію. Обѣ эти земли находились подъ властью ассиріянъ, столица которыхъ Ниневія была около того же времени взята соединенными силами мидянъ и халдеевъ. Итакъ, обстоятельства благоприятствовали намѣренію Нехо покорить важное для Египта сирійское приморье съ его богатыми торговыми городами и флотами, и навсегда сокрушить преобладаніе ассиріянъ, долго тяготѣвшее надъ Египтомъ. Газа, Аскалонъ и Асдодъ были еще въ рукахъ египтянъ, финикіяне предпочитали дружелюбное владычество Нехо господству ассиріянъ; отъ подавленной Самаріи нельзя было ждать большого сопротивленія. Давній планъ фараоновъ сдѣлать сирійскія горы оградою Египта, казался приближающимся къ осуществленію, когда Нехо пришелъ на Эзраѣлонскую равнину, — вѣроятно, съ моря и по соглашенію съ финикіянами. Напрасно хотѣлъ преградить фараону путь Іосія, царь іудейскій; въ битвѣ при Мегиддо онъ былъ побѣжденъ и потерялъ жизнь; Іерусалимъ былъ взятъ фараономъ; одинъ изъ сыновей убитого царя былъ уведенъ плѣнникомъ въ Египетъ, другой былъ назначенъ царствовать надъ Іудеею, какъ вассалъ египетскаго царя. И вѣроятно горды были надежды Нехо, когда онъ черезъ Гаматъ и Дамаскъ шелъ къ Эвфрату. Но битва при Кархемисѣ, въ которой молодой вавилонскій вождь Небукаднецаръ стяжалъ лавры первой побѣды, лишила Нехо всѣхъ плодовъ его усилій. Съ остат-

ками войска онъ поспѣшно бѣжалъ въ Египетъ, не безъ опасенія, что халдеи, гнавшіеся за нимъ, ворвутся и туда. Но Небукаднецаръ ограничился покореніемъ Палестины и Финикіи.

Послѣ недолгаго царствованія Псамметиха II, погибшаго въ Псамметихѣ II, войнѣ съ эѳіоплянами, вступилъ на саисскій престолъ внукъ Нехо, 594—589. Уагъ-абъ-Ра (Uah-ab-Ra), котораго Библія называетъ Гофра (Hophra), Гофра (Апрій) а греки называютъ Апрій (Apries). Онъ царствовалъ въ духѣ своихъ 589—570. предшественниковъ. Въ его время городамъ финикійскаго побережья и Іудеѣ снова угрожало нашествіе Небукаднецара съ большимъ войскомъ. Въ страхѣ, финикіяне и іудеи обратились за помощью къ Гофра въ Канаанѣ. Гофрѣ; онъ, понимая, что безопасность и благосостояніе его царства требуютъ тѣсной дружбы съ народами Канаана, для сопротивленія общими силами халдейскому могуществу, заключилъ союзъ съ іерусалимскимъ царемъ Седекіею; войско, составленное изъ египтянъ и греческихъ наемниковъ, вступило въ южную Іудею. Вѣроятно, имѣла связь съ этимъ походомъ египетская морская экспедиція противъ Финикіи и Кипра, о которой упоминаютъ Геродотъ и Діодоръ. Они говорятъ, что цѣлью египетскаго царя было завоеваніе, что онъ одержалъ большую побѣду на морѣ, взялъ Сидонъ и другіе приморскіе города, и увезъ въ Египетъ много добычи; очень можетъ быть, что это и было такъ: подавая помощь, онъ вѣроятно хотѣлъ, пользуясь обстоятельствами, и расширить свое царство. Но сухопутное египетское войско не могло защитить маленькое царство іудейское отъ халдеевъ; оно лишь замедлило на нѣсколько времени паденіе Іерусалима. Не давъ рѣшительной битвы, и вообще не оказавъ серьезнаго сопротивленія халдеямъ, Гофра отступилъ въ Египетъ, оставивъ своего союзника и Іерусалимъ на жертву мести могущественному врагу. Послѣ мы увидимъ, какой судьбѣ подвергъ Небукаднецаръ іудеевъ и царя ихъ. Итакъ, нельзя порицать пророковъ іудейскихъ за то, что они негодовали на ненадежнаго союзника и Іезекіиль возвѣщалъ, что «Іегова обратитъ Египетъ въ пустыню, за то, что и обитатели Египта были тростниковою подпорой дому израилеву. Когда они ухватились за тебя рукою, ты расщепился и все плечо искололъ имъ; и когда они оперлись на тебя, ты сломился и изранилъ всѣ чресла имъ» (XXIX, 6. 7), а Іеремія, самый твердый противникъ союза съ египетскимъ царемъ, предвѣщалъ завоеваніе Египта Небукаднецаромъ, какъ наказаніе отъ Бога.

«Опустошу Египетъ огнемъ и мечемъ», говоритъ Іегова у Іезекіиля: «И рѣки сдѣлаю сушею и предаю землю въ руки злымъ и рукою иноземцевъ опустошу землю. Истреблю идоловъ и уничтожу лжебоговъ въ Мемфисѣ, пошлю огонь на Цоанъ, — Та-нисъ. Молодые люди Она—Геліополя—и Бубаста падутъ отъ меча, а прочіе пойдутъ въ плѣнъ. Мышцы царя Вавилонскаго сдѣлаю крѣпкими и дамъ ему мечъ мой въ руку, разсѣю египтянъ по народамъ и развѣю ихъ по землямъ» (Іезекіиль XXX). — «И наем-

ники его какъ откормленные тельцы среди его, но и они обратились назадъ, побѣжали всѣ вмѣстѣ». (Іерем. XLVI, 21).

По разрушеніи Іерусалима, Небукаднецаръ осадилъ Тиръ, стоявшій на островѣ. Іезекииль и Іеремія имѣли такое высокое мнѣніе о могуществѣ и неодолимости завоевателя, что не сомнѣвались: онъ возьметъ Тиръ, поренесетъ войну въ Египетъ и будетъ господствовать надъ этой страной, какъ прежде господствовали ассирійскіе цари. Но Тиръ выдержалъ осаду тридцать лѣтъ, и Небукаднецаръ принужденъ былъ заключить договоръ съ нимъ объ условіяхъ его подчиненія. И если, какъ можно думать по сбивчивымъ извѣстіямъ, Небукаднецаръ, снявъ осаду съ Тира, предпринялъ походъ въ Египетъ, то не сдѣлалъ прочныхъ завоеваній въ этой странѣ *). Очень можетъ быть, что походъ на Финикію и Кипръ, о которомъ мы говорили, былъ предпринятъ египетскимъ царемъ ужь послѣ отступленія Небукаднецара; въ такомъ случаѣ, Гофра отнялъ на нѣкоторое время у халдеевъ финикійское приморье.

Конецъ правленія Гофры.

Второе предсказаніе Іереміи (XLVI, 26), что фараонъ будетъ преданъ въ руки Небукаднецара, тоже не исполнилось; царствование Гофры имѣло иной конецъ: киренскіе греки отняли большую область у сосѣднихъ съ ними ливійцевъ; чтобъ отомстить имъ, ливійцы покорились египетскому царю и призвали его; Гофра послалъ изъ Египта на Кирену большое войско; греки вышли на встрѣчу египтянамъ до потока, который назывался Тіэстою (Thyeste), и нанесли имъ такое пораженіе, что лишь немногіе изъ нихъ спаслись; у египетскихъ воиновъ явилась мысль, что царь съ умысломъ послалъ это войско на явную гибель, чтобы тѣмъ легче упрочить при помощи наемниковъ свою власть надъ остальною частью военного сословія; къ вернувшимся изъ похода присоединились друзья погибшихъ въ немъ, и поднялось возстаніе. Узнавъ объ этомъ, Гофра послалъ своего полководца Амазиса, которому очень довѣрялъ, чтобъ онъ убѣдилъ инсургентовъ успокоиться. Но они надѣли ему на голову шлемъ и провозгласили его царемъ. Къ нимъ скоро примкнули другіе воины, издавна не любившіе саисскую династію, и раздраженные тѣмъ, что Гофра съ неумѣстною строгостью наказалъ вельможу, хотѣвшаго быть посредникомъ между нимъ и инсургентами; фараонъ собралъ своихъ карійскихъ и іонійскихъ наемниковъ, которыхъ у него было

*) О походѣ Небукаднецара въ Египетъ свидѣтельствуетъ надпись, приводимая Видеманомъ: «Въ 37 году своего правленія Небукаднецаръ предпринялъ походъ въ Египетъ, завоевалъ и опустошилъ страну; только ужь у Сіэны отважились противостать ему египетскія войска подъ начальствомъ вождя своего Гора (Нор); ихъ мужеству удалось отбросить вавилонянъ и заставить ихъ уйти обратно». (37 годъ правленія Небукаднецара соответствуетъ 568—567 годамъ до Р. Х.).

до 30,000 человекъ, и пошелъ съ ними на бунтовщиковъ. Но инсургенты были гораздо многочисленнѣй, и при всей храбрости его наемниковъ онъ былъ побѣжденъ въ битвѣ при Момемфисѣ на берегу Мареотскаго озера. На томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ приобрѣлъ себѣ власть надъ Египтомъ Псамметихъ, лишился ея правнукъ его. Взятый въ плѣнъ, Гофра жилъ милостью побѣдителя въ великолѣпномъ саисскомъ дворцѣ, гдѣ прежде жилъ царемъ. Амазисъ лично желалъ пощадить его. Но ненависть народа требовала кровавой жертвы, и Амазисъ отдалъ его египтянамъ. «И они убили его и потомъ похоронили въ гробницѣ его отцовъ, въ святилищѣ богини Нейтъ» (Геродотъ). Такъ исполнилось пророчество Іереміи (XLIV, 30): «Я отдамъ фараона Вафрія» — Гофру — «царя египетскаго, въ руки враговъ его и въ руки ищущихъ души его».

Амазисъ,
564—526.

Таковъ былъ конецъ династіи Псамметиха, царствовавшей сто лѣтъ. Но замѣна одной династіи другою не произвела никакой перемѣны въ образѣ правленія, ни въ политикѣ. Амазисъ (Аагмесъ, Aahmes), хотъ и былъ возведенъ на престолъ приверженцами стараго порядка, оказывалъ такое же благорасположеніе къ иноземцамъ, какъ его предшественники, пошелъ даже дальше династіи Псамметиха въ стремленіи развитъ общеніе Египта съ другими странами, укрѣпить его связи съ греческими городами приморья и островами. Іонійскихъ и карійскихъ наемниковъ, сражавшихся противъ него, онъ не изгналъ изъ Египта, а поселилъ въ Мемфисѣ и сдѣлалъ своими тѣлохранителями, имѣя больше довѣрія къ нимъ, чѣмъ къ египтянамъ; съ киренянами онъ заключилъ дружескій союзъ, упрочилъ его женитьбою на гречанкѣ изъ знатнаго киренскаго рода и дорогимъ подаркомъ киренскому храму. Онъ далъ важныя привилегіи городу Навкрату, въ которомъ жили греки, желая, чтобы число этихъ колонистовъ увеличивалось, и всѣмъ, переселявшимся въ Египетъ, онъ позволилъ строить храмы и алтари ихъ богамъ. Когда сгорѣлъ Дельфійскій храмъ, онъ большими пособіями помогалъ дельфійцамъ при постройкѣ новаго; онъ украшалъ и другія эллинскія святилища священными приношеніями и подарками. При этомъ, онъ оставался вѣренъ воинскимъ и художественнымъ стремленіямъ прежнихъ фараоновъ. Онъ завоевалъ Кипръ, владычества надъ которымъ не могли удержать за собою тиряне, принудилъ самихъ тирянъ платить ему дань. Сооруженія, построенныя имъ въ Саисѣ и Мемфисѣ, блистательно свидѣтельствуютъ о художественной сторонѣ его правительственной дѣятельности. Въ пополненіяхъ мы приводимъ описаніе этихъ памятниковъ. Онъ постановилъ законъ, что каждый египтянинъ, подъ страхомъ смертной казни за ослушаніе, обязанъ объявлять, въ чемъ состоятъ источники доходовъ, на которые живетъ онъ. Греческіе историки хвалятъ Амазиса, какъ мудраго и справедливаго судью. Благодаря дѣятельности и качествамъ характера Амазиса, его царство бла-

годенствовало. Огромныя богатства стекались отовсюду въ Египетъ, имѣвшій тогда, какъ говорятъ, 20,000 городовъ. Амазисъ происходилъ изъ низшаго сословія, любилъ пить и веселиться, и когда у него не было средствъ для кутежа, онъ иной разъ и воровалъ; но сдѣлавшись царемъ, онъ умѣлъ пріобрѣсти любовь и уваженіе народа; ему извиняли даже и нарушенія правилъ придворнаго этикета, которому придавали такую важность жрецы и древніе фараоны. Образъ его жизни, по описанію Геродота, былъ далекъ отъ прежняго египетскаго благоприличія: «Утромъ, до того времени, какъ рынокъ наполнится народомъ, онъ со всѣмъ усердіемъ занимался дѣлами, а потомъ пилъ и издѣвался надъ своими гостями и забавлялся непристойными потѣхами и остротами». На порицанія друзей онъ отвѣчалъ, что и человѣку, какъ луку, не годится быть всегда натянутымъ. Такъ жилъ и думалъ Амазисъ, соединенный дружбою гостепріимства съ Поликратомъ, любимцемъ счастья. Египетъ много измѣнился при немъ. Но старое дерево было окончательно истощено завязями новыхъ плодовъ на немъ. Ему предстояло быть срубленнымъ, и сѣкира была уже занесена надъ нимъ, когда Амазисъ отошелъ къ отцамъ своимъ, и на престолъ вступилъ его сынъ, Псамметихъ III.

Полненія; изъ разсказа Геродота объ Амазисѣ. О зданіяхъ, построенныхъ Амазисомъ, Геродотъ разсказываетъ слѣдующее (II, 175 и 169): «Во первыхъ, онъ построилъ въ Сансѣ Аѳинѣ» — то есть, богинѣ Нейтѣ — удивительный предхрамный залъ изъ большихъ и дорогихъ камней; этотъ залъ превосходитъ всѣ другіе высотой и обширностью. Во вторыхъ, онъ сдѣлалъ въ приношеніе богамъ большіе колоссы и сфинксовъ съ человѣческой головою, и вообще по его волѣ привозились для построекъ камни чрезвычайной огромности. Нѣкоторые камни привезены изъ Мемфисскихъ каменоломенъ, но особенно ужъ огромные были привезены изъ Элефантины, которая отстоитъ отъ Санса на 20 дней плаванія. Самое же большое чудо для меня вотъ что: онъ велѣлъ привезти изъ Элефантины домъ, изсѣченный изъ одного камня; и надъ этимъ трудились около трехъ лѣтъ двѣ тысячи человѣкъ, определенныхъ къ его перевозкѣ, и всѣ они были матросы. Длина этого дома составляетъ снаружи 21 локоть, ширина 14, высота 8; а внутри длина его составляетъ 18 локтей и 20 дюймовъ, ширина 12 локтей, высота 5. Онъ стоитъ при входѣ въ храмъ, потому что въ храмъ его не ввели по причинѣ неблагопріятныхъ предзнаменованій. Кромѣ того, Амазисъ построилъ на дворѣ того же санскаго храма большой каменный залъ, украшенный колоннами, имѣющими видъ пальмъ и другими изящными отдѣлками. Въ этомъ залѣ есть кивотъ со створчатыми дверьми, а въ немъ стоитъ гробъ». — И во всѣ другіе знаменитые храмы Амазисъ далъ священныя приношенія замѣчательной величины. Такъ, въ Мемфисѣ пожертвовалъ колосса, лежащаго теперь тамъ опрокинутымъ, передъ храмомъ Гефеста — Пта — вышиною въ 75 футовъ (такой же лежитъ и въ Сансѣ); еще два колосса изъ эоипскаго камня, каждый въ 20 футовъ величиною, оба на одномъ пьедесталѣ. Также построилъ онъ въ Мемфисѣ Изидѣ храмъ, большой и чрезвычайно замѣчательный. — Эллиновъ Амазисъ очень любилъ и нѣкоторымъ изъ нихъ сдѣлалъ много добра. Такъ онъ далъ пріѣзжающимъ въ Египетъ позволеніе селиться въ Навкратѣ; а кто не хотѣлъ селиться, а только приходитъ на корабляхъ въ Египетъ, тѣмъ онъ отвѣлъ землю, на которой могли они поставить алтари и святилища своимъ богамъ. И самое большое изъ нихъ, и вмѣстѣ самое знаменитое, называется Гелленіонъ; и вотъ города, которые построилъ его общими издержками: изъ іонійскихъ, Хиосъ, Теосъ, Фокея, Кла-

зомены; изъ дорійскихъ, Родосъ, Книдъ, Галикарнассъ, Фазелида; изъ эолійскихъ, только городъ митиленцевъ. Имъ принадлежить это святилище; эти города назначаютъ и начальника пристани. Кромѣ того, эгинцы построили одни свое особое святилище Зевса, чальника пристани. Кромѣ того, эгинцы построили одни свое особое святилище Зевса, самійцы святилище Геры, милетяне — Аполлона. Въ числѣ пріѣзжихъ греческаго происхождения, жившихъ при Амазисѣ въ Навкратѣ, были и прекрасныя гетеры, какъ на примѣръ Родона, занимавшіяся тамъ своимъ промысломъ. — Дельфійцамъ Амазисъ далъ на построеніе ихъ храма 1000 фунтовъ квасцовъ, а жившіе въ Египтѣ эллины дали 20 миазъ. Посылалъ Амазисъ и приношенія въ эллинскіе храмы; во первыхъ, въ Книрену позолоченную статую Аѳины и свое живописное изображеніе; во вторыхъ, храму Аѳины въ Линдѣ двѣ каменные статуи и замѣчательную броню, сдѣланную изъ льна; въ третьихъ, въ Самосѣ, по связи гостепріимства между ними и Поликратомъ, въ храмъ Геры два деревянныя свои изображенія; они еще въ мое время стояли въ большомъ храмѣ позади дверей. — О томъ, что Амазисъ заботливо украшалъ Египетъ зданіями и статуями, свидѣлствуютъ многочисленные памятники, описанные Видеманомъ и изданныя имъ надписи.

Общіе выводы.

Таковы были тѣ два замѣчательные народа, которые на окраинахъ двухъ древнѣйшихъ частей свѣта вели съ незапамятныхъ временъ свое однообразное существованіе въ состояніи неподвижной культуры. При всемъ различіи многихъ формъ жизни, въ которыхъ проявлялись врожденныя умственные качества этихъ націй, нельзя не видѣть сходства въ ихъ основныхъ понятіяхъ, въ ходѣ ихъ развитія, въ направленіяхъ ихъ умственной жизни. И у китайцевъ и у египтянъ мы находимъ сильное нерасположеніе смѣшиваться съ другими народами или хотя бы только вступать въ сношенія съ ними; это нерасположеніе, первоначально возникшее вѣроятно изъ инстинктивнаго чувства разницы ихъ отъ другихъ народовъ по характеру и происхожденію, чѣмъ дальше тѣмъ больше усиливалось развивающимся во всякой замкнутой группѣ людей мнѣніемъ о своемъ превосходствѣ надъ другими людьми, на которыхъ замкнутое общество смотритъ съ презрѣніемъ, называя ихъ «варварами», или «нечистыми племенами», и которыхъ оно считаетъ недостойными того, чтобъ ему сблизиться съ ними. Это отчужденіе отъ другихъ народовъ и порожденная имъ національная разобщенность произвели и у китайцевъ и у египтянъ своеобразную культуру, подчинявшую движенія ихъ жизни строгой формалистикѣ и принявшую съ теченіемъ времени оцѣпенѣлый въ своей типичности характеръ. У обоихъ народовъ жизнь шла въ рамкахъ государственнаго устройства, основаннаго въ баснословно древнія времена или божествами страны или божественными царями ея; имѣя такое происхожденіе, оно считалось священнымъ и совершеннымъ; никакихъ измѣненій въ немъ нельзя было допустить, потому что всякое преобразование было бѣ искаженіемъ его первобытнаго

божественного характера. У обоих народов глава этого священного государства считался сыномъ и намѣстникомъ божества; онъ одинъ былъ способенъ и призванъ достойно исполнять обязанность верховнаго жреца, посредника между небомъ и землею, божествомъ и людьми, и совершать торжественныя жертвоприношенія, хотя и другіе свѣдущіе люди могли становиться у алтаря и приносить жертвы, большею частью бывшія безкровными. У обоих народов глава государства считался единственнымъ собственникомъ земли, по старому уставу и обычаю дающимъ каждому подданному участокъ земли въ пользованіе и имѣющимъ право брать за то часть плодовъ этого участка. У обоих народов между царемъ, чтимымъ какъ божество, и работающею массою стояли почетныя и привилегированныя сословія; въ Китаѣ мандарины, въ Египтѣ жрецы и воины; и хотя наслѣдственность не была формально предоставлена ни египетскимъ высшимъ сословіямъ, ни мандаринамъ, но фактически сынъ обыкновенно наслѣдовалъ званіе отца и случаи перехода черезъ наслѣдственные разграниченія были, вѣроятно, крайне рѣдки. Въ обоих государствахъ ученость имѣла первенство надъ мечемъ и богатствомъ, потому народный характеръ пріобрѣлъ нѣкоторую гуманность, законы и судъ получили нѣкоторую мягкость и нѣкоторый оттънокъ отеческой заботливости. И въ Китаѣ и въ Египтѣ народная жизнь была очень дѣятельна и разнообразна. Земледѣліе пользовалось высокимъ почетомъ и находилось въ замѣчательно цвѣтущемъ состояніи; промышленность обрабатывала очень разнообразные матеріалы и достигла высокаго техническаго развитія въ изготовленіи изящныхъ тканей, особенно льняныхъ и хлопчатобумажныхъ, въ обработкѣ металла, камня, дерева и другихъ веществъ; обширная торговля пріобрѣла съ теченіемъ времени такое важное значеніе, что перемогла даже нерасположеніе націи къ иноземцамъ и обезсилила законы замкнутости учрежденіемъ складочныхъ мѣстъ, въ которыхъ было дозволено торговать иноземцамъ. — Сходство понятій и хода развитія замѣтно не только въ общественномъ устройствѣ и государственныхъ учрежденіяхъ, но и въ умственной жизни, и въ нравахъ. И въ Китаѣ и въ Египтѣ религія была поклоненіемъ природѣ, основаннымъ на характерѣ страны; и тамъ и здѣсь, предметами народного почитанія и служенія были небо, освѣщающія и животворящія силы его и его свѣтила; и тамъ и здѣсь это повело къ наблюдению небесныхъ тѣлъ, къ вычисленію ихъ движеній и къ суевѣрному мнѣнію, что они имѣютъ непосредственное вліяніе на человѣческую жизнь. У обоих народов не было способности создавать миѳы, не было творческой фантазіи, порождающей живые образы героическаго міра, обильнаго подвигами и приключеніями; потому не было почвы ни для національнаго эпоса, ни для драматической поэзіи, основывающейся на священныхъ преданіяхъ миѳической старины. У

нихъ развилась только лирика, составляющая принадлежность богослуженія, или дающая выраженіе настроеніямъ мыслей и чувствамъ дѣйствительной жизни, и поддерживаемая своимъ сочетаніемъ съ музыкою, которою любили заниматься оба народа. И на Нилѣ и на Гоанъ-Го главнымъ назначеніемъ религіи было внушать людямъ, чтобъ они жили честно и добродѣтельно. А такая жизнь состояла, по мнѣнію обоих народовъ, не столько въ томъ, чтобы совершать хорошія дѣла, сколько въ томъ, чтобъ не дѣлать ничего дурнаго; отрицательная добродѣтель, осмотрительно остерегающаяся преступать повелѣнія жрецовъ, пѣнилась выше положительной дѣятельности, выше душевной религіозности, стремящейся къ чистотѣ сердца. Нравственное направленіе религіи проявлялось у обоих народовъ тѣмъ, что въ общественномъ ихъ бытѣ господствовала честность, семейная жизнь ихъ была хороша. Хотя многоженство было дозволено у нихъ, но отношенія между мужемъ и женою имѣли и у египтянъ и у китайцевъ такую нѣжность и задушевность, какъ ни у одного изъ другихъ языческихъ народовъ, и положеніе женщины у нихъ не имѣло характера той рабской подвластности, въ какой находится она на всемъ остальномъ востокѣ. Мягкость нравовъ обоих народовъ проявляется и въ томъ, что они, сколько мы знаемъ, никогда не оскверняли своихъ алтарей приношеніемъ людей въ жертву. Ихъ болѣе женственному, нежели мужскому характеру была равно чужда и дикая горячность и воинственная энергія. Въ Китаѣ жизнь воина казалась бѣдственною участію, а въ Египтѣ военная служба была обязанностью сословія, занимавшаго, повидимому, не очень высокое положеніе. У обоих народовъ мысли были направлены болѣе всего къ тому, чтобы пользоваться житейскими удобствами и удовольствіями. Мы видѣли, что напрасно говорятъ, будто-бы характеръ египтянъ былъ грустный, мрачный, будто-бы они болѣе думали о смерти, чѣмъ о жизни, что напротивъ они весело отдавались увлеченію всяческими общественными удовольствіями, наслаждаясь яснымъ климатомъ своей страны. О китайцахъ мы знаемъ, что и теперь они любятъ работать, любятъ и веселиться. Китайцы не строили пирамидъ, не исѣкали въ скалахъ гробницъ для своихъ умершихъ, не сооружали громадныхъ храмовъ для возвеличенія царей и боговъ, какъ дѣлали мемфисскіе и еиванскіе властители; но ваяніе и живопись у нихъ одинаково имѣютъ типическій характеръ, строгіе законы и формы, освященные преданіемъ и оставшіяся ненарушимыми для набожной почтительности позднѣйшихъ поколѣній; въ жесткой оцѣпенѣлости человѣческой фигуры и на бездушномъ лицѣ ея нѣтъ никакихъ слѣдовъ художественной идеальности, нѣтъ концепціи истинно прекраснаго и гармоничнаго; въ произведеніяхъ искусства высказывается только техническая ловкость и удивительное терпѣніе. Еще ближе родство между письменными знаками, которыми упрочивали китайцы и егип-

тяне слова и понятія. Правда, египтяне не остановились на системѣ обозначенія понятій символами, при которой остались китайцы: они перешли отъ нея къ фигурамъ, обозначающимъ звуки, но до системы буквеннаго письма въ строгомъ смыслѣ слова все-таки не дошли. Впрочемъ, затруднительный методъ письма не помѣшалъ ни тому, ни другому народу любить писать много, какъ показываютъ неимоверно-громадные размѣры китайскихъ лѣтописей и законодательныхъ книгъ, гіероглифическія надписи египетскихъ памятниковъ и свитки папируса, находимые въ египетскихъ гробницахъ; огромныя количества барельефовъ на стѣнахъ храмовъ и гробницъ въ Египтѣ тоже могутъ считаться особаго рода письменностью,—это скульптурныя гіероглифы.

Такимъ образомъ, эти два народа, во многихъ отношеніяхъ чрезвычайно замѣчательны, кажутся какъ-бы поставленными провидѣніемъ у порога исторіи для того, чтобы показать, какой степени образованности могли племена не-кавказской расы достигнуть собственными усиліями, безъ иноземныхъ вліяній, развитіемъ врожденныхъ своихъ способностей. И въ нѣкоторыхъ изъ направленій своей дѣятельности они достигли результатовъ, которые должно признать удивительными. Но обзрѣвая всѣ стороны культуры того ли, другаго ль изъ нихъ мы видимъ, что не высока та ступень обще-человѣческой образованности, до которой поднялся онъ. Китайцы, наиболѣе цивилизованный народъ монгольской расы, не подымали своего взора отъ земли, и умственная жизнь ихъ не переходила границъ, достигнутыхъ прежними поколѣніями, не переступала формъ и законовъ освященныхъ преданіемъ. Ослѣпленная кичливымъ самодовольствомъ, антипатичная энергическому кавказскому племени своею неподвижностью, китайская нація не имѣла вліянія на общій ходъ развитія человѣчества, и сама оставалась чужда культурной жизни другихъ народовъ. Ея вліяніе не шло дальше сосѣднихъ племенъ, подобныхъ ей. Вліяніе египтянъ было шире. Но какъ ни велико было дѣйствіе нѣкоторыхъ элементовъ египетской цивилизаціи на дѣтство и юность кавказскихъ народовъ, все таки эта нація, произошедшая изъ смѣшенія эѳіопскаго племени съ кавказскимъ, не была способна явиться въ исторіи чистою носительницею живущаго въ человѣчествѣ божественнаго начала. Съ изумительною неутомимостью усилій, египтяне создали твердыя формы религіозной жизни и художественной дѣятельности, прочный порядокъ во всѣхъ дѣлахъ жизни; неизмѣнность и спокойствіе ихъ быта внушали глубокое уваженіе народамъ европейскаго древняго міра въ ихъ тревожной юности, а сами египтяне съ восточною устойчивостью держались этихъ формъ цивилизаціи въ теченіе десятковъ столѣтій. Они хотѣли преодолѣть даже законъ природы, подвергающій все создаваемое тлѣнію для очищенія пространства дѣйствію вѣчно создающей силы жизни; заботились охранить отъ исчезновенія по крайней мѣрѣ человѣческое тѣло. Они хотѣли, чтобы всѣ явленія

ихъ жизни совершались по законамъ такой же вѣчной правильности, какую видѣли они въ круговоротѣ свѣтилъ, дающемъ оплодотворяющій разливъ ихъ рѣкъ и полагающемъ преграду смертоносному дѣйствію знойнаго дыханія пустыни, какую замѣчали въ неуклонности дѣйствій инстинкта животныхъ. Тихая ночь неподвижности священныхъ формъ египетской культуры производила сильное дѣйствіе на современниковъ и потомство; но въ этомъ дѣйствіи не было животворящаго духа; оно не создало живыхъ результатовъ; какъ пирамиды и муміи Египта, вся культура его осталась изсохшею вѣтвью на деревѣ жизни человѣчества. Но особенности національнаго типа коренились въ природѣ китайцевъ и египтянъ такъ глубоко, что попытка царей Египта привить къ старому стволу отпрыски эллинской культуры быстро повела государство къ паденію, а всѣ иноземные элементы, вторгавшіеся въ Китай, получали китайскій характеръ, какъ и въ Египтѣ не могъ измѣнить врожденныхъ свойствъ и привычныхъ бытовыхъ формъ ни одинъ изъ народовъ, поочередно налагавшихъ его своей власти на эту страну.

АРІЙЦЫ І ІРАНЦЫ.

Арійцы и Иранцы.

1. Индійцы.

Литературныя пособія. Греческіе и римскіе писатели, говорящіе объ Индіи, даютъ очень неполныя свѣдѣнія объ этой странѣ дальняго востока и о ея жителяхъ: они сами знали ее лишь по слухамъ или по рассказамъ путешественниковъ. У Геродота есть краткія замѣтки о нѣкоторыхъ племенахъ, жившихъ въ бассейнѣ Инда и неопредѣленные извѣстія о темнокожихъ народахъ, на востокѣ отъ Инда. Послѣ Геродота, наиболѣе важныя извѣстія находятся въ историческихъ трудахъ Арріана и Діодора, въ географическомъ трудѣ Страбона и въ уцѣлѣвшихъ отрывкахъ греческаго врача Ктезія. Но все эти извѣстія полны сказокъ и недоразумѣній.—Болѣе точныя и достовѣрныя свѣдѣнія объ Индіи европейскій міръ сталъ получать лишь, когда овладѣли этою страной англичане и когда англійскіе администраторы и ученые, въ особенности Вильямъ Джессель, Генри Кольбрукъ и другіе члены англійскаго «Азіатскаго общества» стали дѣлать и издавать изслѣдованія объ исторіи, языкѣ, религіи и литературѣ индійцевъ. (Изъ этихъ работъ, назовемъ здѣсь изслѣдованія Кольбрука о священныя книгахъ индійцевъ). Ихъ труды возбуждали обширную литературную дѣятельность, дали начало подробнымъ изысканіямъ и привели къ важнымъ результатамъ. Во первыхъ, въ самой Англіи было написано много основательныхъ изысканій объ исторіи Индіи, о бытѣ индійцевъ,—какъ напримѣръ Talb. Wheeler, *The History of India from the earliest ages*. 4 тома, London 1867—1876, объ отдѣльныхъ сторонахъ индійской жизни, напримѣръ: Haughton, *The institutes of Menu* (Lond. 1825); американскій санскритологъ Whitney издалъ *Language and the study of Language* (эта книга переведена на нѣмецкій языкъ Jolly, подъ заглавіемъ *Sprachlehre*, München, 1874; къ переводу сдѣланы попопленія), написалъ и „Индійскую Грамматику“; это грамматика не только санскритскаго языка, но и тѣхъ нарѣчій его, которыя образовались еще въ давнія времена; она переведена на нѣмецкій языкъ Циммеромъ (*Indische Grammatik*, Leipzig, 1879). Очень важно изданіе индійскихъ текстовъ, англійскаго ученаго, Мура: Muir, *Sanscrit texts, translated and illustrated*, 1868—1872, 5 томовъ.—Большой интересъ къ изученію культуры, языка и исторіи Индіи пробудился въ Германіи, когда романтики, и въ особенности братья Шлегели, дали толчекъ изученію санскритской литературы (*Fr. Schlegel, Sprache und Weisheit der Inder*. Heidelberg, 1808). Въ Германіи явился цѣлый рядъ изслѣдованій о древней Индіи (Bohlen, *Das alte Indien*. Königsberg, 1830. Два тома.—Benfey статья *Indien* въ 17-мъ томѣ «Энциклопедіи» Эрша и Грюбера.—Th. Kruse, *Indiens Geschichte, besonders hinsichtlich des Handels und der Industrie*); важнѣйшій изъ этихъ трудовъ—Chr. Lassen, *Indische Alterthumskunde*. (Томъ 1-й, 2-е изданіе, 1867; томъ 2-й, 2-е изданіе, 1873; томъ 3-й, 1858; томъ 4-й и Прибавленіе къ нему, 1862.)—Рядомъ съ этими работами, шли очень основательныя монографическія изслѣдованія о языкѣ, литературѣ и религіи индійцевъ; въ особенности: Alb. Weber, *Indische Literaturgeschichte*, 2-е изд., 1876, и сборники статей того же автора: *Indische Studien*;

indische Streifen; indische Skizzen;—Rud. Roth, Zur Literatur und Geschichte des Veda, Stuttgart, 1846;—издание Ведъ, *Макса Мюллера* (Oxford, 6 томовъ, 1849—1874; многія другія работы его же (Max Müller, History of ancient sanscrit literature;—Essays, 2 издание, 2 тома, 1879, 1881);—Zimmer, Altindisches Leben. Berlin, 1879 и проч.—Центръ изслѣдованій объ Индіи составляетъ разъясненіе религіозной исторіи ея, о которой написаны глубокія изслѣдованія французскими, англійскими и нѣмецкими учеными: Bignon, introduction à l'histoire du Bouddhisme indien. Paris, 1844, и другіе труды его;—Wilh. v. Humboldt, über Bhagavad—Gita, въ 1-мъ томѣ его Gesammelte Schriften. Berlin, 1841—1852;—T. Körpen, Die Religion des Buddha. 2 тома. Berlin, 1857—1859;—Bigaudet, Life or Legend of Gautama. London, 1866, и французскій переводъ Говена, Gauguin, Парижъ, 1878;—Paul Wurm, Geschichte der indischen Religion. Basel, 1874.—Историческая и культурная жизнь Индіи изображена со всѣхъ ея сторонъ *Дункеромъ*, трудъ котораго выше прежнихъ трактатовъ подобнаго содержанія, написанныхъ Штуромъ и Вуттке: Max Duncker, Geschichte des Alterthums, 5-е издание, томъ 8-й, 1879;—S. Lefmann, Geschichte des alten Indiens (часть сборника, издаваемого Оппеномъ).—Кромѣ этихъ трудовъ, авторъ пользовался переводами произведеній древней индійской поэзіи. Изъ нихъ онъ назоветъ: переводы пѣсень Ведъ, сдѣланные Бенфеємъ, Ротомъ, Людвигомъ, Грасманомъ и другими; A. Holtzmann, indische Sagen (изслѣдованіе о Магабхаратѣ и переводъ нѣкоторыхъ отдѣловъ ея) и Rama, его же; переводы «Нали и Дамаянти» Бонпа и Рюкерта; переводы «Сакунталы», Гирцеля, Лобеданца, Мейера и другихъ; Indisches Liederbuch, Мейера Stuttgart, 1854.—По исторіи искусствъ: Schnaase, Geschichte der bildenden Künste bei den Alten, 2-е издание, 8 томовъ, 1865—1877; Fr. Kugler, Handbuch der Kunstgeschichte; и другія сочиненія.—Много ученыхъ статей объ Индіи помѣщено въ журналѣ, основанномъ въ 1852 году Германомъ Брокгаузомъ, при содѣйствіи другихъ ученыхъ: Zeitschrift der deutschen morgenländischen Gesellschaft.—При латинской транскрипціи санскритскихъ словъ авторъ держался орѳографіи, рекомендуемой авторитѣтнѣйшими ориенталистами «общества нѣмецкихъ ориенталистовъ»; объ этой орѳографіи надобно замѣтить, что с означаетъ въ ней ч, а j означаетъ дж *).

ВВЕДЕНІЕ.

Ходъ историческаго развитія индійцевъ.

На обширной террасѣ, образуемой къ сѣверозападу отъ Гималаевъ соединеніями громаднѣхъ хребтовъ Болоръ-Тага, гдѣ близъ истоковъ Оксуса и другихъ большихъ рѣкъ подымается плоскогорье Памира, «Кровля вселенной», пасло въ глубокой древности свои табуны лошадей и стада рогатаго скота красивое, даровитое племя номадовъ, называвшихъ себя Арья (Arya), «превосходными». Съ сѣвера и съ востока они были отдѣлены отъ центральной Азіи высокими до непроходимости горами; пути къ расширенію были открыты имъ только на западъ и югъ. Когда эти «Арья», аріицы, покинули, по врож-

*) Относительно русской транскрипціи замѣтимъ: сочетаніемъ буквъ бг обозначается звукъ близкій къ ф. *Примѣч. къ русскому переводу.*

денной номадамъ любви къ переселеніямъ, свою отчизну, часть ихъ поселилась въ горныхъ странахъ, лежащихъ на сѣверъ и на западъ отъ Гиндукуша (Паропамиза) и называемыхъ у греческихъ писателей Согдіаною, Бактріею, Гирканіею и Арахозіею; другая часть пошла дальше, продвинулась черезъ югозападные проходы Гиндукуша и овладѣла богатою, плодородною страной по берегамъ Инда (Синду, Sindhu). Аріицевъ, оставшихся на сѣверозападѣ отъ этого хребта, называютъ иранцами, а языкъ ихъ священныхъ книгъ зендскимъ; они выработали себѣ культуру, которую впослѣдствіи приняли отъ нихъ побѣдители ихъ, мидяне и персы. А тѣ аріицы, которые овладѣли страной на югъ отъ Гиндукуша, называются у другихъ народовъ индійцами или гиндусами (правильнѣе: Гинду, Hindu), по имени главной рѣки ихъ новой отчизны; они создали то глубокомысленное вѣроученіе, тѣ своеобразныя формы государственнаго сословнаго быта, ту замѣчательную литературу на санскритскомъ языкѣ, которымъ удивляемся и мы, знающіе ихъ лишь по остаткамъ и преданіямъ. Прежнее населеніе страны по Инду составляли темнокожія племена съ грубыми нравами и дикарскимъ образомъ жизни; они были отчасти истреблены аріискими пришельцами, отчасти оттѣснены въ лѣса, отчасти покорены и обращены или въ рабство или въ состояніе, близкое къ рабскому; сословная разниа отдѣлила непроходимую преградою покоренныя племена, дасью (Dasyu), отъ аріицевъ. Глубокое презрѣніе побѣдителей усилило самодовольную надменность, съ какою поклонники Брамъ смотрѣли на всѣ народы, говорившіе на ихъ языкѣ и державшіеся другихъ религій; они называли этихъ народовъ варварами, млечча (mleccha), и чуждались всякаго сближенія съ ними, какъ существами низшей породы.

При недостаткѣ достовѣрныхъ источниковъ для исторіи этихъ давнихъ временъ, мы не можемъ отчетливо прослѣдить ходъ развитія аріиской культуры въ Индіи; мы можемъ лишь разгадывать его по скуднымъ слѣдамъ и по аналогіи. Только съ VI столѣтія до нашей эры онъ проясняется; о VI и V столѣтіяхъ мы находимъ данныя въ хроникахъ и легендахъ буддистовъ, о IV и III столѣтіяхъ мы имѣемъ греческія извѣстія. Браманы ни мало не интересовались исторіею; они даже старались изгладить всякое воспоминаніе о прежнихъ временахъ и прежнемъ бытѣ, чтобы народъ считалъ первобытными тѣ учрежденія и понятія, которыя устанавливались въ позднѣйшее время. Такимъ образомъ, очень скуденъ и отрывоченъ рядъ хронологическихъ данныхъ, по которому должны быть располагаемы свѣдѣнія о внутреннемъ состояніи и объ историческихъ фактахъ древняго времени, почерпаемые нами изъ индійскихъ поэтическихъ и религіозныхъ книгъ. Мы можемъ распредѣлять эти свѣдѣнія лишь по періодамъ очень широкимъ, да и то лишь въ видѣ догадокъ.

Арийцы пришли въ страну Инда, какъ надобно полагать, въ третьемъ тысячелѣтіи до нашей эры, и до XV вѣка жили въ Пенджабѣ, гдѣ границею ихъ поселеній была священная рѣка Сарасвати. Они раздѣлялись на большое число племенъ, которыми правили старшины и цари; они вели осѣдлый образъ жизни, пастушескій и земледѣльческій; чтили пѣснями и жертвами бога грома и дождя, Индру, и другихъ боговъ природы, и укрѣплялись въ мужествѣ войнами съ туземцами и племенными междоусобицами. Въ древнѣйшихъ частяхъ Ведъ сохранились нѣкоторыя изъ первобытныхъ пѣсенъ и воззваній къ богамъ, которыя пѣли они на праздникахъ и при похоронныхъ жертвахъ, и которыя переходили у нихъ изъ рода въ родъ изустнымъ преданіемъ. Постепенно расширяясь на югъ, они быть можетъ еще въ XIV и XIII столѣтіяхъ достигли устій Инда и на южномъ приморьѣ вступили въ торговые сношенія съ вавилонянами и финикиянами. Диодоръ передаетъ рассказъ греческаго историка Ктезія о походѣ Семирамиды на Индъ и о войнѣ ея съ «владѣтелемъ быковъ» (Stabrobates-Sthauripatis); при всемъ баснословномъ преувеличеніи дѣла, рассказъ этотъ основанъ на историческомъ преданіи; въ связи съ извѣстіемъ, что Семирамида основала при рѣкѣ Кабулѣ городъ Кофенъ, онъ можетъ вести къ заключенію, что земля по правому берегу верхняго теченія Инда была покорена ассиріянами, платила имъ дань.

Вторымъ фазисомъ индійской исторіи было завоеваніе страны по Гангу, начавшееся, вѣроятно, въ XIV вѣкѣ до нашей эры; это былъ героическій періодъ военныхъ подвиговъ, воспоминанія о которыхъ сохранились въ древнѣйшихъ сказаніяхъ національныхъ эпосей, Магабгараты и Рамаяны, и въ нѣкоторыхъ именахъ племенныхъ князей и династій. Пришельцы размножились; ихъ племена стали народами; въ завоеванныхъ областяхъ образовались большія военныя государства; о подвигахъ предковъ пѣли на пирахъ князей и ихъ сотоварищей эпическія сказанія. Это героическое время длилось нѣсколько столѣтій, и мы знали-бъ его точнѣе, если бы героическія пѣсни не были совершенно передѣланы браманами; но и въ нынѣшнемъ своемъ видѣ онѣ остаются имѣющими историческую основу, хоть она въ нихъ больше, чѣмъ въ эпосѣ другихъ народовъ, закрыта и затуманена передѣлкою. Чѣмъ дальше на востокъ проникали арийцы, тѣмъ священнѣе становилась въ ихъ мнѣніи родина на Индѣ и его притокахъ, гдѣ арийское населеніе было сплошное, не жили рядомъ съ нимъ остатки иныхъ племенъ, и гдѣ священный санскритскій языкъ владычествовалъ во всей своей первобытной чистотѣ. Но впоследствии патріархальныя учрежденія и прежнее поклоненіе природѣ исчезли изъ памяти арийцевъ на Гангѣ до такой степени, что оставшіяся въ бассейнѣ Инда племена, отставшія отъ нихъ въ развитіи, сохранившія старый бытъ, были исключены изъ религіознаго

и юридическаго общенія съ поклонниками Браммы, какъ нечистыя и низкія. Нѣкоторыя изъ этихъ племенъ на верхнемъ Индѣ были подвластны персамъ, и войны ихъ ходили въ полчищахъ Ксеркса до Элевзинской равнины.

Въ первыя времена героическаго періода, длившагося нѣсколько вѣковъ, арийцы воевали противъ первобытнаго населенія постепенно занимаемой страны; когда оно было покорено или вытѣснено, поднимались еще болѣе сильныя и упорныя войны между самими арийцами: первые завоеватели защищали захваченныя ими области отъ племенъ, шедшихъ туда за ними; и междоусобицы повидимому истощили энергію народа. Потому, когда войны кончились, духовенство легко приобрѣло перевѣсъ надъ военнымъ сословіемъ, которое было въ героическій періодъ первенствующимъ, но въ кровопролитныхъ борьбахъ лишилось энергичнѣйшихъ своихъ бойцовъ и даровитѣйшихъ предводителей. Изнѣживающій климатъ и плодородіе новопріобрѣтенныхъ областей по Гангу и Ямунѣ болѣе располагали къ тихой, созерцательной религіозности и мирному труду, чѣмъ къ военной пылкости и походной жизни; да и характеръ индійскаго народа былъ по преимуществу пассивный, растительный. Все это помогло успѣху стремленія брамановъ подчинить умственную и общественную жизнь націи жреческому закону. Браманы вытѣснили прежнее служеніе природѣ пантеистическимъ ученіемъ объ эманации міра изъ Браммы (Brahma), души міра. Героическій Индра и окружившій его сонмъ боговъ природы были низведены во второстепенное положеніе, сдѣланы только стражами вселенной и борцами противъ злыхъ духовъ. Свободное развитіе народныхъ силъ было подавлено строго неподвижною іерархіею кастъ, въ которой браманы взяли себѣ первое мѣсто. Они сковали энергію жизни безчисленными правилами церемоніала и обрядности, жертвоприношеній и очищеній; затмили свѣтлое небо Ямы, дали человѣческой жизни печальный характеръ, отняли у нея всякую бодрость и возвышенность стремленій страшнымъ ученіемъ о возрожденіяхъ и о мукахъ ада; мрачный аскетизмъ, переполненный покаяніями и самоистязаніями, умерщвляющій плоть и всѣ похоти ея погруженіемъ мыслей въ божественное существо, явился въ ученіи брамановъ вѣрнѣйшимъ путемъ къ освобожденію души отъ узъ тѣла, къ возвращенію ея изъ скорбной земной юдоли въ небесную отчизну.

Подчинивъ своему закону религіозную жизнь и область вѣрованій, давъ религіи утрированное спиритуалистическое направленіе, браманы стремились поработить своимъ понятіямъ, регламентировать своими уставами и государственную жизнь, гражданскій бытъ во всѣхъ его проявленіяхъ. Для этого они выработали законодательный кодексъ, составителемъ котораго называли Ману; онъ долженъ былъ имѣть силу закона во всѣхъ индійскихъ государствахъ и держать народъ въ послушаніи, въ раболѣпной подчиненности силою суровыхъ

наказаній и строгимъ деспотизмомъ царской власти, опирающейся на бюрократію и полицію. Основныя части этого кодекса принадлежать къ числу древнѣйшихъ произведеній санскритской письменности; и хотя впоследствии онъ подвергался очень многимъ передѣлкамъ, между прочимъ и подъ вліяніемъ буддистскихъ понятій, но и послѣ всѣхъ передѣлокъ онъ сохранилъ свой коренной характеръ. Браманы хотѣли только того, чтобы всѣ индійцы жили по предписаніямъ ихъ закона; о томъ, чтобы индійскія государства могли дѣйствовать какъ одно цѣлое, и чтобы Индія была могущественною страной, у нихъ не было заботы. Потому индійская нація никогда не выходила изъ состоянія разрозненности: какъ въ одной мѣстности жили чуждыя другъ другу касты, не имѣя никакихъ общихъ интересовъ, такъ и страна была раздроблена на множество мелкихъ и крупныхъ государствъ, не соединенныхъ между собою никакою связью; никогда не составляли они федераціи; они жили каждое по-рознь отъ другихъ, и не рѣдко во враждѣ между собою; и каждое состояло изъ множества сельскихъ и городскихъ общинъ, между которыми тоже не было никакой внутренней связи; общины были соединены въ округи только для взиманія податей съ нихъ и полицейскаго надзора за ними. При своей политической и общественной раздробленности и разрозненности, индійскій народъ не могъ принимать живаго участія въ государственной жизни; онъ сторонился отъ безотрадной дѣйствительности, въ которой гнетущій деспотизмъ развивалъ только жажду матеріальныхъ наслажденій, подавляя всякія благородныя стремленія, всякую истинную радость жизни, стѣсня умышленную жизнь; народъ искалъ утѣшенія себѣ въ области вѣры и фантазіи, въ мірѣ сказокъ и грезъ, погружался въ общеніе съ божествомъ, наполнилъ небо и землю духами и всяческими сверхъ-естественными существами, и переносилъ мыслями въ волшебный міръ легендъ о богахъ и святыхъ, преданій о подвижникахъ и сказочныхъ приключеній, забывалъ дѣйствительный міръ съ игомъ его кастъ, съ деспотизмомъ его царей и чиновниковъ, съ его обременительною системою податей. Результатомъ всего этого было, что индійцы на Гангѣ стали отчуждены отъ дѣйствительной жизни до такой степени, какъ никакой иной народъ, утратили всякую національную энергію, и родиною для нихъ сталъ міръ фантазіи, отечествомъ для нихъ стало небо.

Таковъ былъ ходъ индійской жизни до VI вѣка ранѣе нашей эры. Къ этому времени браманизмъ уже распространился на большую половину Деканскаго полуострова, не столько силою оружія, сколько миссіонерствомъ и колонизаціею. Въ VI столѣтіи развился изъ браманизма буддизмъ, ставшій сильнымъ двигателемъ жизни во всей восточной Азіи. Будда однимъ могущественнымъ ударомъ разрушилъ браманское міровоззрѣніе: онъ отвергъ всѣхъ боговъ браманизма, отвергъ Веды; на мѣсто аскетизма, жертвоприношеній и обрядовъ

очищенія поставилъ нравственное ученіе, требовавшее чистоты сердца, кротости, любви къ людямъ, доброжелательства ко всѣмъ живымъ существамъ, низвергъ іерархію кастъ и гордость высшихъ сословій ученіемъ о равенствѣ всѣхъ людей. Правда, онъ удержалъ браманское вѣрованіе въ переселеніе душъ и ставилъ причиною господствующихъ на землѣ бѣдствій грѣхи, совершенные людьми въ прежней ихъ жизни; но указалъ болѣе легкій путь къ спасенію и общалъ человѣку, что его индивидуальное существованіе «угаснетъ» въ «Нирванѣ», безкачественномъ небытіи, достигнувъ котораго познаніемъ высочайшей истины и вполне добродѣтельной жизнью, душа найдетъ себѣ вѣчный покой безъ воскресенія и возрожденія. Мысль Будды была все-таки скована индійскими идеями; потому и онъ находилъ высшею цѣлью земной жизни, единственнымъ путемъ къ блаженству удаленіе отъ житейской призрачности и мимолетности, бездѣйственное, растительное существованіе, умерщвленіе страстей и желаній, кроткую пассивность. Вѣрующіе ученики, подобно обожествленному наставнику, странствуя въ желтой одеждѣ нищихъ, быстро распространили его ученіе по всей странѣ отъ Гималаевъ до Цейлона; по всей Индіи возникли въ огромномъ числѣ «ступы», куполоподобные надгробные памятники съ мощами учителя, и подлѣ ступъ монастыри для общежительства отречшимся отъ мірской жизни послѣдователямъ его. Бѣдные и угнетенные простолюдины искали въ ученіи Будды избавленія отъ надменности и фантастической схоластики брамановъ и отъ страданій возрожденія.

Успѣхъ буддизма произвелъ перемѣну въ браманскомъ вѣроученіи. Горячая приверженность народа къ ученію Будды опиралась на вѣрованіе, что Будда былъ воплощеніемъ бога; это заставило брамановъ заняться выработкою ученія о воплощеніяхъ и о Тиримурти. Народу оставалось чуждымъ понятіе о душѣ міра, Брамѣ; браманы дали этому первобытному существу три формы проявленія и стали учить, что одна изъ этихъ трехъ формъ божества, самая популярная и благотворная форма его, Вишну, животворящій и сохраняющій богъ, отъ времени до времени появляется на землѣ въ образѣ человѣка, чтобы возстановить разстроенный порядокъ природы и возвратитъ на правый путь уклонившееся отъ него человѣчество. Герои народнаго эпоса, Рама и Кришна, были названы воплощеніями Вишну, и героическія пѣсни предковъ были передѣланы въ этомъ смыслѣ. Въ Магабгарату, древнѣйшія части которой не представляютъ никакого слѣда ученія о Тримурти, былъ вставленъ глубокомысленный эпизодъ, Брагавадъ-Гита (Bhagavad-Gita), очевидно имѣвшій своею цѣлью примирить буддизмъ съ браманизмомъ. Но браманы, удерживая іерархію кастъ во всей строгости, расширяя свои богослужебные и жертвенные обряды новыми ритуалами и церемоніями, довели суровость аскетизма до жестокости, до фантастическихъ формъ самоистязанія,

до самоубійства; потому всё ихъ усилія остановить успѣхи буддизма были напрасны: онъ продолжалъ распространяться въ народѣ, не смотря даже и на то, что подвергался преслѣдованію. Гоненія на него начались, вѣроятно, еще до временъ Александра Македонскаго; но тогда они не имѣли еще большаго размѣра. Позднѣе, они получили страшную силу и широту. Въ половинѣ третьяго столѣтія до нашей эры, когда въ обширномъ государствѣ, охватывавшемъ оба берега Инда и простиравшемся далеко по Гангу, царствовалъ Асока (Asoka), былъ золотой вѣкъ буддизма въ Индіи. Асока созвалъ въ Палиботру большой соборъ, на которомъ были опредѣлены догматы вѣры «Мудраго» и построилъ множество церковныхъ зданій. Многочисленные надписи на скалахъ во всѣхъ областяхъ его царства свидѣтельствовали о благочестіи «Пріядарсина», какъ называли Асоку.

Извѣстія греческихъ писателей, знавшихъ въ IV и III столѣтіяхъ области на берегахъ Инда и Ганга частью по собственному наблюденію, частью по достовѣрнымъ рассказамъ, показываютъ, что браманскій законъ тогда ужъ былъ точно такимъ, какимъ мы теперь знаемъ его по туземнымъ источникамъ, и что жизнь ужъ подчинялась всѣмъ практическимъ выводамъ изъ его принциповъ. Греки не совсѣмъ правильно понимали нѣкоторыя подробности индійскаго вѣроученія; и въ своихъ сужденіяхъ и въ изложеніи фактовъ они очень много руководились предвзятыми мнѣніями и своими національными понятіями. Но все-таки ихъ извѣстія служатъ важнымъ матеріаломъ для исторіи развитія индійцевъ, а ихъ соображенія подаютъ поводъ къ болѣе основательнымъ изслѣдованіямъ. Многія извѣстія буддистовъ, менѣе пренебрегающихъ хронологіею и исторіею, чѣмъ браманы, объясняются и подтверждаются свѣдѣніями, которыя сообщаютъ намъ греческіе писатели. Походъ Александра составилъ эпоху и въ судьбахъ страны по Инду, какъ въ исторіи западной Азіи. Македонское владычество въ Индіи было непродолжительно; но Индія осталась послѣ того въ сношеніяхъ съ греческимъ міромъ. Цари земель на берегахъ Ганга находились въ дипломатическихъ связяхъ съ Селевкидами и Птолеяями; это имѣло большое вліяніе на Индію. Тотъ буддистскій царь Асока, о которомъ ужъ упоминали мы, былъ, кажется, внукъ могущественнаго царя Чандрагупты (Сандракотта, Sandracottus), о которомъ изъ греческихъ писателей мы знаемъ, что онъ былъ освободителемъ Индіи отъ греческаго владычества и союзникомъ Селевка. Эллинская культура проложила себѣ путь въ Индію; и вѣроятно греческимъ вліяніемъ были занесены туда многія изъ наукъ и искусствъ, которыя находимъ на Гангѣ, напримѣръ научная астрономія, чеканка монеты и т. д.; о греческомъ вліяніи на индійскую астрономію свидѣтельствуетъ то, что въ ней былъ принятъ греческій зодіакъ. Вѣроятно, эллинскій духъ имѣлъ вліяніе даже и на развитіе индійской поэзіи, по крайней мѣрѣ драматической, и на индійскую

архитектуру. По сношеніямъ Индіи съ греческимъ міромъ, рано проникли въ нее и христіанскія идеи, вліянію которыхъ, вѣроятно, должно приписывать развитіе ученія о Вишну-Кришнѣ и то, что идея о личномъ богѣ приобрѣла въ индійскомъ вѣроученіи ясность, какой не имѣла до христіанства.

Въ македонское и александрийское время, когда Индія сблизилась съ греческими государствами въ Азіи и Египтѣ, индійская жизнь ужъ ослабѣвала, творческая дѣятельность индійцевъ и въ особенности государственная энергія ихъ угасла. Духъ созерцанія и философскаго фантазерства создалъ у нихъ и съ изумительною послѣдовательностью ввелъ въ жизнь множество теорій и системъ; утомившись, онъ теперь бездѣйствовалъ, и его прежнія странныя выдумки остались законами и формами умственной и общественной жизни, для слѣдующихъ поколѣній, заботившихся не объ улучшеніи полученнаго отъ предковъ, а лишь о распространеніи браманизма на за-гангскомъ полуостровѣ и на островахъ Малаккскаго архипелага, особенно на Явѣ. Съ устойчивостью, принадлежащею характеру восточныхъ народовъ, индійцы продолжали съ той поры держаться, какъ держатся еще и теперь, своего фантастическаго вѣроученія, своего стѣснительнаго кастоваго устройства, строгаго аскетизма, вѣры въ долгій рядъ возрожденій,—словомъ, всѣхъ тѣхъ учреждений и теорій, которыми была парализована и подавлена ихъ нравственная энергія. Много было завоевателей, становившихся желѣзною ногою на выю индійскаго народа; много было военныхъ нашествій, вторгавшихся опустошительными бурями въ благодатную страну и заливавшихъ ее кровью; но старыя основы индійской жизни пережили всѣ перевороты, выдержали всѣ угнетенія, всѣ преслѣдованія, устояли противъ всѣхъ попытокъ передѣлать понятія индійцевъ. Привычка къ деспотизму, вошедшая въ природу индійцевъ, и кастовое устройство дали характеру ихъ крѣпкую устойчивость въ пассивномъ сопротивленіи, котораго не могло одолѣть никакое насиліе. Хитрость, притворство, лживость, коварство—эти оружія и пороки всѣхъ слабыхъ и угнетенныхъ, помогли индійцу вынести тяжелый гнетъ обстоятельствъ; онъ гнулся подъ давленіемъ насилія, не ломаясь; умереть всегда казалось ему счастьемъ, аскетизмъ притупилъ въ немъ чувство боли, потому онъ всегда спокойно и твердо встрѣчалъ смерть.

1. Индійская страна и ея жители.

На южномъ краю центрально-азиатской возвышенности, образующей какъ бы островъ скалъ среди покрытаго волнами горъ материка,

подымается въ нѣсколько рядовъ прорѣзанныхъ дикими ущельями параллельныхъ кряжей высочайшій на землѣ хребетъ Гималайскихъ горъ (Himalaya, мѣсто снѣговъ). Необозримыя снѣговья и лдяныя поля, надъ которыми безсиленъ зной тропическаго солнца и сверкающія бѣлымъ блескомъ вершины горъ окружаютъ «царя скалъ», какъ называетъ индійскій эпосъ, Гималайскій хребетъ (Гимаватъ, Himavat на языкѣ эпоса): «тамъ нѣтъ ни одного цвѣтка, не зеленеетъ ни одной былинки; не летаетъ тамъ по воздуху ни одна птица, не движется ни что живое, кромѣ только вѣтра». Тамъ повсюду царитъ мертвое молчаніе оцѣпенѣвшей природы; ни травы, ни даже мха нѣтъ на покрытыхъ снѣгомъ крутизнахъ. Лишь на третьемъ, считая отъ середины, кряжѣ горъ начинается растительность, слабо проявляющаяся въ верхней своей полосѣ, гдѣ растутъ дубъ, береза, ель и гдѣ нивы даютъ скудный урожай; но по склонамъ внизъ, она скоро становится могущественной: деревья нижней полосы лѣсовъ этого кряжа громадны; на западѣ, къ лѣсной горной полосѣ примыкаетъ область холмовъ, на востокъ горы опускаются въ богато орошенную природою низменность, гдѣ въ «джанглѣ» — непроходимой чащѣ высокаго, какъ лѣсъ, тростника и такой же травы — живутъ тигры, слоны, исполинскія змѣи, а въ стоячихъ водахъ и въ трясинахъ гниютъ массы растений, порождая заразу злой лихорадки. Дункеръ говоритъ: «Стѣна хребта, простирающаяся въ направленіи отъ запада къ востоку, болѣе чѣмъ на 350 географическихъ миль, опредѣляетъ характеръ и жизнь страны, которая лежитъ на югъ отъ нея, подобно тому, какъ на югъ отъ европейскихъ Альповъ лежитъ итальянскій полуостровъ»; эта стѣна даетъ Индіи характеръ географически, климатически и исторически замкнутого материка. «Гималаи защищаютъ область холмовъ и страну равнинъ отъ суровыхъ вѣтровъ, бурно проносящихся съ сѣвера холодомъ и разрушеніемъ по среднеазиатской террасѣ; она останавливаетъ и несущія влагу океана дождевыя облака, гонимыя пассатомъ и муссонами съ южнаго моря; принужденныя изливать весь свой запасъ воды на равнины у подошвы Гималаи, — они превращаютъ солнечный зной въ прохладу, замѣняютъ роскошною зеленью выжженную солнцемъ растительность». Такъ производитъ Гималайскій хребетъ разнообразіе климатовъ и растительности, которое испоконъ вѣка дало Индіи славу самой благодатной изъ всѣхъ странъ, сада природы.

Гиндустанъ и Деканъ. Очертаніе Индіи можно сравнить съ двумя треугольниками, которые приложены одинъ къ другому своими основаніями, а вершинами направлены одинъ къ сѣверу, другой къ югу. Сѣверный треугольникъ, боковыя стороны котораго образуютъ высокіе хребты, а средину занимаютъ обширныя низменности и равнины — это Гиндустанъ въ собственномъ смыслѣ слова; по немъ извиристо текутъ берущія начало въ ледникахъ Гималаи главныя рѣки Индіи: на западѣ — Индъ,

пролагающій себѣ путь въ Индійское море, на востокъ Брампутра, въ срединѣ Гангъ, впадающія въ Бенгальскій заливъ. Южный треугольникъ, боковыя стороны котораго образуютъ плоскія побережья, а средину составляютъ обширныя плоскогорья и горныя хребты — это Деканъ, средній изъ трехъ полуострововъ, которыми врѣзывается на югъ въ море материкъ Азіи. Гиндустанъ 1. Гиндустанъ. дѣлится на двѣ части, различныя и по характеру природы, и по исторической судьбѣ; одна — бассейнъ Инда, другая бассейнъ Ганга. Источники обѣихъ этихъ рѣкъ на сѣверномъ кряжѣ Гималаевъ, въ области горныхъ священныхъ озеръ, гдѣ высоко поднимается святая гора Кайласа, и, по сказанію, находятся жилища и сокровищницы бога богатствъ, Куберы, въ той же области, гдѣ источники и другихъ трехъ главныхъ индійскихъ рѣкъ: Шатадру, Брампутры и Ямуны. Индъ течетъ сначала на западъ, потомъ, близъ знаменитой Кашмирской долины, принимаетъ южное направленіе, прорвавшись бушующими волнами черезъ ущелья скалъ, течетъ по границѣ страны, называемой Пенджабомъ, «Питирѣчьемъ», и увеличенный водами Гидаспа, Гифазиса (Шатадру) и другихъ трехъ притоковъ, впадаетъ въ Индійское море. Гангъ и притокъ его Ямуна текутъ сначала на югъ и скоро достигаютъ равнины; останавливаемый на югъ ея кряжами Виндійскихъ горъ, Гангъ обращается на востокъ, и, увеличенный множествомъ притоковъ съ юга и съ сѣвера, разливаетъ свои воды по низкимъ берегамъ, производя роскошную флору: тутъ растутъ громадныя, развѣсистыя и густолиственные деревья, тутъ множество другихъ превосходныхъ тропическихъ растений. Съ плодородіемъ земли соединены въ этой области расслабляющій зной и злые лихорадочныя мѣзмы, порождаемые сыростью жаркаго климата; въ Бенгаліи, на почвѣ, образованной наносомъ рѣки, гдѣ приближается къ широкому Гангу текущая на югъ Брампутра (сынъ Брамъ), эти вредныя мѣзмы очень сильны. «Выше дельты Ганга, пишетъ Лассенъ, гдѣ рѣка, текущая еще однимъ русломъ, такъ широка, что съ одного берега едва видѣнъ другой, земля очень плодородна и растительность на ней роскошная. Въ самой же дельтѣ она изумительна: тамъ растутъ такіе непроходимыя чащи деревьевъ и вьющихся растений, что безсильный передъ ними человекъ долженъ предоставлять ихъ въ жилище дикимъ животнымъ, во власть тигру». Верхнее теченіе Инда и притоки его бѣдны рыбобою; потому въ Ведахъ почти нѣтъ упоминаній ни о рыболовствѣ, ни о рыбахъ; но часто упоминается левъ, который теперь почти исчезъ въ той странѣ; въ Ведахъ говорится объ охотѣ на льва, о западняхъ, въ которыя ловятъ его. Изрѣдка упоминаютъ Веда и о слонѣ; но всегда какъ о дикомъ животномъ, ни разу какъ о прирученномъ.

Индъ течетъ сначала на западъ по длинному ущелью, которое на высотѣ 10,000 фу- Бассейнъ Инда. товъ тянется между параллельными хребтами Каракурма (Мусъ-Тага) и Гималаевъ. Про-

равшись узким ложемъ чрезъ Гиндукушъ, онъ, на западъ отъ цвѣтущей долины Кашмира, гдѣ близъ города Аттока впадаетъ въ него рѣка Кабулъ, направляетъ свое теченіе къ югу. Кашмиръ (Касмира, Кашміга)—долина, имѣющая въ ширину, отъ снѣговъ одного хребта до снѣговъ другого, 10—12 миль. Она пользовалась нѣкогда славою рай, первой отчизны людей. При ближайшемъ знакомствѣ, пришлось отбросить многое изъ прежнихъ поэтическихъ отзывовъ о ней. Но все-таки Кашмиръ, по плодородію почвы, превосходному климату и живописности своей горной природы, долженъ быть признанъ одною изъ самыхъ благословенныхъ областей на земномъ шарѣ. Онъ образуетъ особый замкнутый міръ; но его мѣстоположеніе удобно для веденія торговли съ западомъ и сѣверомъ. Въ древнѣйшія времена онъ былъ однимъ изъ центровъ индійской культуры. На Кашмирскихъ горахъ находятся источники Гидаспа (Hydaspes; Джелама, Djelum), одной изъ тѣхъ пяти рѣкъ, по числу которыхъ дано имя Пенджабу; «Пенджабъ» значитъ «Пятирѣчье»; санскритское названіе этой страны «Панчанада» тоже значитъ «Пятирѣчье». Индъ никогда не входилъ въ счетъ «Пяти рѣкъ»; считались только его притоки. Санскритскія имена этихъ рѣкъ, по порядку ихъ съ запада на востокъ: Витаста, Чандрабхага (Sindrabhaga), Иравати, Випаса (Vipasa), Шатадру (Satadru); греческія имена: Гидаспъ, Анесинъ, Гидраотъ, Гифазъ (или Гифазисъ, Hyphasis), Зададръ. Самая восточная изъ этихъ рѣкъ, Шатадру (Сетледжъ) называется въ нижнемъ своемъ теченіи Гарра (Ghagga), а греки, считая главною рѣкою Пятирѣчья Гифазъ, называли Гифазомъ и это общее низовье ихъ. По впаденіи Сетледжа, долина Инда сѣуживается: съ запада подступаютъ къ рѣкѣ Иранскія горы, съ востока подходитъ къ ней широкая безводная степь, которая простирается отъ предгорій Гималаевъ до моря, и въ которой только стада буйволовъ, ослы и верблюды находятъ себѣ пищу, и то скудную. Мѣстность въ устьяхъ Инда наводняется моремъ, поросла камышемъ и тростникомъ, бѣдна прѣсною водою, потому неудобна для земледѣлія и мало населена.—На западъ отъ верхняго теченія Инда лежитъ плодородная, прекрасная горная страна, Кабулистанъ; по ней идутъ отроги Гиндукуша. Она съ древнѣйшихъ временъ была путемъ караванной торговли. Это длинный проходъ между Ираномъ и Индіею; черезъ него шелъ обмѣнъ продуктовъ природы и произведеній мысли. На югѣ Кабулистана западную границу Индіи образуютъ цѣпи горъ, высящихся надъ узкимъ и низкимъ побережьемъ Инда. Ближайшій къ Кабулистану хребетъ ихъ—Сулеймановы горы; одна изъ вершинъ, «Престолъ Соломона» имѣетъ 12,800 высоты. Въ Сулеймановыхъ горахъ много ущелій и нагихъ высотъ. Далѣе идутъ Брагуйскія горы, южные отроги которыхъ касаются моря; въ малодоступныхъ, замкнутыхъ долинахъ ихъ живетъ черное населеніе, отличающееся отъ сосѣднихъ народовъ и языкомъ и тѣлосложеніемъ. Западная часть Брагуйскихъ горъ идетъ по Келатской террасѣ, узкія ущелья которой служатъ единственнымъ путемъ изъ Ирана къ среднему теченію Инда. Восточная сторона Брагуйскихъ горъ, Севистанъ и Кача Гандава (Kacha Gandava), съ великолѣпными финиковыми пальмами, считалась въ древности индійскою землею.

2. Деканъ.

За исключеніемъ горныхъ окраинъ на югѣ отъ Гималаевъ и на сѣверѣ отъ Виндійскихъ горъ, Гиндустанъ—низменная страна бассейновъ Инда и Ганга. Совершенно иной видъ имѣетъ южный треугольникъ, Деканъ (т. е. «южная страна»); это терраса, имѣющая тропическій климатъ. Виндійскій хребетъ, ограждающій Деканъ валомъ съ сѣвера, выдѣляетъ отъ себя на сѣверо-западѣ крутой хребетъ Аравалійскихъ горъ (Aravali), образующихъ разорванныя ущельями группы; а вдоль западнаго берега идетъ Гатскій хребетъ, оставляющій лишь узкую окраину побережья; рѣки, текущія въ западное море, имѣютъ незначительную длину. Терраса отлого понижается къ восто-

ку и по окраинѣ Бенгальскаго залива, въ который текутъ почти всѣ рѣки ея, какъ напримѣръ Маганадди (т. е. большая рѣка), Годавари, Кришна, Кавери; спускъ ея образуетъ полосу низменнаго приморья обильно орошенную. Только двѣ рѣки, сопровождающія Виндійскій хребетъ, Нармада (Нербедда) и Тапати, текутъ на западъ. «Такимъ образомъ Деканъ состоитъ изъ узкой полосы приморья на западѣ, другой полосы приморья на востокѣ и горной страны, окраины которой образуютъ Гаты и которая раздѣлена рѣками на нѣсколько частей,—говоритъ Лассенъ. Высота этой прорѣзанной долинами рѣкъ и дикими ущельями террасы вообще не очень велика; но все-таки она страна прохладнаго горнаго воздуха, свободная отъ знойной духоты низинъ. Лишь на югѣ она подымается до такой высоты, что тамъ бываетъ снѣгъ. Итакъ, природа индійскаго полуострова разнообразна: тамъ есть степи сыпучаго песка и богатая наносная почва, нагія скалы и болотистыя низины съ густою растительностью, узкія ущелья и широкія рѣчныя долины. Но берега Индіи не имѣютъ глубоко вдающихся заливовъ и судоходныхъ рѣкъ, многочисленность которыхъ даетъ такое оживленіе Европѣ. Виндійскій хребетъ не очень высокъ; но онъ образуетъ широкую стѣну раздѣла между Гиндустаномъ и Деканомъ. Изорванный ущельями, неудобнопроходимый, богатый роскошными густыми лѣсами и дикими животными, онъ былъ для первобытнаго населенія Индіи безопаснымъ убѣжищемъ отъ шедшихъ съ сѣвера завоевателей; потому въ цвѣтущій періодъ браманизма въ недоступныхъ верховьяхъ долинъ и дикихъ лѣсныхъ чащахъ средней части Индіи еще сохраняли независимость туземныя племена, не мѣняя своего языка, своихъ дикарскихъ нравовъ, своей грубой религіи съ приношеніемъ людей въ жертву на правильный образъ жизни, прочное государственное устройство и кроткое богослуженіе арійскихъ индійцевъ.

Сочетаніе террасъ и низменностей, счастливое соединеніе свѣжести горнаго воздуха и тропическаго жара, оживляющее дѣйствіе влажности, повсюду распространяемой близостью моря, безчисленными рѣками и правильно возвращающимися дождями муссоновъ—все это произвело такую роскошь растительности, такое плодородіе почвы, такое изобиліе и разнообразіе плодовъ земныхъ, что Индія съ древности славилась, какъ страна счастія и богатства, была цѣлью и всемірной торговли, и алчности завоевателей. Долины между снѣговыми высотами, въ Гималайскихъ горахъ, имѣя умѣренный климатъ, производятъ травы и хлѣба, фруктовыя и лѣсныя деревья, подобныя южно-европейскимъ; въ равнинахъ по Ямунѣ и Гангу растенія тропическаго климата встрѣчаются съ растеніями умѣреннаго пояса: тутъ изобильно родятся пшеница и европейскіе овощи, рисъ и хлопокъ, сахаръ и индиго и дивныя южныя растенія съ великолѣпными, яркими цвѣтами; а въ Деканѣ благородные плоды земледѣлія даютъ три жатвы въ годъ тамъ, гдѣ, какъ на Малабарскомъ берегу, земля изо-

Климатъ и плодородіе.

бильно орошается дождями монуна и горными рѣчками. Греки, дивясь, рассказывали, что въ Индіи есть деревья, до вершины которыхъ не долетаетъ стрѣла. Тамъ даютъ изобильные урожаи тропическихъ растеній; при трудолюбіи получаютъ три жатвы риса въ годъ; растетъ сахарный тростникъ и перецъ; тамъ родина банана и манго; тамъ величавыми лѣсами высятся текъ (индійскій дубъ; по санскритски, шака), драгоценный сандалъ, пальмы и смоковница, воздухъ благоухаетъ ароматомъ пряныхъ и косметическихъ растеній; растетъ разноцвѣтная водяная роза, священный лотусъ, въ зернѣ котораго видна форма будущаго растенія, и который поэтому былъ для индійца символомъ развитія вселенной изъ ея зародыша. Рѣки тамъ несутъ золото; въ горахъ залегаютъ алмазы, всяческіе дорогіе камни и кристаллы прекраснѣйшаго блеска; моря даютъ жемчугъ на украшеніе храмамъ и наряды людямъ. Тамъ въ богатой фавнѣ есть животныя на всяческую пользу человѣку, и тѣ изъ нихъ, которыя доставляютъ много пользы ему—корова, лошадь и слонъ—заняли важныя мѣста въ религіозныхъ понятіяхъ гиндусовъ; гималайская коза даетъ нѣжный пухъ для кашмирскихъ шалей, мускусовая кабарга даетъ ароматное масло, шелковичный червь благородную нить для драгоценныхъ тканей; большія собаки западныхъ областей были дрессируемы индійцами и персами не только для охоты, но и для войны; пестрыя птицы, научающіяся даже говорить человѣческой рѣчью (попугаи), павлины съ широкими хвостами темноголубаго и изумруднаго цвѣта, безчисленныя обезьяны возбуждали удивленіе древнихъ грековъ, отъ Геродота и Ктезія до Мегасѣена и другихъ писателей александрійскаго вѣка. Индія всегда была страной чудесъ, въ которой фантазія строила свое безконечно разнообразное царство, любимую страной легенды и поэзіи.

Племена Индіи.
Первобытное
населеніе и
арійцы.

Вся Индія отъ Инда до устьи Ганга, отъ Гималаи до мыса Коморина была нѣкогда населена черными племенами, не совсѣмъ негритянской расы, но не принадлежавшими и къ кавказской, и остававшимися на самой низкой степени дикости. Они были постепенно или оттѣснены или покорены и цивилизованы народомъ кавказской расы, пришедшимъ изъ-за Гималаи и поселившимся первоначально въ равнинахъ. Полнѣе всего были они вытѣснены изъ бассейна Инда; тамъ они совершенно исчезли, такъ что въ историческія времена ужь не замѣтно почти никакихъ остатковъ прежняго темнокожаго населенія; страна по Пяти рѣкамъ и по Сарасвати считалась отчизною индійской культуры. На равнинѣ Ганга тоже лишь въ немногихъ мѣстахъ оставались между арійскимъ населеніемъ темнокожія племена, вѣроятно тѣ, которыя въ индійскомъ эпосѣ называются «черными судрами» и «черными обитателями Гимавата». Но въ лѣсахъ и горахъ средней и южной Индіи, гдѣ широкія развѣтвленія Виндійскаго хребта представляли недоступныя убѣжища, живутъ и теперь дикія племена, сохранившія прежній безпорядочный

бытъ, упорно отвергающія цивилизацію пришельцевъ, и другія, создавшія себѣ свои особыя литературы. Пришельцы были стройный, даровитый народъ; и хотя цвѣтъ кожи его потемнѣлъ въ жаркомъ климатѣ, но типъ его чисто кавказскій. Племена этого народа называли себя «арья», «превосходные», обозначая тѣмъ, что они побѣдители; а индійское названіе касты, «варна», значащее «цвѣтъ», показываетъ, что индійскіе арійцы, «дважды рожденные», различали себя, бѣлыхъ людей, отъ черныхъ туземцевъ не только по національности, но и по цвѣту. Враги арійцевъ называются въ Ведахъ Дасью, Даса, и просто—«чернокожіе».

Арійцы и благочестивые люди, это въ Ведахъ одно и то же, а Дасью и нечестивцы также равнозначительныя слова. Судя по всему, надобно думать, что дикія племена, замкнуто живущія въ ущельяхъ деканскихъ и виндійскихъ горъ—остатки первобытнаго чернаго населенія, занимавшаго нѣкогда всю Индію, но мало по малу оттѣсненнаго въ горы натискомъ болѣе энергичныхъ и болѣе цивилизованныхъ арійцевъ. Объ этихъ племенахъ, извѣстнѣйшія изъ которыхъ мы перечисляемъ въ «Пополненіяхъ», Лассенъ говоритъ, что они «вымирающія племена, какъ австралійскіе негры Малайскаго архипелага, какъ американскіе краснокожіе. Арійцы—народъ болѣе совершенной организаціи, болѣе предприимчивый и талантливый, потому болѣе новый, какъ вообще земля произвела совершеннѣйшіе виды растеній и животныхъ позже менѣе совершенныхъ».

Въ широкомъ и непроходимомъ Виндійскомъ хребтѣ, отдѣляющемъ равнину Ганга отъ Дивія племена Деканскаго полуострова, около Амаравантаки и по истокамъ Нармады (Нѣрбудды) и Виндійскихъ горъ и Декана. Вейне-Ганги, живутъ подъ разными именами племена *Гондовъ* (Gonda), чернокожіе люди съ длинными черными волосами, говорящіе особеннымъ языкомъ; обычаи у нихъ хищническіе; жилища—жалкія хижины. Они воздѣлываютъ нѣшіе сорта хлѣбныхъ растеній. Они почти совершенно нѣтъ. Вооруженные лукомъ и боевою сѣкирою, они, подъ предводительствомъ старшинъ, ходятъ на грабежъ и драку; они ѣдятъ мясо всякихъ животныхъ, ѣдятъ дикорастущія корни и травы. На западъ отъ Гондовъ, на лѣсистыхъ высотахъ Сатпуры, между рѣками Нармадою и Тапати и въ сосѣднихъ горахъ живутъ съ незапамятныхъ временъ Бгиллы (Bhilla), распадающіеся на много племенъ или чистой, или смѣшанной крови. Они черные, не высоки ростомъ, стройнаго тѣлосложенія, сильны и ловки. Близкія сношенія съ браманскими народами смягчили и видоизмѣнили, но не совершенно уничтожили ихъ первоначальныя нравы и религіозныя понятія. Въ Гуджератѣ, на лѣсистыхъ холмахъ Сураштры живутъ *Колы* (Kola); они составляютъ тамъ двѣ трети населенія. Они занимаются земледѣліемъ, приняли браманскіе обычаи, но все-таки остаются дикими, буйными хищниками. Арійцы, ихъ побѣдители, берутъ ихъ себѣ въ носильщики и обращаются съ ними очень презрительно. Ихъ одноплеменники въ недоступныхъ лѣсахъ Гатскихъ горъ остаются чужды всякаго вліянія браманской культуры; имѣютъ жалкія хижины, но ведутъ бродячую жизнь лѣсныхъ дикарей. Дивія племена восточной части Виндійскихъ горъ тоже темнокожіе люди съ густыми гладкими волосами; южныя племена ихъ, *Канды* (Kanda), вѣрятъ въ колдовство и усердно чтутъ своихъ боговъ, олицетворяющихъ собою силы природы, и духовъ—покровителей; на сѣверѣ, въ изобильной ручьями, плодородной холмистой мѣстности, живутъ *Пагарии* (Paharia), или, какъ называютъ себя они сами, Малы. Тѣ и

другіе имѣютъ наслѣдственныхъ старшинъ и ведутъ болѣе или менѣе осѣдлую жизнь, занимаясь земледѣліемъ, охотою или пастушествомъ. Всѣ виндійскія племена очевидно близко родственны между собою по происхожденію. Но повидимому не родственны съ ними подобно имъ враждебныя арійцамъ племена менѣе чернаго цвѣта, болѣе благороднаго физическаго типа и иныхъ обычаевъ, живущія на побережьяхъ Декана; это *Тулумы*, *Малабарцы* (въ тѣсномъ смыслѣ слова; тѣ, которые говорятъ на малаяльскомъ языкѣ) и *Тамулы* (правильнѣе: Тамилы) на западѣ и югѣ, *Карнаты* и *Телинги* въ сѣверной и восточной части полуострова. Телинги (Telinga), или какъ они сами называютъ себя, Телугу (Telugu), отдѣлены отъ Гондовъ только рѣкою Палуншею. «Когда Палунша бываетъ мелководна», говоритъ Лассенъ, «Гонды переходятъ ее въ бродѣ и нападаютъ на Телинговъ, живущихъ по южному берегу». Лишь немногіе изъ этихъ «дравидскихъ» племенъ (Dravida) вполне приняли браманскую культуру. Нѣкоторые изобрѣли себѣ свой алфавитъ и имѣютъ литературу, изъ нихъ особенно замѣчательны Тамилы, въ южной части восточнаго берега, гдѣ Мадрасъ. Англіійскій изслѣдователь, Кальдвелль, считаетъ шесть дравидскихъ языковъ, получившихъ литературное развитіе, и шесть остающихся варварскими. Кромѣ языковъ санскритаго семейства и дравидскихъ языковъ, онъ находитъ третье особое семейство индійскихъ языковъ «каларское»; языками каларскаго семейства говорятъ, по его классификаціи, нѣкоторые изъ дикихъ племенъ Бенгалии и центральной Индіи; замѣчательнѣйшее изъ этихъ племенъ—Го (Ho). Нѣкоторые изъ дравидскихъ племенъ усвоили себѣ языкъ, нравы и учрежденія браманскихъ гиндусовъ, другіе остаются въ первобытной дикости. Но всѣ они болѣе или менѣе чернокожіе и хоть имѣютъ гладкіе, а не негрѣтискіе волосы, но рѣзко отличаются отъ арійцевъ, занимающихъ на западѣ весь бассейнъ Инда отъ самаго верховья до устья, а на востокъ равнину Ганга, лежащую между Гималаей и лесистыми склонами Виндійскихъ горъ.

2. Арійцы на Индѣ. Веды.

Покинувъ свою горную родину, арійцы раздѣлились, какъ мы видѣли во Введеніи, на двѣ части: одни поселились въ гористыхъ земляхъ у Гиндукуша и сдѣлались основателями мидо-персидской культуры; другіе пошли дальше и заняли плодородныя земли по Инду и Пяти рѣкамъ до пустыни, отдѣляющей бассейнъ Инда отъ бассейна Ганга и не имѣющей пастбищъ.

Иранцы и индійцы были одного племени; это ясно изъ одинаковости имени, которымъ они называли себя: Арья, Айрья, (Arya, Airya); изъ одинаковости многихъ религіозныхъ понятій, именъ божествъ, жертвенныхъ обрядовъ у тѣхъ и другихъ, изъ сходства ихъ языковъ; въ частности, изъ одинаковости названій родства, изъ одинаковости многихъ обычаевъ и учреждений (напримѣръ, у тѣхъ и у другихъ былъ обрядъ опоясыванія священнымъ шнуромъ). Формы богослуженія и мифы, вѣрованія въ добрыхъ и злыхъ духовъ, одинаковыя отношенія къ животнымъ, многіе обряды очищенія и другія національныя черты также свидѣтельствуютъ о первоначальномъ родствѣ этихъ двухъ народовъ, при всей разницѣ позднѣйшаго ихъ развитія. Различіе въ ходѣ ихъ умственной жизни было, вѣроятно, причиною того, что стариндійское названіе боговъ, дева, у иранцевъ стало названіемъ злыхъ духовъ: въ религіозныхъ понятіяхъ иранцевъ получили преобладаніе олицетворенія нравственныхъ идей, и божества, олицетворявшія собою силы природы, стали казаться имъ злыми демонами, «совершенно подобно тому, какъ въ позднѣйшія времена язычники, принимая христіанство, превращали своихъ боговъ въ

злыхъ духовъ, вѣдьмъ и чертей». (Альбрехтъ Веберъ). Въ ведійскія времена, арійцы жили въ долинѣ Инда и его притоковъ; о низовьяхъ Инда и устьяхъ его мало упоминается въ Ведахъ, объ океанѣ въ нихъ едва находятся туманныя понятія.

Итакъ, первое свое развитіе историческая жизнь индійскихъ арійцевъ получила на той обширной равнинѣ, на которой сливаются съ Индомъ пять рѣкъ и теряется въ пескѣ на окраинѣ пустыни Сарасвати (Sarasvati), седьмая святая рѣка, пользовавшаяся въ слѣдствіи времени особеннымъ уваженіемъ, потому что на берегахъ ея былъ центръ древнѣйшаго служенія Брамѣ. Въ Ригведѣ названіе Сарасвати дается обыкновенно самому Инду. — Характеръ жизни арійцевъ въ первыя столѣтія по ихъ переселеніи нельзя опредѣлить съ точностью, потому что отъ этихъ временъ не сохранилось преданій, а браманская литература позднѣйшихъ вѣковъ искажала или проходила молчаніемъ религіозныя понятія тѣхъ поколѣній. Интересы жрецовъ требовали, чтобы почитаніе Брамъ, развившееся долго спустя по переселеніи, считалось первобытною религіею; браманы говорили, что она получена чрезъ божественное откровеніе и всегда была господствующимъ вѣроученіемъ. Потому въ индійскихъ сказаніяхъ не говорится ничего о переселеніи въ Индію; браманскіе писатели стараются, напротивъ того, выставить гиндусовъ автохтонами въ Индіи. Но древнѣйшіе гимны Ведъ, которые, прежде чѣмъ были записаны, долго переходили отъ поколѣнія къ поколѣнію въ изустной передачѣ, представляютъ черты, бросающія нѣкоторый свѣтъ на патриархальныя нравы той отдаленной древности, на тогдашній образъ жизни и соотвѣтствовавшія ему религіозныя понятія.

Эти гимны, изъ которыхъ довольно многіе принадлежатъ, вѣроятно, XIV вѣку до нашей эры, или даже времени, еще болѣе раннему, блѣдными очертаніями изображаютъ намъ пастушескій народъ, раздѣленный на множество мелкихъ племенъ, живущій подъ управленіемъ князей или родоначальниковъ, занимающійся пастушествомъ и земледѣльствомъ, ужь покинувшій беспорядочное кочеванье, ведущій осѣдлую общинную жизнь. Богатство этого народа составляютъ стада коровъ и лошади. Названіе князя племени, «гопа» (gora) собственно значитъ «охранитель коровъ». Слово, которымъ называется мѣсто собраній племени, значитъ и загонъ, въ который собирается коровье стадо. Причиною дракъ между племенами было захватываніе стадъ и пастбищъ, какъ видимъ изъ того, что слово, значащее «война», (гавишти), собственно значитъ «желаніе добыть коровъ». Князья племени были, вѣроятно, окружены людьми благороднаго сословія и главами семействъ, составлявшими совѣтъ ихъ въ мирное время, а въ сраженіи бывшими подлѣ нихъ. Тѣ описанія индійской жизни, какія составлены по Ведамъ нынѣшними изслѣдователями, очень напоминаютъ староперсидскій и старогерманскій бытъ. Индійцы временъ Ведъ

жили въ неукрѣпленныхъ деревняхъ; но, кромѣ деревень, у нихъ были укрѣпленные мѣста, защищенные земляными или сложенными изъ огромныхъ камней валами; эти укрѣпленія, имѣвшія большой размѣръ, служили убѣжищами имъ во время войнъ, а въ мирное время стояли пустыми. Нѣсколько деревень составляли волость, нѣсколько волостей составляли племенной округъ. Войско дѣлилось на отряды соотвѣтственно этимъ подраздѣленіямъ племени. Князья были или наследственные или выборные. Князь — вождь на войнѣ; на праздникахъ племени приносить жертвы онъ, если не предпочитаетъ поручить это пѣвцу, своему другу. Отъ своего народа онъ получаетъ лишь добровольные подарки; но покоренные дасью платятъ ему дань. При князѣ есть пѣвцы, прославляющіе его подвиги и живущіе его щедротами. Жители деревни собираются въ общинномъ залѣ (сабга, sabha) для совѣщаній о дѣлахъ и для общественныхъ удовольствій; въ собраніи всего племени, «Самити», участвуетъ и князь. Въ Ведахъ часто говорится о небезопасности дорогъ, о ворахъ и разбойникахъ; изъ наказаній упоминаются: связыванье веревками, битье палками; за тяжкія преступленія — изгнаніе. Самое драгоценное имущество ведійскаго аріи — лошади и рогатый скотъ. Земледѣліе ужь развилось; но риса, сдѣлавшагося впоследствии самымъ главнымъ изъ хлѣбныхъ растений, еще вовсе нѣтъ въ староведійское время. Объ охотѣ на млекопитающихъ и птицъ въ Ригведѣ говорится часто, о рыбной ловлѣ нѣтъ ни слова. Изъ ремесленниковъ упоминаются главнымъ образомъ тѣлѣжники и кузнецы. Судоходство упоминается лишь рѣчное, торговля лишь мѣновая; единицею мѣнового счета была корова. Въ одеждѣ ужь замѣтно нѣкоторое щегольство; мѣха стали ужь плащами и нарядомъ. Мясо ѣли, кажется, только на торжественныхъ жертвоприношеніяхъ и на семейныхъ праздникахъ; пища была почти исключительно молочная и растительная. Ведійскіе аріицы любили опьяняющіе напитки, главными изъ которыхъ были «сома» и «сура». Сому они приготавливали изъ сока какого-то горнаго растенія; сура была, кажется, водка, выкуриваемая изъ ячменя или другаго хлѣба. Аріицы Ведъ были страстные игроки, готовые проставить и послѣднее свое имущество и наконецъ себя самихъ; многіе проводили за игрою цѣлые дни. Обманъ въ игрѣ былъ очень обыкновенный у нихъ порокъ. Кромѣ игры, они очень любили пляски, музыку, бѣгъ на колесницахъ, для состязаній въ которомъ были устроены у нихъ особыя мѣста. — У нихъ есть боевыя колесницы; на такой колесницѣ стоятъ двое: воитель и возничій. Главное оружіе — лукъ; стрѣлы были оперенныя и не рѣдко бывали отравленныя. — Основою государства была благоустроенная семья. Вѣрность, честность, хорошая нравственность — добродѣтели, восхваляемыя въ Ведахъ. Брачная жизнь пользовалась большимъ уваженіемъ. При сватовствѣ дѣлались подарки отцу невѣсты;

онъ давалъ дочери приданое, какое могъ. Обрядъ бракосочетанія состоялъ въ томъ, что женихъ торжественно обводилъ невѣсту около священнаго жертвеннаго огня въ домѣ ея отца. Послѣ того, везли ее на колесницѣ, запряженной бѣлыми быками въ домъ мужа. Положеніе жены было гораздо болѣе свободное, чѣмъ въ позднѣйшія времена, когда выработались браманскія учрежденія. Въ Ригведѣ есть упоминанія, несомнѣнно свидѣтельствующія о существованіи многоженства; но оно было лишь исключеніемъ; преобладало единоженство. Измѣна жены мужу была очень тяжкимъ преступленіемъ противъ «порядка Митры и Варуны». О самосожженіи вдовъ нѣтъ никакихъ упоминаній въ Ведахъ. — Поэзія рано достигла процвѣтанія, въ своемъ служеніи религіи. Ригведа, самый древній и важный изъ индійскихъ сборниковъ религіозныхъ гимновъ и молитвъ, содержитъ болѣе тысячи священныхъ пѣснопѣній; въ нихъ аріицы Пенджаба молятъ боговъ о дарованіи хорошихъ пастбищъ и изобильныхъ источниковъ воды, о дарованіи плодородія и преуспѣянія ихъ стадамъ, здоровья и долголѣтія имъ самимъ, о побѣдѣ на войнѣ, объ истребленіи враговъ; привѣтствуютъ разсвѣтъ дня, прославляютъ боговъ за помощь имъ въ бѣдѣ, просятъ о помощи и впередъ, воспѣваютъ борьбу молніеноснаго бога Индры противъ силъ мрака. Въ нѣкоторыхъ изъ гимновъ Ригведы стопосложеніе ужь очень художественное. Большая часть гимновъ ея имѣетъ религіозное содержаніе: благодареніе богамъ и просьбы къ нимъ; но есть и пѣсни въ славу побѣдъ, загадки, афоризмы. Искусство писать еще не было извѣстно. Время считали по луннымъ мѣсяцамъ въ 29 и 30 дней; мѣсяцы дѣлились на полумѣсячія и недѣли; чтобы согласить лунный годъ съ солнечнымъ, отъ времени до времени были вставляемы добавочные дни или цѣлый добавочный мѣсяцъ. — Врачеваніе у ведійскихъ аріицевъ ограничивалось употребленіемъ лекарственныхъ растений и заклинаніями. Всѣ внутреннія болѣзни были считаемы дѣломъ злобы враждебныхъ демоновъ или колдуновъ. Тѣла умершихъ были сожигаемы или погребаемы. Душа признавалась бессмертною. Ученіе о переселеніи душъ еще не было извѣстно. Благочестивые идутъ тотчасъ по смерти въ блаженство, «гдѣ неугасимый свѣтъ, гдѣ вѣчныя воды, утоляющія желаніе», гдѣ предки сидятъ съ богами подъ прекрасными тѣнистыми деревьями, обвѣваемые мягкимъ вѣтеркомъ, у ручьевъ, текущихъ медомъ. А нечестивые «низвергаются въ темную преисподнюю, въ глубокое темное мѣсто». — Староиндійская религія была поклоненіемъ природѣ; на первомъ мѣстѣ въ ней стояло обожествленіе дѣйствій свѣта, небесныхъ и атмосферныхъ явленій, какъ это видимъ ужь изъ того, что слово «дева» (deus, theos), «богъ», происходитъ отъ корня «дивъ», свѣтиться, сіять. «Дѣйствія силы свѣта», говоритъ Лассенъ, «проявляются всего могущественнѣе и благотворнѣе дневнымъ сіяніемъ солнца, освѣщающимъ, согрѣваю-

щимъ и оплодотворяющимъ землю; въ торжественной тишинѣ ночи свѣтъ сіяетъ человѣку изъ таинственной дали безчисленными звѣздами. Его страшная и разрушительная сила проявляется въ молніи грозъ, которыя имѣютъ однако-жь и благотворное дѣйствіе, давая плодотворящій дождь; потому молнія, разсѣкающая тучи, должна была наивному міровоззрѣнію древнѣйшихъ людей представляться дѣломъ бога могущественнаго, страшнаго, но вмѣстѣ и добраго. Изъ этого понятно, почему обиталища боговъ были помѣщены въ воздухѣ и на небѣ. На землѣ, между людьми, въ ихъ жилищахъ представителемъ свѣта является огонь, потому натурально было считать и огонь дѣйствіемъ божественной силы».

Ведійскія бо-
жества. Индра. Эти воззрѣнія на природу лежатъ въ основѣ древнѣйшихъ ведійскихъ понятій о божествахъ. Боги, къ могуществу которыхъ аріицы взывали съ мольбою о помощи—это духи яснаго воздуха, свѣта, лазурнаго неба, вѣтровъ. Высочайшій изъ нихъ «великорукій» Индра, богъ свѣтлаго неба, голубаго воздуха и грозы; его имя и значитъ (по мнѣнію Куна и Лассена) «воздухъ».—Онъ родился раньше другихъ безсмертныхъ, которыхъ онъ и украсилъ силою. Онъ утвердилъ колебавшуюся землю, далъ прочную основу качавшимся горамъ, мѣру широкому горизонту и опору небу. Его престолъ за предѣломъ атмосферы. Онъ держитъ молнію и громовую стрѣлу, которою убиваетъ злыхъ духовъ, запирающихъ въ плѣнъ воды неба и отнимающихъ дождь у жаждущихъ полей. Изъ духовъ, съ которыми сражается онъ, самые могущественные: Вритра, «закрыватель», закрывающій небо черными тучами, и Аги (Ahi), змѣй; демонъ Бала и демонша Пани увели съ неба коровъ, принадлежащихъ богамъ, и заперли ихъ въ пещерахъ горъ; то есть, въ лѣтній зной похитили рѣки и ручьи у земли. Индра отыскиваетъ ихъ въ потаенномъ убѣжищѣ, разбиваетъ пещеры (черныя тучи) своею молніею и освобождаетъ коровъ (потoki воды, скрытые въ горахъ). Въ битвахъ, въ которыхъ аріицы олицетворили свои мысли о засухѣ знойнаго времени года и тропическихъ грозахъ, богу воздуха Индрѣ помогаютъ вѣющіе духи и быстрые вѣтры (Ваю, правитель индриной колесницы и Маруты), очищающіе небо, прогоняющіе темныя облака; изъ этихъ вѣющихъ духовъ, надъ которыми властвуетъ Индра, особенно важны Рудра, завывающій ураганъ, который несетъ впереди грозы, и духъ вихря, демонъ губящій, но и благотворный. «Индра — воинственный богъ», говоритъ Лассенъ: онъ побѣждаетъ злыхъ духовъ темныхъ тучъ, доставляетъ землѣ, стадамъ и людямъ плодотворящій и освѣжающій дождь; онъ охранитель, онъ податель сокровищъ; онъ богъ сраженій; на своей колесницѣ, въ которую запряжены желтые кони, онъ мчится въ бой, упившись сомою, и побѣждаетъ враговъ. Онъ любитъ жертвоприношенія и дыханіе молитвы, онъ съ удовольствіемъ внемлетъ «прекрасно произносимой» пѣснѣ моленія и хвалы ему.

Одинъ изъ ведійскихъ гимновъ кончается словами: «Индра — царь текущаго и твердаго и царь рогатаго скота, держитъ молнію; онъ воистину владыка людей; какъ объемлетъ спицы ободъ колеса, такъ объемлетъ Индра все сущее».

Кромѣ бога неба и служащихъ ему духовъ, аріицы Пенджаба чтили жертвоприношеніями и поклоненіемъ боговъ свѣта. Они пѣли хвалы асвинамъ, первымъ лучамъ разсвѣта, мчащимся впереди солнца на трехколесной колесницѣ и прорѣзывающимся чрезъ черную ночь; асвины два прекрасные брата, близнецы; они спасаютъ человѣка изъ бѣдъ и опасностей, помогаютъ подвергающимся кораблекрушенію, даютъ небесныя лекарства страждущимъ. Однимъ изъ святѣйшихъ божествъ аріицевъ была Ушасъ, утренняя заря, дочь солнца и неба, отворяющая ворота небесъ. Она ѣздитъ на колесницѣ, въ которую впряжены рыжія коровы; при ея появленіи, все одушевляется и оживаетъ; служить ей должно въ чистотѣ и правдивости сердца. Но наиболѣе чтимымъ изъ всѣхъ божествъ свѣта было солнце, Сурья (Surya), «предъ которымъ звѣзды съ ночью убѣгаютъ какъ тати, который даетъ и богамъ и людямъ очищающій свѣтъ, исполняетъ свѣта вселенную». Несомый на лучахъ сіянія богъ солнца, въ колесницу котораго впряжены семь рыжихъ коней, имѣлъ разныя имена, по разнымъ качествамъ солнца, дававшимъ поводъ къ представленіямъ о разныхъ божествахъ. Главное его имя Сурья; изъ другихъ именъ самыми употребительными были: Савитаръ или Савитри (порождатель), Пушанъ (питатель) и Митра (благодарный). Онъ получилъ свой свѣтъ отъ Индры; потому въ позднѣйшихъ мифахъ онъ и Индра сливаются въ одно божество. Его земной образъ, богъ огня, Аги (Agni, ignis, огонь), прекрасный могучій юноша, одолеваяющій злыхъ духовъ ночи, дающій людямъ пищу и богатства, тоже былъ однимъ изъ тѣхъ духовъ свѣта, которыхъ наиболѣе чтили аріицы въ Пенджабѣ. Число гимновъ, посвященныхъ ему въ Ригведѣ, самое большое послѣ числа посвященныхъ Индрѣ. По своему земному происхожденію, онъ — «Рожденный отъ (трѣн) двухъ кусковъ дерева». Но онъ принадлежитъ и небу: онъ нисходитъ на землю въ молніи; потому онъ называется «быкомъ, рожденнымъ въ водяномъ ложѣ» (т. е. въ грозовой тучѣ). Горящій на очагѣ огонь, Аги—гость всѣхъ людей, покровитель дома, собиратель общины; огонь жертвоприношенія, онъ благодушный вѣстникъ отъ людей къ богамъ и отъ боговъ къ людямъ, «соотрадательнѣйшій изъ всѣхъ боговъ». Онъ очищающій богъ, истребляющій злое, «одолеваяющій красными крыльями ночь и прогоняющій злыхъ духовъ». Богъ домашнего очага, Аги—другъ людей, податель богатства; какъ огонь жертвоприношенія, онъ жрецъ дома, постоянный посредникъ между небомъ и землею. Истребляющая стихія, онъ страшенъ богоненавистнымъ Дасью, чьи недоступныя убѣжища,

Духъ свѣта
(Аги).

Варуна.

густые лѣса, онъ пожигаетъ. Наиболѣе чтимымъ, послѣ Индры, богомъ былъ Варуна (Уранъ), таинственное божество, въ представленіи о которомъ сливается много понятій. Онъ «объемлющій»; онъ богъ объемлющаго воздухъ небснаго свода, богъ пространства и богъ воды. Ротъ говоритъ: «Въ жизни природы, Варуна установитель вѣчныхъ законовъ, по которымъ живетъ вселенная и нарушить которые не можетъ никто ни изъ боговъ, ни изъ смертныхъ. Онъ создалъ міръ, онъ указываетъ солнцу, лунѣ и звѣздамъ ихъ пути, распредѣляетъ свѣтъ и тѣмъ самымъ распредѣляетъ времена года; онъ далъ каждому существу то, въ чемъ состоитъ его достоинство: человеку умъ, коню силу, коровѣ молоко. Вѣтеръ, шумящій по воздуху, его дыханіе; солнце его глазъ; рѣки текутъ по закону его». Ни одному изъ другихъ боговъ Веды не приписываютъ всевѣдѣнія такъ опредѣленно, какъ Варунѣ. Часто о немъ говорится въ тѣснѣйшей связи съ Митрою; въ этихъ выраженіяхъ, оба они—боги небснаго свѣта, Митра—дневнаго, Варуна—ночнаго. Позднѣйшее воззрѣніе, дѣлающее Варуну богомъ воды, встрѣчается, по словамъ Мура, ужь и въ Ведахъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ, Варуна хранитель нравственнаго порядка; окруженный духами «блюстителями», онъ, съ высоты своей, ведетъ надзоръ за поступками людей; у него для грѣшниковъ «узы и веревка», онъ посылаетъ на нихъ болѣзни и смерть; но виновнымъ, въ раскаяніи молящимъ его о прощеніи, онъ отпускаетъ грѣхи; онъ ниспосылаетъ людямъ утѣшеніе и избавленіе во всѣхъ скорбяхъ ихъ. Это нравственное воззрѣніе, приписывающее богамъ, кромѣ высочайшаго могущества и мудрости, покровительство нравственности и справедливости, развилось въ послѣдствіи такъ сильно, что дало браманской религіи ея типическій характеръ; но въ Ведахъ оно проявляется еще слабо. Кромѣ Варуны, въ нихъ представитель его только Бригаспати (Brihaspati) или, съ расширеніемъ формы корня имени, Браманаспати (Brahmanaspati), «господинъ молитвы», заступникъ за молящихся, посредникъ между богами и людьми. По выраженію Гауга, Бригаспати занимаетъ такое же положеніе между богами, какъ браманъ между людьми: онъ наставникъ. На высочайшемъ небѣ Варуны обитаетъ Яма, богъ смерти, къ которому идутъ души умершихъ. Онъ показываетъ имъ дорогу, которую первый прошелъ самъ, и собираетъ ихъ въ жилищахъ, которыя назначилъ имъ на-вѣки. Есть въ Ведахъ миѳы и о людяхъ: первымъ человекомъ былъ Ману, праотецъ аріицевъ; отъ него произошли пять племенъ: Яду, Турваса, Другью (Druhyu), Ану и Пуру.

Понятіе о божествѣ, по Ведамъ.

Таковы отражающіяся въ гимнахъ Ведъ очертанія умственной жизни индійцевъ. Понятіе о божествѣ у ведійскихъ индійцевъ было поверхностное; ихъ мысли останавливались на внѣшнихъ формахъ, въ которыя облакали они божество. «Они чтутъ лишь то, что производитъ на внѣшнія чувства впечатлѣніе могущества», говоритъ

Вуттке: «представленія и о самихъ богахъ и о дѣятельности ихъ чувственны, поверхностны, и кругъ власти боговъ у нихъ очень не великъ. Гимны повторяютъ все однѣ и тѣ же хвалы богамъ, утомительно однообразныя; хвалы эти состоятъ лишь въ томъ, что боги могущественны и побѣдоносны, что они свѣтятъ, сіяютъ, что отъ нихъ исходитъ громъ, молнія, шумъ бури; что они богаты сокровищами, что они даютъ могущество, они даютъ и богатство. О нравственномъ правленіи міромъ, о справедливости и милости почти вовсе нѣтъ рѣчи». Но эти однообразныя мысли, эти чувственные воззрѣнія, останавливающіяся на внѣшнихъ формахъ явленій природы, фантазія аріицевъ Пенджаба облекла блескомъ поэзіи, часто поэзіи высокой: въ гимнахъ Ведъ множество возвышенныхъ поэтическихъ образовъ, быстро слѣдующихъ одинъ за другимъ; они привлекательны дѣтскою наивною понятіемъ о богахъ; и въ нихъ замѣтна широта мысли, стремящейся охватить всѣ божественныя силы неба, всѣ отношенія неба къ землѣ, понять въ каждомъ явленіи всю вселенную.

Въ могучемъ величіи индійской природы, проявленія котораго отношения чечетворяются въ богахъ, есть мѣсто и человеку. Онъ—звено въ цѣпи любви къ богамъ. божественныхъ существъ, созданныхъ силами природы, и если ему не дана амрита, напитокъ безсмертія, приготовляемый самими богами и поддерживающій въ нихъ вѣчную жизнь, то душа его все-таки переживаетъ смерть тѣла; потому на потомкахъ лежала священная обязанность давать пищу духамъ умершихъ, о которыхъ индійцы первоначально думали, что они летаютъ по воздуху (представленіе о томъ, что они обитаютъ на высочайшемъ небѣ, на прохладныхъ горахъ его, развилось позже); потомки должны были предлагать духамъ предковъ обѣды, устраивать тихіе праздники для нихъ, въ каждое новолуніе, если не чаще. Этимъ представленіемъ объясняется и то дѣтски-наивное отношеніе людей къ богамъ, какое проявляется въ жертвоприношеніяхъ и молитвахъ ведійскихъ аріицевъ. Боги въ Ведахъ не называются существами несотворенными; напротивъ, часто говорится о рожденіи Индры; часто говорится, что боги не по самой природѣ безсмертны, а приобрѣли себѣ безсмертіе (однимъ изъ способовъ приобрѣсти его было совершеніе подвиговъ аскетизма). Боги—существа подобныя людямъ, не сверхъестественныя; потому люди и не обязаны смиряться передъ ними. Если люди приносятъ имъ жертвы, молятся имъ, то не для того, чтобъ испрашивать у нихъ прощенія и снисхожденія и не для смягченія гнѣва ихъ, а для того, чтобы приобрѣсти себѣ ихъ содѣйствіе, получить отъ нихъ богатства и другія блага, какими обладаютъ они, пользоваться ихъ помощью противъ «завистниковъ и ненавистниковъ» и всякихъ враговъ.—Вѣрованія въ переселеніе душъ, лежавшаго въ слѣдующія времена всеподавляющимъ гнетомъ на умственной жизни индійцевъ, тогда не существовало. Во время Ведъ, индійцы надѣя-

лись стать бессмертными и жить у вѣчныхъ боговъ; впрочемъ, ихъ мысли, повидимому, не были тогда такъ серьезно заинтересованы будущей жизнью, какъ послѣ: они очень любили земную жизнь и наслаждались ея радостями. Наивность ихъ представлений о богахъ еще рѣзче проявляется въ понятіяхъ о жертвоприношеніяхъ. Боги не могутъ обходиться безъ подкрѣпленія себя пищею; потому человѣкъ даетъ «голоднымъ богамъ» подкрѣпляющее питье и кушанье, и хвалится тѣмъ передъ ними, чтобъ они были признательны ему. Жертва даетъ богамъ мужество и силу, укрѣпляетъ ихъ, отъ нея боги «растаютъ». По понятіямъ ведійскихъ индійцевъ, жертвы и подарки имѣютъ принудительную власть надъ богами, боги не могутъ сопротивляться ихъ дѣйствию, должны быть благодарны, оказывать помощь; потому жрецы, завѣдующіе приготовленіемъ и принесеніемъ жертвъ, имѣютъ, чародѣйскую власть надъ богами.

Сомы.

Жертвенными животными были: рогатый скотъ, лошадь, коза, овца. Бывали приносимы въ жертву и люди. Но самый вѣрный успѣхъ молитвъ доставляла „Сомы“ (Soma); это жертвоприношеніе постоянно прославляется въ Ведахъ. Сомы изготавлялась изъ сока какого-то горнаго растенія, и приносилась въ чашѣ. Растеніе, дававшее сому, собирали на горахъ въ лунную ночь; его вынимали изъ земли съ корнемъ, очищали отъ листьевъ и раздавливали между камнями; раздавленные стебли кропили водою и жрецы съ молитвами и пѣснями протирали ихъ сквозь волосяное сито „руками, на которыхъ надѣты золотыя кольца“; сокъ сливали въ жертвенную чашу, прибавляя къ нему молоко отъ трижды семи коровъ, оставляли его бродить; потомъ часть напитка возливали богамъ въ три времени дня, другую выпивали приносившіе эту жертву; пѣвецъ возглашалъ при этомъ хвалебныя пѣсни. „Прекрасно изготавленный напитокъ, сладкій какъ медъ сомы“, пить который приглашаютъ Индру и другихъ боговъ радостными пѣснями жрецы, обладаетъ неодолимою силою, и боги жадно сифшатъ пить его. Когда народу надобно получить отъ Индры благодать и богатство или послать Индру на бой съ его вредоносными противниками, то должно дать ему напитокъ живительной сомы, одушевляющей его на подвиги. Въ древнѣйшихъ пѣсняхъ Ведъ сома только жертвенный напитокъ, только „питательница боговъ“; позднѣе, она—божественная сила природы, первобытная божественная сила;—она и называется „источникомъ жизни“, „сильною породительницей боговъ“; боги—существа смертныя, сила ихъ сама по себѣ оскудѣваетъ, и исчезла бъ, если бъ не обновлялась и не укрѣплялась тѣмъ, что они пьютъ сому, „всепитающее молоко“, душу вселенной, животворящій напитокъ, дающій бессмертіе вкушающимъ его. Человѣкъ, воспринимая въ себя это божество, сому, вступаетъ въ связь съ душою вселенной, и тоже становится сопричастникомъ бессмертія. Это понятіе о дѣйстви сомы получило развитіе въ браманизмъ. Люди даютъ своими жертвоприношеніями, какъ мы видѣли, „возростаніе“ богамъ; потому человѣкъ, и въ особенности, молящійся съ принесеніемъ жертвы, имѣетъ нѣкоторую власть надъ богами.

Веды.

Веды, это четыре книги: *Ригведа*, *Самаведъ*, *Йджурведа*, *Атарваведа* (Atharvaveda); въ каждой Вѣдѣ три отдѣла: *Самхита* (Samhita), *Браманъ* (Brahmana) и

Сутра. 1) Самхиты—это собранія гимновъ, молитвъ и жертвенныхъ формулъ, расположенныхъ по семействамъ пѣвцовъ, которымъ приписываются они, и принадлежащихъ разнымъ временамъ. 2) Браманъ имѣютъ, какъ говоритъ Альбрехтъ Веберъ въ „Исторіи индійской литературы“, своимъ назначеніемъ «дать жертвенныя гимны и формы вмѣстѣ съ изложеніемъ жертвенныхъ обрядовъ»; потому эти отдѣлы Ведъ заключаютъ въ себѣ древнѣйшіе уставы обрядовъ, древнѣйшія объясненія словъ этого ритуала, древнѣйшіе изъ разсказовъ, сохранявшіеся въ преданіи, и древнѣйшія философскія умозрѣнія. «Всѣ эти отдѣлы Ведъ», продолжаетъ Альбрехтъ Веберъ, «принадлежатъ временамъ перехода отъ ведійскихъ обычаевъ и понятій къ браманскому образу мыслей и быту; они—посредствующія степени этого перехода, и одни изъ нихъ ближе къ началу его, другіе къ концу.» 3) Сутры—это пополненія и поясненія къ браманамъ, содержащія въ себѣ ведійскую догматику; цѣль ихъ—дать связный обзоръ массы догматическихъ подробностей, находящейся въ браманахъ, чтобы легче было запомнить все это. Онѣ занимаютъ въ особенности ритуаломъ жертвоприношеній, другихъ богослужебныхъ обрядовъ и правилами, которыми должно соблюдать при празднованіи рожденія, при бракосочетаніи и другихъ важныхъ случаяхъ. Кромѣ этого, въ Сутрахъ есть попытки изложенія индійскихъ законовъ и излагаются правила стихосложенія.—Съ содержаніемъ браманъ имѣютъ связь почти всѣ тѣ ученые и философскіе трактаты, которые называются *упанишадами* (засѣданія, лекціи); они принадлежатъ разнымъ временамъ, нѣкоторые довольно раннимъ, другіе очень позднимъ; ихъ насчитывается 225. Упанишадъ можно назвать философскими комментаріями къ браманамъ. Сами Веды—сборники произведеній, принадлежащихъ разнымъ временамъ. Древнѣйшая часть Ведъ—безъ сомнѣнія пѣсни Ригведы; въ ней болѣе 1,000 гимновъ. Нѣкоторые изъ нихъ принадлежатъ тому времени, когда индійцы жили только на Индѣ и его притокахъ и въ дѣтской наивности поклонялись силамъ природы. Распределеніе гимновъ по хронологическому порядку—работа, только что начинающаяся. Собраны были они ужъ по завоеваніи бассейна Ганга, едва-ли раньше VII вѣка до Р. Х. Но всѣ гимны имѣютъ религіозное содержаніе; нѣкоторые принадлежатъ свѣтской поэзіи, даже области шутки. Собраніе гимновъ Самаведы—антологія изъ гимновъ Ригведы; выбраны тѣ стихи, которые должно пѣть при жертвоприношеніи Сомы. Тутъ, какъ и въ гимнахъ Йджурведы, напрасно искать связи между частями гимновъ, говоритъ Альбрехтъ Веберъ: каждый стихъ надобно разсматривать какъ особую пѣсню, получающую свой истинный смыслъ лишь по связи съ ходомъ обряда, къ которому она принадлежитъ. Гимны и отрывки гимновъ расположены въ Самаведѣ по порядку богослуженія; довольно большую важность при этомъ распределеніи имѣлъ метръ. «Отрывки были собраны въ томъ видѣ, какъ уцѣлѣли въ богослуженіи, и лишь тѣ, какіе надобны были для богослуженія, говоритъ Ротъ: «потому, является вопросъ: въ этихъ ли отрывкахъ гимновъ или въ цѣльныхъ гимнахъ Ригведы, вѣрнѣе сохранилась древнѣйшая форма. Изъ 1,549 стиховъ Самаведы не найдено въ Ригведѣ только 78-ми. Оказалось, что стихи въ Самаведѣ почти всегда имѣютъ форму болѣе древнюю, чѣмъ въ Ригведѣ.—Йджурведа отличается отъ Самаведы тѣмъ, что содержитъ въ себѣ гимны для всѣхъ обрядовъ жертвоприношенія, составляетъ общій служебникъ этихъ обрядовъ, между тѣмъ какъ Самаведъ ограничивается жертвоприношеніемъ Сомы. Йджурведа состоитъ на половину изъ стиховъ, находящихся въ Ригведѣ, другую половину ея составляютъ жертвенныя формулы, отрывки гимновъ, которыхъ нѣтъ въ другихъ Ведахъ, и воззванія къ богамъ, имѣющія не стихотворную, а прозаическую форму.—Атарваведа—самая новая изъ Ведъ. «Эта Веда составлена не изъ безсвязныхъ отрывковъ, а изъ цѣльныхъ гимновъ, и они расположены въ ней по предметамъ содержанія», говоритъ Ротъ: «въ этомъ отношеніи она похожа на Самхиту Ригведы, и ее можно назвать дополненіемъ къ Ригведѣ, въ которомъ собраны пѣсни того времени, когда «мантра» (взывать къ богамъ) ужъ не была выраженіемъ непосредственнаго религіознаго чувства, а сдѣлалась формулою волшебнаго заклинанія. Потому главное содержаніе Атарваведы составляютъ пѣсни, предохраняющія отъ вреднаго дѣйствія божественныхъ силъ, отъ болѣзней и вредныхъ животныхъ, проклятія врагамъ, воззванія къ

травамъ, врачующимъ болѣзни и помогающимъ въ разныхъ житейскихъ дѣлахъ, заговоры, охраняющіе въ пути, дающіе счастье въ игрѣ и т. д. Въ тѣхъ гимнахъ Атарваведы, которые общи ей съ Ригведой, текстъ сильно измѣненъ перестановками и передѣлками. Языкъ тѣхъ мѣстъ, которые принадлежатъ собственно Атарваведѣ, приближается къ плавности рѣчи позднѣйшаго времени; но грамматическія формы еще тѣ же, какъ въ древнихъ пѣсняхъ.—Альбрехтъ Веберъ говоритъ, что Атарваведа составлена не столько изъ жреческихъ, сколько изъ народныхъ преданій; что въ языкѣ ея много обветшавшаго и вульгарнаго; и что въ ней замѣтна нѣкоторая враждебность къ тремъ другимъ Ведамъ.—Поэтическое достоинство гимновъ Ведъ очень неодинаково. Многіе изъ нихъ страшны и скучны и пусты: это монотонныя просьбы, чтобы боги покровительствовали своимъ почитателямъ, дали имъ пищу, стада, потомство и долголѣтіе; за покровительство общаются богамъ хвалы и жертвы. Но въ этомъ мусорѣ есть и драгоценныя камни: часто встрѣчаются очень сильныя и своеобразныя проявленія религіознаго чувства, исходящія отъ глубины души, стремящіяся къ истинѣ и къ Богу, высказываемыя безыскусственнымъ, но прекраснымъ языкомъ, съ дѣтскою силой вѣры.—Никакой іерархіи между богами не знаетъ поэзія Ведъ: то божество, къ которому взываетъ гимнъ, самый высшій богъ, и все другіе боги забыты на это время.

3. Героическій вѣкъ и индійскій эпосъ.

Расширеніе аріійской страны. Тотъ періодъ умственной и общественной жизни, черты котораго отражаются въ древнѣйшихъ гимнахъ Ведъ, былъ временемъ возникновенія индійской народности: особенности ея существовали тогда еще только въ слабыхъ зачаткахъ; бытъ индійцевъ еще сохранялъ общія очертанія быта всѣхъ племенъ индогерманскаго семейства. Касты еще не развились; духовенство еще не приобрѣло того господствующаго положенія, какое занимало оно послѣ; каждый отецъ семейства имѣетъ право совершать жертвоприношенія самъ, и только на большихъ общественныхъ празднествахъ жертвы приносятъ особые люди, жрецы; занятіе скотоводствомъ и земледѣліемъ наполняетъ собою всю внѣшнюю жизнь и прерывается только драками между семействами или между племенами; внутреннюю жизнь составляютъ жертвенныя богослуженія и пѣснопѣнія въ честь боговъ, олицетворяющихъ собою силы природы.

Этотъ патріархальный бытъ могъ держаться лишь, пока народъ не переходилъ границъ Пятирѣчья, не выступалъ изъ предѣловъ тѣснаго горизонта пастушеской жизни. Но оставаться долго только на почвѣ родины противорѣчитъ характеру быта пастушескихъ народовъ: имъ нужны пастбища стадъ, нуженъ просторъ размножающемуся населенію; потому они расширяются по сосѣднимъ странамъ; закаленные суровою жизнью, воинственные, они одолеваятъ сопротивляющіяся имъ племена. Эти расселенія часто имѣютъ результатомъ то, что характеръ ихъ и ходъ ихъ развитія измѣняются. Природа новой страны или вліяніе покоренныхъ народовъ ведетъ ихъ къ новому образу жизни, къ новымъ учрежденіямъ, или пробуждаетъ

дремавшія силы, развиваетъ зачатки культуры.—Этому внутреннему влеченію слѣдовали и аріійцы Пятирѣчья. Сначала они завоевали всю землю до устій Инда и основали на среднемъ теченіи его большія царства; черезъ это они вошли во враждебныя соприкосновенія и въ мирныя торговыя сношенія съ государствами запада. Древніе писатели рассказываютъ, что ассирійцы нѣкогда произвели вторженіе въ Индію, но были въ долину Инда отражены могущественнымъ царемъ, вышедшимъ противъ нихъ съ обученными биться слонами; по новѣйшимъ изслѣдованіямъ, этотъ ассирійскій походъ былъ въ XII вѣкѣ; а имя индійскаго царя—санскритское, и все рассказываемое о немъ напоминаетъ позднѣйшихъ санскритскихъ царей. И такъ, образованіе большихъ царствъ у индійскихъ аріійцевъ началось еще до XII столѣтія. Загадочныя плаванія финикійцевъ въ Офиръ, относящіяся къ X вѣку, доказываютъ, что въ это время аріійцы занимали уже весь бассейнъ Инда, были въ сношеніяхъ и съ жителями горной страны и съ племенами Деканскаго побережья: Офиръ, это область Абгировъ (Abhira), народа, жившаго въ устьяхъ Инда; а товары, которые возили оттуда финикійцы—золото, сандаловое дерево, драгоценныя камни, слоновая кость, обезьяны, павлины—продукты Декана и сѣверныхъ горъ, а не области устій Инда *).

Одновременно съ тѣмъ, какъ аріійцы подвигались на югъ, они овладѣвали равниною Ямуны и Ганга, на которой собственно и развилась индійская культура. На узкой полосѣ земли по окраинѣ пустыни, гдѣ святая рѣка Сарасвати раздѣляетъ бассейнъ Инда отъ бассейна Ганга, долго шла кровавая борьба; пришельцы утвердились наконецъ въ обладаніи плодородною землею по берегамъ Сарасвати. Отголоски воспоминаній объ этихъ войнахъ еще звучатъ въ индійскомъ эпосѣ. Та равнина, которая служитъ входомъ въ лежащую на Гангѣ область Мадьядешу (Madhyadesa), была въ слѣдующіе вѣка также мѣстомъ битвъ, не разъ рѣшавшихъ судьбу Индіи, подобно битвамъ, прославляемымъ въ эпическомъ преданіи. Одолѣть черное населеніе было дѣломъ тяжелыхъ усилій; а когда туземцы были истреблены или покорены или—немногіе ускользнувшіе отъ рабства—скрылись въ

*) «Мы не рискуемъ ошибиться, если отнесемъ начало плаваній финикійцевъ въ Индію къ времени болѣе древнему, къ XII столѣтію; такимъ образомъ, подтверждается исторіею другаго народа «малабарская эпоха», опредѣляющая временемъ основанія первой браманской колоніи въ Малабаръ годъ, соответствующій 1176 году до Р. Х. Нельзя полагать, что аріійскіе индійцы открыли южную страну тотчасъ же послѣ того, какъ дошли до моря; потому знакомство ихъ съ югомъ въ 1176 году показываетъ, что они уже въ XIV вѣкѣ, если не раньше того, жили на Индѣ». (Лассенъ, Ind. Alterth. томъ I, 2-ое изд., стр. 885).—Но если справедливо предположеніе Лассена, что ходившій на Индію ассирійскій царь былъ Салманассаръ, то эти факты должны быть относимы къ временамъ еще болѣе давнимъ.

горахъ и лѣсахъ, то на первыхъ пришельцевъ стали наступать новыя переселенцы, вытѣснявшіе ихъ изъ областей, съ такимъ трудомъ прибрѣтенныхъ ими. Это переселеніе аріійцевъ цѣлыя столѣтія наполняло стукомъ оружія и заливало кровью страну Ганга, пока наконецъ разныя племена аріійцевъ упрочились въ спокойномъ обладаніи захваченными землями и стали мирно жить другъ подле друга. Эти столѣтія войны и завоеванія неизбежно должны были произвести большую переменѣ въ нравахъ, обычаяхъ, и понятіяхъ; потому быть ведійскаго времени отдѣленъ широкою бездною отъ быта, который развился у индійцевъ на Ямунѣ и Гангѣ, въ историческомъ центрѣ Индіи. вмѣсто прежнихъ мелкихъ дракъ и набѣговъ для похищенія стадъ или захвата пастбищъ, аріійцы предпринимали въ тѣ столѣтія походы большими войсками для завоеванія цѣлыхъ областей; бились въ большихъ сраженіяхъ, совершали смѣлые подвиги; старшины племенъ стали военными царями съ неограниченною властью; ихъ помощники въ командованіи войсками стали военною аристократіею; гимны Ведъ, восхвалявшіе боговъ природы, замѣнились военными пѣснями, прославляющими битвы и побѣды, возвеличивающими героевъ, и благодаренія богамъ за помощь въ битвахъ были исполнены воинственнаго энтузіазма. Покореніе туземцевъ повело къ тому, что возникли строго-обособленныя сословія, касты. Старые гимны Ригведы еще не знаютъ кастъ. Переменѣ въ бытѣ была такъ велика, что племена, оставшіяся на прежней родинѣ, въ бассейнѣ Инда прослыли полу-варварскими у браманскихъ индійцевъ равнины Ганга.—Таковы были зачатки, изъ которыхъ подъ вліяніемъ могущественнаго, дѣятельнаго умомъ духовенства развилась собственно индійская культура, имѣвшая своимъ центромъ богатую, благословенную природою страну Ямуны и Ганга. Родина браманскихъ учреждений, эта страна пользовалась поэтому особымъ уваженіемъ въ позднѣйшія времена, и въ ней было множество святыхъ мѣстъ, куда шли на поклоненіе богомольцы изъ другихъ браманскихъ областей. Плодородныя, орошаемыя множествомъ рѣкъ равнины среднего и восточнаго Гиндустана были, послѣ долгихъ войнъ, ужь завоеваны, заселены и воздѣланы аріійскими племенами задолго до геройскихъ битвъ грековъ подъ стѣнами Трои.

Аріійскія царства на Гангѣ. — По Ямунѣ, на берегахъ которой возникли впоследствии времени столѣтія на Гангѣ лица индійской цивилизаціи *Индрапраста*, предмѣстница Дельги, города на Ямунѣ. рода Кришны — *Матура* и *Брихнаматура* (Агра), поселились Матсы (Matsya), Шурасены (Surasena) и вооруженное булавами пастушеское племя Ядавовъ (Yadava); между верховьемъ Ямуны и Гангомъ водворились Панчалы (Panchala, „Пятиплеменники“), по соединеніи съ геройскимъ родомъ Курусѣлави своею столицею городъ *Гастинануру*, впоследствии избравшіе себя новую столицу, *Каушамби*, на южномъ берегу Ямуны, близъ того мѣста, гдѣ эта рѣка, у священнаго города *Пратистаны* (Аллахабада), сое-

диняется съ Гангомъ; на востокъ отъ Панчалъ, по берегамъ Сараю до самаго Ганга, жили Кошалы, могущественное племя, блестящею столицею котораго былъ прославляемый въ индійскомъ эпосѣ городъ *Айодья* (Ayodhya); позднѣе, Кошалы основали Шравасты (Shravasti), ставшіи „городомъ Будды“. Восточными сосѣдами ихъ были жившіе на Гангѣ *Каши* (Kasi), имѣвшие своею столицею большой, богатый шелкомъ городъ *Варанаси* (Бенаресъ), близъ котораго проклятая рѣка Карманаша образуетъ границу между *Мадьядешю* (Madhyadesa) и восточнымъ Гиндустаномъ; другими сосѣдами Кошалъ были *Прачи* (Praci) и *Анги* (Anga), столицею которыхъ была Чампа.—На сѣверѣ отъ Ганга жили *Видеи* (Videha), а на югѣ отъ него *Магады* (Magadha), справедливый и счастливый народъ; столицею Видеговъ была *Митила* (Mithila, нынѣшній Тиргатъ), а столицею Магадовъ — *Раджагриха* (Rajagriha), „дарскій домъ“, въ богатой стадами землѣ по рѣкѣ Сумагади.—Въ восточной части бассейна Ганга аріійцы тоже еще въ періодъ переселенія племенъ основали колоніи, города которыхъ скоро достигли блеска, дѣлавшаго ихъ соперниками столицъ Мадьядеша. Плодородная, богатая водою область *Вигара* (Vihara), гдѣ при сліяніи Шоны съ Гангомъ возникла знаменитая столица индійской цивилизаціи, великолѣпная *Паталипутра* (Палиботра), съ раннихъ временъ славилась густотою своего населенія и высокою образованностью. Но и въ Вигарѣ и въ сосѣдней съ нею Бенгаліи еще держались остатки туземныхъ племенъ. Ниже столицы Бенгаліи, города *Гауды* (Gauda) или *Лакшманавати*, на югѣ отъ нынѣшняго Мольты, „куда ужь не проникаетъ черная газель“, былъ предѣлъ святой Аріійской страны (Арьяварты, Aryavarta). Магады и Видеи, тѣснимые новыми пришельцами съ запада, образовали главную часть аріійскаго населенія въ низовьяхъ Ганга.

Войны аріійцевъ на Гангѣ вводятъ насъ въ циклъ индійскихъ эпическихъ преданій. Великія индійскія эпопеи, *Магабхарата* (Mahabharata) и *Рамаяна* выросли на почвѣ этихъ переселеній, какъ Пѣсня о Нибелунгахъ на почвѣ переселеній германскихъ племенъ, а пѣсни Гомера на почвѣ Троянской войны и соединенныхъ съ этою войною странствованій героевъ. Когда аріійцы жили еще въ бассейнѣ Инда, у нихъ ужь были, какъ мы видимъ изъ Ригведы, пѣсни историческаго и военнаго содержанія. Боевыя и побѣдныя пѣсни возбуждали ихъ отвагу въ племенныхъ междоусобіяхъ; на похоронахъ и при жертвоприношеніяхъ за умершихъ они воспѣвали подвиги скончавшихся, — поддерживали тѣмъ воспоминанія о прошломъ и одушевляли молодыхъ поколѣнія стремленіемъ къ такимъ же подвигамъ. А если народъ любитъ пѣніе и военную славу, то у него не бываетъ недостатка въ пѣвцахъ и поэтахъ, удовлетворяющихъ этому его влеченію, сохраняющихъ и увеличивающихъ сокровище поэтическихъ преданій. По тѣсной связи героическихъ пѣсенъ съ богослуженіемъ и мѣрами, эти пѣвцы принадлежатъ обыкновенно къ жреческому сословию; потому въ древнѣйшія времена жрецы были хранителями національной поэзіи, возжигающей въ людяхъ чувства славы и чести. Итакъ, очень можетъ быть, что аріійцы ужь имѣли богатый запасъ героическихъ пѣсенъ, когда пошли на Гангъ. Но на

Возникновеніе
эпоса.

Гангъ вели они войны и совершали подвиги, далеко превосходившіе величіемъ всѣ прежнія ихъ дѣла; и масса матеріала для поэзіи возросла до-того, что время энергической борьбы на Гангъ стало средоточіемъ героическаго эпоса. Когда военное волненіе улеглось и жизнь получила мирный ходъ, пѣсни о битвахъ и герояхъ, первоначально звучавшія вѣроятно простымъ, страстнымъ тономъ сильныхъ впечатлѣній и восторженнаго чувства, мало по малу превращались въ спокойный рассказъ; и чѣмъ далѣе въ прошлое отодвигались дѣла и судьбы героевъ, тѣмъ исключительнѣе были переносимы на немногія, самыя славныя имена, весь матеріалъ эпоса; менѣе значительные образы и факты исчезали, пестрое разнообразіе событій было введено въ одинъ рассказъ объ одномъ героѣ, и наконецъ эти рассказы были собраны искусными компиляторами въ двѣ большія поэмы, Магабгарату и Рамаѣну. Составителемъ Магабгараты былъ, какъ говоритъ преданіе, Вьяса (Vyasa), авторомъ Рамаѣны — Вальмики; оба они, подобно Гомеру, принадлежатъ области мифа.

Магабгарата. Фантазія, создающая мифы, дѣйствуетъ въ двухъ направленіяхъ: она концентрируетъ матеріалъ, собирая разрозненные подробности и соединяя ихъ подъ одну точку зрѣнія, и расширяетъ собранный запасъ описаній и характеристиками лицъ и событій, дающими объединенному рассказу живую картинность, наполняетъ его конкретными образами и дѣйствіями. — Древнѣйшія части Магабгараты и Рамаѣны принадлежатъ, хотя не въ нынѣшнемъ своемъ видѣ, очень давнему времени, быть можетъ X и XI столѣтіямъ до Р. Х.; но свою нынѣшнюю форму эти поэмы получили не ранѣе послѣднихъ двухъ, трехъ столѣтій до нашей эры. Въ нихъ собранъ весь матеріалъ индійскаго эпоса. Объ онѣ основаны безъ сомнѣнія на древнихъ военныхъ пѣсняхъ времени переселенія и завоеваній, на преданіяхъ о послѣднихъ нашествіяхъ и войнахъ арійскихъ племенъ въ святой области Сарасвати и Ямуны и о первомъ ихъ расширеніи на югъ. Но каждое новое поколѣніе дѣлало новыя прибавки, перерабатывало полученные отъ предковъ поэтическіе рассказы дополненіями и измѣненіями, въ духѣ своего времени, своего культурнаго развитія, своихъ религіозныхъ понятій. Такимъ образомъ, индійскія эпопеи разрослись до громадныхъ размѣровъ; вставками множества эпизодовъ и прибавокъ, дѣланными въ теченіе вѣковъ, онѣ превращены въ огромныя компиляціи, лишенныя художественнаго единства. Въ древнихъ частяхъ ихъ состава все передѣлано: и языкъ, и форма рассказа, и характеръ его, такъ что прежній смыслъ совершенно искаженъ переработкою въ духѣ религіозныхъ понятій позднѣйшихъ временъ. Первоначальный характеръ эпическихъ рассказовъ былъ воинственный, героическій; руки брамановъ стерли его черты, подвели все подъ религіозныя идеи, подъ жреческую точку зрѣнія. Соединяя эпическія преданія въ эпопеи, вплетая въ нихъ религіозныя и нравственныя ученія, стремясь сдѣлать свои компиляціи зеркалами образцовой добродѣтели и нравственности, жрецы лишили эпосъ художественнаго единства и однородности, превратили его въ безформное собраніе легендъ, назиданій, бесѣдъ, религіозныхъ и философскихъ ученій разныхъ временъ, въ безсвязную груду старыхъ и новыхъ ингредиентовъ, лежащихъ рядомъ часто

безъ всякаго соотношенія между собою, такъ что распознать въ этой передѣлкѣ первоначальныя контуры индійскаго эпоса дѣло очень трудное.

Магабгарата имѣетъ важное значеніе для исторіи. Какъ въ пѣсняхъ Гомера, такъ и въ ея пѣсняхъ, основанныхъ на древнемъ преданіи, по всей вѣроятности таятся подъ поэтическимъ покровомъ историческія событія и лица. При отсутствіи достовѣрныхъ историческихъ извѣстій, мы получаемъ понятіе о героическомъ вѣкѣ индійцевъ только изъ произведеній эпической поэзіи. Первоначальныя черты пѣсенъ Магабгараты, выдѣленные изъ массы позднѣйшихъ искаженій и прибавокъ Гольцманомъ въ его „Kriegs-“, принадлежатъ очень раннему времени; потому можно полагать, что рассказы и описанія этихъ героическихъ пѣсенъ, очищенные отъ поэтическихъ прибавокъ идеализаціи, представляютъ вѣрное изображеніе нравовъ того времени, когда они возникли, или по крайней мѣрѣ того, когда они были записаны и собраны. Вообще, въ основаніи эпоса лежатъ преданія объ историческихъ лицахъ и фактахъ; и если невозможно извлечь изъ него полную историческую истину, то поэтическое отраженіе ея въ немъ бросаетъ нѣкоторый свѣтъ на облеченные фантастическимъ покровомъ образы людей, дѣла и судьбу ихъ.

Въ Ригведѣ ужъ есть упоминанія о великой борьбѣ, изъ преданій о которой впоследствии развился индійскій эпосъ; но связь между упоминаніями Ригведы и рассказами эпоса еще не разъяснена. — Десять арійскихъ племенъ Пятірѣчья, важнѣйшія между которыми Бгараты (Bharata) и Матсья (Matsya), Ану и Другью (Druhyu), переправляются, „побуждаемыя Индрою“, черезъ рѣки Вишану (Vipasa) и Шатадру (Satadru), съ тѣмъ чтобы идти войною на племя Тритсу (Tritsu), живущее подъ властью царя Судаса (Sudasa) и жреческаго рода Васистовъ (Vasistha) въ странѣ между Сарасвати и Ямуною. Жрецъ *Вишвамित्रа* (Vishvamitra), сопровождающій эти племена, проситъ рѣки о счастливой переправѣ и передъ битвою молить Индру низложить враговъ, какъ топоръ низвергаетъ дерево. Но и Судасъ обращается къ Индрѣ съ молитвою и жертвою, и находитъ себѣ услышаніе. Тритсу отражаютъ нападеніе, вторгаются въ страну враговъ, забираютъ богатую добычу: много коровъ и лошадей и всякаго имущества. Судасъ и Васисты „въ бѣломъ одѣяніи радостно поютъ: „Индра содѣялъ великое, поразилъ подобнаго лву чрезъ слабаго, и иглою сломилъ копыта ихъ; ты далъ Тритсу достоинство Ану и сломилъ Бгаратовъ какъ палки вологона“. Но впоследствии, Тритсу все-таки принуждены бѣжать. Они нашли пріютъ себѣ у племени Кошаловъ (Kosala), жившаго дальше къ востоку, на рѣкѣ Сараю (Sarayu), и исчезли, смѣшавшись съ Кошалами; а въ ихъ землѣ на Сарасвати и Ямунѣ поселились Бгараты. Черезъ шесть поколѣній послѣ этого прекратился царскій родъ Бгаратовъ, по имени котораго и называлось Бгаратами это племя. Народъ выбралъ царемъ себѣ Куру (Kuru), за его справедливость. Четвертымъ преемникомъ Куру былъ Шантану (Santanu), а отъ внуковъ Шантану, Дритараштры (Dhritarashtra) и Панду, произошли геройскіе роды *Куру* (Кауравы, Kaurava; Курунды) и *Панду* (Пандавы, Pandava, Пандупды), борьба которыхъ въ „великомъ боѣ“ составляетъ главное содержаніе Магабгараты. *Дурьодана* (Duryodhana), глава рода Куру, сначала далъ часть царства сыновьямъ Панду, важнѣйшими изъ которыхъ были *Юдиштира* (Yudhishtira) и герой *Арджуна* (Arjuna); онъ сдѣлалъ это потому, что опасался вражды могущественнаго племени Панчалъ (Panchala), бывшихъ въ дружбѣ съ сыновьями Панду; этотъ союзъ поэзія олицетворяетъ бракосочетаніемъ „Черной“ *Драупади*, дочери царя Панчалъ, съ Арджуною и его братьями. *Дурьодана* живетъ въ *Гастинапурѣ* (Hastinapura), „городѣ слоновъ“, Юдиштира и его братья основываютъ въ священной

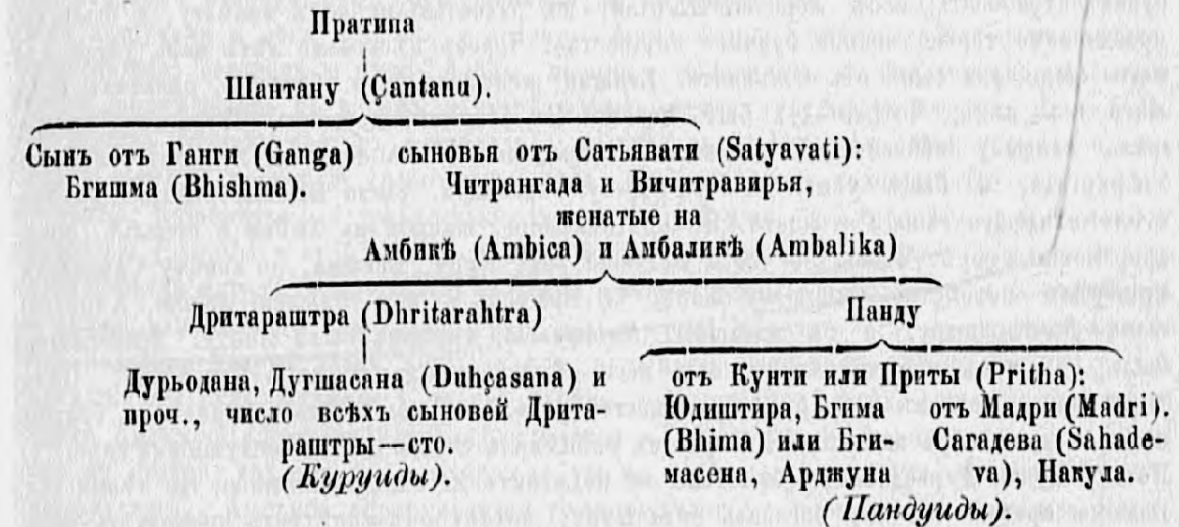
мѣстности на Ямунѣ городъ Индрапрасту (Indraprastha). Но играя въ кости съ Дурьоданою, Юдиштира проигрываетъ ему свое царство и всѣ свои сокровища, совершенно все свое имущество, и сыновья Панду удаляются въ лѣсъ, обѣщавшись оставаться тамъ тринадцать лѣтъ. Но хитрый *Кришна* (Krishna), сильный сынъ пастуха изъ племени Ядавовъ (Yadava), ставшій впоследствии времени предметомъ почитанія, какъ воплощеніе божества, убѣждаетъ сыновей Панду нарушить клятву *), и они, въ союзѣ съ Матерями, Панчалами и Каши, начинаютъ великую войну, чтобы возвратить себѣ потерянные владѣнія. Изъ Куруидовъ самые замѣчательные люди: божественный старецъ-герой *Бгима* (Bhishma, Финма) и герои-жрецы *Крипа* и *Дрона*, учившіе Куруидовъ и Пандуидовъ военному искусству, „последніе браманы, соединявшіе занятіе война съ саномъ жреца“. У Куруидовъ тоже есть союзники: Шурасены, Мадры, Кошалы, Видеги и Анги (Anga), — племена, жившія тогда, вѣроятно, ужь на лѣвомъ берегу святаго Ганга и на восточныхъ притокахъ его. Царь Анговъ, Карна, герой, подобный Ахиллему „Иліады“ и Зигфриду „Пѣсни о Нибелунгахъ“, — благороднѣйшій герой индійскаго эпоса. Онъ сынъ солнца, и родился въ непрорубимомъ панцырѣ своего отца и съ его золотыми серьгами въ ушахъ. Помогать Куруидамъ пришли даже племена изъ Пятирѣчья и съ Инда, Кайкеи (Kaikeya) и Салидавы (Saindhava). Вначалѣ, перевѣсь на сторонѣ Куруидовъ; но вѣроломная хитрость Кришны доставляетъ побѣду Пандуидамъ и они воцаряются въ Гастинапурѣ. — Въ древнѣйшихъ частяхъ Магабхараты правымъ дѣломъ выставляется дѣло Куруидовъ: сыновья Панду клятвенно преступники и мятежники, приобретающіе побѣду лишь обманомъ и измѣною. Но подъ вліяніемъ новой династіи и новыхъ религіозныхъ понятій народный эпосъ былъ переработанъ въ духъ времени и въ интересахъ династіи; въ него былъ вложенъ смыслъ, противоположный прежнему. Передѣлка имѣла цѣлью очистить отъ всякой вины, выставить образцомъ добродѣтели и благородныхъ правилъ сыновей Панду и въ особенности Кришну, изобрѣтателя коварствъ, совѣтника на всѣ дурные обманы; а Дурьодана, „дурной вонитель“, называвшійся прежде Суйоданою (Suyodhana), „хорошимъ вонтелемъ“, превращенъ въ узурпатора, сдѣланъ фальшивымъ игрокомъ, и вмѣстѣ со всѣми своими сторонниками покрытъ позоромъ и укоризнами. Всѣ сыновья Панду были убиты, но для того, чтобы родъ его продолжался, Кришна воскрешаетъ внука Арджуны, Парикшиту, котораго Уттара, дочь матсійскаго царя, жена одного изъ сыновей Арджуны, родила мертвымъ послѣ гибели мужа. Отъ Паракшиты вела свой родъ династія, которая царствовала до 400-го года предъ Р. Х., сначала въ Гастинапурѣ, потомъ въ Каушамби, и отрасли которой развѣтвлялись широко и на сѣверѣ и на югѣ, какъ свидѣлствуютъ названія городовъ и преданія. Въ названіи Курукшетры (Kurukshetra, „Поле Куру“, святой области между Ямуною и Сарасвати) сохранилось воспоминаніе о геройскомъ родѣ Куру. Въ томъ, что дѣйствительно существовала династія Куру, едва ли можно сомнѣваться. Но Кришну, который впоследствии былъ чтимъ, какъ богъ, должно считать, по мнѣнію Лассена, „созданіемъ легенды“. Его имя значитъ „Черный“, потому, быть можетъ, что оно — символическое выраженіе, которымъ обозначаются Панчалы и Ядавы, племена, принадлежавшія къ числу первыхъ аріицевъ, переселившихся на Гангъ, и по вліянію климата ставшія болѣе смуглыми, чѣмъ племена, пришедшія съ сѣвера послѣ нихъ.

*) Въ нынѣшней редакціи Магабхараты, это обстоятельство смягчено; по ней, они остаются въ изгнаніи всѣ тринадцать лѣтъ, какъ обѣщались.

Магабхарата.

Поэма о великой войнѣ рода Куру и рода Панду.

Родословная таблица Куруидовъ.

Послѣ обѣда у царя въ городѣ слоновъ Гастинапурѣ Юдиштира вызываетъ Дурьодану играть въ кости, надѣясь выиграть у него царство. Дѣло въ томъ, что Юдиштира и его братья не могутъ забыть, что нѣкогда ихъ отецъ Панду правилъ царствомъ вмѣсто своего ослабшаго старшаго брата Дритараштры, отца Дурьоданы. Но игра приняла оборотъ несчастливый для Юдиштиры. Онъ проигрываетъ сокровища и стада, города и военныя колесницы, проигрываетъ свободу своихъ четырехъ братьевъ, проигрываетъ себя самого и наконецъ свою черноволосую жену Драупади, «круглолицую, какъ лотусъ». Когда она проиграна, буйный братъ Дурьоданы, Дугшасана, тащитъ ее за волосы въ залъ. Она готова терпѣть позоръ рабства съ своимъ мужемъ и его братьями; но Дурьодана довольствуется тѣмъ, что посылаетъ ихъ въ изгнаніе. Пандуиды и Драупади идутъ въ лѣсъ, гдѣ должны оставаться тринадцать лѣтъ. Черезъ нѣсколько времени Кришна убѣждаетъ изгнанниковъ начать войну съ Куруидами, отнять у Дурьоданы царскій вѣнецъ. Юдиштира колеблется нарушить клятву; но Кришна успокоиваетъ его совѣсть софистическими разсужденіями и цитатами изъ Ведъ, а его страхъ передъ могуществомъ враговъ Кришна разсѣваетъ, говоря ему о силѣ и искусствѣ соратниковъ и въ особенности о своемъ изобрѣтательномъ умѣ, нестоющаго въ придумываніи военныхъ хитростей; противъ Дурьоданы, который обыгралъ соперника фальшивыми костями, позволительны-де обманъ, вѣроломство, коварство. Юдиштира все еще не можетъ рѣшиться поднять войну противъ близкихъ родныхъ и возстать на царя, власть котораго освящена религіознымъ обрядомъ. Но буйный Бгимасена осыпаетъ его укоризнами за колебаніе и говоритъ: «Бодро дѣйствовать, вотъ что правится мнѣ; если и совершается при этомъ грѣхъ, то мы, ставъ побѣдителями, очистимся отъ него жертвоприношеніями»; а Кришна ловкою рѣчью доказываетъ, что не всегда получалъ царство старшій сынъ царя, и что Юдиштира имѣетъ не только право, но и обязанность сдѣлаться царемъ, какъ нѣкогда правилъ царствомъ доблестный отецъ его. Юдиштира наконецъ уступаетъ и соглашается на войну.

Драупади.

Бгншма.

До начала военных действий, Кришна отправляется в город слонов, именем Юдиш-тиры требовать от Дурьоданы, чтобы он передал Юдиштир царскую власть, как законное наследство его. Дурьодана раздражен дерзкою речью, но сдерживает гнев и созывает своих родственников и военачальников. Тут Бгншма рассказывает истину о происхождении Куру и Панду. Отец Бгншмы, Шантану, охотясь на берегу Амуны, встретил дщущу редкой красоты и попросил руку ее у ее отца, который был царь рыбаков. Отец соглашался отдать ему дочь только под условием, что ее сыновья наследуют царство. Шантану, по любви к своему первородному сыну, Бгншме, не захотел обещать этого и отказался от прекрасной невесты. Но от любви стал увядать в печали. Бгншма, видя это, убедил отца прекрасной дщущи отдать Сать-явати—так звали ее—за царя, обещавшись отцу ее, что никогда не женится и не будет требовать себя короны. Шантану с радостью принял невесту, и было отпраздновано торжественное брачное пиршество. Через несколько лет царь умер. У него было два сына от Сатьявати. Бгншма, исполняя свое обещание, освятил старшего из них, Читрангаду, быть царем. В безумной дерзости, Читрангада раздражил владыку небесных музыкантов (Гандарвов, Gandharva), имя которого тоже Читрангада, и был убит им на берегу Сарасвати. Тогда Бгншма возвел на престол младшего сына Сатьявати. Но и этот царь, живший в любви и веселье, преждевременно умер. Чтобы не угас славный род Куру, Бгншма, по совету Сатьявати, приобрел потомство умершему царю *): прижил с его старшею женою, Амбикой, сына Дритараштру, а с младшею, Амбаликой, прижил сына Панду. Дритараштра был освящен царствовать, и от него получил царский сан Дурьодана; Панду управлял царством по поручению славного брата, и прежде чем поднялся с братом по пути на север на поля богов, сам увещевал сыновей быть послушными царю **). Потому право Дурьоданы на престол не подлежит никакому сомнению. Но вѣщий дух Бгншмы предвещает ему гибель рода Куру, потому он советует прекратить ссору взаимными уступками.

Эта миролюбивая речь не понравилась воинственному Карне; он назвал Бгншму одряхлевшим стариком, завидующим славе воителей, которые моложе его, и вечно хвастающимися своими прежними подвигами. Бгншма отвечал, что Карна говорит, как прилично говорить сыну возничего, потому что злословить против чужих заслуг признак низких душ не благородного происхождения. Раздраженный этою укоризною, Карна поклялся никогда не ходить вместе с Бгншмою в битву, а сидеть бездейственно в своей палатке, пока одоливаемый врагами Дурьодана придет к нему сам в царском убранстве умолять о помощи.

Уже десять дней свирепствует битва, и каждый день рука Бгншмы повергала в смерть десятки тысяч врагов. Юдиштира отчаявается победить и хочет возвратиться в лес. Но Кришна, правящий конями колесницы Арджуны, ободряет Юдиштиру и отрывая ему, какую хитрость придумал на гибель старого героя. Когда Бгншма повстречается в битве Шихандина (Sichandin), то пусть с улыбкою опустит лук,

*) По другой редакции рассказа, приобретенны были сыновья вдов бездетного царя Шантану, и отцом их был автор Магабхараты, Вьяса;—это ясно свидетельствует, что генеалогия рода Куру изобретена поэзою. В древних частях поэмы, истинный отец Дритараштры и Панду несомненно Бгншма.

**) Так, по мнению Гольцмана, рассказывалось о смерти Дритараштры и Панду в первоначальной редакции Магабхараты. В нынешней редакции этой поэмы Панду умирает еще в молодости; очень скоро после того, как родились младшие его сыновья; умирает рано потому, что он проклял; а Дритараштра переживает всю войну и по прекращении ее кончает свою жизнь в покаянии, добровольно ушедши в лес подвижников.

как бы считая безславленным сражаться с ним *), и ищет другого врага. Кришна тогда взойдет с Арджуною на колесницу Шихандина; таким образом, Бгншма будет обманут, и падет под страшными стрѣлами Арджуны.

Когда на следующее утро поднялось сияющее солнце, поле огласилось боевым криком и звоном оружия, звуками раковинных, рогов и барабанным боем, ржанием лошадей и ревом слонов, и выступили длинными рядами пѣхота и конница, боевые колесницы и слоны, и появились цари с развѣвающимися знаменами и блестящим оружием. Над всеми высился страшный Бгншма, с блюю головою и блюю бородой, на блосеребряной колеснице с конями в блосеребряной сбруе, в серебряной броне, с серебряным оружием, и с знаменем, ушпанным серебряными звѣздами, «подобный блу горѣ». Ободрив воинов на битву, он взял украшенную золотом извитую как рог раковину, и затрубил в нее громким звуком; тогда зазвучал и рог врагов, и поднялся шум битвы; стрѣлы летали как свергающие молнии; всадники и пѣшие бойцы, военные колесницы и смертоносно храпящие слоны перемѣшались в диком натиске битвы, жажда «увеличить царство Ямы». В густѣйших толпах врагов развѣвалось высокое знамя Бгншмы; где показывался он, падали сотнями на землю «безголовые тѣла, безтуловищные головы». Но все успѣхи в битве, приобретаемые храбростью старого героя Бгншмы и Куруидов, уничтожаются хитростью Кришны и стрѣлами Арджуны. Когда Куруид Бгуришравас и друг Пандуид Ююдана бьются между собою «подобно мужам быкам» и Бгуришравас повергается на землю утомленного противника, заносит кинжал пронзить его, со свистом прилетѣла подобная вихрю луны стрѣла, пущенная невидимою рукою, отрѣзала замахнувшуюся руку Куруида у плеча, и рука с кинжалом упала на землю.—«Эта стрѣла Арджуны!» воскликнул Бгуришравас: «Так мѣтко и сильно поражает только он; но низкое, гнусное дѣло совершил ты по совету своего друга, благородный, царский сын». Арджуна оправдывается софистическою отговоркою и удаляется с Кришною; побѣжденный Ююдана ободряется, схватывает кинжал и поражает им в шею безоружного, лишенного правой руки Куруида; он с глухим стоном падает на землю.

Кришна советует Арджуне, помнявшемуся, как было придумано, колесницею и знаменем с Шихандином, напасть теперь на Бгншму. Пандуид сначала отказывается: «Лучше буду скучно жить в лесу, чем захочу добыть себе царство и адское мучение убийством того, кого чту, кто свят для меня: как могу я преступною рукою и коварною хитростью предать смерти того, кто мой друг, хранитель и учитель, и отец моего отца?» Кришна в гнев восклицает, что если так, то лишь смерть может спасти от позора, и бросается в битву, чтобы умереть. Арджуна спѣшит за ним и, чтобы удержать его от отчаянного намѣрения, обещает убить Бгншму. Они быстро несутся с знаменем Шихандина к тому месту, где не дающий врагам приближаться к нему сын Ганги распространяет кругом себя смерть и гибель. Дугшасана, по повелѣнию царя, хочет охранить старца героя от мнимого Шихандина, но после геройского боя он тяжело ранен, и правитель колесницы увозит изнемогшего из битвы. Вивансати, один из многочисленных братьев Дурьоданы, падает с колесницы, пораженный в сердце. Арджуна и Кришна приближаются теперь к Бгншме, который перед тем обратился в бѣгство царя Юдиштиры и убил истинного Шихандина, выхавшего в битву на колеснице Арджуны и с его знаменем **). Старик опускает

*) Шихандин сын Друпады, царя Панчалы, и брат Драупады. Бгншма не хочет сражаться с ним потому, что считает его за женщину. Это дитя Друпады действительно было при рождении дщичкою, и уже после превращено в мужчину благостью бога Куберы к Друпадѣ.

**) Так это было, по мнению Гольцмана, в первоначальной редакции Магабхараты. По нынешней редакции ее, Шихандин погибает после этой битвы, при ночном нападении Ашваттамана. И в рассказѣ о том, как был убит Бгншма, в нынешней

изъ руки лукъ и стрѣлы, по своему правилу не сражаться съ Шихандиномъ. Арджуна натягиваетъ свой лукъ Гандиву и пускаетъ въ Бгншму частыя какъ дождь стрѣлы, тростниковыя, гладкія, оперенныя перьями цапли, съ желѣзными наконечниками. Непобѣдимый старикъ съ изумленіемъ подымаетъ взглядъ и восклицаетъ: «Это стрѣлы не Шихандина, это стрѣлы Арджуны!»—и падаетъ, обливаясь кровью, истерзанный ранами, съ высокой колесницы, головою внизъ. Пандуиды привѣтствуютъ побѣду крикомъ радости и трубнымъ звукомъ раковинъ, а у Курундовъ, оцѣпенѣвшихъ отъ ужаса, выпадаетъ изъ рукъ оружіе; оба войска забываютъ продолжать битву. Кришна съ восторгомъ возвѣщаетъ Юдиштірѣ о паденіи Бгншмы; Юдиштіра говоритъ, чтобы тотчасъ же вели его къ мѣсту, гдѣ лежитъ убитый; скоро приходитъ и Дурьодана съ своими братьями воздать въ печали сердца послѣднюю честь герою. Бгншма раскрываетъ глаза, произноситъ совѣтъ внукамъ примириться и покидаетъ область живыхъ.—Дурьодана готовъ послѣдовать совѣту дѣда, предлагаетъ Юдиштірѣ половину царства и свою дружбу, какъ было передъ игрою въ кости. Но Юдиштіра насмѣшливо отвѣчаетъ: не думаетъ ли Дурьодана, что онъ обезумѣлъ отъ сожалѣнія у трупа Бгншмы? Кто изъ рода Куру можетъ противостоять теперь булавамъ Бгншмы и стрѣламъ Арджуны? Онъ хочетъ владѣть всѣмъ царствомъ, какъ владѣлъ его отецъ, и видѣть весь родъ Куру смиренно преклоняющимся передъ нимъ.—«О дѣдъ!»—восклицаетъ Дурьодана: «Ты свидѣтель, что высокій родъ погибаетъ не по моей винѣ!» Трижды обходятъ онъ и его братья, сложивъ руки, около тѣла Бгншмы, и всѣ возвращаются въ свои шатры, чтобы возобновить завтра битву.

Карна.

Межъ тѣмъ гнѣвно сидитъ сильный Карна далеко отъ битвы въ своей палаткѣ. Къ нему приходитъ Кунти, мать Пандуидовъ, и проситъ его пощадить ея сыновей въ битвѣ, которая будетъ завтра, искать въ ней себѣ другихъ противниковъ. Карна обѣщаетъ благородной госпожѣ пощадить старшихъ изъ трехъ ея сыновей, Юдиштіру и Бгмасену, но пощадить младшаго, Арджуну, не соглашается. Кунти умоляетъ его пощадить Арджуну, говоритъ, что стрѣлокъ Арджуна, который снискалъ любовь прекрасной Драупади, самый милый ей изъ сыновей. Въ отвѣтъ ей Карна рассказываетъ, за что онъ гнѣвенъ на Арджуну и хочетъ отмстить ему. Искать руки прекрасной Драупади сошлись цари и владыки земли со всѣхъ сторонъ свѣта. Въ торжественный день рѣшенія, братъ ея вошелъ въ блестящее собраніе, и указывая на большой лукъ, сказалъ: кто натянетъ его и пуститъ пять стрѣлъ, и каждою изъ пяти стрѣлъ попадетъ въ цѣль, тотъ и возьметъ его сестру женою въ домъ свой. Поспѣшно подходили сыновья героевъ одинъ за другимъ, приобрѣсти прекрасный выигрышъ, но никто изъ нихъ не могъ поднять и натянуть лукъ, пока не пришла очередь Арджуны. Арджуна натянулъ лукъ твердою рукою и попалъ въ цѣль тремя стрѣлами, но четвертою промахнулся, а натянуть лукъ для пятой стрѣлы ужъ не достало силы его рукъ. Тогда подошелъ Карна, исполненный надежды, легко натянулъ лукъ и ужъ наводилъ стрѣлу на цѣль, увѣренный въ успѣхъ, когда невѣста насмѣшливо воскликнула: «Я, рожденная въ благородномъ домѣ, дочь владыки Панчалъ, не выберу въ мужа себѣ сына возникшаго, Карна, тебя!»—восклицая это, она гордо прошла мимо него и возложила блестящій вѣнокъ на голову Арджуны. Гнѣвно пустилъ онъ тогда пернатую стрѣлу, разорвалъ тетиву и сломилъ лукъ, какъ гнилой кусокъ дерева, а въ сердцѣ вознесъ къ знояносіющему солнцу моленіе, чтобъ оно дало ему встрѣтить когда нибудь Арджуну въ открытомъ бою; это моленіе его теперь исполняется; онъ предастъ смерти Арджуну, чтобы Драупади увидѣла, что отвергла достойнѣйшаго. Напрасно Кунти доказываетъ, что Арджуна не виноватъ въ этой обидѣ Карны, и говоритъ, что самъ Арджуна долженъ былъ съ печальнымъ сердцемъ уступить прекрасную невѣсту старшему брату *); Карна остается при своемъ

редакціи не говорится, что Арджуна обмѣнялся колесницею и знаменемъ съ Шихандиномъ; дѣло изображается иначе: чтобы Бгншма не стрѣлялъ, Арджуна сталъ позади Шихандина.

*) По первоначальной редакціи Матабгараты, Драупади была общою женою Арджуны

наимѣреніи. Тогда Кунти открываетъ ему, что Арджуна его братъ, съ которымъ нельзя ему сражаться. Она родила Карну отъ Сурьи, бога солнца; она тогда была еще дѣвучкою, и, боясь родителей, ввѣрила водамъ рѣки Ашвы младенца, положивъ его въ камышевую, обмазанную воскомъ корзину. Корзина поплыла по Ашвѣ въ Ямуну, по Ямунѣ въ Гангъ и была взята изъ воды въ городѣ Чампѣ возникшимъ Адиратою (Adhiratha) и его прекрасною и благочестивою женою Радою (Radha); они долго печалились, что у нихъ нѣтъ сына, потому радостно приняли прекраснаго младенца какъ даръ боговъ и усыновили его. Но Карна считаетъ рассказъ выдуманною и говоритъ, что хочетъ оставаться тѣмъ, чѣмъ былъ до сихъ поръ, сыномъ возникшаго.

Карна родился въ панцырѣ и съ серьгами; эти панцырь и серьги дѣлали его непобѣдимымъ и неуязвимымъ; между свѣтящимися серьгами лицо его сіяло такъ мило, «какъ между звѣздами Вѣсовъ полная луна въ свѣтлую ночь». Индра, опасаясь за жизнь сыновей Панду, приходитъ къ Карнѣ въ видѣ брамана и проситъ у него праросшія къ его тѣлу панцырь и серьги. Карна далъ нѣкогда обѣщаніе не отказывать въ просьбѣ ни одному изъ брамановъ. Онъ исполняетъ просьбу этого брамана, хотя его отецъ, солнце, предостерегъ его въ сновидѣніи и совѣтовалъ отказать. «Если я исполню эту просьбу», сказала Карна, «то приобрѣту себѣ безсмертную славу; славу между людьми я предпочитаю даже и жизни, потому что слава даетъ небесную радость, а жизнь безъ славы ничто». Напрасно богъ солнца говоритъ ему, что слава сладка только живому человѣку, когда съ гордостью окружаютъ его родители, дѣти, друзья, и сами цари чтутъ его геройство; а для умершаго, обратившагося въ прахъ, человѣка слава и почести только цвѣты и вѣнки, «которыми украшаютъ трупъ». Карна смиренно проситъ дозволенія оставаться вѣрнымъ обѣщанію, избѣжать грѣха, который ему страшнѣе смерти. Богъ солнца, не успѣвъ убѣдить его, даетъ ему совѣтъ испросить у Индры въ замѣнъ панцыря и серегъ его копье, которое никогда не промахивается. Карна слѣдуетъ этому совѣту: даетъ просящему браману, то есть Индрѣ, панцырь и серьги, и получаетъ за нихъ копье, которое, брошенное его рукою, неизбѣжно поразитъ противника, но потомъ возвратится къ Индрѣ.

Еще ужаснѣе Бгншмы поражаетъ Карна враговъ въ битвѣ; половина непріятельскаго войска ужъ пала отъ его стрѣлъ; Юдиштіра въ отчаяніи хочетъ отказаться отъ царства, чтобы только спасти жизнь. Бгншма ободряетъ его и, подкрѣпившись напитокомъ изъ сока горечавки, мчится, въ своей черножѣлѣзной бронѣ, на запряженной четырьмя быстрыми конями колесницѣ прямо на Карну; начинается могучій бой. Карна побѣждаетъ въ каждой схваткѣ, раздробляетъ свѣтлый мечъ Бгншмы какъ деревянную палку, наноситъ спиною лука ударъ въ лицо ему, съ извѣстными насмѣшками, прогоняетъ его изъ битвы, потому что обѣщалъ Кунти не убивать его. Бгншма спѣшитъ къ Арджунѣ, который по совѣту Кришны держится вдалекѣ; Бгншма требуетъ, чтобъ Арджуна отмстилъ за его позоръ. Арджуна хочетъ тотчасъ же устремиться на Карну, но Кришна удерживаетъ его: пока небесное копье въ рукѣ Карны, Арджуна не долженъ приближаться къ нему. Ужъ начинаютъ зловѣщія тѣни вечера облекать бьющихся, а Карна все еще не даетъ звукомъ раковины сигнала къ отдыху отъ свирѣпой битвы. Тогда Кришна хитрою рѣчью воспламеняетъ отвагу Гатоткачи (Gatotkaca), котораго нѣкогда родила въ лѣсу сильному Бгнмѣ Гидимбѣ (Hidimba), сестра пожирающаго людей цари Ракшасовъ: пусть онъ вступитъ въ бой съ Карною, потому что во мракѣ растутъ силы исполиновъ (Ракшасовъ). Гатоткача бросился съ громкимъ ревомъ какъ ураганъ на войско враговъ, низвергая все передъ собою. Онъ сокрушилъ колесницу и запряженныхъ въ нее четырехъ коней Ашваттамана (Aśvatthaman), отважнаго сына Дроны и замахивалъ рукою, нанести смертельный ударъ низвергнутому,—тогда Карна, чтобы спасти Ашваттамана, бросилъ въ исполина неизбѣжно поражающее копье Индры, которое предназначалъ противъ Арджуны.

и его братьевъ. Надобно также замѣтить, что блескъ подвига Карны при сватовствѣ Драупады очень ослабленъ въ нынѣшней редакціи поэмы.

Блистая какъ метеоръ, пролетѣло оно по воздуху и пронзило сына Гидимбы; какъ скала съ грохотомъ низвергся онъ на землю, и предъ глазами всѣхъ полетѣло копье на небо. Радостно воскликнулъ Кришна: «Удался мой замыселъ, о Арджуна: копья Индры ужъ нѣтъ въ рукахъ Карны; завтра ты убьешь его». А между тѣмъ стало темно и по сигналу раковины Карны разошлись войска.

Въ шатрѣ Дурьоданы сидѣли ночью князья на совѣтѣ. Тогда сказалъ Карна, что завтра въ бою убьетъ онъ Арджуну, хоть ужъ нѣтъ у него небеснаго копья, пустилъ онъ его въ громаднаго сына исполнника. Правда, у сына Панду есть небесный лукъ, Гандия (Gandia); но и его лукъ — лукъ Индры, данный Индрою могучему Рамѣ; лишь въ томъ одномъ невыгода его, что правитель его колесницы не равняется искусствомъ Кришнѣ; потому пусть дастъ ему царь сына князя Мадровъ, Шалью (Salya), который въ искусствѣ править колесницею превосходитъ всѣхъ. Шалья сначала съ гордостью отвергъ это предложеніе, но по горячей просьбѣ Дурьоданы согласился наконецъ, подъ условіемъ, что властенъ свободно говорить все, что захочетъ.

Когда лучи солнца разсѣяли тѣни темной ночи, зазвучали въ обоихъ станахъ раковины, и герои собрались около своихъ вождей, на колесницахъ, коняхъ и слонахъ. Всѣхъ превосходили блескомъ Арджуна и Карна на золотыхъ колесницахъ, запряженныхъ бѣлыми конями, подобно разъяреннымъ слонамъ жаждавшіе убить одинъ другаго. «И всѣ существа на небѣ и на землѣ, животныя, духи и сами боги раздѣлились, и были всѣ или за Карну или за Арджуну. Небо стояло на сторонѣ Карны, Земля на сторонѣ Арджуны». Когда Карна протрубилъ въ раковину сигналъ къ бою и велѣлъ сыну князя мадровъ править на Арджуну, Шалья отвѣчалъ ему позорящими словами, какъ дерзаетъ онъ сразиться съ благороднымъ сыномъ Панду, — онъ, простой шакалъ, со львомъ; онъ вынесетъ одинъ стыдъ изъ боя. Карна подавилъ взволнованное чувство, сказалъ царю, что конецъ покажетъ, каковъ онъ, и шумно помчалась колесница. Но надменный Шалья скоро снова раздражилъ Карну язвительными словами, что ему, сыну простаго возничаго, слишкомъ дерзко биться съ царскими сыновьями. Тутъ закипѣла въ Карнѣ кровь, «какъ можетъ понимать доблесть другихъ, кто самъ не имѣетъ доблести?» — воскликнулъ онъ: «царь варваровъ не знаетъ приличій. У мадровъ нѣтъ вѣрности, честности и богобоязненности». Раздраженный этою горькою рѣчью Шалья такъ сильно натянулъ возжи, что одно колесо колесницы увязло въ болотѣ, и Карна не могъ ни твердо стоять, ни прицѣпиться. Замѣтивъ эту бѣду противника, хитрый Кришна погналъ бѣлыхъ коней быстро впередъ, и внезапно появился передъ Куруидомъ Арджуна съ натянутымъ лукомъ. Отъ гнѣва выступили слезы у мужественнаго героя, когда при давно желанной встрѣчѣ колесница его стояла неподвижно. Онъ спрыгнулъ на землю и закричалъ Пандуду, чтобы, пока онъ не высвободитъ застрянувшее колесо, Арджуна не стрѣлялъ, не пускалъ неблагородно свои стрѣлы съ колесницы въ стоящаго на землѣ. Но Арджуна не послушалъ просящихъ словъ, а пускалъ какъ грозовая туча, льющая дождь на скалы, острые стрѣлы на врага въ его неудобномъ для боя положеніи. Тогда Карна тоже схватилъ свой небесный лукъ и попалъ свистящею стрѣлою въ руку Арджуны, такъ что онъ въ безпамятствѣ повергся назадъ, лукъ и стрѣлы выпали изъ его рукъ. Когда Карна увидѣлъ противника въ такомъ состояніи, онъ тотчасъ положилъ свое оружіе, сказавъ: «Въ беззащитныхъ я не стрѣляю»; потомъ снова сталъ стараться высвободить колесницу, пока Арджуна оправится отъ безпамятства. Но Кришна быстро вынулъ стрѣлу изъ руки Арджуны и исцѣлилъ рану волшебными словами; тогда по его совѣту Арджуна прицѣпился въ Карну, который безъ оружія, согнувшись надъ колесницею, обѣими руками подымалъ колесо, и пустилъ Арджуну стрѣлу въ него сзади; стрѣла вошла въ спину Карны, какъ змѣя вползаетъ въ свою нору, и лицомъ внизъ упалъ безжизненно герой на колесницу. Теперь Куруиды ужъ не могли больше держаться противъ врага: божественнымъ лукомъ Арджуны и булавою Бгимасены было поражено все войско Дурьоданы послѣ славной битвы на полѣ чести. Царь, изнуренный битвою и ранами, растерзанный до глубины души жестокою гибелью своего благороднаго героя, безсознательно далъ своему коню бѣжать по волѣ; конь, влекомый жаждою, прискакалъ къ пруду, пить изъ котораго привыкъ. «Тутъ упалъ царь съ коня; охраняемый богами,

Смерть Дурьоданы.

лежалъ онъ въ прохладномъ пруду воды, по шею омываемый струями; и въ рукѣ онъ еще крѣпко держалъ желѣзную булаву, которая была ему милѣе всего на землѣ. Свѣжая прохладящая вода пруда утоляла истому его тѣла и чудотворный небесный сонъ исполнилъ его новою силою». Только три героя изъ войска Куруидовъ остались въ живыхъ и бродили по лѣсу, отыскивая своего царя: Критаварманъ, Ашваттаманъ и Крипа. Пандуиды подняли крикъ побѣды и съ хвалою возглашали Юдиштиру царемъ земли. Но онъ сказалъ, что не можетъ беззаботно радоваться побѣдѣ, пока не узнаетъ, что убить Дурьодана, коварный похититель его царства; онъ сталъ спрашивать, кто убилъ Дурьодана, или кто знаетъ, гдѣ лежитъ онъ убитый. И когда никто не отвѣчалъ, всѣ разсѣялись искать его. Тогда нашли они спящаго царя, и Юдиштира спросилъ его насмѣшливыми словами: или онъ до такой степени забылъ о своемъ сынѣ, своей славѣ и своемъ благородномъ происхожденіи, что трусливо причется подъ водою, между тѣмъ какъ его войско и его родъ принимаютъ смерть за него». Раздраженный этими словами и насмѣшливымъ хохотомъ окружающихъ, Дурьодана вскочилъ, размахивая своею желѣзною булавою, и сталъ вызывать Пандуидовъ на бой, не за могущество и царскую власть, которая ужъ не имѣетъ никакой цѣны для него теперь, когда пали его братья и благородные герои, а въ отмщеніе за свою честь и за своихъ друзей. Дѣти Панду согласились между собою, чтобы принять бой съ Дурьоданою Бгимасена, потому что только онъ можетъ устоять противъ Дурьоданы, искуснаго биться булавою. Тогда они ринулись другъ противъ друга, какъ быки тяжелорогіе, какъ простыя слоны склона съ могучими клыками; отъ ударовъ стонала земля и летѣли по воздуху искры. До дня къ вечеру бились герои: силою превосходилъ Бгимасена, искусствомъ и ловкостью Дурьодана. Уже три раза Дурьодана ловко уклонился отъ тяжелыхъ ударовъ сына Панду и нанесъ ему три удара по боку и въ грудь, такъ что тотъ началъ шататься и потекла у него кровь изъ раны. Пандуиды дрожали въ тоскливой боязни. Тогда сказалъ Кришна царю Юдиштирѣ: «Мы погибнемъ, если Бгимасена будетъ биться честно; только нечестнымъ боемъ можно побѣдить Куруида». Потому Арджуна далъ брату знакъ, ударивъ себя по лядвѣ; Бгимасена понялъ это движеніе: когда снова начался бой, и у Пандуида стала постепенно исчезать отъ потери крови сила, онъ размахнулся со всѣмъ усиленіемъ на большой ударъ; Дурьодана, быстро уклонясь, отпрыгнулъ въ сторону, и Бгимасена попалъ тяжелою булавою съ такою силою по лядвѣ ему, что сломались обѣ кости. «Тогда упалъ мужъ-тигръ на землю, благородный сынъ Дритараштры, какъ высокій дубъ. Земля застонала отъ паденія героя». А Бгимасена поставилъ ногу на лицо ему, и давилъ и топталъ его благородную голову. Тогда закричалъ Бгимасена съ сверкающимъ радостью взоромъ царю, — что теперь ему, царю Юдиштирѣ, одному принадлежитъ вся земля со всѣми ея сокровищами, и во всемъ войскѣ поднялся восторгъ и радостный кликъ. Услышавъ это, Дурьодана приподнялся и сѣлъ, оперся на руку и гордо воскликнулъ: «Или не стыдитесь вы, что Бгимасена нечестно убилъ меня? Мы всегда бились честно, потому за нами остается честь; вы бились хитростью и обманомъ, и купили побѣду стыдомъ. Кривымъ и нечестнымъ путемъ сражались вы и побѣдили. Я теперь умираю, какъ желательно умереть герою, и восхожу, сопровождаемый сонмомъ друзей, прямо къ богамъ». Такъ сказалъ царь. Пандуиды почувствовали стыдъ, но Кришна поднялъ ихъ духъ, громко воскликнувъ: «Радуйтесь побѣдѣ и не заботьтесь о томъ, какъ приобрѣтена она. Хитростью сражаться противъ силы и большей храбрости, такъ дѣлали сами боги». Тогда затрубили Панчалы и Пандуиды въ раковины, взяли изъ непріятельскаго стана несметныя сокровища золота, серебра и дорогихъ камней, сукна, шкуръ и рабынь, и легли потомъ въ своихъ шатрахъ беззаботно, радостные отъ побѣды, на покой.

Между тѣмъ три Куруида, оставшіеся въ живыхъ, Критаварманъ, Крипа и Ашваттаманъ, нашли благороднаго царя Дурьодана лежащаго съ раздробленными лядвеями въ прахѣ, «какъ дубъ, низвергнутый бурей». Ихъ появленіе дало умирающему царю отраду и исцѣленіе души. Они поклонились ему, что отмстить, обняли его, пошли въ лѣсъ, и легли подъ тысячелѣтнею смоковницею. Но Ашваттаманъ не могъ уснуть. Тогда онъ увидѣлъ на вѣтвяхъ дерева безчисленное войско воронъ, на которыхъ тайкомъ напасть

тихо подлетѣвшій филинъ и убивалъ ихъ одну за другою. Исполненный внезапною мыслью, онъ быстро вскочилъ, осѣдлалъ коней и разбудилъ товарищей. Они совѣтовали ему не идти на бой, потому что у нихъ нѣтъ благословенія неба, безъ котораго не имѣетъ успѣха никакое человеческое дѣло. Но Ашваттаманъ возразилъ, что обязанность воевателей—биться и умирать въ битвѣ, и онъ не уклонится отъ этой обязанности, но прежде думаетъ истребить спящихъ враговъ, «какъ огонь истребляетъ жнитво на нивѣ». Напрасно убѣждалъ его Кришна уротить буйное сердце и обратить мысли къ прекрасному, потому что нечестно убивать спящихъ, безоружныхъ и просящихъ пощады; это постыдное дѣло неприлично его безупречному героизму; Ашваттаманъ отвѣчалъ, что противъ Пандуидовъ, которые первые стали биться хитростью и обманомъ и совершали всякія постыдныя дѣла, дозвоительно всякое средство побѣды. «И если я низвергнусь въ адъ и возвращусь на землю червякомъ», вскричалъ онъ: «не кажется мнѣ слишкомъ дорого купленнымъ убійство убійцы, наслажденіе мщенія». Его два товарища стали передъ воротами непріятельскаго стана, а Ашваттаманъ прокрадывается въ шатры. Онъ прежде всего толчками ноги пробуждаетъ царя Панчалъ, который убилъ его отца Дрону, валить его за волосы на землю и убиваетъ его, какъ убиваетъ бѣшеннаго слона разъяренный левъ. Потомъ всходитъ на колесницу и пробуждаетъ враговъ крикомъ. Панчалъ, устремившихся на него, убивали стадами его смертельныя стрѣлы; Кришну, обратившагося въ бѣгство, сынъ Дроны разрубилъ сзади; по крови и трупамъ продолжилъ онъ потомъ себѣ съ сто-луннымъ щитомъ и каплющимъ кровью мечемъ путь въ шатры Пандуидовъ, убилъ Арджуну, и убилъ, одного за другимъ, Юдиштиру, Накулу, булавобойца Вгмасену и Сагадеву *). Крикъ ужаса и смятеніе наполнили весь станъ; безпорядочною толпою бѣжали враги къ воротамъ, но тамъ убивали ихъ Кришна и Крита-варманъ; всю ночь длилось ужасное избіеніе и не спасся ни одинъ изъ воевателей Панду. Земля была покрыта тысячами труповъ, когда при разсвѣтѣ утра Ашваттаманъ и его товарищи ушли изъ умолкшаго стана принести царю Дурьодану, если онъ еще живъ, вѣсть о побѣдѣ. Царь Куруидовъ еще дышалъ, когда друзья пришли и возвѣстили ему гибель враговъ. Ихъ слова подвѣрили его сердце, сознание вернулось къ нему; онъ поблагодарилъ храбраго Ашваттамана, сказалъ ему съ радостной увѣренностью, что они снова увидятся на небѣ, и потомъ покинулъ царство живыхъ.

Такова была, по предположенію Гольцмана, первоначальная развязка Магабгараты. Въ нынѣшней редакціи поэмы, напротивъ того, сыновья Панду и Кришна остаются живы и ведутъ назидательныя бесѣды съ Бгисмою, жизнь котораго чудеснымъ образомъ спасена. Юдиштира царствуетъ послѣ того 36 лѣтъ; потомъ, утомленный жизнью, онъ передаетъ престолъ внуку Арджуну, Парикшиту, а самъ съ Драупади и четырьмя своими братьями идетъ на сѣверъ, черезъ снѣжныя Гималайскія горы, въ обитель боговъ. Его спутники умираютъ на пути отъ трудностей и лишеній, а онъ живой достигаетъ неба и находитъ тамъ всѣхъ своихъ умершихъ родныхъ. Кришну впоследствии смертельно ранилъ въ лѣсу охотникъ; духъ его вознесся на небо, гдѣ боги приняли его съ большими почестями. Этимъ кончается поэма въ нынѣшней своей редакціи, рѣшительно принимающей сторону Юдиштиры и его братьевъ. Въ нынѣшнемъ своемъ видѣ Магабгарата раздѣляется на 18 книгъ. Первая книга «Начала» рассказываетъ о жертвоприношеніи, которое совершаетъ Джанамеджая, сынъ Парикшита; по его желанію, одинъ изъ учениковъ Вьясы рассказываетъ ему на этомъ торжествѣ дѣла его предковъ. Послѣ того рассказывается исторія царей династій луны, начиная съ боговъ до Шантану, его дѣтей и внуковъ; Дурьодана и его братья, живущіе въ Гастинапурѣ, предоставляютъ сыновьямъ своего дяди, Юдиштирѣ и его братьямъ, часть царства. Вторая книга «Дворецъ» рассказываетъ объ игрѣ въ кости въ Гастинапурскомъ дворцѣ; третья, «Лѣсъ», о при-

*) Магабгарата въ той редакціи, въ какой мы имѣемъ ее теперь, говоритъ не такъ, Ашваттаманъ убиваетъ не сыновей Панду, а сыновей ихъ, которыхъ тоже пять; въ ночь избіенія, сыновья Панду, и съ ними Кришна и Ююдана, вовсе и не находились въ станѣ: вечеромъ передъ тѣмъ они ужъ уѣхали въ городъ Гастинапуру.

ключеніяхъ и блужданіяхъ изгнанныхъ сыновей Панду въ первые двѣнадцать лѣтъ ихъ ссылки; четвертая книга «Вирата» рассказываетъ о тринадцатомъ годѣ, который эти пять братьевъ проводятъ, незнакомые никѣмъ, при дворѣ царя Вираты, на службѣ у него. Пятая книга «Снаряженіе» рассказываетъ переговоры между Дурьоданою и Юдиштирой и колоссальныя приготовленія обѣихъ партій къ войнѣ. Бхагавадъ-гита и первые десять дней битвы составляютъ содержаніе шестой книги, озаглавленной «Бгисма», и кончающейся гибелью этого героя; слѣдующіе пять дней великой битвы служатъ содержаніемъ седьмой книги, озаглавленной «Дрона»; слѣдующіе два дня рассказываетъ восьмая книга, «Карна»; девятой книгою «Шалья» заканчивается рассказъ объ осмнадцати-дневной битвѣ; десятая книга «Ночь» содержитъ рассказъ о ночномъ нападеніи Ашваттамана; одиннадцатая, «Жены», пересказываетъ трогательный плачъ надъ мертвыми и похороны. Въ двѣнадцатой книгѣ «Миръ» и въ тринадцатой «Поученіе» мы находимъ сыновей Панду собравшимися у постели Бгисмы, поучающаго ихъ знанію небесныхъ и земныхъ дѣлъ; по окончаніи бесѣды, Бгисма умираетъ. Четырнадцатая книга описываетъ «жертвоприношеніе коня», совершаемое Юдиштирою; въ пятнадцатой рассказывается «Отшельничество» ведущаго подвижническую жизнь Дритараштры и смерть его. Шестнадцатая книга «Бой булавою» рассказываетъ о гибели Ядавовъ, народа Кришны, и о смерти самого Кришны. Послѣ того утомленный жизнью Юдиштира идетъ съ братьями и съ Драупади къ «Великій путь» (эти слова составляютъ заглавіе семнадцатой книги), и осмнадцатая книга «Достиженіе рая» заканчиваетъ поэму. Рассказъ «Семейство Кришны», повѣствующій о тѣхъ дѣлахъ и судьбахъ этого героя, который не рассказанъ въ Магабгаратѣ, названъ во многихъ изданіяхъ ея девятнадцатою книгою поэмы, но самъ себя называетъ не частью ея, а лишь «прибавленіемъ» къ ней.

Кромѣ героическаго сказанія о великой войнѣ между Куруидами и Пандундами, составляющаго основу и главное содержаніе Магабгараты, этотъ обширный эпосъ заключаетъ въ себѣ множество эпизодовъ, мѣтовъ и бесѣдъ, принадлежащихъ разнымъ временамъ и имѣющихъ очень не одинаковое достоинство. Въ древнихъ частяхъ состава поэмы, дѣйствующія лица — люди или сыновья боговъ, чувствующие и поступающіе какъ люди; мотивы дѣйствія — человѣческіе интересы, влеченія и страсти; въ позднѣйшихъ вставкахъ главныя дѣйствующія лица — боги въ образѣ людей, и подъ видимыми дѣлами скрывается глубокое, таинственное значеніе. Не человѣческая сила героизма въ борьбѣ съ судьбою, не земная жизнь съ ея потрясающими катастрофами привлекала къ себѣ фантазію поэтовъ браманскаго времени; для нихъ только божественное имѣетъ цѣну и истину; потому они низводятъ боговъ съ неба совершать въ волненіи земной жизни нравственные подвиги и дѣлаютъ людей лишь орудіями для ихъ намѣреній. Къ числу прекраснѣйшихъ и извѣстнѣйшихъ эпизодовъ Магабгараты принадлежатъ милые рассказы „Налъ и Дамаянти“, „Савитри“, и замѣчательный религіозно-философскій разговоръ „Бхагавадъ-Гита“ (Bhagavat-Gita), который послѣ сталъ считаться божественнымъ откровеніемъ и пользоваться такимъ же авторитетомъ, какъ Веды. О поэмѣ „Налъ и Дамаянти“ Августъ Вильгельмъ Шлегель говоритъ, что „едва ли можетъ быть что нибудь выше ея по пафосу и нравственной серьезности, по увлекательной силѣ въ изображеніи страстей, по возвышенности и нѣжности чувства“. Дамаянти и Савитри—такіе же примѣры супружеской любви, вѣрности и преданности, какъ Пенелопе. Вообще, индійскій эпосъ не уступаетъ греческому ни по высокой нравственности и глубокости мыслей, ни по художественному совершенству и нѣжности чувства.—Индійскій эпическій размѣръ — „слова“ (śloka), двустипхій, каждый изъ двухъ стиховъ котораго имѣетъ по 16 слоговъ и дѣлится на двѣ равныя половины, и въ которомъ преобладаетъ ямбъ.

Рамаяна.

Въ новыхъ жилищахъ на Гангѣ, подѣ разслабляющимъ вліяніемъ жаркаго климата и доставляемаго плодородною почвою изобилія, воинственный духъ, выказывающійся въ древнѣйшихъ частяхъ Магабгараты, замѣнился спокойствіемъ, любовью къ порядку и законности, энтузіазмъ чести и славы, ведущій къ военнымъ подвигамъ, къ отважнымъ предпріятіямъ, ослабѣлъ, заглушаемый чувствомъ обязанности, заботою о добродѣтели и нравственности; дѣятельный характеръ арійскаго героическаго періода былъ подавленъ пассивною жизнью въ мірѣ мысли и фантазіи, первобытная энергія инстинктивныхъ влеченій была ослаблена рефлексією. Эта перемена ужь видна въ другомъ великомъ эпосѣ, Рамаянѣ, который потому и должно считать принадлежащимъ времени болѣе позднему, чѣмъ сказаніе о битвѣ Куруидовъ съ Пандуидами, хотя герои Рамаяны живутъ нѣсколькими поколѣніями раньше великой битвы, и хотя войны въ ней ведутся не между аріискими племенами, а противъ дикихъ туземцевъ на югѣ Ганга, изображаемыхъ въ видѣ исполиновъ, обезьянъ и чудовищъ. Сами индійцы находятъ, что Рамаяна имѣетъ не такое происхожденіе, какъ другіе ихъ эпосы: всѣ эпическія произведенія древняго времени, то есть и Магабгарату и Пураны, между которыми есть очень обширныя, они приписываютъ одному поэту, Вьясѣ, а Рамаяну другому автору, Вальмики. Въ Рамаянѣ мы имѣемъ ужь тенденціозное произведеніе, пользующееся матеріаломъ древнихъ преданій съ опредѣленнымъ намѣреніемъ создать идеалъ героя по браманскимъ идеямъ. Позднѣе, въ смыслѣ той же тенденціи подвергнута была коренной переработкѣ и Магабгарата.

Рама—герой добродѣтели, въ которомъ находитъ полное выраженіе себѣ индійская мораль. Вѣрность данному слову, послушаніе и почтеніе къ родителямъ и царю, любовь и преданность между мужемъ и женою, братьями и сестрами, друзьями, богобоязненность и религіозное уваженіе къ браманамъ и къ подвижникамъ, самопожертвованіе и спокойная покорность судьбѣ—тѣ добродѣтели, которыя превозносятся выше всего и на которыхъ основывается истинная слава героя. Правда, въ Лакшманѣ, братѣ Рамы, находитъ проявленіе себѣ рыцарское чувство, мужественная гордость, самостоятельность, энергія, отважно низвергающая всякое сопротивленіе, отражающая всякую несправедливость; храбрымъ, „никогда не обращавшимся въ тылъ и павшимъ отъ ранъ, полученныхъ спереди“, обѣщается жилище на небѣ; но тѣмъ рельефнѣе обрисовывается этимъ контрастомъ и гораздо выше всего этого восхваляется сложившаяся по жреческому идеалу добродѣтель Рамы, его терпѣливая покорность всѣмъ ниспосланіямъ судьбы, благородство мыслей, высказывающееся множествомъ сентенцій и нравственныхъ разсужденій. Воинственный характеръ и военная слава являются въ поэмѣ на второмъ планѣ, на первомъ поставлены мягкія чувства: любовь, кротость, самоотреченіе; храбрость, энергія, рыцарское чувство достойны похвалы лишь, когда очищаются и освящаются этими добродѣтелями. Рама—только орудіе боговъ; его войны съ исполинами, мѣшающими жертвоприношеніямъ и пожирающими жрецовъ, и скотоподобными лѣсными существами, не свободные подвиги, предпринимаемые

по собственному влеченію, по самостоятельной отвагѣ, а дѣла, возлагаемые на него, исполняемые по обязанности, для распространенія почитанія небесныхъ силъ, для проложенія пути индійской культурѣ, индійскимъ учрежденіямъ, для подчиненія необузданныхъ дикарей индійскимъ обычаямъ и образованности.—„Дѣйствующія лица въ Рамаянѣ не живые историческіе образы, а лишь олицетворенія событій и состояній“, говоритъ Альбрехтъ Веберъ: „Съ самаго же начала, эта поэма переноситъ насъ въ область аллегорій“. Потому и подвиги въ ней не человѣческіе по своему характеру, и уже страдаютъ фантастическими преувеличеніями, безмѣрно утрировкой, составляющими существенныя черты позднѣйшей индійской поэзіи.—Въ Магабгаратѣ историческою основой эпоса служитъ завоеваніе равнины Ганга, въ Рамаянѣ—расширеніе аріискихъ владѣній на южный полуостровъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что въ этой поэмѣ есть древнія преданія, есть воспоминанія о первыхъ попыткахъ колонизаціи Декана и происходившихъ при этомъ ожесточенныхъ войнахъ, что святыя подвижники и мудрецы, возбуждавшіе Раму къ походу, помогавшіе ему и впоследствии, основавшіе святилища на тѣхъ мѣстахъ, по которымъ ступала нога его,—первые мирные распространители индійскихъ вѣрованій и учрежденій на югъ, положившіе начало будущимъ царствамъ и городамъ. Сита, похищеніе которой демономъ-исполномъ и освобожденіе изъ плѣна мужемъ ея, Рамою составляетъ главное содержаніе разсказа, должна считаться, по мнѣнію Альбрехта Вебера, олицетвореніемъ хлѣбопашенной борозды, то есть, представительницею аріискаго земледѣлія, а Рама, по его мнѣнію, „пахарь“.

СКАЗАНІЕ О ГЕРОѢ РАМѢ.

Въ Айодхѣ (Ayodhya; Аудъ) былъ царь *Дашарата* (Dāśaratha) изъ племени Рагавовъ (Rāghava), которые вели свой родъ отъ *Ману*, праотца людей, сына солнца. Дашарата имѣлъ отъ каждой изъ своихъ трехъ женъ по одному сыну: отъ *Каусалы* (Kausalya), родомъ изъ сосѣдней страны Косалы, былъ у него сынъ *Рама*, отъ *Кайкеи* (Kaikeyi), дочери богатаго князя Ашвапати (Ashvapati) на рѣкѣ Випасѣ въ восточномъ Пенджабѣ, былъ у него сынъ *Бгарата* (Bhārata), а отъ *Сумитры* (Sumitra) храбрый *Лакшмана*. Царь, тѣло котораго «въ тѣни желтаго зонтика» стало старо и утомлено, желаетъ покоя, и потому хочетъ, съ согласія собравшихся князей, передать бремя правленія своему первенцу Рамѣ (Rama), превосходящему всѣхъ людей геройствомъ, добродѣтелью и благочестіемъ. Радостно услышало собраніе рѣшеніе царя и одобрило его громкимъ кликомъ. Призываютъ Раму, сажаютъ на прекрасный царскій престолъ; его величественная походка, его благородство и красота восхитили всѣхъ бывшихъ тутъ, и отъ его блеска освѣтился весь дворецъ, какъ осенью блескъ луны освѣщаетъ ночь. На слѣдующій день будетъ торжество воцаренія.

Когда горбатая рабыня Кайкеи, Мантара (Mantara), увидѣла съ верхняго балкона городъ празднично украшеннымъ, и услышала отъ сіяющей радостью кормилицы Рамы причину торжества, то поспѣшила съ исполненнымъ гнѣвомъ и зависти сердцемъ къ своей госпожѣ, и стала уговаривать ее выпросить у царя, чтобы онъ отдалъ царство ея сыну Бгаратѣ, который тогда былъ въ гостяхъ у ея отца въ Раджагрихѣ (Rājagriha), въ странѣ Кекайѣ (Kekaya); а Раму царь пусть изгонитъ на четырнадцатъ лѣтъ въ лѣсъ Дандаку (Dandaka) на южномъ берегу Ганга. Кайкеи сначала не соглашается, говоря, что Рама обладаетъ всѣми добродѣтелями и всегда чтитъ ее какъ мать. Но коварная Мантара продолжаетъ возбуждать ея гордость и материнскую ревность, такъ что наконецъ она соглашается. Рабыня напоминаетъ ей, что когда она вывела тяжело ранен-

наго царя изъ смятенія битвы и спасла отъ смерти своимъ заботливымъ попеченіемъ, онъ обѣщался, что исполнить двѣ просьбы ея; теперь пришло для этого время. Царица хвалить вѣрность и преданность Мантары и уходитъ съ нею въ комнату гнѣва; тамъ, снявъ жемчугъ и дорогіе камни, и простершись на полъ, воскликнула она: «Здѣсь умру я, или Рама будетъ изгнанъ, а Бгарита освященъ». Когда царь услышалъ о печали ея, онъ поспѣшилъ къ своей супругѣ и съ нѣжностью любви спросилъ ее о причинѣ огорченія. Она сначала заставляла его обѣщать, что онъ сдѣлаетъ для нея то, чего желаетъ ея сердце; послѣ того, опираясь на данное нѣкогда имъ ей обѣщаніе исполнить двѣ ея просьбы, требуетъ, чтобы онъ освятилъ на царство ея сына Бгарату, а Раму изгналъ на четырнадцать лѣтъ въ дикій лѣсъ. При этихъ словахъ помутились мысли царя: «онъ обѣщѣлся, какъ когда олень внезапно увидитъ передъ собою тигра». Онъ старается отклонить свою супругу отъ ужаснаго требованія, но она объявляетъ ему: «Если ты освятишь Раму, то я выпью ядъ и умру здѣсь передъ твоими глазами». Ужаснувшись, осыпаетъ ее царь укоризнами, поношеніями и проклятіями; но ничто не колеблетъ ея, и тогда упалъ онъ «навѣ срубленное дерево», и лежалъ на полу безъ силы и безъ движенія, словно умирающій. Сложивъ руки на груди, умолялъ онъ ее потому отступить отъ ея просьбы, потому что онъ пойдетъ проклинаемый вселенною въ царство Ямы, если изгонитъ героя въ дикій лѣсъ; жизнь его иссохнетъ, какъ рисъ безъ воды, если Рама будетъ вдали отъ него; касаясь ногъ ея своею сѣдою головою, взывалъ онъ съ плачемъ о милосердіи. Но взывалъ напрасно. Она восклицала: «Если ты не сдержишь того, что обѣщалъ, покроетъ тебя вѣчный позоръ; вѣрность обѣщанію первая обязанность; помня о прежней твоей вѣрности обѣщаніямъ, не нарушь своего слова, государь, изгони Раму, твоего сына!» Изнуренный и съ блѣднымъ лицомъ упалъ Дашарата опять на полъ.

Когда Рама услышала объ этомъ отъ самой же Кайкеи, онъ тотчасъ объявилъ, что готовъ послѣдовать ея волѣ, «потому что нѣтъ обязанности, болѣе священной, и нѣтъ болѣе добродѣтели, какъ то, чтобы вѣрно исполнять слова отца, всегда повиноваться родителямъ». Почтительно преклонившись къ ногамъ ихъ обоимъ, онъ поспѣшно пошелъ проститься съ матерью и женою. Съ такимъ же свѣтлымъ и спокойнымъ лицомъ, какъ пришелъ, покинулъ онъ отцовскій дворецъ. Ни печаль и просьбы матери, ни упреки храброго, воинственнаго Лакшмана, который хотѣлъ оружіемъ защищать права брата, не могли отклонить Раму отъ его рѣшенія. Онъ сказалъ: повиновеніе отцу и вѣрное исполненіе даннаго разъ слова—первая обязанность. Съ благословеніями и молитвою отпустила мать благороднаго сына.

Тогда поспѣшила Рама къ своей женѣ Ситѣ (Sita), дочери царя Видеговъ, которая празднично украсила свой домъ для встрѣчи его въ торжественный его день. При видѣ ея, не могъ онъ долѣе сдерживать свою скорбь, «онъ поблѣднѣлъ и выраженіе лица его измѣнилось». Когда она услышала, зачѣмъ онъ пришелъ, она сказала, что твердо рѣшилась раздѣлять его жребій и жить съ нимъ въ лѣсу, потому что жена должна сопутствовать своему мужу и въ жизни и въ смерти. «Если нынѣ ты, о Рагава, хочешь идти въ дикій лѣсъ, то буду ломать я передъ тобою траву, чтобы ея острый стебель не укололъ тебя. Прекраснѣе великолѣпнѣе дворцовъ и блаженней небесной обители для жены всякое мѣсто, на которое падаетъ тѣнь ноги ея мужа. Послѣдовавъ за тобою, буду я счастлива въ зеленомъ лѣсу, храбрый герой. Безъ тебя не знаю я ни счастья, ни неба». Напрасно описываетъ ей Рама лишенія и опасности въ страшномъ лѣсу, исполненномъ рѣкъ и болотъ, въ которыхъ живутъ гавіалы и слоны, исполненномъ терновника, ползучихъ растений и травъ съ рѣжущими листьями, гдѣ гнѣзятся змѣи, жалятъ скорпіоны и осы, гдѣ пищею ему и ей будутъ дикіе плоды, постелью будутъ сухіе листья на землѣ. Она устояла въ своемъ намѣреніи: «Только тамъ, гдѣ ты, могу я быть счастлива; гдѣ не живешь ты, адъ. Тернія будутъ казаться мнѣ шелкомъ, иглы травъ будутъ какъ бархатъ прикосновенію моему, если послѣдую я за тобою, и пыль, которая будетъ кружиться около меня въ бурѣ, будетъ подобна благоуханнѣйшему сандалу для меня». Она умереть отъ яда или отъ печали, если онъ оставитъ ее, говорить

она. Растроганный Рама обнялъ плачущую и радостно согласился на ея просьбу дѣлать съ нимъ жизнь въ лѣсу. Лакшмана тоже не захотѣлъ покинуть брата.

Рама и Сита, глаза которой были «подобны глазамъ лани», роздали все, что имѣли, браманамъ, нищимъ и слугамъ, и простились съ опечаленнымъ царемъ. Они смиренно поцѣловали его ноги и обошли на-право около него; потомъ сѣли съ Лакшманою на колесницу, которая должна была увести ихъ изъ города Айодьи и Косальскаго царства. Весь городъ былъ въ волненіи, дѣти и старики бѣжали подлѣ колесницы, чтобы еще разъ взглянуть на лицо героя. Когда они доѣхали до границы, человѣческое чувство превозмогло волю Рамы, который до той минуты оставался спокоенъ въ своемъ самоотреченіи. «Когда буду я опять охотиться въ лѣсу на берегу Сараю?» (Сараю притокъ Гогры, называющійся нынѣ Сарджу) воскликнулъ онъ, обращаясь къ возникшему колесницы, Сумантрѣ: «Царственнымъ мудрецамъ высочайшее наслажденіе жизни—охота». На берегу священнаго Ганга переночевали Рама и Сита въ шалашѣ подъ роскошно-цвѣтущимъ деревомъ, а Лакшмана провелъ всю ночь у ствола этого дерева, на стражѣ, и слушалъ рассказы возникшаго о подвигахъ Рамы. Когда взошло, сіяя, утреннее солнце, они отослали обратно Сумантру съ колесницею, переправились въ челнокѣ черезъ рѣку и вступили въ пустынный лѣсъ. Сита спрашивала Раму о каждомъ незнакомомъ деревѣ, цвѣтѣ, кустикѣ. Наконецъ они остановились ночевать подъ стовѣтвенною смоковницею. «Такъ шли они много дней и перешли много рѣкъ и видѣли много чуждыхъ деревьевъ и застрѣлили много звѣрей въ лѣсу». Наконецъ они дошли до Чудной горы въ лѣсу, гдѣ еще не ступала человѣческая нога: природа была тамъ такъ величественна и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ мила, такъ оживлена всякими животными, что они рѣшили остаться тутъ, выстроили себѣ хижину и принесли жертву.

Между тѣмъ какъ Рама, Сита и Лакшмана вели идиллическую жизнь въ лѣсу, Дашарата горевалъ въ домѣ Каусальи, у которой поселился по отъѣздѣ Рамы. Мало по малу возвратилось въ нему сознаніе, котораго оставался онъ долго лишень, и ему припомнился совершенный въ молодости грѣхъ, которымъ навлекъ онъ на себя, какъ разсудилъ теперь, свое тяжкое горе, потому что «достающееся на долю человѣку, счастье ли, или несчастье,—воздаяніе ему за его дѣла». Онъ разбудилъ супругу и разсказалъ ей, что однажды въ отрочествѣ своемъ онъ «въ пріятное время дождей» пошелъ съ лукомъ и стрѣлами на Сараю, застрѣлить слона или какое другое лѣсное животное. Ночью услышалъ онъ шумъ, какъ будто наливаютъ кружки водою. Онъ подумалъ, что это молодой слонъ, пустил стрѣлу, и вдругъ раздался жалобный крикъ человѣка; онъ поспѣшилъ туда и увидѣлъ, что пронзилъ острымъ желѣзомъ грудь молодого подвижника, черпавшаго воду для своихъ слѣпыхъ родителей. Старикъ отецъ, когда Дашарата по его желанію привелъ его къ тѣлу, скорбно воскликнулъ: «Страданіе, которое испыталъ я, когда убито было мое единственное дитя, да испытаешь и ты въ часъ смерти твоей, князь»; послѣ того родители убитаго зажгли костеръ и сожглись вмѣстѣ съ сыномъ. «Это тяжкое проклятіе благочестиваго подвижника исполняется теперь», воскликнулъ Дашарата: «Отъ тоски по Рамѣ умру я: это страданіе изводитъ жизнь мою, какъ зной солнца каплю воды. Чувства мои исчезаютъ, подобно послѣдному мерцанію лампы». Такъ плакался у матери Рамы царь Дашарата, и умеръ. Когда на слѣдующее утро Каусальи увидѣла мертваго мужа, «огонь угасшій», то поздравила она Кайкею съ успѣхомъ ея замысла и объявила, что рѣшилась предать себя огню съ тѣломъ мужа.

Между тѣмъ тяжелыя сновидѣнія устрашаютъ Бгарату въ землѣ Кайкайской и дѣлаютъ его равнодушнымъ къ развлеченіямъ его товарищей. Приходятъ вѣстники матери и зовутъ его въ Айодью. Богато одаренный отъ дѣда шерстяными одѣялами и кожами, пестрыми и теплыми, и прекрасными слонами и конями, быстрыми ослами и сильными какъ тигръ собаками, но съ полнымъ тоскливаго предчувствія сердцемъ поспѣшно ѣдетъ онъ. Когда приблизился онъ къ отцовскому городу, ему внушаетъ безпокойство необычная тишина въ садахъ и на улицахъ. Онъ съ печальнымъ предчувствіемъ говоритъ: не благоухаетъ воздухъ куреніями ароматовъ и сандала, не звучатъ литавры и лютни, не разбросанъ рисъ для птицъ, не украшаютъ цвѣточныхъ рынковъ вѣнки, дома боговъ

пусты и не украшены; это означает не веселый праздник, это означает великое бѣдствіе. Кайкейи встрѣчаетъ его съ радостнымъ духомъ; и рассказала она ему, «какъ женщина, не чувствующая своей вины», о смерти отца, объ изгнаніи Рамы и о возведеніи его, Бгараты, на царскій престолъ. Но онъ сталъ горячо упрекать ее и назвалъ ее проклятою убійцею, обезчестившею царскій домъ. Напрасно убѣждаетъ его Сумантра взять бразды правленія, чтобы царство не оставалось безъ господина и не погибло отъ безпорядковъ; Бгарата не хочетъ одобреніемъ изгнанія Рамы принять соучастіе въ грѣхѣ; онъ объявляетъ народу свое рѣшеніе идти съ войскомъ въ лѣсъ и возвратитъ на царство Раму, «мужа-тигра».

Сопровождаемый Сумантрою, Бгарата приходитъ въ лѣсъ, гдѣ живутъ изгнанники. Всѣ отъ души поздоровались другъ съ другомъ и возложили изъ пригоршни жертву воды умершему отцу на цвѣтущемъ берегу рѣки (это рѣка Мандакини, тотъ южный притокъ Ямуны, на берегу котораго стоитъ крѣпость Каланджара); послѣ того Бгарата убѣждаетъ Раму не нарушать соблюдавшагося отъ Ману до Дашараты порядка, что старшій сынъ наследуетъ престолъ, и принять въ отеческое управленіе царство широкой земли. Но Рама отвѣчаетъ, что вѣрность — первая обязанность царя, на вѣрности покоится царская власть и все благое, потому онъ сдержитъ слово, данное отцу; то, что Дашарата обѣщалъ Кайкейи, должно быть исполнено: Бгарата долженъ возвратиться, быть царемъ въ Айодьѣ и ласково обращаться съ матерью; а онъ съ Ситою и Лакшmanoю проведетъ четырнадцать лѣтъ изгнанія въ лѣсу, гдѣ густолиственный кровъ дубовъ даетъ имъ тѣнь еще болѣе прохладную, чѣмъ царю «тѣнь желтаго зонтика». Бгарата не можетъ убѣдить его измѣнить это рѣшеніе, и проситъ у него вышитые золотомъ башмаки его, въ знакъ того, что Рама передаетъ ему царскую власть до своего возвращенія. И Рама снялъ башмаки и далъ ему. И Бгарата правилъ царствомъ, поставивъ передъ собою башмаки Рамы; это было символомъ того, что онъ правитъ, какъ намѣстникъ брата *).

Слѣдующія книги поэмы разсказываютъ о войнахъ Рамы съ исполинами и чудовищами юга. Вооруженный лукомъ и мечемъ Индры, Рама убиваетъ тысячи духовъ-исполиновъ (Ракшасовъ, Rakshasa) и возбуждаетъ этимъ гнѣвъ могущественнаго царя исполиновъ, Раваны, владычествующаго на островѣ Ланкѣ (Цейлонѣ). Въ отмщеніе за убитыхъ, Равана, заманивъ Раму далеко отъ его лѣснаго жилища и убивъ одареннаго чудесными качествами коршуна, охранявшаго это жилище, похищаетъ Ситу. Чтобы возвратитъ жену изъ плѣна, Рама вступаетъ въ союзъ съ обезьянами, или лѣсными людьми, то есть, съ дикими племенами туземнаго населенія Декана (Ракшасы, враждующіе противъ благочестивыхъ подвижниковъ, то же дикія племена туземцевъ). Пользуясь советами обезьяны-героя, Сугривы (Sugriva), Рама убиваетъ на материкѣ главнаго противника, страшнаго исполина Вали; другой союзникъ Рамы, царь обезьянъ Гануманъ (Hanuman), открываетъ, гдѣ находится теперь Сита, и Рама идетъ на Равану. Онъ переходитъ море у Рамесвары, по мосту, построенному изъ обломковъ скалъ обезьянами. Онъ бьется съ Раваною на одной изъ равнинъ острова. Оба бьются съ военныхъ колесницъ. Бой такъ ужасенъ, что дрожитъ земля. Равана, неодолимый ни богами, ни духами, могъ быть убитъ только человѣческою рукою. На седьмой день боя, Рама убиваетъ его. Сита освобождена. Она проходитъ чрезъ огонь въ доказательство того, что сохранила вѣрность мужу въ плѣну у царя исполиновъ; Рама отдаетъ Ланку въ управленіе брату Раваны, и, прославляемые радостными богами, Рама и Сита покидаютъ островъ. Между тѣмъ прошли четырнадцать лѣтъ изгнанія, и Рама можетъ возвратиться въ Айодью. Онъ восходитъ на отцовскій престолъ и царствуетъ долго; онъ правитъ мудро и справедливо; его царствованіе славится, какъ золотой вѣкъ:

«Радостенъ теперь міръ, счастливъ, доволенъ, силенъ, вѣренъ справедливости, покоится въ весельѣ, свободный отъ горя, равно далекій отъ вражды и отъ неудовлетворенности желаній».

*) На этомъ кончается переводъ принадлежащаго второй книгѣ Рамаяны разсказа, сдѣланный Гольцманомъ.

4. Аріицы на Гангѣ и индійская культура.

1) Касты и браманство.

Завоеваніемъ страны по Гангу были основаны аріискія государства, населеніе которыхъ состояло изъ двухъ сословій, разнившихся одно отъ другаго по юридическому и матеріальному положенію: новые поселенцы, побѣдители, захватили себѣ и землю, и почетъ, и власть; а туземцы, побѣжденные, были повергнуты въ презрѣніе и униженіе, обращены въ рабство или по крайней мѣрѣ въ зависимое состояніе, или, оттѣсненные въ лѣса и горы, вели тамъ въ бездѣйствіи мысли скучную жизнь безъ всякой культуры. Покоренные силою меча, подверглись участи плѣнниковъ, стали просто рабами; а покорившіеся добровольно, отрeksiеся отъ отцовскихъ боговъ, принявшіе языкъ, законы и обычаи побѣдителей, сохранили личную свободу, но утратили всю поземельную собственность и должны были жить работниками въ помѣстьяхъ аріицевъ, слугами и носильщиками въ домахъ у богатыхъ людей. Ихъ называли шудрами (sudra); это слово не санскритское; оно первоначально было, вѣроятно, названіемъ народа. Аріицы считали ниже своего достоинства вступать съ ними въ брачные союзы. Шудрійскія женщины были у аріицевъ только наложницами. Съ теченіемъ времени, между самими пришельцами образовались очень рѣзкія различія состояній и профессій; но по отношенію къ темнокожему, покоренному туземному населенію они всѣ оставались образующими одинъ классъ, привилегированный разрядъ людей: только они имѣли право читать священныя книги; только они были освящаемы торжественнымъ обрядомъ: на аріица былъ возлагаемъ священный шнуръ, дѣлавшій его «возрожденнымъ» (дважды рожденнымъ, двиджа); это было отличіемъ всѣхъ аріицевъ отъ шудръ и прогнанныхъ въ лѣса, презираемыхъ племенъ *).

«Дважды рожденные» аріицы съ теченіемъ времени раздѣлились по различіямъ занятій и происхожденія на три сословія или касты, имѣющія сходство съ тремя сословіями средневѣковой Европы; говоря о кастахъ въ отдѣлѣ о Египтѣ, мы уже замѣчали, что онѣ напоми-

*) «Освященіе», говоритъ Бенфей, «совершается возложеніемъ шнура, который носить положеннымъ на лѣвое плечо и опускающимся наискось по груди. У брамановъ шнуръ можетъ быть возлагаемъ на мальчика отъ 8 до 15 лѣтъ; и онъ сдѣланъ изъ хлопчатобумажной пряжи; у кшатрій, получающихъ его не раньше 11 года, онъ дѣлается изъ куши (куса, индійское прядильное растеніе), а у вайшій, получающихъ его не раньше 12-таго года, онъ шерстяной».

нають дѣленіе средневѣковаго христіанскаго общества на духовенство, дворянство и среднее сословіе. Зародыши кастоваго устройства у арійцевъ существовали еще въ тѣ времена, когда они жили только въ бассейнѣ Инда: тамъ изъ массы земледѣльческаго и пастушескаго населенія ужь выдѣляются воинственные князья племенъ, окруженные людьми, искусными въ военномъ дѣлѣ, и жрецы, совершающіе обряды жертвоприношеній. При переселеніи племенъ въ страну Ганга, воинственная энергія возросла въ кровопролитныхъ войнахъ съ истребляемыми туземцами, потомъ въ ожесточенной борьбѣ между арійскими племенами. Пока завоеванія не завершились, весь народъ былъ занятъ военнымъ дѣломъ. Только когда началось мирное обладаніе завоеванною страной, стало возможно развиваться разнообразію занятій, явилась возможность выбора между разными профессіями. Плодородіе земли возбуждало влеченіе къ мирному добыванію средствъ жизни, и быстро развилась врожденная арійцамъ склонность, по которой спокойно трудиться и пользоваться плодами своего труда было для нихъ пріятнѣе, чѣмъ дѣлать тяжелыя военныя усилія. Потому значительная часть поселенцевъ («вишей», *viś*) обратилась къ земледѣлію, дававшему изобильные урожаи, предоставила борьбу съ врагами и охраненіе страны князьямъ племенъ и образовавшемуся въ періодъ завоеваній военному дворянству. Это сословіе, занимавшееся землепашествомъ и отчасти пастушествомъ, скоро разрослось такъ, что и у арійцевъ, какъ въ Западной Европѣ, образовало собою огромное большинство населенія; потому названіе вайшья (*vaīśya*) «поселенецъ», первоначально обозначавшее всѣхъ арійскихъ жителей въ новыхъ областяхъ, стало обозначать только людей третьяго, трудящагося сословія, а воины, кшатріи (*kshatriya*) и жрецы, браманы («молящіеся»), ставшіе съ теченіемъ времени привилегированными сословіями, сдѣлали названія своихъ профессій названіями своихъ сословій.

Вайшья.

Вайшья, земледѣльцы и пастухи, по самому характеру своихъ занятій, не могли равняться съ высшими сословіями опрятностью и были не такъ хорошо одѣты; проводя день въ трудѣ, они не имѣли досуга ни для пріобрѣтенія образованности, ни для праздныхъ занятій военнаго дворянства; потому скоро стали считаться людьми неравноправными жрецамъ и воинамъ, людьми иной касты. Простолудинъ не имѣлъ воинственныхъ сосѣдовъ, которые угрожали бъ его имуществу, ему не были нужны мечъ и стрѣлы; онъ съ женою и дѣтьми спокойно жилъ на своемъ клочкѣ земли, предоставлялъ военному сословію охраненіе страны отъ внѣшнихъ враговъ и отъ внутреннихъ безпорядковъ, и за дѣлами мира скоро отвыкъ отъ оружія и военнаго искусства. Когда, съ развитіемъ культуры, формы и потребности быта стали разнообразнѣе, когда деревенская простота одежды и пищи, жилищъ и домашнихъ принадлежностей стала не нравиться, когда

торговля съ иноземцами стала приносить богатство и роскошь, то многіе вайшья обратились къ занятію ремеслами, промышленностью, торговлей, отдачею денегъ въ проценты; но общественное положеніе ихъ отъ этого не повысилось. Какъ въ средневѣковой Европѣ горожане принадлежали по своему происхожденію не къ высшимъ сословіямъ, а къ простонародью, такъ и въ многолюдныхъ городахъ, возникшихъ въ Индіи около царскихъ и княжескихъ дворцовъ, большинство населенія составляли вайшья. Но имъ не было простора для самостоятельнаго развитія: надъ ремесленниками и торговцами въ Индіи тяготѣло презрѣніе высшихъ сословій; сколько бы ни пріобрѣтали богатства вайшья въ большихъ, великолѣпныхъ, роскошныхъ столицахъ или въ торговыхъ приморскихъ городахъ, они не получали никакого соучастія въ почестяхъ и славѣ дворянства, въ образованности и авторитетности жрецовъ и ученыхъ. Высшія нравственныя блага жизни были недоступны имъ; имъ былъ предоставленъ только кругъ физической и механической дѣятельности, кругъ матеріальнаго и рутиннаго; и хотя имъ было дозволено, даже поставлено въ обязанность читать Веды и юридическія книги, но они оставались устранены отъ высшей умственной жизни націи. Наслѣдственная цѣль приковывала вайшью къ отцовскому участку земли или промыслу; доступъ къ военному сословію или къ браманской кастѣ былъ на-вѣки прегражденъ ему.

Почетнѣе было положеніе касты воиновъ (кшатріи, *kshatriya*), особенно въ желѣзные времена завоеванія и первыхъ поколѣній по завоеванію, когда все было рѣшаемо мечемъ и воинственною энергіею, когда царь былъ только полководцемъ, когда законъ и обычай держались только охраною оружія. Было время, когда кшатріи стремились стать первенствующимъ сословіемъ, и въ темныхъ преданіяхъ еще сохранились слѣды воспоминаній о великой войнѣ между воинами и браманами, когда «нечестивыя руки» дерзнули коснуться священнаго, богоустановленнаго величія духовенства; преданія говорятъ, что браманы вышли изъ этой борьбы побѣдителями при помощи боговъ и героя брамановъ, Рамы, и что нечестивцы подвергнуты были ужаснѣйшимъ наказаніямъ. За временами завоеваній должны были слѣдовать мирныя времена; тогда услуги воиновъ стали ненужны, и значеніе военнаго сословія уменьшилось; а стремленію брамановъ сдѣлаться первымъ сословіемъ эти времена благопріятствовали. Но тѣмъ прочнѣе и рѣшительнѣе удержались воины на степени втораго по своей почетности сословія. Гордые славою предковъ, подвиги которыхъ восхвалялись въ героическихъ пѣсняхъ, наслѣдованныхъ отъ старины, проникнутые чувствомъ собственнаго достоинства и сознаніемъ своей силы, какое даетъ людямъ военная профессія, кшатріи держали себя въ строгой обособленности отъ вайшій, у которыхъ не было знатныхъ предковъ, и съ презрѣніемъ смотрѣли на ихъ трудовую, моно-

Кшатріи.

тонную жизнь. Браманы, упрочивъ за собою первенство надъ кшатріями, благопріятствовали сословной замкнутости ихъ, находя ее выгодною для себя; а кшатріи, вмѣстѣ съ землями и привилегіями, родовою гордостью и военною славою, передавали по наслѣдству своимъ сыновьямъ и почтеніе къ духовенству. Отдѣленные своимъ воспитаніемъ, военными упражненіями и образомъ жизни и отъ брамановъ и отъ вайшій, кшатріи были рыцарскою аристократіею, сохранявшею воинственные обычаи старины при измѣнившихся условіяхъ общественной жизни, внушавшею своимъ дѣтямъ гордую вѣру въ чистоту крови и въ родовое превосходство; огражденные наслѣдственностью правъ и сословною замкнутостью отъ вторженія чуждыхъ элементовъ, кшатріи составляли фалангу, не допускавшую въ свои ряды простолюдиновъ. Получая щедрое жалованье отъ царя, снабжаемые отъ него оружіемъ и всѣмъ надобнымъ для военнаго дѣла, кшатріи вели беззаботную жизнь. Кромѣ военныхъ* упражненій, у нихъ не было никакого дѣла; потому въ мирное время — а въ спокойной долигѣ Ганга время шло большею частью мирно — они имѣли много досуга веселиться и пировать. «Въ кругу этихъ родовъ», говоритъ Дункеръ, «сохранялась память о славныхъ дѣлахъ предковъ, о жаркихъ битвахъ старины; пѣвцы царей и вельможескихъ родовъ пѣли на жертвенныхъ праздникахъ и на похоронныхъ обѣдахъ старыя пѣсни, или слагали въ прославленіе своихъ покровителей новыя; изъ этихъ пѣсней постепенно выросъ индійскій эпосъ».

Браманы.

Первую и самую вліятельную касту составляли жрецы, первоначальное названіе которыхъ «пурогита» (purohita), «домашніе жрецы» царя, въ странѣ Ганга замѣнилось новымъ: браманы (brahmana). Еще на Индѣ были такіе жрецы, — наримѣръ, Васишта (Vasishta), Вишвамित्रа (Vishvamitra) — о которыхъ народъ полагалъ, что ихъ молитвы и совершаемыя ими жертвоприношенія имѣютъ силу, и которые поэтому пользовались особеннымъ уваженіемъ; выгода всего племени требовала, чтобъ ихъ священныя пѣсни, ихъ способы совершенія обрядовъ, ихъ ученія были сохраняемы. Вѣрнѣйшимъ средствомъ къ этому было, чтобы наиболѣе уважаемые жрецы племени передавали свое знаніе сыновьямъ или ученикамъ; такимъ образомъ возникли жреческіе роды; составляя школы или корпораціи, они сохраняли устнымъ преданіемъ молитвы, гимны, священныя знанія. Сначала у каждаго племени былъ свой жреческій родъ; наримѣръ, у Кошалъ — Васиштиты, у Анговъ Гаутамы. Но когда племена, привыкнувъ жить въ мірѣ между собою, соединялись въ одно государство, то жреческіе роды ихъ вступали въ товарищество между собою, заимствовали другъ у друга молитвы и гимны; вѣроученія и священныя пѣсни разныхъ жреческихъ школъ становились общимъ достояніемъ всего товарищества. Эти пѣсни и ученія, существовавшія сначала только въ устномъ преданіи, были, по введеніи письменныхъ

знаковъ, записаны и собраны; такъ возникли Веды, то есть «знанія», сборникъ священныхъ пѣсней и призываній боговъ, именуемый Ригведомъ, и два слѣдующіе сборника жертвенныхъ формулъ, молитвъ и богослужебныхъ постановленій, Самаведа и Яджурведа.

Индійцы придавали большую важность тому, чтобы жертвенныя приношенія совершались правильно, и въ призываніяхъ боговъ не было дѣлаемо ошибокъ; это очень благопріятствовало возникновенію особой жреческой корпораціи; когда богослужебные обряды и молитвы были записаны, условіемъ того, чтобы жертвы и обряды были пріятны богамъ, сдѣлалось точное знаніе и соблюденіе предписанныхъ правилъ и законовъ, изучать которыхъ можно было только подъ руководствомъ старыхъ жреческихъ родовъ; это необходимо отдавало совершеніе жертвъ и богослуженія въ исключительное завѣдываніе жрецовъ, совершенно прекращало непосредственныя отношенія мірянъ къ богамъ: лишь тѣ, кто былъ наученъ жрецомъ-наставникомъ, — сынъ или воспитанникъ жреца, — могъ теперь совершать жертву должнымъ способомъ, дѣлавшимъ ее, какъ извѣдано по опыту, пріятною богамъ; только онъ могъ доставить божію помощь. «Знаніе старыхъ пѣсней, которыми предки на прежней родинѣ чтили боговъ природы, знаніе обрядовъ, сопровождавшихъ эти пѣсни, все рѣшительнѣе становилось исключительнымъ достояніемъ жрецовъ, праотцы которыхъ сложили эти пѣсни и въ родѣ которыхъ и по наслѣдству передавались онѣ», говоритъ Альбрехтъ Веберъ: «Достояніемъ жрецовъ оставались и преданія, соединенныя съ богослуженіемъ, необходимыя для пониманія его. Принесенное изъ родины облачается таинственнымъ священнымъ значеніемъ въ смыслахъ переселенцевъ; такимъ образомъ, наслѣдственные пѣвцы стали наслѣдственными жрецами, значеніе которыхъ возросло по мѣрѣ того, какъ народъ удалялся отъ родины и, занятый военными дѣлами, забывалъ свои старыя учрежденія». Народъ сталъ считать жрецовъ посредниками между людьми и богами; когда въ странѣ Ганга начались мирныя времена, и забота объ исполненіи религіозныхъ обязанностей стала важнѣйшимъ дѣломъ жизни, установившееся въ народѣ понятіе о значеніи жрецовъ должно было возбудить въ нихъ гордую мысль, что сословіе, исполняющее священнѣйшія обязанности, проводящее свою жизнь въ служеніи богамъ, имѣетъ право занимать первое мѣсто въ обществѣ и государствѣ. Духовенство стало замкнутою корпораціею, доступъ въ нее былъ закрытъ людямъ другихъ сословій; жрецы должны были брать женъ только изъ своего сословія; они приучили весь народъ признавать, что сыновья жреца, рожденные въ законномъ бракѣ, владѣютъ по самому происхожденію своему правомъ быть жрецами, способностью совершать жертвы и моленія, угодныя богамъ. Такимъ образомъ возникла жреческая каста, строго обособленная отъ кшатрій и вайшій, поставленная силою своей сословной гордости и религіозностью народа на высшую ступень почета, захватившая науку, религію, всю образованность въ монополію себя; съ теченіемъ времени, она привыкла думать, что она на столько же выше остальныхъ арійцевъ, на сколько они считали себя выше шудръ и остатковъ дикихъ племенъ. На улицѣ, на рынкѣ разница кастъ была видна ужъ по матеріалу и формѣ одежды, по величинѣ и формѣ трости. Браманы выходили изъ дома не иначе, какъ съ бамбуковою тростью, съ сосудомъ воды для очищеній, со священнымъ шнуромъ черезъ плечо.

Возростаніе
могущества
жрецовъ.

Сословія сдѣлались совершенно замкнутыми кастами лишь, когда надъ служеніемъ Индрѣ и другимъ богамъ природы возвысилось

Развитіе дѣла-
нія народа на
касты.

ніе о Брамѣ, душѣ вселенной, источникѣ жизни, изъ котораго произошли и въ который возвратятся всѣ существа. Это вѣроученіе, которое будетъ изложено нами въ слѣдующемъ отдѣлѣ, придадо религиозную святость дѣленію націи на касты, и въ особенности жреческой кастѣ; оно говорило, что въ круговоротѣ формъ жизни, проходящихъ всѣмъ существующимъ на землѣ, браманъ—самая высшая форма бытія. По догмату возрожденія и переселенія душъ, существо, рождающееся въ человѣческомъ видѣ, должно пройти поочередно всѣ четыре касты: быть шудрою, вайшьёю, кшатріёю и напоследокъ браманомъ; прошедши эти формы бытія, оно воссоединяется съ Брамию; единственный путь къ достиженію этой цѣли состоитъ въ томъ, чтобы человѣкъ, постоянно стремясь къ божеству, въ точности исполнялъ все, заповѣданное браманами, чтить ихъ, радовалъ дарами и знаками уваженія. Проступки противъ брамановъ, тяжко наказываемые и на землѣ, подвергають нечестивцевъ ужаснѣйшимъ мученіямъ ада и возрожденію въ формахъ презираемыхъ животныхъ. Вѣрованіе въ зависимость будущей жизни отъ настоящей было главною опорою владычества жрецовъ; чѣмъ рѣшительнѣе ставило духовенство догматъ переселенія душъ центромъ всего нравственнаго ученія, чѣмъ успѣшнѣе наполняло оно фантазію народа страшными картинами адскихъ мученій, тѣмъ больше почета и вліянія пріобрѣтало оно. Жрецы близки къ богамъ; они знаютъ путь, ведущій къ Брамѣ; ихъ молитвы, жертвы, святые подвиги ихъ аскетизма имѣють магическую власть надъ богами, боги принуждены исполнять ихъ волю; отъ нихъ зависитъ блаженство и страданіе въ будущей жизни. Неудивительно, что съ развитіемъ религиозности у индійцевъ возростало могущество жрецовъ, неумолимо восхвалявшихъ въ своихъ святыхъ поученіяхъ почтительность и щедрость къ браманамъ, какъ вѣрнѣйшіе способы получить блаженство, внушавшихъ царямъ, что правитель обязанъ имѣть своими совѣтниками и дѣлать судьями брамановъ, обязанъ награждать ихъ службу богатымъ содержаніемъ и благочестивыми подарками. Чтобы низшія касты не завидовали привилегированному положенію брамановъ и не старались вытѣснить ихъ изъ него, было выработано и усердно проповѣдуемо ученіе, что формы жизни для всѣхъ существъ предопредѣлены Брамию *), и что ходъ по степенямъ человѣческихъ возрожденій совершается только спокойною, мирною жизнью въ данномъ человѣку положеніи, вѣрнымъ

*) Такъ, на примѣръ, въ одной изъ древнѣйшихъ составныхъ частей Магабхараты говорится: «Когда Брама создавалъ существа, онъ далъ имъ ихъ занятія, каждому цвѣту особую дѣятельность: браманамъ изученіе высокихъ Ведъ, воинамъ геройство, вайшьямъ искусство труда, шудрамъ покорность передъ другими цвѣтами: потому достойны порицанія несвѣдующіе браманы, неславные воины, не искусные вайшны и непослушные шудры».

исполненіемъ обязанностей. Этотъ догматъ, приписывавшій каждому сословію, каждой профессіи божественное происхожденіе, утѣшавшій униженныхъ и презираемыхъ въ обидахъ и лишеніяхъ ихъ настоящей жизни надеждою на улучшеніе ихъ судьбы въ будущемъ существованіи, давалъ іерархіи кастъ религиозное освященіе. Раздѣленіе людей на четыре сословія, не равныя по своимъ правамъ, было съ этой точки зрѣнія вѣчнымъ, неизмѣннымъ закономъ, нарушеніе котораго—преступнѣйшій грѣхъ. Люди не имѣють права низвергать преграды, установленныя между ними самимъ богомъ; улучшенія своей судьбы они могутъ достигать лишь терпѣливою покорностью. Взаимныя отношенія между кастами наглядно характеризованы были ученіемъ, что Брама произвелъ брамановъ изъ устъ своихъ, кшатрій изъ рукъ, вайшій изъ лядвій, шудръ изъ ступней ногъ, потому сущность природы у брамановъ «святость и мудрость», у кшатрій «власть и сила», у вайшій «богатство и прибытокъ», у шудръ «служеніе и покорность» *). Такимъ образомъ, индійскій народъ былъ приведенъ своею исторіею, своими склонностями и обычаями къ тому, что подпалъ подъ иго іерархіи кастъ, превратившей сословія и профессіи въ чуждыя другъ другу племена, заглушившей всѣ человѣческія стремленія, всѣ задатки гуманности.

Жрецы всѣми силами старались осуществить на практикѣ теорію кастъ; но условія дѣйствительности противопоставляли такіе препятствія ихъ стремленію, что они не могли строго провести въ жизнь принципъ раздѣленія занятій между кастами. Въ особенности трудно было браманамъ найти средства жизни для себя и своихъ семействъ, ограничиваясь лишь тѣми занятіями, которыя спеціально принадлежали ихъ кастѣ. Они были не монахи, которые берутъ въ свое сословіе лишь такое число людей, какое нужно. Они вели семейную жизнь и размножались; потому неизбежно было, что многія браманскія семейства обѣднѣли; а содержанія отъ государства каста брамановъ не получала; потому обѣднѣвшія браманскія семейства подвергались нищетѣ **). Правда, нѣкоторые браманы вели подвижническую и отшельническую жизнь въ лѣсу, въ горахъ, у священныхъ озеръ; другіе были астрономами, юрисконсультами, администраторами, судьями и получали хорошія средства къ жизни отъ этихъ почетныхъ занятій; многіе были вѣроучителями, истолкователями священныхъ книгъ, и получали содержаніе отъ своихъ многочисленныхъ учениковъ, были жре-

Практическое
примѣненіе за-
коновъ о кас-
тахъ.

*) Ученіе о происхожденіи «цвѣтовъ» (кастъ) изъ разныхъ частей высочайшаго существа излагается въ одномъ изъ гимновъ послѣдней, самой новой книгъ Ригведы; въ болѣе древнихъ пѣсняхъ Ригведы этихъ понятій нѣтъ. По словамъ Гауга, браманы придаютъ этому гимну чрезвычайно важное значеніе и каждый истинно-вѣрующій браманъ читаетъ его каждое утро, совершивъ омовеніе; это дипломъ, которымъ браманы узаконили свои привилегіи, свое владычество.

**) Въ Магабхаратѣ говорится, что Дрона и его сынъ Ашваттаманъ были браманы, но по бѣдности принуждены были заняться военнымъ ремесломъ. Въ позднѣйшихъ вставкахъ, они подвергаются за это сильному порицанію.

цами, служителями при храмахъ, жили подарками отъ приносившихъ жертвы и вообще отъ набожныхъ людей; но каково бы ни было число брамановъ, находившихъ себѣ средства жизни въ этихъ занятіяхъ, мы видимъ изъ законовъ Ману и изъ другихъ источниковъ, что было множество брамановъ, жившихъ только милостынею или кормившихъ себя и свои семейства занятіями, неприличными ихъ кастѣ. Потому законъ Ману усердно заботится внушить царямъ и богатымъ людямъ, что на нихъ лежитъ священная обязанность быть щедрыми къ браманамъ, позволяетъ браманамъ просить милостыню, позволяетъ имъ добывать себѣ пропитаніе занятіями кшатрій и вайшій: браманъ можетъ кормиться земледѣліемъ и пастушествомъ; можетъ жить «правдою и ложью торговли»; но ни въ какомъ случаѣ не долженъ жить отдачею денегъ въ ростъ или соблазнительными искусствами, каковы музыка и пѣніе; не долженъ заниматься въ работники, не долженъ торговать опьяняющими напитками, коровьимъ масломъ, молокомъ, кунжутомъ, льняными или шерстяными тканями. Тѣмъ кшатріямъ, которые не могутъ прокормиться военнымъ ремесломъ, законъ Ману тоже позволяетъ заниматься дѣлами вайшій, а вайшьямъ онъ дозволяетъ кормиться занятіями шудръ. Но все это были только уступки, вынуждаемыя необходимостью. Несоотвѣтствіе занятій людей съ ихъ кастами повело со временемъ къ распаденію кастъ на разные подраздѣленія. Снисходительно дозволяя высшимъ кастамъ кормиться профессіями низшихъ, законъ Ману строго запрещаетъ низшимъ кастамъ братья за профессію высшихъ: эта дерзость должна быть наказываема отнятіемъ имущества и изгнаніемъ. Только шудра, который не находитъ себѣ работы по найму, можетъ заниматься ремесломъ; но не долженъ приобрѣтать богатства, чтобы не сдѣлаться надменнымъ противъ людей другихъ кастъ, передъ которыми обязанъ смиряться.

Чандалы—паріи.

Шудры были чужды другимъ кастамъ, какъ люди неарійскаго происхожденія, были обязаны служить высшимъ сословіямъ, были исключены отъ участія въ религіозныхъ учрежденіяхъ націи, не могли читать Ведъ, бывать на торжественныхъ жертвоприношеніяхъ, не имѣли священнаго шнура; но покорившись браманскимъ учрежденіямъ, принявъ браманскую религію и послушно исполняя браманскія постановленія, они все-таки имѣли права, имѣли опредѣленное юридическое положеніе. Но и въ бассейнѣ Ганга, и въ Деканѣ, гдѣ браманская культура распространилась болѣе путемъ мирной колонизаціи и жреческихъ миссій, чѣмъ силою завоеванія, были остатки племенъ, по врожденной тупости ума или по упрямству не принявшихъ или не вполне принявшихъ браманскія учрежденія, обычаи и вѣрованія, потому глубоко презираемыхъ аріицами. Наиболѣе сносно было положеніе тѣхъ изъ нихъ, которые въ дѣсахъ и ущельяхъ горъ продолжали жить по обычаямъ отцовъ дикарями. Хуже была судьба большинства тѣхъ, которые жили въ деревняхъ и въ предмѣстьяхъ городовъ подъ владычествомъ аріицевъ, и были употребляемы на презрѣннѣйшія работы, безчестныя для дваждырожденныхъ, слишкомъ низкія даже для шудръ. Но и эти племена были раздѣлены на разные разряды; доказательствомъ тому служить,

что индійцы, произошедшіе отъ браковъ между людьми разныхъ кастъ, потому бывшіе нечистыми и извергнутыми изъ кастъ, были причисляемы одни къ однимъ изъ этихъ презираемыхъ классовъ, другіе къ другимъ. Такъ напримѣръ, люди, происходящіе отъ брака брамана съ дочерью вайшьи, становятся, по закону Ману, амбаштами (Ambashtha; это были погонщики слоновъ и служители хирурговъ); отъ брака брамана съ дочерью шудры происходятъ нишады (Nishada); отъ брака брамана съ дочерью амбашты происходятъ абгирры (Abhira) и т. д. Строже всего былъ запрещенъ бракъ мужчины изъ касты шудръ съ браманкою, «потому что упавшее на хорошую землю злое сѣмя приноситъ плоды еще болѣе гибельные, чѣмъ упавшее на худую землю». Дѣти отъ такого брака были причисляемы къ чандаламъ (Candala), «презрѣннѣйшимъ изъ смертныхъ»; въ Рамаянѣ о чандалахъ говорится, что они существа, черныя какъ обезьяны, красноглазые, прикрывающія себя грязною одеждою или медвѣжьими шкурами. По индійскому закону, они были лишены всякихъ человѣческихъ правъ: они должны жить внѣ городовъ и деревень; встрѣча съ ними оскверняетъ брамана, потому они могутъ бывать въ городахъ или деревняхъ лишь при дневномъ свѣтѣ и должны бить палкою о палку, въ извѣщеніе о томъ, что они тутъ, чтобы можно было уклоняться отъ встрѣчи съ ними; они должны носить только одежду, остающуюся послѣ умершихъ; должны употреблять только разбитую посуду; носить украшенія только желѣзные; подъ страхомъ тяжелаго наказанія, имъ запрещено дотрогиваться до другихъ людей; милостыню должны подавать имъ только служители, на черепкахъ; они хоронятъ умершихъ, у которыхъ нѣтъ родни; они прислужники палачей; имъ отдается одежда и постель казненныхъ преступниковъ; они должны вытаскивать изъ городовъ дохлыхъ животныхъ. Они ѣдятъ собакъ; остатки приносимыхъ въ жертву животныхъ бросаютъ на землю «для собакъ, чандалъ и воронъ». Изъ бассейна Ганга, это презрѣніе къ уцѣлѣвшимъ племенамъ неарійскаго населенія было перенесено и въ Деканъ, гдѣ въ такое же положеніе, какъ чандалы на Гангѣ, были поставлены паріи (Paria), имя которыхъ, не встрѣчающееся въ законѣ Ману, стало у европейцевъ служить названіемъ всѣхъ презираемыхъ аріицами классовъ людей, «нечистыхъ» людей. Слово парія не санскритское, а тамильское; тамилы называютъ паріями и потомковъ древнѣйшаго, до-дравидійскаго населенія, и индійцевъ, исключенныхъ изъ кастъ.

Положеніе рабовъ было менѣе тяжело. Эпическія и драматическія произведенія индійской поэзіи показываютъ, что аріицы обращались съ рабами кротко, что многіе рабы пользовались большимъ довѣріемъ своихъ господъ, занимали вліятельныя положенія. Рабами были: тѣ шудры, чьи предки подверглись этой участи при завоеваніи страны; военнопленные индійцы изъ непріятельскихъ государствъ; люди,

Рабы.

Раздробленіе
касты на отдѣ-
лы.

купленные у торговцев; неисправные должники, отданные судьями въ невольники кредиторамъ. Рабовъ и рабынь продавали на рынкѣ, какъ товаръ. Но никто не могъ имѣть рабомъ человѣка изъ касты болѣе высокой, чѣмъ его собственная.

Раздѣленіе людей по происхожденію и по профессіямъ становилось съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе рѣзкимъ, каждый отдѣлъ становился все болѣе обособленнымъ, число отдѣловъ все возростало. При вошедшемъ въ обычай многоженствѣ, законъ сначала позволялъ брать въ число женъ дѣвушку изъ низшей касты; ея дѣти получали меньшую долю наслѣдства, но имѣли сословныя права. Впослѣдствіи людьми чистой касты стали считать только тѣхъ, у кого и отецъ и мать принадлежатъ къ одной кастѣ; дѣти отъ браковъ между людьми разныхъ кастъ были причисляемы или къ шудрамъ или къ какому нибудь изъ низшихъ подраздѣленій другихъ кастъ; и число этихъ подраздѣленій все росло *). Въ кастѣ вайшій разрозненность по различію ремеслъ дошла до того, что каждое ремесло обособилось въ замкнутую корпорацію, подобную кастѣ; въ каждой изъ этихъ корпорацій установился обычай брать женъ только изъ семействъ того же ремесла и передавать ремесло сыновьямъ. Такимъ образомъ раздробленность націи была доведена до такого крайняго развитія, что теперь въ Индіи находится болѣе чѣмъ сорокъ наслѣдственныхъ кастъ; это распадѣніе людей на разныя племена, живущія перемѣшанно повсюду, должно было остановить кровообращеніе національной жизни, прекратить бѣженіе сердца ея. Размноженіе числа людей низшихъ и нечистыхъ кастъ увеличивало важность высшихъ и чистыхъ; потому браманы придавали все болѣе и болѣе строгости правиламъ объ исключеніи изъ чистыхъ кастъ, выключили изъ нихъ всѣхъ сплошь дѣтей, рожденных отъ брака между людьми разныхъ кастъ, и помогали возникновенію новыхъ кастъ съ наслѣдственностью промысловъ и профессій. Когда закономъ признано, что происхожденіе даетъ привилегіи, развитіе этихъ привилегій идетъ безпредѣльно; потому въ Индіи постоянно образовывались новыя касты; и даже цѣлыя аріійскія племена, отставшія отъ развитія браманскихъ учреждений и вѣрованій, были причислены къ «дасью», къ племенамъ не аріійскихъ туземцевъ, устранены отъ общенія съ браманскимъ обществомъ, какъ нечистыя и презрѣнныя; такъ были причислены къ дасью, дарады (darada), камбоджи (kamboja) и хаши (khasa), жители горныхъ областей близъ Кашмира. Вѣроученіе и законы бра-

*) Брать жену изъ высшей касты было запрещено; даже царь не могъ жениться на дочери брамана. Но въ эпосѣ еще есть примѣры такихъ браковъ. По индійскимъ законамъ о наслѣдствѣ, дѣти женъ изъ болѣе почетныхъ кастъ получаютъ больше, чѣмъ дѣти женъ изъ кастъ менѣе почетныхъ, сынъ браманки получаетъ четыре доли, сынъ кшатріянки три доли, сынъ вайшьянки двѣ доли, сынъ шудраянки одну долю.

мановъ имѣли такую силу надъ умами населенія, что оно покорно и безропотно подчинялось іерархіи кастъ; человѣкъ спокойно принималъ, какъ рѣшеніе божества, свою принадлежность къ тому классу, въ которомъ родился, и хорошую или дурную долю свою считалъ судьбою, которую заслужилъ своими поступками въ прежнемъ своемъ существованіи *); этотъ фатализмъ велъ бы къ тупой апатіи, если бы индеецъ не думалъ, что его настоящая жизнь лишь подготовка къ другой жизни въ лучшемъ положеніи, и что вѣрное исполненіе обязанностей—единственный путь къ избавленію себя отъ бѣдственной доли. Иго кастъ своими безчестными и подавляющими уставами и нравами отнимало у низшихъ сословій всякое самоуваженіе, всякую радость, всякую энергію, и дѣлало ихъ жизнь такою бѣдною и стѣсненною, что смерть казалась счастьемъ. Потому всѣ произведенія индійской мысли печальны, проникнуты тихою женственною скорбью.

2. Индійская религія

1. РАЗВИТІЕ ВРАМАНИЗМА И ИНДІЙСКІЙ АСКЕТИЗМЪ.

Во времена своей наивной жизни на Индѣ и въ бурные годы переселенія на Гангъ, индійцы чтили божество въ проявленіяхъ силъ природы, возбуждавшихъ благоговѣніе своимъ могуществомъ, или въ тѣхъ силахъ, которыя казались имъ проявляющимися въ бояхъ; они не заботились объединять эти проявленія божества, не подводили многообразіе ихъ подъ одинъ помыслъ. Но когда ихъ жизнь на Гангѣ стала спокойною, когда стала развиваться ихъ образованность и окрѣпли силы ихъ мышленія, ихъ умъ сталъ искать источника и центра всѣхъ явленій природы и жизни, подводить всѣ образы боговъ подъ понятіе объ общей сущности всѣхъ ихъ, — подъ идею о единой духовной силѣ, производящей все. Уже и въ Ведахъ есть смутное понятіе о единствѣ божественныхъ олицетвореній силъ природы; оно проявляется тѣмъ, что на cadaго изъ многихъ боговъ переносятся эпитеты другихъ боговъ; это было ребяческимъ способомъ выраженія мысли о тождествѣ основной силы въ многообразіи формъ.

Чѣмъ больше размышляли индійцы о божественной силѣ, тѣмъ яснѣе видѣли они, что Индра, могущественнѣйшій изъ прежнихъ

Брама, душа вселенной.

**) Такъ Дамаянти, покинутая въ лѣсу, говоритъ: «Конечно, я казнюсь теперь за какое нибудь великое преступленіе, совершенное въ прежнемъ моемъ существованіи».

боговъ, прежній «перворожденный» богъ, не можетъ, по своему воинственному, героическому характеру, по опредѣленности представленія о немъ, какъ о личномъ существѣ, быть выраженіемъ идеи о первоначальной причинѣ всего существующаго; первобытную причину необходимо было мыслить какъ существо болѣе духовное, нежели Индра, какъ таинственную, сверхчувственную силу. Этому понятію нѣсколько лучше Индры могли соотвѣтствовать Варуна, богъ высочайшаго неба, покровитель справедливости, нравственности и мудрости, и Сома, питатель и родитель боговъ; но болѣе всѣхъ боговъ соотвѣтствовалъ ему Браманапати (Brahmanaspati), богъ молитвы, таинственная сила, присущая жертвеннымъ обрядамъ и жреческимъ молитвамъ, принуждающая боговъ исполнять просимое у нихъ, священный духъ, всемогущій посредникъ между богами и людьми, живущій въ небѣ съ богами и господствующій надъ ними, и съ тѣмъ вмѣстѣ живущій и дѣйствующій на землѣ въ жрецахъ и молящихся при совершеніи религіозныхъ обрядовъ. Эта сила молитвы—первобытная божественная сила, Брами (Brahma), общій элементъ всемогущества и божественности, котораго лишь частными проявленіями были прежніе боги. Всѣ дѣятельности прежнихъ боговъ были перенесены на Бразу.

Гаугъ въ своемъ изслѣдованіи «О первоначальномъ значеніи слова Брами» (M. Haug, über die ursprüngliche Bedeutung des Wortes Brahma, 1868), объясняетъ происхожденіе и значеніе понятія о Брамѣ иначе. По словамъ Гауга, Бригаспати (Bṛhaspati, другая форма имени Brahmaspati)—духовный учитель боговъ; это значеніе дается ему и въ эпосѣ. Брами—это «магическая сила, возникающая отъ взаимодѣйствія словъ и напѣва священныхъ гимновъ съ жертвенными приношеніями, при правильномъ сочетаніи ихъ, и имѣющая въ себѣ зародышъ жизни»; боги подъедаютъ эту силу на небо, и она исходитъ съ неба, порождая плодотворный дождь.—Въ древнихъ частяхъ эпоса, Брами—олицетвореніе судьбы, прозорливецъ будущаго, оракулъ боговъ, вѣчно покоящійся, никогда не дѣйствующій, а только указывающій способы, которыми воля боговъ и людей можетъ достигать своей цѣли и которыми устраняются препятствія тому.

Дошедши до понятія о духовной силѣ, болѣе первобытной, чѣмъ боги, и владычествующей надъ ними, легко было поставить ее въ такое же отношеніе и къ природѣ. При плодородіи почвы, изобиліи пищи, при своемъ простомъ, умѣренномъ образѣ жизни, браманы, свободные отъ житейскихъ трудовъ и заботъ, имѣли много досуга предаваться врожденной склонности индійцевъ, къ созерцательной жизни въ области размышленій и фантазій. Въ замкнутой странѣ, безопасной отъ иноземныхъ нашествій, живущей спокойно, не испытывающей никакихъ рѣзкихъ переворотовъ, умъ народа, одареннаго тонкою впечатлительностью къ жизни природы и глубокою религіозностью, долженъ былъ стремиться къ изслѣдованію окружающаго міра, къ разрѣшенію вопроса о первоначальномъ источникѣ всякой

жизни. Правильный ходъ величавыхъ явленій индійской природы, творческія силы которой непрерывно порождаютъ новыя формы жизни, наводилъ на мысль о правильномъ порядкѣ міроуправленія, о единой первоначальной силѣ, изъ которой исходитъ все существующее, о духѣ «покоящемся въ круговоротѣ измѣненій». Индійцы думали, что въ явленіяхъ природы дѣйствуетъ сокровенная творческая сила, движущая вселенною, какъ душа человѣка тѣломъ своимъ. И, стремясь постичь раздумьемъ единство и законъ въ разнообразіи фактовъ, порядокъ въ пестрой чередѣ ихъ, неизмѣнное въ измѣнчивомъ, индійцы мало по малу пришли къ мнѣнію, что святой, повелѣвающій богами, духъ молитвы, Брами — первобытная сила, владычествующая надъ вселенною и дающая жизнь всѣмъ явленіямъ ея, что онъ — душа вселенной, высочайшее невидимое божество, источникъ, изъ котораго произошелъ міръ духовный и матеріальный. Но этотъ Брами, являющійся въ древнемъ эпосѣ еще личнымъ богомъ, былъ постепенно превращенъ въ абстрактное существо. Брами индійской теологической философіи не личный богъ, не творецъ и владыка міра, существующій отдѣльно отъ міра, а всепроницающая жизненная сила, духовный элементъ, проявляющій себя природою и въ ней имѣющій свое существованіе; это продуктъ рефлексіи, не имѣющій человѣческаго чувства, потому индифферентный къ судьбамъ людей. Онъ всегда оставался чуждъ народному сознанію; ему не приносили жертвъ, не строили храмовъ; спиритуалистическое представленіе о немъ было слишкомъ возвышенно для народа; при владычествѣ браманской теософіи надъ всею государственною и общественною жизнью, народъ оставался вѣренъ Индрѣ и другимъ своимъ прежнимъ богамъ. Чтобы сдѣлать свое ученіе болѣе доступнымъ народу, богословы раздѣлили метафизическое понятіе о божествѣ на два понятія: они стали употреблять слово Брами въ двухъ грамматическихъ формахъ, какъ существительное мужескаго рода и существительное средняго рода: Брами, о которомъ говорится «онъ», это личный богъ; Брами, о которомъ говорится «оно», «высочайшее Брами», это безличная душа вселенной.

По ученію жрецовъ, все произошло изъ этого безкачественнаго духовнаго существа, «зародыша міра». Боги и духи прежней вѣры, распределенный по кастамъ человѣческой родъ, животныя, растенія и минералы—все возникло изъ Брамы. Міръ не созданіе творческой дѣятельности; всѣ живыя существа, всѣ матеріальные предметы произошли изъ высочайшаго существа, и большею или меньшею близостью ихъ связи съ нимъ обуславливается преобладаніе духовнаго или матеріальнаго характера въ нихъ. Произшедши всѣ изъ Брамы, всѣ существа должны и возвратиться въ него; порядокъ возвращенія идетъ по степенямъ преобладанія духовности или матеріальности ихъ. Распределеніе по степенямъ этихъ качествъ очень часто выражается

формулою: истина (sattva), страсть (rajas), мракъ (tamas). *) Каждому разряду существъ дано опредѣленное назначеніе, даны опредѣленное положеніе и опредѣленная обязанность; и только тотъ, кто покоряется этому божественному порядку вселенной, кто служитъ высочайшему существу въ чистотѣ и святости, исполняетъ свое предназначеніе. Только души чистыхъ людей, отрехшихся отъ всякой чувственности и предолѣвшихъ матеріальность тѣла стремленіемъ къ святости, возвращаются въ лоно Брамъ.

Ученіе о воз-
рожденіяхъ.

На этихъ понятіяхъ основано замѣчательное ученіе о переселеніи душъ или о возрожденіяхъ и объ отношеніи всего существующаго къ источнику всего бытія.—Мысль, что единственная истинная сущность жизни—Брама, что только чрезъ соединеніе съ нимъ пріобрѣтается истинное и прочное счастье, вела къ рѣзкому различенію духа отъ матеріальной природы, души отъ тѣла, единой сущности предметовъ отъ ихъ индивидуальнаго существованія, ставила цѣлью земной жизни преодоленіе этого дуализма, уничтоженіе всего, мѣшающаго возвращенію духа къ чистой субстанціи, соединенію съ божествомъ. Исчезновеніе индивидуума въ Брамѣ, «слиянiе капли съ океаномъ»—высшее благо, окончательная цѣль всѣхъ земныхъ стремленій, блаженство, желаемое всѣми созданіями. Но слiаніе съ душою вселенной достигается лишь совершеннымъ очищеніемъ отъ всего нечистаго, матеріальнаго; потому вся жизнь природы—постепенное восхожденіе отъ несовершенства къ совершенству, непрерывный процессъ очищенія. Во всѣхъ существахъ животворящая сила соединена съ матеріальнымъ тѣломъ; она—истеченіе изъ Брамъ, стремящееся воссоединиться съ нимъ; смотря по степени преобладанія духовности или матеріальности въ извѣстномъ существѣ, оно воссоединится съ Брамю скоро или не скоро. Разряды существъ образуютъ рядъ степеней, по которымъ возрастаетъ преобладаніе духовнаго элемента надъ матеріальнымъ; по нормальному порядку природы, смерть—переходъ существа съ менѣе высокой ступени на болѣе высокую, до высочайшей, на которой духъ пріобрѣтаетъ такую чистоту, такую освобожденность отъ матеріальнаго, что ему становится возможнымъ возвратиться въ душу вселенной. Этого состоянія, вводящаго въ душу вселенной, достигаютъ только совершеннѣйшіе изъ людей, браманы; и достигается оно тѣмъ, что душа, умирняя, умерщвляя и уничтожая плоть, разрываетъ узы, препятствующія возвращенію божественной искры въ источникъ свѣта.

Итакъ, всѣ существа сопричастны душѣ вселенной; чрезъ всѣ существа течетъ одна и та же рѣка жизни, имѣющая свой источникъ

*) Въ Упанишадахъ Брама «то, изъ чего происходятъ всѣ существа, чѣмъ они, родившись, живутъ, во что они стремятся и возвращаются; познаніе и блаженство» (Лассенъ).

въ Брамѣ; разницы между существами лишь разницы формъ проявленія общей всѣмъ имъ силы жизни; разницы по степенямъ приближенія формъ ихъ жизни къ душѣ вселенной. Растенія тоже имѣютъ самосознаніе, чувствуютъ радость и скорбь; ихъ души, какъ и души животныхъ, только облечены мракомъ за грѣховныя дѣла свои въ прежнемъ существованіи. И, на примѣръ, въ законѣ Ману говорится объ этомъ такъ:

«Одѣтые многообразнымъ мракомъ, мздою за дѣла ихъ, всѣ они имѣютъ сознаніе своей цѣли, одарены чувствомъ радости и скорби. Нисшедшіе изъ бога въ растенія, они идутъ къ своей цѣли чрезъ существованіе въ бѣдственномъ мірѣ, непрерывно ниспадающемъ въ погибель».

Совершеннѣйшее изъ всѣхъ существъ—человѣкъ, состоящій изъ души и тѣла, микрокосмъ, въ которомъ отражается вселенная. Въ людяхъ нѣтъ полного совершенства; степени ихъ близости къ нему неодинаковы. Ученіе о человѣческой нравственности—центръ индiйскаго метафизическаго вѣроученія; браманская теологія въ богопознаніи своемъ направляется главнымъ образомъ къ разъясненію способовъ, дающихъ человѣку наивѣрнѣйшій путь подыматься по степенямъ земнаго существованія до успокоенія въ Брамѣ. Родина человѣческой души не на землѣ; потому душа непрерывно можетъ освободиться отъ узъ тѣла, избавиться отъ жизни въ области непримиренныхъ противоположностей между индивидуальными существами; величайшее бѣдствіе для нея состоитъ въ томъ, если для нея удлиняется странствованіе въ этой юдоли скорби, въ этомъ существованіи, чуждомъ совершенства, страдающемъ внутренними противорѣчіями, если она, изъ какой-нибудь винѣ, въ которую вовлечена вліяніемъ соединеннаго съ нею тѣла, должна вновь начать процессъ очищенія, и быть можетъ даже, со ступени болѣе низкой, чѣмъ нынѣшняя. Потому, все индiйское ученіе о нравственности состоитъ исключительно въ изложеніи вѣрнѣйшихъ способовъ восхожденія къ совершенству и въ перечисленіи наказаній за ихъ нарушеніе. Точное исполненіе обязанностей своего сословія, своей профессіи, обузданіе чувственныхъ похотей, самоотрицаніе, тихая, смиренная покорность происходящему отъ Брамъ міроустройству—вѣрнѣйшія средства очищенія и искупленія, приводящаго душу въ отчизну ея. Обязанности человѣка опредѣляются соотвѣтственно ея кастѣ; чѣмъ выше каста, тѣмъ строже онѣ. О браманахъ нельзя сказать, что они въ эгоистическомъ высокомеріи возлагали на нисшія сословія тяжкія бремена, а на себя легкія; свое высокое положеніе въ обществѣ и возможность скорого соединенія съ божествомъ они покупали жизнью, полною лишеній и самоистязаній, неослабнымъ, раболѣпнымъ повиновеніемъ страшному уставу, несеніемъ ига безчисленныхъ правилъ

очищенія, богослужебныхъ обрядовъ, покорностью формалистикъ, гасившей всякую искру свободы; Магабгарата уподобляетъ брамана коровѣ, которая каждый день ввозитъ все на одну и ту же крутую гору все одинъ и тотъ же тяжкій грузъ. Лишь тотъ, кто погружается въ созерцаніе божественной идеи такъ глубоко, что его личное сознаніе исчезаетъ въ Брамѣ, что личность его теряется въ соединеніи съ первобытнымъ существомъ, восходитъ по превыше небесныхъ свѣтилъ въ душу вселенной; а кто слѣдуетъ собственной волѣ, кто не соблюдаетъ правилъ очищенія, небрежетъ о священномъ законѣ и тѣмъ отдѣляется отъ божества, нарушаетъ вѣчный порядокъ вселенной, того ожидаютъ по смерти ужасныя муки ада, и по перенесеніи ихъ душа его будетъ новымъ рожденіемъ соединена съ тѣломъ нисшаго разряда, соразмѣрно его грѣхамъ, и она должна будетъ вновь начать рядъ переселеній по степенямъ повышенія существъ.

Въ придумываніи адскихъ мученій браманы проявили такую же изобрѣтательность фантазіи, какъ Данте, и своими описаніями ихъ вводили индійцевъ въ тоскливую боязнь, отнимали у нихъ всякую жизненную бодрость. На жаркомъ югѣ, гдѣ нечистый грѣшникъ хорошо знаетъ по опыту мучительность палящаго зноя, легко было живо представлять себѣ адскія мученія; индійцы жили подъ гнетомъ мыслей о нихъ и страха, что по окончаніи ихъ придется влачить существованіе въ тѣлѣ животного или быть презрѣннымъ шудрою; владычество этихъ подавляющихъ понятій надъ индійскою націею было такъ сильно, что все сословія послушно подчинялись священнымъ законамъ, отрекались отъ собственной воли, предавали себя, какъ рабы, подъ иго религіозныхъ установленій. Чѣмъ выше была каста, тѣмъ больше было опасности потерять чрезъ прегрѣшеніе или оскверненіе высоту своего положенія при возрожденіи, быть снова низвергнутымъ въ жизнь растенія или животного или въ какой-нибудь изъ разрядовъ нечистыхъ людей, судьба которыхъ не облегчалась ни малѣйшимъ проблескомъ состраданія къ нимъ, ни малѣйшимъ выраженіемъ сочувствія или гуманности. Потому нравственно-религіозныя правила, соблюдать которыя должны были высшія касты, становились все многочисленнѣе и строже, и суровость ихъ доводилась до высочайшей крайности подвижниками и мудрецами изъ касты брамановъ. — На догматѣ о переселеніи душъ основано было и то, что индійцы считали грѣхомъ убивать или ранить животныхъ, и то, что браманы не ѣли мяса: въ червякѣ или насѣкомомъ, въ коровѣ или лошади, въ хищномъ звѣрѣ или слонѣ вѣдь живетъ, быть-можетъ, человѣческая душа; быть-можетъ, душа друга, родственника, предка. Потому индійцы держали себя относительно всякихъ животныхъ очень кротко, чтобы не нанести страданія переселившимся въ нихъ душамъ; браманы постоянно заботились внушать народу, что не должно убивать или бить животныхъ, грозя нарушителямъ этой заповѣди воз-

рожденіемъ въ низкихъ формахъ существованія. Въ особенности корова, символъ плодородія и спокойной, смиренной жизни, подательница молока на пищу людямъ и масла на жертвоприношенія, была предметомъ религіознаго уваженія. Чтобы не совершалось преступленій противъ человѣческихъ душъ, обитающихъ въ животныхъ, браманы старались совершенно отклонить индійскій народъ отъ мясной пищи, убѣдить его употреблять только растительную; но никогда не могли достигъ полного успѣха въ этомъ. Было только запрещено убивать нѣкоторыхъ животныхъ; и было внушаемо, что охотиться — грѣховное удовольствіе. Но въ Магабгаратѣ еще говорится о святыхъ, напримѣръ объ Агастѣ (Agasthya) и о герояхъ, напримѣръ о Панду, что они очень любили охоту. — Наставники, сострадательные къ животнымъ, не распространяли свою сострадательность на шудръ; въ груди надменнаго, тщеславящагося своимъ происхожденіемъ брамана не было человѣческаго чувства для шудры.

Нравственное ученіе индійцевъ было странною смѣсью возвышенныхъ правилъ добродѣтели съ педантическими предписаніями обо всяческихъ житейскихъ дѣлахъ; и оба эти разряда установленій были для индійцевъ одинаково важны. Нравственныя понятія древняго времени часто производятъ высокое впечатлѣніе своею серьезностью и глубиной; понятія позднѣйшаго времени искажены софистикою и казуистикою, омрачены ханжествомъ. Ученіе о нравственности, по индійскимъ понятіямъ, не ученіе о нравственности всехъ вообще людей, а ученіе о томъ, какія обязанности лежатъ на той или другой кастѣ. Оно не представляетъ общечеловѣческаго идеала, съ которымъ, впрочемъ, только браманы могли бы соображаться въ своихъ поступкахъ; оно внушаетъ каждому сословію особенныя его обязанности, потому что для индійца человѣкъ не существуетъ, существуетъ лишь членъ касты. Индійская мораль знаетъ, правда, добродѣтели семейной и частной жизни: любовь къ родителямъ, любовь къ братьямъ и сестрамъ, супружескую вѣрность и любовь, почтеніе къ старости, послушаніе и т. д., — добродѣтели общія всемъ кастамъ и непрерывно восхваляемыя въ эпопеяхъ; но кромѣ этихъ добродѣтелей, она занимается лишь особыми правилами для каждой касты. Вайшьямъ дозволяется увеличивать свое имущество земледѣліемъ и скотоводствомъ, торговлею и промыслами, даже отдачею денегъ въ проценты; но кто провинится при этомъ въ обманъ и алчности, будетъ наказанъ адскими мученіями и возрожденіемъ въ тѣлѣ кошки или хищнаго звѣря; а щедрость въ принесеніи жертвъ, въ милостынѣ и въ дарахъ нуждающимся, особенно браманамъ, имѣетъ своею наградою блаженство на небѣ и благополучіе на землѣ. Кшатріи должны быть храбры и ловки; должны охранять страну; воздерживаться отъ чувственныхъ удовольствій, обуздывать свои страсти; не забывать изъ-за своего физическаго занятія о болѣе высокихъ добродѣтеляхъ, благотвори-

Обязанности.

тельности и богобоязненности; по учению брамановъ, пассивныя добродѣтели: кротость, терпѣніе, скромность, вѣжливость и т. д., выше энергической дѣятельности; они восхваляли не ту нравственность, которая происходитъ отъ стремленія дѣйствовать на пользу другихъ, а ту, которая коренится въ тихой глубинѣ души; ученость они прославляли тоже какъ высокую добродѣтель. Но съ особенною настойчивостью ставится въ обязанность всѣмъ сословіямъ почтительность и послушность браманамъ. Когда браманъ входитъ въ домъ, хозяинъ долженъ уступить ему мѣсто, на которомъ сидѣлъ, смиренно привѣтствовать его, сидѣть со сложенными руками подлѣ него и, когда онъ уходитъ, провожать его. Никто не имѣетъ права велѣть браману замолчать, никто не долженъ говорить ему «ты»; говоря съ браманомъ, должно называть его «господинъ», «возвышенный» и т. п. «Если ученикъ брамана порицаетъ своего учителя», говорится въ законѣ Ману, — «то хотя бы порицаніе было справедливо, онъ возродится осломъ; а если лживо злословитъ о немъ, то собакою; если пользуется принадлежащимъ учителю безъ его позволенія, то возродится малымъ червемъ; если завидуетъ его заслугамъ, то крупнымъ насѣкомымъ». Это потому, что изъ всѣхъ подарковъ, самый драгоцѣнный — сообщеніе священныхъ знаній, и дающій его достоинъ самаго священнаго уваженія. Нравственность шудры состоитъ главнымъ образомъ въ обязанности безусловнаго послушанія «дважды-рожденнымъ». Нарушеніе священныхъ заповѣдей навлекаетъ на виновнаго божественныя наказанія ужь и въ этой жизни; а если онъ не уменьшитъ своей вины подвигами покаянія и очищеніями, то мѣра наказаній ему будетъ увеличена и въ этой и въ будущей жизни. Предписываемые заповѣдями подвиги покаянія шли градаціею отъ молитвы и поста до самоубійства; и многіе изъ нихъ имѣли характеръ очень подлый или омерзительный; въ придумываніи ихъ браманы показали удивительный талантъ изобрѣтательности. Нигдѣ святошество и раболопие, формалистика и суевѣріе не были доводимы до такой, уничтожающей всякую свободу воли, крайности развитія, какъ въ Индіи. Общій на востокъ обычай регламентировать и внѣшнюю и внутреннюю жизнь людей законами и заповѣдями, подводить физическія потребности подъ власть религіозныхъ постановленій, сковывать свободу души магическою силою священныхъ обрядовъ и формулъ получилъ подъ владычествомъ брамановъ такое расширеніе, что всѣ дѣла обыденной жизни, всякій шагъ, всякая случайность были подведены подъ заповѣди религіи. Законы очищенія, правила о томъ, какъ надобно ѣсть и пить, о томъ, какіе сорта пищи и питья позволительны, какіе непозволительны, законы объ омовеніяхъ и молитвахъ, о внѣшнемъ приличіи, о походкѣ, о манерахъ, объ одеждѣ, о формахъ стрижки волосъ, — словомъ, обо всѣхъ житейскихъ дѣлахъ и отношеніяхъ были безконечны; вся жизнь, всѣ физическія потребности и отправления,

Очищенія.

всѣ поступки и движенія были опутаны сѣтью религіозныхъ законовъ, регламентировавшихъ все съ самою мелочною внимательностью, изгнавшею изъ жизни всякую естественность, превращавшею человека въ автоматъ, дававшихъ ему ежеминутно чувствовать себя связаннымъ во всемъ. Наказанія, назначенныя и въ этой и въ будущей жизни за всякое нарушеніе заповѣданнаго, омрачали жизнь фантазмагоріями робости, изгоняли изъ человѣческой души всякое веселье, всякое естественное движеніе чувства, всякое счастье. Жизнь была утомительнымъ паломничествомъ, исполненнымъ неудобствъ, лишеній и обязанностей, безъ освѣжающей силы любви, безъ подкрѣпляющей помощи гуманности, и часто приводившимъ къ развязкѣ, внушенной отчаяніемъ.

Кромѣ правилъ религіозной формалистики, обязанностью аріицевъ, и въ особенности брамановъ, было сдѣлано познание божественной истины чрезъ прилежное изученіе священныхъ книгъ. Вайшьи и Кшатріи тоже обязаны были читать Веды, и въ эпосѣ при каждомъ удобномъ случаѣ восхваляется, въ числѣ другихъ добродѣтелей характеризуемаго царя то, что онъ зналъ на память Веды и прибавленія къ нимъ. Но у брамана вся умственная жизнь была основана на изученіи священныхъ книгъ; его положеніе, его репутація въ кругу товарищей опредѣлялись степенью его богословской начитанности. Соразмѣрно тому, какъ усиливалось преобладаніе спиритуализма надъ сенсуализмомъ, умосозерцанія надъ практическою жизнью, знаніе Ведъ, богословская ученость становились важнѣе богослужебныхъ и жертвенныхъ занятій; они сдѣлались главною надобностью для брамана. Съ первымъ мерцаніемъ утра начинается у него набожное раздумываніе о священныхъ ученіяхъ и заповѣдываніяхъ Ведъ; умывшись, одѣвшись, помазавъ священнымъ масломъ глаза, онъ бормочетъ молитвы и гимны, бормочетъ и въ сумерки, по совершеніи дневныхъ трудовъ; а днемъ, въ назначенные часы, онъ долженъ въ чистой одеждѣ, въ степенной позѣ, сложа руки на груди, громкимъ голосомъ, съ правильною интонаціею, читать назначенные для этого отдѣлы священныхъ книгъ, но передъ тѣмъ тихо произнести слогъ «омъ» и три раза задержать дыханіе; при чтеніи не можетъ присутствовать шудра. Чтобы вполне изучить священные книги и всѣ религіозныя законы, обычаи и обряды, молодому браману нужно тридцать шесть лѣтъ учиться подъ руководствомъ старшаго брамана, знатока священныхъ книгъ. Ученикъ долженъ чтить этого «духовнаго отца» больше, чѣмъ своего отца по плоти, долженъ быть послушенъ ему, всегда быть готовъ услужить ему, долженъ, привѣтствуя его и его жену, преклонять колѣна.

Чтеніе Ведъ.

Но хотя дѣла набожности, точное соблюденіе обрядовъ, правилъ очищенія, должное совершеніе молитвъ и жертвоприношеній даютъ

Аскетизмъ.

благочестивому индйцу земное благополучіе и небесное блаженство, они не могут вполне избавить его отъ возрожденій. Входъ въ лону Брамъ пріобрѣтается только совершенною побѣдою духа надъ матеріею, открывается лишь тому, чья душа стала полною владычицею надъ всѣмъ матеріальнымъ и чувственнымъ, чья грудь не волнуется страстями, чья мысль такъ погружена въ Брамъ, что онъ совершенно забываетъ о внѣшнемъ мірѣ, равнодушенъ, безчувственъ ко всякой радости и скорби, и душа его уподобится тихой, спокойной водѣ, въ которой отражается солнце. Для доставленія людямъ способа достигать такой святости, браманы довели ученіе о подавленіи чувственныхъ желаній до ужасающей аскетики. Они считали всѣ чувственные отношенія «узами духа», тѣло «темницею души»; потому имъ должно было представляться высочайшимъ торжествомъ духа надъ лживымъ міромъ чувственности и матеріи такое душевное устройство, въ которомъ энтузіазмъ благочестія разгорячается до совершеннаго отреченія человѣка отъ самого себя, до отданія всего себя Брамѣ, до совершеннаго расторженія цѣпей земнаго бытія самоубійствомъ. Сообразно этому, браманъ, дожившій до старости, устроившій дѣла своей семьи, «увидѣвшій дѣтей сыновъ своихъ», исполнившій свои гражданскія обязанности, или былъ обязанъ, взявъ священный огонь, идти, или одинъ, или съ женою или съ другими сотоварищами, въ «лѣсъ подвижниковъ» и тамъ, въ пустынь лѣса, готовить себя строгою «подвижническою жизнью» къ сліянью съ Брамю. Ложемъ его была земля, кровомъ пещера или развѣсистое дерево; онъ одѣвался въ древесную кору или звѣриную шкуру, питался кореньями и ягодами, травою и плодами дикихъ деревьевъ, пилъ только чистую ключевую воду, заботливо процѣдивъ ее, чтобы очистить отъ мелкихъ насѣкомыхъ. Молитвы, жертвоприношенія и чтеніе Ведъ такъ разжигали его религіозный энтузіазмъ, что онъ давалъ отростать волосамъ и ногтямъ, проводилъ жизнь въ молчаніи. Блѣдъ мало и рѣдко, умерщвлялъ въ себѣ и чувственность и всякое чувство постомъ, самоистязаніями и непрерывнымъ размышленіемъ о божествѣ.

Подвижническія самоистязанія, которыми отшельники лѣсныхъ пустынь старались сдѣлать свое тѣло нечувствительнымъ къ боли, совершенно покорнымъ душѣ, часто бывали очень странны и становились съ теченіемъ времени все суровѣе. „Подвижникъ долженъ валяться по землѣ“, говорится въ законахъ Ману, „или стоять цѣлые дни на пальцахъ ногъ, или непрерывно вставать и садиться. Въ жаркое время года онъ долженъ сидѣть между четырьмя огнями на солнечномъ зноѣ; въ дождь онъ долженъ подставлять себя нагаго подъ потоки облаковъ; въ холодное время года онъ долженъ носить мокрую одежду. Претерпѣваніемъ все болѣе и болѣе суровыхъ мученій да предастъ онъ бренную плоть изнуренію. И когда подвергнется немощи, то пусть встанетъ, и идетъ по прямому направленію на сѣверъ, питаясь водою и воздухомъ, пока его смертное тѣло со-

крушится и душа его соединится съ Брамю“. Когда браманъ самоистязаніями доставилъ душѣ полное владычество надъ тѣломъ, онъ вступаетъ въ послѣднюю стадію спасенія: погружается созерцаніемъ въ душу вселенной, не удостоиваетъ внѣшній міръ ни малѣйшаго вниманія, безъ скорбей и радостей, безъ желаній и ощущеній, молчащій и уединенный, „въ снѣ глубочайшаго созерцанія“ размышляетъ только о Брамѣ, который „меньше атома и свѣтлѣе, чѣмъ золото“, пока, увидавъ подобно растенію, онъ навѣки погрузится въ Брамъ. „Кто подобно слѣпому не видитъ“, говорится въ Упанишадахъ, „подобно глухому не слышитъ, подобно древу безчувственъ и недвижимъ, о томъ знай, что онъ достигъ покоя“. Своего апогея подвижничество достигло, кажется, только въ IV вѣкѣ до Р. Х.; аскетизмъ, все усиливаясь, принимая все болѣе фантастическія формы, кажется, только къ этому времени развился до того, что вошло въ обычай, стало считаться обязанностью — *религіозное самоубійство*. Изъ греческихъ извѣстій мы видимъ, что въ слѣдующія столѣтія усерднѣйшіе подвижники уже не довольствовались паломничествомъ на Гангъ, на Ямуну, къ священнымъ озерамъ и очищеніями тамъ, что они прекращали свою жизнь, бросаясь въ эти святые воды, чтобы достойною божественной награды смертію уменьшить число своихъ возрожденій; а еще позднѣе, религіозная восторженность дошла до того, что многіе, какъ мы знаемъ, бросались подъ колеса колесницы божества, чтобы быть раздавленными.

Браманизмъ, развиваясь, все рѣзче и рѣзче выставялъ противоположность духа и матеріи; онъ сталъ учить, что только духъ происходитъ отъ Брамъ, и дошелъ наконецъ до того, что отнялъ у матеріи, у физической природы всякое существованіе, объявилъ мысль о ихъ существованіи совершенно ложною, противопоставилъ физическій міръ, какъ обманчивый призракъ, истинному существованію въ Брамѣ, и сталъ учить, что побѣда чистой души вселенной будетъ состоять въ уничтоженіи всѣхъ элементовъ физической природы, въ истребленіи всего матеріальнаго. Такимъ образомъ задача нравственной жизни состоитъ для брамана уже не въ томъ, чтобы духъ расширялъ свою силу надъ чувственнымъ міромъ и устроивалъ его по своимъ цѣлямъ, чтобы душа господствовала надъ тѣломъ, какъ надъ слугою своимъ, чтобы человѣческая жизнь была руководима божественнымъ духомъ, была очищаема и облагороживаема имъ; — браманъ видитъ цѣль жизни въ погибели матеріальной природы, въ уничтоженіи міра индивидуальныхъ существъ, въ возвращеніи потока духовной жизни къ его источнику. Браманъ направлялъ свое мышленіе только къ единому и абсолютному, углублялся въ неизслѣдимую бездну чистаго бытія, не видѣлъ реальности въ разнообразіи явленій, и его размышленіе было только устремленіемъ неподвижнаго взгляда въ пустоту; это и фактически проявилось тѣмъ, что индійскій аскетъ устремляетъ неподвижный взглядъ на какую-нибудь точку: на кончикъ своего носа, или на свой пупъ, или на солнце, высшее проявленіе божества; религіозная дума брамана — „чуждая всякой мысли дремота ума въ непрерывномъ созерцаніи пустаго единого, производимый силою воли сонъ ума въ бодрствующемъ состояніи человѣка“. Этому умерщвленію тѣла, этому погруженію въ Брамъ браманы придавали такую цѣну, что считали подвижниковъ святыми, имѣющими соучастіе въ силѣ и въ существѣ Брамъ, стоящими по сану выше старинныхъ боговъ, пріобрѣтающими посредствомъ своихъ святыхъ дѣлъ такую магическую силу, что даже небесныя существа не въ состояніи сопротивляться имъ. Въ такихъ подвижниковъ были мало по малу превращены жрецы, прославляемые въ Ведахъ: Атри, Ангирасъ, Васишта (Vasishtha), Бхригу (Bhṛigu) и другіе; святость ихъ подвижничества была, по ученію брамановъ, такъ велика, что они пріобрѣли чрезъ нее божественную силу, подобную силѣ Брамъ. Въ

Сила подвижничества.

старыхъ эпическихъ пѣсняхъ боги трепетали предъ исполинами, сынами Дити и Дану; позднѣйшее вѣроученіе противопоставило имъ гораздо болѣе опасныхъ враговъ; отъ которыхъ имъ приходится очень плохо;—это подвижники; боги подвластны подвижникамъ: „дѣлами подвижничества можно заставить даже Индру сойти къ богу смерти“. Потому Индра живетъ въ постоянномъ страхѣ: едва какой нибудь браманъ, царь или асура удаляется въ пустыню, вести тамъ подвижническую жизнь, Индра начинаетъ трусить и придумываетъ, какими бы средствами помѣшать самоистязаніямъ своего соперника. Подвижникъ можетъ своими самоистязаніями принудить боговъ сдѣлать все, что ему угодно.

Новая космогонія.

Прославленіе подвижниковъ возвышало въ глазахъ народа, окружало блескомъ касту брамановъ, къ которой принадлежали они; потому браманы усерднѣйшимъ образомъ старались возвеличивать, доводя до непомерной фантастичности, чудеса и сверхъестественныя силы этихъ святыхъ, наполняя воображеніе народа легендами о ихъ чудесахъ, омрачать его умъ суевѣріемъ и фантазерствомъ. Историческія воспоминанія и героическія пѣсни были передѣланы въ духѣ новыхъ понятій: дѣла и ученія великихъ святыхъ, предковъ какого-нибудь жреческаго рода, были выдвинуты на первый планъ; національные герои эпоса были превращены въ боговъ новой теологіи; браманскія религіозныя понятія и основанныя на нихъ заповѣди и учрежденія были выставлены за первобытныя, существовавшія съ самаго начала міра; великимъ подвижникамъ было даже дано участіе въ сотвореніи міра; такимъ образомъ, ихъ потомки, браманы получали право быть владыками земли. Была составлена новая космогонія, въ которой древнія божества, олицетворенія творческихъ силъ природы, отодвинуты были во второстепенное положеніе, и начатое высочайшимъ существомъ дѣло сотворенія міра было продолжаемо и довершено браманскими мудрецами. Законъ Ману говоритъ: «Когда Вѣчный и невидимый, познаваемый только разумомъ, хотѣлъ произвести изъ своей божественной сущности разнообразныя существа, онъ сначала сотворилъ мыслью воду и вложилъ въ нее порождающее вещество. Оно стало яйцомъ, блестящимъ какъ солнце, и въ немъ развился великій праотецъ всѣхъ духовъ, Брама, творящая сила Вѣчнаго. Брама, послѣ цѣлаго года творчества, раздѣливъ единственно дѣйствіемъ мысли яйцо, создалъ изъ половинокъ его небо и землю, по срединѣ ихъ воздухъ и восемь странъ свѣта, огонь и вѣчное жилище воды. Потомъ изъ самого себя произвелъ онъ душу (разумъ), самость (сознаніе) и пять чувствъ или органовъ, воспринимающихъ впечатлѣнія внѣшняго міра. Изъ этихъ составныхъ частей, изъ пяти стихій (матеріи) и трехъ духовныхъ способностей (чувственного воспріятія, сознанія и души) произошелъ переходящій міръ, истеченіе изъ вѣчнаго источника. Послѣ долгихъ подвиговъ аскетизма, въ религіозномъ энтузіазмѣ божественный духъ сотворилъ *Ману* (Manu), а Ману послѣ тяжкихъ самоистязаній сотворилъ десять великихъ мудрецовъ, ставшихъ владыками всѣхъ существъ, праотцами брамановъ. Они, имѣя великую силу, сотворили семь другихъ Ману (эти Ману—цари духовъ, владыки нравственнаго міра); потомъ сотворили боговъ и ихъ жилища, прочихъ святыхъ, добрыхъ духовъ (Апсаровъ, *Apsaras*, и Гандарвъ, *Gandharva*, небесныхъ геніевъ), злыхъ духовъ (Асуръ, *Asura*, Ракшасовъ, *Rakshasa* и проч.) и духовъ предковъ (Питаровъ, *Pitara*, т. е. отцовъ); потомъ громъ, молнію, облака, и наконецъ силою своихъ подвиговъ аскетизма, сотворили животныхъ и все движимое и недвижимое въ созданіи». Прежніе боги заняли теперь второстепенное положеніе; они были превращены въ стражей вселенной, и ихъ «охраненію было ввѣрено» восемь странъ свѣта: *Индра*, могучій владыка воздушнаго царства, живетъ на прохладномъ сѣверѣ, откуда приносится освѣжающій и оплодотворяющій дождь; близъ священной горы Меру, озаренный сіяніемъ солнца, на которой обитаетъ Брама съ достигшими совершенства подвижниками; *Яма*, властелинъ царства мертвыхъ, живетъ на жаркомъ, иссушающемъ югѣ; хранители другихъ странъ свѣта: богъ солнца *Сурья* (*Surya*); богъ огня *Агни* (*Agni*); богъ вѣтра, *Ваю* (*Vayu*); богъ луны, *Чандра*; богъ воды, *Варуна*, и богъ богатства, *Кубера*.

2. Теологія и философія брамановъ.

Чтобы доставить своему новому вѣроученію полное господство надъ умами, браманы искореняли изъ памяти народа или передѣлывали въ своемъ духѣ все его прошлое. Для этого они, какъ мы видѣли, переработали, увеличили вставками, исказили великія національныя эпопеи: превратили энергическихъ героевъ въ боговъ и святыхъ, поставили пассивную добродѣтель и благочестіе выше военной славы. Точно также привели они молитвы и обряды Ведъ въ согласіе съ новыми религіозными понятіями, съ идеею о Брамѣ и кастовомъ устройствомъ; въ этомъ стремленіи они выработали ученую теологію, похожую на христіанскую схоластику среднихъ вѣковъ; раздумывая и фантазируя, развивая догматы по формамъ абстрактнаго мышленія, собирая и изобрѣтая мифы и легенды, они нагромодили необозримую массу теологической учености и довели догматику до изумительной высоты систематическаго формализма. Эта методическая формалистика мышленія достигла полнѣйшаго развитія въ Ведантѣ (*Vedanta*, «конецъ Ведъ»). Другую отрасль браманской богословской дѣятельности образуютъ произведенія свободно-фантазирующаго мышленія, въ которыхъ ученіе о вселенной строится изъ основной идеи сплою абстрактнаго умозерцанія, и безграничнымъ произволомъ воображенія создаются странныя фантастическія картины. Въ своемъ одностороннемъ спиритуализмѣ браманы дошли до такой крайности, что выработали систему теософіи, отрицающую существованіе природы и матеріи (система *мимансы*, *Mimansa*): развивая ученіе объ эманации, объ истеченіи вселенной изъ Брамъ, *миманса* говорила, что внѣшній міръ лишь призракъ, самообольщеніе духа. Такая крайность спиритуализма неизбежно должна была вызвать реакцію въ реалистическомъ направленіи, и явилась *санхья* (*sankhya*), система, противопоставлявшая одностороннему спиритуализму смѣлый реализмъ, не дѣлавшая никакихъ ему уступокъ, раціоналистическая система, имѣвшая очень большое вліяніе на развитіе индійской религіозной философіи. Порядокъ, въ какомъ эти разныя системы появлялись одна за другою, не опредѣленъ съ достовѣрностью; но все онѣ, по словамъ одного изъ новѣйшихъ изслѣдователей, стремятся къ одинаковой цѣли: къ освобожденію души отъ необходимости продолжать свое существованіе, переходя изъ тѣла въ тѣло, къ доставленію ей соединенія съ душою вселенной; разница между ними лишь въ различіи средствъ, которыя находятъ онѣ ведущими къ этой цѣли. «Сколько всяческихъ страданій долженъ былъ испытать народъ, чтобы единственною задачею жизни сдѣлалось для него разрѣшеніе вопроса,

какъ освободиться отъ жизни, какъ прекратить личное существованіе!» восклицаетъ Кёппенъ.

Богословская
литература.

Непосредственною цѣлью ученыхъ брамановъ, преподававшихъ богословіе своимъ воспитанникамъ, было объясненіе темныхъ по содержанію и трудныхъ по старинному языку мѣстъ въ ритмическихъ молитвахъ и богослужебныхъ формулахъ, устраненіе противорѣчій между этими произведеніями разныхъ временъ и областей, истолкованіе всѣхъ ихъ въ одномъ и томъ же смыслѣ. Но необходимо было и доказывать, что формулы вѣрованій, жертвенные обряды и молитвы, выработанные въ теченіе вѣковъ разными жреческими корпораціями въ разныхъ мѣстностяхъ, согласны съ священными книгами. Само собою понятно, что этого нельзя было достигнуть безъ передѣлки текстовъ вставками и безъ произвола въ истолкованіи смысла ихъ. Въ придумываніи вставокъ и натянутыхъ объясненій состояла главная задача брамановъ. Для ея разрѣшенія, они учили, что изреченія мудрецовъ и преданіе имѣютъ догматическій авторитетъ и пополняютъ собою Веда; опираясь на это ученіе, они цитатами изъ преданій жреческихъ семействъ и изъ легендъ доказывали, что защищаемый ими догматъ или обрядъ не подлежитъ спору и согласенъ съ священными книгами, потому что былъ принятъ древними мудрецами и святыми. Находить такіе доводы можно было въ изобиліи, при многочисленности легендъ, и наслѣдованныхъ жреческими корпораціями преданій объ ихъ святыхъ родоначальникахъ; а если готового матеріала было недостаточно, то изобрѣтались новыя легенды, новыя житія и изреченія святыхъ.

Атарваведа.

Этою переработкою священныхъ ученій и богослужебныхъ уставовъ была создана обширная богословская литература. Въ три старыя Веда были сдѣланы вставки, и прибавлена была четвертая Веда (Атарва-Веда, Atharvaveda), въ составѣ которой есть, впрочемъ, и очень старыя, народные матеріалы. Къ старымъ пѣснямъ и молитвамъ были прибавлены ритуалы; священность этихъ богослужебныхъ формъ была доказана изреченіями святыхъ, мѣрами, сказаніями о томъ, какъ произошелъ тотъ или другой обрядъ; такимъ образомъ, къ собранію гимновъ присоединилась въ каждой Вѣдѣ вторая часть, *Браман* (Brahmana). Были составлены трактаты, доказывающіе логическими и экзегетическими доводами, что браманское вѣроученіе соответствуетъ Ведамъ, что оно даже и находится въ нихъ, что браманскіе обряды—истинныя формы богослуженія; эти трактаты называются *Упанишадами* (Upanishad).—Содержаніе Браманъ состоитъ въ изложеніи обрядовъ, символическомъ истолкованіи формъ жертвоприношенія, филологическихъ и реальныхъ объясненій тѣхъ или другихъ стиховъ богослужебнаго пѣнія, въ разсказахъ, поясняющихъ обряды. Сохранились до нашего времени только тѣ изъ Браманъ, за которыми было признано болѣе или менѣе официальное значеніе. Самая большая и важная между ними—Браманъ къ «бѣлой» Яджуръ-Вѣдѣ, Шатапатъ (Śatapatha, «сто стезей» то-есть, сто отдѣловъ).—Упанишады—философскія части Браманъ и другіе трактаты, относящіеся къ ихъ содержанію. Гвитни (Whitney) говоритъ, что части Вѣдъ, называемыя Браманами, и Упанишады «пользуются въ браманскихъ школахъ каноническимъ значеніемъ и изучаются съ такимъ же удивительнымъ усердіемъ, какъ Самгиты»—тѣ части Вѣдъ, въ которыхъ собраны гимны и которыя одни должны быть признаваемы древнимъ текстомъ Вѣдъ;—«эти трактаты—древнѣйшіе памятники индо-германской прозы».—При значительности различій въ богослужебныхъ обрядахъ и догматическихъ ученіяхъ разныхъ браманскихъ школъ и при желаніи каждой доказать преданіями и комментаріями ортодоксальность своего вѣроученія и богослуженія, количество Браманъ и Упанишадъ, теологическихъ трактатовъ философскаго и экзегетическаго характера, возросло до необозримой громадности: школы соперничали между собою, преподаватели

школы старались превзойти другъ друга ученостью и комментаторскимъ искусствомъ, привлечь къ себѣ странствующихъ учениковъ блескомъ своей славы; а ученія дѣятельность ихъ имѣла абстрактное логическое направленіе; такимъ образомъ, въ Индіи развилась схоластика, не уступающая средневѣковой европейской ни ученостью, ни логическимъ методизмомъ, ни тонкостью въ анализированіи понятій, ни педантизмомъ и формалистикою, ни хитросплетенностью аргументаціи.—«Индія представляетъ намъ совершенное подобіе схоластическаго періода Европы», говорятъ Альбрехтъ Веберъ: «Дворы царей образуютъ центры умственной жизни; браманы въ горячихъ состязаніяхъ ведутъ изслѣдованія о высочайшихъ вопросахъ, представляющихся человѣческому разуму; женщины съ пламеннымъ энтузіазмомъ погружаются въ таинства умозерцанія, импонируютъ изумленнымъ мужчинамъ глубиной и возвышенностью своихъ возрѣній и разрѣшаютъ, какъ надобно думать, судя по описаніямъ, въ сомнамбулическомъ состояніи, вопросы о священныхъ предметахъ, предлагаемые имъ». Чтобы доказывать цитатами изъ Вѣдъ догматы о переселеніи душъ, основывать на Ведахъ понятіе о Брамѣ, и тѣмъ поставить эти вѣрованія выше всякаго возраженія, браманы должны были прибѣгать къ чрезвычайно натянутымъ объясненіямъ цитируемыхъ мѣстъ, и постоянно придумывать новыя системы аргументаціи, пока, истощивъ все свое искусство, оставили Веда въ сторонѣ и стали строить силою свободного мышленія философскія вѣроученія о возникновеніи вселенной и объ отношеніи міра созданныхъ существъ къ Брамѣ.

Этому стремленію брамановъ очень большую пользу приносили умозерцанія отшельниковъ, въ одиночествѣ лѣсовъ и пустынь наполнявшихъ ничѣмъ не занятые долгіе годы своего монотоннаго существованія фантастическими размышленіями о происхожденіи вселенной изъ Брамъ и объ отношеніяхъ ея къ нему, углублявшихся мыслями въ пустую абстракцію, непрерывное размышленіе о которой разгорячало ихъ головы до экстаза, зарождавшего въ ихъ воображеніи дикія фантазмагоріи. Эти святыя стремились постичь единое и неизмѣнное въ пестрой смѣнѣ однихъ явленій природы другими, а въ области религіи подвести все разнохарактерное множество мнѣологическихъ образовъ подъ представленіе о духовномъ первобытномъ существѣ, Брамѣ. Духи и боги, которыми населило міръ живое творчество народной фантазіи, превратились у нихъ въ абстрактныя понятія, въ волокна фантастической сѣти, которою хотѣли они охватить міръ. Не стѣняясь народными вѣрованіями, они углубленнымъ въ само себя абстрактнымъ мышленіемъ строили изъ абстрактнаго понятія, изъ безформеннаго Брамъ, вселенную, царство духа и царство природы; ученая схоластика поставила себѣ задачею переработать эти продукты фантастическаго мышленія о Брамѣ, подвести ихъ подъ свой формализмъ и подчинить себѣ ихъ, привести по законамъ логики и правиламъ систематизаціи въ стройное цѣлое эти результаты созерцательной философіи.

Изъ этого непрерывнаго умственного процесса, изъ этого сочетанія формъ мышленія, законовъ логики съ продуктами созерцанія, направленного къ изслѣдованію первой причины всякаго бытія, произошли религіозно-философскія системы, возбуждающія удивленіе и своею колоссальною ученостью и проницательностью логическаго анализа. Первая изъ нихъ, еще остающаяся на почвѣ церковной ортодоксіи, «Конѣцъ Вѣдъ», *Веданта*. Опираясь на преданіе, на комментаріи мудрецовъ и на ихъ изреченія, она путемъ схоластической аргументаціи и экзегетики, доказываетъ, что въ Ведахъ вездѣ или прямо или косвенно говорится о Брамѣ, что священныя книги, будучи божественнымъ откровеніемъ, не содержатъ въ себѣ никакихъ противорѣчій, что кажущіяся несогласія между разными мѣстами ихъ устраняются правильнымъ объясненіемъ, и въ заключеніе излагаетъ, какими внѣшними и внутренними способами приобрѣтается спасеніе души.

Философія
ученія.

Веданта.

Мимамса.

Трудность согласить развивающееся философское умозрѣніе съ религиознымъ преданіемъ привела наконецъ къ смѣлому рѣшенію оставить преданіе въ сторонѣ и вывести независимымъ отъ него мышленіемъ духовный и матеріальный міръ изъ понятія о Брамѣ, поставить Брамѣ основаніемъ всякаго бытія, началомъ и концомъ. Система, въ которой сдѣлано это—Мимамса (Mimamsa, т. е. „ислѣдованіе“ или „умозрѣніе“). Задача ея требовала, чтобы было устранено внутреннее противорѣчіе, лежащее въ мысли о происхожденіи не только умственного, но и матеріальнаго міра изъ духовнаго источника, о принятіи единымъ разнообразныхъ формъ, предназначенныхъ исчезнуть въ первобытномъ единствѣ; и для устраненія его, индійская философія создала понятіе о *призрачности* (майя, мауа) міра: то, что міръ возникъ, и то, что онъ существуетъ—это лишь призракъ. Существуетъ лишь единое истинное бытіе, единая душа вселенной, Брами (въ данномъ значеніи, это слово на санскритскомъ языкѣ употребляется въ формѣ среднего рода: „Брами“ не „онъ“, а „оно“), это пвѣчное бытіе, Брами, развернулось актомъ самообмана въ многосложную вселенную; и существеннымъ качествомъ вселенной, возникшей какъ призракъ, осталась призрачность: кажущееся бытіе міра—только игра Брами призракомъ; міръ не имѣетъ и не можетъ имѣть дѣйствительнаго существованія; лишь обольщеніе нашихъ чувствъ рисуетъ намъ картину міра съ его разнообразными предметами и явленіями, а на самомъ дѣлѣ имѣетъ бытіе только единое существо, въ которомъ нѣтъ никакихъ частей, формъ или различій. Это трансцендентное Брами — единое дѣйствительно существующее; оно абсолютно и безконечно, но оно безлично. Таковъ истинный смыслъ и ученіе Ведъ, говоритъ Мимамса. Избавленіе отъ узъ личнаго бытія совершается чрезъ познаніе того, что познающій составляетъ одно съ нераздѣльнымъ, абсолютнымъ Брамию. Это исчезновеніе въ единствѣ всеобъемлющемъ бытіи, совершающееся сначала лишь мысленнымъ образомъ, освобождаетъ отъ возрожденій. — Китайцы, основаніемъ философіи которыхъ былъ дуализмъ, считали вселенную вмѣстительствомъ, отблескомъ небеснаго порядка; индійцы въ своемъ увлеченіи идею о первобытно-единомъ пришли къ отважному отричанію вселенной: „чтобы понять міръ разнообразія, индійскій умъ стремился найти единство; и когда онъ нашелъ единство, міръ исчезъ для него“, говоритъ Вуттке.

Ученіе объ
эманации.

По браманскому воззрѣнію, сотвореніе міра—истеченіе его изъ первобытной причины, развитіе его изъ зародыша; любимая тема индійской философіи, космогонія, во всѣхъ системахъ этой философіи основана на понятіи эманации. „Какъ изъ пламени, или изъ раскаленнаго желѣза происходятъ искры тысячами“, говорится въ уставѣ Ману, „такъ всѣ существа происходятъ изъ неизмѣннаго и возвращаются въ него“. Эта эманация не актъ нравственной дѣятельности, совершаемый съ яснымъ сознаніемъ и по свободной волѣ; возникновеніе міра лишь нѣчто подобное игрѣ, легкое мимолетное сновидѣніе; потому, и результатъ его ничтоженъ. Во всѣхъ проявленіяхъ индійской мысли, въ религиозной и въ политической жизни индійцевъ выказывается это чувство ничтожности міра, печальное сознаніе, что онъ, такой богатый разнообразными существами и явленіями, лишь призракъ, обманъ чувствъ, не имѣющій дѣйствительнаго существованія, не содержащій въ себѣ ничего истиннаго. По индійскому воззрѣнію, жизнь подобна „каплѣ, дрожащей на листѣ лотуса“ *). Божественныя искры,

*) «Капля, дрожащая на листѣ лотуса—такова быстро исчезающая жизнь. — Восемь горныхъ хребтовъ и семь морей, солнце и самихъ боговъ, святыхъ боговъ, тебя, меня, вселенную—все уничтожитъ время: зачѣмъ же имѣть заботу о чемъ нибудь?» (Санкара Ачарья).

излетѣвшія изъ первобытнаго духа при происхожденіи міра, сообщились всѣмъ существамъ, и степень совершенства существа, степень его близости къ Брамѣ, опредѣляется количествомъ и силою этихъ искръ въ немъ; но истекшій изъ первобытнаго свѣта блескъ ихъ не образуетъ самостоятельнаго принципа жизни въ созданіи; въ созданныхъ существахъ нѣтъ свободного, нравственнаго духа жизни; искры свѣта, истекшія изъ Брами, остаются пассивными, нераздѣльными частями Брами, не соединяются съ окружающею ихъ матеріею, съ тѣлами, въ которыхъ лежатъ, и не имѣютъ вліянія на нихъ. Духъ человѣка чуждъ внѣшнему міру, индифферентный, безчувственный ко всѣмъ ощущеніямъ, желаніямъ и мыслямъ, онъ погружается въ созерцаніе единственной своей идеи: „я Брами“. Пока душа чувствуетъ свое индивидуальное существованіе, пока ощущаетъ внѣшнія впечатлѣнія, она находится въ „омраченіи“; всѣ человѣческія дѣйствія, всѣ ощущенія радости и скорби происходятъ отъ внѣшнихъ чувствъ, отъ тѣла, и въ нихъ нѣтъ истины, они лишь кажутся существующими, а на самомъ дѣлѣ не существуютъ; человѣкъ уподобляется божеству не нравственною дѣятельностью, не свободою личной самостоятельной жизни, а отрѣшеніемъ отъ призрачнаго чувственнаго міра, познаніемъ, что человѣческая душа тождественна съ душою вселенной, что истинно существуетъ только Брами. Мыслить о вѣчной первобытной причинѣ, единой истинѣ—задача жизни, погруженіе въ Брамѣ — цѣль бытія и спасеніе. Это раздумываніе о Брамѣ, путь возвращенія духа къ самому себѣ изъ омраченія призрачнымъ міромъ чувственныхъ впечатлѣній было по индійскому воззрѣнію единственнымъ предназначеніемъ человѣка.

Итакъ, сила мысли провозгласила и смѣло развила идею, что вся реальная дѣйствительность, что все окружающее насъ—лишь призракъ, обманъ чувствъ; что истинно существуетъ только одна субстанція, невидимая душа вселенной, „производящая изъ себя, какъ мелькающіе въ водѣ пузыри воздуха, всѣ существа видимаго міра, и воспринимаящая ихъ обратно въ себя“. Въ эту первобытную субстанцію, въ это покоящееся бытіе должны возвратиться всѣ существа, какъ падающія въ океанъ капли воды. Такимъ образомъ, индійское умозерцаніе пришло къ пантеизму, уничтожавшему все: физическій и умственный міръ, природа и человѣческая душа, все исчезло во всесодержащемъ божествѣ, въ первобытномъ единствѣ; и предназначеніемъ человѣка становилось самоуничтоженіе, приведеніе своей личности къ исчезновенію, къ сліянію съ душою вселенной, Брамию.

Эта теорія, утверждавшая, что на самомъ дѣлѣ существуетъ только духовная субстанція, а существованіе міра лишь призракъ, обманъ чувствъ, глубоко укоренилась въ мысляхъ индійцевъ и считалась ортодоксальнымъ вѣроученіемъ браманской религіи; но она до такой степени противорѣчила ежеминутному свидѣтельству опыта, очевидной житейской истинѣ, что неизбежно должна была возникнуть реакція противъ нея. Въ системѣ, которая называется Санхьяю (Sankhya, „Разсмотрѣніе“, критика, анализъ) и основателемъ которой считается Капила, выступаетъ противъ пантеизма матеріализмъ: Санхья провозглашаетъ вѣчность матеріи, реальность индивидуальной жизни съ такою же отвагою и односторонностью, какъ Мимамса существованіе только одной духовной субстанціи. Основныя идеи Санхьи: первобытность матеріи и развитіе. Сила, производящая развитіе несотворенной, вѣчной матеріи — душа, тоже первобытная, вѣчная. Принимая эти два принципа, Санхья не подводитъ ихъ подъ единство, и остается дуализмомъ, хотя называетъ себя „анишварою“ (Aniśvara), то есть „безвладычною“ (атеистическою системою). Ни въ Санхьѣ, ни въ Мимамсѣ нѣтъ правильнаго разъясненія отношеній духа къ матеріи, божества къ міру. Мимамса, развивая идею о Брамѣ, отрицаетъ міръ; Санхья

Санхья.

говорить, что матеріальные предметы и существа, сознающія себя индивидуальными личностями, произведены изъ безформнаго вещества дѣйствіемъ внутреннихъ силъ его.

По системѣ Санхьи, міръ природы имѣетъ въ самомъ себѣ свой жизненный принципъ, явленія природы производятся круговоротомъ жизни; причина возникновенія, видоизмѣненія и исчезновенія предметовъ—дѣйственность внутреннихъ силъ природы. Рядомъ съ міромъ матеріальныхъ предметовъ существуетъ, по ученію Капила, міръ духовъ, тоже вѣчный, независимый и раздѣляющійся на множество частей; составные элементы частей его, простые и безкачественные, пассивно носились въ пространствѣ, и только чрезъ соединеніе съ матеріею приобрѣли сознание, волю и другія духовныя качества. Безчисленные части этого разумаго принципа, души живыхъ существъ, облекаясь матеріальнымъ тѣломъ, получаютъ форму и индивидуальную жизнь; когда тѣло, по закону своей смертности, распадается, жившая въ немъ частица разумаго принципа избираетъ себѣ по произволу другое тѣло, и становится другимъ существомъ. Эта частица, душа—пассивный безформенный принципъ, получающій свою индивидуальность и мотивы своей дѣятельности только отъ матеріальныхъ элементовъ, его облекающихъ. Вся дѣятельность, вся жизнь человека, его понятія, его самосознаніе, его ощущенія—все это принадлежитъ тѣлу его; только чрезъ тѣло духъ имѣетъ связь съ міромъ. Соединеніе духовнаго принципа съ матеріею образуетъ дѣйствительный міръ. Но и по ученію Капила душа, соединенная съ тѣломъ и чрезъ него съ матеріальною природою, находится въ состояніи, не соответствующемъ ея сущности, униженномъ, бѣдственномъ, и задача жизни—освобожденіе души изъ этихъ узъ. Но освобожденіе души производится не жертвоприношеніями и подвигами аскетизма, не дѣлами набожности, а исключительно познаніемъ истины. Такимъ образомъ, и для Капила начало премудрости—мысль, что душа существо совершенно отдѣльное отъ тѣла: духъ, познавъ свою сущность, выдѣляетъ себя изъ матеріальнаго міра, обособляетъ себя отъ тѣла, которымъ облеченъ, получаетъ сознание о самостоятельности своего существованія, о томъ, что онъ чуждъ матеріальному міру. Это «разоблаченіе духа» отъ связывающей его матеріальной одежды даетъ ему избавленіе: познавъ истину о себѣ, онъ углубится въ самого себя, устранился отъ всѣхъ вѣншихъ ощущеній и тѣмъ достигнетъ полнаго освобожденія; природа и духъ будутъ все больше и больше отдѣляться другъ отъ друга, хотя жизнь и будетъ еще нѣсколько времени длиться, «какъ приведенное въ движеніе колесо продолжаетъ вертѣться».—И такъ, и по Санхѣй верховная мудрость и святость—аскетизмъ и созерцательная жизнь.

Такимъ образомъ, различаясь отъ браманизма своими принципами, смѣло направляя на него оружіе раціонализма и скептицизма, философія Капила все-таки приходила въ результатъ къ тому же, глубоко вкоренившемуся въ индійскую мысль воззрѣнію, что вѣншній міръ не имѣетъ дѣйствительной реальности, что соединеніе духа съ матеріею лишь иллюзія, исчезающая при глубокомъ познаніи истины, и что духъ долженъ преодолѣть царство бренной матеріи.

Итакъ, индійская философія пришла къ тому же воззрѣнію, какое проповѣдывалось вѣроученіемъ брамановъ. Она разъединяла природу и духъ, помогала жрецамъ въ ихъ стремленіи разъединить душу и тѣло; выводы ея благопріятствовали суровому аскетизму подвижниковъ, считавшихъ тѣло препятствіемъ къ соединенію души съ богомъ и разрушавшихъ это препятствіе, свое тѣло, умерщвленіемъ его. Результаты научнаго изслѣдованія и религіознаго созерцанія, разви-

вая національную склонность къ покою и задумчивости, довели индійцевъ до такого преувеличеннаго аскетизма, какого не было ни у одного изъ всѣхъ остальныхъ народовъ Востока.

3) Жизнь и ученія Будды. Развитіе и распространеніе Буддизма.

Санхья, съ отважнымъ скептицизмомъ отвергавшая браманское ученіе о наполняющей собою все въ мірѣ душѣ вселенной, отрицавшая существованіе боговъ, говорившая, что матеріальный міръ развился самъ изъ себя процессомъ жизни и что этимъ же процессомъ производятся всѣ измѣненія въ природѣ, была почвою, изъ которой выросло вѣроученіе буддизма, превосходящаго всѣ другія религіи Востока числомъ своихъ послѣдователей.

Въ Капилавасту (Kapilavastu), столицѣ небольшого царства, называвшагося тѣмъ же именемъ и находившагося въ сѣверной Индіи, въ странѣ Косалъ, у предгорій Гималаевъ, родился, вѣроятно въ половинѣ VI вѣка до нашей эры, царевичъ (сиддарта, siddhartha), названный впослѣдствіи Буддою (Buddha), т. е. «пробужденнымъ» отъ ночи заблужденія, или «просвѣщеннымъ». Онъ былъ красивъ; на шестнадцатомъ году взялъ себѣ трехъ женъ и сначала жилъ въ роскоши и въ удовольствіяхъ. Но проникнувшись печалью о томъ, что въ мірѣ владычествуютъ бѣдствія, онъ на двадцать девятомъ году жизни отказался отъ короны, обрилъ себѣ голову, и, одѣвшись въ желтое платье, тайно покинулъ дворецъ и женъ; онъ удалился въ пустыню размышлять о страданіяхъ человечества и объ избавленіи людей отъ нихъ *). Онъ сталъ называть себя Шакьямуни (Śakyamuni), то есть пустынникомъ изъ воинскаго рода Шакья, или Гаутамою (Gautama), по другому родовому своему имени, и, питаясь милостынею, сначала странствовалъ по скитамъ отшельниковъ близъ города Раджагриги, поучаясь у этихъ подвижниковъ и брамановъ. Потому Магада (Magadha) считается у всѣхъ буддійскихъ народовъ отчизною ихъ религіи, хотя она и не родина ея основателя. Неудовлетворенный мудростью подвижниковъ и брамановъ, онъ черезъ нѣсколько времени удалился въ совершенное уединеніе пустыннаго лѣса на берегу Наиранджары, одного изъ южныхъ притоковъ Ганга, и прожилъ

*) Въ легендѣ это мотивируется рассказомъ, что однажды, поѣхавъ на прогулку, онъ увидѣлъ старика, больного, мертвое тѣло и жреца; это навело на него раздумье о старости, болѣзни, смерти и жреческой жизни. Послѣ того онъ посѣтилъ деревню и подъ деревомъ Гамбу (Gambu) погрузился въ размышленіе о бѣдственномъ положеніи поселенъ. (Lassen, Ind. Alt. II, 69).

тамъ шесть лѣтъ безъ огня, подвергая себя самымъ суровымъ лишеніямъ и самоистязаніямъ, углубляясь въ размышленія. Наконецъ, послѣ пятидесятидневной думы умъ его озарился, и онъ позналъ истину. Тогда онъ явился къ людямъ, какъ основатель религіи. Въ сопровожденіи нѣсколькихъ учениковъ онъ ходилъ по области Ганга, проповѣдуя въ городахъ и селахъ свое ученіе, призывая людей искать избавленія отъ страданій и печалей жизни не въ аскетизмъ и не въ мертвой формалистикѣ обрядовъ, а въ познаніи истины. Первую свою проповѣдь онъ произнесъ въ Роцѣ Газелей близъ Бенареса; это была проповѣдь о злѣ и спасеніи отъ зла. Какъ нищій, съ горшкомъ въ рукѣ для собиранія милостыни, онъ и его ученики ходили, проповѣдуя, изъ страны въ страну, изъ города въ городъ. Доброжелательный, кроткій и смиренный, Будда привлекалъ къ себѣ всѣ сердца, и скоро приобрѣлъ много послѣдователей. Совершеніе чудесъ приписывается ему лишь въ позднихъ легендахъ; но быстро распространялось убѣжденіе, что онъ обладаетъ всевѣдѣніемъ и знаетъ обо всѣхъ людяхъ, чѣмъ были они въ прежнихъ своихъ рожденіяхъ; это много помогало ему приобрѣтать прозелитовъ. Даже нѣкоторые цари стали покровительствовать его ученію; въ особенности царь Магады, могущественный Бимбисара и царь области Каушамби (Kausambi). Но наибольшее число послѣдователей находилъ онъ между бѣдняками и людьми нисшихъ классовъ, искавшими у него избавленія отъ надменности брамановъ и отъ бремени кастъ. Самъ Будда не нападалъ на кастовое устройство, но отрицаніе кастъ лежитъ въ духѣ его ученія, призывавшаго всѣхъ людей къ участию въ спасеніи. Двадцать лѣтъ ходилъ онъ, проповѣдуя; потомъ опять удалился въ уединеніе, и умеръ осьмидесятилѣтнимъ старикомъ близъ Кушинагары, на берегу Гираньявати, въ двухъ дняхъ пути отъ города, въ которомъ родился; онъ скончался, говоритъ легенда, подъ тою же смоковницею (Боди, Bodhi, «деревомъ познанія»), подъ которымъ былъ озаренъ полнымъ познаніемъ истины. Годъ его смерти опредѣляютъ различно; одни принимаютъ 477 годъ, другіе 543 годъ до Р. Х. Тѣло его было сожжено съ царскимъ великолѣпіемъ; прахъ его собранъ въ золотую урну, и впослѣдствіи распределенъ между восемью городами, имѣвшими особенно важное значеніе въ его жизни. Онъ умеръ, освободившись отъ возрожденій.

Матерія.

Подобно Санхѣ, ученіе Будды противоположно владычествовавшему браманизму тѣмъ, что не производитъ физическій міръ изъ первобытнаго духовнаго существа, а признаетъ реальность матеріальныхъ предметовъ, объясняетъ и происхожденіе и видоизмѣненія ихъ дѣятельностью силъ природы непрерывно видоизмѣняющихся и разрушающихъ то, что произвели. «Нѣтъ никакого иного существованія, кромѣ матеріальнаго; оно разнообразно; ограниченность и временность—качества всего существующаго» (Вуттке). Браманизмъ отрицаетъ міръ, Буддизмъ отрицаетъ божество.

Ничтожество
всего.

Міръ ограниченъ и по пространству и по времени. Все существующее

имѣетъ начало и конецъ; слѣдовательно, когда-нибудь оно не существовало и гдѣ-нибудь не существуетъ; потому вселенная исходитъ отъ небытія. Изъ пустоты, изъ ничего, возникаютъ въ безчисленномъ множествѣ, и одновременно и одни за другими, міры; они возникаютъ и исчезаютъ, «какъ воздушные пузыри на болотѣ». Этотъ вѣчный круговоротъ рожденія и смерти, возникновенія и исчезновенія буддисты называютъ «самсара»; онъ коренная причина всего зла. Какимъ образомъ возникаютъ міры изъ безпредѣльной пустоты, это, по ученію Будды, непостижимо человеку; человекъ долженъ ограничиваться изслѣдованіемъ фактовъ дѣйствительности.—Фантастическія космогоніи, которыми буддизмъ такъ же богатъ, какъ браманизмъ, составлены въ позднѣйшія времена.

Такимъ образомъ, основная мысль, исходный пунктъ ученія Будды—ничтожество и мимолетность всего сущаго: все суетно, все погибаетъ, и изъ развалинъ существующаго нынѣ міра не уцѣлѣетъ побѣдоносно ничто. Познаніе этого—начало премудрости; глубокое чувство скорби, «скорбь о мірѣ», міровала скорбь, начало ея. Міръ не имѣетъ причины, не имѣетъ права существовать; созданный непонятною силою мрака, онъ міръ бѣдствій, и съ самаго возникновенія своего начинаетъ склоняться къ гибели; потому все существующее имѣетъ существованіе скорбное и погибающее. «Въ глубокой скорби проводитъ свое существованіе все живое, пока подвергнется смерти; сознаніе этой скорби—начало и конецъ всей мудрости». Въ ученіи буддизма нѣтъ ни творца міра, ни души вселенной, ни вѣчной матеріи; въ немъ лишь безначальный круговоротъ возникновенія и исчезновенія, имѣющей своимъ символомъ вращающееся отъ вѣчности колесо. Сила, производящая этотъ непрерывный круговоротъ—судьба; а судьба—результатъ заслуги и вины одушевленныхъ существъ въ ихъ прежнихъ существованіяхъ.

Міръ наполненъ, какъ четырьмя морями, четырьмя основными бѣдствіями; они: рожденіе, старость, болѣзнь и смерть. Кромѣ этихъ основныхъ бѣдствій различныя существа, живущія въ трехъ отдѣлахъ міра, подвержены множеству другихъ. У человека добавочныя бѣдствія—тревоги жизни, исполненной хлопотъ и замысловъ, разочарованій и утратъ. Избавленіе отъ всѣхъ бѣдствій жизни—цѣль ученія Будды. Первый шагъ на пути къ этой цѣли—познаніе четырехъ основныхъ истинъ: «жизнь бѣдственна, бѣдствіе—всеобщій удѣлъ; есть спасеніе отъ него; но это спасеніе затруднено безчисленными препятствіями».

Бѣдственность
міра.

Познавъ бренность и ничтожество всего существующаго, человекъ легко приходитъ къ познанію, что всѣ живыя существа подвержены бѣдствіямъ и потому скорби, что такова жизнь всѣхъ ихъ, безъ всякаго исключенія; а познавъ это, онъ приходитъ къ познанію, что скорбь происходитъ отъ внѣшняго міра, отъ чувственныхъ впечатлѣній, отъ тѣла. Этимъ познаніемъ естественно порождается стремленіе освободиться отъ причинъ скорби. Освобожденіе совершается тѣмъ, что человекъ, слѣдуя закону необходимой связи причинъ и слѣдствій путемъ діалектики, открываетъ причины скорби и заботится уничтожить ихъ. Непосредственныя причины скорби—человѣческія влеченія и потребности; общее названіе ихъ—«желаніе», а «желаніе» происходитъ отъ «ощущенія». Убѣдившись размышленіемъ, что «ощущеніе» мимолетно, «пусто и суетно», человекъ освобождается отъ него, и изъ сердца исчезаетъ привязанность къ ничтожному, къ которому прежде льнуло ощущеніе и желаніе, «какъ капля воды къ листу лотуса». Точно такъ же убѣждается человекъ въ ничтожествѣ и мимолетности внѣшнихъ чувствъ и всего тѣла, и этимъ познаніемъ «освобождается» отъ ихъ «узъ». Далѣе, душа чрезъ «разсужденіе» приходитъ къ познанію, что каждый предметъ, каждое ощущеніе можетъ существо-

Цѣль познанія
истины.

вать и не существовать, что потому она существует отдѣльно отъ предметовъ и ощущеній; этимъ она освобождается и отъ нихъ; черты владычествующей надъ всѣмъ смерти непрерывно показываютъ ей ничтожество тѣлесныхъ чувствъ, ничтожество самого тѣла и внушаютъ ей познаніе, что „тѣло не имѣетъ существеннаго отношенія къ ней, что оно не душа“. А когда познано, что причины скорби не имѣютъ дѣйствительнаго существованія, то человѣкъ становится свободенъ отъ скорби, и достигаетъ размышленіемъ до такого состоянія, въ которомъ, „освободившись отъ всѣхъ узъ, отъ всѣхъ влеченій, отъ всякихъ привязанностей къ внѣшнему міру, ощущаетъ блаженный радости покоя“.

Нирвана.

Но ученіе Будды не довольствовалось приобрѣтеніемъ для души этого безболѣзненнаго покоя въ настоящей жизни, оно избавляло ее и отъ мукъ возрожденій. Будда удержалъ въ своемъ ученіи многіе изъ догматовъ браманизма, въ томъ числѣ и догматъ переселенія душъ. По закону связи причинъ и послѣдствій, состояніе человѣка въ настоящей жизни—результатъ дѣла, совершенныхъ его душою въ прежней жизни; потому, каждый человѣкъ господинъ своей судьбы, создатель ея. Путемъ такой же діалектики, какимъ шелъ въ ученіи о познаніи, Будда приходитъ къ выводу, что цѣль вселенной—возвращеніе въ *небытіе*, въ *Нирвану*, и что возрожденіе устранится лишь уничтоженіемъ индивидуальнаго существованія, угасаніемъ души, переходомъ ея изъ бытія въ небытіе. Основная причина всякаго бытія—небытіе, ограниченіе, безъ понятія о которомъ невозможно понятіе объ индивидуальномъ существованіи; это ничтожество, составляющее основную сущность міра, должно на послѣдокъ приобрѣсти полное преобладаніе надъ всѣмъ, разоблачиться отъ всѣхъ формъ. Всякое развитіе идетъ къ уничтоженію: „рѣка жизни течетъ къ уничтоженію, и, на послѣдокъ все будетъ, какъ было въ началѣ, великимъ покоемъ небытія“.—Рожденіе—бѣдствіе; потому только вѣчная смерть, только угасновеніе жизни въ Нирванѣ, въ безконечной пустотѣ, даетъ истинное спасеніе. Причина жизни человѣка—природа человѣка, его душа, необходимостью своей мыслящей сущности вынужденная принимать все новыя формы, все облекаться новою одеждою „изъ матеріальной ткани, изъ элементовъ внѣшняго міра“. Этотъ непрерывный рядъ переселеній души прекращается только уничтоженіемъ мыслящей сущности души; лишь когда жизненный принципъ души исчезаетъ въ Нирванѣ, личность достигаетъ покоя.—Такимъ образомъ, задача жизни состоитъ, по ученію Будды, въ томъ, чтобы душа освободилась отъ связи съ предметами нынѣшняго міра, познавъ ихъ ничтожество и мимолетность, и чтобы, освободившись отъ этихъ узъ, достигла уничтоженія и мыслящая сущность души, причина индивидуальной жизни, чтобы уничтожилось то, чѣмъ обуславливается возможность личнаго существованія, чтобы прекратилось самосознаніе и чтобы душа исчезла въ Нирванѣ, въ той абсолютной пустотѣ, гдѣ не остается ничего изъ элементовъ бытія, нѣтъ индивидуальнаго бытія, исчезаютъ форма, чувство, мысль, сознаніе“, и чтобы исчезновеніе души было вѣчное, безъ возрожденія. Для достиженія этой цѣли душа должна устраниться отъ всякихъ реальныхъ и мысленныхъ соприкосновеній съ міромъ. Итакъ, по ученію Будды, высочайшее благо состоитъ въ свободѣ отъ всякаго ощущенія и представленія, въ полномъ уничтоженіи мыслительной силы человѣка; оно совершается переходомъ души въ Нирвану, въ „угасаніе“ („Нирвана“ значитъ угасаніе); Будда представляетъ себѣ переходъ души въ это состояніе какъ угасаніе лампы, когда сгоритъ въ ней все масло. Но остается не рѣшенъ вопросъ, какъ понимать Нирвану Будды: совершенное ли уничтоженіе души она, или состояніе покоя, равно чуждаго и пріятнаго и непріятнаго ощущеніямъ. Во всякомъ случаѣ, она угасаніе индивидуальности: по ученію

Высочайшее
благо.

Будды, величайшее бѣдствіе—само существованіе; Будда освобождаетъ отъ существованія; душа, потерявшая всякое желаніе существовать, не возрождается. Души рождаются одна за другой, какъ изъ сѣмени прежняго дерева вырастаетъ новое дерево; этотъ рядъ душъ постепенно угасаетъ; и когда онъ на послѣдокъ весь угасъ, это Нирвана.—Путь, ведущій къ Нирванѣ, сосредоточеніе (самади, *samadhi*) и умосозерцаніе (дхяна, *dhyana*), удаленіе отъ міра явленій и обманчивости, отрѣшеніе отъ всякаго опредѣленнаго желанія и мышленія, совершенная пустота мысли и апатія.—Буддисты позднѣйшаго времени понимали Нирвану не одинаково: нѣкоторые говорили, что „угасаніе“ души—вполнѣ безтревожный покой и апатія, но съ сохраненіемъ самосознанія личности, другіе утверждали, что оно—исчезновеніе жизненнаго принципа въ безпредѣльной пустотѣ. Но во всякомъ случаѣ очевидна связь буддійскаго міровоззрѣнія съ браманскимъ. Матеріальный міръ не имѣетъ истиннаго существованія, сущность его—скорбь и страданіе, предназначеніе его—погибель; блаженство наступаетъ лишь, когда индивидуальное существованіе исчезаетъ въ единой субстанціи; въ этомъ, буддизмъ согласенъ съ браманизмомъ; разница лишь та, что по браманскому воззрѣнію жизненный принципъ, часть души вселенной, возвращается въ нее; а въ буддійскомъ ученіи онъ матеріальное существо, и по господствующему надъ нимъ закону всего матеріальнаго, подвергается совершенному уничтоженію. Правильно опредѣлить отношеніе духа къ матеріи, всеобщаго къ индивидуальному, осталось задачей, не разрѣшенною индійскимъ мышленіемъ.

Понятіе о высочайшемъ благѣ и о послѣдней цѣли жизни въ ученіи Будды согласно съ вѣроученіемъ брамановъ; сходство его съ браманизмомъ не ограничивается этимъ. Діалектическій ходъ умозрѣнія, фантастическая утрировка идей, способы къ достиженію цѣли жизни, къ прекращенію безконечнаго ряда переселеній души—все это въ буддизмѣ одинаково съ браманскими понятіями; оба вѣроученія ставили задачей жизни полнѣйшее, какъ только возможно, освобожденіе души отъ узъ тѣла, отъ вліяній призрачнаго и матеріальнаго міра; это производилось въ браманизмѣ размышленіемъ о Брамѣ, въ буддизмѣ постепеннымъ распаденіемъ всѣхъ элементовъ индивидуальнаго существованія, подавленіемъ всякихъ ощущеній, всякихъ мыслей; уничтоженіе плоти аскетизмомъ было заповѣдью въ обоихъ вѣроученіяхъ. Только внѣшними формами и практическими правилами разнился буддизмъ отъ браманизма. Подобно браманамъ, Будда требовалъ полнаго отреченія отъ міра, его удовольствій и соблазновъ; но онъ отвергалъ суровыя и свирѣпыя браманскія самоистязанія. Какъ самъ онъ съ обритою головою и бородою ходилъ въ простой желтой одеждѣ по свѣту, питаясь милостынею и показывая народу путь къ спасенію, такъ и ученики его должны были проводить жизнь въ цѣломудріи и въ бѣдности, нищетою своею свидѣтельствуя о ничтожности всего земнаго. Истинно желающій спастись долженъ жить отшельникомъ или бездомнымъ скитальцемъ, носить одежду спитую изъ желтыхъ лохмотьевъ, питаться милостынею, отречься отъ брака и семейной жизни, выказывать холодное равнодушіе и къ радости и къ печали, быть вполнѣ апатичнымъ. Въ мертвенномъ спокойствіи души онъ долженъ глубоко презирать все преходящее и плотское.

Итакъ, призваніемъ буддійскаго святаго, желавшаго освободиться отъ плотскихъ узъ, должна была быть жизнь отшельника, нищаго; но человѣческія потребности взяли верхъ надъ логикою. Не всѣ

Вгнѣшу.

люди могут быть нищими, не все могут жить в безбрачии. Поэтому практика установила различие между вѣрующими: строгіе послѣдователи вѣроучителя, посвящая себя изслѣдованію высшихъ истинъ, удалялись отъ міра, жили в цѣломудріи и бѣдности отшельниками или монахами; другіе, слѣдуя вообще ученіямъ и заповѣдямъ Будды, не отказывались отъ міра, отъ практической дѣятельности и брачной жизни; и со временемъ образовались у буддистовъ два сословія: духовное (бгикшу, bhikshu) и мірское. Все легенды говорятъ, что уже и самъ Будда позволялъ желающимъ быть его послѣдователями не давать обѣта цѣломудрія и нищеты, но дѣлаться отшельниками или монахами. Эти міряне назывались упасака. То, что в буддизмѣ, кромѣ бгикшу, нищенствующихъ духовныхъ, были упасака, давало ему широкій успѣхъ. По ученію брамановъ, пріобрѣтали святость, пользовались привилегіями своей религіи только сами браманы; они в духовномъ высокомеріи, в ученѣмъ тщеславіи держали себя далеко отъ низшихъ сословій и устраняли очень большую долю населенія отъ всякаго религіознаго образованія, отъ всехъ благъ, даваемыхъ священной наукою. Будда хотѣлъ, если не уничтожить, то по крайней мѣрѣ уменьшить, сколько возможно, бѣдствія всехъ людей. Онъ хотѣлъ, чтобы плодами его проповѣди спасенія пользовались и тѣ классы, которые не могутъ вполне предаться размышленію и познанію, а потому не могутъ совершенно освободиться отъ земныхъ страданій и отъ тяжкаго ига возрожденій; онъ желалъ, чтобы они по крайней мѣрѣ научились легче выносить земныя бѣдствія, менѣе чувствовать бремя ихъ. Онъ училъ, что степень спасенія соразмѣрна степени познанія истины и отреченія отъ міра; что каждый, слѣдующій его ученіямъ и заповѣдямъ, преодолеваетъ житейскія страданія; это дѣлало каждого господиномъ своей судьбы, соучастникомъ благодати, даваемой вѣроученіемъ Будды.

Буддическое
ученіе о нрав-
ственности.

Исходя отъ своей основной мысли, что всякое существованіе—бѣдствіе, что главная причина страданій—міръ, Будда ставитъ обязанностью своихъ послѣдователей имѣть какъ можно менѣе соприкосновеній съ этимъ по самой сущности своей грѣховнымъ міромъ, жить просто, тихо и мирно, и „влагать спокойствіе в чувственность“. Усмиряй свои влеченія, желанія и похоти, страсти и чувственные волненія, умерщвляй плоть, не привязывайся къ ничтожнымъ радостямъ и бреннымъ вещамъ земнаго міра,—таковы по ученію Будды обязанности человѣка относительно самого себя. Потому буддизмъ прославляетъ умеренность в удовлетвореніи физическихъ потребностей, воздержаніе отъ всякихъ пороковъ, отъ чувственныхъ наслажденій, отъ роскоши и великолѣпія, простоту жизни, цѣломудріе; это важнѣйшія добродѣтели. Терпѣливо и кротко переноси несправедливости и обиды, не имѣй ненависти за нихъ, не мсти; уменьшай любовью и благотвореніемъ, ласковостью и братскимъ расположеніемъ страданія людей, братьевъ твоихъ, въ юдоли земной скорби,—таковы обязанности человѣка относительно другихъ. Потому буддизмъ настоятельнѣйшимъ образомъ внушаетъ людямъ благотворительность, уменьшающую бѣдствія земной жизни:

люди должны помогать бѣднымъ, заботиться о больныхъ, давать гостепріимный пріютъ путникамъ и пилигримамъ, сажать по дорогамъ тѣнистыя и фруктовыя деревья, устраивать колодези и т. п. Все эгоистическіе и суровыя поступки увеличиваютъ бѣдственность земной жизни; высочайшая добродѣтель—молчаливое перенесеніе всего непріятнаго, тихая терпѣливость сердца, угнетеннаго скорбью. Кѣнненъ говоритъ: „Китайскіе путешественники свидѣтельствуютъ, что в буддическихъ царствахъ Индіи было не только запрещено приносить людей в жертву, но и была отменена смертная казнь“. Буддизмъ настойчиво предписывалъ человѣку милосердіе и къ животнымъ; его заповѣди о кротости къ нимъ шли дальше даже браманскихъ. Нельзя убивать никакого живаго существа, человѣка ли, мельчайшее ли насѣкомое; потому что должно уменьшать страданія, а не увеличивать ихъ. Буддическій царь Магады, Асока внесъ в государственные законы запрещеніе убивать животныхъ. Позднѣйшія легенды о Буддѣ очень любятъ рассказывать такія черты изъ жизни вѣроучителя, которыя свидѣтельствуютъ о сострадательности его сердца ко всемъ живымъ существамъ, до червяка и до паразитныхъ насѣкомыхъ. „Такимъ образомъ, нравственное ученіе Будды сводится къ тремъ принципамъ: цѣломудріе, терпѣніе и милосердіе; человѣкъ долженъ жить умеренно и чуждаться страстей; долженъ терпѣливо переносить все несправедливости и все неизбежныя бѣдствія; долженъ быть сострадательнъ и помогать ближнимъ. Древняя формула говоритъ: воздержаніе отъ всего дурнаго, исполненіе хорошаго, усмиреніе своихъ мыслей—въ этомъ состоитъ ученіе Будды“. (Дункеръ).

Правила нравственности, соотвѣтствовавшія характеру индійцевъ и угнетенному положенію народа, доброе сердце и ласковость Будды, безтрепетная смѣлость, съ какою отвергалъ онъ уставы жреческаго преданія и предразсудки кастовой іерархіи—все это быстро пріобрѣло его ученію много приверженцевъ; число ихъ возрастало соразмѣрно ненависти брамановъ къ нему и его ученикамъ, соразмѣрно гоненіямъ на него и его помощниковъ. Правда, в своихъ метафизическихъ умозрѣніяхъ, в своихъ теоріяхъ, переполненныхъ восточнымъ мистицизмомъ и фантазерствомъ, Будда стоялъ на браманской почвѣ, такъ что сначала принимали его за одного изъ браманскихъ подвижниковъ; но скоро стали замѣчать, что смыслъ его ученія противорѣчитъ браманизму. Браманы, гордые своимъ происхожденіемъ, своими привилегіями, своею святостью и ученостью, съ высокомернымъ презрѣніемъ устраняли отъ себя народъ, все расширяли разграниченія между кастами и дѣлали монополіею своихъ школъ спасительное вѣроученіе, основанное на боговдохновенныхъ писаніяхъ. Будда проповѣдовалъ равенство всехъ людей, обращался съ ученіемъ своимъ ко всему народу безъ различія сословій, не къ однимъ двиджамъ, «дваждырожденнымъ», но и къ шудрамъ, и къ чандаламъ; и къ рабамъ, и къ женщинамъ, не къ однимъ свободнымъ мужчинамъ; онъ отвергалъ глубоко вкорененные на востокѣ предразсудки національной и сословной привилегированности. По разсчету благоразумія, онъ не требовалъ уничтоженія іерархіи кастъ, не столько

нападалъ на нее, сколько игнорировалъ ее; но онъ отвергалъ ее фактически: онъ называлъ свое ученіе «закономъ благодати для всѣхъ», принималъ въ число своихъ учениковъ, научалъ высочайшей истинѣ людей всѣхъ кастъ, даже людей извергнутыхъ изъ кастъ, и рабовъ, и женщинъ; онъ училъ, что различіе между людьми определяется поступками и понятіями ихъ. Только познаніе истины и исполненіе обязанностей даетъ превосходство надъ другими; а происхожденіе человѣка, тѣлесныя различія между людьми, всякія иныя внѣшнія разницы—все это ничтожно; добродѣтели не распредѣляются по кастамъ, и въ самомъ дурномъ тѣлѣ можетъ обитать прекрасная душа. Уча на улицахъ и площадяхъ, на поляхъ, онъ проповѣдовалъ обыкновенно не на языкѣ ученыхъ, священномъ санскритскомъ, а на языкѣ народа, палийскомъ *); онъ проповѣдовалъ бѣднымъ и презираемымъ, трудящимся и обременнымъ, внушая имъ, что нынѣшняя участь ихъ—слѣдствіе вины ихъ въ прежнемъ существованіи, ободоря ихъ надеждою на то, что бѣдственная жизнь ихъ скоро угаснетъ въ Нирванѣ, если они примутъ его ученіе и будутъ соблюдать его заповѣди. Браманы тщеславились своею святостью и подобно фари-сеямъ благодарили Бога за то, что они не таковы, какъ мытари и грѣшники, вайшьи и шудры; Будда училъ смиренію и самоуничженію, былъ самъ примѣромъ этихъ добродѣтелей, и говорилъ объ одинаковомъ ничтожествѣ, одинаковой бренности всего земнаго; училъ не гордиться дѣлами набожности, не надѣвать личину святости, а въ смиренномъ покаяніи сознать свои слабости, потому что всѣ люди слабы; если человѣкъ согрѣшилъ, дѣломъ ли, словомъ ли, или помысленіемъ, онъ долженъ исповѣдать прегрѣшенія свои передъ единовѣрными ему или предъ людьми, достигшими болѣе высокой святости, чѣмъ онъ, и долженъ загладить свою вину раскаяніемъ и исправленіемъ, а не дѣлами внѣшняго аскетизма и обрядами, которые только увеличиваютъ скорби бытія. Вѣрными путями къ спасенію служатъ, по его ученію, не дѣла наружнаго благочестія, состоящаго въ точномъ соблюденіи обрядовъ и чтеніи непонятныхъ формулъ, въ жертвоприношеніяхъ и церемоніалахъ, а грустное познаваніе ничтожности всего земнаго, спокойное отреченіе отъ суеты, состраданіе и милосердіе; онъ проповѣдовалъ не очищенія и самоистязанія, а молчаливую покорность своей участи, терпѣніе, смиреніе и не тяжкій аске-

Популярный
характеръ буд-
дизма.

*) Лассенъ говоритъ: вѣроятно Будда сообразовался съ тѣмъ, къ какому сословію принадлежатъ его слушатели, и проповѣдовалъ браманамъ на ихъ священномъ языкѣ, а народу на народномъ, палийскомъ. Только древнѣйшія части буддійскихъ священныхъ книгъ писаны по санскритски; это признаны на третьемъ соборѣ священныхъ книгъ сѣверныхъ буддистовъ (на сѣверѣ, центромъ буддизма были страны Косалъ и Виде-говъ; центромъ южныхъ буддистовъ былъ Цейлонъ). Священные книги южныхъ буддистовъ писаны на палийскомъ языкѣ.

тизмъ; онъ не ужасалъ умы грознымъ рядомъ возрожденій и муками ада за малѣйшее нарушеніе безчисленныхъ заповѣдей и уставовъ, а провозгласилъ радостную вѣсть, что соблюденіемъ пассивныхъ добродѣтелей, не слишкомъ труднымъ для преданнаго квіэтизму Востока, человѣкъ можетъ сократить переселенія своей души, искупить прирожденную ему грѣховность, и достичь перехода изъ скорбнаго земного бытія въ блаженный покой Нирваны.

Отвергая касты и смягчая ученіе о переселеніи душъ, Будда на-Устраненіе свя- носилъ тяжелый ударъ браманизму; а безмолвно устраняя священныя щенныхъ книгъ книги Ведъ, онъ совершенно подсекалъ подъ самый корень все вѣ-и браманской роученіе, созданное съ такимъ искусствомъ и такою расчетливостью теологіи. вѣковыми трудами жрецовъ: онъ отнималъ этимъ всякій авторитетъ у браманской ученой теологіи съ ея преданіями и обрядами, колебалъ и догматику и богослуженіе брамановъ, низвергалъ всю обширную индійскую міеологію съ ея странными фантазмагоріями. Но и тутъ онъ дѣйствовалъ очень осторожно, щадилъ привычныя народу понятія и ученія. Ставя спасеніе души человѣка въ зависимость отъ его собственнаго познанія истины, онъ подрывалъ вѣру въ божественное откровеніе, авторитетъ священныхъ книгъ; это низвергало всю построенную трудами брамановъ схоластику; дѣлая первымъ и единственнымъ основаніемъ своего ученія идею о ничтожествѣ всѣхъ существъ, онъ обращалъ въ ничтожество и древнихъ боговъ. Эти тьмочисленные боги и духи, которыми наполнили браманы небо и землю, всѣ исчезали отъ ученія Будды о ничтожествѣ и о скорби вселенной. Но Будда щадилъ вѣрованія народа.—Буддизмъ «ученіе, прямо противоположное браманской религіи, отрицаніе ведійскихъ боговъ, возвѣщеніе новыхъ философскихъ и соціальныхъ идей» (Максъ Миллеръ). Какъ браманы послѣ выработки своего ученія о душѣ вселенной оставляли въ неприкосновенности древній обычай приносить жертвы за умершихъ, такъ и Будда оставлялъ народу многія изъ браманскихъ ученій и уставовъ; но онъ старался дать имъ иной смыслъ.

Такъ, на примѣръ, въ ученіи объ устройствѣ вселенной Будда нашелъ мѣсто и для браманскихъ боговъ: вселенная имѣетъ три части, раздѣляющіяся на ступени; браманскіе боги занимаютъ высшія ступени, окружающія гору Меру (Meru).—По ученію Будды, вселенная состоитъ изъ трехъ частей: нижняя часть ея—матеріальный міръ чувственныхъ желаній; онъ имѣетъ шесть отдѣловъ; надъ нимъ находится міръ цвѣтотъ свѣта, менѣе матеріальный, но все еще міръ образовъ, индивидуальныхъ веществъ; онъ имѣетъ осьмнадцать ступеней; надъ нимъ лежитъ безцвѣтный міръ, въ которомъ нѣтъ никакихъ образовъ, никакихъ желаній, никакой неудовлетворенности; на высшей изъ его четырехъ ступеней нѣтъ уже никакой индивидуальной жизни, никакого сознанія: тамъ совершенное небытіе.

Но вѣрованіе въ боговъ и духовъ коренилось такъ глубоко въ Обогащеніе характеръ одареннаго пылкою фантазіею индійскаго народа, что бра-Будды.

манскіе боги необходимо должны были съ теченіемъ времени найти себѣ входъ въ буддійскую религію. Новое ученіе, говорившее, что люди могутъ познаніемъ ничтожества всѣхъ индивидуальныхъ существъ, терпѣніемъ, состраданіемъ и милосердіемъ избавиться отъ земныхъ бѣдствій, достичь вѣчнаго покоя въ Нирванѣ, производило сначала такое впечатлѣніе, что уничтожало вѣрованіе въ боговъ и святыхъ, въ сверхъ-естественное могущество подвижниковъ. Но религіозное чувство народа не могло надолго удовлетвориться вѣрою, состоящею только въ нравственныхъ правилахъ и абстрактныхъ умозерцаніяхъ. Человѣческое сердце жаждало вѣрованія въ личное существо, которое, будучи идеаломъ добродѣтели и мудрости, обладало бѣ и высочайшимъ могуществомъ, и помогало бы вѣрующимъ людямъ въ скорбяхъ ихъ земной жизни. Такою идеальною личностью могъ быть въ понятіяхъ послѣдователей Будды только онъ самъ; потому они скоро вознесли его выше человѣческой природы, облекли его божественнымъ величіемъ, создали о немъ и чудесахъ его легенды, не уступающія фантастичностью браманскимъ вымысламъ, и дѣлавшія его всемогущимъ божествомъ, имѣющимъ сверхъ-естественныя качества. Онъ, бывшій для своихъ современниковъ только мудрѣйшимъ и добродѣтельнѣйшимъ изъ людей, учившій, что человѣкъ долженъ скрывать свои добрыя дѣла и исповѣдывать дурныя, скоро сталъ окруженъ такимъ же ореоломъ чудесной святости, какъ великіе подвижники браманизма. «Онъ, не оставившій во всей вселенной никакого мѣста божественному существу, самъ былъ обоготворенъ массами, хотѣвшими имѣть личность, которой бы могли они поклоняться, царя, котораго могли-бы просить о помощи, друга, предъ которымъ могли-бы изливать свою тайную печаль». (Максъ Миллеръ). Его стали чтить не столько за его ученіе, сколько за его дивную мудрость, которою превзошелъ онъ браманскихъ мудрецовъ, и за его силу творить чудеса, которою преодолѣлъ онъ и покорилъ себѣ браманскихъ святыхъ и боговъ. Брама, Индра и весь сонмъ боговъ и духовъ, наполнявшихъ множествомъ своимъ небо, воздухъ и землю, приняли законъ Будды и стали повиноваться ему. Такимъ образомъ и въ буддизмъ проникло многобожіе; разница съ прежнимъ была только та, что побѣжденнымъ богамъ не воздавалось богослужбное почитаніе, не удостоивались они быть предметами самостоятельнаго культа. Они составили какъ будто придворный штатъ Будды, могущество и величіе котораго получили черезъ это еще болѣе яркаго блеска.

Поклоненіе
Буддѣ.

Это почитаніе вѣроучителя, идеала божественной мудрости и добродѣтели, которыми уменьшаются страданія земной жизни и достигается блаженная смерть безъ возрожденія, сдѣлалось центромъ богослуженія у вѣрующихъ. Ученіе, не признававшее никакого творца или хранителя міра, должно было вначалѣ не имѣть никакого культа. Буддизмъ въ первоначальной своей чистотѣ и не имѣетъ культа; Будда не за-

повѣдалъ никакихъ жертвъ, обрядовъ или молитвъ. Съ теченіемъ времени, поклоненіе божеству замѣнилось у буддистовъ поклоненіемъ изображеніямъ и реликвіямъ (останкамъ). А формулы вѣроисповѣданія и гимны въ славу Будды и его святыхъ появились, вѣроятно, очень рано. Позднѣе, стало вмѣняться въ заслугу передъ богомъ и самое произнесеніе звуковъ священныхъ формулъ, хотя-бъ и безъ пониманія ихъ, по незнанію ихъ языка. Поклоненіе Буддѣ скоро стало поклоненіемъ тѣлеснымъ остаткамъ божественнаго мудреца: его зубы, волоса, кости и проч. были раздѣлены на тысячи долей, розданы по всей странѣ; они были положены въ драгоценныя золотыя, серебряныя, хрустальныя сосуды, украшенные дорогими камнями, хранились въ построенныхъ для того монументальныхъ зданіяхъ и храмахъ. — Буддійскія монументальныя сооруженія, ступы (stupa), имѣютъ обыкновенно форму цилиндра съ куполомъ. По преданію, множество ихъ построилъ въ половинѣ III вѣка до Р. Х. царь магадскій Асока или Ашока (Асока); раздѣливъ на 84,000 частицъ хранившіеся въ восьми городахъ остатки тѣла Будды, онъ разослалъ ихъ по городамъ и мѣстечкамъ своего царства, и велѣлъ построить храмы для нихъ. Итакъ, земное тѣло, которое Будда называлъ брэнною, ничтожною, недостойною вниманія оболочкою, и безжизненными остатками котораго гнушались брамаы, стало для послѣдователей Мудраго предметомъ поклоненія, эмблемою вѣры, центромъ культа. Догматика слѣдующихъ вѣковъ говорила, что Будда былъ воплощеніемъ божества; потому логично было, что вѣрующіе въ него прибавили къ реликвіямъ новые предметы поклоненія: они воздвигали въ храмахъ статуи Будды, увѣковѣчивали изображеніями славу дѣлъ и чудесъ его, писали на стѣнахъ храмовъ, для непрерывнаго напоминанія, изреченія его и главные догматы основанной имъ религіи. Они изображали его сидящимъ, со сложенными руками, въ спокойной позѣ размышляющаго или учащаго, и придавали ему всѣ тѣлесныя совершенства. Другіе Будды, въ которыхъ воплощалось божество раньше и позже своего воплощенія въ Шакьямуни, особенно Будда Майтрея (Maitreya), тоже были сдѣланы предметами почитанія и во славу ихъ тоже воздвигались статуи. Получивъ такое направление, буддизмъ далъ сильное развитіе индійской пластикѣ и архитектурѣ. — Обряды богослуженія въ буддійскихъ храмахъ были очень простые. Религія всемірной скорби и милосердія не могла допустить кровавыхъ жертвъ; потому богослуженіе состояло главнымъ образомъ въ назиданіи собранія чтеніемъ ученій Будды, сказаній о жизни и чудесахъ его, въ благоговѣйномъ приношеніи цвѣтовъ ему и куреніи предъ нимъ ароматовъ, въ молитвахъ обращенныхъ къ нему; молитвы первоначально были только изліяніями чувствъ, исповѣданіемъ грѣховъ, высказываніями просьбъ и благословеній; но мало по малу получали неизмѣнныя формы и превратились въ машинальное чтеніе предписанныхъ молитвословій.

Ступы.

Вигары и буд-
дйское мона-
шество.

При храмахъ, ступахъ, обыкновенно находились в и г а р ы (vihara), большіе дома для общежитія, въ которыхъ наиболѣе усердные послѣдователи Будды, получившіе посвященіе въ санъ бгикшу (нищихъ) или Шрамановъ (Śramaṇa, «успокоившихъ свои чувства»), проводили по заповѣди учителя часть года, занимаясь въ своихъ собраніяхъ молитвами, назидательными бесѣдами, слушая проповѣди. Вигары были раздѣлены на кельи; были кельи для мужчинъ, были кельи и для женщинъ, потому что въ санъ бгикшу были посвящаемы и женщины. Вигарою управлялъ особый старшина. Все это было похоже на христіанскіе монастыри. Будда заповѣдалъ своимъ ученикамъ цѣломудріе и нищету, заповѣдалъ вести бездѣйственную, созерцательную жизнь въ лѣсахъ и пустыняхъ, питаясь подаяніями, какія безъ ихъ прошенія будутъ опускаемы въ ихъ нищенскіе горшки; заповѣдалъ имъ жить подъ плотнымъ кровомъ лишь въ періоды дождей, заповѣдалъ вдумываться въ тѣ его ученія, которыя не ясны для нихъ. Въ тѣхъ мѣстахъ, куда бгикшу, исполняя эти заповѣди, сходились «жить во время дождей», и у святилищъ, гдѣ хранились реликвіи, были построены большія зданія для общежительства имъ, были установлены правила, слѣдуя которымъ бгикшу проводили тутъ время въ молитвѣ и въ изученіи священныхъ книгъ. Эти монастыри были обыкновенно въ пріятныхъ мѣстоположеніяхъ, были снабжены всѣми удобствами, и бгикшу имѣли свободное право возвратиться въ мірскую жизнь. Аскетизмъ въ вигарахъ былъ не суровый, и хорошо жилось въ нихъ бгикшу, созываемымъ на общія молитвы ударами въ металлическія доски или звономъ колоколовъ.

Степени мона-
шеской іерар-
хіи.

Будда посвящалъ въ санъ Бгикшу всѣхъ, увѣровавшихъ въ его ученіе и желавшихъ жить, по его примѣру, въ бѣдности. Но послѣ приливъ желающихъ сталъ такъ великъ, что сдѣлалось необходимою установить правила, ограничивающія принятіе ихъ въ число монашествующихъ и ввести распредѣленіе монаховъ на классы по степенямъ святости ихъ жизни. Было постановлено: вступленіе въ монашеское братство не дозволяется раньше достиженія человекомъ двадцатилѣтняго возраста; не дозволяется безъ согласія родителей; не принимаются люди, имѣющіе физическіе недостатки и прокаженные; принятію предшествуетъ послушничество;—впрочемъ, срокъ этого испытанія былъ непродолжителенъ; испытываемый учился въ это время догматамъ вѣры. Кромѣ того, что была должность начальника общины, были установлены три степени монашеской іерархіи, соответствовавшія степенямъ добродѣтели, познанія и отрѣшенности отъ узъ личной жизни; высшія степени были получаемы спасающимся по порядку, высшая послѣ низшей. Эти три степени спасенія были, по порядку своей святости: *сакридагаминъ* (sakkidagamin), *анагаминъ* (anagamin) и *аргатъ* (arhat). Сакридагамину еще предстояло возрожденіе, но только ужъ одно; на слѣдующихъ двухъ степеняхъ, человекъ избавленъ отъ возрожденія; онъ, умирая, прямо входитъ въ Нирвану. Аргаты свободны отъ подвластности законамъ физической природы и обладаютъ сверхъ-естественными силами, которыя обращаютъ они на смягченіе владычествующихъ въ мірѣ бѣдствій и скорби; они принадлежатъ къ разряду существъ, называемыхъ *Бодисаттвами*

(Bodhisattva), духовъ-хранителей, помогающихъ людямъ; ихъ предназначеніе: помогать всѣмъ людямъ сдѣлаться Буддами; этою помощью людямъ они приближаютъ вселенную къ цѣли ея существованія, состоящей въ томъ, чтобы всѣ существа достигли вѣчнаго спасенія.—Кѣппенъ говоритъ, что не ясно, на чемъ именно было основано опредѣленіе перехода со степени сакридагамина (человѣка, которому предстоитъ только одно возрожденіе) на степень анагамина (человѣка, избавившагося отъ возрожденія); нельзя рѣшить, проявлялся-ль этотъ переходъ какими-нибудь признаками, или вполне зависѣлъ отъ воображенія и вѣрованія, такъ что спасающійся считалъ себя сакридагаминомъ или анагаминомъ, какъ вздумается ему самому.—Аргатъ свободенъ отъ грѣха, свободенъ отъ незнанія, свободенъ отъ ограниченій и условій индивидуальной жизни. Бодисаттва стремится спасти изъ безпредѣльнаго моря смерти и рожденія не только себя, но и всѣ существа всякихъ разрядовъ. При слѣдующемъ рожденіи, онъ становится Буддою.

Стремленіе буддистовъ соединиться для религіозныхъ занятій, вы- Соборы и сутра.
казывающееся быстрымъ размноженіемъ вигаръ и возростаніемъ числа Бгикшу, проявляется еще въ болѣе крупномъ размѣрѣ тѣмъ, что они ввели у себя соборы для установленія догматовъ вѣры, правилъ нравственности и церковной дисциплины, словомъ для приданія согласія и единства своимъ религіознымъ учрежденіямъ. Легенда говоритъ, что черезъ нѣсколько лѣтъ по смерти Будды, Кашьяпа (Kāśyapa), изъ всѣхъ учениковъ Будды бывший самымъ близкимъ къ сердцу своего учителя, созвалъ, съ согласія магадскаго царя А д ж а т а ш а т р у (Ajataśatru), обращеннаго имъ въ буддизмъ, «собраніе благаго закона»,—соборъ вліятельнѣйшихъ и добродѣтельнѣйшихъ послѣдователей новой религіи. (Аджаташатру царствовалъ съ 546 до 514 г.) На этомъ полномъ соборѣ, происходившемъ въ Раджагригѣ, начавшемся въ періодъ дождей, продолжавшемся семь мѣсяцевъ, были записаны по воспоминаніямъ его членовъ, ученія и заповѣди, изреченія и установленія Будды, и составленный такимъ образомъ сборникъ былъ признанъ священнымъ. Онъ раздѣляется на три части, потому называется Т р и п и т а к а («Три корзины»). Первый отдѣлъ его, С у т р а (Sutra) заключаетъ въ себѣ изреченія и проповѣди Будды; второй, В и н а я (Vinaya), правила церковной дисциплины; третій отдѣлъ, А б и д а р м а (Abhidharma), содержитъ въ себѣ догматику или принципы философіи. Преданіе говоритъ, что этотъ священный законъ, составленный по воспоминаніямъ и свидѣтельствамъ учениковъ и современниковъ Будды, въ слѣдующія поколѣнія подвергся многимъ нарушеніямъ, что Бгикшу начали предаваться житейскимъ удовольствіямъ и нравственные правила ихъ ослабѣли, и что тогда человекъ, знаменитый добродѣтельною жизнью и религіозною мудростью, Р е в а к а, созвалъ, съ согласія царя К а л а ш о к и (Kāśoka) въ новую столицу царства, Паталипутру (Pataliputra), второй вселенскій соборъ (около 430 года до Р. Х.) для того, чтобы вновь «установить благой законъ». Этотъ соборъ, на которомъ присутствовало около 700 ува-

жаемыхъ лицъ, буддійскаго духовенства, возстановилъ въ первоначальной чистотѣ Сутру, священную каноническую книгу, отвергъ нововведенія и отлучилъ отъ церкви тѣхъ, которые не отреклись отъ своихъ заблужденій. Послѣ того, буддизмъ сталъ распадаться на секты. Въ третій и послѣдній разъ священная книга закона была рецензирована на третьемъ торжественномъ соборѣ, который былъ созванъ около 246 года до Р. Х. царемъ Асокою, ревностнымъ покровителемъ и распространителемъ буддизма, сдѣлавшимъ его государственною религіею въ своемъ царствѣ. Причиной созванія собора было то, что браманы, одѣвшись, какъ Бгикшу, коварно внесли разномысліе и смуту въ буддійскую церковь. Судя по этому извѣстію о коварствѣ брамановъ, надобно, кажется, думать, что въ первыя времена буддизмъ считали одною изъ множества браманскихъ сектъ и лишь мало по малу и медленно раскрылось, что онъ—ученіе существенно различное отъ браманизма. Третій синодъ продолжался девять мѣсяцевъ. Обычай созывать соборы, освященный первобытною буддійскою церковью, остался у буддистовъ навсегда. Онъ охранилъ буддизмъ отъ опасности подпасть подъ владычество безумнаго умо-созерцанія или необузданной игры воображенія, превратиться въ какую нибудь фантастическую теорію. Позднѣйшія легенды превозносятъ царя Асоку похвалами, подобными тѣмъ, какими возвеличивали Константинъ христіанскіе писатели *). Но вѣроятно онъ глубже проникся духомъ ученія Будды, нежели Константинъ духомъ Евангелія. О немъ рассказываютъ, что онъ отмѣнилъ смертную казнь, оказывалъ самъ и внушалъ всѣмъ кротость и терпимость относительно послѣдователей другихъ религій, кормилъ тысячи Бгикшу, основалъ богадѣльни не только для большихъ и слабыхъ людей, но и для больныхъ и состарившихся животныхъ, велѣлъ садить по дорогамъ фруктовыя деревья и цѣлебныя травы, копать колодези и ставить скамьи для отдыха; въ этихъ извѣстіяхъ есть, вѣроятно, нѣкоторое преувеличеніе; но

Буддизмъ въ
Магадѣ.

*) Этого Асоку называютъ Дармашокою (Dharmasoka) «вѣрующимъ Ашокою», въ отличіе отъ другаго Ашоки, «Чернаго Ашоки», Калашоки, царствовавшего раньше. Онъ былъ сынъ Бундусары, внукъ извѣстнаго по греческимъ писателямъ Чандрагупты, сдѣлавшагося около 320 года основателемъ новой династіи магадскихъ царей. Легенды говорятъ, что до своего обращенія въ буддизмъ Асока былъ свирѣпымъ тираномъ. Онъ былъ законнымъ царемъ Магады, подпавшей при сыновьяхъ Калашоки подъ власть Ранды, происходившаго изъ касты шудръ и сто лѣтъ остававшейся подъ владычествомъ этого узурпатора и его рода. — О концѣ жизни Асоки Бюрнуфъ (стр. 404 слѣд.) и Лиссенъ (II. 270 слѣд.) рассказываютъ слѣдующія подробности: на тридцатомъ году царствованія Асоки умерла первая его жена, Падмавати, всею душою преданная вѣроученію Будды; черезъ три года по ея смерти, то есть, около 270 года до Р. Х., Асока сдѣлалъ царицею одну изъ ея служанокъ, Тишьяравшиту. Новая царица предложила свою любовь сыну царя отъ другой жены, Куналѣ, получившему свое имя потому, что у него были прекрасные глаза. Кунала отвергъ предложеніе царицы. Отецъ послалъ его покорить возмущившійся городъ Такшасилу. Когда царевичъ подошелъ въ Такшасилѣ, городъ изъ-

все-таки они показываютъ, что Асока не на словахъ только принялъ ученіе Будды, но и стремился исполнять его заповѣди, воздерживаться отъ грѣховъ и пороковъ, быть кроткимъ и человеколюбивымъ. Онъ ставилъ правиломъ вѣры мысль: «только то сказано хорошо, что сказалъ самъ Будда»; въ то время ужъ существовали приписываемыя Буддѣ; апокрифическія книги, и онъ предостерегалъ противъ нихъ. — Четвертый соборъ былъ при Канишкѣ, современникѣ Августа, и былъ созванъ въ кашмирскомъ монастырѣ Джаландарѣ (Jalandara). Южные буддисты не признаютъ его. Постановленіями его начинается переходъ отъ древняго простаго буддійскаго ученія («Малой Переправы») къ позднѣйшему мистическому вѣроученію, сложившемуся подъ сильнымъ вліяніемъ браманизма. Основателемъ этой позднѣйшей буддійской ортодоксіи («Великой Переправы») сѣверные буддисты считаютъ знаменитаго мудреца, Наранджану (Naranjana), бывшаго современникомъ Канишки.

Будда не только уничтожалъ дѣленіе народа на касты, посвящая въ санъ Бгикшу безразлично аріицевъ и шудръ, свободныхъ и рабовъ, извергнутыхъ изъ кастъ и женщинъ; онъ уничтожалъ и національную исключительность, провозглашая невѣдомое до него на Востокъ ученіе, что все человѣчество призвано слышать вѣсть о ничтожествѣ всѣхъ существъ, о кротости и самоотреченіи. Всѣ люди всѣхъ народовъ страдаютъ въ своей земной жизни одинаковыми бѣдствіями, всѣ одинаково угнетены всемірною скорбью, потому всѣмъ имъ одинаково должно быть проповѣдуемо ученіе милосердія и спокойствія. Эта высокая мысль, примѣнить которую къ практикѣ было рѣшено на третьемъ вселенскомъ соборѣ, въ царствованіе Асоки, дало буддизму характеръ всемірной, общечеловѣческой религіи, какой другой не было въ языческомъ мірѣ. На третьемъ соборѣ было постановлено послать по всѣмъ странамъ свѣта миссіонеровъ, чтобы возвѣщено было всѣмъ народамъ земли ученіе о спасеніи, или, по буддійскому метафорическому выраженію, «чтобы привести въ движеніе колесо

Распространеніе буддизма.

явилъ покорность ему, потому что возставалъ не противъ царя, а противъ угнетавшихъ народъ министровъ его. Пока Кунала былъ въ Такшасилѣ, Асока смертельно занемогъ, и хотѣлъ сдѣлать своимъ наслѣдникомъ его. Царица знала, что погибнетъ, если Кунала сдѣлается царемъ, и обѣщала Асокѣ вылечить его. И вылечила. Въ благодарность за излеченіе, царь сказалъ ей, что подарить ей все, что захочетъ она попросить у него. Она попросила у него, чтобы онъ передалъ ей на семь дней царскую власть, и воспользовалась этимъ временемъ, чтобы послать въ Такшасилу приказаніе вырвать глаза у Куналы. Кунала пришелъ къ отцу подъ видомъ игрока на лютнѣ; отецъ узналъ его. Тишьяравшита была изгнана, жители Такшасилы были наказаны смертию. Черезъ три года послѣ женитьбы на Тишьяравшитѣ Асока умеръ (въ 226 году), процарствовавъ 37 лѣтъ. — Онъ основалъ множество буддійскихъ монастырей. Онъ очень расширилъ свое царство счастливыми войнами. Послѣ его смерти, оно скоро распалось на нѣсколько царствъ. И между прочимъ, снова сталъ тогда независимымъ государствомъ Кашмиръ.

закона». И пошли миссіонеры («ставирь», *sthavira*) въ области, лежащія у Гималаевъ, въ Кашмиръ и Гандару, къ Ядавамъ и къ народамъ береговъ Годавари, въ Деканъ и на Цейлонъ, и къ народамъ не индійскимъ. «Съ того времени», говоритъ легенда, приводимая Лассеномъ, «заблестали желтыми одеждами Гандара и Кашмиръ, и остались вѣрны тремъ вѣтвямъ закона». Черезъ нѣсколько вѣковъ, «индійцы и китайцы, малайцы и монголы подали другъ другу руки въ исповѣданіи ничтожества всякаго бытія». Быстротѣ и обширности распространенія буддизма содѣйствовала пассивность и мягкость его характера: онъ не выступалъ противъ другихъ религій непреклоннымъ врагомъ, онъ гибко приспособлялся къ нимъ, допускалъ разнообразіе понятій и обрядовъ. Кромѣ христіанства, только буддизмъ рѣшилъ высокую задачу привести путемъ проповѣдничества и миссіонерства самые непохожіе другъ на друга народы къ единству вѣры, богослуженія и религіозной литературы.

Гоненіе на буд-
дистовъ.

Распространенію буддизма много содѣйствовали гоненія, которымъ подвергались его послѣдователи въ Индіи; въ теченіе вѣковъ, было нѣсколько періодовъ гоненій. Многіе Бгикшу принуждены были бѣжать отъ нихъ въ другія страны. Въ первое время браманы, кажется, не замѣчали, что буддизмъ существенно противоположенъ ихъ ученію и былъ для него опасенъ: имъ представлялось, что Будда одинъ изъ ниществующихъ философовъ, какихъ много между ними; казалось, основной догматъ его проповѣди тотъ же самый, какъ въ браманизмѣ — переселеніе душъ, и цѣль проповѣди та же самая — избавленіе отъ возрожденій. Но съ теченіемъ времени стало все яснѣе обнаруживаться, что ученіе Будды имѣетъ иное, болѣе высокое и болѣе практичное направленіе, что оно ставитъ сущностью святости чистоту сердца и жизни, что оно несовмѣстимо съ педантизмомъ и святошествомъ браманизма. Раздраженные уменьшеніемъ своего господства надъ умами и своихъ доходовъ, и въ страхъ, что новая вѣра совершенно ниспровергнетъ построенную ими съ такими трудами систему вѣрованій и учреждений, браманы сначала пытались остановить успѣхи буддизма хитростью, ослабить его приспособленіемъ своего ученія къ буддійскому воззрѣнію. Это имъ не удалось. Тогда они стали дѣйствовать на царей, убѣждать ихъ, что надобно подавить новую вѣру. И когда по смерти Асоки захватила власть надъ магадскимъ царствомъ новая династія, браманы успѣли склонить ея основателя, Пуштамитру (*Pushtamitra*) къ жестокому преслѣдованію буддистовъ. Многіе изъ нихъ покинули отчизну своей вѣры, гдѣ снова сталъ господствовать браманизмъ, и перенесли свое ученіе въ страны иноязычныхъ народовъ. Гоненіемъ на буддизмъ въ Магадѣ объясняется то, что четвертый и послѣдній буддійскій вселенскій соборъ происходилъ въ чужомъ первоначальному буддизму царствѣ, въ Кашмирѣ. Но чѣмъ шире распространялся буддизмъ, слѣдуя своему

общечеловѣческому характеру, у чужихъ народовъ, въ особенности у индоскиновъ сѣверозападной Индіи, тѣмъ успѣшнѣе придавали браманы своей религій значеніе національной вѣры, тѣмъ легче направляли къ уничтоженію своихъ враговъ врожденное индійцамъ презрѣніе къ другимъ народамъ. Такимъ образомъ чистота браманской вѣры и чистота національности слились у индійцевъ въ одно могущественное понятіе. И между тѣмъ какъ буддизмъ доводилъ до непрактичной крайности строгость своихъ нравственныхъ правилъ и разслаблялъ энергію своихъ послѣдователей усердною заботою о развитіи въ нихъ добродѣтелей кротости и терпѣнія, уменьшая тѣмъ ихъ силу сопротивляться врагамъ, браманы вели чувственный индійскій народъ отъ строгой прозаической морали буддизма назадъ къ роскошнымъ фантасмагоріямъ и пышнымъ обрядамъ своей религій, привлекая къ ней возбужденіемъ могущественнѣйшихъ чувствъ чело-вѣческой природы, возбужденіемъ сладострастія и ужаса, разжигая жажду чувственныхъ наслажденій и все настойчивѣе проповѣдая мрачный аскетизмъ, придумывая все новыя формы его. Въ III вѣкѣ до Р. Х. ученіе Будды было широко распространено въ Индіи; свидѣтельствомъ того остались надписи на скалахъ, изсѣченные буддійскимъ царемъ Пріядаршиномъ (*Priyadarśin*) или, какъ произносилось его имя на изнѣженномъ народномъ нарѣчій надписей, Піядаси (*Piyadasi*), — то есть, Асокою, однимъ изъ названій котораго былъ этотъ эпитетъ (какъ мы ужъ упоминали на страницѣ 216). Эти надписи, въ которыхъ Піядаси убѣждаетъ своихъ подданныхъ уважать другъ друга, жить между собою дружелюбно, помогать другъ другу, вообще убѣждаетъ ихъ исполнять «дарму» (*dharma*, заповѣди буддизма), внушаетъ имъ гуманныя чувства и вѣротерпимость, находятся въ очень далекихъ однѣхъ отъ другихъ мѣстностяхъ: въ Аллагабадѣ, въ Дельгѣ (древней Индрапрастѣ), въ Афганистанѣ, въ Гуджератѣ, на Индѣ близъ Пешавара, въ Бегарѣ, въ Ориссѣ, въ другихъ областяхъ Индіи. По извѣстіямъ китайскихъ паломниковъ, переведеннымъ французскими синологами, еще и черезъ два столѣтія послѣ того буддизмъ процвѣталъ въ сѣверной Индіи. Но черезъ нѣсколько вѣковъ, поднялась сильная реакція: браманамъ удалось возбудить своихъ приверженцевъ къ свирѣпому гоненію на буддистовъ. До насъ дошелъ стихъ изъ браманскаго воззванія: «отъ моста до снѣговой горы, кто не будетъ убивать Бауддовъ (*Bauddha*, буддистовъ), будетъ убитъ самъ!» — говоритъ царь своимъ слугамъ.

Итакъ, гоненіе на буддистовъ охватывало всю Индію, отъ Цейлона и южной оконечности Декана до Гималаевъ; оно происходило, какъ надобно полагать, около 1000-наго года нашей эры; или нѣсколько раньше, и кончилось уничтоженіемъ буддизма въ Индіи. Буддійскіе монастыри были разрушены, Бгикшу убиты, изсѣченные въ скалахъ буддійскіе храмы были посвящены браманскимъ богамъ.

Джайны.

По въ сектѣ Джайновъ (Jaina), пережившей это гоненіе, ученіе Будды сохранилось, хотя перемѣшавшись съ браманскими догматами и обрядами. Джайны, одинаково съ буддистами, поклоняются обоготвореннымъ святымъ, отвергаютъ Веды, имѣютъ вигары, общежительные монастыри; ихъ нравственное ученіе, одинаковое съ буддѣйскимъ, внушаетъ тѣ же пассивныя добродѣтели. Но они считаютъ іерархію кастъ священнымъ учрежденіемъ и причисляютъ браманскихъ боговъ—стражей міра къ своимъ святымъ. Милосердіе къ животнымъ доведено у нихъ до того, что они считаютъ смертельнымъ грѣхомъ убить хотя малѣйшее паразитное насекомое.—Они тоже подвергались большимъ гоненіямъ.

Распространеніе буддизма въ Цейлонѣ.

Но истребляемый въ Индіи свирѣпою враждою брамановъ, буддизмъ нашелъ самый блестящій пріемъ себѣ въ сосѣднихъ съ нею странахъ. Еще въ III вѣкѣ до Р. Х. проникъ онъ въ Цейлонъ, оставшійся съ той поры на всегда однимъ изъ главныхъ его центровъ. На Цейлонѣ была перевезена святѣйшая изъ всѣхъ реликвій, лѣвый глазной зубъ Будды. Она хранилась въ хрустальномъ ящикѣ; ее чтили такъ, что изъ-за обладанія ею велись кровопролитныя войны; и даже уничтоженіе этого зуба португальцами въ 1560 году не поколебало вѣру въ него у сингалезовъ, остающихся убѣжденными, что онъ по прежнему и цѣль и совершаетъ чудеса. На Адамовомъ Пикѣ, на высотѣ 6,000 футовъ, находится знаменитый слѣдъ ноги Будды, и изъ года въ годъ тысячи пилигримовъ взбираются къ нему съ опасностью жизни. Изъ Цейлона буддизмъ распространился по индійскому архипелагу и по большей части за-гангскаго полуострова. — Одновременно съ этимъ буддѣйскіе миссіонеры проникли въ Китай. Въ началѣ, они имѣли тамъ не особенно большой успѣхъ; но еще до начала нашей эры религія Фо, какъ называютъ китайцы Будду, прочно укоренилась въ Китаѣ, а въ V вѣкѣ нашей эры ужь почти каждая китайская деревня имѣла буддѣйскій храмъ. Правительство иногда покровительствовало буддизму, иногда преслѣдовало его. Онъ удержался въ Китаѣ до сихъ поръ, но сильно видоизмѣненный китайскими понятіями, лишившимися его серьезности и возвышенности. Въ этомъ измѣненномъ видѣ, онъ распространился изъ Китая въ Японію. — Величайшаго блеска достигъ буддизмъ въ Тибетѣ, принявшемъ религію Будды въ VI и въ VII столѣтіяхъ, около времени Мухаммеда. Введенный въ Тибетъ самими царями страны, онъ вытѣснилъ изъ нея шаманство, вѣрованіе въ злыхъ лѣсныхъ духовъ. Онъ нашелъ тутъ народъ живущимъ еще въ первобытномъ дикомъ состояніи, и сталъ для этихъ дикарей началомъ и источникомъ умственного и нравственного образованія. Уваженіе, какимъ пользовались у тибетцевъ иноземные миссіонеры буддизма, перешло по наслѣдству и на ихъ туземныхъ преемниковъ; потому въ Тибетѣ возникло рѣзкое разграниченіе духовенства и народа, такъ что съ теченіемъ времени развилась организованная могущественная іерархія. Болѣе чѣмъ третья часть мужскаго населенія тамъ священники, ламы (лама значитъ: „старшій“, старѣйшина); они и весь народъ признаютъ божественнымъ своимъ правителемъ *Далай Ламу*. Онъ считается непрерывнымъ воплощеніемъ одного изъ бодисаттвъ, душа котораго при смерти индивидуума, бывшаго ея воплощеніемъ, переходитъ въ другой индивидуумъ. Онъ соединяетъ въ себѣ верховную власть и духовную и мірскую. Покрытый безчисленными монастырями, Тибетъ вполне теократическое государство. Буддизмъ въ Тибетѣ подвергался кровавому преслѣдованію, но въ IX вѣкѣ господство его было восстановлено и упрочено „иноземнымъ ламою изъ отдаленнѣйшаго запада“. Съ теченіемъ времени буддизмъ въ Тибетѣ принялъ особенную форму, которая называется *ламаизмомъ*. Это—сочетаніе искаженного шиваизмомъ буддизма съ туземнымъ шаманствомъ; ни въ какой

въ Китай.

Буддизмъ въ Тибетѣ.

другой формѣ буддизма вѣра въ духовъ, заклинаніе ихъ, колдовство не играютъ такой важной роли, какъ въ ламанизмѣ. И ни въ какой другой формѣ буддизма глава духовенства не возвысился до того, чтобы быть царемъ; нѣтъ и того, чтобы по смерти этого главы церкви возводили въ его санъ ребенка, и чтобы этотъ ребенокъ считался возрожденіемъ своего предшественника, воплощеніемъ бодисаттвы. Собраніе священныхъ книгъ тибетскихъ буддистовъ называется Канджуромъ; оно состоитъ изъ ста томовъ; все это переводы съ санскритскаго; и самое названіе сборника показываетъ это: „Канджуръ“ значитъ: „переводъ словъ“ — подразумевается: словъ Будды. Еще массивнѣе другой сборникъ, „Танджуръ“, то есть: „Переводъ ученія“, состоящий тоже изъ переводовъ съ санскритскаго; но онъ не имѣетъ каноническаго значенія. — Благотворно было вліяніе буддизма и въ Монголіи, куда онъ распространился изъ Тибета. Отъ буддѣйскихъ миссіонеровъ дикіе, неистовые монгольскіе завоеватели впервые услышали объ обязанности и добродѣтели, нравственности и справедливости, жалости и человеколюбіи. — Итакъ, буддизмъ истребленъ браманизмомъ только въ самой Индіи, но господствуетъ отъ истоковъ Инда до Японіи; по числу своихъ послѣдователей онъ превосходитъ всѣ религіи, кромѣ христіанской.

По неопредѣленности и гибкости своего характера онъ легко приспособлялся къ другимъ религіямъ, принималъ въ себя чуждые ему элементы; такимъ образомъ въ разныхъ странахъ вѣроученія и формы буддизма стали неодинаковы, и онъ, подобно браманизму, распался на секты. Еще въ Индіи буддисты усвоили себѣ браманскую идею о воплощеніи, стали думать, что основатель ихъ вѣры былъ однимъ изъ воплощеній Вишну,—осьмымъ воплощеніемъ его,—и выработали себѣ вѣрованіе, что отъ времени до времени будутъ нисходить на землю новые Будды для восстановленія въ прежней чистотѣ забытой или искаженной истинной вѣры; и хотя браманы называли буддистовъ безбожниками за то, что они отвергали Веды и безконечную ведѣйскую міеологію, но и у нихъ вѣрованія наполнились безчисленными святыми и божествами. Догматика буддистовъ превратилась въ дико-фантастичный мистицизмъ, ихъ священныя книги размножились до необъятности; въ этихъ книгахъ первоначальныя буддѣйскія ученія перепутаны браманскими идеями, понятіями иноземныхъ народовъ; богослуженіе сдѣлалось во многихъ буддѣйскихъ странахъ пышною, но пустою формалистикою обрядовъ и праздничнаго блеска; изъ ученія о томъ, что духовные должны вести душевнеспасительную жизнь и изъ мысли о душевнеспасительности бездѣйственной жизни Бгикшу въ вигарахъ возникла властолюбивая и могущественная іерархія. Во всѣхъ буддѣйскихъ странахъ установилось очень рѣзкое раздѣленіе націи на духовныхъ, число которыхъ повсюду громадно, и мірянъ, обязанныхъ быть слугами духовныхъ. Духовенство, соединенное искусною организаціею и строгою дисциплиною въ крѣпкую корпорацію, господствуетъ почти во всѣхъ буддѣйскихъ странахъ. Кромѣ пяти главныхъ повелѣній религіи каждому буддисту (не убивать никакого живаго существа, не красть, не предаваться сладострастію, не совершать преступленій устами, не пить никакихъ опьяняющихъ напитков), на духовныхъ возложены три обѣта: безбрачія и цѣломудрія, бѣдности, повиновенія начальникамъ. — Мы уже говорили, что высшаго своего развитія владычество духовенства достигло въ Тибетѣ.

Разсматривая исторію буддѣйской религіи отъ ея возникновенія до образованія іерократическаго государства въ Тибетѣ, мы видимъ поразительное сходство буддизма—не по внутреннему содержанію вѣрованій, но по римско-католическимъ.

Искаженіе буддизма.

Сходство буддѣйскихъ учре-

жденій съ нѣкоторыми изъ римско-католическихъ.

внѣшнему ходу развитія церковныхъ учреждений съ христіанствомъ; сходство такъ велико, что многіе дѣлали на основаніи его заключеніе, будто между этими религіями была связь. Будда тоже возставалъ противъ формалистической церкви и надменнаго духовенства, державшагося буквы; Будда тоже ходилъ по странѣ, уча народъ, и тоже въ сопровожденіи учениковъ; Будда тоже обращался по преимуществу къ бѣднымъ, къ простолюдинамъ, къ труждающимся и обремененнымъ; Будда тоже возвѣщалъ людямъ ученіе челоуколюбія и кротости; жизнь Будды тоже была впоследствии облечена вѣрующими послѣдователями въ одежду легендъ и чудесъ, давшихъ ей сверхъ-человѣческой, сверхъ-естественный характеръ. Еще больше сходства представляетъ развитіе внѣшнихъ религіозныхъ учреждений, обычаевъ и символовъ буддизма съ позднѣйшими учреждениями и постановленіями римско-католической церкви. Замкнутая жизнь мужскихъ и женскихъ общинъ Вгикшу въ вигарахъ, ихъ три обѣта: цѣломудріе, бѣдность и послушаніе, даже внѣшнее устройство и обстановка ихъ монастырей, ихъ орденская одежда—все это совершенно походитъ на то, что было въ мужскихъ и женскихъ монастыряхъ средневѣковой Европы; а все буддійское духовенство, подобно всему католическому, имѣетъ tonsуру, даетъ обѣдъ безбрачія, тоже имѣетъ іерархическое устройство; у буддистовъ тоже есть исповѣдь; и тоже, изъ первоначальнаго простаго признанія въ грѣхахъ, высказываемаго передъ общиною, она превратилась въ средневѣковую казуистическую исповѣдь: грѣхи тоже раздѣлены на множество разрядовъ, и въ каждомъ разрядѣ были сдѣланы подраздѣленія; для каждаго изъ этихъ разрядовъ и подраздѣленій опредѣлены особыя церковныя наказанія и особыя вѣчныя муки; все это принадлежитъ одинаково и буддизму и римской церкви, точно такъ же какъ и поклоненіе реликвіямъ, вѣрованіе въ чудеса, посты, пилигримство; у буддистовъ тоже есть формула, произносимая при началѣ всякаго моленія: *Om mani padme hum*, „благословеніе тебѣ, сокровище въ лотусѣ“; они молятся тоже по четкамъ; и какъ въ римско-католическихъ странахъ повсюду стоятъ кресты, во всѣхъ буддійскихъ городахъ и селеніяхъ устроены „молитвенныя колеса“, вертящіеся цилиндры, символически означающіе безконечное круговращеніе измѣнчивой жизни, и служащіе напоминаніемъ о дѣятельности Будды, характеръ которой ученики его опредѣлили метафорическимъ выраженіемъ: „онъ вращалъ колесо закона“; буддійское богослуженіе съ своими торжественными процессіями и великолѣпнымъ, колокольнымъ звономъ, куреніемъ омѣама, литаніями, музыкою совершенно напоминаетъ формы католическаго богослуженія; буддизмъ тоже имѣетъ вселенскіе соборы, имѣетъ миссіонеровъ; его храмы, покрытые высокими куполами, наполненные статуями, представляютъ замѣчательное сходство съ католическими. Въ Тибетѣ первосвященникъ (Далай-Лама) соединяетъ въ своихъ рукахъ духовную и свѣтскую власть, какъ до недавняго времени было въ римскомъ церковномъ государствѣ. Внѣшнее сходство буддизма съ католическимъ такъ изумляло первыхъ христіанскихъ—католическихъ—миссіонеровъ, что они считали его дѣломъ діавола, который изобрѣлъ это подобіе истинной религіи, чтобы преградить ей входъ въ тѣ страны. Но если и предположить, что въ позднѣйшія времена были между буддистами и христіанами какія-нибудь соприкосновенія, результатомъ которыхъ могло быть заимствованіе обычаевъ и формъ культа, то мы видѣли однако же, что нѣкоторые изъ буддійскихъ учреждений—напримѣръ, кромѣ многихъ другихъ, монашество, исповѣдь, безбрачіе духовенства, поклоненіе реликвіямъ, священныя искусства—последовательно развились въ буддизмъ изъ самаго ученія Будды; потому должно думать, что и всѣ остальные черты сходства буддизма съ христіанствомъ объясняются внутреннимъ родствомъ понятій у восточныхъ народовъ, и что формы въ обѣихъ религіяхъ развились самостоятельно.

Om mani padme hum буквально значить: «О сокровище въ лотусѣ, будь благословенно». Первоначально это было прѣдтѣственнымъ воззваніемъ къ родившемуся изъ чашечки лотусоваго цвѣтка святому Авалокитешварѣ (*Avalokiteśvara*), которому легенда приписываетъ обращеніе Тибета въ буддизмъ. Позднѣе, оно получило мистическое значеніе (Кёппель, II, 59).

Нельзя не признать, что буддизмъ въ первомъ своемъ фазисѣ проявлялъ высокую нравственную силу, возбуждалъ челоука къ внутреннему улучшенію, къ самовоспитанію, имѣлъ, въ противоположность мертвенно-формалистическому браманизму, благотворное дѣйствіе, развивая гуманныя чувства, устанавливая болѣе свободныя понятія, болѣе чистую нравственность; нельзя не признать также, что распространеніе его у грубыхъ кочевыхъ народовъ, умственная жизнь которыхъ была очень мало развита, было великимъ благомъ для нихъ: онъ вывелъ ихъ на путь къ гуманности; въ немъ не было энергическаго культурнаго стремленія, онъ былъ лишенъ способности создать самобытную цивилизацію. Онъ ставилъ высочайшею задачею челоука—постичь ничтожество всего и устранившись отъ жизни; это ско-ывало челоуческой умъ, отвращало челоука отъ дѣйствительности, отъ стремленія покорить себѣ природу, побѣдоносно господствовать надъ нею. Буддизмъ развивалъ въ людяхъ только-пассивныя добродѣтели, парализовалъ тѣмъ ихъ умственную и нравственную энергію, дѣлалъ ихъ неспособными дѣятельно пролагать себѣ путь къ высшей цивилизаціи. Въ самой Индіи буддисты имѣли кругомъ себя готовую культурную обстановку, и благодаря ея вліянію, не могли совершенно перестать быть цивилизованными людьми; но въ менѣе цивилизованныхъ странахъ ихъ вѣроученіе скоро утратило всякое живое содержаніе, стало мертвою формалистикою и не имѣло силы освѣжиться, улучшиться. Даже и въ самое цвѣтущее свое время буддизмъ не произвелъ въ обширной своей литературѣ почти ничего, кромѣ книгъ, надобныхъ ему для сохраненія и прославленія своей унылой проповѣди о презрѣннѣи къ міру. Впоследствии онъ изсохъ такъ, что сталъ пустою обрядностью, лишенною всякаго одушевленія, машинальнымъ исполненіемъ предписанныхъ дѣйствій, средствомъ для властолюбиваго, умственно вялаго духовенства владычествовать надъ оупѣвшими, погруженными въ нравственную летаргію народами. Но въ дни своей молодой энергіи онъ много сдѣлалъ для пробужденія и оживленія любви къ людямъ, гуманности. Заслуживаетъ высокаго уваженія онъ и тѣмъ, что всегда училъ религіозной, церковной и политической терпимости, очень часто и слѣдовалъ на практикѣ этому своему ученію; прекрасно въ немъ и то, что онъ высоко ставилъ чистую нравственность въ семейной жизни, отдаетъ качествамъ души челоука предпочтеніе предъ знатностью рода и важною общественнаго положенія. Главная слабость буддизма состоитъ въ томъ, что его содержаніе было

Заключеніе.

лишь отрицательное, что онъ училъ страдать и терпѣть, но не училъ дѣйствовать.

4) Дальнѣйшее развитіе браманизма ученіемъ о троицѣ и воплощеніяхъ. Религіозная система Бхагавадъ-Гиты.

Непопулярный характеръ браманскаго вѣрованія. Буддизмъ имѣлъ сильное вліяніе на развитіе браманизма. Передъ появленіемъ Будды, спиритуализмъ брамановъ поднялся на такія высоты, куда мысли народа не могли слѣдовать за нимъ. Могъ-ли народъ любить безлично божество, абстрактное существо, которое произвело природу и людей лишь «какъ-бы играя»? Могъ-ли народъ ожидать помощи человѣку отъ этого существа, которое остается безучастнымъ ко всему на землѣ? Народу нуженъ личный богъ, сильною рукою направляющій человѣческую жизнь, дающій людямъ счастье или бѣдствіе по заслугамъ ихъ, имѣющій сердце, воспріимчивое къ ихъ просьбамъ и интересамъ. Потому древніе боги героическаго времени, Индра и его товарищи, дѣятельныя божества солнца и свѣта, были гораздо ближе Брамѣ народному сознанию. Вѣрованіе толпы и не могло представлять себѣ это первоначальное существо брамановъ иначе, какъ старшимъ, высшимъ изъ боговъ, личнымъ властелиномъ. Но въ новыхъ условіяхъ народной жизни на Гангѣ прежніе боги, группировавшіеся около сильнаго Индры, потеряли свое первоначальное значеніе. Интересы жизни были теперь не тѣ, формы ея не тѣ, природа была не та; новыя условія быта преобразовали и религіозныя правила народа. Онъ желалъ боговъ, соотвѣтствующихъ его измѣнившимся мыслямъ и надобностямъ. Браманы, чтобъ не утратить изъ-за своихъ абстрактныхъ умозерцаній всякую связь съ дѣйствительною жизнью народа и съ природою, стали придумывать средства сочетать свою пантеистическую идею о Брамѣ съ народными вѣрованіями, сблизить Брамѣ съ жизнью. Быстрое распространеніе буддизма, сильно привлекавшаго къ себѣ низшія сословія, ускорило возвращеніе браманизма къ религіозному реализму. Браманы видѣли, что останутся одиноки съ своимъ абстрактнымъ Брамѣ, что вся масса народа перейдетъ къ буддизму, если они не удовлетворятъ потребности народа въ конкретныхъ божествахъ. Они сохранили созданнаго ихъ философіею Брамѣ; но чтобы дать народу доступное его мыслямъ представленіе объ этомъ продуктѣ абстрактнаго мышленія, они облекли отвлеченную идею въ формы чувственнаго воззрѣнія, олицетворили три элемента своей идеи, и тѣмъ приблизили свое непостижимое первобытное духовное существо къ религіознымъ понятіямъ массы, давъ ей представленія о конкретныхъ проявленіяхъ этого абстрактнаго существа. Одною изъ трехъ формъ

его сталъ личный богъ Брами, тотъ древній богъ, имя котораго на санскритскомъ языкѣ имѣетъ окончаніе существительнаго мужскаго рода. Этотъ личный богъ Брами, отблескъ души вселенной, «основатель міра», богъ неба и солнца, никогда не сдѣлался опредѣленною, ясною личностію, никогда не могъ вполне вытѣснить древняго бога неба, Индру, мѣсто котораго долженъ былъ занять, никогда не игралъ важной роли ни въ народныхъ вѣрованіяхъ, ни въ богослуженіи, ни въ мифахъ, навсегда остался облеченъ туманомъ абстрактной души міра. Но тѣмъ яснѣе выдвинулись на первый планъ два другія древнія божества природы, Вишну и Шива (Śiva), которые были сдѣланы олицетвореніями двухъ другихъ элементовъ философской абстракціи брамановъ и получили, въ дополненіе къ первоначальнымъ своимъ натуралистическимъ характеристамъ, нравственное значеніе.—О Вишну упоминается еще въ гимнахъ Ведъ; онъ благорасположенное къ людямъ божество, одинъ изъ боговъ свѣта и воздуха, и живетъ въ «разноцвѣтныхъ, свѣтлыхъ облакахъ». Его имя значитъ «проникающій», и показываетъ, что онъ имѣлъ близкое отношеніе къ солнцу. Этотъ богъ природы мало по малу выдвинулся впередъ изъ своего первоначальнаго маловажнаго положенія и занялъ первое мѣсто въ народной вѣрѣ. Онъ сталъ правителемъ движенія жизни, всѣ полезныя человѣку явленія въ измѣнчивомъ ходѣ жизни природы были подведены подъ его имя, стали считаться происходящими отъ него. Сынъ неба, Вишну съ подобными лотусу глазами, живущій на птицѣ Гарудѣ (Garuda), перья у которой золотистыя—на озаренномъ солнцемъ облакѣ—или покоящійся на свернувшейся змѣѣ—символъ вѣчнаго круговорота жизни природы,—сталъ для народа долины Ганга силою природы, создающею и сохраняющею жизнь реальныхъ существъ. Въ противоположность Брамѣ, создавшему міръ полу-серьезно, полупушутя, и остающемуся равнодушнымъ къ судьбѣ его и всего живущаго въ немъ, Вишну любитъ, чтобы все живущее росло и благоденствовало. Богъ солнца, онъ вызываетъ согревающими лучами къ цвѣтущей жизни растительный міръ; богъ влаги, носящійся на водахъ, онъ ниспосылаетъ освѣжающую росу, плодотворящій дождь, и правитъ благодатными разливами рѣкъ. Онъ сталъ олицетвореніемъ благотворной дѣятельности силъ природы, символомъ возрастанія и процвѣтанія, добродѣтельнымъ божествомъ жизни. Его жена Лакшми, которой посвящена питательница людей корова, помогаетъ его дѣятельности покровительствомъ порядку, любви, тишинѣ, ведетъ все растущее къ цѣли роста; потому она богиня брака и жатвы. Голубой цвѣтокъ лотуса, символъ производительной силы природы, сталъ эмблематическимъ атрибутомъ Вишну и Лакшми.

Въ долину Ганга, гдѣ жизнь природы идетъ спокойнымъ, правильнымъ ходомъ, сила, проявляющаяся жизнью природы, была чтима, какъ сила создающая и сохраняющая; на сѣверѣ и на югѣ, гдѣ

Вишну.

Шива.

бури и проливные дожди, иссушающий растительность зной и тропические грозы проявляют уничтожающую энергию, где жизнь природы представляет много резких переворотов, божественная сила природы должна была казаться смертоносной, разрушающей. Потому в горных странах по склону Гималаев и в южной части Декана главным богом народной веры стал Шива. По своему первоначальному значению, Шива, то есть «ростущий» или «милостивый» был, подобно Вишну, богом плодотворящей природы, олицетворением не одной только опустошающей, а также и очищающей, благотворной силы ее. Но под влиянием климатических условий, быть может примеси понятий первобытного туземного населения, разрушающее и уничтожающее значение стало преобладать в идее о Шиве. В идее о нем были соединены прежние понятия о губительных действиях Агни, бога огня, и Рудры, бога выюги; разрыв его губительного влияния был расширен, и Шива стал силою, враждебною всему живому в природе, богом истребления и смерти, и трепет перед проявлениями его силы дал ему ужасающий образ: у него огромные зубы, у него три глаза, на его шею ожерелье из человеческих черепов. Шива могущественнейший из всех богов природы, сокрушающий и убивающий все живое; потому он владыка исполинов и чудовищ, неукротимых сил природы; потому он «Великий бог», Магадева (Mahadeva) и «Великий убиватель», Магакала (Mahakala), перед смертоносной, «мужеистребляющей» силою которого трепещут все другие боги; потому он любит убивающих тьло, самоистязания подвижников, и подвергает самого себя строжайшим подвигам аскетизма; потому ему нравится приношение в жертву животных, и он пьет человеческую кровь, которую предпочитает соку сомы. Он и его ужасная жена Дурга (Durga), «недоступная», или Кали, «темная», живут на вершинах Гималаев, где шумят бури; оружие его — трезубец, потрясающий мир своими ударами, и сеть для ловли зверей. — Но свирепая гроза не только разрушает; она также проливает плодотворящий дождь на горячую землю и возбуждает силу растительности в иссохшей, замиравшей природе; потому Шива также и олицетворение оплодотворяющей силы, бог рождения и возрастания, ему был посвящен бык и его чтили под символом лингама (фаллуса, изображения половых частей). По натуралистическому воззрению индийцев, рождение и смерть находятся в теснейшей связи между собою; это лишь фазисы вѣчнаго круговорота видоизмѣненій, составляющаго жизнь природы; Шива олицетворение обоих фазисов; он стихийная деятельность природы, порождающая из разрушения новую жизнь, и ведущая къ смерти все живое, символъ безконечнаго нарожденія и уничтоженія смертныхъ существъ, которыя, едва появившись, снова низвергаются въ бездну гибели. Изъ сочетанія понятий о рожденіи и

смерти развился впоследствии у поклонников Шивы культ, в котором дикій разгулъ чувственности соединялся съ свирѣпыми приношеніями людей въ жертву, жестокость и сладострастіе смѣшивались въ омерзительномъ оргіастическомъ безумствованіи.

Дикій, фантастическій культ Шивы, чтимаго главнымъ образомъ въ горныхъ странах, и бывшаго подобно греческому Діонису, богомъ плодородія, символомъ животворящей силы природы, былъ вѣроятно поводомъ къ возникновенію мифовъ о томъ, что Діонисъ побѣдоносно прошелъ до Индіи, научая азіатскіе народы земледѣлію, винодѣлію, благоустроенной жизни и основывая города, и что въ благодарность за эти благодѣянія жители обильныхъ виноградниками гористыхъ странъ стали поклоняться ему, какъ богу. У грековъ и римлянъ было обыкновеніе давать богамъ другихъ народовъ имена и качества тѣхъ боговъ своей мифологіи, которымъ, по ихъ мнѣнію, соответствовали эти боги иноземцевъ. Мысль о походѣ Діониса въ Индію подтвердилась у нихъ знакомствомъ съ горными областями на южномъ склонѣ Гималаевъ, гдѣ видѣли они дикій виноградъ, лавръ и миртъ, видѣли напоминавшія имъ о греческихъ празднествахъ Діониса шествія индійскихъ царей на совершеніе жертвоприношеній, описываемыя Страбономъ, видѣли, какъ при шумныхъ звукахъ литавръ, цимбаловъ и бубенъ идутъ безконечною процессією мужчины и женщины въ разноцвѣтныхъ одеждахъ, съ повязками на лбу, съ чашами и кубками въ рукахъ, сопровождаемые укрощенными львами и пантерами. — Точно также и въ Кришнѣ, вооруженномъ булавою, видѣли они своего Геракла, совершавшаго много всякихъ подвиговъ.

Кришна-Геральдъ.

Образы этихъ боговъ природы, Вишну и Шивы, все яснѣе обрисовывались въ народномъ сознаніи, культъ ихъ былъ живой, действовавший на чувства, понятный народу; и браманы нашли надобнымъ ввести ихъ въ систему своего философскаго вѣроученія, чтобы представленія о нихъ служили связью между идеею о единой первобытной божественной силѣ и міромъ индивидуальности. По индійскому міровоззрѣнію, все явленія действительности подводились подъ три формы дѣйствованія силъ природы: возникновеніе, сохраненіе возникшаго и исчезновеніе его; соответственно этому, браманы придали своему ученію о происхожденіи вселенной изъ первобытнаго духовнаго существа такой видъ: Брама, богъ небснаго свѣта и воздушнаго міра, которому помогаетъ его жена Сакти или Сарасвати (Sarasvati), богиня гармоніи и стройности частей цѣлаго, создатель міра и устроитель порядка въ немъ; бодрый Вишну, которому помогаетъ его жена Лакшми, — хранитель, а свирѣпый Шива, которому помогаетъ его жена, мрачная Дурга, — разрушитель созданнаго. Эти три бога, изъ которыхъ Вишну и Шива имѣли культъ, богатый торжественными обрядами, и владычествовали надъ религіозными чувствами народа, были соединены браманами въ троицу, Тримурти, представленію о которой скульптура дала видъ человеческой фигуры съ тремя головами. Но полное развитіе ученія о Тримурти принадлежитъ позднѣйшему времени; въ эпоху три верховные бога еще не слились въ одно представленіе. Кажется, понятіе о Тримурти

сформировалось какъ нѣчто въ родѣ компромисса между поклонниками Вишну и поклонниками Шивы.

Учение о воплощеніяхъ божества. Это реалистическое направленіе, создавшее образы трехъ верховныхъ боговъ, было дано браманизму, какъ мы говорили, подъ вліяніемъ успѣховъ буддизма. Учение царскаго сына, добровольно ставшаго нищимъ скитальцемъ, пріобрѣтавшее такъ много приверженцевъ въ угнетенномъ народѣ, привлекало ихъ вѣрованіемъ, что въ Буддѣ воплотилась божественная мудрость и благость, желая, въ своемъ безконечномъ милосердіи, спасти отъ грѣха и страданія павшій родъ человѣческій. Чтобы ослабить дѣйствіе этого буддійскаго догмата, браманы стали передѣлывать свое спиритуалистическое ученіе о Брамѣ въ духѣ реализма народной вѣры, и введя въ свою систему трехъ верховныхъ боговъ, выработали ученіе о воплощеніяхъ одного изъ этихъ боговъ, Вишну, «аватарахъ» его, «нисхожденіяхъ» на землю. Они стали учить, что когда ослабѣваетъ добро и усиливается зло, когда человѣческій родъ, прегрѣшая, удаляется отъ бога, и міру предстоитъ опасность гибели чрезъ окончательное отчужденіе людей отъ божества, то Вишну, хранитель жизни, принимаетъ тѣлесный образъ, воплощается въ видѣ героя-избавителя, чтобы спасти павшее человечество отъ гибели и возстановить порядокъ на землѣ. Онъ родится въ образѣ человѣка, и растетъ, какъ растутъ люди. Въ Бхагавадъ-Гитѣ онъ говоритъ: «Когда наступаетъ ослабленіе закона и надменность беззаконія, я сотворю самъ себя, и являюсь отъ вѣка для спасенія добрыхъ, уничтоженія несчастныхъ и возстановленія правды». Итакъ, аватара—вторичное истеченіе божества въ разившійся изъ него, но отчуждившійся отъ него міръ, повтореніе первой эманации, подкрѣпляющее божественный элементъ въ изнемогшемъ человечествѣ. Браманы выбрали для воплощеній одного только Вишну, потому что по народному вѣрованію онъ былъ главнѣйшимъ благодѣтелемъ человечества, и потому, что Шива, культъ котораго преобладалъ на югѣ и сѣверѣ, имѣлъ мало поклонниковъ въ долинѣ Ганга.

Вишну-Рама. По ученію объ аватарахъ Вишну правитель хода исторіи, герой, дающій колесницѣ исторіи движеніе по должному пути, и когда она уклоняется съ него, возвращающій ее на истинную дорогу. При склонности міра къ злу, человечество всегда нуждалось, какъ и всегда будетъ нуждаться, въ божественной помощи, въ божественномъ спасителѣ; потому Вишну воплощался много разъ. Седьмымъ и осьмымъ воплощеніями его браманы называли героевъ великихъ эпопей, *Раму* и *Кришну*, чтобы народъ находилъ въ своей поэзіи, въ своихъ преданіяхъ догматъ воплощенія. Обѣ національныя эпопеи были передѣланы браманами въ этомъ смыслѣ. Чтобы сдѣлать Раму богомъ, воплотившимся для возстановленія владычества добродѣтели и закона на землѣ, браманы прибавили къ Раманинъ новое введеніе, излагающее обстоятельства, бывшія причиною того, что Вишну, по совѣту остальныхъ боговъ, рѣшился вочеловѣчиться, родиться сыномъ Дашараты. Дѣло было въ томъ, что нечестивый исполинъ Равана, царь острова Ланки, мѣшавшій подвижникамъ въ ихъ святомъ труженичествѣ и нарушавшій порядокъ вселенной, могъ

быть побѣжденъ только человѣкомъ, потому что самъ Брами далъ ему свойство быть неодолимымъ богами и духами.—Точно также была передѣлана въ смыслѣ новаго ученія и Магабгарата. Въ нее былъ вставленъ рассказъ о томъ, что въ образѣ Кришны воплотился Вишну, и что воспитаніе Кришны было сверхъестественно; прежній текстъ былъ переработанъ: и событія и мотивы ихъ перенесены, такъ что эпопея стала признавать правыми Пандуидовъ, а популярный герой, изворотливый хитрецъ Кришна былъ облеченъ мнѣніемъ туманомъ новаго вѣроученія.

Сложившійся подъ вліяніемъ буддійскихъ идей образъ Вишну-Кришны сталъ главнымъ богомъ народной вѣры, и потому постоянно видоизмѣнялся соотвѣтственно историческимъ измѣненіямъ народныхъ понятій. Какъ въ древній національный эпосъ введена была мысль, что Кришна — воплощеніе Вишну и этимъ увеличена важность Вишну въ народныхъ мысляхъ, было дано ему значеніе древняго національнаго бога, такъ были внесены въ Магабгарату и основныя идеи новой религіозно-философской системы, называющейся Йога (Yoga). Чтобы остановить успѣхи буддизма, браманы стали учить, что тѣ догматы, которые привлекаютъ народъ къ буддизму, находятся и въ браманизмѣ: Вишну-Кришна богъ и вмѣстѣ человѣкъ (подобно Буддѣ); души благочестивыхъ могутъ по смерти ихъ прямо, безъ возрожденій, входить въ вѣчный покой; углубленіе въ бога (Йога), тихое раздумье, ведетъ къ соединенію съ Брамою вѣриѣ, чѣмъ суровый аскетизмъ (которому браманы прежде придавали такую громадную важность); человѣкъ долженъ, правда, исполнять обязанности, лежащія на немъ по его мѣсту въ классификаціи существъ, то есть подчиняться кастовому устройству, но онъ съ тѣмъ вмѣстѣ долженъ быть милосердъ и доброжелателенъ ко всѣмъ существамъ и подавлять въ себѣ всякія злыя чувства. Первые слѣды этого ученія содержитъ въ себѣ замѣчательная поэма, составляющая одинъ изъ эпизодовъ Магабгараты, Бхагавадъ-Гита (Bhagavad-Gita, божественная поэма); она пользовалась у индійцевъ величайшимъ уваженіемъ. Съ художественной точки зрѣнія, это эпизодъ очень ненатуральный: въ виду войскъ, готовыхъ къ битвѣ, Арджуна и Кришна ведутъ между собою разговоръ такой длинный, что поэма, пересказывающая его, раздѣлена на 18 пѣсенъ.

Сейчасъ начнется великая битва между Куру и Панду, — и Арджуною овладѣваютъ сомнѣнія, справедливо ли сражаться съ родными и соплеменниками; онъ падаетъ духомъ, опускаетъ лукъ и стрѣлы, высказываетъ свои сомнѣнія правителю своей колесницы Кришнѣ, вочеловѣчившемуся богу Вишну. Кришна объясняетъ ему, что онъ, будучи вшатрією, обязанъ сражаться, потому что исполненіе предписанныхъ обязанностей безъ всякаго колебанія отъ мыслей о послѣдствіяхъ—первая добродѣтель стремящихся къ совершенству. Притомъ же, умерщвляется только тѣло, душа безсмертна, она часть божества. Эти двѣ мысли—основныя идеи всего ученія Бхагавадъ-Гиты. «Дѣйствительно, и смерть человѣка и поступки его», говоритъ Гумбольдтъ, «теряютъ свою важность, становятся какъ бы индифферентными, если смерть поражаетъ только тѣло, которое во всякомъ случаѣ должно же умереть, и если поступки свободны отъ страсти и отъ пред-

Вѣроученіе
Бхагавадъ-Гиты.

Пассивность
души при формальномъ исполненіи обязанностей.

намѣренности, если они лишь дѣло природы или исполненіе обязанности». Отъ дѣйствія не можетъ вполнѣ устранишься и мудрый (дѣйствіемъ въ Бхагавадъ-Гитѣ называется всякое движеніе тѣла, и даже вообще всякое перемѣщеніе вещества); но познаніе, тихое углубленіе въ божество для мудраго важнѣе дѣйствованія; потому его дѣйствованіе должно быть произвольною, равнодушною покорностью обязанности и необходимости природы, должно быть чуждо всякой страсти, всякаго желанія. Оно принадлежитъ лишь матеріальной одеждѣ души, которая мѣняетъ эту одежду, облекаясь вновь и вновь все новымъ тѣломъ, и душа можетъ быть свободна отъ узъ, налагаемыхъ на нее тѣломъ, лишь когда она въ совершенномъ индифферентизмѣ, безъ всякой охоты или неохоты исполняетъ обязанности касты и не разсчитываетъ плоды отъ своихъ поступковъ, когда она держитъ себя свободно отъ «двойственности», отъ раздумья объ успѣхѣхъ. — «Не только зной и холодъ, удовольствіе и боль, удача и неудача, счастье и бѣдствіе, побѣда и пораженіе, честь и безчестье должны быть для мудраго одно и тоже, но онъ долженъ одинаково смотрѣть на друзей и враговъ, на добро и зло, цѣнить золото на равнѣ съ глиною и камнями» (Гумбольдтъ).

«Кто, подобно членамъ черепахи, прячетъ въ себя свои чувства, отстраняя ихъ отъ мірскихъ обольщеній, духъ того твердъ въ мудрости» (Бхагавадъ-Гита).

Познаніе божества.

Это устраненіе мыслей отъ жизни ведетъ къ созерцанію и истинному познанію божества; Бхагавадъ-Гита даетъ о сущности божества слѣдующія понятія: Вишну, дѣятельная субстанція вселенной, выше Браны, субстанція покоящейся; душа вселенной, разлитая во все, остается однако же единою. Главная цѣль Бхагавадъ-Гиты — возвеличеніе Вишну — Кришны, бога, ставшаго человѣкомъ, божества, болѣе понятнаго народу, чѣмъ безформенный Брами; потому Вишну выдвигается поэмою на первый планъ; онъ — проявившій себя Брами, онъ исходитъ изъ Браны и носитъ въ себѣ сущность его; Брами, божественная субстанція, облеченъ таинственнымъ туманомъ, потому что онъ — покоящійся принципъ; а Вишну живой богъ, личный богъ, правящій ходомъ вселенной; но правленіе его ею — дѣйствованіе самой природы. — Вишну и Брами — одно и тоже духовное существо, первобытное существо, изъ котораго произошло все, и которое потому должно непрерывно находиться во всемъ; наилучшее въ каждомъ предметѣ божественная субстанція, проявляющаяся въ безчисленныхъ формахъ, но остающаяся вѣчно тождественною. «То, что составляетъ главное достоинство предмета, то — Богъ: блескъ звѣздъ, свѣтъ пламени, жизнь живаго существа, сила сильныхъ, разумъ разумныхъ, познаніе познавшихъ, святость святыхъ» — говоритъ Гумбольдтъ: «Все великое, все превосходное, часть сіянія Бога; онъ вложилъ часть своего существа во всю вселенную». Этому соответствуетъ и тѣлесный образъ, въ которомъ богъ являетъ себя Арджуна, просившему о томъ и получившему божественное око, чтобы видѣть невидимое. «Арджуна видитъ его досягающимъ неба, не имѣющимъ ни начала, ни середины, ни конца, со многими головами, глазами и руками, соединяющимъ въ себѣ тысячи божественныхъ образовъ, различныхъ по цвѣту и по очертаніямъ, видитъ его согрѣвающимъ вселенную сіяніемъ своимъ, видитъ въ немъ всѣхъ боговъ, начиная съ Браны, сидящаго въ чашечкѣ лотусоваго цвѣтка, видитъ въ немъ всѣхъ мудрецовъ и цѣлый толпы существъ всякаго рода»; — этотъ образъ — «чувственное выраженіе духовной сущности его, охватывающей все существо, изливающейся въ каждое существо, и остающейся однако же единою, какъ истинная монада». — Итакъ, душа вселенной находится во всѣхъ существахъ, но она — одно нераздѣльное цѣлое. — Прежнее понятіе о матеріи также подвергается въ Бхагавадъ-Гитѣ преобразованію. — Прежняя умозрительная система съ отважною послѣдовательностью отрицала существованіе матеріальнаго міра, говорила, что онъ только призракъ, обольщеніе; теперь браманы, дѣлая уступку народнымъ понятіямъ, стали учить, что и матерія существовала вѣчно, также какъ духъ; что она по своему внутреннему закону непрерывно видоизмѣняется, непрерывно подвергается гибели, но что эта гибель только перемѣна формы, что смерть и таѣніе лишь переходъ къ новой жизни, что вселенная находится въ вѣчномъ круговоротѣ исчезновенія и возникновенія; но что жизненный элементъ матеріи, источникъ всякаго бытія, всякой жизни въ мате-

Матеріальный міръ.

ріи — божество, на связи съ которымъ держится все, «какъ рядъ жемчужинъ держится на ниткѣ». Матерія, слѣдовательно и человеческое тѣло, имѣетъ три существенныя свойства (три «гуны», *guna*), связывающія духъ и стремящіяся приковать его къ мыслямъ о земномъ. Пока человѣкомъ руководятъ эти свойства или влеченія, душа остается несвободна и при смерти тѣла должна пріобрѣсти себѣ новое тѣло, какъ новую одежду. «Какъ человѣкъ скидаетъ старую одежду и надѣваетъ новую, такъ душа покидаетъ обветшавшее тѣло и переходитъ въ новое, говоритъ Бхагавадъ-Гита. Но если человѣкъ, въ совершенномъ равнодушіи ко всѣмъ земнымъ интересамъ, безучастно относится къ дѣйствованію свойствъ въ своемъ тѣлѣ, какъ существо чуждое всему этому, и посвящаетъ себя исключительно размышленію о божествѣ и служенію ему, то душа освобождается отъ своихъ узъ и возвращается къ душѣ вселенной, изъ которой произошла. Потому, высочайшая задача человѣка въ его земной жизни — углубленіе души въ божество, — мысль, являющаяся окончательнымъ выводомъ во всѣхъ индійскихъ системахъ умозрѣнія.

Это «углубленіе» души въ божество, йога (*yoga*), составляетъ содержаніе системы нравственной фалософіи, выработанной во II вѣкѣ до Р. Х. Патанджали, и дающей практическіе выводы изъ теоретическихъ принциповъ Санхьи. Йога — соединеніе съ высочайшимъ существомъ, погруженіе въ него силою размышленія о немъ. По ученію Патанджали, высочайшая задача мудраго — познаніе души вселенной, воссоединеніе духа съ Вишну-Кришною. Человѣкъ достигаетъ этого равнодушнымъ исполненіемъ всѣхъ обязанностей своей касты, подавленіемъ всѣхъ страстей и влеченій, устраненіемъ себя изъ-подъ власти физическихъ чувствъ, погруженіемъ всего своего мышленія, всей своей умственной дѣятельности въ божество, воздержаніемъ отъ всякаго сомнѣнія, потому что «не познавая и не вѣруя, погибаетъ дышащій сомнѣніемъ». Йога хвалитъ жертвоприношенія и подвижничество, потому что они — проявленія благочестиваго чувства; но отвергаетъ суровый аскетизмъ прежнихъ временъ какъ безуміе и ханжество, ставитъ «углубленіе» выше жертвоприношеній и подвижничества. — «Посвящающій себя углубленію, говоритъ Гумбольдтъ, долженъ жить въ уединенной, чистой мѣстности, устроить тамъ на мѣстѣ, не слишкомъ высокомъ и не слишкомъ низкомъ, одинокое сидѣнье, покрытое шкурами и жертвенною травою (кушею, *kuśa*), и сидѣть на немъ, держа шею въ неподвижности, тѣло въ равновѣсіи, дѣлать глубокія и ровныя вдыханія и выдыханія, не оглядываться, держать зрачки противъ середины бровей, направивъ зрѣніе на кончикъ носа, и произносить таинственное имя божества «Омъ». Онъ приводитъ этимъ свой духъ въ спокойствіе и, не смущаемый ничѣмъ, получаетъ способность устремлять все свое мышленіе на божество. Подавивъ всякія иныя мысли и ощущенія, держась неподвижно, «какъ лампа, которой не касается вѣтеръ», «твердо углубившись мыслями въ самого себя», питая свой духъ только вѣчною душою вселенной, онъ приходитъ въ такое состояніе, въ которомъ исчезаетъ чувствованіе индивидуальной жизни, душа созерцаетъ только саму себя, и

Ученіе объ углубленіи (йогѣ).

въ блаженномъ наслажденіи соединяется съ Брамию; погибаетъ все видимое, сознаніе индивидуальности угасаетъ и духъ возвращается въ первобытную субстанцію, въ лоно вѣчности и неизмѣнности, чтобы ужъ никогда не возродиться въ смертномъ тѣлѣ.—Итакъ приводя свою душу въ состояніе вѣрованія, познанія и углубленія, человекъ имѣетъ своею цѣлью освободиться отъ необходимости возрожденія, совершенно выйти изъ вѣчнаго круговорота возрожденій; эта цѣль—буддійское «угасаніе», Нирвана, исчезновеніе индивидуальнаго существованія. Своимъ духовнымъ труженничествомъ «углубившійся», «йогинъ» (yogin), достигаетъ того, что становится сопричастникомъ божественной сущности и чрезъ то получаетъ волшебную силу.

Утрированные
формы богослуженія.

Всякая доктрина въ Индіи была доводима до непомерной, фантастической утрировки; это всего яснѣе проявлялось въ богослуженіи, въ религіозномъ подвижничествѣ и въ кастовой іерархіи, которой не могли смягчить ни противорѣчіе разума и народнаго чувства ей, ни примѣръ буддистовъ. У святыхъ рѣкъ и озеръ и въ лѣсныхъ пустыняхъ продолжали подвижники заниматься своими педантическими самоистязаніями, все усиливали суровость, фантастичность ихъ, и довели до самоубійства; обособленность кастъ становилась все болѣе рѣзкою, и все росло въ высшихъ кастахъ презрѣніе къ остальному человечеству, узкое сословное высокомеріе; все развивалась и развивалась богослужебная формалистика, все усиливалось казуистическое ханжество, обряды жертвоприношеній и церковный церемоніаль становились все многосложнѣе и запутаннѣе. Древняя «жертва сомы», которою аріицы на Индѣ пріобрѣтали себѣ помощь и милость своихъ небесныхъ боговъ природы, была усложняема все новыми и новыми церемоніями, все болѣе облакаема литургическими обычаями и мистическимъ фокусничествомъ,—такъ что растягивалась на нѣсколько дней, даже на цѣлые мѣсяцы. Еще болѣшую важность получило «жертвоприношеніе коня», — торжество, на которомъ браманы выказывали свое могущество и свою духовную мудрость въ самомъ блистательномъ свѣтѣ. Оно было обставлено такими многосложными обрядами богослуженія и очищенія, такимъ множествомъ церемоній, что стало «царемъ жертвоприношеній», важнѣйшимъ дѣломъ всей богослужебной жизни. Эту жертву могъ приносить только самъ царь, при содѣйствіи множества жрецовъ, исполняя день за день такой длинный рядъ предписанныхъ обрядовъ и моленій, что это тянулось цѣлый годъ. И когда наконецъ была совершена съ точнымъ соблюденіемъ всего ритуала эта жертва, она избавляла царя отъ всѣхъ грѣховъ и давала ему владычество надъ всѣми странами. Желаніе царей совершить жертвоприношеніе коня постоянно возбуждало опустошительныя войны, потому что прежде чѣмъ приступить къ устройству этого жертвоприношенія, царь долженъ былъ побѣдить всѣхъ сосѣднихъ царей.

3) Государство и законный порядокъ. Уставъ Ману.

Спокойствіе народной жизни въ странѣ Ганга дало браманамъ возможность развить съ полною послѣдовательностью систему кастоваго устройства и замѣнить древнюю натуралистическую религію пантеистическимъ вѣроученіемъ браманизма; оно благопріятствовало и успѣху ихъ стремленія передѣлать форму государственной и общественной жизни, превратить ограниченную власть царей патріархальнаго времени въ деспотизмъ, опирающійся на войско и духовенство.

Чтобы подвести общественную жизнь подъ регламентацію, опредѣляющую правила для каждаго движенія, чтобы наложить на все въ странѣ владычество своей системы, браманамъ необходимо было имѣть какую-нибудь книгу, которой могли-бъ они приписывать такой-же авторитетъ въ житейскихъ дѣлахъ, какъ Ведамъ въ религіозныхъ. Для этого они собрали древніе юридическіе обычаи аріицевъ, передѣляли эти изустныя преданія сообразно современнымъ своимъ надобностямъ, прибавили къ нимъ новыя опредѣленія и постановленія, и чтобы придать своему сборнику высокое и общепризнанное значеніе, приписали его Ману. Ману былъ у индійцевъ въ патріархальный періодъ первый человекъ, въ героическое время первый царь, родоначальникъ царствующихъ династій, а когда достигло преобладанія духовенство, онъ сталъ первымъ святой и мудрецъ. Браманы учили, что законы приписаннаго ему сборника были даны ему божественнымъ откровеніемъ Брамъ, и онъ передалъ ихъ великимъ браманскимъ святымъ. Во введеніи къ этому сборнику говорится, что святой Бгригу (Bhṛigu) возвѣстилъ законъ, который, по его просьбѣ, открылъ ему Ману. Мы ужъ говорили, что уставъ Ману основанъ на матеріалахъ довольно древнихъ, но что его нынѣшняя редакція довольно поздняя. Главную часть его составляютъ заповѣди Ведъ, и все остальное приведено по возможности въ согласіе съ ними, чтобы одно откровеніе не противорѣчило другому; вторую группу постановленій образуютъ «обычаи добрыхъ», то-есть, преданія обычнаго права, чище всего сохранившіяся въ святой браманской землѣ на берегахъ Ямуны; къ преданіямъ этой области прибавлены старыя юридическіе обычаи нѣкоторыхъ другихъ мѣстностей и нѣкоторыя родовыя преданія; третью часть составляютъ изреченія древнихъ жрецовъ, святыхъ и ученія ихъ. Собраніе этихъ клочковъ, приставленныхъ одинъ къ другому безпорядочно и вообще безсвязно, было въ теченіе вѣковъ увеличиваемо новыми постановленіями и передѣлываемо по современнымъ понятіямъ, такъ что книга, прошедши черезъ множество переработокъ въ разныхъ юридическихъ корпораціяхъ брамановъ, сдѣлалась разно-

рѣчивымъ собраніемъ разнохарактерныхъ, лишь поверхностно группированныхъ законовъ религіозной, нравственной и политической жизни, государственнаго и частнаго права; догматы вѣры и глубокомысленныя ученія о возрожденіяхъ и о мукахъ ада идутъ въ этомъ кодексѣ рядомъ съ постановленіями о дѣлахъ общественной жизни, о государственномъ управленіи, о судопроизводствѣ, о полиціи, о рыночныхъ цѣнахъ; рядомъ съ возвышеннѣйшими нравственными ученіями идутъ правила благоприличія, учтивости, совѣты о домашнемъ хозяйствѣ, о сельскомъ хозяйствѣ, правила благоразумія, афоризмы житейской мудрости. Сборникъ раздѣляется на 12 книгъ; законы изложены въ стихотворной формѣ.

Болену кажется, что можно открыть нѣкоторый порядокъ въ уставѣ Ману; онъ находитъ, что «уставъ Ману, начинаясь легендою о сотвореніи міра, говоритъ послѣ того о воспитаніи; далѣе излагаетъ постановленія о бракѣ, домашнія обязанности, переходитъ къ постамъ и очищеніямъ, къ богопочитанію, далѣе говоритъ о правительствѣ и законодательствѣ, объ исполненіи законовъ; потомъ о торговлѣ, о смѣшанныхъ кастахъ, о подвижничествѣ и покаяніи, и кончаетъ переселеніемъ душъ и загробною жизнью».

Но какъ ни старались браманы регламентировать общественную жизнь, нравы и культъ по уставу Ману, сдѣлать этотъ кодексъ общепризнаннымъ закономъ, имъ не удалось достичь въ этомъ полнаго успѣха. На Индѣ, въ Деканѣ и во всѣхъ тѣхъ областяхъ, гдѣ религіозныя, политическія и общественныя учрежденія не получили такого развитія, какъ на Гангѣ и кастовое устройство не могло быть проведено съ полною послѣдовательностью, уставъ Ману имѣлъ мало значенія на практикѣ, хотя его постановленія всегда были признаваемы за нормы юридическихъ понятій, хотъ было и желаніе по возможности осуществить ихъ.

Уставъ Ману, первоначальная редакція котораго, принадлежащая, быть можетъ, VI вѣку до Р. Х., не дошла до насъ, имѣетъ основною идею неравноправность сословій, и знаетъ только разныя права разныхъ кастъ; не знаетъ общечеловѣческихъ правъ или хотя бы общихъ правъ всѣхъ гражданъ; это соответствуетъ индійскимъ понятіямъ; сообразно съ ними и то, что онъ ставитъ касту брамановъ выше свѣтскихъ сословій. Но индійское духовенство никогда не выказывало стремленія захватить въ свои руки свѣтскую власть; въ заботахъ о небесномъ оно, быть можетъ, нѣсколько упускало изъ виду практическіе вопросы о земномъ; или оно не хотѣло компрометировать свое нравственное владычество, связывая его судьбу съ судьбою мірской власти; или оно думало, что вѣрнѣе сохранить свои сословныя права, свое привилегированное положеніе подъ властью царя, который принадлежитъ къ менѣе высокой кастѣ, что бороться съ царемъ браманскаго происхожденія было-бы труднѣе; — какъ бы то ни было, оно никогда не пыталось ввести жреческую монархію.

Индійскіе цари принадлежали къ военной кастѣ, и по религіозно-политическимъ понятіямъ индійцевъ были ниже брамановъ; а по своему положенію, по своему фактическому могуществу, они повелѣвали браманами: такимъ образомъ, государственное устройство не соответствовало божественному устройству вселенной, подобіемъ котораго слѣдовало ему быть по браманской теоріи. Но за эту несообразность фактическаго своего положенія съ теоріею браманы вознаграждали себя тѣмъ, что присвоили себѣ много важныхъ привилегій и захватили, эксплуатируя набожность индійскаго народа, запугивая его муками ада и возрожденіями, владычество надъ мыслями его. Политически и юридически, браманы были такіе-же рабы царя, какъ и люди другихъ сословій; но религія возлагала на царя обязанность всячески чтить брамановъ: царь долженъ уважать ихъ, оказывать имъ почести; онъ долженъ избирать своихъ совѣтниковъ по преимуществу изъ людей священнаго сословія; долженъ дѣлать судьями и правителями по преимуществу то-же брамановъ; онъ долженъ давать браманамъ коровъ и сокровища, и всяческіе подарки, — потому что «сокровище, которое царь ввѣряетъ браманамъ, сокровище не гибнущее; этого сокровища не похитятъ у него ни воры, ни враги; жертва, приносимая браману, богоугоднѣе жертвы сожигаемой огнемъ» (Лассенъ); подарокъ, дѣлаемый браману, вознаграждается пріобрѣтеніемъ блага во сто тысячъ разъ драгоцѣннѣйшаго, а если этотъ браманъ особенно святой, то награда еще больше, до безконечности велика. Единственною юридическою привилегіею брамановъ было лишь то, что за нѣкоторыя преступленія они подвергались наказаніямъ менѣе тяжелымъ, чѣмъ люди другихъ кастъ; всѣ другія права и привилегіи ихъ основывались только на заповѣдяхъ религіи, а не на положительномъ законѣ. Но народу было такъ прочно внушено глубокое благоговѣніе къ священному сословію брамановъ, что они не имѣли нужды подкрѣплять свои притязанія юридическими принудительными мѣрами. Могъ-ли царь не исполнять своихъ обязанностей относительно людей, которые своими святыми молитвами и жертвоприношеніями владычествуютъ надъ самими богами, которые священнымъ помазаніемъ даютъ власти царя божественное утвержденіе, религіозный авторитетъ?

И дѣйствительно, слѣдовало индійскимъ царямъ чтить брамановъ: ученію брамановъ они были всего болѣе обязаны неограниченностью своей власти. Въ тѣ дни, когда арійцы жили еще только на Индѣ и въ Пенджабѣ, свобода дѣйствій царя у нихъ, какъ и у всѣхъ воинственныхъ народовъ, была ограничена могуществомъ энергическаго военнаго дворянства, которому иногда удавалось даже прогонять царей, стремившихся къ деспотической власти, и основывать аристократическія республики; греки еще нашли республики въ нѣкоторыхъ частяхъ Индіи. Въ періодъ завоеваній и слѣдовавшихъ за ними войнъ,

царь все еще оставался только первым между равными, какъ Индра между богами; герои, окружавшіе и поддерживавшіе его престолъ, передавали по наслѣдству своимъ дѣтямъ, вмѣстѣ съ военнымъ искусствомъ, героическою силою и храбростію, и свои права, свою гордость. Но тѣ обстоятельства, которыя ослабили могущество касты кшатрій, помогали царямъ приобрести деспотическую власть. Эти обстоятельства были: вліяніе роскошной жизни въ жаркой, плодородной странѣ, быстро разслабившее воиновъ; возростающее значеніе промышленнаго класса; но болѣе всего, развитіе браманскаго ученія о единомъ верховномъ существѣ, отъ котораго происходитъ все и о преимуществѣ созерцательнаго спокойствія души надъ энергическою дѣятельностію. Чѣмъ усерднѣе и успѣшнѣе доказывали браманы, что существующій порядокъ—святое міроустройство, произошедшее изъ Брамъ; чѣмъ больше восхваляли они спокойное терпѣніе, нѣмое повиновеніе, пассивную уступчивость, какъ высочайшія добродѣтели, чѣмъ тверже привыкалъ народъ, миролюбивый по природѣ и жившій въ странѣ, безопасной отъ нашествія враговъ, предпочитать мирное наслажденіе плодами своего труда тревогамъ войнъ и честолюбивыхъ замысловъ; чѣмъ больше упрочивалось убѣжденіе, что набожныя размышленія и точное исполненіе обрядовъ—важнѣйшія дѣла жизни; — тѣмъ полнѣе царская власть и государственная жизнь приобретали характеръ, общій всѣмъ восточнымъ деспотическимъ государствамъ, гдѣ подданные охотно отдаютъ себя въ рабскую подвластность царю, чтобы подъ охраною его всемогущества имѣть безопасность жизни и собственности. Участіе въ государственной жизни, политическая борьба, споры партій—все это мѣшало бы спокойствію жизни, похожей на растительное прозябаніе, созерцанію и погруженію въ Брамъ; терпѣливая покорность народа естественно вела къ развитію абсолютизма, къ безграничному полновластію царей; но деспотизмъ ихъ не былъ тираниченъ и кровожаденъ, потому что тиранство власти было несообразно съ вялостью національнаго характера.

Полновластіе
царя.

Мысль, что безопасность и благоденствіе возможны только подъ охраною сильной власти царя, встрѣчается уже въ Магабгаратѣ и Рамаянѣ. Когда Налъ возвращается въ свое царство, старѣйшины совѣта, сложивъ руки на груди, привѣтствуютъ его словами, что теперь «снова будутъ безопасны и горожане и поселене». Въ Рамаянѣ правитель колесницы Сумантра длинною элегическою рѣчью описываетъ, какъ печально дѣлается состояніе страны, когда въ ней нѣтъ царя *). Подъ вліяніемъ духовенства, эта

*) „Гдѣ не владычествуетъ царь, тамъ не напоятъ изсыхающихъ луговъ небесною росой вѣнчанный молніею громовержецъ, богъ дождя. Тамъ не дѣлаютъ посѣвовъ, тамъ не слѣдуетъ за отцомъ сынъ, за мужемъ жена. Тамъ нѣтъ счастливаго, строящаго себѣ домъ, тамъ не разводятъ радостныхъ садовъ, не воздвигаютъ храмовъ.—Браманы не приносятъ тамъ жертвъ; тамъ не пляшутъ въ собраніяхъ народа на веселыхъ праздникахъ,

мысль приобрѣла безусловное господство надъ умами. Царь сталъ считаться эманациею божественнаго существа, потому что Брами создаетъ царя изъ субстанціи восьми высшихъ боговъ-стражей міра, и они все живутъ въ немъ, охраняя его отъ всякой нечистоты. «Царь», говорится въ уставѣ Ману, «составленъ изъ вѣчныхъ частей высочайшихъ боговъ, потому онъ выше всѣхъ смертныхъ величіемъ; подобно солнцу ослѣпляетъ онъ глаза и сердца, никто не можетъ выносить его взгляда; онъ огонь и воздухъ, солнце, луна, властитель справедливости, владыка богатства, вода и тверди небесной. Съ царемъ, даже если онъ дитя, нельзя обращаться безъ благоговѣнія, какъ съ простымъ человекомъ, потому что онъ могущественное божество, явившееся въ человѣческомъ образѣ. Огонь пожираетъ того лишь одного, кто приближается къ нему неосторожно, и гибнетъ царя пожираетъ всю семью и все имущество семьи». Соответственно этому представленію о царѣ, какъ о наместникѣ божества на землѣ и о монархіи, какъ объ отблескѣ небеснаго порядка, царю приписывались все атрибуты, все качества и силы высшихъ боговъ. «Онъ обладаетъ блескомъ и величіемъ бога солнца, изливаетъ обиліе благъ на человечество; но какъ Сурья восемь мѣсяцевъ извлекаетъ своими лучами влагу изъ земли, такъ и царь имѣетъ право извлекать законныя подати отъ своихъ подданныхъ». Какъ боги Яма, Варуна и Агни награждаютъ благочестивыхъ и справедливыхъ, скрываютъ злодѣевъ и грѣшниковъ цѣпями, предають ихъ смерти и погибели, такъ и царь, верховный судья, источникъ правосудія, долженъ быть для подданныхъ «владыкою справедливости» и наказывать преступниковъ. Какъ свѣтъ и воздухъ, онъ долженъ проникать все; но и долженъ, также какъ луна, радовать сердца кроткимъ свѣтомъ, и какъ богъ богатства изливать обиліе своихъ милостей на смертныхъ.

Браманы усердно старались соединить престолъ самую тѣсною связью съ церковью; они освятили абсолютную власть царя авторитетомъ религіи, непрерывно убѣждали народъ въ ея необходимости, называли пассивное повиновеніе земному владыкѣ божественною заповѣдью. За свою помощь царской власти они были освобождены отъ платежа подати съ своихъ земель и получили высокое положеніе въ государствѣ: администрація и судебная власть были въ ихъ рукахъ, они руководили царя въ его рѣшеніяхъ и дѣйствіяхъ, и приобрѣли своему ученію могущественное покровительство царей, понимавшихъ, что ихъ власть основана на вѣрованіи народа. Такимъ образомъ, индійское государство было теократіею, опирающеюся на свѣтскую власть,

не тѣснится около пѣвца толпа внимательныхъ слушателей, и не прогуливаются по рощамъ мудрецы, ведя разговоры. Не ходятъ тамъ вечеромъ въ садъ на игры дѣвушки въ золотыхъ уборахъ; не возятъ тамъ жены любящіе мужья кататься по лѣсамъ на быстрыхъ коняхъ. Не спятъ тамъ богатый пастухъ или земледѣлецъ беззаботно съ отворенными дверями, безопасный. Не ѣздитъ тамъ по безопаснымъ дорогамъ беззаботно, съ богатыми товарами, купецъ изъ далекихъ мѣстъ. Какъ стадо безъ пастуха, царство безъ царя. Въ землѣ, гдѣ нѣтъ царя, ни у кого нѣтъ ничего своего; и какъ рыба поглощаетъ рыбу, пожирають тамъ другъ друга люди. А власть царя удерживаетъ дерзко разламывающаго сундуки нечестиваго злодѣя отъ злодѣйныхъ страховъ наказанія. Какъ глазъ постоянно осматривается, заботясь о тѣлѣ, такъ царь корень добродѣтели и законности для царства. Покрытый слѣпымъ мракомъ, безпорядоченъ и смутенъ міръ, когда царь не поддерживаетъ порядка, не показываетъ, что законно и что незаконно.

Въ Магабгаратѣ также говорится: «Гдѣ нѣтъ царя, тамъ жертвы не имѣютъ силы, тамъ не падаетъ дождя, гибнутъ земля и народъ».

или деспотизмомъ, основаннымъ на теократіи. Религіозный характеръ деспотизма дѣлалъ его менѣе тираническимъ, нежели былъ-бы онъ, опираясь на войско. Браманы непрерывно внушали царямъ, что ихъ обязанность—править кротко и справедливо, называли отцовское милосердіе къ народу прекраснѣйшею добродѣтелью царя. Они любили уподоблять отношеніе царя къ странѣ браку,—сравненіе означающее, что царь имѣетъ нравственные обязанности относительно народа, что народъ не безправенъ. Чтобы царь зналъ, какъ ему поступать, браманы внушали ему, что религія возлагаетъ на него обязанность принимать рѣшенія по совѣщаніи съ браманомъ, хорошо знающимъ Веды и вершить дѣла сообразно съ мнѣніемъ этого совѣтника.

Уставъ Ману показываетъ, что абсолютная власть царя (Раджи) ужь достигла тогда полного развитія, но еще уцѣлѣли нѣкоторые остатки прежняго общиннаго и племеннаго быта. Давая царю совѣты о томъ, какими способами можетъ онъ обезопасить себя отъ злоумышленій, которыя бывали и въ индійскихъ, какъ во всѣхъ другихъ восточныхъ деспотическихъ государствахъ, и отъ неожиданнаго нападенія непріятелей, уставъ Ману говоритъ, что онъ долженъ избрать своею резиденціею мѣсто, находящееся въ области вѣрнаго, преданнаго ему племени, малодоступномъ, защищенномъ лѣсами или пустынею, долженъ укрѣпить свой дворецъ рвами, стѣнами, и что стражею во дворцѣ должны быть надежные люди «малаго духа», получающіе хорошее жалованье; есть въ уставѣ Ману и явные слѣды того, что еще оставались тогда древнія индійскія товарищества съ самостоятельною администраціею, что еще уцѣлѣло первобытное свободное общинное устройство деревень. Еще сохранились семейные и родовые союзы, глубоко коренившіеся въ индійскомъ народномъ характерѣ; ихъ существованіемъ облегчалось сохраненіе древнихъ религіозныхъ обрядовъ, преданій и юридическихъ обычаевъ; эти союзы являются въ уставѣ Ману дѣйствующими при общественныхъ похоронахъ, приѣмѣ молодаго «двиджи», дваждырожденнаго, въ касту возложеніемъ священнаго шнура, при исключеніи нечистаго изъ касты выливаніемъ воды изъ кружки, и при другихъ церемоніяхъ; оставались даже цехи ремесленниковъ, купцовъ и другія корпораціи, которыя вообще парализуетъ и уничтожаетъ деспотизмъ.

Дѣлами религіи завѣдывали исключительно браманы; потому царь управлялъ только администраціею, судебною частью и войскомъ. Законы, данные людямъ богомъ, не могли нуждаться въ улучшеніяхъ, потому ни царь, ни нація не имѣли законодательной власти. Правительство должно было только наблюдать за исполненіемъ законовъ.

Правительство.

1. Правительство—это царь, которому помогаетъ царскій совѣтъ, состоящій изъ семи или восьми членовъ. Они должны быть мудрые люди хорошаго происхожденія и безупречной жизни, знающіе законъ и опытные въ военномъ дѣлѣ. Уставъ Ману говоритъ: царь долженъ совѣтоваться съ

ними обо всемъ, сначала порознь, а потомъ со всѣми вмѣстѣ; посовѣтовавшись, пусть онъ поступаетъ, какъ ему кажется лучше. О важныхъ дѣлахъ онъ непременно долженъ совѣтоваться съ мудрымъ браманомъ; и каждое утро долженъ слушать наставленіе брамана, хорошо знающаго Веды.—Основаніе государственной жизни въ Индіи, никогда не достигавшей до такой полной централизаціи, какъ другія восточныя деспотіи, образуетъ деревенская община; тѣсно сплоченная внутри и замкнутая отъ всего внѣшняго, она безшумно ведетъ дѣятельную, самостоятельную жизнь подъ управленіемъ начальниковъ и содѣйствіи слугъ—судей, смотрителей за водою, полевыхъ сторожей и проч.—избираемыхъ ею самою и получающихъ содержаніе отъ нея. Она мало интересуется и государствомъ и другими общинами; правительство и законодательство тоже мало вмѣшиваются въ ея дѣла *). Десять общинъ образуютъ волость, десять волостей или сто общинъ—кантонъ, десять кантоновъ—округъ и т. д. Этому дѣленію соответствуетъ и распределеніе власти между начальниками (пати, то-есть, господами) по степенямъ чиноначальства отъ царскаго намѣстника до деревенскаго старшины. Жалованье составляли произведенія участка земли, величина котораго соответствовала степени высоты должности. При безправности народа передъ правительствомъ было много произвола, притѣсненій, пристрастій, подати бывали обременительны, чиновники обирали народъ,—словомъ, были всѣ пороки и недостатки бюрократіи, это мы видимъ по множеству жалобъ на несправедливость правителей.—Подати взимались не съ отдѣльныхъ лицъ, а съ общины и поглощали больше половины продукта земли; онѣ не употреблялись, какъ въ Китаѣ, на устройство дорогъ, мостовъ, каналовъ и другія общепользныя дѣла, а поступали въ личную собственность царя, его чиновниковъ и слугъ, или были назначены на расходы культа и содержаніе духовенства. Индѣецъ жилъ въ своей общинѣ, какъ завернувшись въ коконъ, и мало думалъ о государственныхъ дѣлахъ. Только тѣ дороги, которыя вели къ святымъ мѣстамъ, были хорошо устроены и снабжены домами для отдыха.—Уставъ Ману показываетъ намъ, что въ своей заботливости о порядкѣ индійскіе цари дали широкое развитіе полицейскому надзору. Начальники округовъ должны были охранять общественную безопасность, цѣлость межевыхъ знаковъ, общинную собственность; у нихъ были подчиненные, надзиравшіе за мелочною торговлею, опредѣлявшіе рыночную цѣну съѣстныхъ припасовъ, провѣрявшіе правильность вѣсовъ и мѣръ и т. д. Была и тайная полиція, имѣвшая шпионовъ и доносчиковъ. Пьянство и игра, склонность къ которой была сильна у индійцевъ, были очень строго запрещены заповѣдями религіи, назначавшими за нихъ адскія кары и подвиги покаянія; уставъ Ману очень настойчиво требуетъ, чтобы правительство преслѣдовало эти пороки, наказывало содержателей игорныхъ и питейныхъ домовъ. Волненіе души, производимое опьяняющими напитками, игрою въ кости или въ шахматы, было грѣховно, по индійскимъ понятіямъ о добродѣтели и душевномъ спокойствіи.

Община.

Полиція.

*) Индійская сельская община уцѣлѣла до сихъ поръ, выдержавъ всѣ бури. Въ отчетѣ лорда Меткафа парламенту (въ 1832 году) говорится: «Индійскія сельскія общины—маленькія республики; онѣ почти независимы отъ внѣшнихъ вліяній, потому что каждая сельская община имѣетъ сама почти все то, что нужно ей. Она остается неизмѣнна при всѣхъ переворотахъ: династія смѣняется династіею, религія измѣняется; владычествуютъ, одни за другими, гиндусы, афганцы, монголы, магратты, сейки, англичане,—устройство деревни остается все то-же».

Подати; доходы. Многосложная администрація, расточительное великолѣпіе царскаго двора и роскошные наряды царицъ, содержаніе войска и великолѣпнаго культа—все это вмѣстѣ требовало большихъ расходовъ, потому подати неизбежно были обременительны. Всякая собственность, всѣ продукты были обложены податю и во многихъ царствахъ подати часто бывали велики до раззорительности. Со всѣхъ произведеній сельскаго хозяйства былъ взимаемъ налогъ, простиравшійся до четвертой доли жатвы; на торговлѣ тоже лежали пошлины и акцизы всяческаго рода; между прочимъ была пошлина за перевозку товаровъ; ремесленники, поденщики, слуги должны были безплатно работать одинъ день въ мѣсяцъ на царя. Кромѣ того, царь могъ присвоивать себѣ исключительное право производить извѣстные товары или торговать ими, могъ брать себѣ половину дохода отъ рудниковъ и отъ прѣсковъ драгоцѣнныхъ камней или совѣмъ дѣлать ихъ своею монополіей. Кажется, что была и подушная подать. Никто—въ особенности, изъ купцовъ—не могъ являться къ царю безъ подарка. Обременительные налоги, разные вымогательства, обчитыванія, несправедливости, съ которыми обыкновенно соединено въ деспотическихъ государствахъ взиманіе налоговъ, такъ тяжело угнетали народъ, что онъ, при дивномъ богатствѣ природы и плодородіи почвы, постоянно жилъ въ нуждѣ и горѣ. Уставъ Ману совѣтуетъ царю брать примѣръ съ пиявки, сосущей кровь понемножку, и взимать подати частыми маленькими долями; сравненіе это годится быть и характеристикою методическаго высасыванія всѣхъ соковъ изъ народа. „Страна все равно, что зерно сезама, сказали нѣкогда главные совѣтники царю: оно не даетъ изъ себя масла, пока его не выжмешь, не изрѣжешь, не выжжешь или не вытолчешь“. Только съ ученыхъ брамановъ царь не долженъ брать никакихъ податей, потому что они, говоритъ Калидаса, уплачиваютъ свою долю жатвы молитвами за царя.

Судъ. 2. Уставъ Ману придаетъ величайшую важность тому, чтобы судъ былъ хорошъ. Онъ говоритъ, что первая обязанность царя—справедливость; подъ справедливостю онъ понимаетъ главнымъ образомъ уголовное правосудіе. Вѣроученіемъ брамановъ и деспотическою формою правленія была отнята у людей всякая самостоятельность, всякая сила воли, на народъ было наложено иго робости и страха, такъ что никто не могъ самъ защитить себя; слѣдовательно надо было поддерживать божественный порядокъ строгими наказаніями нарушителямъ его. Потому за всякое преступленіе противъ власти, за всякій проступокъ противъ царя и начальства уставъ Ману назначаетъ смертную казнь. Общественный порядокъ и, въ особенности, священные законы іерархіи кастъ тоже были охраняемы отъ нечестивыхъ нарушеній угрозами очень тяжелыхъ наказаній. Совершать уголовный судъ съ неумолимою строгостю—самая важная часть царской власти. Въ теократическомъ уставѣ Ману замѣтно стремленіе сдѣлать царя исполнителемъ постановленій духовенства. „Въ уставѣ Ману“, говоритъ Боленъ, „сословіе брамановъ является во всемъ своемъ грозномъ величіи, человечество должно исчезнуть передъ нимъ, всевластнымъ намѣстникомъ божества. Справедливость лишь то, что согласно съ теологіею. Всякое преступленіе—преступленіе противъ божества. Понятія о правѣ и о добродѣтели совершенно сливаются съ понятіемъ о набожности“. Страхъ небесныхъ и земныхъ наказаній долженъ удерживать человечество на предписанномъ пути и дѣлать его безропотно несущимъ иго духовенства. Потому на царя возлагается, какъ заповѣдь религіи, обязанность безпощадно карать всякое преступленіе. Установленное наказаніе должно быть исполнено, безъ вниманія къ побужденіямъ преступника, къ обстоятельствамъ, облегчающимъ или увеличивающимъ его вину. „Наказаніе могучій властитель, мудрый исполнитель закона“, говоритъ уставъ Ману: „Наказаніе править человѣ-

скимъ родомъ; только наказаніе хранить его; наказаніе бодрствуетъ, когда все спитъ; наказаніе—справедливость. Если царь не будетъ неустойчиво заботиться о наказаніи виновнаго, то сильный изжаритъ слабого, какъ рыбу на вертелѣ, человекъ изъ самой низкой касты займетъ мѣсто самаго высокаго. Только гдѣ черное красноеглазое наказаніе уничтожаетъ преступника, люди живутъ безъ опасенія. Человѣка, который по природѣ поступалъ бы хорошо, едва ли можно найти“. Потому правосудіе состоитъ главнымъ образомъ въ исполненіи уголовныхъ законовъ. И чтобы царь не склонился по милосердію къ пощадѣ, уставъ Ману говоритъ, что неумолимое исполненіе уголовныхъ законовъ составляетъ такую заслугу, за которую боги даютъ счастье на землѣ и награду на небѣ: „Подавленіемъ злыхъ и охраненіемъ добрыхъ очищается царь, какъ браманъ жертвоприношеніемъ; его царство процвѣтаетъ тогда, какъ постоянно поливаемое дерево“; за оборону добрыхъ строгимъ охраненіемъ священнаго порядка, царю вѣняется въ заслугу передъ богами часть ихъ заслугъ; а слабымъ или несправедливымъ исполненіемъ законовъ о наказаніяхъ онъ навлекаетъ на себя часть вины въ происходящемъ оттого злѣ, и казнится за это зло въ настоящей и въ будущей жизни. Судъ производится или самимъ царемъ или назначенными имъ судьями; но у судьи должны быть совѣтники, браманы, свѣдущіе въ законахъ и опытные люди. Судья долженъ призвать помощь боговъ къ открытію истины, внимательно слѣдить за ходомъ судебныхъ преній, наблюдать, какъ держитъ себя обвиняемый; онъ долженъ выслушивать свидѣтельскія показанія безукоризненныхъ людей, въ сомнительныхъ случаяхъ требовать присяги, даже обращаться къ суду божію, испытанію огнемъ и водою. Вообще свидѣтели должны быть одной касты съ обвиняемымъ; но допускались исключенія; отъ женщинъ принимались показанія только о женщинахъ, отъ шудръ только о шудрахъ. За клятвопреступленіе и ложное свидѣтельство были опредѣлены очень тяжелыя земныя и небесныя наказанія, падавшія не на однихъ только виновныхъ, но и на родныхъ виновнаго, и на весь его родъ. Обычай узнавать истину посредствомъ суда божія, очень гармонизировавшій съ расположеніемъ индійцевъ къ чудесному и съ ихъ убѣжденіемъ, что божество непосредственно вмѣшивается въ человѣческія дѣла, все усиливало съ теченіемъ времени. Судъ былъ производимъ по порученію царя; потому каждая просьба могла быть приносима прямо царю и можно было апеллировать къ нему отъ рѣшеній всѣхъ другихъ судей. Онъ имѣлъ и право помилованія. Судьями, своими намѣстниками, царь долженъ назначать если не брамановъ, то лишь людей изъ дважды рожденныхъ. Страна, гдѣ судьей былъ бы шудра, походила бы на корову, попавшую въ болото.

При всей кротости характера индійцевъ, считавшихъ за тяжкій грѣхъ Уголовные за- убить какое нибудь живое существо, уложеніе ихъ написано кровью. конны. Въ немъ господствуетъ *jus talionis*, принципъ строжайшаго возмездія: „око за око и зубъ за зубъ“; позорящихъ наказаній, имѣющихъ важность только при сознаніи свободы личности, почти не было въ Индіи; употребительна была лишь одна форма ихъ, самая грубая: клейменіе лба; съ этимъ обыкновенно соединялось изгнаніе изъ касты. Другія наказанія по уставу Ману были: денежный штрафъ, тюрьма, тѣлесное наказаніе, отсѣченіе разныхъ частей тѣла, простая смертная казнь и разные мучительныя формы ея. По различію кастъ были различны и наказанія. Денежный штрафъ былъ тѣмъ значительнѣе, чѣмъ выше каста, противъ которой совершенъ проступокъ, и тѣмъ меньше, чѣмъ выше каста виновнаго. Только размѣръ вознагражденій за воровство увеличивался по степенямъ высоты касты похитителя. Наказанія за обиды и увѣчья были очень различны для раз-

ныхъ кастъ, чтобы внушать низшимъ благоговѣніе къ дважды-рожденнымъ. Шудра, оскорбивши дважды-рожденного, наказывается отрѣзаніемъ языка; если онъ оскорбилъ словами брамана, должно быть всунуто въ ротъ ему раскаленное желѣзо; а если онъ упрекнетъ брамана за неисполненіе браманскихъ обязанностей, то вливается въ ротъ ему кипящее масло; если онъ ударить брамана, ему отрубаютъ обѣ руки; если онъ плюнетъ на брамана, ему отрѣзываютъ губы и т. д. А провинившіеся въ такихъ проступкахъ дважды-рожденные наказываются только штрафомъ, величина котораго только измѣняется по различію кастъ. Изнасилованіе, нарушеніе супружеской вѣрности, развратъ наказываются обыкновенно изувѣченіемъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ смертною казнью. Особенно строги и точно опредѣлены наказанія за воровство. Воръ долженъ уплатить вознагражденіе нѣсколько разъ превышающее цѣнность похищеннаго, и кромѣ того, смотря по размѣрамъ и характеру своего преступленія, подвергается тѣлесному наказанію, или изувѣченію, или смертной казни посадкою на колъ. Для подавленія воровства уставъ Ману совѣтуетъ царю имѣть тайную полицію, пользоваться шпионами. Укрыватель воровства подвергается такому же наказанію, какъ и воръ. За воровство сельскихъ продуктовъ съ полей назначены очень тяжелыя наказанія. Обманъ и азартныя игры приравниваются воровству *). Смертной казни подвергаются въ особенности всѣ виновные въ преступленіяхъ противъ царя или брамановъ. Деспотическій престолъ и тираническое государственное устройство могли рассчитывать на прочность лишь подъ условіемъ, чтобы господствовалъ „страхъ во всѣхъ существахъ“, чтобы мечъ палача постоянно угрожалъ головамъ дерзкихъ, которые отважились бы возстать противъ существующихъ учреждений. „Кто въ помраченіи своего ума обнаружитъ ненависть къ царю“, говоритъ уставъ Ману, „или откажетъ ему въ повиновеніи, долженъ умереть“. Далѣе: „кто поддѣлаетъ царскія повелѣнія, будетъ вносить раздоръ между совѣтниками царя, похитить царскую собственность, долженъ умереть“. Виды смертной казни были: отсѣченіе головы мечемъ или топоромъ, сожженіе, утопленіе, сажаніе на колъ, растаптываніе слонами. Палачами были чандалы. Осужденнаго вели на казнь, разукрасивъ его, какъ жертвенное животное; и нѣсколько разъ провозглашали, съ барабаннымъ боемъ, приговоръ. Брамамы не могли подвергаться казни; высшее наказаніе имъ было изгнаніе.—Тюрьмы, по уставу Ману, должно строить у дорогъ, чтобы онѣ служили предостереженіемъ.

Воеустройство
и политика.

3. Въ уставѣ Ману есть совѣты и предписанія также относительно обязанностей царя какъ военачальника и какъ руководителя внѣшней политики государства; это тѣмъ удивительнѣе, что интересы брамановъ требовали всячески отклонять царя отъ войнъ, грозившихъ опасностью ихъ учрежденіямъ. Но уставъ Ману долженъ былъ обнимать всѣ стороны государственной и общественной жизни; а войнъ нельзя было совершенно избѣжать; потому брамамы ввели ихъ въ

*) Эта строгость имѣла хорошія послѣдствія, какъ видимъ изъ позднѣйшихъ греческихъ извѣстій о магадскомъ царствѣ; греки очень хвалятъ индійцевъ за ихъ уваженіе къ чужой собственности, миролюбіе, правдивость. Но изъ другихъ источниковъ мы знаемъ, что долгое угнетеніе сдѣлало жителей областей въ низовьяхъ Ганга лживыми, вѣроломными, хитрыми и что они хорошо владѣли оружіемъ всѣхъ слабыхъ и угнетенныхъ: интригою, обманомъ, притворствомъ.

свое законодательство; это было тѣмъ необходимѣе, что вѣроятно еще оставались отъ прежнихъ воинственныхъ временъ учрежденія и воспоминанія, которыхъ брамамы не могли совершенно искоренить. Война въ Индіи была дѣломъ лишь одной касты и не касалась остальнаго населенія; греческіе писатели съ удивленіемъ рассказываютъ, что индійскій земледѣлецъ спокойно пашетъ свое поле, собираетъ жатву и садовые плоды, между тѣмъ какъ по сосѣдству идетъ сраженіе.

Уставъ Ману внушаетъ царю, чтобы онъ дѣлалъ завоеванія, которыя ставятъ царю въ такую-же заслугу, какъ охраненіе государства. Но при замкнутости страны и при отвращеніи, какое чувствовали арійцы ко всѣмъ другимъ народамъ, войны можно было вести только въ самой Индіи; это были войны между государствами одной и той же національности; потому уставъ Ману велитъ вести войну безъ жестокостей, человѣчно. Онъ прославляетъ храбраго воина, смерть котораго въ битвѣ ставитъ онъ наравнѣ съ наивысшими жертвоприношеніями, предастъ презрѣнію труса, который бѣгствомъ изъ битвы лишаетъ себя всѣхъ своихъ заслугъ предъ боже-ствомъ; но онъ содержитъ въ себѣ и постановленія о милосердіи къ побѣжденнымъ, безоружнымъ, просящимъ пощады. Онъ даетъ царю расчетливый совѣтъ истреблять всѣ запасы, которыми можетъ воспользоваться непріятель; но воспрещаетъ опустошать страну, вырубать деревья, запрещаетъ другія дѣла военнаго варварства. Правила его о томъ, какъ долженъ царь держать себя относительно враговъ, очень замѣчательны: они показываютъ, что политическое коварство, которое теперь называется макіавеллизмомъ, было ужъ извѣстно въ глубокой древности. Царь долженъ накапливать сокровища и войско его должно быть постоянно обучаемо военному искусству; но кромѣ того, онъ долженъ смотрѣть на cadaго сосѣда, какъ на врага, а сосѣда своего сосѣда считать своимъ другомъ; онъ долженъ заботливо скрывать слабыя стороны своего государства и вывѣдывать слабыя стороны врага; вывѣдывать ихъ всего успѣшнѣе можно посредствомъ шпионовъ; а шпионами хорошо могутъ служить „притворные подвижники, порочные отшельники, раззорившіеся купцы, не имѣющіе пропитанія поселяне и молодые люди дерзкаго и проникательнаго ума“: тоже пригодны для этого послы, знатные и умные люди вкрадчиваго характера, умѣющіе дипломатическою тонкостью и ловкостью проникать въ планы противниковъ; тоже очень полезно для этого подкупать вліятельныхъ совѣтниковъ и высшихъ сановниковъ непріятельскаго царя, возбуждать раздоры въ его царствѣ, „привлекая на свою сторону родственниковъ этого государя, имѣющихъ притязанія на престолъ, или недовольныхъ, попавшихъ въ немилость, сановниковъ“; кромѣ этого, надобно заключать союзы съ честолюбивыми сосѣдами противника, желающими завоеваній. Также расчетливо и ловко придуманы совѣты, которые уставъ Ману даетъ относительно веденія войны. Царь долженъ быть примѣромъ мужества, смѣлости, презрѣнія къ смерти; но онъ долженъ дѣйствовать съ величайшею осмотрительностью, долженъ заранѣе принимать всѣ мѣры предосторожности на случай непредвидимыхъ бѣдъ; долженъ стараться достигъ своей цѣли, не столько сраженіями, исходъ которыхъ невѣренъ, сколько военными хитростями, искусною стратегіею, извлеченіемъ пользы изъ всѣхъ обстоятельствъ, могущихъ быть вредными непріятелю. Войско состояло изъ пѣхоты, конницы, боевыхъ колесницъ, и слоновъ, на кото-

рых сидѣли стрѣльцы; эти отдѣлы арміи располагались въ томъ порядкѣ, какой индійцы дали фигурамъ изобрѣтенной ими шахматной игры. Уставъ Ману говоритъ, что при этомъ надобно принимать въ соображеніе характеръ мѣстности и погоду. Онъ восхваляетъ выгоду, доставляемую крѣпостями. Предпочтеніе умственныхъ способовъ дѣйствія физическимъ показываетъ, что эти правила составлены духовенствомъ. Но правила веденія битвы, обѣщаніе небесной награды мужественному царю, геройски идущему въ бой, упоминаніе о храбрыхъ кшатріяхъ Брамаварты и тѣхъ земель, гдѣ совершались событія народнаго эпоса, совѣтъ, что эти кшатріи должны быть ставимы въ первомъ ряду войска,—это слѣды древнихъ воинственныхъ временъ. Есть правила и о томъ, какъ надобно поступать, побѣдивъ непріятеля, завоевавъ его землю: „Если царь завоеуетъ какую-нибудь землю, то онъ долженъ почтить боговъ и добродѣтельныхъ брамановъ, раздать подарки и обнародовать такіа распоряженія, которыми устранялся бы всякій страхъ“. Надъ покоренною землею онъ долженъ поставить царя, обязаннаго подчиняться ему, быть его слугою; законы и учрежденія покоренной земли онъ долженъ оставить неприкосновенными. Это повело къ тому, что образовались вассальныя государства, платившія дань побѣдителямъ; вассальныя цари при всякомъ удобномъ случаѣ пытались выйти изъ зависимаго положенія; результатомъ этого были безчисленныя междоусобныя войны,—увеличивавшія раздробленность страны, ослаблявшія Индію и облегчавшія иноземцамъ нашествія на нее.

Образъ жизни
царей.

Царь былъ центромъ государства; въ его руки сходились все нити общественной жизни; потому натурально, что уставъ Ману очень заботится о его безопасности; забота о ней была тѣмъ нужнѣе, что деспотизмъ, основанный на страхѣ, долженъ былъ возбуждать враждебныя чувства и замыслы. Рабъ всегда будетъ пытаться избавиться отъ насилія, которымъ скованъ, хотя-бъ его попытки и не улучшали его положенія. Вся жизнь царя съ ранняго утра до поры ночнаго отдыха регламентирована въ уставѣ Ману безчисленными правилами церемоніала и очищенія, имѣвшими двоякую цѣль: во первыхъ, ослѣпить народъ блескомъ царской обстановки, оказываемыми царю почестями держать народъ въ благоговѣніи къ нему; во вторыхъ, предохранять царя отъ злоумышленниковъ. Индійскіе браманы, персидскіе и египетскіе жрецы не хуже совѣтниковъ византійскаго, испанскаго и французскаго дворовъ понимали, что самый вѣрный способъ возвысить величіе абсолютнаго государя—какъ можно больше удалить его отъ толпы и окружить формами строгаго этикета. И какъ ни тяготились государи игомъ стѣснительной церемоніальности, отнимавшей у нихъ всякую свободу, но подчинялись этой непріятной регламентаціи, справедливо находя, что она возвышаетъ благоговѣніе къ нимъ и могущество ихъ, ограждаетъ ихъ безопасность.

При первомъ мерцаніи утра царя должны будить назначенные для того особые пѣвцы; онъ долженъ омыть все тѣло; для этого подается ему въ золотой посудѣ вода, въ которую положенъ сандалъ. Онъ приноситъ богамъ предписанную жертву, и является въ полномъ царскомъ убранствѣ

народу, при пѣніи хора, восхваляющемъ его.—Все дневныя занятія, все обязанности предписаны царю самыми точными и подробными правилами. Когда онъ садится ѣсть или проводить время въ удовольствіяхъ у своихъ женъ, онъ долженъ соблюдать величайшую осторожность, чтобъ его не отравили ядомъ или не поразили кинжаломъ, и „чтобы не овдовѣла страна“. Когда царь состарится „подъ желтымъ зонтикомъ“ и почувствуетъ приближеніе кончины, онъ долженъ передать власть сыну и искать смерти въ битвѣ или избрать себѣ смерть отъ голода, идти въ путь къ святой горѣ Меру. Вообще власть переходила къ старшему сыну; но при многоженствѣ, которое уставъ Ману дозволяетъ царю, споры и войны за престолъ были въ Индіи частымъ явленіемъ. Изъ разсказовъ Мегасѣена и другихъ греческихъ писателей мы знаемъ, что цари съ величайшею точностью исполняли предписанія устава Ману относительно ихъ образа жизни. Греки говорятъ, что индійскіе цари очень богаты золотомъ и серебромъ, слонами и стадами, прославляютъ великолѣпіе ихъ одеждъ, ихъ уборовъ изъ драгоценныхъ камней; говорятъ, что народъ питаетъ глубокое благоговѣніе къ нимъ, падаетъ передъ ними на землю, воздастъ имъ божескія почести; но разсказываютъ и о томъ, что у нихъ приняты предосторожности противъ злоумышленій. Мегасѣенъ говоритъ, что личную прислугу царя составляютъ дѣвушки, купленныя у отцовъ; тѣлохранители и другіе воины стоятъ за дверьми его покоевъ. Царь не спитъ днемъ и считаетъ необходимымъ часто перемѣнять комнату, въ которой ночуетъ. Онъ выходитъ изъ дворца только, когда идетъ присутствовать въ судѣ или на торжественномъ жертвоприношеніи, отправляется на охоту или на войну. На охоту и на войну его сопровождаютъ женщины, умѣющія ѣздить верхомъ и сражаться; онѣ ѣдутъ кругомъ его на колесницахъ и на слонахъ. Кто осмѣлится проникнуть до нихъ, того онѣ убиваютъ. Во дворцѣ царь тоже былъ окруженъ сотнями прислуживавшихъ ему женщинъ „съ глазами, подобными лотусу“.

Послѣ постановленія о государственномъ и общественномъ бытѣ, Бракъ и семейство. многочисленнѣе всего въ уставѣ Ману законы о бракѣ и семействѣ, основѣ нравственной жизни. Въ Индіи, какъ въ Китаѣ, жениться и имѣть дѣтей было священною обязанностью, потому что только сынъ можетъ приносить жертвы за умершаго, избавляющія душу отца изъ ада. Пользуясь этимъ вѣрованіемъ народа, жрецы подчинили своей власти бракъ, освятивъ его религіозными формами. У индійцевъ на Индѣ, какъ и у другихъ патріархальныхъ народовъ, дочь была собственностью отца и женихъ покупалъ у него невесту; обыкновенною платою была пара воловъ. Подъ вліяніемъ жрецовъ, этотъ обычай измѣнился: плата отцу превратилась въ даръ браманамъ на совершеніе жертвы. Чтобъ упрочить свою силу, они стали учить, что счастье и плодородіе брака обусловливается формою его заключенія. Если невеста куплена женихомъ, или похищена имъ, или если бракъ заключенъ только по взаимной склонности, то брачная жизнь бываетъ несчастна. Богъ благословляетъ счастіемъ только тѣ браки, которые заключаются по предписанной формѣ, при содѣйствіи брамановъ. Но еще и во времена греческихъ писателей оставался у нѣкоторыхъ индійскихъ племенъ обычай, что когда бѣдныхъ людей дочь станетъ взрослою дѣвушкою, они вели продать ее на рынокъ; подлѣ, или

музыканты, игравшіе на рогахъ, сдѣланныхъ изъ раковинъ, и бившіе въ литавры. — Обрядъ бракосочетанія совершался передъ алтаремъ, украшеннымъ цвѣтами; женихъ и невеста, взявшись за руки, нѣсколько разъ обходили кругомъ его; обрядъ былъ многосложною церемоніею; приносима была жертва, читались молитвы. — Въ уставѣ Ману много совѣтовъ и постановленій о томъ, какъ надобно выбирать невесту, въ какихъ степеняхъ родства бракъ недозволителенъ, по какимъ причинамъ допускается расторженіе брака и мужъ можетъ прогнать жену. Но изъ всего ясно, что бракъ у индійцевъ не имѣлъ такого высокаго нравственнаго значенія, какъ у другихъ культурныхъ народовъ; женщина считалась пассивною нивою, цѣну которой придаетъ только оплодотворяющее сѣмя. Законы о бракѣ заботились не столько о нравственности семейнаго быта, сколько объ охраненіи кастоваго устройства и правъ наслѣдства; они не воспреещали многоженства, а только опредѣляли возникающія изъ него права и отношенія, рѣшая всѣ вопросы въ смыслѣ, благопріятномъ упроченію кастоваго устройства. Они прославляли единоженство, но позволяли имѣть кромѣ главной жены второстепенныхъ женъ и наложницъ, дѣтямъ которыхъ предоставляли меньше правъ, чѣмъ дѣтямъ главной жены. Соблазнить чужую жену было преступленіемъ лишь въ томъ случаѣ, если человѣкъ изъ нисшей касты соблазнялъ жену человека высшей касты: браманъ и кшатрія были наказываемы за связь съ чужою женою только денежнымъ штрафомъ, вайшья потерю имущества, шудра смертию. Измѣнившая жена подвергалась наказанію болѣе тяжелому, чѣмъ ея соблазнитель.

Главною цѣлью брака было пріобрѣтеніе потомства. „Въ сынѣ долженъ возродиться изъ утробы матери отецъ“, какъ изъ Брамъ произошелъ міръ. Если мужъ умиралъ бездѣтнымъ, на его братѣ или другомъ ближайшемъ родственникѣ лежала обязанность сожителства съ его вдовою, чтобы она родила наслѣдника умершему; этотъ обычай, существовавшій также у евреевъ, и называющійся въ наукѣ левиратомъ, повелѣ въ Индіи къ возникновенію многомужества, слѣды котораго находятся уже въ Магабхаратѣ. Драупади была общою женою всѣхъ пяти сыновей Панду. — Безплодіе жены давало мужу право развестись съ нею, или отдавать другимъ женамъ предпочтеніе передъ нею. Уставъ Ману заботится о поддержаніи важности рода; съ этой цѣлью онъ назначаетъ старшему сыну болѣе значительную долю наслѣдства чѣмъ другимъ и стремится ограничить раздробленіе родового имущества правилами, не позволяющими дѣлить наслѣдство на слишкомъ много долей.

Положеніе
женщинъ.

Въ Индіи, какъ на всемъ Востокѣ, жена была поставлена въ полную подчиненность мужу, и свобода ея была очень ограничена. Законъ никогда не признавалъ женщину самостоятельнымъ лицомъ; потому она не могла имѣть своего имущества. До брака, она находилась подъ властью отца или брата; по вступленіи въ бракъ, подъ властью мужа; по смерти мужа, подъ властью своихъ сыновей или ближайшихъ родственниковъ. Жена и въ умственномъ отношеніи была вообще ниже мужа, какъ это

само собою ясно изъ разницы между ея и его лѣтами: „Тридцатилѣтній мужчина долженъ жениться на двѣнадцатилѣтней дѣвушкѣ, а двадцатичетырелѣтній на восьмилѣтней“, говоритъ уставъ Ману. — „Младшій сынъ не долженъ жениться раньше старшаго, младшую дочь не должно выдавать замужъ раньше старшей. — Жена обязана быть предана и послушна мужу. „Жена должна“, говоритъ уставъ Ману, „почтительно служить мужу всю жизнь и сохранять преданность ему и по его смерти. И если мужъ держитъ себя дурно и обращаетъ свою любовь на другихъ женщинъ, добродѣтельная жена все-таки должна чтить его, какъ бога. Жена не должна дѣлать ничего непріятнаго мужу, ни при жизни его, ни по смерти; даже должна охотно пожертвовать своею жизнью, когда того требуетъ его благо. — Кромѣ любви къ мужу и вѣрности ему, въ обязанность женѣ ставится быть строго нравственною, хорошо вести домашнее хозяйство и быть веселою. Если она сохраняетъ чистоту тѣла, мыслей и поступковъ, если она богиня счастья и радости для своего мужа и сохранить вѣрность ему по его смерти, то она соединится съ нимъ на небѣ; а если нарушитъ вѣрность и правила скромности, то должна ожидать себя въ настоящей жизни стыда, а по смерти — возрожденія въ тѣлѣ низкаго животнаго. Но и мужу строго внушается, что онъ долженъ уважать жену и быть нѣженъ къ ней. Онъ долженъ дѣлать ей подарки, чтобы она няряжалась и правилась ему. Если мужъ не уважаетъ или огорчаетъ жену, бракъ останется бездѣтнымъ, огонь ихъ очага скоро угасится ихъ смертию, и домъ подвергнется проклятію, весь разрушится. — Не смотря на многоженство и слишкомъ грубое юридическое опредѣленіе цѣли брака, положеніе женщины въ Индіи не было унижительно, по крайней мѣрѣ въ древнія времена. Женщины молились вмѣстѣ съ мужчинами въ храмахъ, не были устранены отъ мужскаго общества; напротивъ, мужчины и женщины собирались вмѣстѣ, женщины не носили покрываль. Въ индійской поэзіи много примѣровъ нѣжной супружеской любви, много благородныхъ женскихъ характеровъ. Въ Рамаянѣ дѣвушка, прекрасно одѣтая, прогуливается въ вечерней прохладѣ по рощамъ Айодьи, бывають на праздникахъ, участвуютъ въ процессіяхъ, Сита слѣдуетъ за Рамой въ пустыню лѣса; Дамаянти въ скудной одеждѣ дѣлится съ Налемъ изгнаніе и нищету. — Но чтобы свободное участіе женщинъ въ мужскомъ обществѣ не вело къ злоупотребленіямъ, были установлены строгіе законы для охраненія цѣломудрія дѣвушекъ и замужнихъ женщинъ; за попытку соблазнить женщину, даже за прикосновеніе рукою къ женщинѣ виновный подвергался тяжелому наказанію. Если жена умирала раньше мужа, онъ долженъ былъ угасить священный пламень своего очага. Но онъ могъ вступить во второй бракъ, и огонь на очагѣ снова зажигался. А если мужъ умиралъ раньше жены, она не могла снова выйти за мужъ. — „Вдова не должна даже произносить имени другаго мужчины, говоритъ уставъ Ману: „Вдова, сохранившая совершенное цѣломудріе, идетъ по смерти прямо на небо; а вдова, которая по желанію имѣть дѣтей, стала невѣрна памяти мужа, подвергается презрѣнію здѣсь и не допускается въ небесное жилище, гдѣ вѣщаетъ ея мужъ“. Вдова должна жить до самой своей смерти просто, цѣломудренно и уединенно. — Самосожженіе вдовъ, получившее въ позднѣйшіе вѣка такое обширное трагическое развитіе, еще совершенно неизвѣстно уставу Ману; но во время Александра Македонскаго оно ужъ было обычай. Оно всегда считалось добровольнымъ дѣломъ любви и ограничивалось двумя высшими кастами. Вѣрованіе, что оно даетъ спасеніе душѣ, и общественное презрѣніе къ вдовѣ, не хотѣвшей подвергнуть себя сожженію, дали этому ужасному обычаю такую широту и прочность, что онъ и до сихъ поръ не могъ быть совершенно

Самосожженіе
вдовъ.

искорененъ. Въ первыя времена владычества англичанъ каждый годъ бывало, какъ полагають, до 30,000 женщинъ, добровольно предававшихъ себя сожженію. Этотъ священный обычай, слѣды котораго ужь находятся въ индійскомъ эпосѣ, составляетъ логическій выводъ изъ ученія, что жена безусловно принадлежитъ мужу, обязана имѣть вѣчную любовь къ нему, вѣчную преданность, и что умерщвление своего тѣла, самоуничтоженіе — богоугодное дѣло. Призывая боговъ, вдова, нарядная и благоухающая косметическимъ масломъ, всходила на костеръ; сынъ ея или ближайшій родственникъ зажигалъ костеръ; она обнимала тѣло мужа, говорила, что приноситъ себя въ жертву искупленія грѣховъ его, и безъ всякаго выраженія боли выносла мученія огненной смерти, чтобы войти съ мужемъ въ блаженство рая, гдѣ ждутъ ихъ предки.

5. Индійская культура позднѣйшихъ вѣковъ.

Остановка про-
цесса жизни въ
индійскомъ на-
родѣ.

Сдѣланное нами на предъидущихъ страницахъ описаніе индійской жизни въ разныхъ ея проявленіяхъ содержитъ въ себѣ окончательные результаты, до которыхъ дошло развитіе и творчество индійскаго народнаго духа. Въ теченіе слѣдующихъ вѣковъ произошло, правда, много измѣненій въ религіозныхъ понятіяхъ и богослужебныхъ обрядахъ индійцевъ, обогатилась ихъ наука, явились у нихъ великія произведенія поэзіи, другихъ искусствъ; ихъ торговля очень расширилась, промышленность очень развилась; но творческая сила націи была ужь истощена; основныя черты индійской жизни неизмѣнно сохранили тотъ видъ, въ какомъ изображены нами. Наступилъ застой; индійскій народъ впалъ въ ту умственную неподвижность, въ какую впали одинъ за другимъ все восточныя народы, и которая неизбѣжно должна была наступить, какъ необходимый бѣдственный результатъ деспотизма и кастового устройства. Явившійся въ послѣдующія времена созданія литературы и философіи не подвинули добытыхъ прежде понятій впередъ. Нѣкоторыя изъ этихъ позднѣйшихъ произведеній возбуждаютъ наше удивленіе ученостью и силою ума, другія — совершенствомъ формы; но по своему содержанію они лишь варіаціи на прежнія темы. Религія оставалась важнѣйшимъ предметомъ мыслей индійскаго народа; но вмѣсто того, чтобы подвигаться дальше въ изслѣдованіи вѣчной истины, позднѣйшія поколѣнія неотступно оставались при прежнихъ системахъ и вѣроученіяхъ, превращали мнѣдлогическіе образы въ конкретныя существа и дробились на множество сектъ по различію того, какому изъ боговъ приписывали первенство надъ другими, какимъ формамъ культа и храмовъ отдавали преимущество.

Секты.

Поклонники Вишну и поклонники Шивы составляли два разныхъ религіозныхъ общества; отчасти по вліянію иноземныхъ идей, отчасти

потому, что различіе въ ихъ богослуженіи и въ ихъ жертвоприношеніяхъ все увеличивалось, эти главныя религіозныя партіи все больше и больше расходились между собою; каждая изъ нихъ дробилась на множество религіозныхъ партій, такъ что сектантство уничтожило общность умственной жизни націи, какъ возрастающая разрозненность кастъ общность гражданской жизни ея. Рядомъ съ Вишну и Шивою, были предметами богослуженія и жертвоприношенія безчисленныя божества природы и духи, которыми индійская фантазія издавна населила небо и землю, воду и воздухъ, лѣса, рѣки и горы: богъ солнца, боги звѣздъ, боги разныхъ силъ природы сохраняли свою святость, сохраняли ее и божественный духъ, дѣятельность котораго видѣлась глубоко симпатизирующему природѣ индійцу и въ инстинктивной жизни животныхъ, и въ гармоническомъ развитіи лотусоваго цвѣтка. Все эти разнохарактерныя вѣрованія продолжали называться браманизмомъ, хотя самъ Брама по прежнему оставался абстрактнымъ понятіемъ, и въ народномъ сознаніи замѣнялъ его, какъ верховный богъ, Вишну—Кришна или Шива. Соперничество между жреческими наслѣдственными корпораціями, съ ожесточенною враждою спорившими между собою изъ-за того, который богъ и который храмъ важнѣе другихъ, много содѣйствовало распаденію народа на секты. Этому времени религіознаго раздора принадлежатъ пураны, произведенія, занимающія средину между эпосомъ и дидактическою поэзіей. Въ нынѣшнемъ своемъ видѣ, онѣ едва ли старше XI и XII вѣковъ нашей эры.

Пураны.

Пураны (Purana)—рядъ довольно большихъ поэмъ, каждая изъ которыхъ говоритъ: 1) о сотвореніи міра; 2) о разрушеніи и возобновленіи ряда міровъ; 3) о генеалогіи боговъ и героев; 4) о правленіи Ману, и 5) о правленіи его потомковъ. Пураны считаются священными книгами; и по вѣрованію индійцевъ принадлежатъ глубочайшей древности. Многія мѣста въ нихъ одинаковы; потому должно полагать, существовалъ нѣкогда общій источникъ, изъ котораго позднѣйшіе составители пуранъ брали свои матеріалы. По словамъ Лассена, многіе рассказы старѣйшихъ изъ этихъ поэмъ сокращены или вовсе выпущены въ болѣе новыхъ, и на мѣсто ихъ вставлены богословскія и философскія разсужденія, правила обрядовъ и аскетизма, а всего болѣе, рассказы, прославляющіе того бога, въ интересахъ котораго составлена пурана, или доказывающіе особенную святость какихъ нибудь храмовъ.—Пураны строго держатся Магабхараты.—Онѣ сектантскія произведенія; однѣ изъ нихъ принадлежатъ партіи Вишну, другія партіи Шивы. Во всѣхъ нихъ историческіе интересы совершенно подавлены религіозными и обрядовыми. Считается 18 главныхъ и 18 дополнительныхъ пуранъ. Самая обширная и самая важная изъ нихъ—Вишну-Пурана.

Пураны, пользуясь Магабхаратою и другими древними произведеніями поэзіи, съ большою ученостью излагають разнохарактерныя мифы и легенды индійской религіи въ томъ духѣ, въ какомъ разви-

лись ея вѣрованія въ той или другой сектѣ; въ нихъ такое множество боговъ, что ихъ толпа совершенно закрываетъ собою идею о первобытномъ единомъ существѣ браманизма.—Тримурти, какъ мы ужъ говорили, служатъ выраженіемъ сдѣлки, на которой помирились между собою послѣ долгой кровавой борьбы поклонники Вишну и поклонники Шивы. Но въ народной религіи Вишну и Шива не образы тріединого божества, не частныя формы дѣятельности Тримурти; вся полнота божественнаго всемогущества переносится на Вишну поклонниками его, на Шиву поклонниками Шивы. Потому партіи всѣ враждебнѣе расходились между собою; и различія формъ ихъ богослуженія все увеличивались. Въ особенности служеніе Шивѣ становилось все болѣе дикимъ и оргіастичнымъ. Не могъ охранить себя, какъ мы ужъ говорили, отъ искаженія фантазерствомъ, отъ распада на секты и буддизмъ.

Потому въ области религіозной философіи не было сдѣлано никакихъ новыхъ успѣховъ. Даже христіанство, свѣдѣнія о которомъ по-видимому рано проникли въ Индію, не внесло движенія въ застой умственной жизни индійцевъ. Но они усердно занимались нѣкоторыми отраслями науки, торговля ихъ получила въ македонское и александрийское время большое развитіе. Этому времени принадлежит также развитіе лирической и драматической поэзіи, бывшей единственнымъ цвѣтущимъ оазисомъ въ широкой пустынѣ мертвеннаго быта и безумнаго фантазерства. На слѣдующихъ страницахъ мы дадимъ изображеніе индійской жизни въ послѣднія столѣтія до нашей эры и въ первые вѣка нашего лѣтосчисленія, сдѣлаемъ также обзоръ тѣхъ явленій ея, которыя развились только уже въ эти времена или, будучи практическими выводами изъ понятій, возникшихъ у индійцевъ очень издавна, разъясняютъ общій характеръ всего хода индійской исторіи.

1) Греческія извѣстія.

Извѣстія греческихъ писателей, ознакомившихся съ Индіею и бытомъ индійцевъ въ IV и III столѣтіяхъ до Р. Х., бросаютъ нѣсколько лучей яркаго свѣта на обычаи и учрежденія тѣхъ временъ. Въ разсказахъ грековъ объ Индіи много ошибочнаго, и они знали по собственному наблюденію лишь нѣкоторые города и области ея; но по сообщаемымъ ими свѣдѣніямъ все-таки видно, что бытъ индійскаго народа, характеръ его культуры и общественнаго устройства былъ тотъ самый, какому слѣдовало развиться изъ понятій и предписаній, формулированныхъ уставомъ Ману.—Предметомъ изученія и любопыт-

ства грековъ были главнымъ образомъ земли и племена бассейна Инда и Магадское царство, въ которомъ, какъ мы знаемъ, получилъ широкое распространеніе буддизмъ и въ которомъ, въ половинѣ V вѣка до нашей эры царь Калашока построилъ блестящую столицу Паталипутру. Мы соберемъ въ краткій очеркъ греческія извѣстія объ этихъ частяхъ Индіи.

Народы бассейна Инда не могли, какъ ихъ братья на Гангѣ, довести Царства и на-особенности своей культуры до полного развитія; на ихъ бытъ дѣйство-вали иноземныя вліянія; потому почти всѣ они были въ позднѣйшія вре-мена причислены браманами къ варварамъ, „мелчча“; поклонники Брамь отrekliсь отъ племеннаго и религіознаго единства съ ними, какъ съ не-чистыми. Они рано пришли въ мирныя и въ военныя соприкосновенія съ ассирійцами, персами, греками; греческія извѣстія объ Индіи относятся главнымъ образомъ къ этимъ западнымъ народамъ ея. Западъ Индіи былъ центромъ сухопутной и морской торговли съ западною Азіею; Семирамида, Дарій-Гистаспъ и Александръ покоряли себѣ страны въ бассейнѣ Инда; ассирійскіе и персидскіе цари имѣли своими данниками богатые золотомъ народы этой части Индіи.

На верхнемъ Индѣ, на сѣверѣ отъ Кашмира, жили *Дарады* (Darada), имѣвшіе своею столицею Кашьяпапору (Kasyapapura); и, дававшіе, по словамъ Геродота, въ ежегодную дань персидскому царю Дарію 360 талантовъ „муравьиного золота“. Муравьи, которые по величинѣ своей меньше собакъ, и больше лисицы, выкапываютъ изъ земли золотой песокъ; ловкіе и хитрые жители той страны приѣзжаютъ на самыхъ быстрыхъ верблюдахъ и увозятъ этотъ песокъ. По новѣйшимъ изслѣдованіямъ, эти Геродотовы муравьи—пестрые сурки, роющіе свои норы въ красноватой почвѣ той области; они сидятъ на заднихъ лапкахъ передъ своими норами, и можетъ казаться, будто они караулятъ ихъ. Въ индійскомъ эпосѣ ужъ есть „муравьиное золото“: его даютъ въ дань царю Юдиштирѣ сѣверныя племена.—Ниже по Инду, у подошвы Гималайскихъ горъ, до впаденія Кабула въ Индъ, жили *Ашваки* (Ashvaka; ассакены греческихъ писателей), оказавшіе сильное сопротивленіе Александру; ихъ земля была богата рогатымъ скотомъ и лошадьми. Въ закрытыхъ отъ холоднаго вѣтра долинахъ ея греки увидѣли виноградъ, плющъ, лавровыя лѣса, миртъ; они услышали о горѣ Нишадѣ (Nishada); ея имя напоминало имъ Нису; оргіастическіе обряды и фантастическія процессіи культа Шивы показались имъ очень похожи на многое въ ихъ родномъ культѣ Діониса; вѣроятно, это и было источникомъ мифическаго разсказа о побѣдоносномъ походѣ Діониса въ Индію, а источникомъ мифа о походѣ Геракла въ Индію послужили вѣроятно преданія о Кришнѣ, дошедшія до грековъ съ береговъ Ганга и Ямуны и изъ Декана: Кришна могъ напоминать имъ Геракла тѣмъ, что оружіе его тоже булава.—Столицею царя ашваковъ была *Машака* (Masaka, массага греческихъ писателей); у ашваковъ было много другихъ укрѣпленныхъ городовъ и много неприступныхъ фортовъ на скалахъ по берегамъ Инда. Вѣра ихъ была не браманская, и у нихъ не было кастъ.—При впаденіи Кабула въ Индъ было царство Пускалавати (Pushkalavati, Певкелаотида греческихъ писателей), на югъ отъ котораго, по правому берегу Инда, жили *Гандары* (Gandara), многочисленный народъ. Они были данники персовъ; вооруженные лукомъ, стрѣлами и копьемъ, одѣтые въ древесную кору, гандары ходили съ Ксерксомъ въ Грецію, стояли лагеремъ въ Элевзинѣ и видѣли,

Дарады.

Ашваки.

Гандары.

- какъ горятъ храмы зажженныхъ Агни. Первоначально гандары составляли, кажется, одно обширное царство, столицей котораго была *Кашьяпатура* (Kasyapapura; Кашмир); послѣ, связь между областями ихъ была разорвана другими племенами, и они распались на три царства, лежавшія по обоимъ берегамъ верхняго Инда.—Далѣе на югъ по берегамъ Инда жили въ деревняхъ, не имѣя городовъ, черные *Шудры* (Sudra), которые въ Магабгаратѣ приводятъ въ дань „сто тысячъ одѣтыхъ въ хлопчатобумажныя ткани, черныхъ, стройныхъ, длинноволосыхъ奴仆“. Эти Шудры были остатокъ до-арійскаго населенія и вѣроятно они тѣ „восточные эфиопляне“, которые были, по словамъ Геродота, въ войскѣ Ксеркса.—Ниже по Инду, гдѣ долина его суживается, лежало благоустроенное браманское царство, столицу котораго греки называютъ *Синдоманою* и царь котораго, Мусиканъ, игралъ важную роль въ борьбѣ индійцевъ противъ Александра. У этого народа были отравленные стрѣлы, и пораженный такою стрѣлою скоро умеръ мучительною смертью.—Тамъ, гдѣ Индъ раздѣляется на два рукава, лежалъ извѣстный по рассказамъ о походѣ Александра городъ *Паттала* или *Потала*, то-есть „пристань“; онъ былъ центромъ судоходства и торговли, и столицей царства, простиравшагося по болотистому низовью Инда до самаго моря. На востокъ отъ устья Инда жили *Абгирь* (Abhira), пастушескій народъ, имя котораго сохранилось на полуостровѣ Качъ, въ измѣненной формѣ „Агиръ“ (Aghir). Абгирь дѣлились на племена, изъ которыхъ одни жили скотоводствомъ, другіе ловлею рыбы. Они дѣлали свои челноки изъ высокаго бамбука той области, одеждою ихъ были сплетенныя изъ камыша цинки; сдѣланная изъ нихъ рубашка походила на панцырь. Абгирь упоминаются еще въ Магабгаратѣ; они въ ней „пастухи“, у которыхъ есть коровы, козы, овцы, верблюды и ослы, и „которые живутъ рыбою“. На западъ отъ Инда до рѣки Арбиса, бывшаго границей Индіи, жили арбіицы (въ греческой формѣ, арбиты), „последніе или крайніе индійцы“.
- На югъ отъ Кашмира, гдѣ прорывается чрезъ ущелья южнаго склона Гималаевъ *Випаша* (Гифазъ), жили Кайкеи (Kaikaya), чьей столицей была *Раджагрига* (Rajagriha); это былъ богатый народъ, слѣдовавшій браманскому вѣроученію и пользовавшійся у населенія страны Ганга большимъ уваженіемъ, чѣмъ другіе народы Пенджаба.—Между Индомъ и Гидаспомъ лежала *Такшашила* (Takshasila), большой столичный городъ царства, называвшагося именемъ своей столицы, слѣдовавшаго браманскому ученію и имѣвшаго святыхъ подвижниковъ, жившихъ въ очень суровомъ аскетизмѣ и очень мудрыхъ.—На югъ отъ Такшашильскаго царства лежало большое царство, простиравшееся до Акезина, имѣвшее 300 городовъ; оно могло выводить въ поле 50,000 человекъ пѣхоты и 300 боевыхъ слоновъ, имѣло много и конницы и военныхъ колесницъ. Царь его былъ побѣжденъ и взятъ въ плѣнъ Александромъ; греки называютъ этого царя, Поромъ; это названіе „Поръ“, въ санскритской формѣ—*Пуру*, было не личнымъ его именемъ, а именемъ его династіи, очень древней, упоминаемой еще въ Магабгаратѣ.—
- На югъ отъ земли Кайкеевъ, на окраинѣ пустыни, жили *Мадры* (Madra) и нѣсколько другихъ племенъ; они вѣрнѣе всѣхъ народовъ Инда сохраняли древніе нравы и учрежденія, и вовсе или почти вовсе не приняли браманскаго общественнаго устройства. Чуть не вся масса населенія у нихъ вела сельскую жизнь, занимаясь земледѣліемъ и скотоводствомъ; въ городахъ жила лишь небольшая доля народа. Царей у нихъ не было; ими правили старѣйшины племенъ, по обычаямъ старины; жрецы не составляли у нихъ особаго сословія, кастъ они не знали; каждое племя жило самостоятельно, и только на время войны выбирали они общаго вождя. За

ихъ свободныя учрежденія, брамань очень презирали ихъ. Греки называютъ ихъ „свободными индійцами“, а брамань „заграничными племенами“, „вагика“ (vahika), то есть, живущими за горою Гимаватомъ, за Ямуною и Сарасвати; зовутъ ихъ „аратта“, не имѣющими царя, и „вратья“, отступниками; Магабгарата выставляетъ ихъ самыми гнусными людьми. „У нихъ не было кастъ“, говоритъ Лассенъ, „браманъ могъ у нихъ перейти во всякое другое сословіе; они не изучали Ведъ, не приносили жертвъ, ѣли всякое мясо; объ нихъ говорится, что они очень безнравственны, преданы пьянству, что женщины у нихъ высокія, желтыя и очень развратныя“.—Изъ другихъ Пенджабскихъ племенъ самыми значительными были: Хаттіи (Khattia; у грековъ: Катен), столицей которыхъ была Шакала (Sakala; у грековъ: Сангала); по рассказамъ грековъ, они такъ цѣнили красоту, что выбирали царемъ того, кто самый красивый изъ нихъ, и осматривали новорожденныхъ, имѣють-ли они законный и достойный жизни видъ тѣла“. У нихъ былъ чуждый другимъ индійцамъ обычай, что молодой человекъ и дѣвушка вступали въ бракъ по собственному выбору. Жены у нихъ сожигали себя съ умершими мужьями; идти на костеръ, или нѣтъ, зависѣло отъ воли жены; но если она не пойдетъ, то презирали ее. Причиною этого обычая было то, какъ слышали греки, что въ старину бывали женщины, которыя, полюбивъ молодыхъ мужчинъ, бросали или отравляли своихъ мужей; но сами греки находятъ, что это объясненіе не заслуживаетъ вниманія. Далѣе на югъ жили одѣвавшіеся въ звѣринныя шкуры *сибы*, *агалассы* и—важнѣйшее изъ племенъ той земли—*Малавы* (Malava, у грековъ: Маллы), многочисленный воинственный народъ, область котораго лежала между рѣками Гарою и Акезиномъ, и племенные враги ихъ, *Кшудраки* (Kshudraka, у грековъ: Оксидраки) „потомки Діониса“, дѣлвшіеся на много племенъ, подъ управленіемъ старшинъ, и имѣвшие многочисленное военное дворянство.—Выше Паталы по Инду, гдѣ рѣка течетъ еще однимъ русломъ, были земли *Мушики* (Mushika) и *Прастовъ* (Prastha), слѣдовавшихъ браманскому закону и жившихъ подъ властью царей; ихъ земли были изрѣзаны каналами для орошенія, хорошо воздѣлываемы. Мусиканъ, о борьбѣ котораго противъ Александра рассказываютъ греки, былъ царь Мушикъ. Было въ бассейнѣ Инда и много другихъ государствъ и племенъ, и столько городовъ, что, греки говорятъ: „невозможно узнать и перечислить имена всѣхъ ихъ“.

Подробнѣе другихъ извѣстій греческихъ писателей объ Индіи рассказы ихъ о *Магадѣ* (Magadha), и блестящей столицѣ этого царства *Паталипутрѣ* (Pataliputra), которую греки называютъ Палиботрою. Этотъ городъ, имѣвшій видъ продолговатаго четырехугольника, стоялъ при впаденіи Соны (Sona) въ Гангъ. Магада, какъ мы видѣли, была тою страной, гдѣ раньше всего укоренилось ученіе Будды, и откуда оно распространилось по другимъ частямъ Индіи. Въ этомъ царствѣ достигли полнаго развитія всѣ формы индійской жизни; потому черты быта, представляемыя намъ Магадою, могутъ считаться характеризующими бытъ и другихъ индійскихъ областей.

По словамъ Мегасѣена, Палиботра была однимъ изъ прекраснѣйшихъ и огромнѣйшихъ городовъ Индіи. Она имѣла въ окружности пять географическихъ миль; была обведена широкимъ ровомъ, наполненнымъ водою; а за ровомъ, была окружена деревянною стѣною съ бойницами, имѣвшею 570 башенъ; число воротъ въ стѣнѣ было 64. Почти равнялась Палиботрѣ величиною и имѣла такія же укрѣпленія древняя столица Косалъ, Айодья. Палиботра была прекрасна: ярко раскрашенные, одѣтые рѣзбою изъ дерева дворцы и другіе величественные дома съ тер-

Хаттіи.

Малавы и Кшудраки.

Мушики и прасты.

2. Магада.

Города.

Торговля.

рассами, галереями, балконами, и въ особенности царскій дворецъ, широкія улицы, по угламъ которыхъ были боскеты священныхъ деревьевъ и бассейны, высокіе храмы и тѣнистыя рощи ея представляли великолѣпный видъ; а огромные склады товаровъ и рынки свидѣтельствовали объ обширности торговли Магадскаго царства. Торговая дѣятельность уже издавна такъ процвѣтала въ Магадѣ, что въ уставѣ Ману купцы называются магадѣйцами. Хотя подати были тяжелы, хотя были и вымогательства со стороны начальниковъ, хотъ и грабили товары по дорогамъ разбойники, но прибыль отъ торговли была, надобно полагать, громадна, такъ что ни деспотизмъ администраціи, ни таможенные пошлины, ни казовая надменность не могли подавить торговаго развитія страны. Изъ столицы вели въ разныя области царства прекрасныя дороги, на которыхъ были поставлены столбы съ обозначеніемъ мѣръ пути; были особые чиновники, смотрѣвшіе за исправностью дорогъ, каналовъ, плотинъ. Въ Палиботрѣ было много должностныхъ лицъ, наблюдавшихъ за порядкомъ въ городѣ: одни завѣдывали общественными зданіями, пристанями, рынками, назначали цѣну стѣстнымъ припасамъ, надзирали за вѣрностью вѣсовъ и мѣръ, собирали пошлины и налоги; другіе вели списки родившихся и умершихъ, чтобы по этимъ спискамъ были исправляемы реестры лицъ, платящихъ налоги; третьи завѣдывали пріютами для бѣдныхъ и больницами, надзирали за приходящими и прѣзжающими въ городъ, при этомъ вывѣдывали о злоумышленіяхъ, шпионили, какъ совѣтовалъ еще уставъ Ману. Для шпионства пользовались они услугами публичныхъ женщинъ, у которыхъ „тѣло было нѣжно, какъ цвѣтокъ лотуса и блистало въ драгоценномъ убранствѣ“; ихъ было много въ большихъ городахъ.—По военному вѣдомству существовала тоже правильно устроенная администрація.

Нравы и жизнь народа.

Въ греческихъ извѣстіяхъ о нравахъ магадскаго народа и образѣ его жизни встрѣчаются черты чисто индійскихъ особенностей. Греки хвалятъ простоту жизни индійцевъ, ихъ умеренность въ ѣдѣ и въ употребленіи вина; хвалятъ ихъ заботливость объ опрятности. Они мазали тѣло туалетнымъ масломъ и часто отирали его щетками; мужчины носили длинные волосы, заплетали ихъ и надѣвали на нихъ повязку; отпускали бороду; иногда и красили ее. Любимая одежда ихъ была бѣлая, изъ хлопчато-бумажной ткани. Но у нѣкоторыхъ была и полотняная одежда, свѣтлая или пестрая, съ вытканными цвѣтами. Рубашка была недлинная; верхнее платье накидывалось черезъ лѣвое плечо и края его связывались подъ правымъ. Башмаки, по извѣстію Арріана, были бѣлой кожи, очень красивой отдѣлки, на высокихъ каблукахъ, раскрашенныхъ пестрыми полосами. Богатые носили въ ушахъ и на пальцахъ золотыя или сдѣланныя изъ слоновой кости кольца, ходили подъ великолѣпными зонтиками отъ солнца; зонтикъ несть надъ господиномъ слуга.—Женщины, разумѣется, еще больше мужчины любили быть нарядными. Онѣ красили руки сандаломъ или цвѣтнымъ лакомъ; натирали лобъ и брови мускусомъ; заботились о чистотѣ одежды; она у нихъ была широкая, падавшая складками; онѣ повязывали ее блестящимъ поясомъ; на волосахъ, красиво заплетенныхъ,—онѣ носили вѣяки; на шеѣ золотыя или составленныя изъ драгоценныхъ камней, жемчужныя, коралловыя ожерелья. Тѣла умершихъ были сожигаемы, при чтеніи молитвъ, при пѣніи гимновъ; по греческимъ извѣстіямъ, этотъ обрядъ совершался просто, безъ роскоши. Были обѣды въ честь усопшаго или усопшей; но не было обычая дѣлать надъ могилами холмы.

Касты.

Очень важны сообщаемыя греческими писателями свѣдѣнія объ образѣ жизни брамановъ и о раздѣленіи народа на сословія, то есть касты, которыхъ они считают семь; но два изъ этихъ семи сословій—царскіе чи-

новники и хранители общественнаго спокойствія—не были, разумѣется, особыми кастами, а состояли изъ лицъ, принадлежащихъ къ духовной или къ военной кастѣ. Вайшьи тогда уже раздѣлились на ремесленниковъ и земледѣльцевъ; а шудры и нечистые составляли по греческимъ извѣстіямъ одинъ классъ, который греки называютъ сословіемъ пастуховъ и охотниковъ.—Первымъ сословіемъ были, говорятъ греки, „мудрецы“ или „философы“, дѣлившіеся на брамановъ и шрамановъ (сгамана). Браманы выше шрамановъ. Они готовятся къ своей профессіи продолжительнымъ курсомъ ученія, начинающимся съ очень ранней поры дѣтства. Отрывокъ изъ Мегасѣена, приводимый Страбономъ, знакомитъ насъ съ образомъ жизни брамановъ: они живутъ въ рощахъ у городовъ; спятъ на соломѣ или на шкурахъ; не ѣдятъ мяса; воздерживаются отъ половой любви; ведутъ между собою разговоръ о важныхъ предметахъ; люди другихъ сословій могутъ сидѣть тутъ и слушать, но должны молчать: если кто заговоритъ, или кашляетъ, или плюнетъ, ему велятъ уйти. Проживъ такъ 37 лѣтъ, браманъ можетъ возвратиться домой и жить менѣе сурово; онъ теперь носитъ одежду изъ хлопчатобумажной ткани, золотыя кольца въ ушахъ и на рукахъ, можетъ ѣсть мясо тѣхъ животныхъ, которыхъ ничѣмъ инымъ не служатъ на пользу человѣка, но не можетъ ѣсть кушанья съ прянымъ или жгучимъ вкусомъ; онъ беретъ себѣ нѣсколько жепъ, чтобы имѣть много дѣтей, будущихъ распространителей браманскаго ученія. Эти возвратившіеся изъ рощъ домой браманы живутъ не все одинаково, и занятія у нихъ не у всѣхъ одинаковы: одни, въ бѣлой хлопчатобумажной одеждѣ, ходятъ, въ сопровожденіи учениковъ, по улицамъ и рынкамъ, даютъ совѣты и назиданія обращающимся къ нимъ съ вопросами; другіе занимаютъ должности на государственной службѣ и нѣкоторые становятся совѣтниками царя; на новый годъ собираются они въ царскій дворецъ, чтобы составить сводъ своихъ ученыхъ наблюдений и обнародовать предсказанія объ урожаѣ и другихъ дѣлахъ общественной важности (браманы составляли календарь, занимались астрономіею и астрологіею; слова Мегасѣена относятся, конечно, къ этому); другіе браманы, продолжаетъ Мегасѣенъ, занимаются леченіемъ болѣзней; они живутъ также только тѣмъ, что люди добровольно даютъ имъ въ подарокъ; имъ даютъ рисъ и ячмень; они лечатъ больше діетою, чѣмъ особыми лекарственными средствами, а изъ этихъ средствъ самыя употребительныя у нихъ—мази и пластыри; другіе браманы занимаются предсказываніемъ будущаго и чародѣйствомъ; они ходятъ по городамъ и деревнямъ, собирая милостыню; они знаютъ похоронныя молитвы и обряды, потому ихъ приглашаютъ совершать похороны и жертвоприношенія за умершихъ; они наименѣе ученые изъ всѣхъ брамановъ, но и между ними есть люди, которые занимаются разъясненіемъ народу вопросовъ о „будущей жизни, о полученіи блаженства, о достиженіи святости“.

Подвижники.

Кромѣ мудрецовъ, бывшихъ жрецами и учителями, врачами и царскими чиновниками, предсказателями будущаго и чародѣями, и жившихъ въ городахъ и селеніяхъ, были другіе, жившіе въ лѣсахъ и пустыняхъ, и подвергавшіе себя тяжкимъ самоистязаніямъ. Они питались только кореньями, травами, листьями и плодами лѣсныхъ деревьевъ, ягодами; одежда ихъ была изъ рогожъ; спали они на землѣ или на камняхъ; они такъ приучили себя выносить боль, что часто цѣлый день проводили въ неподвижной позѣ; долго стояли на одной ногѣ, держа въ рукахъ бревно въ три локтя длиною; лежали на спинѣ подъ жгучимъ солнцемъ или подъ проливнымъ дождемъ. Эти отшельники самыя уважаемые мудрецы; они не ходятъ къ царямъ, даже когда цари и просятъ ихъ прійти; а цари часто присылаютъ

къ нимъ, спрашивать совѣта въ важныхъ дѣлахъ, просить ихъ ходатайства передъ богами.—Всѣ мудрецы пользуются высокимъ уваженіемъ у царей и у народа,—говорятъ греческіе писатели:—они не платятъ никакихъ налоговъ, на нихъ не возложено никакихъ натуральныхъ повинностей; имъ даютъ богатые подарки. На рынкахъ они имѣютъ право бесплатно брать какіе имъ угодно стѣстные припасы; и часто берутъ кунжутъ и медъ, дѣлать лепешки. Когда они встрѣчаютъ человѣка, который несетъ виноградъ или фиги, бесплатно получаютъ отъ него часть этого; а если встрѣчается человѣкъ несущій масло, они льютъ масло себѣ на голову и намазываютъ тѣло. Иногда льютъ на головы имъ столько кунжутнаго масла, что оно течетъ на глаза имъ. Каждый богатый домъ открытъ для нихъ; они входятъ, участвуютъ въ обѣдѣ и въ разговорѣ.—Греческія извѣстія объ этихъ странствующихъ мудрецахъ относятся не къ однимъ только браманскимъ предвѣщателямъ будущаго, учителямъ народа и жрецамъ, но и къ буддѣйскимъ бгикшу (шраманамъ), скитавшимся въ нищенской желтой одеждѣ. Греки не дѣлали различія между нищенствующими мудрецами браманизма и буддизма, по внѣшнему виду очень похожими другъ на друга.

Въ III вѣкѣ по Р. Х. пріѣхало въ Римъ къ императору Геліогабалу посольство изъ Индіи; при посольствѣ находился вавилонянинъ Бардесанъ; онъ записалъ рассказы пословъ; книга его не дошла до насъ; но есть выписки изъ нея у позднѣйшаго греческаго писателя, Порфирія. Въ этихъ отрывкахъ мы находимъ свѣдѣнія о „Саманеяхъ“ (то-есть, шраманахъ). Сословіе саманеевъ не наследственное, говоритъ Бардесанъ: они принимаютъ каждаго, желающаго поступить въ духовное званіе. Индіецъ, желающій сдѣлаться саманеемъ, обращается къ начальству своего города или селенія, отказывается отъ всего своего имущества, обрываетъ волосы на тѣлѣ и получаетъ длинную одежду; если у него есть жена и дѣти, онъ отказывается и отъ нихъ, и уходитъ къ саманеямъ, оставляя дѣтей на попеченіи царя, жену на попеченіи своихъ родныхъ. Образъ жизни всѣхъ саманеевъ такой: въ городахъ построены для нихъ царями зданія близъ храмовъ; они живутъ тамъ, проводя весь день въ бесѣдахъ религіознаго содержанія. Дома эти находятся подъ управленіемъ начальниковъ, которымъ царь даетъ опредѣленныя суммы на покупку пищи. Пища саманеевъ: рисъ, хлѣбъ, яблоки, овощи. Когда саманеи входятъ въ столовую, то подается колоколомъ знакъ, по которому они начинаютъ читать молитву. По второму удару колокола распорядитель приноситъ каждому жителю монастыря особое блюдо; двое не могутъ ѣсть изъ одного блюда. Это кушанье обыкновенно бываетъ рисъ. Но если кто изъ монаховъ желаетъ измѣнить свою ѣду, ему подаются овощи или кушанье, сдѣланное изъ нѣсколькихъ сортовъ яблокъ. Монахи должны какъ можно скорѣе кончать свою ѣду.

Браманскія
ученія.

Въ рассказѣ Мегасеена объ ученіяхъ брамановъ тоже находится много вѣрнаго. Индійцы обо многомъ думаютъ одинаково съ греками, говоритъ онъ: они тоже думаютъ, что міръ сотворенъ и что онъ будетъ имѣть конецъ; что онъ имѣетъ шарообразную форму; что богъ, сотворившій его, находится въ немъ повсюду. Они думаютъ, что земля центръ міра, и что первобытный элементъ—вода. Кромѣ тѣхъ четырехъ стихій, которыя признаны у грековъ, они принимаютъ еще особую стихію, изъ которой состоятъ небо и небесныя свѣтила. О душахъ они думаютъ тоже одинаково съ греками; только, подобно Платону, приплетаютъ много миеовъ къ вѣрованіямъ въ безсмертіе души и въ загробный судъ. Вообще поступки ихъ лучше ихъ религіи, потому что въ ихъ вѣроученіи много баснословнаго. По ихъ мнѣнію, нѣтъ ничего такого, что было бы хорошо или дурно само

по себѣ; иначе, не видѣли бы мы, что одинъ и тотъ же фактъ однихъ радуетъ, другихъ огорчаетъ, что даже одинъ и тотъ же человѣкъ въ одномъ настроеніи духа радуется тому же самому, чѣмъ огорчается въ другомъ настроеніи. Наилучшее ученіе—то, которое удаляетъ изъ души и удовольствіе и печаль. Чтобы достичь такого состоянія души, надобно приучать тѣло къ лишеніямъ и къ боли, этимъ укрѣпляется духъ и подавляются страсти. И надобно умѣть обходиться безо всего; какъ тотъ домъ самый лучший, для котораго нужно наименьшее количество прибавочной посуды, такъ тотъ человѣкъ самый лучший, который имѣетъ наименѣе потребностей; кто не дорожитъ земными благами, равнодушенъ къ жизни и смерти, тотъ истинно свободенъ и никому не подвластенъ.—Они много говорятъ о смерти, потому что земную жизнь считаютъ только результатомъ тѣлеснаго рожденія, а смерть рожденіемъ, дающимъ мудрецу истинную жизнь и блаженство.

Переносить болѣзни считаютъ они стыдомъ. Кто чувствуетъ, что боленъ, пусть прекратитъ свою жизнь на кострѣ. Пусть онъ намажетъ благовоннымъ масломъ, сядетъ на кострѣ, велитъ зажечь его и сгоритъ, не пошевелившись отъ боли. Другіе лишаютъ себя жизни, бросаясь въ море или въ пропасть; а нѣкоторые умерщвляютъ себя мечемъ или веревкою. Но замѣчаетъ Мегасеенъ—философы не учатъ, что человѣкъ долженъ лишать себя жизни; напротивъ, они считаютъ это безразсудною дерзостью.—Самоубійство было у индійцевъ крайнимъ выводомъ изъ ученія, говорившаго, что должно презирать тѣлесную жизнь и превозносившаго, какъ заслугу передъ божествомъ, умерщвленіе плоти утрированнымъ аскетизмомъ для избавленія души отъ узъ тѣла. Съ этимъ совпадаютъ и дальнѣйшія подробности приводимаго нами рассказа: „Они считаютъ жизнь необходимою, которую наложила на нихъ природа и которой они подчиняются по принужденію природы. Потому были случаи, что они, находясь, по видимому, въ совершенномъ здоровьѣ, лишали себя жизни, безо всякихъ особенныхъ поводовъ къ этому. Они не сообщали никому о своемъ намѣреніи, и никто изъ присутствующихъ не мѣшалъ его исполненію. Они прославляютъ умершихъ такою смертью, считаютъ ихъ блаженными, и каждый изъ родныхъ умершаго передаетъ ему свои желанія; до такой степени сами они и почти всѣ въ ихъ странѣ убѣждены, что по смерти человѣка наступаетъ нетѣльная, лучшая жизнь и что души имѣютъ сношенія между собою. Друзья и родные расстаются съ умирающими такъ же спокойно, какъ у другихъ народовъ люди расстаются съ отправляющимися въ недолгую поѣздку. Они называютъ своихъ умершихъ родныхъ блаженными, говоря, что теперь они получили безсмертіе, и скорбятъ, что сами еще остаются лишены этого счастья“. Греки изумлялись, видя ужасное зрѣлище, что вдова умершаго считаетъ своею обязанностью и своимъ священнымъ правомъ взойти на костеръ и сгорѣть съ тѣломъ своего мужа.

Самоубійство
по религіоз-
ному мотиву.

2) Наука и искусство. Колонизація и торговля.

Менѣе уродливы и преувеличены, чѣмъ въ религіи и теологической философіи, были стремленія умственной дѣятельности индійцевъ въ области науки и искусства. Развитіе языка достигло у нихъ высокой степени совершенства, а грамматическое изслѣдованіе языка было

доведено ими до такой высоты, какой достигало только у грековъ и арабовъ.

Филологія.

Индійцы имѣли большое уваженіе къ своему священному санскритскому языку, въ органическомъ развитіи котораго они видѣли подобіе развивающаго свою сущность Брамъ; потому у нихъ рано возникло филологическое изученіе его. Еще въ IV или въ III вѣкѣ до Р. Х. Панини составилъ санскритскую грамматику; преданіе говоритъ, что эта книга—откровеніе Шивы, котораго Панини тяжкими подвигами аскетизма вынудилъ сообщить ему знаніе, изложенное въ ней. Авторы слѣдующихъ грамматическихъ трактатовъ, Катьяяна (Katyayana) и Патанджали, усовершенствовали и расширили грамматическую науку тоже помощью божественнаго вдохновенія. Въ грамматикѣ Панини правила языка изложены очень коротко, потому что предназначены къ выучиванію наизусть; терминологія у него трудная для пониманія, похожая на алгебраическую. Потому его „Правила“ (сутры) нуждались въ комментаріяхъ и были комментированы многими учеными; нѣкоторые ученые и спорили противъ нихъ, видоизмѣняли ихъ; въ особенности дѣлалъ это Катьяяна. Въ болѣе позднія времена, было написано много трудовъ и по лексикографіи, по метрикѣ, по теоріи поэзіи, по риторикѣ. Грамматика, объясненія значенія словъ и метрика были у брамановъ главными предметами преподаванія.—Санскритскій языкъ, на которомъ написаны Веда, эпопея, уставъ Ману, и который пересталъ быть народнымъ языкомъ еще за нѣсколько столѣтій до Р. Х., отличается богатствомъ грамматическихъ формъ, способностью къ формированію новыхъ словъ и благозвучіемъ. Изъ корня, почти всегда односложнаго, развивается въ немъ многочисленное семейство производныхъ словъ, находящихся къ нему въ такомъ же отношеніи, какъ предметы, истекшіе изъ Брамъ, къ источнику своему, Брамѣ. Организмъ санскритскаго языка развитъ до высокаго совершенства; онъ богатъ флексіями, формами производства новыхъ словъ, и въ немъ очень легко составляются слова сложные. Богатство его лексикона соотвѣтствуетъ богатству умственной жизни индійцевъ, и подобно ей, онъ имѣетъ болѣе духовный характеръ, нежели чувственный. Въ немъ больше словъ для обозначенія душевныхъ состояній, чѣмъ для внѣшнихъ предметовъ. Формы его склоненія и спряженія богаче и разнообразнѣе греческихъ; его правила благозвучія, его богатство формъ словопроизводства, его правила образованія сложныхъ словъ свидѣтельствуютъ объ изумительномъ совершенствѣ лингвистической техники. Санскритскій языкъ принадлежитъ къ семейству индогерманскихъ (индоевропейскихъ) языковъ, и его изученіе чрезвычайно важно для изслѣдованія персидскаго, греческаго, латинскаго, нѣмецкаго и славянскаго. Санскритскій алфавитъ, самостоятельное изобрѣтеніе индійцевъ, съ самаго начала состоялъ изъ буквъ, обозначающихъ звуки; потому не произошелъ изъ рисуночнаго письма, какъ письменные знаки китайцевъ. Изъ тѣхъ народныхъ нарѣчій, которыя произошли отъ санскритскаго языка или существовали рядомъ съ нимъ, самыя важныя: *пракритскія* нарѣчія (Prakrit) и *палійскій* языкъ (Pali), на которомъ писали буддисты. Пракритскія нарѣчія вообще очень мягки и мелодичны, но они бѣднѣе санскритскими формами, окончанія въ нихъ сильно стерлись. Индійцы писали на древесной корѣ, на пальмовыхъ листьяхъ, на другихъ матеріалахъ, какіе были у нихъ подъ руками, но и на бумагѣ, которую дѣлали изъ хлопка; они чертили буквы заостренною мѣдною палочкою и писали ихъ тростниковымъ перомъ и тушью.

Сильное развитіе наукъ у индійцевъ дало имъ знакомство съ греками. Прямыхъ заимствованій у грековъ сдѣлали они мало; но энергиче-

ская умственная жизнь греческаго народа возбудила дремавшія ихъ способности, и научныя стремленія въ нихъ окрѣпли. Астрономическія знанія индійцевъ первоначально ограничивались тѣмъ, что они вычислили продолжительность года, раздѣлили его на части, вычислили и раздѣлили на части лунный мѣсяцъ. Научная астрономія развилась у нихъ только ужъ подѣ вліяніемъ другихъ народовъ: китайцевъ, халдеевъ и въ особенности грековъ. Индійскіе астрономы сами говорятъ, что ихъ учителями были «яваны», уауана, греки. Индійскій зодіакъ имѣетъ безъ сомнѣнія греческое происхожденіе. Небо, звѣзды котораго сіяютъ въ Индіи дивнымъ блескомъ, жилище боговъ и святыхъ, было въ древнее время для индійцевъ предметомъ религіознаго влеченія, а не научнаго изслѣдованія. Только въ V и VI столѣтіяхъ по Р. Х. астрономія у нихъ получила высокое развитіе, такъ что они приобрѣли правильныя понятія о движеніяхъ солнца, луны и планетъ, о вращеніи земли на ея оси, о солнечныхъ и лунныхъ затмѣніяхъ.—Къ естественнымъ наукамъ индійцы не имѣли склонности. Погруженные въ изслѣдованіе единого и вѣчнаго, они пренебрегали изученіемъ міра тлѣнныхъ индивидуальныхъ предметовъ. Великолѣпная природа, богатая растительность, окружавшая ихъ, давала имъ только поэтическія картины, дѣйствовала только на чувство ихъ, не возбуждала въ нихъ потребности научнаго наблюденія. Изученіе природы было у нихъ лишь средствомъ добывать свѣдѣнія, полезныя для медицины, которою они занимались съ древнѣйшихъ временъ. Начало ея—леченіе цѣлебными травами, сопровождаемое заговорами—восходитъ къ эпохѣ Ведъ. Правда, тѣлесная болѣзнь считалась результатомъ грѣховъ, и потому однимъ изъ лечебныхъ средствъ было покаяніе; но съ теченіемъ времени все-таки развилась у индійцевъ медицина, основанная на наблюденіи и опытѣ; ихъ медицинская литература если, быть можетъ, и не имѣетъ большихъ научныхъ достоинствъ, то во всякомъ случаѣ обширна. Но по крайней мѣрѣ анатомія и хирургія безспорно достигли у нихъ высокаго развитія; они хорошо знали устройство человѣческаго тѣла и хорошо умѣли исцѣлять поврежденія. Греки удивлялись искусству индійскихъ врачей излечивать отъ укушенія змѣй. Въ математикѣ индійцы самостоятельными изслѣдованіями достигли большихъ успѣховъ. Алгебра и десятичная система цифръ изобрѣтены индійцами; арабы, отъ которыхъ перешли эти знанія въ Европу, научились имъ отъ индійцевъ. Трансцендентальная философія была, какъ мы ужъ видѣли, разработана индійцами и по содержанію своему и по формѣ съ величайшимъ глубокомысліемъ и строжайшею послѣдовательностью.

Въ исторіографіи индійцы остались ниже другихъ цивилизованныхъ народовъ. Они мало интересовались ходомъ исторической жизни; потому въ ихъ литературѣ нѣтъ ни одного произведенія, сколько-нибудь соотвѣтствующаго нашему понятію объ исторической книгѣ.

Астрономія.

Медицина.

Математика.

Исторіографія.

Даже та хроника, которая въ ихъ литературѣ почти единственная работа по отдѣлу исторіи, Раджатарангини, кашмирская хроника, составленная въ XII по Р. Х., содержитъ въ себѣ больше поэзіи, чѣмъ исторіи. Литераторы въ Индіи были браманы, писать историческія книги было некому, кромѣ нихъ, а они были такъ отчуждены отъ реальной жизни своими богословскими и философскими умозерцаніями, такъ углублены умомъ въ свою теологическую фантазмагорію, что дѣйствительность совершенно исчезала изъ ихъ глазъ. Историческая жизнь была для нихъ не прогрессомъ улучшенія, а печальнымъ движеніемъ всего земнаго къ распаденію и уничтоженію; и какой интересъ представляли бы для нихъ судьбы человѣчества, когда оно, какъ и вся вселенная, все глубже и глубже падаетъ въ бѣдствіе и порчу, и начиная съ самыхъ древнѣйшихъ временъ все больше отдаляется отъ божественнаго источника, наиболѣе близкимъ къ которому было въ самомъ началѣ? Исторія боговъ была для нихъ гораздо важнѣе исторіи людей. «Вся человѣческая жизнь», говоритъ Бенфей, «была для брамановъ лишь небольшою долею мощной божественной жизни, протекающей чрезъ всѣ міры. Она лежала укрытая въ складкѣ, въ уголкѣ божественной мантии». Потому индійскія понятія объ исторіи всегда оставались на теософической ступени, въ мистическомъ фазисѣ. То, что браманы отвращались отъ дѣйствительности, отъ измѣнчивости жизни, было первымъ препятствіемъ возникновенію философской или прагматической исторіографіи въ Индіи; вторымъ была разрозненность кастъ и государствъ. Жизнь народа, раздробленнаго на касты, законы и бытъ которыхъ не измѣняются ни отъ какихъ событій, не имѣетъ историческаго развитія; нація, у которой нѣтъ сознанія о національномъ единствѣ, нѣтъ общей родины, которая чувствуетъ себя составляющею одно цѣлое по общности своего происхожденія, лишь когда думаетъ о своемъ различіи отъ млечгъ, т. е. варваровъ, а въ своихъ внутреннихъ дѣлахъ не имѣетъ общихъ цѣлей и интересовъ, лишена исторической почвы. Генеалогическія таблицы царскихъ и жреческихъ родовъ, примыкающихъ первыми своими предками къ богамъ—единственныя историческія работы брамановъ, работы ничтожныя.

Буддйская литература.

Болѣе важное значеніе для исторіографіи имѣетъ буддйская литература. Въ «Сутрахъ» разсказывается жизнь Будды, его учениковъ и преемниковъ, исторія ихъ вѣроученія; излагаются и свѣдѣнія о тѣхъ государствахъ, въ которыхъ дѣйствовали Будда и его ученики, о бытѣ населенія въ этихъ государствахъ, о происходившихъ въ нихъ событіяхъ, приводятся имена царей, принявшихъ ученіе Будды, разсказывается жизнь ихъ. Нѣкоторыя изъ буддйскихъ священныхъ книгъ составлены изъ прежняго или новаго матеріала много позже смерти Будды, потому сообщаемыя ими историческія свѣдѣнія обнимаютъ довольно большой періодъ времени. Но фантастическое ученіе

буддистовъ о предшествовавшихъ рожденіяхъ, разѣскиваемыхъ ими, притупляло въ нихъ чувства истины, уничтожало сознаніе о свободѣ челоѣка, и вѣрованіемъ въ неизбѣжный рокъ лишало исторію основнаго элемента ея.

Самое лучшее по точности и достовѣрности историческихъ извѣстій произведеніе буддйской литературы „Малаванса“ (Mahavansa), цейлонская хроника, написанная Малаваномъ (Mahavamsa). Она кончается 302 годомъ до Р. Х., но получила много продолженій. Она имѣетъ главнымъ своимъ предметомъ цейлонскія событія, но проливаетъ свѣтъ и на общую исторію буддизма. Есть въ буддйской литературѣ другое очень дѣльное историческое произведеніе—кашмирская хроника. По всей вѣроятности, велись такія лѣтописи и при другихъ дворахъ, но погибли въ буряхъ и опустошеніяхъ, которымъ подвергалась Индія въ слѣдующіе вѣка. Мы знаемъ, что почти при всѣхъ дворахъ были особые чиновники, имѣвшіе свою обязанностью записывать рѣчи и дѣянія мудрецовъ и повелѣнія царей; изъ ихъ работъ образовались, безъ сомнѣнія, лѣтописи. Пробѣлы хроникъ пополняются относительно позднѣйшихъ временъ надписями и монетами, чеканить которыя индѣйцы научались, вѣроятно, отъ грековъ. Связная хронологія начинается только съ эры Викрамадитти; первый годъ этой эры—57 годъ до Р. Х. Царь Викрамадиття (Vikramaditya) былъ ревностный покровитель литературы и науки; при его дворѣ въ Удджайини (Ujjaini), въ Магадской странѣ, жило много знаменитыхъ людей.—Надобно впрочемъ замѣтить, что время его правленія еще въ точности не опредѣлено.

Теперь мы должны бросить взглядъ на Деканскій полуостровъ и Деканскія царства на прекрасный островъ Цейлонъ. Арійская цивилизація въ обѣихъ стѣхъ и племена. своихъ формахъ, и въ браманской, и въ буддйской, распространилась изъ области Ганга по Декану и на Цейлонъ; арійскія колоніи перенесли туда свои общественныя и религіозныя учрежденія. Мы не знаемъ, въ какія именно столѣтія и какимъ именно ходомъ событій совершилось расширеніе арійской культуры на ту или другую часть Декана и на Цейлонъ, когда и какъ основывались арійскія царства. Но по слѣдамъ фактовъ, сохранившимся въ сказаніяхъ эпоса, надобно полагать, что эта колонизація началась очень рано, и что въ то время, когда Индія была поставлена походомъ Александра въ близкія связи съ остальнымъ міромъ, въ ней ужъ были основаны и ужъ пріобрѣли арійскій національный характеръ тѣ государства, обзоръ которыхъ мы слѣдаемъ въ слѣдующемъ пополненіи.

Деканскій полуостровъ почти по всему своему протяженію отъ мыса Кумари (Коморина) до Виндйскихъ горъ имѣетъ тропическій климатъ; средину его занимаетъ терраса, прорѣзываемая глубокими долами рѣкъ и ущельями, а по побережью разстилается плодородная низменность, отдѣляемая отъ высокой средины лѣсистыми горами, которыя и на западной сторонѣ Декана называются Гатами.—На югъ отъ полуострова Гуджераша тянется прибрежная область, Конкана, богатая бухтами, вся изрѣзанная идущими къ морю долинами и рѣчками, одинаково удобная и для торговли и для опаснаго промысла морскихъ разбойниковъ, которымъ она представляетъ много убѣжищъ.

Въ ней находятся знаменитые храмы, изсѣченные въ скалахъ. Эти замѣчательные памятники усердія къ вѣрѣ, свидѣтельствующіе о прежнемъ могуществѣ и богатствѣ той части Индіи, сосредоточены на небольшомъ пространствѣ; они находятся на островахъ *Сальсетти* и *Элефантъ* близъ Бомбея, у *Мара*, у *Карм*, у *Насики*, и, на востокѣ, у *Эллары*, близъ Давлетабада.—Далѣе на югъ лежитъ *Канара* (древняя Карната), полоса побережья, раздѣляющаяся на область Тулувъ (*Tuluva*) и область Гайвъ (*Naiva*); это плодородная низменность, изобилующая рисомъ, перцемъ и ареховою пальмою; тутъ, близъ города Мангалора, Гаты достигаютъ наибольшей своей высоты и растутъ лѣса драгоцѣннаго сандаловаго дерева. Благопріятность мѣстоположенія Канары для торговли рано привлекала сюда арійскія племена, сообщившія свою культуру и свои учрежденія туземцамъ, но не успѣвшія вполне вытѣснить ихъ прежній языкъ и прежніе обычаи.—*Малабарское* побережье, прилегающее къ которому изобильные пальмами Гаты поднимаются до высоты почти 7,000 футовъ, и по дремучимъ лѣсамъ котораго ходятъ стада слоновъ, было однимъ изъ самыхъ древнихъ центровъ всемірной торговли. Многочисленные рѣчки и горные потоки, во время дождей стремящіеся по глубокимъ ущельямъ къ морю, дѣлили малабарскій берегъ на множество мелкихъ владѣній, изъ которыхъ извѣстнѣйшими были *Каликодду* (Каликутъ), *Каха* (Какха, Кочинъ), и *Анджутенга* (*Anjutenga*); гористыя окрестности городовъ выравнивались тамъ террасами для нивъ, уступъ надъ уступомъ.

На востокѣ отъ южнаго конца западныхъ Гатовъ лежала богатая Пандья (*Pandya*), область, климатъ которой здоровъ и флора богата драгоцѣнными продуктами; она была однимъ изъ браманскихъ царствъ юга; столицею ея былъ древній городъ *Матура* (*Mathura*); къ ней принадлежалъ островъ *Рамешвара* (*Rameswara*), отъ котораго тянутся коралловые рифы къ острову корицы, *Ланка* (Ланка, Цейлонъ; Тапробана греческихъ писателей). Рамешвара былъ святой островъ, посѣщаемый толпами пилигримовъ. И названіе столицы, Матура, и имя самой страны, Пандья, встрѣчаются на Ямунѣ, въ сказаніяхъ о Куру и Панчалахъ; потому можно полагать, что пандійское царство на югѣ Декана было основано колонистами, пришедшими туда съ Ямуны, изъ области Панчалъ. Мысль *Кумари*, образующій южную оконечность Декана, имѣлъ знаменитые храмы и былъ въ древности сборнымъ пунктомъ для торговыхъ судовъ, ходившихъ на востокъ и на западъ. Ловля раковинъ, дававшихъ драгоцѣнный жемчугъ, и другой породы раковинъ, шанха (*shankha*) издавна была прибыльнымъ промысломъ жителей этого побережья.—Восточный берегъ отъ Кумари до устья Кришны, называющійся теперь Коромандельскимъ, получилъ это названіе отъ бывшаго тутъ древняго царства, имя котораго было Чола Мандава.—Бассейнъ Кавери, гдѣ недавно славилась блескомъ столица Типпо-Сагиба, Серингпатамъ, древняя *Шриранганаттана* (*Srirangapatana*), съ древнѣйшаго времени былъ, какъ и теперь остается, однимъ изъ центровъ индійской культуры и торговли.—Подъ высокимъ плоскогорьемъ Майсура (*Маишасуры*, *Mahishasura*), начинается у Сосиллы область богатыхъ урожаевъ риса, изобилующая фруктовыми садами и пальмовыми рощами. Въ той-же мѣстности находятся святыя, посѣщаемыя множествомъ пилигримовъ водопады Сивасамудры, а въ роскошной низменности побережья стояли богатые города *Тришираталли* (*Trisigaralli*, нынѣшній Тричинаполи), *Танжаваръ* (Танджоръ), *Кумбхакона*.—*Маишасура*, *Чола* и *Чера* (Саземъ) были знаменитыми столицами древнихъ царствъ; о прежнемъ ихъ великолѣпіи еще свидѣлствуютъ многіе остатки. Эта часть побережья и теперь остается однимъ изъ центровъ торговли, какъ показываютъ новые города и факторіи: Транкебаръ, Карикалъ, Неганатамъ, Пондишери.—Подымающаяся на юго-западѣ отъ Майсура область Нилагири, образуетъ окруженный болотами и непроходимыми лѣсами островъ горъ, по которому носятъ стаи птицъ, рыщутъ хищныя звѣри, и на высотахъ котораго, въ здоровомъ климатѣ, среди роскошной растительности живетъ красивое пастушеское племя *Тудъ* (*Tuda*); эта область, съ которою лишь недавно ознакомились европейцы, остается до сихъ поръ въ вліяніи индійской культуры. Туды сохраняютъ первобытную наивность нравовъ и свой особый языкъ.—Не менѣе Маишасура была знаменита въ древности область

по сѣверному и южному *Пенару* (Пинакини) и по *Палару*, истоки которыхъ находятся въ горной странѣ близъ Бангалора и которые текутъ чрезъ ущелья Синихъ Горъ восточной гряды Гатовъ и орошаютъ плодородное, цвѣтущее побережье. Это область Деканскаго «Трирѣчья». Развалины прекрасныхъ храмовъ близъ древнихъ столицъ *Аркату* (Аркота) и *Канкитуры*, а въ особенности *Мамамалаптура*, группа изсѣченныхъ въ скалѣ «Семи пагодъ», остаются дивными памятниками прежняго великолѣпія этой святой области.—Древнее царство *Карната*, царство «Черной Земли», занимало длинный бассейнъ *Кришны* и ея притоковъ, Варады и Тунгабадры на югѣ и Бгимы на сѣверѣ. Неподалеку отъ Варады и Тунгабадры находятся развалины знаменитой столицы *Виджаянагара* (Виджаяпура), изумляющія своею громадностью. Древнѣйшею столицею Карнаты былъ городъ *Кальяни*, «счастливый»; онъ лежалъ на западѣ отъ Видара (Видарбга, *Vidardbha*); послѣ него, столицею былъ *Девагури* (Божья Гора), городъ, лежавшій неподалеку отъ Давлетабада. *Виджаяпура* (Виджаяпура, «Городъ побѣды») и *Гайдерабадъ* были впоследствии времени знаменитыми столицами мухаммеданскихъ государей, построившихъ на горахъ той области множество фортовъ. *Голконда*, славившаяся брилліантовыми принсками, была столицею того мусульманскаго царства, столицею котораго послѣ сталъ Гайдерабадъ. Сухость почвы этой области была, вѣроятно, причиною того, что индійская культура водворилась въ ней не повсюду; въ горахъ тутъ удержались туземныя племена, оставшіеся при своей первобытной грубости нравовъ. У нѣкоторыхъ племенъ по верховьямъ Нербѣдды (Нармады) до сихъ поръ сохранился обычай, о которомъ упоминаетъ Геродотъ: состарившихся и вообще хилыхъ людей убиваютъ и пожираютъ ихъ родные.—Въ верховьяхъ Годавари и ея притоковъ, Варады и Праниты, тоже удержались туземныя племена: Гонды, Бгиллы и проч., остающіеся до сихъ поръ дикарями и продолжающіе поклоняться богу земли, гнѣвъ котораго смягчаютъ они приношеніемъ людей ему въ жертву. Но въ горной странѣ на западѣ отъ верховья Нербѣдды, въ той области, гдѣ недавно владычествовали Магратты, были въ древности цвѣтущіе торговые города; важнѣйшимъ изъ нихъ былъ прославляемый въ индійскомъ эпосѣ городъ *Пра-тистана* (*Pratisthana*; Пайтана); онъ лежалъ на югѣ отъ знаменитой своими изсѣченными въ скалѣ храмами Эллары. Въ Берарѣ, въ средней части бассейна Годавари, тоже существовало древнее браманское царство, столицею котораго былъ городъ *Видарбанагара* или *Кундина*. Въ той части приморья, гдѣ находится устье Годавари и стоятъ города *Раджатура* (Раджамундри) и *Малиарфа* (Масулипаттана, Масулипатамъ), не было такого преобладанія арійской культуры, какъ въ другихъ приморскихъ областяхъ, потому что климатъ этой мѣстности не здоровъ, а почва неплодородна; и торговая дѣятельность тутъ была слаба.—*Орисса*,—та отчасти холмистая, отчасти низменная приморская область, гдѣ устье Маганадди, считалась самою священной областью Индіи. Многочисленные храмы, развалины великолѣпныхъ сооружений близъ деревни Даули (въ низовьяхъ Маганадди), множество посѣщаемыхъ пилигримами святилищъ на «четыре» святыя поляхъ свидѣлствуютъ объ уваженіи, какому издавна пользуется у индійцевъ эта земля, гдѣ богатое, предавшееся роскоши духовенство владычествовало надъ робкими, вялыми и отупѣвшимъ населеніемъ.—Верхнія части бассейна Маганадди остаются и теперь покрыты почти сплошнымъ лѣсомъ; на немногихъ, расчищенныхъ изъ-подъ лѣса мѣстностяхъ живутъ бѣдными деревнями нецивилизованныя племена, въ непрерывномъ страхѣ отъ тигровъ, царствомъ которыхъ можно назвать эту область.

Отъ небольшого острова Рамешвары тянутся коралловые рифы, въ которые бьетъ бурунами море. Эти рифы считались у индійцевъ остатками моста, построеннаго исполинами для перехода Рамы на островъ Цейлонъ. На сѣверѣ отъ нихъ лежатъ отмели, покрытыя слоями раковинъ той породы, которую индійцы называютъ Шанха; изъ этихъ раковинъ древніе индійцы очень любили дѣлать жертвенные сосуды, военные духовые инструменты, разныя украшенія; тутъ же находятся жемчужныя раковины; а жемчугъ издавна былъ важнымъ предметомъ торговли. На Цейлонѣ вѣч-

Цейлонъ.

ное лѣто, зной котораго смягчаютъ монсуны. Тамъ обширныя, великолѣпныя лѣса; флора горъ, холмовъ и долинъ не имѣетъ на всемъ земномъ шарѣ равной по разнообразію растений, по множеству фруктовъ; Цейлонъ, «корона индійскихъ странъ», рано сталъ предметомъ влеченія для индійцевъ. Эпическое преданіе о томъ, что божественный Рама низвергъ владычествовавшихъ на этомъ островѣ исполиновъ и чудовищъ и отдалъ власть надъ нимъ благочестивому царю, безъ сомнѣнія, основано на воспоминаніи о древней колонизаціи. Быть можетъ, ближе къ исторической истинѣ другое преданіе, говорящее, что царевичъ изъ династіи Панду, царствовавшей въ Гуджератѣ (Суратрѣ), отправился съ нѣсколькими сотнями товарищей на Ланку и послѣ упорной борьбы съ дикарями, жившими на этомъ островѣ, завоевалъ его и ввелъ на немъ браманскія общественныя и религіозныя учрежденія, а на томъ мѣстѣ, гдѣ высадили, основалъ городъ *Тамрапарни*.

Пришельцы мало по малу слились съ туземнымъ населеніемъ Цейлона, и надобно полагать, что отношенія аріевъ къ туземцамъ на этомъ островѣ были мягче, нежели въ Деканѣ. Но царскій родъ и духовенство сохранили, повидимому, чистоту своей аріиской крови. Преданіе говоритъ, что вождь колонистовъ, Виджая, женился на дочери Матурскаго царя и платилъ ему за дочь ежегодную дань жемчугомъ и панховыми раковинами. Имя города Тамрапарни, въ измѣненной формѣ, стало у грековъ названіемъ всего острова (Тапробана). Скоро важнѣе этой первой столицы стала вторая, городъ *Анурадатура* (Anuradhapura), блескъ которой возвысился особенно послѣ того, какъ магадскій миссіонеръ (ставира) *Маендра* (Mahendra) обратилъ цейлонцевъ въ буддизмъ и царство ихъ было поставлено подъ покровительство священнаго дерева Бодхи (Bodhi). Цейлонская лѣтопись, составляющая чрезвычайно важный источникъ для исторіи всей Индіи, начинается годомъ смерти Будды; по ея хронологіи, это годъ, соответствующій 543 году до Р. X.—Развалины великолѣпныхъ сооружений и остатки обширной литературы свидѣтельствуютъ о томъ, что сингалезы были нѣкогда богатымъ и образованнымъ народомъ; они обязаны этимъ, конечно, тому, что Цейлонъ, «островъ корицы», былъ центромъ торговли Индіи съ другими странами.

Лучшимъ перломъ «жемчужнаго украшенія, девятикратно окружавшаго» блестящій дворъ Викрамадити, преданіе называетъ *Калидасу* (Kalidasa), знаменитѣйшаго драматурга Индіи. Еслибъ онъ дѣйствительно жилъ въ эпоху Викрамадити, золотой вѣкъ индійской литературы совпадалъ бы по времени съ золотымъ вѣкомъ римской. Но изслѣдованіями Лассена доказано, что Калидаса жилъ во второй половинѣ II вѣка нашей эры,—поводомъ къ преданію, что онъ жилъ при дворѣ Викрамадити было, вѣроятно, то, что онъ родился въ Удджейини (Уджинѣ). — По другимъ извѣстіямъ, Калидаса жилъ позднѣе II вѣка; по нѣкоторымъ, даже въ V вѣкѣ.

Драматическая поэзія. Драма и въ Индіи, какъ въ Греціи, произошла изъ религіозныхъ обрядовъ. Уже въ Ведахъ есть слѣды склонности и способности индійцевъ къ драматургіи: мифологическая тема разсматривается съ драматической точки зрѣнія, и излагается въ формѣ разговора. Но обряды богослуженія получили драматическую форму у индійцевъ не въ культѣ Шивы, подобномъ культу Діониса, изъ котораго возникла драма у грековъ, а въ культѣ Вишну, вообще болѣе благопріятномъ

развитію искусства и поэзіи. На религіозныхъ торжествахъ въ честь Вишну были танцы съ пѣніемъ (натака; — «ната», значитъ «танцоръ» и «актеръ»); это пѣніе постепенно приняло форму разговора между поющими, по примѣру изложенія мыслей въ формѣ разговора, который былъ данъ въ эпическихъ поэмахъ. Главный пѣвецъ излагалъ въ лирической формѣ какое-нибудь изъ достославныхъ дѣяній бога; его пѣніе перемежалось речитативами разговоровъ между другими танцующими. Лирическій элементъ навсегда остался преобладающимъ, потому что роль главнаго пѣвца имѣла лирическую форму. Языкъ разговора въ индійской драмѣ мѣняется, смотря по тому, кто говорить. Боги, браманы и кшатрии говорятъ по-санскритски; женщины, дѣти, комическія лица, простолюдины говорятъ тѣмъ или другимъ изъ пракритскихъ нарѣчій. Театровъ въ Индіи не было; представленія давались всегда на открытомъ воздухѣ, и всегда только по большимъ праздникамъ. Драма самостоятельное созданіе индійцевъ; она ужь существовала у нихъ во время Александра Македонскаго. Но развитіе ея тогда было еще очень слабо: по содержанію, по глубокости мысли она еще не могла выдержать сравненія съ религіозною лирикою Ведъ, и не имѣла такой энергіи въ ходѣ дѣйствія, въ описаніи характеровъ, какъ національный эпосъ. Только ознакомившись съ драматическою поэзіею грековъ, и вѣроятно не безъ подражанія ей, индійцы подняли свою драму до такой высоты совершенства, на какой мы видимъ ее у Калидасы. Но при этомъ она утратила религіозную серьезность и глубокое нравственное значеніе, какія были, вѣроятно, въ прежнихъ драматическихъ произведеніяхъ, не дошедшихъ до насъ. Въ недолгій періодъ своего цвѣтущаго состоянія, индійская драма была и по формѣ и по содержанію дворскою поэзіею, главныя достоинства которой—изящество языка и художественность стиха. То, что у такого поэтическаго народа, одареннаго такимъ живымъ воображеніемъ, драма осталась ниже лирики и эпоса, надобно приписывать, вѣроятно, мрачному воззрѣнію индійцевъ на жизнь, ихъ презрѣнію къ дѣйствительности, къ борьбѣ жизни и къ ея катастрофамъ. У индійца не было живаго понятія объ энергіи личности, и о человѣкѣ, находящемъ въ себѣ силу бороться противъ судьбы и остающемся великимъ въ самой гибели своей; потому въ индійской драмѣ нѣтъ глубокой нравственной силы, лежащей въ основѣ драмы греческой. Въ индійской драмѣ нѣтъ трагизма, подавляющаго своей неодолимою силою, нѣтъ потрясающаго пафоса; она лишь изображеніе пріятныхъ и печальныхъ происшествій, и матеріалъ свой она обыкновенно беретъ изъ міра мифологическихъ сказаній, болѣе роднаго индійцу, чѣмъ міръ дѣйствительности. Главный мотивъ индійской драмы—любовь, радости и страданія любви; потому въ ней больше нѣжности, чѣмъ энергіи, больше чувства, чѣмъ дѣйствія; развязка ея обыкновенно успокоительная, примирительная. Единство дѣйствія

строго соблюдается въ ней. «Обыкновенный разговоръ ведется прозою», говоритъ Мейеръ: «Но когда чувство дѣйствующаго лица или хотя бѣ и рассказъ о событіи требуетъ возвышеннаго слога, или когда въ разговоръ вставляются размышленія, рѣчь идетъ стихами, и притомъ самыхъ разнообразныхъ размѣровъ, такъ что формы ихъ кажутся мѣняющимися по ничѣмъ не сдерживаемому произволу». Изъ драмъ, переведенныхъ на европейскій языкъ, двѣ, самыя знаменитыя, принадлежатъ Калидасу: „Сакунтала, вновь узнанная» и «Урваси, пріобрѣтенная геройствомъ». Единственною, которую можно сравнивать съ произведеніями Калидасы, и древнѣйшею изъ сохранившихся драмъ считается «Мриччакатила» («Глиняная Телѣжка»). Она написана, какъ полагаютъ, около 100 года по Р. Х. Авторъ ея неизвѣстенъ. Она знакомитъ насъ съ индійскимъ судопроизводствомъ.

Калидаса.

Калидаса принадлежалъ къ кастѣ брамановъ. Быть можетъ, онъ жилъ при блестящемъ дворѣ царя Самудрагупты, покровителя искусствъ. „Калидаса“, говоритъ Лассенъ, „можетъ считаться самымъ блестящимъ свѣтиломъ на небѣ индійской художественной поэзіи. Онъ заслуживаетъ этой славы: онъ мастерски владѣетъ языкомъ, съ тонкимъ тактомъ даетъ рѣчи простую или художественную форму, сообразно предмету, не впадая въ искусственность позднѣйшихъ поэтовъ и не переступая границъ хорошаго вкуса; его произведенія разнообразны; онъ изобрѣтателенъ, выборъ сюжетовъ у него удаченъ; онъ умѣетъ вполне достигать своей цѣли; описанія его прекрасны, чувство его нѣжно, фантазія богата“. Знаменитѣйшая изъ его драмъ—граціозная Сакунтала (Sakuntala), сюжетъ которой взятъ изъ мифологическаго разсказа, находящагося въ Махабхаратѣ. Переведенная въ концѣ прошлаго вѣка на англійскій и на нѣмецкій, она была встрѣчена тогда восторженными похвалами и оценена выше своего дѣйствительнаго достоинства, какъ это вообще бываетъ съ новымъ и чужеземнымъ. Она имѣетъ достоинства и недостатки, общія всей индійской драматической поэзіи. Къ числу достоинствъ принадлежатъ: граціозность и мягкость чувствъ, нравственная чистота, возвышенность понятій, нѣжность описаній, въ которыхъ отражается тонкость индійскаго пониманія природы, богатство, красота и великолѣпіе красокъ ея въ Индіи. Но въ Сакунталѣ нѣтъ ясности, реальной характеристики лицъ, нѣтъ вѣрнаго чувства мѣры, нѣтъ разумной сдержанности фантазій, нѣтъ простоты и определенности очертаній въ создаваемыхъ ею образахъ. Фантастичность, мечтательность, дѣлающая туманными религіозныя понятія индійцевъ, отнимаетъ и у индійской поэзіи ясность, прозрачность, гармоничность, необходимыя для истинной красоты ея картинъ; въ игрѣ ощущеніями теряется глубокость и энергія ихъ.—Врожденное индійцамъ чувство скромности и приличія владычествуетъ и въ индійской драмѣ; изъ нея устранено все безнравственное, непристойное.—Въ тѣхъ пьесахъ, размѣръ которыхъ не очень малъ, есть комическое лицо; обыкновенно браманъ, въ которомъ хитрость и юморъ соединены съ добродушною простоватостью.—Сюжетъ „Сакунталы“ таковъ:

Сакунтала.

Сакунтала, дочь царственнаго мудреца и нимфы, воспитывается въ священномъ рощѣ благочестивымъ отшельникомъ Канвою. Царь Душманта, пріѣхавшій охотиться въ эту рощу, видитъ Сакунталу и, узнавъ о ея царскомъ происхожденіи, женится на ней. Воспита-

тель ея въ это время не былъ дома. Давъ ей свое кольцо, Душманта уѣзжаетъ, обѣщаясь, что пришлетъ за нею. Сакунтала, погружившись въ мечты, оставляетъ неисполненною относительно путника, благочестиваго брамана, обязанность гостепріимства и почтительности; за это онъ изрекаетъ ей проклятіе, наводящее на Душманту забвеніе и о женитьбѣ на Сакунталѣ и о самой Сакунталѣ. Проклятіе теряетъ свою силу лишь, когда Душманта снова увидитъ свое кольцо. Воспитатель Сакунталы, узнавъ, что она стала женою царя, посылаетъ ее къ мужу. Переправляясь черезъ рѣку, она роняетъ въ воду кольцо. Поэтому Душманта не можетъ припомнить ея, и велитъ ей уйти. Небесная нимфа скрываетъ Сакунталу отъ взора людей и беретъ ее въ священный лѣсъ, служащій жилищемъ боговъ. Въ этомъ лѣсу, Сакунтала рождаетъ сына, имѣющаго на тѣлѣ знаменіе царскаго сана и божественнаго происхожденія. Вскорѣ послѣ того рыбакъ приноситъ царю кольцо; при взглядѣ на кольцо, возвращается къ царю память, и прекращается затмѣніе его мыслей. Любовь къ Сакунталѣ терзаетъ его печалью. Наконецъ богъ Индра посылаетъ къ нему своего возничаго, отвезти его туда, гдѣ Сакунтала. Въ лѣсу царь сначала видитъ своего богоподобнаго сына, который принуждаетъ молодаго льва послушно играть съ нимъ; послѣ того, царь видитъ и узнаетъ Сакунталу. — Такое перепутываніе божественнаго міра съ человѣческимъ было возможно лишь въ области индійскаго міровоззрѣнія. Въ драмѣ, содержаніе которой разсказано нами, оно имѣетъ очень нѣжный колоритъ; нѣжнымъ чувствомъ проникнуто и все въ ней. «Никакой переводъ», говоритъ Бенфей, «не можетъ передать нѣжнаго перелива красокъ, характеризующаго подлинникъ. Всякое прикосновеніе стираетъ его, какъ бархатные переливы цвѣта на крыльяхъ мотылька».

Кромѣ двухъ драмъ, приписываются Калидасу еще нѣсколько произве- Облачный вѣст-
деній; изъ нихъ, дѣйствительно принадлежитъ ему, вѣроятно, только одно: никъ.
предѣстная элегія „Облако Вѣстникъ“ (Мега-Дута). „По крайней мѣрѣ, въ этомъ произведеніи такое-же классическое совершенство языка, такое-же изящество построения рѣчи, такая-же теплота и нѣжность чувства, такое-же творчество фантазій и задумчивая искренность, какъ въ удивляющей насъ этими достоинствами Сакунталѣ“, говоритъ Мейеръ. Содержаніе „Облачнаго Вѣстника“ таково:

Одинъ изъ якшей (yaksha), служителей бога сокровищъ, Куберы, сдѣлавъ проступокъ противъ обязанностей своей службы и за это подвергся на цѣлый годъ разлукѣ съ родиною и женою, изгнанъ въ ссылку на гору Рамы (на югѣ). Въ осьмой мѣсяцъ, передъ началомъ періода дождей, изгнанныкъ видитъ облако, несущееся съ юга на сѣверъ, на его родину. Онъ проситъ облако передать его печалующейся женѣ вѣсть о немъ и слово утѣшенія. Онъ описываетъ путь, которымъ будетъ летѣть облако и съ особенною любовью останавливается мыслями на Уджайини, родинѣ Калидасы.—Подобное этому содержанію имѣетъ другое лирическое произведеніе, называющееся, по словамъ, которыми кончается, «Разбитою кружкою».

Танцы на религіозныхъ праздникахъ, сильно содѣйствовавшіе развитію драмы, дали начало и тому обычаю, что въ процессіяхъ и другихъ торжественныхъ обрядахъ богослуженія участвуютъ танцовщицы по профессіи, которыхъ въ Европѣ называютъ принадлежащимъ португальскому языку именемъ баядерокъ. Эти дѣвушки большею частью дочери ремесленниковъ; онѣ танцуютъ на дворахъ храмовъ, на улицахъ, въ домахъ; но обыкновенно промышляютъ и проституціею, внося своимъ легкомысленнымъ образомъ жизни порчу въ нравы общества. Индійцы всегда любили танцы, и браманская философія видитъ въ нихъ „подобіе непрерывно кружащейся жизни міра, пролетающей какъ мимика пляски“.—Страна Ганга—отчизна

Баядерки.

акробатовъ и фокусниковъ, ловкость и гибкость которыхъ граничить съ чудеснымъ и остается недостижимой для людей другихъ земель.

Лирическая поэзия.

Періодъ блестящаго развитія драматической поэзіи былъ не продолжителенъ. Послѣ Калидасы она скоро склонилась къ упадку. Индійцы продолжали заниматься и лирическою и дидактическою поэзіею. Индійская лирика имѣла главнымъ своимъ предметомъ боговъ, то-есть, имѣла религіозное содержаніе; это само собою понятно, потому что въ умственной жизни народа совершенно преобладало созерцательное направленіе къ мыслямъ о божественномъ. Въ позднѣйшія времена развилась и свѣтская лирика, въ которой много задушевности и нѣжности, много и сладострастія. — Очень близка къ драмѣ, и быть можетъ представляетъ собою древнѣйшую форму ея, идиллическая поэма, состоящая изъ разговоровъ и имѣющая драматическое движеніе, Гита-Говинда (Gita-Govinda), «Поэма о Говиндѣ». (Говинда—одно изъ названій Кришны). Ея тѣма—исторія игръ Кришны съ пастушками, подругами его юности, ссора его возлюбленной, Рады (Radha), съ нимъ изъ-за этихъ его игръ, и примиреніе ея съ милымъ.

«Поэтъ даетъ рядъ рассказовъ, имѣющихъ форму монологовъ, и кратко описываетъ чувства лицъ, произносящихъ монологи; обрисовавъ этимъ отношенія Кришны и Рады, онъ выводитъ подругу Рады, саму Радю и Кришну, высказывающихъ свои чувства съ лирическимъ пафосомъ. Эта форма даетъ Гита-Говиндѣ нѣкоторое сходство съ Пѣсней Пѣсней; но сходство это лишь отдаленное; Гита-Говинда гораздо ниже Пѣсни Пѣсней, потому что въ ней слишкомъ много искусственности и утрировки. Есть и другое сходство: наперекоръ сладострастному характеру Гита-Говинды, индійцы слѣдующихъ временъ давали этой эротической поэмѣ мистическое истолкованіе» (E. Meier, Indisches Liederbuch).—По мнѣнію Альбрехта Вебера, авторъ Гита-Говинды дѣйствительно вложилъ въ нее мистическій смыслъ.—«Въ этой поэмѣ», говоритъ Бенфей, «мы видимъ Кришну въ очаровательномъ кругу милыхъ пастушекъ, поддающихся прелести ихъ; опыливаемый чувственностью, онъ расточаетъ свою любовь, переходя изъ объятій одной дѣвушки въ объятія другой; забывая единство, онъ теряется въ мірѣ индивидуальностей.—На другой сторонѣ картины, стоятъ его жена, его энергія, покинутая и забытая, утѣшаемая подругою. Въ Кришнѣ пробуждается сознаніе супружескаго союза съ законною женою, раскаяніе, жажда примиренія. Рада разгнѣвана; но соглашается простить, и мистическій бракъ, на которомъ основанъ законный порядокъ вселенной, торжественно восстанавливается».—Религіозныя воззванія и благословенія, которыми кончается каждая пѣсня Гита-Говинды, представляются нашему чувству профанированными.—Поэтъ въ концѣ каждаго отдѣла называетъ себя по имени, какъ дѣлаютъ персидскіе поэты. Его имя—Джайдева; когда онъ жилъ, неизвѣстно; но едва-ли раньше XI—XII столѣтій нашей эры.

Афоризмы.

Въ дидактической поэзіи первое мѣсто занимаетъ собраніе афоризмовъ, приписываемое царю Бгартригари (Bhartrihari). По индійскимъ рассказамъ, Бгартригари царствовалъ въ Магадѣ, принадлежалъ къ династіи Гуптовъ, жилъ во II или въ III вѣкѣ нашей эры; огор-

ченный невѣрностью своей жены, отказался отъ престола и удалился къ Бенаресскимъ подвижникамъ.

«Стихотворенія Бгартригари, говоритъ Лассенъ, излагаютъ въ краткомъ видѣ индійскія понятія о преобладающихъ влеченіяхъ юности, мужа и старца; о любви, занятіи житейскими дѣлами и объ удаленіи отъ нихъ въ уединенную созерцательную жизнь. Въ нихъ много прелестныхъ очерковъ, изображающихъ любовь и влюбленныхъ, много тонкихъ и глубокихъ замѣчаній о человѣческой жизни, о драгоцѣнности добродѣтели и о бѣдственности порока, много мудрыхъ изреченій о счастьи подвижниковъ, удалившихся въ тихое уединеніе и равнодушно смотрящихъ на все земное. По совершенству формы, эти пѣсньи достойны стоять на ряду съ наилучшими произведеніями индійской поэзіи. Нѣкоторыя изъ нихъ имѣютъ связь между собою,—какъ напримѣръ описаніе шести временъ года; другія образуютъ каждая особое цѣлое, такъ что ихъ можно сравнить съ миньютурными рисунками: въ тѣсной рамкѣ одной строфы онѣ даютъ намъ законченную картинку *).

Дидактическій и эпическій элементы поэзіи соединены въ басняхъ о животныхъ и въ развитой формѣ этихъ басенъ, животномъ эпосѣ, который вѣроятно уже существовалъ у индійцевъ въ македонское время. По ученію о душѣ міра, всѣ существа имѣютъ соучастіе въ Брамѣ, а по ученію о возрожденіяхъ неодушевленные предметы часто превращаются въ разумныя существа и наоборотъ; потому ввести животныхъ въ область поэзіи, въ человѣческую жизнь было такъ же легко индійцамъ, какъ ввести въ нее боговъ. И мы видимъ, что ужъ въ эпосѣ рядомъ съ богами и героями играютъ роль — и важную роль — обезьяны и слоны. Въ животномъ эпосѣ преобладалъ сначала эпическій характеръ: былъ основной рассказъ, служившій рамою для эпизодовъ; эпизодами были тоже рассказы. Но потомъ стали ближе сравнивать рѣзко-опредѣленные характеры животныхъ съ характерами людей, и на первый планъ выдвинулась аллегорія, дидактика; эпосъ распался на басни, на притчи; ихъ стали собирать; и есть сборники ихъ довольно старые.

Изъ этихъ старыхъ сборниковъ, бывшихъ извѣстными грекамъ, произошли нынѣшніе: *Панчатантра* („Пятикнижіе“) и *Гитопадеша* (Hitopadesa, „Дружеское наставленіе“). Панчатантра составлена въ V вѣкѣ по Р. Х., Гитопадеша, составленная въ началѣ среднихъ вѣковъ, повидимому, просто извлеченіе изъ Панчатантры, въ которомъ смягчены или вовсе выброшены рѣзкія нападки Панчатантры на брамановъ. Басни и рассказы служатъ въ этихъ сборникахъ лишь поводомъ для афоризмовъ, такъ что главное дѣло тутъ въ морали. Все это писано прозою, со вставками стиховъ. Изъ Индіи этотъ сборникъ басенъ распространился по западной Азіи, а изъ нея перешелъ въ Грецію. Персидскія басни *Бидпая*, арабскіе

Животный эпосъ.

*) Напримѣръ: «Съ однимъ говоритъ она, на другого смотритъ, а въ сердцѣ думаетъ о третьемъ: кто можетъ назвать себя милымъ женщины?»

сборники басенъ и популярнѣйшія изъ басенъ европейскихъ народовъ происходятъ изъ индійскаго сборника. — Въ родствѣ съ нимъ находится сборникъ сказокъ, составленный въ Кашмирѣ въ концѣ XI или въ началѣ XII вѣка изъ старыхъ письменныхъ и изустныхъ народныхъ разсказовъ *Соматова Бхатто* (Somadeva Bhatta). — „Авторъ написалъ свой сборникъ стихами, старымъ эпическимъ размѣромъ, слокою“, говоритъ Мейеръ: „въ этой формѣ сказки утратили свой наивный народный тонъ. Правда разсказъ очень простъ; но онъ тяжеловатъ и есть въ немъ примѣсь учености. Эти индійскія басни и сказки послужили, вѣроятно, образцомъ, отчасти и матеріаломъ для арабскаго сборника „Сказокъ 1001 ночи“. А вообще матеріалъ сказокъ, которыми вотъ ужъ болѣе тысячи лѣтъ восхищаются персіяне и арабы, и которыя перенесены во время крестовыхъ походовъ въ Европу, происходитъ изъ Индіи, сказки которой перешли съ буддизмомъ также къ монголамъ и къ тибетцамъ.“

Архитектура.

Въ искусствѣ индійцы были оригинальны и самостоятельны не менѣе чѣмъ въ поэзіи. Особенно относится это къ архитектурѣ, о которой въ индійской литературѣ есть много обширныхъ трактатовъ. Изъ тѣхъ памятниковъ индійской архитектуры, которые теперь изслѣдованы, нѣтъ ни одного старше IV вѣка до нашей эры, а большинство ихъ принадлежитъ самымъ послѣднимъ столѣтіямъ до Р. Х. и первымъ вѣкамъ по Р. Х. Но греческое вліяніе на индійскую архитектуру, если и было, то ограничивалось Кашмиромъ и сосѣдними областями. — Во время Ведъ и древнѣйшаго эпоса въ Индіи еще не существовало храмовъ. Богамъ природы молились на открытомъ воздухѣ и жертвы имъ приносили на простыхъ алтаряхъ подъ открытымъ небомъ; а духовному богу Брамѣ служили въ уединеніи лѣса и на святыхъ мѣстностяхъ умозерцаніемъ и подвижничествомъ: безличное, духовное первобытное существо не могло обитать въ храмахъ. Только ужъ тогда, какъ подъ вліяніемъ буддизма развилось понятіе о личномъ богѣ, и Брами олицетворился въ Тримурти, послѣдователи браманизма начали строить богамъ храмы и жилища, украшать ихъ изображеніями и символами. Нѣтъ сомнѣнія, что это было тоже результатомъ буддизма, вліянія и что соперничество между буддистами и браманами было причиною развитія той превосходной архитектурной техники, величественные остатки которой возбуждаютъ наше удивленіе; о томъ ясно свидѣлствуетъ и сходство браманскихъ храмовъ съ буддистскими, и то обстоятельство, что многіе браманскіе храмы стоятъ подлѣ буддистскихъ.

Храмы, изсѣченные въ скалахъ.

Кромѣ храмовъ, обыкновенной архитектурной постройки, въ Индіи есть храмы, изсѣченные въ скалахъ. Изъ тѣхъ обыкновенныхъ храмовъ, которые принадлежатъ давнимъ временамъ, большая часть построены буддистами; храмы изсѣченные въ скалахъ болѣею частью браманскіе; но есть и буддистскіе, изсѣченные въ скалахъ; есть и браманскіе древніе храмы обыкновенной постройки.

Древнѣйшіе браманскіе храмы вѣроятно были подземные, развившіеся изъ пещеръ. — „Высочайшая мудрость для индійца — самоуглубленіе, созерцаніе духа, „живущаго въ пещерѣ сердца; индійскій храмъ — повтореніе этого: онъ тоже устраняется отъ внѣшняго міра, углубляется отъ него въ сокровенный мракъ пещеры“ (Вуттке). — Эти искусственныя пещеры и изсѣченные въ скалахъ храмы, изумляющіе и своею огромностью и техническимъ достоинствомъ отдѣлки, находятся въ особенно большомъ числѣ на западномъ берегу Индіи, близъ Бомбея. Они изсѣчены въ скалахъ Гатовъ; выбирая мѣсто для нихъ, вѣроятно пользовались естественными пещерами. Замѣчательнѣйшія группы ихъ находятся близъ *Карм* и на островахъ *Элефантъ* и *Сальсеттъ*. Но еще важнѣе ихъ тѣ, которые найдены въ срединѣ полуострова, въ *Элморѣ* (Ellora), близъ древней горной крѣпости Девагирі (Devagiri) или Деогирі (Deogir), которую мугаммедане называли Аллахабадомъ. Эти храмы, ставшіе извѣстными европейцамъ позднѣе западныхъ, — группа огромнѣйшихъ созданий работы этого рода, и строительная техника ихъ принадлежитъ высокой степени развитія искусства. Есть также группы изсѣченныхъ храмовъ близъ Аджанты, въ восточномъ Деканѣ, и въ другихъ мѣстностяхъ. — „Не будетъ слишкомъ большою смѣлостью“, говоритъ Куглеръ, „предположеніе, что эти искусственныя пещеры сдѣланы въ память о древнихъ святыхъ подвижникахъ, жившихъ въ тѣхъ безлюдныхъ мѣстахъ и имѣвшихъ, быть можетъ, жилищами своими натуральныя пещеры; что въ цвѣтущее время страны эти мѣста считались священными, что народъ ходилъ на поклоненіе туда, и что искусственныя пещеры возникли изъ богатыхъ приношеній пилигримовъ. Но такое происхожденіе могли имѣть только браманскіе храмы“. — Главный залъ храма образуетъ обыкновенно четырехугольникъ; кругомъ его изсѣчены меньшіе залы. Собственно храмъ, въ которомъ находится изображеніе или символъ бога, образуетъ особый залъ внутри главнаго зала, изъ котораго ведетъ въ него ходъ, подобный корридору. Потолокъ пещеры всегда плоскій, поддерживаемый толстыми, низкими колоннами тяжелой формы, стоящими близко одна къ другой. И стѣны и потолокъ обыкновенно украшены сплошною скульптурою, хотя залы, не имѣя оконъ, очень темны. У входа въ храмъ на открытомъ воздухѣ находится дворъ съ галлереями, комнатами, прудомъ для омовеній, каменными скамьями для сидѣнья богомольцамъ, статуями, изсѣченными изъ прежней передней вырубленной части скалы и т. д. — Обыкновенно въ скалѣ не одинъ храмъ, а нѣсколько ихъ, такъ что они образуютъ цѣлый городъ подземныхъ святилищъ. Иногда они расположены другъ надъ другомъ въ два, въ три этажа.

Элморскіе храмы, самые замѣчательные изъ всѣхъ, подобныхъ имъ, изсѣчены одинъ подлѣ другаго въ скалѣ краснаго гранита, образующей полукругъ, длина котораго — цѣлый часъ пути. Храмы эти съ своею скульптурою и другими украшеніями представляютъ собою результатъ такого количества такой трудной и искусной работы, что на исполненіе ея нуженъ былъ изумительно долгій періодъ неослабнѣйшаго труда несмѣтнаго числа работниковъ. „Нѣсколькими этажами другъ надъ другомъ тянутся на цѣлый часъ пути эти залы, съ покоящимися на колоннахъ потолками, тянутся, будто каналы, ихъ лѣстницы, галереи, дворы передъ ними, мосты, въ нихъ, — все это изсѣченное въ скалѣ“ (Шназе). Но только огромностью и многочисленностью своею, колоссальностью количества употребленной на нихъ работы и удивляютъ эти храмы: красоты, гармоніи, благороднаго стиля они совершенно лишены. „Формы ихъ архитектуры“, говоритъ Шназе, „тяжелы, вычурны, утрированы и съ тѣмъ вмѣстѣ совершенно неопредѣленны: въ этой архитектурѣ нѣтъ никакой преобладающей формы,

ни плоской, ни круглой, ни куполообразной, ни прямоугольной, почти повсюду всяческія формы перепутаны между собою. Отсутствие определенности формъ, отсутствие смысла въ ихъ сочетаніи ясно показываетъ, что эти храмы—произведеніе искусства, еще не достигшаго свободы и самостоятельности. Колонны стоятъ во многихъ мѣстахъ такъ тѣсно, что не даютъ возможности видѣть цѣлое. Скульптура на стѣнахъ и изсѣченныя отдѣльными фигурами изваянія часто имѣютъ фантастическій характеръ. При всей своей любви къ природѣ, индѣецъ не взялъ образцомъ для скульптурныхъ украшеній хотя бы формы растений, соединяющія въ себѣ правильность съ разнообразіемъ. „Орнаменты тутъ или сочетанія прямыхъ и кривыхъ линий, выпуклыхъ и плоскихъ формъ, или безъ всякаго посредствующаго перехода превращаются въ фигуры животныхъ, и притомъ животныхъ большихъ, тяжелыхъ.“—Буддѣйскіе пещерные храмы и буддѣйскія священныя постройки, называющіяся по своей формѣ „ступами“ (Stupa, въ позднѣйшей формѣ thupa, „возвышеніе“), образуютъ продолговатый залъ, кончающійся съ противоположной входу стороны полукруглымъ обводомъ; въ немъ идутъ ряды столбовъ, кровля его имѣетъ форму круглаго свода, подобнаго куполу. Передъ полукругомъ стоитъ „дагопъ“, полушаріе, изображающее собою водной пузырь, буддѣйскій символъ мимолетности жизни. Въ дагонѣ обыкновенно хранилась какая-нибудь реликвія, а передъ нимъ находилась статуя Будды. По названію этой своей принадлежности, и весь буддѣйскій храмъ назывался дагопомъ, то-есть „хранилищемъ реликвіи“. Форма буддѣйскихъ храмовъ, какъ и многое другое въ буддизмѣ, напоминаетъ о христіанствѣ. „Въ буддизмѣ, какъ въ христіанствѣ“, говоритъ Куглеръ, „храмъ строился для такого богослуженія, которое совершается въ присутствіи всей общины вѣрующихъ, а не особо отъ нея въ отдѣльномъ помѣщеніи, гдѣ находится только священнослужитель; при буддѣйскомъ богослуженіи міряне должны собственною душевною силою возносить свои мысли и чувства отъ земли къ небесамъ; форма храма должна была соотвѣтствовать этому характеру богослуженія“.

Пагоды или ступы.

Въ храмахъ, изсѣченныхъ въ скалахъ, архитектурная форма была внутри, а не снаружи: въ буддѣйскихъ священныхъ зданіяхъ обыкновеннаго способа постройки, называющихся у европейцевъ пагодами (отъ индѣйскаго слова бгагавати, »святилище«), а у индѣйцевъ дагопами или ступами, это наоборотъ: архитектурная форма снаружи, а не внутри; эти массивныя зданія безъ оконъ, сложенныя изъ тесаннаго камня или кирпича, покрытыя штукатуркою, своими сплошными стѣнами охраняютъ реликвіи (волоса, ногти, кусочки костей и т. п.) отъ поруганія невѣрующихъ и отъ желанія вѣрующихъ похитить святыню. Тѣ буддѣйскіе храмы, въ которыхъ совершались богослуженія, назывались въ Индіи вигарами; они имѣютъ форму четвероугольника, стороны котораго поставлены параллельно четыремъ странамъ свѣта. Два ряда колоннъ идутъ по длинѣ храма, образуя двѣ галлерей по сторонамъ средняго пространства, въ которомъ алтарь и статуи святыхъ. Въ Индіи буддѣйскіе храмы находятся главнымъ образомъ на востокѣ полуострова, гдѣ буддизмъ и древняя національность сохранялись въ наибольшей чистотѣ, и на сѣверѣ оттуда въ священной области Ориссѣ. Эти храмы, построенные изъ плиты или кирпича,

имѣютъ пирамидальную форму. Надъ фундаментомъ подымается высокое сооруженіе, идущее уступами этажей; стѣны этажей вертикальныя, но каждый верхній этажъ въ длину и ширину меньше того, на которомъ стоитъ, и окраины кровли нижняго выпукло подымаются къ стѣнамъ верхняго. Внутри, возведены пилястры и колонны, которыми поддерживаются стѣны верхнихъ этажей, а между пилястрами стоитъ множество статуй. Зданіе увѣнчивается куполомъ, на которомъ поставленъ шаръ. Многіе храмы имѣютъ до 200 футовъ вышины и 15 этажей. Подлѣ храма идутъ часовни, колоннады, пруды для омовеній, обширныя и великолѣпныя пріюты (чультри) для пилигримовъ. У всѣхъ большихъ строеній множество мелкихъ пристроекъ, и все обременено чрезмѣрнымъ обиліемъ украшеній, такъ что общій видъ представляетъ громоздкую путаницу, въ которой теряется мыслями смотрящій на нее. Внутри зданій темнота, и художественной отдѣлки нѣтъ вовсе. У многихъ храмовъ этажи обведены широкими мѣдными перепоясками. Такихъ пагодъ, которыя построены раньше нашихъ среднихъ вѣковъ, въ Индіи мало.

Скульптуры.

И храмы, изсѣченные въ скалахъ, и пагоды украшены множествомъ, часто обременены излишествомъ статуй и барельефовъ, большею частью колоссальныхъ. Это изображенія существъ изъ міра міеологіи, изъ баснословной области преданій; характеристическія черты индѣйской скульптуры тѣ же, какъ индѣйской поэзіи: фантастичность, сверхъестественность, утрировка. «Изображенія боговъ, имѣющія обыкновенно отъ 13 до 16 футовъ вышины, не касаются ногами пола», говоритъ Шназе: «Они изваяны почти полнымъ рельефомъ, только спина ихъ примыкаетъ къ стѣнѣ; формы ихъ широкія, тяжелыя, и при своей колоссальности эти фигуры съ огромными, выпученными глазами и широкими губами производятъ очень непріятное впечатлѣніе. Оно усиливается тѣмъ, что эти изваянія изображаютъ чудовищныя существа: формы человѣка соединены съ формами животныхъ и, какъ у египтянскихъ изваяній, человѣческое тѣло имѣетъ голову животнаго, или на человѣческомъ тѣлѣ торчитъ нѣсколько головъ, или у человѣка много рукъ, много ногъ. Многочисленностью головъ обозначалась сверхъестественная мудрость, многочисленностью рукъ и ногъ сверхъестественная сила. Это уродливое и отвратительное соединеніе многихъ головъ, рукъ, ногъ на одномъ человѣческомъ корпусѣ или соединеніе частей животнаго съ частями человѣка, это плохое средство дать наглядное выраженіе понятію о сверхъестественной силѣ доказываетъ, что индѣйское искусство не развилось на столько, чтобъ умѣть придать человѣческой фигурѣ, чертамъ человѣческаго лица выраженіе великаго могущества, изобразить божественное величіе пропорціональными и естественными формами. Кромѣ чудовищности и фантастичности, индѣйская скульптура страдаетъ вялостью: формы фигуръ пухлыя, мускулатура обозначена слабо, подъ мясомъ

какъ будто нѣтъ твердой структуры костей, женскія формы слишкомъ роскошны, всѣ очертанія слишкомъ мягки. Дѣйствительности, реальности, твердой жизненной энергіи нѣтъ и въ индійскомъ искусствѣ, какъ во всей умственной жизни индійцевъ. «Покоящіеся въ мягкой расплывчивости чувства, въ фантазерствѣ, не знающемъ никакихъ стѣсненій себѣ, индійцы рѣдко опускаются изъ міра грезъ на твердую почву дѣйствительности, говоритъ Кутлеръ. Индійская скульптура даетъ вмѣсто простаго изображенія лишенный натуральности символъ, вмѣсто красоты пышную прикрашенность, не стремится изобразить божественную силу въ облагороженной человѣческой формѣ, а соединяетъ несообразныя между собою части разныхъ фигуръ въ одну огромную нагую фигуру противоестественной дико-фантастичной формы, грубо чувственную, вялую, женственно-прикрашенную. Лишь въ немногихъ скульптурныхъ фигурахъ стиль проще и благороднѣе; такія изваяніе попадаются особенно въ томъ изъ Эллорскихъ храмовъ, который называется Кайласою. Какъ во всей индійской жизни, въ индійской пластикѣ владычествуется спокойствіе и однообразная типичность. Отъ древней живописи, о которой упоминается въ комментаріяхъ къ Ману и въ индійской драмѣ, не сохранилось никакихъ остатковъ; картины позднѣйшаго времени страдаютъ безжизненностью стиля, особенно тѣ, сюжеты которыхъ взяты изъ мифологіи; но тѣ, которыя изображаютъ сцены изъ дѣйствительной жизни, имѣютъ оригинальную граціозность и нѣжность. Мозаику индійцы съ давняго времени умѣли дѣлать очень хорошую.

Трудъ и промышленность.

Въ увлеченіи духовною жизнью, грезами воображенія и созерцанія, индійцы часто забывали о дѣйствительности; потому не умѣли извлекать себѣ изъ плодородія своей страны столько пользы, какъ народы другихъ плодородныхъ странъ. Всѣ промышленныя занятія были предоставлены вайшьямъ, и ужъ по одному этому считались неблагородными, недостойными брамана или кшатріи. Уставъ Ману порицаетъ земледѣліе въ томъ, что оно «рѣжетъ желѣзнымъ орудіемъ почву и находящихся въ ней животныхъ, а «морской корабельщикъ» считался нечистымъ. Но на-перекоръ всѣмъ усиліямъ брамановъ подавлять презрѣніемъ торговлю и промышленность, реальныя потребности сохраняли свою силу. Разрозненность кастъ, разъединять которыя такъ заботились браманы, была даже выгодна для развитія промышленности. Устраненные отъ участія въ высшей умственной жизни, не развлекаемые политическими стремленіями, вайшьи сосредоточивали всю свою дѣятельность на промышленныхъ занятіяхъ и передавали свои техническія знанія по наслѣдству дѣтямъ, какъ браманы свои богослужебныя знанія и богословскую мудрость, кшатріи свое военное искусство и героическія пѣсни. Занятіе извѣстнымъ ремесломъ было наслѣдственнымъ въ родѣ, переходило отъ поколѣнія къ поколѣнію, совершенствуясь улучшеніями, какимъ научалъ опытъ.

Ремесло было семейною собственностью, было міромъ, въ которомъ ремесленникъ жилъ съ дѣтства; происхожденіе человѣка и профессія его срослись въ одно цѣлое, техническая ловкость стала наслѣдственною. А природа давала множество матеріаловъ для обработки. Потому индійцы рано довели промышленность до высокаго развитія. Особенно сильно поднялась она, когда около царскихъ резиденцій разрослись большіе, великолѣпные города: цари покровительствовали трудолюбію и искусству ремесленниковъ для увеличенія блеска своего двора и роскоши своей жизни. Индійцы изобрѣли искусство превращать желѣзо въ сталь; ихъ мѣдныя, золотыя и серебряныя издѣлія возбуждали удивленіе въ грекахъ. Индійскія хлопчатобумажныя, льняныя, тонкія шерстяныя, вѣроятно и шелковыя ткани дорого цѣнились всѣми народами древняго міра. Ктезій очень хвалитъ алыя одежды, которыя доставлялись персидскимъ царямъ изъ сѣверной Индіи; въ Рамаянѣ жители Айодьи носятъ пестрыя одежды прекрасныхъ цвѣтовъ. Добывали-ль шелкъ сами индійцы или получали его изъ Китая, мы не знаемъ; но во время Александра въ Индіи ужъ были шелковыя одежды. Индійцы были очень искусны въ обработкѣ драгоценныхъ камней.

Не менѣе высокаго развитія достигла индійская сухопутная и морская торговля. Мы ужъ говорили о плаваніяхъ финикійцевъ во время Соломона къ устьямъ Инда, гдѣ покупали они у Абгировъ товары, шедшіе на это побережье изъ глубины Индіи (стр. 235). Но наибольшаго своего процвѣтанія индійская торговля достигла, когда пріобрѣли деспотическую власть цари: они сильно покровительствовали торговлѣ, чтобъ имѣть предметы, надобные для ихъ роскошнаго великолѣпія, для ихъ наслажденій, чтобъ увеличить доходы отъ акцизовъ и таможенныхъ пошлинъ; они помогали расширенію и сухопутной и морской торговли, сооружая торговые дороги, рынки, складочныя мѣста. Индія была въ древности цѣлью торговой предпримчивости почти такой же дѣятельной, какъ въ новое время. Внутренняя торговля въ Индіи не была особенно значительна; ея предметами почти исключительно были рѣдкіе и дорогіе продукты той или другой области; но иноземцы рано стали проѣзжать въ Индію за превосходными произведеніями ея, и удобныя для ихъ факторій мѣстности сдѣлались центромъ всемірной торговли. Національные предрасудки и браманское ученіе удерживали индійцевъ отъ торговыхъ поѣздокъ въ страны нечистыхъ народовъ; и презрѣніе къ иноземцамъ такъ сильно и прочно вкоренилось въ понятія индійцевъ, что они очень рѣдко рѣшались уѣзжать изъ священной арійской страны къ варварамъ; но не запрещали варварамъ пріѣзжать къ нимъ, потому что прибыль отъ торговли съ варварами была очень велика.

Развитіе персидскаго царства и царствъ, основанныхъ македонянами, дало путямъ индійской торговли направленіе въ страны западной Азіи. Торговлѣ съ сѣверомъ и востокомъ не давали развиваться, или

Торговля.

горы, черезъ которыя не было проѣзда, или дикость населенія тѣхъ странъ. Только Кашмиръ посылалъ золото и шерсть въ центральную Азію. А вообще, сухопутная торговля Индіи шла главнымъ образомъ черезъ Кабулистанъ, гдѣ большіе города и горные проходы давали удобство для сношеній съ Персіею, Вавилоніею и греческимъ міромъ. Даже торговля съ Китаемъ шла первоначально черезъ Кабулистанъ и Гиндукушъ. Впослѣдствіи, развитіе китайской культуры создало болѣе удобные пути сношеній черезъ южныя земли. Сухопутную торговлю надобно было вести большими караванами, потому что на трудномъ проѣздѣ черезъ дикіе горные края было много опасностей и отъ хищныхъ звѣрей и отъ хищныхъ варварскихъ племенъ. Товары везлись въ далекія земли вьюками на лошадяхъ, ослахъ, верблюдахъ, слонахъ; къ торговцамъ съ ихъ многочисленною свитою присоединялись всяческіе путники; браманы часто примыкали къ караванамъ, чтобы безопасно пройти черезъ пустыни. — Торговля съ Аравіею, Вавилоніею и Финикіею шла моремъ. Но иноземные купцы посѣщали только пристани западнаго и восточнаго побережій; внутрь страны они не ѣздили. А сами индійцы неизмѣнно сохранили свое предубѣжденіе противъ мореходства; какъ ни велика была выгода отъ поѣздки за море, индѣецъ рѣдко предпринималъ ее. Но въ самой Индіи образовались торговые товарищества съ корпоративными правами, вели обширные обороты, пріобрѣтали большія богатства, нерѣдко возбуждавшія алчность царей и правителей.

Изъ Индіи были вывозимы и продукты природы и произведенія промышленности. Главными торговыми товарами у древнихъ народовъ были, какъ мы ужъ знаемъ, предметы роскоши; никакая страна не производила ихъ столько, какъ Индія. Въ ней были золото, серебро, драгоценные камни, жемчугъ и кораллы, сандалъ и черное дерево; были благовонное масло, благовонныя куренія, кассія, корица; въ ней приготовлялась изъ красныхъ насѣкомыхъ, жившихъ на смолистыхъ деревьяхъ, превосходная краска (кошениль); въ ней выдѣлывались изъ шерсти, хлопка и шелка тонкія ткани, которыми восхищался древній міръ, и названіе которыхъ, «Синдонъ», «индійская ткань», показывало ихъ происхождение; въ ней выдѣлывались дорогіе сосуды изъ олова и другихъ металловъ, и ея разнообразныя животныя доставляли много товаровъ на пользу и удовольствіе, на практическую надобность и на украшеніе.

И вотъ, мы довели до конца обзоръ культуры и жизни въ древнія времена. Отъ патриархальнаго быта, очень похожаго и своею религіею, и нравами, и общественнымъ устройствомъ и домашними добродѣтелями на бытъ нашихъ предковъ, германцевъ, въ дохристіанскія времена, индійскій народъ перешелъ въ періодъ завоеваній и ожесточенныхъ междоусобныхъ войнъ, героическій вѣкъ энергіи и славы, подобный временамъ переселенія германскихъ народовъ, быв-

шимъ, какъ и героическій вѣкъ индійцевъ, почвою, на которой роскошно разросся народный эпосъ въ своемъ первобытномъ видѣ. Но быть можетъ именно этими столѣтіями кровопролитныхъ войнъ была изнурена энергія индійскаго народа и быть можетъ именно они обезсилили воинственную часть націи; быть можетъ, именно эти войны доставили браманамъ владычество надъ другими сословіями, дали религіозной, духовной жизни преобладаніе надъ мірскою, матеріальною, содѣйствовали возникновенію того, что вскорѣ послѣ нихъ видимъ въ новозавоеванной странѣ Ганга и Ямуны. Разслабляющій климатъ этой страны и національная склонность къ созерцательному квіэтизму придали утрированное развитіе спиритуализму, и онъ сдѣлалъ индійцевъ апатичными къ дѣйствительности, къ дѣятельности, къ матеріальному міру и къ исторической жизни; индійцы предались грѣзамъ фантазіи, сбросившей съ себя власть разсудка, наполнили небо, воздухъ и землю безчисленными богами и переселяющимися изъ тѣла въ тѣло душами, въ своемъ увлеченіи поэтическими образами и мифологическими фантазмагоріями, перестали понимать земную жизнь и разнообразіе фактовъ, видоизмѣняющихъ судьбы людей. Въ исключительномъ стремленіи мыслей къ божественному и духовному бытію, которое одно считали они истиннымъ бытіемъ, они презирали природу и удалялись отъ измѣнчивыхъ впечатлѣній внѣшняго міра, скрываясь въ отшельничество. Этимъ облегчали они браманамъ дѣло наложенія оковъ на земную жизнь, на всякую человѣческую дѣятельность; и оковами этими браманы уничтожили всякую свободу, убили въ человѣкѣ всякую жизненную бодрость, изгнали изъ сердца его всякую радость. Игомъ кастъ и содѣйствіемъ развитію мрачнаго деспотизма съ его обременительными налогами, произволомъ и суровостью администраціи браманы превратили землю въ юдоль скорби, и держали душу въ непрерывной тоскѣ пытки ученіемъ объ адскихъ мукахъ и о возрожденіяхъ. Въ сознаніи индійца утратилась всякая связь міра мысли съ дѣйствительностью, и вмѣсто того, чтобы подчинять власти духа царство матеріи, онъ отрекся отъ матеріальнаго міра, предавшись исключительно владычеству духа. Въ этомъ антагонизмѣ, въ этомъ раздвоеніи жизни причина того, что индійскіе аріицы, при всей своей замѣчательной даровитости, при всемъ своемъ высокомъ умственномъ развитіи, имѣли мало вліянія на общій ходъ прогресса человѣческой образованности, что ихъ умственные пріобрѣтенія, отрѣшенные отъ реальной жизни, исказились утрировкой до фантастической чудовищности, погибли въ излишествахъ роскошныхъ фантазмагорій, и что даже ихъ великія созданія въ области науки, языка, поэзіи, промышленности остались почти безъ вліянія на культуру другихъ народовъ. Индійскій народъ, которому предстояло призваніе сдѣлаться основнымъ стволомъ дерева жизни человѣческой культуры и исторіи, рано изсохъ и сталъ безжизненнымъ прутомъ хвороста.

II. ИРАНЦЫ, МИДЯНЕ и ПЕРСЫ.

II. ИРАНЦЫ, МИДЯНЕ И ПЕРСЫ.

Литература предмета. 1) Древние греческие и римские писатели, особенно Геродотъ, Страбонъ, Діодоръ, Арріанъ, Курцій, Николай Дамасскій (въ изданіи К. Миллера *Fragmenta Historicorum Graecorum*, III, стран. 343 слѣд.). 2) Авеста, священныя книги парсовъ, въ нѣмецкомъ переводѣ Клейнера, и особенно нѣмецкій переводъ Вендилада, сдѣланный Шнигелемъ (Leipzig, 1852) и *Commentaire sur le Yasna* par E. Burnouf. Paris, 1833; нѣмецкіе переводы Рота, Гауга и Гюбшмана. 3) Rhode, *Die heilige Sage und das Religionssystem des Zendvolks*; Fr. Spiegel, *Erânische Alterthumskunde*. Leipzig, 1871 — 1878, 3 тома (2-й томъ: *Religion. Geschichte bis zum Tode Alexander's des Grossen*. 1873. Шахнамѣ, Фирдуси, въ извлеченіяхъ, сдѣланныхъ Гёрресомъ и Шакомъ. 4) Книги, на которыя мы уже дѣлали ссылки: Дункеръ (4-й томъ 5-го изданія, 1880), Рётъ, Штуръ, Масперо (и переводъ Пичмана), Гееренъ; Шназе, Юліусъ, Браунъ; Forbiger, *Handbuch der alten geographie*; Ritter, *Erdkunde*; N. Kiepert, *Lehrbuch der alten geographie*. I. 1878; F. Justi, *Geschichte des alten Persiens*. Berlin, 1879 (въ *Sammlung der Allgemeinen geschichte in Einzeldarstellungen*).

1. Иранская страна и ея жители.

Иранъ, въ обширнѣйшемъ смыслѣ этого названія, — окруженная Природа страны. горами терраса, простирающаяся отъ Брагуйскихъ и Соломоновыхъ горъ, отдѣляющихъ ее на востокъ отъ долины Инда, до бассейна Эвфрата и Тигра на западъ, отъ океана и Персидскаго залива на югъ до Каспійскаго моря и степей бассейна Оксуса (Амударьи, Гихона) на сѣверъ; протяженіе этой страны отъ Соломоновыхъ горъ до Эвфрата составляетъ 300 географическихъ миль. Восточныя и сѣверовосточныя области ея перерѣзаны Гиндукушемъ и другими хребтами, доходящими до моря; границу ея на западѣ образуетъ Загръ, а на сѣверо-западѣ она окаймлена отрогами Кавказа. Эта иранская терраса — горная страна, имѣющая въ срединѣ своей котловинныя углубленія, въ которыя стекаютъ рѣчки съ окружающихъ горъ. Вся середина имѣетъ характеръ пустыни, потому что почти всѣ рѣки ея теряются въ песокъ или впадаютъ въ степныя озера. Плодородныя мѣста образуютъ лишь оазисы или полосы въ этой центральной пустынѣ, скудной растительностью и вовсе лишенной деревьевъ. По окраинамъ ея отлого поднимаются степи, тоже пустыни.

ныя; по нимъ разбросаны соляныя озера и скудно растутъ соляныя травы, пригодныя для верблюдовъ и буйволовъ. За этими степями слѣдуютъ полосы хорошихъ пастбищъ, дающихъ обильный кормъ стадамъ овецъ и козъ, табунамъ лошадей; тутъ живутъ въ палаткахъ и пастухи. Горы окраинъ, со всѣхъ сторонъ окружающія, какъ обводъ натуральныхъ стѣнъ, эту пустынную средину, разорваны глубокими ложбинами и подобными корридорамъ проходами, дающими путь для каравановъ; всѣ большіе города Ирана лежатъ у такихъ проходовъ. Спуски горъ къ пустынѣ образуютъ нѣсколько ступеней, болѣе или менѣе широкихъ; каждый этажъ этихъ отлогостей имѣетъ свою особую температуру и свой особый характеръ. Черезъ восточную окраину пролегаетъ лишь одинъ проходъ, плодородная долина рѣки Кабула, окаймленная по боковымъ склонамъ виноградниками и фруктовыми деревьями прекрасныхъ породъ; эта долина—удобный путь сообщенія между Индією и Западною Азією; движеніе каравановъ по ней очень велико; кромѣ одного этого мѣста, восточная окраина террасы опускается стѣною крутаго обрыва и чрезъ нее ведутъ къ пустынной срединѣ лишь немногіе и трудные переходы; этотъ хребетъ подымается до 12.000 футовъ высоты, и вверху образуетъ пустынную, безлѣсную плоскогорья, на сѣверной половинѣ холодныя, на югѣ знойныя и сухія; растительности на нихъ очень мало: между каменными и песчаными пространствами, тамъ встрѣчаются только степныя пастбища и кустарникъ, пригодный на кормъ верблюдамъ. Горы западной окраины образуютъ нѣсколько хребтовъ, идущихъ параллельно между собою въ направленіи съ сѣверозапада на юговостокъ; на нихъ есть обширныя пространства изобильныхъ травую пастбищъ, а между ними множество узкихъ долинъ, довольно богатыхъ водою и по мѣрѣ приближенія къ южному краю дѣлающихся все болѣе красивыми и плодородными. Тутъ, въ области, которую греки называли Персидію, по рѣкамъ, которыя называли они Араксомъ и Киромъ, и которыя нынѣ называются Бендемиромъ и Куромъ, лежатъ прекрасныя долины Ширазъ, «садъ розъ Ирана»: въ этихъ долинахъ жаръ смягчается морскимъ вѣтромъ, и подъ безоблачнымъ небомъ царствуетъ вѣчная весна; миртовые, кипарисовыя, апельсиновыя рощи, сады другихъ превосходныхъ фруктовыхъ деревьевъ чередуются съ роскошными виноградниками и пестрыми цвѣтниками. Сѣверная окраина террасы, идущая по берегу Каспійскаго моря, соединяетъ въ себѣ прелесть южной природы и суровый горный климатъ. Верхняя полоса альбрусскаго хребта, въ которомъ Демавендъ подымается до высоты почти 14.000 футовъ, имѣетъ холодную, снѣжную зиму, на ней бушуетъ морозный сѣверный вѣтеръ, землетрясенія и проливные дожди производятъ тамъ ужасы и опустошенія; а закрытыя отъ сѣвернаго вѣтра долины и обильное водою побережье покрыты роскошною растительностью: тамъ лимонныя, смо-

ковничныя и апельсиновыя рощи перемежаются рисовыми полями и плантаціями сахарнаго тростника, вьется виноградная лоза по высокимъ вязамъ. Но жаркій сырой климатъ производитъ своими мѣзмами лихорадки и другія болѣзни; жители блѣдны и преждевременно состариваются. Горная страна южной окраины, идущая вдоль Персидскаго залива, состоитъ почти вся изъ выжженныхъ солнцемъ крутыхъ высотъ съ каменистыми долинами, и лишь изрѣдка оживляютъ ее группы финиковыхъ пальмъ и другія южныя растенія. Горы подымаются круто, долины глубоки; потому температура рѣзко мѣняется на небольшихъ разстояніяхъ. На высотахъ зимою надобно укрывать виноградную лозу отъ мороза и сносить жилища, а равнины низменнаго пояса знойны, и когда налетаетъ самумъ, воздухъ, наполненный пылью пустыни, становится невыносимо горячъ. Но въ горной полосѣ между низменностью и высотами климатъ здоровъ. Правда, въ періодъ дождей, съ ноября до февраля, тамъ холодъ и бури; но продолжительное лѣто прекрасно и тихо; съ мая до сентября небо безоблачно, воздухъ очень сухъ и чистъ; въ ясной атмосферѣ всѣ очертанія мѣстности до отдаленныхъ горъ обрисовываются чрезвычайно отчетливо и свѣтло; и мерцаніе звѣздъ такъ ярко, что почти замѣняетъ дневной свѣтъ; высокое горное мѣстоположеніе умѣряетъ силу солнечнаго зноя.— Пространство плодородной земли въ Персіи не велико; но въ ней много растеній, дающихъ превосходные плоды. Въ ней даютъ хорошій урожай всѣ европейскія хлѣбныя растенія, въ особенности кукуруза, пшеница и рисъ, европейскіе фрукты, виноградъ; финиковая пальма доставляетъ пастушескимъ племенамъ обильную пищу; хлопокъ, индиго, кунжутъ, розовое масло составляютъ предметы выгодной торговли; тутовое дерево дѣлаетъ возможнымъ шелководство. Скудная растительность песчаныхъ степей кормитъ все таки множество верблюдовъ, лошадей, ословъ, муловъ, а горныя пастбища даютъ кормъ безчисленнымъ стадамъ овецъ. Персія очень богата солью и другими полезными минералами, а въ Персидскомъ заливѣ находятся богатѣйшія ловли жемчужныхъ раковинъ.

Въ этой обширной горной странѣ, образующей растянутый четырехугольникъ, длинныя стороны котораго идутъ по направленію съ востока на западъ, и средину котораго занимаетъ солонцовая и песчаная пустыня, жили со временъ очень глубокой древности племена, называвшія себя, подобно тѣмъ, которыя поселились въ Индіи, аріицами. Они рано раздѣлились на нѣсколько государствъ и съ теченіемъ времени утратили сознаніе общности своего происхожденія. Но еще и греческимъ писателямъ были замѣтны въ нихъ многія черты одинаковости, показывавшія, что первоначально они составляли одинъ народъ. Впрочемъ, только объ осѣдломъ населеніи Ирана мы достоверно знаемъ, что оно было аріискаго происхожденія. Какъ въ долину Евфрата и Тигра, какъ въ долину Инда, такъ и въ Иранъ втор-

Зенденій народъ.

гались племена сѣверныхъ скудныхъ степей. Таковы были нашествія скифовъ и саковъ, а потомъ эфалійскихъ гунновъ и тюрковъ, сильно видоизмѣнявшія прежній составъ иранскаго населенія.

Съ древнѣйшихъ извѣстныхъ намъ временъ, въ западной части Ирана жили мидяне и персы, а въ восточной много разныхъ племенъ, изъ которыхъ чище всѣхъ сохраняли арийскую національность и первобытныя преданія бактрійцы, получившіе поэтому очень большое значеніе въ исторіи иранской культуры. На востокъ Ирана уцѣлѣло первобытное племенное названіе въ имени области Арья; высокій ростъ, стройность тѣлосложенія, благородная манера держать себя, любовь къ поэзіи, сильный умъ восточныхъ иранцевъ тоже свидѣлствуютъ, что они потомки даровитаго арийскаго племени, родственники индійцевъ.

Страны восточнаго Ирана (Аріаны).

Страны между Индіею и Персіею, отъ Арабскаго моря до Паропамиза (Гиндукуша), — нынѣшніе Белуджистанъ и Афганистанъ — и за Паропамизомъ до береговъ Каспійскаго моря были во времена Дарія областями персидскаго царства, но стали доступны и извѣстны европейцамъ только чрезъ покореніе ихъ Александромъ Великимъ, который основалъ во всѣхъ этихъ земляхъ города и давалъ имъ свое имя („Александрія“). Области этой половины Ирана, *Аріаны*, перечисляемыя греческими писателями, были болѣею частью горныя страны и песчаныя пустыни; но и черезъ пустыни ходили караваны. Области восточнаго Ирана были, по извѣстіямъ грековъ:

1. Гедрозія.

1) *Гедрозія*, та знаменитая пустыня, черезъ которую войско Александра шло такимъ труднымъ путемъ при возвратѣ изъ Индіи, перерѣзываемая нѣсколькими цѣпями горъ, неплодная страна, скудная водою, выжженная солнцемъ, покрытая горячимъ пескомъ, образующимъ мѣстами высокіе холмы. Единственною растительностію въ ней были изрѣдка встрѣчавшіяся финиковыя пальмы и колючія травы, нездоровыя для скота. Колодези отстояли одинъ отъ другаго на 200, даже на 600 стадій. Рѣки лѣтомъ высыхаютъ или теряются въ песокъ; а во время дождей превращаются въ огромные потоки, стремительно текущіе въ море. Тѣ долины, которыя лежатъ высоко въ горахъ, далеко отъ прибрежья, имѣютъ достаточно воды и хорошо воздѣланы; въ нихъ были довольно большіе города, напримѣръ, Пура (индійское слово, значащее: «городъ») и Парсида. Населеніе дѣлилось на племена, имѣвшія своихъ особыхъ царей; у Страбона упоминаются: *арбіи* (арбиты) и *оріи* (ориты), независимыя племена, индійскаго происхожденія; по морскому берегу, скудному, не имѣющему деревьевъ, жили *ихтиофаги*, «рыбоѣды»; вода для питья у нихъ была только дождевая или колодезная. Свои жилища строятъ они обыкновенно изъ костей большихъ рыбъ и изъ раковинъ, — рассказываетъ о нихъ Страбонъ: на перекладыни употребляютъ ребра, а на раму для двери — челюсть. Спинные позвонки служатъ имъ ступами, въ которыхъ они толкутъ высушенную рыбу; изъ этой муки съ небольшою примѣсью хлѣбной муки пекутъ они хлѣбъ. Рыболовныя сѣти себѣ они дѣлаютъ изъ пальмовой коры; оружіе у нихъ — обожженные съ заостреннаго конца деревянныя дротики; одежда у нихъ дѣлается изъ рыбьей кожи или звѣриныхъ шкуръ. Тѣхъ немногихъ домашнихъ животныхъ, какія есть у нихъ, они кормятъ тоже рыбою, такъ что и мясо отзывается рыбой. На берегу были два города оріицевъ, Рамбанія и Малана; оба стояли въ прелестныхъ мѣстоположеніяхъ. Кромѣ этихъ двухъ городовъ, на берегу были только рыбацкія деревни. — 2) На западъ отъ Гедрозіи, въ нѣсколькихъ областяхъ Керманъ, Ларистанъ и Моистанъ, жили по южному склону горъ и по берегу *Караманы*, земледѣльскій народъ. По рассказамъ

2. Караманія.

греческихъ писателей, ихъ страна, кромѣ сѣверной части, граничившей съ великою солонцовою и каменною пустынею, изобиловала хлѣбомъ и виномъ, металлами, солью, дикими ослами, охотничьими собаками, знойное побережье — финиковыми пальмами. Жители были воинственны; своими обычаями они очень походили на персовъ и мидянъ. По словамъ Страбона, караманецъ не могъ жениться, пока не принесетъ царю отрѣзанную голову непріятеля. Столицею страны была Кармана (нынѣшній Кирманъ), богатый, роскошный городъ. Маленькій, необитаемый островъ Ормузь, по имени котораго дано названіе Ормузскому проливу, находится у берега Караманіи. —

3) На сѣверъ отъ Гедрозіи, въ нынѣшнемъ Сейстанѣ, находилась *Дрангіана*; степныя 3. Дрангіана. рѣчки, текуція съ сѣвернаго и восточнаго склона хребта, образуютъ здѣсь большое озеро, которое греки называли Арія; вода его охраняетъ окрестность отъ наносовъ раскаленнаго песка пустыни. Главная изъ этихъ рѣкъ — *Эримантъ* (Гильмендъ), текущая съ Паропамиза. Въ плодородной долинѣ ея жили *Саранги* или Заранги, воинственный конный народъ. На ихъ языкѣ, ихъ имя произносилось «Заранка»; отъ другой формы того же имени «Даранка», греки произвели свое названіе ихъ страны «Дрангіана». Геродотъ говоритъ, что они были въ войскѣ Ксеркса и отличались отъ другихъ отрядовъ своими пестрыми плащами и высокими сапогами, доходившими до коленъ; что оружіемъ ихъ были лукъ и дротикъ, такіе же, какъ у лидянъ. Въ южной части Дрангіаны, на границѣ Гедрозіи, жили племя Саранговъ, *аріасы*, отличавшіеся хорошими нравами и законами; образъ правленія у нихъ былъ республиканскій. Греки называли ихъ эвергетами (благодѣтелями). О происхожденіи этого названія Діодоръ рассказываетъ (XVII, 18): «На одномъ изъ своихъ походовъ Киръ попалъ въ самое бѣдственное положеніе, зашедши въ пустыню, гдѣ не было ничего пригоднаго для пищи. Голодъ принудилъ его воиновъ пожирать другъ друга. Въ это время аріасы привезли ему 30.000 возовъ съѣстныхъ припасовъ. Въ благодарность за неожиданное спасеніе онъ далъ имъ свободу отъ дани и другія права и замѣнилъ прежнее ихъ имя названіемъ благодѣтелей». Александръ тоже выказалъ благорасположеніе къ нимъ. — Ихъ имя «аріасы» родственно санскритскому слову «арьяса», «конные арийцы». — Близъ арийскаго озера отвѣсныя скалы береговъ Гиндменда раздвигаются и долина рѣки образуетъ плодородную, прекрасную равнину, на которой еще видны развалины нѣсколькихъ очень большихъ городовъ, остатки каналовъ «водопроводовъ» (Дройзенъ). На западъ отъ Саранговъ, въ степяхъ, отдаленныхъ отъ ихъ земли широкою пустынею, кочевали *Саарты*, конное воинственное пастушеское племя персидскаго или мидійскаго происхожденія. Оружіемъ ихъ были только кинжалъ и плетенный изъ ремней арканъ, на который больше всего и надѣлились они въ битвѣ. — При встрѣчѣ съ непріятелемъ, они, — рассказываетъ Геродотъ, «бросаютъ на враговъ свои веревки, у которыхъ на концѣ петля; и на кого онъ накинеть веревку, — на лошадь ли, на человѣка ли, онъ тянетъ къ себѣ, и, лошадь или человека, умираетъ въ петлѣ». — 4) Самою восточною областю персидскаго царства была *Арахозія* (Севестанъ, Кандагаръ и югозападный Кабулистанъ), плодородная, густонаселенная страна, въ которой течетъ рѣка Арахотъ, какъ называли ее греки (Ургундабъ или Лора); жители раздѣлялись на нѣсколько племенъ; быть можетъ, однимъ изъ нихъ были *пактіи*, о которыхъ упоминаетъ Геродотъ, говоря, что лукъ и кинжалъ имѣли у нихъ особенныя формы, и что они носили мѣховую одежду особеннаго покроя. Афганцы на югѣ долины рѣки Кабула, называющіе себя пахтанами или пахтунами, носятъ и теперь овчинныя шубы. Столицею арахотскаго племени былъ древній городъ *Кофенъ*, построеніе котораго преданіе приписываетъ Семирамидѣ. При селевкидахъ стала блестящимъ городомъ греческая колонія Александрія Арахотская, нынѣшній Кандагаръ. — 5) Свободные народы, жившіе на южномъ склонѣ Паропамиза (въ Пешаурѣ, въ Кабулѣ и другихъ областяхъ той страны) и называемые у грековъ общимъ именемъ паропамизцевъ (паропамизадовъ), принадлежали, кажется, къ арахотскому племени. Они оставались независимы до Александра: онъ первый покорилъ ихъ. За исключеніемъ нѣсколькихъ плодородныхъ долинъ и равнинъ, ихъ земля была суровая горная страна, въ продолженіе большей части года покрытая снѣгомъ. Черезъ нее пролегали главные

4. Арахозія.

5. Паропамизцы.

пути военных вторжений из Персии в Индию. Эти простодушные горцы, столицей которых был большой город *Ортоспанъ* или *Карура* (нынешний Кабуль), были так испуганы появлением войска Александра, что привозили ему все свои запасы. Тут жили племена гандаровъ, индийцы; они давно были покорены племенами, пришедшими с запада, и вскоре по основании персидского царства стали подвластны ему.

6. Ария.

6) Плодородная, изобильная виномъ, золотомъ и драгоценными камнями горная страна *Ария* (Седжестанъ и южный Хорасанъ), по имени которой назывался Ариею и весь восточный Иранъ, была населена несколькими племенами; она имела довольно большие города. Древняя столица ее, *Артакоана*, лежала на рѣкѣ Ариѣ; в македонское время главнымъ городомъ этой страны была *Александрия Арийская* (Гератъ). Артакоана пришла тогда в упадокъ; быть можетъ, ее жители переселились в основанную македонянами Александрию. — Къ сѣверу отсюда, в степяхъ Оксуса, гдѣ рѣки Арий (Герирудъ) и Маргъ (Мургабъ) теряются в пескахъ пустыни, начинается безплодная почва. На высотахъ надъ долинами рѣкъ жили тутъ в палаткахъ кочевыя племена. — *Пароия*, или, правильнѣе, *Партия* (*Parthia*), бѣдная, не очень большая страна, частью гористая, съ суровымъ климатомъ, частью песчаная и безводная, имѣла очень мало плодородныхъ долинъ. Она занимала югозападную часть нынѣшняго Хорасана, почти весь Кугистанъ и часть великой солонцоватой пустыни. Подъ владычествомъ персовъ она обыкновенно была соединена съ Гирканиею. В 256 году до Р. Х. она стала родиной *Пароянскаго царства*. Важнѣйшими городами Пароия были: *Гекатомпиль*, во время пароянскаго царства сдѣлавшійся большимъ торговымъ городомъ, в которомъ сходились все дороги черезъ эту область, Таги, Агамея, Рагана и горная крѣпость Дарей.

7. Пароия.

С ѣверовостока Ирана. На сѣверъ отъ Гиндукуша, съ высотъ котораго бѣжитъ множество потоковъ, и по берегамъ ихъ стелятся хорошія пастбища для лошадей и овецъ, идетъ до береговъ Каспійскаго моря горная страна, образующая верхнюю часть бассейна Оксуса. Мѣстами есть въ ней степи и пески; но вообще она плодородна, хороша и для скотоводства, и для земледѣлія, и для разведенія садовъ. Щедрая природа дала этимъ областямъ изобильную растительность, живописность, здоровый укрѣпляющій энергію климатъ; въ нихъ удобно могла рано возникнуть и высоко развиться культура. Развалины большихъ городовъ, остатки оросительныхъ каналовъ, встречающіеся и въ такихъ мѣстахъ, гдѣ нынѣ песчаная пустыня, свидѣлствуютъ о прежнемъ богатствѣ и густомъ населеніи этихъ государствъ.

1. Бактрия.

1) *Бактрия* (Балхъ) съ трехъ сторонъ окружена горами, нѣдра которыхъ таятъ въ себѣ рубины и другіе драгоценные камни. Описаніе этой страны у Курція вполнѣ согласно съ рассказами нынѣшнихъ путешественниковъ. «Природа Бактрии разнообразна», говоритъ онъ: «въ однихъ мѣстностяхъ ее растутъ большіе лѣса, въ другихъ виноградная лоза даетъ обильные и сладкіе плоды, многочисленные ручьи орошаютъ плодородную почву. Гдѣ земля хороша, тамъ сѣютъ хлѣбъ; неплодородная служитъ пастбищемъ для стадъ. Но значительная часть страны — песчаная пустыня, сухая почва которой не производитъ ничего, могущаго служить пищею людямъ; а когда дуетъ вѣтеръ съ Каспійскаго моря, онъ насыпаетъ изъ песка равнины высокіе холмы, такъ что исчезаетъ всякій слѣдъ дороги, и путники, какъ мореплаватели, в ночное время направляютъ свой путь по звѣздамъ. Иногда песокъ и совершенно засыпаетъ ихъ. Но гдѣ почва недурна, она даетъ пищу множеству людей и лошадей. Бактрия могла выводить въ поле 30.000 конныхъ воиновъ. По описанію Геродота, бактрійцы въ войскѣ Ксеркса имѣли индійскій шлемъ, тростниковый лукъ и короткое копье. Знаменитые храбростью и искусствомъ въ верховой ѣздѣ, они не менѣе славились древностью своей культуры. По словамъ Діодора, ихъ страна, малодоступная нападеніямъ, имѣла много воиновъ. Вѣроученіе Зороастра считалось возникшимъ въ Бактрии; потому въ священныя книги этой религіи столица Бактрии, городъ Бахди (*Bakhdhi*), называется «счастливымъ Бахди съ высокимъ зна-

менемъ». В исторіи Азии, начиная съ баснословныхъ временъ Семирамиды, бактрійцы всегда занимали важное мѣсто. В македонское время они, подъ властью царей греческой національности, приняли греческій языкъ и греческую культуру. Ихъ столица, *Бактра* (Балхъ) стояла на одномъ изъ притоковъ Оксуса; развалины ее, покрывающія пространство, окружающее котораго составляетъ 20 англійскихъ миль, показываютъ, что это былъ огромный, богатый городъ. Бури, пронесшіяся въ теченіе вѣковъ надъ Бактрией, превратили ее въ незначительный городъ; но еще въ средніе вѣка Балхъ былъ великолѣпенъ. На югъ отъ него, рѣка Дегасъ, на которой стоитъ онъ, прорвавшись съвозъ ущелье, достигаетъ равнины. Тутъ она проведена 18 каналами по городу и по заботливо воздѣлываемымъ полямъ. Ни однимъ изъ каналовъ вода не доходитъ до Оксуса; но до половины разстоянія Балха отъ Оксуса подъ почвою сочится вода, какъ свидѣлствуютъ новѣйшіе путешественники. «Вездѣ, куда проникаютъ эти каналы, растительность роскошна», говоритъ Риттеръ: «мѣстность имѣетъ легкій склонъ, чрезвычайно благоприятствующій орошенію, а почва необыкновенно плодородна; и очень изобильная производительность ее давала этому краю возможность имѣть густое населеніе». Но въ пяти или шести миляхъ ниже города ужь начинается пустыня. 2) *Согдіана* (Бухара и часть Туркестана), горная страна между Оксусомъ и Яксартомъ, лежала ужь ни въ границъ Ирана въ строгомъ смыслѣ слова. Къ ней принадлежала плодородная долина Политимета (Согдіанской рѣки; Зарафшана), теряющагося въ пескахъ. На Политиметѣ, въ очаровательной мѣстности, была построена столица Согдіаны, *Мараканда* (Самаркандъ), городъ, нѣкогда имѣвшій, какъ говорятъ, 70 стадій въ окружности. Жители Согдіаны иранскаго племени, и мало отличались обычаями отъ бактрійцевъ, но были, по словамъ грековъ, народъ грубыхъ нравовъ. — В низовьяхъ Оксуса живутъ теперь Хоразмійцы; названіе ихъ страны арийское (староперсидское *Гуравазми*, *Hugawazmi*, «низменность»); но сами они вѣроятно туранцы. В древности, тутъ жилъ конный народъ, царь котораго лишь временами признавалъ власть персидскаго царя. — 3) *Маргіана*, страна, окруженная горами и песчаными пустынями, лежала по *Маргу* (Мургабу), одному изъ притоковъ Оксуса (это нынѣшнія туркменскія земли по лѣвому берегу Аму-Дарьи, сѣверо-западный уголъ Балха и сѣверная окраина Хорасана). Малозвѣстная рѣка *Оксусъ* (Теджентъ), впадавшая, по однимъ извѣстіямъ, въ Оксусъ, по другимъ непосредственно въ Каспійское море, отдѣляла Маргіану отъ Бактрии и Гиркании. Позднѣе, на Маргѣ, въ прекрасной и плодородной мѣстности, была построена греческая столица этой земли, Антиохія Маргіанская. Вода рѣки была разведена тутъ по множеству каналовъ. Строитель этого города, Антиохъ, оградилъ всю плодородную часть Маргіаны отъ нападеній соседнихъ варварскихъ племенъ стѣною, имѣвшею, какъ говорятъ, 1500 стадій длины. На сѣверѣ разстилаются обширныя степи, по которымъ текутъ Оксусъ и Яксартъ, не оплодотворя ихъ. Страбонъ говоритъ, что по Оксусу возили въ Каспійское море много индійскихъ товаровъ. — 4) *Гирканиа*, юго-восточный берегъ Каспійскаго моря, горная страна; только самое побережье образуетъ длинную, не широкую долину. Горы, по описанію Страбона, были покрыты густыми дубовыми и еловыми лѣсами; одинъ кустъ винограда давалъ пять ведеръ вина, одна смоковница давала шестьдесятъ медимновъ (пятнадцать четвертей) смолы; въ лѣсахъ было столько роевъ пчелъ, что съ листьевъ деревьевъ капалъ медъ; почва была такъ плодородна, что изъ зеренъ, упавшихъ на землю при жатвѣ, вырастала сама собою новая жатва. На нѣкоторыхъ изъ прибрежныхъ острововъ было золото. — Масса населенія въ этихъ сѣверовосточныхъ областяхъ была иранскаго племени; это были люди, искусные въ верховой ѣздѣ и стрѣльбѣ изъ лука. По степямъ кочевали и скифскія племена.

2. Согдіана.

3. Маргіана.

4. Гирканиа.

Восточно-иранскія земли, границей которыхъ была линія, шедшая отъ Восточные и Каспійскихъ воротъ до Кармана, были населены племенами, имѣвшими, западные иранцы, какъ мы говорили, одинаковые нравы и образъ жизни, одинаковую одежду, одинаковое вооруженіе; и главную массу этихъ племенъ составляли бактрійцы. По языку, культурѣ, религіознымъ понятіямъ они были ближе

къ индійцамъ, чѣмъ племена западнаго Ирана, *мидяне* и *персы*. Восточные и западные иранцы были одного происхожденія, но между ними была разница, подобная разницѣ между арийцами страны Ганга и арийцами бассейна Инда. Бактрійцы и окружавшія ихъ иранскія племена, отдѣленные отъ западныхъ иранцевъ пустынею, имѣли болѣе близкія сношенія съ Индіею; въ первые вѣка по переселеніи, когда чувство племеннаго единства съ индійцами было еще живо въ нихъ, они дѣлали, быть можетъ, заимствованія изъ культуры, развивавшейся у арийцевъ на Индѣ; и во всякомъ случаѣ, ихъ развитіе шло въ томъ же направленіи. А мидяне и персы, будучи сосѣдями культурныхъ народовъ запада, ассирийцевъ и вавилонянъ, вѣроятно подчинялись вліянію ихъ образованности, но мѣръ того какъ отдаленность и оторванность отъ восточной родины ослабляла въ нихъ древнія воспоминанія, національные нравы и понятія. Но это вліяніе было не такъ сильно, чтобы сгладить черты родства и национальной одинаковости. Языкъ западныхъ и восточныхъ иранцевъ оставался одинъ и тотъ же. Древніе персы заимствовали отъ западныхъ сосѣдовъ клинообразный алфавитъ, которымъ написаны всѣ многочисленные староперсидскія надписи, заимствовали отъ нихъ много словъ; а зендскій языкъ, принадлежащій бактрійцамъ, остался болѣе близкимъ къ санскритскому, и до послѣднихъ столѣтій передъ нашею эрою восточные иранцы сохраняли свой особенный алфавитъ; но разница по языку между западными и восточными иранцами была лишь разницею нарѣчій; языкъ тѣхъ и другихъ оставался одинъ и тотъ же.

Первобытная родина иранцевъ, Бактрія. Туземные источники для исторіи древнихъ временъ Ирана очень скудны: это лишь темныя свидѣтельства Авесты, Ахеменидскія клинообразныя надписи, и преданія, сохранившіяся въ Шахъ-Намѣ Фирдуси; извѣстія позднѣйшихъ греческихъ и римскихъ писателей о давнихъ временахъ недостоверны. Потому придавать нашимъ понятіямъ о первобытной исторіи Ирана характеръ несомнѣнной исторической истины было бы дѣло слишкомъ смѣлое. Но всѣ историческіе матеріалы и всѣ соображенія вѣроятности ведутъ, кажется, къ тому заключенію, что первоначальною родиною всѣхъ мидійско-персидскихъ племенъ, и бактровъ и персовъ, была восточная часть Ирана; что мидяне и персы лишь впослѣдствіи времени перешли оттуда черезъ пустыню въ западную горную часть его; что въ культурномъ государствѣ, которое они основали тамъ, къ индогерманской національности были примѣшаны семитическіе элементы; но что въ немъ сохранили прочное преобладаніе тѣ религіозныя понятія, которыя принесли они съ востока, и которымъ послѣ далъ опредѣленныя формы Заратустра (Zarathustra, Зороастръ) въ своей Авестѣ. Восточная часть Ирана, и главнымъ образомъ Бактрія, издавна ставшая культурною страной, о высокой образованности которой въ древности еще свидѣлствуютъ уцѣлѣвшія развалины, была отчизною дуалистической религіи, богооткровенною книгою которой считалась Авеста; потому Бактрія была для всѣхъ иранцевъ общею священою родиною, какъ для индійскихъ арийцевъ страна по берегамъ Сарасвати и Пяти Рѣкамъ. Въ Бактріи имѣла самую твердую опору себѣ

древняя персидская національность и религія; въ Бактрію бѣжалъ отъ Александра Дарій, унося съ собою священный огонь; и только въ Бактріи встрѣтилъ твердое сопротивленіе себѣ Александръ; въ восточномъ Иранѣ, въ Кабулѣ и Газнѣ сохранялись еще и подъ владычествомъ ислама староперсидскія сказанія въ воспоминаніи народа, быть можетъ и въ письменности, въ лѣтописяхъ; благодаря этому, новоперсидскій поэтъ Фирдуси, происходившій изъ древней Аріи, имѣлъ матеріалы, чтобы прославить битвы героевъ Бактры и Седжестана, и вѣру язычниковъ предковъ величественною эпопеею, написанною на языкѣ, почти чистомъ отъ примѣси арабскихъ словъ. Сама Авеста, въ первой пѣснѣ Вендидада, ясно называетъ восточныя земли, въ частности богатую лошадьми Бактріану и Согдіану, родиною первыхъ людей, выжимавшихъ въ жертвоприношеніе богамъ сокъ Гаомы (Naoma;—тоже, что Сомы индійцевъ); тамъ образовалось большое государство, которымъ правили благочестивые цари, называвшіеся кавами (kava); и ясно, что при описаніи Сада Джимы, зендскаго земнаго рая, во второй пѣснѣ Вендидада, воображенію святаго поэта рисовалась одна изъ тѣхъ долинъ Кабулистана, куда природа какъ будто собрала въ роскошномъ изобиліи красоту и плодородіе, отнятыя ею у степей и пустынь. Въ сбивчивыхъ извѣстіяхъ западныхъ писателей тоже сохранилось преданіе, что въ глубокой древности существовало въ Бактріи большое царство: они говорятъ, что ассирійскій царь Нинъ—время котораго относится къ XIII вѣку до Р. Х. — завоевалъ бактрійское царство, послѣ сильныхъ битвъ съ его храбрыми жителями, хорошими конными воинами, и его храбрымъ царемъ.

Священное сказаніе Вендидада говоритъ: Въ началѣ сотворилъ Агура-Мазда (Ahura-Mazda; Ормуздъ) Аирьяна-ванью (Airjana-vanja), мѣсто радости (на иранской террасѣ, въ области истоковъ Оксуса и Яксарта). Но Ангромаиньюсъ (Angro-Mainyu, Ариманъ) и дэвы сдѣлали такъ, что зима заняла тамъ десять мѣсяцевъ, а для лѣта осталось только два мѣсяца, и холодъ проникъ въ сердце земли; тогда царь Джима (Джемшидъ), достопамятный сынъ Вивангвата, перваго, принесшаго богамъ жертву гаомы, пошелъ съ своимъ народомъ на югъ, въ болѣе теплыя и плодородныя мѣста, которыя сотворялъ одно послѣ другаго Агурамазда; шестнадцать изъ этихъ мѣстъ названы по именамъ въ Вендидадѣ; въ числѣ ихъ находятся Согдіана, Маргіана, Бактрія, Арія, Арахозія. Джима обѣщалъ Агурамаздѣ расширять его міры, воздѣлывать ихъ, и повиноваться ему, какъ покровителю, питателю и блюстителю міровъ; и за это получилъ побѣдоносное оружіе, золотое копьѣ и золотое жало. Онъ приобрѣлъ себѣ триста областей, потому еще триста и еще триста; и земля была при немъ полна домашняго скота, людей, собакъ, птицъ и красныхъ горящихъ огней. Но когда люди и животныя такъ размножились, что ужъ не было мѣста для нихъ, Джима пошелъ дальше до звѣздъ, на югъ, къ пути солнца, разщелялъ землю своимъ золотымъ копьемъ, вонзалъ въ нее свое золотое жало, и раздвигалъ ее своею молитвою, такъ что она увеличилась на три трети, и при этомъ велъ людей и животныхъ за собою. И онъ собралъ самыхъ лучшихъ людей и добрыхъ боговъ. Но зложелатель (Ангромаиньюсъ) испортилъ міръ бѣдствіями зимы, снѣгомъ и наводненіями. Потому Агурамазда повелѣлъ Джимѣ

Садъ Джимы.

построить ограду или развести садъ (вару, вага), длиною въ конское ристалище по всемъ четыремъ сторонамъ, и сказалъ: «Туда собери сѣмя скота, людей, собакъ, птицъ и красныхъ горящихъ огней. Потому сдѣлай эту ограду, длиною въ конское ристалище по всемъ четыремъ сторонамъ для жилища людямъ и дающимъ молоко коровамъ. Тамъ собери воду. Тамъ посели птицъ въ вѣчно золотоецвѣтномъ мѣстѣ, пища котораго никогда не оскудѣваетъ. Тамъ построй жилища, этажи, столбы, дворы и ограды. Туда собери сѣмя всехъ самыхъ большихъ, самыхъ хорошихъ и красивыхъ мужчинъ и женщинъ на этой землѣ. Туда собери сѣмя всехъ породъ самаго большаго, самаго хорошаго и красиваго скота на этой землѣ. Туда собери сѣмя всехъ породъ самыхъ высокихъ и благоухающихъ деревьевъ на этой землѣ. Туда собери сѣмя всякой самой сладкой и благоухающей пищи на этой землѣ. Все это собери по-парно, чтобъ родъ ихъ никогда не изсякъ. Пусть не будетъ тамъ ни ссоры, ни досады. Ни нерасположенія, ни вражды. Ни попрошайничества, ни обмана. Ни бѣдности, ни болѣзни. Ни слишкомъ ощеренныхъ зубовъ. Никакой формы, превосходящей соразмѣрность тѣла. Никакой другой изъ тѣхъ примѣтъ, которыя Ангромаиньюсъ кладетъ на людяхъ. Вверху того мѣста сдѣлай девять мостовъ, посрединѣ шесть, внизу три моста. На верхніе мосты собери сѣмя тысячи мужчинъ и женщинъ; на средніе—шестисотъ, на нижніе—трехсотъ. Кругомъ этой ограды сдѣлай высокія ворота и окно, которое свѣтило бы внутрь». И Джима давилъ землю пятнами и ударилъ по ней руками, и сдѣлалъ ограду, какъ было повелѣно ему. Въ основѣ этого сказанія очевидно лежитъ воспоминаніе о переселеніи изъ сѣверовосточнаго края на югозападъ, въ Иранъ. вмѣстѣ съ переселеніемъ становилась обширнѣе страна земледѣлія, религіи, цивилизаціи, человѣческаго счастья, потому что въ оградахъ, сдѣланныхъ Джимой, люди вели прекраснѣйшую жизнь. Въ царствованіе Джимы животныя не умирали; не было недостатка въ водѣ, фруктовыхъ деревьяхъ и пчеловодныхъ тваряхъ. Не было въ блестящее его правленіе ни мороза, ни зноя, ни смерти, ни необузданныхъ страстей, производимыхъ дѣвами. Люди казались «пятнадцатилѣтними», то есть, оставались вѣчно-юны.

Староиранская
религія.

У восточно-иранскихъ племенъ, группировавшихся около бактрійцевъ, сохранялись въ древнѣйшія времена многія, впоследствии сгладившіяся или измѣнившіяся черты первобытнаго родства съ аріійскими индійцами. Высшимъ богомъ былъ у нихъ подобный Индрѣ богъ свѣта и солнца Митра (Mithra); онъ «былъ «Веретрагна» (Verethraghna), «убивающій тучеваго змѣя» и очищающій воздухъ вѣтромъ. Индійскому Ямѣ, богу умершихъ, царство котораго древнѣйшіе индійцы представляли себѣ не въ ужасающемъ видѣ, а свѣтлымъ міромъ радости, наслажденія, счастья, соотвѣтствуетъ Джима, счастливый царь, въ правленіе котораго не было ни смерти, ни болѣзни, а по позднѣйшимъ понятіямъ—царь блаженныхъ умершихъ, живущихъ у него на святой горѣ. Тритъ (Thrita), который по гимнамъ Ведъ убилъ триглаваго и семихвостаго дракона, и освободилъ коровъ, соотвѣтствуетъ въ иранскихъ сказаніяхъ Трѣтаона (Thraetaona), побѣдившій змѣя Дагаку (Dahaka). Гаома (Haoma), какъ индійская сома — имя растенія, изъ котораго съ религіозными обрядами выжимаютъ сокъ и пьютъ его; и съ тѣмъ вмѣстѣ, это богъ, дающій почитателямъ своимъ силу, побѣду надъ врагами, здоровье тѣлу ихъ и вѣчную жизнь душѣ. Подобно индійцамъ, иранцы принимались въ члены своей племенной и религіозной

общины возложеніемъ священнаго опоясанія. Религіозныя понятія иранцевъ въ древнѣйшія времена были, по всей вѣроятности, одинаковы съ индійскими. Впослѣдствіи времени, индійскіе «дэвы», какъ мы ужъ говорили, стали у иранцевъ злыми духами; Индра и Шива превратились въ боговъ ада, Агру (Agra) и Шорву (Sorva). Но точно также, какъ индійцы временъ Ведъ, иранцы въ древнѣйшія времена чтили боговъ свѣта, огня и яснаго неба, которые тоже вели побѣдоносную борьбу съ враждебными силами природы, засухи и безплодія земли. Восточно-иранскія пастушескія племена, подобно аріійцамъ на Индѣ, чтили, какъ божества, солнце, уничтожающее зимній холодъ и снѣгъ на горахъ, чтили утреннюю зорю, прогоняющую мракъ ночи, чтили огонь, земной отблескъ свѣта небеснаго, стремленіемъ пламени своего къ небу изображающій влеченіе человѣческой души къ вѣчному источнику свѣта; и точно также страшились они, какъ враждебныхъ демоновъ, ужасовъ пустыни, въ которой живутъ духи ночи и разрушенія. Но подъ свѣтлымъ небомъ Индіи, въ правильномъ ходѣ годовыхъ перемѣнъ ея мягкаго климата, природа выказывалась только съ благотворной своей стороны; потому у индійскихъ аріійцевъ развилась идея о единомъ, благомъ и святомъ первобытномъ божествѣ, отъ котораго происходитъ все, которымъ все охраняется; а въ Иранѣ, странѣ очень рѣзкихъ противоположностей климата и очень крутыхъ перемѣнъ погоды, развился дуализмъ, религія, признающая и злыхъ боговъ, могущество и благотворныхъ силъ свѣта и враждебныхъ силъ мрака;—это возрѣніе на природу олицетворившее въ своихъ божествахъ противоположныя силы ея, а послѣ перенесенное и на нравственный міръ, стало центральной идеею иранской религіи. Въ восточныхъ областяхъ Ирана, гдѣ растительность нивъ и луговъ постоянно находилась въ опасности быть засыпанной пескомъ бурь изъ пустыни, гдѣ созданія человѣческихъ рукъ часто были уничтожаемы дикою силою стихій и землетрясенія, снѣжныя вьюги, наводненія грозили гибелью плодамъ тяжкихъ трудовъ, человѣку естественно было понять, что силы природы имѣютъ на человѣческую жизнь и обстановку ея противоположныя одни другимъ дѣйствія; изъ этого произошло вѣрованіе, что существуютъ два божества, одинаково могущественныя и находящіяся въ вѣчной борьбѣ между собою, и побѣда одного изъ нихъ даетъ урожай нивъ, винограднику и саду, здоровье скоту, побѣда другаго гибель имъ. Жизнь иранца шла въ раздвоеніи между страхомъ и надеждою, тоскою опасенія и бодрою радостью; и его религіозныя понятія обусловились постоянною смѣною въ немъ этихъ ощущеній. Въ Туранѣ, холодной и туманной сѣверной странѣ, гдѣ прекращается жизнь, откуда несутся бури и снѣжныя вьюги пустыни, откуда хищныя кочевыя племена вторгались опустошительными набѣгами въ трудолюбиво воздѣланную землю иранскихъ аріійцевъ, и на запа-

дѣ, гдѣ исчезаетъ солнце, откуда летѣлъ песокъ, заносившій плодородныя долины Бактріи и Согдіаны, владычествуютъ въ пещерахъ и ущельяхъ злые духи, дэвы (daeua) и друджи (drudscha), постоянно старающіеся навести гибельныя чары на людей, тамъ страна мрака, ночи, смерти. А въ иранскомъ царствѣ, на востокѣ, въ древнемъ отечествѣ арійцевъ, откуда появляется богъ солнца Митра, откуда текутъ плодотворныя рѣки, тамъ живутъ благія божества свѣта, къ сіяющимъ обителямъ которыхъ «на горѣ высоты» ведетъ мостъ блаженныхъ. Царство добрыхъ и царство злыхъ боговъ разъединены на вѣки; непосредственной борьбы между ними нѣтъ; но и то и другое стремится властвовать надъ землею, надъ людьми, — овладѣть душою человѣка. Отъ духовъ свѣта происходитъ все доброе и полезное въ мірѣ, — все содѣйствующее плодородію земли, успѣху работы. А темная сторона жизни, все дурное и вредное, все, отнимающее у человѣческой дѣятельности плоды ея — созданіе злыхъ божествъ.

2. Зороастръ и Авеста.

1) Происхождение и судьба Авесты.

Зороастрова
реформа.

Дуалистическія представленія, составлявшія религію иранскаго народа, были приведены въ систему древнимъ мудрецомъ Заратустрою (Zarathustra) или Зердуштомъ, котораго греческіе и римскіе писатели обыкновенно называютъ Зороастромъ; систематизуя, онъ съ тѣмъ вмѣстѣ и видоизмѣнилъ древнія понятія; его поэтическо-философское вѣроученіе сблизило божества съ человѣчествомъ, придавъ этимъ олицетвореніямъ силъ природы нравственныя качества. Онъ внесъ опредѣленность въ понятія объ отношеніяхъ между божествами, подчинивъ ихъ двумъ верховнымъ богамъ: одну группу ихъ одному, другую другому; главнаго бога добрыхъ божествъ онъ называлъ Агура-Маздою (Ahura-Mazda; «агура» значитъ «владыка»; «мазда» — или «многовѣдающій», мудрый, или «многодающій», благой); главнымъ богомъ злыхъ божествъ поставилъ онъ Ангромаиньюса (Angro-Mainyu «зложелатель»); въ послѣдствіи имя Агура-Мазды получило форму Ормуздъ, имя Ангромаиньюса форму Ариманъ (Ahriman). Прежніе боги природы не были устранены этою реформою, но были поставлены въ подчиненное отношеніе: добрые — къ Агурамаздѣ, злые — къ Ангромаиньюсу, и обратились въ добрыхъ или злыхъ духовъ; не были устранены и древніе обряды жертвоприношеній и молитвъ; но главное мѣсто въ преобразованномъ культѣ заняли законы объ очищеніяхъ и заповѣди о способахъ наи-

успѣшнѣйшей борьбы противъ силъ зла. Центромъ народнаго культа осталось служеніе тѣмъ богамъ природы, которымъ поклонялись иранцы, когда пасли стада и воздѣлывали нивы еще только въ долинахъ притоковъ Оксуса. Народъ по прежнему приносилъ на озаренныхъ солнцемъ высотахъ горъ жертвы и молитвы богу солнца Митрѣ, возливалъ ему укрѣпляющій силу, дающій безсмертіе сокъ гаомы, для выжиманія котораго постоянно были въ каждомъ домѣ стебли этого священнаго растенія, ступка и чаша; по прежнему народъ чтилъ огонь, красное пламя котораго было заботливо питаемо на алтаряхъ чистымъ, сухимъ, благовоннымъ деревомъ; по прежнему благоговѣнно чтилъ землю «терпѣливую» и «покорную», и воду, текущую съ священныхъ горъ въ великое озеро, плодотворящую поля и пастбища. Оставались богами въ сознаніи народа и свѣтлый Веретрагна (Беграмъ, Behram), разгоняющій въ сумерки вечера враждебныя силы, и вооруженный булавою Шраоша (Sraosha; Серошъ), спутникъ-охранитель начинающагося дня, прогоняющій привидѣнія ночи. Зороастръ оставилъ народу его старыя божества, представленія о которыхъ коренились въ физическихъ особенностяхъ иранской страны съ ея синимъ, безоблачнымъ, дивно сіяющимъ небомъ, и въ національныхъ преданіяхъ, какъ браманы оставили своему народу Индру; но наибольшую важность въ своемъ вѣроученіи онъ далъ дѣятельной, нравственно-чистой жизни. Вѣрнѣйшія средства устранять вліяніе непріязненныхъ силъ состоятъ въ томъ, чтобы сообщать землѣ плодородіе заботливою обработкой, истреблять вредныхъ животныхъ, дѣлать все надобное для ослабленія вредныхъ дѣйствій зимы, пустыни, бурь, и при этомъ быть праведнымъ и честнымъ, охранять свою душу отъ грѣха, приближать ее молитвою и очищеніями къ богамъ свѣта. Итакъ, ученіе Зороастра было не провозглашеніемъ новой религіи, а естественнымъ развитіемъ народныхъ понятій, влагавшимъ въ нихъ духовный смыслъ, направлявшимъ ихъ къ нравственнымъ цѣлямъ.

Вопросъ о томъ, когда проповѣдовалъ мудрый вѣроучитель Зороастръ, еще не разъясненъ съ достовѣрностью. Есть мнѣніе, что онъ жилъ въ половинѣ VI вѣка до нашей эры, то есть былъ современникомъ Кира и Будды; главнымъ поводомъ къ этому послужило предположеніе, что царь Густаспъ (Висташпа), называемый въ Авестѣ распространителемъ благаго закона — это Гистаспъ (Hystaspes), отецъ Дарія; — предположеніе, существовавшее еще въ древности, но ошибочное. Зороастръ принадлежитъ до-историческому, миѣическому времени старо-иранскихъ царей, кончившемуся съ основаніемъ мидійско-персидскаго царства. Изъ клинообразныхъ надписей намъ извѣстно, что около 500-таго года до Р. Х. «святой законъ» ужь господствовалъ на всемъ пространствѣ персидскаго царства; потому должно полагать, что основатель этого закона жилъ по крайней мѣрѣ двумя столѣтіями ранѣе. Авеста не упоминаетъ ни объ одномъ изъ боль-

Время жизни
Зороастра.

шихъ городовъ Мидіи и Персіи, ни о Пасаргадѣ, ни объ Экбатанѣ или о Персеполѣ; всѣ иранскія земли, кромѣ Бактріи, Согдіаны и Маргіаны называетъ она страной злыхъ духовъ, а мидійскій городъ Рагу мѣстомъ «дурнаго, безмѣрнаго сомнѣнія»; все это показываетъ, что она была написана раньше построения Экбатаны, раньше основанія мидійско-персидскаго царства. Изъ этихъ и другихъ подобныхъ тому фактовъ слѣдуетъ, по мнѣнію Дункера, заключать, что «около 800-таго года до Р. Х. ученіе Зороастра не только уже существовало, но и владычествовало въ восточномъ Иранѣ, и ужь было такъ сильно, что проникло оттуда на западъ, къ близкимъ роднымъ восточныхъ иранцевъ, мидянамъ и персамъ». Какъ объ индійскихъ мудрецахъ, о Зороастрѣ рассказывается, что онъ удалился въ уединеніе размышлять о религіи; преданіе говоритъ, что онъ провелъ на горахъ десять лѣтъ въ этихъ размышленіяхъ; что потомъ ходилъ по странѣ, проповѣдуя, и повсюду воздвигалъ алтари для служенія огню; что близъ Каспійскаго моря онъ посадилъ священный кипарисъ, и на корѣ его вырѣзалъ надпись о принятіи его ученія Густаспомъ. Послѣдователи Зороастра до самыхъ временъ мухаммеданства чтили этотъ священный кипарисъ, и было много пилигримовъ, ходившихъ поклониться ему.

Авеста.

Преданіе парсовъ и греческія извѣстія говорятъ, что Зороастръ написалъ двадцать одну книгу. Въ половинѣ прошлаго вѣка, благодаря самоотверженнымъ поискамъ французскаго ученаго, Анкетилля Дюперрона, Европа ознакомилась съ двумя изъ нихъ, Вендидадомъ и Ясною (Үаспа); очень многіе ученые сомнѣвались въ ихъ подлинности. Но за нее ручается, между прочимъ, и согласіе ихъ съ тѣмъ, что рассказываютъ объ ученіи Зороастра греческіе и римскіе писатели. Правда, подлинность ихъ должно понимать не въ томъ смыслѣ, что онѣ въ нынѣшнемъ своемъ видѣ дѣйствительно написаны самимъ Зороастромъ. Очень многое въ нихъ носитъ на себѣ очевидный отпечатокъ позднѣйшаго происхожденія: онѣ содержатъ въ себѣ точныя правила богослуженія на разные праздники, на каждое время года, на каждую изъ нѣсколькихъ частей дня; подробныя нравственныя постановленія относительно всѣхъ житейскихъ дѣлъ; казуистическое распредѣленіе грѣховъ по разрядамъ, съ назначеніемъ особыхъ наказаній, очищеній и подвиговъ набожности за каждый грѣхъ, такъ что это напоминаетъ казуистику будійской исповѣди грѣховъ; культъ вообще ужь имѣетъ строго установленныя молитвы, церемоніи, пѣнопѣнія; богослуженіе совершается особыми жрецами; оно—длинный рядъ предписанныхъ молитвъ и воззваній къ богамъ, лишенныхъ теплоты чувства, лишенныхъ поэзіи; фигуры боговъ блѣдны и неопредѣленны, вовсе не таковы, какими бываютъ созданія живаго миѣческаго творчества;—часто они ужь только аллегорическія олицетворенія нравственныхъ качествъ; все это черты, принад-

лежація системамъ жреческихъ религій; эти и тому подобные слѣды жреческой обработки религіозныхъ представленій, попадающіеся въ Авестѣ на каждой страницѣ, несомнѣнно доказываютъ, что священныя книги парсовъ въ нынѣшней своей сухой формѣ не могли быть ни произведеніемъ проникнутаго религіознымъ энтузіазмомъ мудреца, ни продуктомъ наивной народной вѣры, что онѣ—компиляціи, постепенно составленныя изъ результатовъ очень долгой дѣятельности многочисленнаго духовенства, и принадлежація такимъ временамъ, когда ужь давно замолкло живое слово основателя вѣры. Но основныя черты догматики и морали въ этихъ компиляціяхъ несомнѣнно принадлежатъ ученію Зороастра и составляли существенное содержаніе староперсидскаго поклоненія свѣту и огню.—Итакъ, въ дошедшихъ до насъ книгахъ Авесты мы имѣемъ вѣроученіе, основу котораго составляютъ очень древнія понятія и обычаи, но которое подверглось въ рукахъ жрецовъ переработкѣ въ духѣ понятій и надобностей позднѣйшаго времени. Подобно уставу Ману, Авеста, регламентируя самыми точными правилами религіозную жизнь и богослужебныя обряды, подводитъ подъ свои постановленія и всѣ житейскія дѣла. Много вѣковъ она была кодексомъ государственнаго, общественнаго и семейнаго быта у народа, достигшаго высокой культуры.

Степень образованія народа, обрисовывающаяся въ Авестѣ, была еще очень низкая; но въ то время, когда были составляемы эти священныя книги, ужь должно было существовать сословіе жрецовъ («атравъ», *athrava*) и надобно, кажется, думать даже, что оно ужь имѣло очень выработанную организацію, пріобрѣло вліятельное положеніе, что ужь были въ немъ и нѣкоторые элементы испорченности. Религія, требующая заклинанія злыхъ духовъ установленными формулами и молитвами, вмѣняющая въ обязанность людямъ опредѣленные способы очищенія и подвиги покаянія, устанавливающая опредѣленныя формы богослуженія и слѣдовательно нуждающаяся для исполненія своихъ обрядовъ въ людяхъ съ особенною теоретическою и практическою подготовкою, имѣетъ необходимость въ жрецахъ, специальную профессію которыхъ составляютъ религіозныя дѣла; а свѣдѣнія, надобныя для жреческой профессіи, могли быть пріобрѣтаемы только отъ жрецовъ; это естественнымъ образомъ должно было вести къ возникновенію особаго жреческаго сословія и къ основанію школъ для подготовки къ жреческому сану. Изъ многихъ мѣстъ Авесты ясно, что у восточно-иранскихъ племенъ съ очень давнихъ временъ существовали жрецы, «атравы», составлявшіе особое сословіе; что у знаменитѣйшихъ жреческихъ родовъ былъ обычай передавать религіозныя знанія и богослужебное искусство по наслѣдству сыновьямъ, или готовить учениковъ къ исполненію жреческихъ обязанностей; что жрецы имѣли въ своей одеждѣ особенности, которыми отличались отъ остальнаго народа; что жреческія знанія были монополіею

Иранское духовенство.

Атравы.

жреческого сословія и сообщались однимъ только посвященнымъ. Но атравы не составляли замкнутого наследственного сословія, какъ индійскіе браманы; и не были ни такъ многочисленны, ни такъ могущественны, какъ мидійско-персидскіе маги. Восточно-иранское духовенство является въ Авестѣ ужъ имѣющимъ іерархическое устройство: атравы составляли группы, находившіяся подъ управленіемъ начальниковъ и дѣлились на разряды по различію своихъ богослужебныхъ обязанностей: одни совершали жертвоприношенія, другіе руководили очищеніями, третій классъ ихъ занимался молитвословіемъ и т. д. Они носили при себѣ жертвенную чашу, жезлъ для убиванія нечистыхъ животныхъ, и закрывали нижнюю часть лица платкомъ, который назывался *пантиданю* и служилъ къ тому, чтобы дыханье, сдерживаемое имъ, не оскверняло своимъ прикосновеніемъ священный огонь. — Наши свѣдѣнія о политическомъ положеніи восточно-иранскихъ атравъ не достаточно опредѣленны; таковы же наши свѣдѣнія и о положеніи жрецовъ западнаго Ирана, называвшихся магами, «*магушъ*». Древнѣйшія упоминанія о магахъ находятся въ надписяхъ, изсѣченныхъ на скалахъ Даріемъ. У мидянъ маги составляли особое сословіе. Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что съ глубокой древности были въ числѣ маговъ и персы. При ахеменидахъ сословіе маговъ занимало очень высокое положеніе: важнѣйшія дѣла народа были въ ихъ завѣдываніи. Имъ принадлежало исключительное право руководить обрядами жертвоприношеній, совершать богослуженіе, пѣть хвалебныя гимны богамъ; они находились при царѣ и толковали ему значеніе необыкновенныхъ явленій природы, значеніе его сновъ; имѣли своими совѣтами вліяніе на его рѣшенія; опредѣляли мѣсто для его гробницы и проч. Но ни атравы, ни маги не имѣли личныхъ привилегій, принадлежавшихъ браманамъ. Стать обособившеюся отъ народа аристократіею было невозможно для нихъ ужъ потому, что въ Иранѣ не было кастъ, населеніе не состояло изъ двухъ племенъ: господствующаго, привилегированнаго, и подвластнаго, лишеннаго всякихъ правъ. Значеніе маговъ въ государствѣ было только нравственное: они могли дѣйствовать только религіозными доводами на сердце и совѣсть царя; ихъ положеніе не опиралось на іерархическія учрежденія. Но подобно индійскому и подобно всякому другому жреческому сословію, атравы и маги имѣли школы, въ которыхъ научали формуламъ заклинанія, молитвамъ, правиламъ очищенія, заповѣдямъ религіи; разъясняли древнія вѣрованія богословскою ученостію, при этомъ и передѣлывали ихъ соотвѣтственно современнымъ надобностямъ; когда древній языкъ пересталъ быть понятенъ народу, они одни понимали священныя книги и хранили эту свою мудрость, какъ тайное знаніе. Безъ сомнѣнія, жреческія корпораціи и школы придали ученію Зороастра тотъ видъ, какой имѣетъ оно въ Вендидадѣ; жрецы постепенно превратили его въ богослужебную

Маги.

формалистику, въ систему соблюденія правилъ наружнаго благочестія, въ казуистическую классификацію грѣховъ, очищеній отъ грѣховъ, и подвиговъ покаянія, въ служеніе богу не сердцемъ, а устами. Иранское царство и иранская религія подвергались потрясающимъ катастрофамъ, потому сборникъ ученій и богослужебныхъ правилъ иранской религіи состоитъ изъ матеріаловъ, принадлежащихъ разнымъ вѣкамъ и очень разнохарактерныхъ. Нѣкоторые изъ нихъ могутъ быть считаемы принадлежащими времени Зороастра, другіе сформировались вѣроятно только ужъ во времена сассанидовъ.

По древне-персидскому преданію, Авеста состояла изъ столькохъ книгъ, сколько словъ содержитъ въ себѣ святая молитва *Yatha ahu vairyo*, то есть, изъ 21 книги; всѣ эти книги, «нашки» (пашка) приписывались Зороастру. По сохранившимся оглавленіямъ ихъ мы знаемъ, что двѣ изъ нихъ (1-я и 15-я) заключали въ себѣ богослужебныя молитвы и славословія; въ нѣсколькихъ другихъ, — вѣроятно, въ шести книгахъ (повидимому, во 2-й, 3-й, 4-й, 13-й, 16-й и 21-й) излагалось нравственное ученіе; въ четырехъ книгахъ (5-й, 10-й, 12-й и 20-й) излагались догматы вѣры; другія четыре (8-я, 9-я, 17-я и 19-я) излагали законы государственнаго и частнаго права; въ 7-й книгѣ находился уставъ богослужебныхъ обрядовъ; въ 6-й книгѣ излагалась астрономія и астрологія, въ 14-й медицина; 18-я книга содержала въ себѣ ученіе объ амулетахъ, 11-я излагала исторію жизни Зороастра и принятія религіи его царемъ Густаспомъ; о 12-й книгѣ Рѣтъ полагаетъ, что она, вѣроятно, содержала въ себѣ общій очеркъ всего ученія Зороастра, — представляла краткое описаніе вселенной, перечисляла обязанности человека, которыя проистекаютъ изъ этого состоянія вселенной и должны быть исполняемы послѣдователями чистаго вѣроученія; этотъ очеркъ соединялъ въ себѣ теологію, космографію, догматику, мораль и политическую исторію. — И такъ, судя по оглавленію книгъ Авесты, она содержала въ себѣ всѣ тѣ знанія, которыя были тогда у иранскаго народа. — По словамъ Гермиппа, Зороастровы книги имѣли два милліона строкъ, — то есть, приблизительно въ четыре раза больше числа строкъ Аристотеля.

До насъ дошли слѣдующія преданія о судьбахъ религіи Зороастра: Динкартъ, парсійская книга, которую парсы считаютъ написанною во времена Сассанидовъ, говоритъ, что царь Висташпа повелѣлъ собрать всѣ книги, написанныя на языкѣ маговъ, чтобы вѣра поклонниковъ Агурамазды имѣла твердую опору. — Книга Арда-Вирафъ Намѣ, которая считается написанною тоже еще во времена сассанидовъ, говоритъ, что религія, полученная отъ бога благочестивымъ Заратустрою, сохранялась триста лѣтъ въ чистотѣ; но что послѣ того Агриманъ возбудилъ Искандера Руми (Александра Македонскаго), и онъ завоевалъ и опустошилъ Иранъ и убилъ иранскаго царя. Онъ сжегъ Авесту, которая была написана на коровьихъ кожахъ золотыми буквами и хранилась въ Персеполисѣ, убилъ многихъ жрецовъ и судей, бывшихъ опорами вѣры, внесъ въ иранскій народъ раздоръ, вражду и смятеніе. Иранцы не имѣли теперь ни царя, ни наставника и верховнаго жреца, знающаго религію; они исполнились сомнѣній... и у нихъ возникли разныя религіи; и были у нихъ разныя вѣры, до того времени, когда родился святой Адербатъ Магресфантъ (*Mahresfant*), на грудь котораго лили расплавленный металлъ. — Динкартъ говоритъ, что уцѣлѣвшіе отрывки Авесты были собраны еще при пареянскихъ Арсакидахъ:

Содержаніе
Авесты.Судьбы свя-
щенныхъ книгъ
парсовъ.

царь Артакшатр (Ардешир) призвалъ въ свою столицу гербада Тосара, принесшаго священныя книги, которыя были прежде того разсѣяны; и царь повелѣлъ, чтобъ онѣ были закономъ вѣры. Сынъ его, Шагнуръ I (238—269 по Р. X.) повелѣлъ собрать и снова присоединить къ Авестѣ медицинскія, астрономическія и другія книги, которыя были разсѣяны по Гиндустану, Руму (Малой Азіи) и другимъ странамъ. Наконецъ, при Шагнурѣ II (308—380) Адербатъ очистилъ отъ прибавокъ изреченія Заратустры и перенумеровалъ нѣски (главы) священныя книги.

Зороастръ и Гистаспъ. Изъ этихъ легендъ ясно, что: 1) Зороастръ далъ священный законъ при царѣ Густаспѣ (Висташпѣ). Прежде полагали, что этотъ Густаспъ (Gustasp)—Гистаспъ (Hystaspes), отецъ Дарія, и потому думали, что Зороастръ жилъ въ половинѣ VI вѣка до Р. X.; это по-

видимому подтверждалось другими свидѣтельствами; а если такъ, то Зороастръ былъ современникомъ Будды. Мы ужъ говорили объ этомъ мнѣніи. Рѣтъ даже полагали, что въ буддизмѣ находятся ученія Зороастра. Новые изслѣдователи (Шпигель и другіе) говорятъ, что Висташпа Авесты Гистаспъ, отецъ Дарія, бактрійскій царь, жившій гораздо раньше, тотъ Густаспъ, которымъ кончается первый циклъ иранскихъ преданій, пересказываемыхъ въ первыхъ отдѣлахъ Шахъ-Намѣ Фирдуси; и потому Зороастръ, подобно этому Густаспу или Висташпѣ, долженъ быть относимъ къ до-историческому времени. Но это вовсе не значитъ, что книги, приписываемыя ему, принадлежатъ времени, очень древнему. Онѣ—сборники, мало по малу составленные жрецами, одни раньше, другіе позже.

2) Преданія говорятъ, что священныя книги персовъ были сожжены Александромъ, что онъ убивалъ вѣрующихъ и подавлялъ религію. По другимъ рассказамъ, онъ велѣлъ перевести на греческій языкъ книги объ астрономіи и медицинѣ, а всѣ другія сжечь; и потомъ эти сожженные книги были восстановлены по воспоминанію (какъ книги китайскія). Эти сказанія неправдоподобны; во-первыхъ, они совершенно противорѣчатъ политикѣ Александра, старавшагося пріобрѣтать расположеніе азіатцевъ, а не оскорблять ихъ; во-вторыхъ, извѣстія греческихъ и римскихъ писателей ясно показываютъ, что священныя книги персовъ продолжали существовать при Селевкидахъ и Парянахъ. Но военныя бури, разразившіяся надъ Персіею по смерти Александра, и въ продолженіе многихъ столѣтій разрушавшія все въ Иранѣ, были, по всей вѣроятности, очень вредны для старо-персидской религіи и для ея священныя книги; еще гибельнѣе для этихъ вѣрованій и книгъ было вліяніе греческой образованности, которую распространяли повсюду въ Иранѣ основанные во всѣхъ областяхъ его греческіе города: религія Зороастра была, вѣроятно, вытѣснена болѣе высокою греческою культурою и нѣкоторыя изъ священныя книги ея утратились въ это время; онѣ могли тѣмъ легче погибнуть, что языкъ, на которомъ писаны онѣ, ужъ былъ непонятенъ народу. Вѣроятно это и послужило поводомъ къ возникновенію преданія о томъ, что священныя книги персовъ были сожжены Александромъ.

3) Преданія говорятъ, что древняя религія была восстановлена и сдѣлана господствующею въ Иранѣ при Ардеширѣ и Шагнурѣ. Это извѣстіе подтверждается исторіею. Основаніемъ власти сасанидовъ было восстановление старо-персидскихъ учреждений и, въ частности, національной религіи. Въ борьбѣ своей съ греко-римскимъ міромъ, грозившимъ совершенно поглотить Иранъ, сасаниды опирались на то, что они возстановители старо-персидскихъ законовъ, обычаевъ и вѣрованій. Они называли себя именами староперсидскихъ царей и божествъ; возстановили старинное устройство войска. Они созвали многочисленный соборъ маговъ, велѣли разыскивать священныя книги, какія уцѣлѣли гдѣ нибудь, учредили санъ великаго мага для завѣдыванія духовенствомъ, получившимъ іерархическое устройство. Зендскій языкъ былъ ужъ непонятенъ народу; не знало его и большинство жрецовъ; потому сасаниды велѣли перевести священныя книги на тогдашній народный языкъ западнаго Ирана, *пелльвійскій* (pehlvi) или *гузварешскій* (huzvagesch),—тотъ языкъ, на которомъ сдѣланы надписи первыхъ временъ Сасанидской династіи. Этотъ гузварешскій переводъ скоро получилъ каноническое зна-

ченіе. Въ немъ сдѣлано раздѣленіе текста на главы и стихи. Было написано множество богословско-филологическихъ комментариевъ къ нему. Очень можетъ, что прославляемые въ парсійскихъ преданіяхъ знатоки священнаго писанія, Арда Вирафъ и Адербатъ Магресфанта участвовали въ этомъ переводѣ. Но смыслъ текста повидимому подвергся множеству измѣненій въ гузварешскомъ переводѣ, отчасти вѣроятно потому, что нѣкоторыя мѣста подлинника были непоняты переводчиками, отчасти потому, что древній законъ ужъ не охватывалъ всѣхъ общественныхъ отношеній современной жизни, и приходилось дополнять его передѣлками и вставками. Изъ богословскихъ изслѣдованій того времени произошелъ трактатъ, излагающій результаты ученыхъ изысканій о космогоніи и другихъ догматахъ религіи Зороастра, *Бундехешъ* (Bundehesch). Онъ написанъ на пелльвійскомъ языкѣ, и пользуется у парсовъ большимъ уваженіемъ.

Цари и народъ очень строго держались возстановленной религіи, цвѣтущимъ періодомъ которой были времена первыхъ сасанидовъ. Христіане, не хотѣвшіе принять вѣроученіе Зороастра, подверглись кровавому преслѣдованію; и евреи, хотя пользовались болѣею терпимостью, были много стѣсняемы въ исполненіи правилъ своей вѣры. Мани, сдѣлавшій попытку соединить христіанское ученіе съ ученіемъ Зороастра, былъ преданъ мучительной смерти. Войны византійцевъ съ сасанидами ухудшали положеніе христіанъ въ Персіи, потому что персы предполагали въ своихъ христіанахъ сочувствіе къ едино-вѣрцамъ; вполнѣдствіи, они по политическому расчету покровительствовали несторіанамъ и другимъ еретикамъ, отлученнымъ отъ православной византійской церкви.

Царство сасанидовъ пало со смертью Йездгерда; но Персія распространила исламъ. Но пять столѣтій прошло прежде, чѣмъ совершенно исчезло въ ней поклоненіе огню. Персидская религія такъ упорно боролась противъ мухаммеданскаго владычества, что еще и въ X вѣкѣ были возстанія, имѣвшія цѣлью возстановить престолъ сасанидовъ и снова сдѣлать вѣроученіе Зороастра государственною религіею. Когда древнее вѣроученіе было совершенно побѣждено, персидскіе жрецы и ученые сдѣлались наставниками своихъ побѣдителей во всѣхъ наукахъ; персидскія понятія пріобрѣли сильное вліяніе на развитіе мухаммеданской образованности. Небольшая парсійская община держалась нѣсколько времени въ горахъ. Когда преслѣдованіе достигло и до этого ея убѣжища, она переселилась въ Индію и, испытавъ тамъ много невзгодъ, нашла себѣ наконецъ прочный пріютъ на Гуджератскомъ полуостровѣ: тамъ уцѣлѣла она донынѣ, и остается вѣрна древнему ученію Зороастра, заповѣдямъ и обрядамъ Авесты. Вендидадъ и нѣкоторыя другія части гузварешскаго или пелльвійскаго перевода Авесты, принесенныя въ Индію этими переселенцами, были тутъ въ XIV в. нашей эры переведены съ гузварешскаго на санскритскій языкъ и на народное нарѣчіе. Въ Оксфордѣ были съ половины прошлаго вѣка рукописи, содержащія въ себѣ нѣкоторыя части этого перевода, но никто не умѣлъ прочесть ихъ. Въ 1754 году французъ *Анкетиль Дюперронъ*, бывший тогда молодымъ человекомъ, случайно увидѣлъ копіи, снятыя съ нѣсколькихъ листовъ одной изъ этихъ рукописей, проникся рѣшимостью изучить эти книги и ознакомить ученый міръ съ ихъ содержаніемъ. Французское правительство обѣщало дать ему средства ѣхать въ Индію; но время шло, обѣщаніе не исполнялось; а у самого Дюперрона не было денегъ на путешествіе; потому онъ поступилъ простымъ солдатомъ въ службу французской остъ-индской компаніи, чтобы хоть этимъ способомъ попасть въ Индію. Преодолевъ всѣ затрудненія, которыхъ встрѣчалось ему очень много, онъ нашелъ наконецъ возможность заняться задуманнымъ дѣломъ; правительство стало давать поддержку ему; онъ выучился у одного изъ ученыхъ парсійскихъ жрецовъ ихъ священному языку, при помощи этого жреца перевелъ уцѣлѣвшія части Авесты на французскій языкъ, и пріобрѣлъ много рукописей. Онъ издалъ свой переводъ въ 1771 году. Эта книга была встрѣчена многими съ восторгомъ, въ другихъ возбудила недовѣріе. Поднялся сильный споръ о ея подлинности; и противники и защитники ея мало слѣдовали правиламъ здравой критики. Теперь всѣ согласны въ томъ, что Авеста не можетъ считаться написанною самимъ Зороастромъ, что она—компіляция, мало по малу составленная жрецами; но точно также признано всѣми, что въ дошедшихъ до насъ остаткахъ ея дѣйствительно излагается вѣроученіе древней персид-

Парсы подъ владычествомъ мухаммедамъ.

Анкетиль Дюперронъ.

ской религии. Подлинность этих книг доказывается, между прочим, уже и тем, что их содержание согласно с известиями греческих и римских писателей. — Перечислимъ уцѣлѣвшіе и изданные Дюперрономъ остатки Авесты. Она состояла изъ двадцати одной книги. Сохранилась въ цѣлости только одна изъ нихъ, двадцатая, *Вендидадъ* (Зендская форма этого названія: Видэвадата, то есть «Данное противъ Дэвовъ»); это очеркъ иранскаго вѣроученія и иранской мифологій; своимъ сохраненіемъ Вендидадъ обязанъ вѣроятно болѣе всего тому, что въ немъ излагаются правила очищенія. Кромѣ Вендидада, до насъ дошли: *Ясна* или *Яшна* (Yasna), собраніе молитвъ, воззваній и славословій богамъ; они выбраны, быть можетъ, изъ первой и изъ пятнадцатой книгъ; собраніе ихъ сохранилось, вѣроятно, потому, что было богослужебною книгою; другое, небольшое по объему, собраніе молитвъ, *Виспередъ*; и нѣсколько разрозненныхъ отрывковъ, имѣющихъ богослужебное содержаніе. Кромѣ этихъ остатковъ Авесты, въ изданіи Дюперрона помѣщены и Бундегешъ. Эта книга вся написана прозою; слогъ ея, за исключеніемъ немногихъ возвышенныхъ и поэтическихъ мѣстъ, сухой, чуждый поэзіи. — Вендидадъ и часть богослужебныхъ отрывковъ написаны въ разговорной формѣ; Заратустра спрашиваетъ Агурамазду, что надобно въ томъ или иномъ случаѣ дѣлать для преодоленія злыхъ духовъ, или чѣмъ заглаживается тотъ или другой грѣхъ, чѣмъ очищается человѣкъ отъ того или другаго оскверненія. Отвѣтъ Агурамазды всегда очень точенъ; съ точностью опредѣляется даже число ударовъ конскимъ бичемъ или палкою, какое должно быть дано согрѣшившему.

Вендидадъ и
Ясна.

2. Вѣроученіе Зороастра.

Народная религія древнихъ иранцевъ, бывшая поклоненіемъ природѣ и имѣвшая коренною своею особенностью дуализмъ, была совершенно преобразована Зороастромъ: онъ облагородилъ прежнія вѣрованія, подчинивъ ихъ нравственному принципу. Онъ раздѣлилъ вселенную на два царства, по которымъ распредѣлилъ все въ природѣ: царство свѣта, въ которомъ властвуетъ Ормуздъ (Агурамазда) и къ которому принадлежитъ все доброе, чистое и святое, и царство тьмы, въ которомъ властвуетъ «зложелатель», Агриманъ (Ангроманьюсь) и къ которому принадлежитъ все вредное, порочное, нечистое. У каждаго изъ этихъ двухъ боговъ есть войско подвластныхъ ему и подобныхъ ему духовъ, раздѣляющихся на нѣсколько классовъ. Духи, служащіе Ормузду, это: шесть Амшаспандовъ (Амеша-спентовъ, Amesha-spenta), Ферверы (Фраваші, Fravashi) и Изеды (Язаты, Yazata), соотвѣтствующіе іудейскимъ и христіанскимъ архангеламъ и ангеламъ; духи, служащіе Агриману, называются Дэвами (Daeva) и Друджами; они тоже раздѣляются на классы по степенямъ своей важности. И Ормуздъ и Агриманъ существовали отъ вѣчности; но Ормуздъ былъ могущественнѣе Агримана. Онъ создалъ міръ священнымъ творческимъ словомъ (Гоноверомъ, Nover); въ этомъ мірѣ было только хорошее и чистое. Агриманъ не могъ помѣшать творчеству Ормузда.

Но когда Ормуздъ удалился въ свое небесное жилище, Агриманъ, принявъ на себя видъ змѣя, проникъ въ міръ и наполнилъ его злыми духами, нечистыми и вредными животными, пороками и грѣхами. Ормуздъ былъ творцомъ свѣта, дня и жизни; Агриманъ создалъ тьму, ночь и смерть; — Ормуздомъ были созданы быкъ, собака и пѣтухъ; Агриманъ создалъ хищныхъ звѣрей, змѣй, вредныхъ насѣкомыхъ; — Ормуздъ солнечною теплотою и плодотворящимъ дождемъ даетъ хорошій ростъ хлѣбу нивъ, травѣ пастбищъ, фруктовымъ деревьямъ; Агриманъ посылаетъ бури, зимній холодъ, пожитающій зной пустыни; — по волѣ Ормузда, ферверы удерживаютъ людей на пути добродѣтели, правдивости и нравственной чистоты; по волѣ Агримана дэвы подстерегаютъ случаи проникать, пользуясь часами отсутствія ферверовъ, въ сердца людей, совращать ихъ на путь порока, лжи и нечистоты. Такъ идетъ вѣчная, непрерывная борьба между силами добра и силами зла за владычество надъ землею и надъ людьми. Но въ концѣ вѣковъ принципъ добра восторжествуетъ, царство свѣта наполнить всю вселенную и наступитъ вѣчное блаженство. Служители Ормузда, души которыхъ при смерти ихъ выдержали испытаніе на мосту Чинватѣ и оказались не имѣющими на себѣ пятна, получаютъ тогда просвѣтленное тѣло, которое не будетъ бросать тѣни, и будутъ наслаждаться вѣчнымъ счастьемъ въ небесной славѣ у престола бога свѣта. Потому служитель Ормузда обязанъ во время своей земной жизни всѣми силами бороться съ злыми духами. Онъ не старается смягчать ихъ вражду жертвами и смиреніемъ, онъ преодолеваетъ ихъ силу въ природѣ, уничтожая вредныхъ животныхъ, усердно воздѣлывая нивы, насаждая полезныя травы и деревья, преодолеваетъ ихъ въ своемъ сердцѣ соблюденіемъ святаго закона, служеніемъ огню и молитвою, благочестивыми словами и хорошими поступками. Служители Ормузда приносили свои жертвы только богамъ свѣта; они приносили эти жертвы имъ безъ храмовъ, статуй и алтарей, на чистыхъ высотахъ горъ или у чистыхъ водъ: возжигали чистый огонь, питаемый благовоннымъ деревомъ, и совершали при пѣніи славословій и молитвъ возліяніе гаомы; въ жертву богу солнцу приносили иногда быковъ и лошадей. Въ позднѣйшія времена упоминается и о приношеніи людей въ жертву; но даже и эти жертвы были приносимы не злымъ духамъ, для отвращенія ихъ вражды, а Агурамаздѣ, для снисканія его милостей. — Греки знали, что вѣроученіе персовъ — дуализмъ, признающій принципъ добра болѣе сильнымъ, чѣмъ принципъ зла, который нѣкогда будетъ совершенно побѣжденъ принципомъ добра. Плутархъ, въ трактатѣ объ Изидѣ, говоритъ: «Нѣкоторые полагаютъ, что существуютъ два бога, находящіеся въ борьбѣ между собою, что одинъ изъ нихъ творецъ добра, другой — зла. Но другіе называютъ богомъ только того изъ нихъ, который добръ, а злаго называютъ духомъ («демономъ»). Такъ это, напримѣръ, у мага

Дуализмъ въ
природѣ.

Зороастра, который добраго бога называетъ Оромазомъ, а злаго духа Ариманомъ, и говорить, что изъ всего видимаго глазами наиболѣе подобенъ Оромазу свѣтъ, а Ариману наиболѣе подобны мракъ и незнаніе, и что Ариманъ будетъ побѣжденъ».

Духи.

Итакъ, мы видимъ, что ученіе Зороастра представляетъ собою преобразование поклоненія природѣ, и въ частности, свѣту, въ духовную религію съ нравственными тенденціями. Иранцы поклонялись солнцу и звѣздамъ, изливающимъ на землю оживляющій и радующій свѣтъ, безъ котораго міръ подпалъ бы подъ власть живущихъ во мракѣ враждебныхъ силъ, и служили огню, земному отблеску небесной животворящей силы. У Зороастра этотъ культъ получилъ символическое значеніе и нравственное содержаніе. По ученію Зороастра земля и воздухъ населены безчисленными духами; но эти духи лишь аллегорическія понятія о физическихъ или нравственныхъ силахъ, не имѣющія живаго образа и личной исторіи; потому върованія въ нихъ не представляли матеріаловъ для развитія міѳологіи, скульптуры или поэзіи. *Ферверы*—оживляющіе и охраняющіе жизнь духа. „Фраваші—духъ, принадлежащій къ безсмертнымъ частямъ души“, говоритъ Шпигель: „Онъ долженъ раздѣлять судьбу души до спасенія, которое получитъ она на судѣ при концѣ существованія земнаго міра. Но фраваші существовалъ и до рожденія человѣка, въ душѣ котораго живетъ; онъ существовалъ съ самаго сотворенія міра духовъ; и безсмертенъ, какъ безсмертны и всѣ духовныя существа, созданныя добрымъ духомъ-творцомъ. Фраваші нисходятъ въ матеріальный міръ лишь на время, по добровольному самопожертвованію, для содѣйствія міру достигнуть своего предназначенія. Кромѣ тѣхъ фраваші, которые живутъ теперь въ матеріальномъ мірѣ, есть другіе, гораздо болѣе многочисленные, которые теперь пока живутъ еще на небѣ и низойдутъ на землю въ будущія времена; третьи фраваші ужъ возвратились на небо изъ земной жизни, въ которой были душами благочестивыхъ людей. Такимъ образомъ, поклоняясь фраваші, иранецъ поклонялся предкамъ своего семейства и своего племени; съ поклоненіемъ предкамъ было тутъ соединено и поклоненіе героямъ. Фраваші заботятся о матеріальномъ благоденствіи людей; но ихъ дѣятельность не ограничивается этимъ; они тоже охраняютъ вселенную въ продолженіе времени отъ появленія звѣздъ на небѣ до полуночи. На четырехъ странахъ міра поставлены звѣзды—хранительницы вселенной; каждой изъ этихъ звѣздъ даны сонмы фравашей, помогающихъ ей исполнять ея обязанность. Главный праздникъ въ честь фравашей совершался въ дополнительные дни, прибавлявшіеся въ концѣ года. Фраваші нисходятъ въ это время на землю и проводятъ на ней десять ночей; они хотятъ, чтобы въ это время чтили ихъ угодными имъ жертвами, состоящими изъ мяса и одежды“.

Нравственное
направленіе
въроученія.

Борьба, которую ведутъ эти свѣтлыя небесныя силы съ дэвами, имѣетъ главною своею цѣлью владычество надъ людьми. Человѣкъ имѣетъ свободную волю; но онъ слабъ, потому неспособенъ понимать добро и поступать хорошо; люди легко стали бы добычею злыхъ духовъ, если бы Ормуздъ не открылъ имъ чрезъ Зороастра религію служенія свѣту, показывающую имъ путь къ спасенію. Точнымъ исполненіемъ «благаго закона» человѣкъ избавляется отъ всѣхъ козней дэвовъ и достигаетъ вѣчнаго блаженства. Этотъ догматъ да-

валъ человѣку сильный мотивъ держаться правилъ чистой нравственности,—жить честно, поступать хорошо; но и доставлялъ духовенству заманчивое удобство внести въ въроученіе множество заповѣдей, которыми жрецы и дѣйствительно сковали жизнь иранцевъ: иго религіозной формалистики, наложенное на нихъ, было не менѣе стѣснительно, чѣмъ браманское, и тоже дѣлало народъ покорнымъ духовенству. Зороастръ училъ, что вѣрнѣйшую охрану отъ дэвовъ даетъ человѣку чистота мыслей, словъ и дѣлъ; ставилъ обязанностями человѣка трудолюбивую жизнь, воздержаніе отъ пороковъ, особенно отъ лжи, душевное благочестіе, добродѣтель; о грѣхахъ говорилъ, что они должны быть искупаемы раскаяніемъ. Жрецы истолковали понятіе о чистотѣ въ смыслѣ внѣшней чистоты, и придумали множество заповѣдей для ея сохраненія, множество обрядовъ для возстановленія ея, если она чѣмъ нибудь нарушена. Эти чрезвычайно точныя и подробныя правила очищенія, и такія же подробныя правила относительно жертвоприношеній, молитвъ, богослужебныхъ обрядовъ превратили религію служенія свѣту въ раболопное исполненіе мелочныхъ постановленій, въ подавляющую формалистику, исказили нравственное ученіе Зороастра: онъ хотѣлъ возбуждать къ усердному воздѣлыванію земли, къ заботѣ объ укрѣпленіи нравственныхъ силъ, къ энергическому труду и къ развитію душевнаго благородства; жрецы замѣнили это казуистическою системою правилъ о томъ, какими дѣлами покаянія и какими обрядами очищаются разныя прегрѣшенія, состоящія главнымъ образомъ въ прикосновеніи къ нечистымъ предметамъ. Нечистымъ было въ особенности все мертвое, потому что Ормуздомъ создано живое, а не мертвое. Авеста даетъ подробнѣйшія правила предосторожностей и очищеній отъ оскверненія, когда въ домѣ кто нибудь умеръ и когда хоронять трупъ. Трупы не были ни погребаемы въ землѣ, ни сожигаемы: ихъ относили на особенныя мѣста, приготовленные для того, и оставляли тамъ на съѣденіе собакамъ и птицамъ. Иранцы очень заботливо остерегались подходить къ этимъ мѣстамъ.

Законы объ
очищеніяхъ.

Ученіе Зороастра было переработано въ этомъ духѣ магами, когда перешло въ западный край и приняло тамъ въ себя много иноземныхъ семитическихъ и греческихъ элементовъ, внесенныхъ въ него вліяніемъ народовъ западной Азіи. Жертвоприношенія и богослуженія стали совершаться въ западномъ Иранѣ торжественнѣе, чѣмъ было въ восточномъ, и получили въ въроученіи важность, какой не имѣли прежде. По примѣру иноземцевъ, западные иранцы стали строить храмы и алтари; стали дѣлать изображенія (сначала, впрочемъ, лишь эмблемы, а не статуи). Значеніе духовенства поднялось. Жрецы передѣлали многіе обряды сообразно измѣнившемуся характеру жизни. Сношенія съ вавилонянами и греками, стоявшими гораздо выше персовъ по умственному развитію и по научнымъ знаніямъ, внесли въ

Позднѣйшіе
элементы.

религію Зороастра много новыхъ понятій, придавшихъ метафизическій смыслъ ея догматамъ. Дуалистическое воззрѣніе было подведено подъ понятіе о единствѣ, принципъ добра и принципъ зла были подчинены единому основному началу. Это начало — Зервана Акарана, безначальное время и безпредѣльное пространство, «несозданная безконечность»; Ормуздъ и Агриманъ произошли изъ нея, какъ первыя созданныя существа. Шпигель полагаетъ, что этотъ догматъ заимствованъ изъ вавилонскаго ученія о Белѣ «Древнемъ», который былъ олицетвореніемъ судьбы, владычествующей надъ вселенною. Возникло вѣрованіе, что созвѣздія зодіака—добрые боги, дающіе людямъ счастье, а планеты—служители Ангромаиньуса, вносящіе въ міръ зло; вмѣстѣ съ этимъ развилось и астрологическое суевѣріе, составляющее принадлежность поклоненія звѣздамъ. Ученіе о томъ, что царство свѣта восторжествуетъ надъ мракомъ и зломъ было высказано Зороастромъ лишь въ общихъ, довольно неопредѣленныхъ чертахъ; теперь ему была дана опредѣленность: въ концѣ существованія земнаго міра явится побѣдитель мрака и зла, Сосіошъ, и будетъ судить воскрешенныхъ отъ смерти людей. Праведные тогда же вознесутся на небо, въ обитель блаженныхъ, и будутъ наслаждаться тамъ райскими радостями; а неправедные будутъ сначала подвергнуты очищенію въ огненной рѣкѣ, пожирающей все нечистое, и только ужъ послѣ этого станутъ соучастниками вѣчнаго блаженства въ царствѣ свѣта; люди будутъ облечены тамъ просвѣтленнымъ тѣломъ, и будутъ бессмертны, потому что будутъ пить сокъ дерева жизни. Тогда будетъ одинъ пастырь и одно стадо; блаженные будутъ пѣть хвалы святому Агурамаздѣ, и самъ Ангромаиньусъ и его дѣвы очистятся и войдутъ въ царство свѣта. Это ученіе о концѣ міра и будущей жизни, ученіе о святомъ творческомъ словѣ, которое само становится божествомъ, сказаніе о томъ, что Ангромаиньусъ принялъ на себя видъ змѣя, сказаніе Бундегеша о грѣхопадѣніи первыхъ людей (Мешіи и Мешіаны) имѣютъ такое сходство съ іудейскими и христіанскими идеями, что невозможно не признать: тутъ были взаимныя соотношенія. Но ученые не одинаково думаютъ о томъ, которой изъ двухъ религій первоначально принадлежали эти мысли, и остается еще не рѣшеннымъ вопросъ, принадлежатъ ли Зороастру ученіе о грѣхопадѣніи и объ искупленіи, или оно только уже въ позднѣйшія времена заимствовано иранцами изъ западной Азіи.

Подробности.

Итакъ мы должны различать въ вѣроученіи Зороастра три разряда религіозныхъ воззрѣній. 1) Первою составною частью религіи Зороастра были древнія, общія восточнымъ иранцамъ и единоплеменнымъ съ ними арійцамъ на Индѣ представленія о божествахъ природы; важнѣйшими изъ этихъ божествъ были у восточныхъ иранцевъ, какъ и у индійскихъ арійцевъ, боги свѣта, и въ особенности богъ солнце и богъ огонь. Но по различію природы и климата восточнаго Ирана отъ Индіи, у иранцевъ рано приобрѣли очень большое могущество противники боговъ свѣта, духи мрака, и побѣждать ихъ

было для иранскихъ боговъ свѣта гораздо труднѣе, чѣмъ для индійскихъ. 2) Владыки царства свѣта и царства тьмы, Ормуздъ и Ариманъ, были окружены сонмами духовъ; эти духи были большею частью олицетворенія силъ природы или нравственныхъ качествъ. 3) Міръ боговъ и міръ человѣческой жизни находились въ тѣсной связи между собою: ученіе Зороастра объяснило отношенія людей къ высшимъ силамъ и нравственное предназначеніе человѣческаго рода.

1. Геродотъ говоритъ, что персы называли Зевсомъ (то есть, Ормуздомъ) все небо и Боги природы. приносили ему жертвы на вершинахъ горъ; что они приносили жертвы и солнцу, лунѣ, землѣ, огню, водѣ, вѣтру. Эти извѣстія, подтверждаемыя Ксенофонтомъ, Эсхиломъ и другими греческими писателями, неоспоримо показываютъ, что первобытное восточно-иранское поклоненіе природѣ оставалось и въ цвѣтущія времена персидскаго царства, даже продолжало составлять важнѣйшую часть персидскаго богослуженія.—Персидскій богъ, котораго Геродотъ называетъ Зевсомъ, это верховный богъ свѣта, Агурамазда или Ормуздъ, «свято-мыслящій» (Шпента-маиньусъ, Spenta-mainius), творецъ міра, податель всѣхъ благъ; его золотой престолъ стоитъ на вершинѣ священной горы; его лучезарная одежда усыяна звѣздами; онъ сотворилъ міръ своимъ священнымъ «быстро-дѣйствующимъ» словомъ (*Гоноверомъ*, *Нопочег*) и своею высочайшею мудростью; это его творческое слово, призываемое въ молитвѣ, какъ божество, всегда оказываетъ освящающее и укрѣпляющее дѣйствіе. Агурамазда тотъ всемогущій богъ, о которомъ древнее славословіе говоритъ: «Кто сотворилъ путь солнца и звѣзды? Кто даетъ лунѣ возрастаніе ея и уменьшаетъ ее? Кто держитъ землю и облака надъ нею, кто воду на лугахъ и деревья? Кто далъ вѣтрамъ и рѣкамъ быстроту? Кто сотворилъ благія свѣтила и затмѣнія, кто сотворилъ утреннюю зорю, вечеръ и ночь? Кто сотворилъ землю широкую, водообильную? Кто воздвигаетъ сына отходящему отцу, если не ты, о Агурамазда?—Ты чистота, свято прославляемый превыше всѣхъ, о всеобъемлющій духъ, источникъ всякой жизни».—По сказанію, передаваемому въ одномъ изъ позднѣйшихъ памятниковъ зендскаго вѣроученія, Агурамазда сотворилъ міръ въ шесть періодовъ, по числу шести временъ, на которыя дѣлился годъ иранцы; и въ память этихъ шести періодовъ сотворенія міра установлены были въ глубочайшей древности Джемшидомъ шесть великихъ праздниковъ года, шесть *гаганбаровъ* (*gahanbar*). Въ первый періодъ Агурамазда сотворилъ усѣянное звѣздами небо, во второй воду, въ третій землю, въ четвертый растеніе, въ пятый животныхъ, въ шестой человѣка.—Въ персидскихъ клинообразныхъ надписяхъ есть воззванія, молянція его, верховнаго бога, о томъ, чтобы свѣтомъ своимъ озарялъ онъ персидскую страну и персидскій народъ.—Ормуздъ создалъ по образу своему *Митру* (*Mithras*), чистаго, непобѣдимаго бога солнца,—божество, бывшее главнымъ предметомъ поклоненія у иранскихъ народовъ. Когда Митра на своей блестящей колесницѣ, которую везутъ четыре быстрые бѣлые коня, выѣзжаетъ чрезъ восточную гору на небо, и когда позлащаются прекрасныя вершины хребтовъ, мракъ и зимній холодъ исчезаетъ, растетъ хлѣбъ на нивахъ, стада получаютъ пищу и плодородіе. Вендидадъ говоритъ: «Солнце выѣзжаетъ величественно, какъ побѣдоносный герой, съ вершины страшнаго Альборджа и свѣтитъ міру, и владычествуетъ надъ міромъ съ этой горы, которую Агурамазда создалъ въ жилище себя». Митра проникаетъ повсюду своими лучами, видитъ и знаетъ все, потому онъ богъ истины; и потому персы такъ высоко цѣнили правдивость, считали ложь омраченіемъ чистаго свѣта солнца, грѣхомъ противъ Митры. Онъ побѣдоносный воетель противъ мрака, холода и лжи, дѣлъ дѣвовъ; потому онъ носитъ «вѣчную булаву». Онъ былъ царственный богъ, ему былъ посвященъ конь; его именемъ клялись цари; передъ царскимъ войскомъ ѣхала посвященная ему колесница, запряженная шестью бѣлыми конями, она была пустая, чтобы непобѣдимый возсѣлъ на нее и велъ свой народъ къ побѣдѣ. На торжественныхъ процессіяхъ ѣхали богато украшенныя колесницы, запряженные конями съ низейскихъ полей. (Колесница была не у одного Митры, была и у Ормузда колесница, символъ правленія міромъ). Прокаженные считались, по словамъ Геродота, согрѣшившими противъ Митры, бога чистоты. Божествомъ чистоты была и представительница женскаго пола въ кругу боговъ свѣта, *Луна* (*Ма*, *Мах*); божествами Луна и звѣзды.

Ормуздъ.

Митра.

чистоты были и сияющія звѣзды, которымъ персы тоже приносили жертвы и молитвы на вершинахъ горъ. Луна и звѣзды были божества, приносящія дождь, потому пути ихъ называются «водообильными стезями въ воздухѣ». Принося дождь, они были божествами, дающими плодородіе. Изъ боговъ звѣздъ особенно важенъ былъ «ярко сияющій Тистаръ», имѣвшій видъ быка. — Воздухъ и очищающіе небо, быстрые вѣтры тоже были божествами; въ Авестѣ есть воззванія къ нимъ, благотворящимъ человѣку «духамъ высоты». Вода и земля въ Авестѣ одушевленные существа, дающія ростъ хлѣбамъ и фруктовымъ деревьямъ на пищу людямъ, дающія ростъ травъ пастбищъ на пищу коровамъ и лошадямъ. И вода облаговъ, падающая плодотворнымъ дождемъ и дающій освѣжительное питье источникамъ, и плодотворяющая рѣка, порождающая растительную жизнь, были священны и охраняемы отъ оскверненія нечистотами. Воду ручьевъ и рѣкъ можно было употреблять только для питья и для орошенія растений; купаться въ нихъ было запрещено; было запрещено осквернять воду мочою, плевать въ воду; чтобы люди и животныя не оскверняли потоковъ, переходя ихъ въ бродъ, иранцы было зановѣдано строить черезъ нихъ мосты. По вѣроученію Зороастра, источники всѣхъ рѣкъ находятся на «Высокой Горѣ» (Гара Березанти, Нага Вегезаити, — Альборджъ); она — то мѣсто, откуда разносится рѣками плодородіе по землѣ; она «могучій пупъ воды», съ котораго, ниспущенныя Агурамаздой, «текутъ воды быстрымъ бѣгомъ коня». На этой горѣ находится чистый источникъ Ардвисура, мать всѣхъ рѣкъ земли, имѣющая силу очищать отъ всякаго оскверненія. У великаго озера, въ которое стекаются всѣ воды, растутъ, по повелѣнію Агурамазды, прекраснѣйшія деревья, первообразы другихъ деревъ. Святые были воздухъ и вода; предметомъ благоговѣнія была для персовъ и земля: она даетъ «хлѣбный плодъ для человѣка и траву для благословенной коровы», на ней стоитъ святая гора, на ней растутъ тѣнистыя деревья, увѣчанные зеленью листьевъ, доставляющія благородныя дрова на питаніе огню; но въ особенности святъ былъ огонь. Землю иранецъ называлъ «прекрасною дочерью Агурамазды»; огонь, имѣющій мужественную силу, казался ему смыномъ верховнаго бога свѣта. «Быстрѣйшій изъ святыхъ безсмертныхъ», огонь былъ богъ, дающій вѣрнѣйшую охрану отъ злыхъ духовъ; по словамъ Страбона, иранцы при началѣ каждой жертвы и молитвы дѣлали воззваніе къ огню. Въ позднѣйшія времена, по всему персидскому царству были поставлены безчисленные алтари, на которыхъ горѣлъ огонь. Священные книги неутомимо восхваляютъ «красносіяющій огонь». — «Кто первый приноситъ умытыми руками дрова чистаго дерева огню, сыну Агурамазды», говоритъ Вендидадъ: «того благословитъ огонь, довольный безъ непріязни и насыщенный. Да возростетъ у тебя стадо скота и множество людей; да совершается все по желанію мысли твоей, по желанію души твоей. Возрастай, проживи всю долготу жизни. Это благословеніе огня тому, кто приноситъ дрова, сухія, горючія, старыя». Въ огонь клали сухое благоухающее дерево, лили въ него масло, клали сало; было грѣхъ раздувать его или гасить его дыханіемъ; тѣмъ болѣе было грѣхъ бросать въ него что-нибудь нечистое или мертвое. Не позволялось и гасить огонь водою; считалось оскверненіемъ ему употребить его въ низкихъ работахъ, или слишкомъ много употреблять его на домашнія надобности. Передъ царемъ несли на очагъ священный огонь. Въ клинообразныхъ надписяхъ повелѣвается всѣмъ покореннымъ племенамъ служить огню: это такая же обязанность для нихъ, какъ уплата дани. Древній убиватель злыхъ духовъ, *Веретрама*, сталъ аллегорическимъ существомъ, олицетворявшимъ собою блескъ и побѣдоносную силу огня, душою огня, чистымъ огненнымъ существомъ; каждые три года были приносимы къ его алтарю огни всѣхъ алтарей общественного богослуженія, чтобы онъ очистилъ ихъ; а каждые три дня огни домашнихъ очаговъ были приносимы для очищенія къ городскому алтарю огня.

2) Боги древней восточно-иранской народной религіи, бывшіе олицетвореніями предметовъ и силъ природы, сохранили свое божеское достоинство въ вѣроученіи Зороастра, и во всѣ слѣдующія времена продолжали оставаться на первомъ планѣ въ народныхъ вѣрованіяхъ и въ богослуженіи. Но религія Зороастра учила, что, кромѣ этихъ боговъ, существуютъ духи, раздѣляющіеся по своимъ качествамъ и своей дѣятельности на два

большія полчища: одно составляютъ духи свѣта, другое — духи мрака. Духи свѣта: Язаты или Изеды (Yazata, Ized), то-есть «досточтимые», окружаютъ лучезарнаго Агурамазду и подобно ему сидятъ на золотыхъ престолахъ. Самый высшій классъ ихъ — Амеша-спенты или Амша-спанды (Amesha-spenta, Amshasprand), «святые, безсмертные», «благіе владыки». Ихъ шесть. Первоначально они были олицетвореніями силъ природы, какъ это видимъ по ихъ именамъ; послѣ они получили нравственное значеніе; но не совершенно утратили связь съ матеріальными силами. Перечислимъ ихъ. Багманъ (Bahman; или, по зендской формѣ имени, Вагумано, Vaghumano, то-есть «добросердечный») — духъ доброжелательства и добродушія, живущій въ сіяніи небесномъ, дающій человѣку «добрыя рѣчи»; Ардибегештъ (Ardibehesht; по-зендски: Аша Вагиста, Asha Vahista, «свѣтлая чистота»), духъ-хранитель, дающій добродѣтель и чистоту сердца; Шагриверъ (Shahriver, по-зендски: Хшатра-ваиря, то-есть: «превосходный царь»), владыка блестящихъ металловъ, дающій богатство и блескъ; Сапандомадъ (Sapandomad, по-зендски: Спента-Арманта, «святая покорность»), духъ земли, дающій землѣ плодородіе, сердцу смѣреніе; Хордадъ (Khordad; Гаурвататъ, Haurvatat, «содѣлывающій все»), доставляющій стадамъ, полямъ и деревьямъ плодотворную, производящую ростъ влагу; Амердадъ (Amerdad; Амеретатъ, Ameretat, «дающій безсмертіе»), богъ безсмертія, дающій добрымъ счастье на землѣ и вѣчную жизнь по смерти. Амшаспанды и глава ихъ Агурамазда, «семь» властителей, владычествуютъ надъ семью кешварами, «поясами» земли (какъ индійскіе стражи вселенной надъ восемью странами міра). Кромѣ Амшаспандовъ, престолъ Агурамазды на «Высокой Горѣ» окружаютъ Фравашили или Ферверы (Fravashi, Ferwer); ихъ очень много; они даютъ счастье благочестивымъ и охраняютъ ихъ отъ дэвовъ. Нѣкоторые изъ Ферверовъ живые образы, какъ напримѣръ древніе лучезарные боги-побѣдители, Веретрагна и Сраоша (Sraosha), причисленные вѣроученіемъ Зороастра къ Язатамъ, или какъ быстрокрылый Ферверъ, вѣстникъ Агурамазды; но огромное большинство Ферверовъ — лишь аллегорическія олицетворенія добродѣтелей, какъ напримѣръ Рашн-ерастъ (по-зендски: Разунъ-разиста) богъ справедливости; Арстатъ, духъ истины; Матреспандъ (Матра-спента) — святое слово и т. д. По ученію Авесты, добрый духъ человѣка — существо, различное отъ самого человѣка, и принадлежитъ къ числу небесныхъ Ферверовъ; эта мысль, какъ и подобная ей индійская мысль, произошла, кажется, отъ поклоненія духамъ предковъ. Праздники шести временъ года, Гаганбары, мѣсяцы, дни мѣсяцевъ, дополнительные дни, которыхъ было пять, и которые были прибавляемы къ 360 днямъ, входившимъ въ счетъ мѣсяцевъ, — словомъ, всѣ подраздѣленія «безграничнаго» времени имѣли своихъ духовъ; эти духи были особыя, самостоятельныя существа, и иранцы молились имъ. Мы видимъ, что плодovitость въ изобрѣтеніи духовъ у иранцевъ была похожа на индійское фантазерство. Названіями мѣсяцевъ служили имена семи высшихъ боговъ свѣта, имена Митры, звѣзды Тистара, фравашили огня и фравашили воды; эти названія мѣсяцевъ были возстановлены при Сассанидахъ и удержались даже подъ владычествомъ мухаммеданъ. Дни тоже имѣли своихъ духовъ-правителей. Дни окончанія шести періодовъ творенія міра, гаганбары, и пять дополнительныхъ дней въ концѣ года были національными религіозными праздниками: въ эти праздники совершались торжественныя молебствія, каждый день по нѣскольку разъ; дѣлались приношенія богамъ, подарки духовенству. Дополнительные дни года были праздниками въ память усопшихъ: въ эти дни души усопшихъ возвращались на землю, посѣщали своихъ родныхъ и дѣлали благочестивыя внушенія имъ. Дни рожденія, въ особенности дни рожденія царей, тоже праздновались, потому что Авеста принимала всякую жизнь подъ свое покровительство.

Ормуздъ и его духи имѣютъ своею обителью Высокую Гору на востокѣ, въ сосѣд- Дэвы или дэ- ствѣ животворящаго солнца и яркихъ звѣздъ; дэвы (daeua) и друджи (drudscha), духи зложелателя Аримана (Ангромаиньюса) живутъ въ Туранѣ, на холодномъ сѣверѣ или на западѣ, въ темныхъ раздѣлинахъ подъ землею, «на мрачномъ днѣ ада». Число и характеры злыхъ духовъ не опредѣлены въ священныхъ книгахъ иранцевъ съ такою

точностью, съ какою говорятъ онѣ о добрыхъ духахъ. Эти противоположныя Амшаспан-дамъ и ферверамъ существа, помогающія виновнику всего зла въ природѣ и въ чело-вѣческой душѣ были созданы вѣрованіями иранцевъ позже добрыхъ духовъ. Въ Авестѣ дэвы имѣютъ почти исключительно характеръ символовъ, обозначающихъ силы мате-ріальной природы; но дѣятельность ихъ направлена болѣею частью во вредъ людямъ, они стараются обольщать и губить людей; потому очень легко было придать имъ каче-ства духовныхъ существъ. Они сдѣлались олицетвореніями пороковъ и грѣховныхъ дѣлъ, подобно тому какъ язаты были олицетвореніями добродѣтелей. Въ Авестѣ важнѣйшіе изъ дэвовъ — гибельныя челоуѣку силы матеріальнаго міра: *Земака*, демонъ зны; *Азисъ*, демонъ, старающійся отымать у людей ночью огонь и жизнь; *Бушьянкта*, духъ долгаго сна, завлекающій людей въ лѣность; *Заречъ*, опустошитель, производящій голодъ. Въ позднѣйшія времена на первый планъ выступаютъ духи лжи, лицемерія, коварства, и де-монъ *Насусъ*, живущій въ трунахъ и старающійся вредить тѣмъ, кто прикасается къ нимъ. По вѣроученію иранцевъ, міръ вначалѣ былъ, какъ мы ужъ говорили, свободенъ отъ этихъ злыхъ духовъ, хотя Ариманъ, подобно Ормузду, существовалъ отъ вѣчности. Онъ былъ безсиленъ, оставался въ бездѣйствіи и не мѣшалъ Ормузду при сотвореніи міра. Но онъ проникъ въ міръ, принявъ на себя видъ змѣи и сталъ стараться, при со-дѣйствіи созданныхъ имъ злыхъ духовъ, разрушить созданное Ормуздомъ. Это не уда-лось: Ормуздъ и его небесное воинство остались побѣдителями. Но не могли совершен-но уничтожить зло. Оно остается съ той поры; виды его разнообразны: формы его на небѣ — кометы и планеты; проявленія его на землѣ — зимній холодъ и палищій зной, буря и засуха, хищные звѣри и вредныя насѣкомыя, болѣзни и неурожай; проявленія его въ челоуѣкѣ — порокъ и грѣхъ, лѣность и ложь, пагубное сладострастіе, сокращающее жизнь, насаждающее сѣмена смерти. Дэвы и дружи стараются овладѣть всѣмъ, расширить по-всюду свое царство; ихъ число растетъ съ возростаніемъ челоуѣческихъ пороковъ. Съ ними должно бороться исполненіемъ благаго закона Агурамазды, служеніемъ огню и мо-литвою, святыми словами и чистыми дѣлами. Священнѣйшая обязанность служащихъ Агурамаздѣ — истреблять зло и въ природѣ и въ своей душѣ. Они должны помогать тор-жеству свѣта и жизни, ослаблять силу пустыни и холода, стараться быть чисты тѣ-ломъ и душою. Они должны вести борьбу съ Ангроманиньюсомъ, «творцомъ дурныхъ созданий», убивая сотворенныхъ имъ вредныхъ животныхъ: змѣй, вредныхъ насѣкомыхъ, хищныхъ звѣрей, нападающихъ на стада. — «Все, что живетъ въ пещерахъ и норахъ», говоритъ Дункеръ, «всѣ животныя, вредящія нивамъ, крысы и мыши, муравьи и т. д., всѣ пресмыкающіяся, черепахи, ящерицы, лягушки, всѣ паразиты, мухи, вши, блоха — созданія зложелателя. Убивать этихъ животныхъ Ангроманиньюса — одна изъ величайшихъ заслугъ». Потому жрецы ходили съ заостренною палкою, которою иранцы убивали змѣй. Однимъ изъ церковныхъ наказаній за грѣхи было наложеніе на челоуѣма занятія убоемъ вредныхъ животныхъ. На праздниѣ конца года провозглашалась обязанность убивать ихъ.

Животныя Ормузда. Вредныя животныя созданы Ангроманиньюсомъ; домашнія животныя, полезныя чело-уѣку, важнѣйшими изъ которыхъ считались быкъ, корова, лошадь, собака и пѣтухъ, сотворены Агурамаздою. По священному сказанію иранцевъ, первымъ созданнымъ существомъ былъ быкъ. Ангроманиньюсъ убилъ этого быка, но изъ его тѣла произо-шли челоуѣкъ и священныя растенія: фруктовыя деревья, хлѣбныя злаки и вино-градная лоза. Потому онъ былъ «зародышемъ всего благаго», и его душа живетъ на небѣ. Это преданіе символически изображалось на такъ называемыхъ «камняхъ Митры». Средину изображенія на этихъ камняхъ занимаютъ фигуры поваленнаго на землю перво-созданнаго быка и стоящаго на колѣняхъ подлѣ него Ангроманиньюса, вонзающаго въ грудь ему смертоносный кинжалъ; кругомъ быка изображены животныя Агурамазды и Ангроманиньюса, въ числѣ которыхъ обыкновенно находятся змѣя и собака. Собака поль-зовалась у иранцевъ величайшимъ уваженіемъ. Въ Вендидадѣ Агурамазда говоритъ За-ратустръ: «Я сотворилъ собаку съ природнымъ одѣяніемъ и природною обувью, съ острымъ обоняніемъ и острыми зубами; преданную челоуѣку и кусающую врага въ охра-

ну стадамъ. Когда она здорова и съ хорошимъ голосомъ около плетней, то не прибли-жается къ деревнѣ ни воръ, ни волкъ и не уноситъ ничего незамѣтно. Собака не жа-дна, терпѣлива и довольствуется маленькимъ, какъ жрецъ; она идетъ впередъ, и хо-дитъ кругомъ жилища, какъ воинъ; по своей бдительности, она всегда не доспитъ, какъ земледѣлецъ; домъ и пища дороже всего для нея, какъ для поселяннина; и при этомъ она привѣтлива, какъ прелестница, и ласкова, какъ ребенокъ. Во истину, не стояли бы жилища прочно на землѣ Агуры (Агурамазды), если бы не было собакъ, надобныхъ для скота и для деревни. Потому строго заповѣдано было иранцу быть заботли-вымъ о собакѣ, хорошо кормить ее, лечить въ случаѣ болѣзни, охранять отъ побоевъ. О беременныхъ сукахъ иранцы заботились какъ о беременныхъ женщинахъ. Съ трупомъ собаки поступали такъ же почтительно, какъ съ тѣломъ умершаго челоуѣка. Убить со-баку, или хоть только ударить ее было такой грѣхъ, загладить который можно было лишь тяжкими подвигами покаянія и долгимъ рядомъ добрыхъ и общепользныхъ дѣлъ. — «Кто убьетъ собаку», говорится въ Вендидадѣ, «губить ростъ хлѣба и травы, и хо-рошій ростъ возвратится его нивѣ и его пастбищу не раньше того, пока онъ прине-сетъ за благочестивую душу собаки въ три ночи три жертвы связками прутьевъ и воз-ношеніемъ Гаомы». Сострадательность къ собакѣ — добродѣтель, за которую получается награда на небесахъ, жестокость къ собакѣ — грѣхъ, наказываемый богомъ. Передъ умирающимъ держали собаку, чтобъ его угасающій взоръ покоился на ней. — Чѣмъ была изъ числа млекопитающихъ собака, тѣмъ былъ, изъ числа птицъ, пѣтухъ. Онъ возвѣ-щаетъ начало дня, удаленіе ночи. «Онъ», говорится въ Вендидадѣ, «возвышаетъ свой голосъ при каждой божественной утренней зорѣ и кричитъ: вставайте, люди, прославь-те прекраснѣйшую чистоту, прогоните дэвовъ». — Прославляемая иранскими преданіями и поэтами птица *Симургъ* (Синамру), — орелъ — была посвящена Агурамаздѣ; потому изображалась на знамени Кира и всѣхъ ахеменидовъ.

По разсказу Теопомпа Хиосскаго, современника Аристотеля, приводимому Плутархомъ, Борьба принци-персидское вѣроученіе говорило, что вначалѣ царствовалъ Ормуздъ, и его правленіе новъ добра и продолжалось 3.000 лѣтъ; послѣ того столько же времени царствовалъ Ариманъ; его зла. владычеству былъ положенъ конецъ отравленіемъ, которое далъ Зороастру Ормуздъ; съ того времени на землѣ идетъ борьба между Ормуздомъ и Ариманомъ; и тотъ и другой хочетъ снова стать однимъ владыкою на землѣ и надъ людьми. Чѣмъ сильнѣе и побѣдо-носнѣе становится (по дѣйствию благаго закона его на людей) Ормуздъ, тѣмъ ожесто-ченнѣе ведетъ борьбу Ариманъ; потому окончательной побѣдѣ Ормузда будутъ пред-шествовать ужаснѣйшія бѣдствія для людей: наступятъ голодъ и моръ, земля будетъ арожать, «какъ овца передъ волкомъ». Но наконецъ Ариманъ и его дэвы будутъ по-Побѣда Ормузда бѣждены, и начнется время совершенной чистоты и блаженства. Мертвые воскреснутъ, облеченные свѣтлыми тѣлами, которые не будутъ нуждаться въ пищѣ и не будутъ от-брасывать отъ себя тѣни; земля будетъ свободна отъ всего нечистаго и вреднаго, бу-детъ ровною и вся одинаковою, — то есть, въ ней не будетъ разсѣлинъ и ямъ, не бу-детъ мѣста для нечистыхъ животныхъ и для дэвовъ; на всей землѣ будетъ одно цар-ство и одинъ языкъ, и люди будутъ счастливы и будутъ всѣ одинъ народъ. Греческіе писатели жившіе послѣ Теопомпа, и въ особенности самъ Плутархъ, прибавляютъ еще нѣкоторыя подробности. — Въ Бундегештѣ разсказывается о концѣ міра то же самое. Но въ дошедшихъ до насъ отрывкахъ Авесты этого ученія о концѣ міра нѣтъ. Быть можетъ, оно излагалось въ погибшихъ книгахъ ея. Но вѣроятнѣе, что оно развилось ужъ только въ позднѣйшія времена, въ западномъ Иранѣ, подъ вліяніемъ семитическихъ или греческихъ идей. Въ немъ есть черты, которыя имѣютъ характеръ іудейскихъ и христіанскихъ понятій: при концѣ міра явится *Сосіошъ* (Мессія); онъ будетъ пото-мокъ Зороастра; онъ побѣдитъ Аримана и будетъ судить души умершихъ; нече-стивые будутъ ввергнуты въ огненную рѣку, которая очиститъ ихъ, пожравъ все не-чистое; праведные получатъ вѣчное блаженство; — эти черты кажутся свидѣтельствую-щими, что ученіе Бундегешта о кончинѣ міра имѣетъ іудейско-христіанское происхожде-ніе, подобно тому, какъ ученіе, что основное начало всего — Зервана Акarana, вѣчное и безпредѣльное пространство, напоминаетъ греческую метафизику.

Пѣтухъ.

Симургъ.

Учение о нравственности. 2. Учение о борьбѣ принциповъ добра и зла и объ исходѣ ея возлагаетъ на человѣка обязанность принадлежать къ свѣтлому царству Агурамазды и не отдавать себя во власть злыхъ духовъ. Индійцы совершенно раздѣлили тѣло и духъ, пришли къ мысли, что существуетъ только духъ, а матеріальный міръ лишь призракъ, обманъ чувствъ, и сообразно тому единственнымъ путемъ къ истинной вѣчной жизни представлялось имъ умерщвление плоти. Иранцы раздѣлили природу на двѣ части: добрую, въ которой властвуютъ свѣтъ, жизнь и чистота, и злую, въ которой господствуютъ мракъ, смерть и пагубныя силы нечистоты. И такъ, по иранскому воззрѣнію, не весь матеріальный міръ дуренъ, дурна только часть его, и не отъ всего въ своей природѣ долженъ отрѣкаться человѣкъ, а лишь отъ дурнаго въ ней; Дункеръ справедливо говоритъ, что по понятіямъ иранцевъ, человѣкъ долженъ поддерживать хорошее въ себѣ и во внѣшнемъ мірѣ, наслаждаться хорошимъ; устраняться, обороняться онъ долженъ только отъ дурнаго. Самое благоугодное богу на землѣ, говоритъ Авеста, мудрый человѣкъ, приносящій жертвы; второе благоугодное ему—святое и благоустроенное домашнее хозяйство со всеми своими принадлежностями; третье благоугодное ему—то мѣсто, «гдѣ воздѣлана земли производятъ самое большое количество хлѣба, травы и фруктовыхъ деревьевъ, гдѣ орошается сухая земля и отводится вода съ земли влажной». Такимъ образомъ, сущность всѣхъ обязанностей человѣка, основаніе всей нравственности по иранскому учению состоитъ въ томъ, что человѣкъ долженъ бороться съ Ариманомъ, споспѣшествовать расширенію царства свѣта содѣйствіемъ добруму, уничтоженіемъ дурнаго и во внѣшней природѣ и въ собственной душѣ. А царство свѣта—царство чистоты; потому чистота—корень всѣхъ добродѣтелей. Авеста неутомимо говоритъ о чистотѣ. Человѣкъ долженъ очищать землю заботливою воздѣлкой, хорошимъ орошеніемъ, насаженіемъ фруктовыхъ деревьевъ. «Кто воздѣлываетъ плоды полей, говорится въ третьемъ фартгардѣ Вендидада, «тотъ воздѣлываетъ чистоту и служитъ благому закону. Земля не радостна, когда лежитъ невоздѣланною. Землѣ пріятно, когда святой человѣкъ строитъ на ней себѣ жилище, снабженное огнемъ, женою и дѣтьми и хорошими стадами; когда возращаютъ на ней хлѣбъ, траву и деревья, дающія пищу, когда орошаютъ сухія мѣста и освобождаютъ отъ воды слишкомъ влажныя». — Человѣкъ долженъ держать въ чистотѣ свое тѣло и свой домъ, удаляя грязь и соръ, воздерживаясь отъ нечистой пищи, остерегаясь дотрогиваться до труповъ и другихъ предметовъ, прикосновеніе къ которымъ оскверняетъ его. Правила о соблюденіи чистоты и объ очищеніяхъ получили въ Иранѣ такое же широкое развитіе, какъ и въ Индіи. Слюна, экскременты, остриженные волосы, ногти и т. д.—нечистыя вещи; ихъ должно зарывать въ землю. Грязь на тѣлѣ или въ домѣ и нечистая пища предаются человѣка во власть дэвовъ. Потому у иранцевъ было такое множество законовъ о благоприличіи, что греки дивились этому. Когда у женщины регулы, отъ нея должно удалиться. Послѣ родовъ, женщина должна очищаться, омываясь водою и коровьею мочей. — Когда умереть человѣкъ, то прежде всего должно прочесть заклинанія противъ Насуса, поселяющагося въ трупахъ, чтобы онъ не осквернилъ живущихъ въ томъ домѣ, чтобы онъ «отпалъ, какъ пущенная изъ лука стрѣла, какъ засохшая прошлогодняя трава». Послѣ того, должно вынести изъ дома священные вещи: ступку, чашу, связки прутьевъ, огонь, гаому,—зимою, на десять дней, лѣтомъ на мѣсяцъ. Тѣло не сожигали и не погребали, чтобы не осквернить имъ огонь или землю. Рыли углубленіе на сухомъ мѣстѣ, гдѣ нѣтъ деревьевъ; наполняли его камнями, кирпичами и пылью. Двое мужчинъ приносили туда нагой трупъ на носилкахъ, покрытыхъ камнями и пылью, и клали трупъ на приготовленное для него ложе такъ, чтобы онъ былъ лицомъ къ востоку, и оставляли его тамъ на съѣденіе собакамъ и птицамъ. Ноги и волосы его прикрѣпляли къ ложу, чтобы кости не были занесены въ деревьямъ или въ воду. Жрецы и родные умершаго читали установленныя молитвы; эти молитвы были длиннѣе или короче, смотря по степени родства; онѣ читались въ особенности на праздникъ въ память усопшихъ.—То мѣсто, гдѣ было положено тѣло, было выравниваемо лишь послѣ того, какъ истлѣютъ всѣ остатки трупа; а до той поры тамъ жили дэвы. Выравниваніе

Понятіе о чистотѣ.

а) Чистота земли.

б) Чистота тѣла и дома.

Похороны.

этихъ мѣсть, «дахмъ» (dakhma), уничтоженіе слѣдовъ смерти, было, по ученію Авесты, большою заслугою передъ богомъ. «Кто выровнялъ на дахмахъ хотя бы лишь столько мѣста, сколько занимаетъ его тѣло», говорится въ Вендидадѣ, «тотъ отбылъ покаяніе и искупилъ всѣ грѣхи, какіе совершилъ мыслію, словомъ или дѣломъ; и не будутъ двѣ небесныя силы бороться между собою изъ-за этого человѣка при шествіи его въ рай». Если собака и птицы скоро пожирали трупъ, это значило, что душа умершаго обрѣла блаженство. Но кажется, что не во всѣхъ иранскихъ областяхъ оставляли тѣла на съѣденіе собакамъ и птицамъ. Въ Вендидадѣ говорится, что въ Арахозіи и въ Рагахъ по наущенію дэвовъ, погребаютъ въ землѣ или сжигаютъ тѣла. Въ Пасаргадѣ и въ Персеполѣ сохранились извѣстныя въ слалахъ гробницы персидскихъ царей; потому должно полагать, что въ западномъ Иранѣ было такое же погребеніе умершихъ, какъ у семитическихъ народовъ. Но въ Бактріи, Гирваніи, и въ другихъ областяхъ, строго исполнявшихъ заповѣди Зороастра, дѣйствительно оставляли нагя тѣла на съѣденіе собакамъ и птицамъ; объ этомъ положительно говорятъ греческіе и римскіе писатели. Да и до сихъ поръ остается этотъ священный обычай у Парсовъ въ Индіи.—Прикосновеніе къ мертвому тѣлу было, по ученію Авесты, самое нечистое оскверненіе; были установлены очень строгія правила очищенія для людей, которые несли носилки съ трупомъ. Это были долгіе обряды омовеній водою и бычачьею мочою и моленій для отогнанія злыхъ духовъ. Даже земля, на которой лежалъ трупъ человѣка или собаки, считалась нечистою; всахать ее или лить на нее воду позволялось лишь по прошествіи года. Недорогая одежда и другія недорогія вещи, оскверненныя прикосновеніемъ къ трупу, считались ужъ вовсе непригодными къ употребленію; серебряныя и золотыя вещи и дорогую одежду можно было, по прошествіи болѣе или менѣе долгаго срока, очистить совершеніемъ предписанныхъ для того обрядовъ, и послѣ того онѣ снова годились къ употребленію. Дорогу, по которой пронесли трупъ, надобно было освятить заклинаніями, обрядами, молитвами; только послѣ этого можно было опять ходить по ней. За нарушеніе этихъ стѣснительныхъ правилъ были установлены тяжелыя наказанія: у виновнаго брали въ штрафъ извѣстное количество скота, или били его палками. Геродотъ говоритъ, что Дарій не хотѣлъ войти въ Вавилонъ воротами, надъ которыми стоялъ гробъ царицы Никотриды; изъ этого мы видимъ, что Ахемениды не смѣли нарушать постановленій Авесты.

Съ такою же настойчивостію, какъ чистоту тѣла, заповѣдуетъ Авеста чистоту души. с) Чистота души. Вѣчную жизнь въ царствѣ Агурамазды получаетъ по смерти только тотъ, кто хранитъ свою душу чистой отъ порока и грѣха, лжи и обмана, коварства и клеветы, лѣности и разврата, въ комъ не могутъ найти жилища себѣ злые духи. Только та душа, которая при испытаніи жизни ея судьями мертвыхъ на мосту Чинаватѣ будетъ найдена непорочною, продолжаетъ путь въ свѣтлыя небесныя высоты. Только тотъ, кто чистъ мыслями, словами и дѣлами, благоугоденъ передъ сіяющимъ лицомъ Агурамазды. «Чистый мыслями, чистый словами, чистый дѣлами я молюсь тебѣ», говоритъ Зороастръ въ Йснѣ: «открой чистотѣ сердца моего доступъ къ тебѣ, о Агурамазда! дай мнѣ твердость въ добрѣ, чтобы достигъ я святости дѣлъ, которыя будутъ для меня источникомъ радости и благости». —Если человѣкъ осквернился, то чистоту свою онъ можетъ возстановить только раскаяніемъ и перенесеніемъ наказанія по уставу благаго закона. «Благой законъ», говорится въ Вендидадѣ, «отъемлетъ всѣ грѣхи, совершаемые человекомъ: обманъ, убійство, погребеніе мертвыхъ, непростительныя дѣла, множество высоконагромоздившихся грѣховъ; онъ отъемлетъ всѣ дурныя мысли, слова и дѣла чистаго человѣка, какъ сильный быстрый вѣтеръ съ правой стороны очищаетъ небо; благой законъ совершенно отсѣкаетъ всякое наказаніе». Покаяніе и очищеніе состоятъ главнымъ образомъ въ молитвахъ и заклинаніяхъ, произносимыхъ по опредѣленнымъ временамъ дня, съ точнымъ соблюденіемъ предписанныхъ для этого обрядовъ, и въ омовеніяхъ мочою коровы или быка и водою. Самое могущественное очищеніе, снимающее съ человѣка всѣ скверны, «девятиночное очищеніе», чрезвычайно многосложный обрядъ, который можетъ быть совершаемъ только чистымъ, хорошо знающимъ законъ человекомъ

Законы очищенія.

и имѣть сплу только въ томъ случаѣ, если этотъ очиститель грѣшника получить такое вознагражденіе, каковаго самъ хочетъ. Эти и другія такія же заповѣди и обычаи наложили на жизнь иранца цѣпи, отнимавшія у него всякую свободу движеній, наполнявшія его сердце тоскливымъ опасеніемъ оскверниться. Для каждой поры дня, для каждого дѣла, каждаго шага, для каждаго житейскаго случая были установлены молитвы и обряды, правила освященія; вся жизнь была подведена подъ иго служенія страшной религиозной формалистикѣ.

Обряды жертвоприношенія у персовъ Геродотъ разсказываетъ слѣдующія подробности (I, 131): «У персовъ нѣтъ обычая строить храмы и алтари; они даже считаютъ глупымъ тѣхъ, кто дѣлаетъ это, потому что не думаютъ, какъ эллины, что боги имѣютъ человѣческій видъ. Когда они хотятъ принести жертву, то не воздвигаютъ алтаря, не зажигаютъ огня и не возливаютъ вина; нѣтъ у нихъ при жертвоприношеніяхъ ни свирѣлей, ни вѣнковъ, ни поджареннаго ячменя; когда персъ хочетъ принести жертву, онъ ведетъ жертвенное животное на чистое мѣсто, молится богу, обыкновенно оплетаетъ тѣлу миртовыми вѣтвями. Приносящій жертву не можетъ просить милости у бога себѣ одному, онъ долженъ также молиться за всѣхъ персовъ и за царя. Разрѣзавъ жертвенное животное на части и сваривъ мясо, онъ устилаетъ землю самою нѣжною травой, обыкновенно клеверомъ, и кладетъ на эту подстилку все мясо. Когда онъ сдѣлалъ это, подходитъ магъ и начинаетъ пѣть гимнъ о рожденіи боговъ, — такъ называется у нихъ заклинаніе; безъ мага персы не могутъ совершать жертвоприношеній. Послѣ того принесшій жертву беретъ мясо и поступаетъ съ нимъ, какъ хочетъ». — У Страбона находимъ слѣдующія подробности о персидскихъ жертвоприношеніяхъ: «У персовъ есть замѣчательныя зданія, называющіяся пиретіями; по срединѣ пиретія стоитъ алтарь, на которомъ много пепла, и маги поддерживаютъ на немъ вѣчный огонь. Днемъ они входятъ въ это зданіе и молятся съ часъ времени, держа передъ огнемъ связку палокъ; на головахъ у нихъ войлочные тѣлары, спускающіяся по обѣимъ щекамъ и закрывающія губы и подбородокъ. — Жертвы приносятъ они на чистомъ мѣстѣ, помолившись и положивъ вѣнокъ на животное, приносимое въ жертву. Магъ, совершивъ жертву, раздаетъ мясо; каждый беретъ свой кусокъ и уходитъ, не оставляя богамъ ничего, потому что богу нужна только душа жертвы; но по словамъ нѣкоторыхъ, они бросаютъ въ огонь кусокъ сальниковой перепонки. Когда они приносятъ жертву водѣ, они идутъ къ пруду, къ рѣкѣ или ручью, роютъ яму и зарѣзываютъ жертву надъ нею, принимая предосторожности, чтобы кровь не пала въ воду и не осквернила ее; потомъ кладутъ куски мяса на миртовые или лавровыя вѣтви, зажигаютъ костеръ тоненькими палочками и поютъ заклинанія, возливая масло смѣшанное съ молокомъ и медомъ, но не въ огонь и не въ воду, а на землю. Заклинанія поютъ они длинные, и при этомъ держатъ въ рукѣ пучекъ сухихъ миртовыхъ палочекъ».

3. П р а в ы и з а к о н ы .

Восточный Иранъ и западный Иранъ, по Авестѣ. Сословія. Авеста въ нынѣшнемъ своемъ видѣ — сборникъ матеріала, принадлежащаго разнымъ эпохамъ и подвергавшагося разнымъ переработкамъ по надобностямъ разныхъ племенъ иранскаго народа; это ясно изъ того, что въ ней отражаются разные состоянія нравовъ, разные періоды быта и культуры. Въ древнѣйшихъ частяхъ ея, принадлежащихъ востоку, передъ нами народъ, еще недавно вышедшій изъ кочеваго быта; онъ еще не приобрѣлъ прочной привычки къ земле-

дѣлію, и земледѣльческое искусство еще мало развилось у него; цѣлыя племена его еще ведутъ кочевую пастушескую жизнь на обильныхъ пастбищахъ по склонамъ горъ. Въ другихъ частяхъ мы видимъ ужъ вполне разившійся государственный бытъ, неограниченную власть царя, бюрократію, и народъ ужъ раздѣлился на сословія, хоть и менѣе разьединенныя другъ отъ друга, чѣмъ касты, но все таки наслѣдственныя. Бытъ восточныхъ иранцевъ въ старыя времена наминаетъ и характеромъ своимъ и терминологіею общественныхъ отношеній бытъ арійцевъ на Индѣ: у восточныхъ иранцевъ древнихъ частей Авесты были патріархальные князья, жрецы, воины (кшатры, *kschathra*) и земледѣльцы (вастры, *vastrija* или вансо, *vanço*); домохозяинъ, отецъ семейства пользовался очень независимымъ положеніемъ; земледѣліе было въ почетѣ; животныя, надобныя для земледѣлія, въ особенности волю, лошади, собаки, были главнымъ имуществомъ народа; цѣны предметовъ, размѣры уплаты за преступленія опредѣлялись числомъ головъ того или другаго сорта домашняго скота; одежда дѣлалась изъ простыхъ матеріаловъ, даваемыхъ самою природою. Въ западно-иранскомъ царствѣ мы находимъ ужъ деспотическое устройство; духовенство и военный классъ ужъ привилегированныя сословія, группирующіяся около царя; ремесленники и торговцы царскихъ городовъ ужъ составляютъ сословіе, болѣе важное и почетное, чѣмъ классъ народа, занимающійся земледѣліемъ и скотоводствомъ; если еще и нѣтъ чеканной монеты, то ужъ есть множество золотыхъ и серебряныхъ вещей; и рѣчь идетъ въ западно-иранскихъ частяхъ Авесты ужъ не о сельскихъ жилищахъ съ плетневыми загонами для скота, а о великолѣпныхъ дворцахъ съ колоннами, о роскошныхъ одеждахъ, коврахъ и уборахъ. Духовенство ужъ наслѣдственное сословіе; это маги; они завѣдуютъ пышнымъ богослуженіемъ; но они ужъ занимаются и науками; медицина, которую высоко цѣнятъ священныя книги, получила широкое развитіе. Мы подробно знаемъ этотъ бытъ по разсказамъ греческихъ писателей о Мидіи и Персіи; но и въ Авестѣ есть данныя, показывающія, что его черты ужъ начинали формироваться. Мы видимъ изъ Авесты, что ученіе Зороастра приняло на западѣ ужъ не тотъ видъ, какой имѣло на востокѣ, менѣе цивилизованномъ. Это было одною изъ причинъ непріязни между восточными и западными иранцами. Покоренный востокъ думалъ, что онъ обладаетъ истиннымъ ученіемъ, и вѣроятно сохранялъ священное преданіе и священныя книги вѣрнѣе запада, смотрѣлъ съ гордостью на правовѣрія на западный Иранъ, «страну дурнаго, чрезмѣрнаго сомнѣнія», и тѣмъ отмщалъ Мидіи и Персіи за свою политическую подчиненность, за пренебреженіе, которое, вѣроятно, выказывали къ нему побѣдившія его племена.

Въ дошедшихъ до насъ отрывкахъ Авесты замѣтно, что составныя Гражданскіе за- части ихъ принадлежатъ разнымъ эпохамъ, и видны, хотя слабыми кони Авесты.

очертаніями, разныя степени развитія государственнаго устройства и культуры; потому надобно думать, что и въ гражданскихъ законахъ этого сборника были такія же различія. Въ уцѣлѣвшихъ отрывкахъ его находится мало законовъ, относящихся къ домашней жизни и общественному быту; да и тѣ, какіе есть, болѣе соотвѣтствуютъ древней простотѣ жизни восточнаго Ирана, чѣмъ новому, сложному устройству быта на западѣ. Вѣроятно, юридическіе обычаи и гражданскіе законы были подробнѣе изложены въ погибшихъ частяхъ Авесты.—Наказанія, назначаемыя Вендидадомъ за преступленія противъ личности и собственности, имѣютъ грубый характеръ, принадлежащій уголовному праву народовъ, едва поднявшихся на самыя первыя ступени культуры. Кромѣ уплаты вознагражденія, въ Авестѣ находится лишь одинъ видъ наказанія: битье плетью или палками; разница въ наказаніи за разные проступки и преступленія состоитъ лишь въ числѣ ударовъ.

Охраненіе собственности. Въ уцѣлѣвшихъ отрывкахъ Авесты вниманіе законодателя обращено главнымъ образомъ на охраненіе собственности, общественнаго порядка, домашняго хозяйства и семейной жизни. Воровство выставлено здѣсь гнуснѣйшимъ порокомъ, для подавленія котораго должны быть принимаемы всевозможныя мѣры осторожности и употребляемы строгія наказанія. Воры исполняютъ свои вредные замыслы болѣе всего въ ночной темнотѣ; они союзники черныхъ дѣвовъ. Не менѣе строги законы противъ мошенничества, отказа возратить взятое въ-займы и тому подобныхъ обмановъ; они называются очень тяжкими грѣхами, и за нихъ назначены большія наказанія, распространяющіяся и на родственниковъ виновнаго. Чтобъ уничтожить источникъ этого зла, Авеста выставляетъ ложъ великимъ прегрѣшеніемъ противъ всевидящаго бога свѣта, гнуснымъ оскверненіемъ души. Кто говоритъ неправду, измѣняетъ обѣщанію, клеветаетъ, распространяетъ лжеученія, распускаетъ дурные слухи о царѣ и начальствѣ, тотъ служитель духа лжи, гнусный для всѣхъ, и долженъ быть подвергнутъ самому строгому наказанію. Правдивость и вѣрность слову—основныя заповѣди Авесты. По разсказамъ Геродота, Ксенофонта и другихъ греческихъ писателей, мы знаемъ, что эти добродѣтели были основаніемъ общественной жизни и въ западномъ Иранѣ. Они говорятъ, что данное слово было для персовъ священнымъ, что правдивость считалась у нихъ первою добродѣтелью, ложъ и дѣланіе долговъ величайшимъ стыдомъ, что они учили дѣтей ѣздить верхомъ, стрѣлять изъ лука и быть правдивыми, что у нихъ считалось дурнымъ и говорить то, что дурно дѣлать. Ложъ, обманъ словомъ или дѣломъ были, по понятіямъ иранцевъ, безчестнѣйшими пороками и преступленіями. Подобно правдивости считались у нихъ высокими добродѣтелями гостепріимство, щедрость, благотворительность, такъ что были у нихъ какъ будто врожденными качествами;

Ксенофонтъ говоритъ, что персы больше любятъ давать, чѣмъ брать.

О безопасности личности Авеста заботится такъ же усердно, какъ объ огражденіи собственности. За убійство и за нанесеніе поврежденій она опредѣляетъ такія же наказанія, какъ уставъ Ману. Заботливость Авесты объ охраненіи жизни выражается и въ томъ, что она усердно выставляетъ пользу медицины, которая поэтому получила у персовъ высокое развитіе и научный характеръ. Въ Бактріи болѣзнь, смерть, тѣбныя считались дѣломъ Ангромаиньюса; потому врачи, священная обязанность которыхъ охраненіе жизни, исхищеніе челоуѣка отъ смерти, были слугами Агурамазды; медицина находилась въ тѣснѣйшей связи съ религіею, и врачами были жрецы. Трѣтаона, убившій змѣя, былъ и первый врачъ; итакъ, ужъ и миѣ тѣсно соединялъ охраненіе тѣлеснаго здоровья съ охраненіемъ души. Вендидадъ даетъ самыя точныя правила врачеванія и опредѣляетъ вознагражденіе врачу за его труды.

Охраненіе жизни.

Въ седьмомъ фаргардѣ Вендидада говорится, что болѣзни исцѣляются травами, ножемъ и священнымъ словомъ (мантра-спента), и если сойдутся врачи, лечащіе ножемъ, травами и молитвами, то самыми полезными изъ нихъ надобно считать лечащихъ молитвами. О томъ, что болѣзнь излечивается заклинаніями и таинственными формулами, говорится и во многихъ другихъ мѣстахъ Вендидада. Должно приглашать врачей лечить и животныхъ. Медицинское правило *experimentum fiat in corpore vili* ужъ есть въ Авестѣ: „Когда чтители Агурамазды хотятъ сдѣлаться врачами, они должны дѣлать операціи на поклонникахъ дѣвовъ. Если учащійся сдѣлалъ три такія операціи, и поклонникъ дѣвовъ каждый разъ умеръ, этотъ учащійся навсегда неспособенъ лечить. А если онъ исцѣлилъ трехъ поклонниковъ дѣвовъ, то онъ способенъ лечить чтителей Агурамазды, и можетъ по желанію испытывать надъ ними свое искусство. Въ вознагражденіе врачу дается скотъ, крупный или мелкій, смотря по сословію излеченнаго больного.

Авеста не довольствуется тѣмъ, что беретъ подъ свою святую охрану жизнь, уже развившуюся; она заботится охранить и зародыши жизни, чтобы не погибала жизненная сила. Потому она строго воспрещаетъ противоестественныя пороки и устанавливаетъ тяжелыя наказанія за недозволительныя половыя отношенія. «Надъ челоуѣкомъ старше пятнадцати лѣтъ, который предается любострастію безъ посяса и союза и убиваетъ тѣлесный міръ чистоты, получаютъ власть дэвы и изсушаютъ у него языкъ и жиръ», говоритъ Авеста. Педерастія и всякій противоестественный порокъ, произведеніе искусственнаго выкидыша—очень тяжкіе грѣхи, дѣлающіе виновныхъ добычею злыхъ духовъ. Заботясь о сохраненіи жизненной силы, Авеста, разумѣется, находитъ надобнымъ требовать, чтобы люди рано вступали въ бракъ, и даетъ почетное положеніе въ обществѣ отцу семейства. По ученію Зороастра, домохозяину принадлежитъ такая

Законы противъ разврата.

Законы о бракѣ.

же власть надъ женщинами и холостыми мужчинами семейства, какая принадлежала ему въ Индіи. Геродотъ говоритъ, что «у каждаго перса нѣсколько женъ и еще больше наложницъ, потому что, послѣ мужества въ битвѣ, считается у нихъ самымъ уважаемымъ доказательствомъ мужественной силы, когда у человѣка много дѣтей; и у кого очень много дѣтей, тому царь ежегодно посылаетъ подарокъ». Это было естественнымъ выводомъ изъ тенденцій, высказавшихся въ Авестѣ. Она ставила замужство въ обязанность дѣвушкѣ, достигшей возраста вступленія въ бракъ, угрожала очень продолжительными мученіями въ адѣ остающимся по собственной волѣ въ безбрачїи. Браки должны были заключаться только съ правовѣрующими (мазданаснами). Дозволительны были и часто встрѣчались браки въ близкихъ степеняхъ родства, даже между братомъ и сестрою. Браки съ поклонницами дэвовъ были запрещены подѣ страхомъ очень тяжелыхъ наказаній.

«Человѣкъ, смѣшивающій съми благочестивыхъ и нечистыхъ, служащихъ дэвамъ и чтущихъ Агурамазду», говоритъ Авеста, «изсушаетъ этимъ грѣхомъ третью часть влажной текущей воды, уничтожаетъ ростъ третьей части возрастающихъ, прекрасныхъ, приносящихъ золотые плоды деревьевъ, третью часть одѣянія святой, покорной земли уничтожаетъ онъ, уничтожаетъ третью часть чистыхъ людей, думающихъ, говорящихъ и дѣлающихъ много хорошаго, сильныхъ, побѣдоносныхъ и пречистыхъ». Кто вступаетъ въ такіе союзы съ грѣшниками и служителями дэвовъ, тѣхъ еще необходимо убивать, чѣмъ ядовитыхъ змѣй, хищныхъ вояковъ и ящерицъ, бѣгущихъ въ жаждѣ къ водѣ.

Воспитаніе.

До пятого или шестаго года мальчики растутъ у женщинъ; до пятнадцати лѣтъ они учатся молитвамъ и догматамъ вѣры у жрецовъ; послѣ того возлагается на юношу священный шнуръ: юноша читаетъ наизусть исповѣданіе вѣры, три раза произноситъ клятву исполнять законъ Зороастра, совершается многосложный обрядъ молитвъ и очищеній, и юношу опоясываютъ священнымъ шнуромъ; этотъ шнуръ былъ одинаковый для всѣхъ сословій; онъ былъ сплетенъ изъ верблюжьей или овечьей шерсти; человѣкъ не снималъ его съ себя ни днемъ, ни ночью; онъ былъ вѣрнѣйшею охраною противъ дэвовъ. «Лишь по возложеніи этого шнура юноша становится отвѣтственнымъ за свои поступки, говоритъ Дункеръ: «грѣхи, совершаемые имъ раньше того, грѣхи его родителей».

4. Преданія иранцевъ.

Подобно вѣроученію и миѣическо-историческія преданія иранцевъ, пересказанныя намъ Фирдуси и сохранившія у него свой древній національный колоритъ, развились въ восточномъ Иранѣ, въ Бактріи, Согдіанѣ и древней области Аріи. Фантазія иранцевъ, какъ бы не находя себѣ опоры и матеріала въ символическихъ и аллегорическихъ божествахъ, не имѣвшихъ ни опредѣленности очертаній, ни миѣологической исторіи, обратила всю свою творческую дѣятельность на героическія преданія; этому сосредоточенію ея силъ на нихъ лица ихъ обязаны своею выразительностью и жизненностью. Героическія сказанія, созданныя иранскими племенами въ ущельяхъ Паропамиза, не имѣли такой счастливой судьбы, какъ индійскія и греческія національныя преданія: не были, подобно имъ, очень рано соединены духомъ широкаго поэтического творчества въ національный эпосъ; военныя бури и иноземное иго съ глубокой древности стали губить сокровища національной поэзіи восточнаго Ирана, разрушать благороднѣйшія созданія жизни его народа. Но не вся его поэзія исчезла безъ слѣда: преданія переходили отъ поколѣнія къ поколѣнію, пока наконецъ, около 1000-наго года нашей эры, поэтъ-патріотъ, горячо любившій древнюю религію и сказанія старины Ирана, Абуль-Касимъ-Мансуръ, получившій названіе Фирдуси (Фирдауси), «Райскаго» поэта, собралъ, при поддержкѣ покровительствовавшего поэзіи царя, Махмуда Газнійскаго, эти изустныя сказанія, отчасти, быть можетъ, и записанныя преданія о древнихъ иранскихъ царяхъ и герояхъ, и пересказалъ ихъ съ величайшею заботливостью о точности передачи. Очень возможно, что у Фирдуси были и письменные матеріалы: около половины VI вѣка нашей эры, когда царство Сассанидовъ было въ полномъ блескѣ своего могущества, царь Хосру Нуширванъ I велѣлъ собрать и записать преданія народа и сказанія жрецовъ; они были потомъ подѣ владычествомъ арабовъ сохраняемы патріотизмомъ персіанъ. Фирдуси собралъ въ одну эпопею всѣ уцѣлѣвшія преданія и вновь возвеличилъ древнюю религію Агурамазды. Сравнивая первую часть его Шахъ-Намэ («Книги царей») съ Авестою, видимъ, что основныя очертанія иранскаго эпоса принадлежатъ такой же глубокой древности, какъ вѣроученіе, сохранившееся въ Вендидадѣ; они древнѣе времени основанія мидійско-персидскаго царства. Воспоминанія о дѣлахъ древнихъ царей и героевъ Ирана были, говоритъ Шахъ, постоянно поддерживаемы у огнепоклонниковъ многочисленными упоминаніями о нихъ въ священныхъ книгахъ; фантазія вѣрующихъ разгоралась въ думахъ объ именахъ, ежедневно произносимыхъ ими

въ молитвахъ, обогащала, пополняла преданія соединенныя съ этими именами, и такимъ образомъ подъ лучами святаго свѣта озарявшаго лица молящихся созрѣлъ сіяющій эпосъ Ирана. То, чего не было въ циклѣ преданій Авесты, оставалось чуждымъ народной поэзіи; потому дѣла великихъ персидскихъ царей, Кира, Дарія, Ксеркса, исчезли изъ народнаго преданія, а болѣе старыя имена, неизвѣстныя исторіи, продолжали жить въ памяти народа и увѣковѣчены поэзіею. Древнія развалины у Демавенда еще и теперь называются въ народѣ «Замкомъ Согака», а остатковъ древности, носящихъ имя Рустема, въ Персіи такъ же много, какъ Роландовыхъ камней въ нѣкоторыхъ частяхъ Европы: развалины дворцовъ, древніе мосты, плотины, шлюзы и т. д. прославлены усвоеніемъ ихъ седжестанскому герою Ирана. Изъ этихъ и многихъ другихъ фактовъ ясно, что эпопея Фирдуси вѣрно передаетъ намъ содержаніе національныхъ сказаній глубокой иранской древности, что изображаемыя ею фигуры героевъ и подвиги ихъ дѣйствительно принадлежать циклу мифовъ вѣроученія Зороастра, что описываемые ею нравы и бытъ представляютъ вѣрную картину древней жизни, что символы и мифы, собранные въ ней, дѣйствительно были вѣрованіями древнихъ иранцевъ. Но для фактической исторіи поэма Фирдуси даетъ очень мало матеріаловъ; мифическіе образы не могутъ быть принимаемы за историческія лица. Впрочемъ нѣкоторые выводы относительно неизвѣстной намъ древнѣйшей исторіи восточнаго Ирана все таки можно сдѣлать изъ этихъ преданій. О блескѣ и величіи царей разсказывается въ нихъ такъ много, что восточно-иранское царство вѣроятно было могущественно. Небесные духи превращены иранскимъ эпосомъ въ героевъ; — это показываетъ, что иранскій царь былъ нѣкогда окруженъ воинственною аристократіею, считавшею своими предками боговъ. Постоянные и опасные враги бактрійскихъ царей — туранцы. Дѣти скудныхъ степей алчными глазами смотрѣли на богатые области Бактріи и Согдіаны. Надобно думать, что иранскіе цари съ самыхъ давнихъ временъ дѣйствительно должны были отражать нашествія степныхъ племенъ, какъ приходилось дѣлать это Ахеменидамъ и позднѣйшимъ персидскимъ династіямъ. Бактрія подъ властью персовъ сохраняла исключительное положеніе. Ея намѣстникъ былъ полу-независимымъ правителемъ; и бактрійскіе аристократы стойко оборонялись отъ Александра въ своихъ горныхъ замкахъ.

Сказанія Ирана по Шахъ-Намѣ Фирдуси.

Первый на землѣ, носившій корону и царскую повязку на головѣ, былъ прародитель людей, Каяморсъ. Онъ поселился на горахъ, одѣлъ себя вѣ своей народъ въ тигровыя шкуры; подобно солнцу сіялъ онъ на своемъ престолѣ; и животные и люди повиновались ему. Но Ариманъ смотрѣлъ съ завистью на его царственное величіе, послалъ на него дива, и сынъ Каяморса, храбрый Сіамекъ, палъ въ бою; но сынъ его,

Гушенгъ (Husheng), поразилъ дивовъ, отомстилъ за смерть отца и взомелъ на престолъ Каяморса. Онъ открылъ искусство извлекать огонь изъ камня, возжегъ священное пламя и построилъ первый алтарь огню; онъ научилъ людей и ковать желѣзо, орошать землю, дѣлать себѣ одежду изъ звѣриныхъ шкуръ. По смерти Гушенга взомелъ на иранскій престолъ Тамуграсъ (Tamuhras), усмиритель дивовъ; при немъ люди узнали искусство присть и ткать, научились пѣть, научились укрощать животныхъ. Получивъ отъ Серуша, вѣстника боговъ, арканъ, выѣхалъ онъ на конѣ, съ булавою и арканомъ въ рукѣ, противъ дивовъ и низвергалъ ихъ на землю. Послѣ Тамуграса правилъ съ царственнымъ блескомъ Джимъ или Джемшидъ (называющійся въ Авестѣ Джимой). Онъ раздѣлилъ людей на четыре званія: на жрецовъ, воиновъ, земледѣльцевъ и ремесленниковъ; съ помощью дивовъ, которые стояли у его престола препоясанные, какъ рабы, онъ воздвигъ великолѣпныя зданія; онъ извлекъ изъ земли металлы и построилъ первый корабль. Все повиновалось могущественному Джемшиду; ему приносили драгоценныя уборы, и праздновали ежегодно въ честь его торжество, «новый день». Такое величіе сдѣлало его надменнымъ; онъ послалъ свое изображеніе народамъ и потребовалъ, чтобы они оказывали ему божескія почести. Тогда отступило отъ него сіяніе божіе, цари и вельможи возстали противъ него, и злой духъ снова сталъ могущественъ на землѣ. Въ то время жилъ въ землѣ Тасіецъ (Thasi) въ пустынѣ князь, имя которому было Согакъ (Sohak), исполненный властолюбія и нечестивыхъ желаній. Къ нему пришелъ Иблисъ, злой духъ, и сказалъ: «надъ солнцемъ возвышу я главу твою, если ты вступишь со мною въ союзъ». Согакъ заключилъ съ нимъ союзъ, убилъ при помощи дива своего отца и овладѣлъ его престоломъ. Тогда Иблисъ превратился въ прекраснаго юношу, поступилъ поваромъ въ службу Согака, питалъ его явкою, какъ льва, чтобы сдѣлать его мужественнымъ, и давалъ ему превосходныя кушанья, чтобы приобрести его расположеніе. И попросилъ онъ себѣ позволенія поцѣловать Согака въ плечо. Согакъ позволялъ ему; и мгновенно выросли на томъ мѣстѣ, которое поцѣловалъ юноша, двѣ черныя змѣи. Согакъ изумился; велѣлъ отрѣзать ихъ у самаго корня; но напрасно: какъ вѣтви дерева, онѣ выросли опять. Тогда Иблисъ пришелъ къ нему въ образѣ врача и далъ ему совѣтъ кормить ихъ человѣческимъ мозгомъ. Тѣмъ надѣялся Иблисъ истребить людей на землѣ. И вотъ къ этому Согаку обратились иранцы, недовольные Джемшидомъ, и провозгласили его своимъ царемъ. При извѣстіи о приближеніи Согака Джемшидъ бѣжалъ, отдавая престолъ завоевателю-иноземцу. Черезъ сто лѣтъ, онъ снова является къ людямъ на самомъ далекомъ востокѣ, на берегу моря, въ странѣ Чинъ (Китай); Согакъ беретъ его въ плѣнъ и перепиливаетъ пополамъ пилою. Согакъ царствуетъ надъ Ираномъ тысячу лѣтъ, совершая злодѣянія за злодѣяніями. Каждый день отдають на пищу его змѣямъ двухъ людей; въ его дворецъ насильно приводятъ чистыхъ дѣвушекъ и приучаютъ ихъ къ дурному. Онъ кровожадно тиранствуетъ. Онъ велитъ убить всѣхъ потомковъ Джемшида, которыхъ можетъ отыскать, потому что сновидѣніе предвѣстило ему: юноша царскаго рода, стройностью стана подобный кипарису, убьетъ его желѣзною булавою, сдѣланною въ видѣ коровьей головы. Но Феридунъ (Фредуна; древній иранскій національный герой Трэтона), правнукъ Джемшида, спасенъ отъ поисковъ Согака осторожностью матери, отдавшей его пустынною въ лѣсу горы Эльбруса. Достигнувъ шестнадцати лѣтъ, онъ сходитъ съ горы; узнаетъ отъ матери свое происхожденіе и судьбу своей династіи, идетъ отмстить тирану. Кузнецъ Кана, шестнадцать сыновей котораго пожраны змѣями Согака, привязываетъ къ копью свой кожаный фартукъ и подъ этимъ знаменемъ ведетъ ненавидящихъ Согака къ Феридуну. Феридунъ велитъ выковать булаву имѣющую форму коровьей головы, въ воспоминаніе о коровѣ Пурмаи, которая кормила его въ лѣсу. Онъ побѣждаетъ Согака, не убиваетъ его, потому что это воспрещено святымъ Серошемъ (Сраошею), а приковываетъ къ скалѣ въ глубокой, ужасной пещерѣ горы Демавенда. Таковъ видъ, полученный въ теченіе вѣковъ древнимъ мифомъ о трехголовомъ змѣѣ Дагажъ (Dahaka), котораго убилъ Трэтонъ, сынъ Атви. Чудовище, созданное Ангромаиньюсомъ для опустошенія міра чистоты, превращено въ тирана съ одною человѣческою и двумя змѣиными головами; мифическій герой, побѣдившій изобрѣтеніемъ медицины болѣзнь и смерть, сталъ просто человѣкомъ.

Пять соть лѣтъ править Феридунъ Ираномъ мудро и справедливо. Но сила злаго духа продолжаетъ дѣйствовать въ его родѣ. Удрученный старостью, онъ дѣлитъ царство между тремя сыновьями *Сельмомъ*, *Туромъ* и *Преджеомъ*; *Сельмъ* и *Туръ* говорятъ, что онъ слишкомъ много далъ младшему сыну. Напрасно *Преджъ*, благородный душою и храбрый, заявилъ, что отказывается отъ всего въ пользу ихъ. Старшіе братья, раздраженные тѣмъ, что народъ называетъ *Преджа* достойнѣйшимъ царской власти, убиваютъ любимого богомъ юношу. Изъ устъ старика отца вырывается проклятіе, которое «подобно палящему дыханію пустыни пожретъ злодѣевъ»; онъ призываетъ на нихъ мщеніе. Его желаніе исполняется. Внукъ *Преджа* *Миноджеръ* убиваетъ обоихъ убійцъ и посылаетъ головы ихъ Феридуну. Старикъ умираетъ отъ печали о судьбѣ своего рода. Начинается страшная война между враждебными отраслями его династїи. Новыя злодѣянія увеличиваютъ силу злаго духа. Потомокъ *Тура*, свирѣпый, волнуемый необузданными страстями *Афрасіабъ* (*Фрагарша*), царь *Турана*, побѣждаетъ въ кровопролитной племенной войнѣ, овладѣваетъ страной солнца, Ираномъ, ставитъ свое знамя надъ престоломъ *Джемшида*. Но герой *Рустемъ* поражаетъ враговъ. *Рустемъ* родился въ *Сейестанѣ* (*Дрангіанѣ*); онъ сынъ героя *Сала* и *Рудабе*, дочери *Кабульскаго* царя. Разсказъ о любви *Сала* и *Рудабе*—граціозный эпизодъ величественной эпопеи, исполненной воинственного духа. Побѣдивъ *Афрасіаба*, *Рустемъ* возводитъ на иранскій престолъ *Кай-Кобада* (*Кава-Кавада*), потомка Феридуна. *Афрасіабъ* убѣгаетъ за *Оксузъ*. *Рустемъ* защищаетъ противъ туранцевъ страну солнца, Иранъ, при *Кава-Кавадѣ* и его преемникахъ *Кава-Усѣ* (*Кай-Кавусѣ*), *Кава-Сьяваренѣ* (*Сіявакушѣ*) и *Кава-Хусравѣ* (*Кай-Хосру*). На своемъ быстромъ какъ молнія конѣ *Рекшѣ*, который одинъ изъ всѣхъ коней выдержалъ испытаніе давленіемъ тяжелой руки его, *Рустемъ*, съ навиннутой на плеча тигровою шкурою, бьется арканомъ и булавою, имѣющею форму головы быка, и никто не можетъ устоять передъ нимъ. Какъ мѣдъ его тѣло, подобенъ горѣ его видъ, широка и высока его грудь, преизобильна его сила, и едва увидятъ его, ужасаются враги. Даже дивы безсильны бороться съ нимъ. Раздраженный благоденствіемъ Ирана, *Ариманъ* придумываетъ новыя средства погубить служащихъ богу свѣта. Онъ возбуждаетъ въ душѣ *Кай-Кавуса* надменность и алчность; *Кай-Кавусъ* доходитъ до такой дерзости, что считаетъ себя равнымъ съ богами, и перестаетъ чтить ихъ. Воображая себя всемогущимъ, онъ совершаетъ рядъ безумныхъ дѣлъ и навлекаетъ на себя бѣдствія. Три раза наводитъ *Ариманъ* враговъ на Иранъ, три раза угрожаетъ Ирану гибелью. Но каждый разъ сильная рука *Рустема* отражаетъ враговъ; и наконецъ *Кай-Кавусъ*, вразумленный бѣдствіями, становится разсудителенъ. Въ ярости отъ неудачи своихъ замысловъ, отъ возобновившагося благоденствія Ирана, надъ которымъ снова сіяетъ солнце, *Ариманъ* обращаетъ свой гнѣвъ на героя, разрушившаго всѣ его козни, и успѣваетъ запутать дѣла такъ, что *Сограбъ* (*Sohrab*), сынъ *Рустема*, родившійся въ *Туранѣ*, ведетъ туранцевъ на Иранъ; отецъ, не узнавъ сына, убиваетъ его на поединкѣ. Новыя скорби овладѣваютъ душою *Рустема*, когда онъ узнаетъ, что мужественный юноша, убитый его кинжаломъ, сынъ его, пошедшій на войну, чтобы найти отца. Но хотя страшно потрясенный тяжкимъ ударомъ судьбы, *Рустемъ* остается обороною святой иранской страны. Злоба *Аримана* изобрѣтаетъ новую кознь. *Сіявушъ* («Темноглазый»), сынъ *Кай-Кавуса*, чистый душою и прекрасный видомъ, котораго *Рустемъ* научилъ всѣмъ воинскимъ доблестямъ, становится жертвою вражды *Аримана*. Мачиха *Сіявуша*, *Рудабе*, раздраженная тѣмъ, что онъ отвергъ ея любовь, хочетъ погубить его интригами и клеветой. Но невинность *Сіявуша* разрываетъ сѣть лжи. Тогда постигаетъ его другая опасность. Боясь *Рустема* и *Сіявуша*, *Афрасіабъ* заключилъ миръ съ Ираномъ. *Кай-Кавусъ*, обольщенный злымъ совѣтомъ, хочетъ возобновить войну, требуетъ отъ сына нарушенія даннаго слова. *Сіявушъ* съ негодованіемъ отвергаетъ вѣроломство; отецъ настаиваетъ на своемъ требованіи, *Сіявушъ* убѣгаетъ къ *Афрасіабу*. *Туранскій* царь принимаетъ его съ радостью, женитъ его на своей дочери, даетъ область во владѣніе ему. Но не долго улыбается счастье *Сіявушу* въ дворцѣ, который онъ построилъ среди розовыхъ садовъ и тѣнистыхъ рощъ. *Герсивесъ*, братъ *Афрасіаба*, завидуя доблестямъ и дарованіямъ иранскаго героя, наполняетъ душу царя подозрѣніемъ, что *Сіявушъ* находится въ сношеніяхъ съ его врагами, а *Сіявушу* го-

ворить, что ему угрожаетъ опасность и убѣждаетъ его бѣжать. На дорогѣ поставленъ отрядъ туранцевъ подстерегать его; онъ взятъ въ плѣнъ и *Герсивесъ* отсѣкаетъ ему голову. Это новое преступленіе возбуждаетъ ожесточенную войну: въ гнѣвѣ, *Рустемъ* препоясывается мечемъ, отмститъ за *Сіявуша*; *Афрасіабъ* разбитъ, принужденъ бѣжать къ морю страны *Чинъ*; его сынъ погибаетъ тою же смертію, какъ *Сіявушъ*; *Туранъ* страшно опустошенъ. Еще сильнѣе свирѣпствуетъ война, когда на иранскій престолъ восходитъ *Кай Хосру*, сынъ *Сіявуша*, рожденный по смерти отца, скрытый отъ преслѣдованій и воспитанный у пастуховъ. Борьба народовъ принимаетъ колоссальный размѣръ: множество царей ведутъ свои войска на помощь туранцамъ; вся центральная Азія соединяется противъ Ирана. Войско *Кай-Хосру* будетъ, повидимому, подавлено многочисленностью враговъ. Но *Рустемъ* снова спасаетъ царство. Сорокъ дней длится его бой съ врагами; они разсѣваются передъ нимъ, какъ облака, гонимыя бурей. *Афрасіабъ* не можетъ устоять предъ его силою, и послѣ долгой борьбы мечъ мщенія падаетъ на его голову; постигаетъ смерть и коварнаго *Герсивеса*. Побѣдоносные герои возвращаются на родину. Вскорѣ послѣ того *Кай Хосру*, справедливый царь, былъ въ удивленіи лѣса взятъ отъ земли и вознесенъ на небо къ солнцу; на престолъ *Джемшада* вступилъ *Лограспъ* (*Lohgasp*; *Аурваташна*, *Aurvatašra*), котораго онъ назначилъ своимъ преемникомъ. *Лограспъ* построилъ въ *Балхѣ* великолѣпные храмы для служенія огню и дворцы; онъ царствовалъ не долго; престолъ наслѣдовалъ его сынъ *Густаспъ* (*Gustasp*; *Васташна*, *Vastasp*, «обладатель коней»), при которомъ побѣда чтителей боговъ надъ силами мрака завершается откровеніемъ новой очищенной религіи свѣта *Зертушту* (*Zaratusht*). Повсюду принимается новое вѣроученіе, повсюду воздвигаются алтари служенія огню, и въ память объ установленіи истинной вѣры *Зертуштъ* насаждаются священный *Кишмерскій* кипарисъ. Силы мрака пытаются искоренить новую вѣру, угрожающую на вѣки уничтожить ихъ владычество. По ихъ наущенію царь *Туранскій* *Арджаспъ*, внукъ *Афрасіаба*, требуетъ, чтобы *Густаспъ* изгналъ *Зертушта* и возвратился къ прежней вѣрѣ; *Густаспъ* не соглашается, и *Арджаспъ* идетъ войною на него. Но туранское войско побѣждено сыномъ *Густаспа*, вторымъ любимымъ героемъ иранскаго народа, *Исфендіаромъ* (*Шпентодатою*, *Spentodata*), все тѣло котораго, кромѣ глазъ, было неуязвимо, по благодати дарованной ему чудотворною силою мудраго пророка. Ярость *Аримана* обращаетъ теперь свою злобу на *Исфендіара*, возбуждаетъ въ сердцѣ *Густаспа* подозрѣніе противъ сына, и отецъ посылаетъ *Исфендіара* на чрезвычайно опасные подвиги, чтобы онъ погибъ въ этихъ предпріятіяхъ. Но юноша преодолеваетъ всѣ опасности, совершаетъ, какъ нѣкогда *Рустемъ* на походѣ въ *Мазандеранъ*, семь подвиговъ, и снова побѣждаетъ туранскаго царя, вторгнувшагося въ Иранъ и разрушившаго алтари служенія огню. *Густаспъ* примиряется съ сыномъ, и обѣщаетъ отдать ему царство, если онъ приведетъ въ цѣпяхъ *Рустема*, который держалъ себя въ *Сейестанѣ* какъ независимый государь и не исполнялъ обязанностей вассала. *Исфендіаръ* повинуется повелѣнію отца, хотя душа его возмущается противъ этого и исполнена мрачнымъ предчувствіемъ. *Рустемъ* не хочетъ покориться позорному требованію, и начинается поединокъ между нимъ и *Исфендіаромъ* въ отдаленномъ отъ войскъ лѣсу. Они бьются день за день; побѣда колеблется. *Рустемъ* раненъ и уходитъ на холмъ. Птица *Симургъ* высасываетъ кровь изъ его раны и уноситъ его къ морю страны *Чинъ*, гдѣ стоитъ вязъ, имѣющій роковую силу надъ жизнью *Исфендіара*. *Рустемъ* срываетъ съ него вѣтвь, дѣлаетъ изъ нея стрѣлу и на слѣдующій день возобновляетъ поединокъ съ *Исфендіаромъ*. Юноша не хочетъ прекратить бой, *Рустемъ* пускаетъ стрѣлу въ глазъ ему и убиваетъ его. Но этимъ обрекъ *Рустемъ* и себя на смерть: *Зертуштъ* сдѣлалъ заклинаніе, что кто убьетъ *Исфендіара*, скоро умретъ и самъ. Чернокрылые духи смерти летаютъ около головы *Рустема*; онъ долженъ слѣдовать за *Исфендіаромъ* въ холодное царство ночи. Подобно *Преджу*, онъ погибаетъ отъ коварства брата. На охотѣ въ *Кабулистанѣ* онъ падаетъ въ яму, на днѣ которой воткнуты остриями мечи и копья. Эту яму предательски приготовилъ для паденія ему въ нее *Кабульскій* царь, по совѣту его завистливаго брата, *Шегада*. Старикъ *Саль* идетъ войною на убійцъ, и отмститъ за героя-сына, умираетъ въ скорби о гибели своего рода. Съ глубоко-трагическимъ

чувством ставить персидскій эпосъ траурное знамя надъ могилами своихъ любимцевъ и поетъ похоронную пѣснь славной жизни, павшей въ жертву неумолимой судьбѣ. Преданія и имена, которыя передаетъ намъ поэма Фирдуси, непрерывно во все вѣка хранились въ памяти иранскаго народа. Все огромныя древнія сооруженія иранцы приписываютъ Джамшиду, Рустему или Согаку.

3. Мидійское царство и начало царствованія Кира.

1) СТРАНА И ПЛЕМЕНА МИДИИ И ПЕРСИИ.

Мидія.

Мидія имѣетъ сто миль протяженія отъ проходовъ Загрскаго хребта, составляющаго границу ея съ Ассиріей, до Каспійскихъ воротъ; таково же разстояніе между сѣвѣрною и южною границами ея. Она занимала пространство нынѣшнихъ персидскихъ провинцій Азербейджана и Гилана, западную часть Мазандерана и весь Иракъ-Аджеми. Это горная страна, окруженная или перерѣзанная развѣтвленіями Тавра и Антитавра, имѣющая множество богатыхъ пастбищъ и плодородныхъ долинъ съ роскошными виноградниками и тутовыми плантаціями. Сѣвѣрная часть ея, лежащая на западномъ берегу Каспійскаго моря и имѣющая своею границею *Араксъ*, притокъ Кура (древняго Кира, *Cyrus*), Малая *Мидія* или *Атропатена*, горная страна, хребты которой были въ древности покрыты лѣсомъ; съ горъ течетъ много рѣчекъ, сливающихся въ большое соляное озеро Урмію, называвшееся въ древности Спаутою. Слѣдами культурнаго населенія первобытныхъ временъ въ ней остаются природныя, но искусственно расширенныя пещеры, соединенныя коридорами въ многоярусные лабиринты, круглыя сооруженія со сводами. Окруженная высокими хребтами, эта область имѣла въ древности по верхнимъ склонамъ горъ прекрасныя пастбища, много хорошихъ луговъ, изобильные нефтяные источники; а долины и равнины ея были богаты разнообразными продуктами. Сосѣдство покрытыхъ снѣгомъ высотъ съ роскошною растительностью очаровательныхъ долинъ давало ей характеръ дикой и вмѣстѣ прелестной альпійской страны. Въ сѣвѣрной части ея жили хищные *кадусійцы* (собственно, гелы, имя которыхъ стало названіемъ этой области: Гиланъ). Они умѣли ловко взбираться по скаламъ, искусно бросали въ непріятеля дротики. Ихъ жилища простирались до самаго моря. Ихъ сосѣдами были *марды* и *тануры*, похожіе на нихъ образомъ жизни и нравами. На крутой скалѣ мидійской горы Багистана находится бывшая клинообразная *бизутунская надпись*, содержащая въ себѣ около 1,000 строкъ; при надписи сдѣлано изображеніе царя Дарія, окруженнаго свитою и плѣнниками; подлѣ, видны остатки обширныхъ садовыхъ сооружений, приписываемыхъ преданіемъ Семпрандѣ. Чтобы держать кадусійцевъ въ повиновеніи, Киръ построилъ въ ихъ землѣ городъ, который греки называютъ Кирополею, и кажется, успѣлъ покорить ихъ.—Южная часть Мидіи, *Великая Мидія*, славилась въ древности плодородіемъ своихъ нивъ, превосходными пастбищами, множествомъ лошадей и другихъ домашнихъ животныхъ. Горы ея были покрыты великолѣпнымъ лѣсомъ, въ закрытыхъ отъ холоднаго вѣтра долинахъ было множество апельсиновыхъ и лимонныхъ деревьевъ, смоковницъ и винограда, множество меда и благовоннаго растенія сальфія. Въ прелестной

мѣстности у горы Оронта (Эльвенда), гдѣ нынѣ живописно стоитъ подъ вѣчно зелеными деревьями Гамаданъ, высилась древняя столица мидійскихъ царей, Гагматана (*Hagmatana*), которую Геродотъ и другіе греческіе писатели его времени называютъ Агбатаною, а болѣе поздніе—Экбатаною. Древніе писатели съ баснословнымъ преувеличеніемъ рассказываютъ о богатствѣ этого города золотомъ и серебромъ, о роскошности и красотѣ его, о великолѣпномъ царскомъ дворцѣ и о казнохранилищѣ царства, о стѣнахъ, опоясывавшихъ дворецъ кольцами, которыя стояли одно надъ другимъ по подъему холма къ вершинѣ, гдѣ возвышался дворецъ. Еще обширнѣе Экбатаны былъ городъ *Рамъ* (*Rhagae*), о громадности и великолѣпнѣй котораго еще и теперь свидѣтельствуютъ развалины, въ той мѣстности, гдѣ нынѣ Рей, на юго-востокъ отъ Тегерана. Близъ очаровательной области этого города, *Рагіаны*, разстилались знаменитые Низейскіе луга, на которыхъ паслись лошади заводской породы, считавшейся самою лучшею во вѣдой Азіи. По словамъ Діодора, въ Низейскихъ табунахъ считалось 160,000 лошадей.

На югозападѣ отъ Мидіи лежала *Сузіана* (нынѣшній Хузистанъ), обширная равнина между хребтомъ западной окраины Персіи и Тигромъ, составляющая продолженіе равнины Вавилоніи, и опоясанная горами со всѣхъ сторонъ. Открытая жаркимъ южнымъ и западнымъ вѣтрамъ, закрытая отъ прохладныхъ сѣверныхъ и восточныхъ вѣтровъ высокимъ хребтомъ, приморская низменность Сузіаны страдаетъ невыносимымъ зноемъ. Страбонъ говоритъ, что тамъ змѣи и ящерицы, пробиравшіяся лѣтомъ въ полдень черезъ дороги, были сожигаемы солнцемъ; и по дорогамъ лежали ихъ трупы; что разсыпанный по землѣ ячмень изжаривался на солнцѣ, какъ въ печи. Но сѣвѣрная подгорная полоса имѣетъ умѣренный климатъ, а горная сурова и холодна. „Прибрежье очень плоская низменность“, говоритъ Форбигеръ, „а вдоль берега тянутся болотистыя отмели, такъ что пристань на немъ мала и весь онъ неудобенъ для судоходства. Потому онъ былъ очень мало извѣстенъ древнимъ“. Кромѣ приморскихъ болотъ, вся Сузіана была очень плодородна; это была область, богатая пшеницею, рисомъ, виномъ. Богата была она и нефтяными источниками. *Сузіанскіе проходы* вели на востокъ черезъ самую высокую и узкую часть хребта. Сузіану орошаютъ притоки Тигра. Изъ нихъ былъ знаменитъ своею чистою водою Хоаспъ, текущій съ сѣверовосточныхъ горъ. На немъ лежала столица Сузіаны, Суза. Персидскіе цари въ своихъ путешествіяхъ возили съ собою въ серебряныхъ сосудахъ запасъ воды Хоаспа. Туземное имя этой рѣки Улай, въ греческой формѣ Эвлей. Изъ рѣчекъ было проведено много каналовъ, такъ что орошеніе земли было изобильно. Туземное имя населявшаго Сузіану племени было Афарты. У вавилонянъ названіе этой страны было Иламъ (въ еврейскихъ книгахъ, Эламъ). Древнее персидское имя ея было Гузга (*Huzha*). Отъ этого названія произвели греки имя Уксійцы, которымъ называютъ дикое, хищное племя въ Сузіанѣ, покоренное Александромъ. Греческое названіе Элиманда обозначаетъ иногда всю Сузіану, иногда только южную часть ея, въ которой жили воинственные племена, знаменитыя и страшныя своимъ искусствомъ въ стрѣльбѣ изъ лука. Въ клинообразныхъ надписяхъ встрѣчается названіе Касси, какъ имя племени; быть можетъ, это киссійцы, о которыхъ упоминается у Геродота, и быть можетъ, это лишь другая форма имени коссеевъ; коссеи жили въ горахъ, пограничныхъ съ Мидіею. На восточномъ берегу Хоаспа лежала *Суза*, имѣвшая форму продолговатаго четырехугольника. Сама Суза не была укрѣплена стѣнами; но былъ сильно укрѣпленъ „украшенный золотомъ замокъ киссійцевъ“, цитадель, въ которой находились дворецъ и сокровища персидскихъ царей. Страбонъ говоритъ, что стѣны цитадели,

Сузіана.

дворецъ, храмы въ Сузѣ были построены, какъ въ Вавилонѣ, изъ кирпичей, соединенныхъ, вмѣсто извести, асфальтомъ, и что на кровляхъ домовъ былъ насыпанъ слой земли въ два локтя толщиною, чтобы въ комнатахъ была прохлада. Цари Элама, имена которыхъ теперь известны намъ по ассирійскимъ и туземнымъ надписямъ, съ очень отдаленной древности имѣли сильное вліяніе на судьбы Месопотаміи. Около 650 года до Р. Х. Эламъ былъ покоренъ ассирійскимъ царемъ Ассурбанипадомъ.

Нынѣшняя Шустерская область, по рассказамъ путешественниковъ, прекраснѣйшая часть древней Сузіаны. Ее перерѣзываютъ и оплодотворяютъ четыре довольно большія рѣки и множество рѣчекъ. Водой ихъ можно было бы оросить все пространство этой провинціи, если бы не тяготѣло надъ нею нѣкогда невѣжественнаго и алчнаго персидскаго владычества, покрывающаго развалинами и пустынями землю, которая могла бы быть воздѣланною и богатою. Во времена Страбона Сузіана была такъ плодородна, что въ обыкновенные годы пшеница и ячмень давали урожай во сто разъ болѣе посѣва, а иногда въ двѣсти разъ. Во времена Халифата, эта область была обильна хлопкомъ, сахарнымъ тростникомъ, разнымъ хлѣбомъ, въ томъ числѣ рисомъ; а теперь, кромѣ немногихъ мѣстностей, она почти безлюдная пустыня (Риттеръ). Развалины Сузы лежатъ въ той мѣстности, гдѣ, обѣжавъ съ горъ, сближаются рѣки *Дизфуль* и *Керха*. Развалины эти простираются почти черезъ всю ширину мѣстности между этими рѣками. Теперь на этой равнинѣ живутъ хищные звѣри. Тамъ, гдѣ нѣкогда была великолѣпная Суза, подымаются два высокіе холма мусора, по лугамъ кругомъ нихъ лежатъ куски мрамора, плиты съ клинообразными надписями, видны слѣды занесенныхъ землею каналовъ. Остатки цитадели и царскаго дворца быть можетъ еще сохранились подъ мусоромъ холмовъ.

Персида.

Персида (нынѣшній Фарсъ или Фарсистанъ)—страна между Караманскою пустынею и Персидскимъ заливомъ, отдѣляющаяся на западѣ отъ Сузіаны рѣкою, которую греки называютъ Ороатою (туземное названіе ея было Аурванти, то есть, „быстрая“; это нынѣшній Тсабъ), на востокѣ рѣкою Баградою отъ Караманіи. Сѣверная часть Персиды, называвшаяся Паретакеною, была, по описанію Страбона, вполне вѣрному, дикая горная область съ множествомъ крутыхъ скалъ и глубокихъ ущелій; между горами были пастбища, дававшія хорошій кормъ для верблюдовъ. Суровая, скалистая западная окраина, въ горахъ которой жили хищническія племена, отдѣляла Персиду отъ бассейна Евфрата и Тигра. Средняя часть ея была плодородна, имѣла много озеръ и рѣчекъ; тутъ паслись превосходныя стада. Южную часть составляла очень знойная и песчаная равнина, бѣдная растительностью, почти не имѣвшая деревьевъ, кромѣ пальмъ, да и то многочисленныхъ, и чѣмъ дальше на югъ, тѣмъ больше принимавшая характеръ пустыни. Но середина Персиды, область прекрасныхъ долинъ Касруна, Ширази и Мердашта, съ роскошными виноградниками, фруктовыми садами, цѣлыми полями цвѣтниковъ, славится и теперь, какъ страна винограда и соловьевъ. Въ широкой долинѣ Мердашта стоялъ *Персеполисъ*, „городъ персовъ“, въ знаменитой цитадели котораго, окруженной тройнымъ обводомъ стѣнъ, находились дворецъ персидскихъ царей, сооруженіе, въ которомъ хранились гробы ихъ, и царская сокровищница; а на востокъ оттуда, въ „персидской ложбинѣ“, на рѣкѣ Кирѣ (Бендемирѣ), близъ границы Караманіи, была прежняя столица, *Пасаргады*, гдѣ въ прекрасномъ паркѣ находилась гробница Кира, окруженная колоннадою пирамида, построенная уступами изъ массивныхъ глыбъ бѣлаго мрамора. Эти великолѣпные города долины Мердашта были разрушены еще въ древности. Но развалины Персеполя, которые будутъ подробнѣе описаны нами во второмъ томѣ, до сихъ поръ возбуждаютъ удивленіе путешественниковъ.

Безчисленные остатки стѣнъ изъ полированного камня, колонны своеобразнаго стиля, однѣ, упавшія и разбившіяся, другія еще уцѣлѣвшія на своихъ мѣстахъ, обломки барельефныхъ фигуръ въ староперсидской одеждѣ, изображенныхъ въ позахъ смиренія, изваянія фантастическихъ животныхъ, выровненные террасами скалы съ портиками у входовъ на широкія мраморныя лѣстницы, подземные залы, искусственныя пещеры свидѣлствуютъ о прежнемъ великолѣпіи и о громадности города, бывшаго столицею родины персидскихъ царей и мѣстомъ ихъ погребенія.

Приводимъ изъ Риттера описаніе нынѣшняго вида Мердашской равнины, на которой стоялъ великолѣпный Персеполисъ: «Нѣкогда эта чрезвычайно плодородная область была очень густо населена, какъ свидѣлствуютъ остатки многочисленныхъ каналовъ и канавъ и развалины зданій; она и теперь чрезвычайно плодородна, какъ показываютъ многія, встрѣчающіяся на ней нивы, табачныя плантаціи, сады, виноградники; она превратилась въ пустыню, въ продолженіе большей части года почти совершенно безлюдною, но вездѣ, гдѣ человѣческій трудъ коснулся почвы ея, она снова покрывается роскошнѣйшими садами и нивами, наполняется жителями».

2. древняя исторія мидіи.

Древняя исторія Мидіи передана потомству греческими историками, Мидія подъ особенно Ктезіемъ и Геродотомъ, въ формѣ, видоизмѣненной преданіями до такой степени, что подъ легендами трудно различать истинный ходъ событій. По этимъ баснословнымъ извѣстіямъ, почерпнутымъ изъ народныхъ сказаній и эпическихъ пѣсенъ, племена мидійскаго народа были ужъ соединены подъ властью одного царя въ XII в. до нашей эры, когда ассирійскій царь Нинъ напалъ съ огромнымъ войскомъ на Индію. Мидійскій царь разбитъ въ кровопролитномъ сраженіи, потерялъ большую часть своего войска, попался въ плѣнъ; онъ, его жена и семеро ихъ дѣтей были распяты на крестахъ. Такъ рассказываетъ Ктезіій. Геродотъ говоритъ, что мидяне находились 520 лѣтъ подъ владычествомъ ассиріянь, что Мидія была соединена съ ассирійскою столицею, Ниневіею, удивительною военною дорогою, шедшею черезъ горы ея сѣверовосточной окраины, и что сооруженіе этой дороги приписывалось Семирамидѣ. Наконецъ мидяне возстали противъ ассиріянь и «какъ храбрые мужи» пріобрѣли себѣ оружіемъ свободу и независимость (736 до Р. Х.). Мидіею стала править туземная династія. Но вначалѣ были безпорядки, раздоры, анархія; не было безопасности ни для жизни, ни для собственности; сила преодолѣвала право. Утомленные этимъ, мидяне выбрали царемъ себѣ Дѣйока, справедливаго и умнаго судью, имѣвшаго много приверженцевъ. Онъ тотчасъ же окружилъ себя тѣлохранителями (копыеносцами), сталъ судить строго, завелъ шпіоновъ, возстановилъ порядокъ, покорность властямъ, и основалъ наследственную военную деспотію; онъ заставилъ мидянь построить для него въ прохладной горной мѣстности новую столицу, Экбатану, и соорудить около нея семь

Мидія становится независимымъ государствомъ.

Дѣйокъ, 708 — 655.

Построеніе Экбатаны.

стѣнъ, одну вокругъ другой; эти стѣны были блестящія, разноцвѣтныя: у каждой былъ свой особый цвѣтъ. Въ самомъ центрѣ этихъ семи колецъ внутри седьмой круговой стѣны, имѣвшей позолоченные зубцы, укрывались отъ всякой опасности царскій дворецъ и казнохранилище. Построивъ себѣ эту укрѣпленную резиденцію, Дейокъ уединился въ ней отъ народа, давалъ свои приказанія и судебныя рѣшенія письменно или черезъ вѣстниковъ, затруднилъ, по обычаю восточныхъ деспотовъ, доступъ во дворецъ установленіемъ придворнаго этикета. Древніе писатели съ удивленіемъ говорятъ о роскоши и великолѣпіи экбатанскаго дворца, въ которомъ все дерево было кедровое или кипарисовое, который былъ обложенъ золотыми и серебряными листьями, покрытъ высеребренной черепицей, о громадности города, построеннаго на склонахъ горы Оронта (Эльвенда), о массивности окружавшихъ его стѣнъ, которыхъ было семь по числу семи высшихъ духовъ свѣта, о красотѣ блиставшаго позолоченными колоннами храма Анагиты (Anahita), богини священнаго источника Ардвисуры. Плиты и цилиндры съ клинообразными надписями, стройныя колонны съ капителями въ видѣ лотусоваго цвѣтка, находимыя въ развалинахъ около Гамадана, доказываютъ, что эти описанія основанной Дейокомъ и украшенной его преемниками столицы не баснословны. На священной горѣ Эльвендѣ, высоко надъ цвѣтущими полями, скала выровнена платформою; на нее ведутъ вырубленные въ скалѣ ступени. Тамъ на чистой горной высотѣ стоялъ алтарь мидійскаго служенія огню. — Умнымъ и справедливымъ правленіемъ Дейокъ упрочилъ и возвысилъ царскую власть. Объединенная имъ Мидія стала могущественнымъ государствомъ. Его сынъ Фраортъ (Фрартишъ) расширилъ границы Мидійскаго царства. Онъ покорилъ персовъ, энергическій народъ, родственныи мидянамъ по языку и по религіи. Персы дѣлились на семь племенъ, были земледѣльцы и пастухи, охотники и воины, вели суровый и умѣренный образъ жизни. Фраортъ поставилъ правителемъ персовъ Ахемена (Гахаманиса, Nakhamanis), принадлежавшаго къ благородному военному племени Пасаргадовъ; или, быть можетъ, Ахемени уже и прежде былъ старшимъ изъ семи князей семи племенъ персовъ, и Фраортъ только оставилъ за нимъ прежній его санъ; какъ бы то ни было, но Ахемени сталъ вассаломъ Мидійскаго царя, долженъ былъ давать ему дань и ходить съ нимъ на войну. Соединенными силами мидянъ и персовъ, Фраортъ покорилъ бактрійцевъ и парянъ, расширилъ свою власть на весь восточный Иранъ. Побѣжденные народы должны были платить дань мидійскому царю, ихъ князья или поставленные имъ правители должны были повиноваться ему; но они сохранили свои законы и свое богослуженіе; все показываетъ, что мидяне признавали ихъ своими единоплеменниками. Сдѣлавшись владыкою всего Ирана, Фраортъ пошелъ войною на ассирійанъ, отмстить имъ за преж-

Фраортъ,
655—633.

Покореніе пер-
совъ.

нее поработеніе. Но Ассирія была тогда еще сильна. Въ битвѣ на полѣ Рагау (Ragau) Фраортъ былъ разбитъ и потерялъ жизнь (633). Всѣ эти рассказы лишь легенды, не соответствующія исторической истинѣ, какъ мы знаемъ теперь по ассирійскимъ надписямъ. Та эпоха, когда по этимъ легендамъ мидяне свергли съ себя ассирійское иго, была, напротивъ того, періодомъ наибольшаго расширенія границъ ассирійскаго царства. Тиглатпилесаръ II (745—727), перечисляя свои славные подвиги, говоритъ, что онъ покорилъ страну Нисайскую (Nisaa) и города страны Мидійской. Его преемникъ Саргонъ переселилъ израильтянъ въ Мидію и построилъ тамъ четыре крѣпости. Преемники Саргона тоже говорятъ, что мидяне давали имъ дань. Притомъ, ассирійскія надписи говорятъ о Мидіи во все не какъ объ одномъ царствѣ; по нимъ оказывается, что въ Мидіи были только племенные старшины. Потому, говоритъ Дункеръ, въ рассказѣ Геродота о Дейокѣ можно признать исторически вѣрнымъ развѣ только то, что во времена Сангериба и Асаргаддона однимъ изъ мидійскихъ племенныхъ старшинъ былъ Дейокъ, сынъ Фраорта, что его область была обширнѣе, чѣмъ владѣнія другихъ старшинъ, что онъ былъ важнѣе другихъ. Центромъ его владѣнія дѣйствительно была, по всей вѣроятности, Экбатана. Его сыну, Фраорту, вѣроятно удалось соединить подъ своею властью другихъ мидійскихъ племенныхъ старшинъ и въ союзѣ съ персами, у которыхъ тогда достигъ большаго вліянія родъ Ахеменидовъ, начать войну съ ассиріянами, чтобы общими силами отбиться отъ ихъ власти. Фраортъ былъ убитъ, вѣроятно, обороняясь отъ вторгнувшихся въ Мидію ассирійанъ. А если такъ, то его сынъ, Кіаксаръ (Увахшатра, Uwakschathra) едва ли могъ скорѣе послѣ этого предпринять походъ для раззоренія Ниневіи въ отмщеніе за смерть отца. Первою необходимостью для него было остановить дальнѣйшіе успѣхи ассирійанъ. Это удалось ему. Очень возможно, что ходъ побѣдъ и привелъ его подъ стѣны Ниневіи. Но часть гибели Ниневіи еще не настала. Могущественный, до той поры невиданный врагъ, народъ дикой силы, появился на границѣ Мидіи; Кіаксаръ долженъ былъ идти биться далеко отъ Ассиріи. Этимъ было на нѣсколько времени отсрочено паденіе ассирійскаго царства.

Кіаксаръ,
633—593.

На обширныхъ степяхъ по Дону, по Волгѣ и на востокъ Каспійскаго моря кочевали дикія пастушескія конныя племена, которыя у грековъ назывались общимъ именемъ скифовъ. Нѣкоторые изъ нихъ, подъ предводительствомъ отважныхъ военныхъ старшинъ, вторглись черезъ восточные проходы Кавказа въ Мидію, собирая добычу, истребляя населеніе, опустошая страну. Первые подверглись ихъ натиску соплеменные имъ Киммеріане и Треры, за столѣтъ передъ тѣмъ пришедшіе съ сѣвернаго берега Чернаго моря въ Малую Азію, опустошившіе часть ея и потомъ поселившіеся въ той

Нашествіе ски-
фовъ на Мидію
и Сирію.

мѣстности, гдѣ въ послѣдствіи времени былъ построенъ греческій городъ Синопъ. Вторгнувшіяся теперь племена приняли часть ихъ въ свои ряды, другихъ оттѣснили на западъ. Эти оттѣсненные пошли на Сарды и на греческіе города приморья, опустошая все по пути. Оттѣснившіе ихъ скиѣы двинулись къ Мидіи. Когда скиѣы появились на ея границѣ, Кіаксаръ, прекративъ осаду Ниневіи, пошелъ остановить невѣдомыхъ враговъ; но потерялъ битву. Скиѣы завоевали Мидію, наложили на мидянъ свое суровое иго, покорили Малую Азію и Сирію. Всѣ народы западной Азіи трепетали передъ ордами воинственныхъ номадовъ, мчавшихся на своихъ быстрыхъ коняхъ изъ области въ область, грабить и опустошать. Черезъ нѣсколько времени очень многочисленная орда ихъ направилась на югъ, въ Хананъ, угрожая гибелью ослабѣвшему царству іудейскому. Іеремія, видѣвшій въ ихъ появленіи, какъ прежде Исаія въ нашествіи ассиріянь, наказаніе, посылаемое отъ Бога іудеямъ за грѣхи и отпаденіе въ идолопоклонство, восклицалъ: «Вотъ, идетъ народъ отъ страны сѣверной, и народъ великій подымается отъ краевъ земли. Держать въ рукахъ лукъ и копье; они и жестоки и немилосерды; голосъ ихъ шумитъ, какъ море, и несутся на коняхъ, выстроены какъ одинъ человекъ, чтобы сразиться. Вотъ я приведу на васъ народъ издалека, народъ сильный, народъ древній, народъ, языка котораго ты не знаешь. Колчанъ его какъ открытый гробъ; всѣ они люди храбрые. Города твои будутъ раззорены, останутся безъ жителей. Раззорю я дочь Сіона. Пастухи со своими стадами придутъ къ ней, раскинутъ палатки вокругъ нея; каждый будетъ пасти свой участокъ» (Іеремія, VII, 22, 23; VI, 15, 16; IV, 7; VI, 2, 3). Скиѣскія орды прошли по Сиріи, опустошая ее, наполняя все ужасомъ. И пророкъ Софонія говорилъ: «Моавъ будетъ какъ Содомъ и сыны Аммона будутъ какъ Гоморра, достояніемъ крапивы, соляною рывиною, пустынею на вѣки» (Софонія, II, 9). На границѣ Египта царь Псамметихъ остановилъ скиѣовъ просьбами и подарками. Они повернули на востокъ, въ богатую Вавилонію, разграбили тамъ все, что не было укрыто крѣпкими стѣнами. Но толпы отставшихъ отъ главной массы еще бродили нѣсколько времени по филистимскому побережью, ограбили храмъ богини Деркетто (Небесной Афродиты) въ Аскалонѣ, и поразили города филистимскіе остріемъ меча, такъ что цвѣтущее, многолюдное приморье стало «пастушьимъ овчарникомъ и загономъ для скота» (Софонія, II, 6). И долго послѣ того сохранялось въ еврейскомъ народѣ воспоминаніе о «Гогѣ и Магогѣ» сѣверной страны.

Двадцать восемь лѣтъ скиѣы свирѣпствовали въ Мидіи, Сиріи, Малой Азіи, опустошая все. Но по обычаю дикихъ племенъ, они разбились на разрозненныя толпы, и Кіаксару удалось наконецъ освободить отъ нихъ свою родину; по разсказу Геродота, онъ наполнилъ одну изъ ихъ ордъ, и перерѣзалъ опьянѣвшихъ. Другія орды

бродили по сѣверо-западной Азіи до 605 года, послѣ того вернулись на родину, гдѣ пришлось имъ вести новую войну. Пока они грабили Азію, ихъ жены жили съ ихъ рабами, и когда уходившіе мужья возвратились, сыновья ихъ женъ, прижитые съ рабами, были уже взрослые люди. Рабы и сыновья ихъ вышли на бой противъ возвращавшихся, и разбили ихъ въ нѣсколькихъ схваткахъ. Скиѣы разсудили отложить въ сторону копья и стрѣлы, идти на бой, взявъ плети вмѣсто оружія. Рабы испугались плетей, напомнившихъ имъ о невольничествѣ, обратились въ бѣгство, и возвратившіеся скиѣы выгнали ихъ изъ своихъ земель.

Когда скиѣы ушли, мидяне возстановили свою власть надъ всѣми народами, надъ которыми господствовали до скиѣскаго нашествія: надъ гирканцами, парянами, бактрійцами; Кіаксаръ улучшилъ устройство своего войска, и пошелъ дѣлать новыя завоеванія. Поэтическія сказанія, отрывки которыхъ сохранились въ разсказахъ грековъ, прославляли съ романическими прикрасами его походы на кадусійцевъ къ берегу Каспійскаго моря, на саковъ, на восточно-иранскіе народы. Геродотъ разсказываетъ, что Кіаксаръ далъ правильное устройство своему войску, которое прежде было безпорядочною толпою, раздѣлилъ его на отряды коньеносцевъ, всадниковъ и стрѣлковъ, и послѣ того пошелъ завоевать Арменію, сѣверо-западную горную страну, гдѣ высится покрытый снѣгами Араратъ, съ именемъ котораго соединено столько легендъ, гдѣ источники Эвфрата и Тигра, гдѣ отъ очаровательныхъ береговъ озера Вана подымается уступами плодородная область, богатая виномъ, оливами, конскими пастбищами. Хребетъ, опускающійся на югъ террасами, съ нижнихъ ступеней котораго шумно низвергается Тигръ, отдѣляетъ Арменію отъ разстилающейся на югъ отъ него месопотамской низменности. Не знавшіе роскоши, гостепріимные армяне, находившіеся до этого времени подъ властью ассиріянь, были легко покорены мидянами, на которыхъ, кажется, были похожи по обычаямъ и по языку. Кіаксаръ повелъ войско дальше на западъ, въ Каппадокію и Лидію. — О прежнемъ владычествѣ ассиріянь въ Арменіи свидѣлствуютъ обломки колоннъ и обширныя искусственныя пещеры, соединенныя между собою корридорами, служившія, вѣроятно, гробницами царей, а въ особенности клинообразныя надписи скалы, на которой теперь стоитъ цитадель города Вана. Надписи изсѣчены на гладко стесанномъ обрывѣ этой скалы; къ нимъ ведетъ полуразрушенная теперь лѣстница, вырубленная ступенями и поднимающаяся до верхней ея террасы. Преданіе говоритъ, что это остатки великолѣпнаго Шемирама-герда, «города Семирамиды», построеннаго присланными изъ Ассиріи мастерами для могущественной ниневійской царицы, пожелавшей пріѣзжать на лѣто жить тутъ, въ прохладной горной мѣстности надъ голубымъ зеркаломъ водъ очаровательнаго озера. — Война Кіаксара съ

Завоеваніе
Арменіи.

Война съ мидійскимъ царемъ Алиаттомъ, по изгнаніи киммеріянъ, покорившихъ своей власти все народы до рѣки Галиса, длилась пять лѣтъ; побѣда колебалась; ни та, ни другая сторона не приобрѣла перевѣса. На шестой годъ войны, во время битвы близъ Галиса, произошло (предсказанное іонійскимъ философомъ Фалесомъ) солнечное затменіе (рѣчь тутъ идетъ о затменіи, бывшемъ 30 сентября 610 года; по мнѣнію другихъ, о затменіи 28 мая 585). «День внезапно сталъ ночью», и сражавшіеся прекратили, въ ужасѣ, битву. Послѣ этого при посредничествѣ вавилонскаго царя Набополассара и Сіеннеза, царя киликійскаго, Кіаксаръ помирился съ Алиаттомъ и вступилъ въ союзъ съ нимъ. Въ союзѣ съ царемъ вавилонскимъ, онъ обратилъ свое оружіе противъ Ассиріи. Она не могла устоять противъ ихъ соединенныхъ силъ. На третій годъ войны, они взяли Ниневію, разрушили ее и раздѣлили между собою ассирійское царство (606 годъ). Та часть его, которая на лѣвомъ берегу Тигра, Ассирія въ собственномъ смыслѣ слова, досталась мидянамъ; они владычествовали теперь надъ всеми народами отъ Инда до Тигра и до Галиса. Геродотъ справедливо говоритъ, что Кіаксаръ былъ могущественнѣе всехъ своихъ предшественниковъ.

Упадокъ силы мидійскаго царства. Астіагъ 593—558. Когда Кіаксаръ, испытавъ и несчастье и счастье, отошелъ послѣ сорокалѣтняго царствованія къ отцамъ своимъ, сынъ его Астіагъ наследовалъ царство, самое обширное въ цѣлой Азіи. Но воинственность отца не была унаследована сыномъ. Астіагъ жилъ изнѣженно и мирно въ дворцахъ Экбатаны; своею вялостью и жестокостью онъ возбудилъ противъ себя неудовольствіе народа. Соединенный родственными связями съ царями вавилонскимъ и лидійскимъ, потому безопасный со стороны этихъ царей, самыхъ могущественныхъ въ западной Азіи, онъ беззаботно предавался влеченію своего характера къ бездѣйствію, и очнулся отъ своей безпечности лишь, когда явилась предъ нимъ непредвидѣнная опасность.

3) АСТІАГЪ И КИРЬ.

Астіагъ и Киръ по Геродоту. У Астіага не было сыновей, была только дочь, Мандана,—говоритъ Геродотъ, пересказывая персидское преданіе.—Устрашенный истолкованіемъ привидѣвшагося ему сна, онъ выдалъ дочь не за мидянина, а за знатнаго человека изъ подвластнаго мидянамъ народа, за перса Камбиза. Не прошло года послѣ свадьбы Манданы, какъ Астіагу снова приснился удивительный сонъ: онъ увидѣлъ во снѣ, что изъ утробы его дочери выросъ кустъ виноградной лозы, покрывшій своею тѣнью всю Азію. Снотолкователи сказали, что этотъ сонъ имѣетъ то же самое значеніе, какъ прежній: сынъ его дочери будетъ царемъ вмѣсто него. Чтобы предотвратить это, Астіагъ вызвалъ дочь въ Экбатану; и когда родился у нея сынъ, Киръ, Астіагъ отдалъ малютку своему вѣрному слугѣ, Гарпагу, чтобы онъ унесъ младенца въ свой домъ и тамъ убилъ его. Но Гарпагъ разсудилъ, что Астіагъ старъ, не имѣетъ сыновей, что престолъ достанется Манданѣ и что

она отмститъ ему тогда за убійство ея сына. Потому онъ рѣшился переложить вину съ себя на другаго, отдалъ малютку царскому пастуху Митрадату (то есть, „данному Митроу“) и велѣлъ ему именемъ царя отнести младенца въ самую дикую мѣстность горъ и бросить тамъ. Пастухъ, удивленный тѣмъ, что на малюткѣ пестрая одежда и золотой нарядъ, согласился на просьбу своей жены, которой стало жалъ малютку. У его жены, которую звали Спачо („Сука“) передъ тѣмъ умеръ сынъ; мужъ согласился бросить въ горахъ этого мертваго младенца, а Кира воспитывать, какъ своего сына. Такимъ образомъ, Киръ до десяти лѣтъ росъ между пастухами и сталъ большою, красивый мальчикъ. Однажды въ дѣтской игрѣ товарищи выбрали его царемъ. Онъ распредѣлилъ между ними занятія: однихъ сдѣлалъ копыеносцами, другихъ привратниками, одного царскимъ повѣреннымъ („окомъ царя“), другаго сановникомъ, приносящимъ царю извѣстія. Все товарищи стали исполнять царскія приказанія, только одинъ мальчикъ, сынъ знатнаго мидянина, не захотѣлъ повиноваться. Киръ велѣлъ схватить его и наказывать плеткой. Мальчикъ побѣжалъ въ городъ и пожаловался отцу. Отецъ, разсердившись, пошелъ съ сыномъ къ царю и разсказалъ, какъ обидѣлъ ребенка сынъ пастуха. Астіагъ призвалъ пастуха и Кира, и спросилъ Кира, какъ смѣлъ онъ подвергнуть сына знатнаго мидянина такому унижительному оскорбленію. Киръ отвѣчалъ: „Господинъ, я поступилъ съ нимъ по закону; если я заслужилъ этимъ наказаніе, то вотъ я, наказывай“. Пока мальчикъ говорилъ это, Астіагъ вдругъ узналъ его: черты мальчика показались царю похожими на его собственные, а въ отвѣтѣ мальчика было видно благородство. Астіагъ сталъ разспрашивать пастуха наединѣ и угрозою пытки принудилъ его сознаться въ истинѣ. Узнавъ ее, Астіагъ разгнѣвался на Гарпага за неисполненіе своего приказанія и рѣшилъ тяжело наказывать его; притворно радуясь тому, что внукъ его спасенъ отъ смерти, онъ сказалъ Гарпагу, чтобы тотъ прислалъ своего сына, а потомъ самъ пришелъ на царскій обѣдъ. Гарпагъ сдѣлалъ, какъ велѣлъ царь. Когда сынъ Гарпага пришелъ во дворецъ, царь велѣлъ схватить и зарѣзать его; потомъ, его сваренное и изжаренное мясо было поставлено передъ отцомъ, когда другимъ гостямъ была подана баранина. Гарпагъ, ничего не подозревая, ѣлъ поставленное передъ нимъ мясо. Когда онъ поѣлъ, Астіагъ спросилъ его, вкусно ли показалось ему мясо; Гарпагъ отвѣчалъ, что очень вкусно; тогда царскіе служители подали ему въ закрытой корзинѣ голову, руки и ноги зарѣзаннаго сына и сказали ему, чтобы онъ взялъ изъ корзины то, что ему понравится. Гарпагъ не потерялъ власти надъ собою, подавилъ свое чувство и сказалъ: что дѣлаетъ царь, то хорошо. Послѣ этого Астіагъ обратился за совѣтомъ къ тѣмъ магамъ, которые истолковали ему его сновидѣнія; и спросилъ ихъ, оставить ли Киръ жизнь, или нѣтъ. Услышавъ, какъ было дѣло, они сказали, что сновидѣнія царя уже исполнились, потому что Киръ уже былъ сдѣланъ царемъ въ игрѣ деревенскихъ мальчиковъ, и отъ него уже нѣтъ опасности. Мидійскій царь удовлетворился этимъ и отослалъ Кира къ его отцу въ страну персовъ. Когда Киръ выросъ, онъ былъ храбръ и любимъ всеми сверстниками. Гарпагъ сталъ подговаривать его и посылать ему подарки, потому что очень желалъ отмстить Астіагу; вступилъ въ тайныя сношенія съ мидійскими вельможами и склонилъ ихъ въ пользу своего замысла низвергнуть Астіага съ престола и поставить на его мѣсто Кира. Подготовивъ такимъ образомъ дѣло, Гарпагъ послалъ переодѣвшагося охотникомъ слугу отдать Кирѣ зайца и сказать ему, чтобы онъ вскрылъ внутренность этого зайца, когда будетъ одинъ. А въ желудкѣ зайца лежало письмо, которымъ Гарпагъ убѣждалъ Кира поднять персовъ на возстаніе и отмстить Астіагу, хотѣвшему убить его; въ Мидіи все приготовлено къ тому, чтобы про-

возгласить его царемъ, сообщалъ ему Гарпагъ. Киръ рѣшился послѣдовать совѣту Гарпага, и придумалъ такую хитрость: собралъ персовъ и сказалъ, что Астиагъ назначилъ его военачальникомъ надъ ними, и онъ велитъ имъ, чтобы всѣ они сошлись опять, и каждый имѣлъ бы при себѣ серпъ. Когда они пришли, онъ велѣлъ имъ въ одинъ день расчистить поросшее терновникомъ поле длиною въ 15 или 20 стадій. Когда они кончили работу, Киръ велѣлъ имъ вымыться и прійти опять на слѣдующій день. А самъ собралъ всѣхъ овецъ и козъ и рогатый скотъ своего отца, закололъ и приготовилъ на угощеніе войску персовъ, приготовилъ и вина и другаго кушанья, какъ нельзя лучше. И когда на другой день пришли персы, онъ велѣлъ имъ расположиться на лугу и пировать. И когда поѣли, Киръ спросилъ, что правится имъ лучше: то, что было вчера, или то, что нынѣ. А они сказали, что тутъ большая разница, потому что вчера имъ было очень дурно, а нынѣ очень хорошо. Киръ схватился за эти ихъ слова, открылъ имъ все и сказалъ: „И такъ, рѣшайте, о персы! Если вы пойдете за мною, вамъ всегда будетъ такъ хорошо, какъ нынѣ, и еще въ десять тысячъ разъ лучше, и безъ рабскаго труда; а если не пойдете, то ожидаетъ васъ работа безъ числа, подобная вчерашней. Идите же за мною и сдѣлайтесь свободны. Потому что я рожденъ по божіему назначенію для того, чтобы доставить въ ваши руки это счастье. И я считаю васъ людьми не хуже мидянъ ни въ чемъ, а особенно въ сраженіи“. Персы пошли за нимъ съ величайшею охотой, потому что имъ уже давно было ненавистно владычество мидянъ.

Астиагъ призвалъ тогда къ оружію всѣхъ мидянъ и поставилъ, какъ будто пораженный отъ бога безуміемъ, Гарпага военачальникомъ ихъ. И когда дошло до сраженія, Гарпагъ съ тѣми, кто знали о дѣлѣ, передался персамъ, а остальные были побуждены и обратились въ бѣгство. Тогда Астиагъ велѣлъ пригвоздить къ кресту тѣхъ маговъ, которые посовѣтовали ему отпустить Кира живымъ, вооружилъ всѣхъ мидянъ, бывшихъ въ городѣ, старыхъ и молодыхъ, и повелъ ихъ въ сраженіе. Но потерялъ битву, и самъ былъ взятъ въ плѣнъ. И когда онъ сидѣлъ въ плѣну, подошелъ къ нему Гарпагъ, издѣвался надъ нимъ и сказалъ, что вотъ награда ему за ту ужасную вѣду,—рабство вмѣсто царской власти. Но Астиагъ отвѣчалъ, что если это его дѣло, то онъ самый глупый и самый безразсудный изъ всѣхъ людей; самый глупый потому, что отдалъ власть въ руки другому, когда могъ бы самъ стать царемъ; а самый безразсудный потому, что изъ-за той бѣды сдѣлалъ мидянъ рабами. Такъ кончилось владычество мидянъ, продолжавшееся нѣсколько больше полутора ста лѣтъ (въ 558 году). Астиагу не сдѣлалъ больше Киръ никакого вреда и держалъ его при себѣ до самой его смерти.

Другіе рассказы о паденіи Мидійскаго царства. Въ своемъ разсказѣ о дѣтствѣ и молодости Кира Геродотъ слѣдовалъ тому преданію, которое казалось ему наименѣе чудеснымъ, то есть, наименѣе прикрашеннымъ поэтическими вымыслами и наиболѣе соответствовало его наивному прагматизму, объяснявшему ходъ событій божественнымъ правосудіемъ, низлагающимъ гордыню и наказывающимъ за злодѣянія. Но и у него самого мы читаемъ (I, 95) и по совершенному разнорѣчію между разсказами его, Ксенофонта, Ктезія, Динона и Николая Дамасскаго видимъ, что преданія и поэтическія прикрасы перенесли молодость Кира въ область мифа, подобно тому, какъ у римлянъ получило баснословный характеръ преданіе о

чудесной судьбѣ Ромула. Какъ въ исторію Ромула вплетены богъ войны Марсъ и волчица, такъ у служителей Ормузда въ исторію Кира вплетены Митра, «умножающій четы быковъ и коровъ», и священнѣйшее животное Ормузда, собака. — «Киропедія» Ксенофонта — не біографія, а дидактическій романъ, выставлюющій Кира идеаломъ всѣхъ царскихъ достоинствъ: храбрости, практичности, разсудительности, справедливости, добросовѣстности, кротости; говорить о бунтѣ, измѣнѣ Кира, было бы несообразно съ цѣлью автора; потому у Ксенофонта Киръ, сынъ персидскаго царя Камбиза и дочери Астиага Манданы, спокойно проводитъ дѣтство и юность у своихъ родителей въ Персію, помогаетъ по смерти Астиага его сыну и преемнику Киаксару II въ войнахъ его съ армянами, ассиріянами, лидійцами, женится на его единственной дочери; Киаксаръ II умираетъ, не оставивъ сыновей; Киръ, его племянникъ и зять, становится царемъ мидійскимъ по законному праву наслѣдства. — У Ктезія Киръ вовсе не родственникъ Астиагу; онъ побуждаетъ его, беретъ въ плѣнъ, но поступаетъ съ нимъ милостиво, дѣлаетъ его намѣстникомъ одной изъ дальнихъ областей и женится на его дочери Амитидѣ. Черезъ нѣсколько времени, дочь выражаетъ желаніе повидаться съ отцомъ; Киръ велитъ привезти его въ Персію. Но Эбаръ, чьимъ совѣтамъ Киръ былъ обязанъ всѣми своими успѣхами, считалъ возвращеніе Астиага дѣломъ опаснымъ и сказалъ евноху Петесаку, посылаемому за Астиагомъ въ Гирканію, что надобно покинуть Астиага гдѣ нибудь въ безлюдной мѣстности, чтобы онъ умеръ съ голоду. Евнухъ такъ и сдѣлалъ. По требованію Амитиды Киръ велѣлъ ослѣпить его, содрать съ него кожу и распять его на крестѣ. Опасаясь такой же судьбы, Эбаръ прекратилъ свою жизнь воздержаніемъ отъ всякой пищи. — По разсказу Динона, греческаго писателя первой половины IV вѣка, Киръ былъ однимъ изъ военачальниковъ и жезлоносцевъ Астиага, потомъ первымъ оруженосцемъ его и, отпущенный царемъ въ Персію, поднялъ возстаніе и низвергъ владычество мидянъ. — По разсказу Николая Дамасскаго, жившаго при Августѣ, Киръ съ матерью пасли козъ, а отецъ его, мидянинъ Атрадатъ (то есть «данный огнемъ») былъ разбойникъ. Послѣ, Киръ отправился въ Экбатану, сдѣлался служителемъ во дворцѣ: сначала, былъ подметателемъ комнатъ, потомъ факелоносцемъ и наконецъ кравчимъ. Ловкостью и красотою онъ приобрѣлъ расположеніе царя; Астиагъ сдѣлалъ его отца намѣстникомъ Персіи, а его самого послалъ съ труднымъ порученіемъ въ землю кадусійцевъ. На пути Киръ встрѣтился съ персомъ Эбаромъ, котораго побилъ мидянинъ, — умнымъ и рѣшительнымъ человекомъ. По совѣту Эбара, Киръ задумалъ низвергнуть Астиага и овладѣть престоломъ; ему ужъ было предсказано вавилонскимъ снотолкователемъ, что онъ будетъ царемъ. Онъ выпросилъ себѣ позволеніе отправиться въ Персію. Музыкантша, игравшая на лютнѣ при царѣ, осмѣяла Астиага за это позволеніе,

Ксенофонтъ.

Ктезія.

Динонъ.

Николай Дамасскій.

сказала, что левъ отпустилъ вепря на кормъ, вепрь отъѣлся, окрѣпнетъ и побѣдитъ льва. Встревожившись ея словами, Астіагъ послалъ въ погоню за Киромъ отрядъ всадниковъ; но Киръ истребилъ этотъ отрядъ и поднялъ возстаніе. Оно шло сначала неудачно. Мидяне разбили персовъ въ трехъ битвахъ и оттѣснили ихъ въ Пасаргады, гдѣ были собраны ихъ жены и дѣти. Женщины бросились на встрѣчу бѣгущимъ и подымая подола своей одежды, кричали: «Труссы, или вы хотите возвратиться въ утробу своихъ матерей?» Пристыженные персы вновь пошли въ бой и побѣдили мидянъ. Такимъ образомъ Киръ, послѣдовавшій совѣту Эбара, овладѣлъ престоломъ, и владычество въ царствѣ перешло отъ мидянъ къ персамъ.

Причины, по которымъ преданія о Кирѣ получили характеръ поэтическихъ легендъ. Разнорѣчивость этихъ разсказовъ показываетъ, что воспоминанія о переходѣ владычества отъ мидянъ къ персамъ, бывшимъ прежде подъ ихъ властью, и объ основаніи персидскаго царства Киромъ, рано стали предметомъ поэтическихъ прикрасъ и получили миѳическій характеръ. Геродотъ писалъ свой разсказъ менѣе, нежели черезъ столѣтіе послѣ Кира, но слышалъ о немъ въ Персіи ужъ четыре разныхъ преданія и не могъ достовѣрно разобрать, которое изъ нихъ ближе къ исторической истинѣ. Поводомъ къ ея искаженію было много. Мидянамъ казалось, что стыдъ ихъ паденія уменьшается, когда побѣда персовъ приписывается измѣнѣ, когда говорится, что ихъ династія была низвергнута ихъ же собственными вельможами; они утѣшали себя въ утратѣ владычества, соединяя персидскую династію родствомъ съ мидійскою. Персамъ нравилось выставлять основателя ихъ царства человекомъ, который постепенно поднялся изъ положенія пастуха до царскаго сана и обязанъ былъ своими успѣхами самому себѣ и милости боговъ. Итакъ, первая причина разнорѣчія между разсказами греческихъ историковъ о Кирѣ состоитъ въ томъ, что одни слѣдуютъ мидійскимъ преданіямъ, другіе персидскимъ. Второю причиною прикрасъ была творческая живость фантазіи молодаго народа, очарованной величественною фигурою основателя персидскаго царства. Молодые народы облачаютъ свои чувства одеждою поэзіи. Народная поэзія рано овладѣла воспоминаніями о Кирѣ, сдѣлала его орудіемъ воли свѣтлаго бога, окружила религіознымъ сіяніемъ; слѣды поэтическаго творчества ясно видны въ преданіяхъ, разсказываемыхъ Динономъ и Николаемъ Дамасскимъ; да и само собою понятно, что это было такъ, потому что такъ было и у другихъ народовъ: молодость всѣхъ національныхъ героевъ и основателей царствъ у молодыхъ народовъ облечена туманомъ чудесныхъ сказаній; всѣ иранскія племена были заинтересованы въ томъ, чтобы великій національный герой, доставившій могущество служителямъ Агурамазды и широко распространившій господство ихъ вѣры, являлся въ блескѣ избранника божія. Даже армяне хотѣли быть участниками въ славѣ подвиговъ Кира: они соединили преданіе о немъ съ преданіемъ о своемъ

національномъ героѣ, послѣднемъ независимомъ царѣ Арменіи, Дикранѣ (Тигранѣ). Исторически достовѣрнымъ должно считать то, что Киръ происходилъ отъ династіи, со времени Фраорта правившей Персіею подъ верховною властью мидійскихъ царей, что успѣшнымъ возстаніемъ онъ, храбрый и счастливый воинъ, избавилъ свою родину отъ мидійскаго владычества, покорилъ Мидію, а послѣ того оружіемъ или мирными договорами подчинилъ своей власти и остальные народы на востокѣ Ирана и на западѣ отъ него и такимъ образомъ сдѣлался основателемъ персидскаго царства. Важныя свѣдѣнія о паденіи мидійскаго царства сообщаетъ недавно найденная лѣтопись Набонета: «Войско Истувегу (Астіага) возмутилось противъ него, взяло его въ плѣнъ и отдало Курасу (Киру). Курасъ (пошелъ) въ страну царской столицы Агамтуну (Экбатаны). Онъ взялъ золото, серебро, утварь, драгоценныя вещи; изъ Агамтуну все увезъ онъ и отвезъ въ Ансанъ (Сузіану) сокровища и утварь, которыми овладѣлъ». Соединяя генеалогическія данныя, находящіяся въ разсказѣ Геродота и въ клинообразныхъ надписяхъ, мы видимъ, что Киръ былъ четвертымъ по порядку поколѣній преемникомъ того Ахемена, котораго Фраортъ назначилъ, какъ мы говорили, военачальникомъ персовъ *). Сынъ вассальнаго царя, Киръ въ молодости дѣйствительно могъ быть, какъ разсказываютъ, кравчимъ у Астіага; это не противорѣчитъ восточнымъ обычаямъ. Когда отецъ Кира, Камбизъ, умеръ, Астіагъ дѣйствительно могъ отпустить Кира въ Персію, чтобы онъ занялъ тамъ отцовскій санъ. Преданіе говоритъ, что Астіагу было сдѣлано предостереженіе объ опасности, какою грозитъ ему предприимчивость наслѣдника власти Камбиза; Астіагъ раскаялся, что отпустилъ Кира, послалъ ему приказаніе вернуться; отказъ Кира повиноваться этому приказанію повелъ къ возстанію, къ войнѣ; во всемъ этомъ нѣтъ ничего невѣроятнаго. Разсказъ о томъ, что персы сначала терпѣли неудачи, болѣе правдоподобенъ, чѣмъ разсказъ Геродота, что побѣда досталась Киру легко. Конецъ жизни послѣдняго мидійскаго царя тоже получилъ романическій характеръ въ народной фантазіи, прикрасившей по-

Историческіе
выводы изъ
преданій.

*)

Родословная таблица Ахеменидовъ.
Ахемени (Гахьяманъ, Nachamanis)

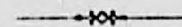
Теиспъ (Чахиспъ)	
Киръ (Курусъ)	Аріарамъ (Аріарамна)
Камбизъ (Камбуджія)	Арсамъ (Арсамна)
Киръ (Курусъ)	Гистаспъ (Висташпа)
Камбизъ (Камбуджія)	Дарій (Дарявусъ)

этическимъ вымысломъ паденіе мидійскаго царства и основаніе персидскаго. Но всѣ рассказы согласны въ томъ, что новый властелинъ поступилъ съ Астіагомъ милостиво. Ктезій говоритъ, что Киръ женился на дочери Астіага, Амитидѣ, велѣвъ убить ея мужа, Спитама, провинившагося въ обманѣ; это извѣстіе правдоподобно, потому что для Кира было выгодно устранить законнаго наследника мидійскаго престола и приобрести законное право на престолъ бракомъ съ дочерью царя. Преданіе говоритъ, что бактрійцы покорились Киру лишь когда узнали, что онъ женился на дочери Астіага.

Покровъ вымысла, облакающій рассказы о молодости Кира и о вступленіи его на престолъ, лежитъ и на всей исторіи его 29-лѣтняго царствованія. Личность человѣка, который въ продолженіи немногихъ лѣтъ успѣлъ основать царство, далеко превосходившее своею обширностью всѣ прежнія, подчинившее себѣ и древнѣйшіе культурные народы и дикія племена, дѣйствовала на фантазію съ такою силою, что поэзія овладѣла образомъ этого человѣка и перенесла его исторію въ область чудесъ и мифовъ. Греческіе историки говорятъ, что преданія о Кирѣ разнорѣчили между собою, и одинъ историкъ пересказывалъ одно преданіе, другой—другое, смотря по тому, какое кто находилъ болѣе правдоподобнымъ или болѣе соответствующимъ своему вкусу. Іудеи, плакавшіе на рѣкахъ вавилонскихъ, видѣли въ «Корешѣ» посланнаго богомъ избавителя ихъ отъ горестей изгнанія. У насъ очень мало достовѣрныхъ извѣстій о дѣйствительныхъ фактахъ его исторіи, потому что древніе греческіе и римскіе писатели рассказываютъ подробнымъ образомъ почти только тѣ эпизоды его жизни, которые были особенно много возвеличены поэзіею преданія. Лишь по отрывочнымъ упоминаніямъ видно, что вождь персовъ овладѣлъ мидійскимъ царствомъ не безъ тяжелой борьбы, что первые годы царствованія ему пришлось употребить на покореніе племенъ, бывшихъ данниками мидянъ, и полагавшихъ, что съ паденіемъ мидійскаго царства они освободились отъ ига; мы имѣемъ извѣстіе, что онъ «покорялъ народъ за народомъ, не минуя ни одного». Сопротивленіе ему было бы, вѣроятно, болѣе упорнымъ, если бы персы и по нравамъ и по религіи не были похожи на мидянъ и восточныхъ иранцевъ; дѣло облегчалось и тѣмъ, что Киръ оставилъ безъ перемѣны государственное устройство, какое было въ мидійскомъ царствѣ, не измѣнилъ ничего ни въ придворномъ порядкѣ, ни въ сословныхъ учрежденіяхъ, такъ что персидское царство можно было называть мидійскимъ. Сближенію персовъ съ другими племенами помогало то, что персы любили, какъ замѣчаетъ о нихъ Геродотъ, подражать чужимъ обычаямъ: побѣдители быстро усвоили себѣ образъ жизни мидянъ, бывшихъ народомъ болѣе ихъ образованнымъ. О походахъ Кира на дальній востокъ мы тоже знаемъ очень мало; мы имѣемъ лишь туманныя краткія извѣстія, что онъ наложилъ дань на асваковъ

(ассакиновъ), жившихъ при впаденіи рѣки Кабула въ Индъ; что на обратномъ пути онъ въ пустынѣ Гедрозіи подвергался опасности погибнуть со всѣмъ своимъ войскомъ и былъ спасенъ, какъ мы ужъ говорили, только тѣмъ, что аріаспы, которые за это получили названіе «благодѣтелей», привезли ему съѣстныхъ припасовъ. О дальнѣйшихъ фактахъ его исторіи,—о томъ, какъ побѣдилъ онъ славившагося богатствомъ Креза и покорилъ всю Малую Азію до самаго моря, взялъ Вавилонъ, покорилъ финикійскіе торговые города между Ливаномъ и моремъ, и погибъ въ далекомъ Туранѣ, на войнѣ съ дикими племенами степей по Яксарту, саками, дербійцами, массагетами, мы расскажемъ послѣ, когда ознакомимся съ важнѣйшими изъ народовъ, подпавшихъ подъ владычество персовъ. Могучая фигура Кира производила такое впечатлѣніе на умы, что черезъ полтора вѣка послѣ него, одинъ изъ мудрецовъ и полководцевъ прекрасной Эллады, афинянинъ Ксенофонтъ, выставилъ его идеаломъ царскихъ доблестей. Киръ былъ, въ понятіяхъ грековъ, монументальнымъ олицетвореніемъ царственнаго величія, какъ послѣ него другой персидскій царь, Дарій.

СЕМУТИЧЕСКІЕ НАРОДЫ

СЕМИТИЧЕСКІЕ НАРОДЫ.

СЕМИТИЧЕСКІЕ НАРОДЫ.

А. ВАВИЛОНЯНЕ И АССИРИЯНЕ.

Источники и научныя пособія. 1) Древніе писатели, въ особенности *Геродотъ*, *Ксенофонтъ*, *Диодоръ*, *Страбонъ*; 2) *Берозъ*, *Berosi Chaldaeorum Historiae quae supersunt*, ed. Richter и C. Müller, *Fragmenta Hist. graec.* II, стран. 495.—*Movers*, *Die Phönizier*.—*Gumpach*, *Abriss der babylonisch-assyrischen Geschichte*.—А. Н. *Layard*, *Niniveh and its remains*, Lond., 1849, 2 тома, и *A second series of the monuments of Niniveh*. (Есть и нѣмецкій переводъ Мейснера, Лейпцигъ, 1854).—Книги *Ветхаго Завета*.—3) Книги, заглавія которыхъ ужь были приведены: *Heeren*; *Dupcker*, *Geschichte des Alterthums*, томы 1-й и 2-й, 5-ое издание; *Maspero* (и нѣмецкій переводъ Пичмана); *Geschichte der Baukunst von Kugler*; *Kunstgeschichte von Schnaase*; *Ritter's Erdkunde*; *Handbuch der alten Geographie von Forbiger* и проч.—Изъ многочисленныхъ трудовъ, вызванныхъ научными изслѣдованіями въ послѣдніи десятилѣтія, и пролившихъ совершенно новый свѣтъ на ассирійско-вавилонскую исторію, особенно важны: *Botta et Flandin*, *Monumens de Niniveh I—V*, Paris, 1849—1850.—*Jules Oppert*, *Expédition scientifique en Mésopotamie*; томы I и II, 1859, 1863; *Empires de Chaldée et d'Assyrie*—*G. Smith*, *The Annals of Asurbanipal*, translated from the cuneiform inscriptions. London, 1871.—*E. Schrader*, *Die Keilinschriften und das Alte Testament*, Giessen, 1872.—*F. Lenormant*, *La langue primitive de la Chaldée et les idiomes touraniens* Paris, 1875. *Les premières civilisations*. Paris, 1874. *Les sciences occultes en Asie: I. La magie chez les Chaldéens et les origines accadiennes*. Paris, 1874. II. *La divination et la science des présages chez les Chaldéens*. Paris, 1875. *Les origines de l'histoire d'après la Bible et les traditions des peuples orientaux*. Paris, 1880.—*G. Smith*, *Assyrian discoveries*. London, 1875. *The Chaldean account of genesis*. London, 1876 (Есть нѣмецкій переводъ Г. Деллча, съ объясненіями и дальнѣйшими изслѣдованіями Ф. Деллча, Leipzig, 1876). *The assyrian eponym Canon*. London.—*A. v. Gutschmidt*, *Neue Beiträge zur Geschichte des alten Orients. Die Assyriologie in Deutschland*. Leipzig, 1876.—*E. Schrader*, *Keilinschriften und Geschichtsforschung*. Giessen, 1878.—*J. Ménant*, *Annales des rois d'Assyrie. La Chaldée et la Babylonie. Inscriptions de Hammourabi*. Paris, 1865.—*E. Schrader*, *Die Hüllenfahrt der Istar, ein alt babylonisches Epos nebst Proben assyrischer Lyrik*. Giessen, 1874.—*J. Oppert*, *L'immortalité de l'âme chez les chaldéens*. Paris, 1875. *Inscriptions susiennes* (Extrait B des Mémoires du Congrès international des orientalistes, томъ II. Paris. 1875).—*V. Floigl*, *Cyrus und Herodot nach den neugefundenen Keilinschriften*. Leipzig, 1881.

Характеръ
страны.

1. Бассейнъ Эвфрата и Тигра и первыя времена исторіи Вавилона.

Между Иранскою страню на востокъ и сирійско-арабскимъ міромъ на западъ, между хребтомъ Загра, скалистыми высотами Ливана и Сирійскою пустынею лежитъ область бассейна Эвфрата и Тигра, постепенно опускающаяся отъ арменскихъ горъ, въ которыхъ находятся источники этихъ рѣкъ, и разстилающаяся необозримо широкою равниною отъ слиянія Тигра съ Эвфратомъ до впаденія общаго русла ихъ въ Персидскій заливъ. Верхнія части ихъ долинъ идутъ извивами по степи, лежащей высоко надъ уровнемъ моря и мѣстами плодородной; онѣ окаймлены высотами, гдѣ платановые и кипарисовые лѣса перемежаются зелеными лугами, по которымъ роскошно нестрѣютъ цвѣты. По мѣрѣ того, какъ мѣстность понижается, долины Эвфрата и Тигра расширяются, — пространство между этими плодородными береговыми равнинами дѣлается все бесплоднѣе и наконецъ становится пустынею, по которой лишь кое-гдѣ бродятъ пастухи со своими стадами и представляютъ охотнику обильную добычу страусы, драхвы и стада дикихъ ословъ. Это Месопотамія, «Междурѣчье». Въ ста географическихъ миляхъ выше общаго устья Эвфрата и Тигра, тамъ, гдѣ эти рѣки очень близко подходятъ одна къ другой, и перешеекъ между ними соприкасается съ такъ называемой «мидійскою стѣною», Месопотамія становится широкою равниною съ тучнымъ черноземомъ. Эта низменность, знаменитая своимъ необыкновеннымъ плодородіемъ и своею историческою важностью, называвшаяся у семитовъ Синааромъ, а у грековъ Вавилоніею, бездождна какъ Египетъ, и превратилась бы подъ солнечнымъ зноемъ въ песчаную пустыню, если бы природа и человѣкъ не давали ей обильнаго орошенія. Весною, когда таетъ снѣгъ на арменскихъ горахъ, Эвфратъ и Тигръ выступаютъ изъ береговъ и заливаютъ жаждущую область. Разливъ Эвфрата, рѣки съ тихимъ теченіемъ, происходитъ правильно и спокойно, какъ разливъ Нила. Его русло широко, его берега не высоки, и подымающаяся вода его разливается, не встрѣчая препятствій, покрываетъ равнину и оставляетъ на ней, подобно разливу Нила, плодородный илъ. Чтобы далекія отъ рѣки мѣстности получили это оплодотворяющее орошеніе, человѣкъ провелъ каналы и плотины. Тигръ быстро и шумно бѣжитъ въ узкомъ руслѣ, часто стѣсняемомъ скалами, пересѣкаемомъ порогами, и въ него вливаются стремительныя рѣчки съ восточныхъ и сѣверныхъ горъ; потому его разливъ часто опустошительнъ, уноситъ съ полей рыхлый плодородный слой, превращаетъ равнину въ широкое болото, поросшее тростникомъ и камышемъ. Такимъ образомъ надобно было сдерживать разливы Тигра

Вавилонія.

плотинами, чтобы предотвратить опустошеніе, и съ тѣмъ вмѣстѣ надобно было давать пути оплодотворяющимъ водамъ, рыть для нихъ каналы и водоемы; нѣкоторые изъ вырытыхъ тутъ искусственныхъ водоемовъ были подобны озерамъ своею обширностью. Вся вавилонская равнина была въ древности изрѣзана такимъ множествомъ большихъ и мелкихъ каналовъ и плотинъ, что древній міръ дивился орошенію, устроенному въ такомъ размѣрѣ и съ такимъ искусствомъ.

Каналы были проведены по всѣмъ направленіямъ и, пересѣкаясь между собою, образовали сѣть; изъ большихъ каналовъ были проведены мелкіе, и въ свою очередь развѣтвлялись. По берегамъ ихъ стояло безчисленное множество насосовъ и другихъ механизмовъ, подымавшихъ воду, разливавшихъ ее по полямъ. Каналы надобно было постоянно очищать отъ засоренія иломъ. Многіе изъ нихъ терялись своими развѣтвленіями въ песокъ, другіе изливались въ Тигръ, и потому количество воды въ немъ становилось чѣмъ дальше внизъ по теченію, тѣмъ больше, между тѣмъ какъ въ Евфратѣ оно уменьшалось, потому что каналы брали изъ него очень много воды. Но и онъ достигалъ въ древности до моря отдѣльнымъ русломъ, между тѣмъ какъ теперь сливается съ Тигромъ. Выше Вавилона былъ проведенъ на западъ Нарсаресскій каналъ, сохранившійся до сихъ поръ. Онъ шелъ параллельно рѣкѣ, потомъ загибался на востокъ и впадалъ въ нее обратно. Въ двадцати миляхъ ниже Вавилона выходилъ изъ Эвфрата Иадакопскій каналъ и шелъ въ Халдейскія озера, лежащія близъ устья рѣки, возвращаясь въ нее снова. При высокомъ разливѣ, онъ уносилъ изъ нея излишекъ воды; когда уровеньъ рѣки былъ низкій, каналъ запирали, чтобы вода изъ рѣки не уходила черезъ него въ Халдейскія озера и въ болота. Эвфратъ и Тигръ были соединены «Царскимъ каналомъ» и его безчисленными развѣтвленіями. Онъ былъ проведенъ Небукаднецаромъ.

Это, отчасти естественное, отчасти искусственное орошеніе было причиною того, что изсушающій зной сирійской пустыни не достигалъ до мидійскихъ и персидскихъ горъ, что между ними и пустынею пролегла хлѣбородная страна, осѣненная по мѣстамъ пальмами, кипарисами и фруктовыми деревьями. Судьба предназначала ее стать отчизною роскошной культуры, и въ ней развилась цивилизація, возрождавшаяся, какъ фениксъ, изъ всѣхъ постигавшихъ ее разрушеній.

Древніе писатели съ восторгомъ говорятъ о чрезвычайномъ плодородіи Вавилоніи, гдѣ дико растутъ пшеница и другіе хлѣба. Ксенофонтъ превозноситъ богатство ея финиками: ихъ много въ ней и они крупныя. И теперь по берегамъ Эвфрата и Тигра въ ихъ низовьяхъ идутъ, прерывая однообразіе мѣстности, пальмовые лѣса, дающіе очень много финиковъ, хотя подъ грубымъ турецкимъ владычествомъ страна совершенно обѣднѣла, изъ «цвѣтущаго сада божія» превратилась въ «поле опустошенія». — Съ особенною подробностью говорить о богатствѣ растительности въ Вавилоніи Геродотъ: «Сколько я знаю, Вавилонія изъ всѣхъ странъ самая лучшая для хлѣбопашества; жатва тамъ всегда приноситъ въ двѣсти разъ больше посѣяннаго, а въ хорошіе годы и въ триста разъ. Листья пшеницы и ячменя часто бываютъ тамъ въ четыре пальца ширины; а до какой вышины вырастаютъ просо и кунжутъ, мнѣ тоже извѣстно, но лучше будетъ не говорить этого, потому что я хорошо знаю: кто не былъ въ Вавилоніи, не повѣритъ ужъ и тому, что я сказалъ о ея плодородіи. Деревья

евъ въ ней мало; нѣтъ смоковницъ, ни винограда, ни сливы. Единственное растительное масло у нихъ кунжутное. Но пальмы растутъ повсюду, и почти все онѣ приносятъ плоды; плоды эти ѣдятъ; дѣлаютъ изъ нихъ и вино и медъ.—Эта богатая страна теперь изсохшая пустыня, — гдѣ нѣтъ ни нивъ, ни луговъ; это мѣръ развалинъ, холмы которыхъ — единственное разнообразіе необозримой равнины. „Взошедши въ вѣчномъ торжественномъ молчаніи этого міра развалинъ на такой холмъ“, говоритъ Риттеръ, „видишь въ отдаленіи широкую зеркальную полосу Эвфрата; въ тихомъ величіи течетъ онъ по пустынѣ, какъ царственный путникъ по нѣмымъ развалинамъ своего разрушеннаго царства. Роскошные дворцы и храмы распались въ прахъ; вмѣсто висячихъ садовъ и цвѣтушихъ парковъ растутъ по болотамъ береговъ тростниковые лѣса, и тамъ, гдѣ некогда въ шумной столицѣ израильскіе плѣнники пѣли при звукахъ арфы пѣсни, плача о разрушенномъ Іерусалимѣ, лишь мѣстами остались вѣчные луга, въ запустѣніи которыхъ не слышится ужъ ни пѣней плача, ни голоса веселья“.

Ассирія.

Не равняется Вавилоніи плодородіемъ, но одарена, благодаря своему высокому положенію, болѣе укрѣпляющимъ и освѣжающимъ климатомъ А с с и р і я, горная страна между Тигромъ и Хребтомъ западной окраины Ирана. И въ ней, какъ въ вавилонской низменности, рѣдко идетъ дождь, но она изобильно орошена многочисленными рѣками, текущими съ востока и съ сѣвера въ Тигръ, каналами и водопроводами; нѣкоторыя мѣстности ея, при хорошей обработкѣ, очень плодородны. На югъ она походитъ характеромъ своей природы на вавилонскую низменность, и лишь изрѣдка стоятъ между широкими нивами небольшія группы пальмъ и кипарисовъ. Но въ средней части ея, въ А т у р і и А р б е л и т и д ѣ, гдѣ изливается въ Тигръ свои синія воды Большой Забъ (Лигъ), идутъ гряды плодородныхъ холмовъ съ закрытыми отъ холода долинами, въ которыхъ растутъ виноградъ, пшеница, кунжутъ, смоковница, олива и гранатовое дерево, и находятся изобильные нефтяные источники; а далѣе къ сѣверу, на границахъ Арменіи и Мидіи, поднимаются горы, высоты которыхъ покрыты дубовыми, хвойными и орѣховыми лѣсами. Восточная окраина Ассиріи, лежащая у подошвы Загрскаго хребта, Х а л о н и т и д а, въ древности славилась изобиліемъ пальмъ, фруктовыхъ деревьевъ и оливъ, а Арфахсадская область (Аррапахитида); соседняя съ Гордіейскими (Халдейскими) горами, считалась у евреевъ родиною Авраама. Отсюда сошелъ онъ въ Месопотамію на пастбища Гарана. М е с о п о т а м і я — страна пастушескаго населенія; широкія равнины ея часто были мѣстомъ кровопролитныхъ войнъ; народы и династіи, господствовавшія надъ нею, хотѣли увѣковѣчить память о своемъ владычествѣ основаніемъ городовъ; но почти все они исчезли безъ слѣда. Сѣверныя части Месопотаміи холмисты и походятъ характеромъ своей природы на Ассирію; южнѣе, она становится степью, и южная часть ея — безводная пустыня, по которой кочуютъ арабы.

Месопотамія.

Насколько сохранилась память о прошломъ въ преданіяхъ, съ глубочайшей древности въ бассейнѣ Эвфрата и Тигра жили народы даровитаго семитическаго племени; сначала вели они кочевую жизнь, были пастухи и охотники; потомъ соединились въ благоустроенныя государства. И въ туземныхъ мѣстахъ пересказанныхъ въ македонское время по халдейскимъ лѣтописямъ жрецомъ Берозомъ, и въ еврейскомъ преданіи о Вавилонской башнѣ, построеніе которой остановилъ смѣшеніемъ языковъ разгнѣванный этимъ дерзкимъ предпріятіемъ Богъ, страна въ низовьяхъ Эвфрата и Тигра, С и н е а р ѣ, была первою областью, въ которой поселились люди послѣ потопа. Вода благотворною и разрушительною силою своею производитъ здѣсь могущественное дѣйствіе на мысли человѣка; и вся жизнь его въ этой странѣ зависитъ отъ воды; потому очень можетъ быть, что здѣсь родина идущаго изъ глубокой древности преданія о потопѣ. Богъ Б е л ѣ, творецъ неба и земли и хранитель вселенной, животворящій ее свѣтомъ солнца, — такъ говоритъ вавилонское сказаніе — открылъ благочестивому царю К с и с у т р у (Xisuthros), что погрязшій въ пороки и въ нечестіи родъ человѣческій будетъ истребленъ потопомъ, повелѣлъ ему зарыть въ землю священныя книги О а н н а (Oannes) и другихъ чудесныхъ существъ, бывшихъ на-половину рыбами, на-половину людьми, которыя отъ времени до времени являлись въ обильной водою вавилонской странѣ и научили жителей ея воздѣлыванію полей, другимъ искусствамъ, знанію событій прошлыхъ временъ и почитанію боговъ; и повелѣлъ ему Богъ войти съ семействомъ и родными и ближайшими друзьями и съ парой животныхъ всякой породы въ большой корабль, чтобы спастись. Ксисутръ исполнилъ, какъ было повелѣно ему, и тогда насталъ въ странѣ вавилонской великій потопъ. Когда вода стала сбывать, корабль остановился на Гордіейскихъ (Халдейскихъ) горахъ. Благочестивый царь и бывшіе съ нимъ вышли изъ корабля, Ксисутръ принесъ богамъ жертву благодаренія и вскорѣ послѣ того былъ взятъ ими на небо. Съ неба онъ повелѣлъ своимъ товарищамъ, чтобъ они сошли въ Синеаръ, выкопали священныя книги рыбъ-людей, и устроили свою жизнь и богопочитаніе по этимъ книгамъ. Они исполнили повелѣніе, сошли въ Синеаръ, возсоздали разрушенный Вавилонъ, построили храмъ для богопочитанія, и стали жить по ученіямъ и заповѣдямъ священныхъ книгъ. Послѣ потопа царствовали въ Вавилонѣ 86 царей; время ихъ правленія продолжалось болѣе 34.000 лѣтъ; первые изъ нихъ царствовали по двѣ тысячи лѣтъ и больше, но жизнь человѣческая постепенно сокращалась до нынѣшнихъ предѣловъ своихъ.

Берозъ, халдейскій жрецъ, посвятившій свою «Халдейскую Исторію» царю Антиоху Сотеру, излагаетъ въ первой книгѣ ея космогонію и древнѣйшую мифическую исторію вавилонянъ до великаго потопа. Вначалѣ, говорится у Бероза, все было мракъ и вода.

Вавилонскія преданія.

Вавилонскія преданія о сотвореніи міра и о потопѣ по Берозу.

Въ водѣ возникли удивительныя существа необыкновеннаго вида: люди съ двумя, а нѣкоторые съ четырьмя крыльями и съ двумя лицами. Тѣло у нихъ было одно, но о двухъ головахъ, и каждое изъ нихъ было вмѣстѣ и мужчиною и женщиною. У другихъ людей были козьи ноги и рога, у третьихъ лошадиныя ноги и вся задняя часть тѣла лошадиная, а передняя—человѣческая, какъ изображаются гиппоцентавры. Въ то время рождались тоже были съ человѣческою головою, собаки съ четырьмя тѣлами и рыбьими хвостами, люди съ рыбьими хвостами и другія существа съ лошадиными тѣлами и головами и съ рыбьими хвостами, и разныя удивительныя существа необыкновеннаго вида. Ихъ изображенія сохраняются въ храмѣ Бела. Надъ всѣми этими существами была пладичицею женщина, Гомокора (Нотмосога; Маркаи) или Талаэ (Thalath, «мать жизни»). Потомъ Белъ разсѣкъ мракъ, отдѣлилъ небо отъ земли, устроилъ міръ, создалъ животныхъ, которые могли выносить дѣйствіе свѣта и воздуха; а тѣ, которые не могли выносить силу свѣта, погибли. Увидѣвъ, что земля пуста, но плодородна, Белъ повелѣлъ одному изъ боговъ отрѣзать ему голову, смѣшать землю съ кровью, которая текла изъ него, и сдѣлать изъ этой смѣси людей. Тоже Белъ сотворилъ и звѣзды, солнце, луну и пять планетъ. Долго люди въ Вавилоніи жили подобно животнымъ, безъ всякаго познанія. Но потомъ вышло изъ моря чудесное существо, съ человѣческою головою и человѣческимъ голосомъ, а ниже имѣвшее видъ рыбы; его изображеніе хранится въ храмѣ Бела. Это существо, которое называлось О а н н о м ъ, выходило на берегъ днемъ, и научило людей строить храмы и дома, воздѣлывать поле, сѣять и собирать жатву, и дѣлать все надобное для человѣческой жизни, и открыло имъ законы и все искусства и познанія; научило ихъ и землемѣрію; а ночью оно уходило опять въ море. Послѣ того люди, наученные всему божественному и житейскому, выбрали царемъ себя А л о р а; онъ царствовалъ двѣнадцать «саръ», то-есть 48,200 лѣтъ; послѣ него было восемь царей, царствовавшихъ тоже много тысячъ лѣтъ; при нихъ выходили еще шесть рыбъ съ человѣческими головами и продолжали учить, какъ училъ Оаннъ. И мудрѣе и лучше этихъ наученій не найдено и не придумано въ слѣдующія времена ничего. Послѣдній изъ тѣхъ царей былъ К с и с у т р ъ, при которомъ произошелъ великій потопъ. Отъ Алора до Ксисутра прошло 120 саръ, то-есть 482,000 лѣтъ. Исторію Ксисутра Верозъ рассказываетъ такъ:

Кронъ (Белъ) открылъ Ксисутру въ сновидѣніи, что въ 15 день мѣсяца Даксія начнется потопъ, въ которомъ погибнутъ всѣ люди, велѣлъ ему зарыть все священныя книги въ городѣ солнца, С и п п а р ѣ (Сефарваимѣ) и построить корабль въ пять стадій (3,125 футовъ) длиною и въ двѣ стадіи (1,250 футовъ) шириною, для себя, своихъ дѣтей и ближайшихъ родныхъ, перенести туда запасъ пищи и питья и взять съ собою всѣхъ животныхъ, четвероногихъ и птицъ. Ксисутръ сдѣлалъ все такъ.

Насталъ потопъ. Когда вода стала убывать, Ксисутръ выпустилъ нѣсколько птицъ. Онѣ не нашли нигдѣ ни пищи, ни мѣста отдохнуть и вернулись въ корабль. Черезъ нѣсколько дней онъ выпустилъ другихъ птицъ; онѣ тоже вернулись, но съ глиною на ногахъ. Черезъ нѣсколько дней онъ выпустилъ птицъ въ третій разъ; онѣ не вернулись; изъ этого Ксисутръ понялъ, что земля снова появилась. Онъ вынулъ нѣсколько бревенъ, и увидѣвъ, что корабль остановился на горѣ, вышелъ съ женою, дочерью и кормчимъ, повергся на землю, помолился, воздвигъ алтарь и принесъ на немъ жертву.

По принесеніи жертвы, вышедшіе изъ корабля исчезли. Тогда вышли остававшіеся въ немъ, стали искать Ксисутра и клясть его по имени, но напрасно; наконецъ голосъ сверху воскликнулъ имъ: онъ за свое благочестіе взять къ богамъ; та же честь дана его женѣ и дочери и кормчему; а они пусть возвратятся въ Вавилонъ и дадутъ людямъ книги, зарытыя въ землю въ Синпарѣ; мѣсто же, гдѣ они теперь, находится въ Арменіи. Тогда и они принесли жертву и пошли пѣшкомъ въ Вавилонъ. Отъ корабля, остановившагося въ Арменіи, еще остаются куски на Гордіейскихъ горахъ, и приносимый оттуда асфальтъ отвращаетъ бѣдствія.—И тѣ люди исполнили повелѣніе; вырыли священныя книги въ Синпарѣ; основали многіе города, построили храмы и возстановили Вавилонъ.

Джорджъ Смитъ, изслѣдователь клинообразныхъ надписей, сдѣлавшій много открытій, нашелъ и подлинный вавилонскій текстъ этого сказанія. Существенныя мѣста его таковы: «Мужъ Суриппатскій, сынъ Убаратуту... сдѣлай корабль... и введи всякое живое сѣмя во внутрь корабля... войди въ него и затвори двери корабля. Въ средину его твой хлѣбъ, твою утварь и твое имущество, твое богатство, твоихъ прислужницъ, твоихъ рабынь и юношей, полевой скотъ, полевыхъ животныхъ, всѣхъ соберу я и къ тебѣ пришло и они сохранятся за твоею дверью.» Атрахисисъ строить корабль. «Три мѣры нефтянаго дегтя вылилъ я на наружную сторону его, три мѣры нефтянаго дегтя на внутреннюю сторону... Все, что я имѣлъ, собралъ я; все, что я имѣлъ серебра, собралъ я; все, что я имѣлъ живаго сѣмени, собралъ я; все собралъ я въ корабль; всѣхъ моихъ слугъ и моихъ служанокъ, полевой скотъ, полевыхъ животныхъ, сыновей народа всѣхъ ввелъ я въ него. Потопъ навелъ Самасъ, и сказалъ, говори въ вечеру: я испущу сильный дождь съ неба, войди въ корабль и замкни твою дверь. Этотъ потопъ насталъ... я вошелъ въ корабль и замкнулъ мою дверь. Запереть корабль поручилъ я Бузуръ-Садураби, лодочнику, дворецъ и имущества въ немъ... Битъ гремѣлъ посреди небеси и Небо (Набо) и Сарру шли предъ нимъ, носители престола шли черезъ горы и долины, разрушитель Нергалъ все опрокидывалъ, Адаръ шелъ впередъ и низвергалъ, духи несли истребленіе; въ величій своемъ сметали они все съ земли; потопъ бога Бина вошелъ до неба. Свѣтлая земля стала пустынею... Братъ не видѣлъ брата, не узнавали другъ друга люди. На небѣ боги пугались бури и искали убѣжища. Они вззошли на небо (бога) Ану; боги легли кучею, какъ собаки. Сказала Истаръ какъ мать... Все извратилось въ погибель, и тогда прорицалъ я въ присутствіи боговъ бѣдствіе; какъ я въ присутствіи боговъ прорицалъ бѣдствіе, бѣдствію былъ обреченъ весь мой народъ, и я прорицалъ такъ: Я родилъ мой народъ, и какъ молодыя рыбы наполняютъ онъ море... Шесть дней и ночей прошли, вѣтеръ, потопъ и буря продолжали. На седьмой день, въ продолженіе его, улеглась буря и весь потопъ, который опустошилъ подобно землетрясенію, сталъ убывать. Море онъ осушилъ, и вѣтеръ и потопъ кончились. Я плылъ по бушующему морю, между тѣмъ какъ весь родъ человѣческій превращался въ илъ; какъ тростникъ плавали трупы. Я открылъ окно, и свѣтъ упалъ на мое лицо; я вздрогнулъ, и сѣлъ и плакалъ, по моему лицу текли мои слезы. Я увидѣлъ берегъ на предѣлѣ моря, на двѣнадцать мѣръ поднималась земля. Къ странѣ Низиръ несло корабль; гора Низиръ остановила корабль, и переплыть черезъ нее не могъ онъ... На седьмой день, въ продолженіе его, я послалъ голубя (?), онъ полетѣлъ; голубь (?) леталъ туда и сюда, и мѣста отдохнуть не нашелъ и возвратился. Я послалъ ласточку и она полетѣла; ласточка летала туда и сюда, и мѣста отдохнуть не нашла и возвратилась. Я послалъ ворона и онъ полетѣлъ, воронъ леталъ и увидѣлъ убывъ воды, и ѣлъ, плавалъ и ходилъ и не возвратился. Я выпустилъ животныхъ на всѣ четыре вѣтра, возилъ жертву благодаренія, построилъ алтарь на вершинѣ горы. Боги собрались на его запахи. Боги собрались подобно мухамъ надъ жертвою». Послѣ этого, на очень забавномъ совѣщаніи боговъ постановляется рѣшеніе, что потопъ былъ слишкомъ крутою мѣрою противъ людей; Белъ заключаетъ торжественный союзъ съ Атрахисисомъ и изрекаетъ благословеніе ему.

Приобрѣтеніе возможности понимать клинообразныя надписи пролило неожиданнѣйшій свѣтъ на исторію Месопотаміи. Чтеніе ихъ — дѣло трудное; многое еще отчасти не ясно; потому пользоваться его результатами надобно съ ослотрительностью. Но оно ужъ дало очень важныя достовѣрные выводы.

Раньше другихъ разрядовъ клинообразныхъ надписей были дешифрованы персидскія; умѣнье понимать другія было приобретено при помощи умѣнья понимать ихъ. Персидскіе цари писали свои акты на трехъ языкахъ: на персидскомъ, на вавилонскомъ и на языкѣ, который ученые называютъ теперь скиѣскимъ или татарскимъ, и который, по мнѣнію Оппер-

Клинообразное
письмо.

та, быть может, справедливому, былъ языкомъ первобытнаго населенія Мидіи. — Персидскія надписи писаны почти исключительно группами знаковъ имѣющими значеніе буквъ алфавита; въ этомъ алфавитѣ 38 знаковъ. Нибуръ — отецъ (путешественникъ, отецъ историка) отдѣлилъ одна отъ другой группы клинѣвъ, служащія знаками буквъ, а Мюнтеръ нашелъ, что строки писаны съ-лѣва на-право. Но первый важный шагъ къ дешифровке этого алфавита сдѣланъ Гротендумъ; по своей гениальной догадливости, онъ сумѣлъ найти въ персидскихъ надписяхъ имена царей Дарія и Ксеркса. Основываясь на дешифрованныхъ буквахъ этихъ именъ, два ученые одновременно и независимо другъ отъ друга — Бюрнуфъ, въ Парижѣ, Ролинсонъ, въ Багдадѣ — почти вполне дешифровали персидскую систему клинообразнаго письма. Теперь персидскія клинообразныя надписи читаются съ полною достовѣрностью.

Но не въ такомъ положеніи дѣло чтенія другой системы этого письма, чтеніе ассирійско-вавилонскихъ надписей, несравненно болѣе важныхъ, чѣмъ персидскія. Въ этой системѣ число знаковъ простирается до 400. Очевидно было, что это нѣчто въ родѣ гіероглифовъ. Умѣнье читать персидскія надписи ставило однако же изслѣдователей въ довольно благопріятное положеніе. Было найдено, что два текста параллельные персидскому — переводы его, потому что группы знаковъ, соотвѣтствующія собственнымъ именамъ въ персидскомъ текстѣ, повторяются на тѣхъ же мѣстахъ и въ каждой изъ двухъ другихъ колоннъ. Это дало возможность достовѣрно опредѣлить значеніе очень многихъ знаковъ ассирійской системы. Тексты, писанные на трехъ языкахъ, даютъ прочное основаніе методически достовѣрному чтенію ассирійскихъ текстовъ. Это несомнѣнно. Но еще не все въ ассирійскихъ надписяхъ прочитывается съ достовѣрностью. Затрудненіе въ самомъ характерѣ письма. Та ассирійская система, по которой написаны сохранившіеся тексты — смѣсь этой прежней системы съ системою письма знаками, соотвѣтствующими слогамъ, смѣсь идеографическаго письма съ силлабическимъ. Часто бываетъ, что слѣдая ассирійскую колонну текста съ персидскою, мы можемъ съ полною достовѣрностью опредѣлить смыслъ ассирійскаго знака, но какъ произнести этотъ знакъ, мы все таки не знаемъ, потому что онъ изображаетъ понятіе, а не звуки слова.

Но есть и другое средство разяснять темныя мѣста ассирійскихъ надписей между собою. Ассирійскіе цари считали одною изъ важнѣйшихъ своихъ обязанностей передавать потомству извѣстія о своихъ подвигахъ со всевозможною точностью и полнотою. Они помѣщали рассказы о своихъ военныхъ дѣлахъ на камняхъ фундамента храмовъ, на стѣнахъ дворцовъ, на колоссальныхъ фигурахъ быковъ, которыя ставились у дверей, на бросающихся въ глаза мѣстахъ скалъ. Потому многія изъ этихъ военныхъ лѣтописей дошли до насъ въ нѣсколькихъ экземплярахъ: текстъ нѣсколькихъ надписей часто бываетъ совершенно одинаковъ, но при одинаковости текста, встрѣчаются мѣстами разницы знаковъ, которыми одно и тоже выраженіе написано въ разныхъ экземплярахъ. Эти подстановки знаковъ очень помогаютъ дешифровке: слова, которыя попадались обозначеными лишь посредствомъ фигуръ, изображающихъ понятіе, оказываются въ другихъ параллельныхъ текстахъ написанными посредствомъ знаковъ, выражающихъ звуки. Это очень облегчаетъ изученіе ассирійскаго языка и ассирійской письменной системы. — Третье важное пособіе представляютъ силлабаріи — списки знаковъ, изображающихъ слоги. Въ библіотекѣ Асурбанпала найденъ рядъ глиняныхъ досчечекъ, на которыхъ начертаны списки знаковъ съ объясненіями ихъ: ассирійцамъ позднѣйшихъ временъ было трудно понимать запутанную и непрактичную систему своего

письма, и нужны были пособія для того, чтобы поддерживалось умѣнье понимать ее. Эти словари или ключи шифра написаны въ двѣ или въ три колонны. Э. Шрадеръ справедливо говоритъ: „Должно назвать чрезвычайно счастливымъ случаемъ то, что сохранились ассирійскіе силлабаріи. Безъ нихъ ассиріологъ очень часто смотрѣлъ бы на текстъ совершенно безпомощно“. Дешифровка сильно помогло сдѣланное въ 1849 году Гинксомъ открытіе, что тѣ ассирійскіе письменные знаки, которыми изображаются не понятія, а звуки, выражаютъ звуки не гласныхъ или согласныхъ звуковъ въ отдѣльности, а цѣлыхъ слоговъ. Но дешифровка затрудняется полифоніею ихъ, — тѣмъ, что одинъ и тотъ же знакъ употребляется для обозначенія разныхъ слоговъ. Разобрать разныя значенія однихъ и тѣхъ же знаковъ было дѣло трудное и долгое. — Теперь мы положительно знаемъ, что ассирійскій языкъ — принадлежитъ къ числу семитическихъ. По фонетикѣ, по формамъ склоненія, спряженія, словопроизводства, словомъ, по всей своей структурѣ онъ семитическій языкъ; и лексиконъ его его тоже семитическій. „Отецъ по — ассирійски „абу“, „богъ“ — „плу“, какъ въ еврейскомъ; „ворота“ — „бабъ“, какъ въ арабскомъ; „домъ“ — „битъ“, какъ во всѣхъ семитическихъ языкахъ, и т. д. — При помощи ассирійскихъ текстовъ дешифрованы тексты третьей системы, принадлежащія народу, говорившему совершенно инымъ языкомъ, не принадлежащимъ ни къ семитической группѣ, ни къ индо-германской. Это былъ языкъ того народа, который изобрѣлъ клинообразные знаки письма, древнѣйшаго цивилизованнаго населенія вавилонской равнины; семиты, поселившіеся на ней, были обязаны почти всею своею культурою этому народу. Его принято называть сумерскіямъ, какъ назвалъ его Оппертъ.

Древнѣйшія поселенія сумеровъ были на нижнемъ Эвфратѣ. Тамъ стояли ихъ первоначальные города, имѣвшіе теократическое устройство, знаменитые въ преданіяхъ о доисторическихъ временахъ: Риту (Абу-Шарейнъ), Уръ (нынѣшній Мугейръ; Уръ Касдимъ, въ сказаніи объ Авраамѣ), Арку (Варка), Ларсамъ (Сенкере) и пр. Вавилонъ и сосѣдніе съ нимъ города пріобрѣли важное значеніе только ужъ въ болѣе позднія времена. Это постепенное расширеніе сумеровъ съ юга на сѣверъ даетъ поводъ предполагать, что и на нижній Эвфратъ пришли они съ юга. Можно понимать въ этомъ смыслѣ и сказаніе вавилонскихъ жрецовъ о томъ, что изъ Эритрейскаго моря (Персидскаго залива) ежедневно выходитъ рыбообразный богъ Ану (Оаннъ, у Бероза), учившій людей искусству писать, законамъ и всѣмъ знаніямъ.

Изъ мрака тысячелѣтій первымъ историческимъ лицомъ появляется царь Ура Ликбагасъ, Likbagas (дѣйствительно ли такъ должны быть произносимы знаки, составляющіе его имя, вопросъ еще не рѣшенный). Груды мусора у нынѣшняго города Мугейра — остатки сооруженій огромнаго храма, построеннаго Ликбагасомъ богу Сину (Sin), небесному свѣту, старшему сыну Бела. Онъ построилъ большіе храмы и въ другихъ центрахъ богослуженія южной Вавилоніи, какъ свидѣлствуютъ надписи, сдѣланныя на черепицахъ. Такія же надписи, находимыя въ развалинахъ городовъ этой области, свидѣлствуютъ,

Первыя времена исторіи Вавилоня.

что строилъ храмы и сынъ его, Дунги (Dungi). Теперь мы знаемъ имена довольно многихъ жрецовъ — царей другихъ городовъ южной Месопотаміи; такіе жрецы — цари были въ Карракъ, въ Ларсамъ, въ Нипуръ. Почти всѣ ихъ надписи говорятъ съ утомительнымъ однообразиемъ все объ одномъ и томъ же, о построении храмовъ. Определить, хотя бы приблизительно, время жизни этихъ царей, мы еще не можемъ.

Владычество
эламитянъ.

Тишина этого іерархическаго быта была прервана нашествіемъ юго-восточныхъ сосѣдовъ, эламитянъ. Асурбанипалъ рассказываетъ, что «Кудуръ-Нанхунди, эламитянинъ, не чтившій великихъ боговъ, въ злостіи уповавшій на свою силу, наложилъ руку на храмы Аккада (южной Халдеи) и подвергъ угнетенію страну Аккадскую». Асурбанипалъ говоритъ, что это было за 1635 лѣтъ до его времени (до 650 года); итакъ, нашествіе эламитянъ произошло приблизительно за 2280 лѣтъ до нашей эры. Изъ потомковъ Кудуръ-Нанхунди наиболѣе извѣстенъ намъ Кудуръ-Мабукъ, называющій себя «владыкою запада». «Западомъ» въ клинообразныхъ надписяхъ обыкновенно называется Сирія и Палестина; потому надобно полагать, что власть Кудуръ-Мабука простиралась до Средиземнаго моря. Быть можетъ къ этой династіи принадлежалъ и Кедоръ-Лаомеръ, о которомъ говоритъ Библия; она положительно называетъ его царемъ Элама, и рассказываетъ, что онъ съ подвластными ему месопотамскими царями сдѣлалъ нашествіе на Палестину. Цари эламской династіи совершенно усвоили себѣ вавилонскую культуру. Мы видимъ по ихъ надписямъ, что они были усердные поклонники бога луны, Сина, и «великой богини неба и земель», Наны.

Аганійская
династія.

Вавилонъ (Бабилу, «Врата Илу», то есть, храмъ бога Илу), достигшій въ послѣдствіи такого блеска, не имѣлъ еще никакого значенія въ этомъ древнѣйшемъ періодѣ. Но городъ Сипаръ (Сефарвіагимъ, въ Библии; нынѣшній Суфейратъ), лежащій на сѣверъ отъ Вавилона, сдѣлался столицею могущественнаго государства. Онъ и до позднѣйшихъ временъ оставался однимъ изъ важныхъ центровъ халдейской учености. Сипаръ лежалъ на обоихъ берегахъ Эвфрата. Центромъ западной половины города былъ храмъ бога солнца, Самаса, потому она называлась Сипаръ са Самасъ; а восточная часть, Сипаръ са Анунитъ, имѣла своимъ центромъ знаменитое святилище «Э Ульбаръ», богини Анунитъ. Эта часть города называлась также Агани (Agani) или Аккадъ; она была родиною династіи, несомнѣнно семитической. Основателемъ этой династіи считается Саргонъ I (Sargon), имя котораго окружено мифическимъ блескомъ. Народное преданіе любитъ подымать основателей великихъ государствъ до высоты ихъ могущества изъ бѣдственнаго положенія; такъ оно сдѣлало съ Киромъ и съ Ардеширомъ Бабеканомъ. Извѣстіе такого же рода мы имѣемъ и о Саргонѣ I. На изображеніи этого великаго царя, изваянномъ, вѣро-

ятно, въ позднѣйшія времена, сдѣлана надпись: «Сарру-Кину, могущественный царь, царь Аганійскій, я. Моя мать зачала меня безъ участія моего отца, когда братъ моего отца угнеталъ страну. Она родила меня въ городѣ Азупирани (Azupirani), лежащемъ на берегу рѣки Эвфрата. Моя мать сдѣлалась беременна и родила меня въ скрытомъ мѣстѣ; она положила меня въ корзину; она обмазала ее нефтяною смолою и пустила меня на рѣку, которая меня понесла. Я плылъ по рѣкѣ, которая принесла меня къ Акки, водоносу. Акки, водоносъ, полюбилъ и воспиталъ меня. Акки, водоносъ, взялъ меня въ помощники себѣ, и Истаръ дала успѣхъ моей работѣ». Далѣе идутъ отрывки извѣстій о походахъ Саргона. Преданіе говоритъ, что онъ покорилъ на востокѣ Эламъ, а на западѣ всѣ страны до Средиземнаго моря. Но онъ жилъ въ памяти народа не одними своими военными подвигами. О немъ рассказываютъ, что онъ ознакомилъ своихъ воинственныхъ семитовъ съ культурою шумеровъ, достигавшею тогда высокаго развитія. По его повелѣнію были переведены на семитическій языкъ религіозныя пѣсни, магическія и астрономическія досчеты (книги) шумеровъ. Ему приписывается основаніе большой бібліотеки, находившейся въ древнемъ жреческомъ городѣ Арку, изъ которой брали матеріалы для своихъ трудовъ ученые Асурбанипала. Подобно Саргону I, былъ, по свидѣтельству надписей, великимъ завоевателемъ и сынъ его, Нарамъ-Синъ. Время правленія Саргона I и Нарамъ-Сина было блестящимъ періодомъ старо-халдейскаго могущества. Въ нашихъ источникахъ нѣтъ данныхъ, по которымъ было бы можно хронологически опредѣлить это время.

Послѣдній періодъ старо-авилонской исторіи начинается побѣдами Гамму-Раби (Hammurabi), царя народа Касси, — быть можетъ того самаго, который у Геродота называется киссійцами. Это было одно изъ многочисленныхъ и воинственныхъ горныхъ племенъ Элама; ему удалось то, что удалось въ прежнее время эламитами Кудуръ-Нанхунди: храбрые горцы одержали побѣду въ нѣсколькихъ упорныхъ битвахъ, одолѣли царей равнины и покорили себѣ и сѣверную и южную Халдею. Гамму-Раби сталъ основателемъ новой династіи. Языкъ нѣкоторыхъ его надписей шумерскій, языкъ другихъ — тотъ же самый, какъ въ ассирійскихъ надписяхъ послѣдующихъ временъ. Кассійская династія избрала своею столицею древній священный городъ Вавилонъ, и онъ сталъ теперь блестящимъ центромъ государства. Завоеваніе страны кассійцами не произвело, повидимому, никакого перерыва въ развитіи культуры Месопотаміи. Завоеватели скоро приняли языкъ и понятія покореннаго населенія. Гамму-Раби даже пріобрѣлъ себѣ право на признательность народа. Прежніе цари ужъ увеличили плодородіе страны устройствомъ обширной системы каналовъ. Новый властитель обратилъ на это дѣло главное свое вниманіе. О томъ говоритъ надпись, находящаяся въ Луврѣ. Вотъ текстъ ея, по переводу Менана: «Мы

Кассійская ди-
настія.

говоримъ: богъ Илу и богъ Белъ дали мнѣ власть надъ народами Сумира и Аккада; они наполнили мои руки даями ихъ. Я выкопалъ рѣку Гамму-Раби, счастье людей для народовъ Вавилоніи и водопроводъ для народа Сумира и Аккада. Я провелъ ея извилистые берега до пустыни; я провелъ оросительные рвы; я доставилъ непрерывно текущую воду народу Сумира и Аккада. Я распредѣлилъ людей страны Сумира и Аккада по обширнымъ равнинамъ. Я съ равномерностью распредѣлилъ воду по плодороднымъ полямъ и по бесплоднымъ долинамъ; я наполнилъ ихъ Нухусомъ и каналомъ; я далъ имъ жить въ пріятномъ мѣстѣ... По неизмѣннымъ повелѣніямъ, которыя далъ чрезъ откровеніе Меродахъ, я провелъ высокія стѣны на большихъ плотинахъ, голова которыхъ подымается какъ великія горы, въ устьѣ рѣки Гамму-Раби, счастья людей». Другія надписи говорятъ о построеніи храмовъ царемъ Гамму-Раби. Подобно ему проводилъ каналы и давалъ благочестивыя приношенія въ храмы его преемникъ. Слѣдующія столѣтія наполнены войнами дряхлѣющей Вавилоніи съ могущественно возрастающимъ сѣвернымъ сосѣдомъ ея, ассирійскимъ царствомъ; борьба кончилась тѣмъ, что Вавилонія окончательно утратила свою независимость.

2. Культура и торговля Вавилона.

Каналы.

При халдейскихъ царяхъ Вавилонъ еще въ глубокой древности достигъ высокаго развитія умственной культуры и матеріальнаго благосостоянія; богатство и роскошь соединялись въ немъ съ любовью къ искусству и промышленною дѣятельностью. Многія изъ тѣхъ громаднѣхъ и великолѣпнѣхъ сооружений, которымъ изумлялся весь древній міръ,—стѣны, окружавшія городъ, дворецъ, храмъ Бела—были построены еще во время старо-авилонскаго величія. Главнымъ предметомъ заботъ были надобности земледѣлія; для удовлетворенія имъ была сооружена система оросительныхъ каналовъ и другихъ гидравлическихъ работъ, о которыхъ мы уже говорили. Эти сооруженія, начинавшіяся въ двадцати и въ тридцати географическихъ миляхъ выше Вавилона, и шедшія на такое же разстояніе къ югу отъ него, до великаго Палакопскаго канала, къ которому примыкали, имѣли своимъ назначеніемъ охранять поля отъ опустошеній наводненіями, давать орошеніе высокимъ мѣстностямъ, осушать болота, служить для судоходства и торговли. Люди трудолюбивые и даровитые, вавилоняне довели до высокаго развитія технику гидравлическихъ работъ, возбуждавшихъ духъ изобрѣтательности. Цари,—какъ напри-
мѣръ, Гамму-Раби—ставили свою славу въ заботливости объ этихъ

сооруженіяхъ; потому вся Вавилонія была по всѣмъ направленіямъ изрѣзана плотинами и насыпями, каналами и рвами.

Съ такимъ же усердіемъ цари и народъ заботились о построеніи укрѣпленій и зданій. Въ этомъ дѣлѣ имъ надобно было преодолевать большія затрудненія. Вавилонія не имѣла скалъ и каменоломенъ, какъ имѣлъ Египетъ; потому храмы и дворцы Вавилона не могли сохраниться такъ долго, какъ зданія городовъ Верхняго Египта. Но природа вознаградила Вавилонію за недостатокъ камня для построекъ другимъ матеріаломъ. Уже въ еврейскомъ сказаніи о башнѣ Вавилонской говорится: «И сказали другъ другу: надѣлаемъ кирпичей и обожжемъ огнемъ; и стали у нихъ кирпичи вмѣсто камней, а земляная смола вмѣсто известки» (книга Бытія, XI, 3). Въ окрестностяхъ Вавилона находится неистощимый запасъ превосходной глины для кирпича; обожженный въ печи или хотя только высушенный на солнцѣ, вавилонскій кирпичъ былъ очень твердъ и проченъ; а на нѣсколько дней пути отъ Вавилона вверхъ по Эвфрату, у рѣки Иса, нынѣшняго Гита, были богатые залежи асфальта, замѣнявшаго цементъ и известь. Постройки изъ кирпича съ асфальтомъ вмѣсто извести были чрезвычайно прочны, тѣмъ болѣе, что вавилоняне, употребляя матеріалъ менѣе твердый, чѣмъ камень, дѣлали стѣны очень толстыя. Дерево для построекъ доставляли пальмы, рощами которыхъ была покрыта Вавилонія. Но гипсъ и известняковыя плиты, которыми одѣвали вавилоняне стѣны дворцовъ и храмовъ, надобно было имъ привозить издалека.

Вавилонъ.

Вавилонъ, построенный четырехугольникомъ, черезъ который протекаетъ Эвфратъ, имѣлъ въ окружности, по словамъ Геродота, 480 стадій, то есть, 12 миль (по Діодору, 360 стадій, то есть 9 миль), былъ обведенъ глубокимъ рвомъ и стѣною, имѣвшею 50 локтей въ толщину и 200 локтей въ вышину; цифры его окружности становятся нѣсколько правдоподобными, лишь когда принимается въ соображеніе то, какъ вообще построены восточные города: дворы и сады вавилонскихъ дворцовъ были, конечно, очень обширны, а между застроенными участками вѣроятно находились пашни, такія большія, что въ случаѣ продолжительной осады могли предотвращать голодъ. Потому Аристотель и говоритъ, что Вавилонъ по своей величинѣ, скорѣе государство, чѣмъ городъ. — Резиденція древнихъ царей, стоявшая въ западной половинѣ города, имѣла въ окружности 60 стадій (полторы мили); это была цитадель, обведенная тремя стѣнами съ башнями; стѣны подымались одна надъ другою. На обведенномъ стѣнами пространствѣ было много дворцовъ. Они были украшены богатою скульптурою: каменные плиты, составлявшія одежду стѣнъ, были покрыты барельефами. Особенно много было барельефовъ, изображавшихъ фигуры животныхъ и охоту. — Еще великолѣпнѣе былъ храмъ Бела, верховнаго бога вавилонянъ. Сооруженія, принадлежавшія къ этому храму, занимали огромный четырехугольникъ, обведенный высокою стѣною съ мѣдными воротами. По срединѣ, на квадратной террасѣ, построенной изъ кирпича съ асфальтовымъ цементомъ, пирамидально подымалась восемью этажами, достигая 600 футовъ высоты, башня Бела. Кругомъ ея этажей вела лѣстница съ площадками и скамьями

Дворецъ.

Храмъ Бела.

для отдыха. Верхній этажъ былъ храмомъ. Тамъ стоялъ алтарь, стояло очень нарядное ложе; но изображеній тамъ не было. — „Тамъ“, говоритъ Геродотъ, „никто не ночуетъ, кромѣ того только, что отъ времени до времени ночуетъ тамъ какая нибудь вавилонская женщина, которую богъ избралъ для себя, какъ объявляютъ жрецы“. Эта женщина должна послѣ того всю жизнь сохранять цѣломудріе, прибавляетъ Геродотъ. У основанія башни находится другой храмъ, въ которомъ была золотая статуя Бела, сидящаго на золотомъ престолѣ, съ золотою скамьею подъ ногами; передъ статуею стоялъ золотой алтарь, на которомъ халдеи каждый годъ въ великій праздникъ Бела сожигали тысячу фунтовъ ладана. На дворѣ передъ храмомъ были два алтаря, одинъ большой, для большихъ животныхъ, другой небольшой, для небольшихъ. Количество золота тутъ, не считая вещей, принесенныхъ въ даръ, простиралось, говорятъ, до 800 фунтовъ. Это и была та Вавилонская башня, о которой еврейское сказаніе говоритъ, что люди хотѣли построить ее вышиною до небесъ и тѣмъ прославить землю синаарскую, но что ихъ намѣреніе возбудило гнѣвъ Іеговы и послужило причиною смѣси языковъ. Быть можетъ, въ этомъ сказаніи находится воспоминаніе о племенномъ родствѣ еврейскаго народа съ халдеями и объ отдѣленіи его отъ нихъ. Этотъ храмъ достроилъ Небукаднелзаръ; онъ говоритъ: „Храмъ основанія земли, башню Вавилонскую воздвигъ я, и докончилъ я, и изъ кирпичей и покрова мѣди поставилъ я на ней вершину ея“. На лѣвомъ берегу Эвфрата, на сѣверъ отъ царскихъ дворцовъ, находится масса развалинъ, имѣющая 40 метровъ вышины; зданіе, остатки котораго образовали эту массу, имѣло форму пирамиды, построенной этажами. Должно назвать справедливымъ мнѣніе, что это развалины храма Бела. Арабы называютъ этотъ холмъ развалины Бабиль. Прежде, ошибочно полагали, что остатки храма Бела — груда развалинъ, называемая Бирсъ-Нимрудъ; она лежитъ не въ самомъ Вавилонѣ, а въ предмѣстьѣ его, извѣстномъ своею астрономическою школою, Барсипъ (Barsip, у греческихъ писателей Борсиппа). Это знаменитое зданіе упоминается въ древнихъ гимнахъ какъ еще недостроенное. Небукаднелзаръ достроилъ и его. Онъ говоритъ: „Объявляемъ слѣдующее: храмъ семи свѣтилъ земли, башня Барсипская, которую воздвигъ одинъ изъ прежнихъ царей — ее считаютъ въ 42 локтя — на вершину которой онъ не возложилъ, была съ давнихъ дней развалившеюся. Не было правильнаго устройства каналовъ для отвода воды ея. Дождь и непогода вымыли кирпичи изъ нея, черепицы ея кровли перелопались; кирпичи зданія были размыты водою въ груды развалинъ. Возстановить ее великій богъ Меродахъ возбуждалъ мою мысль; ея мѣста не повредилъ я, не измѣнилъ я основаній ея. Въ мѣсяцъ благополучія, въ благопріятный день исправилъ я кирпичи ея зданія и черепицы ея кровли въ плотную связь, возобновивъ ея перекладины и сдѣлавъ надписи моего имени на карнизѣ ея возобновленныхъ стѣнъ. Докончить ее и возложить вершину ея поднялъ я мою руку; какъ древле была основана, построилъ я башню, какъ въ тѣ дни воздвигъ я вершину храма“.

Роскошь и образъ жизни. Богатству, художественной отдѣлкѣ и великолѣпію общественныхъ зданій Вавилона соотвѣтствовало и устройство домовъ частныхъ людей, соотвѣтствовалъ образъ жизни вавилонянъ. Халдейскіе цари окружили себя блестящимъ придворнымъ штатомъ; церемоніаль восточныхъ деспотій соединялся при ихъ дворѣ съ изнѣженной роскошью и расслабляющимъ сладострастіемъ; безчисленная свита тѣлохранителей, слугъ, наушниковъ, шпіоновъ возвышала величіе царя и ограж-

дала его безопасность. Предаваясь роскоши и сладострастію цари такихъ деспотій покровительствуютъ развитію подобныхъ же склонностей и въ народѣ, чтобъ въ наслажденіи житейскими удобствами и сладострастіемъ онъ забывалъ высшія стремленія, послушно подчинялся игу рабства. Эти общія черты восточныхъ деспотій принадлежали и вавилонскому царству, какъ видимъ изъ разсказовъ древнихъ писателей о богатствѣ, роскоши, изнѣженности вавилонянъ, о сладострастіи нравовъ ихъ, изяществѣ ихъ одежды, меблировки ихъ домовъ и т. д.; видимъ также изъ того, что у нихъ не было воинственности. По описанію ихъ одежды у Геродота, съ которымъ согласно и описаніе ея у пророка Іезекииля, ясно, что они были преданы роскоши. Въ своемъ жаркомъ климатѣ, они носили тройную одежду: на тѣлѣ — льняную рубашку, доходившую до самыхъ ступней, на ней длинную шерстяную одежду съ поясомъ, а поверхъ туники короткій бѣлый плащъ. Они мазали все тѣло миррами, носили волосы, перевязанные широкою лентою съ развѣвающимися концами. У cadaго на пальцѣ былъ перстень съ печатью, а въ рукѣ палка, покрытая искусною рѣзбою, и съ головкою въ видѣ яблока, розы, лиліи, орла или какой нибудь другой рѣзной фигуры. Дома вавилонянъ были убраны пестрыми коврами, съ фигурами грифовъ и другихъ сказочныхъ животныхъ, которыхъ изображала и скульптура ихъ. Но ихъ любовь къ удобствамъ и роскоши имѣла и хорошую сторону: она развивала во всей массѣ населенія образованность, вызывала промышленную дѣятельность, порождала обширную торговлю. Во всемъ древнемъ мірѣ вавилоняне были знамениты своею промышленною дѣятельностью, своимъ искусствомъ въ выдѣлкѣ тонкихъ шерстяныхъ и хлопчатобумажныхъ тканей, великолѣпныхъ ковровъ и драгоценныхъ матерій для одежды, называвшихся синдонами; ихъ ткани были вывозимы въ самыя отдаленныя страны. Не менѣе знамениты были они искусствомъ рѣзбы на дорогахъ камняхъ, рѣзбою палокъ, изготовленіемъ благовонныхъ водъ и помадъ. Подъ развалинами вавилонскихъ городовъ найдены массы рѣзныхъ камней, стеклянныхъ и бронзовыхъ вещей, уборовъ, колецъ и очень красивыхъ цилиндровъ; прекрасная отдѣлка ихъ указываетъ въ блестящемъ свѣтѣ халдейскую промышленность. Морская и сухопутная торговля вавилонянъ, доставлявшая матеріалы для ихъ промышленности и сбытъ ея произведеній, была очень дѣятельна и шла по всѣмъ направленіямъ. Изъ бассейна Инда получали они золото, слоновую кость и дорогіе камни, изъ которыхъ дѣлали перстни съ печатями и другія украшенія, получали красную краску для своихъ тканей. По Эвфрату получали они произведенія армянской земли, въ особенности пальмовое вино *); по тор-

Промышленность и торговля.

*) «Армяне», разсказываетъ Геродотъ, «сплетаютъ изъ ивовыхъ прутьевъ большія и маленькія лодки, имѣющія форму щита, обтягиваютъ ихъ кожею и наполняютъ соломой;

говымъ дорогамъ, шедшимъ черезъ Киркезій и Дамаскъ, черезъ Тапсакъ и Тадморъ, огромные караваны везли ихъ ткани и другія издѣлья въ Сирію и въ финикійскіе торговые города, гдѣ на эти товары вымѣнивались западные продукты. Во времена Іисуса Навина ужь были въ Ханаанѣ «прекрасные синеарскіе плащи». Но главнымъ путемъ вавилонской торговли былъ Персидскій заливъ, по многочисленности пристаней на берегахъ и островахъ очень удобный для судоходства. На арабскомъ берегу его противъ Багрейнскихъ острововъ лежалъ въ изобильной солью мѣстности на окраинѣ пустыни богатый торговый городъ Герра (Gerrha), древняя вавилонская колонія; туда доставлялись и черезъ Вавилонъ были развозимы по всему древнему міру ладанъ и мирры Счастливой Аравіи. У Багрейнскихъ острововъ находились мѣста ловли жемчужныхъ раковинъ; вавилонскіе и финикійскіе торговцы стремились туда за жемчугомъ. Съ острова Тила (Tylos) жители бѣдной лѣсами Эвфратской равнины получали лѣсъ для постройки судовъ и для своихъ рѣзныхъ палокъ. Мѣстность, на которой впослѣдствіи возникъ знаменитый Ормузь, была съ древнѣйшихъ временъ складочнымъ мѣстомъ индійскихъ и арабскихъ товаровъ: корицы, слоновой кости, хлопка, сандала, черного дерева, жемчуга и другихъ драгоценныхъ продуктовъ дальняго востока. Вѣроятно или на одномъ изъ острововъ Персидскаго залива или гдѣ нибудь на берегу его лежалъ Даденъ или Деданъ, о которомъ іудейскіе пророки говорятъ, что тамъ была обширная торговля рогомъ, слоновой костью, чернымъ деревомъ и шерстью. Торговля была однимъ изъ важнѣйшихъ элементовъ вавилонской жизни, такъ что пророкъ Іезекииль употребляетъ выраженіе «торговая страна» для обозначенія Вавилоніи; описывая, какъ уведены были туда плѣнники іудейскіе, онъ говоритъ: «Большой орелъ прилетѣлъ на Ливанъ и снялъ съ кедра верхушку, сорвалъ верхній изъ молодыхъ побѣговъ его и въ городѣ торговцевъ положилъ его» (Іезек. XVII, 3, 4). О громадности значенія вавилонянъ въ древнемъ торговомъ мірѣ свидѣтельствуетъ то, что вавилонская система монеты, мѣры и вѣса была принята сирійцами, персами, финикійцами, эллинами и римлянами. Вавилонскій талантъ, вавилонская мѣра длины, вавилонскій вѣсъ, опредѣлявшійся кубомъ дождевой воды установленнаго размѣра,—все это перешло съ небольшими измѣненіями отъ финикійянъ къ грекамъ колоній и Эллады, а отъ грековъ къ римлянамъ.

на нихъ они привозятъ въ Вавилонъ пальмовое вино и продаютъ его, продаютъ и деревянный кузовъ лодки, и соломѣ, а кожи владутъ на ослѣ, которыхъ привозятъ съ собою, и идутъ съ ними домой, потому что быстрое теченіе рѣки не допускаетъ плаванія вверхъ по ней».

3. Религія. Астрономія. Духовенство.

Религія вавилонянъ и халдеевъ, принятая и ассиріянами, одинакова по своимъ основнымъ идеямъ съ религіями всѣхъ другихъ языческихъ народовъ. Изъ первобытнаго существа проистекли многочисленные боги и богини, которыхъ чтили—однихъ въ одномъ племени или городѣ, другихъ въ другомъ. Халдеи, любившіе всматриваться въ звѣздное небо, признали звѣзды и въ особенности планеты главными проявленіями божества. Верховный богъ ихъ—Илу; имя его собственно и значитъ «богъ»; онъ называется въ клинообразныхъ надписяхъ «единымъ» и «благимъ». Но это понятіе объ Илу принадлежитъ позднѣйшей жреческой школѣ. Въ древней Халдеѣ Илу не имѣлъ важнаго значенія; ему не строили храмовъ, хотя названіе Вавилона и произведено отъ его имени.

Разсказъ вавилонскихъ священныхъ книгъ о сотвореніи міра, найденный Джорджемъ Смитомъ, перечисляетъ первыя эманации божества слѣдующимъ образомъ: «Когда въверху не являлось небо, внизу земля не называла имени, былъ открытый океанъ породителемъ ея, хаосъ первобытной воды (Мумму—Тіаматъ) породилъ ее во всей цѣлости. Ея соединенныя и собранныя воды поднялись къверху; не росло никакого тростника; не производилъ плода никакой цвѣтокъ. Въ это время еще не произошелъ никакой богъ; они не имѣли различныхъ именъ, и порядка еще не было. Тогда были сотворены боги. Произшли и возросли Лахма и Лахама. Потомъ были порождены Саръ и Кисаръ. Долгія ряды дней, и были порождены Ану (Бель и Эа).

Изъ этихъ космогоническихъ фазисовъ эманации только послѣдній получилъ мѣсто себѣ въ официальномъ культѣ. Ану «первородный, древній между богами, отецъ боговъ, владыка мрака» былъ богъ неба; царство его—недвижущееся небо неподвижныхъ звѣздъ. Эа—творческая сила божества; Бель—создатель небеснаго міра, указывающій звѣздамъ пути ихъ. Отношенія между этими божествами опредѣляются не всегда одинаково; Бель называется то братомъ Ану, то сыномъ его. У каждаго изъ трехъ боговъ есть жена, понятіе о которой лишь пополненіе къ понятію о немъ. Жена бога Ану—богиня Анатъ или Нана; жена Бела—богиня Белитъ; жена бога Эа—богиня Давкина. Но различіе между этими тремя богинями, остается смутнымъ; всѣ онѣ олицетворяютъ собою элементъ влаги и плодородія; и всѣмъ имъ дается одинъ и тотъ же рядъ эпитетовъ: «божественная повелительница, владычица міра, мать боговъ, жена великаго бога, царица земли, царица плодородія». Единство существа всѣхъ богинь халдейскаго пантеона очень ясно высказано въ одномъ изъ текстовъ, найденныхъ въ бібліотекѣ Асурбанипала; онъ говоритъ о планетѣ Венерѣ:

Религія.

«Женская звезда—планета Венера; она женская при закатѣ солнца; мужская звезда—планета Венера; она мужская при восходѣ солнца; планета Венера при восходѣ солнца, Самасъ имя ея повелителя и ея дитяти; планета Венера при закатѣ солнца, Адаръ имя ея повелителя и ея дитяти. Планета Венера при закатѣ солнца, ея имя богиня Аганійская; планета Венера при закатѣ солнца, ея имя богиня Аркуйская; планета Венера при восходѣ солнца, ея имя Истаръ между звѣздами; планета Венера при закатѣ солнца, ея имя Белить между богами.

Передъ нами здѣсь совершенное сліяніе разныхъ божествъ въ одно; синкретизмъ, возобновленный позднѣйшимъ язычествомъ, ужь является, какъ видимъ, въ древнихъ гимнахъ халдейскихъ жрецовъ.

Милитта.

Геродотъ называетъ богиню Вавилона Милиттою. Она — восприимаящая и рождающая природа, темное лоно природы — матери; ей были посвящены земля и вода; она и богиня луны, проясняющая небо ночи своимъ кроткимъ свѣтомъ. Вавилоняне видѣли дѣятельность этой восприимавшей и развивающей воспринятое богини въ землѣ, имѣющей силу порожденія, во влагѣ, производящей растительность, въ тихой прелести жизни растительнаго міра. Потому за стѣнами ограды вавилонскаго храма Милитты была священная роща и былъ бассейнъ, символъ божественной силы плодородія. Милиттѣ были посвящены рыбы, существа быстро размножающіяся, и голуби, птицы сладострастія. На алтарѣ, стоявшемъ передъ ея храмомъ, были приносимы только безкровныя жертвы. Основнымъ элементомъ въ представленіи о ней была идея рожденія, потому половой процессъ былъ священнымъ дѣломъ служенія ей. Каждая вавилонянка должна была доказать свою полную преданность рождающей силѣ природы, отдавши разъ въ жизни чужому ей человѣку, пожелавшему ея. Для исполненія этой обязанности вавилонскія дѣвушки, по увѣренію Геродота, садились на праздникъ Милитты длинными рядами въ рощѣ ея храма, съ вѣнкомъ изъ шнуровъ на головѣ, «потому что онѣ были въ узахъ богини». Дочери богатыхъ людей пріѣзжали въ храмъ въ крытыхъ экипажахъ, съ многочисленной прислугой. Дѣвушка сидѣла и ждала, чтобы который нибудь изъ иноземцевъ, пришедшихъ поклониться богинѣ, бросилъ на колѣна ей монету, со словами: «во имя богини Милитты». Она должна была встать, идти съ нимъ и отдаться ему; отказать ему она не могла. Полученную монету отдавала она въ сокровищницу храма. Этимъ обязанность ея передъ богинею была исполнена. «И послѣ того», прибавляетъ Геродотъ, «сколько бы кто ни предложилъ ей, она не сдѣлаетъ этого въ другой разъ ни за какія деньги». — Красивыя скоро возвращались домой, а некрасивымъ приходилось долго сидѣть и ждать; нѣкоторые года три или четыре дожидались возможности исполнить обязанность. Этотъ рассказъ Геродота вполне подтверждается словами пророка Іереміи: «Женщины, обвязавшись тростниковымъ поясомъ, сидятъ на улицахъ, сожигая куреніе изъ оливковыхъ зеренъ» (это было чаро-

дѣйственное средство возбуждать любовь), «и когда какая нибудь изъ нихъ, увлеченная проходящимъ, переспитъ съ нимъ, попрекаетъ своей подругѣ, что та не удостоена того же, какъ она, и что перевязь ея не разорвана» (Посланіе Іереміи, въ 6-й апокриф. главѣ Варуха, 42, 43). У всѣхъ семитическихъ народовъ былъ обычай приносить въ жертву божеству то, что милѣе и дороже всего для жертвующихъ. Очевидно, что на этомъ представленіи о жертвѣ былъ основанъ обычай вавилонскій, обычай такой возмутительный съ нашей точки зрѣнія. Въ жертву богинѣ любви, владычицѣ порождающаго дѣтей полового союза, приносилось драгоцѣннѣйшее для женщины, дѣвственность. Подобное этому символическое значеніе имѣло и самооскопленіе, которое въ религіозномъ экстазѣ совершали надъ собою жрецы Кибелы въ Малой Азіи. Въ позднѣйшія времена, при испорченности нравовъ, къ исполненію религіозной обязанности присоединялось у вавилонянокъ влеченіе къ чувственному наслажденію. Этимъ объясняется сладострастный образъ жизни, какой, по свидѣтельству всѣхъ древнихъ писателей, вели вавилоняне. Но замѣчаніе Геродота, находящееся въ концѣ нашей выписки изъ него, показываетъ, что первоначально вавилонянки приносили жертву Милиттѣ не по влеченію къ разврату. Въ Финикіи и на Кипрѣ тоже было это сладострастное служеніе Милиттѣ. «Такимъ образомъ, религіозный фанатизмъ сломалъ желѣзную ограду, въ которую неумолимо заперъ женщину строгій азіатскій обычай», говоритъ Крейцеръ въ своей «Символикѣ».

Изъ первой тріады боговъ произошла вторая; боги ея ужь не имѣютъ неопредѣленности боговъ первой тріады, понятія о нихъ не сливаются въ одно представленіе; каждый изъ нихъ имѣетъ опредѣленное значеніе въ кругу небесныхъ предметовъ или явленій. Эту вторую тріаду составляютъ: Синъ, богъ луны, сынъ Бела, «свѣтящій, охраняющій и согрѣвающій землю»; — Бинъ или Рамапъ (Сирийскій Риммонъ), богъ атмосферы и происходящихъ въ ней явленій: дождя, грома, молніи; — и Самасъ, богъ солнца, «владыка неба», сынъ Сина (въ древней халдейской системѣ, богъ луны важнѣе бога солнца). За этими тремя богами слѣдуютъ пять божествъ планетъ: Адаръ или Нинипъ (планета Сатурнъ), соотвѣтствующій Гераклу; Мардукъ (планета Юпитеръ); Нергалъ (планета Марсъ), богъ войны, битвъ, уничтоженія; Истаръ (планета Венера) и Небо (планета Меркурій), Адаръ, Мардукъ, Нергалъ и Небо — боги; у каждого есть жена; Истаръ — богиня; у нея есть мужъ Дузи (Адонисъ). Двѣ тріады боговъ, пять божествъ планетъ и Белить, «мать великихъ боговъ», составляютъ циклъ двѣнадцати боговъ, занимающихъ высшую ступень въ іерархіи халдейскихъ божествъ. Они часто перечисляются официальнымъ образомъ, какъ первоклассныя божества; на примѣръ, на нимрудскомъ Черномъ обелискѣ Салманассара. Разумѣется, кромѣ этихъ двѣнадцати высшихъ божествъ существовали цѣлые легіоны низшихъ, покло-

Поклоненіе
звѣздамъ.

нение которымъ было лишь мѣстное, а не общенародное. Кромѣ жены, каждый изъ первоклассныхъ боговъ имѣетъ много любовницъ; и у каждаго есть особые духи, составляющие его придворный штатъ. У Мардука есть четыре охотничьи собаки, два привратника, два слуги при его главномъ вавилонскомъ храмѣ и т. д. Эти религіозныя понятія, которыхъ держатся клинообразныя надписи, не первобытныя народныя халдейскія понятія; они—жреческая догматика, послѣдній результатъ продолжительной умственной работы халдейскаго духовенства. Жрецы и въ Халдеѣ, какъ въ Индіи, успѣли замѣнить первобытную народную вѣру своею умозрительною философіею. Эта система ея могла восторжествовать не раньше политическаго объединенія Вавилоніи. Когда вся страна стала однимъ государствомъ, цари хотѣли сблизить вѣрованія разныхъ областей. Съ этою цѣлью были искусственно соединены въ одну систему разныя мѣстныя религіозныя представленія, первоначально не имѣвшія внутренней связи одни съ другими. Напримѣръ, Ану и его жена Нана — мѣстныя божества города Арку; Белъ, Белить и Адаръ — мѣстныя божества Нипура; Синъ и Нана были чтимы въ Урѣ; Сипаръ—родина Симаса и Анунить и т. д. Пока владычествуютъ цари Ура, ихъ мѣстный богъ Синъ—царь боговъ; онъ уступаетъ мѣсто богу солнца, когда политическое преобладаніе получаетъ династія, происходящая изъ города Ларсы, поклоняющагося солнцу. Этимъ объясняется одинаковость физическаго значенія разныхъ боговъ: они первоначально существовали особо другъ отъ друга, какъ мѣстныя божества разныхъ городовъ; сферы ихъ дѣятельности разграничены только ужъ при введеніи ихъ жрецами въ одну систему.

Библиотека Сар-
данапала.

Почти всѣ наши свѣдѣнія о вавилонскихъ богахъ получены нами изъ большой библиотеки царя Асурбанипала. Другъ ученыхъ, любитель древней халдейской мудрости, онъ велѣлъ снять для своей дворцовой библиотеки копии съ произведеній, хранившихся въ древней библиотекѣ Саргона I въ городѣ Арку (библейскомъ городѣ Эрехѣ). Само собою разумѣется, что въ Халдеѣ, отчизнѣ чародѣйства и астрологій, значительную часть библиотеки должны были составлять произведенія, имѣющія своимъ предметомъ магію и астрологию. Въ останкахъ библиотеки Асурбанипала найденъ очень обширный, состоящій изъ 200 плитокъ, трактатъ о магіи.

Магія.

Магія основывается на вѣрованіи, что извѣстныя формулы даютъ человѣку власть надъ богами и духами. Эта сверхъестественная сила человѣка или въ частности жреца бываетъ, по халдейскимъ понятіямъ, хорошая и дурная. Когда жрецъ получаетъ сверхъестественную силу отъ высшихъ боговъ, она благотворна. Его заклинанія устраняютъ бѣдствія, исцѣляютъ болѣзни, преодолеваютъ вліяніе злыхъ духовъ. Но магъ можетъ вступать въ союзъ съ демонами; тогда его чародѣйство нечестиво и вредоносно. Официальный религіозный трактатъ

содержитъ въ себѣ, разумѣется, только формулы доброй магіи; формулы нечестивой магіи онъ съ негодованіемъ отвергаетъ и проклиная. Изъ трехъ книгъ этого сборника, въ первой находятся заклинанія противъ злыхъ духовъ; во второй формулы благословеній, исцѣляющихъ болѣзни: врачеваніе, это часть магіи; всякая болѣзнь—дѣло злыхъ духовъ, больной считается одержимымъ злыми духами. Третью книгу составляютъ воззванія къ богамъ, подобныя гимнамъ. Почти всѣ формулы чрезвычайно однообразны: перечисляются заклинаемые духи, описываются ихъ могущество, ихъ дѣйствія; за этимъ слѣдуетъ молитва, охраняющая отъ нихъ, прогоняющая ихъ, и окончаніемъ всегда служитъ одинъ и тотъ же заговоръ:

«Духъ неба, закляни;
Духъ земли, закляни».

Въ этомъ сборникѣ очень много говорится объ амулетахъ (мамити). Напримѣръ, въ одномъ изъ заклинаній читаемъ: «Талисманъ, талисманъ, ограда неустранимая, ограда непроходимая богами, граничный камень неба и земли, неперемѣстимый, глубину котораго не изслѣдить ни одинъ изъ боговъ, котораго не можетъ изслѣдить ни богъ, ни человѣкъ, засовъ неотдвижимый, засовъ, удерживающій зло, вы, злые духи (перечисляются ихъ имена), вы, вредоносные духи, всѣ отойдите! Добрый богъ, приблизься съ духомъ земли! Призываніе бога, сильнаго, сильнаго: Да будетъ такъ!» Многочисленные сонмы духовъ въ этихъ магическихъ формулахъ принадлежатъ къ древнѣйшимъ вѣрованіямъ сумерской религіи. Ихъ перечисленія написаны обыкновенно на двухъ языкахъ; на сумерскомъ—это подлинникъ,—и на ассирійскомъ,—это переводъ съ сумерскаго. Поклоненіе многочисленнымъ духамъ, населяющимъ и оживляющимъ вселенную, было, кажется, древнѣйшею религіею Халдеи. Это была вѣра, существенно различная отъ позднѣйшей государственной религіи. Когда пастырская дѣятельность жрецовъ и политическая централизація доставили владычество новой религіи, древнія вѣрованія нашли себѣ пріютъ въ тайныхъ ученіяхъ и обрядахъ маговъ. Слово «магъ» не арійское и не семитическое; прежнія попытки найти корень его въ томъ или другомъ изъ арійскихъ или семитическихъ языковъ всѣ оказывались ошибочными—оно является первоначально въ Вавилоніи. На сумерскомъ языкѣ оно имѣетъ форму имъ-га (im-ga), и значитъ «достопочтенный», «священный», augustus. Маги—халдейская духовная каста. Послѣдніе цари независимаго Вавилона занимали санъ главы ордена маговъ. Ученіе маговъ проникло къ мидянамъ и персамъ изъ Вавилона, и первоначально было элементомъ, чуждымъ ихъ національной религіи.

Вавилонъ былъ отчизною и другаго суевѣрія, обыкновенно соединяющагося съ магіею, астрологіею. Религія ассирійскаго народа первоначально

Астрологія.

чально не была поклоненіемъ звѣздамъ, но въ послѣдствіи приняла характеръ поклоненія имъ. Въ клинообразныхъ надписяхъ звѣзда съ восемью лучами—знакъ, выражающій и понятіе «звѣзда» и понятіе «богъ». На широкомъ горизонтѣ вавилонской равнины удобно было наблюдать ходъ солнца, пути планетъ, градусы высоты неподвижныхъ звѣздъ. По халдейскимъ понятіямъ свѣтила небесныя правятъ не только смѣною временъ года, періодическими разливами рѣкъ, засухой и плодородіемъ земли, но и всѣми дѣлами человѣческой жизни. Ученіе о вліяніи звѣздъ составило у халдейскихъ жрецовъ очень многосложную систему. Главнѣйшее вліяніе имѣютъ семь свѣтилъ, изъ которыхъ каждое посвящено особому богу. Часы дня распределены были между свѣтилами; тому изъ нихъ, которому принадлежалъ первый часъ по полуночи, принадлежала и власть надъ всѣмъ днемъ. Суббота, которою начинается семитическая недѣля, была посвящена Адару (Сатурну), второй день недѣли принадлежалъ Самасу (солнцу), третій Сину, богу луны, слѣдующій день Нергалу (Марсу), красноватый, огненный свѣтъ котораго считался особенно вредоноснымъ. Среда была посвящена Небо (Меркурію), четвергъ былъ посвященъ Меродаху (Юпитеру). Последній день недѣли принадлежалъ Истаръ (Венерѣ). На этой системѣ основана семидневная недѣля, халдейское изобрѣтеніе, принятое всѣми образованными народами. Каждому изъ семи свѣтилъ былъ посвященъ особый цвѣтъ. Было построено множество храмовъ для служенія всѣмъ имъ. И на примѣръ, каждый изъ семи этажей Барсинской башни былъ посвященъ одному изъ семи свѣтилъ и окрашенъ въ его цвѣтъ, какъ открылъ Ролинсонъ, изслѣдовавшій ея развалины. Вѣрованіе въ господство этихъ свѣтилъ надъ жизнью совершенно властвовало надъ мыслями и житейскими дѣлами вавилонянъ и ассиріянъ. Въ мѣсяцъ благополучія, въ благопріятный день Сарданапалъ предпринимаетъ походъ на Египетъ; въ мѣсяцъ благополучія, въ благопріятный день, Небукаднзаръ поправляетъ кровлю Бирсъ-Нимрудскаго святилища. Солнечное затмѣніе или какое нибудь другое неблагопріятное предзнаменованіе могло заставить войско поспѣшно вернуться. Въ библіотекѣ Асурбанипала найденъ астрологическій сборникъ «Озареніе Бела» или «Око Бела». Онъ состоитъ изъ двѣнадцати книгъ, странное содержаніе которыхъ еще не вполне разъяснено. На нѣкоторыхъ плиткахъ помѣщены таблицы солнечныхъ и лунныхъ затмѣній. Это большею частью древнія наблюденія, копіи съ прежнихъ таблицъ, сдѣланныя для дворцовой библіотеки. Но самое важное изъ всего, что найдено въ библіотекѣ Асурбанипала, это—рядъ сказаній объ Издубарѣ. Они составляютъ чрезвычайно замѣчательный міеологическій эпосъ. Издубаръ совершаетъ двѣнадцать подвиговъ; они соотвѣтствуютъ прохожденію солнца по двѣнадцати знакамъ зодіака.

На первой плиткѣ рассказывается о военномъ подвигѣ, взятіи города; боги и духи отъ страха превращаются въ животныхъ. На второй плиткѣ Издубаръ пріобрѣтаетъ помощь Геабани (Heabani), сатира съ бычачьими ногами и рогами, живущаго въ лѣсу и обладающаго сверхъестественными знаніями. Въ слѣдующихъ пѣсняхъ Издубаръ при помощи Геабани побѣждаетъ въ лѣсу чудовище Хумбабу (Chumbaba) и пріобрѣтаетъ этой побѣдой любовь богини Истаръ; она предлагаетъ ему жениться на ней. Но Издубаръ съ грубою насмѣшкою отвергаетъ ея предложеніе, потому что она много разъ измѣняла своимъ любовникамъ. Разгнѣванная отказомъ, она придумываетъ всяческія опасныя приключенія, но онъ изъ всѣхъ нихъ выходитъ побѣдителемъ. Рассказъ о потогѣ, приведенный нами, одинъ изъ эпизодовъ этого цикла міеовъ.

Другой отрывокъ сказаній халдейской міеологии — происхожденіе богини Истаръ въ царство тѣней; она хочетъ вывести оттуда своего любовника Дузи (Адониса).

„Въ землю Аралъ, въ область изгнанія, Истаръ, дочь Сина, крѣпко направляетъ свою мысль. И Истаръ, дочь Сина, направила свой духъ, по просьбѣ сына, въ домъ вѣчности, жилище Иркалы, въ домъ, куда входъ безъ выхода, на стезю, путь по которой безъ возврата, въ домъ, входъ котораго лишенъ свѣта, въ мѣсто, гдѣ множество пыли ища ихъ, спѣдь ихъ глина, гдѣ никогда не видно свѣта, гдѣ во мракѣ живутъ они, гдѣ духи шумно летаютъ, какъ птицы, на двери и на стѣнахъ пыль. Истаръ, пришедши въ Аралъ, сказала свое желаніе приворотному стражу: „Стражъ преисподней, отвори свои ворота! Отвори ворота, чтобы мнѣ войти. Если ты не отворишь воротъ и я не войду, я сломаю засовъ, пройду ворота. Я выпущу души мертвыхъ въ видѣ оборотней, и къ числу живыхъ присоединятся вновь ожившіе мертвые“.

Стражъ передаетъ требованіе Истаръ владычицѣ царства мертвыхъ, Аллатъ; Истаръ кричитъ ей:

„Владычица преисподней, я не хочу ссориться съ тобою. Я желала бы пожрать саму себя, какъ хлѣбъ. Я желала бы пить свою кровь, какъ ручьи. Позволь мнѣ плакать о герояхъ, замки которыхъ я предала; позволь мнѣ плакать о женахъ, которыхъ покинули ихъ мужья. Позволь мнѣ плакать о миломъ сынѣ бога, преждевременно умершемъ“.

Привратникъ получаетъ позволеніе отворить ей ворота: «первые ворота далъ онъ ей пройти, схватилъ ее и снялъ великую корону съ головы ея. Зачѣмъ, о стражъ, снимаешь ты у меня великую корону съ головы?—Войди, богиня; такъ требуютъ законы владычицы царства мертвыхъ». — Она проходитъ семь воротъ, и привратникъ, обмѣниваясь каждый разъ тѣми же словами съ нею, снимаетъ съ нея всѣ другіе уборы. Встрѣтившись, Истаръ и Аллатъ осыпаютъ другъ друга поношеніями. Истаръ уводитъ въ темницу.

„Когда Истаръ была заперта въ вѣчномъ святилищѣ, быкъ не сталъ оплодотворять корову, оселъ пересталъ имѣть желаніе къ ослицѣ, господинъ не приближался къ рабынѣ, воинъ сопротивлялся приказаніямъ своего начальника, и жена сопротивлялась въ объятіяхъ мужа“.

И на небѣ тревога. Богъ первобытной воды создаетъ Уддусамира („возобновленіе свѣта“), быстрого юношу:

„Иди, Уддусамиръ, направь твой духъ къ воротамъ преисподней, и семь воротъ Арала откроются предъ тобою. Пусть Аллатъ увидитъ тебя и явится твоему лицу; изъ груди ея исчезнетъ упорство и она не повредитъ тебѣ. Исполни порученія; направь твой духъ къ мѣху воды жизни, пробуди богиню; пусть развяжетъ она завязки мѣха и напьется воды жизни“.

Аллатъ сильно разгнѣвалась на повелѣніе, которое передалъ ей Уддусна-миръ, и произноситъ тяжкое проклятіе ему; но все-таки Истаръ освобождается; ее провожаютъ черезъ семь воротъ, ей возвращаютъ, одно за другимъ, ея украшения.—Дальше этого, есть еще отрывокъ сказанія, но сильно поврежденный. Въ немъ рассказывается, надобно полагать, о воскресеніи сына бога. Очевидно, тема этого сказанія—общеизвѣстный мифъ о воскресеніи Адониса.

Были въ ассирійской литературѣ и басни. Смитъ нашелъ отрывокъ басни объ орлѣ, змѣѣ и царѣ Этаннѣ. Найденъ также отрывокъ разговора между быкомъ и лошадью: и онъ и она выставляютъ хорошія стороны своей жизни.

Найдены въ библіотекѣ Асурбанипала и богослужебныя пѣсни; нѣкоторыя изъ нихъ прекрасны; напримѣръ, гимнъ богу луны, Наннару:

«О владыка! Вождь боговъ, единый высокій на небѣ и на землѣ, отецъ Наннаръ, владыка небесныхъ воинствъ, вождь боговъ, отецъ Наннаръ, владыка, великій богъ, вождь боговъ, отецъ Наннаръ, владыка, богъ Синъ, вождь боговъ» и т. д. „Милосердый породитель всего, воздвигающій у живыхъ существъ сіяющее жилище, отецъ милосердый, возродитель, чья рука держитъ жизнь всей страны, о владыка! Твое божество досточтимое подобно далекому небу, широкому морю... земли, поддерживатель храмовъ, возвѣститель ихъ имени. Отецъ, породитель боговъ и людей, возвышающій жилище и основывающій все благое, призывающій къ владычеству, дарующій скипетръ, опредѣляющій до далекихъ дней судьбу и т. д. Въ небѣ кто высокъ? Ты одинъ высокъ! На землѣ кто высокъ? Ты одинъ высокъ! Твое повелѣніе возвѣщается на небѣ,—ангелы повергаютъ ницъ свое лицо. Твое повелѣніе возвѣщается на землѣ,—духи земли цѣлуютъ землю и т. д.

4. Древняя исторія Ассиріи.

Основаніе и древнѣйшая исторія ассирійскаго царства.

Противъ нынѣшняго города Мосула, на восточномъ берегу Тигра, «на равнинахъ Атуріи», лежалъ второй месопотамскій городъ чудесъ, Нинъ или Ниневія, колоссальная столица ассирійскаго царства. Основаніе этого царства, жители котораго явились первымъ народомъ-завоевателемъ въ западной Азіи, и остриемъ меча поработили близкія и далекія страны, покрыто глубокимъ мракомъ, и лишь нѣсколько лучей сомнительнаго свѣта бросаютъ на тотъ мракъ ничѣмъ не подтверждаемыя сказанія. До дешифровки клинообразныхъ надписей, наши свѣдѣнія объ ассирійской исторіи основывались главнымъ образомъ на извѣстіяхъ греческаго врача Ктезія, который перечисляетъ длинный рядъ ассирійскихъ царей и говоритъ, что они болѣе тысячи лѣтъ владычествовали надъ верхнею Азіею. Первые изъ нихъ великіе царь и царица, Нинъ и его жена Семирамида; они уже совершаютъ всѣ тѣ завоеванія, какія были сдѣланы впослѣдствіи ассирійцами, покоряютъ и такія страны, которыя никогда не были подъ властью царей ассирійскихъ. Преемники

ихъ, изъ которыхъ послѣдній—Сарданапалъ, праздно живутъ во дворцахъ, предаваясь обжорству и сладострастію, и при Сарданапалѣ, въ 884 г. ассирійское царство разрушается нападеніемъ мидянъ и вавилонянъ. Всѣ эти извѣстія лишены историческаго значенія. Нинъ и Семирамида—ассирійскія божества, превращенныя въ людей. Имена слѣдующихъ царей, сообщаемыя хронографами, почти всѣ безъ исключенія вымышлены. Ужъ у самихъ ассиріянъ преданія о древнѣйшей исторіи ихъ царства имѣли мифическій характеръ. Основателемъ царства считался у нихъ Белъ-Капкацу, а строителемъ Ниневіи Белъ-Писакти. Саргонъ II (около 720) говоритъ, что до него было 350 царей, которыхъ онъ называетъ своими предками. И это принадлежит области преданій. Въ пополненіяхъ мы приведемъ рассказы о мнимыхъ первыхъ царѣ и царицѣ ассирійскихъ, Нинѣ и Семирамидѣ. Нинъ очевидно лишь олицетвореніе столицы царства. А Семирамида, дочь богини Деркетто, храмъ которой былъ въ филистимскомъ городѣ Аскалонѣ, перенесена поэтическимъ вымысломъ въ область мифа, такъ что едва ли возможно различить историческую основу сказаній о ней подъ поэтическимъ и символическимъ покровомъ, хоть и надобно полагать, что такой живой образъ, глубоко запечатлѣвшійся въ народномъ сознаніи востока, группирующій около себя тысячу воспоминаній и легендъ, не могъ быть только баснословнымъ существомъ, только мифологическимъ символомъ. Религіозныя мифы и символы, заимствованные изъ вѣрованій и богослужебныхъ обрядовъ семитическихъ племенъ, творчество народныхъ преданій, переносящихъ все великое и чудесное старинныхъ рассказовъ на одну знаменитую личность, историческія воспоминанія, переходившія отъ поколѣнія къ поколѣнію и въ теченіе вѣковъ придавшія фактамъ сказочные колоссальные размѣры,—все это вмѣстѣ произвело тотъ результатъ, что Семирамида стала идеальнымъ лицомъ, въ которомъ соединились качества, наиболѣе очаровывающія мысль восточныхъ народовъ: женская красота и мужская сила, неодолимо привлекательная прелесть и воинственная отвага. Изъ разнородныхъ элементовъ былъ созданъ творчествомъ фантазіи образъ, въ которомъ нашла выраженіе себѣ вся умственная и государственная жизнь ассирійско-вавилонскаго народа. Семирамидѣ были приписаны не только походы, битвы и завоеванія старины, но и тѣ великія сооруженія во всей западной Азіи, которымъ дивилось потомство, и основательницею многихъ большихъ городовъ была сдѣлана тоже любимая героиня ассирійскаго народа.

Нинъ, воинственный, жаждавшій подвиговъ человекъ,—такъ рассказывается преданіе о немъ у Діодора,—собралъ самыхъ сильныхъ юношей, и долго училъ ихъ искусству сражаться, приучалъ къ перенесенію лишеній и опасностей военной жизни. Приготовивъ себѣ войско, онъ въ союзѣ съ Аріемъ, царемъ арабскимъ, пошелъ на Вавилонъ; взялъ

Сказанія о Нинѣ и о Семирамидѣ.

въ плѣнъ вавилонскаго царя и его дѣтей и предалъ ихъ смерти. Легко завоевавъ Вавилонію, онъ пошелъ на армянь и принудилъ царя ихъ покориться ему. Изъ Арменіи ассирійскій завоеватель пошелъ на мидянъ, побѣдилъ ихъ, распялъ на крестѣ ихъ царя, его жену и семерыхъ дѣтей, и поставилъ одного изъ своихъ друзей намѣстникомъ въ Мидіи. Онъ продолжалъ воевать еще семнадцать лѣтъ, и покорилъ персовъ, народы Малой Азіи, все племена отъ Дуная до Каспійскихъ вѣровъ. Послѣ этого, онъ вздумалъ основать городъ, который величиною превосходилъ бы все города, основанные до него, такой, чтобы и послѣдующія поколѣнія не могли построить равнаго. Въ этотъ городъ, который онъ называлъ по своему имени Ниномъ, онъ переселилъ важнѣйшихъ людей ассирійскаго народа, поселилъ тамъ желающихъ и изъ другихъ народовъ, далъ очень большое пространство сосѣдней земли водворившимся въ этомъ городѣ. Построивъ его, онъ пошелъ на бактровъ, которыхъ не могъ одолѣть въ прежніе походы; онъ повелъ на нихъ 1.700,000 пѣшихъ воиновъ, 210,000 всадниковъ и почти 10,600 военныхъ колесницъ. Но и такой силѣ бактры сначала сопротивлялись усѣбно; въ первой битвѣ они побѣдили ассиріянь, раздѣлившихъ свое войско; и лишь когда все ассирійскіе отряды соединились, они были принуждены запереться въ своихъ городахъ. Нинъ сталъ брать ихъ города, и взялъ все кромѣ столицы, Бактры, которая была очень сильно укрѣплена и выдержала продолжительную осаду.—Во время осады, Оннесъ, одинъ изъ военачальниковъ Нина, стосковался по своей женѣ, Семирамидѣ, которую очень любилъ, и вызвалъ ее въ станъ. Семирамида была дочь рыбообразной богини Деркетю, которую чтили въ филистинскомъ городѣ Аскалонѣ. Когда она родилась, она была выброшена—въ пустомъ мѣстѣ; но голуби ея матери покрыли ее крыльями и кормили молокомъ и сыромъ, которые приносили ей въ своихъ клювахъ изъ сосѣднихъ дворовъ; пастухи нашли малютку и отдали ее старшему пастуху, Симмию; онъ называлъ ее Семирамидою; на сирійскомъ языкѣ, это слово значитъ голубка. Когда она выросла, то однажды Оннесъ, намѣстникъ Сиріи, пріѣхалъ осмотрѣть царскія стада. Онъ увидѣлъ Семирамиду, влюбился въ нее и Симмій отдалъ ее за него.—Семирамида поѣхала по вызову мужа въ Бактрію, надѣвъ для дороги такое платье, по которому не было видно, что она женщина; платье это было удобно при всякихъ занятіяхъ и такъ шло къ ней, что мидяне и персы стали носить платье этого покроя.—Пріѣхавъ, она скоро замѣтила, что бактры хорошо защищаютъ стѣны своей столицы, но небрежно охраняютъ цитадель, въ надеждѣ на ея мало доступное мѣстоположеніе. Семирамида собрала воиновъ, умѣвшихъ взбираться на скалы, взлѣзла съ ними изъ глубокаго ущелья къ цитадели, и захвативъ часть ея, дала войску въ равнинѣ сигналъ штурма. Бактры упали духомъ, увидѣвъ, что цитадель взята, и ассиріяне овладѣли городомъ. Царь наградилъ отважную женщину богатыми подарками; очарованный ея красотой, почувствовалъ горячую страсть къ ней, и потребовалъ, чтобы мужъ уступилъ ему ее; мужъ не согласился, хотя царь предлагалъ отдать за него свою дочь Сосану. Царь сказалъ, что выколетъ ему глаза, если онъ не согласится; тогда Оннесъ уступилъ. Семирамида стала женою царя, а прежній мужъ ея повѣсилъ.—(По другимъ разсказамъ, Семирамида была женщина, торговавшая своею любовью; царь влюбился въ нее; она выпросила себѣ у него, въ доказательство его любви, царскую власть на пять дней, и получивъ власть, посадила царя въ тюрьму или велѣла убить его, и стала царствовать).

Сооруженія, приписываемыя Семирамидѣ. Вскорѣ послѣ женитьбы, Нинъ умеръ, передавъ власть Семирамидѣ, родившей ему сына, котораго звали Ниніемъ. Семирамида похоронила царя въ его столицѣ и сдѣлала надъ его гробницею могильный холмъ, имѣвшій 10 стадій (6000 футовъ) въ окружности, а въ вышину 9 стадій (5400 футовъ). Этотъ холмъ было видно на очень большое разстояніе. Потомъ она проложила дорогу черезъ скалы въ Мидію, строила города, сдѣлала много замѣчательныхъ сооружений и вообще царствовала съ великою славою. Ей приписывалось сооруженіе множества водопроводовъ, мостовъ, дворцовъ, построеніе знаменитыхъ вавилонскихъ «висячихъ садовъ»; вообще ей приписывались все громадныя сооруженія, все древнія постройки, изумлявшія потомковъ, все отважныя предпріятія древнихъ временъ. Діодоръ говоритъ, что она построила городъ Вавилонъ и стѣны,

окружавшія его, что ею построены все громадныя сооруженія въ немъ: мостъ, оба дворца, башня Бела, поставленъ обелискъ вышиною въ 180 футовъ, сдѣланъ большой Сефарваимскій водоемъ (дѣйствительно вырытый Небукаднезаромъ), проложена дорога черезъ Загрскій хребетъ, построены Экбатанскій дворецъ и Экбатанскій водопроводъ, сдѣлано много другихъ сооружений;—все это взято Діодоромъ, вѣроятно, изъ народнаго преданія. Страбонъ тоже приписываетъ Семирамидѣ такъ называемую Мидійскую стѣну, идущую отъ Эвфрата до Тигра, вавилонскія сооруженія, множество холмовъ, плотинъ, крѣпостей, горныхъ дорогъ, каналовъ, мостовъ по всей Азіи. Даже въ Каппадоціи городъ Тіана и въ Понтѣ городъ Зела лежали на валахъ, возведеніе которыхъ приписывалось Семирамидѣ. Изъ военныхъ дѣлъ Семирамиды, особенно знаменитъ походъ ея въ Индію. Она три года дѣлала по своему царству приготовленія къ нему, и выступила изъ Бактры съ войскомъ, которое, по извѣстію Ктезія, приводимому Діодоромъ, состояло изъ 3.000,000 пѣшихъ воиновъ, 500,000 всадниковъ и 100,000 военныхъ колесницъ. Семирамида вела съ собою 100,000 верблюдовъ, которые были покрыты шитыми шкурами черныхъ быковъ; она полагала, что индійцы пріимутъ ихъ за слоновъ; на каждомъ верблюдѣ сидѣлъ воинъ. Для переправы черезъ Индъ было построено 2,000 судовъ; разобранныя на части, они были привезены вьюкомъ на верблюдахъ. Она принудила индійскаго царя Стабробата отступить, построила на привезенныхъ судахъ мостъ и вошла въ Индію. Стабробатъ преднамѣренно отступилъ, заманивая ассирійское войско въ глубину страны, и внезапно напалъ на ассиріянь; конница его разбѣялась, испуганная переряженными верблюдами, но его пѣхота и слоны обратили ассиріянь въ бѣгство; онъ ранилъ копьемъ Семирамиду въ руку и въ спину. Она ускакала, достигла моста; индійцы сильно тѣснили бѣгущихъ; Семирамида успѣла разломать мостъ. Но ея войско потерпѣло такое пораженіе, что только третья часть воиновъ возвратилась на родину (по другому разсказу, уцѣлѣло только 20 человекъ). Вскорѣ послѣ того она передала власть своему сыну Нинію и удалась съ земли къ богамъ, или, превратившись въ голубку, улетѣла со стаею голубей изъ дворца, проживъ 62 года и царствовавъ 42. По другимъ разсказамъ, она была убита своимъ сыномъ, которому предложила быть ея мужемъ.

Въ древнѣйшихъ сказаніяхъ о Семирамидѣ вѣроятно преобладалъ историческій и по-этический характеръ, благодаря которому образъ Семирамиды, далеко превзошедшей своего ній о Семирамидѣ. мужа славными дѣлами, остался такъ ясенъ и живъ въ народномъ сознаніи. Но съ теченіемъ времени, въ разсказы о ней все болѣе и болѣе проникали символическіе и мифическіе элементы, заслоняя собою человѣческія и историческія черты преданія. Въ частности, на мифическихъ представленіяхъ основаны сказанія о происхожденіи и объ исчезновеніи Семирамиды. Называя Нина сыномъ Бела, олицетворяющаго собою мужскую производящую силу природы, преданіе называетъ Семирамиду дочерью воспринимавшей и рождающей богини Милитты-Деркетю, которой были посвящены голуби и рыбы и въ жертву которой приносили свою дѣвственность вавилонскія дѣвушки. Голуби кормили малютку Семирамиду въ пустынѣ; въ концѣ жизни, она улетѣла изъ дворца, превратившись въ голубку. Изъ религіозныхъ таинствъ произошло сказаніе, что она ввела оскотленіе: «чтобы высокій тонъ голоса и отсутствіе бороды не выдавали ея пола, она окружила себя такими же мужчинами»,—это сказаніе имѣетъ связь съ тѣмъ, что у финиціянъ былъ обычай самооскотленія въ честь Астарты. На поэтическихъ и религіозныхъ мифахъ основаны преданія объ очаровательности Семирамиды: все мужчины влюбляются въ нее, но всею ея любовью гибельна: Семирамида дѣлаетъ красивѣйшихъ воиновъ своими любовниками, но велитъ убивать ихъ или хоронить живыми. По всей западной Азіи валы, сооруженіе которыхъ приписывалось Семирамидѣ, называемы были въ народѣ могилами ея любовниковъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ, она превосходитъ всехъ окружающихъ ее мужчинъ геройскими доблестями. Такимъ образомъ она соединяетъ въ себѣ качества обоихъ половъ: женскую красоту и мужскую энергію, сладострастіе и воинственность. Въ началѣ ассирійской исторіи поставлена мужественная царица; контрастъ ей составляетъ послѣдній царь, Сардананапалъ. Семирамида—женщина съ характеромъ мужчины; Сардананапалъ—

женоподобный мужчина; очевидно, обѣ эти фигуры являются олицетвореніями религиозныхъ понятій и богослужебныхъ обрядовъ: у западно-азиатскихъ семитовъ было, какъ замѣчаетъ Дункеръ и какъ мы увидимъ въ отдѣлѣ о финиціанахъ, сильно развито служеніе гермафродитнымъ божествамъ, и было много религиозныхъ обрядовъ, при которыхъ мужчины были одѣты въ женское платье, женщины въ мужское. Изъ этихъ религиозныхъ понятій сложилось представленіе о Семирамидѣ, олицетвореніи чувственной красоты, половой любви, сладострастія и съ тѣмъ вмѣстѣ мужской энергіи, геройской силы.

Древнѣйшій періодъ исторіи Ассиріи. Въ началѣ, ассирійское царство было очень невелико и слабо. На верхнемъ Тигрѣ, нѣсколько выше впаденія Малаго Заба въ эту рѣку, въ 15 миляхъ на югъ отъ Ниневіи, у Киле-Шергата есть большой холмъ развалинъ. Это Асуръ, древняя столица, выросшая около храма главнаго ассирійскаго бога, имя котораго, Асуръ, стало и названіемъ города. Цари-первосвященники храма, по всей вѣроятности вассалы вавилонскихъ царей, правили племенами, жившими въ окрестностяхъ города. О Нимродѣ, богъ-царѣ вавилонскомъ въ книгѣ Бытія говорится, что первоначальнымъ его владѣніемъ были Вавилонъ, Эрехъ, Аккадъ, Кальне въ землѣ Синеарской, и что изъ этой земли онъ пошелъ въ Асуръ. Должно, кажется, считать историческимъ фактомъ то, что ассирійскій народъ — колонія, перешедшая на сѣверъ изъ Вавилоніи, гдѣ отчизна письма и религіи ассиріянъ. Древнѣйшую цифру для установленія ассирійской хронологіи даетъ намъ надпись царя Тиглапилесера I (около 1120); онъ говоритъ въ ней, что за 641 годъ до него Самси-Рамманъ, сынъ Исми-Дакана, царь-первосвященникъ Асура, построилъ храмъ богамъ Ану и Бину. Тишина жреческаго управленія скоро смѣнилась воинственными дѣлами героическаго вѣка. По верхнему Тигру и въ прилегающихъ къ нему долинахъ горъ жили храбрыя племена, неукротимо любившія воевать. Надъ ними приобрѣла владычество энергическая, даровитая династія, и освободила страну отъ подвластности Вавилоніи; Ассирія, ставъ равносильною соперницею дряхлѣющей Вавилоніи, скоро взяла перевѣсъ надъ нею. Хроника, извѣстная подъ названіемъ «синхронистическихъ плитокъ», даетъ намъ списокъ ассирійскихъ и вавилонскихъ царей, обнимающій нѣсколько столѣтій, и сухое, лѣтописное перечисленіе ихъ войнъ между собою, ихъ примиреній, браковъ, которыми они хотѣли упрочить дружескія отношенія между своими династіями и т. д. Могущество Вавилона падало. Асуръ-Убалидъ (около 1400 года, по приблизительному расчету Смита) выдалъ свою дочь за вавилонскаго царя. Кара-Гардасъ (Kara-Hardas), сынъ этого царя и дочери Асуръ-Убалида, былъ низвергнутъ возстаніемъ Кассійцевъ (Kassi), — того племени, которое было господствующимъ въ Вавилоніи. На престолъ взшелъ узурпаторъ. Ассирійскій царь пошелъ противъ мятежниковъ и возвелъ на колеблющійся вавилонскій престолъ Куригальзу (Kurigalzu), законнаго наследника. При за-

ключеніи мира была съ точностью опредѣлена граница между ассирійскимъ и вавилонскимъ царствами и была возведена пограничная крѣпость Дуръ-Куригальзу, у нынѣшняго Аккаръ-Куфа, близъ Багдада. Туклатъ-Адаръ покорилъ Вавилонію (около 1290). На печати, которую нашелъ въ 693 въ Вавилонѣ Санхерибъ, онъ называетъ себя «завоевателемъ Куръ-Дуниаса» (южно-халдейскаго приморья). Онъ первый изъ ассирійскихъ царей сталъ именоваться царемъ Сумира и Аккада, то есть, всей Халдеи. Владычество Ассиріи надъ Вавилоніею было однако шатко и непродолжительно. Слѣдующій ассирійскій царь былъ убитъ на войнѣ съ вавилонянами, и они подступили къ стѣнамъ Асура. Но Адаръ-Паль-Биткуръ (около 1220) «положилъ конецъ безсилію Асура въ своей землѣ», прогнавъ изъ нея непріятеля. — Изъ этого древняго періода ассирійской исторіи мы имѣемъ подробныя извѣстія только объ одномъ царѣ, Тиглапилесерѣ I (по ассирійски: Туклатъ-Габаль-Асаръ Tuklat-Habal-Asar). Въ углахъ его дворца въ Асурѣ Леярдъ нашелъ вложенные между камнями четыре глиняные цилиндра, покрытые надписью; на всѣхъ четырехъ она одна и та же: это четыре экземпляра лѣтописи первыхъ пяти лѣтъ его царствованія. Первый походъ его былъ направленъ противъ мятежнаго Куммуха (Коммагены) и союзниковъ Куммуха, пяти царей малоазіатскаго народа Мускаевъ (Muskaya). Послѣ того онъ пошелъ на Арменію и, какъ рассказываетъ одинъ изъ его преемниковъ, Асуръ-Назиръ-Паль (883—859), изваялъ свое изображеніе при истокѣ Тигра. Тэлоръ нашелъ это барельефное изображеніе близъ нынѣшняго Субене-Су; при изображеніи есть надпись. — На востокѣ, Тиглапилесеръ перешелъ за Малый Забъ, вторгнулся въ Мидію и въ земли на сѣверъ отъ нея. Онъ бился съ 60 царями народа Наири и доходилъ до «верхняго моря», — до озера Вана. На югъ онъ покорилъ Арамъ, страну по верхнему Эвфрату, и доходилъ до Каркамиса. (Это, вѣроятно, Гераполь, нынѣшній Мембиджъ; тутъ впоследствии была знаменитая битва). Но войну съ Мардукъ-Надинъ-Ахи, царемъ вавилонскимъ, въ 1111 году, онъ велъ неудачно: вавилонскій царь вошелъ въ Ассирію и увезъ оттуда въ видѣ трофеевъ нѣсколько изображеній боговъ; только черезъ 418 лѣтъ Санхерибъ взялъ ихъ назадъ. Удачнѣе для Тиглапилесера былъ второй походъ этой войны: онъ дошелъ до Вавилона, Сипара и Упи (Upi, Описъ). Преемники Тиглапилесера, имѣвшіе своею резиденціею ужъ не Асуръ, а Калахъ, не умѣли сохранить его завоеваній. У Асуръ-Рабъ-Амара (около 1050) были отняты сирійцами земли по Эвфрату. Вавилонъ фактически сталъ независимъ. Восточныя деспотіи имѣютъ ту общую черту, что часто безъ всякаго перехода періодъ величайшаго могущества смѣняется въ нихъ періодомъ слабости и упадка.

Съ началомъ девятаго вѣка возобновляется блескъ ассирійскаго могущества, и съ этой поры до гибели Ниневіи мы имѣемъ непре-

рывный рядъ документовъ ассирійской исторіи. Откопанныя теперь стѣны дворцовъ, покрытыя изображеніями и описаніями подвиговъ царей этого періода, дѣлають его однимъ изъ наилучше извѣстныхъ намъ отдѣловъ исторіи древняго міра. Мы должны упомянуть здѣсь объ одномъ, очень важномъ документѣ, — о «спискѣ эпонимовъ». Ассиріане и въ государственныхъ и въ частныхъ актахъ отмѣчали годы именами сановниковъ, смѣнявшихся ежегодно; эти сановники назывались лиму, эпонимъ. Санъ лиму царь давалъ тому или другому изъ заслуженныхъ намѣстниковъ и прочихъ высшихъ должностныхъ лицъ, а въ 1 и въ 31 году своего царствованія былъ лиму самъ. Списокъ этихъ эпонимовъ за 909—665 годы найденъ, и притомъ въ четырехъ экземплярахъ, такъ что пробѣлы и ошибки одного экземпляра мы можемъ пополнять и исправлять по другимъ. Этотъ списокъ — очень важное пособіе для хронологіи событій не только ассирійской исторіи, но и исторіи всей западной Азіи.

Асуръ-Назиръ-Габаль, 883—858. Первый царь новаго періода ассирійской исторіи былъ Асуръ-Назиръ-Габаль (883—858), воинственный царь восточнаго типа. Онъ стремился, — но не успѣлъ, — завоевать всѣ тѣ земли, которыя принадлежали Ассиріи при Тиглапилесерѣ I. Первые походы его были направлены на сѣверъ, къ истокамъ Эвфрата и Тигра. Надписи говорятъ, что онъ покорилъ племена той страны, имѣвшія своихъ царьковъ, и наложилъ на нихъ дань, состоящую изъ серебра и золота, колесницъ, лошадей и другихъ предметовъ. Онъ воевалъ съ Вавилономъ, но безъ особеннаго успѣха. Походы его на западъ были побѣдоносны; онъ доходилъ до Оронта и до Ливана. Тиръ, Библосъ и Арадъ давали ему дань. «Какъ богъ наводненія разлился» онъ по соседнимъ землямъ.

Салманассаръ II (858—823) былъ достойнымъ сыномъ своего отца. Онъ велъ войны въ Арменіи (Урарти) и четыре раза ходилъ за Эвфратъ, усмирять сирійскихъ царей. Кархемисъ и другія государства были покорены имъ. Чтобы отвратить угрожавшую опасность подпасть подъ иго Ассиріи, сирійскіе цари соединили свои силы; главою союза ихъ былъ царь Дамаска. Салманассаръ говоритъ, что, перешедши Эвфратъ (въ 854 году), онъ встрѣтился съ войскомъ сирійскаго союза: «Изъ Гальвана (Halvan) вышелъ я и пошелъ на два города Ирхулини Гаматскаго; городъ Аргану, столицу его, взялъ я; его плѣнниковъ увелъ я, его имущество, сокровища его дворца увезъ я, въ его дворцы ввергъ я огонь. Изъ города Арганы вышелъ я, пошелъ я на Каркаръ. Каркаръ разрушилъ я, опустошилъ я, сжегъ я огнемъ 1200 колесницъ, 1200 всадниковъ, 20.000 мужей Бинъ-Идри Дамасскаго, 700 колесницъ, 700 всадниковъ, 10.000 мужей Ирхулини Гаматскаго, 200 колесницъ, 10.000 мужей Ахаба израильскаго, 500 мужей Гуаээра, 1000 мужей страны Мусри, 10 колесницъ, 10.000 мужей страны Ирканата, 200 мужей Матинбаала Арадскаго, 200 мужей стра-

ны Усанатъ, 30 колесницъ и 10.000 мужей Адонибаала Сизанскаго, 1000 верблюдовъ Гундибуга Арбскаго... 100 мужей Вагсы, сына Рухуба Аммонскаго: эти двѣнадцать царей помогали другъ другу, пошли противъ меня, чтобы дать мнѣ отпоръ и битву. При высокой помощи, которую оказалъ Асуръ владыка, съ могучею силою, которую великій покровитель, шедшій передо мною, даровалъ, сразился я съ ними. Отъ города Карказа до Кирзана нанесъ я имъ пораженіе, 14.000 ихъ воиновъ убилъ я». Эта побѣда не имѣла прочнаго результата. Въ слѣдующіе годы Салманассаръ велъ войну въ Арменіи и въ Вавилоніи. Онъ хвалится, что наложилъ дань на царей страны Кальди (Халдеи). Имя халдеевъ начинается встрѣчаться въ клинообразныхъ надписяхъ только со временъ Салманассара и его отца. Салманассаръ хвалится, что одерживалъ побѣды надъ сирійцами въ 850 и 849 годахъ, что въ 846 снова одерживалъ побѣды. Его противникомъ былъ опять Бинъ-Индри Дамасскій. И теперь онъ не достигъ никакого важнаго успѣха. О 842 годѣ онъ говоритъ: «Въ 18-й годъ моего царствованія перешелъ я въ 16-й разъ Эвфратъ. Хазаилу Дамасскій полагался на свое войско, собралъ безъ числа свои полки и сдѣлалъ страну Саниръ (?), вершину горъ, которыя на границѣ Ливанскаго хребта, своею крѣпостью. Съ нимъ сразился я, нанесъ пораженіе ему; 16.000 его воиновъ преодолѣлъ я оружіемъ; 1.121 колесницу его, 410 всадниковъ его вмѣстѣ съ его запасами взялъ я у него; чтобы спасти свою жизнь, онъ бѣжалъ; я преслѣдовалъ его. Въ Дамаскѣ, его столицѣ, осадилъ я его; его укрѣпленія уничтожилъ я... Въ это время получилъ я дань тирской, сидонской страны и Ягуа (Iegu, Inua), сына Хумри (Omri)». Газайлъ продолжалъ сопротивляться, какъ видимъ изъ того, что въ 839 Салманассаръ опять пошелъ на него. Онъ совершилъ тоже много походовъ противъ воинственныхъ горныхъ племенъ Арменіи.

Еще отецъ Салманассара построилъ царскій дворецъ въ Калахѣ, на сооруженной для того терассѣ; Салманассаръ тоже построилъ себѣ на ней дворецъ (тотъ, который изслѣдователи развалины Ниневіи называютъ калахскимъ центральнымъ дворцомъ). Подъ развалинами его найденъ черный обелискъ, на которомъ Салманассаръ рассказываетъ свои подвиги, и барельефы котораго изображаютъ иноземцевъ, несущихъ и ведущихъ дань. Тутъ есть слонъ, двугорбый верблюдъ, носорогъ, гиппопотамъ, обезьяны, слоновая кость, львы и т. д. Въ концѣ правленія Салманассара, противъ него возмутился его сынъ, Асарданинпалъ; значительная часть царства присоединилась къ мятежнику; даже древняя столица, Асуръ, приняла его сторону. Съ трудомъ одолѣлъ возстаніе Самси-Бинъ. Царствованія Самси-Бина (823—810) и его сына Бинъ-Нирара III (810—781) были временемъ наибольшаго могущества Ассиріи въ этомъ періодѣ ея исторіи.

Бинъ-Нираръ въ длинной надписи подробно рассказываетъ о своемъ

походъ на западныя страны: «Я покорилъ себя за Эвфратомъ страну сирійцевъ, западную страну во всемъ ея объемъ: Тиръ, Сидонъ, страну Омри (Израильское царство), Эдомъ, филистимскую страну до великаго моря на западъ. Платежъ дани наложилъ я на нихъ. И противъ страны Иримису (царства Дамасскаго) ходилъ я, противъ Мирага, царя страны Иримису; въ Дамаскъ, царскомъ городѣ его, истинно осадилъ я его. Сильный страхъ Асура, владыки его, нашелъ на него; мои ноги обнялъ онъ, онъ покорился. 2.300 талантовъ серебра, 20 талантовъ золота, 3.000 талантовъ мѣди, 5.000 талантовъ желѣза, одежды шерстяныя (?) и льняныя (?)... его богатства, его сокровища безъ числа получилъ я въ Дамаскъ, его царскомъ городѣ, среди его дворца».

Время царствованія его сына, Салманассара III (781—771), почти все наполнено походами на Армению. При слѣдующихъ царяхъ, Асуръ-Данилъ (771—753) и Асуръ-Нираръ (853—746), проявляются рѣшительные признаки разслабленія и упадка. Противъ Асуръ-Данила поднялись мятежи въ Арафъ, въ Гозанъ и даже въ древней столицѣ, Асуръ. А при Асуръ-Нираръ произошло возмущеніе въ новой столицѣ, Калахъ. Этимъ объясняется часто встрѣчающійся въ лѣтописяхъ того времени фактъ, что царь «оставался въ своей странѣ». Шаткое состояніе царства не позволяло предпринять походы для завоеваній.

5. Государство и жизнь, искусство и религія, по ниневійскимъ изваяніямъ.

Ниневія.

Ниневія, которую основатель ея хотѣлъ сдѣлать такимъ огромнымъ городомъ, чтобы не могъ равняться съ ней величиною ни одинъ изъ существующихъ и будущихъ городовъ, имѣла, по словамъ Ктезія, такую же окружность, какую, по Геродоту, имѣлъ Вавилонъ, — 480 стадій, то есть 12 географическихъ миль. Она была построена продолговатымъ четырехугольникомъ, длинныя стороны котораго имѣли по 150 стадій, короткія по 90; городъ былъ защищенъ стѣною, имѣвшею 100 футовъ высоты, и такую толщину, что по ней могли ѣхать рядомъ три телеги; она имѣла 1.500 башенъ, высота которыхъ была 200 футовъ. Быть можетъ, въ этихъ цифрахъ, какъ и въ подобныхъ имъ цифрахъ относительно Вавилона, есть нѣкоторое преувеличеніе: въ томъ объемѣ, какой даетъ Ктезія Ниневіи, могъ бы два раза помѣститься Лондонъ со всеми своими предмѣстьями. Но еврейскія описанія Ниневіи и нынѣшнія раскопки ея развалинъ доказываютъ, что это былъ городъ изумительной обширности и дивнаго великолѣпія. И цифры Ктезія не покажутся намъ неправдопо-

добными, если мы обратимъ вниманіе на то, что въ восточныхъ городахъ остаются незастроенными мѣста, болѣе обширныя, чѣмъ занятыя домами и дворами, что и въ древности было такъ; если подумаемъ о томъ, какъ любили восточные цари строить обширныя сооруженія и давать колоссальныя размѣры городамъ, и припомнимъ, какой примѣръ представлялъ собою ассирійскимъ царямъ Вавилонъ.

Въ книгѣ пророка Іоны говорится, что «Ниневія была городъ великій у Бога, не три дня ходьбы, въ которомъ болѣе ста двадцати тысячъ человѣкъ, не умѣющихъ отличать правой руки отъ лѣвой» (III, 11; IV, 11). Наумъ въ своемъ пророчествѣ о паденіи Ниневіи говоритъ, что Ниневія полна людьми, «какъ прудъ водою», что въ ней «нѣтъ конца запасамъ всякой драгоценной утвари» (II, 8, 9). «Купцовъ у тебя стало болѣе, нежели звѣздъ на небѣ. Князья твои какъ саранча, и военачальники твои какъ рои мошекъ, которыя во время холода гнѣздятся въ щеляхъ стѣнъ» (III, 16, 17). Софонія говоритъ, что Ниневія «городъ торжествующій, живущій безвечно, говорящій въ сердцахъ своихъ: я, и нѣтъ иного, кромѣ меня» (II, 15). Черезъ двѣсти лѣтъ по разрушеніи Ниневіи, Ксенофонтъ проходилъ съ отступавшими десятью тысячами греческихъ наемниковъ черезъ ту мѣстность, гдѣ была она. По его описанію, которое стали мы правильно понимать лишь благодаря изслѣдованіямъ Леярда и Роллинсона, объемъ погибшаго города оказывается приблизительно тотъ, какой даетъ Ниневіи Ктезія. Перешедши черезъ Большой Забатъ, греки пришли въ большой разоренный городъ на берегу Тигра; имя этого города было Ларисса (это нынѣшній Нимрудъ); — «толщина его стѣнъ была 25 футовъ, высота — 100 футовъ, окружность его составляла два парсанга» — два часа пути. «Онъ былъ построенъ изъ кирпича, на возведенной изъ дикаго камня террасѣ, въ 20 футовъ вышины. Подлѣ города находится пирамида изъ тесаного камня, имѣющая плетръ (100 футовъ) въ ширину и два плетра въ высоту. Туда убѣжало много народа изъ соседнихъ деревень»; — вѣроятно, это знаменитый памятникъ надъ могилою Нина, оказывающійся гораздо меньше того размѣра, какой давало ему преданіе. Изъ Лариссы греки, сдѣлавъ переходъ въ 6 парсанговъ, пришли въ большой стѣнѣ другаго разрушеннаго города, стоявшаго близъ мѣстечка Меспила (нынѣшняго Куюнджика). Основаніе стѣны состояло изъ полированного известняка; оно имѣло 50 футовъ толщины и вышины; сама стѣна была кирпичная, имѣла тоже 50 футовъ толщины, 100 футовъ вышины, а въ окружности простиралась на 6 парсанговъ.

Эти огромныя стѣны, стоявшія на шесть или на семь часовъ пути одна отъ другой, и казавшіяся стѣнами двухъ разныхъ городовъ Ксенофонту, вѣроятно не знавшему колоссальности Ниневіи, были, какъ очевидно теперь намъ, двумя частями ассирійской столицы, подымавшимися надъ остальною мѣстностью ея. Всѣ другія части общей стѣны, окружавшей городъ, вѣроятно были тогда уже сглажены разрушеніемъ, и мусоръ ихъ ужъ вывѣтрился, такъ что слѣды ихъ остались незамѣчены Ксенофонтомъ. Но болѣе крѣпкія стѣны храма и дворца, служившія цитаделями Ниневіи, менѣе поддались разрушительному дѣйствію человека и природы, сохранились лучше. Опустѣвшая мѣстность, покрытая развалинами огромныхъ стѣнъ, по которой афинскій полководецъ и философъ за четыре вѣка до нашей эры велъ спартанскихъ наемниковъ, занятый своей борьбою съ опасностями и трудностями похода, не имѣя досуга изслѣдовать старину, стала въ

наше время мѣстомъ очень интересныхъ и успѣшныхъ изслѣдованій. Любопытность людей, одушевленныхъ горячимъ стремленіемъ разъяснить исторію человѣческаго развитія и пользовавшихся всѣми пособіями науки, открыла тутъ памятники, имѣющіе чрезвычайно важное значеніе для исторіи. Положеніе горъ мусора, изъ-подъ котораго вырыты эти памятники, показываетъ, какой объемъ имѣла Ниневія. Двѣ изъ нихъ, находящіяся на берегу Тигра, соотвѣтствуютъ стѣнамъ разрушенныхъ городовъ, о которыхъ говоритъ Ксенофонтъ; это Нимрудъ и Куюнджикъ; третья очень обширная масса развалинъ находится къ востоку отъ нихъ, у Карамлеса. Если эти три массы развалинъ принадлежатъ, какъ надобно думать, одному городу, онъ долженъ былъ дѣйствительно имѣть колоссальный объемъ, какой, по преданіямъ и по свидѣтельствамъ древнихъ писателей, имѣла Ниневія и, кромѣ нея, имѣлъ только еще одинъ городъ, Вавилонъ.

Положеніе и
величина Ни-
невии.

Леярдъ считаетъ частями одного города развалины, находящіяся у Нимруда, у Куюнджика, у Хорсабада и у Карамлеса; эти мѣстности образуютъ продолговатый четырехугольникъ; объемъ его приблизительно соотвѣтствуетъ тому, какой даетъ Ниневіи Діодоръ, и тремъ днямъ пути, о которыхъ говоритъ книга пророка Іоны; потому Леярдъ расположенъ думать, что древнія извѣстія объ огромности Ниневии достовѣрны; онъ говоритъ, что въ нихъ нѣтъ никакого преувеличенія.

По его мнѣнію, эти четыре холма развалинъ—остатки дворцовъ, каждый изъ которыхъ былъ центромъ особой части города; эти части города были построены въ разное время, и у каждой было особое имя. «Каждая изъ четырехъ частей Ниневии была резиденціею царей, одна раньше, другая позже; когда она становилась резиденціею, вокругъ нея строили стѣну и другія укрѣпленія. Кромѣ дворцовыхъ сооружений, въ ней были парки, были пустыя мѣста, служившія для охоты; это было похоже на парки, «парадизы», какіе были въ послѣдствіи у персидскихъ царей. На мѣстахъ, оставшихся свободными въ промежуткахъ дворцовъ и парковъ, строились дома частныхъ людей, и оставались окружены садами, рощами, нивами. Древнѣйшею частью города была вѣроятно мѣстность при впаденіи Заба въ Тигръ, гдѣ нынѣ стоитъ деревня Нимрудъ. Эта часть Ниневии называется въ клинообразныхъ надписяхъ Калахомъ; строителемъ Калаха былъ Салманассаръ; когда жилъ этотъ царь, мы не знаемъ. Асуръ-Назиръ-Габалъ (883—858) говоритъ: «Древній городъ Калахъ, который основалъ Салманассаръ, царь ассирійскій, великій, жившій раньше меня, этотъ городъ опустѣлъ и упалъ; этотъ городъ построилъ я отъ основанія вновь». На сѣверъ отъ Нимруда, противъ Мосула, стоитъ теперь деревня Куюнджикъ. Тутъ находится вторая обширная масса развалинъ; это была та часть города, которая называлась Ниневіею (по-ассирійски Ниуа) въ тѣсномъ смыслѣ слова. Со времени Санхериба, цари жили обыкновенно въ ней. Та часть города, развалины которой находятся у Хорсабада, была построена Саргономъ (Саррукиномъ), царствовавшимъ въ 722—705; потому въ надписяхъ она называется Дуръ-Саррукинъ, «городъ Саргона». Слѣдующіе цари увеличивали городъ постройкою новыхъ дворцовъ; тѣ дворцы, остатки которыхъ находятся въ Хорсабадѣ и Куюнджикѣ, несомнѣнно новѣе Нимрудскихъ. Построенные между дворцовыми частями города дома частныхъ людей, небольшіе и сложенные изъ необожженного кирпича, скоро развалились; матеріалъ, изъ котораго они были построены, смѣшался съ землею, такъ что черезъ нѣсколько десятиковъ лѣтъ ужъ не оставалось слѣда строеній на поверхности почвы; но распахивая ее, земледѣлецъ повсюду вскрываетъ своимъ плугомъ слѣды прежнихъ жилищъ». Извѣстія о величинѣ Ниневии во время наивысшаго ея благосостоянія не покажутъ намъ преувеличенными, если мы обратимъ вниманіе на характеръ постройки восточныхъ городовъ, про-

должаетъ Леярдъ: пропорція числа жителей къ величинѣ ихъ не такова, какъ въ европейскихъ городахъ. Ужъ отъ одного того, что жены жили въ особыхъ домахъ, число построекъ было больше, чѣмъ было бы нужно такому же числу людей въ Европѣ. Кромѣ того, мы знаемъ, что при домахъ были сады и пашни; по словамъ Діодора и Курція, въ Ниневіи было столько мѣста для пашень, что въ случаѣ осады можно было получать съ нихъ количество хлѣба, достаточное для прокормленія всѣхъ жителей города; кромѣ того, были сады и рощи. Въ книгѣ пророка Іоны говорится, что въ Ниневіи было много рогатаго скота; изъ того надобно заключить, что было въ городѣ и достаточное для этого скота количество пастбищъ. На барельефахъ мы видимъ, что значительная часть населенія Ниневии жила въ палаткахъ; этотъ обычай еще и теперь владычествуетъ въ Багдадѣ, Мосулѣ и другихъ сосѣднихъ городахъ. Для стоянки въ палаткахъ нужно больше мѣста, чѣмъ для житъ въ хижинахъ и небольшихъ домахъ. Въ свое блестящее время Испанія и Дамаскъ съ своими садами и предмѣстьями вѣроятно мало уступали величиною Ниневіи.

Нимрудскія развалины, самыя древнія и самыя важныя изъ всѣхъ, отрытыхъ до сихъ поръ, состоятъ главнымъ образомъ изъ трехъ дворцовъ со множествомъ комнатъ, залъ, галерей и корридоровъ; кромѣ того, есть тамъ подземныя гробницы. Сѣверозападный дворецъ, самый древній и самый интересный, имѣетъ 28 комнатъ и залъ, стѣны ихъ обложены мраморными и гипсовыми плитами; плиты покрыты барельефами; кромѣ барельефовъ, залы и комнаты украшены безчисленными изваяніями людей, животныхъ, крылатыхъ фантастическихъ существъ; многія изъ этихъ фигуръ колоссальны и изваяны превосходно. Дворецъ этотъ построенъ Асуръ-Назиръ-Габаломъ. Надъ нимъ возвышается сложенный изъ камней холмъ, имѣвшій прежде форму пирамиды; по мнѣнію Леярда, это гробница Нина; Ксенофонтъ, вѣроятно, еще видѣлъ на ней одежду изъ каменныхъ плитъ, которыми первоначально была она обложена. Когда эта одежда была снята или сама собою обвалилась, постройка, сложенная изъ необожженного кирпича, должна была превратиться въ глину и принять свою нынѣшнюю форму конусообразнаго холма. Такъ называемый «центральный дворецъ» былъ построенъ сыномъ Асуръ-Назиръ-Габала, Салманассаромъ. Южный дворецъ принадлежитъ времени, гораздо болѣе позднему: онъ построенъ сыномъ Санхериба, Асаргадономъ (681—668). Есть ясные признаки, что нѣкоторыя мраморныя плиты были взяты изъ сѣверозападнаго дворца и употреблены на украшеніе этого новаго. Надъ этимъ подземнымъ лабиринтомъ залъ и галерей, этимъ несмѣтнымъ количествомъ превосходныхъ изваяній, этими тихими гробами давняго великолѣпія лежитъ теперь пустынное, бѣдное поле, кое-гдѣ поросшее кустарникомъ, кое-гдѣ дикимъ ячменемъ; по полю кочуютъ полунагіе бедуины, разбросано нѣсколько жалкихъ хижинъ. Въ Куюнджикѣ, противъ Мосула, глубоко подъ поверхностью обширной, поросшей терновникомъ груды мусора тоже открыты два большіе дворца со множествомъ залъ и комнатъ; они похожи на Нимрудскіе; но болѣе ихъ разрушены силою огня. Южный дворецъ

принадлежит Санхерибу, сѣверный его внуку Асурбанипалу. Въ трехъ миляхъ оттуда, на сѣверъ отъ Мосула, у Хорсабада открытъ большой дворецъ съ четырнадцатью залами; въ немъ найдено много скульптуры и надписей. Онъ построенъ Саргономъ. То, что найдено въ немъ, находится теперь въ залахъ Лувра; а изъ остальныхъ дворцовъ почти все, что можно было увезти, перевезено въ Британскій музей. Быть можетъ, такія же сокровища лежатъ подъ холмами мусора близъ Карамлеса и близъ Гуссейни, на правомъ берегу Тигра, на югѣ. Теперь мы подробнѣе расскажемъ, по описанію Леярда, объ архитектурѣ и скульптурѣ этихъ дворцовъ, которые всѣ, кромѣ древнѣйшаго изъ Нимрудскихъ, были разрушены огнемъ, оставившимъ слѣды своего дѣйствія на покрытыхъ прекрасною скульптурою мраморныхъ и гипсовыхъ плитахъ.

Ассирійская
архитектура.

Строительнымъ матеріаломъ и въ Ниневіи, какъ въ Вавилонѣ, служила глина; изъ нея съ примѣсью рубленой соломы для связи дѣлали кирпичи и сушили ихъ на солнцѣ. Изъ такого кирпича дѣлаются постройки въ тѣхъ земляхъ и до сихъ поръ; по еврейскимъ преданіямъ мы знаемъ, что въ Египтѣ кирпичи дѣлали съ примѣсью соломы. Изъ этого матеріала строились дома частныхъ лицъ; видъ ихъ былъ очень скромный, кровлю ихъ дѣлали изъ пальмовыхъ листьевъ и тополевыхъ вѣтвей; по берегу рѣки росли эти деревья.—Заботливѣе строили ассирійне храмы и дворцы, служившіе жилищами для боговъ и царей, цитаделями для города, убѣжищами для его жителей во время осадъ, вмѣстилищами изваяній, изображавшихъ всѣ стороны жизни, всѣ достопамятныя дѣла. Эти зданія строились на искусственныхъ возвышеніяхъ, сдѣланныхъ изъ необожженного кирпича; кирпичныя стѣны ихъ, скрѣпленные перекладинами, были очень толсты; ихъ одѣвали плитами, толщиной въ футъ, вышиною въ 8—10 футовъ, шириною въ 4—6 футовъ. Плиты вырубали изъ крупнозернистаго алебаstra или гипса, большія залежи котораго находились въ месопотамскихъ грядяхъ невысокихъ холмовъ. Эти гипсовые плиты были хорошаго цвѣта, и рѣзать барельефы на нихъ было легко. На задней сторонѣ плиты вырѣзывали имя и родословную царя-строителя, а переднюю покрывали барельефами и надписями, и обыкновенно раскрашивали. Плиты скрѣплялись между собою пазами и желѣзными, мѣдными или деревянными скобами. Стѣны почти всегда были пераллельны, залы узкіе: у ассирійцевъ не было высокихъ кедровъ, какіе были у сирійцевъ и финикійцевъ; у нихъ были для перекладинъ только стволы невысокихъ пальмъ и тополей ихъ родины; ихъ перекладины были длиною только въ 30 или 40 футовъ; потому-то, напримѣръ, большой залъ Нимрудскаго дворца имѣетъ при длинѣ въ 160 футовъ только 35 футовъ ширины. У главныхъ входовъ въ залы ставились колоссальныя крылатые быки и львы съ человѣческими головами; стражами у другихъ входовъ были исполинскія изображенія божествъ или жрецовъ; судя по слѣдамъ дверныхъ крюковъ, должно полагать, что «мѣдныя врата» храмовъ и дворцовъ въ Ниневіи возбуждали не менѣе удивленія, чѣмъ въ Вавилонѣ, о богахъ котораго пророкъ Іеремія говоритъ: «канища ихъ охраняють жрецы ихъ дверями, замками и засовами, чтобы они не были ограблены разбойниками». (Посланіе Іереміи, 17). Верхняя полоса стѣнъ, надъ алебастровыми плитами, была украшена фигурчатымъ гипсовымъ фризомъ. Потолокъ образовали перекладины, лежавшія на стѣнахъ и обшитыя панелями; панели, какъ въ Вавилонѣ и Экбатанѣ, были украшены золотыми и серебряными листами и рѣзбою изъ дорогаго дерева и слоновой кости. Нѣкоторыя изъ большихъ залъ и галерей въ среднѣхъ зданіяхъ, кажется, оставались непокрытыми. Во всякомъ случаѣ, потолки должны были имѣть отверстія, потому что не найдено никакого слѣда оконъ, а свѣтъ, шедшій въ двери, не могъ быть достаточенъ.—«Отверстія въ панеляхъ потолка», говоритъ

Леярдъ, «давали доступъ свѣту; пріятная тѣнь лежала на скульптурѣ стѣнъ и данада величественное выраженіе человѣческимъ чертамъ колоссальныхъ изваяній, охранявшихъ входы. Въ отверстія видна была, будто врѣзанная въ потолокъ, блестящая лазурь восточнаго неба». Полы, подобно стѣнамъ, были одѣты гипсовыми плитами или сложены изъ обожженного кирпича; на плитахъ и кирпичахъ дѣлались надписи, сообщавшія имя царя, родословную его и важнѣйшія событія его царствованія. Подъ настилкою пола былъ тонкій слой смѣси асфальта съ пескомъ, не пропускавшій сырости. Между крылатыми быками и львами у входа обыкновенно лежала большая широкая плита, на которой были изсѣчены изображенія и надписи. Стѣны великолѣпныхъ зданій были и снаружи одѣты каменными плитами. Ни мраморныхъ, ни другихъ каменныхъ колоннъ не было, кажется, ни въ Ниневіи, ни въ Вавилонѣ. Изваянія на стѣнахъ были скульптурными лѣтописями царства: битвы, побѣды, торжественныя шествія, охотническіе подвиги царей и религіозныя обряды были тутъ изсѣчены на алебастрѣ и раскрашены яркими красками, говоритъ Леярдъ. Подъ каждою сценою была надпись, сдѣланная мѣдными буквами, вложенными въ изсѣченные для нихъ углубленія. Надъ нижнимъ рядомъ изображеній шелъ рядъ другихъ сценъ: царь, окруженный евреями и воинами, принимаетъ плѣнниковъ, или заключаетъ союзы съ другими царями, или исполняетъ какую нибудь обязанность. Изображенія обведены нестрыми коймами, очень искусной и изящной работы. Главныя фигуры этихъ украшеній—священное дерево, крылатые быки, другія фантастическія животныя. Противъ главнаго входа, на другомъ концѣ зала или галереи, стояло колоссальное изображеніе царя, молящагося верховному богу или принимающему отъ евнуховъ священную чашу. Кругомъ были оруженосцы, жрецы, боги. Длинная одежда царя и его свиты, украшенная фигурами людей и животныхъ, цвѣтами, была разрисована блестящими красками.

Эти изображенія на алебастровыхъ плитахъ ниневійскихъ дворцовъ Ниневійскіи издають намъ драгоцѣнныя свѣдѣнія о жизни ассирійскаго двора и государства, о нравахъ и образованности ассирійцевъ. Многочисленныя изъ нихъ о и разнообразныя, они служатъ превосходнымъ пополненіемъ надписей, характеризующихъ ассирійскую жизнь. Дешифровка надписей даетъ теперь ужъ довольно достовѣрные переводы; благодаря этому, изображенія объясняются надписями, и наоборотъ, часто бываетъ, что переводъ надписи получаетъ себѣ живое и точное подтвержденіе въ барельефахъ. Пластика была для ассирійцевъ однимъ изъ главныхъ средствъ сохранять память о національных событіяхъ и учрежденіяхъ. Потому Леярдъ справедливо называетъ покрытыя скульптурою стѣны ниневійскихъ дворцовъ «государственными архивами». Они и для самихъ ассирійцевъ ужъ имѣли, кромѣ художественнаго значенія, историческое. Эти галереи и залы были національными памятниками, надписи и изваянія ихъ—лѣтописями царства. «Кто входилъ сюда», говоритъ Леярдъ, «читалъ исторію націи, видѣлъ славу и триумфы ея. Собиравшимся тутъ на государственныя или религіозныя празднества они напоминали дѣла ихъ предковъ, могущество и величіе ихъ боговъ». Эти дворцы были и храмами, жилищами боговъ и царей, двухъ основныхъ силъ внутренней и внѣшней жизни ассирійцевъ; они были крѣпкими цитаделями народа и города; съ ихъ судьбою была соединена судьба націи. Цари очень дорожили этими изображеніями и надписями; объявлялось, что самыя тяжкія проклятія лягутъ на того, кто испортитъ

или разрушить ихъ, и въ особенности, кто уничтожить въ надписяхъ имя царя. Но запрещаемое случалось. Слѣдующіе цари безъ церемоніи употребляли скульптурныя плиты своихъ предшественниковъ на свои постройки. Изъ надписей и скульптурныхъ рисунковъ мы видимъ, что ассирійскій народъ жилъ подъ военнымъ деспотизмомъ; что главнымъ содержаніемъ его дѣятельности и его національнаго интереса были сраженія, осады, военныя удачи и неудачи; видимъ, что вся жизнь націи вращалась около царя и двора, что всякое дѣйствіе царя считалось важнымъ государственнымъ дѣломъ: молился ль онъ, совершая жертвоприношеніе, предавался ль удовольствіямъ охоты, веселился ль въ кругу любимцевъ и евнуховъ, ѣхалъ ли на военной колесницѣ, праздновалъ ли торжество—все это одинаково было государственнымъ дѣломъ. Фигуры, приближающіяся къ царю, изображены на барельефахъ благоговѣющими и рабобѣдными. Мы видимъ также, что въ Ниневіи съ воинственною отвагою соединялись роскошь и любовь къ удобствамъ, что жизнь была окружена пышностью, богатствомъ, всяческими наслажденіями, которыя должны были вести къ разврату и къ изнѣженности. Мы видимъ, что ремесленная техника находилась у ассиріянъ на очень высокой ступени развитія, домашняя жизнь была богата предметами удобства и роскоши, посуда и мебель были изящны; словомъ, на барельефахъ мы видимъ народъ, поднявшійся до высокой цивилизаціи, любившій въ своемъ домашнемъ бытѣ изобиліе и изящество; еще не забывшій воинственность и военную славу старины и очень любившій походную жизнь и охоту, но уже утратившій мужественную энергію и потому легко склонявшійся подъ иго царскаго деспотизма, дававшего ему въ замѣнъ свободы удобство спокойствія.

Характеръ
ассирійскаго
искусства.

По формамъ своимъ, ассирійское искусство ни чѣмъ не отличается отъ вавилонскаго: и въ этомъ, какъ во всемъ, Ассирія—вавилонская колонія, не имѣющая оригинальности. Стилъ древнѣйшихъ памятниковъ чище и проще позднѣйшаго стили; ассирійское искусство было тогда свободно отъ рабской подражательности, его произведенія отличаются натуральностью и свободой движенія отъ оцѣпенѣлыхъ, связанныхъ правилами преданія формъ египетскаго искусства. Мидяне, очень долго находившіеся подъ владычествомъ ассиріянъ, заимствовали у нихъ и передали персамъ свою архитектуру, свою пластику; это ясно по ходу историческихъ отношеній и подтверждается изслѣдованіемъ развалинъ Персеполи: тамъ тѣ же крылатые фантастическія животныя, тѣ же религіозныя эмблемы, тѣ же орнаменты, какъ въ Ниневіи. Клинообразное письмо тоже заимствовано мидянами и персами изъ культурныхъ государствъ Месопотаміи. Ассирійско-вавилонскій стиль распространился и на западъ, отчасти прямо изъ Ассиріи, во время ея владычества надъ западными странами, отчасти черезъ посредство персовъ, при владычествѣ персовъ надъ ними. Кажется, надобно думать, что вавилонско-ассирійскій стиль служилъ въ древнѣйшія времена образцомъ для искусства во всей западной Азіи, а нѣкоторыя формы его—напримѣръ, орнаменты—проникли и въ эллинское искусство.

Но если греческое искусство и получило изъ Азіи фигуры цвѣтовъ, листьевъ, другихъ узоровъ орнаментаціи, это не уменьшаетъ его оригинальности: крылатые животныя съ человѣческими головами и однообразныя лица людей съ длинными, хитро причесанными и заостренными бородами не представляютъ и слѣдовъ того, въ чемъ состоитъ сущность греческаго искусства: въ нихъ нѣтъ ни тѣни свободы и идеальности. Толстыя стѣны изъ необожженного кирпича, обложенныя алебастровыми плитами и не имѣющія оконъ, тоже не могутъ выдержать сравненія съ легкимъ стилемъ постройки греческихъ храмовъ, потолокъ которыхъ лежатъ на мраморныхъ колоннахъ. Художественнѣе всего въ ассирійской скульптурѣ изображены одежда, посуда, оружіе, мебель и другія тому подобныя вещи, животныя, колесницы и украшенія. Должно предполагать, что изображенія предметовъ изъ домашней обстановки воспроизводятъ вещи въ ихъ дѣйствительномъ видѣ, и что вещи эти дѣлались изъ самаго хорошаго и дорогаго матеріала; а если такъ, то они показываютъ намъ богатство и роскошь обстановки жизни ассирійцевъ. Очень искусно и правильно изображены и фигуры людей, полныя, въ пестрой одеждѣ, украшенной каймою; заботливая прическа волосъ на головѣ и бородѣ воспроизведена очень хорошо. Но безчисленныя изображенія фантастическихъ животныхъ съ человѣческими головами показываютъ, что эстетическое чувство народа, которому правилось это противоестественное сочетаніе формъ, находилось на низкой ступени развитія.

Подробнѣе всего знакомятъ насъ ниневійскіе барельефы съ жизнью ассирійскихъ царей, говоритъ Леярдъ, описавшій эти изображенія. Нѣтъ счета скульптурнымъ рисункамъ, представляющимъ царей; на однихъ барельефахъ, царь, въ длинной развѣвающейся одеждѣ, совершаетъ жертвоприношеніе, — его окружаютъ, прислуживая ему, евнухи; другія сцены изображаютъ царя отправляющимся на охоту, или на военной колесницѣ, впереди войска, поражающимъ враговъ, или ѣдущимъ въ триумфальной процессіи. Война, главное занятіе ассиріянъ въ періодъ ихъ могущества, занимаетъ первое мѣсто и на барельефахъ: отряды войскъ разнаго рода идутъ на битву; ассирійское войско осаждаютъ городъ; ассиріане берутъ городъ штурмомъ; они грабятъ взятый городъ, ведутъ скованныхъ плѣнниковъ, несутъ головы убитыхъ враговъ, уносятъ, увозятъ добычу. Менѣе подробно знакомятъ насъ барельефы съ частною жизнью ассиріянъ, потому что до сихъ поръ найдены лишь общественныя зданія, а въ ниневійскихъ гробницахъ нѣтъ никакихъ вещей: у ассиріянъ не было обычая класть въ гробницу предметы, окружавшіе человѣка при жизни, какъ дѣлали египтяне. Но барельефы все-таки даютъ достаточно подтвержденіе отрывочнымъ извѣстіямъ древнихъ писателей о великолѣпіи, роскоши и комфортѣ жизни ассиріянъ, объ ихъ искусствѣ въ изготовленіи тонкихъ тканей, прекрасныхъ ковровъ, прекрасныхъ золотыхъ и серебряныхъ кубковъ, всякихъ металлическихъ издѣлій, въ рѣзбѣ на деревѣ и слоновой кости и т. д. Ассиріанамъ было извѣстно стекло; ихъ стеклянная посуда была красива. Многому они, вѣроятно, научились отъ вавилонянъ и финикіянъ; но невоз-

Предметы изображеній.

можно сомнѣваться въ ихъ технической ловкости и высокомъ развитіи ихъ промышленности. Барельефы проливаютъ нѣкоторый свѣтъ и на религію ассиріянъ. Священные символы солнца, луны и звѣздъ, очень часто встрѣчающіеся на барельефахъ, показываютъ, что и въ Ниневіи было, какъ въ Вавилонѣ, поклоненіе небеснымъ свѣтиламъ. Всѣ вавилонскіе боги были и ассирійскими; разница лишь въ томъ, что верховнымъ богомъ у ассиріянъ былъ Асуръ, «добрый богъ», національный богъ—покровитель Ассиріи. Онъ носится надъ царемъ, идущимъ на войну. Его победы надъ львами и другими звѣрями символически выражали всепобѣждающую силу ассирійскаго народа; у входовъ во дворцы и храмы ассиріане ставили изображенія крылатыхъ львовъ и быковъ съ человѣческой головою, съ суровыми чертами длиннородаго лица. Работа этихъ статуй превосходная. Крылатые львы съ человѣческой головою — это изображенія подобнаго льву видомъ Нергала, бога планеты Марсъ. Крылатые быки съ человѣческой головою соответствуютъ, быть можетъ, херувимамъ еврейскихъ религіозныхъ представленій. — Религія находилась подъ управленіемъ жрецовъ; но смиреніе передъ царемъ, выражаемое ихъ позами на барельефахъ, показываетъ, что и они были въ полной зависимости отъ него. Царь былъ верховнымъ жрецомъ; ему должны были повиноваться даже сами боги. Они обыкновенно изображаются съ сосною вѣтвью, цвѣткомъ лотуса (или вѣтвью жимолости) и съ четырехугольнымъ сосудомъ въ рукѣ; съ этими символами изображается и царь, совершающій жертвоприношеніе.

1. Цари.

Пополненія. Мы пояснимъ наши слова выписками изъ Лейрда. Одеждою царя было длинное, развѣввающееся платье, доходившее до самыхъ ступней и придававшее царю величественный видъ. По матеріи были очень искусно и изящно вышиты люди, животные, цвѣты и т. д.; платье это было съ поясомъ, было украшено оборкою и кистями; кисти отъ пояса падали до ступней. На головѣ царь носилъ богато украшенную митру съ повязкою; на рукахъ у него были браслеты, запонки, кольца; у пояса висѣли кинжалъ и мечъ, очень изящной отдѣлки; на ногахъ были красивые сандалии. Царь часто изображается держащимъ въ одной рукѣ скипетръ, и положившимъ другую на рукоятку меча, украшенную львиною головою и другими фигурами; часто изображается онъ и сидящимъ на тронѣ, съ кубкомъ въ рукѣ, подъ зонтикомъ, эмблемою царскаго сана; зонтикъ держатъ евнухи. Престолъ ассирійскихъ царей похожъ на престолъ Соломона, описываемый въ 3 книгѣ Царствъ (X, 19, 20): къ престолу было шесть ступеней; верхъ сзади у престола былъ круглый и были съ обѣихъ сторонъ у мѣста сидѣнья локотники, и два льва стояли у локотниковъ; и еще двѣнадцать львовъ стояли тамъ на шести ступеняхъ по обѣ стороны. — Ужь изъ преданій о Семирамидѣ видимъ, какое важное положеніе при ассирійскомъ дворѣ занимали евнухи; на барельефахъ свиту цари и въ мирное время и на войнѣ составляютъ евнухи; повсюду видны ихъ ожирѣвшія, одутлатые, безбородыя лица: они оруженосцы царя; они держатъ зонтикъ надъ нимъ, или обвѣиваютъ его опахалами; они подаютъ ему священный кубокъ; они камергеры, кравчіе, жезлоносцы; вообще они занимаютъ всяческія придворныя должности; но не одиѣ только придворныя, — а также и высшія государственныя должности находятся въ ихъ рукахъ: они «писцы» при царѣ; иногда они бывали даже военачальниками; на барельефахъ есть евнухи, командующіе войсками, на боевыхъ колесницахъ или верхомъ на

Евнухи.

конѣ. — Ассирійскіе цари очень любили охоту. По преданіямъ о Нимродѣ и Нинѣ, основателяхъ Вавилона и Ниневіи, охота была царскимъ дѣломъ; убивать львовъ и леопардовъ, избавлять страну отъ хищныхъ звѣрей, считалось такою же заслугою царя, какъ побѣждать враговъ. Потому сцены охоты были однимъ изъ любимыхъ предметовъ ассирійскихъ скульпторовъ, и самого высокаго совершенства ихъ искусство достигаетъ именно въ изображеніи животныхъ, особенно львовъ. На барельефахъ дворцовъ, на длинной одеждѣ царя и его свиты много сценъ охоты. Овруженный воинами, царь, на боевой колесницѣ или верхомъ на конѣ, гонится за львомъ или дикимъ быкомъ, поражаетъ его стрѣлами или копьемъ, или съ торжествующимъ видомъ стоитъ надъ побѣжденнымъ животнымъ, — сцены этого рода попадаются часто. На другихъ барельефахъ, спутники царя несутъ добычу охоты: газелей, оленей, зайцевъ, куропатокъ. Охота и у ассиріянъ, какъ у персовъ и египтянъ, считалась подготовкою къ военному дѣлу; потому ассиріане, въ особенности люди высшаго сословія, усердно занимались ею. Они охотились и верхомъ и пѣшкомъ. — Съ царскимъ дворцомъ были соединены храмы, и самъ царь имѣлъ религіозное значеніе. Царь былъ окруженъ всеми атрибутами божества, и считался образомъ верховнаго бога. Всѣ дѣла его, и мирныя и военныя, имѣли, какъ надобно полагать, значеніе дѣлъ національной религіи и находились подъ покровительствомъ божества. Когда онъ изображенъ сражающимся, надъ его головою носится крылатое божество, пускающее стрѣлы въ непріятеля; оно сопровождало его и въ триумфальныхъ процессіяхъ. Проявивъ свою великую силу и мудрость побѣдою надъ непріятелемъ или надъ хищными звѣрями, царь окруженный крылатыми божествами возликаетъ изъ священнаго кубка жертву благодаренія. Всѣ узоры, вышитые на одеждѣ его и его свиты, имѣютъ миенческое или символическое значеніе.

Охота.

Религіозное
значеніе царя.

Ассиріане были воинственный народъ, любившій дѣлать завоеванія; потому война должна была быть главнымъ занятіемъ ихъ царя. Онъ былъ главнокомандующій; но и самъ бился. Въ походѣ онъ былъ окруженъ большою свитою женъ и прислуги; его палатки блистали богатѣйшими тканями и драгоценнѣйшими украшеніями. И царь и другіе военачальники ѣздили въ сраженіе на боевыхъ колесницахъ; на барельефахъ войны въ чешуйчатыхъ латахъ сопровождаютъ царя въ битву и закрываютъ его своими щитами. Знамена возились тоже на боевыхъ колесницахъ; знамя изображало божество, стоящее на быкѣ и пускающее стрѣлы. — Ассирійское войско, подобно египетскому, состояло изъ пѣхоты, конницы и боевыхъ колесницъ. Вооруженіе и одежда воиновъ были неодинаковы; быть можетъ потому, что каждое подвластное племя ходило на войну въ своей національной одеждѣ, съ своимъ обычнымъ оружіемъ, какъ это было послѣ въ войскахъ персидскихъ царей. На Куюнджикскихъ барельефахъ стройно идутъ разные отряды пѣхоты: тяжело вооруженные воины, стрѣлки, пращники. На тяжело-вооруженныхъ шлемы или желѣзные шапки съ высокимъ гребнемъ; на грудныхъ доскахъ ихъ латы вышуклыми фигурами вычеканены фантастическіе орнаменты; у нихъ копыя, короткіе мечи и кинжалы; они прикрываются круглыми или овальными щитами. При осадѣ городовъ употреблялись большіе щиты, закрывавшіе всего человѣка съ головы до ногъ. — Стрѣлки были и пѣшіе, и быющіеся съ колесницъ. Стрѣлковъ часто сопровождаютъ воины, закрывающіе ихъ щитами; эти воины вооружены мечомъ. — Пращники на барельефахъ несутъ свои пращи и камни. На барельефѣ, изображающемъ осаду, первый рядъ вооруженныхъ конями воиновъ стоитъ на колѣняхъ, второй пригнулся, чтобы стрѣлать, составляющимъ третій рядъ, свободно было пускать стрѣлы. — Сильная пѣхотою, ассирійскія войска были сильны и боевыми колесницами и конницею. — Боевая колесница была не высокая, открытая сзади; по боковымъ сторонамъ ея были мѣста для колчановъ и стрѣлъ. Она была съ дышломъ, — запряженная паромъ; на тотъ случай, если одна изъ лошадей будетъ убита, была въ запасъ третья, пристегнутая къ колесницѣ на привязи. На колесницѣ было обыкновенно три воина: стрѣлокъ, щитоносецъ, прикрывающій его, и третій, правящій лошадьми. На стрѣлкѣ былъ панцирь безъ рукавовъ; вмѣсто шлема на головѣ у него была только повязка, державшая волосы откинутыми назадъ. Часто сзади колесницы виситъ неболь-

2. Войско;
война.

Пѣхота.

Боевыя ко-
лесницы.

шой щитъ, имѣющій форму полумѣсяца. Стѣнки колесницы были украшены фигурами животныхъ и разными орнаментами, сбруя на лошадяхъ была богатая. — Часто изображается на барельефахъ и конница. Конные воины вооружены лукомъ и стрѣлами или длиннымъ копьемъ; они сидятъ иногда на сѣдлахъ или подушкахъ, иногда безъ сѣделъ, прямо на спинѣ лошади. Фигуры лошадей стройны и соответствуютъ описанію пророка Аввакума: «Быстрѣ барсовъ кони его и прытче вечернихъ волковъ». Ассирійскія войска сопровождало безчисленное множество маркитантовъ, слугъ и конюховъ, подобно тому, какъ было, по описанію Геродота, въ войскѣ Ксеркса; и походы были раззореніемъ странъ, по которой они шли.

Осады городовъ.

Ниневійскіе барельефы даютъ намъ очень точныя свѣдѣнія о томъ, какъ вели ассирійяне осаду городовъ, какъ штурмовали ихъ; можно было бы по этимъ изображеніямъ написать полную военную исторію, если бы мы опредѣленно знали, гдѣ происходили изображенные на барельефахъ сцены: кто были побѣжденные, гдѣ находились осажденные города, въ какихъ мѣстахъ были сдѣланы эти переправы черезъ рѣки, эти работы для отвода рѣкъ изъ ихъ русла въ каналы, эти вырубкі лѣсовъ, эти прорѣзы скалъ для проложенія пути. На одномъ изъ Нимрудскихъ барельефовъ изображена переправа черезъ рѣку: часть войска плыветъ черезъ нее на лодкахъ, подобныхъ тѣмъ, сплетеннымъ изъ прутьевъ ивы, лодкамъ, о которыхъ рассказываетъ Геродотъ; на самой большой изъ нихъ плыветъ царь въ своей колесницѣ, и съ нимъ его свита; другіе воины переправляются на наполненныхъ воздухомъ мѣхахъ, какъ это, по словамъ Лейарда, и теперь дѣлается въ Месопотаміи. — Вошедши въ непріятельскую землю, ассирійяне направлялись къ укрѣпленнымъ городамъ, осаждаютъ ихъ. Многіе изъ этихъ городовъ стояли на кручахъ. Въ такомъ случаѣ ассирійяне сооружали изъ земли, камня и деревьевъ отлогій подъемъ на крутизну, такъ чтобы можно было поставить тараны и другія осадныя машины у стѣнъ (объ этомъ говоритъ и пророкъ Исаія, XXXVII, 33).

Для того, чтобы взять городъ, употребляли разные способы: пробивали таранами проломы въ стѣнахъ; вели подкопы подъ стѣны; разбивали ворота топорами, или зажигали ихъ. Тараны или помѣщались въ нижнемъ ярусѣ передвижной башни, съ которой стрѣлки поражали враговъ стрѣлами, или въ особомъ станкѣ на колесахъ и съ вѣрною кровлею, которая служила для осаждающихъ прикрытіемъ отъ стрѣлъ и камней, пускаемыхъ осаждаемыми. Осажденные старались ослабить удары тарановъ, протягивая цѣпи передъ стѣною, старались сжечь башни и другія машины осаждающихъ. У ассирійянъ были машины, бросавшія большіе камни. Штурмуя городъ, ассирійяне ставили къ стѣнамъ высокія лѣстницы, по которымъ могли взлѣзать нѣсколько человѣкъ рядомъ. Между тѣмъ какъ воины, вооруженные мечами и копьями, подымались по лѣстницамъ, стрѣлки, стоящіе внизу, пускали стрѣлы, мѣшая защитникамъ города обороняться, стараясь прогнать ихъ со стѣны. Дѣйствіями ассирійянъ управляетъ обыкновенно самъ царь, стоящій на боевой колесницѣ. На Хорсабадскихъ и Кундликскихъ барельефахъ есть осады приморскихъ городовъ; осаждающіе плывутъ къ стѣнамъ города на лодкахъ; кругомъ лодокъ изображены рыбы и фантастическія существа, на-половину рыбы, на-половину люди. — Жители осажденного приморскаго города убѣгаютъ на свои корабли. Приморскіе города отличаются отъ другихъ между прочимъ тѣмъ, что на ихъ стѣнахъ повѣшены щиты, — особенность, о которой упоминаетъ и пророкъ Іезекіиль, говорящій Тиру (XXVII, 11): «Кругомъ по стѣнамъ твоимъ они» — твои защитники — «вѣшали колчаны свои; они довершали красоту твою».

Приморскіе города.

Штурмы городовъ.

Когда ассирійяне берутъ городъ, женщины ищутъ спасенія въ бѣгствѣ, сѣвъ на муловъ и верблюдовъ, или, выйдя съ мужчинами стоять на стѣнахъ и, сложивъ руки на груди, умоляютъ побѣдителей пощадить ихъ. Ассирійяне убиваютъ и грабятъ: вонзаютъ кинжалъ или мечъ въ грудь плѣннымъ, сажаютъ ихъ на колъ, отрубаютъ имъ головы, несутъ эти головы къ военачальнику; писецъ его записываетъ число головъ, какъ у египтянъ число рукъ. Ассирійяне ведутъ плѣнныхъ, ведутъ захваченныхъ верблюдовъ, овецъ, воловъ, — несутъ золотыя и серебряныя сосуды. У воротъ стоятъ писцы, записывающіе число плѣнныхъ, количество добычи. Женщины, съ дѣтьми, съ какимъ нибудь сосудомъ

или другимъ имуществомъ въ рукѣ, рыдаютъ, другія рвутъ на себѣ волосы, посыпаютъ голову себѣ пылью; нѣсколько мужчинъ висятъ на вбитыхъ въ грудь имъ колыяхъ. Среди площади сидятъ на престолѣ царь, окруженный евнухами и военачальниками; къ нему подводятъ плѣнныхъ; у нихъ руки связаны на спинѣ или закованы въ тяжелыя цѣпи; однихъ гонятъ впередъ тумаками, ударами копы, меча; другихъ ведутъ на веревкѣ, продѣтой въ носъ и въ губы, какъ объ этомъ говорится въ 4-й книгѣ Царствъ (XIX, 28): «я вложу кольцо мое въ ноздри твои и удила мои въ ротъ твой». На одномъ изъ барельефовъ побѣдоносный царь ставитъ ногу на шею плѣнному царю или военачальнику, какъ Іисусъ Навинъ велѣлъ дѣлать вождямъ Израиля; на другомъ барельефѣ онъ вонзаетъ копье въ глазъ скованному плѣннику. Нѣкоторые побѣжденные несутъ маленькія изображенія своихъ городовъ, какъ символы покорности ихъ. Пророчество Іезекіиля о разрушеніи Тира (XXVI, 7—11) представляетъ вѣрное описаніе сценъ, изображаемыхъ ниневійскими барельефами: «Такъ говоритъ Господь Богъ: вотъ, я приведу противъ Тира отъ сѣвера Навуходоносора, царя вавилонскаго, царя царей, съ конями и съ колесницами, и съ всадниками, и съ войскомъ, и съ многочисленнымъ народомъ. Дочерей твоихъ на землѣ онъ побьетъ мечемъ, и устроитъ противъ тебя осадныя башни, и насыплетъ противъ тебя валъ, и поставитъ противъ тебя щиты. И къ стѣнамъ твоимъ придвинетъ стѣнобитныя машины, и башни твои разрушитъ сѣкирами своими. Отъ множества коней его попроситъ тебя пыль, отъ шума всадниковъ и колесъ и колесницъ потрясутся стѣны твои, когда онъ будетъ входить въ ворота твои, какъ входить въ разбитый городъ. Копытами коней своихъ онъ истопчетъ всѣ улицы твои, народъ твой побьетъ мечемъ, и памятники могущества твоего повергнетъ на землю». На одномъ изъ барельефовъ, многоэтажные дома города горятъ; ассирійскіе воины спѣшатъ уйти; несутъ посуду, всяческія вещи, ведутъ лошадей, увозятъ цѣлыя воза добычи. На другомъ барельефѣ изображено возвращеніе побѣдоносныхъ ассирійянъ: царь сидитъ на триумфальной колесницѣ подъ зонтикомъ, который держитъ надъ нимъ евнухъ; передъ колесницею идутъ музыканты и воины.

Осаждаемые города стоятъ въ разныхъ мѣстоположеніяхъ, вооруженіе ихъ защитниковъ неодинаково; по характеру подробностей ясно, что барельефы изображаютъ не вымышленныя сцены, а дѣйствительныя событія. Есть барельефъ, изображающій городъ, лежащій между двумя рѣками; это — взятіе Сузы Асурбанипаломъ. На другихъ барельефахъ изображены войны съ жителями южно-халдейской болотистой низменности: мѣстность поросла цѣлыми лѣсами тростника; въ немъ просѣчены узкіе каналы; ассирійяне на плетеныхъ изъ прутьевъ и обмазанныхъ асфальтомъ лодкахъ гонятся за плотами жителей. Другіе города окружены виноградниками; третьи лежатъ на высотахъ, покрытыхъ еловыми и сосновыми лѣсами, — таковъ характеръ горныхъ странъ на сѣверъ отъ Ассиріи; нѣкоторые города стоятъ при рѣкахъ или на морскомъ берегу. Въ нимрудскомъ дворцѣ есть изображеніе битвы съ коннымъ войскомъ: непріятель разбитъ; но преслѣдуемые всадники, повертываясь, пускаютъ стрѣлы въ преслѣдующихъ, какъ это послѣ дѣлали паряне. У нѣкоторыхъ изъ побѣжденных народовъ на головахъ шлемы, у другихъ только повязки. Одежда непріятелей на разныхъ барельефахъ очень разнообразна. Волоса на головѣ и борода у нихъ причесаны менѣе заботливо, чѣмъ у ассирійянъ. На нѣкоторыхъ барельефахъ, въ числѣ предметовъ, приносимыхъ въ дань, есть слоновьи клыки, тонкія ткани, разное дорогое дерево, даже обезьяны; итакъ, побѣжденные народы тутъ индійцы или ихъ сосѣди. Другой народъ живетъ въ странѣ, гдѣ много пальмъ, воины его сидятъ на верблюдахъ, у него большія стада рогатаго скота; — быть можетъ это арабы, жившіе на югъ отъ Месопотаміи. На многихъ барельефахъ плѣнники очевидно іудеи. На другихъ изображены народы, одежда которыхъ сдѣлана изъ шкуръ; такую одежду носили нѣкоторые изъ племенъ, жившихъ у Каспійскаго моря.

Всѣ тѣ памятники, какіе до сихъ поръ открыты въ Ниневіи, принадлежатъ общественнымъ зданіямъ, а потому даютъ мало свѣдѣній о частной жизни; но они подтверждаютъ извѣстія древнихъ писателей о роскоши ассирійскихъ пировъ. Есть барельефъ, изображающій пиршество послѣ побѣды: пирующіе сидятъ на высокихъ стульяхъ, съ кубками

Побѣжденные города и народы

3. Частная жизнь.

Одежда.

въ рукахъ; слуги приносятъ фрукты, мясные кушанья, чаши; музыканты ударяютъ плектрами по струннымъ инструментамъ. Ассирийне очень любили щегольство. Они носили одежду изъ пестрыхъ тонкихъ тканей, богато вышитыхъ узорами. На длинной одеждѣ царей и вельможъ, особенно на груди, были вышиты группы людей и животныхъ, цѣлыя сцены охоты или битвъ. На рукахъ они носили изящные браслеты и перстни съ фигурами, изображавшими чаще всего голову барана, льва или быка. Уши они украшали дорогими серьгами прекрасной работы. Волоса на головѣ и бородѣ они причесывали очень заботливо. Они дѣлали проборъ по срединѣ лба, и длинные волосы ихъ, зачесанные за уши, падали локонами на плеча. Бороду они не подстригали; она росла у нихъ до груди; они причесывали ее такъ, что она образовала два или три ряда локоновъ, одинъ подъ другимъ. Кажется, они красили волосы, какъ послѣ дѣлали персы; брови они чернили. Узорная повязка, концы которой падали на спину, шла по вискамъ и удерживала волосы въ порядкѣ. Сандалии были съ длинными ремнями, которые обвивались вверхъ по ногѣ. На всѣхъ барельефахъ ассирийне изображены именно такими, какими описываетъ ихъ Іезекиль (XXIII, 6): «Самарія... пристрастилась... къ ассириянамъ, къ сосѣдямъ своимъ, къ одѣвавшимся въ ткани яхонтоваго цвѣта, къ областначальникамъ и градоправителямъ, ко всѣмъ красивымъ юношамъ, всадникамъ, ѣздящимъ на коняхъ». Во дворцахъ, стѣны которыхъ покрывала скульптура, очень вѣрно характеризуемая пророкомъ Іезекилемъ (XXIII, 14), была прекрасная, богато украшенная мебель: столы, стулья, пресла съ подушками, кровати; мебель была или металлическая или изъ дерева съ рѣзьбою и съ инкрустациями слоновой кости; ножки мебели были красны; вазы, кубки, чаши были изящны и украшены узорами. Посуда и оружіе, въ особенности кинжалы съ богатыми рукоятками въ видѣ львиныхъ, бычачьихъ и бараньихъ головъ, золотыя и серебряныя ювелирныя вещи—все это показываетъ, что ассирийне были такъ же искусны въ обработкѣ металловъ, какъ и въ изготовленіи тканей, прекрасныхъ ковровъ, одежды, въ рѣзьбѣ на деревѣ и слоновой кости. Всѣ техническія искусства, требующія ловкости рукъ и изящнаго вкуса, были доведены ими до высокаго совершенства.

Жилища, мебель и посуда.

4. Религія.

Основнымъ элементомъ ассирійской религіи было вавилонское поклоненіе небеснымъ свѣтиламъ; это показываютъ ниневійскіе памятники, и между прочимъ, цилиндры, на которыхъ изображены солнце, луна, планеты и знаки Зодіака. Когда царь совершаетъ религиозный обрядъ, на немъ шапка съ двумя остроконечными верхушками, въ рукѣ у него двузубая вилка, онъ въ жреческой одеждѣ, и на шеѣ у него висятъ изображенія солнца, луны и звѣздъ. Изваянія фантастическихъ животныхъ вѣроятно были символами, имѣющими связь съ поклоненіемъ солнцу и звѣздамъ. Нѣкоторые изъ хорсабадскихъ барельефовъ, принадлежащихъ позднѣйшему времени ассирійскаго царства, показываютъ, что у ассирийнъ тогда было и поклоненіе огню; оно развилось, какъ надобно полагать, изъ поклоненія солнцу, и кажется свидѣтельствующимъ о томъ, что въ ассириянахъ довольно рано проникли мидійскія и персидскія идеи. Впрочемъ, трудно рѣшить, гдѣ первоначально возникло поклоненіе огню. На ниневійскихъ барельефахъ есть изображеніе колеса или круга съ крыльями и рыбьимъ хвостомъ; внутри колеса изображена фигура бородатаго бога, а подлѣ колеса находятся фигуры съ орлиною головою и дерево жизни; передъ колесомъ стоитъ молящійся ему царь; это крылатое колесо очевидно символъ солнца, владыки небеснаго круга. Въ сценахъ битвъ, это символическое изображеніе божества летитъ надъ головою царя и пускаетъ стрѣлы въ непріятельское войско; оно сопровождаетъ царя при триумфальномъ возвращеніи его съ войны; тогда оно держитъ свой лукъ не натянутымъ. На одномъ изъ нимрудскихъ барельефовъ позднѣйшаго періода изображена процессія воиновъ, несущихъ на плечахъ четыре статуи: это или религиозный праздникъ, и воины несутъ статуи ассирійскихъ боговъ; или триумфальное шествіе, и статуи на плечахъ воиновъ—боги-покровители покореннаго непріятельскаго города. Кажется, что ассирийне, подобно другимъ языческимъ народамъ, часто принимали въ число своихъ боговъ божества тѣхъ народовъ, съ которыми имѣли тѣсныя сношенія. Но за нѣкоторыми изъятіями, ассирійскіе боги тождественны съ вавилонско-

халдейскими. Бельтъистъ, «царица неба», олицетвореніе женскаго элемента, дополняющаго собою понятіе о Белѣ, вѣроятно сливалась съ нимъ въ одно божество, которое было и мужчиною и женщиною; она тождественна съ вавилонскою Милиттою и съ финикійскою Астартою или Астаротъ. На одномъ изъ барельефовъ она изображена со звѣздою на головѣ (Амосъ, V, 26). Левъ, быкъ и баранъ, головы которыхъ находятся во всѣхъ архитектурныхъ орнаментахъ, были священныя животныя; религиозное значеніе имѣли также листъ жимолости и сосновая шишка, тоже встрѣчающіяся повсюду на барельефахъ, въ орнаментахъ, на оружіи, на одеждѣ и на посудѣ. О томъ, какъ хоронили ассирийне тѣла умершихъ, ниневійскіе раскопки еще не сообщили намъ никакихъ свѣдѣній. Въ Нимрудѣ найдены двѣ могилы; обѣ онѣ очень невелики, и кромѣ остатковъ скелета, тотчасъ же разсыпавшихся на воздухъ въ прахъ, въ нихъ было только нѣсколько посуды, нѣсколько бусъ и каменныхъ шариковъ отъ ожерелья.

Таковъ-то былъ народъ громадной Ниневіи, о могуществѣ котораго пророкъ Іезекиль говоритъ (XXXI, 3—9): «Ассуръ былъ кедръ на ливанѣ, съ красивыми вѣтвями и тѣнистою листвою, и высокій ростомъ; вершина его находилась среди толстыхъ сучьевъ. Воды росли его, бездна поднимала его, рѣки ея окружали питомникъ его, и она протоки свои посылала ко всѣмъ деревьямъ полевымъ. Оттого высота его перевысила всѣ дерева полевые, и сучьевъ на немъ было много, и вѣтви его умножались, и сучья его становились длинными отъ множества водъ, когда онъ разрастался. На сучьяхъ его вили гнѣзда всякія птицы небесныя, подлѣ вѣтвями его выводили дѣтей всякіе звѣри полевые, и подлѣ тѣнию его жили всякіе многочисленные народы. Онъ красовался высотой роста своего, длиною вѣтвей своихъ; ибо корень его былъ у великихъ водъ. Кедры въ саду Божіемъ не затемняли его; кипарисы не равнялись сучьямъ его, и каштаны не были величиною съ вѣтви его, ни одно дерево въ саду Божіемъ не равнялось съ нимъ красотою своею. Я украсилъ его множествомъ вѣтвей его, такъ что всѣ дерева эдемскія, въ саду Божіемъ, завидовали ему».

6. Эпоха величія и паденіе Ассиріи.

Съ воцареніемъ Тиглаѣ-Пилесера II начинается новая эпоха въ Тиглаѣ-Пиле-личіи Ассиріи. Онъ и его преемники—могущественнѣйшіе и знаменитѣйшіе изъ ассирійскихъ царей. Отъ Ирана и Арменіи до Малой Азіи, Сиріи и Палестины, вся западная Азія повиновалась имъ.—Асуръ 745—Тиглаѣ-Пилесеръ имѣлъ, между прочимъ, сильное вліяніе на судьбу израильскаго народа. Главною цѣлью его стремленій было совершенное покореніе Сиріи. Первый его походъ былъ направленъ на сирійскій городъ Арпадъ (нынѣшній Тель-Эрфадъ, въ трехъ географическихъ миляхъ къ сѣверу отъ Алеппо). Царь Гаматскій, Асарья

(Озія), царь іудейскій и нѣкоторые другіе сирійскіе цари заключили между собою союзъ для сопротивленія ему; но напрасно: послѣ трехлѣтней осады (742—740) Арпадъ, бывшій крѣпкимъ оплотомъ Сиріи, былъ взятъ ассирійскимъ царемъ. Въ 738 году, перечисляя своихъ данниковъ, онъ называетъ однимъ изъ нихъ Менагема (Минихимми), царя Самарійскаго. Но въ еврейскихъ книгахъ Царствъ, ассирійскій царь, наложившій дань на царство израильское, называется Фуломъ, — имя, котораго нѣтъ въ ассирійскихъ лѣтописяхъ. Ролинсонъ и, по его примѣру, Э. Шрадеръ, стараются доказать, что «Фуль» было однимъ изъ названій Тиглаѳ-Пилесера. Въ хронологическомъ спискѣ Птолемея говорится, что въ 731—726 годахъ царями вавилонскими были Хинзиръ и Поръ (Фуль). И Тиглаѳ-Пилесеръ говоритъ, что въ 731 году онъ побѣдилъ Кинзира: «Кинзира, сына Амуркана, его заперъ я въ городъ Саниъ (Sariya), его столицѣ; многихъ изъ его войска убилъ я передъ его воротами. Плантаціи, мастиковыя деревья, которыя передъ его крѣпостью, вырубилъ я, предоставилъ ихъ бѣднымъ... Всѣ его города раззорилъ я, опустошилъ я, сжегъ я огнемъ». Послѣ того онъ принесъ великія жертвы богамъ въ главныхъ городахъ Вавилоніи, и сталъ называть себя «царемъ Вавилонскимъ, царемъ Сумирскимъ и Аккадскимъ». Такимъ образомъ представляется правдоподобнымъ мнѣніе, что Фуль еврейскихъ книгъ, вавилонскій царь Пторъ Птолемея и Тиглаѳ-Пилесеръ — одно и то же лицо. Халдея распадалась тогда на нѣсколько государствъ; цари ихъ одинъ за другимъ стали подвластны Тиглаѳ-Пилесеру. Онъ очень успѣшно велъ войну въ Сиріи. Цари Дамасскій и Израильскій, вступившіе въ союзъ между собою противъ царя Іудейскаго, были побѣждены Тиглаѳ-Пилесеромъ. Въ 733—731 годахъ онъ взялъ Дамаскъ; Резинъ, царь Дамасскій, былъ убитъ. О томъ, что Пекагъ (Факей), царь Израильскій, лишился значительной части своего царства, а послѣ того былъ убитъ, мы расскажемъ въ исторіи народа израильскаго.

Салманассаръ (Шалманасиръ) IV, 727—722. Послѣ Салманассара IV, царствовавшего недолго, на престолъ вступилъ Саргонъ II, несомнѣнно самый энергичный изъ всѣхъ ассирійскихъ царей этого періода. Онъ происходилъ не изъ царскаго рода; онъ былъ полководецъ, вся жизнь котораго была проведена въ походахъ. Саргонъ (Саррупинъ) 722—705. Его предшественникъ осадилъ Самарію: онъ, послѣ трехлѣтней осады, взялъ ее въ 722 году. Въ надписи, въ которой онъ восхваляетъ свои подвиги, онъ сообщаетъ объ этомъ слѣдующія краткія извѣстія: «Городъ Самарію взялъ я; 27,280 человекъ изъ ея жителей увелъ я въ плѣнъ; 50 возовъ взялъ я въ мою царскую долю добычи; людей, которыхъ покорилъ моя рука, поселилъ я между моими подданными». Онъ взялъ и Газу; царя ея, Ганнона, и 9.000 человекъ изъ ея жителей онъ увелъ въ Ассирію. Онъ покорилъ и Асдодъ, и увезъ боговъ филистимскихъ. Сирійско-финикійское побережье стало подвластно Ассиріи. Цари армянъ тоже покорены были Саргономъ. Онъ

покорилъ мидянъ и построилъ въ ихъ землѣ много крѣпостей. Но наибольшіе усилія стоила ему война съ Меродахъ-Баладаномъ, который былъ однимъ изъ царей южной Халдеи, покоренныхъ Тиглаѳ-Пилесеромъ, и во время смуты, наставшихъ по смерти этого царя, овладѣлъ Вавилономъ. При помощи арабскихъ кочевыхъ племенъ и другихъ союзниковъ, онъ долго держался противъ Саргона; не раньше, какъ въ 709 году, Саргонъ вошелъ побѣдителемъ въ Вавилонъ. Онъ сталъ послѣ того называть себя царемъ Сумирскимъ и Аккадскимъ. По восточнымъ понятіямъ, для новой династіи, нужна новая резиденція. При описаніи Ниневіи, мы ужъ говорили (на стр. 454), что Саргонъ сдѣлалъ своею резиденціею построенный имъ Дуръ-Сарукинъ.

Саргону, предательски убитому въ 705 году, наследовалъ Санхерибъ (Сеннахеримъ), по своей воинственной энергіи достойный сынъ его, но менѣе отца счастливый на войнѣ. Гискія (Езекія), царь іудейскій и другіе сирійскіе цари искали у могущественнаго египетскаго царя, эѳіоплянина Тиргаки (Тагарки, Taharqa) защиты отъ тяжелаго ига ассиріяны. У Альтаку (Эльтеке) встрѣтились войска могущественнѣйшихъ царей Азіи и Африки. Санхерибъ рассказываетъ объ этомъ сраженіи только то, что онъ взялъ живыми въ плѣнъ правителя колесницы и сыновей царя египетскаго и правителя колесницы царя эѳіопскаго; противъ ассирійскаго обычая, онъ не перечисляетъ добычи, не приводитъ числа убитыхъ непріятелей; очевидно, его отчетъ о битвѣ — официальная утайка того, что онъ былъ разбитъ въ ней; евреи и египтяне положительно говорятъ, что онъ потерпѣлъ поражение.

Его неудача на западѣ ободрила вавилонянъ; они возстали. Главою возстанія въ Вавилонѣ былъ Сузубъ. Сокровищами вавилонскихъ храмовъ онъ купилъ помощь Умманминана, царя Эламскаго (сузіанскаго). Союзники далеко превосходили Санхериба числомъ войска; онъ побѣдилъ ихъ только тѣмъ, что подкупилъ эламскаго военачальника, какъ самъ наивно рассказываетъ. Вавилонъ былъ взятъ и сурово наказанъ за бунтъ. Но въ Эламъ Санхерибъ не пошелъ: его прежній походъ на храбрыхъ жителей этой горной страны былъ неудаченъ; зимняя снѣжная вьюга и сильный разливъ горныхъ потоковъ принудили его тогда уйти съ большою потерей.

Военными успѣхами Санхерибъ не равнялся своимъ великимъ предшественникамъ. Но его сооруженія были великолѣпны. Онъ покинулъ столицу своего отца и сдѣлалъ своею резиденціею собственно Ниневію (Нинуа). Его дворецъ, такъ называемый южный дворецъ, — обширнѣе и роскошнѣе всѣхъ другихъ. Слухи о его блестящемъ дворѣ дошли до самой Греціи; съ его временъ, весь городъ стали называть Ниневіею, Ниномъ. Въ 681 году, двое изъ сыновей Санхериба убили его; на престолъ взошелъ третій сынъ, Асаргадонъ, бывшій до того времени вавилонскимъ намѣстникомъ. Онъ возстановилъ прежнее величіе Ассиріи, даже расширилъ предѣлы царства завоеваніемъ Египта:

Санхерибъ
(Синъ-Ахирибъ), 705—681.

Асаргадонъ
(Ашаръ-Ахъ-Иддинъ), 681—668.

эоиплянинъ Тиргака возбудилъ царя города Тира отложиться отъ Ассиріи; въ мѣсяцъ писанъ 672 года Асаргадонъ перешелъ Эвфратъ, осадилъ Тиръ и черезъ Афаку и Рафію пошелъ на Египетъ. Онъ очень наглядно описываетъ трудность пути черезъ Великую Пустыню; гдѣ ассиріане очень страдали отъ «двуголовыхъ змѣй и крылатыхъ комаровъ». Воду ассиріане, какъ позднѣе персы Камбиза, получали только отъ арабовъ пустыни, привозившихъ ее на верблюдахъ. Наконецъ они достигли пограничнаго египетскаго города Макана (Пелузія?) и вторглись въ богатую долину Нила. Тиргака былъ разбитъ, и бѣжалъ въ свою отчину, Эоіопію. Асаргадонъ принялъ титулъ царя Нижняго Египта (Музура), Верхняго Египта (Патурси) и Эоіопіи (Куша). Онъ раздѣлилъ Египетъ на 20 областей, и назначилъ владѣтелями ихъ потомковъ прежнихъ династій, знатныхъ жреческихъ родовъ и начальниковъ наемныхъ войскъ. Нехо, князь саисскій, получившій во владѣніе и столицу Египта, Мемфисъ, сдѣланъ былъ старшимъ изъ этихъ областныхъ царей. Возвращаясь изъ Египта, Асаргадонъ вырѣзалъ, подлѣ надписи своего отца при устьѣ Нагръ-Эль-Кельба (близъ Бейрута), большую надпись въ память о своей побѣдѣ надъ Тагарака-Таркуу. Ослабѣвъ отъ старости и болѣзненности, Асаргадонъ, въ противоположность прежнимъ правиламъ ассирійской политики, старался снискать привязанность вавилонянъ; онъ принялъ ихъ вельможъ въ число ассирійскихъ сановниковъ. Его второй сынъ Саммугъ (Самуль-Сумъ-укинъ) былъ сдѣланъ вавилонскимъ наместникомъ.

Асурбанипалъ 668—625. Очень скоро по своемъ вступленіи на престолъ Асурбанипалъ долженъ былъ идти усмирять возставшій Египетъ. Онъ подавилъ возстаніе. Но черезъ нѣсколько времени эоиплянинъ Урдамани возбудилъ египтянъ къ новому возстанію и овладѣлъ Мемфисомъ. Асурбанипалъ снова пошелъ на Египетъ. При его приближеніи, Урдамани бѣжалъ въ Верхній Египетъ. Но ассиріане пришли и туда. Стоватный священный городъ, бывшій нѣкогда столицею Тутмозисовъ и Рамсесовъ, подвергся ужаснѣйшей судьбѣ. Еврейскій пророкъ Наумъ, подъ потрясающимъ впечатлѣніемъ страшнаго опустошенія Фивъ, говоритъ торжествующей Ниневіи:

Развѣ ты лучше Но-Аммона — (по-ассирійски: Нии, Ніи, Фивъ) — «находящегося между рѣками, окруженнаго водою? Эоіопія и Египетъ служили ему подкрѣпленіемъ; копты и ливійцы приходили на помощь тебѣ. Но и онъ переселенъ, пошелъ въ плѣнъ; даже и младенцы его разбиты на перекресткахъ всѣхъ улицъ, а ознатныхъ его бросали жребій и всѣ вельможи его окованы цѣпями (III, 8—10).

Черезъ десять лѣтъ послѣ этого блестящаго успѣха совершилось событіе, поколебавшее ассирійскую державу въ самыхъ основаніяхъ ея: грозившее ей совершенною гибелью. Саммугъ, братъ Асур-

банипала, правитель Вавилоніи, поднялъ мятежъ; ассирійское иго было такъ ненавистно, что вся Халдея, Сирія и Палестина, арабы и египтяне вступили въ союзъ съ возставшимъ Вавилономъ. Сосѣдніе эламскіе цари тоже пришли съ войсками на помощь ему. Казалось, настали послѣдніе дни ассирійскаго царства. Но Асурбанипалъ выказалъ энергію, преодолевшую всѣ опасности. Съ отборнымъ войскомъ онъ пошелъ на Вавилонъ, центръ мятежа, и нѣсколькими упорными битвами разсѣялъ войска Саммуга и его союзниковъ. Но только послѣ трехлѣтней осады палъ Вавилонъ. Осажденные твердо выносили всѣ ужасы голода, и подъ конецъ осады ѣли человѣческое мясо. Свирѣпо было мщеніе побѣдителя. Саммугъ, «невѣрный братъ», былъ брошенъ въ пылающую печь. Множество приверженцевъ его и вообще жителей Вавилона было подвергнуто смерти тогда же, и послѣ того не разъ были совершаемы въ Вавилонѣ казни цѣлыхъ массъ людей. Мятежниковъ бросали живыми въ ямы и засыпали землею; истерзанные трупы другихъ оставляемы были на сѣденіе птицамъ и звѣрямъ. Мятежъ былъ потопленъ въ крови. Возстановивъ цѣлость прежнихъ предѣловъ царства, Асурбанипалъ сталъ дѣлать завоеванія. Къ этому вела его необходимость самозащиты. Надобно было покорить Эламъ, въ которомъ всегда находили убѣжище себѣ халдейскіе мятежники и цари котораго постоянно возбуждали вавилонянъ къ возстаніямъ. Но покорить воинственные горныя племена Сузіаны было еще труднѣе, чѣмъ подавить мятежъ привыкшаго къ роскоши Вавилона. Побѣдъ было одержано много, но Эламъ продолжалъ отстаивать свою независимость: ненависть къ ассирійскому игу была такъ сильна въ его населеніи, что три царя одинъ за другимъ были низвергнуты, когда, тѣснимые войсками Асурбанипала, хотѣли заключить миръ съ нимъ. Ассиріане сожгли въ Эламѣ 66 городовъ; разрушили столицу страны, Сузу, увезли изъ нея изображенія боговъ и царей, увезли несмѣтные сокровища, которыя накоплялись тамъ съ незапамятныхъ временъ; вырубали священную рощу, въ которой былъ оракулъ. Жрецы и вельможи были отведены плѣнниками въ Ассирию. По своему обычаю, ассирійцы вырубали всѣ деревья и обратили цвѣтущую страну въ безлюдную пустыню. Послѣ девятилѣтней войны покорились наконецъ и послѣднія горныя племена, защищавшія свою свободу. Царь Уммоналдасъ послалъ въ Ниневію голову претендента на вавилонскій престолъ, Набу-Биль-Суми, хотя былъ соединенъ съ нимъ союзомъ гостепріимства. Одинъ изъ барельефовъ дворца Асурбанипала изображаетъ это событіе: Асурбанипалъ пируетъ; онъ возлежитъ за столомъ пиршества на роскошномъ ложѣ; около него возлежатъ женщины его гарема; на вѣтви дерева виситъ просоленная для сохраненія голова его врага, внука Меродахъ-Баладана. Такими пирами праздновали ассиріане свои торжества. Асурбанипалъ, царствовавшій дольше всѣхъ другихъ ассирійскихъ царей (664—625),

Последние
ассирийские
цари.

употребилъ послѣдніе годы своего правленія на сооруженіе дворца себѣ. Это южный Куюнджикскій дворецъ. Барельефы его—самыя лучшія произведенія ассирійской скульптуры; въ особенности тѣ, на которыхъ изображены сцены охоты. Асурбанипаль, молва о которомъ дошла и до грековъ, называющихъ его Сарданапаломъ, задержалъ паденіе Ассиріи, но не могъ предотвратить его. Его непрерывныя войны истощили силы ассирійскаго народа; царство приближалось къ распаденію. Мидія отложила отъ Ассиріи. Узнавъ о смерти Асурбанипала, отложился и Вавилонъ. Скиѣскія орды опустошали Азію; въ Ассиріи свирѣпствовала междоусобная война. Престоломъ овладѣлъ узурпаторъ, Белъ-Закиръ-Искунъ, и нѣсколько времени удержался на немъ. Сынъ Асурбанипала, Асуръ-Идиль-Или-Укинни, сдѣлавшись царемъ, еще нашелъ время заняться постройкою дворца; но его дворецъ, —югозападный Нимрудскій, —имѣетъ очень скромныя размѣры, ясно показывающіе, что царство ослабло. «Я велѣлъ изготавить кирпичи и перекладины для постройки храма благополучія среди города Калаха», говоритъ онъ: «Для жизни моей души сдѣлалъ я это». Царю, говорящему такъ, должно было казаться, что его положеніе очень опасно. Впослѣдствіи найдены еще болѣе тоскливыя молитвы, принадлежащія, вѣроятно, послѣднему ассирійскому царю, Асаргаддону II. Онъ взываетъ къ богу солнца о помощи противъ своихъ многочисленныхъ враговъ; на него соединились мятежники: правитель города Каркасси Кастаритъ, киммерійскія войска, мидійскія, маннейскія (армянскія) войска; всѣ возмутились; и овладѣли многими городами. Кажется, что эта надпись сдѣлана въ послѣдніе дни существованія царства. Объ окончательной катастрофѣ, совершившейся въ 606 году, нѣтъ ассирійскихъ извѣстій; понятно что ихъ и не было.—Когда соединенныя войска вавилонянъ и мидянъ шли осадить Ниневію, пророкъ Наумъ, одинъ изъ уведенныхъ въ ассирійскій плѣнъ израильтянъ, жившій въ Элькошѣ, на сѣверѣ отъ Ниневіи, и видѣвшій проходившее къ Ниневіи мидійское войско, сильными, смѣлыми словами предвѣщалъ гибель гордой ассирійской столицы, изъ которой «произошелъ умышленный злое противъ Израиля».

«Поднимается разрушитель на тебя; охраняй твердыни, стереги дорогу, укрѣпи чресла, собирайся съ силами. Щитъ героевъ его красенъ, воины его въ одеждахъ багряныхъ; огнемъ сверкаютъ колесницы въ день приготовленія къ бою и лѣсъ копьевъ валуется. По улицамъ несутся колесницы, гремятъ на площадяхъ; блескъ отъ нихъ, какъ отъ огня; сверкаютъ какъ молнія. Осада уже устроена. Рѣчныя ворота открываются, и дворецъ разрушается. Рѣшено: она—Ниневія—будетъ обнажена и отведена въ плѣнъ, и рабыни ея будутъ стонать какъ голуби, ударяя себя въ грудь. Расхищайте серебро, расхищайте золото! Нѣтъ конца запасамъ всякой драгоценной утвари. Разграблена, опустошена и раззорена она; и таеетъ сердце, колѣна трясутся; у всѣхъ въ чреслахъ сильная боль и лица у всѣхъ потемнѣли... Слышны хлопаніе бича и стукъ крутящихся колесъ, ржаніе коня и грохотъ скачущей колесницы. Несется конница, свергаетъ мечъ и блещетъ коня; убитыхъ множество и груды труповъ; нѣтъ конца трупамъ... Вра-

гамъ твоимъ настѣжь, отворятся ворота земли твоей, огонь пожретъ запоры твои, посѣтитъ тебя мечъ» (II, 1—10; III, 2, 3; 13; 15).

Слова Наума исполнились. Діодоръ, заимствовавшій свои извѣстія не прямо изъ Ктезія, какъ обыкновенно полагаютъ, а изъ Клитарха, и ошибающійся относительно имени послѣдняго ассирійскаго царя, говоритъ, что онъ храбро и успѣшно оборонялся противъ многочисленнаго войска соединившихся враговъ, и своими дѣлами опровергъ молву о его изнѣженности, женоподобіи; разбилъ враговъ въ двухъ сраженіяхъ и оттѣснилъ ихъ въ восточныя горы; выигралъ и третье сраженіе, на которое отважились Кіаксаръ и Набополассаръ, обнадеженные предсказаніями астрологовъ; онъ взялъ даже ихъ станъ. Но послѣ того счастье измѣнилось. Ассиріане безпечно праздновали побѣду, предались удовольствію ѣды и вина на пирѣ, которымъ угостилъ ихъ царь, и были застигнуты въ-расплохъ нападеніемъ непріятеля. Часть ихъ спаслась бѣгствомъ въ Ниневію, остальные погибли отъ меча или въ быстрой рѣкѣ, волны которой стали красными отъ лившихся въ нее потоковъ крови. Началась осада Ниневіи. Но стѣны и башни города были крѣпки, запасы продовольствія въ немъ—обильны, и взять его было трудно. Два года Сарданапаль геройски отражалъ приступы враговъ. Его мужество поддерживалось древнимъ предсказаніемъ, что Ниневія будетъ взята лишь тогда, когда ея рѣка станетъ врагомъ ея. Но весною на третій годъ Тигръ отъ сильныхъ и продолжительныхъ дождей поднялся такъ высоко, что залилъ часть города и подмылъ стѣну; она обрушилась на протяженіи 20 стадій. «Всепотопляющимъ наводненіемъ разрушить» Господь Ниневію, предвѣщалъ Наумъ, и ниневійцы «будутъ пожраны какъ сухая солома» (I, 8; 10).—Рѣка стала врагомъ города; Сарданапаль потерялъ надежду на спасеніе, велѣлъ зажечь дворецъ и сжегъ себя въ немъ со своими женами и сокровищами. Былъ 606 годъ до нашей эры, когда небо Месопотаміи побагровѣло отъ зарева Ниневіи и престолъ ассирійскихъ царей рушился надъ трупомъ послѣдняго царя.

Ниневія была вся сожжена; это видно по остаткамъ ея открываемымъ раскопками. При пожарѣ, перекладины, обгорѣвъ, рушились на полъ, выложенный гипсовыми плитами; верхнія части стѣнъ съ теченіемъ времени обвалились отъ дождей и бурь и похоронили подъ своими обломками все, что было внизу; но тѣмъ и охранили нижнюю часть зданій отъ дальнѣйшаго разрушенія; потому уцѣлѣли бывшія внизу надписи и изваянія. Немѣтныя массы золота и серебра были увезены изъ ниневійскихъ дворцовъ въ столицы вавилонянъ и мидянъ, раздѣлившихъ между собою области ассирійскаго царства; границею между мидійскимъ и вавилонскимъ царствами былъ сдѣланъ Тигръ.

Такъ пала, по предсказаніямъ еврейскихъ пророковъ, гордая Ниневія.—Разрушена будешь ты, Ниневія, восклицаетъ Наумъ: «и всѣ,

услышавшіе вѣсть о тебѣ, будутъ рукоплескать о тебѣ; ибо на кого не простиралась безпрестанно злоба твоя?—Спятъ пастыри твои, покоятся вельможи твои, народъ твой разсѣялся по горамъ и некому собрать его» (III, 19; 18). Софонія говоритъ: «Простретъ онъ» — Господь — «руку свою на сѣверъ и уничтожитъ Ассура и обратитъ Ниневію въ развалины, въ мѣсто сухое, какъ пустыня. И покоятся будутъ среди ея стада и всякаго рода животныя; пеликанъ и ежъ будутъ ночевать въ рѣзныхъ украшеніяхъ ея, голосъ ихъ будетъ раздаваться въ окнахъ, разрушеніе обнаружится на дверныхъ столбахъ, ибо не станетъ на нихъ кедровой обшивки. Вотъ чѣмъ будетъ городъ торжествующій. Какъ онъ сталъ развалиною, логовищемъ для звѣрей! Всякій, проходя мимо его, посвиститъ и махнетъ рукою» (II, 13—15). Величіе Ассиріи было только военное; наука и искусство въ ней были заимствованныя у халдеевъ; потому она скоро была забыта. «Съ самаго появленія своего въ исторіи она жила исключительно для войны, для завоеваній», говоритъ Масперо: «и когда ея населеніе такъ уменьшилось отъ войнъ, что она ужь не могла одерживать успѣховъ на поляхъ битвъ, ея гибель стала неизбежна, и она погибла».

Мнѣніе хал-
деевъ о Сардана-
палѣ.

Какъ основаніе ассирійскаго царства облечено густымъ покровомъ мѣта, такъ облечено имъ и паденіе Ассиріи, о которомъ мы достоверно знаемъ лишь годъ его и то, что разрушителями Ниневіи были мидяне и вавилоняне. Исторія послѣдняго ассирійскаго царя стала въ преданіяхъ такою баснословною, и даже эпоха жизни его такъ затуманилась разнорѣчіемъ сказаній, что для примиренія разсказовъ, несогласныхъ между собою, составлено было предположеніе: это разные разсказы о разныхъ царяхъ, было два Сарданапала, или даже три. Прійти къ такому предположенію было тѣмъ легче, что преданія представляютъ Сарданапала въ двухъ разныхъ видахъ: по однимъ разсказамъ, онъ храбрый воинъ, основатель городовъ; по другимъ, онъ сластолюбецъ, наряжающійся въ женское платье, рабъ женщинъ, прядущій шерсть.

Въ разсказахъ о послѣднемъ ассирійскомъ царѣ такое же преувеличеніе, такіе же прикрасы вымысла, какъ въ преданіяхъ о началѣ царства, о Семирамидѣ. Діодоръ (II, 28), передающій разсказынаемое Клитархомъ восточное преданіе, говоритъ: «Сарданапалъ превосходилъ всѣхъ своихъ предшественниковъ сластолюбіемъ. Мало того, что онъ не показывался никуда изъ дворца, онъ жилъ совершенно по-женски. Онъ проводилъ все время въ кругу своихъ наложницъ, прядъ пурпуръ и самую тонкую шерстяную пряжу. Онъ носилъ женское платье и придавалъ такую извѣженность своему лицу и всему тѣлу румянами и другими косметическими средствами торгующихъ собою женщинъ, что ни у какой развратницы не было вида, болѣе извѣженнаго, чѣмъ у него. Онъ даже приучилъ себя говорить женскимъ голосомъ. Обѣды его состояли исключительно изъ такихъ блюдъ, которыми льстятъ гастрономическому чувству. Своему сладострастію удовлетворялъ онъ не только съ женщинами, но и съ мужчинами; онъ безстыдно развратничалъ и съ тѣми и съ другими. Онъ доходилъ въ обжорствѣ, постыднѣйшемъ развратѣ и всякихъ излишествахъ до того, что самъ составилъ для себя слѣдующую надгробную надпись: «Ты смертенъ; помни о томъ, и наслаждайся жизнью, утоляй желанія сердца; для мертвого нѣтъ удовольствій. Я теперь прахъ, хоть нѣкогда я былъ царемъ великолѣпной Нине-

віи. Мнѣ принадлежать только тѣ наслажденія, какія давали мнѣ вкусная пища, веселыя развлеченія и любовь; всѣ другія блага утратилъ я. Пусть будетъ это мудрымъ наставленіемъ для жизни каждому».

По словамъ Страбона, на памятникѣ Сарданапала въ Анхіялѣ была ассирійская надпись: «Сарданапалъ, сынъ Анакиндаракса, построилъ въ одинъ день Анхіялу и Тарсъ. Ъшь, пей и наслаждайся любовью, потому что все остальное пустыня».

Преданію объ извѣженности и сластолюбіи Сарданапала рѣзко противорѣчитъ разсказъ о мужествѣ, какое выказалъ онъ во время трехлѣтней осады Ниневіи и о геройствѣ, съ какимъ онъ сжегъ себя. Это преданіе представляетъ Сарданапала идеаломъ древней воинской доблести: онъ непоколебимо борется съ врагами и предпочитаетъ славную добровольную смерть постыдной жизни въ рабствѣ. Въ битвахъ Сарданапала съ войскомъ, идущимъ противъ Ассиріи, въ его защитѣ Ниневіи нѣтъ никакихъ слѣдовъ извѣженности. Но разсказъ о томъ, какъ онъ сжегъ себя — преувеличенное, баснословное преданіе. На кострѣ, вышиною въ 400 футовъ, онъ строитъ себѣ залъ въ 100 футовъ длины и ширины. Туда приносятъ 150 золотыхъ кроватей, покрытыхъ коврами, служившихъ для возлежанія на пирахъ; приносятъ золотые столы и безчисленное множество сокровищъ; Сарданапалъ, его жены и наложницы возлагаютъ на кровати; онъ велитъ зажечь костеръ евиухамъ, которые одни знали о его намѣреніи. Колоссальный костеръ горитъ 15 дней, и жители Ниневіи все еще не знаютъ, въ чемъ дѣло: они полагаютъ, что дымъ въ цитадели, гдѣ дворецъ — это дымъ жертвоприношенія, совершаемаго Сарданапаломъ для умилостивленія боговъ и спасенія города, потому у нихъ нѣтъ и мысли гасить огонь. — Въ разсказахъ о Сарданапалѣ, какъ въ разсказахъ о Семирамидѣ, къ историческимъ преданіямъ и поэтическимъ сказаніямъ присоединены представленія, взятые изъ богослужебныхъ обрядовъ, религіозныхъ символовъ и тайныхъ ученій религіи; это ясно ужь изъ того одного, что образы Сарданапала и Семирамиды родственны между собою. Семирамида соединяетъ съ качествами своего пола мужскую энергію и храбрость, Сарданапалъ съ качествами своего пола, мужскою энергіею и храбростью, соединяетъ склонности и качества женщины; Семирамида носитъ мужскую одежду, занимается мужскими дѣлами, совершаетъ мужскіе подвиги, Сарданапалъ носитъ женскую одежду и занимается женскими рукодѣльями; народы верхней Азіи приняли покрой своего платья по подражанію полу-мужской, полу-женской одеждѣ Семирамиды; а отъ Сарданапала восточные цари приняли свой обычай скрываться въ дворцѣ отъ глазъ народа, держать подлѣ себя многочисленныхъ тѣлохранителей, имѣть своею прислугою евиуховъ. И Семирамидѣ, и Сарданапалу приписывается утрированное, утонченное сладострастіе. — Мы говорили, что въ разсказахъ о Семирамидѣ подъ покровомъ мѣта и символовъ таится историческая основа, что такой живой образъ не можетъ быть лишь мнѣстическимъ представленіемъ; то же самое должно сказать и о Сарданапалѣ. Въ разсказѣ о мужеподобной женщинѣ, основавшей царство, и въ разсказѣ о женоподобномъ мужѣ, при которомъ погибло оно, находятся символическія представленія о мужскомъ и женскомъ элементахъ жизни природы, сочетаніе которыхъ было, по ассирійскимъ понятіямъ, высочайшею божественною силою. Олицетвореніемъ этой высочайшей силы были божества, соединившія въ себѣ мужчину и женщину; мы ужь говорили, что поклоненіе такимъ божествамъ было у вавилонянъ и у ассирійянъ, что въ извѣстные праздники у нихъ жрецы надѣвали женское платье и женскія украшенія. Ужь давно, еще Оттфридомъ Миллеромъ высказано справедливое замѣчаніе, что женоподобный Сарданапалъ, прядущій шерсть и сжигающій себя, имѣетъ связь съ богомъ солнца и огня, *Санданомъ* или *Сарданомъ*, и съ Геракломъ Тарскимъ, который, въ службѣ у Омфала, то же прядетъ шерсть и кончаетъ жизнь самосожженіемъ. Санданъ, богъ благотворныхъ дѣйствій солнца, изображается тоже какъ существо, которое и мужчина и женщина; это соединеніе обоихъ половъ служитъ мистическимъ символомъ высочайшей силы. «Какъ Санданъ облачается въ прозрачную пурпуровую твань, въ которую одѣвались прислужницы боговъ, іеродулы», говоритъ Дункеръ, «какъ онъ сидитъ въ кругу женщинъ и прядетъ пурпуровую шерсть; какъ поклонники его надѣвали въ извѣстные праздники женское

платье, такъ и Сарданапалъ брилъ себѣ бороду, румянился, носилъ женское платье; Санданъ былъ богъ, въ которомъ соединилась природа мужчины и природа женщины; потому и Сарданапалъ говорилъ женскимъ голосомъ, имѣлъ половыя связи и съ женщинами и съ мужчинами». Гераклъ - Санданъ преодолеваетъ своимъ самосожженіемъ враждебныя силы, возносится съ костра въ новую жизнь очищенный, помолодѣвшій; такъ и Сарданапалъ, по семитическому вѣрованію, возносится изъ пламени костра на небо, становится полубогомъ. У Лувіана мы читаемъ, что въ Іеранолѣ стояла подлѣ статуи Семирамиды статуя Сарданапала. Моверсъ замѣчаетъ, что у многихъ народовъ западной Азіи были праздники, на которыхъ, при символическихъ обрядахъ, былъ зажигаемъ костеръ, и что мужчины приходили на эти праздники въ женскомъ платьѣ, женщины въ мужскомъ. По разсказу, находящемуся въ древнемъ трактатѣ «о богинѣ Сирійской», эти праздники длились нѣсколько дней; съ разными обрядами, были срубаемы и устанавливаемы на дворѣ храма большія деревья; къ нимъ привязывали козъ, овецъ, птицъ и другихъ жертвенныхъ животныхъ, привязывали драгоцѣнныя одежды, золотыя и серебряныя изображенія и сосуды; зажигали деревья и подымалось огромное пламя сожравшее жертвы. — Нѣтъ никакихъ причинъ сомнѣваться въ томъ, что Сарданапалъ сжегъ себя; преданіе потомъ преувеличило этотъ фактъ поэтическими вымыслами.

Преданіе о послѣднемъ ассирійскомъ царѣ дало этому историческому лицу баснословныя, мифическія черты. Само имя его ужъ напоминало о чтимомъ во всей западной Азіи богѣ солнца, Санданѣ, на праздникахъ котораго зажигались костры; обряды этихъ праздниковъ имѣли сладострастный характеръ; это подавало поводъ къ возникновенію вымысловъ о томъ, что образъ жизни Сарданапала былъ тоже сладострастный. Греки, составлявшіе себѣ представленія о всѣхъ восточныхъ дворахъ по персидскому двору, видѣли въ Сарданапалѣ изнѣженнаго развратника; а мифы о Санданѣ и символическіе обряды служенія ему греки поставили въ связь съ мифомъ о Гераклѣ, о которомъ разсказывалось у нихъ такъ много, что найти связь было легко. И между прочимъ, они перенесли на Сарданапала легенду о томъ, что Гераклъ впалъ въ изнѣженность на службѣ у Омфала; въ примѣненіи къ восточному царю, они придали изнѣженности героя черты восточныхъ нравовъ. Съ теченіемъ времени, въ сказаніе о Сарданапалѣ были вносимы и другіе мифы, другія символическія представленія и обряды. Такимъ образомъ, Сарданапалъ мало по малу сталъ мифическимъ существомъ и получилъ разнохарактерныя черты, какія имѣетъ преданіе о немъ въ дошедшемъ до насъ видѣ. Запутанность представленій о немъ имѣла, вѣроятно, одною изъ своихъ причинъ и то, что греческіе писатели переносили на Сарданапала преданія объ ассирійскихъ царяхъ, имена которыхъ были неизвѣстны имъ; напримѣръ, разсказъ объ основаніи киликійскихъ городовъ Тарса и Анхіалы; ему приписали они и загадочный анхіальскій памятникъ, принадлежащій, вѣроятно, Санхерибу.

7. Эпоха блеска и паденіе Вавилона.

Царствование Небукаднезара. Во время осады Ниневіи, Нехо, царь египетскій, союзникъ Ассирии, дѣлалъ, какъ мы видѣли, завоеванія въ Сиріи. Въ долинѣ Мегиддо онъ разбилъ Іосію, царя іудейскаго; Іосія получилъ въ этомъ сраженіи смертельную рану; Нехо взялъ Іерусалимъ и овладѣлъ зна-

чительною частью Ханаана. Вѣроятно, онъ питалъ тогда гордыя надежды. Но битва при Кархемишѣ однимъ ударомъ отняла у него плоды многолѣтнихъ усилій. Онъ принужденъ былъ поспѣшно отступить въ Египетъ, преслѣдуемый Небукаднезаромъ, энергичнымъ сыномъ Набополассара. Небукаднезаръ въ одинъ годъ покорилъ всю землю отъ Эвфрата до потока египетскаго; пошелъ бы, вѣроятно, и въ Египетъ, если бы осада филистимскаго города Газы не задержала его до полученія имъ извѣстія о смерти отца. Онъ поспѣшно вернулся на родину прямымъ путемъ черезъ пустыню. За нимъ надежные вожди повели на родину и войско съ обозомъ добычи и множествомъ плѣнныхъ финикійцевъ, сирійцевъ, египтянъ, іудеевъ, которыхъ онъ расселилъ по разнымъ областямъ своего царства. Побѣда при Кархемишѣ стала началомъ новаго періода славы Вавилона. Цѣлью жизни для Небукаднезара было — дѣлать завоеванія. Когда онъ вззошелъ на отцовскій престолъ, онъ былъ еще въ порѣ юношеской свѣжести силъ, и сдѣлавшись «царемъ царей», проявилъ такую энергію, что пророкъ Іеремія уподобляетъ его льву, неодолимо низлагающему всѣхъ противниковъ, орлу, быстрымъ полетомъ настигающему добычу; слава его подвиговъ была такъ велика, что преданія о нихъ проникли даже въ Грецію. Молодой царь хотѣлъ возстановить древнее величіе Вавилона, покорить Халдеѣ тѣ страны, надъ которыми владычествовали ассирійцы, и направилъ свои силы на западъ; государства тамъ были мелкія, слабыя, враждовавшія между собою, и тамъ было много богатыхъ городовъ; это обѣщало легкія побѣды и большую добычу. Даже Египетъ послѣ битвы при Кархемишѣ ужъ не могъ быть опаснымъ врагомъ быстро возвышающемуся могуществу вавилонско-месопотамскаго царства. Побѣдоносными походами, подробности о которыхъ мы разскажемъ въ исторіи ханаанскихъ семитовъ, Небукаднезаръ покорилъ своему владычеству Іудею и богатые торговые города финикійскаго побережья и основалъ на развалинахъ ассирійской монархіи новое могущественное царство. Онъ дѣятельно заботился и о благосостояніи своего государства. Послѣдніе годы его царствованія были мирныя; онъ употребилъ ихъ на то, чтобы сравняться съ древними великими вавилонскими царями содѣйствіемъ развитію торговли и земледѣлія, великолѣпными сооруженіями, и укрѣпилъ свою столицу для предотвращенія опасностей, которыми угрожало ей съ востока возрастающее могущество мидійскаго царства.

Въ интересахъ земледѣлія Небукаднезаръ прибавилъ къ прежнимъ оросительнымъ сооруженіямъ Вавилоніи новый резервуаръ: онъ вырылъ у города Синара (Сефарваима) водоемъ, имѣвшій 420 стадій (10½ географическихъ миль) въ окружности и 35 футовъ глубины, отпиравшійся и запиравшійся плюсами, и обложенный камнемъ. Были сдѣланы Небукаднезаромъ (или, по Геродоту, его женою, царицею Нитокридою) и другія гид-

606 годъ до
Р. Х.

Газы.

Гидравлическія
сооруженія.

равлическія сооруженія; нѣкоторые изъ нихъ находились въ связи съ Си-парскимъ резервуаромъ, на примѣръ судоходный Ардерикскій каналъ, предназначенный для оживленія торговли и для орошенія сѣверной части Вавилоніи; другія служили для осушенія болотъ и для предотвращенія наводненій, какъ на примѣръ каналы, прорытые въ болотахъ южной Халдеи, плотины, возведенныя въ низовьяхъ Эвфрата и Тигра; на приморьѣ была сооружена новая пристань, городъ Тередонтъ; вообще, многія изъ гидравлическихъ сооруженій Небукаднезара имѣли цѣлью оживленіе торговли; мы ужъ говорили, что таково было одно изъ назначеній Ардерикскаго канала, обыкновенно называемаго „царскимъ каналомъ“ (Нагармалъка). Онъ велъ изъ Эвфрата въ Тигръ; по немъ могли плавать самыя большія суда. При устьѣ его былъ въ послѣдствіи построенъ городъ Селевкія. Изъ него было проведено на востокъ, въ Тигръ, множество мелкихъ каналовъ для орошенія нивъ. — Небукаднезаромъ было начато построеніе знаменитой мидійскои стѣны, предназначенной для защиты Вавилона отъ нападений съ сѣвера. Начинался у Эвфрата въ 10 или 12 миляхъ выше Вавилона, она доходила до Тигра. Толщина этой стѣны, построенной ужъ преемниками Небукаднезара, составляла 20 футовъ; вышина ея была 100 футовъ.

Сооруженія
Небукаднезара
въ Вавилонѣ.

Не менѣе колоссальны и удивительны были сооруженія, возведенныя Небукаднезаромъ въ самомъ Вавилонѣ. Онъ возстановилъ въ великолѣпномъ видѣ древній храмъ Бела, построенную уступами пирамиду въ 600 футовъ ширины и вышины, украсилъ ее драгоценными вещами, взятыми въ храмахъ завоеванныхъ городовъ и другими драгоценностями изъ своей добычи; онъ украсилъ и расширилъ прежнія части Вавилона, построилъ новую часть города на восточномъ берегу Эвфрата, гдѣ находился его дворецъ, украсилъ ее своими дворцовыми сооруженіями и другими великолѣпными зданіями. Онъ соединилъ западную половину города съ восточною величественнымъ мостомъ, имѣвшимъ 5 стадій въ длину и 30 футовъ въ ширину. Мостъ лежалъ на каменныхъ столбахъ, скрѣпленныхъ желѣзными скобами; швы между камнями были залиты свинцомъ. Настилка моста лежала на кедровыхъ и кипарисныхъ перекладинахъ и состояла изъ громаднхъ пальмовыхъ брусевъ; на ночь часть ея снималась. Отъ напора волнъ мостъ былъ защищенъ особыми сооруженіями. По обоимъ концамъ его высились царскіе дворцы, изъ которыхъ можно было обозрѣвать весь городъ: на западномъ берегу, старый дворецъ, обведенный тремя кольцами стѣнъ, о которомъ мы ужъ говорили; на восточной сторонѣ новый дворецъ; въ немъ, какъ и въ старомъ дворцѣ, стѣны залъ и галерей были обложены гипсовыми плитами, по которымъ шли раскрашенныя барельефы. Главное содержаніе этихъ скульптурныхъ картинъ составляли сцены войны и охоты. Іезекіиль говоритъ, вѣроятно, объ этихъ барельефахъ, описывая „вырѣзанныхъ на стѣнѣ мужчинъ, красками нарисованныя изображенія халдеевъ, опоясанныхъ по чресламъ своимъ поясомъ, съ роскошными на головѣ ихъ повязками, какъ у колесничныхъ бойцовъ“.

Преданіе говоритъ, что старый и новый дворецъ были соединены ходомъ, проведеннымъ подъ рѣкою. Подлѣ новаго дворца, остатки котораго лежатъ подъ массою мусора, составляющаго холмъ Эль-Касръ („Дворцовый холмъ“), была сооружена терраса, высотой равная городской стѣнѣ, и имѣвшая по 400 футовъ и въ длину и въ ширину. На громаднхъ столбахъ и аркахъ лежала настилка изъ плитъ, а на ней — слой тростника; все это было залито асфальтомъ; на асфальтовомъ слоѣ лежали слой гипса и слой обожженныхъ кирпичей; кирпичная настилка была покрыта свинцовыми листами, не пропускавшими сырость внизъ. На свинцовой настилѣ была насыпана земля, такимъ толстымъ слоемъ, что было тутъ

достаточно глубины для корней самыхъ большихъ деревьевъ. На этой почвѣ были густо посажены всяческія деревья, громадность и красота которыхъ пріятны на видъ. Насосы подымали воду изъ рѣки на террасу для орошенія сада. — Это были знаменитые „висячіе сады“, сооруженіе которыхъ народное преданіе приписывало Семирамидѣ, но которые были сооружены Небукаднезаромъ. Онъ построилъ эту садовую террасу, чтобъ доставить удовольствіе своей женѣ Амтитѣ (Нитокридѣ): она выросла въ Мидіи, странѣ горъ, покрытыхъ лѣсомъ, и ей долженъ былъ правиться видъ, напоминавшій родину. Въ берлинскомъ музеѣ есть камень, на которомъ вырѣзана голова и сдѣлана клинообразнымъ письмомъ надпись: „Небукаднезаръ, царь вавилонскій и“. Форма шлема, полныя очертанія лица и обритый подбородокъ показываютъ, что это произведеніе принадлежитъ временамъ эллинскаго вліянія на азіатское искусство. — Мы ужъ говорили о надписяхъ Небукаднезара на построенныхъ имъ храмахъ. О возведеніи стѣнъ вокругъ Вавилона онъ говоритъ: „Имгуръ-Белъ и Нимитти-Белъ, великую стѣну вавилонскую, началъ строить Набополассаръ, царь вавилонскій, мой отецъ, родившій меня, но не докончилъ. Два великіе рва были вырыты и выложены асфальтомъ и кирпичемъ, но онъ не довершилъ дѣла. Я докончилъ великую стѣну вавилонскую; кромѣ рвовъ моего отца, я вырылъ два другіе рва“. О построеніи дворца онъ говоритъ: „Я соорудилъ жилище моего владычества, мѣстопробываніе моего могущества въ Вавилонѣ. Основаніе положилъ я глубоко въ асфальтъ и кирпичъ. Большіе кедры привезъ я съ высочайшихъ вершинъ Ливана, чтобы сдѣлать изъ нихъ колонны его. Я соорудилъ великую стѣну кругомъ его и построилъ неразрушимый домъ. Да будетъ онъ оставаться въ Вавилонѣ, да будетъ мой родъ жить въ немъ, умножаться и получать дани царей земныхъ“.

Сооруженія и сады Небукаднезара сдѣлали Вавилонъ городомъ чудесъ, — о которомъ Геродотъ говоритъ, что онъ превосходилъ все другіе города на землѣ своимъ великолѣпіемъ. Двѣсти пятьдесятъ башенъ подымались надъ высокою и толстою стѣною города, обведенною на протяженіи 360 стадій широкимъ и глубокимъ рвомъ. Сто богато украшенныхъ воротъ съ мѣдными косяками, дверями и порогами вели въ городъ, и на рѣку. Рѣка была обложена кирпичными набережными и по обоимъ берегамъ ея шли стѣны, дѣлившія городъ на двѣ крѣпости, защищенныя и со стороны рѣки. По концамъ улицъ были мѣдные ворота: ворота одного конца вели къ рѣкѣ; спуски къ водѣ были выложены кирпичемъ. Таковъ былъ Вавилонъ, великолѣпіе котораго пророки іудейскіе описываютъ яркими красками, въ контрастѣ предвѣщаемому опустошенію его, — Вавилонъ, «гордыня великолѣпія халдеевъ», «украшеніе царствъ», «богатый золотомъ городъ», посылавшій въ Элладу, по выраженію Эсхила, «пестрое множество людей, и корабельщиковъ и искусныхъ стрѣлковъ». Могъ гордиться Небукаднезаръ, обозрѣвая изъ своего новаго дворца или съ высокой террасы роскошнаго сада кипящій жизнью городъ съ его дворцами и храмами, трехъ-этажными, четырехъ-этажными домами по прямому правильно пересѣкающимся улицамъ, — могъ вымолвить гордыя слова, приписываемыя ему еврейскимъ сказаніемъ (Даніилъ, IV,

Громадность и
великолѣпіе
Вавилона.

Паденіе Ва-
вилоня.
561.

27): «Это ли не величественный Вавилонъ, который построилъ я въ славу моего величія!»

Послѣ славнаго 44-лѣтняго царствованія, Небукаднезаръ умеръ въ своемъ великолѣпномъ дворцѣ. Съ нимъ пало въ гробъ новопріобрѣтенное величіе вавилонскаго царства. На престолъ взошелъ слабый, изнѣженный царь; преемники этого царя были такіе же. Сладострастіе, развратъ, интриги овладѣли новымъ вавилонскимъ дворомъ, какъ было въ прежнемъ вавилонскомъ царствѣ. Разслабляющая чувственность, понятіе о которой давно стало неразлучно съ именемъ Вавилона въ мысляхъ иноземцевъ, снова стала господствовать надъ его жизнью и быстро уничтожила силу новаго царства. Заговоры, борьба партій, руководимыхъ вліятельными интригантками, всякія коварства разстроивали и придворную и государственную жизнь, быстро вели царство къ гибели. Исторія царей, во времена которыхъ іудейскіе плѣнники плакали на рѣкахъ вавилонскихъ, представляетъ обыкновенныя черты ослабленія восточныхъ царствъ, соединеніе сладострастія и роскоши съ произволомъ и жестокостью. Сынъ Небукаднезара, Эвилмеродахъ (Иллоарудамъ), развратникъ, процарствовавшій только два года, былъ убитъ Нериглиссаромъ, близкимъ родственникомъ. Черезъ четыре года погибъ и убійца; кажется, на походъ противъ персовъ. Сынъ его, Лабоссоракъ, еще ребенокъ, былъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ убитъ заговорщиками; они провозгласили царемъ того, кто руководилъ гнуснымъ дѣломъ; это былъ Набонетъ (Набо-Надіусъ). Достигнувъ престола злодѣянствомъ, онъ процарствовалъ 17 лѣтъ, въ постоянномъ страхѣ. Киръ уже началъ свои побѣдоносные походы, и отъ его проникательнаго взгляда не могло долго укрыться разстроенное состояніе богатаго вавилонскаго царства. Мы увидимъ, съ какими надеждами смотрѣли тогда на Персію плѣнные іудеи. Они считали Кира посланнымъ отъ Бога мстителемъ за нихъ, ждали, что онъ избавитъ ихъ отъ плѣна: онъ бичъ гнѣва божія, избранный богомъ наказать Вавилонъ за гордыню и нечестіе. «Вотъ, я подниму и приведу на Вавилонъ сборище великихъ народовъ отъ земли сѣверной», говоритъ Іегова въ книгѣ пророка Іереміи: «и расположится противъ него, и онъ будетъ взятъ. Стрѣлы у нихъ, какъ у искуснаго воина, не возвращаются даромъ. И Халдея сдѣлается добычею ихъ, и опустошители ея насытятся, говоритъ Господь... Созовите противъ Вавилона стрѣльцовъ; всѣ, напрягающіе лукъ, расположитесь станомъ вокругъ него, чтобы никто не спасся изъ него; воздайте ему по дѣламъ его; какъ онъ поступалъ, такъ поступайте и съ нимъ. Падутъ юноши его на улицахъ его и всѣ воины его истреблены будутъ въ тотъ день». Долго пришлось іудеямъ ждать исполненія своихъ надеждъ. Киръ пошелъ не на вавилонскаго царя, а на лидійскаго; ему надобно было покорить лидійское царство и греческіе города въ малой Азіи; прежде чѣмъ обра-

539.

тить свое оружіе на Вавилонское царство. Наконецъ, насталъ часъ. Въ девятнадцатый годъ своего царствованія Киръ повелъ войско на Вавилонъ. Исаія Вавилонскій восклицаетъ: «Такъ говоритъ Господь помазанному своему Киру: Я держу тебя за правую руку, чтобы покорить тебѣ народы и сниму поясы съ чреслъ царей, чтобы отворились для тебя двери, и ворота не затворялись; Я пойду предъ тобою и горы уравнию, мѣдныя двери сокрушу и запоры желѣзные сломаю». (Исаія XLV, 1, 2). Набонетъ, предвидѣвшій нападеніе, приготовился къ войнѣ: привелъ стѣны Вавилона въ хорошее состояніе, собралъ въ столицѣ запасъ продовольствія на много лѣтъ.

Пророкъ іудейскій восклицаетъ: «О ты, живущій при водахъ великихъ, изобилующій сокровищами! Пришелъ конецъ твой, мѣра жадности твоей!—И посѣщу Вила (Бела) въ Вавилонъ и исторгну изъ устъ его проглоченное имъ»—говоритъ Господь.—«Хотя бы Вавилонъ возвысился до небесъ и хотя бы онъ на высотѣ укрѣпилъ твердыню свою, толстыя стѣны Вавилона до основанія будутъ разрушены и высокія ворота его будутъ сожжены огнемъ. Противъ стѣнъ Вавилона поднимайте знамя, острите стрѣлы, созовите на него царства Араратскія, Минійскія и Асхеназскія, поставьте вожди противъ него, наведите коней, какъ страшную саранчу. Всѣ, напрягающіе лукъ, расположитесь станомъ вокругъ него. И воздамъ Вавилону и всѣмъ жителямъ Халдеи за все то зло, какое они дѣлали на Сіонѣ, говоритъ Господь. Низрину тебя со скалъ и сдѣлаю тебя горою обгорѣлою, и не возьмутъ изъ тебя камня для основанія, но вѣчно будешь запустѣніемъ» (Іереміа, LI, 13; 44; 53; 58; 12; 11; L, 29; LI, 24—26).

Лѣтопись Набонета, начерченная на цилиндрѣ, найденномъ Рассомомъ, пролила неожиданный свѣтъ на событія конца царствованія этого царя и на взятіе Вавилона Киромъ. По этой лѣтописи, въ девятый годъ правленія Набонета, «въ мѣсяцъ нисанъ, въ пятый день умерла мать царя, жившая въ крѣпости на Эвфратѣ за Сипаромъ. Сынъ царя и его воины совершали обрядъ печали три дня, и былъ плачь. Въ мѣсяцъ сиванъ совершился общественный обрядъ печали о матери царя въ странѣ аккадской. Въ мѣсяцъ нисанъ Киръ, царь персидскій, собралъ свое войско и ниже Арбель перешелъ Тигръ».—Въ десятый годъ Киръ пришелъ изъ страны Элимейской въ Аккадъ. Извѣстія о событіяхъ одиннадцатаго года чрезвычайно важны: «Мужи аккадскіе подняли возстаніе. Воины (Кира) взяли въ 14-й день Сипаръ безъ боя, Набонетъ бѣжалъ. Въ 16-й день Угбару (Ugbaru, Гобрій), правитель Гутіума и войско Кира вошли безъ боя въ Вавилонъ. Тогда захватилъ онъ Набонета, который уже прежде былъ закованъ въ цѣпи... Въ мѣсяцъ мархесванъ на третій день пришелъ Киръ въ Вавилонъ; улицы были предъ нимъ черны. Миръ изрекъ онъ городу, обѣщалъ Киръ Вавилону и всѣмъ живущимъ въ немъ. Угбару утвердилъ онъ намѣстникомъ, правителей назначилъ онъ»... Въ концѣ упоминается о смерти Набонета и о торжественномъ жертвоприношеніи, совершенномъ Камбизомъ, «сыномъ Кира».

По другой надписи, завоевание Вавилона Киромъ—побѣда Меродаха, національнаго бога вавилонянъ, котораго не чтилъ Набонетъ: «Тогда народъ сумирскій и акадскій, впавшій въ черную печаль, просилъ Меродаха возвратиться; онъ исполнилъ ихъ просьбу, возвратился и обрадовалъ страну, избравъ царя, который будетъ сообразно съ желаніемъ его управлять народомъ, ввѣреннымъ отъ него ему. Такъ провозгласилъ онъ Кира, царя Ансанскаго (Сузіанскаго) царемъ надъ всѣмъ міромъ и возвѣстилъ всѣмъ народамъ этотъ санъ его... Въ свой городъ Вавилонъ возбудилъ онъ его идти и велъ его по пути въ Вавилонъ; какъ другъ и благодѣтель велъ онъ войско... Безъ битвы и сопротивленія привелъ онъ ихъ въ Каланну, и окружилъ и завоевалъ онъ свой городъ Вавилонъ. Набонета, царя, который, не чтилъ его, предалъ онъ въ руки Кира. Весь народъ Вавилона, многіе изъ людей Сумира и Аккада, знатные и жрецы, возмутились противъ него, отказались цѣловать его ноги; они радовались власти Кира и перемѣнили подданство. Богъ... оказалъ ему всю свою милость, и объявленіе его возвѣстило: Я Киръ, царь царей, великій царь, могущественный царь, царь Сумира и Аккада, царь четырехъ земель, сынъ Камбиза, великаго царя, царя города Ансана (Сузы), внукъ Кира, великаго царя, царя города Ансана, правнукъ Сисписа (Тепспа), великаго царя, царя города Ансана. Прежній царскій родъ, владычество котораго поддерживали Белъ и Небд (Набо, Набу) въ благодати сердца своего, исчезъ, когда я побѣдоносно вступилъ въ Вавилонъ. Радостно и весело сдѣлалъ я царскій дворецъ моимъ жилищемъ».

Приведемъ теперь рассказы греческихъ писателей и Бероза, жреца при вавилонскомъ храмѣ Бела. Берозъ говоритъ: «Въ 17-й годъ Набонета пришелъ изъ Персіи Киръ съ большимъ войскомъ, и, покоривъ всю остальную Азію, двинулся на Вавилонъ. Услышавъ о его нападеніи, Набонетъ выступилъ съ войскомъ противъ него; подвергшись тяжелому пораженію, съ немногими воинами убѣжалъ въ Борсиппу, и былъ осажденъ въ ней. Киръ пришелъ къ Вавилону, велѣлъ разрушать стѣны города; но нашедши, что горожане очень искусны въ войнѣ, и что трудно покорить городъ, возвратился къ Борсиппѣ, принудить Набонета сдаться. Набонетъ не выдержалъ осады и сдался Киру. Киръ принялъ его милостиво и выслалъ его изъ Вавилоніи, назначивъ ему жить въ Карманіи. Набонетъ провелъ остальное время своей жизни въ этой странѣ, тамъ и умеръ». — Первая изъ приведенныхъ нами надписей говоритъ, напротивъ того, что Набонетъ умеръ въ Вавилонѣ, вскорѣ послѣ взятія этого города Киромъ.

По рассказу Геродота, вавилоняне встрѣтили Кира не какъ избавителя, а съ оружіемъ въ рукахъ. Услышавъ, что Киръ съ большимъ войскомъ идетъ изъ Мидіи на нихъ, они выступили противъ него.

Персы остановились на рѣкѣ Гиндѣ (Gyndes, нынѣшняя рѣка Джала) и долго стояли тутъ: Киръ, разгнѣванный тѣмъ, что при переправѣ утонулъ одинъ изъ бѣлыхъ коней, посвященныхъ солнцу, велѣлъ выкопать 360 каналовъ, чтобы вода изъ рѣки разошлась по нимъ. Персы, одолѣвъ сопротивленіе вавилонянъ, перешли Тигръ въ той мѣстности, гдѣ впадаетъ въ нее Гиндъ, и вторглись въ Вавилонію между Вавилономъ и Мидійскою стѣною. Вавилоняне пытались прогнать ихъ, но проиграли сраженіе и были принуждены запереться въ Вавилонѣ. Персы осадили его. Но осада долго оставалась безуспѣшною, такъ что положеніе Кира стало очень затруднительно, а вавилоняне, въ надеждѣ на изобиліе своихъ запасовъ пищи и на прочность своихъ стѣнъ, были увѣрены, что выдержать осаду. Наконецъ Киръ нашелъ средство взять городъ; самъ ли онъ придумалъ это, или кто другой присовѣтовалъ ему, но онъ сдѣлалъ, по рассказу Геродота, такъ: поставилъ часть войска тамъ, гдѣ рѣка втекаетъ въ городъ, другую тамъ, гдѣ она вытекаетъ изъ города, и велѣлъ этимъ воинамъ, когда увидятъ, что можно идти по рѣкѣ въ бродъ, войти ея русломъ въ городъ; а самъ, взявъ самую плохую часть войска, пошелъ къ озеру, выкопанному Нитокридою (то есть, къ Сефарваимскому водоему, вырытому Небукаднезаромъ), и сдѣлалъ, какъ сдѣлала она, именно: провелъ каналомъ воду изъ рѣки въ это озеро, которое тогда было ужъ только болотомъ; и когда вода потекла въ озеро, въ рѣкѣ осталось такъ мало воды, что можно стало идти по руслу въ бродъ. Увидѣвъ это, персы, поставленные на берегу, спустились съ обоихъ концовъ города въ Эвфратъ, который такъ обмелѣлъ, что вода была лишь немного выше колѣнъ воиновъ, и вошли по руслу въ Вавилонъ. Если бы жители впередъ знали замыселъ Кира, или хоть теперь увидѣли входящихъ въ рѣку персовъ, они не впустили бы ихъ въ городъ, а дали бы ихъ предпріятію постыдный конецъ: вавилонянамъ стоило только запереть ворота, которыя вели изъ города къ рѣкѣ, и стать на прибрежныхъ стѣнахъ,—и всѣ персы очутились бы въ плѣну, какъ птицы въ клѣткѣ. Но персы вошли въ городъ совершенно неожиданно для нихъ. А городъ такъ великъ, что, по рассказамъ жителей тѣхъ мѣстъ, когда враги ужъ овладѣли его окраинами, вавилоняне, жившіе въ срединѣ его, все еще ничего не знали, и продолжали плясать: у нихъ былъ тогда праздникъ, и они пировали и веселились, пока съ ужасомъ увидѣли, что такое случилось.

То, что рассказываетъ о взятіи Вавилона Ксенофонтъ въ „Киропедіи“, Разказы Ксенофонта и другихъ древнихъ писателей. Согласно въ общихъ чертахъ съ рассказомъ Геродота. Главная разница, что по Ксенофонтѣ Киръ отвелъ воду Эвфрата не въ прежній водоемъ, а въ большіе рвы, которые выкопалъ онъ по ту и по другую сторону рѣки. Киръ скрылъ свой замыселъ, объясняя, что хочетъ перерѣзать ими всѣ пути въ городъ; и вдругъ велѣлъ быстро прорыть узкіе промежутки отдѣлявшіе рвы отъ рѣки.—По словамъ Ксенофонта, вавилоняне тоже смѣялись

надъ осадю; они говорили, что у нихъ заготовленъ запасъ пищи на двадцать лѣтъ, и держать ихъ въ блокадѣ должны будутъ фригійцы, лидяне, арабы, каппадокіяне, расположенные къ нимъ, а не къ персамъ.—Въ разсказѣ Ксенофонта есть подробности, которыхъ нѣтъ у Геродота; приведемъ ихъ.—Перешейки между рѣкою и каналами были прорѣзаны, все было готово къ штурму; Киръ выбралъ для штурма такое время, когда у вавилонянъ былъ праздникъ, и они безопасно пировали и пили всю ночь. Онъ объяснилъ своимъ войскамъ, въ чемъ состоитъ ихъ превосходство надъ непріателемъ, и сказалъ имъ, что когда они войдутъ въ городъ и жители будутъ стрѣлять и бросать камни въ нихъ съ крышъ, то они должны поджигать дома съ низу, сдѣлать своимъ помощникомъ Гефеста: двери и перекладки будутъ легко загораться, потому что онѣ сдѣланы изъ пальмового дерева и намазаны нефтяною смолою.—Вошедши въ городъ, персы убивали всѣхъ попадавшихся имъ на встрѣчу, а сами кричали радостными голосами, какъ будто они тоже вавилоняне, веселящіеся на праздникъ; этимъ они сбивали съ толку вавилонянъ; они, какъ велѣлъ имъ Киръ, поспѣшно пошли къ дворцу и перерѣзали стоявшую передъ нимъ стражу. Услышавъ крики, царь велѣлъ отворить ворота и посмотреть, отчего этотъ шумъ. Какъ только растворились ворота, персы ворвались во дворецъ и, убивая всѣхъ встрѣчныхъ, дошли до зала, въ которомъ стоялъ среди придворныхъ царь съ обнаженнымъ мечемъ. Царь и придворные защищались, но были подавлены многочисленностью враговъ; царь и нѣкоторые другіе были убиты, остальные бѣжали. Киръ послалъ знающихъ сирійскій языкъ людей съ отрядами персидскихъ всадниковъ по улицамъ города, велѣвъ имъ громко возвѣщать, что жители, которые спокойно останутся въ своихъ домахъ, будутъ безопасны, но каждый захваченный на улицѣ будетъ убитъ. Утромъ вавилонскіе воины, находившіеся въ башняхъ, узнали, что городъ взятъ, царь убитъ, и сдались; Киръ поступилъ съ ними милостиво.

Паденіе Вавилона по разсказу Иерусалима. Эта мысль пророковъ утвердилась въ народѣ и породила преданіе, записанное тремя или четырьмя вѣками позднѣе (около 167 года до Р. Х.) въ книгѣ пророка Даніила. Этотъ разсказъ таковъ:

«Валтасаръ царь сдѣлалъ большое пиршество для тысячи вельможъ своихъ; и, вкусивъ вина, приказалъ принести золотые и серебряные сосуды, которые Навуходоносоръ, отецъ его, вынесъ изъ храма іерусалимскаго, чтобы пить изъ нихъ царю, вельможамъ его, женамъ его и наложницамъ его. И пили изъ нихъ царь и вельможи его, жены его и наложницы его, и славилъ боговъ золотыхъ и серебряныхъ, мѣдныхъ, желѣзныхъ, деревянныхъ и каменныхъ. Въ тотъ самый часъ вышли персты руки человѣческой и писали противъ лампы на извести стѣны чертога царскаго, и царь видѣлъ кисть руки, которая писала. Тогда царь измѣнился въ лицѣ своемъ, мысли его смутились, связи чреслъ его ослабли и колѣна его стали биться одно о другое. Сильно закричалъ царь, чтобы привели обаятелей, халдеевъ и гадателей», — и обѣщалъ имъ большія почести и награды, если они объяснятъ ему написанное. Но никто не могъ прочесть написанное и объяснить его смыслъ. Въ это время вошла въ залъ царица и посоветовала своему разстроенному супругу позвать плѣннаго іудея, Даніила, котораго Навуходоносоръ, отецъ царя, «поставилъ главою тайновѣдцевъ, обаятелей, халдеевъ и гадателей, потому что въ немъ оказались высокій духъ, вѣдѣніе и разумъ. Тогда введенъ былъ Даніилъ предъ царя». Царь сказалъ ему: «Если можешь прочесть это написанное и объяснить мнѣ значеніе его, то облеченъ будешь въ багряницу и золотая цѣпь будетъ на шеѣ твоей и третьимъ властелиномъ будешь въ царствѣ. Тогда отвѣчалъ Даніилъ: Дары твои пусть останутся у тебя, и почести отдай другому, а написанное я прочитаю царю, и значеніе

объясню ему... И вотъ что начертано: Мене, мене, текел, упарсин. Вотъ и значеніе словъ... Ты взвѣшенъ на вѣсахъ и найденъ очень легкимъ, раздѣлено царство твое и дано мидянамъ и персамъ». Это за то, что царь вознесся противъ Господа небесъ и осквернилъ сосуды дома его. «Въ ту же самую ночь Валтасаръ, царь халдейскій, былъ убитъ».—Итакъ, по этому разсказу Вавилонъ палъ при сынѣ Небукаднезара, «и Дарій мидянинъ принялъ царство», говоритъ разсказъ.—Валтасаръ, или Бельсазаръ, по надписямъ Биль-Саръ-Уссуръ, былъ сынъ и преемникъ Набонета.

Такъ, въ одинъ изъ дней между 5-мъ и 10-мъ числами августа 538 года, палъ, пируя гордый Вавилонъ, «краса народовъ». — «Во время разгоряченія ихъ сдѣлаю имъ пиръ и упою ихъ, чтобы они повеселились и заснули вѣчнымъ сномъ и не пробудились, говоритъ Господь», — пророчествовалъ Іеремія (LI, 39). Могуущественное царство, просуществовавшее, то въ величій, то въ бѣдствіяхъ, двѣ тысячи лѣтъ, было поглощено новымъ, болѣе обширнымъ царствомъ, персидскимъ. Во дворцахъ древнихъ царей были поставлены персидскіе гарнизоны, держать вавилонянъ въ повиновеніи. Но городъ остался цѣль. Киръ велѣлъ только проломать въ нѣсколькихъ мѣстахъ мидійскую стѣну. — Вавилонское царство съ этой поры исчезаетъ изъ исторіи. Разказы о неудачныхъ возстаніяхъ, отъ подавленія которыхъ все больше и больше падалъ городъ, — единственные свѣдѣнія о Вавилонѣ въ исторіи нѣсколькихъ слѣдующихъ поколѣній.—Плѣнные іудеи ликовали, что «разбитъ и сокрушенъ молотъ всей земли» (Іеремія, L, 28), и вавилонскій Исаія выразилъ это чувство:

Какъ не стало мучителя, престѣклось грабительство! сокрушилъ Господь жезлъ нечестивыхъ, скипетръ владыкъ, поражавшій народы въ ярости ударами неотвратимыми, во гнѣвѣ господствовавшій надъ племенами съ неудержимымъ преслѣдованіемъ. Вся земля отдыхаетъ, покоится, восклицаетъ отъ радости. И кипарисы радуются о тебѣ, и кедры ливанскіе, говоря: съ тѣхъ поръ, какъ ты заснулъ, никто не приходитъ рубить насъ. Адъ преисподній пришелъ въ движеніе ради тебя, чтобы встрѣтить тебя при входѣ твоёмъ; пробудилъ для тебя Рефаимовъ, всѣхъ вождей земли, поднялъ всѣхъ царей языческихъ съ престоловъ ихъ. Всѣ они будутъ говорить тебѣ: и ты сдѣлался безсильнымъ, какъ мы! и ты сталъ подобенъ намъ! Въ преисподнюю низвержена гордыня твоя со всѣмъ шумомъ твоимъ; подъ тобою подстилается червь, и червь — покровъ твой. Какъ упалъ ты съ неба, денница, сынъ зари! разбился объ землю, попиравшій народы. А говорилъ въ сердцѣ своемъ: взойду на небо, выше звѣздъ божіихъ вознесу престолъ мой, буду подобенъ Всевышнему. Но ты низверженъ въ адъ, въ глубину преисподней. Видящіе тебя всматриваются въ тебя и говорятъ: тотъ ли это человѣкъ, который колебалъ землю, потрясалъ царства, всееленную сдѣлалъ пустынею и разрушалъ города ея, плѣнниковъ своихъ не отпускалъ домой? Всѣ цари народовъ, всѣ лежатъ съ честью, каждый въ своей усыпальницѣ; а ты поверженъ внѣ гробницы своей, какъ презрѣнная вѣтвь, какъ одежда убитыхъ, сраженныхъ мечемъ, какъ попираемый трупъ». (Исаія, XIV, 4—19).

Радость іудеевъ.

Постепенное разрушение Вавилона. — Вавилонскія развалины. Съ того времени, какъ Вавилонъ утратилъ свою независимость, онъ сталъ бѣдѣть, и чѣмъ дальше, тѣмъ больше; населеніе его непрерывно уменьшалось. При Кирѣ, онъ еще оставался однимъ изъ первыхъ городовъ персидскаго царства; при Даріѣ и Ксеркѣ неудачныя возстанія навлекли на него тяжкіе удары, отъ которыхъ онъ ужъ не оправился. Александръ хотѣлъ сдѣлать Вавилонъ столицею своего царства и возстановить его блескъ; но это намѣреніе осталось неисполненнымъ: Александръ заболѣлъ въ древнемъ дворцѣ и умеръ во дворцѣ Небукаднезара; начатыя имъ работы остановились по его смерти; и вѣроятно, результатомъ ихъ было только разрушеніе: постройка почти еще не начиналась, шла только ломка того, что предполагалось перестроить. Въ смутныя времена селевкидовъ, потомъ при парянахъ и при сассанидахъ, Вавилонъ все больше и больше разрушался и пустѣлъ; его великолѣпныя зданія превратились наконецъ въ груды развалинъ. Возникшіе по сосѣдству съ нимъ новые города, Селевкия, Ктезифонъ, Вологезія, отнимали у него и значеніе и жителей; художественныя сокровища его, гипсовыя и другія плиты, покрытыя барельефами, другія изваянія были увозимы изъ него для украшенія новыхъ городовъ. Въ IV вѣкѣ нашей эры Вавилонъ, какъ мы знаемъ по свидѣтельству блаженнаго Иеронима, ужъ былъ массою развалинъ, жилищемъ дикихъ звѣрей; исполнилось надъ нимъ предсказаніе пророка: «Вавилонъ, краса царствъ, гордость халдеевъ, будетъ испроверженъ Богомъ, какъ Содомъ и Гоморра. Не заселится никогда, и въ роды родовъ не будетъ жителей въ немъ. Не раскинетъ аравитянинъ шатра своего и пастухи со стадами не будутъ отдыхать тамъ. Но будутъ обитать въ немъ звѣри пустыни, и домы наполнятся филинами; и строусы поселятся и косматые будутъ скакать тамъ. Шакалы будутъ выть въ чертогахъ ихъ и гіены въ увеселительныхъ домахъ». (Исаія, XIII, 19—22). Но слава его имени переходила изъ рода въ родъ, и западные народы въ средніе вѣка называли Вавилономъ Багдадъ, построенный арабами близъ Мидійской стѣны, отчасти изъ матеріаловъ вавилонскихъ зданій, какъ были строимы изъ вавилонскаго матеріала и другіе города той мѣстности: Селевкия, Ктезифонъ, Куфа, Эль-Маданнъ. «Не только нынѣшній городъ Гилла весь построенъ изъ вавилонскаго кирпича», говоритъ Риттеръ, «но и для всѣхъ большихъ и мелкихъ городовъ, деревень, мечетей, каравансераевъ той части долины Эвфрата каменоломнями служили горы развалинъ Вавилона, изъ которыхъ и теперь каждый день лодки увозятъ цѣлыми грузами строительный матеріалъ; единственные люди, живущіе между этими развалинами—люди, питающіеся ими, работники, выламывающіе камень изъ нихъ, и служащіе проводниками для путешественниковъ». Мѣстность, бывшая нѣкогда роскошнымъ садомъ, стала каменною пустынею, и шаги путника будятъ въ ней дикихъ звѣрей. Богатая страна, изумлявшая весь древній міръ своимъ плодородіемъ, бесплодна и безлюдна. Каналы иссохли; плотины развалились; орошеніе исчезло; на много миль кругомъ мѣстность покрыта развалинами, потому что и города, построенные изъ обломковъ зданій Вавилона, стали груды развалинъ, расширили своими массами мусора область разрушенія и запустѣнія. Затихъ шумъ великаго города, всѣ страсти сняты, и по равнинѣ проносится духъ пустыни въ образѣ вихря столбомъ пыли, отъ котораго бѣжитъ и самый алчный добычи арабъ. Огромнѣе и выше другихъ поднимаются надъ покрытою мусоромъ равниной шесть холмовъ развалинъ, подробно описанныхъ Риттеромъ. Самый большой и важный изъ нихъ *Бирсъ-Нимрудъ*; онъ имѣетъ форму продолговатаго четырехугольника; окружность его болѣе 2.000 футовъ; очертанія его еще ясно показываютъ, что это была пирамида, образуемая уступами этажей; видны и уступы нижнихъ этажей; изъ этого справедливо сдѣланъ выводъ, что Бирсъ-Нимрудъ, «Вашия Нимруда» — это развалины древняго Бирсипскаго храма, этажи котораго шли уступами, образуя ступенчатую пирамиду. «Страшно и величественно впечатлѣніе, производимое полемъ разрушенія, надъ которымъ все еще высится этотъ одинокій холмъ», говоритъ Риттеръ: «Впечатлѣніе чувствуется особенно сильно, когда смотришь на Бирсъ-Нимрудъ съ восточнаго берега Эвфрата, съ холмовъ развалинъ дворцовъ: на западъ за нимъ разстилается необозримая иссохшая пустыня, на югъ на краю горизонта виднѣются широкія зеркала воды; также очень сильно впечатлѣніе, которое чувствуешь, подымаясь

на Бирсъ-Нимрудъ: съ каждымъ шагомъ расширяется горизонтъ пустыни, на которой одиноко подымается онъ, яснѣе становится, какъ высокъ этотъ громадный холмъ, владычествующій надъ всею обширною равниною. Силъ страннаго чувства производимаго видомъ разрушенія много содѣйствуетъ совершенная мертвенность всего кругомъ: нѣтъ нигдѣ ни былинки, ни малѣйшаго слѣда зелени. Совершенное отсутствіе растительности — неизмѣнный характеръ всѣхъ мѣстностей Месопотаміи, на которыхъ нѣкогда стояли города: на нихъ не вырастаетъ ни одного стебелька зелени; только по окраинамъ обвалившихся каналовъ попадаются кусты тамариска». — Великолѣпный дворецъ Небукаднезара съ своими висячими садами, въ которыхъ еще Александръ искалъ прохлады отъ жара лихорадки и отъ солнечнаго зноя, превратился въ огромный холмъ мусора; живущіе по сосѣдству арабы называютъ этотъ холмъ *Эль-Касръ*, «дворецъ». Мѣстами найдены тутъ въ мусорѣ остатки погнѣшаго великолѣпія: цвѣтныя изразцы съ превосходною глазурью, куски мозаики, обломки плитъ, на которыхъ были нѣкогда изображены, какъ въ Ниневіи, фигуры животныхъ, сцены охоты, триумфальныя шествія, торжественныя жертвоприношенія, люди съ завитыми бородами, найдены обломки фигуръ лошадей и львовъ, найдены глиняные цилиндры и плитки съ клинообразными надписями, и ученые полагаютъ, что имъ удалось прочесть въ этихъ надписяхъ слова: «Небукаднезаръ, сынъ Набополасара, царь вавилонскій»; найденъ подлѣ древняго тамарискаго пня обломанный гранитный левъ колоссальнаго размѣра; арабская легенда называетъ тотъ пень тамариска «деревомъ жизни Али»; онъ — единственный остатокъ очаровательныхъ висячихъ садовъ Семирамиды. Въ третьемъ холмѣ развалинъ, на югъ отъ Эль-Касра, найдено множество глиняной посуды, урнъ, цилиндровъ, металлическихъ украшеній, вещей изъ слоновой кости, маленькихъ статуй изъ обожженной глины, принадлежащихъ культу Милитты. — Видъ этой области развалинъ напоминаетъ о пророческихъ словахъ Іереміи (I, 23; II, 37): «Какъ Вавилонъ сдѣлался ужасомъ между народами! Грудю развалинъ, жилищемъ шакаловъ, ужасомъ и посмѣяніемъ, безъ жителей!»

В. ХАНААНСКІЕ СЕМИТЫ.

Литературныя пособія: 1) Ханаанъ и населявшія его племена: Ritter, Erdkunde, томы 14—16-й. — Palästina, von K. V. Raumer, 3 изданіе, Leipzig, 1850. — Forbiger, Handbuch der alten Geographie, томъ 2-й, Leipzig, 1844. — W. Baudissen, Studien zur semitischen Religionsgeschichte, 2 выпуска, 1876—1878. — 2) Финикія. Movers, Phönizier, томъ 1-й, Bonn, 1841; томъ 2-й, выпуски 1 и 2, Berlin, 1849—1850. Авторъ умеръ, не издавъ третьяго тома, который долженъ былъ говорить о торговлѣ и промышленности финикійцевъ; потому дополненіемъ къ Моверсу остается старая книга: Heeren, Ideen über die Politik, den Verkehr und den Handel der alten Welt. — Gerhard, über die Kunst der Phönizier (въ Abhandlungen der Berliner Akademie за 1846 годъ). — O. Meltzer, Geschichte der Karthager, I, 1879. — Кромѣ того, греческіе писатели, въ особенности Страбонъ и Діодоръ, и книга, о которой мы ужъ много разъ упоминали: Duncker, Geschichte des Alterthums. — 3) Земля филистимская. K. B. Stark, Gaza und die philistäische Küste. Jena 1852. — Hitzig, Urgeschichte und Mythologie der Philistäer. Leipz., 1845. — 4) Народъ Израильскій. Въ годы, отдѣляющіе первое изданіе этой книги (1857) отъ настоящаго, произошелъ въ понятіяхъ объ исторіи народа израильскаго переворотъ, важность котораго еще начинаетъ раскрываться. Прежде, изслѣдователи занимались по преимуществу вопросами о частностяхъ, напримѣръ о томъ, къ началу или концу перевода пророческой литературы должно относить книгу Іоанна. Теперь выступилъ на первый планъ вопросъ о томъ, должно ли

по прежнему принимать за начальную основу истории израильского народа то, что принято называть мозаизмом, или этот закон — окончательный результат истории израильского народа, и должен быть признаваем за эвразмъ. Очень издавна были ученые относившие Пятикнижие къ временамъ, болѣе или менѣе позднимъ; но прежде, всѣ они, отъ еврея Абенъ-Эзры (умершаго въ 1167) до англійскаго епископа Коленса (1862—1871) оставались при мнѣніи, что порядокъ еврейскихъ 8 книгъ соответствуетъ въ общихъ чертахъ порядку развитія понятій израильскаго народа, и что въ частности Второзаконіе — сводъ постановленій, изложенныхъ въ первыхъ четырехъ книгахъ Пятикнижія. По этому воззрѣнію, история израильскаго народа была раздѣляема на слѣдующіе періоды: патриархальныя времена, мозаизмъ, времена судей и царей до раздѣленія царствъ іудейскаго и израильскаго, времена царствъ іудейскаго и израильскаго и дѣятельности пророковъ, времена реставраціи и іуданзма.

Мы сохранимъ это дѣленіе періодовъ. Главный источникъ для насъ — книги Ветхаго Завета (лучшіе нѣмецкіе переводы ихъ сдѣланы де-Ветте (4 изданіе 1858) и *Бунзенъ* (Bibelwerk, томы 1—3, 1858—1868); мы пользуемся и многочисленными комментаріями на разныя части Ветхаго Завета, въ особенности трудами *Туха*, *Кнобеля*, *Умбрейта*, *Гиццига*, *Эвальда*, *Берто*, *Сменда*.—Вторымъ источникомъ служили для насъ «Древности» Флавія Іосифа (Antiquitates, edidit Dindorf. Парижъ, 1845—1847).—Изъ трудовъ по истории еврейской поэзіи еще сохраняеть интересъ старый трактатъ *Гердера* (Vom Geist der ebräischen Poesie, 1782; 3-е изданіе, сдѣланное Юсти, Leipzig, 1825); мы пользовались «Введеніями» къ изученію Ветхаго Завета *де-Ветте* (1817; 8-е изд., сдѣланное *Шрадеромъ*, Berlin, 1860) и *Блека* (1860; 4-е изданіе, сдѣланное *Веллаузенъ*, Berlin, 1870), трактатами *Бунзена* Gott in der Geschichte (томъ I, Leipzig, 1857) и *Urkundenbücher* (5-й и 6-й томы его труда Bibelwerk, Leipzig, 1860—1870), *Эриста Мейера* Geschichte der poetischen National-Literatur der Hebräer (Leipzi, 1856) и *Нѣльдеке*, Die alttestamentliche Literatur (Leipzig, 1868).

Для изученія политической истории народа все еще остаются полезными пособіями, *Bertheau*, Zur Geschichte der israeliten (Göttingen, 1842); *K. Ad. Menzel*, Staats- und Religionsgeschichte der Königreiche Israel und Juda (Breslau, 1853), *Kurtz*, Geschichte des alten Bundes (2 изданіе, Berlin, 1853—1858). Первое подробное и полное изложеніе истории израильскаго народа написано *Эвальдомъ* (H. Ewald, Geschichte des Volkes israel, 7 томовъ, Göttingen, 1843—1859; 3-е изданіе, 1864—1868; дополнение къ этому разсказу составляетъ трактатъ о древностяхъ израильскаго народа, Die Alterthümer des Volkes israel, 3-е изданіе, 1866). Трудъ Эвальда служитъ основаніемъ для всѣхъ послѣдующихъ работъ. Книга Гиццига, Geschichte des Volkes israel, Leipzig, 1869, даетъ сжатый разсказъ; мнѣнія автора оригинальны до странности. Еврейскіе ученые въ послѣднія десятилѣтія приняли дѣятельное участіе въ научной разработкѣ древней истории своего народа; таковы труды *Йоса*, Allgemeine Geschichte des israelitischen Volkes (2 тома, Berlin, 1832) и *Грени*, Geschichte der Juden von den ältesten Zeiten bis auf die Gegenwart (10 томовъ, 1853—1873).

Новѣйшія из- Перемѣна въ понятіяхъ о ходѣ истории израильскаго народа произведена результатами слѣдованія о новѣйшихъ изслѣдованій источниковъ этой истории; потому необходимо начать съ изложенія этихъ результатовъ. Первымъ важнымъ шагомъ было то, что изслѣдователи стали точнѣе прежняго держаться разсказовъ, даваемыхъ книгами Царствъ, въ замѣнъ прежней привычки слѣдовать разсказамъ книгъ Паралипоменонъ, принадлежащихъ болѣе позднему времени. Но существеннѣйшимъ успѣхомъ было приобрѣтеніе болѣе точныхъ понятій о Пятикнижии. Исходною точкою для новыхъ изслѣдованій объ этомъ важнѣйшемъ источникѣ истории израильскаго народа было открытіе, сдѣланное въ 1753 году *Астриокомъ*, французскимъ ученымъ, который по своей специальности былъ не экзегетъ, а медикъ: онъ обратилъ вниманіе на важность того обстоятельства, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ книги Бытія употребляется вмѣсто слова «Іегова» слово «Элогимъ», и предположилъ, что эта разниа соответствуетъ двумъ источникамъ разсказа. Многіе специалисты по экзегетикѣ приняли и разработали эту мысль; напримѣръ, *Эйхгорнъ*, въ своемъ Einleitung

in das Alte Testament, первый томъ котораго былъ изданъ въ 1780 году. *Фатеръ* (1805) раздробилъ Пятикнижіе на множество мелкихъ кусковъ повѣствовательнаго и законодательнаго содержанія. Одновременно съ этимъ было замѣчено, что книга Бытія имѣетъ эпическій характеръ и т. д. *Де-Ветте* въ своихъ Beiträge zur Einleitung in das Alte Testament (Halle, 1806 и 1807) замѣтилъ, что въ историческихъ книгахъ, написанныхъ ранѣе книгъ Паралипоменонъ, очень мало говорится или вовсе не говорится о левитскихъ обрядахъ, предписываемыхъ книгами Исходъ, Левитъ и книгою Числъ. Это замѣчаніе имѣло большое вліяніе на дальнѣйшій ходъ изслѣдованій. Де-Ветте нашелъ, что въ древнихъ разсказахъ о событіяхъ религіи является имѣющею формы болѣе простыя, чѣмъ нѣкія предписаны закономъ Моисеевымъ въ Пятикнижии. Изъ этого онъ выводилъ, что законъ Моисеевъ относится не къ началу истории народа израильскаго, а къ позднему періоду ея, лежащему между временами Давида и плѣненіемъ вавилонскимъ. Нѣкоторые изъ ученыхъ, принимавшихъ эту мысль де-Ветте, смягчали ее тѣмъ, что по примѣру *Эйхгорна*, *Бертольда*, *Пусткужена* и *Мунка* приписывали нѣкоторые изъ находящихся въ Пятикнижии законовъ очень дальнему времени. *Блекъ*, *Тухъ*, *Ленгерке*, *Ренанъ*, принимая мысль де-Ветте, видоизмѣнили ее гипотезою, сущность которой состоитъ въ томъ, что авторъ іеговистскихъ частей пополнялъ ими прежній элогистскій разсказъ. Они полагаютъ, что этотъ первоначальный, элогистскій разсказъ, излагавшій древнѣйшую историю народа, былъ составленъ около 800 года на основаніи изустныхъ преданій, письменныхъ матеріаловъ и произведеній національной поэзіи. Совершенно неудачна гипотеза *Штезлина* (1843), полагавшаго, что пополнитель элогистскаго разсказа былъ и составителемъ Второзаконія; также неудачна и гипотеза *Бунзена* (1860), полагавшаго, что составитель Второзаконія жилъ при *Эзекіи*, что онъ же далъ и первымъ четыремъ книгамъ нынѣшнюю ихъ форму. Всѣ другіе ученые, принимавшіе гипотезу о дополненіи разсказа элогиста іеговистомъ, были согласны между собою въ томъ, что Второзаконіе—отдѣльное цѣлое, и что къ нему не примѣняются гипотезы этого рода, относящіяся къ книгѣ Бытія. Разногласіе между ними было только въ томъ, что Римъ (*Riehm*, Die Gesetzgebung im Lande Moab, Gotha, 1854) и большая часть ученыхъ, издававшихъ свои труды въ тѣ годы, считали Второзаконіе принадлежащимъ времени болѣе позднему, чѣмъ первыя четыре книги Пятикнижія, а другіе полагали, что оно составлено раньше этихъ книгъ; первыми, пришедшими къ этому выводу, были *Фатке* и *Жоржъ* (George), высказавшіе его въ 1835 году. *Эвальдъ* (1842) и *Кнобель* (1852—1862) построили очень многосложныя гипотезы о томъ, что части Пятикнижія, не принадлежащія ни первоначальному разсказу, ни Второзаконію, принадлежатъ нѣсколькимъ разнымъ пополнителямъ и редакторамъ; само собою разумѣется, что для различенія этихъ разныхъ авторовъ и для опредѣленія, кто они, Эвальду и Кнобелю пришлось руководиться произвольными соображеніями. Эвальдъ разсказываетъ ходъ дѣла съ точностью, какъ будто самъ былъ очевидецъ всему, о чемъ говоритъ: такіа-то и такіа-то мѣста написаны были Моисеемъ, послѣ того возникла «Книга войны Іеговы», потомъ, въ XIII вѣкѣ до Р. X., прибавилось къ этому жизнеописаніе Моисея; далѣе, во времена Самсона, возникла «Книга Союзовъ», во времена Соломона жреческая «Книга Началъ», послѣ того, во времена Іліи, были составлены Книга Бытія, Исходъ, Левитъ, книга Числъ; въ нихъ сдѣлалъ нѣкоторые дополненія четвертый писатель, пятый далъ имъ окончательную редакцію; изгнанный эфραίимитъ пополнилъ книгу Левитъ, а во времена Манассіи іудей, жившій въ Египтѣ, написалъ основные отдѣлы Второзаконія, получившаго окончательную редакцію при Іосіи. По теоріи Кнобеля, во времена Саула возникли эфраймскій кодексъ законовъ и іудейская книга Войны; эти книги во времена *Эзекіи* были соединены іеговистомъ въ одно цѣлое съ возникшимъ раньше ихъ разсказомъ элогиста, а при Іосіи было составлено Второзаконіе, и составитель этой книги былъ также авторомъ книги Исуса Навина.

Избавленіемъ отъ такихъ запутанныхъ теорій была рѣшимость *Николъ* (Nicolas) возвратиться къ мысли Астриока; онъ провелъ черезъ все Пятикнижіе теорію различенія двухъ авторовъ: однимъ, по его мнѣнію, былъ эфраймскій элогистъ, другимъ іудейскій іего-

висть; третій авторъ соединилъ эти два произведенія въ одно цѣлое; при Іосіи, къ составленному имъ произведенію прибавлено было Второзаконіе. Такова гипотеза Никола (1861). Но еще въ 1798 году *Имменъ* говорилъ, что не всѣ тѣ отдѣлы книги Бытія, въ которыхъ употребляется слово «элогимъ», могутъ быть признаваемы принадлежащими одному разсказу. Теперь *Гунфельдъ* (*Die Quellen der Genesis*, Berlin, 1853) и *Бемеръ* (*Das erste Buch der Torah*; Halle, 1862) пришли къ выводу, что было два элогиста: одинъ, жившій около 1000 года, былъ іудей; другой, жившій около 800 года, былъ эффраимитъ; а въ промежутокъ времени отъ перваго элогиста до втораго возникъ разсказъ іеговиста; этотъ іеговистъ не былъ дополнителемъ книги перваго элогиста, а написалъ особый, самостоятельный разсказъ. *Шрадеръ* (1869) и *Нельдеке* приняли эту теорію, но видоизмѣнили ее: по ихъ мнѣнію, іеговистъ жилъ послѣ обоихъ элогистовъ, а авторъ Второзаконія былъ особый, жившій еще позднѣе. — Къ числу изслѣдователей, державшихся мнѣній, однородныхъ съ этими гипотезами, принадлежитъ *Дильманъ*; онъ полагаетъ, что Пятикнижіе составлено чрезъ соединеніе нѣсколькихъ разныхъ произведеній, и что при соединеніи ихъ въ одно цѣлое, составитель свода переработалъ ихъ по опредѣленному плану (1875 и 1881).

При шаткости выводовъ объ отношеніяхъ между элогистическими и іеговистическими отдѣлами Пятикнижія, научныя понятія о древнѣйшей исторіи народа израильскаго должны опираться на данныя, представляемыя книгами пророковъ, жившихъ до плѣненія, и древнѣйшими изъ историческихъ книгъ Ветхаго Завѣта. Примѣненіе этого метода ведетъ къ вопросу, началомъ ли исторіи народа израильскаго должно считать законодательство Моисеево, или результатомъ долгихъ вѣковъ ся. Къ одинаковому рѣшенію этого новѣйшія изслѣдованія привели тремя разными, независимыми другъ отъ друга путями. Мы уже говорили о высказанномъ въ 1835 году Фатке и Жоржемъ мнѣніи, что Второзаконіе древнѣе законодательныхъ отдѣловъ другихъ книгъ Пятикнижія. Такое же мнѣніе высказывалъ съ 1833 въ своихъ лекціяхъ страбургскій профессоръ *Рейсъ*; его ученики *Графъ* и *Кайзеръ* издали трактаты, основанные на этой мысли его (*Graf, Die geschichtlichen Bücher des Alten Testaments*, Leipzig, 1865; — *Kayser, Das vorexilische Buch der Urgeschichte Israels*, Strassburg, 1874); наконецъ, онъ самъ подробно изложилъ ее (*L'histoire sainte et la Loi*, Paris, 1879; — *Geschichte der heiligen Schriften Alt. Testamentes*, 1881). По мнѣнію Рейса, древнѣйшіе отдѣлы Пятикнижія тѣ, которые приписываются такъ называемому второму элогисту; написанное этимъ элогистомъ вошло въ составъ разсказа такъ называемаго «пророческаго повѣствователя», іеговиста, жившаго около 850 года; Рейсъ, подобно Нельдеке, считаетъ іеговиста дополнителемъ написаннаго вторымъ элогистомъ; этого втораго элогиста, трудъ котораго весь вошелъ въ составъ труда іеговиста, Рейсъ считаетъ писавшимъ независимо отъ перваго элогиста, написавшаго въ халдейскій періодъ идеальную исторію прошлаго, выражавшую его понятія о цѣли божественнаго завѣта. Къ іеговисту примыкаетъ Второзаконіе, а къ первому элогисту законодательство книги Левитъ и однородныхъ съ нею отдѣловъ другихъ книгъ. Къ выводамъ, въ существенныхъ чертахъ одинаковымъ съ этими, пришелъ и голландскій изслѣдователь *Кюненъ*, восстанавливающий древнѣйшую исторію народа израильскаго на прочной основѣ данныхъ, находящихся въ книгахъ пророковъ, жившихъ до плѣненія вавилонскаго (*K u e n e n, Historisch-kritisch onderzoek nar het ontstaan en de verzameling van de boeken des ouden Verbonds*, 1861 слѣд. — *De Godsdienst van Israel tot den ondergang van den joodschen staat*, 1869—1870). Понятія Кюнена принялъ *Вельгаузенъ*, въ своей «исторіи Израиля» (*Geschichte Israels*, томъ I-й, Berlin, 1878). Книга Вельгаузена, показывающая, что развитіе религіозныхъ и гражданскихъ учреждений шло параллельно развитію литературы, доставила новому воззрѣнію на древнѣйшую исторію израильскаго законодательства преобладаніе въ нѣмецкой наукѣ. *Думъ*, *Каучъ*, *Смендъ*, *Фридрихъ*, *Кестминъ* и другіе перешли на эту точку зрѣнія, и въ духѣ этой исторіи написанъ трактатъ Шульца *Alttestamentliche Theologie* (2 изданіе, 1878). Другаго выбора и не остается, какъ показываютъ слѣдующія общія соображенія.

По прежнему воззрѣнію, высшая степень развитія считалась достигнутою, по крайней

мѣрѣ какъ идеаль, съ самаго же начала. Послѣдующему времени не оставалось бы никакой иной дѣятельности, кромѣ заботы проникаться духомъ прошлаго. И въ частности, у пророковъ отнималась всякая творческая дѣятельность. Исторія націи представлялась монотоннымъ рядомъ отпаденій отъ первоначальнаго состоянія и возвращеній къ нему, наказаній и исправленій; іудеи совершенно исправились во время плѣненія, даже нѣсколько улучшили свои первоначальныя учрежденія; послѣ того въ жизни ихъ наступилъ безусловный застой. Такова обычная схема трактатовъ объ израильской и старо-іудейской исторіи. Но эта теорія противорѣчитъ общему ходу событій всеобщей исторіи, и методическому изложенію исторіи народа израильскаго по источникамъ. Въ числѣ источниковъ очень важное значеніе имѣютъ рѣчи пророковъ. Если бы пророки были собственно лишь стражами закона, какъ это предполагаетъ прежняя теорія, то они постоянно ссылались бы на него. Но только съ Іеремиіи начинаютъ пророки упоминать о писанномъ законѣ, и этотъ законъ очевидно не первый четыре книги Пятикнижія, а Второзаконіе. До Іеремиіи имя Моисея встрѣчается у пророковъ только два раза (Осія, XII, 14; Михей, VI, 5). Они не только защищали противъ вторгающагося язычества служеніе Іеговѣ, но и развивали нравственный элементъ понятія о Іеговѣ; они провозглашали истинно общечеловѣческій монотеизмъ; мы видимъ много признаковъ того, что во время судей, первыхъ царей у израильтянъ понятія о божествѣ были менѣе возвышенныя, болѣе близкія къ политеизму; потому невозможно считать пророковъ только истолкователями прежнихъ понятій. На этой точкѣ стоитъ уже Эвальдъ. Писанный законъ не могъ бы быть игнорируемъ. Эвальдъ оставался при прежнемъ мнѣніи, что Второзаконіе новѣе законодательства первыхъ четырехъ книгъ. Но когда филологическія и историческія изслѣдованія показали, что элогистическіе отдѣлы книги Бытія не древнѣе іеговистическихъ, то устранилось и мнѣніе, что Второзаконіе новѣе законодательства четырехъ первыхъ книгъ. — Мы имѣемъ извѣстіе, что Второзаконіе было обнародовано около 623 года; это извѣстіе записано только черезъ 60 лѣтъ послѣ факта, о которомъ говорить, и достовѣрность его подтверждается всѣми новѣйшими изслѣдованіями. — Мы увидимъ, что во времена судей обряды жертвоприношеній, праздниковъ и т. д., были не тѣ, какіе установлены Пятикнижіемъ, что и во времена Самуила, Саула, Давида обряды совершаемы были не по писаннымъ правиламъ, а по формамъ обычая. Порядокъ богослуженія, введенный при Соломонѣ, описывается, какъ порядокъ, вновь учрежденный. Илія жалуется, что алтари Іеговы разрушены повсюду въ царствѣ израильскомъ; и такъ прежде алтари Іеговы были повсюду. Книги царствъ и книги древнѣйшихъ пророковъ представляютъ много фактовъ, показывающихъ, что тогда еще не было учрежденій, установленныхъ Пятикнижіемъ.

1. Сирійская страна и ея жители.

На западѣ отъ бассейна Эвфрата и Тигра подымается Сирія, горная страна, имѣвшая чрезвычайно важное значеніе въ исторіи человечества. Хребты горъ ея идутъ по направленію съ сѣвера на югъ. Сирія въ обширномъ смыслѣ слова—это вся страна отъ Аманскаго хребта, одного изъ многихъ развѣтвленій Тавра, до Потока Египетскаго; она рѣзко отдѣлена песчаною сирійскою и арабскою пустынею отъ другихъ плодородныхъ странъ, лежащихъ на востокѣ. Собственно Сирією называется только сѣверная часть этой горной страны, нынѣшній *Сористанъ*. Всемирно-историческое значеніе принадлежитъ не этой странѣ, гдѣ течетъ Оронтъ, а *Финикии*, узкому побережью,

Сирія.

и холмистой области на югъ отъ Ливана, Палестинѣ или Ханаану. Сирія въ тѣсномъ смыслѣ слова была страной, черезъ которую ходили войска и народы изъ Месопотаміи на западъ, или съ запада въ глубину Азіи; въ позднѣйшія времена древности она имѣла очень большую историческую важность въ этомъ отношеніи. Сѣверная часть ея—горная страна, въ которой должны хорошо орошены природою и въ древности были очень изобильны фидами, финиками и другими южными плодами; южная часть, лежащая по Оронту, только при очень усердной обработкѣ и заботливомъ искусственномъ орошеніи давала жатвы, да и то не особенно изобильныя; на востокъ отъ Оронта страна постепенно принимала характеръ пустыни. Но пустыня въ древности захватывала менѣе пространства, чѣмъ нынѣ. Неустойчивымъ трудолюбіемъ населенія сухая песчанистая почва была тогда превращена въ плодородныя поля; тамъ, гдѣ теперь пустыня, стоялъ великолѣпный Тадморъ (Пальмира); дальше на востокъ высились какъ острова на необозримомъ песчаномъ морѣ, цвѣтущіе города; ихъ было много. Хребты горъ сѣверной и западной Сиріи, нынѣ почти совершенно нагіе, но въ древности покрытые прекрасными лѣсами, составляютъ развѣтвленія Тавра и соединены грядою холмовъ съ Ливаномъ.

Келесирія.

Конфигурація сирійской страны опредѣляется длиннымъ рядомъ горъ, идущихъ съ сѣвера на югъ между песчаными пустынями на востокъ и Средиземнымъ моремъ. Продольная ложбина, которую древніе называли Келесирією, «Ложбиною Сирією», дѣлитъ эту массу горъ на двѣ половины; восточная половина подымается изъ ложбины крутою стѣною и отлогимъ спускомъ идетъ къ Эвфрату и пустынѣ; западная половина опускается къ морю крутымъ обрывомъ. Самая высокая часть ложбины находится тамъ, гдѣ нѣкогда стоялъ сформировавшійся около храма солнца городъ Гелиополь (Бальбекъ); отсюда текутъ по склонамъ долины двѣ рѣки: одна на сѣверъ, другая на югъ. На сѣверъ течетъ Оронтъ, горная рѣка съ чистою, прозрачною водою, осѣненная смаковницами. Близъ истока, она снова скрывается на нѣкоторое протяженіе подъ землею, потомъ образуетъ маленькое озеро; дальше; по берегамъ ея разстилаются прекрасныя луга Эмеса (Гемса) и Апамен (Гамата); близъ Антиохіи, она круто поворачиваетъ на югозападъ, и впадаетъ въ море судходною рѣкою. Рѣка, текущая на югъ, Леонтъ (Литани), нѣкогда орошала своимъ верховьемъ сады и поля Бальбека: изъ нея было проведено много каналовъ по священной области храма, покрытой теперь развалинами; на югъ ложбины она поворачиваетъ въ ущелье, которымъ разорванъ западный хребетъ, и впадаетъ въ море близъ Тира. Далѣе на югъ, на склонахъ покрытой снѣгомъ, священной горы Эрмона, образуется изъ соединенія нѣсколькихъ потоковъ Иорданъ, рѣка, дающая жизнь своей странѣ. Питаемый множествомъ ручьевъ, порождаемыхъ

Иорданъ.

тапишемъ снѣга на горахъ и дождями, Иорданъ стремительно бѣжитъ по глубокому ущелью между крутыхъ скалъ, и протекаетъ два озера, образуемая горными потоками. Верхнее и меньшее изъ нихъ, Меромъ, лѣтомъ почти высыхаетъ; въ его густомъ тростникѣ и болотной травѣ живетъ много змѣй и дикихъ животныхъ. Второе озеро, Тиверіадское (Геннесаретское, Киннеретское) довольно большое, имѣетъ чистую, прозрачную воду, и мѣстность кругомъ прекрасна. Долина ниже этого озера получаетъ все свое плодородіе отъ орошенія, даваемого ей прохладною горною водою Иордана; онъ впадаетъ въ Мертвое море, въ глубокомъ провалѣ, много ниже уровня моря. Почти все другія сирійскія рѣки лѣтомъ пересыхаютъ; но въ Иорданъ и лѣтомъ почти столько же воды, какъ зимою. «Потому справедливо любить вся Палестина прекрасныя, покрытыя снѣгомъ вершины Эрмона», говоритъ Риттеръ: «Съ нихъ льется плодородіе на нее. Земледѣлецъ и пастухъ, поэтъ и пророкъ, мораль и поэзія заимствуютъ отъ Эрмона прекраснѣйшія свои уподобленія и символы». Передъ впаденіемъ въ Мертвое море Иорданъ орошаетъ прелестную, красующуюся пальмовыми рощами и розовыми садами Иерихонскую долину: тамъ, въ климатѣ, почти тропическомъ, въ продолженіе цѣлыхъ десяти мѣсяцевъ виноградныя лозы давали зрѣлыя грозды, смоковницы давали зрѣлыя плоды, изумительно обильны были сборы финиковъ и лимоновъ. Иорданъ исчезаетъ въ Мертвомъ морѣ, но долина продолжается на югъ почти до Чермнаго моря; въ нее сбѣгаютъ съ горъ ручьи; но не образуютъ рѣки въ ущельѣ, поглощающемъ ихъ воду.

Восточная терраса, которую жители ея называли Арамомъ, «высотою», состоитъ изъ множества плоскихъ возвышенностей, перерѣзанныхъ грядами скалъ; лѣтняя засуха и рѣзкій вѣтеръ дѣлали нивы Арама скудными, и населеніе его не было густымъ. Сѣверная часть восточнаго хребта, Антиливанъ, достигаетъ высоты 10000 футовъ. Верхнія полосы склона хребта покрыты пастбищами, по которымъ ходятъ стада козъ и овецъ; есть тамъ и дубовыя лѣса; но по мѣрѣ того, какъ терраса опускается къ востоку, растительность ея становится скуднѣе, мѣстность дѣлается неудобною для земледѣлія, пригодною лишь для кочевой жизни, и на сирійско-арабской окраинѣ она превращается въ пустыню; караваны изъ Сиріи шли къ Эвфрату по сыпучему песку, встрѣчая плодородныя мѣста лишь въ оазисахъ Дамаска, Тадмора (Пальмиры), Берей (Алеппо). На югъ отъ Антиливана до Мертваго моря лежитъ Гилеадъ (Галаадъ), прозываемый долиною рѣки Яббока; по высотамъ Гилеада росли прекрасныя дубовыя лѣса и были богатыя пастбища, а долины его изобиловали хлѣбомъ, оливами и виноградниками.

Западную горную страну жители ея называли, въ противоположность Араму, Ханааномъ (Канааномъ) «низменностью». Это не

Арамейская терраса.

Ханаанъ.

Ливанъ.

широкая приморская полоса; по всей ея длинѣ идетъ крутой хребетъ, въ сѣверной части котораго, называющейся Ливаномъ, вершины достигаютъ высоты отъ 8,000 до 9,000 футовъ. Говорятъ, что «Ливанъ» значитъ «бѣлая гора»; если это такъ, то названіе дано ему по бѣлому цвѣту его известняковыхъ скалъ, а не потому, чтобы на вершинахъ его было много снѣга. Правда, Іеремія говоритъ о вѣчныхъ снѣгахъ Ливана, а Тацитъ удивляется тому, что вершины Ливана «холодны и покрыты снѣгомъ», хотъ онъ находится въ странѣ жаркаго климата; но снѣга никогда не бываетъ такъ много, чтобы цвѣтъ его могъ служить характеристикой горъ. Только на самыхъ верхнихъ подъемахъ Ливана лежитъ снѣгъ зимою; лѣтомъ нѣтъ снѣга и на нихъ. Вдоль этого хребта идетъ узкая длинная полоса приморья, простирающаяся на югъ до горы Кармила (Кармела), утесы котораго образуютъ мысъ, выступающій далеко въ море. Сбѣгающій съ Кармила потокъ Кисонъ составляетъ южную границу Ливанскаго приморья, жаркія, сырыя низменности котораго перерѣзаны уступами предгорій и множествомъ ручьевъ и рѣчекъ. Въ древности тутъ была роскошная, благоухающая растительность; на небольшомъ разстояніи тутъ совмѣщаются всѣ времена года; арабскіе поэты говорили о Ливанѣ, что на головѣ онъ имѣетъ зиму, на груди осень, а у ногъ его дремлетъ лѣто. На предгорьяхъ воздухъ свѣжъ и здоровъ; въ древности, они были покрыты виноградниками, рощами тутовыхъ и смоковничныхъ деревьевъ; выше по горамъ красовались лѣса стройныхъ кедровъ и кипарисовъ, а по защищеннымъ отъ холоднаго вѣтра склонамъ разстилались богатые пастбища ароматическихъ травъ, питая стада овецъ и козъ. Но въ дикихъ ущельяхъ жили и хищные звѣри, львы и шакалы. Эта прибрежная полоса была «страна финиковыхъ пальмъ», Финикія. «Каждый заливъ ея имѣлъ свою горную рѣчку», говоритъ Риттеръ: «устье каждой рѣчки имѣло плодородную равнину, гавань и портовой городъ. Защищенное съ востока крутыми скалами Ливана, на западѣ это побережье находилось въ очень благопріятныхъ условіяхъ для морской торговли, и направление вѣтра и морскія теченія влекли населеніе этого берега къ мореходству». Множество скалистыхъ мысовъ, о которые разбиваются волны, образовали пристани, укрытыя отъ бурь.

Финикія.

Галилея.

Самарія.

На югъ отъ суроваго скалистаго Кармила, вдающагося утесистымъ мысомъ въ море, страна получаетъ другой характеръ. Горы отступаютъ отъ моря, хребты ихъ становятся шире и однообразнѣе; прибрежная полоса тоже расширяется, становится плоскою, песчанистою; заливами и гаванями она была бѣдна. Лѣсистые отроги Кармила охватываютъ плодородную высокую Эздрелонскую равнину (Галилею), на срединѣ которой одиноко подымается покрытая густыми лѣсами конусообразная гора Ѡаворъ; на высотѣ 7000 футовъ подъемъ ея срѣзанъ и образуетъ большую овальную равнину. Самарія или

Эфраимъ—страна роскошныхъ луговъ, изобильно орошаемая ручьями; по ней проходятъ два хребта, самыя высокія части которыхъ лежатъ другъ противъ друга; одна изъ этихъ вершинъ—нагая скала Геваль (Эбаль), другая—покрытый лѣсомъ Гаризимъ; къ нимъ прилегаютъ нѣсколько плодородныхъ долинъ съ роскошными лугами, со множествомъ фруктовыхъ садовъ и оливковыхъ рощъ. На сѣверъ отъ Іоппы лежитъ Саронская долина; ея начинается знаменитое плодородіемъ приморье, растительность котораго наиболѣе роскошна въ окрестностяхъ филистимскаго города Газы, гдѣ между нивъ ячменя и пшеницы разбросаны финиковыя рощи и виноградники, обведенные смоковничными и кактусовыми изгородями.—Страна между Мертвымъ моремъ и побережьемъ Средиземнаго моря имѣетъ болѣе суровый характеръ. Горы тутъ болѣею частью нагія скалы; между горами и песчанистымъ западнымъ побережьемъ нѣтъ большихъ рѣчныхъ долинъ; узкими скалистыми разсѣлинами направляются къ западу ущелья, вымытыя въ горахъ стремительными потоками; каменистое плоскогорье неплодородно. Только около Хеврона (Геброна) хорошо растутъ виноградъ, финики и оливы. Іудея скудна дарами природы, потому что въ ней мало дождей, а изъ пустыни съ юга дуетъ иссушающій вѣтеръ. Въ мѣстностяхъ, недалекихъ отъ Средиземнаго моря, еще растутъ кое-гдѣ группы оливъ и финиковыхъ пальмъ, но и то чахлыхъ; а въ сосѣдствѣ Мертваго моря исчезаетъ всякая растительность: земля тутъ утратила, какъ говоритъ Тацитъ, плодородную силу; трава и цвѣты, дикіе ли, разводимые ли человѣкомъ, вырождаются, не даютъ семени, рассыпаются въ пепелъ. Только трудолюбіе дѣятельнаго народа могло извлекать пищу изъ скупой почвы Іудеи; но и то въ количествѣ, не покрывавшемъ потребностей. Поэтому жители Іудеи должны были покупать себѣ пшеницу въ Египтѣ, какъ сѣверные сирійцы покупали ее въ Вавилоніи.

Іудея.

Въ еврейскихъ священныхъ книгахъ есть преданіе о городахъ Соломъ и Гоморрѣ, Мертвое море. стоявшихъ у Мертваго моря и истребленныхъ съ лица земли за свою грѣховность огненнымъ дождемъ. Страбонъ и Тацитъ тоже слышали сказаніе, что стоявшіе тутъ большіе, богатые города были уничтожены молніею или подземнымъ огнемъ; Тацитъ полагаетъ, что причина совершеннаго запустѣнія той мѣстности, — соляныя и сѣрные испаренія Мертваго моря, убивающія всякую растительность. Сѣрные источники и залежи асфальта показываютъ, что это вулканическая мѣстность. Огромныя глыбы соли, находящіяся по берегамъ, объясняютъ рассказъ о женѣ Лота. Передъ одною изъ высокихъ прибрежныхъ скалъ есть покрытый слоемъ известняка соляной столбъ вышиною въ 40 футовъ; народъ говоритъ, что это—жена Лота. Въ книгѣ Премудрости говорится о сожженныхъ городахъ, «отъ которыхъ во свидѣтельство нечестія осталась дымящаяся пустая земля и памятникомъ невѣрной души—стоящій соляной столбъ». (X, 7). О Мертвомъ морѣ Тацитъ говоритъ, что оно обширно, такъ что въ самомъ дѣлѣ подобно морю, что вкусъ его воды еще противнѣе вкуса морской воды, и рѣзкій запахъ его вредитъ сосѣднимъ жителямъ; его не волнуютъ никакіе вѣтры, въ немъ нѣтъ рыбъ, нѣтъ на немъ водяныхъ птицъ. То, что падаетъ на его неподвижную воду, остается на ея поверхности, какъ на твердой землѣ; вода его держитъ на себѣ и умѣющихъ и не умѣющихъ плавать.

Въ известное время года оно выбрасываетъ черную смолу; она сначала жидка, но на нее льютъ кислоту, она сгущается, и жители собираютъ ее. Она вывозится въ Египетъ для балзамировки.

Характеръ
страны и на-
селенія.

Характеръ сирійской страны имѣлъ очень сильное вліяніе на ходъ развитія ея населенія. Собственно такъ называемая Сирія, страна по Оронту, была естественнымъ путемъ съ востока на западъ, и потому всегда дѣлалась добычею большихъ царствъ, войска которыхъ безпрестанно ходили черезъ нее, подавляли въ ней самостоятельную культуру, замѣняли національную образованность иноземною. Ханаанъ, — состоящій изъ Финикіи и Палестины, — составлялъ особый міръ; пустыня и море затрудняли доступъ къ нему, защищенному скалами, ущельями, горами. Укрытые отъ сосѣднихъ могущественныхъ царствъ крутою, почти неприступною стѣною горъ, жители Ханаана довели до полнаго развитія свои природныя особенности; и когда впослѣдствіи времени иноземные завоеватели проникли въ ихъ горы, ихъ національная культура была ужъ такъ крѣпка, что устояла противъ чужихъ вліяній. — Огражденная природою отъ иноземцевъ, Ливанская страна была такъ разнообразна, что въ ней развились очень разнохарактерныя народности, которыя, отличаясь одна отъ другой образомъ жизни, не могли соединиться въ одно государство, подчиниться одинаковымъ учрежденіямъ. На узкомъ западномъ побережьи съ многочисленными пристанями, жители занялись мореходствомъ, добывая себѣ средства жизни изъ далекихъ земель; свѣтлые холмы и широкія долины горъ возбуждали своею плодородною почвою къ земледѣлію, разведенію виноградниковъ и фруктовыхъ садовъ; а пастбища на хребтѣ горъ были удобны для пастушества. Воздѣланныя террасами нивы Ханаана имѣли такую же знаменитость, какъ дѣятельная морская торговля финикійскихъ городовъ; благодаря трудолюбію своихъ земледѣльцевъ, Ханаанъ славился, какъ страна, въ которой «текутъ молоко, медъ и масло». Давая развитіе разнообразности народовъ, разнообразіе страны благопріятствовало возникновенію небольшихъ, замкнутыхъ государствъ; каждое племя сохраняло свою независимость, свободно развивалось соотвѣтственно своимъ склонностямъ; такимъ образомъ возникли тѣ племенные противоположности, борьба между которыми составляетъ главное содержаніе исторической жизни ханаанскихъ народовъ. Жители побережья были склонны къ нововведеніямъ, горное населеніе держалось старины; торговые племена жили роскошно, земледѣльцы и пастухи вели простой, скромный образъ жизни; въ религіи финикіянъ былъ элементъ сладострастія, израильское служеніе Іеговѣ имѣло строгій характеръ; жители богатыхъ финикійскихъ городовъ были непостоянны, предамы чувственности, изысканности; суровые жители горъ были привычны выносить лишения и упорно держались старыхъ обычаевъ

и понятій. Изъ взаимодѣйствія этихъ противоположностей развились въ маленькой сирійской странѣ многочисленные государства, разнохарактерность которыхъ составляетъ существенное различіе ея отъ обширныхъ деспотическихъ государствъ востока, гдѣ власть насильственно налагала однообразный типъ на жизнь всего населенія, все двигалось подъ руководствомъ одной преобладающей силы, и человѣкъ былъ лишь подданнымъ общей государственной власти. Физическою и умственною борьбою разныхъ стремленій выработалась у сирійцевъ и въ личныхъ характерахъ и въ характерахъ племенъ такая энергія и твердость, примѣровъ какой мало въ исторіи человечества. «На сирійской почвѣ выработались взаимодѣйствіемъ силъ природы и племенныхъ особенностей такіе результаты, которые проявили вліяніе на жизнь всего человечества», говоритъ Риттеръ.

Израильтяне, когда еще мало знали сирійскую горную страну, дѣлили ее на *Арамъ*, „возвышенность“ и *Ханаанъ* (Канаанъ), „низменность“. Въ ней уже съ древнѣйшихъ временъ жило нѣсколько разныхъ племенъ. Одни изъ нихъ должно считать автохтонами; таковы, напримѣръ, финикійцы. Правда, есть и о финикійцахъ извѣстія, что они переселились на свое побережье съ Персидскаго залива; но извѣстія эти неопредѣленны и не имѣютъ опоры въ народныхъ преданіяхъ самихъ финикійцевъ. Другія племена пришли въ доисторическое время въ Ханаанъ и Арамъ или черезъ сѣверную Сирію или съ юга изъ Аравіи. Нѣкоторые, какъ напримѣръ израильскія племена, пришли туда довольно поздно и овладѣли страной ужъ только посредствомъ завоеванія. Населеніе Ханаана и Арама первоначально состояло изъ племенъ, различныхъ по языку, религіи, правамъ, образу жизни и государственному устройству; дѣлилось на множество мелкихъ владѣній, которыми управляли старшины; эти общины часто были въ племенной враждѣ одна съ другими. Впослѣдствіи времени, онѣ сгруппировались въ болѣе крупныя государства: нѣсколько племенъ, родственныхъ между собою, добровольно соединились въ союзъ; племена болѣе многочисленные или образованныя покоряли менѣе многочисленныхъ или нецивилизованныхъ сосѣдовъ. До самаго конца своей исторической жизни оставались раздѣльными одна отъ другой три группы: финикіянне, израильтяне и хананеи; хананейская группа, за которою осталось названіе, заимствованное отъ имени страны, состояла изъ разныхъ племенъ. Иногда одна изъ этихъ трехъ группъ достигала преобладанія въ Ханаанѣ, но никогда не соединялись онѣ въ одно національное цѣлое; онѣ были такъ различны по своимъ склонностямъ и правамъ, что очень рѣдко могли уживаться въ мирѣ между собою.

Племена.

1) *Населеніе финикійскаго побережья*. О происхожденіи финикіянъ было много споровъ между учеными. По этнографическому списку Пятикнижія, всѣ хананейскія племена, въ томъ числѣ и финикіянне, — потомки Хама, слѣдовательно соплеменники египтянъ и южныхъ народовъ. Но по языку и культурѣ они семиты. Израильтяне вели войны съ ханаанскими племенами, и по національной враждѣ называли ихъ происшедшими отъ Хама, подвергшагося проклятію (книга Бытія, IX, 25). Нѣкоторые ученые впрочемъ полагаютъ, что финикіянне, переселись въ Ханаанъ, позабыли свой прежній языкъ и усвоили себѣ господствовавшій въ ихъ новой отчизнѣ. Близкое родство финикійскаго языка съ еврейскимъ не подлежитъ спору.

Финикіянне.

Важнѣйшее извѣстіе о происхожденіи финикійцевъ находится у Юстина (XVIII, 3, 3): „Тирскій народъ происходитъ отъ финикійцевъ, которые, будучи прогнаны землетрясеніемъ изъ первоначальной своей отчизны у Сирийскаго моря, поселились на берегу Средиземнаго моря и основали тамъ городъ; по богатству той мѣстности рыбою, они называли этотъ городъ Сидономъ.“— Сирийское море, у котораго была по Юстину первоначальная отчизна финикійцевъ — Мертвое море. Бунзенъ находитъ, что извѣстіе Юстина о землетрясеніи тождественно съ библейскимъ сказаніемъ о разрушеніи Содома и Гоморры. Гутшмидъ полагаетъ, что это преданіе существовало не у однихъ евреевъ, но и у всѣхъ племенъ Ханаана. Извѣстіе Юстина противорѣчитъ извѣстію Геродота, который говоритъ, что финикійцы пришли съ Эритрейскаго моря (Персидскаго залива). Притомъ: о существованіи Мертваго моря, путь къ которому съ побережья Средиземнаго моря труденъ, греки узнали только ужь въ очень позднія времена; потому очень можетъ быть, что Геродотъ, слышавшій въ Тирѣ рассказъ о переселеніи съ „Эдомскаго“ моря, по незнанію подумалъ, что рѣчь идетъ объ Эритрейскомъ морѣ, „Эдомъ“ значитъ „красная земля“; Эритрейское море, какъ называли греки Персидскій заливъ, значитъ „красное“ море.

Финикійцы сначала жили на своемъ побережьи разрозненными, независимыми одна отъ другой общинами; они рано стали сосредоточиваться въ городахъ; имя города и служило названіемъ общины, въ которой онъ находился. Мало по малу эти общины соединились въ союзы, или добровольными договорами, или потому, что одни были покоряемы другими. На сѣверъ отъ Кармила, у подошвы Ливана, финикійскіе „рыболовы“ основали городъ *Сидонъ*, и вмѣстѣ съ окрестными жителями образовали государство, которое скоро расширилось на югъ, приобрѣло нѣсколько деревень на сѣверѣ и на востокѣ. Сидоняне назывались у финикійцевъ „первородными“, потому что городъ ихъ былъ древнѣйшимъ изъ всѣхъ финикійскихъ; онъ рано получилъ политическое преобладаніе надъ другими. *Сарпента* и *Тиръ* (Зоръ, то есть „скала“), лежавшіе на югъ отъ Сидона, были основаны сидонянами; но впоследствии, когда Тиръ получилъ политическое преобладаніе, онъ сталъ называться отцомъ Сидона. На скалистомъ островѣ противъ Тира находился храмъ *Мелькарта*, основателя и богачей Тира; по словамъ Геродота, этотъ храмъ былъ построенъ болѣе чѣмъ за 2000 лѣтъ до его времени. *Арадъ* или *Арвадъ*, древняя столица арвадіянъ, стоялъ на небольшомъ скалистомъ островѣ, „на скалѣ, о которую бьются волны“, по выраженію Страбона. Ему принадлежалъ большій округъ на противоположномъ побережьи; города Карна и Антарадъ были его колоніи. Страбонъ говоритъ, что Арадъ былъ основанъ сидонянами, бѣжавшими изъ своего роднаго города; поводъ къ этому преданію могъ состоять въ томъ, что сидоняне послали колонистовъ въ Арадъ и подчинили прежнихъ жителей города своей власти (761 до Р. Х.). Островъ имѣлъ въ окружности только 7 стадій; когда къ прежнимъ жителямъ присоединились сидонскіе колонисты, населеніе такъ возросло, что надобно было строить многоэтажные дома плотно одинъ къ другому. На островѣ не было родниковъ; воду для питья привозили съ противоположнаго берега; въ военное время ее искусственными приспособленіями доставали изъ родниковъ пресной воды, находившихся въ проливѣ. На островѣ еще видны остатки изсѣченныхъ въ скалѣ укрѣпленій; на берегу противъ острова много замѣчательныхъ развалинъ, много изваяній и пещеръ вырубленныхъ въ скалахъ. Среди мѣстностей, населенныхъ сидонянами, находился маленькій округъ племени *гилитовъ*, у которыхъ въ древнѣйшія времена былъ свой особый царь; округъ этотъ лежалъ на рѣкѣ Ликѣ; въ немъ было

два города, *Библосъ* (по-финикійски *Гиблъ*, то есть „гора“) и *Беритъ*. На сѣверъ отъ нихъ до владѣній Арада жили мелкія племена: въ городѣ Аркъ аркіяне, въ городѣ Синѣ синіяне, въ городѣ Самирѣ симирияне; они занимались болѣе земледѣліемъ, чѣмъ торговлею и промышленностью, и впоследствии стали подвластны большимъ торговымъ городамъ, Сидону, Тиру и Араду, которые всѣ три вмѣстѣ основали тутъ общую колонію, *Триполъ*. Ханаанскія племена жили и дальше на сѣверъ, до самаго Оронта, на которомъ стоялъ *Гаматъ*, и до мѣстности, гдѣ послѣ была построена Лаодикея; на югъ отъ Кармила Доръ и Ионне считались финикійскими колоніями. — По югозадному побережью нѣкогда жили „въ деревняхъ до самой Газы“ *авиты* (хевиты) одно изъ племенъ первобытнаго ханаанскаго населенія; это были земледѣльческій народъ, великаны исполненной силы. Они были отчасти покорены, отчасти вытѣснены *филистимлянами* (переселенцами); народомъ, пришедшимъ изъ Кафтора и овладѣвшимъ пятью приморскими городами: *Газою*, *Аскалономъ*, *Асдодомъ*, *Гетомъ* (Гатомъ) и *Экрономъ* (Акрономъ). По мнѣнію большинства новѣйшихъ изслѣдователей, Кафторъ—это Критъ; по мнѣнію другихъ, это Кипръ; но Штаркъ думаетъ, что „кафторинцами“, Кафторимъ, называлось одно изъ племенъ гиксовъ, жившихъ въ приморской полосѣ египетской Дельты. Достовернымъ кажется то, что филистимляне составляли главную часть семитическихъ номадовъ, которые пять столѣтій владычествовали надъ Нижнимъ Египтомъ; мы ужь говорили объ этомъ въ отдѣлѣ о Египтѣ. Штаркъ думаетъ, что когда египтяне свергли съ себя иго гиксовъ, то „наиболѣе воинственные племена этихъ номадовъ ушли изъ Египта по побережью и овладѣли крѣпостями плодородной, богатой приморской области,—подчинивъ себѣ ея прежнее земледѣльческое населеніе“. Но если принимать это мнѣніе, остается вопросъ: явились ли они тогда тутъ въ первый разъ, или до своего вторженія въ Египетъ они жили въ областяхъ Аскалона и Газы, и переселеніе ихъ сюда по изгнаніи изъ Египта было просто возвращеніемъ на родину. Они были воинственный народъ; вождями ихъ на войнѣ были племенные князья (Сарны; Сарнимъ); города ихъ были очень сильно укрѣплены, такъ что не боялись осадъ. Но и торговлею, промышленностью они занимались усердно; доказательствомъ тому служить богатство ихъ городовъ. Языкъ ихъ отличался отъ еврейскаго; обычай обрѣзанія былъ чуждъ имъ. Подобно халдеямъ, они поклонялись порождающей силѣ природы; этому божеству были посвящены вода и рыбы; у нихъ были жрецы и прорицатели. *Дагонъ*, богъ, которому поклонялись въ Газѣ и Асдодѣ, изображался въ видѣ рыбы съ человѣческими руками и головою мужчины. Подобно ему изображалась съ головою женщины богиня рожденія, *Деркетто*, храмъ которой въ Аскалонѣ Геродотъ называетъ чрезвычайно древнимъ. Иона, стоявшая на скалѣ, о которую бились морскія волны, была отчизною мифа объ Андромедѣ; въ немъ, быть можетъ, таится воспоминаніе о первобытномъ служеніи какому нибудь морскому богу, требовавшему человѣческихъ жертвъ; но если существовалъ когда нибудь такой культъ, онъ былъ вытѣсненъ чуждымъ свирѣпости служеніемъ свѣтиламъ небеснымъ.—Филистимскіе города, подобно финикійскимъ, составляли союзъ; главою союза сначала была Газа, послѣ сталъ Аскалонъ.—Военнымъ дѣломъ заведывало у филистимлянъ дворянство, гордившееся чистотою крови и славою предковъ; дѣлами мира управлялъ въ каждомъ городѣ городской совѣтъ. „Оттѣсненные израильтянами на узкое побережье“, говоритъ Эвальдъ, „филистимляне остались однако же народомъ, очень важнымъ для египтянъ, удержавъ за собою свои сильныя крѣпости на границѣ Африки; потому египтяне называли „филистимскою землею“, Палестиною, весь Ханаанъ; послѣ Александра, это имя стали употреблять и греки; отъ

нихъ оно перешло въ употребленіе ко всѣмъ народамъ эллинской цивилизаціи и совершенно вытѣснило собою прежнее названіе страны, Ханаанъ“.

Хореяне. 2) *Народы горной Ханаанской страны.* Какъ авиты (хевиты) были покорены или вытѣснены филистимлянами, такъ другія племена первобытнаго населенія Ханаана были поработены или прогнаны пришельцами семитической народности. Дольше всѣхъ держались *Хореяне* (Хориты, Орей), исполины, жившіе въ пещерахъ скалистаго Эдома. „Въ книгѣ Іова описывается, какъ бѣдственно жили они, загнанные въ самыя безплодныя пустыни, презираемые побѣдителями, и какъ они, при каждомъ бѣдствіи, постигавшемъ ихъ угнетателей, внезапно выходили изъ своихъ жалкихъ убѣжищъ, радуясь несчастью враговъ, и дѣлали опустошительныя набѣги, напоминая повелителямъ ихъ, что они, погибающіе теперь, нѣкогда были владыками края“. (Эвальдъ). Еще во время Іисуса Навина были въ Ханаанѣ остатки первобытныхъ племенъ, „рефаевъ“ (рефаймовъ), исполиновъ. Отъ, царь васанскій, громадная желѣзная кровать котораго сохранялась, какъ памятникъ старины, называется послѣднимъ изъ рефаевъ. *Сансуміане* и „сыны Энаковы“, жившіе около Хеврона, тоже причисляются къ исполинамъ, къ племенамъ первобытнаго населенія. Позднѣе, на безплодныхъ скалистыхъ горахъ у Хеврона жили *Хеттеи* (Хиттимъ); у нихъ былъ благоустроенный общественный порядокъ, были народныя собранія. На сѣверѣ отъ нихъ въ прекрасныхъ горныхъ долинахъ отъ Гаваона и Сихема до Гамата жили *Хевеи* (Эвеи, Хивеи) мирное, трудолюбивое племя. На горахъ за Іорданомъ отъ Галаада до Хеврона жили въ укрѣпленныхъ городахъ аморреи, „горцы“, многочисленный и воинственный народъ. Около 1400 года, аморреи завоевали землю на югѣ отъ рѣки Яббока, составившей прежнюю ихъ границу; тамъ прежде жили *аммонитяне*; они оттѣснили также *моавитянъ* къ юго-восточному берегу Мертваго моря до Арнона; послѣ того, дѣтъ за сто до вторженія израильтянъ, они перешли Іорданъ, покорили южную часть горнаго Ханаана между Мертвымъ моремъ и землею филистимлянъ (ту страну, которая послѣ получила названіе Іудеи, и стали очень сильно тѣснить Хевеевъ и Хеттеевъ; эти миролюбивыя племена были отчасти поработены, отчасти прогнаны аморреями, и только остатки ихъ въ горахъ и въ Гаваонѣ сохранили свою независимость. Страна, которая послѣ стала называться Іудеею, называлась тогда страной горъ Аморрейскихъ.—*Іевусеи*, жившіе тамъ, гдѣ впоследствии былъ построенъ Іерусалимъ, были однимъ изъ племенъ аморрейскаго народа.—Въ продолженіе этихъ завоеваній, значеніе аморрейскихъ племенныхъ старшинъ возвысилось: на войнѣ было надобно, чтобы всѣ подчинялись распоряженіямъ вождя; потому старшины племенъ получили такую власть, которая называлась царскою. Въ горной странѣ аморреевъ и родственныхъ имъ племенъ было много царей; въ дошедшихъ до насъ извѣстіяхъ, ихъ насчитывается тридцать одинъ. Аморреи жили въ укрѣпленныхъ городахъ; они имѣли конницу и боевыя колесницы. Они занимались хлѣбопашествомъ и винодѣліемъ. Населеніе побережья увеличилось оттѣсненными туда Хевеями и Хеттеями, финикійская земля не могла прокормить столько людей; это послужило для финикійскихъ городовъ сильнымъ побужденіемъ къ занятію морскою торговлею и пиратствомъ, къ заботѣ объ основаніи колоній. Кажется, что въ это время сидоняне основали на Кипрѣ города Аматъ (Гаматъ) и Китій (Хиттимъ) и населили ихъ вытѣсненными изъ родины ханаанеями. Вѣроятно въ это же время были основаны финикійскія поселенія на Критѣ и на островахъ греческаго архипелага. Кажется, что и филистимляне основывали колоніи на Критѣ.

Кромѣ этихъ племенъ, должно упомянуть объ арабскихъ номадахъ, дѣлавшихъ набѣги на Ханаанъ и селившихся тамъ на болѣе или менѣе продолжительное время. Самыя извѣстныя изъ этихъ арабскихъ племенъ — *Кадмоней*, на востокѣ, и *Амалекитяне*, на югѣ. Во времена Моисея, амалекиты оставались только въ самомъ южномъ углу Ханаана; но прежде они занимали значительную часть его. Они сильно нападали на израильтянъ, шедшихъ въ Ханаанъ, брали въ плѣнъ утомленныхъ походомъ и оставшихъ отъ главной массы; изъ этого возникла переходившая отъ рода въ родъ народная ненависть къ нимъ израильтянъ. Они были почти совершенно истреблены Давидомъ и Соломономъ; лишь въ ущельяхъ Идумейскихъ горъ уцѣлѣли немногіе остатки ихъ, продолжавшіе держаться тамъ еще и въ IV вѣкѣ до Р. Х.

II. Ф И Н И К І Я Н Е.

1. Исторія.

Семитическій народъ, съ незапамятныхъ временъ жившій на Ливанскомъ побережьи въ осѣдломъ быту и основавшій тамъ много городовъ, рано послѣдовалъ указанію природы того берега, удобнаго для развитія морской торговли, и внушенію своего отважнаго характера, имѣвшаго влеченіе къ путешествіямъ въ далекія невѣдомыя страны на поискъ прибыли. Густые кедровые и кипарисовые лѣса Ливана давали превосходное дерево для кораблестроенія; многочисленные заливы, защищенные отъ бурь скалистыми мысами, были безопасными пристанями; пространство плодородной земли было невелико, и не могло кормить многочисленнаго населенія;—эти и многія другія обстоятельства побуждали финикійянъ заняться морскою торговлею; къ ней влекла ихъ и врожденная склонность и примѣръ вавилонянъ. Финикійскіе города, основаніе которыхъ народныя преданія относили къ баснословной отдаленной древности и приписывали національнымъ богамъ, были сначала всѣ независимы; у каждого былъ особый царь, производившій свой родъ отъ бога, основавшаго городъ. Но мифы и древнія преданія показываютъ, что съ очень давнихъ временъ тотъ или другой городъ имѣлъ преобладаніе надъ остальными, былъ главою союза,—словомъ, занималъ такое положеніе, какое послѣ принадлежало поочередно Сидону и Тиру.

Сначала преобладаніемъ пользовались, кажется, Библосъ и Беритъ; богъ области ихъ, *Эм* (Кронъ), котораго считали они своимъ основателемъ, назывался отцомъ боговъ. Но въ XVI вѣкѣ до нашей эры Сидонъ имѣлъ ужъ такой рѣшительный перевѣсъ, что слово „сидонянинъ“ употреблялось въ смыслѣ „финикійянинъ“. Богомъ Сидона былъ *Вааль*. Черезъ четыре столѣтія сталъ совершенно преобладать надъ всѣми городами Тиръ; онъ

Арабскія племена.

Амалекитяне.

былъ тогда центромъ финикійской политической и торговой жизни, онъ завѣдывалъ основаніемъ колоній. Время основанія Карфагена было эпохою высшего развитія могущества Тира. Вскорѣ послѣ того неблагоприятныя внутреннія и внѣшнія событія ослабили Финикію, довели ее до утраты независимости.

Мнѣніе періодъ.

Преобладаніе Сидона.

Такимъ образомъ, исторія Финикіи дѣлится на четыре періода. Первый изъ нихъ—миѣическія времена, когда подъ управленіемъ царей или племенныхъ князей Библоса и Берита финикіянне занимались морскимъ разбоемъ и вели съ сосѣдними островами и побережьями незначительную мѣновую торговлю для полученія предметовъ, совершенно необходимыхъ для нихъ. Отъ XVI до XII вѣка идетъ періодъ преобладанія Сидона. Въ это время финикіянне основали первыя свои колоніи на островахъ и берегахъ Средиземнаго моря. На Кипрѣ и на Критѣ поселилось столько колонистовъ изъ Сидона, что на «островѣ Киттіанъ» семиты составили большинство жителей. Города въ этихъ колоніяхъ были небольшіе; цари ихъ давали дань Сидону. На Родосѣ, Терѣ, Мелосѣ, Китерѣ тоже были основаны финикійскія поселенія; черезъ ихъ города финикіянне вели торговлю съ Греціею. Во времена Геродота на островѣ Эазосѣ, лежащемъ далѣе къ сѣверу, еще оставались слѣды древнихъ финикійскихъ поселеній: гора, въ которой находились золотыя рудники, была вся изрыта финикійскими шахтами. На берегу, близъ котораго лежитъ Эазосъ, финикіянне тоже добывали золото въ «Рудничномъ лѣсу» (Скапте Гиле). Въ древнѣйшія времена греки называли финикіянъ сидонянами, потому что первыя свои свѣдѣнія о «странѣ финиковыхъ пальмъ», Финикіи, получали они отъ торговцевъ, пріѣзжавшихъ въ Грецію изъ «первороднаго между городами Ханаана», изъ «великаго Сидона», «торжища народовъ». Вѣроятно тогда (по Юстину, въ 1209 году) переселилось много сидонянъ въ Тиръ; переселенцы пріобрѣли тамъ господствующее положеніе; этимъ объясняется то, что сидоняне называли Тиръ своею колоніею, хотя должно полагать, что Тиръ основанъ въ одно время съ Сидономъ, или даже раньше его. Одною изъ причинъ основанія финикійскихъ поселеній на островахъ Греческаго моря безъ сомнѣнія были бурные перевороты, совершавшіеся тогда въ Сиріи. Вторженіе израильтянъ въ «Обѣтованную землю» отгнѣсняло прежнихъ жителей ея на побережье; необходимо было переселять за море излишекъ столпившагося тамъ населенія. По изслѣдованіямъ Моверса, вавилоняне и ассиріяне дѣлали ужь и тогда походы въ Сирію и Финикію, даже покорили на нѣсколько времени Сирію. Въ египетской исторіи мы видѣли, что фараоны изображали на стѣнахъ своихъ храмовъ побѣды и завоеванія въ «Кананѣ». Эти столкновенія съ цивилизованными народами тѣхъ временъ вѣроятно имѣли большое вліяніе на развитіе финикіянъ, торговля и промышленность которыхъ сильно расширяются съ той поры.

У вавилонянъ финикіянне выучились изготовлять тонкія ткани, красивыя одежды, дѣлать на деревѣ рѣзбу, украшать деревянные издѣлія металлическою инкрустаціею, лить мѣдныя вещи, давать металлическимъ сосудамъ красивыя формы. Узкое побережье, имѣвшее, при длинѣ въ 28 миль, только отъ 4 до 5 миль ширины, было такъ застроено городами и деревнями, что казалось однимъ непрерывнымъ городомъ, покрывавшимъ весь берегъ и всѣ острова; въ многочисленныхъ пристаняхъ тѣснились корабли. Видъ финикійской страны давалъ, вѣроятно, чрезвычайно высокое понятіе о богатствѣ, могуществѣ и предприимчивости ея жителей.—Вторженіе израильтянъ въ Ханаанъ не грозило, кажется, прямою опасностью финикіяннамъ. У сидонянъ было правило не вмѣшиваться въ ссоры сосѣдовъ, мирно заниматься промышленностью и торговлею. Они благоразумно держались нейтралитета, и устранили нападенія израильтянъ, допустивъ нѣкоторыя племена ихъ—Ассирово, Иссахарово, Завулоново, Даново и Нефеалимово—поселиться на финикійской землѣ съ платежемъ подати за нее. Изъ многихъ мѣстъ Ветхаго Завета видно, что израильскіе поселенцы, принадлежавшіе къ этимъ пастушескимъ племенамъ, принимали участіе въ торговлѣ и промышленныхъ дѣлахъ финикіянъ, служа имъ перевозчиками товаровъ, носильщиками, вообще рабочими; опаснымъ военнымъ предпріятіямъ своихъ соплеменниковъ они предпочитали эту выгодную службу, дававшую доходъ болѣе вѣрный и значительный, чѣмъ ихъ прежнее занятіе скотоводствомъ.

Отношенія Сидона къ израильтянамъ.

Въ пѣснѣ Деворы о Данѣ говорится: «Дану чего бояться съ кораблями? Ассиръ сидитъ на берегу моря и у пристаней своихъ живетъ спокойно» (Книга Судей, IV, 17). Въ благословеніи Іакова говорится: «Иссахаръ оселъ въ крѣпкой, лежащій между протоками водъ. И увидѣлъ онъ, что покой хорошъ, и что земля пріятна; и преклонилъ плеча свои для ношенія бремени и сталъ работать въ уплату дани. Завулонъ при берегу морскомъ будетъ жить, и у пристани корабельной, и предѣлъ его до Сидона». (Книга Бытія, XLIX, 14, 15; 13).—Договоры съ финикіяннами ограждали этихъ израильтянъ отъ обидъ, освобождали ихъ отъ переселенія въ отдаленныя колоніи, но ставили ихъ въ положеніе подвластнаго сословія; они должны были работать на землевладѣльцевъ и платитъ оброкъ.

Тиръ, основанный, подобно Сидону, въ очень давнее время, стоялъ въ прелестной, богатой ручьями, плодородной мѣстности неподалеку отъ устья Леонта. Находящійся тутъ близъ берега скалистый островъ, очень удобный для устройства пристаней, для склада товаровъ и для рыболовства, тоже принадлежалъ горожанамъ, и его названіе «Зоръ», то есть «скала», было дано и стоявшему на берегу городу. На островѣ находились только магазины, промышленныя заведенія и древній, крытый кедромъ храмъ «царя города», Мелькарта. На островѣ не было воды; поверхность его была неплодная скала; потому онъ казался неудобнымъ для постройки жилищъ; но верфи, склады товаровъ, фабрики были на немъ безопаснѣе, чѣмъ

Тиръ.

въ городѣ, лежавшемъ на берегу, гдѣ часто появлялись хищническія орды кочевыхъ пастушескихъ племенъ. Будучи портомъ, откуда отплывали колонисты, островъ могъ быть называемъ «матерью» колоній Тира, хотъ «амбровійскія» скалы, какъ называютъ греки двѣ части острова, раздѣленные небольшимъ проливомъ, были только пристанями и складочными мѣстами товаровъ «Стараго Тира» (Палетира греческихъ писателей). Но въ XIII вѣкѣ до нашей эры поселились на этомъ островѣ богатые сидонскіе купцы, покрыли скалу слоемъ земли, и жить на ней стало удобно. «Вѣроятно, это были люди самыхъ богатыхъ и знатныхъ фамилій Сидона», говоритъ Моверсъ: «и вѣроятно, они переѣхали сюда изъ роднаго города потому, что хотѣли имѣть безопасное мѣсто для храненія своихъ богатствъ, для постройки храмовъ, надѣялись спокойно продолжать тутъ свою торговую и промышленную дѣятельность, страдавшую отъ военныхъ тревогъ на берегу». Скоро возникли на островѣ великолѣпные дома и храмы, громадныя верфи и гидравлическія сооруженія, изумлявшія древній міръ своею колоссальностью и прочностью. Еще до ассирійскихъ и вавилонскихъ нашествій, городъ на островѣ былъ ужъ богаче города на берегу. «Дочерью Сидона, живущею при входахъ въ море», сначала правили два суффета—судьи—присылаемые метрополіею. Но въ XI вѣкѣ, около того времени, когда Давидъ избралъ

своею столицею Іерусалимъ, Абибааль, отецъ Хирама, занимавшій должность суффета, провозгласилъ себя царемъ, сдѣлалъ Тиръ независимымъ отъ Сидона, и скоро доставилъ ему преобладаніе во всей Финикіи. Мореплаваніе и торговля Тира получили огромное развитіе. Сидоняне, лишась политическаго значенія, занимались мѣншею торговлею на Греческомъ морѣ и довольствовались сохраненіемъ прежнихъ своихъ поселеній на островахъ; тиряне обратили свою дѣятельность на болѣе отдаленныя страны востока и запада, стали вести торговлю на Персидскомъ заливѣ и въ устьяхъ Инда, основали въ Африкѣ и въ Испаніи большія поселенія, прославившія финикійское имя у современниковъ и у потомства. Торговля и промышленная дѣятельность тирянъ, о которой мы будемъ подробнѣе говорить ниже,

особенно развилась въ блестящее царствованіе Хирама (Hiram), бывшего современникомъ Соломона. Чтобы дать разрозненной Финикіи прочный центръ политическаго единства, какимъ былъ для племенъ израильскихъ Іерусалимъ, для арамейскихъ племенъ сталъ Дамаскъ, сдѣлавшійся незадолго передъ тѣмъ столицею сирійскаго царства. Хирамъ устроилъ сильную крѣпость: онъ соединилъ насыпью обѣ части острова, расширилъ его протяженіе на востокъ насыпями и другими гидравлическими сооруженіями, обвелъ весь этотъ расширенный островъ неодолимыми стѣнами. Онъ возстановилъ древніе храмы, построилъ новые, великолѣпные, какихъ требовала пышность, которую придавалъ онъ богослуженію. Онъ помогалъ расширенію торговыхъ

предпріятій, и они съ той поры принимали все болѣе и болѣе обширныя размѣры, такъ что Исаія характеризуетъ современную ему торговлю Тира словами: «Кто это летитъ какъ облака, и какъ голуби къ голубятнямъ своимъ? Такъ, меня ждутъ острова и впереди ихъ корабли еарсискіе. Множество верблюдовъ покроетъ тебя, дромадеры изъ Мадіама и Эфы, всѣ они изъ Савы прійдутъ, принесутъ золото и ладанъ» (Исаія, XL, 8, 9; 6). Хирамъ покорилъ Кипрскую «страну киттіанъ», отказывавшуюся платить дань; заключилъ, какъ мы будемъ говорить о томъ, договоры съ Соломономъ о веденіи восточной торговли и о построеніи іерусалимскаго храма, вообще пріобрѣлъ такую славу, что его имя упоминается вмѣстѣ съ именемъ Соломона въ восточныхъ сказаніяхъ; подобно Соломону, онъ одинъ изъ самыхъ знаменитыхъ людей въ преданіяхъ древняго Востока.

Хирамъ и Соломонъ.

По извѣстіямъ Ветхаго Завѣта мы положительно знаемъ, что Тиръ состоялъ изъ двухъ частей: на мысѣ финикійскаго берега стоялъ «Старый Тиръ», а другая часть города была построена на островѣ. Этотъ островъ раздѣленъ былъ проливомъ на двѣ половины; на одной изъ нихъ, меньшей, стоялъ древній храмъ Мелькарта; на другой, довольно обширной, былъ построенъ Новый Тиръ. Хирамъ соединилъ обѣ половины насыпью, такъ что ширина пролива, отдѣлявшаго островъ отъ Стараго Тира, уменьшилась до 4 стадій (2500 футовъ). Ту часть острова, которую образовала насыпь, греки называютъ *Эрихсоромъ*, «широкимъ мѣстомъ». Тутъ была площадь народныхъ собраній; была священная мѣстность, украшенная садами, рощами оливъ и виноградниками; на сѣверномъ и на южномъ концахъ были обширныя гавани, защищенныя стѣнами; подлѣ гаваней вѣроятно были склады товаровъ, рынки. Маленькій островъ, на которомъ стоялъ храмъ Мелькарта, былъ, вѣроятно, на западѣ отъ большаго; насыпь, которою Хирамъ соединилъ ихъ, была впоследствии времени разрушена землетрясеніями и бурями; не уцѣлѣла и сама скала, образовавшая этотъ островъ. «Плотины, сооруженныя для защиты низменной мѣстности отъ наводненій, были разрушены землетрясеніями», говоритъ Моверсъ: «О томъ, что въ Финикіи часто бываютъ землетрясенія, есть извѣстія у древнихъ писателей. Насыпь, соединявшая маленькій островъ съ большимъ, была смыта волнами; скала, составлявшая маленький островъ, подымалась надъ водою не высоко; оставшись беззащитною, она была разрушена волненіемъ и наконецъ совершенно низринута въ море катастрофою, подобно тѣмъ, каковыя, по словамъ Плинія, подвергались и другіе острова, находившіеся на линіи вулканическихъ дѣйствій, идущей отъ Финикіи къ Сициліи и Южной Италіи». Эта катастрофа произошла позже III вѣка нашей эры, потому что на монетахъ III вѣка изображены еще двѣ скалы.—На маленькомъ островѣ было два храма: древній, посвященный Мелькарту, и новый, построенный сидонскими переселенцами, посвященный Астартѣ. Хирамъ увеличилъ и украсилъ оба; онъ привозилъ для этихъ построекъ кедры съ Ливана. Въ святилищѣ Мелькарта онъ поставилъ большую золотую колонну, которую еще видѣлъ Геродотъ, говорящій о ней съ удивленіемъ; было преданіе, что ее подарилъ ему Соломонъ. Вѣроятно Хирамъ построилъ и стѣны, которыми были защищены отъ непріятельскихъ нападений знаменитыя гавани Тира, — *сидонская*, на сѣверной сторонѣ города, и *египетская*, на южной. Но колоссальныя стѣны самаго города были, кажется, построены позднѣе, когда Тиръ стали угрожать нашествія ассиріянъ и вавилонянъ. «Гавани находились на восточной сторонѣ острова» говоритъ Моверсъ: «съ этой стороны была и переправа въ городъ. Входы въ гавани запирались цѣпами. Кромѣ входовъ въ гавани, весь островъ былъ обведенъ высокими и толстыми стѣнами, шедшими по самому краю воды, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и черезъ море, по подводнымъ скаламъ. Такимъ образомъ за стѣнами во-

все не было мѣста, гдѣ осаждающіе могли бы поставить свои осадныя машины или хотя бы штурмовыя лѣстницы. Стѣны были сложены изъ большихъ камней, соединенныхъ гипсовымъ цементомъ; на восточной сторонѣ онѣ достигали колоссальной высоты: онѣ были тутъ въ 120 футовъ вышиною. Съ южной стороны, гдѣ находились дворецъ и верфи, стѣна была ниже; потому Александръ штурмовалъ городъ съ этой стороны. — Но какъ ни громадны были военныя и торговыя сооруженія на островѣ, какъ ни велико было его значеніе въ дѣлахъ торговли, мореплаванія, колонизаціи, Старый Тиръ, — городъ, стоявшій на берегу противъ острова, — былъ въ цвѣтущее время Финикіи, главною частью Тира, гораздо болѣе важною, чѣмъ городъ на островѣ. Та часть Финикіи была изобильно орошена ручьями и водопроводами, почва ея была очень плодородна; а климатъ ея былъ такой благодатный, что въ средніе вѣка тамъ были даже плантаціи сахарнаго тростника. Фруктовыя деревья и виноградъ росли тамъ чрезвычайно хорошо. Потому со времени пророка Осія до среднихъ вѣковъ идетъ рядъ свидѣтельствъ, называющихъ область Тира однимъ сплошнымъ прелестнымъ садомъ. — Въ томъ городѣ, который стоялъ на берегу, находились и древній царскій дворецъ, и древнѣйшіе храмы; каменные водопроводы и бассейны Старога Тира были удивительныя сооруженія. Въ наше время найдены въ той мѣстности остатки огромныхъ гробницъ, изсѣченныхъ въ скалахъ. Сѣверный край Старога Тира лежалъ на сѣверномъ берегу Леонта, такъ что длина города по морскому берегу составляла болѣе двухъ часовъ пути; въ ширину онъ имѣлъ четверть мили, и далеко по предгорьямъ Ливана раскидывались лѣтнія виллы вельможъ и богачей Тира; великолѣпны были благоухающіе цвѣтниками этихъ виллъ, роскошны ихъ рощи; много въ нихъ было и фонтановъ, и прохладныхъ гротовъ, и павильоновъ надъ водою для купанья. Обѣ части города вмѣстѣ имѣли въ окружности болѣе трехъ миль. Таковъ былъ Тиръ, царю котораго влагаютъ въ уста слова: «Я богъ, я живу на престолѣ божества среди моря».

Раздоры и смуты въ Тирѣ. По смерти Хирама Тиръ подвергся тяжелымъ бѣдствіямъ. Внукъ Хирама былъ убитъ четырьмя сыновьями женщины, бывшей его нянькою. Убійцы, опираясь на наемное войско, на невольниковъ и бѣдные классы, господствовали двѣнадцать лѣтъ. Послѣ этого, царская власть возвратилась къ династіи Хирама, но смуты продолжались. Раздоры вынуждали многихъ жителей Тира эмигрировать; это имѣло результатомъ развитіе финикійскихъ поселеній на сѣверномъ берегу Африки. Верховному жрецу Астарты, Итобаалу, человеку энергическаго характера, принадлежавшему, кажется, къ царскому роду, удалось наконецъ возстановить спокойствіе; въ продолжительное его царствованіе порядокъ упрочился. При содѣйствіи своей дочери, Езавели, онъ подчинилъ финикійскому вліянію разстроенныя раздорами царства Израильское и Іудейское. Но по смерти его возобновились въ Тирѣ смуты. При его сынѣ Базезорѣ, царствованіе котораго было непродолжительно, и въ долгіе годы малолѣтства его внука Маттана, государство волновали ожесточенные раздоры. Маттанъ умеръ въ молодости. Его дочь Элисса и сынъ Пигмаліонъ оставались при его смерти малолѣтними. Отецъ постановилъ, что они будутъ царствовать вмѣстѣ. Его братъ, Сихарбалъ (Сихей), верховный жрецъ Мелькарта и глава аристократической партіи, былъ вліятельнѣйшимъ человекомъ въ государствѣ. Маттанъ назначилъ брата женихомъ ЭлиССы и регентомъ. Но противники Си-

харбала, опиравшіеся на простолюдиновъ, отмѣнили завѣщаніе Маттана и отдали царскую власть одному Пигмаліону. Это сопровождалось, кажется, вооруженною борьбою, въ которой Сихарбалъ былъ убитъ; и кажется, что аристократы утратили прежнее вліяніе на дѣла. Есть преданіе, что Пигмаліонъ, желая завладѣть сокровищами храма Мелькарта, своими руками убилъ дядю у алтаря или на охотѣ и оставилъ его тѣло непогребеннымъ. Это преданіе и всѣ его романтическія подробности должно считать, по всей вѣроятности, вымысломъ, развившимся изъ рассказовъ раздраженной аристократической партіи. Какимъ бы образомъ ни произошелъ переворотъ, но слѣдуетъ признать достовѣрнымъ фактомъ, что многіе вельможи, и въ томъ числѣ многіе сенаторы, раздраженные пораженіемъ ихъ партіи и убійствомъ Сихарбала, покинули родину, что этою эмиграціею руководила Элисса, и что эмигранты основали на африканскомъ берегу «Новый Городъ», Карѳагенъ (Карѳаду, Karthada). Городъ былъ построенъ въ той части африканскаго побережья, которая находится въ наименьшемъ разстояніи отъ Сициліи. Линія берега тутъ образуетъ заливъ между мысомъ Гермеса и прелестнымъ мысомъ, на которомъ ужъ раньше была основана Утика, колонія Старога Тира. Заливъ этотъ представлялъ превосходныя удобства для развитія торговли. Основаніе Карѳагена было началомъ новой эпохи въ исторіи финикійцевъ. Прежнія колоніи оставались въ зависимости отъ метрополіи, потому что эмигранты, которыми были основаны онѣ, почти всѣ были простолюдины. Карѳагенъ же былъ основанъ людьми жреческо-аристократической партіи, принадлежавшими къ самымъ знатымъ и богатымъ фамиліямъ. Они удалились изъ Тира по недовольству тѣмъ, что тамъ взяла перевѣсъ демократическая партія; они перенесли въ новый городъ свои богатства, предприимчивость, образованность и политическую опытность. Потому Карѳагенъ скоро сталъ центромъ западной торговли и колонизаціи; онъ усиливался по мѣрѣ того, какъ ослабѣвалъ Тиръ, волнуемый раздорами. Нашествія иноземцевъ на Сирію, начавшіяся вскорѣ послѣ того, еще болѣе ослабили Тиръ.

Основаніе
Карѳагена.
814.

Богатые тирійцы основали свой новый городъ подъ покровительствомъ Астарты, богини странствующей по небу луны. Одно изъ названій Астарты было Дидона. Воспоминанія о дочери царя, Элиссѣ, слились впоследствии съ понятіемъ о богинѣ, покровительницѣ города, и ЭлиССа стала чтить, какъ богиню, подъ именемъ Дидоны. Карѳагенъ былъ построенъ на мысѣ, вдающемся въ заливъ; только на западѣ мысъ этотъ соединялся съ берегомъ низменнымъ перешейкомъ, со всѣхъ другихъ сторонъ былъ окруженъ моремъ. Извѣстія о времени основанія Карѳагена разнорѣчивы: цифры года почти по всѣмъ извѣстіямъ относятся къ IX вѣку, но много расходятся между собою; это: 880-й годъ, 861-й, 826-й, 819-й, 814-й. А по Евсевію, Карѳагенъ былъ основанъ въ 1025 году, по Сервію — въ 794-мъ. Это подало поводъ къ предположенію, что послѣ первой эмиграціи было нѣсколько другихъ. Есть сказаніе, что ЭлиССа купила у ливійскихъ туземцевъ столько земли, сколько займетъ бычачья шкура, разрѣзала шкуру на тонкіе ремни и обвела ими большое пространство; поводомъ къ этому вымыслу послу-

Сказаніе о Дидонѣ.

жило, вѣроятно, названіе древнѣйшей части Карѳагена, Бирса (Byrsa); на финикійскомъ языкѣ это слово значить «крѣпость», а на греческомъ однозвучное съ нимъ слово значить «кожа». Другое сказаніе говоритъ, что молва о красотѣ и умѣ Элисы внушила сосѣдному ливійскому царю желаніе жениться на ней; отвѣчать отказомъ на его сватовство значило бы подвергнуть государство опасности; потому Элиса, чтобъ избавиться отъ ненавистнаго брака съ варваромъ, сожгла себя на кострѣ. Матеріаломъ для этого вымысла послужили, вѣроятно, религиозные обряды карѳагенянъ: въ темной кипарисовой рошѣ были приносимы люди въ жертву суровой богинѣ Дидонѣ. Сестра ея Анна была доброй богиней радости.

Осада Тира ассириянами. Раздоры въ Тирѣ, послужившіе причиною основанія Карѳагена, длились, кажется, много времени и послѣ того; и кажется, что результатомъ ихъ было ослабленіе связей, соединившихъ финикійскіе города въ одно федеративное государство. Въ каждомъ городѣ шли раздоры, парализовавшіе его силу; многіе финикійскіе города и многія ихъ колоніи пытались отложиться отъ союза, главою котораго былъ Тиръ. Тиръ сохранялъ еще въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ преобладаніе въ Финикіи, владычество на морѣ; но федеративная связь между финикійскими городами до того ослабѣла, что должна была порваться отъ перваго сильнаго толчка. Онъ былъ данъ въ VIII вѣкѣ вторженіемъ ассирійцевъ. Ниневійскіе цари хотѣли овладѣть побережьемъ Средиземнаго моря, чтобъ имѣть Сирію опорой для походовъ на Египетъ и пользоваться въ этихъ нашествіяхъ содѣйствіемъ финикійскихъ кораблей. Начиная съ Асуръ-Назиръ-Габала и до Асурбанипала, ассирійскіе цари водили въ Сирію свои войска. Фараоны, опасаясь имѣть такихъ могущественныхъ враговъ сосѣдами Египта, желали сдѣлать Ханаанъ своимъ оплотомъ противъ Ассиріи. Для этого нужно было находиться въ дружбѣ съ ханаанскими народами. Фараоны заключали съ ними союзы, давали имъ блестящіе обѣщанія, вмѣшивались въ ихъ внутреннія дѣла; и, заботясь объ устраненіи общей опасности, заботились, разумѣется, и о распространеніи своей власти. Итакъ, два сильныя царства стремились, каждое, овладѣть страной, лежавшею между ними. При такомъ положеніи, сирійскія, финикійскія и палестинскія племена могли бы спастись отъ гибели только тѣмъ союзомъ между собою, взаимною защитой. Но вмѣсто того, чтобы сблизиться, прекратить ссоры между собою, они слѣдовали внушенію своихъ слѣпыхъ страстей, ослабляли себя раздорами, племенными войнами, даже призывали общихъ своихъ враговъ рѣшать свои распри. Тиглаѣъ-Пилесаръ, овладѣвая Дамаскомъ и подчиняя себѣ Іудею, имѣлъ въ виду захватить въ свою власть богатые торговые города Финикіи. Онъ не успѣлъ сдѣлать этого; но преемники его, Салманассаръ и Саргонъ, исполнили задуманное имъ. Саргонъ повелъ свои войска на тирскаго царя Эмудей. Эмудей незадолго передъ тѣмъ одержалъ побѣду надъ киприями, отложившимися отъ Тира; и быть можетъ, Саргонъ былъ призванъ на помощь инсургентами; кажется, что они около этого времени отдались подъ власть ему. Искусный полководецъ, Саргонъ быстро завоевалъ все приморье до филистимскаго города Асдодъ. «Устроивъ себѣ Тиръ крѣпостью, накопилъ серебра, какъ пыли, и золота, какъ уличной грязи», говоритъ Захарія: «Вотъ, Господь сдѣластъ его бѣднымъ, и поразитъ силу его въ морѣ, и самъ онъ будетъ истребленъ огнемъ. Увидитъ это Аскалонъ и ужаснется, и Газа, и вострепещетъ сильно и Экронъ; ибо посрамится надежда его; не станетъ царя въ Газѣ и Аскалонъ будетъ необитаемъ. Чужое племя будетъ жить въ Азотѣ (Асдодѣ), и я уничтожу высокомѣріе филистимлянъ». (Захарія, IX, 3—6). Всѣ стоявшіе на берегу финикійскіе города скоро отказались отъ сопротивленія, на которое отважились-было въ надеждѣ на египтянъ, и заключили договоры съ ассирійскимъ царемъ. Подчинивъ ихъ себѣ, онъ началъ осаду той части Тира, которая была на островѣ; другіе финикійскіе города прислали корабли и гребцовъ помогать веденію осады, желая отмстить Тиръ за угнетеніе, которому подвергались отъ него во время долгаго его преобладанія. Но жители города на островѣ мужественно оборонялись. Ихъ островъ былъ сильною крѣпостью; море служило защитой ей, и пять лѣтъ они отбивались отъ всѣхъ нападений, хотя были отрѣзаны отъ всякаго сообщенія съ берегомъ, — отрѣзаны ассирійскими караулами и отъ рѣки и отъ водопроводовъ,

и добывали воду себѣ лишь съ большимъ трудомъ и въ скудномъ количествѣ изъ колодезей и цистернъ.

«Рыдайте, корабли Фарсиса, ибо онъ (Тиръ) разрушенъ», восклицалъ тогда Исаія: «Рыдайте, обитатели острова! Это ли вашъ ликующій городъ, начало котораго отъ дней древнихъ? Съ Тиромъ будетъ тоже, что поютъ о блудницѣ: Возьми цитру, ходи по городу, забытая блудница! Играй складно, пой много пѣсень, чтобы вспомнили о тебѣ». (Ассиріяне) «ставятъ башни свои, разрушаютъ чертоги его (Тира), превращаютъ его въ развалины. Господь сказалъ: Ты не будешь болѣе ликовать, посрамленная дѣвица, дочь Сидона! Вставай, иди въ Киттію (въ колоніи на Кипрѣ); но и тамъ не будетъ тебѣ покоя. Ноги его (Тира) несутъ его скитаться въ странѣ далекой». (Исаія, XXIII, 1; 14; 7; 16; 18; 11; 12; 7).

Кажется, что островъ Тиръ сохранилъ свою независимость и при Саргонѣ и при Санхерибѣ. Всѣ другіе финикійскіе города признавали надъ собою власть ассиріяны, платили имъ дань. Но по временамъ приходилось ассиріянамъ поддерживать оружіемъ свое владычество надъ ними. При Асаргадотѣ, отложился отъ Ассиріи Абдильмилкутъ, царь сидонскій; былъ побѣжденъ, и бѣжалъ въ Кипръ. Но ассиріяне настигли его и тамъ, и взяли въ плѣнъ. Они разрушили Сидонъ, перебили сидонскихъ вельможъ, царя и народъ увели въ плѣнъ въ Ассирію. Черезъ нѣсколько времени, около 660 года, Асурбанипалъ осадилъ Тиръ. Оробѣвшій царь Тира послалъ къ Асурбанипалу свою дочь и своихъ племянницъ съ подарками, просить мира. Асурбанипалъ говоритъ о себѣ: «И Якіулу, царь Арвадскій (Арадскій), живущій среди моря, который не покорялся царямъ, моимъ предшественникамъ, преклонился подъ мое иго; свою дочь со многими подарками привелъ онъ въ Ниневію отдать въ число моихъ женъ, и цѣловалъ мои ноги». — Этими страшными ударами, падавшими на финикіяны, объясняется то, что ихъ торговая дѣятельность ужъ не имѣла теперь прежнихъ громаднѣхъ размѣровъ; объясняется и то, что они утратили почти всѣ свои колоніи: нѣкоторыя были покорены сильными сосѣдними народами, другія отдались подъ власть Карѳагену, третьими овладѣли греки; да и вообще торговля сирійскаго побережья уменьшилась, потому что подъ ассирійскою властью направленіе торговыхъ путей измѣнилось. Мирные караваны, которые прежде везли драгоцѣнные индійскіе и арабскіе товары на финикійское побережье, теперь должны были идти пустынями и лѣсами, чтобъ укрыться отъ мечей и стрѣлъ хищныхъ ассирійскихъ войскъ; торговые города Малой Азіи приобрѣли черезъ это перевѣсъ надъ финикійскими и сдѣлались важнѣйшими центрами торговли.

Но Финикіи предстояли бѣдствія, еще болѣе тяжелыя. Мы ужъ говорили, что египетскіе цари Псамметихъ и Нехо хотѣли извлечь пользу себѣ изъ военной грозы, собиравшейся въ концѣ VII вѣка надъ Ниневіею, что они, отчасти насиліемъ, отчасти убѣжденіемъ, вовлекали въ кругъ своихъ интересовъ Финикію и Кипръ, нѣсколько разъ приобрѣтали господство надъ царями іудейскими; но что битва

Владычество халдеевъ.

606 до Р. Х.

Второй поход
Небукаднезара.

586.

Осада Тира.

при Кархемии разрушила все надежды фараонов сделать Ханаан оплотом Египта и подчинить себе сирійские народы, открыла полчищамъ Небукаднезара путь до самой границы Египта. Мы упоминали и о томъ, что Небукаднезаръ быстро завоевалъ почти весь Ханаанъ и увелъ въ плѣнъ множество знатныхъ и богатыхъ людей изъ Іудей.

Уводя ихъ въ плѣнъ, онъ наполнялъ печалью сердца не только ихъ, но и остававшихся на родинѣ; во всехъ семействахъ должно было владычествовать горе. Быть можетъ, это и было главною причиною того, что какъ только ушелъ Небукаднезаръ съ своимъ войскомъ, по всему Ханаану, — и на приморьѣ, и въ горныхъ областяхъ, на западъ и на востокъ отъ Іордана — начались приготовления къ возстанію для низверженія вавилонскаго ига. Чувства скорби и ожесточенія дѣлали іудеевъ глухими къ предсказаніямъ пророка Іереми, предвѣщавшаго возстанію гибельный конецъ; іудеи вновь повѣрили лъстивымъ обѣщаніямъ египтянъ, и опять были оставлены египтянами безъ помощи, когда насталъ часъ рѣшенія ихъ судьбы. Услышавъ, что данники его, цари іудейскіе, отложились отъ него, Небукаднезаръ пошелъ съ сильнымъ войскомъ снова на Ханаанъ и ливанское побережье, уничтожилъ царство іудейское, покорилъ филистимскіе и финикійскіе города. Но Тиръ еще не забылъ своей прежней военной славы. Взявъ Старый Тиръ, — тотъ городъ, который былъ на берегу — и разрушивъ часть его, Небукаднезаръ сталъ вести съ берега къ острову сооруженія, какія были нужны для осады Новаго Тира; это были тяжелыя, долгія работы, такъ что, по выраженію пророка Іезекииля, «все головы оплѣшивѣли и все плеча были стерты» отъ этихъ трудовъ (XXIX, 18). Но все усилія Небукаднезара остались напрасны. Жители города на островѣ, надѣясь на защиту, какую давало ему его положеніе, упорно оборонялись; они выдержали осаду тринадцать лѣтъ, и послѣ того покорились на хорошихъ для нихъ условіяхъ, такъ что ни Небукаднезару, ни войску его не досталось, по выраженію пророка Іезекииля, никакого «вознагражденія отъ Тира за работы, которыя онъ употребилъ противъ него» (XXIX, 18).

Мнѣніе, что Тиръ, стоявшій на островѣ, былъ взятъ и разрушенъ Небукаднезаромъ, ошибочно, какъ ошибочно и то мнѣніе, что лишь въ это время, по разрушеніи Старога Тира, былъ основанъ городъ Тиръ на островѣ. Моверсъ доказалъ, что эти мнѣнія не основаны ни на чемъ, кромѣ ошибочнаго мнѣнія о словахъ пророка Іезекииля: «И разобьютъ стѣны Тира и разрушатъ башни его; и вымету изъ него прахъ его и сделаю его голою скалою. Мѣстомъ для разстилания сѣтей будетъ онъ среди моря». (XXI, 4, 5).

За неудачи своихъ попытокъ взять приступомъ Новый Тиръ халдеи хотѣли вознаградить себя побѣдами въ Египтѣ. Они двинулись на него. Мы видѣли, каковы были предсказанія пророковъ. Но походъ халдеевъ былъ безуспѣшенъ и они скоро вернулись, испугав-

шись, какъ говоритъ преданіе, необыкновенныхъ землетрясеній, случившихся тогда въ Египтѣ. Черезъ нѣсколько времени, египтяне снова приобрѣли вліяніе въ Финикіи: они успѣли склонить на свою сторону демократическую партію, потому что халдеи покровительствовали финикійскимъ аристократамъ. Должно полагать, что результатомъ этого были новыя смуты въ Тирѣ; вѣроятно, смутами должно объяснять то, что во время вавилонскаго владычества Тиромъ правили то цари, то судьи, и эти перемѣны были часты. Двое изъ числа тогдашнихъ царей Тира жили передъ вступленіемъ на престолъ въ Вавилонѣ; судя по этому, должно полагать, что какъ царь іудейскій былъ уведенъ Небукаднезаромъ въ плѣнъ, такъ были отведены имъ въ плѣнъ царь Тира и все родные царя. Уводя въ плѣнъ царей и вельможъ, вавилоняне полагали, что обезпечиваютъ тѣмъ вѣрность покоренныхъ народовъ; персы въ послѣдствіи дѣлали то же. Въ Четвертой книгѣ Царствъ говорится, что сынъ Небукаднезара, Эвилмеродахъ, «повелъ Іехоніу, царя іудейскаго, изъ дома темничнаго и поставилъ его выше престола царей, которые были у него въ Вавилонѣ» (XXV, 28). Изъ этихъ словъ видимъ, что въ столицѣ Набукаднезара жило много плѣнныхъ царей и ихъ родственниковъ. Подобно плѣннымъ іудеямъ были отпущены Киромъ на родину и плѣнные финикіяне. Этимъ великодушіемъ новый царь приобрѣлъ себѣ любовь населенія ливанскаго побережья; Финикія радостно признала власть Кира и не дѣлала никакихъ попытокъ возстановить свою независимость. Она стала теперь въ такія же отношенія къ персамъ, въ какихъ была къ вавилонянамъ. Финикійскіе корабли составляли главную часть персидскаго флота. Но продолжительныя войны такъ ослабили Тиръ, что Сидонъ и Арадъ взяли перевѣсъ надъ нимъ. Онъ даже попалъ на нѣкоторое время подъ власть своихъ кипрскихъ колоній. Вѣроятно, впрочемъ, что не одни только военныя бѣдствія обезсилили его; надобно полагать, что главною причиною его ослабленія была эмиграція массы его жителей во время тяжелаго вавилонскаго ига. Покидая угнетенный родной городъ, тиряне переселялись въ Карфагенъ и карфагенскія колоніи; потому-то врагамъ Тира и было легко отнять у него прежнее вліяніе на Финикію и доставить преобладаніе въ ней менѣе значительнымъ городамъ. — Персы сначала покровительствовали финикіянамъ; но по расчету собственныхъ выгодъ должны были возбуждать второстепенные города къ соперничеству съ гордымъ Тиромъ, чтобы упрочить свое владычество раздорами среди финикіянъ. Съ этою цѣлью они дали гегемонію въ Финикіи Сидону; они постановили, что все корабли, посылаемые финикійскимъ союзомъ на службу въ персидскомъ флотѣ, подчиняются начальству сидонскаго царя; они содѣйствовали построенію Триполя, назначеннаго быть столицею финикійскаго союза: представители финикійскихъ городовъ должны были собираться для совѣщаній о

Финикія подъ
владычествомъ
авилонянъ.

Финикія подъ
персидскимъ
владычествомъ.
Вторая гегемо-
нія Сидона.

дѣлахъ союза въ этомъ городѣ, и предсѣдательство на совѣщаніяхъ было поручено царю Сидона.

Триполь.

Триполь былъ основанъ Сидономъ, Тиромъ и Арадомъ вмѣстѣ; каждый изъ этихъ трехъ городовъ переселилъ туда известное число своихъ жителей. Основанный такимъ образомъ городъ состоялъ изъ трехъ особыхъ частей; каждая часть была обведена стѣною. Союзный совѣтъ, заседавшій въ Триполѣ, составляли депутаты и цари Сидона, Тира и Арада; число представителей каждого изъ трехъ городовъ было сто. Союзный совѣтъ (синедрионъ) рѣшалъ вопросы о войнѣ и мирѣ, былъ верховнымъ судищемъ, завѣдывалъ торговыми и другими общими дѣлами финикійскаго народа. Построить нейтральную столицу союза надобно было, безъ сомнѣнія, для того, чтобы обезпечить независимость союзаго правительства; это ясно свидѣлствуетъ о взаимной недовѣрчивости между важнѣйшими городами Финикіи.—Цари Сидона, Тира и Арада и аристократія этихъ городовъ собирались тутъ каждый съ многочисленною свитою, говоритъ Моверсъ, «соперничали другъ съ другомъ роскошью; ихъ государства имѣли споры между собою; они собирались для рѣшенія этихъ споровъ; потому понятно, что, съѣзжаясь на совѣщанія, ихъ депутаты стояли тремя разными станами, и что городъ, образовавшійся изъ трехъ становъ, состоялъ изъ трехъ частей, отдѣленныхъ одна отъ другой укрѣпленіями; понятно и то, что Триполь сталъ большимъ, богатымъ городомъ, однимъ изъ самыхъ значительныхъ въ цѣлой Финикіи.—Триполь находился подъ покровительствомъ Кабировъ, то есть „Сильныхъ“ боговъ; культъ кабировъ былъ заимствованъ финикиянами у египтянъ; къ циклу египетскихъ божествъ этого культа финикияне присоединили семь главныхъ божествъ своихъ городовъ (о культѣ Кабировъ мы будемъ говорить ниже).—Судя по всему, должно полагать, что подъ владычествомъ персовъ гегемонія въ Финикіи принадлежала Сидону, до той поры, когда онъ возсталъ противъ персовъ и разгнѣванные побѣдители рушили его, о чемъ мы будемъ говорить ниже; тогда мѣсто Сидона въ Трипольскомъ союзномъ правительствѣ занялъ Библосъ, городъ тоже очень древній.

2. Государство и общественная жизнь.

Основаніе нейтральнаго Триполя («тройственного города») — послѣднее сильное проявленіе федеративной жизни финикиянъ, послѣдняя форма устройства финикійскаго союза. Потому, сказавъ объ основаніи Триполя, мы перейдемъ къ изложенію основаній государственнаго устройства финикійскихъ городовъ, насколько ихъ учрежденія известны намъ по скуднымъ матеріаламъ или могутъ быть угадываемы по аналогіи съ другими государствами, въ особенности съ финикійскими колоніями, сохранившими у себя то устройство, какое имѣли ихъ метрополіи.—Сдѣланный нами очеркъ событій финикійской исторіи показываетъ, что финикійскіе города всегда чувствовали потребность обороняться общими силами отъ своихъ многочисленныхъ враговъ, что поэтому Финикія постоянно была федераціею городовъ, и

что тотъ городъ, который превосходилъ другіе своимъ могуществомъ, приобреталъ рѣшительное вліяніе на дѣла союза, достигалъ преобладанія, гегемоніи.—Союзъ между городами былъ основанъ не на свободномъ выборѣ, не на теоретическихъ соображеніяхъ, а на требованіяхъ необходимости, на племенномъ родствѣ, на фактической зависимости слабыхъ городовъ отъ сильнаго, не на договорахъ, а на историческихъ надобностяхъ. Маленькіе города по необходимости подчинялись большому, потому что не могли сопротивляться ихъ требованіямъ и безъ ихъ помощи были бы завоеваны иноземцами. Такимъ образомъ, Сидонъ очень рано сталъ главою союза многихъ городовъ; пользуясь своимъ преобладаніемъ, онъ посылалъ колоніи своихъ гражданъ въ подчиненные города, посредствомъ этой расчетливой политики обратилъ подчиненные города въ города родственные ему, и сталъ не только главою союза, но и метрополіею союзныхъ съ нимъ городовъ. Точно такъ же поступалъ впослѣдствіи Тиръ. Гегемонія Тира вѣроятно бывала иногда очень тяжелымъ владычествомъ: такъ должно думать потому, что ассирійскіе и вавилонскіе цари въ своихъ войнахъ съ Тиромъ нерѣдко получали помощь отъ другихъ финикійскихъ городовъ. Тириане хорошо понимали, что подчиненные имъ города питаютъ вражду противъ нихъ; чтобы предотвращать возстанія, они вѣроятно употребляли то средство, которымъ очень успѣшно пользовался впослѣдствіи Кареагенъ: вѣроятно, ужъ и тириане брали людей изъ вліятельныхъ семействъ подвластныхъ городовъ на службу въ войско союза и держали составленные изъ этихъ людей отряды въ своемъ городѣ или посылали ихъ гарнизонами въ колоніи. Іезекіиль, перечисляя войска Тира, и сказавъ, что въ Тирѣ были персидскіе и лидійскіе наемники, прибавляетъ, что въ немъ были и «сыны Арвада»,—Арада,—которые повѣсили свои блестящіе щиты вѣнкомъ на зубцахъ сторожевыхъ башенъ, въ охраненіе и украшеніе городу. (Іезекіиль, XXVII, II). Властолюбіе, алчность и торговая завистливость Тира возбуждали неудовольствіе другихъ финикійскихъ городовъ; это ослабляло Финикію.

У насъ нѣтъ подробныхъ извѣстій о государственномъ устройствѣ финикійскихъ городовъ. Сколько можно судить по скуднымъ даннымъ, Государственное устройство. о немъ, кажется, что во всѣхъ финикійскихъ городахъ населеніе было разнородное, и что высшія сословія его имѣли очень большія преимущества надъ низшими по юридическимъ правамъ и по почету, которымъ пользовались. Первоначальная разница состояла, вѣроятно, въ томъ, что населеніе дѣлилось по происхожденію на господствующій классъ и на подвластный; съ теченіемъ времени, образовались и въ томъ и въ другомъ классѣ разныя подраздѣленія. Господствующую часть населенія образовали старыя финикійскія племена; каждое племя дѣлилось на роды, родъ дѣлился на семьи или фамиліи. Эти племена, роды и фамиліи составляли аристократи-

Финикійскій союзъ и гегемонія.

Царь.

ческое сословіе «старыхъ гражданъ»; оно владѣло землями, оно одно имѣло высшія политическія права; исключительно оно управляло государственными дѣлами; жрецами и сановниками были одни только старые граждане; они вели и всѣ большія коммерческія предпріятія. Санъ царя былъ наслѣдственнымъ въ самой знатной изъ фамилій родовой аристократіи; вѣроятно, той же фамиліи наслѣдственно принадлежалъ и санъ верховнаго жреца главнаго бога—покровителя города. Нѣкоторыя ханаанскія племена имѣли, быть можетъ, республиканское или теократическое устройство; но во всѣхъ финикійскихъ городахъ были цари; въ Тирѣ, Сидонѣ, Арадѣ, Библосѣ и Беритѣ цари оставались до македонскаго времени; случались перерывы, когда городъ не имѣлъ царя; но эти были непродолжительны. Царскій санъ былъ наслѣдственнымъ въ древнѣйшемъ родѣ; царь былъ потомокъ бога—покровителя города. Но кажется, что съ очень ранняго времени въ нѣкоторыхъ городахъ возникъ обычай, что аристократія опредѣляла, кому изъ членовъ царскаго рода быть царемъ, и предлагала избраннаго на утвержденіе народу; такъ было, между прочимъ, въ Тирѣ. Царь былъ главнокомандующимъ войска и флота, былъ и верховнымъ судьей. Но власть его была очень ограниченная: почти всѣ важныя должности были наслѣдственными въ знатныхъ фамиліяхъ; члены знатныхъ семействъ составляли городской совѣтъ; законодательная власть принадлежала этому совѣту. При всей ограниченности своей власти, царь пользовался большими почетными преимуществами. Царская одежда была пурпурная. Древніе писатели говорятъ, что перые изъ царей стали носить пурпуръ цари Сидона и Тира, что царями другихъ народовъ пурпурная одежда была принята по подражанію имъ. Царь жилъ во «дворцѣ изъ слоновой кости»; въ честь царя гремѣла музыка оркестровъ; его прислугою были женщины, его окружали дочери вельможъ. Царь пользовался доходами съ обширныхъ государственныхъ помѣстій; земли ихъ были воздѣлываемы приписанными къ нимъ поселянами, и доходы съ нихъ были велики. У царя были свои торговые корабли; онъ былъ негоціантомъ; его доходы отъ коммерческихъ предпріятій тоже были значительны.

Иезекииль говоритъ царю Тирскому: «Вознеслось сердце твое, и ты говоришь: я богъ, возсѣдаю на сѣдалищѣ Божіемъ въ сердцѣ морей. Ты находился въ Эдемѣ, въ саду Божіемъ; твои одежды были украшены всякими драгоценными камнями; рубинъ, топазъ и алмазъ, хризолитъ, опикъ, ясписъ, сапфиръ, карбункулъ и изумрудъ, все искусно усаженное у тебя въ гнѣздышкахъ и нанизанное на тебѣ, приготовлено было въ день сотворенія твоего» (XXVIII, 2; 13). Въ 44-мъ псалмѣ говорится: «Всѣ одежды твои какъ смирна и алой и кассія. Дочери царей между почетными у тебя. Стала царица одесную тебя въ офирскомъ золотѣ. Одежда ея шита золотомъ; въ испещренной одеждѣ ведется она къ царю; за нею ведутся къ тебѣ дѣвы, подруги ея» (стихи 9, 10; 14, 15); по мнѣнію Моверса, этотъ царь—царь Тира. Далѣе говорится о немъ, что онъ «поставитъ» сыновей своихъ «внѣзьями по всей землѣ» (стихъ 17-й). У Исаіи говорится о Тирѣ, что онъ «раздавалъ вѣнцы», что «купцы его были вѣнзья» (Исаія, XXIII, 8);

по мнѣнію Моверса, это свидѣлствуетъ, что сыновья и родственники метрополія были правителями колоній.

Въ то время, когда на островѣ противъ Старога Тира еще не былъ построенъ городъ, а стоялъ только храмъ Мелькарта, верховный жрецъ этого храма былъ, вѣроятно, правителемъ острова; и очень можетъ быть, что санъ этого жреца былъ равенъ царскому сану, потому что онъ былъ намѣстникъ бога, называвшагося «царемъ города». Такъ ли это или нѣтъ, но впоследствии верховный жрецъ Мелькарта былъ важнѣйшимъ послѣ царя лицомъ въ Тирѣ и носилъ царскую пурпур. Обыкновенно эту должность занималъ братъ или близкій родственникъ царя. Помѣстья храма и десятинная подать доставляли верховному жрецу и его подчиненнымъ большіе доходы, а храму такія богатства, что онъ былъ знаменитъ своими сокровищами. Почти во всѣхъ финикійскихъ городахъ санъ верховнаго жреца былъ наслѣдственнымъ, и кажется, что жреческія семейства принадлежали къ числу самыхъ знаменитыхъ въ своемъ городѣ.

Верховный жрецъ.

Въ военныхъ государствахъ древности, царь обыкновенно бралъ верхъ надъ аристократіею, власть его достигала неограниченности, такъ что люди всѣхъ сословій одинаково были рабами царя. Въ торговыхъ государствахъ аристократическіе роды, равные царскому по своей древности и знатности, пріобрѣтали обыкновенно такую силу, что отмѣняли царскій санъ и поручали правительственную и судебную власть сановникамъ, избираемымъ на опредѣленный срокъ; или, если оставляли царя, то почти всю власть надъ государственными дѣлами присвоивали себѣ, а царю, кромѣ почета, предоставляли только приводить въ исполненіе рѣшенія правительства. У финикіянъ была эта вторая форма аристократическаго правленія, при которой сохраняется царскій санъ. Тѣ роды и тѣ племена, предки которыхъ жили въ Финикіи, прежде чѣмъ вторженія аморреевъ и евреевъ въ Ханаанъ наполнили ее массою чужеземныхъ бѣдняковъ, были правительственнымъ сословіемъ; имъ принадлежала законодательная власть, они вели всѣ большія торговые и колонизаціонныя предпріятія. Главнымъ источникомъ богатства въ Финикіи была не поземельная собственность, а торговля; въ коммерческихъ дѣлахъ царь былъ только то же самое, что и всякій другой богатый негоціантъ; потому въ наслѣдственной аристократіи должно было возникнуть чувство равенства съ нимъ; изъ этого чувства и развилась финикійская форма государственнаго устройства. Въ каждомъ финикійскомъ городѣ былъ болѣе или менѣе многочисленный совѣтъ или сенатъ; его составляли главы семействъ, представители родовъ и племенъ; онъ завѣдывалъ общественными дѣлами, давалъ направленіе администраціи и судопроизводству; царь долженъ былъ во всѣхъ важныхъ дѣлахъ совѣщаться съ его мнѣніемъ. Это былъ «большой» городской совѣтъ;

Аристократическія фамиліи.

въ немъ засѣдали главы семействъ; былъ другой, «малый» совѣтъ, состоявшій изъ назначаемыхъ по выбору представителей родовъ и племенъ. Такимъ образомъ, при царѣ или, какъ въ Карѳагенѣ, при замѣнявшихъ царя двухъ суффетахъ, былъ комитетъ, состоявшій изъ 10 или 30 членовъ, и завѣдывавшій дѣлами подъ руководящею властью большого совѣта, который въ многочисленныхъ городахъ состоялъ изъ 300 или 600 членовъ.

Народное
образование.

Кромѣ царя и аристократическаго сената, существовало народное собраніе; о немъ часто упоминается въ извѣстіяхъ и о финикійскихъ городахъ и о колоніяхъ. Масса городского населенія состояла первоначально изъ людей, подвластныхъ аристократамъ, и не имѣла политическихъ правъ. Но съ развитіемъ образованности и благосостоянія она приобрѣла политическія права; въ позднѣйшія времена финикійской исторіи народъ имѣлъ значительное вліяніе на государственную жизнь. Во время Александра государственныя дѣла въ Тирѣ были рѣшаемы народнымъ собраніемъ; по извѣстіямъ греческихъ писателей, оно было шумною толпою, въ совѣщаніяхъ которой сенаторы съ трудомъ поддерживали порядокъ. Оно состояло изъ элементовъ, очень разнородныхъ. Съ самаго основанія городовъ, была въ нихъ масса бѣднаго населенія, лишенная политическихъ правъ завоевателями или колонизаторами страны; съ теченіемъ времени, къ этимъ кореннымъ жителямъ присоединилось множество пришельцевъ, привлеченныхъ надеждою на выгодную торговлю или работу; это были люди изъ разныхъ странъ, и близкихъ, и дальнихъ; они поселялись въ финикійскихъ городахъ и факторіяхъ, соединялись въ корпорации, приобрѣтали нѣкоторыя гражданскія права. Надобно полагать, что число иноземныхъ торговцевъ, рабочихъ, матросовъ и т. д. въ финикійскихъ городахъ было очень велико, потому что еврейскіе пророки сравнивали ихъ съ саранчею. Число этихъ простолюдиновъ, многіе изъ которыхъ приобрѣтали богатство и умственное образованіе, возрастало; а господствующее сословіе, чуждавшееся браковъ съ простолюдинами, становилось малочисленнѣе; натуральнымъ слѣдствіемъ этого было, что низшія сословія, не имѣвшія политическихъ правъ, приобрѣли ихъ, стали гражданами государства, получили вліяніе на общественныя дѣла, что люди изъ низшихъ сословій стали занимать правительственныя должности. Правда, простолюдины постоянно переселялись изъ Финикіи въ колоніи, гдѣ энергическій бѣднякъ легко приобрѣталъ и права и благосостояніе; но каково бы ни было число выселенцевъ, исторія позднѣйшихъ временъ Тира и Сидона показываетъ, что простолюдины, сгруппированные по своимъ промысламъ въ ремесленныя корпорации, приобрѣтали все большее и большее значеніе въ государствѣ. Правительствующее сословіе должно было чувствовать надобность пополнять свою уменьшающуюся численность принятіемъ вліятельныхъ простолюдиновъ въ свои ряды.

Это было тѣмъ необходимѣе, что наемники, которыхъ было много въ финикійскихъ войскахъ, и многочисленные рабы часто бунтовали; ихъ свирѣпыя буйства постоянно грозили опасностями имуществу и жизни гражданъ, гибелью государству. До насъ не дошло подробныхъ извѣстій о бунтахъ рабовъ и наемныхъ войскъ въ Финикіи; но все-таки мы знаемъ, что и Тиръ подвергался такимъ же страшнымъ бѣдствіямъ отъ мятежей рабовъ и бунтовъ наемниковъ, какъ тѣ, рассказы о которыхъ представляетъ намъ исторія Карѳагена. Есть даже извѣстія, что большая часть знатныхъ фамилій въ Тирѣ имѣли своими предками рабовъ. Мы ужъ видѣли, что сыновья царской няньки двѣнадцать лѣтъ владычествовали надъ Тиромъ.

Рабы и наем-
ныя войска.

Вѣроятно, воспоминанія о катастрофахъ подобнаго рода въ финикійскихъ или вообще ханаанскихъ государствахъ высказываются въ изреченіяхъ Экклезіаста и Книги Притчъ: «Видѣлъ я рабовъ на коняхъ, а князей ходящихъ, подобно рабамъ, въ шкумъ» (Экклес. X, 7). — «Трясется земля и не можетъ носить раба, когда онъ дѣлается царемъ» (Книга Притчъ, XXX, 21, 22). — «Не прилична глумцу пышность, тѣмъ паче рабу господство надъ князьями». (Кн. Пр. XIX, 10).

Простолюдины, жившіе въ городахъ, имѣли много случаевъ улучшить свое положеніе; рабамъ и иноземнымъ наемникамъ удавалось приобрести себѣ возстаніемъ свободу и громадныя права; но сельское населеніе безвыходно оставалось въ тяжелой крѣпостной зависимости, лишенное права имѣть собственность, не утѣшаемое надеждою освободиться, и безжалостные негоціанты насильно отправляли многихъ поселянъ въ колоніи, быть работниками на чужбинѣ вдали отъ родины, родныхъ и друзей. Вся поземельная собственность въ Финикіи находилась во владѣніи господствующаго сословія. Были земли, принадлежавшія государству; доходы съ нихъ шли на содержаніе двора, на надобности царя и правительства; другія земли принадлежали храмамъ, доходы съ нихъ получало духовенство и употребляло на издержки богослуженія и національнаго святилища; остальные земли принадлежали частнымъ владѣльцамъ. Земледѣльцы находились въ крѣпостной зависимости отъ помѣщиковъ и платили имъ, кромѣ постоянного оброка, третью или четвертую долю сбора хлѣба, вина, масла, фруктовъ. Богатые городскіе негоціанты, владѣвшіе землями, не были связаны съ сельскимъ населеніемъ чувствомъ родства: земледѣльцы были большею частью люди другихъ племенъ, другой вѣры, другихъ нравовъ; потому владѣльцы думали только объ извлеченіи всевозможной выгоды изъ своихъ помѣстій, выказывали и въ своихъ отношеніяхъ къ поселянамъ ту жадность, за которую еще древніе писатели порицали финикіянъ. Алчность привилегированнаго класса, его властолюбіе, его аристократическая надменность, его стремленіе держаться замкнутымъ сословіемъ, сохранять за собою исключительное право на всѣ почетныя должности, его стремленіе

Сельское на-
селеніе.

задерживать развитіе предприимчиваго средняго сословія, его завистливость къ правамъ, прибрѣтеннымъ низшими сословіями, ко всякому успѣху человѣка незнатнаго происхожденія, — все это парализовало финикійскую государственную и общественную жизнь, было ядомъ, который губилъ хорошія качества народа, имѣвшаго много качествъ, достойныхъ почтенія.

3. Колоніи, промышленность, торговля.

Колоніи Си-
дона.

Завоеванія аморреевъ (около 1400 года) и возвращеніе израильтянъ изъ Египта (около 1300 года) отбѣсняли хананейскія племена на узкое побережье. Сидоняне, владычествовавшіе тогда на морѣ, перевозили излишекъ населенія Финикіи въ Кипръ и на острова Эгейскаго моря, основали на сѣверномъ берегу Африки, подъ ласковымъ небомъ, въ богатой масличными деревьями, финиковыми рощами, смоковницами, множествомъ превосходныхъ плодовъ странъ, Гиппонъ, Великую Лептиду, другія колоніи. Такой же приливъ населенія изъ Палестины въ Финикію продолжался и въ слѣдующія три столѣтія, вынуждалъ къ основанію новыхъ колоній. Завоеванія израильтянъ и племенные войны ихъ съ туземцами Ханаана шли непрерывно со временъ Иисуса Навина до той поры, когда при Соломонѣ были поработаны послѣдніе остатки хананеевъ; сама Финикія подвергалась нашествіямъ ассирійскихъ и египетскихъ царей, съ глубокой древности начавшихъ ходить въ Сирію; выгоды, доставляемыя торговою и промышленною дѣятельностью финикійскихъ городовъ, привлекали туда массу бѣдняковъ изъ близкихъ и дальнихъ странъ, привлекали предприимчивыхъ иноземцевъ; — все это производило такой приливъ населенія въ финикійскіе города, что временами оказывалась невозможность помѣстить массу пришельцевъ въ ихъ стѣнахъ и небольшихъ областяхъ; и ужъ самая необходимость устранить голодъ заставляла финикійянъ основывать колоніи. Но то, что было дѣломъ необходимости, скоро стало для энергическихъ финикійянъ изобильнымъ источникомъ богатства и могущества; въ особенности стало такъ, когда главою союза сдѣлался предприимчивый Тиръ. Финикійяне заняли берега Сициліи (Тринакрию), основали тамъ цвѣтущія факторіи и торговые поселенія: на западѣ Мотію, въ которой устроили ткацкія и красильныя заведенія, къ востоку отъ Мотіи Панормъ (Палермо) и Солунтъ (Соланто). Въ западной Сициліи найдено множество монетъ съ финикійскою надписью «станъ ткачей пестрыхъ тканей»; впрочемъ, эти монеты чеканены не въ Панормѣ, какъ полагали прежде, а въ Карфагенѣ. Финикійцы сдѣлали превосходную

Колоніи Тира.
Сицилія.

гавань Мелиты (Мальты) центромъ стоянокъ для кораблей, плававшихъ въ западную часть Средиземнаго моря. На африканскомъ берегу противъ Мальты, въ прекрасной и плодородной Зевгитанѣ, гдѣ великолѣпно растутъ масличное дерево и пальма, гдѣ хлѣбъ даетъ урожай во сто разъ больше посѣва, и сборъ винограда можно дѣлать дважды въ годъ, они построили на выдающемся далеко въ море мысѣ торговый городъ Утику (около 1100 года), и отдѣлили мысъ отъ материка каналомъ, какъ островъ. Тиряне любили дѣлать свои колоніи похожими на свой родной городъ, любили дѣлать такъ, чтобы при колоніи, основываемой на берегу, былъ островъ, на которомъ можно построить цитадель, гдѣ будутъ въ безопасности и святилище и склады товаровъ. Такое устройство дали они и колоніи, которую основали нѣсколькими годами послѣ Утики, Гадесу (Кадиксу): за проливомъ между скалъ, которая въ древности называлась «Геркулесовыми столбами», тиряне нашли у берега длинный узкій островъ, основали на немъ колонію, имѣвшую постройки и на берегу. Этотъ городъ, храмъ котораго былъ посвященъ покровителю Тира, Мелькарту, сталъ богатымъ складочнымъ мѣстомъ испанской торговли; туда плавали за сокровищами изобильной металлами Испаніи «Фарсисскіе корабли», о которыхъ говорятъ іудейскіе пророки. Громадныя выгоды, получаемыя отъ колониальной торговли финикійцами, побуждали ихъ основывать новыя колоніи. На южномъ концѣ Сардиніи они построили Каралисъ (Кальяри); Балеарскіе и Питіузскіе острова были колонизованы тирянами; были основаны ими торговые и фабричныя колоніи въ южной Испаніи по берегамъ Средиземнаго моря и Атлантическаго океана, по лежащему противъ Испаніи африканскому (мавританскому) берегу. Но центромъ широкой колонизаціи была та прекрасная область Испаніи, по которой течетъ Гуадалквивиръ (Бетисъ древнихъ писателей). По имени рѣки Тартесса, берега которой были богаты серебромъ, финикійяне называли эту область Тарсисомъ; отъ этого произошло позднѣйшее ея названіе, Турдетанія. Во время Страбона, въ этой области было двѣсти городовъ; судя по ихъ названіямъ, по древнимъ монетамъ и по отрывочнымъ извѣстіямъ древнихъ писателей, Моверсъ думаетъ, что если не всѣ, то почти всѣ они были основаны финикійянами. Устья рѣкъ и на восточномъ и на западномъ берегахъ Испаніи были заняты финикійскими колоніями. Промышленная дѣятельность, хорошая заработная плата привлекла въ Финикію множество людей изъ сосѣднихъ земель, потому населеніе быстро росло, и въ немъ было много людей безпокойнаго характера; съ энергическою торговою и государственною жизнью были необходимо соединены раздоры партій, народные волненія; буйные наемные воины изъ Каріи и другихъ земель Малой Азіи и туземныя племена, покоренныя и цивилизованныя финикійянами, были опасны и приходилось удалять опасные элементы, удалять

Мальта.

Утика.

Гадесъ.

Сардинія.

Тартессъ и
«Фарсисъ».

Причины раз-
витія колони-
заціи.

излишекъ населенія; потому финикіянамъ не только возможно, но и необходимо было постоянно основывать новыя колоніи. Неурожаи, землетрясенія, другія бѣдствія возбуждали въ бѣдныхъ классахъ народа желаніе эмигрировать; среднее сословіе было увлекаемо надеждою пріобрѣсти въ колоніяхъ богатство и тѣ политическія права, которыхъ не было у него въ родныхъ городахъ, имѣвшихъ аристократическое устройство. Привязанность къ родной землѣ не могла быть глубока въ населеніи, среди котораго было много иноплеменниковъ и которое привыкло къ путешествіямъ.

Отношеніе ко-
лоній къ ме-
трополіи. Граждане Тира и другихъ финикійскихъ городовъ управляли экспедиціями колонистовъ; совѣты городовъ, основанныхъ подъ ихъ руководствомъ, состояли изъ нихъ же; правителями въ колоніяхъ были опять они; потому колоніи сохраняли у себя финикійскія учрежденія и молились богамъ - покровителямъ финикійскихъ городовъ. Разноплеменная масса, переселявшаяся въ колонію подъ управленіемъ гражданъ финикійскаго города, оставалась соединена съ нимъ, какъ ея основатели оставались въ связи съ его аристократическимъ сословіемъ. Только Карфагенъ былъ, какъ мы ужъ говорили, исключеніемъ изъ правила: онъ съ самаго же начала своего существованія сталъ въ оппозицію своей метрополіи. Но и эта великая колонія, скоро превзошедшая Тиръ могуществомъ, ставшая главою финикійскихъ поселеній на западѣ, удержала религіозныя и политическія учрежденія Тира, его боговъ и законы. Всѣ финикійскія колоніи поклонялись національнымъ богамъ метрополіи; жертвы, праздники, іерархія, богослужебные обряды были у нихъ такіе же, какъ въ Финикіи; всѣ онѣ отдавали десятую долю своихъ церковныхъ доходовъ тирскому храму Мелькарта, отправляли на всякіе національные праздники посольства, свидѣтельствовавшія о ихъ преданности метрополіи; государственныя и судебныя учрежденія были въ нихъ устроены по финикійскому образцу. Онѣ платили подати своей метрополіи, но какія именно, нельзя сказать съ точностью, по недостатку извѣстій; нельзя опредѣлительно сказать и того, какая разница въ этомъ отношеніи была между колоніями, основанными самимъ государствомъ и остававшимися въ зависимости отъ него, и колоніями, которыя были основаны частными людьми на собственные средства. Но многія извѣстія показываютъ, что разница между ними была, что обязанности колоній относительно метрополіи опредѣлялись договорами и что эти договоры были неодинаковы.

Исторія испан-
скихъ колоній. Въ Тарсисской области тиряне поступали такъ, какъ испанцы по открытіи Америки на ея островахъ и континентѣ. Они вымѣнивали на свои товары, на «масло и игрушки», за ничтожную цѣну серебро, котораго въ Тарсисѣ было такъ много, по словамъ древнихъ писателей, что вся посуда, всѣ орудія туземцевъ были серебряныя. Когда вымѣняли все серебро, бывшее у туземцевъ, тиряне стали сами

добывать его изъ рудниковъ въ «лѣсу Тартесскихъ горъ», вымывать золото и серебро изъ песку по берегамъ Тартесса. На эти работы они употребляли покоренныхъ туземцевъ, которые были раздѣлены на множество слабыхъ, враждовавшихъ между собою племенъ, потому не могли устоять противъ алчныхъ иностранцевъ, привозившихъ въ Испанію храбрыхъ и многочисленныхъ наемныхъ войска. Четыре столѣтія (1100—700 годы) владычествовали въ Испаніи финикіяне. Берега полуострова покрылись въ это время колоніями Тира и колоній, прежде основанныхъ Тиромъ въ другихъ земляхъ; было построено много колоній и въ глубинѣ страны. Когда междоусобія и нашествія иноземцевъ ослабили Тиръ, а Карфагенъ сталъ могущественъ, финикійскія колоніи въ Испаніи перешли, добровольно или по принужденію, изъ-подъ зависимости отъ Тира въ зависимость отъ Карфагена, а нѣкоторыя изъ нихъ были покорены кельтами; кажется, что именно въ эти времена кельты овладѣли большею частью Пиренейскаго полуострова. Вѣроятно, къ отпаденію испанскихъ колоній отъ Тира во время ассирійскихъ нашествій на Финикію относятся слова пророка Исаи, говорящаго (XXIII, 10), что дочь Фарсиса освободилась, свергла съ себя узы. Дальше всѣхъ испанскихъ колоній оставался вѣренъ Тиръ Гадесъ, главный военный пунктъ тирянъ на западномъ берегу. Но другія колоніи враждовали противъ него за это; и тѣснимый Иберійскими племенами, этотъ послѣдній оплотъ Тира въ Испаніи принужденъ былъ отложиться отъ метрополіи, признать власть Карфагена. Ставъ подвластными карфагенянамъ, финикійскія колоніи въ Испаніи сохраняли нѣкоторую самостоятельность. Онѣ стали членами союза, главою котораго былъ Карфагенъ, находились подъ его покровительствомъ, но не въ порабощеніи у него. Ни въ одной изъ земель, гдѣ финикіяне основали свои колоніи, не упрочилась финикійская національность. По своему характеру, финикіяне были неспособны цивилизовать и ассимилировать народы, съ которыми соприкасались, какъ дѣлали это эллины и италійцы. У нихъ не было влеченія создавать обширныя государства, какое мы находимъ у индогерманцевъ. Ихъ колоніи были только торговыми факторіями. Они хотѣли только продавать и покупать товары; у нихъ не было желанія пріобрѣтать въ далекихъ странахъ обширныя владѣнія и вводить тамъ свою національность упорнымъ, долгимъ трудомъ.

Многія и преданія согласно говорятъ, что еще въ доисторическое время племена Арамейскихъ горъ, Аравіи, восточныхъ семитическихъ земель передвигались на горное прибрежье Средиземнаго моря, что эти мирныя и военныя передвиженія служили причиной переселеній съ прибрежья за море, основанія колоній на другихъ берегахъ и на островахъ его, потому что тѣсная финикійская область не могла вмѣстить всѣхъ, приходившихъ въ нее. Эти извѣстія о миѣическихъ временахъ заслуживаютъ довѣрія, потому что при началѣ историческаго времени мы видимъ такіе же переселенія. Итакъ, мы не колеблясь можемъ принимать первую причину финикійской колонизаціи то, что населенію Финикіи

Подробности о
колоніяхъ.

Древнѣйшія
колоніи.

Кипръ.

Критъ.

Родосъ.

Циклады.

было тѣсно въ ней. Мы ужь видѣли, что завоеванія аморреевъ и ихъ соплеменниковъ оттѣснили многія мелкія племена ханаанскихъ туземцевъ изъ родныхъ горъ на финикійскій берегъ, и что эти хананеи вмѣстѣ съ эмигрантами изъ Сидона отправлялись основывать новые города себѣ на сосѣднихъ островахъ западнаго моря. Они проложили путь для дальнѣйшей колонизаціи. Когда и евреи пришли въ Ханаанъ, а филистимляне заняли юго-восточный берегъ, то произведенныя этими вторженіями катастрофы опять оттѣснили въ Финикію хананеевъ, и увеличеніе числа бездомныхъ пришельцевъ увеличило число финикійскихъ экспедицій для основанія новыхъ колоній. Древнѣйшія изъ поселеній, основанныхъ финикійцами въ миѣстеческія времена на *Кипрѣ*, *Мелосѣ*, *Θερѣ*, *Θазосѣ* и въ египетской Дельтѣ были колоніями, вышедшими изъ *Библоса* подъ управленіемъ гилитовъ: въ первобытныя времена, важнѣйшимъ городомъ Финикіи былъ Библосъ. Въ историческія времена эмиграціею руководилъ *Сидонъ*, достигшій тогда преобладанія; колоніи, основанныя имъ, сильно содѣйствовали развитію его мореплаванія и торговли; онъ сталъ «торжищемъ народовъ», его называли «великій Сидонъ». Подъ руководствомъ его гражданъ къ прежнимъ финикійскимъ поселеніямъ на Кипрѣ прибавились новыя; ихъ было такъ много, что семитическое населеніе стало преобладающимъ на островѣ. Мы ужь говорили объ этомъ. Имя «*киттіане*», обозначающее впоследствии времени только жителей города Китіи, обозначало тогда всѣхъ жителей Кипра и распространялось даже на жителей финикійскихъ колоній въ Каріи и Киликии. Кромѣ Китіи, финикійскими городами на Кипрѣ были *Παφοςъ* и *Амаоунтъ*; и даже *Саламинъ*, бывшій впоследствии эллинскою столицею Кипра, имѣлъ въ тѣ давнія времена сидонское населеніе. Кипръ былъ для финикійцевъ драгоценнымъ владѣніемъ, потому что въ немъ была мѣдная руда, такъ что мѣдь называлась «кипрскимъ металломъ», аес сургіумъ. Когда Сидонъ ослабѣлъ, Кипромъ сталъ владѣть Тиръ. Но господство тирскихъ купцовъ было тяжелымъ игомъ, потому на Кипрѣ часто бывали возстанія; они были подавляемы, пока наконецъ подъ покровительствомъ ассирійскихъ и вавилонскихъ царей на Кипрѣ поселилось столько азіатцевъ не финикійскаго происхожденія и столько грековъ, что финикійская національность утратила свое преобладаніе и кипрское населеніе стало смѣсью людей разныхъ племенъ.—На *Критѣ* и на *Родосѣ* тоже были въ очень давнія времена основаны сидонскія поселенія; это были города *Итакъ*, *Лебена*, *Λάμπα* или *Λαμπα*; они служили пристанями для кораблей, шедшихъ далѣе на западъ, и стоянками для ловли пурпурныхъ раковинъ. Но на сѣверномъ берегу Крита, богатомъ заливами и гаванями, сохранило за собою господство прежнее населеніе; это были этеокриты («коренные критяне»), принадлежавшіе, вѣроятно, къ пеласго-іоническому племени; они были страшны своимъ морскимъ разбойничествомъ и съ тѣмъ вмѣстѣ славилась мудростью своихъ законовъ, установленіе которыхъ приписывалось Миносу. Критъ—это маленькая особая часть свѣта, говоритъ Курціусъ: все, что нужно для его жителей, они имѣютъ на своемъ островѣ: на немъ есть и живописныя горныя мѣстности, и тихія горныя долины между скалъ, изумляющихъ своею громадностью; а его длинные берега близки и къ Азіи, и къ Ливіи, и къ Элладѣ. Разноплеменность населенія произвела на Критѣ отношенія, подобныя средневѣковому феодальному устройству; такой характеръ получили они въ особенности послѣ вторженія доріанъ, о которомъ мы будемъ говорить въ исторіи Греціи: торговцы, правившіе городами, дали доріанамъ помѣстья съ крѣпостными поселеніями, обязавъ ихъ за это быть воинами. На *Родосѣ* среди карійскаго населенія были основаны финикійцами колоніи, сдѣлавшіяся, по древнимъ преданіямъ, чрезвычайно богатыми. Городъ *Ямсъ* на Родосѣ и городъ *Астира* на берегу Каріи, противъ него, были, кажется, финикійскими колоніями. Превосходная гавань и выгодное для торговли положеніе дѣлали Родосъ драгоценнымъ владѣніемъ; потому греки рано стали стараться и хитростью и силою пріобрѣсти этотъ островъ.—По преданіямъ, карійцы и финикійцы были древнѣйшимъ населеніемъ *Цикладскихъ* острововъ; въ греческія времена тамъ еще находилось много слѣдовъ древней финикійской промышленности. «На островахъ Нисирѣ, Косѣ, Гіарѣ и на берегахъ Пелопоннеса финикійцы ловили пурпурныя раковины», говоритъ Моверсъ: «на Косѣ и Аморгѣ у нихъ были ткацкія и красильныя фабрики; на островѣ

Сифиѣ, знаменитомъ богатыми рудами благородныхъ металловъ, у нихъ были рудники». На островѣ *Каллистѣ* («Прекраснѣйшемъ») была основана финикійцами колонія еще въ миѣстеческія времена; послѣ, сидоняне увеличили ее; въ ней выдѣлывали ткани съ вотканными узорами, изображавшими животныхъ, по этимъ тканямъ греки дали *Каллистѣ* названіе *Θеры* (острова животныхъ). Была финикійская колонія на *Мелосѣ*; она вела большую торговлю красивыми веществами, между прочимъ бѣлою мелосскою праскою, квасцами, сѣрою. *Китера*, имѣвшая въ древности большую важность, какъ стоянка для кораблей, была такъ богата пурпурными раковинами, что называлась «Пурпурнымъ островомъ»; финикійскіе колонисты на Китерѣ вели значительную торговлю и промышленность. Впоследствии времени, *Θерою*, *Мелосомъ* и *Китерою* овладѣли лакедемоняне. Съ очень давнихъ временъ сидоняне вывозили изъ каменоломенъ *Παρоса* и *Αντιπαρоса* (*Ολίारा*) мраморъ для своихъ зданій. На островѣ *Θазосѣ* еще Геродотъ видѣлъ гору, которая была вся изрыта шахтами финикійцевъ, добывавшихъ изъ нея золото. Развитіе финикійской промышленности на этомъ островѣ, богатомъ виноградниками, мраморомъ и золотомъ, относится къ временамъ преобладанія Тира; тогда же развилась и торговля финикійцевъ съ оранійскимъ побережьемъ. Когда греки овладѣли *Θазосомъ*, тирскій *Μελικαρτъ*, котораго называли они *Γερακломъ*, остался для нихъ «отечественнымъ богомъ». Изъ *Θазосскихъ* рудниковъ финикійцы добывали, по словамъ Геродота, отъ 200 до 300 талантовъ золота въ годъ. Изъ *Θазоса* финикійцы распространили свои поселенія на обильныя золотомъ мѣстности у Геллеспонта и во *Θракии*. Поклоненіе *Καβιραμъ* и *Καδму*, существовавшее съ глубокой древности на *Λεμносѣ* и на *Σαμοθραкии*, показываетъ, что и эти острова были колонизованы финикійцами. Отъ Абдеры до Амфинолы въ обильномъ металлами *Πανгейскомъ* хребтѣ и по берегамъ *Стримона* оставались въ греческое время слѣды финикійскихъ рудниковъ. Нѣкоторыя изъ колоній, основанныхъ Милетомъ на берегахъ *Пропонтиды* и Чернаго моря, были, вѣроятно, построены на развалинахъ торговыхъ поселеній финикійцевъ.

Очень обширное развитіе получила финикійская колонизація во времена преобладанія Тира. Предоставивъ греческое море сидонянамъ, предприимчивые тиряне направились къ малоизвѣстнымъ странамъ на западъ и основали множество колоній, блестящимъ образомъ свидѣтельствующихъ объ ихъ энергіи, расчетливости, разсудительности. Они увозили на далекій западъ хананеевъ, оттѣсняемыхъ въ Финикію завоеваніями израильтянъ, и города, построенные ими въ Африкѣ, въ Италіи, въ Сициліи, на прилежащихъ островахъ, стали гордостью метрополіи, источниками несметныхъ богатствъ, центрами промышленности и торговли тѣхъ странъ. Прекрасный и плодородный островъ, который греки называли, по его формѣ, *Τρινακρίεю* (треугольникомъ) и который впоследствии сталъ называться, по имени переселивавшегося туда народа сикуловъ, *Σικυλλіею*, занимаетъ очень выгодное для торговли мѣсто на самой срединѣ Средиземнаго моря; потому онъ рано сталъ цѣлью и центромъ торговой дѣятельности финикійцевъ. «Финикійцы», говоритъ Фукидидъ, «заняли по всѣмъ берегамъ Сициліи мысы и сосѣдніе мелкіе острова, чтобы вести торговлю съ сикулами. Но позднѣе, когда эллины усилились на морѣ и вступили въ борьбу съ ними, они покинули большую часть прежнихъ своихъ поселеній и сосредоточились въ немногихъ важнѣйшихъ городахъ». Къ числу этихъ городовъ принадлежали на югѣ: *Ρυςъ* *Μελικαρτъ* (мысъ Мелькарта), который греки называли соотвѣтствующимъ греческимъ именемъ *Γερακλει* (Гераклея Миноа); на западѣ, *Μοτια*, на полуостровѣ, который соединяется съ Сициліею лишь узкимъ перешейкомъ; на сѣверѣ, *Σολυιττѣ* (*Soloeis, Solüs*), «Городъ на скалѣ», и *Μαχανατѣ*, «Станъ», который греки впоследствии называли *Πανормомъ* (Палермо); просто «станомъ» называли этотъ городъ для краткости; полное его названіе было «станъ ткачей пестрыхъ тканей»; тутъ и въ *Μοτιа* были знаменитыя ткацкія и красильныя фабрики. На горѣ *Эрикѣ* было святилище съ восточными сладострастными обрядами богослуженія. Съ восточнаго берега финикійцы рано были вытѣснены эллинами; но и на немъ, говоритъ Моверсъ, по яснымъ слѣдамъ очевидно, что «всѣ большіе торговые города: *Пахиунтъ*, *Сиракузы*, *Λεοντιны*, *Τανсъ*, *Κατανα*, были первоначально финикійскими колоніями или туземными городами, въ кото-

Θера.

Мелосъ.

Китера.

Паросъ.

Θазосъ.

Колоніи Тира.

Сицилія.

Мальта.

рыхъ до грековъ финикійне имѣли свои факторіи. Въ Сицилію привлекали финикійне выгодность ея положенія для торговли и обиліе рыбы у ея береговъ. Кажется, что и на берегахъ южной Италіи были у финикійне факторіи, укрѣпленные стѣнами. *Мальта* была стоянкою ихъ кораблей на пути между Сициліею и Африкою, между Финикіею и испанскими колоніями. Сидоніане построили на этомъ островѣ храмъ Астарты, слѣды котораго еще видны, и основали поселеніе у превосходной мальтійской гавани. Ихъ дѣло продолжали тиряне, построившіе тутъ храмъ своему племенному богу Баалу-Мелькарту, и основавшіе промышленныя заведенія. Какъ теперь, и въ древности была необходима чрезвычайно заботливая обработка земли для того, чтобы на голой известковой скалѣ этого острова вырастали хлѣбъ и деревья и можно было жить многочисленному населенію. Говорятъ, что финикійне покрыли скалу плодородною землею, привезенною изъ Сициліи, но что слой ея едва имѣлъ одинъ футъ толщины даже и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ былъ наиболѣе глубокъ. Нивы на Мальтѣ необходимо огораживать стѣнами, чтобы сильные дожди не смыли неглубокой слой земли со скалы, говоритъ Моверсъ; и необходимо черезъ каждыя десять лѣтъ перерывать всю землю, чтобы соскоблить со скалы образующійся на ней въ этому времени плотный слой, подобный штукатуркѣ: надобно раздробить его, чтобы получить снова рыхлую почву, способную принимать въ себя воду. Образъ правленія на Мальтѣ былъ іерархическій; годы считались по именамъ верховныхъ жрецовъ, которые избирались на годичный срокъ. На лежащемъ подлѣ Мальты островѣ *Гаулосъ* (нынѣшнемъ Гоццо) тоже найденъ фундаментъ финикійскаго храма. На берегу *Сардиніи* тиряне основали *Каралисъ* (Кальари); *Нора* и *Сулми* тоже древне-финикійскіе города. Но въ Сардиніи, и на *Балеарскихъ* и на *Питійскихъ* островахъ, гдѣ также были финикійскія поселенія, важнѣйшія колоніи основаны ужь не собственно финикійцами, а городами, которые основалъ Тиръ на сѣверномъ берегу Африки. Прѣжнее населеніе плодородной, богатой металлами Сардиніи было покорено ливониніицами и обращено въ крѣпостное состояніе или оттѣснено въ горы, гдѣ скудно жило скотоводствомъ. Балеарцы, славившіеся въ римское время искусствомъ бросать камни изъ пращъ, научились ему, какъ говорятъ, у финикійне.

Гаулосъ.

Сардинія.

Балеарскіе острова.

Колоніи

въ Африкѣ.

Туземное население сѣверной Африки.

Важнѣе всѣхъ другихъ финикійскихъ колоній были сѣвероафриканскія и южноиспанскія. Отъ египетской пустыни до Геркулесовыхъ столбовъ жили въ Африкѣ многочисленные племена болѣе или менѣе темнаго цвѣта, называвшіеся у древнихъ общимъ именемъ *ливійцевъ*. На сѣверѣ, отъ египетской Дельты до той мѣстности, гдѣ впоследствии былъ основанъ Карфагенъ, жили ливійцы, занимавшіеся земледѣліемъ. Они дѣлились на нѣсколько племенъ. Объ одномъ изъ нихъ, *максіевъ*, Геродотъ говоритъ: «они отпускаютъ волосы на правой сторонѣ головы, а на лѣвой сбиваютъ; тѣло они натираютъ сурикомъ»; въ ихъ землѣ очень много лѣсовъ и дикихъ звѣрей. Подлѣ максіевъ, продолжаетъ Геродотъ, живутъ *зауки*, «жены которыхъ правятъ въ битвахъ колесницами»; итакъ, у зауковъ было много лошадей. Далѣе на западъ живутъ *византы* или византы: «Въ ихъ землѣ пчелы дѣлаютъ много меду, а еще больше дѣлаютъ его люди, занимающіеся этимъ промысломъ». (Геродотъ говоритъ о приготовленіи меда изъ пальмоваго сока). «Всѣ они натираютъ тѣло сурикомъ и ѣдятъ обезьянъ, которыхъ безчисленное множество тамъ на горахъ». По имени византовъ богатая и плодородная земля у Малой Сирты называлась Визакіей. Эти племена, еще недавно перешедшія отъ кочевой жизни къ земледѣльческой, одѣвались въ козьи шкуры. Они умѣли разводить пчелъ, воздѣлывать овощи, писать; всему этому научились они, вѣроятно, отъ финикійне. На югъ отъ нихъ занимали обширное пространство темнокожія пастушескія племена *мавровъ*, переселившіеся туда, по всей вѣроятности, изъ Эіопіи. Къ числу ихъ принадлежали *гараманты*, національнымъ святилищемъ которыхъ былъ храмъ Сивахскаго оазиса; тутъ поклонялись Аммону, на головѣ у котораго были бараньи рога. Перемѣшавшись и породнившись съ ливійцами, гараманты утратили многое изъ своихъ племенныхъ особенностей. На окраинѣ пустыни, въ оазисахъ и въ ущельяхъ Атласа, жили *гетулы*, *мазики* и *нумидяне*, предки нынѣшнихъ берберовъ; они раздѣлялись на множество племенъ, многія изъ которыхъ были смѣшаннаго происхожденія. Моверсъ полагаетъ, что еще за-

долго до финикійской колонизаціи произошли изъ смѣси этого первобытнаго населенія съ хананейскими переселенцами ливониніицы, народъ, играющій очень важную роль въ исторіи финикійскихъ колоній. Ливониніицы жили главнымъ образомъ по Большой и Малой Сиртамъ, въ Зевгитанѣ и Визакіи. Они были такъ многочисленны, что нельзя считать ихъ выходцами изъ Финикіи; но по языку и обычаямъ они были родственны финикійцамъ; больше, нежели промышленностью и торговлею, они занимались земледѣліемъ. Моверсъ думаетъ, что они — потомки земледѣльцевъ, переселившихся сюда изъ Палестины и смѣшавшихся съ туземцами. По его мнѣнію, это передвиженіе не совершилось за одинъ разъ, какъ говоритъ преданіе; эмиграція происходила постепенно, длилась все время отъ Исуса Навина до Соломона, отъ начала завоеваній израильскихъ до совершеннаго пораженія остатковъ хананейскихъ племенъ при Соломонѣ (3 книга Царствъ, IX, 20). Извѣстіе о минимомъ одновременномъ переселеніи хананеевъ находится у Прокопія, который говоритъ, что близъ Тигиса въ Нумидіи стоятъ двѣ колонны съ финикійскою надписью: «Мы—бѣжавшіе сюда отъ лица Исуса, разбойника, сына Навы,» — то есть, Навина. Иудеи съ давняго времени приобрѣли важное значеніе въ сѣверной Африкѣ. Мнѣніе о томъ, что финикійское населеніе сѣверной Африки произошло отъ изгнанныхъ Исусомъ Навиномъ хананеевъ, возникло ужь очень поздно, между христианами и иудеями.

И мнѣніе, что ливониніицы — народъ смѣшаннаго происхожденія, было порождено у грековъ этимъ названіемъ ихъ, а оно, по свидѣтельству достовѣрнѣйшихъ греческихъ писателей, имѣетъ значеніе не этнографическое, а чисто административное: ливониніицами назывались всѣ африканскіе финикійне, кромѣ жителей Карфагена (и быть можетъ, также Утики), жители всѣхъ финикійскихъ колоній въ Африкѣ, находившихся въ политической зависимости отъ Карфагена; по всей вѣроятности, жители и старожитыни финикійскихъ колоній, и городовъ, основанныхъ Карфагеномъ. Эти города занимали относительно Карфагена положеніе, подобное тому, какое латины занимали относительно Рима. Брани между жителями подвластныхъ городовъ и столицы были полноправными браками.

Страна по Большой и Малой Сиртамъ, и превозносимыя похвалами Зевгитана и Визакіи были мѣстами первыхъ и знаменитѣйшихъ финикійскихъ колоній. Древніе прославляютъ красоту и плодородіе этой земли; восхищеніе прелестью ея создало мифъ о садахъ Гесперидъ. «Кромѣ хлѣбопашества», говоритъ Моверсъ, «чрезвычайно процвѣтало тутъ садоводство, въ особенности воздѣлываніе масличныхъ плантацій; вѣроятно, отъ этого и произошло преданіе, что культура оливы изобрѣтена здѣсь. Трипольская область, теперь лишь мѣстами плодородная, въ древности мало уступала Визакіи, гдѣ хлѣбъ давалъ сто зеренъ отъ одного, сборъ винограда былъ два раза въ годъ, и вообще было, по увѣренію древнихъ, такое плодородіе, какъ нигдѣ въ другихъ странахъ. Когда моряки, плывшіе вдоль нагихъ безводныхъ степей сѣверовосточной Ливіи, видѣли эти берега, покрытые роскошнѣйшею растительностью, считавшіеся у древнихъ раемъ запада, имъ должно было казаться, что нѣтъ ни гдѣ на свѣтѣ страны, лучше этой для основанія поселеній». Тамъ, гдѣ путешественникъ видитъ теперь печальную пустыню, по которой разбросаны лишь немногіе плодородные оазисы, нѣкогда процвѣтали многочисленные колоніи, въ которыхъ кипѣла промышленная и торговая дѣятельность. Сказаніе говоритъ, что финикійнинъ Кадмъ основалъ на этомъ прекрасномъ берегу сто городовъ; многочисленные развалины еще остаются тутъ нѣмымъ свидѣтельствомъ о древнемъ богатствѣ этой области, положеніе которой такъ выгодно для торговли и мореходства. Къ числу древнѣйшихъ финикійскихъ колоній въ ней принадлежали большая *Лептида* и *Титтонъ*, основанный сидоніанцами. Лептида, съ которой впоследствии соединились *Эа* и *Сабрита*, составившія вмѣстѣ съ нею *Триполь* («тройной городъ»), лежала въ плодородной мѣстности по Кинипсу, на одномъ мысѣ, защищавшемъ корабли отъ волненія. Стѣны и форты, остатки которыхъ еще видны, ограждали ее отъ нападеній; потому граждане позволяли кочевымъ племенамъ *Макоу*, съ которыми вели большую торговлю, раскидывать зимою шатры близъ города. Маки и ихъ сосѣди «лотофаги» (лотусѣды) были пастухи; они отличались другъ отъ друга различіемъ въ стрижкѣ волосъ. Эти племена

Лептида.

(Триполь).

оказывали важные услуги приморским городам, будучи посредниками въ ихъ караванной торговлѣ. Таковую же пользу колоніямъ приносили *насамоны* и *псиллы*, жившіе у Большой Сирты. На окраинѣ Малой Сирты, въ области, обильной финиковыми рощами, садами и плантациями сахарнаго тростника, и на островѣ *Менинскъ*, лежащемъ у ея берега, было нѣсколько большихъ финикійскихъ колоній; одною изъ нихъ былъ «городъ смоковницъ», *Оены*.—Въ Зевгитанѣ, славившейся своею роскошною растительностью, и находящейся въ очень выгодномъ для мореходства положеніи, былъ въ глубокой древности, вѣроятно еще въ XIII столѣтіи, основанъ финикійцами *Гиппонъ*. Моверсъ полагаетъ, что была тутъ основана сидонянами и другая очень древняя колонія, Старый Карфагенъ; но это лишь предположеніе, едва ли основательное.—Самую важную изъ Зевгитанскихъ колоній до основанія Карфагена была *Утика* («Пристань»); она была тогда центромъ западной торговли.—На прекрасномъ и плодородномъ берегу Бизакіи лежали цвѣтущіе торговые города *Оансъ*, *Малая Лептида*, *Гадруметъ*, *Манала*, *Куруба* и нѣсколько другихъ; они почти непрерывною длиною цѣпью зданій покрывали весь берегъ отъ Карфагенской пограничной стѣны близъ *Оанъ* до мыса Меркурія. Почти все эти города были колоніями Тира.—Берегъ Нумидіи и Мавританіи отъ Гиппона до Геркулесовыхъ столбовъ тоже былъ усеянъ множествомъ колоній Тира; до насъ дошло мало извѣстій о нихъ; но тѣ изъ встрѣчающихся на этомъ пространствѣ городовъ, названіе которыхъ начинается словомъ «русъ», очевидно имѣли финикійское происхожденіе: «русъ» на финикійскомъ языкѣ значитъ «мысль». — *Икосій*, на мѣстѣ котораго стоитъ теперь Алжиръ, и городъ *Халка*, рано пришедшій въ упадокъ, тоже были основаны тирянами. Сѣверозападный берегъ Африки равняется прекраснѣйшимъ мѣстностямъ Бизакіи роскошью растительности, изобиліемъ превосходныхъ плодовъ; но мѣръ того, какъ древніе узнавали это очаровательное побережье, сады Гесперидъ подвигались все дальше на западъ. Финикійскія поселенія тутъ возникли рано. Нѣкоторые изъ нихъ были колоніями самой метрополіи, другія основаны переселенцами изъ испанскихъ колоній.—Мавританія (нынѣшніе Фезъ и Марокко) была очень плодородна. Страбонъ говоритъ, что это благодатная, изобильно орошаемая рѣками страна, въ которой жатва бываетъ два раза въ годъ, пшеница растетъ вышиною въ пять футовъ, стебли ея достигаютъ толщины пальца, сборъ ея даетъ въ 240 разъ больше посѣва, что отъ зеренъ, упавшихъ на землю при первой жатвѣ, вырастаетъ безъ посѣва новая; что тамъ большое изобиліе винограда и фруктовъ, что горы Атласа тамъ богаты металлами, что золотые и серебряные рудники доставляютъ очень большія выгоды. Такая страна должна была весьма рано привлечь къ себѣ финикійскихъ колонистовъ. Въ извѣстіяхъ греческихъ писателей о многочисленности городовъ, основанныхъ Тиромъ въ сѣверозападной Африкѣ, быть можетъ есть преувеличеніе: греки писали объ этомъ лишь по слухамъ, и очень возможно, что въ словахъ финикійцевъ было самохвальство; но нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что у финикійцевъ были тамъ торговые поселенія; они вѣроятно рано были уничтожены хищными кочевыми племенами, которые и во время могущества Карфагена бродили въ дикой необузданности по Мавританіи; несомнѣнно, что финикійцы развели тамъ виноградники. Городъ *Тингисъ* (Танджеръ), имѣвшій превосходную гавань, былъ финикійскою колоніею; она имѣла очень большую важность, какъ стоянка для кораблей испанскихъ колоній. Еще важнѣе была другая финикійская колонія, городъ *Ликсъ*, построенный на обоихъ берегахъ рѣки, называвшейся тоже Ликсомъ. Тамъ былъ знаменитый храмъ Мелькарта. Городъ былъ торговымъ центромъ богатой, плодородной области, въ которой лежалъ. Многочисленные бухты и широкія устья рѣкъ облегчали морскую торговлю мавританскихъ колоній. Городъ *Сала* («скала») имѣлъ многочисленныя фабрики пурпурныхъ тканей; изъ него эти фабрики распространились по южному берегу Мавританіи; онѣ доходили до той части берега, противъ которой лежатъ Канарскіе острова; и онѣ держались очень долго. Въ концѣ VI вѣка до Р. Х. начальникъ карфагенской эскадры, Ганнонъ, основалъ въ южной части западнаго берега Мавританіи пять колоній, быть можетъ на мѣстахъ прежнихъ финикійскихъ поселеній. По мнѣнію Моверса, это было побережье нынѣшней области *Сусъ*, на югъ отъ мыса Кантина. Положеніе мѣстности очень

удобно для торговли съ внутреннею Африкою, а климатъ ея превосходенъ. По описаніямъ новѣйшихъ путешественниковъ, на почвѣ, чрезвычайно плодородной, тутъ растутъ продукты, встрѣчающіеся въ другихъ странахъ лишь много дальше на югъ. Индиго и сахарный тростникъ произрастаютъ безъ воздѣлки. По цѣлымъ днямъ путешественникъ ѣдетъ подъ тѣнью оливковыхъ рощъ, и если бы лѣнивые туземцы хотъ немного помогали природѣ, легко было бы превратить всю область въ одинъ виноградникъ. Она богата и всяческими металлами, особенно серебромъ, мѣдью, желѣзомъ и свинцомъ. Но достаетъ только прилежныхъ рукъ, чтобы извлекать большія богатства изъ рудниковъ, которые еще разрабатывались португальцами.

Древнее сказаніе, что Гераклъ, то есть богъ—покровитель Тира, Бааль-Мелькартъ, отвезъ моремъ въ Испанію и оставилъ тамъ людей разныхъ племенъ изъ разныхъ странъ, свидѣтельствуешь, кажется, о томъ, что на берегахъ Иберійскаго полуострова были основаны въ глубокой древности поселенія хананеевъ. Но только ужъ Тиру принадлежить та слава, что было основано множество финикійскихъ колоній въ богатой серебромъ *Турдетаніи*, по всему пространству отъ Геркулесовыхъ столбовъ до рѣки Анаса (Гвадианы). Тиръ покорилъ и ввелъ въ кругъ цивилизованной жизни знаменитый въ легендахъ *Тарсисъ*, Перу и Калифорнію древняго міра. Страбонъ приводитъ изъ Посидонія сказаніе объ основаніи Гадеса, называя, впрочемъ, этотъ разсказъ «финикійскою ложью». Посидоній говоритъ, что нѣкогда оракулъ повелѣлъ тирянамъ послать колонію къ Геркулесовымъ (мелькартовымъ) столбамъ. Когда посланные для изслѣдованія тѣхъ мѣстъ доплыли до пролива, гдѣ стоитъ скала *Кальпа*, они подумали, что этимъ крутымъ, высокимъ мысомъ и находящимся лишь въ одной стадіи отъ него на африканскомъ берегу другимъ мысомъ (Абиликомъ) кончается обитаемая земля, и что эти мысы—тѣ столбы, о которыхъ говорить оракулъ. Они принесли по сю сторону пролива жертву Гераклу. Но предназначенія, полученные при жертвоприношеніи, были неблагоприятны; потому они не рѣшились основать городъ, а возвратились на родину. Посланные во второй разъ, они прошли черезъ проливъ и плыли до острова, посвященнаго Гераклу, лежащаго противъ иберійскаго города Онобы; но и тутъ жертвоприношеніе дало неблагоприятныя знаменія, и они снова вернулись на родину. Посланные въ третій разъ, они высадились на узкій островъ, на югъ отъ рѣки Тартесса (Бетиса); жертва, принесенная тутъ, дала благоприятныя предназначенія, и они построили на восточной сторонѣ острова храмъ Мелькарту, а на западной сторонѣ городъ, которому дали имя *Гадиръ* («крѣпость», «стѣна»). Островъ былъ отдѣленъ отъ материка очень узкимъ проливомъ, не шире большой рѣки; воду на островъ надобно было привозить съ материка берега, гдѣ и поселилась часть гражданъ. Этотъ городъ Мелькарта, *Гадесъ*, былъ основанъ лишь нѣсколькими годами позже Утики (около 1100 года до Р. Х.). Онъ сдѣлался центромъ западной торговли, столицею лежащей противъ него Тарсисской страны. Онъ находится на концѣ свѣта, говоритъ Страбонъ, и построенъ на узкомъ островѣ, природа котораго скудна; но жители его были такіе дѣятельные люди, что онъ сталъ громаднымъ городомъ, уступавшимъ одному только Риму численностью своего населенія; онъ отправлялъ очень много самыхъ большихъ кораблей и въ Средиземное море, и въ то, которое за Геркулесовыми столбами; многіе изъ его жителей находятся на корабляхъ, въ разбѣздахъ; другіе купцы живутъ на берегу противъ острова, такъ что это городъ, состоящій изъ двухъ городовъ; и потому собственно на островѣ число народа очень велико.—«Больше чѣмъ черезъ тысячу лѣтъ по основаніи Гадеса совершалось все еще въ томъ же храмѣ, который былъ построенъ при его основаніи, все еще то же самое богослуженіе, какое было во время его основанія въ его метрополіи, Тирѣ», говоритъ Моверсъ: «и послѣ того, когда Гадесъ былъ ужъ незначительнымъ мѣстечкомъ, все еще совершались въ немъ праздники Геракла».—«*Тарсисъ*», о богатствѣ котораго говоритъ Библия, или Тартессъ—обильное металлами побережье отъ Кальпы до Анаса, низовье рѣки Бетиса, то-есть, западная часть Турдетаніи. Въ томъ, что Тарсисская страна была очень богата, согласны все извѣстія древнихъ писателей. Серебро привозится изъ *Тарсиса*, говоритъ Іеремія (X, 9); сицилійскій поэтъ Стезихоръ

Испанскія колоніи.

Гадесъ.

Тарсисъ и Тартессъ.

(около 600 года до Р. Х.) восхваляет богатство Тартесса, «льющагося изъ безчисленных источниковъ съ серебрянымъ дномъ»; другой греческій поэтъ говоритъ, что въ Тартесской странѣ «множество нанесеннаго рѣкою и олова, и золота, и мѣди». Діодоръ (V, 35) приводитъ разсказъ Посидонія, что Пиреней («огненные горы») названы такъ потому, что тамъ былъ чрезвычайно большой пожаръ; этотъ пожаръ расплавилъ лежавшее въ глубинѣ горъ серебро, и потекли цѣлые ручьи этого металла; «жители той страны не знали цѣны серебра», продолжаетъ Діодоръ: «потому финикійскіе торговцы вымѣнивали его у нихъ за товары, стоявшіе не дорого. Жадность купцовъ простиралась до того, что, нагрузивъ корабли серебромъ, сколько въ подъемъ судамъ, и видя, что остается еще много серебра, они срубали свинецъ съ якорей и прикрѣпляли вмѣсто него серебро». Вѣроятно, факты очень преувеличены тутъ народною фантазією; но по извѣстіямъ Посидонія, приводимымъ Страбономъ, и по разсказу самого Страбона мы видимъ, что Турдетанія дѣйствительно была очень богата металлами, что изъ нея вывозилось очень много дорогихъ товаровъ. Посидоній говоритъ, что вѣрить преданію о лѣсномъ пожарѣ, отъ котораго расплавилось лежавшее въ землѣ серебро и золото, и кипѣніемъ своимъ поднялось на поверхность ея: повсюду въ горахъ, въ каждомъ холмѣ тутъ массы золота; должно же было произойти что нибудь, отчего оно собралось тутъ. Кто знаетъ эту страну, не можетъ не сказать, что она заключаетъ въ себѣ неистощимыя сокровища вѣчно щедрой природы: она богата не только на своей поверхности, но и внутри; въ подземномъ царствѣ тутъ живетъ не Гадесъ, а Плутосъ (богъ богатства). На сѣверозападѣ ея, у артабровъ лежитъ на землѣ олово, содержащее въ себѣ серебро, лежитъ нанесенное рѣками золото, бѣлое, отъ примѣси серебра; женщины собираютъ песокъ лопатами, промываютъ его въ плетеныхъ изъ вѣтвей ситахъ; песокъ уносится водою, остается металлъ. — Полибій говоритъ, что песокъ, нанесенный рѣкою, толкутъ и промываютъ въ ситахъ. Страбонъ называетъ Турдетанію одною изъ благодатѣйшихъ странъ: она богата не только золотомъ, серебромъ, мѣдью, желѣзомъ, но и хлѣбомъ, оливковымъ масломъ, виномъ; изъ нея вывозятъ медь, воскъ, смолу, алую краску, сурикъ, другіе товары. Золото тамъ не только добываютъ изъ рудниковъ, но и промываютъ изъ песку; золотыхъ росышей даже еще больше, чѣмъ рудниковъ. Въ песокъ попадаютъ иногда куски золота вѣсомъ въ полъ-фунта. Очень много въ Турдетаніи и шерсти, пурпурныхъ раковинъ, рыбы (въ особенности, муренъ, которыя такое дорогое кушанье). — Финикійне овладѣли этою богатою страной и основали въ ней множество городовъ. Были основаны ими города и на южной части берега Испаніи въ Средиземномъ морѣ. Неподалеку отъ одного изъ тѣхъ двухъ столбовъ, которые, по греческому мнѣю, Гераклъ оставилъ на западѣ, когда возвращался съ стадами Геріона, — близъ скалы Кальны (Гибралтара), былъ основанъ, подъ покровительствомъ тирскаго Мелькарта, городъ *Картея*; далѣе на востокъ лежали *Малака* (Малага), колонія Тира, производившая большую торговлю рыбою, *Сикс* и *Абдератъ* (Адра). Есть и на восточномъ берегу Испаніи слѣды старо-финикійскихъ поселеній, которыя, вѣроятно, пришли въ упадокъ при основаніи новыхъ колоній Картеагеномъ, или сдѣлались картеагенскими городами отъ прилива новыхъ поселенцевъ изъ Африки. На Бетисѣ стоялъ *Гиспалисъ* (по-финикійски, *Сефела*, то есть «низовье»; нынѣшняя Севилья); этотъ городъ былъ построенъ на томъ мѣстѣ, до котораго могли подыматься по рѣкѣ большіе корабли; далѣе на востокъ стояла Небрисса. — На материкѣ противъ Гадеса, но въ глубинѣ страны, были построены Арки, Кереть, Асидонъ, нѣсколько другихъ городовъ. Въ Португаліи, на мѣстѣ нынѣшней Тавиры стояла финикійская колонія *Бальса*, и были финикійскіе города при устьяхъ всѣхъ рѣкъ. Всѣ тѣ города Пиренейскаго полуострова, имена которыхъ кончаются на—*итто*, —*иттонъ* (то есть на—гиппонъ) города финикійскаго происхожденія; точно также, всѣ тѣ города, въ которыхъ было поклоненіе богу Тира, Мелькарту.

Касситериды. Изъ Гадеса финикійне плавали на сѣверъ и открыли, вдали отъ береговъ материка, *Касситериды*, «Оловянные острова» (архи-

пелагъ Силли и Сирлингскіе острова, у югозападнаго края Британніи); это было десять острововъ, лежавшихъ близко другъ къ другу; одинъ изъ нихъ былъ необитаемый, «на другихъ», говоритъ Страбонъ, «живутъ люди, носящіе длинную, идущую до самой земли одежду чернаго цвѣта, съ поясомъ; ходятъ они съ посохомъ въ рукѣ. Они вообще номады, живущіе скотоводствомъ: у нихъ есть олово и свинецъ. На эти металлы и на шкуры вымѣниваютъ они у купцовъ мѣдную посуду, соль, глиняную посуду». Прежде вели эту торговлю одни только финикійне, приходившіе сюда изъ Гадеса, продолжаетъ Страбонъ: они скрывали путь къ этимъ островамъ. Однажды римляне поплыли за финикійскимъ купцомъ, чтобъ узнать этотъ путь; финикійянинъ, по досадѣ, направилъ свой корабль на мель; и слѣдовавшіе за нимъ попали на мель. Корабли погибли. Онъ спасся. Государство заплатило ему за утонувшіе товары. Этотъ разсказъ бросаетъ яркій свѣтъ на торговую политику финикійянъ, и показываетъ, что она была такая же, какой держались всѣ націи, которыя вели морскую торговлю. Финикійне старались хитростью или силою удалять всѣ другіе народы отъ торговли съ тѣми странами, съ которыми торговали, чтобы не дѣлиться ни съ кѣмъ своими огромными выгодами; они старались преднамѣренно распространяемыми ложными разсказами вводить другіе народы въ заблужденіе: выдумывали или преувеличивали опасности плаваній въ далекія страны, отпугивая тѣмъ другихъ отъ этихъ плаваній; они утаивали пути, разсказывая ложь насчетъ того, куда они плаваютъ. — Отъ Касситеридскихъ острововъ они стали плавать и къ берегамъ Британніи, гдѣ получали еще больше олова; оно было и въ Испаніи, но въ Британіи рудники его были изобильнѣе. Они привозили изъ своихъ плаваній янтарь (электръ), который очень любили всѣ народы древняго міра. Но не извѣстно, откуда получали они этотъ товаръ: сами ль они ходили за нимъ къ берегу Восточной Пруссіи, гдѣ добывался онъ въ большемъ количествѣ, или онъ поступалъ къ нимъ черезъ руки посредниковъ: быть можетъ, они вымѣнивали его на сѣверномъ берегу Галліи; быть можетъ, онъ доходилъ до нихъ по очень давнему торговому пути отъ Балтійскаго моря къ Адриатическому, и они вымѣнивали его на свои товары у города Гадрии въ устьяхъ По. Какъ бы то ни было, но мы знаемъ, что во времена Гомера они ужъ умѣли дѣлать изъ янтара ожерелья, браслеты, другія украшенія, цѣнившіяся тогда очень дорого.

Владѣя колоніями, которыя почти всѣ имѣли хорошія гавани и были укрѣплены, финикійне пользовались ими, какъ опорными пунктами и стоянками для дальнѣйшихъ плаваній. Болѣе трехъ столѣтій они господствовали на Средиземномъ морѣ. Это были времена передъ Троянскою войною и послѣ нея. Вся торговля на Средиземномъ морѣ была тогда въ ихъ рукахъ. Они были ловкіе и смѣлые купцы и

Торговая не-
терпимость фи-
никійянъ.

Янтарный бе-
регъ.

Морской разбой
и торговая хи-
трость.

пираты. Первоначально они плавали собственно лишь для того, чтобы грабить. Морской разбой считался въ тѣ времена отваги не постыднымъ дѣломъ, а славнымъ занятіемъ мужественныхъ людей. Финикіянѣ и послѣ не отказались отъ этого выгоднаго промысла, но стали предпочитать грубой формѣ грабежа менѣе опасный способъ дѣйствія, коварство. Когда женщины собирались смотрѣть ихъ товары, разложенные на палубѣ кораблей или на берегу, выбирали, покупали, то нерѣдко случалось, что по условленному знаку торговцы бросались на красавицъ, на мальчиковъ, хватили и увозили ихъ; иногда попадалась тутъ и царская дочь. Увезенныхъ они продавали въ рабство. Такъ однажды финикіянѣ «искусные въ мореходствѣ, коварные люди», приплыли къ одному изъ острововъ Адриатическаго моря, «привезли много красныхъ товаровъ на черномъ кораблѣ»; пробывъ тамъ цѣлый годъ, и «уложивъ много вымѣннаго товара въ помѣстительные корабли, они продали во дворцѣ царицѣ золотое ожерелье, украшенное янтаремъ, и при помощи сидонской служанки похитили у нея сына, Эвмея, котораго купилъ у нихъ старикъ Лаэртъ и сдѣлалъ свинопасомъ. По разсказу Одиссея, впрочемъ вымышленному имъ самимъ, другой «финикійскій человѣкъ, искусный въ обманахъ», заманилъ жившаго въ Египтѣ грека хитрыми обѣщаніями въ Сидонъ и увезъ его въ Ливію, «подъ обманчивымъ видомъ, будто онъ нуженъ ему для нагрузки,—продалъ его тамъ и получилъ себѣ большую прибыль».—Мы ужъ говорили, что финикіянѣ у Гомера всегда сидоняне; потому должно думать, что мелкая торговля въ Греческомъ морѣ, съ которою знакомимся мы по Иліадѣ и Одиссеѣ, осталась и при господствѣ Тира въ рукахъ сидонянъ, а сами тиряне занимались болѣе далекими плаваніями, болѣе значительными предпріятіями. Издѣлья «искусныхъ сидонскихъ мужей и женъ», восхваляемыя въ пѣсняхъ Гомера,—товары мелочной торговли, которою занимался «богатый мѣдью Сидонъ», а не оптовой торговли Тира: финикіянѣ привозили грекамъ «по темнымъ путямъ моря» серебряные сосуды, украшенные искусною работою; прекрасныя одежды, «свѣтящіяся, какъ яркія звѣзды», большія чаши «несравненной работы, изъ цѣльнаго серебра, съ золотымъ ободомъ», уборы, рѣдкости, куренья.—Въ позднѣйшія времена, греки соединяли съ словомъ «финикіянинъ» презрительное понятіе о мелкомъ торговомъ плутовствѣ.

Громадные размѣры финикійской торговли и промышленности даны были не факторіями въ Греціи, а испанскими и африканскими колоніями: тамъ финикійскіе товары получали выгодный сбытъ, а необработанные продукты, которые находили тамъ финикіянѣ въ большомъ количествѣ и покупали за дешевую цѣну, сильно помогали развитію ихъ фабрикъ. При обильномъ приливѣ металловъ, развилось у финикіянъ литейное дѣло, развилась искусная техника въ изгото-

вленіи золотыхъ, серебряныхъ, мѣдныхъ, оловянныхъ издѣлій; пурпуровыя раковины, которыя такъ усердно ловили финикіянѣ по прибрежьямъ и отмелямъ, шерсть и хлопокъ, привозимые ими въ большомъ количествѣ изъ Испаніи и Африки, доставляли имъ возможность дать чрезвычайно широкое развитіе ткацкой и красильной промышленности. Сидонскія и тирскія пурпурныя одежды составляли славу и гордость финикіянъ; всѣ бывшія колоніи ихъ имѣли пурпурныя фабрики; скажемъ нѣсколько словъ объ этой фабрикаціи.

Пурпуромъ называли въ древности всѣ краски, получаемыя не изъ растений, а изъ сока морскихъ раковинъ. Преданіе говоритъ, что пурпуръ былъ случайно открытъ пастухомъ, собака котораго разгрызла пурпуровую раковину (на финикійскомъ берегу много этихъ раковинъ); пастухъ обратилъ вниманіе на то, что ротъ собаки окрасился въ цвѣтъ крови. Пурпуровыя раковины — это нѣкоторыя породы улитокъ; онѣ имѣютъ форму завитковъ; ихъ собираютъ на прибрежныхъ скалахъ; ловятъ и въ морѣ. Сокъ, дающій краску, находится у нихъ въ особенной железѣ. Ихъ очень много на берегу близъ Тира, Сидона и Сарепты, на берегахъ Пелопоннеса, Сициліи, у острововъ Эгейскаго моря; но тоже и на берегахъ Британніи. Не у всѣхъ породъ сокъ доставляетъ краску одинаковаго цвѣта. Говорятъ, что раковины Атлантическаго океана даютъ черную краску, итальянскія и сицилійскія раковины фіолетовую, финикійскія и африканскія алую. Смѣшивая сокъ пурпуровой тритоніи (*Buccinum*), дающій алую краску, съ сокомъ другихъ породъ, разжижая эту смѣсь или сгущая ее кипяченіемъ, прибавляя разныя другія красильныя вещества, погружая ткани въ разные растворы, финикіянѣ умѣли дѣлать пурпурныя ткани всяческихъ цвѣтовъ отъ ярко-алаго и фіолетоваго до синяго и самаго густаго чернаго. Пурпурныя ткани обыкновенно были тонкія шерстяныя; финикіянѣ получали превосходную шерсть изъ Испаніи, получали и отъ пастушескихъ племенъ сосѣднихъ съ Финикіею земель. Шерсть красили въ пурпуръ еще до пряжи. Красили въ пурпуръ и ленъ, и египетскій виссонъ. — Итакъ, при пурпурныхъ красильняхъ всегда были прядильныя и ткацкія фабрики. Къ числу самыхъ лучшихъ сортовъ пурпурныхъ тканей принадлежали: аметистовая пурпура, лаконская, дважды окрашенная тирская, цвѣта свернувшейся крови (темновиннаго цвѣта), отсвѣчивавшая переливами разныхъ цвѣтовъ и славившаяся кромѣ этого чрезвычайно прочностью. „Морская торговля и пурпурныя фабрики давали Тиру средства быстро поправляться послѣ всякихъ буръ“, говоритъ Страбонъ: Тирская пурпура считается самою лучшею. Пурпуровыя раковины ловятся подлѣ Тира; есть также другія обстоятельства, благоприятныя тирскимъ красильнямъ. Жить въ этомъ городѣ непріятно, потому что въ немъ слишкомъ много фабрикъ; но отъ нихъ его богатство“. Плпній говоритъ, что въ его время прежняя слава Тира поддерживалась только пурпуровыми раковинами и фабрикаціею пурпурныхъ тканей. Для окраски 50 фунтовъ шерсти нужно было 300 фунтовъ пурпурнаго матеріала раковинъ; потому пурпурныя ткани и одежды всегда были очень дороги. Въ древнѣйшія времена такую одежду, которая вся сдѣлана изъ пурпурныхъ тканей, носили только цари, верховные жрецы, люди царскаго рода; потому пурпурная мантия была привилегіею и символомъ власти. Только въ большихъ, роскошныхъ городахъ было у нѣкоторыхъ, и то лишь немногихъ, мужчинъ и женщинъ не изъ царскаго рода такое богатство, чтобы имѣть всю одежду

Фабрикація
пурпурныхъ
тканей.

изъ пурпурныхъ тканей; да и они надѣвали ее вообще при большихъ только торжествахъ. А большинство знатныхъ людей и въ Греціи и въ Римѣ довольствовались пурпурною коймою по подолу одежды. Но дѣлали изъ пурпурной шерсти и занавѣсы, покровы, ковры для храмовъ, для царскихъ дворцовъ, для домовъ богатей. На большихъ религіозныхъ праздникахъ изображенія боговъ и стѣны святилищъ украшались покрывами изъ пурпурныхъ тканей, питыхъ золотомъ. Греческіе писатели выставляютъ, какъ черту роскоши вавилонскихъ, вавилонскихъ и персидскихъ царей то, что они употребляли на великолѣпіе своей обстановки много пурпурныхъ тканей.

Стеклянные
издѣлія.

Приписывая случаю, произошедшему съ собакою пастуха, открытіе пурпурной краски, преданіе производитъ отъ случая и другой важный продуктъ финикійской промышленности, стекла: стекло произведено случайною смѣсью селитры съ расплавленнымъ пескомъ. По словамъ Тацита (Histor. V, 7), финикіяне брали для изготовленія стекла песокъ, снесенный прибрежною рѣкою, Беломъ, въ ея устьѣ: онъ особенно хорошо соединялся съ селитрою. Стекольные заводы Тира, Сидона, Сарепты существовали съ очень давнихъ до самыхъ послѣднихъ временъ древняго міра. Заводчики получали большія выгоды отъ изготовленія стеклянныхъ нарядовъ, посуды, вещей для украшенія стѣнъ, потому держали свои способы выдѣлки стекла въ строгой тайнѣ. Но стекло не имѣло въ древности такого значенія, какъ теперь: тогда не вставляли стеколъ въ окна, а посудой для питья были обыкновенно металлическіе или глиняные кубки и чаши.

Горное дѣло.

«Вырываютъ рудопроходный колодезь въ мѣстахъ, забытыхъ ногою, спускаются въ глубь, висятъ и зыблются вдали отъ людей. Земля, на которой вырастаетъ хлѣбъ, внутри изрыта какъ бы огнемъ. Камни ея — мѣсто сапфира, и въ ней песчинки золота. На гранитъ налагаетъ онъ (человѣкъ) руку свою, съ корнемъ опрокидываетъ горы. Въ скалахъ просѣкаетъ каналы, и все драгоценное видитъ глазъ его. Останавливаетъ теченіе потоковъ и сокровенное выноситъ на свѣтъ» (книга Іова, глава XXVIII).

Это описаніе финикійскихъ рудопроходныхъ работъ сдѣлано, безъ сомнѣнія, съ натуры. Горное дѣло и обработка металловъ были важнѣйшими, послѣ фабрикаціи пурпурныхъ тканей, отраслями финикійской промышленности. Въ древнѣйшія времена своей исторіи, финикіяне ужъ разрабатывали на Ливанѣ и на Кипрѣ мѣдные рудники; обозрѣвая ихъ колоніи, мы видѣли, какъ усердно занимались они на Родосѣ и Ѡазосѣ, на Ѡракійскомъ берегу, на берегу Геллеспонта, въ Испаніи, на Касситеридскихъ островахъ добычаніемъ золота, серебра, олова, мѣди. «Финикіяне чрезвычайно усердно занимались горнымъ дѣломъ, говоритъ Геренъ: «Они не пугались никакихъ опасностей, не жалѣли никакихъ трудовъ, чтобы проникнуть въ тѣ мѣстности, гдѣ золотые или серебряные рудники могли дать вознагражденіе ихъ предприимчивости. Выгода была тутъ немедленная, а въ другихъ про-

мышленныхъ дѣлахъ надобно обмѣнять товаръ на другой товаръ, чтобы получить ее. Рудники—это источники богатства. Въ поискахъ золота и серебра финикіяне проникли черезъ арабскія пустыни, мимо скалъ Чермнаго моря въ Іеменъ и на Эіопскіе берега; то же самое влеченіе завело финикійскіе корабли къ Геркулесовымъ столбамъ и на берега Иберіи». По словамъ Діодора, всѣ рудники, существовавшіе въ его время въ Испаніи, уже разрабатывались финикіянами или карфагенянами, которые проложили штольны и галлерей, имѣвшія много стадій въ длину, не жалѣя трудовъ на это, потому что золотыя и серебряныя жилы становятся въ глубинѣ болѣе толстыми; добыча серебра составляла въ три дня Эвбейскій талантъ; четвертая часть ея отдавалась работникамъ. Страбонъ хвалитъ искусство и трудолюбіе турдетанскихъ рудоконовъ; говоритъ, что они проводятъ шахты до большой глубины, и употребляютъ для освобожденія ихъ отъ воды египетскіе винтовые насосы. Золотую руду они медленно плавятъ на легкомъ огнѣ и очищаютъ землею, въ которой есть примѣсь квасцовъ; послѣ того, шлакъ снова плавятъ и выдѣляютъ изъ него золото. Плавильныя печи для серебра они строятъ высокія, чтобы дымъ этой плавки, тяжелый и вредный, улеталъ вдалѣ. Финикіяне такъ усердно искали благородныхъ металловъ и мѣди, что въ греко-римскомъ мірѣ трудно указать какой-нибудь богатый рудами островъ или берегъ, на которомъ не было бы слѣдовъ финикійскихъ поселеній. Потому должно полагать, что литейная промышленность и выдѣлка золотыхъ и серебряныхъ вещей имѣли у нихъ широкій размѣръ. И если соберемъ отрывочныя извѣстія о металлическихъ предметахъ въ іерусалимскомъ, тирскомъ, нафосскомъ и другихъ храмахъ, объ изящныхъ сосудахъ и другихъ металлическихъ вещахъ, которыми торговали финикіяне, то увидимъ, что ихъ должно признать очень искусными мастерами и въ отливкѣ большихъ предметовъ изъ мѣди, и въ чеканной работѣ. Колосальные мѣдные столбы съ красивыми капителями въ Соломоновомъ храмѣ были сдѣланы финикіянами; весь древній міръ восхищался финикійскими золотыми и серебряными чашами, кружками, всяческою другою посудой съ фигурами и орнаментами; теперь найдено много этихъ вещей; и онѣ и финикійскія монеты показываютъ, что промышленность и техническія искусства у финикіянъ были очень высоко развиты.

Но хоть и очень большое количество металловъ было обрабатываемо самими финикіянами, они добывали ихъ столько, что много оставалось на продажу въ необработанномъ видѣ. Золото, серебро, олово, мѣдь и другіе продукты запада, шерсть и шкуры были очень важными предметами вывоза изъ Финикіи въ восточныя культурныя и торговыя государства и въ Египетъ; а изъ этихъ государствъ финикіяне получали въ обмѣнъ за свои товары ихъ продукты. По словамъ Геродота, финикіяне съ давняго времени стали возить египет-

Литейное искусство.

Торговля.

ские и ассирийские товары в западные земли. Торговля их с народами востока и юга по Чермному морю и Персидскому заливу достигла наибольшего своего развития во времена Хирама, когда Соломон покорил эдомитян и позволил финикиянам, своим союзникам, основать колонию на Чермном морѣ, у Эцеонъ-Гебера, бывшего гаванью города Элата; финикияне построили там корабли, такие же, как ходившие в Тартессъ, и вмѣстѣ съ израильтянами стали привозить моремъ товары, которые прежде получали труднымъ караваннымъ путемъ. Хирамъ посылалъ на этихъ корабляхъ своихъ опытныхъ моряковъ, они брали съ собою и агентовъ Соломона. Они плавали в Офиръ; плаваніе продолжалось три года; они привозили изъ Офира золото, серебро, драгоценные камни, красный сандалъ, слоновую кость, обезьянъ, павлиновъ. Лассенъ полагаетъ, что эта страна Офиръ, открытая отпавившимися изъ Эцеонъ-Гебера тирянами, и ставшая послѣ того главною цѣлью ихъ плаваній на востокъ—Абгиръ, область въ устьяхъ Инда (стр. 235); но это предположеніе недостоверно. Гораздо вѣроятнѣе мнѣніе Зетбера, что Офиръ былъ на западномъ берегу Аравіи. По греческимъ извѣстіямъ мы знаемъ, что тамъ еще и во времена Птолемея были золотые рудники. Но понятіе евреевъ объ Офирѣ не имѣло географической опредѣленности; быть можетъ, финикияне преднамѣренно оставляли его туманнымъ, чтобъ не имѣть соперниковъ.

Плаваніями в Офиръ евреи называли всѣ торговые плаванія финикиянъ въ юго-восточныя земли, въ особенности торговлю ихъ съ берегами южной Аравіи, и плаванія по Персидскому заливу, на которомъ финикійские торговцы встрѣчались, какъ мы видѣли, съ вавилонскими. «Аравія и всѣ князья хидарские производили мѣну съ тобою», говоритъ Іезекииль Тиру: «купцы изъ Савы и Раемы торговали съ тобою всякими лучшими благовоніями и всякими дорогими камнями, и золотомъ платили за товары твои. Сыны Дедана торговали съ тобою; многіе острова въ уплату тебѣ доставляли слоновую кость и черное дерево» (Іезек. XXVІІ, 21, 22; 15). Итакъ, вотъ откуда получали финикияне драгоценные камни, которые такъ хорошо умѣли рѣзать и оправлять, слоновую кость, рогъ и дорогое дерево, изъ которыхъ дѣлали изящныя украшенія для храмовъ, дворцовъ, престоловъ, кораблей, ароматы, составлявшіе важный предметъ торговли въ древнемъ мірѣ, расходовавшемъ, какъ мы ужъ говорили, очень много куреній на религиозныхъ торжествахъ и вообще при жертвоприношеніяхъ.

«На югѣ, въ Аравіи», говоритъ Геродотъ (ІІІ, 107), «и только въ ней одной изъ всѣхъ странъ на свѣтѣ, растутъ ониміамъ, мирры, кассіа, киннамонъ, ладанъ. Ониміамъ, который финикияне привозятъ въ Элладу, собираютъ съ деревьевъ, прогнавъ съ нихъ куреньемъ стираксы маленькихъ крылатыхъ змѣй, живущихъ тамъ. Кассію достаютъ изъ небольшого неглубокаго озера, закрывая себя при этомъ все тѣло для защиты отъ кры-

латыхъ насѣкомыхъ, похожихъ на летучихъ мышей. А ладанъ находится въ бородѣ козловъ, какъ плѣсенъ на деревѣ; онъ хорошъ для многихъ благовонныхъ мазей; и для куренія у арабовъ употребляется больше всего онъ». О киннамонѣ Геродотъ говоритъ, что его приносятъ большія птицы въ свои гнѣзда; а гнѣзда ихъ на скалахъ, такъ что добывать оттуда киннамонъ можно лишь хитростью;—сказка, существующая и на Цейлонѣ.

До открытія морскаго пути изъ Эцеонъ-Гебера, эти благовонія, пряности и другіе драгоценные товары шли къ финикиянамъ черезъ номадовъ сосѣднихъ съ Финикіею земель; въ особенности привозили ихъ финикиянамъ мидіаниты (мадіаниты), эдомитяне (идумей) и набатейскіе арабы; прѣзжая съ ними въ Тиръ и другіе финикійскіе города, эти номады брали тамъ въ обмѣнъ на нихъ вино, пурпурныя одежды, шерсть, мѣдъ, олово, другіе товары, которыхъ не было или мало было у нихъ. Петра, Эдомитскій городъ, была мѣстомъ стоянки для каравановъ на пути этой торговли съ югомъ. Финикияне съ очень давняго времени вели большую торговлю съ Египтомъ, и въ Мемфисѣ была часть города, населенная финикійскими торговцами, какъ мы ужъ говорили. Они привозили туда строевой лѣсъ, вино, мѣдъ, вывозили изъ Египта хлопчатобумажныя ткани и другія произведенія промышленности.

Торговля съ Египтомъ.

Тѣсная связь финикиянъ съ египтянами выказывается въ замѣчательномъ предпріятіи, о которомъ упоминаетъ Геродотъ, и которое, по своей удивительной отважности, казалось невѣроятнымъ и самому отцу исторіи и слѣдующимъ поколѣніямъ; это было плаваніе вокругъ Африки. „Египетскій царь Некосъ“, рассказываетъ Геродотъ (ІV, 42), былъ первый, показавшій, что Ливія окружена моремъ со всѣхъ сторонъ, кромѣ той части, которою примыкаетъ къ Азіи. Онъ послалъ финикиянъ на корабляхъ и велѣлъ имъ возвратиться черезъ Геракловы (Геркулесовы) столбы въ сѣверное (Средиземное) море. Финикияне и пошли изъ Чермнаго моря въ южное. И когда наступала осень, они каждый разъ выходили на берегъ Ливіи въ томъ мѣстѣ, гдѣ тогда были, и сѣяли хлѣбъ, и дожидались жатвы, и собравъ хлѣбъ, садились опять на корабли. И бывши въ плаваніи два года, они прошли кругомъ черезъ Геракловы столбы и возвратились такимъ образомъ въ Египетъ. И они рассказывали, чему я однако жъ не могу вѣрить, что когда они плыли кругомъ Ливіи, то солнце было у нихъ съ правой (сѣверной) стороны. Такимъ образомъ было узнано, что такое Ливія“. Этотъ рассказъ носитъ на себѣ печать истины, и достоверность его не опровергается удивительностью того, что такое важное открытіе осталось безъ послѣдствій, и черезъ двѣ тысячи лѣтъ пришлось вновь дѣлать его. Лэбелъ замѣчаетъ: «Законъ прогресса культуры таковъ, что когда совершается открытіе, далеко превышающее степень современнаго ему развитія, то оно не укореняется, погибаетъ; и возрождается лишь въ позднѣйшую эпоху, характеру которой соответствуетъ; тогда оно остается вѣчнымъ приобрѣтеніемъ». Достоверность плаванія кругомъ Африки доказывается именно тѣмъ, что казалось невѣроятнымъ Геродоту, по его понятіямъ о положеніи солнца относительно земли. Когда финикияне перешли экваторъ, они, разумѣется, должны были имѣть солнце съ правой, то есть, съ сѣверной стороны.

Плаваніе кругомъ Африки.

Торговля съ Финикияне заключали торговые договоры со все́ми народами Палестины; этимъ они обезпечивали себя отъ нападеній съ ихъ стороны; за свои ткани и металлическія издѣлія они получали изъ Палестины пшеницу, медъ, вино, оливковое масло, бальзамъ. — Города Бааль-вѣ Вавилонъ, бекъ (Геліополь) и Тадморъ (Пальмира), построение которыхъ приписывается Соломону, были важными складочными пунктами товаровъ, шедшихъ на сирійскій берегъ изъ культурныхъ странъ Эвфрата и Тигра. Пророкъ Іезекииль говоритъ Тиру: «Ассуръ и Хилмадъ торговали съ тобою драгоценными одеждами, шелковыми и узорчатыми матеріалами, которые они привозили на твои рынки въ ящикахъ, сдѣланныхъ изъ кедра и хорошо упакованныхъ» (Іезек. XXVII, 23, 24). Караваны, вышедши изъ Баальбека, приходили черезъ три дня въ сирійскій городъ Эмесу, стоявшій на окраинѣ пустыни; отсюда, тоже въ три дня, приходили они черезъ песчаную пустыню въ пальмовый оазисъ Тадмора; изъ него черезъ нѣсколько дней пути они приходили въ Оапсакъ, на берегу Эвфрата. Тутъ пути раздѣлялись. Большая караванная дорога вела на югъ черезъ Киркезію въ Вавилонъ; съ нею сходилась дорога въ Вавилонъ изъ Дамаска. Другой путь велъ изъ Оапсака черезъ Низибу въ Ассирию и Армению. Въ Армении финикияне вымѣнивали на продукты запада и на свои фабричныя издѣлія рабовъ и рабынь (черкешенокъ?), лошадей и мѣдь. Такимъ образомъ, на рынкахъ и въ гаваняхъ Финикии сосредоточивались товары всего цивилизованнаго міра; города сирійскаго побережья были узлами связи между востокомъ и западомъ, центрами промышленности, посредниками и учителями цивилизаціи, вмѣстилищами всемірной торговли. Они сохраняли свое торговое могущество, свое господство на моряхъ до VII вѣка; старались задержать развитіе греческой торговли, расширяли свои владѣнія въ Тарсисѣ. Но они должны были отбиваться отъ нападеній ассиріянь и вавилонянъ; это была тяжелая борьба, и пользуясь ихъ затрудненіями, эллины взяли перевѣсъ надъ ними на Эгейскомъ морѣ и въ Сициліи, разузнали торговые пути на западъ; а финикійскія колоніи въ Испаніи отдались подъ покровительство могущественнаго Картагена. Около того времени, когда пророкъ Іезекииль описывалъ торговое и промышленное величіе Тира, и когда экспедиція, по порученію египетскаго царя Нехо, оплывшая Африку, выказала въ блестящемъ свѣтѣ отвагу и предприимчивость финикійскихъ моряковъ, пала свобода Финикии, пали со свободою и древняя слава, древнее величіе ея. Великолѣпное описаніе могущества Тира, сдѣланное Іезекиилемъ (глава XXVII), было похоронною пѣснью славному городу:

«И было ко мнѣ слово Господне: скажи Тиру, поселившемуся на выступахъ въ море, торгующему съ народами на многихъ островахъ: Тиръ, ты говоришь: «я совершенство красоты!» Предѣлы твои въ сердцѣ моря, строители твои усовершенствовали красоту твою. Изъ Сенирскихъ кипарисовъ устроили все помосты твои, брали съ Ливана кедры, чтобы

сдѣлать на тебѣ мачты. Изъ дубовъ Васаискихъ дѣлали весла твои, скамьи твои дѣлали изъ буковаго дерева, съ оправою изъ слоновой кости съ острововъ Хиттимскихъ. Узорчатые полотна изъ Египта употреблялись на паруса твои, и служили флагомъ; голубаго и пурпуроваго цвѣта ткани съ острововъ Элисы (Пелопоннеса) были покрываломъ твоимъ. Жители Сидона и Арвада были у тебя гребцами. Всякіе морскіе корабли и корабельщики ихъ находились у тебя для производства торговли твоей. Персы и лидіянинъ и ливіецъ находились въ войскахъ твоихъ и были у тебя ратниками, вѣшали на тебѣ щитъ и шлемъ; они придавали тебѣ величіе. Сыны Арвада съ собственнымъ твоимъ войскомъ стояли кругомъ на стѣнахъ твоихъ, и Гамадимы были на башняхъ твоихъ; кругомъ по стѣнамъ твоимъ они вѣшали колчаны свои; они довершали красоту твою. Фарсисъ, торговецъ твой, по множеству всякаго богатства, платилъ за товары твои серебромъ, желѣзомъ, свинцомъ и оловомъ. Яванъ (Іонія), Оуваль и Мешехъ (страна близъ Кавказа) торговали съ тобою, вымѣнивали товары твои на души человѣческія и мѣдную посуду. Изъ дома Оогарма (Арменія) за товары твои доставляли тебѣ лошадей и строевыхъ коней и лошаковъ. Фарсисскіе корабли были твоими караванами въ твоей торговлѣ, и ты сдѣлался богатымъ и весьма славнымъ среди морей».

4. Религія финикиянъ.

Подобно все́мъ семитическимъ народамъ, финикияне поклонялись Характеръ фини- порождающимъ жизнь свѣтлымъ силамъ неба и проявляющимся въ нинійской ре- землѣ силамъ природы. У вавилонянъ при прогрес- лиги. сѣ образованности эта религія приняла форму поклоненія небеснымъ свѣтиламъ; мысли финикиянъ были больше заинтересованы реальною жизнью, и ихъ религія сдѣлалась отраженіемъ ихъ житейскихъ дѣлъ, ихъ торговли, колонизаціи, государственныхъ учреждений. Исторія всѣхъ языческихъ религій показываетъ намъ, что вѣрованія и обряды, религіозные символы и миѣы каждаго языческаго народа развиваются подъ вліяніемъ природы его страны, его занятій, его практической жизни, опредѣляются степенью его образованности, его житейскими стремленіями, его народными качествами. Различія между религіями разныхъ языческихъ народовъ велики; но есть основныя идеи, общія все́мъ имъ, невидимые корни, изъ которыхъ вырастаетъ все ихъ развитіе; причинами этой общности должно считать одинаковость природы всѣхъ людей, одинаковость основнаго мотива всѣхъ языческихъ религій и общее все́мъ народамъ впечатлѣніе, что явлениями природы править высшая сила. — Такимъ образомъ, и у финикиянъ высочайшими общенародными божествами остались солнце и лежащая въ природѣ воспринимающая и создающая сила. Но и хлопотливая практическая жизнь, торговая дѣятельность, смѣны промышленныхъ удачъ и неудачъ, развитіе разницы между роскошью богатей и образомъ жизни бѣдныхъ сословій; — все это вмѣстѣ привело къ тому, что финикияне забыли высокій нравственный смыслъ поклоненія небеснымъ свѣтиламъ; боги ихъ сдѣлались только оли-

цетвореніями судьбы, дающей одному богатство и наслаждение, другому бѣдность и страду; ихъ боги то изливали на отдѣльныхъ людей и на цѣлыя государства изобиліе всякихъ благъ и находили пріятными для себя сладострастные обряды, то подвергали людей наказаніямъ и бѣдамъ, требовали отъ нихъ покаянія и самоистязаній. Мы находимъ въ религіи финикіянъ привычное восточнымъ народамъ соединеніе противоположныхъ элементовъ, сочетаніе наслажденія съ аскетизмомъ, чувственности съ самоистязаніемъ, вялой покорности судьбѣ съ порывами изумительной энергіи; увлекаясь чувственностью, они доходили въ своемъ богослуженіи до сладострастныхъ, безправственныхъ обрядовъ; а временами они впадали въ самый мрачный фанатизмъ, приводившій ихъ къ самоизувѣченію и къ ужаснѣйшимъ человѣческимъ жертвоприношеніямъ. Какъ въ жизни природы тѣхъ странъ юга роскошнѣйшее развитіе растительности смѣняется засухой и мертвенностью; какъ въ торговой жизни финикійскихъ портовыхъ городовъ богатство, роскошь, наслажденія смѣнялись опасностями, трудностями, лишеніями дальнихъ плаваній, такъ и въ религіи финикіянъ смѣшивались противоположныя крайности; ихъ боги давали счастье и несчастье, но были чужды нравственного элемента, не требовали умѣренности въ наслажденіи, не возбуждали къ твердости въ перенесеніи бѣдъ; эти боги были олицетвореніями восточнаго понятія о судьбѣ, при которомъ человѣкъ безъ борьбы предается своимъ чувственнымъ влеченіямъ, и отъ изнуренія сладострастіемъ впадаетъ въ мрачное отчаяніе, къ служеніямъ силамъ зла фанатическими самоистязаніями. Финикійскіе религіозные обряды были осуществленіемъ мифа о Гераклѣ, одолеваящемъ львовъ и прядущемъ шерсть, мифа о героѣ и рабѣ женщинъ Сарданапалѣ.

Смѣсь разныхъ религій въ Финикіи. Въ финикійскіе города сходились люди разныхъ племенъ; финикіянне были въ непрерывныхъ сношеніяхъ со всеми культурными народами древняго міра; потому у нихъ образовалась религія, состоящая изъ смѣси разныхъ религій; къ семитическимъ вѣрованіямъ и обрядамъ у нихъ присоединились египетскіе и западно-азиатскіе. Разобрать эту смѣсь тѣмъ труднѣе, что главный источникъ нашихъ свѣдѣній о финикійской религіи—извѣстія греческихъ писателей, замѣняющихъ финикійскія имена боговъ греческими, придающихъ финикійскимъ понятіямъ и мифамъ греческую форму, наивно видящихъ во всемъ финикійскомъ свое привычное, греческое.—Главныя божества у финикіянъ были тѣ же самыя, какъ у семитовъ береговъ Эвфрата и Тигра. Отъ египтянъ финикіянне заимствовали форму храмовъ, жреческое виссонное облаченіе и жреческую высокую тиару; заимствовали многіе символы и атрибуты боговъ. Особенно много разныхъ примѣсей должна была получить финикійская религія въ колоніяхъ: тамъ къ прежнимъ понятіямъ и обрядамъ должны были присоединиться разные туземные. Мифы о странствованіяхъ Астарты, Мелькарта-Геракла,

Кадма и другихъ финикійскихъ божествъ излагаютъ въ символической формѣ исторію колонизаціи, вмѣстѣ съ которою распространялось тирское и сидонское богопочитаніе.

Въ религіи финикіянъ отражаются, какъ мы говорили, тѣ противоположныя крайности, какія чередовались въ жизни ихъ. Богъ солнца Бааль и олицетвореніе женскаго элемента, дополняющаго понятіе о немъ, Ашера (Баальтисъ), порождающей и воспринимающей принципъ жизни природы, даютъ радость и наслажденіе, представляютъ собою свѣтлую сторону человѣческой жизни; родственны почитанію ихъ библиоскій культъ Адониса выражаетъ смѣною печальныхъ и радостныхъ обрядовъ, смѣну временъ года; представитель гибельныхъ дѣйствій солнца и огня, Молохъ и суровая Астартя олицетворяютъ собою враждебныя силы природы, которыя подвергаютъ людей бѣдствіямъ и гибели и должны быть умиловливаемы ужасными жертвами и самоистязаніемъ. Какъ въ дѣйствительности счастье и богатство вовлекало сладострастнаго финикіянина въ чувственные излишества, такъ и въ его религіи служеніе свѣтлымъ, благотворящимъ богамъ было соединено съ разгуломъ сладострастія. По мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ, конусообразный каменный столбъ, который финикіянне ставили передъ храмами и въ святилищахъ «Стараго Баала», былъ гигантскимъ фаллусомъ; если это такъ, то служеніе порождающему, животворящему богу было соединено съ такими же сладострастными обрядами, какъ служеніе Ашерѣ въ священныя рощахъ Ливана. Нравственная идея, лежащая въ основѣ понятій о богахъ природы, заглохла въ сирійской странѣ и финикійскихъ колоніяхъ; религія финикіянъ была чисто матеріальная. Ашера была богиня растительной жизни; ей были посвящены стройный кедръ, вѣчно зеленѣющіе кинарисъ и сосна, развѣсистый дубъ; ей служили на высокихъ холмахъ и на вершинахъ горъ, подъ зелеными деревьями, подъ тѣнистыми дубами, подъ тополями и теребинтами; ей воскурjali ѳиміамъ (Іезекіиль, VI, 13; Осія, IV, 13); и дочери финикіянъ приносили въ жертву ей свою дѣвственность, какъ вавилонскія дѣвушки въ жертву Милиттѣ: на «праздникъ шалашей», онѣ, подъ шалашами, которые строили сами, отдавались пришельцамъ, которыхъ привлекало въ храмъ богини соединенное съ религіознымъ торжествомъ сладострастіе. Въ миртовыхъ рощахъ Пафоса на Кипрѣ это сладострастное богослуженіе достигло совершенной необузданности. Богиня растительной жизни и рожденія, Ашера олицетворяла собою понятіе, близкое къ тому, которое олицетворялось въ Астартѣ; и культъ ея походилъ на культъ Астарты; потому этихъ богинь часто смѣшивали. Обѣ они были символическими представленіями о процессѣ, порождающемъ жизнь. Чувственный культъ Баала и Ашеры привлекалъ къ себѣ израильтянъ, возбуждая справедливое негодованіе про- Служеніе Адонису. рочковъ іудейскихъ. Съ нимъ имѣло связь служеніе Адонису, заим-

ствовавшее финикиянами изъ Египта, распространившееся изъ Финикии по западной Азии, перешедшее въ Грецію. Адонисъ былъ символомъ переменъ, происходящихъ въ растительной жизни по сѣнамъ, время года, олицетвореніемъ увяданія растительности и возрожденія ея. Когда осенніе дожди размывали глинистую красную землю, и текущая у Библоса рѣчка Адонисъ несла къ морю красную воду, то говорили, что прекрасный юноша Адонисъ, котораго любила Афродита, убитъ на охотѣ въ горахъ вепремъ (зимою) и что рѣчка окрасилась истекающею изъ него кровью. Жители Библоса совершали тогда семь дней печальные обряды: жрецы омывали въ волнахъ моря деревянное изображеніе убитаго Адониса, намазывали его благовоннымъ масломъ; женщины съ подрѣзанными волосами и въ разодранныхъ одеждахъ сидѣли по дорогамъ и съ рыданіями пѣли пѣсни плача объ Адонисѣ; подлѣ нихъ стояли «Адонисовы сады»: глиняные горшки или серебряныя корзиночки съ нѣжными растеніями (пшеницею, укропомъ, латукомъ), увядавшими въ продолженіе дней скорби, символически изображавшими собою бренность человѣка, который «утромъ зеленѣетъ и цвѣтетъ, какъ трава и цвѣтокъ полевой, а въ полдень иссыхаетъ отъ палящаго вѣтра и солнечнаго зноя». Опустившіеся листья растеній, распущенные волосы женщины были символами увяданія растительности, гибели ея, мимолетности жизни. Весною, когда земля снова одѣвалась зеленью, Адонисъ (Адонай, «владыка») пробуждался къ жизни, и его «воскресеніе» праздновалось радостнымъ торжествомъ съ дикимъ разгуломъ чувственности. Праздники Адониса выказываютъ всю безсодержательность духовной жизни финикиянъ, думавшихъ только о матеріальныхъ благахъ и считавшихъ переходъ въ темное царство тѣней величайшимъ бѣдствіемъ. Мысль о томъ, что душа переживетъ тѣло, была чужда имъ.

Молохъ.

Иной характеръ имѣло и въ самой Финикии и въ колоніяхъ ея служеніе Молоху, олицетворенію палящаго солнечнаго зноя и пожирющаго, но вмѣстѣ и очищающаго огня, и цѣломудренной Астартѣ, богинѣ луны, дѣвственницѣ. Когда опустошало страну нашествіе враговъ, когда засуха губила поля, когда зараза истребляла населеніе, финикияне приносили въ жертву Молоху людей, чтобы смягчить его гнѣвъ и очистить народъ; но приносили въ жертву не иноплемениковъ, не рабовъ или плѣнныхъ, какъ дѣлали другіе народы для умилостивленія враждебныхъ божествъ, — нѣтъ, финикияне приносили въ жертву мальчиковъ или юношей изъ семействъ гражданъ; былъ приносимъ въ жертву первородный или единственный сынъ царя, въ искупленіе грѣховъ націи, приносимы были въ жертву сыновья знатнѣйшихъ людей. Жертва умилостивляла враждебнаго бога лишь, когда она была добровольное пожертвованіе тѣмъ, что было самое милое и дорогое приносящему ее. Этому богу былъ посвященъ неукротимый въ своей ярости быкъ; потому колосальная мѣдная

статуя Молоха, которую ставили передъ храмомъ его, имѣла бычачью голову. Въ раскаленные руки ея, протянутыя для принятія дара, клали приносимыхъ въ жертву, и они катились въ наполненное пламенемъ жерло статуи. И до такой безчувственности доводило людей религіозное заблужденіе, что при ужаснѣйшихъ мученіяхъ страдальцевъ не слышалось отъ родныхъ голоса сожалѣнія; мать, смотрящая на мученія сгорающаго сына, должна была таить въ груди терзающую ее скорбь; а если и были рыданія, они заглушались звуками флейтъ и бубенъ. Сначала, финикияне клали своихъ милыхъ въ раскаленные руки злобнаго Молоха только при исключительныхъ обстоятельствахъ: при важныхъ предпріятіяхъ, при великихъ общественныхъ бѣдствіяхъ или опасностяхъ, чтобы отвратить его ярость и снять грѣхи съ народа «искупленіемъ»; но въ послѣдствіи, эти жертвоприношенія совершались ежегодно въ опредѣленные дни; вѣроятно и число приносимыхъ въ жертву было увеличено.

«Богиня зѣмка», суровая владычица Сидона, Астарта, державшая въ рукѣ поднятое копье, изображаемая съ рогами быка, подобно Молоху, и родственная ему, богу солнца, богиня луны, требовала служенія себѣ цѣломудріемъ, отреченіемъ отъ чувственности. Есть извѣстія, ведущія къ предположенію, что были приносимы въ жертву ей непорочныя дѣвушки; но если это и дѣлалось, то очень рѣдко. Обыкновенно, богиня довольствовалась тѣмъ, что жрицы, хранившія священный огонь въ ея храмахъ, давали обѣтъ вѣчнаго дѣвства. Но изувѣрныя финикияне, если не приносили ей въ жертву людей, то ввели въ культъ ея другое безуміе. Для умерщвленія тѣлесной похоти въ жрецахъ и служителяхъ храмовъ своихъ, цѣломудренная богиня требовала, чтобы они были оскотелены собственными руками, чтобы они сами сдѣлали себя подобными женщинамъ. При ея храмахъ были тысячи оскотеленныхъ жрецовъ и служителей, называвшихся галлами; они ходили фантастическими процессіями по странѣ. На большихъ праздникахъ «сирійской богини», при громѣ кимваловъ, бубенъ и двойныхъ свирѣлей, при дикой сладострастной пляскѣ толпы жрецовъ, религіозное увлеченіе доходило до экстаза, и юноши, въ безуміи, оскотеляли сами себя мечемъ богини, посвящая себя на служеніе ей. Когда къ финикійскимъ мифамъ и вѣрованіямъ присоединены были греческіе рассказы о богахъ и герояхъ и мифы разныхъ племенъ, съ которыми финикияне знакомились въ своихъ колоніяхъ, то сказанія о вѣдящей верхомъ на львѣ или быкѣ богинѣ луны Астартѣ разрослись въ обширный циклъ мифовъ. Рассказы о ея далекихъ странствованіяхъ, перепутывающіе первоначальныя сказанія о ней съ мифами объ Іо, Европѣ, Кадмѣ, Дидонѣ и проч., изображаютъ въ символическомъ видѣ исторію финикійской колонизаціи. Богиня исчезающей луны, она исчезаетъ изъ Тира, основываетъ города въ своемъ странствованіи и наконецъ соединяется съ богомъ

Астарты.

Мелькартъ
(Тирский Ге-
раклъ).

Тира, Мелькартомъ, искавшимъ ея. Какъ основательница колоній, она богиня-покровительница Карфагена; тамъ чтили ее подъ именемъ Дидоны - Астарты, и въ великолѣпной роцѣ былъ построенъ большой храмъ ей. Мы ужъ говорили, что понятіе о ней родственно понятію объ Ашерѣ, и что эти двѣ богини часто сливались въ одну. Особенно было это у евреевъ. — Баалъ - Мелькартъ былъ племеннымъ богомъ Тира, и въ понятіяхъ о немъ отражается вся торговая и колонизаціонная дѣятельность этого города. Мелькартъ много странствовалъ и совершилъ много подвиговъ; потому греки отождествляли его съ своимъ Геракломъ. По своему первоначальному значенію, онъ—олицетвореніе солнца, идущаго по небу, и въ понятіе о немъ входятъ понятія обо всѣхъ дѣйствіяхъ солнца; потому въ немъ соединяются добрый, благотворящій Баалъ и враждебный людямъ, злоторный Молохъ. Онъ былъ у тирянъ устройте-лемъ порядка въ природѣ и въ общественной жизни, богомъ всѣхъ творческихъ силъ; онъ—дѣятельность, воспринимаящая въ себя враждебныя силы, преодолющая ихъ, принуждающая ихъ содѣйствовать благу; онъ былъ представитель энергіи тирскаго народа, а мнѣ о его подвигахъ былъ олицетвореніемъ непрерывнаго и благотворнаго движенія солнца. Онъ былъ «царь города» Тира, основатель колоній, покровитель мореплаванія и торговли, олицетвореніе государственнаго порядка; въ его рукѣ лежала судьба царей, государствъ и городовъ, онъ побуждалъ враждебныя тирянамъ народы. Какъ солнце идетъ по своду небесъ, владычествуя надъ жизнью природы и давая ей вѣчный, неизмѣнный порядокъ, такъ Баалъ-Мелькартъ ходитъ по землѣ, основываетъ города и даетъ человѣческой жизни законное устройство, порядокъ. При входѣ изъ Средиземнаго моря онъ поставилъ по обѣ стороны столбы, прочныя оплоты земли, разграничивающіе ее отъ моря. Потому при выходѣ въ его храмъ въ Тирѣ стояли двѣ великолѣпныя колонны; были двѣ колонны и при входѣ въ его храмъ въ Гадесѣ; финикійскіе мореплаватели совершали поклоненіе ему на Кальпѣ, украшали вѣнками и кропили водою камни, поставленные имъ на этомъ мысу. Тиряне совершали служеніе ему и на Кармилскомъ мысѣ, — тамъ, гдѣ Ілія во время засухи говорилъ съ насмѣшкою жрецамъ, чтобъ они громче зывали къ своему богу, потому что онъ, быть можетъ, спитъ или отпавился путешествовать. Во всѣхъ своихъ колоніяхъ тиряне строили храмы Мелькарту; служеніе ему было священной связью, соединявшею колоніи съ метрополіей. Карфагеняне и жители другихъ тирскихъ колоній каждый годъ отправляли посольства въ Тиръ на великій праздникъ національнаго бога, и отдавали въ тирскій храмъ его десятую долю государственныхъ доходовъ. Товарищества финикійскихъ купцовъ въ иноземныхъ городахъ тоже посылали посольства съ жертвенными дарами на праздники своихъ родныхъ городовъ. — Подобно тирскому

Кабиры.

Мелькарту, были покровителями торговли, мореплаванія и колонизаціи Кабиры, боги-покровители Триполи, столицы финикійскаго союза. Кабировъ было семь. Эти божества были, кажется, заимствованы финикіянами изъ египетской религіи. Служеніе имъ перешло и въ колоніи финикянъ, особенно въ тѣ, которыя находились на островахъ Эгейскаго моря, гдѣ они, подъ вліяніемъ жреческой догматики, получили космогоническое и мистическое значеніе, стали считаться дѣтьми Гефеста и потому сдѣлались покровителями горной промышленности и кузнечества. Имъ приписывали изобрѣтеніе кораблестроенія и они были покровителями кораблей; потому на носу корабля ставились ихъ изображенія; это были вырѣзанныя изъ дерева фигуры карликовъ приземистаго крѣпкаго тѣлосложенія, съ молоткомъ въ поднятой рукѣ. Геродотъ рассказываетъ (III, 37), что Камбизъ въ Египтѣ смѣялся надъ изображеніями Кабировъ и велѣлъ сжечь ихъ.

Мы ужъ говорили, что у вавилонянъ, ассиріянъ, филистимлянъ соединеніе порождающей силы природы съ воспринимавшей, представленіе божества гермафродитнымъ было выраженіемъ высочайшаго могущества его. Эта идея, глубокаго коренящаяся въ азіатскихъ религіяхъ, проникла и въ финикійскія вѣрованія. Она давала оправданіе религіозному сладострастію, которому были очень преданы финикіяне, потому играла важную роль въ развитіи обрядовъ ихъ богослуженія. Почти на всѣхъ ихъ праздникахъ были совершаемы обряды, символически выражавшіе соединеніе мужскаго и женскаго элементовъ, уничтоженіе полового различія. Мужчины осклаивали себя для служенія Астартѣ; въ ея храмахъ были толпы этихъ безполыхъ іеродуловъ; служеніе Баалъ-Мелькарту получило гермафродитный характеръ. Влеченіе финикійской мысли соединять разныя божества въ одно божество и выражать это сліяніе соединеніемъ разныхъ культовъ, соединеніемъ атрибутовъ разныхъ божествъ произвело странную фантастическую путаницу, отвратительное смѣшеніе разнохарактерныхъ понятій, символовъ и культовъ. Такъ, напримѣръ, тирскому Мелькарту, понимаемому въ значеніи Молоха, свирѣпо приносили въ жертву людей, и ему же служили сладострастными обрядами, какъ служили имъ Баалу и Ашерѣ; на его праздникахъ жрецы являлись одѣтыми въ мужское платье, съ мечами и копьями въ рукахъ. Изображеніе Астарты имѣло бороду, какая была у Мелькарта, а въ святилищѣ Мелькарта жертвоприношенія совершались непорочными дѣвушками и безбрачными жрецами. Все финикійское богослуженіе было проникнуто дикими увлеченіями фантазіи; у финикянъ не было ни ясныхъ представленій о божествѣ, ни нравственной основы въ религіи. Этотъ недостатокъ они восполняли пышностью обрядовъ, архитектурною красотою храмовъ, изяществомъ украшеній въ нихъ, многочисленностью жрецовъ, толпами «посвященныхъ» и тысячами служителей и служительницъ при храмахъ (іеродуловъ и іеродулъ,

Гермафродитизмъ и сліяніе боговъ въ одно божество.

Богослуженіе и жертвы.

какъ называютъ ихъ греки), множествомъ «галловъ», оскотившихъ себя для служенія богамъ. На большіе религіозные праздники въ Тирѣ, Сидонѣ, Библосѣ, Іераполѣ (Мабугѣ) и другихъ городахъ собиравались массы богомольцевъ изъ близкихъ и дальнихъ странъ; изображенія боговъ, шатры и кивоты, въ которыхъ сохранялись священные символы, были носимы по городу торжественными процессіями. Храмы получали подарки; имъ платили десятинную подать; у нихъ были земли; нѣкоторые изъ нихъ были чрезвычайно богаты, имѣли тысячи жрецовъ, служителей при жертвоприношеніяхъ, іеродуловъ, іеродуль, рабовъ. Мясо жертвъ продавалось, это былъ тоже доходъ храма. При нѣкоторыхъ храмахъ жрецы были наследственные. Верховный жрецъ главнаго храма вообще былъ первое лицо въ государствѣ послѣ царя; въ нѣкоторыхъ городахъ, напримѣръ въ Тирѣ, онъ былъ изъ царскаго рода. Жертвоприношенія совершались обыкновенно при восходѣ и при закатѣ солнца; они сопровождались пѣніемъ, музыкою, куреніемъ ароматовъ, и были очень разнообразны: были жертвы всесоженія, жертвы умилоствленія, очищенія, жертвы гаданія и т. д. Въ жертвенныхъ церемоніяхъ принимала участіе вся масса людей, состоявшихъ при храмѣ.

Храмы и жрецы.

Подробности. Финикійскіе *Бааль* и *Ашера* соответствуютъ вавилонскимъ *Белу* и *Милиттѣ*. Вавилоняне олицетворяли въ Белѣ творящую, оживляющую, сохраняющую силу природы, въ Милиттѣ воспринимающую, рождающую, и, соединяя оба эти элемента въ одно гермафродитное божество, олицетворяли въ немъ понятіе о высочайшемъ могуществѣ; такъ *Бааль* и *Ашера* и финикійяне представляли себѣ основную божественную силу природы въ двухъ формахъ: мужской, дѣйствующей принципъ ея они чтили подъ именемъ *Баала*, а пассивный, женскій подъ именемъ *Ашеры* или *Баальтисъ*, и тоже выражали представленіе о высочайшемъ божественномъ могуществѣ соединеніемъ обоихъ элементовъ силы въ двуполое существо или перенесеніемъ атрибутовъ одного изъ этихъ принциповъ на другой.

Бааль. Животворящій элементъ природы, *Бааль* былъ царь неба, «старый богъ высоты», могущественная сила котораго проявляется дѣйствіями солнца. Онъ—основной принципъ физической жизни, олицетвореніе силы, порождающей и размножающей жизнь въ природѣ; эта сила природы—эманация его существа. Служеніе *Баалу* совершали на высотахъ, въ особенности на Ливанѣ. Для служенія ему въ долинахъ или на равнинахъ насыпали холмы, ставили на высотѣ ихъ алтари и святилища. Конусообразный камень или заостренная кверху колонна были изображеніемъ его. Когда надъ этими изображеніями стали строить храмы и помѣщать въ нихъ статуи, передъ главнымъ входомъ храма ставили двѣ каменные, мѣдные или деревянные колонны, бывшія символами прежней формы понятій.

Ашера. Греки считали *Баала* соответствующимъ *Зевсу*. *Ашера*—олицетвореніе женскаго элемента той силы, мужской элементъ которой олицетворялся *Бааломъ*. Она была рождающая дѣятельность природы, одѣвающая землю деревьями, травами, производящая плоды, дающая животворную влагу жаждущимъ полямъ, наполняющая рѣки и море рыбою. Ей, какъ и *Баалу*, служили на покрытыхъ лѣсами высотахъ Ливана, подъ тѣнистыми деревьями; финикійяне, подобно персамъ и германцамъ, имѣли очень большое уваженіе къ тѣнистымъ деревьямъ. Въ особенности священными у нихъ считались такіе деревья, которыя съ наибольшою ясностью проявляли глазамъ ихъ силу богини: стройный кедръ, роскошный кипарисъ, густолиственный дубъ, вѣчно-зеленѣющая пинія, ветла у ручьевъ и тополя, листья которыхъ не увядаютъ и въ лѣтній зной. Подъ этими деревьями финикійяне приносили у *Ашеры* урожай хлѣба и плодовъ, подъ ними пѣли хвалы ей, прино-

сили жертвы и воскурляли еиміамъ. Они чтили ее, «великую мать», подъ образомъ дерева, или деревянной колонны, давали ей имя деревяннымъ столбамъ и статуямъ, которыя ставили повсюду, и съ которыми часто соединяли фаллусъ, символъ плодородія. Въ нѣкоторыхъ городахъ были разведены посвященные ей рощи вѣчно-зеленѣющихъ хвойныхъ деревьевъ. *Ашерѣ* и *Баалу* было посвящено гранатовое яблоко; оно сочно, въ немъ множество зеренъ; потому оно можетъ считаться очень яснымъ проявленіемъ изобилія жизни, символомъ размноженія; оно было повсюду символомъ или атрибутомъ божества рождающей силы природы. Все живущее зарождается во влагъ; потому *Ашерѣ* какъ и *Милиттѣ*, была посвящена вода; озера, рѣки, ручьи, подобно деревьямъ и рощамъ, находились подъ ея покровительствомъ; при ея храмахъ были священные пруды съ рыбою; рыба въ нихъ была посвящена *Ашерѣ*, потому не дозволялось ловить ее, продать ей. Въ городѣ Бамбигѣ (Іераполѣ; Мабугѣ) *Ашеру* чтили, кажется, подъ видомъ рыбы съ головою женщины, какъ чтили ее въ Аскалонѣ, и жрецамъ ея было запрещено ѣсть рыбу. *Ашерѣ* были также посвящены млекопитающія и птицы, отличающіяся красотою, силою или плодородіемъ: быкъ, лошадь, козель и въ особенности голубь. При знаменитомъ храмѣ кипрійской богини была роща для голубей, были пруды съ рыбою, и у ея алтарей, на которыхъ приносились въ жертву животныя только мужскаго пола, стояла конусообразная каменная колонна. Культъ *Ашеры* былъ одинаковъ съ культомъ *Милитты*: онъ тоже имѣлъ сладострастный характеръ; но у финикійянъ, торговцевъ, думавшихъ только о богатствѣ и наслажденіи, сладострастные обряды его получили болѣе сильное развитіе, чѣмъ у вавилонянъ. Въ 4-й Книгѣ Царствъ (XXIII, 7) говорится, что финикійскія женщины имѣютъ при храмахъ шатры изъ тканей, которыя сотканы ими самими и собственно для этихъ шатровъ, и что онѣ отдаются подъ своими шатрами приходящимъ въ храмы иноземцамъ. Финикійянкамъ казалось, что принести въ жертву свою дѣвственность богинѣ плодородія—это самая угодная для нея жертва. Потому въ извѣстные праздники финикійскія дѣвушки отдавали себя въ священныхъ мѣстахъ, въ комнатахъ и рощахъ при храмахъ, иноземцамъ, приходившимъ на великіе «праздники шатровъ»; говорятъ, что этотъ безнравственный обычай еще остается у нѣкоторыхъ изъ горныхъ племенъ Ливана. «Знаменитѣйшіе храмы *Ашеры*», говоритъ Моверсъ, «привлекали къ себѣ множество пилигримовъ. На праздники богини, въ особенности на главные праздники ея, совершавшіеся въ началѣ и концѣ лѣта, шли каждый разъ цѣлые караваны поклонниковъ изъ близкихъ и дальнихъ странъ; шалаши и шатры, которые ставили для себя въ оградѣ святилища эти пилигримы, вѣроятно и были первыми пріютами сладострастія на праздникахъ *Ашеры*; вѣроятно, такое происхожденіе имѣлъ развратный культъ, которымъ постыдно знамениты праздники шатровъ». При всѣхъ храмахъ *Ашеры* были толпы женщинъ и дѣвушекъ, посвятившихъ себя на служеніе богинѣ проституціею. Многія изъ нихъ занимались ею въ оградѣ храмовъ; Осія говоритъ объ израильтянахъ, поклонявшихся идоламъ, что они уводятъ въ сторону блудницъ и совершаютъ жертвы съ ними (Осія, IV, 4). Другія служительницы *Ашеры* ходили по городамъ и селеніямъ, сидѣли у дорогъ (Книга Бытія, XXXVIII, 17), отдавая себя мужчинамъ за деньги, за козленка для принесенія въ жертву богинѣ. Выручку онѣ отдавали въ храмъ. Бывали даже замужнія женщины, поступавшія на время въ число «посвященныхъ». Древнѣйшимъ мѣстомъ этого служенія былъ Библосъ; откуда культъ *Ашеры*, или, какъ называли ее греки, *Афродиты*, перешелъ на Кипръ, гдѣ получило громкую знаменитость сладострастное служеніе *Афродитѣ* въ миртовыхъ рощахъ Пафоса. Рассказываютъ, что кипрійскія дѣвушки высыпали на берегъ встрѣчать приходящіе корабли и отдаваться морякамъ.

Библосъ былъ также центромъ служенія *Адонису*, широко распространившагося изъ Египта по западной Азіи. Прекрасный юноша *Адонисъ* («Владыка») былъ олицетвореніемъ свѣжей, цвѣтущей растительности, той силы, которая одѣваетъ землю зеленью, влияетъ въ растенія питающій и животворящій сокъ. Онъ умираетъ или осенью, когда растительность гибнетъ отъ холодныхъ дождливыхъ бурь, или въ срединѣ лѣта, когда жаркій вѣтеръ иссушаетъ растительность, солнечный зной сожигаетъ нивы и плоды садовъ. Эту погибель зелени и цвѣтовъ сирійцы олицетворяли въ мифѣ о томъ, что вѣпръ,

Сладострастный культъ.

Праздники *Адониса*.

посланный праждебнымъ божествомъ, убиваетъ Адониса на высотахъ Ливана, и ежегодно совершали символическій обрядъ скорби о погибелн растительности; въ нѣкоторыхъ городахъ они совершали его лѣтомъ, въ другихъ осенью. Печальный праздникъ начинался тѣмъ, что искали исчезнушаго Адониса. Въ «Адонисовыхъ садахъ», о которыхъ мы ужъ упоминали, находили деревянное изображеніе умершаго, несли его съ печальными пѣснями, со стонами, къ морю, омывали, намазывали благовоннымъ масломъ, завертывали въ полотно или шерсть. Женщины должны были, какъ при похоронахъ близкихъ родныхъ, обрѣзывать себѣ волосы, или давать выкупъ за нихъ, служба послѣ праздника тѣломъ своимъ Ашерѣ и жертвуя въ храмъ ея полученную за это плату. Весь народъ шумными стонами выражалъ свою скорбь о погибшемъ богѣ. Женщины бросались на землю у носилокъ съ его изображеніемъ, рвали одежду на себѣ, рвали волосы, царапали грудь, садились у дороги и рыдали, произнося вопль: «Айлану, Айлану!» Іезекіиль говоритъ (VIII, 14) о томъ, что у воротъ храмовъ сидѣли женщины и плакали о Фаммусѣ (Адонисѣ); и въ «Посланіи Іереміи» (Книга Варуха, VI, 30, 31) говорится о жрецахъ, которые въ разорванныхъ одеждахъ, съ обритою и непокрытою головою, съ обритою бородою сидятъ въ своихъ домахъ, плачутъ и стонутъ о своихъ богахъ, будто объ умершихъ. Печальные обряды кончались принесеніемъ похоронной жертвы и погребеніемъ Адониса. «Прекрасна была Киприда, когда былъ живъ ты, Адонисъ», говоритъ Біонъ въ пѣснѣ плача о его смерти: «Но иссохла Киприда отъ печали объ Адонисѣ,—о, горе! горе! По всѣмъ горамъ и лѣсамъ раздается стонъ объ Адонисѣ: о, горе! Всѣ рѣки скорбятъ о безпредѣльной печали Афродиты».

Молохъ.

Для умиловленія боговъ бѣдствія и смерти, финикійне приносили людей въ жертву и изувѣчивали себя. Самымъ страшнымъ изъ этихъ враждебныхъ людямъ божествъ былъ *Молохъ* («царь»); — онъ былъ тоже богъ солнца, какъ Бааль; богъ вредоносныхъ дѣйствій солнца, но собственно, тотъ же Бааль; потому онъ назывался и *Бааль-Молохъ*. По космологическому воззрѣнію, онъ былъ зной солнца въ лѣтнее и въ полуденное время, когда солнце губитъ растительность, сожигаетъ цвѣты и траву, когда отъ него выпадаютъ и падаютъ листья деревьевъ. Онъ—сила, дѣйствующая въ разрушительномъ огнѣ, который уничтожаетъ дѣла рукъ человеческихъ, онъ—губительная сила войны, опустошающей поля и города, онъ сила природы, разоряющая и убивающая людей. Но, какъ пламя огня, Молохъ съ тѣмъ вмѣстѣ и сила очищающая. Онъ страшный богъ, губящій людей за ихъ грѣхи и преступления. Ярость его отвращается только чистыми жертвами искупленія. Эти жертвы были двухъ родовъ: однѣ приносились ежегодно по извѣстнымъ днямъ и въ самой Финикіи, и въ ея колоніяхъ; это были жертвы очищенія. Другія приносились только при великихъ бѣдствіяхъ: при войнѣ, заразѣ, засухѣ и т. п.; это были собственно жертвы искупленія. При началѣ важныхъ предпріятій: при основаніи города, передъ началомъ похода, тоже умиловляли Молоха принесеніемъ людей въ жертву. Приносимые должны были быть изъ числа гражданъ. Иногда царь города отдавалъ въ жертву своего первороднаго сына, для искупленія грѣховъ всего народа, представитель котораго, царь, замѣнялъ своимъ сыномъ самого себя и народъ. Мы увидимъ примѣры такихъ жертвоприношеній въ еврейской исторіи. У пророка Михея мы читаемъ (VI, 7), что израильскій народъ, сознавая свои грѣхи и желая искупить ихъ, восклицалъ: «Развѣ дамъ Ему (Господу) первенца моего за преступленіе мое и плодъ чрева моего за грѣхи души моей?» Бѣдствія считались наказаніями отъ бога за неисполненіе обязанности приносить жертвы ему. На войнѣ съ Агавокломъ, рассказываетъ Діодоръ, карфагеняне проиграли сраженіе въ Сициліи; они приписали это гнѣву Сатурна (Молоха), въ жертву которому прежде каждый годъ приносили мальчиковъ изъ знатнѣйшихъ карфагенскихъ семействъ, а въ послѣднее время знатные люди стали вмѣсто дѣтей отдавать въ жертву купленныхъ мальчиковъ, называя ихъ своими дѣтьми. Произведено было разслѣдованіе: оказалось, что многіе отцы утаили своихъ дѣтей. Въ искупленіе того, было теперь принесено въ жертву 200 мальчиковъ изъ самыхъ знатныхъ фамилій. Кромѣ того, 300 гражданъ, подозрѣваемыхъ также въ утайкѣ сыновей, сами отдали себя въ доброволь-

ную жертву для искупленія отечества. При владычествѣ персовъ было запрещено финикійцамъ приносить дѣтей въ жертву. Когда Александръ осаждалъ Тиръ, нѣкоторые граждане предложили возобновить прежній обычай, чтобы предотвратить взятіе города; но предложеніе было отвергнуто сенатомъ. Обрѣзаніе, существовавшее у нѣкоторыхъ изъ ханаанскихъ племенъ, было безъ сомнѣнія символическою замѣною прежнихъ жертвоприношеній Молоху. Нѣкоторые ученые полагали, что сожженіе дѣтей часто замѣнялось тѣмъ, что ихъ только проводили черезъ огонь; это мнѣніе опровергнуто Моверсомъ.

Астартъ была олицетвореніемъ женскаго элемента той силы природы, мужской элементъ которой олицетворялся Молохомъ. «Великая Астартъ Сидонская», небесная дѣвственница, чуждавшаяся любви, была чтима подъ образомъ чистаго священнаго огня, и служеніе ей совершали жрицы-дѣвственницы. Какъ въ храмѣ Молоха, и въ ея святищѣ горѣлъ неугасимый огонь. Ей тоже былъ посвященъ быкъ, и часто она изображалась или съ головою быка или сидящею на быкѣ или на лъвѣ. Она была богиней войны, какъ Молохъ богомъ войны; потому на финикійскихъ монетахъ она часто изображалась съ копьемъ въ рукѣ. Въ Карфагенѣ ее чтили, подъ именемъ *Дидоны*, какъ покровительницу города, изображали ее сидящею на лъвѣ, съ копьемъ въ рукѣ. То, что она была богиня луны, показываютъ мнѣя о ея странствованіяхъ; по этимъ мнѣямъ видно, что понятія о ней и объ Іо были родственны между собою. Вообще, она, подъ разными именами, была чтима во многихъ странахъ азіатскаго міра и въ Греціи. Число оскопившихъ себя на ея праздникахъ для служенія ей (галловъ) стало современемъ такъ велико, что цѣлыя толпы ихъ съ шумною музыкою ходили фантастическими процессіями по странѣ, собирая подаянія; въ срединѣ процессіи вели осла, на которомъ былъ завѣшенный покрываломъ символъ Астарты и висѣла нищенская сума. «Они одѣты въ пестрыя, грязныя женскія платья», говоритъ Лукіанъ: «головы у нихъ, тоже поженски, обиты желтыми полотняными или шелковыми повязками; другіе въ бѣлой одеждѣ, украшенной спереди развѣвающимися полосами красной ткани. Руки у нихъ открыты до самаго плеча; въ рукахъ у нихъ большіе мечи, топоры, бичи, трещетки, свирѣли, бубны, тимпаны; они идутъ по дорогѣ съ громомъ дикой музыки, приплясывая. Дошедши до селенія, они принимаютъ выдѣлывать свои нечѣстности. Сцена начинается завываньемъ. Послѣ того они кружатся и бѣгаютъ одни мимо другихъ, наклонивъ голову низко къ землѣ, такъ что распущенные волосы волочатся по грязи; при этомъ они сначала кусаютъ себѣ руки, а потомъ рѣжутъ ихъ мечами, которые носятъ съ собою. Послѣ того начинается новая сцена. Одинъ изъ нихъ, превосходящій всѣхъ безуміемъ, пускается со стонами и воплями пророчествовать (какъ жрецы Ваала, 3 Книга Царствъ, XVIII, 29): онъ при всѣхъ псовѣдуетъ свои грѣхи, беретъ бичъ съ узлами,—галлы носятъ при себѣ такіе бичи,—бьетъ имъ себя по спинѣ до крови, рѣжетъ себя мечами, такъ что съ израненнаго тѣла льется кровь. Конечъ всему—сборъ подаянія. Нѣкоторые бросаютъ имъ на подставляемое платье мѣдныя монеты, кое-кто и серебряныя; другіе приносятъ имъ вино, молоко, сыръ, муку; они жадно хватаютъ все это, кладутъ въ назначенную для того суму, взваливаютъ ее подлѣ богини на спину осла, и идутъ въ слѣдующее селеніе; тамъ снова повторяется весь церемоніаль. Вечеромъ, пришедши въ гостиницу, они вознаграждаютъ себя пирушкою за кровавыя самоистязанія того дня». Галлы живутъ вмѣстѣ съ женщинами, замѣчаетъ Лукіанъ, и эти женщины имѣютъ сильную привязанность къ нимъ. *Бааль-Мелькартъ*—олицетвореніе солнца,—совершающаго свой годичный путь; въ понятіи о немъ соединяются всѣ благотворныя дѣйствія, производимыя солнцемъ въ продолженіе года. Всѣ праздники и обряды тиріанъ имѣли символическое отношеніе къ годичному пути солнца на небѣ. Извѣстія древнихъ писателей о той странности, что тиріане налагали оковы на своего бога, или что они считаютъ своего бога уснувшимъ, умершимъ — относятся къ символическимъ представленіямъ тиріанъ о зимѣ, скывающей или ослабляющей дѣйствія солнца; тиріане и дѣйствительно зимою имѣли праздникъ заснуващаго солнца. Когда весною солнце снова приобрѣтало силу, они снимали оковы съ Мелькарта и праздновали его пробужденіе (это было въ концѣ февраля или началѣ марта). Когда солнце достигало наибольшей своей

Астартъ.

Изувѣрство.

Бааль-Мелькартъ.

высоты и зной его угрожалъ выжечь всю растительность, это значило, что Бааль-Мелькартъ, понимаемый въ значеніи Молоха, сжигаетъ самъ себя, чтобы выйти изъ процесса самосожженія обновленнымъ, и явиться кроткимъ осеннимъ солнцемъ. Праздникъ самосожженія солнца—это и былъ «праздникъ костра» или «факеловъ»,—о которомъ мы уже упоминали, когда говорили о Сардананапъ; мы описывали тогда, какія колоссальныя жертвы всесожженія были приносимы въ этотъ праздникъ. Лукіанъ рассказываетъ, что на него собирались люди изъ Сиріи, приходили изъ всѣхъ сосѣднихъ странъ. Мелькартъ, то-есть «царь города», былъ національнымъ богомъ тирянъ, основателемъ и покровителемъ Тира. Въ той части Тира, которая находилась на островѣ, былъ у него храмъ, построенный или расширенный и украшенный Храмомъ, и возбуждавшій удивленіе Геродота, говорящаго о немъ (II, 44): «Онъ очень богато украшенъ множествомъ приношеній, и между прочимъ, въ немъ есть двѣ колонны, одна изъ чистаго золота, а другая изъ смарагда, который ночью очень ярко сіяетъ». Сіялъ ночью онъ потому, что и въ святилищѣ Мелькарта, какъ въ храмахъ Молоха, горѣлъ на алтарѣ неугасаемый огонь, свѣтомъ котораго и сіялъ драгоценный камень. Въ Гадесскомъ храмѣ тирскаго Геракла тоже стояли двѣ колонны. Онѣ были мѣдныя, вышиною по восьми локтей; на нихъ было написано, сколько израсходовано на построеніе храма. Мелькартъ былъ покровителемъ торговли и мореплаванія; а морскую торговлю и колоніи надобно было охранять и расширять силою оружія; потому Мелькартъ былъ и богомъ войны, рѣшителемъ судьбы сраженій.

Тааутъ. Къ числу заимствованныхъ изъ Египта божествъ принадлежалъ Тааутъ, изобрѣтатель алфавита, принятаго въ послѣдствіи отъ финикіянъ греками, отъ грековъ и всѣми европейцами. Богъ мудрости, онъ написалъ священныя книги, которыя финикійское духовенство выставило источникомъ своего вѣроученія и закономъ жизни, какъ вавилонское духовенство книги Оанна. Въ половинѣ втораго вѣка по Р. Х. Геренній Филонъ Библосскій обнародовалъ греческій переводъ книгъ Тааута, но по всей вѣроятности, это не переводъ ихъ, а поддѣлка.

«Исторія финикіянъ», Филонъ. Филонъ Библосскій говорилъ, что финикійскіе жрецы передѣлали, исказили древнія ученія Тааута, а Санхоніатонъ возстановилъ ихъ въ подлинномъ видѣ; чтобы поддѣлка жрецовъ не обнаружилась, они скрывали книги Тааута; Филонъ говорилъ, что сочиненіе, которое издаетъ онъ—переводъ финикійской исторіи Санхоніатона; сочиненіе состояло изъ девяти книгъ. Оно погибло. Но уцѣлѣли отрывки изъ него, приводимые у Порфирія, Евсевія и другихъ писателей христіанскаго времени. По этимъ отрывкамъ мы видимъ, что трактатъ, изданный Филономъ, былъ компиляціею, составленною изъ матеріаловъ, совершенно разнородныхъ; египетскіе, азіатскіе и греческіе мифы были изложены тутъ съ истолкованіями въ духѣ Эвгемера, и перемѣшаны съ чуждыми имъ прибавками; авторъ очевидно имѣлъ желаніе доказать, что боги были люди, жившіе въ давнія времена и обоготворенные благодарнымъ потомствомъ за ихъ полезныя изобрѣтенія, за услуги, оказанныя ими дѣлу человѣческой образованности; что поэтому мифологія—исторія людей. Это заставляетъ предполагать, что трактатъ написанъ самимъ Филономъ, выставившимъ на немъ имя Санхоніатона для того, чтобы придать ему авторитетность. Это не значитъ, что все у него поддѣлка; многое въ его разсказахъ вѣроятно взято имъ дѣйствительно изъ древнихъ преданій; но онъ передѣлывалъ ихъ, и въ томъ видѣ, въ какомъ изложены они у него, съ прибавками и съ раціоналистическими истолкованіями, они представляютъ матеріалъ ненадежный.

Обозрѣвая наши свѣдѣнія о финикіянъ, мы видимъ, что главную заслугу финикіянъ въ исторіи человѣчества составляетъ не собственная ихъ умственная дѣятельность, а то, что они были посредниками, передававшими восточную образованность западнымъ народамъ. Своими изобрѣтеніями, своимъ техническимъ искусствомъ, своею предприимчивостью, своею торговлею они обогатили и украсили обстановку жизни древнихъ народовъ; своими отважными экспедиціями они расширили географическія знанія, раскрыли новые пути духу изслѣдованія и предприимчивости; своею обширною торговлею они доставляли произведенія далекихъ культурныхъ странъ менѣ развитымъ племенамъ, получавшимъ черезъ то охоту къ труду; и хотя это были только матеріальныя вещи, хотя дѣятельность финикіянъ имѣла главною цѣлью только удовлетвореніе ихъ корыстолюбію, но все таки финикійская торговля давала необразованнымъ племенамъ знакомство съ образованностью, безъ которой нельзя было производить привозимыхъ имъ издѣлій, и возбуждала ихъ подражать цивилизованнымъ народамъ. Юсифъ Флавій говоритъ, что у тирянъ были историческія книги, съ точнымъ обозначеніемъ временъ событій; онѣ вѣроятно имѣли вліяніе на исторіографію израильтянъ и грековъ. Есть преданія, говоряшія, что искусству писать буквами европейскіе народы научились у финикіянъ, что у финикіянъ они заимствовали многія религіозныя понятія и формы богослуженія; эти легенды свидѣтельствуютъ, что вмѣстѣ съ матеріальными вещами финикіянъ передавали нецивилизованнымъ племенамъ и элементы умственной культуры, что торговля въ ихъ рукахъ была силою, возбуждающею къ развитію, что ихъ вниманіе не было устремлено исключительно на дѣла матеріальной жизни, что они интересовались и идеальными благами. Основывая колоніи, они создавали благоустроенныя государства, и всѣ эти государства находились въ прочныхъ мирныхъ отношеніяхъ между собою; этимъ уменьшался кругъ владычества военнаго быта, господствовавшаго въ тѣхъ странахъ, дѣятельность получала полезное направленіе; все человѣчество выигрывало отъ того, что расширялось поле мирнаго труда, ведущаго къ развитію всего хорошаго. Одинъ изъ писателей временъ римской имперіи справедливо говоритъ въ похвалу финикіянъ: «Они были дѣятельный народъ, выказавшій большую способность и къ дѣламъ войны и къ дѣламъ мира; заниматься наукою и искусствами, плавать по морямъ, биться на морѣ, повелѣвать народами, приобрѣтать борьбою власть—все это умѣли они». Но тѣмъ и нечерпывается ихъ дѣятельность. Считать финикіянъ предшественниками эллиновъ въ религіи, въ искусствѣ, въ поэзіи, значило бы ставить ихъ слишкомъ высоко. Въ вѣроученіи, они болѣе воспринимали, нежели создавали; они заимствовали у вавилонянъ, у египтянъ у другихъ культурныхъ народовъ боговъ, бывшихъ олицетвореніями силъ природы, и соединяя разнохарактерныя представленія и символы въ безформ-

ное цѣлое, спутали понятія, затуманили ихъ мистическою темнотою; они не умѣли самостоятельнымъ мышленіемъ развивать воспринятое, не умѣли преобразовывать чужое въ свое національное; ихъ религія, спутывавшая заимствованныя понятія въ безформную, сбивчивую смѣсь, не имѣла ни опредѣлительности представленій, ни нравственной основы. Подводя все подъ коммерческую точку зрѣнія, они поставили свои божества въ непосредственную связь съ практическими интересами, профанировали возвышенныя вѣроученія матеріальнымъ истолкованіемъ, сладострастнымъ и свирѣпымъ богослуженіемъ. Они любили жизнь, и на своихъ праздникахъ печали выражали скорбь о бренности всего земнаго, но не искали отрады въ мысляхъ о безсмертіи души. Не осталось никакихъ слѣдовъ существованія финикійской поэзіи, литературы, никакихъ воспоминаній о ней. Ихъ чувственная религія, искаженная развратомъ и жестокостью, была не способна одушевлять человѣка святымъ восторгомъ и создавать религіозныя гимны. Ихъ божества, олицетворенія силъ природы, оставались всѣ, за исключеніемъ тирскаго Мелькарта, блѣдными символическими понятіями, не имѣющими личной исторіи; а безъ мѣлологіи не могъ развиваться народный эпосъ. Да и не было досуга для поэзіи у хлопотливыхъ промышленниковъ и торговцевъ. Но архитектура, ваяніе получили у финикіянъ высокое развитіе, говорятъ намъ. Правда, іерусалимскій храмъ былъ построенъ тирскими архитекторами и мастеровыми; правда, храмы Тира, Арада, Пафоса, Гадеса, Карфагена, Утики возбуждали удивленіе древняго міра; правда, гидравлическія сооруженія Хирама, развалины храмовъ на Мальтѣ и Гоццо, громадныя гробницы и круглыя «нураги» на Балеарскихъ островахъ и въ Сардиніи свидѣлствуютъ о хорошей архитектурной Technikѣ; но все-таки финикіяне остались въ архитектурѣ далеко ниже египтянъ и культурныхъ народовъ бассейна Эвфрата и Тигра. Сколько можемъ судить по описаніямъ, храмы ихъ отличались не столько изяществомъ стили, сколько огромностью и великолѣпіемъ. Главными матеріалами ихъ сооруженій были дерево и желѣзо; по описаніямъ драгоценностей и всяческихъ орнаментовъ, которыми финикіяне украшали свои храмы и дворцы, мы видимъ, что красота зданія состояла по ихъ мнѣнію не въ строгой, величественной гармоніи формъ самаго зданія, а въ богатствѣ и пестротѣ украшеній. Кажется, что и въ построеніи храмовъ, дворцовъ они подражали формѣ корабля. Финикійскія зданія не выдерживаютъ никакого сравненія съ ассирійскими; и по раскопкамъ, сдѣланнымъ въ Ниневіи, оказывается, что многое, считавшееся прежде изобрѣтеніемъ финикіянъ, было заимствовано ими у ассиріянъ. На западѣ, многія изъ развалинъ, которыя называются финикійскими, слѣдуетъ, вѣроятно, приписывать этрускамъ. Скульптура финикіянъ по своему достоинству еще ниже ихъ архитектуры. Олицетворенія творческихъ или разру-

шительныхъ силъ природы, ихъ божества не могли сдѣлаться въ произведеніяхъ искусства тѣми прекрасными образами, какими стали божества грековъ, бывшія олицетвореніями нравственныхъ силъ человѣческаго сердца. Изображенія ихъ боговъ были грубыя фигуры, предназначенныя внушать лишь одно чувство—страхъ, и до безвкусицы обремененныя избыткомъ символовъ и атрибутовъ. Человѣческій образъ, основной типъ истиннаго искусства, не нашелъ себѣ свободнаго, естественнаго выраженія въ финикійскихъ статуяхъ; а фантастическія животныя были заимствованы финикіянами у вавилонянъ и ассиріянъ, у которыхъ взяты и орнаменты изъ листьевъ на финикійскихъ сосудахъ. Чистоты формъ, естественной красоты нѣтъ въ ихъ скульптурѣ. «Тѣ произведенія искусства, которыя дѣйствительно принадлежатъ финикіянамъ», говоритъ Гергардъ, «даютъ намъ не очень высокое понятіе о степени художественнаго ихъ развитія. Ихъ заслуга въ прогрессѣ искусства ограничивается хорошою техникою въ обработкѣ нѣкоторыхъ матеріаловъ (мѣди, золота, слоновой кости, стекла, и пурпура) и тѣмъ, что они были посредниками, переносившими къ другимъ народамъ (особенно, въ Іерусалимъ) искусство народовъ внутренней Азіи, стоявшихъ по художественному развитію выше ихъ. На греческое искусство они имѣли большое вліяніе во времена его младенчества, мало вліянія во времена его развитія». Какъ всѣ семиты, финикіяне были народъ не художественный, ихъ натурѣ была чужда пластичность воззрѣнія.

III. НАРОДЪ ИЗРАИЛЬСКІЙ.

III. НАРОДЪ ИЗРАИЛЬСКІЙ. *)

1) АВРААМЪ. МОИСЕЙ. ВРЕМЯ СУДЕЙ.

А. ПАТРИАРХИ.

1. Еврейскія преданія.

Авраамъ.

Тарра изъ племени *Эвера* „иноземца“, потомокъ *Сима* въ десятомъ поколѣнн, жившій въ *Урѣ Халдейскомъ* (*Урѣ-Касдимѣ*), въ горахъ *Гордіэйскихъ*, на границѣ *Арменіи* (по мнѣнію другихъ ученыхъ, въ южной *Вавилоніи*), переселился съ семействомъ и стадами изъ родины въ обширную равнину *Харрана* (*Гарана*, *Наганъ*; *Карры*, *Кагае*). Онъ былъ глава племени *номадовъ*; оно стало вести на обильныхъ пастбищахъ *Мессопотаміи* свою привычную кочевую жизнь. Сынъ *Тарры*, *Авраамъ*, „взявъ съ собою *Сарру*, жену свою, *Лота*, сына брата своего, и все имѣніе, которое они приобрѣли, и всѣхъ людей, которыхъ они имѣли въ *Харранѣ*“, переселился оттуда въ землю *Ханаанскую*, которую указалъ ему Господь. Ему было тогда семьдесятъ пять лѣтъ. Братъ его *Нахоръ* остался на *Харранской* равнинѣ. *Авраамъ* прошелъ до *Сихема*, отсюда перешелъ къ горамъ, „и поставилъ свой шатеръ“ между *Вееилемъ* и *Гаемъ*, „и создалъ тамъ жертвенникъ Господу“. *Авраамъ* и *Лоть* имѣли много стадъ и шатровъ. По возвращеніи ихъ изъ *Египта*, куда уходили они на нѣсколько времени, пастухи ихъ поссорились; *Авраамъ* предложилъ племяннику раздѣлиться, и предоставилъ ему выборъ мѣстности. „И избралъ себѣ *Лоть* всю окрестность *Иорданскую*“, потому что она „орошалась водою, какъ садъ Господень“, и „раскинулъ“ *Лоть* „шатры до *Содома*“; а *Авраамъ* „поселился у дубравы *Мамре*, что въ *Хевронѣ*“. И случилось тогда, что *Амрафелъ*, царь *Сеннаарскій* (*Синеарскій*) и *Кедорлаомеръ*, царь *Эламскій* съ союзниками своими пошли войною противъ царя *Содомскаго* и царя *Гоморрскаго*, которые „двѣнадцать лѣтъ были въ порабощеніи у *Кедорлаомера*, а въ тринадцатомъ году возмutilись“. Въ долинѣ *Сиккимъ*, гдѣ „было много смоляныхъ ямъ“ (нефтяныхъ источниковъ), цари *Содомскій* и *Гоморрскій* были разбиты, и обратившись въ бѣгство, упали въ смоляныя ямы, „а остальные убѣжали въ горы“. Побѣдители взяли все имущество ихъ, „и взяли *Лота* и имущество его, и ушли. Услышавъ объ этомъ отъ одного изъ убѣжавшихъ, „*Авраамъ* вооружилъ рабовъ своихъ, рожденных въ домѣ его, триста осмнадцать“,

*) При переводѣ этого отдѣла соблюдена вѣрность подлиннику, насколько это было возможно.

погнался за уходящими врагами, напалъ на нихъ ночью, поразилъ ихъ, отнялъ у нихъ Лота и все заграбленное имущество. Царю Содомскому онъ возвратилъ людей его, захваченныхъ въ плѣнъ, и не захотѣлъ взять себѣ ничего, предлагаемаго имъ въ признательность. Мельхиседеку, „царю Салимскому, священнику Бога всевышняго“, угостившему людей его хлѣбомъ и виномъ, онъ далъ десятую часть изъ добычи. Послѣ того Авраамъ жилъ въ Герарѣ, и о женѣ своей Саррѣ говорилъ, что она сестра ему. Авимелехъ, царь Герарскій, взялъ Сарру къ себѣ. Но Богъ явился Авимелеху во снѣ, воспретилъ ему касаться Сарры, повелѣлъ возвратить ее мужу. Авимелехъ исполнилъ повелѣніе Божіе, и заключилъ съ Авраамомъ союзъ. Тоже самое что съ Авимелехомъ, было прежде того съ фараономъ, когда Авраамъ переселился на время въ Египетъ. Впослѣдствіи, то же самое было въ Герарѣ съ Іаковомъ и Ревеккою; имя царя Герарскаго также было тогда Авимелехъ.

Измаилъ, родо-
начальникъ
арабовъ.

У Авраама долго не было дѣтей, такъ что онъ ужъ опасался, что придется ему оставить наследство по себѣ „Эліэзеру изъ Дамаска, распорядителю въ домѣ“ его. Но Богъ обѣщалъ своему благочестивому слугѣ потомство, многочисленное, какъ звѣзды небесныя. Послѣ, Агарь египтянка, служанка жены его, родила ему сына. Онъ назвалъ его *Измаиломъ*. Черезъ нѣсколько времени, когда Аврааму было ужъ сто лѣтъ, Сарра, которая прежде была безплодна, тоже родила сына. Авраамъ назвалъ его *Исаакомъ*, „и обрѣзалъ его въ восьмой день, какъ заповѣдалъ ему Богъ“. Обрѣзаніе было „знаменіемъ завета“ между Богомъ и его народомъ. Авраамъ, Измаилъ и всѣ мужчины въ домѣ Авраамовомъ были обрѣзаны за годъ передъ тѣмъ. Когда Исаакъ былъ отнятъ отъ груди, „Авраамъ сдѣлалъ большой пиръ въ тотъ день“.—„Сарра увидала, что сынъ Агари насмѣхается надъ ея сыномъ, и сказала мужу: выгони эту рабыню и сына ея, ибо не наследуетъ сынъ рабыни сей съ моимъ сыномъ Исаакомъ. И показалось это Аврааму весьма непріятнымъ“. Но Богъ сказалъ ему, чтобы онъ послушался Сарры. „Авраамъ всталъ рано утромъ и взялъ хлѣба и мѣхъ воды, и далъ Агари, положивъ ей на плеча, и отрока, и отпустилъ ее“. Она заблудилась въ пустынь, но Богъ спасъ ее и сына ея отъ смерти. „И Богъ былъ съ отрокомъ, и онъ выросъ, и сталъ жить въ пустынь, и сдѣлался стрѣлкомъ изъ лука“. Онъ жилъ въ пустынь Фаранъ, и мать его ввела ему жену изъ земли египетской. У него родилось двѣнадцать сыновей. „Они жили отъ Хавилы до Сура, что предъ Египтомъ, какъ идешь къ Ассиріи. Это двѣнадцать князей племенъ“ арабскихъ.

Лотъ, родо-
начальникъ моави-
тянъ и аммо-
нитянъ.

Лотъ съ женою и дѣтьми жилъ въ Содомѣ. Но этотъ городъ былъ грѣшнымъ. Не находилось въ немъ и десяти праведниковъ. Потому Богъ черезъ двухъ ангеловъ повелѣлъ Лоту съ семействомъ уйти отсюда и послѣ того „пролилъ Господь на Содомъ и Гоморру дождемъ сѣру и огонь. И испровергъ города сіи и всѣхъ жителей городовъ сихъ и всѣ произрастенія земли“. А Лотъ сталъ жить въ горѣ, и съ нимъ двѣ дочери его. У него родились два сына: *Моавъ* и *Бенъ-Амми*. Отъ Моава произошли моавитяне, отъ Бенъ-Амми—аммонитяне.

Авраамъ подвергся тяжкому испытанію. Онъ жилъ въ Вирсавіи, которую получилъ по договору отъ Авимелеха, царя Герарскаго. Богъ повелѣлъ ему принести Исаака во всесоженіе на горѣ въ землѣ Моріа. „Авраамъ всталъ рано утромъ, осѣдлалъ осла своего, взялъ съ собою двоихъ изъ отроковъ своихъ и Исаака сына своего, наколотъ дровъ для всесоженія, и вставъ пошелъ на мѣсто, о которомъ сказалъ ему Богъ. И устроилъ тамъ жертвенникъ, разложилъ дрова, и сына своего Исаака подожилъ на жертвенникъ поверхъ дровъ. И простеръ руку свою, чтобы заколотъ сына своего. Но Ангелъ Господень воззвалъ къ нему съ неба: не подни-

май руки твоей на отрока и не дѣлай надъ нимъ ничего, ибо теперь я знаю, что боишься ты Бога“. Авраамъ увидѣлъ овна и принесъ его въ жертву вмѣсто сына.

Ревекка.

Когда Авраамъ состарѣлся, онъ сказалъ своему домоправителю: „Клянись мнѣ Господомъ, Богомъ неба и земли, что ты не возьмешь сыну моему жены изъ дочерей хананеевъ, среди которыхъ я живу, но пойдешь на родину мою и возьмешь оттуда жену сыну моему. И взялъ рабъ десять верблюдовъ и всякія сокровища и пошелъ въ Месопотамію въ городъ Нахора. И остановилъ верблюдовъ внѣ города у колодезя“. И вышла дѣвушка, прекрасная видомъ, съ кувшиномъ на плечѣ. „Она сошла къ источнику, наполнила кувшинъ свой и пошла вверхъ. И побѣжалъ рабъ на встрѣчу ей и сказалъ: дай мнѣ испить немного воды изъ кувшина твоего. Она сказала: пей, господинъ мой, и тотчасъ спустила кувшинъ свой на руку свою и напоила его. И когда напоила его, сказала: я стану черпать и для верблюдовъ твоихъ, пока не напоятся. И тотчасъ выпила воду изъ кувшина своего въ колодезь и побѣжала опять къ колодезю и начерпала для всѣхъ верблюдовъ его. Человѣкъ тотъ смотрѣлъ на нее съ изумленіемъ; и когда верблюды перестали пить, взялъ золотую серьгу и два запястья и сказалъ: чья ты дочь, скажи мнѣ; есть ли въ домѣ отца твоего мѣсто намъ ночевать? Она сказала ему: я Ревекка, дочь Ваоуила, сына Милки, котораго она родила Нахору. У насъ много соломѣ и корму и есть мѣсто для ночлега. Дѣвица побѣжала и рассказала объ этомъ въ домѣ матери своей“.—„Лаванъ, братъ Ревекки, выбѣжалъ къ тому человѣку, къ источнику“, ввелъ его въ домъ, „разсѣдлалъ верблюдовъ, и далъ соломѣ и корму верблюдамъ, и воды умытъ ноги ему и людямъ, которые были съ нимъ и предложена была ему пища, но онъ сказалъ: не стану ѣсть, доколѣ не скажу дѣла своего. И сказали: говори. Онъ сказалъ: Я рабъ Авраамовъ. И взялъ съ меня клятву господинъ мой, сказавъ: пойдѣ въ домъ отца моего и къ родственникамъ моимъ, и возьми оттуда жену сыну моему. И нынѣ скажите мнѣ, намѣрены ли вы оказать милость и правду господину моему или нѣтъ, и я обращусь на право или на лѣво. И отвѣчали Лаванъ и Ваоуиль: Вотъ, Ревекка предъ тобою; возьми ее и пойдѣ, пусть будетъ она женою сыну господина твоего. И вынулъ рабъ серебряныя вещи и золотыя вещи и одежды, и далъ Ревеккѣ; также и брату ея и матери ея далъ подарки“. На слѣдующее утро встали рабъ Авраама и люди его; братъ и мать Ревекки благословили ее и отпустили Ревекку и кормилицу ея.—Когда Эліэзеръ возвращался домой съ Ревеккою, они встрѣтили Исаака на полѣ. „Ревекка взяла покрывало и покрылась. Рабъ же сказалъ Исааку все, что сдѣлалъ. И ввелъ ее Исаакъ въ шатеръ Сарры матери своей, и она сдѣлалась ему женою и онъ возлюбилъ ее“.

Сарра умерла ста двадцати семи лѣтъ въ Хевронѣ, въ землѣ хананской. Оплакавъ ее, Авраамъ купилъ у Эфрона Хеттеянина пещеру Махпеду въ концѣ поля его, на востокъ отъ Мамре, и это поле, и похоронилъ въ пещерѣ Сарру, жену свою. „И стало поле Эфроново, и пещера, и всѣ деревья, которыя на полѣ, во всѣхъ предѣлахъ его, вокругъ, владѣніемъ Авраамовымъ, въ собственность для погребенія, предъ очами сыновъ Хета, всѣхъ входящихъ во врата града его“.—Послѣ того „взялъ Авраамъ еще жену, именемъ *Хеттуру*“. Она родила ему *Мадіана* и пять другихъ сыновей. Онъ „далъ“ имъ „подарки и отослалъ ихъ въ землю восточную. И отдалъ Авраамъ все, что у него, Исааку. Дней жизни Авраамовой было сто семьдесятъ пять лѣтъ; и скончался Авраамъ въ старости доброй и насыщенной жизнью, и приложился къ народу своему. И погребли его въ пещерѣ Махпелѣ“, подлѣ Сарры, жены его.

Мадіанитяне.

Исаакъ.

Ревекка, послѣ долгаго безплодія, родила Исааку близнецовъ; перваго нарекла она *Исавомъ* „косматымъ“, потому что онъ родился съ красными волосами, косматый; а втораго *Иаковомъ* (Якобомъ), „державшимся за пятку“, потому что онъ родился, держась рукою своею за пятку Исава. Дѣти выросли, и сталъ Исавъ человѣкомъ искуснымъ въ звѣроловствѣ, человѣкомъ полей, а Иаковъ человѣкомъ кроткимъ, живущимъ въ шатрахъ. Однажды Исавъ пришелъ съ поля усталый, и попросилъ у Иакова ѣсть. Но Иаковъ сказалъ: „продай мнѣ теперь же свое первородство“. Исавъ согласился. „И далъ Иаковъ Исаву хлѣба и кушанья изъ чечевицы“. Исавъ взялъ себѣ въ жены двухъ хеттеянокъ, „и онѣ были въ тягость Исааку и Ревеккѣ“. И благословилъ Господь Исаака, и онъ сталъ богатъ стадами. „Когда Исаакъ состарѣлся и притупилось зрѣніе глазъ его, онъ призвалъ Исава и сказалъ ему: Пойди въ поле, и налови дичи и приготовь мнѣ кушанье, какое я люблю, чтобы благословила тебя душа моя, прежде нежели я умру“.—Ревекка слышала это и сказала сыну своему Иакову: „пойди въ стадо и возьми мнѣ оттуда два козленка“. Она приготовила ихъ. И одѣла младшаго сына въ одежду Исава, „а руки его и гладкую шею его обложила кожею козлятъ“, чтобы онъ былъ косматый на осязаніе, какъ его братъ, и послала его къ отцу съ кушаньемъ, которое приготовила. И когда отецъ поѣлъ и выпилъ, онъ благословилъ сына и сказалъ: „Да послужатъ тебѣ народы и да поклонятся тебѣ племена; будь господиномъ надъ братьями твоими, и да поклонятся тебѣ сыны матери твоей. Какъ только выйдетъ Иаковъ, придетъ Исавъ съ ловли своей; приготовилъ кушанье и принесъ отцу. И вострепеталъ Исаакъ весьма великимъ трепетомъ и сказалъ: Братъ твой пришелъ съ хитростью и взялъ благословеніе твое. Исавъ поднялъ весьма великій вопль и сказалъ: Неужели, отецъ мой, одно у тебя благословеніе? Благослови и меня. И Исаакъ сказалъ: Ты будешь жить мечемъ твоимъ и будешь служить брату твоему; будетъ же время, когда воспротивишься, и свергнешь его съ выи твоей. И возненавидѣлъ Исавъ Иакова за благословеніе, и грозилъ убить его. И сказала Ревекка Иакову: „Бѣги къ Лавану, брату моему, въ Харранъ, и поживи у него, пока утихнетъ ярость брата твоего. Иаковъ вышелъ изъ Вирсавіи и пошелъ въ Харранъ“.

Иаковъ.

„У Лавана же было двѣ дочери, имя старшей: Лія, имя младшей: Рахиль. Лія была слаба глазами, а Рахиль была красива станомъ и красива лицомъ. Иаковъ полюбилъ Рахиль и служилъ за Рахиль (Лавану) семь лѣтъ; и они показались ему за нѣсколько дней. И сказалъ Иаковъ Лавану: Дай жену мою, потому что уже исполнилось время. Лаванъ созвалъ всѣхъ людей того мѣста и сдѣлалъ пиръ. Вечеромъ же взялъ дочь свою Лію и ввелъ ее къ нему. Утромъ же оказалось, что это Лія, и Иаковъ сказалъ Лавану: Что это сдѣлалъ ты со мною? Лаванъ сказалъ: Въ нашемъ мѣстѣ такъ не дѣлаютъ, чтобы младшую выдать прежде старшей. Окончи недѣлю этой, потомъ дадимъ тебѣ и ту, за службу, которую ты будешь служить у меня еще семь лѣтъ другихъ. Иаковъ такъ и сдѣлалъ и Лаванъ далъ Рахиль ему въ жену. И служилъ у него (Иаковъ) еще семь лѣтъ другихъ“. И Богъ благословилъ стада ради Иакова, и они размножились.

Когда Иаковъ захотѣлъ возвратиться домой, „сказалъ ему Лаванъ: Назначь себѣ награду отъ меня, и я дамъ. Иаковъ сказалъ ему: Отдѣли всякую скотину черную изъ овецъ, также съ пятнами и съ крапинами изъ козъ; такой скотъ будетъ наградою мнѣ“. Лаванъ сдѣлалъ это. „И взялъ Иаковъ свѣжихъ прутьевъ тополевыхъ, миндальныхъ и яворовыхъ, и вырѣзалъ на нихъ бѣлыя полосы, снявъ кору до бѣлизны, и положилъ прутья съ нарѣзкою въ водопойныхъ корытахъ, куда скотъ приходилъ пить.

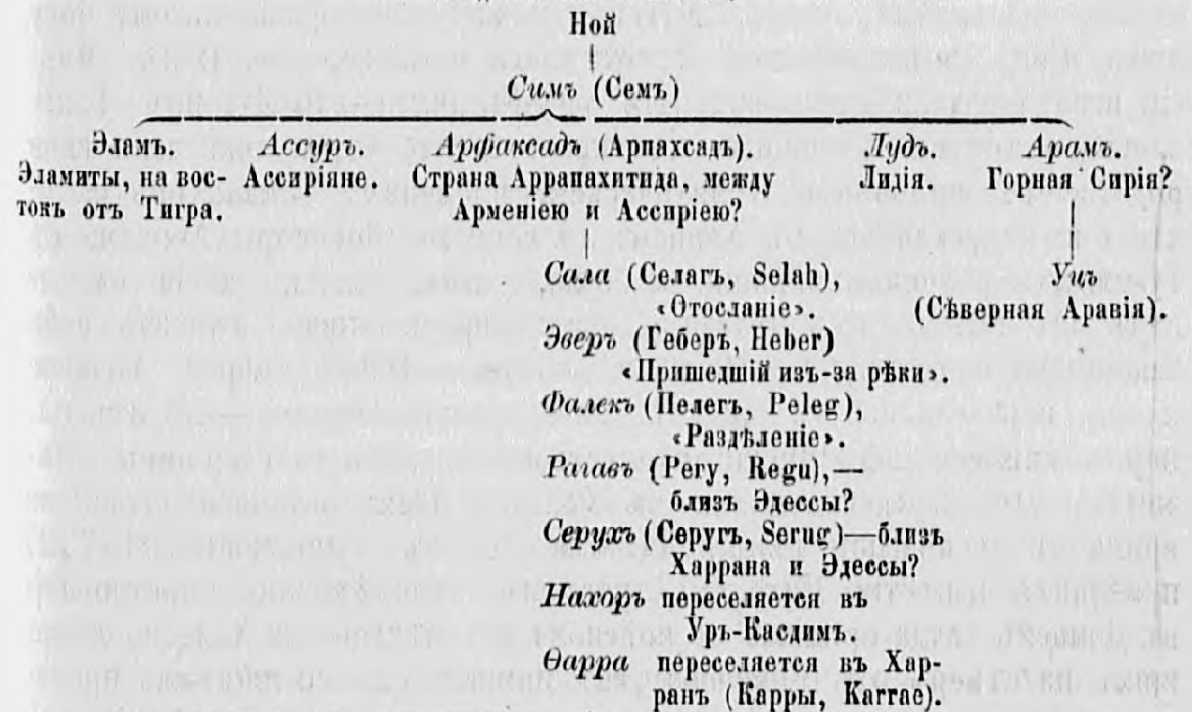
И начиналъ скотъ передъ прутьями, и рождался скотъ пестрый, и съ крапинами, и съ пятнами, и отдѣлялъ Иаковъ себѣ этихъ агнать. „И сдѣлался этотъ человѣкъ весьма, весьма богатымъ, и было у него множество мелкаго скота, и рабыни, и рабы, и верблюды и ослы“.

Лаванъ и его сыновья досадовали на это, и Иаковъ рѣшился возвратиться на родину. „И когда Лаванъ пошелъ стричь скотъ свой, Иаковъ посадилъ дѣтей своихъ и женъ своихъ на верблюдовъ и взялъ съ собою весь скотъ свой и все богатство свое, которое онъ приобрѣлъ въ Месопотаміи“, и ушелъ тайно, „и перешелъ рѣку (Эвфратъ) и направился къ горѣ Галаадъ. И какъ Лаванъ пошелъ стричь скотъ, Рахиль похитила идоловъ, которые были у отца ея, и положила ихъ подъ верблюжье сѣдло, и сѣла на нихъ“. Когда Лаванъ узналъ, что Иаковъ ушелъ, то погнался за нимъ и гнался за нимъ семь дней, и догналъ его; упрекалъ его за то, что онъ ушелъ тайно; но смягчился и заключилъ съ нимъ союзъ. Они сложили холмъ изъ камней и поклонились Богомъ Авраамовымъ и Нахоровымъ, что не будутъ переходить „для зла“ этотъ холмъ, который будетъ пограничнымъ знакомъ между ними.

Возвращаясь домой, Иаковъ послалъ вѣстниковъ съ богатыми подарками къ своему брату Исаву, жившему на горѣ Сепръ, „чтобы приобрѣсти благоволеніе предъ очами его. Но Исавъ пошелъ на встрѣчу брату съ 400 человѣкъ. Иаковъ очень испугался, и помолился Богу. И ночью „боролся нѣкто съ нимъ до появленія зари“, и съ того времени Иаковъ носилъ имя Израиль, то-есть „богоборецъ“, борецъ Божій. Когда Исавъ подошелъ съ своими людьми, „Иаковъ поклонился до земли семь разъ, подходя къ брату своему. И побѣждалъ Исавъ къ нему на встрѣчу, и обнялъ его, и палъ на шею его, и плакали оба“. Исавъ сначала не хотѣлъ принять подарки; но Иаковъ „упросилъ его, и тотъ взялъ; и возвратился Исавъ путемъ своимъ въ Сепръ“, и сталъ родоначальникомъ эдомитянъ (идумеевъ). А Иаковъ купилъ часть поля въ Сихемѣ. Послѣ того, Иаковъ пришелъ къ отцу своему въ Хевронъ. Исаакъ дожилъ до ста восьмидесяти лѣтъ, „и приложился къ народу своему, будучи старъ и насыщенный жизнію“.

Возвращеніе Иакова въ Харранъ.

Родословная семитовъ.

Авраамъ		Исхоръ		Авраамъ		
Исха. Милка. Лотъ.		(отъ Милки)		а) отъ Агари,	б) отъ Сарры	с) отъ Хеттуры,
Аммонъ. Моавъ.		Ваоуилъ.		Измаилъ.	Исаакъ.	шесть сыновей.
		Лаванъ. Ревекка.		отъ Ревекки		
		Лія. Рахиль.		Исавъ (Эдомъ). Иаковъ (Израиль).		
а) отъ Лія.		б) отъ Рахиль.		с) отъ Залфы		
1. Рувимъ.		7. Данъ.		9. Гадъ.		
2. Симеонъ.		8. Нефѣалимъ.		10. Асиръ.		
3. Левій.				11. Иосифъ. 12. Веніаминъ.		
4. Иуда.				Эфремъ. Манассія.		
5. Иссахаръ.						
6. Зевулонъ.						
Дочь: Дина.						

2. Историческіе выводы.

Въ этихъ преданіяхъ, Авраамъ и Лотъ — представители племени семитовъ, постепенно передвигающагося изъ Месопотаміи на юго-западъ, мирно поселяющагося въ южномъ Ханаанѣ, около Хеврона, ведущаго тамъ кочевой образъ жизни; кочуя, оно заходитъ оттуда временами далеко на югъ, въ Египетъ, и на сѣверъ, до самого Сихема. Итакъ, евреи были не изъ числа первобытныхъ племенъ южнаго Ханаана; они — отрасль восточныхъ, месопотамскихъ семитовъ. Въ книгѣ Иисуса Навина (XXIV, 2) Богъ говоритъ израильтянамъ: «за рѣкою» — Эвфратомъ — «жили отцы ваши издревле, Фарра, отецъ Авраама и отецъ Нахора, и служили инымъ богамъ»; это были, вѣроятно, боги вавилонско-ассирійской религіи. Когда мы говорили о ней, мы видѣли, что въ Мугейрѣ поклонялись вавилонскому богу луны, Сину, и вавилонской богинѣ влаги и плодородія, Нанѣ. Многіе изслѣдователи полагаютъ, что Уръ-Касдимъ — это Мугейръ. Генеалогія, которую мы привели, показываетъ, что евреи сознавали свое родство съ восточными семитическими племенами. Знали они и то, что они переселились въ Ханаанъ съ востока. Договоры Авраама съ туземными родоначальниками, и безкорыстные услуги, какія оказывалъ онъ имъ въ ихъ бѣдахъ, давали евреямъ право считать себя законными владѣтелями ханаанской земли. — Итакъ, евреи, кочевое племя, переселились въ Ханаанъ. Рабы и слуги Авраама — это семиты, переселявшіеся подъ предводительствомъ племеннаго старшины. Кажется, что передвигавшееся въ Ханаанъ племя останавливалось на время въ прекрасной долинѣ Дамаска. Иосифъ («Древности», I, 7, 2) приводитъ извѣстіе Николая Дамасскаго, что «Авраамъ царствовалъ въ Дамаскѣ, куда пришелъ съ войскомъ изъ мѣстностей Халдеи, лежащихъ на сѣверъ отъ Вавилона; изъ Дамаска онъ со многими, происходившими отъ него и съ своимъ народомъ переселился въ Ханаанъ».

Такое же извѣстіе есть у Юстина. Во времена Иосифа объ одномъ изъ селъ близъ Дамаска еще говорили, что тутъ жилъ Авраамъ. Элиэзеръ Дамасскій, управлявшій хозяйствомъ Авраама, былъ, вѣроятно, его вассаломъ. Племя раздѣлилось, быть можетъ, на пути изъ Дамаска: часть его пошла прямо на югъ, заняла землю на восточной сторонѣ Иордана и Мертваго моря (Лотъ поселился тутъ, въ Содомѣ), а главная масса перешла черезъ Иорданъ и поселилась на югѣ Ханаанской страны, гдѣ жилъ Авраамъ, и гдѣ были урочища, жертвенники, колодези, деревья и т. д., оставшіяся и въ позднѣйшія времена священными для еврейскаго народа, соединявшаго съ ними воспоминанія о своемъ родоначальникѣ. — Лотъ поселился среди народа, нравственно испорченнаго, преданнаго противоестественному пороку; это должно было оказать дурное вліяніе на нравы пришельцевъ. Оно было не такъ сильно, чтобы вовсе испортить ихъ: они исполняютъ долгъ гостепріимства и тѣмъ избѣгаютъ божественнаго наказанія, постигающаго Содомъ и Гоморру; но все таки, скоро обнаруживается, что они отчасти испорчены. Моавиты и аммонитяне — потомки сыновей, рожденных дочерьми Лота отъ кровосмѣшенія; потому это племена нечистыя. Они осквернились, вступая въ брачный связи съ туземными племенами. Это было первымъ раздѣленіемъ переселившагося племени на разныя племена. Вторымъ было то, что отъ предковъ евреевъ отдѣлились измаилитскіе арабы. Евреи не могли отрицать общности своего и ихъ происхожденія; даже признавали, что они старшій отдѣлъ потомства Авраама. По арабскимъ преданіямъ, Авраамъ былъ основателемъ Мекки, строителемъ Каабы, въ которой хранится священный камень. Но на арабовъ было положено пятно нечистоты, и тѣмъ ярче выказывался блескъ чистоты евреевъ; отецъ Измаила Авраамъ, но мать его — египтянка, рабыня. Сарра, потерявъ надежду сама имѣть потомство, «дала Агарь мужу своему»; но сдѣлавшись матерью, изгнала ее съ ея сыномъ въ пустыню; воинственные жители пустыни — потомки сына египетской рабыни. Измаиль противъ воли уступаетъ мѣсто предпочитаемому Исааку. — Семитовъ сѣверовосточной Аравіи евреи ставили въ такія же отношенія къ себѣ, какъ жившихъ на югѣ и западѣ измаильянъ: они потомки Авраама и Хеттуры. Третьимъ раздѣленіемъ племенъ было то, что въ слѣдующемъ поколѣніи Исавъ удался отъ Иакова и сталъ родоначальникомъ эдомитянъ.

Изъ всего этого ясно, что израильтяне придавали очень большую важность чистотѣ крови. Такое высокое мнѣніе о ней осталось навсегда національною чертою еврейскаго народа. Еврей — тотъ, кто происходитъ отъ Авраама безъ всякой примѣси иноплеменной крови. Потомки Авраама, вступая въ бракъ съ иноплеменницами, рожаютъ дѣтей, ужь чуждыхъ общенію съ Авраамомъ, истинными потомками котораго остаются только евреи. Они и въ трудныхъ обстоятель-

Моавиты и аммонитяне становятся отдѣльными племенами.

Отдѣльными племенами становятся арабы и эдомитяне. (Идумей).

Чистота происхождения израильтянъ.

ствахъ сохраняютъ чистоту крови. Богъ два раза охраняетъ отъ оскверненія святой союзъ Авраама и Сарры. Въ Египтѣ, куда вѣроятно ходили евреи въ своихъ кочевыхъ странствованіяхъ, и въ самомъ Ханаанѣ «сестры» евреевъ бывали иногда въ опасности стать женами иноплеменниковъ. Но Богъ охранилъ Сарру и отъ Фараона и отъ Авимелеха; кровь еврейская осталась чиста отъ смѣшенія съ иноплеменническою. Прародительницы евреевъ происходятъ отъ чистой крови Сарры: Сарра — сестра Авраама; Ревекка — дочь двоюроднаго брата Исаака; Лія и Рахиль — племянницы ея. А Измаиль женатъ на египтянкѣ, Исавъ бралъ себѣ въ жены ханаанянокъ и измаильянокъ.

Евреи — люди «съ той стороны» рѣки, пришельцы изъ-за Иордана. Авраамъ — ири-мѣръ добродѣтели. Авраамъ ужь называется евреемъ (кн. Бытія XIV, 13). Въ немъ воплощаются всѣ хорошія національныя качества еврейскаго народа. Кочуя съ своими номадами и стадами на югѣ Палестины, онъ со-вмѣщаетъ въ себѣ всѣ тѣ добродѣтели, которыя всегда высоко цѣ-няютъ на востокѣ: миролюбіе, безкорыстіе, вѣрность слову, гостепрі-имство, богобоязненность. Онъ предоставляетъ «родственнику» Лоту выборъ пастбищъ; онъ ходатайствуетъ предъ Богомъ за грѣховный народъ Содомы и Гоморры. Онъ ведетъ простой образъ жизни стар-шины номадовъ; онъ рабъ и другъ Божій; онъ благочестивый про-рокъ. Миролюбіе не мѣшаетъ ему помогать оружіемъ друзьямъ въ бѣдѣ. Но единственная цѣль его похода — возстановить право. Онъ не хочетъ обогатиться чужимъ имуществомъ и возвращаетъ закон-нымъ владѣльцамъ добычу, отнятую у враговъ. Воинственнаго эле-мента вообще нѣтъ въ жизни Авраама и другихъ праотцевъ еврей-скаго народа. Изъ разсказа объ этомъ единственномъ походѣ Авраама видимъ, что его силы были не меньше, чѣмъ силы другихъ мелкихъ племенныхъ князей тѣхъ мѣстъ: по первой вѣсти о плѣнѣ Лота, онъ выступаетъ въ походъ съ 318 воинами. Такую же мысль о его си-лахъ даетъ то, что трое изъ ханаанскихъ царей заключаютъ съ нимъ договоры о взаимной защитѣ. «Евреи придавали большое значеніе этимъ договорамъ: изъ нихъ могло быть выводимо, что еврейскій народъ имѣетъ законное, основанное на трактатахъ, право владѣть ханаанскою землею. — Туземные народы ужь имѣли государственное устройство и очевидно были образованнѣе пришельцевъ: царь Солима, Мельхиседекъ былъ «священникъ Бога Всевышняго, Владыки и неба и земли». — Авраамъ приобрѣлъ себѣ дружбу ханаанскихъ царей помощью, какую оказывалъ имъ; ихъ уваженіе — своею честностью; пастбища — договорами съ ними. — Онъ насаждалъ священные деревья и рощи, которыя впоследствии пользовались у евреевъ величайшимъ уваженіемъ, — таковы были дубрава Мамре, роща въ Вирсавіи, дубъ у Веѣи-ля; онъ ставилъ пограничные камни; сооружалъ жертвенники; но над-писей не дѣлалъ: объ искусствѣ писать нѣтъ упоминеній въ раз-сказахъ о немъ; онъ выкопалъ семь колодезей у Вирсавіи; купилъ

мѣсто для погребенія въ Хевронѣ, гдѣ умерла Сарра; приносилъ жертвы въ Веѣилѣ и на горѣ Моріа. — Священныя мѣстности въ сред-немъ Ханаанѣ, близъ Сихема, принадлежатъ Іакову; имя Авраама со-единено съ мѣстностями въ южной части Ханаана. — Основная идея въ разсказахъ объ Авраамѣ — «завѣтъ» между Богомъ и Авраамомъ. Это и основная идея ученія пророковъ. И самъ Авраамъ былъ про-рокъ (книга Бытія XX, 7). Дѣла внѣшняго служенія Авраама Богу — жертвы и молитвы; внутреннее служеніе его Богу состоитъ въ бла-гочестіи души, въ непорочности жизни, въ повиновеніи и преданно-сти. Таково было служеніе Богу и по ученію пророковъ. За это служеніе Авраама Богу, Богъ сказалъ ему: «поставлю завѣтъ мой между мною и тобою, и весьма, весьма размножу тебя» (кн. Бытія XII, 2). И поставилъ завѣтъ съ нимъ. Обѣщалъ ему потомство многочисленное, какъ звѣзды небесныя. Сказалъ ему: «Дамъ тебѣ и потомкамъ твоимъ послѣ тебя землю, по которой ты странствуешь, всю землю ханаанскую, во владѣніе вѣчное» (кн. Бытія XVII, 8). Богъ часто являлся Аврааму, разговаривалъ съ нимъ. Авраамъ со-блюдалъ всѣ заповѣди Божіи; выдержалъ, не колеблясь, и самое тяжкое испытаніе, когда Богъ повелѣлъ, чтобъ онъ принесъ въ жертву Исаака. Символомъ завѣта Божія съ Авраамомъ было обрѣзаніе.

Исаакъ — образецъ кротости и спокойствія; онъ сохраняетъ наслѣ-дованныя отъ отца блага въ простотѣ чистосердечія, честною жизнью преодолеваетъ злобу враговъ. Богъ, которому онъ служитъ въ духѣ отца своего, благословляетъ его, такъ что онъ «возвеличивался боль-ше и больше» (кн. Бытія XXVI, 13). Самъ человѣкъ простой, онъ любитъ своего старшаго сына, простодушнаго Исава, больше нежели хитроумнаго Іакова, котораго предпочитаетъ Исаву мать. Взявъ себѣ въ жены дочерей туземцевъ, Исавъ огорчаетъ родителей; но отцу все таки жалъ, что у прямодушнаго старшаго сына отнято обманомъ право первородства. Эта семейная исторія представляетъ намъ въ маленькомъ размѣрѣ тѣ отношенія, какія были между израильянами и эдомитянами, народами близко родственными между собою. Из-маильтяне отдѣляются отъ израильянъ позднѣе другихъ племенъ. Причиною этого было вѣроятно то, что потомкамъ Сарры не скоро удалось овладѣть дикими, малодоступными Сеирскими горами; тузем-цы держались тамъ противъ ихъ натиска дольше, нежели въ дру-гихъ, менѣе гористыхъ, болѣе доступныхъ частяхъ сѣверной Ара-віи. Отдѣлившись отъ израильянъ позднѣе, чѣмъ другія племе-на, эдомитяне остаются ближайшими ихъ родными. «Сеиръ» зна-читъ «щетиный», густо-волосый; это названіе дано сеирской об-ласти вѣроятно потому, что ея горы были покрыты густыми лѣса-ми. Исавъ родился покрытый волосами. Страна эдомитянъ была не-плодородна; потому они принуждены были вести воинственный об-разъ жизни горцевъ-охотниковъ. Ихъ предокъ — искусный охотникъ.

Иаковъ.

Сеиръ имя области; имя народа этой области было «Эдомъ», эдомитяне, идумеи. Эдомъ значитъ «красный». Исавъ—«красный» и ѣсть красное кушанье. Онъ легкомысленно отказывается отъ своего права первородства; онъ беретъ въ жены себѣ хеттеянокъ, оскверняя тѣмъ чистоту крови, которую строго сохраняютъ Иаковъ и его сыновья. Эдомитяне были непостоянны, жили день за день, безъ заботы о будущемъ; израильтяне заботливо сохраняли наслѣдованныя блага, потому окрѣпли, достигли такой силы, что покорили эдомитянъ, которые прежде были сильнѣе ихъ. Но эдомитяне ненавидѣли иго израильтянъ, хотѣли и наконецъ успѣли возвратить себѣ независимость. Исаакъ предсказываетъ это Исаву, утѣшая его.

Иаковъ возвратился въ Ханаанъ, имѣя ужъ одиннадцать сыновей (Вениаминъ родился по возвращеніи отца на родину, и при его рожденіи Рахиль умерла). Иаковъ и его дѣти — та отрасль потомства Авраама, которая наслѣдуетъ благословеніе, данное предку. Она по преимуществу называется народомъ израильскимъ. Подкрѣпленные новыми пришельцами, евреи начинаютъ смѣлѣе прежняго поступать съ туземнымъ населеніемъ. Они убиваютъ всѣхъ мужчинъ въ Сихемѣ, принявшихъ обрѣзаніе для того, чтобы получить право вступать въ брачныя союзы съ дочерьми новыхъ пришельцевъ. Иаковъ представитель всѣхъ качествъ израильскаго народа. Ловкостью онъ одолеваетъ болѣе сильнаго противника; усерднымъ трудомъ пріобрѣтаетъ стада и богатство; смирениемъ умиливаетъ могущественнаго врага. Благоразумно удаляется онъ отъ старшаго брата, справедливо разгнѣваннаго потерей первородства, и служа у Лавана, очень искусно заботится о своихъ выгодахъ. Лаванъ, получая пользу отъ его службы, всяческими способами удерживаетъ его при себѣ. Онъ вѣрный и заботливый пастухъ; онъ выноситъ и зной дня и холодъ ночи, не спитъ, охраняя стада; подъ его внимательнымъ надзоромъ, овцы и козы Лавана не выкидывали. Но когда Лаванъ хочетъ не давать ему должнаго вознагражденія за службу, онъ своей изобрѣтательностью преодолеваетъ хитрость Лавана. Лаванъ гонится за нимъ, настигаетъ его; положеніе Иакова очень опасно. Но Лаванъ самъ чувствуетъ, что неправъ передъ нимъ, потому не дѣлаетъ вреда ему. Единственная несправедливость при бѣгствѣ отъ Лавана была сдѣлана Рахилью, тайкомъ отъ мужа: она похитила идоловъ своего отца. Иаковъ оказался правъ, Лаванъ заключилъ съ нимъ союзъ и вернулся. За двадцать лѣтъ передъ тѣмъ, Иаковъ ушелъ изъ Ханаана, не имѣя ничего, кромѣ посоха; теперь онъ возвращался богатымъ человекомъ; у него были большія стада, много рабовъ и рабынь. Онъ ловко умиливаетъ могущественнаго брата подарками и смирениемъ; и не довѣряя Исаву, принимаетъ такія мѣры предосторожности, что въ случаѣ нападенія Исавъ потеряетъ только часть имущества, а не все. Исавъ предлагаетъ ему конвой; онъ дружескими словами отклоняетъ это

предложеніе. Онъ раздѣлилъ свои стада и своихъ людей на два стана; это показываетъ, что у него были большія силы. Онъ готовился къ вооруженной борьбѣ съ эдомитянами, но предлагалъ дружелюбную сдѣлку. Возвратившись въ Ханаанъ, онъ «сказалъ дому своему и всѣмъ бывшимъ съ нимъ: бросьте боговъ чужихъ, находящихся у васъ»; и посвятилъ свое семейство исключительно Богу Авраама и Исаака. Онъ получаетъ названіе Израиля; истинное значеніе этого слова — «владеетъ Богъ»; потому названіе израильтянъ означаетъ, что основная идея ихъ исторіи—теократическая. Беззаконныя поступки дѣтей (племенъ) дѣлаютъ много огорченій Иакову, много бѣдъ израильскому народу. Но благословеніе Божіе озаряетъ блескомъ полнаго счастья послѣдніе годы жизни вѣрнаго слуги Божія.

Одно изъ семитическихъ племенъ, еврейское, переселилось въ землю Ханаанскую. Отъ него постепенно отдѣлилось нѣсколько отраслей: аммонитяне, моавитяне, измаильтяне, мадианиты, эдомитяне; они вели образъ жизни, сообразный съ природою странъ, занятыхъ ими. Коренное племя, охраняющее свою чистоту отъ всякаго смѣшенія съ другими народами и поддерживающее связи съ прежнею месопотамскою родиною, поселяется въ южной части Палестины и принимаетъ названіе израильскаго народа. Родство между этими племенами очевидно по одинаковости ихъ языка; обычаи ихъ тоже одинаковы. Всѣ они имѣютъ дѣленіе на двѣнадцать частей. У Нахора было двѣнадцать сыновей (Книга Бытія XII, 20—24). У Измаила тоже (Кн. Б. XVII, 20; XXV, 12—16). Потомство Исавъ тоже дѣлилось на двѣнадцать племенъ (К. Б. XXXVI, 9—14; 40—42).

Историческіе
выводы.

В. ИЗРАИЛЬТЯНЕ ВЪ ЕГИПТѢ.

1. Пришествіе въ Египетъ. Иосифъ.

У Иакова было двѣнадцать сыновей отъ двухъ его женъ, Лія и Рахили, и отъ ихъ служанокъ, Валлы и Зелфы,—такъ рассказываетъ дальше еврейское преданіе. „Израиль любилъ Иосифа“—котораго родила ему Рахиль послѣ долгаго безплодія—„болѣе всѣхъ сыновей своихъ, потому что онъ былъ сынъ старости его, и сдѣлалъ ему разноцвѣтную одежду“. Потому братья возненавидѣли его и не могли говорить съ нимъ дружелюбно. И видѣлъ Иосифъ сонъ, сказалъ братьямъ своимъ: выслушайте сонъ, который я видѣлъ: вотъ, мы вяжемъ снопы посреди поля; и вотъ, мой снопы всталъ и сталъ прямо; и вотъ, ваши снопы стали кругомъ и поклонились моему снопу. И видѣлъ онъ еще другой сонъ, и рассказалъ братьямъ своимъ: вотъ, я видѣлъ еще сонъ; вотъ, солнце и луна и одиннадцать звѣздъ поклоняются мнѣ. И сказали ему братья его: неужели ты будешь царствовать надъ нами? И возненавидѣли его еще болѣе за сны его и за слова его. И побранилъ его отецъ его“, но замѣтилъ себѣ эти сны.

Однажды, когда братья пасли стада въ Сихемѣ, Іаковъ послалъ Іосифа къ нимъ, посмотреть, здоровы ли они и цѣлы ли скоты. „И увидѣли они его издали, и сказали другъ другу: Вотъ идетъ сновидѣцъ, убьемъ его. И сказалъ имъ Рувимъ: Не проливайте крови; бросьте его въ ровъ, который въ пустынѣ. Сіе говорилъ онъ, чтобъ избавить его отъ рукъ ихъ и возвратить его къ отцу. Когда Іосифъ пришелъ къ братьямъ, они сняли съ него одежду разноцвѣтную и бросили его въ ровъ. И они увидѣли: вотъ идетъ изъ Галаада караванъ измаилитянъ, и верблюды ихъ несутъ стирасу, бальзамъ и ладанъ; идутъ они отвезши это въ Египетъ. И сказалъ Іуда: Что пользы, если мы убьемъ брата нашего? Продадимъ его измаилитянамъ. Братья его послушались, и продали Іосифа измаилитянамъ за двадцать сребренниковъ. И взяли одежду Іосифа, и закололи козла, и вымарали одежду кровью, и доставили къ отцу. Онъ узналъ ее и сказалъ: это одежда сына моего; хищный звѣрь съѣлъ его“. И разорвалъ Іаковъ одежды свои, и возложилъ вретнище на чресла свои, и оплакивалъ сына своего многіе дни, и не хотѣлъ утѣшиться. Мадіанитяне же продали Іосифа въ Египетъ Потифару, царедворцу Фараонову, начальнику тѣлохранителей. И былъ Господь съ Іосифомъ; онъ былъ успѣшенъ въ дѣлахъ. И списалъ Іосифъ благоволеніе въ очахъ господина своего, и онъ поставилъ его надъ домомъ своимъ, и все, что имѣлъ, отдалъ на руки его. Іосифъ же былъ красивъ станомъ и красивъ лицомъ. И обратила взоры на Іосифа жена господина его, и сказала: спи со мною. Но онъ отказался и сказалъ: Какъ сдѣлаю я сіе великое зло и согрѣшу предъ Богомъ? Она схватила его за одежду его. Но онъ, оставивъ одежду свою въ рукахъ ея, выбѣжалъ. Она же оставила одежду его у себя до прихода господина его въ домъ свой. И сказала: Рабъ еврей приходилъ ко мнѣ и говорилъ мнѣ: лягу я съ тобою. Но когда я подняла вопль и закричала, онъ оставилъ у меня одежду свою и убѣжалъ вонъ. Когда господинъ его услышалъ слова жены своей, то вспылалъ гнѣвомъ, и взялъ Іосифа, и отдалъ его въ темницу, гдѣ заключены узники царя. Послѣ сего виночерпій царя египетскаго и хлѣбодаръ провинились предъ господиномъ своимъ, царемъ египетскимъ, и Фараонъ отдалъ ихъ въ темницу, гдѣ заключенъ былъ Іосифъ. „Однажды утромъ Іосифъ пришелъ къ нимъ, и увидѣлъ ихъ въ смущеніи отъ сновъ, которыхъ никто не могъ истолковать имъ. Іосифъ истолковалъ имъ ихъ сны; и то, что онъ предсказалъ, сбылось. Виночерпій видѣлъ, что онъ выжимаетъ сокъ изъ трехъ гроздовъ винограда въ чашу фараона; хлѣбодару снилось, что у него на головѣ три корзины съ пищею, и пищу изъ верхней корзины клевали птицы. Черезъ три дня, былъ день рожденія фараона; въ этотъ день, хлѣбодаръ былъ повѣшенъ, и мясо его клевали птицы; а „виночерпій царь возвратилъ на прежнее мѣсто, и онъ подалъ чашу въ руку Фараону. И не вспомнилъ виночерпій объ Іосифѣ“, какъ просилъ его Іосифъ. „По прошествіи двухъ лѣтъ Фараону снилось: вышли изъ рѣки семь коровъ, хорошихъ видомъ и тучныхъ плотію, и паслись въ тростникѣ; но вотъ послѣ нихъ вышли изъ рѣки семь коровъ другихъ, худыхъ видомъ и тощихъ плотію, и съѣли коровы худыя коровъ тучныхъ“. Точно также, во второмъ снѣ Фараона семь колосѣвъ тучныхъ были пожраны семью колосѣями тощими. Волхвы и мудрецы египетскіе не могли истолковать Фараону эти сны. Тогда виночерпій вспомнилъ о еврейскомъ узникѣ, и разсказалъ Фараону, какъ Іосифъ истолковалъ сны ему и хлѣбодару. „И послалъ Фараонъ, и позвалъ Іосифа изъ темницы. Онъ остригся и перемѣнилъ одежду свою и пришелъ къ Фараону, и сказалъ: Что Богъ сдѣлаетъ, то онъ возвѣститъ Фараону. Вотъ наступаетъ семь лѣтъ великаго изобилія во всей землѣ египетской; послѣ нихъ настанутъ семь лѣтъ голода. И нѣтъ да усмотритъ Фараонъ мужа разумнаго и да поставитъ его надъ зем-

лею Египетскою, собирать въ семь лѣтъ изобилія пятую часть всѣхъ произведеній земли египетской, всякій хлѣбъ этихъ наступающихъ хорошихъ годовъ; и будетъ сія пища въ запасъ для земли на семь лѣтъ голода, дабы земля не погибла отъ голода. Сіе поправилось Фараону и сказалъ Фараонъ Іосифу: Такъ какъ Богъ открылъ тебѣ все сіе, то нѣтъ столь разумнаго и мудраго, какъ ты. Ты будешь надъ домомъ моимъ и твоего слова держаться будетъ весь народъ мой; только престоломъ я буду больше тебя. Я поставлю тебѣ надъ всею землею Египетскою. И снялъ Фараонъ перстень свой съ руки своей, и надѣлъ его на руку Іосифу, одѣлъ его въ виссонныя одежды, возложилъ золотую цѣпь на шею ему; велѣлъ везти его на второй изъ своихъ колесницъ и провозглашать предъ нимъ: Преклонитесь! И поставилъ его надъ всею землею Египетскою. И нарекъ Фараонъ Іосифу имя: Пафнаотъ-Пафнахъ—спаситель міра—„дать ему въ жену Асенеоу, дочь жреца Иліопольскаго. Іосифу было тридцать лѣтъ отъ рожденія, когда онъ предсталъ предъ лицо Фараона“. Асенеа родила Іосифу двухъ сыновей. „И нарекъ предъ лицо Фараона“. Асенеа родила Іосифу двухъ сыновей. „И нарекъ Іосифъ имя первенцу: Манассія, а другому Эфремъ“. „Земля же въ семь лѣтъ изобилія приносила изъ зерна по горсти. И скопилъ Іосифъ хлѣба весьма много, какъ песку морскаго, такъ что пересталъ и считать, ибо не было счета. И наступили семь лѣтъ голода, и отворилъ Іосифъ житницы, сталъ продавать хлѣбъ египтянамъ; собралъ все серебро, какое было въ землѣ Египетской, за хлѣбъ, который покупали, и внесъ Іосифъ серебро въ домъ Фараоновъ. И серебро истощилось въ землѣ Египетской; и пригнали египтяне къ Іосифу скотъ свой; и давалъ имъ Іосифъ хлѣбъ за лошадей, и за стада мелкаго скота и за стада крупнаго скота, и за ословъ. И (египтяне) пришли къ нему и сказали ему: Серебро истощилось, и стада скота нашего у господина нашего; купи насъ и земли наши за хлѣбъ, и мы съ землями нашими будемъ рабами Фараону. И купилъ Іосифъ всю землю Египетскую для Фараона; и сказалъ народу: Вотъ вамъ сѣмена, и засевайте землю. Когда будетъ жатва, давайте пятую часть Фараону, а четверть части останутся вамъ на засѣяніе полей, на пропитаніе вамъ и тѣмъ, кто въ домахъ вашихъ, и дѣтиямъ вашимъ. И поставилъ Іосифъ въ законъ землѣ Египетской, даже до сего дня: пятую часть давать Фараону, исключая только землю жрецовъ, которая не принадлежала Фараону“.

И въ землѣ Хаанаанской былъ сильный голодъ. Іаковъ послалъ десять братьевъ Іосифовыхъ купить хлѣба въ Египетъ; только самаго младшаго сына, Веніамина, удержалъ онъ при себѣ. „Братья Іосифа пришли къ нему и поклонились ему до земли. И увидѣлъ Іосифъ братьевъ своихъ и узналъ ихъ; но показалъ, будто не знаетъ ихъ, и говорилъ съ ними сурово, и сказалъ имъ: Вы соглядаты; вы пришли высмотрѣть слабыя мѣста земли сей. Они сказали ему: нѣтъ, господинъ нашъ; рабы твои пришли купить пищи; мы люди честные; насъ двѣнадцать братьевъ; мы сыновья одного человѣка въ землѣ Хаанаанской; и вотъ, меньшій теперь съ отцомъ нашимъ, а одного не стало. И сказалъ имъ Іосифъ: Если вы люди честные, то одинъ братъ изъ васъ пусть содержится (здѣсь), а вы пойдите, отвезите хлѣбъ, ради голода семействъ вашихъ. Брата же вашего меньшаго приведите ко мнѣ, чтобы оправдались слова ваши и чтобы не умереть вамъ. Такъ они и сдѣлали. И говорили другъ другу: Точно, мы наказываемся за грѣхъ противъ брата нашего; мы видѣли страданіе души его, когда онъ умолялъ насъ, но не послушали его; за то и постигло насъ горе сіе. А того не знали мы, что Іосифъ понимаетъ; ибо между нами былъ переводчикъ. И отошелъ отъ нихъ Іосифъ и заплакалъ. И возвратился къ нимъ, и связалъ Симеона передъ глазами ихъ. И приказалъ наполнить мѣшки ихъ хлѣбомъ, а серебро ихъ возвратитъ каждому въ мѣшокъ его и дать имъ запасовъ на дорогу. Они положили хлѣбъ свой на ословъ своихъ и пошли оттуда“.

что невинность и добродѣтель выходятъ торжествующими изъ всякихъ бѣдствій, что твердость невиннаго страдальца преодолеваетъ всякую злобу. Образецъ нравственной чистоты, любви къ добродѣтели, Иосифъ сталъ любимымъ лицомъ семитической поэзіи.

Факты.

Мы должны считать фактомъ то, что израильтяне переселились въ Египетъ во время голода въ Ханаанѣ. Кочевое пастушеское племя уходитъ отъ голода въ сосѣдную страну, и если обстоятельства благоприятствуютъ ему остаться въ ней, оно поселяется въ ней, — въ этомъ нѣтъ ничего неправдоподобнаго. Совершенно правдоподобно и то, что израильтяне предпочли жизнь въ плодородномъ Египтѣ своему прежнему тяжелому и необезпеченному существованію въ землѣ неплодородной, часто подвергающейся неурожаямъ. Авраамъ ужь показалъ имъ дорогу въ Египетъ; Исаакъ думалъ переселиться въ Египетъ. На Бенигассанскихъ памятникахъ есть барельефъ, изображающій сцену, подобную переселенію израильтянъ. Но труденъ вопросъ о томъ, какую связь имѣетъ переселеніе израильтянъ съ владычествомъ гиксовъ, которые господствовали въ Нижнемъ Египтѣ, кажется, около того же времени. Иосифъ Флавій полагаетъ, что владычество гиксовъ надъ Египтомъ и переселеніе израильтянъ въ Египетъ—одинъ и тотъ же фактъ. Но это мнѣніе лишено всякихъ твердыхъ основаній. По разсказу Мансвона, который былъ приведенъ у насъ, гиксы вошли въ Египетъ врагами-завоевателями; они опустошили страну, сдѣлали ея царей своими данниками. Израильтяне пришли мирными пастухами, египтяне приняли ихъ дружески, и они вовсе не владычествовали надъ Египтомъ. Есть, какъ мы видѣли, мнѣніе, что гиксы были даже не семиты.

Отношеніе из-
раильтянъ къ
гиксамъ.

Берто думаетъ, что царь, принявшій израильтянъ въ Египетъ, былъ царь гиксовъ, которые, долго проживъ въ Египтѣ, утратили свои прежніе нравы, усвоили себѣ обычаи культурнаго народа, покореннаго ими; онъ полагаетъ, что «Иосифъ былъ тотъ человекъ, который сумѣлъ исцѣлить раны долгой войны между гиксами и египтянами, прекратить многолѣтнія смуты, возстановить въ государствѣ разрушенный порядокъ». Другіе, въ томъ числѣ Эвальда, полагаютъ, что небольшая часть израильскаго народа переселилась съ Иосифомъ въ нижній Египетъ и долго жила тамъ въ хорошихъ отношеніяхъ съ владычествовавшими надъ Египтомъ номадами; а когда гиксы были изгнаны соединившимися противъ нихъ египтянами, то Иосифъ и его племя отдѣлились отъ гиксовъ, перешли на сторону побѣдоносныхъ египтянъ и съ разрѣшенія ихъ царя призвали изъ Ханаана своихъ соплеменниковъ въ окрестности Египта на границѣ арабской пустыни; египетскій царь хотѣлъ, чтобъ они охраняли Египетъ отъ новыхъ вторженій гиксовъ, и помогали царямъ подавлять внутреннія волненія. Этимъ и объясняется, по мнѣнію Эвальда, введеніе новаго государственнаго устройства, придуманнаго Иосифомъ для возстановленія прочнаго порядка въ государствѣ, прежнія учрежденія котораго были расшатаны владычествомъ иноземцевъ.

Противъ мнѣнія Берто должно сказать, что въ разсказѣ объ Иосифѣ фараонъ очевидно національный египетскій царь; а гиксы были враждебные египтянамъ завоеватели, народъ другихъ обычаевъ, номады. Мнѣніе Эвальда противорѣчитъ той чертѣ разсказа объ Иосифѣ, что массу израильтянъ привелъ въ Египетъ отецъ Иосифа: между первымъ пе-

реселеніемъ подъ предводительствомъ Иосифа и переселеніемъ массы племени, по мнѣнію Эвальда, прошелъ долгій періодъ времени, совершился переворотъ, изгнаны были гиксы. Правда, въ исторіи есть примѣры призыва иноземцевъ на окрестности государства для защиты границъ; такъ, римляне поселяли германскія племена въ пограничныхъ провинціяхъ. И конечно, для новой египетской династіи могло быть выгоднымъ имѣть храбрый еврейскій народъ охранителемъ границы противъ непріятеля, выматривавшаго возможности вторгнуться въ Египетъ. Но должно сказать и то, что гиксы могли, по обыкновенію кочевыхъ завоевателей, оставить египтянамъ ихъ учрежденія, довольствоваться платажемъ дани. Потому, національные цари могли оставаться у египтянъ и подъ владычествомъ гиксовъ, какъ вассалы цари завоевателей. Египетская культура могла сохранять свои формы и подъ владычествомъ гиксовъ. Израильтяне могли жить въ Египтѣ при нихъ. А если такъ, то не были изгнаны вмѣстѣ съ ними потому, что были на сторонѣ египтянъ; быть можетъ, даже помогали изгнанію гиксовъ. Послѣ того, пользовавшихся въ Египтѣ спокойствіемъ, пока стали править Египтомъ цари, ужь не помнявшіе ихъ заслугъ въ дѣлѣ борьбы съ гиксами; тогда, по врожденной ненависти египтянъ къ иноплеменикамъ и номадамъ, израильтяне были подвергнуты угнетенію, которое наконецъ и вынудило ихъ уйти. Въ разговорѣ Иосифа съ братьями о томъ, не «соглядатаи» ли они, можно видѣть признакъ, что израильтяне пришли въ Египетъ въ такое время, когда египтяне опасались нашествія иноземцевъ.

По мнѣнію Лепсіуса, Иаковъ и его сыновья переселились въ Египетъ ужь по изгнаніи гиксовъ: Иосифъ былъ приведенъ въ Египетъ при царѣ Фиванской династіи *Сетосъ I*; Моисей воспитывался при дворѣ *Рамсеса II*, израильтяне ушли изъ Египта при *Менфисѣ*. «Въ одной изъ гробницъ того времени есть барельефъ, изображающій группы людей, которые дѣлаютъ кирпичи и строятъ стѣны; нѣкоторые изъ работниковъ египтяне, другіе—азіатцы, рѣзко отличающіеся отъ египтянъ и цвѣтомъ кожи и чертами лица; если и не будемъ принимать этихъ иноземцевъ именно за евреевъ, то во всякомъ случаѣ, видимо, что въ Египтѣ оставались тогда люди восточнаго происхожденія; и разумѣется, они должны были подвергаться суровому угнетенію». Область *Гесенъ* (Гозумъ, Gosen), въ которой было дозволено поселиться евреямъ,—сѣверо-восточный уголъ Египта; характеръ природы въ большей части этого края такой же, какъ въ сосѣднихъ арабскихъ степяхъ; только западная полоса его, у Пелузійскаго рукава Нила, плодородна. Евреи удобно могли оставаться въ Гесенѣ номадами. Въ пользу мнѣнія, что фараонъ исторіи Иосифа—царь гиксовъ, высказался Бругшъ, приводящій изъ египетскаго папируса разсказъ, во многомъ сходный съ еврейскимъ. Въ египетскихъ текстахъ есть извѣстія и о томъ, что однажды въ Египтѣ нѣсколько лѣтъ былъ голодъ. По мнѣнію Бругша, переселеніе Иакова въ Египетъ и правительственную дѣятельность Иосифа надобно относить къ времени около 1730 до Р. X.

Израильтяне прожили нѣсколько столѣтій въ Египтѣ, цивилизованной странѣ. Это имѣло большое вліяніе на нравы и понятія простаго, воспріимчиваго пастушескаго народа. Священный городъ Геліополь, центръ жреческой мудрости, находился недалеко отъ области, въ которой пасли они свои стада. Эвальдъ говоритъ: «Тѣсная связь съ народомъ, ужь достигшимъ тогда высокой образованности, безъ сомнѣнія дала Израилю множество техническихъ знаній; онъ очевидно имѣлъ много ихъ, когда вышелъ изъ Египта, и никогда не забывалъ ихъ исполнить». Но израильтяне не усвоили себѣ египетскихъ нравовъ и понятій; быть можетъ потому, что египтяне скоро стали поступать съ евреями враждебно. Вопросъ о состояніи души по смерти тѣла, имѣвшій первостепенную важность для египтянъ, очень мало интересовалъ евреевъ. Долгая жизнь, богатство, многочисленное потомство—

вотъ въ чемъ состоитъ, по еврейскимъ понятіямъ, награда отъ Бога за добродѣтель и благочестіе. «Онъ умеръ въ старости, насыщенный жизнью» — таковъ конецъ благочестивыхъ и счастливыхъ людей, по старо-еврейскому образу мыслей.

2. Исходъ изъ Египта. Моисей.

Иго египетское.

„Сыны Израилевы расплодились и размножились“ — такъ продолжаетъ рассказъ еврейскихъ священныхъ книгъ — „и усилились чрезвычайно, и наполнилась ими земля та. И возсталъ въ Египтѣ новый царь, который не зналъ Иосифа, и сказалъ народу своему: Вотъ, народъ сыновъ Израилевыхъ многочисленъ и сильнѣе насъ. Перехитримъ же его, чтобъ онъ не размножался; иначе, когда случится война, соединится и онъ съ нашими неприятелями. И поставили надъ нимъ начальниковъ работъ, чтобъ изнурять его тяжкими работами. И онъ построилъ Фараону Пноемъ и Раамсесъ, города для запасовъ. И дѣлали (египтяне) жизнь ихъ (израильтянъ) горькою отъ тяжелой работы надъ глиною и кирпичами и отъ всякой работы полевой. Но чѣмъ болѣе изнуряли его (народъ израильскій), тѣмъ болѣе онъ умножался и тѣмъ болѣе возрасталъ. Тогда Фараонъ всему народу своему повелѣлъ, говоря: Всякаго поворожденнаго у евреевъ сына бросайте въ рѣку, а всякую дочь оставляйте въ живыхъ“.

Рожденіе и спасеніе Моисея.

Амрамъ изъ племени Левіина взялъ тетку свою въ жену себѣ. „Жена родила сына, и видя, что онъ очень красивъ, скрывала его три мѣсяца. Но не могли далѣе скрывать его, взяла корзинку изъ тростника, и осмолила ее асфальтомъ, и положивши въ нее младенца, поставила въ тростникъ у берега рѣки. А сестра его стала вдаль, наблюдать, что съ нимъ будетъ. И вышла дочь Фараонова на рѣку мыться, а прислужницы ея ходили по берегу рѣки. Она увидѣла корзинку среди тростника, и послала рабыню свою взять ее; открыла, и увидѣла младенца; и вотъ, дитя плачетъ; и сказала надъ нимъ, и сказала: это изъ еврейскихъ дѣтей. И сказала сестра его дочери Фараоновой: Не сходить ли мнѣ, и не позвать къ тебѣ кормилицу изъ еврейнокъ? Дочь Фараонова сказала ей: сходи. Дѣвица пошла и призвала мать. Дочь Фараонова сказала ей: Возьми младенца сего и вскорми его мнѣ; я дамъ тебѣ плату. Женщина взяла младенца. И выросъ младенецъ, и она привела его къ дочери Фараоновой; и онъ былъ у ней вмѣсто сына, и нарекла имя ему: Моисей“.

Моисей въ странѣ мадіанитянъ.

„Когда Моисей выросъ, случилось, что онъ вышелъ къ братьямъ своимъ, сынамъ Израилевымъ, и увидѣлъ тяжкія работы ихъ; и увидѣлъ, что египтянинъ бьетъ одного еврея; и видя, что нѣтъ никого, онъ убилъ египтянина и скрылъ его въ песокъ. И услышалъ Фараонъ о семъ дѣлѣ и хотѣлъ убить Моисея. Но Моисей убѣжалъ, и пришедши въ землю Мадіамскую, сѣлъ у колодезя. У священника мадіамскаго было семь дочерей; онѣ пришли, чтобы напоить овецъ отца своего Юоора“ (или, по другому имени, Рагуила); „и пастухи отогнали ихъ. Моисей защитилъ ихъ, и напоилъ овецъ ихъ“. Юооръ принялъ его въ свой домъ. „Моисею понравилось жить у этого человека, и онъ выдалъ за Моисея дочь свою Сепфору. Моисей пасъ овецъ у Юоора, тестя своего. Однажды провелъ онъ стадо далеко въ пустыню, и пришелъ къ горѣ Божіей Хориву (Синаю). И увидѣлъ онъ,

что терновый кустъ горитъ огнемъ, но кустъ не сгораетъ. Моисей сказалъ: пойду и посмотрю. И воззвалъ къ нему Богъ изъ среды куста: Не подходи сюда; сними обувь твою съ ногъ твоихъ, ибо мѣсто, на которомъ ты стоишь, есть земля святая. Я Богъ отца твоего, Богъ Авраама, Богъ Исаака и Богъ Іакова. Моисей закрылъ лицо свое, потому что боялся воззрѣть на Бога. И Господь сказалъ: Я увидѣлъ страданіе народа моего въ Египтѣ, и услышалъ вопль его отъ приставниковъ его. И иду избавить его изъ руки египтянъ и ввести его въ землю хорошую и пространную, гдѣ течетъ молоко и медъ. Я пошлю тебя къ Фараону и выведи изъ Египта народъ мой. И сказалъ Моисей Богу: Я приѣду къ сынамъ Израилевымъ и скажу имъ: Богъ отцовъ вашихъ послалъ меня къ вамъ; а они скажутъ мнѣ: Какъ ему имя? Что сказать мнѣ имъ? Богъ сказалъ Моисею: Я есмь Сущій (Іегова). И сказалъ Богъ Моисею: Я дамъ народу сему милость въ глазахъ египтянъ; и когда пойдете, каждая женщина выпроситъ у сосѣдки своей и у живущей въ домѣ ея вещей серебряныхъ и вещей золотыхъ и одежды, и вы нарядите ими и сыновей вашихъ и дочерей вашихъ, и обретете египтянъ. И сказалъ Моисей Господу: О, Господи! Человѣкъ я не рѣчистый: я тяжело говорю и косноязыченъ. И возгорѣлся гнѣвъ Господень на Моисея и онъ сказалъ: Развѣ нѣтъ у тебя Аарона брата, левитянина? Онъ будетъ говорить вмѣсто тебя къ народу. Онъ будетъ твоими устами. Пойди, возвратись въ Египетъ, ибо умерли всѣ искавшіе души твоей. И взялъ Моисей жену свою и сыновей своихъ и отправился въ землю египетскую. Ааронъ вышелъ на встрѣчу ему въ пустыню. Пришедши въ Египетъ „Моисей съ Аарономъ собрали всѣхъ старѣйшихъ сыновъ израильтянъ. И пересказалъ имъ Ааронъ всѣ слова, которыя говорилъ Господь Моисею. И повѣрилъ народъ“.

„Послѣ сего Моисей и Ааронъ пришли къ Фараону и сказали: Такъ говоритъ Господь, Богъ Израилевъ: отпусти народъ Мой, чтобъ онъ совершилъ мнѣ праздникъ въ пустынѣ. Но Фараонъ сказалъ: Для чего вы отпустите народъ отъ дѣлъ его? Ступайте на свою работу. И повелѣлъ приставникамъ надъ народомъ и надзирателямъ: Не давайте впредь народу соломѣ для дѣланія кирпича, какъ вчера и третьяго дня. Пусть они сами ходятъ и собираютъ себѣ соломѣ; а кирпичей наложите на нихъ тоже урочное число, какое они дѣлали; они праздны, потому и кричатъ: пойдѣмъ, принесемъ жертву Богу нашему; дать имъ больше работы, чтобъ они работали и не занимались пустыми рѣчами. И разсѣялся народъ (израильскій) по всей землѣ египетской собирать жниво“. И когда израильтяне не успѣвали сдѣлать урочнаго числа кирпичей, то надзирателей за ними, тоже израильтянъ, египтяне били. Надзиратели вознегодовали на Моисея и Аарона за то, что ихъ положеніе сдѣлалось тяжелѣе прежняго. Моисей и Ааронъ пошли опять къ Фараону и совершали знаменія и чудеса, чтобы принудить его отпустить израильтянъ. Жезлъ, брошенный Аарономъ, сдѣлался змѣемъ; но египетскіе мудрецы и чародѣи дѣлали то же, и сердце Фараона оставалось упорнымъ. По повелѣнію Аарона, вода рѣки превратилась въ кровь; жабы наполнили сушу и рѣку. Но Фараонъ оставался упоренъ. Ааронъ ударилъ (жезломъ) въ персть земную; вся персть земная стала мошками. Но не подѣйствовало на Фараона и это чудо; не подѣйствовали и четыре, послѣдовавшія за нимъ язвы: песьи мухи; моръ скота; градъ и гроза — ломавшая деревья; саранча, поѣвшая всю растительность, какава осталась послѣ града. Даже тьма, покрывавшая три дня Египетъ, не вполне преодолѣла упорство Фараона: онъ те- перь соглашался отпустить израильтянъ, но безъ ихъ скота. Только когда Іегова въ полночь прошелъ по Египту и поразилъ всѣхъ первенцевъ у египтянъ, миновавъ дома евреевъ, помазавшихъ косяки и перекладыны

Чудеса; язвы египетскія.

Исходъ изра- дверей кровью заколотого агнца, Фараонъ согласился отпустить израиль-
ильтянъ изъ тѣхъ. „И сдѣлали сыны Израилевы по слову Моисея, и просили у егип-
Египта. Спасе- тѣхъ вещей серебряныхъ и вещей золотыхъ и одеждъ, и они давали. И
нѣ ихъ на пе- отпавились сыны израилевы изъ Раамсеса въ Сокхоу, до шести сотъ
реходъ черезъ тысячъ и тысячь мужчинъ, кромѣ дѣтей. И множество разноплеменныхъ
Черное море. людей вышло съ ними, и мелкій и крупный скотъ, стадо весьма большое.
И взялъ Моисей съ собою кости Иосифа. И вышли сыны израилевы, воору-
женные изъ земли египетской, и двинулись изъ Сокхоу, и расположились
станомъ въ Эамъ, въ концѣ пустыни. Богъ не повелъ (ихъ) по дорогѣ
земли Филистимской, чтобы не раскаялся народъ, увидѣвъ войну, и не воз-
вратился въ Египетъ. И обвелъ Богъ народъ дорогою пустынною къ Черному
море. Господь же шелъ передъ ними днемъ въ столбѣ облачномъ, а ночью
въ столбѣ огненномъ, свѣтя имъ. И обратилось сердце Фараона и рабовъ
его противъ народа сего, и сказали они: Что это мы сдѣлали? Зачѣмъ
отпустили израильтянъ? И взялъ (Фараонъ) шесть сотъ колесницъ отбор-
ныхъ и всѣ колесницы египетскія; и погнались за ними египтяне, и всѣ
кони съ колесницами Фараона, и всадники и все войско его, и настигли
ихъ расположившихся у моря. И дѣти израилевы весьма усталились, и
сказали Моисею: Развѣ нѣтъ гробовъ въ Египтѣ, что ты привелъ насъ
умирать въ пустынь. И двинулся Ангелъ Божій, шедшій передъ станомъ
сыновъ израильтянъ, и пошелъ позади ихъ, двинулся и столбъ облачный
отъ лица ихъ и сталъ позади ихъ; и вошелъ въ средину между станомъ
египетскимъ и между станомъ сыновъ израильтянъ, и не сблизились одни
съ другими во всю ночь. И простеръ Моисей руку на море, и гналъ Гос-
подь море сильнымъ восточнымъ вѣтромъ всю ночь, и сдѣлалъ море сушею
и разступились воды. И пошли сыны израилевы среди моря по сушѣ, воды
же были имъ стѣною по правую и по лѣвую сторону. Погнались египтяне
и вошли въ средину моря всѣ кони Фараона, колесницы его и всадники
его. И простеръ Моисей руку на море, и вода возвратилась въ свое мѣ-
сто, и покрыла колесницы и всадниковъ всего войска Фараонова; не оста-
лось ни одного изъ нихъ. А сыны израилевы прошли по сушѣ среди моря.
Тогда Моисей и сыны израилевы воспѣли Господу пѣснь сію: Пою Гос-
поду, ибо высоко превознесся Онъ, коня и всадника его ввергнулъ въ
море. Колесницы Фараона и войско его ввергнулъ онъ въ море, и избран-
ные военачальники его потонули въ Черномъ морѣ. Пучины покрыли
ихъ; они пошли въ глубину, какъ камень. Десница Твоя, Господи, про-
славилась силою, десница Твоя, Господи, сразила врага. Ты послалъ гнѣвъ
свой, и онъ поглотилъ ихъ, какъ солому. Отъ дуповенія твоего разступи-
лись воды, влага стала какъ стѣна, опустѣли пучины въ сердцѣ моря.
Врагъ сказалъ: погонюсь, настигну, раздѣлю добычу, насытятся ими душа
моя, обнажу мечъ мой, истребятъ ихъ рука моя. Ты дунулъ духомъ тво-
имъ, и покрыло ихъ море; они погрузились какъ свинецъ въ великихъ во-
дахъ. Кто, какъ Ты, Господи, между богами? Кто, какъ Ты, величественъ
святостью? И взяла Маріамъ пророчица, сестра Ааронова, въ руку свою
тимпанъ, и вышли за нею всѣ женщины съ тимпанами и ликоваіемъ, и
запѣла Маріамъ передъ ними: Пойте Господу, ибо высоко превознесся
Онъ, коня и всадника его ввергнулъ въ море“.

Побѣдная пѣснь
Израиля.

Историческія
соображенія.

Мы видѣли, что обременительныя работы израильтянъ въ Египтѣ
можно относить къ временамъ Рамсеса II, исходъ израильтянъ изъ
Египта къ царствованію Менефты (стр. 114). Ученые, держащіеся
этого мнѣнія, ссылаются въ особенности на то, что городъ Рамсесъ,

который, по библейскому разсказу, строили израильтяне, названъ по
имени царя Рамсеса II, и что этотъ великій завоеватель сдѣлалъ,
по извѣстіямъ Геродота и Діодора, великія сооруженія, провелъ по-
всюду каналы, что при этихъ сооруженіяхъ работали не египтяне,
а иноземцы, и что каналъ, проведенный Рамсесомъ въ Горькія озера,
долженъ былъ идти черезъ Госенъ. Походы Рамсеса грозили потерей
независимости сосѣднимъ съ Египтомъ народамъ Ханаана: мадиани-
тамъ, эдомитянамъ, моавитянамъ и проч. У этихъ народовъ легко
могла явиться мысль искать себѣ поддержки противъ египтянъ въ
союзѣ съ своими семитическими соплеменниками. Отношенія Моисея
къ мадианитянину Юоору могутъ служить основаніемъ для мнѣнія,
что и дѣйствительно былъ союзъ между сосѣдними съ Египтомъ араб-
скими племенами и израильтянами. Синайскій полуостровъ, принадле-
жавшій прежде фараонамъ, сталъ, кажется, независимъ отъ Египта
со времени вторженія гиксовъ, и былъ ближайшею цѣлью завоева-
тельныхъ стремленій еванскихъ царей. Уже по самому родству сво-
ему съ его населеніемъ израильтяне, жившіе на восточной окраинѣ
Дельты, должны были быть подозрительны фараонамъ: «когда слу-
чится война, соединится и этотъ народъ съ нашими непріятелями»,—
должны были думать фараоны. Непріязнь къ израильтянамъ должны
были усиливать предубѣжденія египтянъ противъ пастушескаго об-
раза жизни, къ которому неуклонно оставались привязаны израиль-
тяне; очень можетъ быть, что упорное нежеланіе израильтянъ сдѣ-
латься осѣдлыми людьми, земледѣльцами или горожанами, и принять
египетскую религію или было ближайшею причиною ихъ угнетенія
или усилило притѣснительность его. Тѣ города, которые строили
израильтяне, были, вѣроятно, предназначены египтянами для того,
чтобъ они же сами жили въ нихъ; проведеніе каналовъ, превращав-
шихъ пастбища въ пахотную землю, имѣло вѣроятно цѣлью сдѣлать
ихъ изъ номадовъ земледѣльцами. Перечисляя сооруженія, которыя
строили плѣнные иноземцы, Геродотъ упоминаетъ о храмѣ Гефеста
(Пта). Эти попытки египтянъ, насиліемъ уничтожить прежніе обы-
чаи, прежній образъ жизни израильскаго народа, должны были воз-
будить въ немъ большое раздраженіе, и сдѣлать египетское господ-
ство страшнымъ для сосѣднихъ азіатскихъ народовъ. Прежде того,
израильтяне принимали многое изъ египетскихъ обычаевъ; теперь
очевидное намѣреніе египтянъ принудить ихъ жить по-египетски, или
ослабить, искоренить ихъ систематическимъ угнетеніемъ, должно было
вызвать съ ихъ стороны сильное сопротивленіе; дремавшее сознаніе
національнаго различія отъ египтянъ пробудилось съ новою силою;
израильтяне вступили въ сношенія съ сосѣдними азіатскими номадами;
когда они уходили, съ ними пошло «множество разноплеменныхъ лю-
дей», то есть, семитовъ, жившихъ въ плѣну въ Египтѣ. По общему
преданію древности, въ числѣ присоединившихся къ уходившимъ изъ

раильтянамъ были и египтяне,—вѣроятно, потомки отъ браковъ египтянъ съ иноплемениками, вынуждаемые уйти національною неприязнью египтянъ, или люди изъ низшихъ сословій, принявшіе еврейскіе обычаи и религіозныя понятія.

Религіозный характеръ эмиграціи. Эмиграція израильтянъ изъ Египта имѣла религіозный характеръ. Моисей и Ааронъ были изъ племени Левина, которое впоследствии завѣдовало религіозными дѣлами. Религіозныя понятія израильтянъ въ Египтѣ безъ сомнѣнія подвергались египетскому вліянію. Иисусъ Навинъ говоритъ, что израильтяне служили египетскимъ богамъ (Книга Навина, XXIV, 14: «Бойтесь Господа; отвергните боговъ, которымъ служили отцы ваши въ Египтѣ»), и еще у Іезекіиля упоминается, что евреи въ Египтѣ служили египетскимъ богамъ (Іезек. XXIII, 3). Но попытки фараоновъ силою заставить израильтянъ принять египетскій образъ жизни и египетскую религію пробудили національное религіозное чувство. Оно было смутнымъ у народа, Моисей далъ ему ясность. У святой горы Синайской, въ тишинѣ уединенія, открылся ему Богъ отцовъ его народа, сказавшій ему о себѣ: «Являлся я Аврааму, Исааку и Іакову съ именемъ: Богъ всемогущій, а съ именемъ: Господь (Іегова) не открылся имъ» (Исходъ VI, 3). Вѣрованіе, одушевившее Моисея, скоро стало наслѣдіемъ всего народа, и съ освобожденіемъ отъ политической подвластности иноплеменикамъ притѣснителямъ было соединено религіозное возрожденіе.

Моисей, какъ пророкъ. Эта вѣра жила съ полнѣйшею силою въ Моисеѣ, первомъ «пророкѣ». На ней основано его историческое величіе. Дочь Фараона «нарекла имя ему Моисей, потому что, говорила она, я изъ воды вынула его» (Исходъ II, 10). Но собственно, имя Моисей значитъ не «вынутый изъ воды», а «извлекающій», «спасающій».

Пасха. По древнему еврейскому воззрѣнію, первое дитя матери принадлежитъ Іеговѣ, какъ Онъ самъ сказалъ Моисею: «Освяти мнѣ каждаго первенца, разверзающаго всякія ложесна между сынами израиленскими, отъ человѣка до скота, потому что они Мои» (Исходъ XIII, 2). Пасхальный агнецъ былъ искупленіемъ первенцевъ. (И когда сынъ твой спроситъ у тебя, говоря: что это? То скажи ему: когда Фараонъ упорствовалъ и не хотѣлъ отпустить насъ, Господь умертвилъ всѣхъ первенцевъ въ землѣ Египетской; посему я приношу въ жертву Господу все, разверзающее ложесна, мужскаго пола, а всякаго первенца изъ сыновъ моихъ выкупаю» (Исходъ XIII, 14, 15). Агнецъ былъ приносимъ въ жертву весною; когда евреи совершали жертвоприношеніе передъ исходомъ изъ Египта, то помазали кровью агнца перекладину и оба косяка дверей каждаго своего дома, чтобы спасти своихъ первенцевъ отъ пораженія, которому должны были въ ту ночь подвергнуться первенцы египтянъ («и пойдетъ Господь поражать Египетъ, и увидитъ кровь на перекладинѣ и на обоихъ косякахъ, и пройдетъ Господь мимо дверей, и не попуститъ губителю войти въ дома ваши для пораженія». Ис-

ходъ, XII, 23). Потому праздникъ жертвоприношенія агнца евреи называли пасхою (пассахъ, passah, «прохождение»). Они ѣли пасхальнаго агнца, по повелѣнію Іеговы, какъ люди, спѣшащіе отправиться въ путь («Ѣшьте же его такъ: пусть будутъ чресла ваши препоясаны, обувь ваша на ногахъ вашихъ и посохи ваши въ рукахъ вашихъ; и Ѣшьте его съ поспѣшностью». Исходъ, XII, 11). Такимъ образомъ, пасха имѣла значеніе, подобное обрѣзанію: она тоже была символомъ искупленія.

Мысль, что главною причиною эмиграціи израильтянъ была противоположность между религіею Іеговы и египетскимъ богослуженіемъ, проглядываетъ и въ египетскомъ преданіи, которое приводитъ изъ Манеѳона Іосифъ Флавій (Contra Apion. I, 26—28). Египтяне ненавидѣли израильтянъ, какъ иновѣрцевъ и иноплемениковъ, презирали ихъ, какъ людей низшаго сословія, занимающихся пастушествомъ, низкимъ дѣломъ; этимъ объясняется злобный, унижающій тонъ и египетскаго народнаго преданія, пересказываемаго Манеѳономъ, и большей части извѣстій другихъ древнихъ писателей, говорящихъ о Моисеѣ. Мы приведемъ всѣ эти рассказы.

Манеѳонъ рассказываетъ: «Царь Аменофисъ (Менефъ?) имѣлъ желаніе видѣть боговъ. Разсказъ Манеѳона объ удаленіи Израильтянъ изъ Египта. Онъ выказалъ свое желаніе мудрецу, свѣдущему въ религіи, и получилъ отъ него отвѣтъ, что можетъ удостоиться этого высочайшаго счастья, если освободитъ свою землю отъ всѣхъ проклятыхъ и нечистыхъ. Обрадованный тѣмъ царь велѣлъ собрать со всего Египта всѣхъ имѣющихъ тѣлесныя недостатки, числомъ 80.000 человѣкъ, и послалъ ихъ въ каменоломни, находящіяся на востокъ отъ Нила. Между ними были и важные жрецы, страдавшіе проказою; суровый поступокъ царя съ этими жрецами долженъ былъ навлечь пагубу и на самого царя и на государство; потому давшій царю совѣтъ лишилъ себя жизни. Сосланные въ каменоломни прожили тамъ бѣдственно довольно долгое время; послѣ того царь по ихъ просьбѣ отдалъ имъ для жительства городъ Аварисъ, въ которомъ нѣкогда жили гиксы, и который тогда былъ пустой. Но когда нечистые заняли этотъ городъ Тифона и приобрѣли тѣмъ опору для возстанія, то сдѣлали своимъ предводителемъ гелиопольскаго жреца Осарсифа и повѣлялись въ повиновеніи ему. Онъ далъ имъ законъ не поклоняться богамъ, не воздерживаться отъ мяса животныхъ, которыхъ египтяне чтутъ, какъ священныхъ, а рѣзать и ѣсть всѣхъ ихъ, и не имѣть общенія ни съ кѣмъ кромѣ своихъ соумышленниковъ. Давъ имъ эти и другіе противорѣчащіе египетскимъ обычаямъ законы, онъ велѣлъ имъ какъ можно усерднѣе исправлять стѣны города и готовиться къ войнѣ съ царемъ. Послѣ того Осарсифъ, посовѣтовавшись съ нѣсколькими другими жрецами и нечистыми, отправилъ пословъ къ пастухамъ, которыхъ выгналъ Тутмосисъ, въ городъ Іерусалимъ, и пригласилъ ихъ идти вмѣстѣ съ соумышленниками его на войну противъ египтянъ; онъ обѣщалъ дать все нужное для ихъ воинствъ въ городѣ Аварисъ, гдѣ жили ихъ отцы, и покорить имъ Египетъ. Они, очень обрадованные приглашенію, немедленно пошли, около 200.000 человѣкъ, въ Аварисъ. Услышавъ о нашествіи ихъ, египетскій царь былъ очень пораженъ, потому что вспомнилъ предсказаніе своего покойнаго совѣтника, что нечистые, съ помощію союзниковъ, которыхъ призвать, будутъ тринадцать лѣтъ владычествовать надъ Египтомъ. Онъ посовѣтовался съ главными людьми Египта, велѣлъ привести въ столицу тѣхъ животныхъ, которые наиболѣе чтимы въ храмахъ, и велѣлъ жрецамъ хорошо спрятать изображеніе боговъ. А своего пятнадцатилѣтняго сына Сетоса, который назывался и Рамсесомъ, онъ отдалъ на сбереженіе одному изъ своихъ друзей. Послѣ того онъ съ

остальными египтянами, числом до 300.000, очень храбрых людей, выступил против неприятелей; но не отважился на битву с ними, полагая, что это значило бы бороться против боговъ, а отступилъ въ Мемфисъ, и оттуда удалился со всѣмъ войскомъ и священными животными въ Эѳіопію, съ царемъ которой былъ друженъ. Эѳіопскій царь тринадцать лѣтъ давалъ все нужное ему и его войску, назначалъ села и города, для нихъ. А нечистые и ихъ іерусалимскіе союзники овладѣли Египтомъ и страшно свирѣпствовали тамъ. Они жгли города и села, грабили храмы, уродовали изображенія боговъ, били священнѣхъ животныхъ, принуждали жрецовъ и пророковъ убивать ихъ, такъ что всѣ, видѣвшіе эти ужасы, находили годы ихъ владычества самымъ несчастнымъ временемъ. А ихъ предводитель, давшій имъ такіе законы, когда соединился съ пришельцами изъ Іерусалима, то сложилъ съ себя прежнее имя Осарсифа, которое носилъ въ честь бога Озирта, чтимаго въ Геліополѣ, и назвалъ себя Моисеемъ. Черезъ тринадцать лѣтъ Аменосифъ возвратился съ своимъ войскомъ изъ Эѳіопіи, и вмѣстѣ съ своимъ сыномъ далъ нечистымъ битву, побѣдилъ ихъ; многіе изъ нихъ были убиты въ этой битвѣ, остальныхъ онъ преслѣдовалъ до Сирійской границы».

Происхожденіе
разказа Мане-
сонова.

Въ этомъ пристрастномъ разказѣ проявляется религіозная и племенная ненависть египтянъ къ израильтянамъ. Масса людей, состоявшая изъ презрѣнныхъ пастуховъ, плѣнныхъ иноземцевъ, дѣтей отъ браковъ египтянъ съ иноплеменицами и отказавшихся отъ своей религіи египтянъ была въ глазахъ египетскаго народа гнуснымъ сборищемъ прокаженныхъ, ненавистныхъ богамъ, нечистыхъ, отверженныхъ. Но нельзя отрицать того, что въ этой массѣ и дѣйствительно были прокаженные. Израильтяне долго бѣдствовали, были обременены чрезмѣрною работою; потому многіе изъ нихъ могли подвергнуться этой болѣзни, которая встрѣчается въ Египтѣ чаще, нежели въ сосѣднихъ странахъ. И въ еврейскомъ преданіи говорится о проказѣ, «бѣлой язвѣ». Маріамъ, сестра Моисея, за сопротивление брату наказана проказою. Моисей „положилъ руку свою къ себѣ за пазуху, вынулъ ее, и вотъ рука побѣлѣла отъ проказы, какъ снѣгъ» (Исходъ, IV, 6); одною изъ язвъ, которыя Моисей посылалъ на египтянъ, было «воспаленіе съ нарывами». Проказа называлась Божиимъ наказаніемъ; пораженные ею исключались изъ общества; всѣ должны были удалиться отъ нихъ до ихъ исцѣленія и очищенія, правила котораго подробно изложены въ книгѣ Левитъ. Разказъ о тринадцатилѣтнемъ владычествѣ нечистыхъ и ихъ союзниковъ хананеевъ, объ ихъ свирѣпостяхъ — вѣроятно отголосокъ смутныхъ воспоминаній о гиксахъ и ихъ жестокостяхъ; это видно и изъ того, что нечистые живутъ въ городѣ гиксовъ, Аварисѣ. Удалившись въ Эѳіопію, египетскій царь одержалъ потомъ побѣду, — побѣда тутъ, вѣроятно, изобрѣтеніе египетскаго самохвальства. По разказамъ древнихъ и современныхъ намъ путешественниковъ, черезъ узкій Суэзскій заливъ можно во время отлива переходить въ бродъ. Одинъ изъ англійскихъ путешественниковъ говоритъ: «Ясные признаки показываютъ, что эта часть Чермнаго моря постепенно мелѣетъ. У вершины залива видны несомнѣнные слѣды того, что вода нѣкогда простиралась много дальше на сѣверъ, вѣроятно и далеко на востокъ». Манесонъ называетъ Моисея геліопольскимъ жрецомъ. По еврейскому преданію онъ научился египетской жреческой мудрости въ Геліополѣ. Упомянутое о Іерусалимѣ у Манесона — по всей вѣроятности переносъ имени позднѣйшей израильской столицы въ древнія времена.

Разказъ Хере-
мона.

Херемонъ, жившій нѣсколькими поколѣніями позже Манесона, тоже говоритъ, что многочисленныя прокаженные соединились съ пастухами, жившими въ Целузіи, и что египетскій царь выгналъ и тѣхъ и другихъ. Разказы запутались еще больше, когда распространился между греками переводъ еврейскихъ священнѣхъ книгъ, сдѣланный при Птолемахъ и называющійся переводомъ Семидесяти толковниковъ. Греческіе писатели стали соединять въ одинъ разказъ еврейскія извѣстія съ египетскими; по нерасположенію къ іудеямъ, постоянно усиливавшемуся, многіе изъ нихъ выставляли происхожденіе и всѣ старыя времена жизни израильтянъ въ самомъ униженномъ и безчестномъ видѣ. Самый замѣчательный изъ греческихъ разказовъ о переселеніи израильтянъ изъ Египта принадлежитъ Гекатею Абдерскому, жившему при Птолемѣхъ сынѣ Лага, и напи-

савшему исторію Египта. Этотъ разказъ, отличавшійся правдивостію и безпристрастіемъ, Разказъ Гекатея приведенъ въ уцѣлѣвшемъ отрывкѣ 40-й книги Діодора. «Однажды въ Египтѣ появился моръ», говоритъ Гекатея: «народъ приписывалъ это гнѣву боговъ, потому что въ Египтѣ жила много разныхъ иноземцевъ, у которыхъ были разные свои обряды богочитанія и жертвоприношеній, и египетское богослуженіе пришло отъ этого въ упадокъ. Египтяне думали, что не избавятся отъ мора, пока не принудятъ иноплемениковъ уйти. Когда египтяне прогнали ихъ, то самые благородные и мужественные изъ нихъ, подъ управленіемъ знаменитыхъ вождей, какъ на примѣръ Даная и Кадма, переселились въ Элладу; а масса перешла въ недалекую отъ Египта страну, которая теперь называется Іудеею, а тогда была еще не населена. Вождемъ этихъ переселенцевъ былъ Моисей, человѣкъ очень умный и храбрый. Занявъ ту страну, онъ построилъ въ ней города, главный изъ которыхъ теперь Іерусалимъ. Онъ основалъ и чрезвычайно уважаемое святилище, въвелъ богочитаніе, въвелъ жертвоприношеніе за грѣхи, установилъ законы и государственный порядокъ. Онъ раздѣлилъ народъ на двѣнадцать племенъ, потому что это число, соотвѣтствующее числу мѣсяцевъ, было, по его мнѣнію, самое совершенное. Изображеній божества онъ не дѣлалъ, думая, что божество не имѣетъ человѣческаго вида, что существуетъ только одинъ богъ, владыка всего, небо, объемлющее землю. Жертвоприношенія и образъ жизни онъ устроилъ тоже не такъ, какъ это у другихъ народовъ: его народъ былъ изгнанъ, потому онъ въвелъ у него непріязненные иноземцамъ, негостепріимныя правила. Важнѣйшихъ людей, которыхъ считалъ наиболѣе способными управлять народомъ, онъ сдѣлалъ жрецами, и постановилъ, чтобъ они жили при святилищѣ и заведывали богослуженіемъ и жертвоприношеніями; онъ сдѣлалъ ихъ и судьями, поручилъ имъ охраненіе законовъ и обычаевъ. Онъ постановилъ, чтобъ у іудеевъ не было царя, и чтобы правленіе народомъ принадлежало тому жрецу, который отличается особеннымъ благоразуміемъ и добродѣтелью. Они называютъ этого жреца первосвященникомъ и думаютъ, что онъ передаетъ имъ повелѣнія Божіи, потому повинуются ему благоговѣнно и покорно, и падаютъ передъ нимъ на землю. А въ концѣ ихъ законовъ написано: «Это слышалъ Моисей отъ Бога и возвѣщаетъ іудеямъ». О военномъ дѣлѣ этотъ законодатель тоже усердно заботился, и велѣлъ молодымъ людямъ заниматься упражненіями, развивающими силу и храбрость, приучаться къ перенесенію всѣхъ трудностей. Онъ предпринималъ походы противъ сосѣднихъ народовъ, завоевалъ много земли и раздалъ ее по жребію; мірскимъ людямъ давалъ равныя участки, а жрецамъ болѣе значительныя доли, чтобъ они, имѣя большіе доходы, могли ничѣмъ не отвлекаясь заниматься богослуженіемъ. Никто не имѣлъ права продать свой участокъ, чтобы корыстолюбивымъ людямъ нельзя было скупать земли, вытѣснять бѣдныхъ и обезлюдить страну. Онъ велѣлъ гражданамъ заботиться о воспитаніи дѣтей; а воспитывать ихъ было дешево, потому іудейскій народъ всегда былъ многочисленъ. Законы о бракахъ и похоронахъ онъ установилъ тоже совершенно не такіе, какъ у другихъ народовъ; но многіе изъ этихъ законовъ и обычаи были измѣнены впоследствии, при персидскихъ и македонскихъ царяхъ».

Очень не похожъ на это спокойное изложеніе разказъ Діодора въ другомъ мѣстѣ (въ 34-ой книгѣ), гдѣ онъ передаетъ египетскія преданія, проникнутыя такою же враждою къ израильтянамъ, какъ разказъ Манесона. Когда Антиохъ Сотеръ осаждалъ Іерусалимъ, ему передавали слѣдующія свѣдѣнія о предкахъ іудеевъ: «Нѣкогда египтяне, чтобъ очистить свою страну, собрали всѣхъ прокаженныхъ, считая ихъ находящимися подъ божесимъ проклятіемъ, и выгнали изъ Египта. Эти изгнанныя заняли земли, лежащія кругомъ Іерусалима, и отъ нихъ произошелъ іудейскій народъ, наслѣдовавшій отъ предковъ ненависть къ людямъ. Изъ всѣхъ народовъ, только іудеи не ѣдятъ съ иноплемениками, не вступаютъ въ браки съ ними и не имѣютъ расположенія къ нимъ. Антиохъ Эпифанъ, покоривъ іудеевъ, вошелъ въ святилищъ ихъ бога, куда можетъ входить только жрецъ, и что онъ увидѣлъ тамъ каменную статую человѣка съ длинною бородою, сидящаго на ослѣ, и держащаго въ рукѣ книгу; онъ предположилъ, что эта статуя изображаетъ Моисея, основавшаго Іерусалимъ, собравшаго іудейскій народъ и

Другой раз-
казъ, переда-
ваемый Діодо-
ромъ.

человѣческому, потому, что богъ—существо вѣчное, неизмѣнное и неглѣнное. Они не допускаютъ изображеній божества нигдѣ у себя, ни даже въ храмахъ. Ихъ жрецы играютъ при богослуженіи на флейтахъ и бубнахъ, имѣютъ на головѣ вѣнки изъ плюща, и въ храмѣ ихъ найдена золотая виноградная лоза; потому нѣкоторые полагаютъ, что они поклоняются Либеру (Діонису), покорителю Востока. Но это несообразно съ ихъ учрежденіями. Обряды служенія Бахусу—свѣтлые, радостные, а обычай іудеевъ нелѣпы и мрачны».

Разсказъ Юстина—смѣсь еврейскихъ и египетскихъ извѣстій. Юстинъ (XXXVI, 2) считаетъ отчизною іудеевъ Дамаскъ, и говоритъ, что ихъ имя «іудей» происходитъ отъ имени Іуды, одного изъ сыновей Израиля, сына Авраамова. «Дѣти Израиля продали младшаго изъ своихъ братьевъ иностраннымъ купцамъ, которые привели его въ Египетъ. Тамъ онъ научился магіи, истолковывалъ предзнаменованія и сны, предсказалъ за много лѣтъ безплодіе земли и тѣмъ спасъ Египетъ отъ гибели голодною смертію. Его сынъ былъ Моисей, отличавшійся, кромѣ наслѣдованнаго отъ отца знанія, рѣдкою красотою. Когда прокаженные были по повелѣнію оракула изгнаны изъ Египта, Моисей сдѣлалъ ихъ вождемъ и похитилъ у египтянъ ихъ священныя вещи. Египтяне погнались за прокаженными, чтобы силою отнять у нихъ эти вещи, но были бурями принуждены возвратиться. Моисей пошелъ въ свою отчизну, въ Дамаскъ, но на пути туда занялъ гору Синай; онъ пришелъ къ этой горѣ съ своимъ утомленнымъ народомъ послѣ семидневнаго поста, потому сдѣлалъ седьмой день священнымъ, праздникомъ, субботою. Они избѣгали всякаго общенія съ жителями той земли, и стали ненавистны имъ, какъ прежде своимъ египетскимъ соплеменникамъ; это отчужденіе мало по малу сдѣлалось у нихъ религіознымъ закономъ».

Выводъ.

Для полноты обзора, мы привели всѣ извѣстія древнихъ писателей о переселеніи израильтянъ изъ Египта. Они подтверждаютъ мысль, что причиною переселенія была религіозная противоположность между израильтянами и египтянами. Фараоны принуждали израильтянъ покинуть кочевую пастушескую жизнь, заняться, подобно египтянамъ, промышленностью, земледѣліемъ, стать горожанами, принять египетскую національность; евреи противились; фараоны хотѣли сломить ихъ упорство притѣсненіями, тяжелыми работами; это пробудило въ израильтянахъ національное чувство, сознаніе своей племенной разницы отъ египтянъ, оживило воспоминанія о прежней вѣрѣ. Моисей усилилъ энергію этого чувства, и дѣло дошло до открытой борьбы. Многіе изъ египтянъ низшихъ сословій примкнули къ израильтянамъ, съ которыми долго жили вмѣстѣ и породнились чрезъ браки,—и подобно многочисленнымъ иноплеменникамъ и рабамъ искали въ союзѣ съ израильскимъ народомъ избавленія себѣ отъ бѣдствій кастоваго устройства и рабства. «Но», говоритъ Эвальдъ, «кажется, ни одна религія не торжествуетъ на томъ мѣстѣ земнаго шара, на которомъ впервые развертывается свои молодые крылья». Рѣзкая противоположность ученія о единомъ богѣ египетскому многобожію привела къ борьбѣ, кончившейся изгнаніемъ приверженцевъ новой вѣры. Они пошли въ пустыню, искать себѣ другой отчизны, преслѣдуемые проклятіями и ненавистью египтянъ, которые называли удаляющихся нечистыми и прокаженными, чернили память ихъ позорящими разсказами, выставляли наказаніемъ боговъ за ихъ нечестіе болѣзни, быть можетъ и

дѣйствительно произведенныя у многихъ изъ нихъ угнетеніемъ и тяжелыми работами, говорили, что этими болѣзнями были заражены всѣ они.

С. ИЗРАИЛЬТЯНЕ ВЪ ПУСТЫНѢ.

1. Путешествіе въ пустыню и синайское законодательство.

„И повелѣ Моисей израильтянъ отъ Чермнаго моря“,—продолжается разсказъ Пятикнижія,—„и они вступили въ пустыню Суръ; и шли они три дня по пустынѣ, и не находили воды. Пришли въ Мерру, и не могли пить воды въ Меррѣ, ибо она была горька. И возропталъ народъ. И Господь показалъ Моисею дерево, и онъ бросилъ его въ воду, и вода сдѣлалась сладкою“. На второмъ мѣсяцѣ пути по пустынѣ, оказался недостатокъ въ пищѣ, „и возроптало все общество сыновъ израилевыхъ на Моисея и Аарона, и сказали имъ сыны израилены: Въ землѣ египетской мы сидѣли у котловъ съ мясомъ, ѣли хлѣбъ досыта. Вывели вы насъ въ эту пустыню, чтобы съ голодомъ. Вечеромъ налетѣли перепелы и покрыли станъ; а поутру лежала роса около стана; роса поднялась, и вотъ на поверхности пустыни нѣчто мелкое, круповидное, какъ иней на землѣ“. Израильтяне называли это манною, и собирали манну каждое утро, „каждый, сколько ему съѣсть“; но не должны были оставлять до другаго дня то, что соберутъ утромъ; только на шестой день недѣли собирали они двойную мѣру, потому что седьмой день былъ день покоя, и они не собирали въ этотъ день Манна была „какъ коріандровое сѣмя, бѣлая; вкусомъ же какъ лепешка съ медомъ“. И собралъ Ааронъ одну мѣру манны въ сосудъ, „и поставилъ его Ааронъ предъ ковчегомъ свидѣтельства для храненія въ роды“. Когда израильтяне передвинулись дальше, опять не было воды. „И ропталъ народъ на Моисея, говоря: Зачѣмъ ты вывелъ насъ изъ Египта, умерить жажду насъ и дѣтей нашихъ и стада нашихъ? И Моисей нарекъ имя мѣсту тому: Масса и Мерива“ (искушеніе и укореніе). И сказалъ Господь Моисею: Возьми жезлъ твой и поиди. Я стану тамъ предъ тобою на скалѣ въ Хоривѣ, и ты ударишь въ скалу и пойдетъ изъ нея вода, и будетъ пить народъ. И сдѣлалъ Моисей такъ“. Вода потекла изъ скалы и народъ напился.

Когда израильтяне расположились станомъ у горы Божіей въ пустынѣ, пришелъ Іооръ, тестъ Моисея, и „радовался о всѣхъ благодѣяніяхъ, которые Господь явилъ Израилю“. Іооръ видѣлъ, что Моисей съ утра до ночи занятъ разборомъ судебныхъ дѣлъ, и сказалъ ему: „Не хорошо ты это дѣлаешь; ты измучишь и себя и народъ; послушай словъ моихъ“. Онъ далъ Моисею совѣтъ обнародовать уставы и законы; и продолжалъ: „Ты же усмотри себѣ изъ всего народа людей способныхъ, боящихся Бога людей правдивыхъ, ненавидящихъ корысть, и поставь ихъ тысяченачальниками, стона начальниками, пятидесятиначальниками и десятиначальниками. Пусть они судятъ народъ во всякое время, и обо всякомъ важномъ дѣлѣ доносятъ тебѣ, а всѣ малыя дѣла судятъ сами. И послушалъ Моисей словъ тестя своего и сдѣлалъ все, что онъ говорилъ“.

„Когда сыны Израилены пришли въ пустыню Синайскую, и расположились станомъ противъ горы Синай, Господь сказалъ имъ чрезъ Моисея: Моисей на Синаѣ.

Путь по пустынѣ.

Іооръ въ станѣ израильтянъ.

Моисей на Синаѣ.

Вы видѣли, какъ Я посылъ васъ какъ бы на орлиныхъ крыльяхъ и принесъ васъ къ себѣ. И такъ, если вы будете слушаться гласа моего и соблюдать заветъ мой, то будете моимъ удѣломъ изъ всѣхъ народовъ, ибо Моя вся земля. А вы будете у меня царствомъ священниковъ и народомъ святымъ. И весь народъ отвѣчалъ единогласно: Все, что сказалъ Господь, исполнимъ. И Моисей освятить народъ, и они вымыли одежду свою. И вывелъ Моисей народъ изъ стана, и стали у подошвы горы. Моисей проведъ черту вокругъ горы, и сказалъ народу, чтобы онъ не входилъ на гору. „На третій день, при наступленіи утра, были громы и молніи, и густое облако надъ горою Синайскою, и трубный звукъ весьма сильный, вострепеталъ весь народъ, бывшій въ станѣ. Гора же Синай вся дымилась отъ того, что Господь сошелъ на нее въ огнѣ, и сильно колебалась. И сошелъ Господь на гору Синай, на вершину горы, и призвалъ Господь Моисея на вершину горы“. И возвѣстилъ Господь Моисею всѣ заповѣди, которыя израильтяне должны исполнять относительно Бога и относительно другъ друга: уставы богослуженія, жертвоприношеній; заповѣди о томъ, чтобы израильтяне поклонялись только Іеговѣ, не поклонялись другимъ богамъ; заповѣди о храненіи дня суботняго, о почитаніи отца и матери, о томъ, чтобы не дѣлать вреда ближнему, уважать его собственность и его права. „И когда Богъ пересталъ говорить съ Моисеемъ на горѣ Синаѣ, далъ ему двѣ скрижали откровенія, скрижали каменные, на которыхъ написано было перстомъ Божиимъ. И былъ Моисей на горѣ сорокъ дней и сорокъ ночей. Видѣ же славы Господней на вершинѣ горы былъ предъ глазами сыновъ Израилевыхъ, какъ огнь подающій“.

Золотой те-
лець. „Когда народъ увидѣлъ, что Моисей долго не сходитъ съ горы, то собрался къ Аарону и сказалъ ему: Сдѣлай намъ бога, который бы шелъ предъ нами; ибо съ этимъ человекомъ, съ Моисеемъ, который вывелъ насъ изъ земли египетской, не знаемъ, что сдѣлалось. И сказалъ имъ Ааронъ: Выньте золотыя серьги, которыя въ ушахъ вашихъ женъ, вашихъ сыновей и вашихъ дочерей, и принесите ихъ мнѣ. И весь народъ вынулъ золотыя серьги изъ ушей своихъ, и принесли ихъ къ Аарону. Онъ взялъ ихъ изъ рукъ ихъ и сдѣлалъ изъ нихъ золотого тельца и поставилъ предъ нимъ жертвенникъ. И сказали они: Вотъ Богъ твой, Израиль, который вывелъ тебя изъ земли египетской! И принесли всесоженія, и привели жертвы мирныя; и сѣлъ народъ ѣсть и пить, а послѣ всталъ играть. И сошелъ Моисей съ горы; въ рукъ его были двѣ скрижали откровенія, на которыхъ написано было съ обѣихъ сторонъ, и писмена, начертанныя на скрижаляхъ, были писмена Божіи. Когда же онъ приблизился къ стану и увидѣлъ тельца и пляски, тогда онъ воспламенился гнѣвомъ, и бросилъ изъ рукъ своихъ скрижали, и разбилъ ихъ подъ горою. И взялъ тельца, котораго они сдѣлали, и сжегъ его въ огнѣ, и стеръ въ прахъ, и разсыпалъ по водѣ. И сталъ Моисей въ воротахъ стана и сказалъ: Кто Господень, иди ко мнѣ! И собрались къ нему всѣ сыны Левиты, и онъ сказалъ имъ: Возложите каждый свой мечъ на бедро свое, пройдите по стану отъ воротъ до воротъ и обратно, и убивайте каждый брата своего, каждый друга своего, каждый ближняго своего. И сдѣлали сыны Левиты по слову Моисея, и пало въ тотъ день изъ народа около трехъ тысячъ человекъ“. Іегова гнѣвался на израильтянъ за отпаденіе отъ него и сказалъ Моисею, что не пойдетъ среди нихъ, какъ шель прежде. Тогда „Моисей поставилъ себѣ шатеръ внѣ стана, и назвалъ его скиніею собранія; и когда Моисей входилъ въ скинію, тогда спускался столбъ облачный и становился у входа въ скинію, и говорилъ Господь съ Моисеемъ лицомъ къ лицу, какъ бы говорилъ кто съ другомъ своимъ“. Народъ раскаялся, и снялъ съ себя

украшенія свои. „И возвратился Моисей къ Господу и сказалъ: Прости имъ грѣхъ ихъ. И сказалъ Господь Моисею: Вытѣши себѣ двѣ скрижали каменные, подобныя прежнимъ, и Я напишу на сихъ скрижаляхъ слова, какія были на прежнихъ скрижаляхъ, которыя ты разбилъ“. Моисей сдѣлалъ скрижали, и пошелъ съ ними на гору. „Когда сходилъ Моисей съ горы Синай, и двѣ скрижали откровенія были въ рукъ у Моисея, и увидѣлъ Моисей Ааронъ и всѣ сыны израильтевы, и вотъ, лицо его сіяетъ, и боялись подойти къ нему. И Моисей пересказалъ народу всѣ слова Господни и всѣ законы; и отвѣчалъ весь народъ въ одинъ голосъ и сказалъ: все, что сказалъ Господь, сдѣлаемъ. И Моисей поставилъ подъ горою жертвенникъ, и двѣнадцать камней по числу двѣнадцати колѣнъ израильтевыхъ. И послалъ юношей, и принесли они всесоженіе, и заклали тельца въ мирную жертву Господу. Моисей, взявъ половину крови, слилъ въ чаши, а другою половиною окропилъ жертвенникъ. И взялъ Книгу Завета и прочиталъ въ слухъ народу, и сказали они: Все, что сказалъ Господь, сдѣлаемъ. И взялъ Моисей крови и окропилъ народъ, говоря: вотъ кровь Завета, который Господь заключилъ съ вами“.

Возобновленіе
завета. „И сказалъ Моисей всему обществу сыновъ израильтевыхъ: Сдѣлайте отъ Скинии собранія. „И сказалъ Моисей всему обществу сыновъ израильтевыхъ: Сдѣлайте отъ Скинии собранія. себя приношеніе Господу: золото, серебро, мѣдь, шерсть голубаго, пурпуроваго и червленаго цвѣта, кожи, и елей, и ароматы для елее помазанія и для благовонныхъ куреній, камень ониксъ и камни вставные. И приносили духъ, и приносили кольца, серьги, перстни и привѣски и всякія золотыя вещи, приносили и все другое, о чемъ говорилъ Моисей. Моисей назначилъ мастеровъ, чтобы устроить скинію собранія, какъ велѣлъ ему Богъ. Эта скинія должна была быть святилищемъ народа израильскаго и жилищемъ Іеговы. „И сталъ работать Веселіалъ и Аголіавъ и всѣ мудрые сердцемъ, которымъ Господь далъ разумніе, чтобы умѣть сдѣлать всякую работу, потребную для святилища“. Они сдѣлали скинію изъ стоячихъ брусевъ дерева ситтимъ, обложенныхъ золотомъ; у брусевъ были кольца и серебряныя подножія; столбы скрѣпили перекладинами и продернутыми сквозъ кольца шестами изъ дерева ситтимъ; этотъ шатеръ одѣли покрывалами изъ виссона и голубой, пурпуровой и червленой шерсти; на покрывалахъ были вышиты херувимы; покрывала соединялись между собою петлями и крючками. Надъ этою одеждою сдѣлали покровъ изъ красныхъ бараньихъ кожъ и покрывку сверху изъ кожъ синнихъ. И раздѣлили „скинію завѣсою изъ голубой, пурпуровой и червленой шерсти и изъ виссона, и искусною работою сдѣлали на ней херувимовъ“; и сдѣлали для этой завѣсы четыре столба изъ дерева ситтимъ. Въ заднемъ отдѣленіи былъ поставленъ ковчегъ изъ дерева сиккимъ, обложенный чистымъ золотомъ внутри и снаружи; у него были кольца, сквозъ которыхъ продѣвались шесты для того, чтобы переносить его; на золотой крышкѣ ковчега были сдѣланы два золотыхъ херувима. Въ ковчегѣ хранились скрижали закона. Никто, кромѣ Моисея и Аарона, не могъ входить въ это отдѣленіе святилища. Въ переднемъ отдѣленіи стояли жертвенникъ куреній, сдѣланный изъ дерева ситтимъ, обложенный чистымъ золотомъ; столъ съ двѣнадцатью хлѣбами предложенія и свѣтильникъ изъ чистаго золота, имѣвшій шесть вѣтвей и въ срединѣ стебель, для семи лампадь, которыя должны были горѣть не угасая. Святилище было окружено дворомъ, который образовали также виссоновыя завѣсы; на дворѣ стояли жертвенникъ всесоженія, сдѣланный изъ дерева ситтимъ и обложенный мѣдью, съ мѣдными рогами по четыремъ угламъ, и мѣдный умывальникъ.—Для Аарона были сдѣланы: священная одежда, эфодъ, изъ голубой, пурпуровой и червленой шерсти и виссона, украшен-

ный вотканными золотыми нитями и драгоценными камнями; кидарь из виссона, головная повязка, пояс, полированная доска из чистого золота. „И увидѣлъ Моисей всю работу; они сдѣлали ее, какъ повелѣлъ Господь“. И поставилъ Моисей скиню, и освятилъ ее, помазавъ елеемъ помазанія ее и все что въ ней, принесть въ жертву телца и овна, во все-сожженіе, благоуханіе пріятное для Господа; облекъ Аарона и двухъ его сыновей, Надава и Авіуда, въ священныя одежды, и посвятилъ ихъ въ священники. Но „Надавъ и Авіудъ принесли предъ Господа огонь чуждый, котораго онъ не велѣлъ имъ, и вышелъ огонь отъ Господа и сжегъ ихъ, и умерли они предъ лицомъ Господнимъ“. — „И сказалъ Господь Моисею: скажи Аарону и сыновьямъ его: такъ благословляйте сыновъ израилевыхъ: Да благословитъ тебя Господь и сохранитъ тебя! Да призритъ на тебя Господь свѣтлымъ лицомъ своимъ и помилуетъ тебя! Да обратитъ Господь лицо свое на тебя и дастъ тебѣ миръ! И когда Моисей поставилъ скиню и помазалъ ее и освятилъ ее и все принадлежности ея, тогда пришли двѣнадцать начальниковъ израилевыхъ, начальники колѣнъ, и представили приношеніе свое предъ Господа, — дары для жертвоприношеній, священные сосуды, повозки. „Въ тотъ день, когда поставлена была скиня, облако покрыло скиню откровения, и съ вечера надъ скинею какъ бы огонь виденъ былъ до самаго утра. Такъ было и всегда: облако покрывало ее днемъ, и подобіе огня ночью. И когда облако подымалось отъ скини, тогда сыны израилены отправлялись въ путь; и на мѣстѣ, гдѣ останавливалось облако, тамъ останавливались станомъ сыны израилены. Когда поднимался ковчегъ въ путь, Моисей говорилъ: Возстань, Господь, и разсыплются враги Твои, и побѣгутъ отъ лица Твоего ненавидящія Тебя! А когда останавливался ковчегъ, онъ говорилъ: Возвратись, Господи, къ тысячамъ и тьмамъ израилевыхъ!“

Походъ чрезъ пустыню. На своемъ двухмѣсячномъ походѣ отъ Чермнаго моря до Синаи, гдѣ въ первый разъ остановились израильтяне на-долго, они не были тревожимы врагами, за исключеніемъ одного нападенія амалекитянъ; это нападеніе было отражено: Моисей во время битвы держалъ руки поднятыми, и тѣмъ далъ израильтянамъ силу побѣдить нападающихъ. Но большія затрудненія походу представляла природа пустыни. Первымъ станомъ (первою стоянкою) израильтянъ на востокъ Чермнаго моря была безъ сомнѣнія мѣстность, называемая нынѣ Аю нъ-Муса, «Моисеевы источники»; она лежитъ въ четырехъ часахъ пути на юго-востокъ отъ Суэза. Оттуда шли израильтяне въ томъ же направленіи три дня черезъ пустыню Суръ. Послѣ станомъ у источника Маръ — то есть, Горькаго — и источника Масса и Мериба («искушеніе и укоренія») въ пустынь Рефидимъ, гдѣ Моисей ударомъ жезла извелъ воду изъ скалы, израильтяне пришли въ Элимъ, гдѣ было двѣнадцать источниковъ и семьдесятъ финиковыхъ пальмъ; это представляло удобство для отдыха. Оттуда по Вади Гарандель, сухому руслу періодическаго потока Гаранделя, и по Вади Тайбе, поросшему тамарисками и кустарникомъ, извивающемуся между крутыми скалами, они пришли къ берегу Чермнаго моря. Оттуда они пошли въ горы и приблизились къ Синаю. Сначала они пришли въ пустыню Синъ, гдѣ Господь послалъ страдавшему отъ голода народу стаи

перепелокъ, для мясной пищи, и небесную манну, въ замѣнъ хлѣба; тамъ былъ въ первый разъ празднованъ седьмой день недѣли, какъ день отдыха, суббота. — Манною теперь называютъ вещество, выступающее на вѣтвяхъ тамариска (эль-тарфа), котораго много въ той части Аравіи; онъ появляется на корѣ отъ укуса насѣкомыхъ, и каплетъ на землю. Въ іюнѣ арабы собираютъ много его; ѣдятъ его сами и часть продаютъ. Оно имѣетъ вкусъ меда; и если оно падаетъ на чистые камни, то бываетъ, говорятъ, бѣло какъ снѣгъ; на солнечномъ зноѣ оно расплывается. — Стаи перелетныхъ птицъ, похожихъ видомъ и величиною на нашихъ перепелокъ, часто попадаютъ весною на Синайскомъ полуостровѣ. Много тамъ и змѣй, отъ которыхъ впоследствии страдали израильтяне.

Египтологи много занимались изслѣдованіями о пути, которымъ израильтяне шли отъ Рамсеса къ Синаю; но не могли достигнуть достовѣрныхъ результатовъ. «Большинство ученыхъ полагаютъ, что израильтяне шли обыкновеннымъ путемъ каравановъ; въ общихъ чертахъ, это, по всей вѣроятности, справедливо» (Гицигъ). Если такъ, то израильтяне шли къ Синаю по Вади Мокаттебъ, Вади Фейранъ и Вади Эшъ-Шейхъ. Эта мѣстность изслѣдована многими путешественниками. Ее описываютъ въ такихъ чертахъ:

Вади Мокаттебъ знаменито многочисленными древними надписями на скалахъ; отъ этого произошло и названіе его; Вади Мокаттебъ значитъ «Долина надписей». Эта долина, имѣющая въ ширину отъ одной до двухъ верстъ, идетъ между скалами въ юго-восточномъ направленіи и примыкаетъ къ Вади Фейрану, имѣющему болѣе восточное направленіе. Длина Вади Фейрана шесть часовъ пути. Оно приводитъ къ сѣвернымъ предгорьямъ Сербальскихъ горъ. Письменные знаки надписей Синайскаго полуострова имѣютъ футъ вышины; они грубо, плоско вырублены на камнѣ, замѣтны лишь по своему болѣе свѣтлому оттѣнку на темномъ фонѣ гранита. Между письменными знаками помѣщены изображенія овецъ и верблюдовъ. Эти надписи показываютъ, что Синай, который евреи называли «горою Божіею», былъ издавна священной горою у сосѣднихъ (набатейскихъ) племенъ: эти язычники ходили къ нему на поклоненіе. Фейранская долина — самая длинная, широкая и плодородная во всей той странѣ, единственная, въ которой теперь есть ручей; онъ течетъ на протяженіи нѣсколькихъ часовъ пути; вода въ немъ чистая. Онъ вытекаетъ изъ скалы и уходитъ подъ скалу; но гдѣ именно и какъ, это еще не изслѣдовано съ точностью. Въ Фейранской долинѣ много пальмовыхъ рощъ, фруктовыхъ садовъ и нивъ; она одна въ тѣхъ мѣстахъ имѣетъ такую обильную растительность и кажется раемъ среди скалистой пустыни. Въ средней и наиболѣе плодородной части ея лежатъ развалины древняго города Фарана, свидѣтельствующія, что было время, когда лучше, нежели нынѣ, умѣли пользоваться природнымъ плодородіемъ этого оазиса. Къ сѣверному концу Фейранской долины примыкаетъ Вади Алеатъ, очень узкая долина, имѣющая въ длину часть пути; она ведетъ къ величавой группѣ Сербальскихъ горъ. Вершины Сербала подымаются до 6,000 футовъ, и высются надъ всею окружающею мѣстностью. Онѣ видны изъ далека отъ нихъ Элима и показываютъ путь идущему изъ Египта страннику, отъ глазъ котораго скрывается за ними Синай, болѣе ихъ высочій, но находящійся дальше ихъ отъ египетской границы. На востокъ отъ развалинъ древняго Фарана идетъ изъ Вади Фейрана долина, лежащая выше Фейранской, длинная и широкая, Вади Эшъ-Шейхъ; эта долина, изгибающаяся полукружіемъ, имѣетъ въ длину десять часовъ пути и ведетъ въ равнину Эр-Раа (er-Rahah), разстилаю-

Синай.

щуюся у сѣвернаго склона синайскаго хребта. Въ равнину Эр-Рага выходятъ два ущелья, которыми отдѣлены другъ отъ друга три громадныя массы скалъ, составляющія главную часть синайскихъ горъ. Средняя изъ этихъ трехъ группъ—*Хоривъ*, имѣющій двѣ вершины; восточная группа—*Джебелъ Эдъ-Дейръ*; западная—*Джебелъ Эль-Гомръ* (Нотг); южная вершина Джебелъ Эль-Гомра—гора святой Екатерины; у подножия ея лежитъ равнина *Себайе*. Южная вершина Хорива, *Джебелъ Муса*, должна быть, по всей вѣроятности, считаема горою синайскаго законодательства. Исследования новѣйшихъ путешественниковъ все приводятъ къ тому результату, что израильтяне стояли станомъ на равнинѣ Эр-Рага съ примыкающими къ ней долинами и ущельями, что горою отроженія закона былъ Джебелъ Муса, а мѣсто, куда Моисей вывелъ народъ въ сѣтеніе Богу (Исходъ, XX, 17), была равнина Себайе.

Синайское за-
конодатель-
ство.

Когда израильтяне стояли у Синая, они получили законы, положившіе начало соединенію въ одинъ народъ этой нестройной массы людей, разнившихся между собою и происхожденіемъ, и обычаями, и религіозными понятіями. Само собою разумѣется, что основаніемъ для ихъ объединенія должно было служить установленіе религіознаго единства между ними. Израильтяне составляли большинство эмигрировавшей массы, и люди другихъ племенъ группировались около нихъ. Потому вѣрованія и обряды, установленныя синайскимъ законодательствомъ, были развитіемъ религіи праотцевъ израильтянъ.

Идея о Іеговѣ.

Въ религіи сѣверныхъ семитическихъ племенъ не было такой опредѣленной связи между понятіемъ о томъ или другомъ божествѣ и тѣмъ или другимъ особеннымъ явленіемъ природы, какая была у арійскихъ народовъ. Разные боги сѣверныхъ семитовъ были только разными проявленіями божества, понятіе о которомъ было понятіемъ обо всей вселенной, и въ частности о небѣ. Потому понятія о разныхъ богахъ легко перемѣшивались: значеніе, которое принадлежало какому-нибудь отдѣльному богу, было переносимо на другаго; понятія о разныхъ богахъ сливались въ одно понятіе, какъ сливаются въ одно явленіе разныя небесныя явленія. Сильнѣе, чѣмъ у другихъ народовъ, былъ развитъ у семитовъ обычай совершать богослуженіе на горахъ или на искусственныхъ холмахъ; подымаясь на высоту, они, по ихъ понятіямъ, приближались къ божеству. Итакъ, измѣнчивыя атмосферическія и небесныя явленія, давая матеріалъ для образованія представлений о разныхъ богахъ, могли быть представляемы и какъ проявленія одного и того же божества. Потому даже у вавилонянъ и ассиріянъ, хотъ и господствовало у нихъ многобожіе, верховный Богъ имѣлъ такое преобладаніе, что понятіемъ о немъ часто поглощались понятія о существованіи другихъ боговъ, и нѣкоторыя молитвы ихъ проникнуты духомъ единобожія (страницы 437 слѣд., и 444). Такимъ образомъ, въ религіи сѣверныхъ семитовъ былъ элементъ, развитіе котораго могло сдѣлать ее монотеизмомъ. Но существовавшее въ характерѣ семитовъ расположеніе къ единобожію одолѣло противоположныя ему влеченія и вполнѣ развилось только у евреевъ. Этому вѣроятно благопріятствовали обстоятельства ихъ жиз-

ни въ древнѣйшія времена. Если они были южные семиты, и родиною ихъ была сѣверная Аравія, то вліяніе пустыни могло вести ихъ умъ къ сосредоточенности. А если они, что гораздо вѣроятнѣе, принадлежали къ сѣвернымъ семитамъ, то они отдѣлились отъ своихъ соплеменниковъ въ такія времена, когда у сѣверныхъ семитовъ культура и религія имѣли еще первобытный характеръ; отдѣлившись отъ нихъ, они пошли на западъ и вели кочевую жизнь. А у всѣхъ кочевыхъ семитическихъ племенъ простота патриархальнаго быта благопріятствовала развитію глубокаго и здороваго религіознаго чувства.—Когда израильтяне были маленькимъ племенемъ, они чтили своего бога, какъ бога своего племени. При Моисеѣ они сдѣлались націею; и богъ, которому поклонялись ихъ предки, сталъ національнымъ богомъ. Народныя понятія ихъ объ этомъ имѣли такой характеръ: ни ханаанскіе, ни египетскіе боги не могутъ равняться могуществомъ съ ихъ богомъ; у другихъ народовъ много боговъ, и каждый богъ имѣетъ лишь ограниченную силу; у Израиля только одинъ богъ, и этотъ богъ—всемогущій. Они теперь называли своего единого бога именемъ, которое до недавняго времени христіанскіе ученые не умѣли прочесть правильнымъ образомъ, и произносили по примѣру позднѣйшихъ еврейскихъ ученыхъ, «Іегова», но истинное произношеніе котораго было какъ теперь найдено, Ягвѣ (Jahve). Это имя значитъ «существующій», какъ и объясняетъ его Моисею самъ Іегова: «Я есмь сущій» (Исходъ III, 14).

Принимая законы, данныя Іеговою на Синаѣ Моисею, израильтяне вступаютъ въ завѣтъ съ нимъ. Іегова, избавитель, который освободилъ ихъ отъ ига египетскаго и чудотворно привелъ ихъ сюда, будетъ отнынѣ ихъ единственнымъ богомъ, покровителемъ ихъ. Они вступаютъ съ нимъ въ завѣтъ на вѣки.—Моисей былъ политическимъ и религіознымъ вождемъ израильтянъ въ то время, когда формировалось ихъ національное устройство: въ этомъ состоитъ его историческое значеніе. Израильтяне позднѣйшихъ вѣковъ съ патриотическою гордостью вспоминали объ этой эпохѣ юности своей націи, когда послѣдняя вступила въ союзъ съ Богомъ, какъ невѣста:—«Иди и возгласи въ уши дщери Іерусалима: такъ говоритъ Господь: Я вспоминаю о дружествѣ юности твоей, о любви твоей, когда ты была невѣстою, когда послѣдовала за мною въ пустыню, въ землю незасѣянную» (Іеремія II, 1).—«Я увлеку ее, приведу ее въ пустыню, и буду говорить къ сердцу ея, и дамъ ей виноградники ея и долину Ахоръ, и она будетъ пѣть такъ, какъ во дни юности своей, и какъ въ день выхода своего изъ земли египетской» (Осія, II, 14, 15). Чѣмъ больше портился народъ израильскій въ Ханаанѣ, чѣмъ больше предавался онъ идолопоклонству, чѣмъ недовольнѣе были настоящимъ вѣрнымъ служителямъ Іеговы, тѣмъ свѣтлѣе представлялось ихъ глазамъ прошедшее, и въ скорби своей они проникались удивленіемъ къ прекраснымъ временамъ отцовъ.

Истребленіе идолопоклонниковъ. Новыя религіозныя учрежденія были установлены не безъ тяжелой борьбы. Эмигранты были смѣсью людей разныхъ племенъ съ разными обычаями. Этимъ объясняется возвращеніе ихъ къ египетскому язычеству, сопротивленіе строгимъ требованіямъ религіи духовнаго бога. Необходимо было искоренить сопротивляющіеся элементы; безъ того въ массѣ не могло окрѣпнуть сознаніе національнаго единства. Потому и были истреблены тысячи поклонявшихся золотому тельцу; былъ побитъ камнями богохульникъ, сынъ египтянина и израильтянки; а позднѣе, подверглись гибели Корей и его сообщники, возставшіе противъ власти Моисея. Поклоненіе золотому тельцу очевидно было египетскимъ поклоненіемъ быку.

Десять заповѣдей. Въ десяти заповѣдяхъ исключительное служеніе Іеговѣ ставится основаніемъ, центромъ національной жизни израильскаго народа. Онѣ раздѣляются на двѣ части: первая опредѣляетъ отношенія израильтянъ къ Іеговѣ, вторая — отношенія между людьми. Заповѣди были написаны на двухъ каменныхъ доскахъ, которыя израильтяне носили съ собою въ своемъ странствованіи, какъ памятникъ завѣта. Въ Третьей Книгѣ Царствъ упоминается, что онѣ еще были цѣлы во время Соломона («Въ ковчегѣ ничего не было, кромѣ двухъ каменныхъ скрижалей, которыя положилъ туда Моисей». 3 Кн. Царствъ, VIII, 9).

Богослуженіе. О богослуженіи въ пустынѣ есть упоминанія у пророковъ. У Іереміи мы читаемъ: «Такъ говоритъ Господь Саваоѣ, Богъ Израилевъ: всесоженія ваши прилагайте къ жертвамъ вашимъ, и ѣшьте мясо; ибо отцамъ вашимъ я не говорилъ и не давалъ имъ заповѣди въ тотъ день, въ который вывелъ ихъ изъ земли Египетской, о всесоженіи и жертвѣ; но такую заповѣдь далъ имъ: слушайтесь гласа Моего, и я буду вашимъ Богомъ, а вы будете моимъ народомъ» (Іерем. VII, 21—23). У Іезекіиля говорится, что въ пустынѣ была дана заповѣдь о соблюденіи дня субботняго (XX, 7—26). У Амоса Господь говоритъ израильтянамъ: «Приносили ли вы мнѣ жертвы и хлѣбные дары въ пустынѣ, въ теченіе сорока лѣтъ, домъ израилевъ?» (Амосъ, V, 25).

По древнему обычаю, каждое зарѣзываемое для ѣды домашнее животное было жертвою: часть его была приносима Богу, и каждый обѣдъ семейства былъ соединенъ съ благодареніемъ Богу, съ богослужебнымъ обрядомъ. Жрецомъ былъ отецъ семейства. У Синая жертву принесли, по повелѣнію Моисея, посланные имъ юноши («И послалъ юношей изъ сыновъ израилевыхъ, и принесли они всесоженія и заклали тельцовъ въ мирную жертву Господу». Исходъ, XXIV, 5). Но послѣ, жертвы были приносимы жрецами.

Обрѣзаніе. По извѣстіямъ древнихъ писателей, мы знаемъ, что обрѣзаніе существовало у кохвовъ, финикянъ, эіоплянъ; новѣйшіе путешественники нашли этотъ обычай у многихъ африканскихъ племенъ; но осо-

бенно распространенъ теперь онъ у семитическихъ народовъ и у народовъ, принявшихъ исламъ, религію семитическаго происхожденія. Копты, потомки египтянъ, сохранили у себя обрѣзаніе, какъ обычай предковъ: у египтянъ обрѣзывались жрецы. У евреевъ обрѣзывались всѣ мужчины.

Многія изъ тѣхъ семейныхъ и общественныхъ учреждений, которыя были освящены синайскимъ законодательствомъ, безъ сомнѣнія существовали и раньше. Таковы, напримѣръ: раздѣленіе израильтянъ на племена, власть отца семейства, положеніе женщины, многоженство, разводъ, кровомщеніе, обычай возмездія. — Основную часть синайскаго законодательства составляетъ безъ сомнѣнія «Книга Завѣта», занимающая конецъ 20-й главы, 21-ю и 22-ю главы и половину 23-й главы книги Исходъ (XX, 22 — XXIII, 19). «Книгою Завѣта» называется она въ слѣдующей главѣ книги Исходъ: «И взялъ (Моисей) Книгу Завѣта, и прочиталъ ее въ-слухъ народу» (Исходъ, XXIV, 7). Формы богослуженія, устанавливаемые этою книгою, очень просты. Большая часть постановленій ея относятся къ общественной и семейной жизни. Власть главы семейства сохраняетъ весь свой патриархальный объемъ. Отецъ сохраняетъ право продать дочь (XXI, 7). Но чтобы глава семейства не злоупотреблялъ своею властью, ему строго вмѣняется въ обязанность быть любящимъ; постановляется, что онъ долженъ хорошо обращаться съ рабами. Рабъ-еврей не долженъ быть удерживаемъ въ рабствѣ долѣе шести лѣтъ; послѣ шестилѣтней службы господину, онъ остается рабомъ лишь въ томъ случаѣ, если самъ согласенъ на это. Не должно угнетать иноплеменныхъ пришельцевъ: «Пришельца не притѣсняя, и не угнетай его; ибо вы сами были пришельцами въ землѣ Египетской». Устанавливаются законы, ограждающіе безопасность личности и собственности, правила возмездія и вознагражденія. Основная идея ихъ: «отдай душу за душу, глазъ за глазъ, зубъ за зубъ, руку за руку, ногу за ногу, обожженіе за обожженіе, рану за рану, ушибъ за ушибъ» (XXII, 23—25). За служеніе инымъ богамъ, чародѣйство и т. д. опредѣлены строгія наказанія. Ставя въ обязанность израильтянамъ любовь къ ближнему, кротость къ пришельцамъ и къ подвластнымъ, Книга Завѣта служитъ подготовленіемъ къ тѣмъ двумъ заповѣдямъ Іеговы, въ которыхъ состоитъ сущность закона: «будьте святы, какъ святы Я», и «возлюбите ближняго своего, какъ самого себя».

Синайское законодательство не ограничивается религіозными, нравственными и юридическими постановленіями; оно также объединяетъ вышедшую изъ Египта массу людей патриархально-демократическою организаціей. Постановленія объ этомъ устройствѣ оставляютъ неприкосновенными древніе обычаи израильтянъ; сохраняютъ и дѣленіе на двѣнадцать колѣнъ, принадлежавшее многимъ семитическимъ народамъ. Израильтяне составляли основной элементъ массы эмигран-

Грѣжданскіе
законы.

Колѣна и
роды.

товъ. Потому національное устройство сообразовалось съ дѣленіемъ ихъ на двѣнадцать колѣнъ и съ генеалогическими отношеніями этихъ племенъ. Колѣна дѣлились на роды и семейства. Иноплеменники и люди, не имѣвшіе генеалогическихъ связей, были или включены въ прежніе роды или сгруппированы въ новыя подобныя родамъ товарищества. Родъ состоялъ, кажется, изъ двѣнадцати фамилій или «домовъ»; фамилію или домъ составляли нѣсколько семействъ; — число семействъ было неодинаково въ разныхъ фамиліяхъ. Колѣно или племя дѣлилось, вѣроятно, на двѣнадцать родовъ; глава той фамиліи, предки которой были изъ поколѣнія въ поколѣніе первородными сыновьями первородныхъ сыновей, былъ «княземъ» племени, наслѣдственнымъ вождемъ его. Эти князья племенъ составляли совѣтъ старѣйшинъ, которыхъ Моисей водилъ поклониться Господу (Исходъ, XXIV, 1; 9 — 11; Книга Числъ XI, 16 слѣд.; 24 слѣд.). «Народъ» состоялъ изъ всѣхъ членовъ всѣхъ двѣнадцати колѣнъ. Въ собраніи народъ становился по племенамъ и родамъ, группируясь около своихъ старѣйшинъ и родоначальниковъ, и выражалъ свое согласіе или несогласіе крикомъ. Потомки Іосифа раздѣлены были на два колѣна, потому что Іаковъ, умирая, принялъ сыновей его, Эфрема и Манассію, въ число своихъ сыновей; а колѣно Левіино, посвященное Богу и сдѣлавшееся жреческимъ, заняло исключительное положеніе: при распредѣленіи земли, ему не было дано особой области, а назначены были участки въ областяхъ другихъ племенъ; оно должно было жить священными приношеніями. По предположенію Дункера, ушедшіе съ израильтянами египтяне были причислены къ племенамъ, происходившимъ отъ сыновей Іосифа, потому что мать Эфрема и Манассіи, жена Іосифа, была египтянка, дочь геліопольскаго жреца; а другіе иноплеменники были причислены къ племенамъ Дана, Нефеалима, Гада и Асира, которые были дѣтьми служанокъ, Валлы и Зелфы, потому что не считались равными дѣтямъ Лии и Рахили.

Походный порядокъ.

Когда израильтяне двинулись отъ Синая на борьбу съ ханаанскими народами, походу и лагерю дано было такое устройство: въ срединѣ стана должна быть ставима скинія, чтобы Господь жилъ посреди своего народа (у Синая Моисей поставилъ скинію внѣ стана, Исходъ XXXIII, 7—11). Около скинии стоятъ шатры племени Левіина, въ такомъ порядкѣ: Моисей, Ааронъ и сыновья Аарона, жрецы ставятъ свои шатры на восточной сторонѣ отъ святилища, передъ входомъ въ него; на южной сторонѣ сыны Кааа, начальникомъ которыхъ былъ Элеазаръ, сынъ Аарона; они хранили и въ походѣ несли ковчегъ и другіе священные предметы, бывшіе въ скинии; на западной сторонѣ сыны Гирсона, храненію которыхъ поручена была во время похода самая скинія, покровъ и завѣсы ея; на сѣверной сторонѣ сыны Мерари, храненію которыхъ во время похода были поручены брусья скинии, шести ея и проч.—Вокругъ колѣна Левіина располагаются другія колѣна, по три съ каждой стороны; на каждой сторонѣ, колѣно, стоящее въ срединѣ, главное колѣно своей стороны стана, и ему принадлежитъ общее знамя всей той части стана. На вос-

точной или передней сторонѣ стоитъ колѣно Іудино, между колѣнами Иссахаровымъ и Завулоновымъ; на южной сторонѣ колѣно Рувимово между колѣнами Симеоновымъ и Гадовымъ; на западной сторонѣ колѣно Эфремово между колѣнами Манассіинымъ и Веніаминовымъ; на сѣверной сторонѣ колѣно Даново съ колѣнами Асировымъ и Нефеалимовымъ. Во время похода, впереди идутъ три колѣна знамени Іудина, потомъ колѣна знамени Рувимова; за нимъ идутъ Левиты и скинія; за скиніею идутъ колѣна знамени Эфремова; послѣдними идутъ колѣна знамени Данова. Старшіе сыновья Іакова и Лии, Рувимъ, Симеонъ и Левій, не заняли мѣстъ, соответствующихъ старшинству ихъ, потому что своими проступками лишили себя своихъ преимуществъ, какъ сказалъ имъ Іаковъ, пророчествуя передъ кончиною. Колѣно Левіино искупило проступокъ своего предка усердіемъ къ славѣ Іеговы, такъ что было призвано на служеніе святилищу, въ замѣнъ первенцевъ всѣхъ колѣнъ. Но колѣна Рувимово и Симеоново были поставлены ниже колѣна Іудина, начальникъ котораго во времена Моисея, Наасонъ, былъ первымъ между всѣми начальниками колѣнъ. Колѣно Іудино было самое многочисленное, знамя его шло впереди походнаго ополченія; вполнѣдствіи времени, святилище было поставлено въ его области, царскій родъ Давидовъ происходилъ изъ него. Это было предсказано ему въ предсмертномъ пророчествѣ Іакова: „Іуда, тебя восхвалятъ братья твои“. Потомки Рувима были „воинственные люди, носящіе щитъ и мечъ, стрѣляющіе изъ лука и приученные къ битвѣ“ (1 книга Паралипоменъ, XV, 18). Но они остались на восточномъ берегу Іордана, продолжали вести прежнюю кочевую жизнь, и вѣроятно поэтому утратили значеніе у главной части народа, перешедшей за Іорданъ и занявшей земледѣліемъ.

2. Вступленіе въ Ханаанъ и смерть Моисея.

Совершивъ пасху, израильтяне, сопровождаемые Ховавомъ мадіанитяниномъ, сыномъ Рагуила, братомъ жены Моисея, двинулись изъ пустыни Синайской на сѣверъ, въ пустыню *Фаранъ*. Они снимали станъ и строились въ походный порядокъ по звукамъ трубъ; ночью свѣтилъ имъ „какъ бы огонь надъ скиніею“ (Книга Числъ IX, 15), днемъ скинію покрывало облако. Первымъ станомъ ихъ было убѣжище Таверъ („Горѣніе“), вторымъ—Кибротъ-Гаштаава („Гробы прихоти“). Имя „Таверъ“ было дано имъ мѣсту перваго стана потому, что тамъ „народъ сталъ роптать, и Господь услышалъ, и воспламенился гнѣвъ его, и возгорѣлся у нихъ огонь Господень, и началъ истреблять край стана. И помолился Моисей Господу, „утихъ огонь“ (Книга Числъ, XI, 1, 2). А мѣсто втораго стана было названо „Гробами прихоти“ потому, что тутъ „пришельцы стали обнаруживать прихоти, а съ ними и сыны израильтевы сидѣли и плакали, и говорили: Кто накормитъ насъ мясомъ? Мы помнимъ рыбу, которую въ Египтѣ мы ѣли даромъ, огурцы, и дыни, и лукъ, и чеснокъ, а нынѣ душа наша изнываетъ; ничего нѣтъ; только манна въ глазахъ нашихъ. И гнѣвъ Господень возгорѣлся на народъ, и поразили Господь народъ весьма великою язвою“ (Книга Числъ, XI, 4—7; 33). Отъ Кибротъ-Гаштаавы двинулся народъ въ Аспроетъ; потомъ остановился въ пустыни Фаранъ, у Кадеса. И сказалъ Господь Моисею: Пошли отъ себя людей, чтобы они высмотрѣли землю Ханаанскую; по одному человѣку отъ колѣна пошлите“. Изъ колѣна Іу-

Израильтяне въ Кадесѣ.

дина былъ посланъ Халевъ, изъ колѣна Эфремова Осія, сынъ Навинъ (Исусъ Навинъ). Двѣнадцать мужей „пошли и высмотрѣли землю до Хеврона, и пришли къ долигѣ Эсхолъ, и срѣзали тамъ виноградную вѣтвь съ одною кистью ягодъ и понесли ее на шесть двое; взяли также гранатовыхъ яблокъ и смоквъ. И возвратились черезъ сорокъ дней къ Моисею и ко всему обществу сыновъ израилевыхъ въ пустыню Фаранъ, въ Кадесъ, и рассказывали ему: Мы ходили въ землю, въ которую ты послалъ насъ; въ ней подлинно течетъ молоко и медъ, и вотъ плоды ея; но народъ, живущій на землѣ той, силенъ, и города укрѣпленные, весьма большіе. Амаликъ живетъ въ южной части земли, хеттеи, іевусеи и аморреи живутъ на горѣ, хананеи же живутъ при морѣ и на берегу Іордана. Не можемъ мы идти противъ народа сего, ибо онъ сильнѣе насъ. Тамъ видѣли мы и исполиновъ, сыновъ Энаковыхъ. И подняло все общество вопль, и роптали на Моисея и Аарона всѣ сыны израилены, и все общество сказало имъ: Для чего Господь ведетъ насъ въ землю сію, чтобы мы пали отъ меча? И Исусъ, сынъ Навинъ, и Халевъ сказали всему обществу: Если Господь милостивъ къ намъ, то введетъ насъ въ землю сію, и дастъ намъ ее, эту землю, въ которой течетъ молоко и медъ. Только противъ Господа не вставайте, и не бойтесь народа земли сей, ибо онъ достанется намъ; зацѣпъ у нихъ не стало, а съ нами Богъ: не бойтесь ихъ. И сказало все общество: побить ихъ (Исуса Навина и Халева) камнями! Но слава Господня явилась въ облакѣ въ скинии собранія всѣмъ сынамъ израилевымъ. И сказалъ Господь Моисею: Докопѣ будетъ раздражать меня народъ сей? И докопѣ будетъ не вѣрить мнѣ, при всѣхъ знаменіяхъ, которыя дѣлалъ я среди его? Поражу его язвою и истреблю его. Но Моисей сказалъ Господу: услышатъ египтяне и скажутъ: Господь не могъ ввести народъ сей въ землю, которую онъ съ клятвою обѣщалъ ему, а потому и погубилъ его въ пустынѣ. Прости грѣхи народу сему по великой милости Твоей. И сказалъ Господь: Прощаю; но живъ я, всѣ, которые видѣли славу Мою и знаменія Мои, сдѣланныя Мною въ Египтѣ и въ пустынѣ, и не слушали гласа Моего, не увидятъ земли, которую я съ клятвою обѣщалъ отцамъ ихъ. Скажи имъ: Всѣ вы, отъ двадцати лѣтъ и выше, не войдете въ землю, въ которой я клялся поселить васъ, кромѣ Халева и Исуса Навина. Дѣтей вашихъ я введу туда. А ваши трупы падутъ въ пустынѣ сей. А сыны ваши будутъ кочевать въ пустынѣ сорокъ лѣтъ. Завтра обратитесь и идите въ пустыню къ Чермному морю. И народъ сильно опечалился. И вставши рано поутру, пошли на вершину горы (по дорогѣ въ Ханаанъ). Но Моисей сказалъ: для чего вы преступаете повелѣніе Господне? Это будетъ безуміемъ? Но они дерзнули подняться на вершину горы. И сошли амалекитяне и хананеи, живущіе на горѣ той, и разбили ихъ, и гнали ихъ до Хормы“.

Мятежъ Корея и его сообщниковъ.

„Корей, сынъ Каафовъ, сынъ Левинъ, и Дааанъ и Авиронъ, сыны Эліава, сыны Рувимовы, возстали на Моисея, и съ ними изъ сыновъ израилевыхъ двѣсти пятьдесятъ мужей, начальники общества, призываемые на собраніе, люди именитые, и собрались противъ Моисея и Аарона, и сказали имъ: Полно вамъ! Все общество, всѣ святы; почему же вы ставите себя выше народа Господня? И сказали (Моисею): Развѣ мало того, что ты вывелъ насъ изъ земли, въ которой течетъ молоко и медъ, чтобы погубить насъ въ пустынѣ? И ты еще хочешь властвовать надъ нами! И Моисей сказалъ обществу: Отойдите отъ шатровъ нечестивыхъ людей сихъ. И отошли они отъ жилища Корея, Дааана и Авирона. И разверзла земля уста свои и поглотила ихъ, и дома ихъ, и всѣхъ людей Кореєвыхъ, и все имущество, и погибли они изъ среды общества. И вышелъ огонь отъ Господа и пожралъ тѣхъ двѣсти пятьдесятъ мужей. На другой день все об-

щество сыновъ израилевыхъ возроптало на Моисея и Аарона, и говорили: вы умертвили народъ Господень. И сказалъ Господь Моисею и Аарону, говоря: Отсторонитесь отъ общества сего, и я погублю ихъ во мгновение. И сказалъ Моисей Аарону: Возьми кадилаицу и вѣнь куренія, и неси скорѣе къ обществу, и заступи ихъ, ибо вышелъ гнѣвъ отъ Господа, и началось пораженіе. И Ааронъ положилъ куренія и заступилъ народъ. Сталъ онъ между живыми и мертвыми, и пораженіе прекратилось. И умерли отъ пораженія четырнадцать тысячъ семь сотъ человѣкъ“. Изъ Кадеса, гдѣ умерла Маріамъ, „Моисей послалъ пословъ къ царю Эдомскому, сказавъ: Такъ говорятъ братья твой Израиль: Позволь намъ пройти землею твоею; мы не поидемъ по полямъ и по виноградникамъ, и не будемъ пить воды изъ колодезей твоихъ, но поидемъ дорогою царскою, не своротимъ ни направо, ни налево, докопѣ не перейдемъ предѣловъ твоихъ. Мы поидемъ большою дорогою, и если будемъ пить твою воду, я и скотъ мой, то буду платить за нее“. Но эдомитяне не согласились пропустить израильтянъ. Потому израильтяне повернули къ югу, и пришли къ горѣ Оръ. На этой горѣ умеръ Ааронъ. Оттуда пошли они опять къ Чермному морю, чтобы миновать землю Эдома, и стали въ пустынѣ на востокъ отъ Моава. И Господь далъ имъ много воды у Беера („Колодезя“). „Тогда воспѣлъ Израиль пѣснь сію: Наполняйся, колодезь, пойте ему; колодезь, который выкопали князья, вырыли вожди народа съ законодателемъ жезлами своими“. Оттуда израильтяне пошли на сѣверъ, къ рѣкѣ Арнону. Въ Эсевонѣ, въ плодородной землѣ между Арнономъ и Іавокомъ, жилъ Сигонъ, царь аморрейскій, отнявшій всю эту область у моавитянъ. „И послалъ Израиль пословъ къ Сигону, чтобы сказать: Позволь мнѣ пройти землею твоею, мы не будемъ заходить въ поля и виноградники, не будемъ пить воды изъ колодезей твоихъ, а поидемъ путемъ царскимъ, докопѣ не перейдемъ предѣловъ твоихъ. Но Сигонъ не позволилъ Израилю идти чрезъ свои предѣлы, и собралъ весь народъ свой, и выступилъ противъ Израиля, и дошелъ до Іаацы, и сразился съ Израилемъ. И поразилъ его Израиль мечемъ, и взялъ во владѣніе землю его отъ Арнона до Іавока“, и воспѣлъ Израиль: „Идите въ Эсевонъ! Да устроить и утверждать городъ Сигона! Ибо огонь вышелъ изъ Эсевона, пламень изъ города Сигонова, и пожралъ Аръ-Моавъ и владѣющихъ высотами Арнона. Горе тебѣ, Моавъ! Погибъ ты, народъ Хамоса! Разбѣжались сыновья его, и дочери его сдѣлались плѣнницами аморрейскаго царя Сигона. Мы поразили ихъ стрѣлами, погибъ Эсевонъ до Дивона“. Потомъ израильтяне пошли на сѣверъ, противъ Ога, царя Васанскаго, который жилъ въ Эдrei и былъ единственный, еще остававшійся, изъ Рефаимовъ (исполиновъ), „и поразили они его и сыновъ его и весь народъ его, такъ что ни одного не осталось живаго, и овладѣли землею его. И отправились сыны израилены и остановились на равнинахъ Моава, при Іорданѣ, противъ Іерихона. И началъ народъ блудодѣйствовать съ дочерями Моава, и приглашали онѣ народъ къ жертвамъ боговъ своихъ, и прилѣпился Израиль къ Вааль-Фегору. И воспламенился гнѣвъ Господень на Израиля, и сказалъ Господь Моисею: Возьми всѣхъ начальниковъ народа, и повѣсь ихъ Господу передъ солнцемъ, и отвратится отъ Израиля ярость гнѣва Господня. И сказалъ Моисей судьямъ израилевымъ: Убейте каждаго людей своихъ, прилѣпившихся къ Вааль-Фегору. И вотъ, Ефрейтъ изъ сыновъ израилевыхъ привелъ мадианитянку. Финеесъ, сынъ Элеазара, сына Аарона, увидѣвъ сіе, взявъ въ руку свое копье, и вошелъ въ слѣдъ за израильтяниномъ въ спальню, и пронзилъ обоихъ ихъ, израильтянина и женщину; имя убитаго израильтянина было Зимри, начальникъ поколѣнія Симеонова; а имя убитой мадианитянки Хазва; она была дочь Цура, начальника мадианскаго. И прекратилось пораженіе сыновъ израи-

Побѣда надъ аморреями.

Финеесъ убиваетъ Зимри.

левыхъ (язвою, посланною отъ Господа). И сказалъ Господь Моисею: Враждуйте съ мадіанитянами, ибо они враждебно поступили съ вами, прельстивъ васъ Фегоромъ и Хазвою. И сказалъ Моисей народу: вооружите изъ себя людей, совершить мщеніе Господне надъ мадіанитянами; по тысячѣ изъ колѣна пошлите. И послалъ ихъ Моисей, по тысячѣ изъ колѣна, и Финееса, священника, на войну, и въ рукѣ его священные сосуды и трубы для тревоги. И пошли войною на Мадіама, и убили всѣхъ мужескаго пола, и пять царей мадіамскихъ убили мечемъ; а женъ мадіамскихъ и дѣтей взяли въ плѣнъ, и весь скотъ ихъ и все имѣніе ихъ взяли въ добычу. И принесли приношеніе Господу, кто что досталъ изъ золотыхъ вещей: цѣпочки, запястья, перстни, серьги и привѣски“.

Смерть Моисея.

„И сказалъ Господь Моисею: Взойди на эту гору, и посмотри на землю, которую я даю сынамъ израилявымъ. И когда посмотришь на нее, приложишь къ народу своему и ты, какъ приложился Ааронъ, братъ твой, потому что вы не послушались повелѣнія моего въ пустынь Синъ, во время распри общества. И сказалъ Моисей: Да поставитъ Господь надъ обществомъ симъ человека, чтобы не осталось общество Господне какъ овцы, у которыхъ нѣтъ пастыря. И сказалъ Господь: Возьми себѣ Іисуса, сына Навина, человека, въ которомъ есть духъ, и возложи на него руку твою, и поставь его предъ обществомъ, и дай ему отъ славы твоей, чтобы слушало его все общество сыновъ израилявыхъ“. И сказалъ Моисей Израилю: „когда введетъ тебя Господь въ землю, въ которую ты идешь, и изгонитъ отъ лица твоего многочисленныя народы, и поразишь ихъ, тогда предай ихъ заклятію, не вступай съ ними въ союзъ и не щади ихъ, и не вступай съ ними въ родство, ибо они отвратятъ сыновъ твоихъ отъ меня, чтобы служить богамъ инымъ“. И сдѣлалъ Моисей, какъ заповѣдалъ ему Богъ. „И возшелъ Моисей съ равнинъ Моавитскихъ на гору Нево, на вершину Фасги, что противъ Іерихона, и показалъ ему Господь всю землю Галаадъ до самаго Дана, и всю землю Нефѣалимову, и Ефремову, и Іудину, и полуденную страну, и равнину долины Іерихона, городъ палмъ, до Сигора. И умеръ тамъ Моисей, рабъ Господень, въ землѣ Моавитской. Моисею было сто двадцать лѣтъ, когда онъ умеръ; но зрѣніе его не притупилось и крѣпость въ немъ не истощилась. И оплакивали сыны израилявы Моисея тридцать дней. И не было болѣе у Израиля пророка такого, какъ Моисей, котораго Господь зналъ лицомъ къ лицу. И никто не знаетъ мѣста погребенія его даже до сего дня“.

Историческій обзоръ.

Итакъ израильтяне пошли отъ Синая на сѣверъ чрезъ окраины арабскихъ горъ и пустыню Фаранъ прямымъ путемъ къ Хеврону. Пустыня Фаранъ (Паранъ), въ которой по Пятикнижію, израильтяне пробыли много лѣтъ, — терраса находящаяся между Египтомъ, Палестиною, Сеирскими горами, и на сѣверо-востокъ отдѣленная отъ горъ пустынею Синъ. Теперь она называется Эль-Тигъ (El-Tih). Это «великая и страшная пустыня» (Второзаконіе, I, 19). Вообще, она имѣетъ характеръ плоскогорья. Это голая площадь известняковой и песчаниковой скалы; однообразіе безводныхъ песчаныхъ равнинъ ея, усѣянныхъ черными кремнями и другими осколками, прерывается лишь разбросанными по ней, такими же печальными, какъ онѣ, холмами ослѣпительно бѣлаго мѣла и краснаго песка. Но во время дождей въ ея ложбинахъ собирается столько воды, что появляется

скудная трава, пригодная для перегоняемыхъ по этимъ «вади» стадамъ. Мѣстами есть колодези и родники, имѣющіе воду весь годъ. Между пустыней Фаранъ и пустынею Синъ подымается громадная скала, въ которой среди окружающей безводной мѣстности, есть большой ручей; это пустыня Кадесъ, которую одни ученые считают частью пустыни Фаранъ, другіе частью пустыни Синъ. Есть слѣды, что за-долго до временъ Моисея было построено въ оазисѣ этого ручья святилище, въ тихомъ одиночествѣ котораго находился оракулъ. Изъ пустыни Кадесъ Моисей хотѣлъ вести израильтянъ въ Ханаанъ, и послалъ туда лазутчиковъ. Но народъ, испуганный ихъ рассказами, отказался идти, хотѣлъ избрать другаго вождя, чтобы возвратиться въ Египетъ. Моисею удалось нѣсколько успокоить израильтянъ; но они все-таки остались неспособны къ энергическому нападенію; надобно было выжидать другаго времени; наиболѣе смѣлые люди, наперекоръ совѣту Моисея, рѣшились идти долиною Фикре (Vadi Ficreh) по направленію къ Хеврону. Но амалекиты, царь Арадскій и хананеяне сошли съ горъ, разбили наступавшихъ, прогнали ихъ въ Хорму (на югѣ Іудей). Моисей съ ковчегомъ и съ надежнѣйшею частью народа надолго остался въ Кадесѣ, остальная масса разошлась отрядами по мѣстностямъ, гдѣ можно было найти воду и пастбища. — Въ Пятикнижіи перечисляются стоянки израильтянъ; ихъ 41 или 42; изъ нихъ 13 или 14 принадлежатъ первымъ 14 мѣсяцамъ странствованія; на послѣдній годъ приходится 10; а странствованіе длилось 40 лѣтъ; итакъ, на 38 лѣтъ промежуточнаго времени остается только 18 передвиженій стана; и объ этомъ промежуточномъ времени не разсказывается почти ничего. Наконецъ Моисей собралъ въ Кадесскій оазисъ весь народъ, долго жившій по разнымъ мѣстностямъ, гдѣ была вода, и возобновилъ походъ. Онъ хотѣлъ склонить къ союзу съ израильтянами эдомитянъ, потомковъ Исава, моавитянъ и аммонитянъ, потомковъ Лота, и вмѣстѣ съ ними напасть на хананеянъ. Потому, чтобы не раздражить эдомитянъ, онъ обошелъ ихъ землю, направился на югъ къ Эланитскому (Акабскому) заливу, потомъ пошелъ по окраинѣ арабской пустыни, напалъ на аморреевъ, самый сильный и воинственный изъ народовъ, жившихъ на востокѣ отъ Мертваго моря. Къ нападенію принудилъ его отказъ царя аморрейскаго пропустить израильтянъ черезъ свою землю. Побѣда надъ аморреями отдала во власть Моисея богатая пастбища Галаада. Но цѣлью его похода была страна на западѣ отъ Іордана. — Израильтяне двинулись изъ Кадеса съ бодрымъ духомъ; это показываютъ пѣсни о колодезѣ и о покореніи Эсевона, приведенныя въ XXI главѣ Книги Числъ.

Пѣсня о колодезѣ, весело выражающая желаніе, чтобы вода въ немъ подымалась, свидетельствуетъ о радостномъ довѣріи израильтянъ къ ихъ вождямъ. Пѣсня о взятіи Эсевона проникнута, по замѣчанію Эвальда, пропіею; израильтяне насмѣшливо приглаша-

ють бѣжавшихъ жителей возвратиться въ ихъ разрушенный городъ, а послѣ того говорятъ, что паденіе аморреевъ—наказаніе имъ за ихъ прежнюю несправедливость, за то, что они изгнали изъ Эсевона моавитянъ. Мы видимъ, что израильтяне позднѣйшихъ временъ любили вспоминать не только о Синаѣ, но и о горахъ Сенихъ, поляхъ Эдомитскихъ, и о пустынь Фаранъ: все это были святые мѣста, гдѣ Іегова чудесами своими спасалъ ихъ отъ бѣдствій, шелъ передъ ними, и давалъ имъ силу сокрушать побѣдами народы.—Число населенія, живущаго нынѣ на Синайскомъ полуостровѣ, составляетъ около 6.000 человекъ.

Настроеніе духа израильтянъ въ ту эпоху энергической юности ихъ народа характеризуется гимномъ, который поетъ арамеецъ Валаамъ, смотрящій съ горъ Моавскихъ на станъ израильскій: «Какъ прекрасны шатры твои, Іаковъ, жилища твои, Израиль! Разстилаются они, какъ долины, какъ сады при рѣкѣ, какъ алойныя деревья, насажденные Господомъ, какъ кедры при водахъ. Онъ (Израиль) пожираетъ народы, враждебные ему, раздробляетъ кости ихъ, и стрѣлами своими разить врага. Преклонился, лежитъ какъ левъ; кто подниметъ его? Благословляющій тебя благословенъ, и проклинаящій тебя проклятъ!»

Д. ЗАВОЕВАНІЕ ХАНААНА ПОДЪ ПРЕДВОДИТЕЛЬСТВОМЪ ІИСУСА НАВИНА.

Колѣна Рувимово и Гадовое и половина колѣна Манассіина поселяются на востокъ отъ Іордана. Когда еще живъ былъ Моисей, рабъ Божій, „пришли сыны Гадовы и сыны Рувимовы и сказали Моисею и Элеазару священнику и князьямъ общества, говоря: Земля, которую Господь поразилъ предъ обществомъ израилювымъ, есть земля, годная для стада, а у рабовъ твоихъ есть стада; отдай землю сію рабамъ твоимъ во владѣніе; не переводи насъ чрезъ Іорданъ. И сказалъ Моисей: Братья ваши пойдутъ на войну, а вы останетесь здѣсь? Для чего вы отвращаете сердце сыновъ Израилювыхъ отъ перехода въ землю, которую даетъ имъ Господь? Такъ поступили отцы ваши, когда я посылалъ ихъ изъ Кадезь-Варни для обозрѣнія земли; и вы погубите весь народъ сей. И они сказали: Мы построимъ здѣсь овчье двory для стада нашихъ и города для дѣтей нашихъ; сами же мы первые вооружимся и поидемъ предъ сынами израилювыми, доколѣ не приведемъ ихъ въ мѣста ихъ; не возвратимся въ дома наши, доколѣ не вступятъ сыны израилювы каждый въ удѣлъ свой. И далъ о нихъ Моисей повелѣніе начальникамъ племенъ: Если сыны Гадовы и сыны Рувимовы перейдутъ съ вами за Іорданъ, всѣ вооружившись на войну, и покорена будетъ предъ вами земля, то отдайте имъ землю Галаадъ во владѣніе.—Напало въ Галаадъ мѣсто и для половины колѣна Манассіина, желавшей поселиться тамъ. И получили сыны Гада землю Сигона царя Аморрейскаго по берегамъ рѣки Арнона, и построили Дивонъ, Атароевъ, Эсевонъ, Элеале, Нево; сыны Гада землю на востокъ Іордана до рѣки Іавока, и города Сакхоу, Іазеръ, Ветонимъ, Беаъ-Харамъ, и пастбища на горахъ Галаадскихъ; а половина колѣна Манассіина, сыны Махира, получили землю на сѣверъ оттуда, царство Ога, царя Васанскаго, и стали жить въ Эдреѣ и Астароевѣ, и въ селеніяхъ, которыя отняли у аммонитянъ. И построили города укрѣпленные и двory для овецъ. А когда другія колѣна пошли за Іорданъ, то „и сыны

Рувима и сыны Гада и половина колѣна Манассіина, около сорока тысячъ вооруженныхъ на брань“, пошли вмѣстѣ съ ними.

Іисусъ, сынъ Навина, изъ колѣна Эфремова, котораго Моисей, по повелѣнію Іеговы, назначилъ вождемъ, „послалъ изъ Ситтима двухъ соглядатаевъ тайно, и сказалъ: пойдите, осмотрите землю и Іерихонъ“. Они осмотрѣли и, возвратившись, сказали: „Всѣ жители земли въ страхѣ отъ насъ“. Іисусъ Навинъ „сказалъ священникамъ: Возьмите Ковчегъ Завета и идите предъ народомъ“. Израильтяне перешли Іорданъ и стали станомъ въ Галгалъ, съ восточной стороны Іерехона. Іисусъ Навинъ поставилъ въ Галгалъ двѣнадцать камней въ память того, что вода Іордана раздѣлилась предъ Ковчегомъ Завета, и Іегова перевелъ свой народъ чрезъ Іорданъ посуху, какъ прежде чрезъ Чермное море.

„Іерихонъ заперся; никто не выходилъ изъ него и никто не входилъ. Тогда сказалъ Господь Іисусу: Пойдите вокругъ города всѣ, способные къ войнѣ, и обходите городъ однажды въ день; и это дѣлай шесть дней; и семь священниковъ пусть несутъ семь трубъ передъ ковчегомъ; а въ седьмой день обойдите вокругъ города семь разъ, и священники пусть трубятъ трубами; когда услышите звукъ трубы, тогда весь народъ пусть воскликнетъ громкимъ голосомъ, и стѣна города обрушится до своего основанія“. Израильтяне сдѣлали, какъ имъ было повелѣно. „Какъ скоро услышалъ народъ голосъ трубы, воскликнулъ народъ громкимъ голосомъ, и обрушилась вся стѣна города до своего основанія, и народъ пошелъ въ городъ, каждый съ своей стороны, и взяли городъ. И предали заклятію (обрекли на гибель) все, что въ городѣ: и мужей, и женъ, и молодыхъ и старыхъ, и воловъ, и овецъ, и ословъ, все истребили мечемъ. А городъ и все, что въ немъ, сожгли огнемъ; только серебро и золото и сосуды мѣдные и желѣзные отдали въ сокровищницу дома Господня. Въ то время Іисусъ поклялся и сказалъ: Проклятъ предъ Господомъ тотъ, кто возстановитъ и построятъ городъ сей Іерихонъ“. Но Раавъ блудницу, которая спасла соглядатаевъ израилюскихъ отъ поисковъ царя, и ея родителей и родныхъ Іисусъ оставилъ въ живыхъ, и она жила среди Израиля. Аханъ, сынъ Хармія, изъ колѣна Іудина, взялъ и утаилъ нѣкоторыя вещи изъ обреченнаго на уничтоженіе; и гнѣвъ Господень возгорѣлся на сыновъ Израиля, и Господь попустилъ, что жители Гаа обратили въ бѣгство отрядъ, посланный Іисусомъ Навиномъ взять ихъ городъ, и убили изъ этого отряда тридцать шесть человекъ. Отъ этого „сердце народа растаяло и стало, какъ вода. Іисусъ разодралъ одежды свои и палъ лицомъ своимъ на землю предъ Ковчегомъ Господнимъ, и лежалъ до самаго вечера, онъ и старѣйшины израилювы, и посыпали прахомъ головы свои; и сказалъ Іисусъ: О, если бы мы остались за Іорданомъ! Господь сказалъ Іисусу: Взяли изъ заклатаго и утаили; не буду болѣе съ вами, если не истребите изъ среды вашей заклатаго“. Чтобы узнать, кто утаилъ заклатаго, Іисусъ велѣлъ бросить жребій по колѣнамъ, потомъ по родамъ колѣна, на которое упалъ жребій, по семействамъ рода, на который упалъ онъ, по отдѣльнымъ людямъ указаннаго жребіемъ семейства, и оказалось, что утаившимъ былъ Аханъ. Онъ сознался, что взялъ себѣ прекрасную сennaарскую одежду, двѣсти сиклей серебра и слитокъ золота, и спряталъ въ землѣ подъ своимъ шатромъ. „И взяли Ахана, и серебро, и одежду, и слитокъ золота, и сыновей его, и дочерей его, и воловъ его, и ословъ его, и овецъ его, и шатеръ его, и все, что у него было, и вывели ихъ на долину Ахоръ, и побили его всѣ израильтяне камнями, и сожгли ихъ огнемъ, и набросали на нихъ большую груду камней. Послѣ сего утихла ярость гнѣва Господня“. Господь повелѣлъ Іисусу идти къ Гаю и сдѣлать засаду. „И выбралъ Іисусъ тридцать тысячъ человекъ храбрыхъ и послалъ ихъ ночью и сказалъ: вы будете составлять засаду. Они пошли

Переходъ чрезъ Іорданъ.

Взятіе Іерихона.

Взятіе Гаа.

и засѣли между Веиелемъ и между Гаемъ, съ западной стороны Гая“. А самъ Исусъ пошелъ съ остальнымъ войскомъ и сталъ на равнинѣ съ сѣверной стороны Гая. Горожане выступили противъ него; израильтяне побѣжали къ пустынѣ; жители Гая погнались за ними, оставивъ городъ отвореннымъ, а воиновъ тамъ не было. Увидѣвъ, что они отдалились отъ города, „Исусъ простеръ копье, которое было въ его рукѣ, къ городу; сидѣвшіе въ засадѣ тотчасъ побѣжали, вошли въ городъ, и взяли его, и зажгли огнемъ. Жители Гая увидѣли, что дымъ отъ города восходилъ къ небу; и не было для нихъ мѣста, куда бы бѣжать, ибо народъ, бѣжавшій къ пустынѣ, обратился на нихъ, а тѣ изъ города вышли на встрѣчу имъ, такъ что они находились въ срединѣ между израильтянами, изъ которыхъ одни были съ той стороны, а другіе съ другой; такъ поражали ихъ, что не оставили ни одного изъ нихъ, уцѣлѣвшаго или убѣжавшаго. Павшихъ въ тотъ день, мужей и женъ, жителей Гая, было двѣнадцать тысячъ: Исусъ предалъ заклітію всѣхъ жителей Гая; только скотъ и добычу сыны Израиля раздѣлили между собою, по слову Господа. И сожегъ Исусъ Гай, обратилъ его въ вѣчныя развалины, въ пустыню. А царя Гайскаго повѣсилъ на деревѣ; и былъ онъ на деревѣ до вечера, по захожденіи же солнца сняли трупъ его и бросили у воротъ городскихъ, и набросали надъ нимъ большую грудку камней“.

Жители Гаваона, услышавъ, что Исусъ сдѣлалъ съ Иерихономъ и Гаемъ, на добровольно употребили хитрость. Положили ветхія мѣшки на ослонъ своихъ, и ветхія, изорванные и заплатанные мѣхи вина; и обувь на ногахъ ихъ была ветхая съ заплатами, и одежда на нихъ ветхая, и весь дорожный хлѣбъ ихъ былъ сухой и заплѣснѣлый. Они пришли къ Исусу въ станъ въ Галгалъ и сказали: изъ весьма дальней страны пришли мы; итакъ заключите съ нами союзъ. И заключилъ Исусъ съ ними миръ, и постановилъ съ ними условіе въ томъ, что онъ сохранитъ ихъ жизнь; и поклялись имъ начальники общества. А спустя три дня услышали, что они ссѣди ихъ, ибо сыны израильтяне пришли въ города ихъ на третій день; города же ихъ были: Гаваонъ, Кефиръ, Бееръ и Киріаъ-Іаримъ. Исусъ и сыны израильтяне не побили ихъ, потому что клялись имъ. Исусъ сказалъ имъ: для чего вы обманули насъ? За это безъ конца вы будете рабами, будете рубить дрова и черпать воду для дома Бога моего“.

Битва съ Амореями у Гаваона. Амореи очень испугались, услышавъ, что Гаваонъ заключилъ союзъ съ израильтянами, потому что это былъ большой городъ. „И пошли пять царей аморрейскихъ: царь Іерусалимскій, царь Хевронскій, царь Іармуескій, царь Лахисскій, царь Эглонскій, и расположились станомъ подлѣ Гаваона, чтобы воевать противъ него. Жители Гаваона послали къ Исусу въ станъ въ Галгалъ сказать: Не отними руки твоей отъ рабовъ твоихъ; спаси насъ, ибо собрались противъ насъ всѣ цари аморрейскіе, живущіе въ горахъ. Исусъ пошелъ изъ Галгала и съ нимъ весь народъ, способный къ войнѣ, и всѣ мужи храбрые; и пришелъ на нихъ внезапно, потому что шелъ всю ночь. Господь привелъ ихъ въ смятеніе при видѣ израильтянъ, и они поразили ихъ сильнымъ пораженіемъ, и преслѣдовали ихъ по дорогѣ къ возвышенности Веерона. Исусъ воззвалъ къ Господу и сказалъ: Стой, солнце, надъ Гаваономъ, и луна надъ долиною Аіалонскою! И остановилось солнце и луна стояла, доколѣ народъ мстилъ врагамъ своимъ. Не сіе ли написано въ Книгѣ Праведнаго: Стояло солнце среди неба и не спѣшило къ западу почти цѣлый день? Когда же они бѣжали по скату горы Вееронской, Господь бросалъ на нихъ съ небесъ большіе камни града, и больше было тѣхъ, которые умерли отъ камней града, нежели тѣхъ, которыхъ умертвили сыны израильтяне мечемъ. А тѣ пять царей убѣжали и скрылись въ пещерѣ въ Македѣ. Когда донесено было Исусу: напались

пять царей, Исусъ сказалъ: Привалите большіе камни къ отверстію пещеры, и приставьте къ ней людей, стережъ ихъ; а вы преслѣдуйте враговъ и истребляйте заднюю часть войска ихъ, и не давайте имъ уйти въ города ихъ. Послѣ того, какъ сыны израильтяне совершенно поразили ихъ, весь народъ возвратился въ станъ къ Исусу въ Македѣ съ миромъ, и никто изъ сыновъ израильтяне не пошевелилъ языкомъ своимъ. Тогда вывели изъ пещеры пятерыхъ царей тѣхъ; Исусъ сказалъ вождямъ воиновъ: Подойдите, наступите ногами вашими на выи царей сихъ. Они подошли и наступили ногами своими на выи ихъ. Исусъ сказалъ имъ: Такъ поступитъ Господь со всѣми врагами вашими. Потомъ убилъ ихъ Исусъ и повѣсилъ ихъ на пяти деревьяхъ; и висѣли они на деревьяхъ до вечера. При захожденіи солнца сняли ихъ съ деревъ, и бросили ихъ въ пещеру, въ которой они скрывались, и привалили большіе камни къ отверстію пещеры“. Послѣ того Исусъ пошелъ на Ливну, Лахисъ, Эглонъ, взялъ эти города и „поразилъ мечемъ все дышущее, что находилось“ въ нихъ, „никого не оставилъ, предалъ заклітію все дышущее“. Такъ же поступилъ съ Хеврономъ и Давиромъ. „И поразилъ Исусъ всю землю нагорную и полуденную, и низменныя мѣста: никого не оставилъ, кто уцѣлѣлъ бы, и все дышущее предалъ заклітію, какъ повелѣлъ Господь“.

Услышавъ это, Іавинъ Асорскій, сильнѣйшій изъ аморрейскихъ царей сѣвернаго Ханаана, „послалъ ко всѣмъ царямъ, которые жили къ сѣверу на горѣ и на равнинѣ. И выступили они и все ополченіе съ ними, многочисленный народъ, который множествомъ равнялся песку на берегу морскомъ, и коней и колесницъ весьма много, и расположились станомъ вмѣстѣ при водахъ Меромскихъ. Исусъ и съ нимъ весь народъ, способный къ войнѣ, внезапно напали на нихъ, и поразили ихъ, и преслѣдовали ихъ до Сидона и до долины Мицфы къ востоку, и перебили ихъ, такъ что никого изъ нихъ не осталось, кто уцѣлѣлъ бы. И Исусъ конямъ ихъ перерѣзалъ жилы и колесницы ихъ сжегъ огнемъ. Возвратившись, Исусъ взялъ Асоръ и всѣ города царей сихъ, и побилъ мечемъ, предавъ заклітію, какъ повелѣлъ Моисей, рабъ Господень; всѣхъ перебили мечемъ, такъ что истребили всѣхъ; не оставили изъ нихъ ни одной души. Такимъ образомъ Исусъ взялъ всю землю, отъ горы Халакъ, простирающейся къ Сепру, до Вааль-Гада въ долину Ливанской подлѣ горы Эрмона. Долгое время велъ Исусъ войну со всѣми сими царями. Не было ни одного города, который заключилъ бы миръ съ сынами израильтянами, кромѣ Эвеевъ, жителями Гаваона, всѣ взяли они войною“. Они поразили и убили царей Асорскаго, Ахсафскаго, Мегиддонскаго, Кедесскаго, Фирційскаго и многихъ другихъ. И роздалъ Исусъ землю колѣнамъ израильтянамъ по племенамъ ихъ.

Халеу, сыну Іефоніину, изъ колѣна Іудина, единственному израильтянину, кромѣ Исуса, оставшемуся въ живыхъ изъ бывшихъ взрослыми людьми при началѣ странствованія въ пустынѣ, Исусъ далъ Хевронъ и Хевронскую область, „за то, что онъ въ точности послѣдовалъ повелѣнію Господа, Бога израилева“. Халевъ завоевалъ эту область. „И сказалъ Халевъ: кто поразитъ Киріаъ-Сеферъ и возьметъ его, тому отдамъ Ахсу, дочь мою, въ жену. И взялъ его Гошоніиль, сынъ Кенана, младшаго брата Халева“. Халевъ отдалъ за него дочь, и кромѣ обѣщанной земли, далъ ей, по ея желанію, сосѣдніе источники. Остальную страну, отъ береговъ Мертваго моря до Филистимской земли, и на югъ до Эдомскихъ горъ, Исусъ роздалъ, со всѣми городами и селами этой страны, колѣну Іудину, „по племенамъ его“. Раздача происходила по жребію, какъ повелѣлъ Господь. Но „такъ какъ участокъ сыновъ Іудиныхъ былъ слишкомъ великъ для нихъ, то сыны Симеоновы получили удѣлъ среди ихъ удѣла“, каменистую

Битва при озерѣ Меромскомъ.

Раздѣлъ земли по колѣнамъ.

Халевъ въ Хевронѣ.

Колѣна Іудино и Симеоново.

землю на югъ, гдѣ были Вирсавія, Молада и Хорма. „Иуда сказалъ Симеону, брату своему: будемъ воевать съ хананеями. И пошелъ съ нимъ Симеонъ. Въ Везекѣ встрѣтились они съ Адони-Везекомъ, сразились съ нимъ, и разбили хананеевъ и ферезеевъ. Адони-Везекъ побѣждалъ, но они погнались за нимъ, и поймали его, и отсѣкли большіе пальцы на рукахъ его и на ногахъ его. Тогда сказалъ Адони-Везекъ: семьдесятъ царей съ отсѣченными на рукахъ и ногахъ ихъ большими пальцами собирали крохи подъ столомъ мой; какъ дѣлалъ я, такъ и мнѣ воздалъ Богъ“. Они привели его въ Иерусалимъ, отнятый ими у іевусеевъ, жившихъ среди ихъ, и онъ умеръ тамъ. „Господь былъ съ Иудою, и онъ овладѣлъ горою; но жителей долины не могъ прогнать, потому что у нихъ были желѣзные колесницы“.

Колѣно Эфремово и полови- на колѣна Манассіина.

Колѣну Эфремову досталась по жребію средняя часть Палестины, отъ Иордана почти до самаго моря. Въ Силомъ израильтяне поставили скинію собрания, и туда сходилъ на совѣщаніе весь народъ, а въ Сихемѣ, между горами Геваломъ и Гарпизимомъ, Іисусъ возобновилъ „завѣтъ съ народомъ, подъ дубомъ, который подлѣ святилища Господня“. „Сыны израилены дали Іисусу городъ Тамнаѣ-Сараи, котораго онъ просилъ, на горѣ Эфремовой, и построилъ онъ городъ, и жилъ въ немъ“. Финеесъ, внукъ Аарона, жилъ тоже на горѣ Эфремовой (то-есть, въ горной области, которая досталась въ удѣлъ колѣну Эфремову). На сѣверѣ, до долины Изреельской и до потока Кисона поселилась та половина колѣна Манассіина, которая не осталась на восточной сторонѣ Иордана. Но въ долинѣ и въ городахъ (Эндорѣ, Таанахѣ, Мегиддонѣ) еще оставались жить хананеи: „сыны Манассіины не могли выгнать жителей городовъ сихъ“. „Сыны Іосифа говорили Іисусу и сказали ему: Почему ты далъ мнѣ въ удѣлъ одинъ жребій и одинъ участокъ, тогда какъ я многолюденъ? Іисусъ сказалъ имъ: Если ты многолюденъ, то пойди въ лѣса и тамъ, въ землѣ ферезеевъ и рефайимовъ, расчиствь себѣ мѣсто, если гора Эфремова для тебя тѣсна. Сыны Іосифа сказали: Желѣзные колесницы у хананеевъ. Но Іисусъ сказалъ дому Іосифову, Эфрему и Манассіи: Ты многолюденъ, и сила у тебя велика. Ты изгонишь Хананеевъ, хотя у нихъ колесницы желѣзные. Когда же сыны израилены пришли въ силу, тогда хананеи сдѣлали они данниками“. Между колѣнами Эфремовымъ и Іудинымъ, близъ того мѣста, гдѣ народъ перешелъ Иорданъ и совершилъ первые подвиги, получило жилища себѣ среди іевусеевъ небольшое колѣно *Веніаминово*. На западъ отъ колѣна Эфремова, по склонамъ горъ къ морю, получили удѣлъ сыны *Дановы*, но не могли долго удержаться тамъ. Впослѣдствіи, они двинулись на самый сѣверъ Палестины, на ханаанскій городъ Лансъ, лежавшій въ долинѣ верхняго Иордана, „и пошли противъ народа спокойнаго и безнечнаго, и побили его мечемъ, а городъ сожгли огнемъ; некому было помочь, потому что онъ былъ отдаленъ отъ Сидона, и ни съ кѣмъ не имѣлъ дѣла. И построили снова городъ, и поселились въ немъ, и нарекли имя городу: Данъ, по имени отца своего Дана, а прежде имя городу тому было: Лансъ“. Другимъ колѣнамъ удѣлы достались тоже въ сѣверныхъ частяхъ страны. Подлѣ колѣна Эфремова, отъ горы Оавора, на покрытой хорошими пастбищами горной равнинѣ Изреельской поселилось колѣно *Иссахарово*; дальше за нимъ, на западѣ отъ Геннесаретскаго озера, колѣно *Завулоново*. Колѣно *Асирова* получило плодородную гористую землю отъ горы Кармила до Каны, находившейся не подалеку отъ границъ области Тира, а колѣно Нефеалимово, „теревинѣтъ роскошный, распускающій прекрасныя вѣтви“, какъ называется оно въ благословеніи Іакова, поселилось на верхнемъ теченіи Иордана и на берегахъ озера Мерома. „Вотъ удѣлы, которые Элеазаръ священникъ, Іисусъ сынъ Навинъ, и начальники поколѣній раздѣлили колѣнамъ сыновъ израиленыхъ, по жребію, въ Силомѣ, предъ лицомъ Гос-

Колѣно Веніаминово.
Колѣно Даново.

Колѣна Иссахарово, Завулоново, Асирова, Нефеалимово.

поднимъ, у входа скиніи собранія“. Въ то же время назначили они „города убѣжища“, „дабы убѣгалъ туда всякій, убившій человѣка по ошибкѣ, дабы не умеръ онъ отъ руки мстящаго за кровь“, а послѣ того назначили города и округи колѣну *Левитамъ* по племенамъ его; эти города были распределены по всей странѣ. „Тогда Іисусъ призвалъ колѣна Рувимово, Гадово и половину колѣна Манассіина“, которые „не оставляли братьевъ своихъ“ въ продолженіе войны, „и благословилъ ихъ, и отпустилъ ихъ“, и они возвратились „въ шатры свои“, въ землю Галаадъ, „съ великимъ множествомъ скота, съ серебромъ, съ золотомъ, съ мѣдью, съ желѣзомъ и съ великимъ множествомъ одеждъ; вообще, съ богатою добычею“.

Города убѣжища.

Города Левитовъ.

Когда Іисусъ Навинъ состарѣлся, онъ „собралъ всѣ колѣна израилены въ Сихемъ, и призвалъ старѣйшинъ Израиля и начальниковъ его и судей его и надзирателей его, и сказалъ: Вы видѣли, что сдѣлалъ Господь Богъ вамъ, предъ лицомъ вашимъ со всѣми сими народами. И сказалъ Іисусъ: Такъ говоритъ Господь Богъ израиленъ: Я далъ вамъ землю, надъ которою вы не трудились (т. е. которая была воздѣлана не вами), и города, которыхъ вы не строили, и вы живете въ нихъ; изъ виноградныхъ и масличныхъ садовъ, которыхъ вы не насаждали, вы ѣдите плоды. Итакъ бойтесь Господа, и служите Ему въ чистотѣ и искренности; отвергните боговъ, которымъ служили отцы ваши за рѣкою (Эвфратомъ) и въ Египтѣ, а служите Господу. Если же не угодно вамъ служить Господу, то изберите себѣ нынѣ, кому служить, богамъ ли, которымъ служили отцы ваши, бывшіе за рѣкою, или богамъ аморреевъ, а я и домъ мой будемъ служить Господу. И отвѣчалъ народъ: нѣтъ, не будетъ того, чтобы мы оставили Господа; и мы будемъ служить Господу. И заключилъ Іисусъ съ народомъ завѣтъ, и далъ ему постановленія и законъ въ Сихемѣ; и взялъ большой камень, и положилъ его тамъ подъ дубомъ, который подлѣ святилища Господня; и сказалъ Іисусъ всему народу: вотъ, камень сей будетъ намъ свидѣтелемъ. Послѣ сего умеръ Іисусъ, сынъ Навинъ, будучи ста десяти лѣтъ. И похоронили его въ предѣлѣхъ его удѣла, въ Тамнаѣ-Сараи, на горѣ Эфремовой. И кости Іосифа, которыя вынесли сыны израилены изъ Египта, схоронили въ Сихемѣ, въ участкѣ поля, которое купилъ Іаковъ“.

Смерть Іисуса Навина.

Книга Іисуса Навина рассказываетъ быстрый ходъ побѣдъ и завоеваній народа, одушевленнаго религіознымъ чувствомъ. Навинъ былъ искусный полководецъ и умѣлъ поддерживать единство въ дѣйствіяхъ народа. Въ его книгѣ мѣстами высказываются понятія евреевъ о своемъ прошломъ.—По переходѣ чарезъ Иорданъ, израильтяне расположились станомъ въ Галгалѣ. Іерихонъ, укрѣпленный главный городъ той области, былъ взятъ быстро, нежели надѣялись израильтяне. Разсказъ о судьбѣ Ахана, утаившаго «заклятое», научалъ евреевъ исполнять законъ: «Все закланое не продается и не покупается. Все закланое есть великая святыня Господня. Все закланое должно быть предано смерти» (Левитъ, XXVІІ, 28, 29). Побивая камнями дѣтей Ахана, израильтяне поступили не такъ, какъ повелѣваетъ Второзаконіе: «Дѣти не должны быть наказываемы смертію за отцовъ» (Второзак. XXIV, 16). Объ этомъ разсказъ Книги Іисуса Навина не упоминаетъ.

Историческій обзоръ.

Іерихонъ и Гай.

Города Іерихонъ и Гай были сожжены. Ужасъ, наведенный этимъ

Гаваонъ.

на соседние народы, был так велик, что эвеи, жившие неподалеку оттуда и имевшие главным своим городом Гаваонъ, пришли просить дружбы и союза у израильтянъ. Это было опасным примѣромъ; аморреи не могли оставить ихъ измѣну безнаказанной. Но быстрымъ ночнымъ походомъ Навинъ спасъ гаваонитянъ.

Израильтяне
въ первое вре-
мя по завоева-
ніи.

По фактамъ позднѣйшаго времени, да и по извѣстіямъ, находящимся въ самой Книгѣ Исуса Навина, мы видимъ, что завоеваніе Ханаана было тогда не полное. Разбитые въ одной мѣстности, туземцы собирались въ другой. Когда по смерти Навина исчезла центральная власть, туземцы оправились и повсюду возобновили борьбу. Израильтяне успѣли овладѣть горными областями, потому что конница и военные колесницы туземцевъ не могли проникать туда; но значительная часть равнинъ и многія плодородныя долины остались во владѣніи хананеевъ и ихъ воинственныхъ царей. Евреи имѣли только пѣхоту; ихъ оружіе было самое простое. Они и въ позднѣйшія времена долго не заводили себѣ ни конницы, ни боевыхъ колесницъ, ни крѣпостей; попадавшимся имъ въ добычу непріятельскимъ боевымъ конямъ они перерѣзывали сухожилія ногъ; и долго у нихъ сохранялся обычай ѣздить верхомъ только на ослахъ. Потому они не могли вытѣснить иноплеменниковъ, и долго жили разбросанно между областями, остававшимися во власти туземцевъ. Многіе изъ нихъ, какъ мы видѣли, даже арендовали земли у финикянъ, уходили на работу въ богатые финикійскіе города. Связь между колѣнами была такъ слаба, что только энергическіе вожди, подобные Моисею и Навину, могли сильными мѣрами принуждать ихъ дѣйствовать вмѣстѣ. По смерти Навина, связь между колѣнами снова распалась; при этой раздробленности, каждому колѣну приходилось завоевывать себѣ землю и устроить свои дѣла, какъ само знаетъ. Дѣлать завоеванія было тѣмъ труднѣе, что многіе изъ туземцевъ, ушедшихъ отъ перваго натиска израильтянъ въ Финикію, теперь возвратились. Жизнь раздробленными племенами содѣйствовала тому, что чувство національнаго единства у израильтянъ, и безъ того слабое, еще болѣе ослабѣвало. Приморьемъ израильтяне никогда не могли овладѣть, и оставались совершенно отдѣлены отъ моря. И внутри страны почти всѣ укрѣпленные города остались во власти хананеевъ. Между прочимъ, остался за ними и Іевусъ (Іерусалимъ), въ области колѣна Веніамина; онъ былъ взятъ только ужъ Давидомъ. Оставались во власти хананеевъ и Газеръ (Гезеръ), въ западной части земли Эфремовой; «и Манассія не выгналъ жителей Беосана, Таанаха, Ивлеама, Мегиддона и зависящихъ» отъ нихъ «городовъ»; «и Завулонъ не изгналъ жителей Китрона и жителей Наглола; и Асиръ не изгналъ жителей Ахлава, Ахзива и Рехова; и Нефѣалимъ не изгналъ жителей Беосамиса и жителей Беанааа»; удержались хананеи

и во многихъ другихъ городахъ. Асиръ и Нефѣалимъ жили «среди хананеевъ».

Важнѣйшимъ колѣномъ въ первыя времена по завоеваніи было Эфремово, Колѣно Эфре-
мово.
вмѣстѣ съ которымъ дѣйствовала поселившаяся подлѣ него половина колѣна Манассіина. Оно и колѣно Іудино были такъ сильны, что завоевали себѣ, въ союзѣ съ нѣкоторыми другими колѣнами (Іудино съ Симеоновымъ, Эфремово съ Веніаминавымъ и половиною колѣна Манассіина) прочныя владѣнія съ зелеными холмами и съ нивами, съ масличными садами, виноградниками; колѣно Эфремово въ средней части Ханаана, Іудино на югѣ. Такимъ образомъ, область Эфремова и Манассіина была центромъ государства. По книгѣ Судей послѣ Галгала сдѣлался военнымъ средоточіемъ израильтянъ Силомъ, городъ колѣна Эфремова; оттуда выходили военныя экспедиціи, тамъ поставленъ ковчегъ завета, національная святыня. Кажется, что Силомъ имѣлъ значительное вліяніе на развитіе еврейской національности. Тамъ вѣрнѣе всего сохранялись національныя вѣрованія. Въ политическомъ отношеніи, важенъ былъ Сихемъ, находившійся тоже въ области Эфремовой: онъ былъ мѣстомъ народныхъ собраний. Племя Іосифово (Эфремово и Манассіино) долго первенствовало между израильтянами древностью своей славы, наслѣдственнымъ почетомъ, культурою и законодательною мудростью; но колѣно Іудино (и соединенное съ нимъ Симеоново) Колѣно Іудино.
превосходило его прочностью единства и строгостью нравовъ. Область Іудина, хотя и не безплодная, требовала больше труда, чтобы давать хорошіе урожаи; подъ вліяніемъ ея природы, поселившееся въ ней племя израильтянъ стало превосходить всѣ народы Ханаана энергіею и твердостью характера. Первымъ образцомъ этихъ военныхъ доблестей является Халедъ, князь хевронской области, вокругъ которой поселилось колѣно Іудино. Искусная и заботливая обработка земли сдѣлала окрестности Хеврона цвѣтущими и богатыми. Духомъ временъ патриарховъ вѣетъ отъ разсказа о томъ, какъ дочь Халева, Ахса, упростила отца прибавить плодородную землю, «источники верхніе и источники нижніе», въ сухой землѣ южнаго города Давира, даннаго ея мужу.— Колѣно Симеоново первоначально получило слишкомъ мало; впоследствии оно, вмѣстѣ съ колѣномъ Іудинымъ, приобрѣло небольшіе и не плодородные округа на югѣ, на границѣ Идумей. Значительная съ юга пустыня, съ востока Мертвымъ моремъ, страна племени Іудина и соединеннаго съ нимъ Симеонова составила прочное политическое цѣлое, и энергическое сознаніе единства у израильтянъ этого колѣна противодѣйствовало распаденію израильскаго народа.— Область на востокъ отъ Іордана, которую Моисей, послѣ нѣкоторыхъ возраженій, согласился предоставить колѣнамъ Рувимову, Гадову и половинѣ колѣна Манассіина, очень велика по сравненію съ участками колѣнъ, поселившихся въ Ханаанѣ. Но въ оставшихся на востокъ отъ Іордана колѣнахъ большинство людей занималось скотоводствомъ и жило въ шатрахъ; а племена, предпочитающія скотоводство земледѣлію, любили захватывать обширныя пространства. Колѣно Гадово и оставшаяся за Іорданомъ половина колѣна Манассіина поддерживали связи съ главною массою израильскаго народа; но колѣно Рувимово, проникая все дальше въ пустыню, утратило ту культуру, какую имѣло, стало чуждо исторіи еврейскаго народа, и его можно назвать «увидающею вѣтвью» націи. Въ еврейскихъ историческихъ книгахъ племена, жившія на востокъ отъ Іордана, называются жителями Галаада; давая имъ общее названіе, еврейское населеніе Ханаана высказывало этимъ, что племенные различія между ними сгладились въ его понятіяхъ.— Сѣверныя колѣна: Асирово, Завулоново, Иссахарово и Нефѣалимово не скоро

Колѣна изра-
ильскія на
востокъ отъ
Іордана.

приобрѣли прочныя владѣнія; а большинство колѣна Данова отказалось отъ надежды овладѣть при помощи колѣнъ Иудина и Эфремова областью Аккаронскихъ горъ въ землѣ филистимской, и поселилось въ самой сѣверной части Палестины, у подошвы Эрмона. Но оно сохранило славу одного изъ самыхъ мужественныхъ и отважныхъ колѣнъ, и лучи этой знаменитости его сосредоточиваются на образѣ его великаго героя, Самсона.

Въ предсмертномъ пророчествѣ Иакова дѣтямъ, о колѣнѣ Левинѣ говорится вмѣстѣ съ колѣномъ Симеоновымъ; Левій и Симеонъ истребили жителей города Сихема; Иаковъ винитъ ихъ за это жестокое дѣло, и говоритъ: „Симеонъ и Левій братья; орудія жестокости мечи ихъ. Въ совѣтъ ихъ да не внидетъ душа моя, и къ собранію ихъ да не приобщится слава моя. Проклятъ гнѣвъ ихъ, ибо жестокъ; и ярость ихъ, ибо свирѣпа; раздѣлю ихъ въ Иаковѣ, и разсѣю ихъ въ Израилѣ“ (Книга Бытія, XIX, 5—7). Но теперь проклятіе Левію обратилось въ благословеніе: „Колѣну Левіи не далъ онъ (Исусъ Навинъ) удѣла. Жертвы Господа, Бога израилева, суть удѣлъ его, какъ сказалъ Господь“ (Книга Ис. Нав. XIII, 14). Кромѣ жертвъ и десятины, колѣну Левіи было назначено получить 48 городовъ съ принадлежащими къ нимъ пастбищами; эти города были распределены по участкамъ всѣхъ другихъ колѣнъ.

Е. ВРЕМЯ СУДЕЙ.

Образъ жизни Израильянъ. Израильтяне разсѣлились по обширной странѣ и жили въ ней между племенами, далеко превосходившими ихъ образованностью, военною силою и гражданскимъ благоустройствомъ; это имѣло очень большое вліяніе на религіозное, умственное, политическое и общественное развитіе ихъ. Различіе природы въ разныхъ частяхъ новой страны, различіе въ характерѣ окружающихъ народовъ и многія другія обстоятельства произвели то, что разныя колѣна израильянъ стали вести неодинаковый образъ жизни. Въ горной странѣ далеко не вездѣ можно было заниматься земледѣліемъ. Во многихъ областяхъ земля была удобна только для скотоводства. Колѣна, жившія за Иорданомъ, остались при прежнемъ кочевомъ образѣ жизни. «Что сидишь ты между овчарнями, слушая блеяніе стадъ?»—говоритъ Девора колѣну Рувимову. А колѣна сѣверной группы, между которыми удержались во многихъ мѣстахъ ханаанскія племена, полюбили городскую жизнь, выгоды которой видѣли они вблизи, и стали служить въ финикійскихъ портовыхъ городахъ носильщиками, работниками, поступали въ матросы и т. п., предпочитая бѣдности въ свободѣ обеспеченную жизнь, хотя бѣ и въ тяжелой работѣ на службѣ хозяина. Въ пѣснѣ Деворы говорится: «Дану чего бояться съ кораблями? Асирь сидитъ на берегу моря, и у пристаней своихъ живетъ спокойно».

Распаденіе государства. Непосредственнымъ результатомъ разницы въ занятіяхъ и въ образѣ жизни было совершенное распаденіе той связи, которая начи-

нала было объединять израильянъ общностью государственной жизни; чувство національнаго единства ослабѣвало, разрозненность интересовъ брала верхъ надъ нимъ. Израиль раздѣлился на независимыя племена, изъ которыхъ каждое думало только о себѣ; могущественнѣйшія племена, колѣно Эфремово и Иудино, подавали въ этомъ примѣръ другимъ. Распадались и колѣна на болѣе мелкія части, каждая съ особыми своими, узкими интересами. Каждое колѣно въ борьбѣ съ иноплеменными врагами и въ другихъ затрудненіяхъ должно было разсчитывать только на свои собственныя силы; потому національная жизнь замѣнилась племенною. — Религіозная связь, соединявшая израильянъ общимъ уваженіемъ къ національному святилищу, находившемуся сначала въ Галгалѣ, послѣ въ Веилѣ, послѣ того перенесенному въ Силомъ, утрачивала прочность. Служеніе Іеговы и съ самаго начала жизни израильянъ въ Ханаанѣ не сосредоточивалось исключительно въ одномъ центрѣ; и во весь періодъ судей это единство не установилось. Высокія горы, величественныя и пустынные, считались особенно священными мѣстами; считались священными и большія тѣнистыя деревья. Простой жертвенникъ, сложенный изъ нетесанныхъ камней, былъ достаточенъ для потребностей богослуженія. Такой жертвенникъ еще при Исусѣ Навинѣ соорудили пастушескія колѣна, жившія за Иорданомъ. Израильтяне не считали несообразностью съ поклоненіемъ Іеговы употреблять слово Бааль,—напримѣръ, въ именахъ, которыя давали своимъ сыновьямъ: Іерубааль (Іеровааль), то есть: «чти Баала»; Исбааль, то есть «человѣкъ Бааловъ»; Мерибааль, «Господь мой—Бааль». Вліяніе ханаанейскія проникло и глубже этого въ сердце израильянъ. «Религія Моисеева и язычество жили рядомъ; нуженъ былъ процессъ броженія, ускоренный разъединяющимъ дѣйствіемъ политическихъ событій, чтобы отдѣлить чистое вино закона Моисеева отъ мутныхъ подонковъ идолопоклонства». (Мерксъ). Грубая чувственность ханаанскихъ культовъ не могла не производить впечатлѣнія на неразвитый народъ, который и гораздо позднѣе продолжалъ выказываться «жестоковымъ», упорнымъ въ своемъ влеченіи поддаваться ханаанейскому служенію богамъ природы. Побѣдители не истребили туземное населеніе и не чуждались его; напротивъ, не затруднялись вступать въ близкія связи съ нимъ; отъ этого, разумѣется, ослаблялась строгость національныхъ обычаевъ и религіи. Въ особенности сѣверныя колѣна приняли вмѣстѣ съ культурою и искусствами сосѣднихъ городовъ, и финикійскую религію, языческій культъ; и если чувственное идолослуженіе еще не было тогда такъ распространено между израильтянами, какъ во времена царей, то народъ ужъ привыкалъ поклоняться божеству въ его изображеніяхъ. А этимъ ужъ былъ сдѣланъ первый шагъ къ язычеству, потому что Іегову, духовнаго бога, не могли художники изобразить въ тѣлесномъ видѣ. Сѣверная часть Палестины была называема

Упадокъ религіи.

«торжищемъ языческимъ». Въ Книгѣ Судей разсказывается, что эфремянинъ Миха попросилъ мать, чтобъ она заказала плавильщику «истуканъ и литой кумиръ», что Миха держалъ ихъ въ своемъ домашнемъ святилищѣ вмѣстѣ съ другими «терафимами» (домашними богами), и что сыны Дановы, шедшіе завладѣть Лансомъ, взяли истуканъ, и терафимовъ, литой кумиръ Михи; этотъ случай можетъ служить примѣромъ перехода къ идолопоклонству. «Глубокія понятія ученія Моисея теряли свою опредѣленность и свѣжесть, по мѣрѣ того, какъ ясный свѣтъ времени Моисея терялся въ далекомъ туманѣ исторіи». (Эвальдъ). Сначала народъ «хотѣлъ только видѣть изображеніе Іеговы, какъ видѣлъ изображеніе своихъ домашнихъ боговъ, имѣть это изображеніе въ своемъ домѣ и вопрошать его», продолжаетъ Эвальдъ; но скоро стали господствовать болѣе грубыя чувственные понятія. У израильтянъ находить подражаніе себѣ даже хананейское служеніе Молоху: Іефеай приносить въ жертву Іеговѣ свою дочь. Повсюду проникали боги финикянъ, въ особенности Бааль и Астарта. Гедеонъ началъ свои подвиги тѣмъ, что разрушилъ жертвенникъ Баала, поставленный въ Офрѣ его отцомъ, и срубилъ деревья Астарты; народъ очень досадовалъ на это. Самъ Гедеонъ изъ добычи, взятой у мадіанитянъ, сдѣлалъ литое покрытое золотомъ изображеніе Іеговы, и поставилъ его въ своемъ домѣ; всѣ ходили поклоняться этому изображенію; «и было» оно «сѣтью Гедеону и всему дому его». Въ исторіи Михи мы видимъ, какъ іеговистская домашняя святыня стала святынею цѣлаго племени; а въ исторіи Гедеона мы видимъ, что даже «великій въ Израилѣ» дѣлаетъ для себя изображеніе бога, и оно привлекаетъ толпы поклонниковъ. Изъ обоихъ разсказовъ ясно, что богослуженіе совершалось тогда людьми, не принадлежавшими къ колѣну Левіину. Но въ исторіи Михи мы видимъ также, что левиты начинаютъ принимать на себя обязанности жрецовъ. Они были бѣдны, и, нуждаясь въ средствахъ къ жизни, должны были подчиняться волѣ тѣхъ, кто хотѣлъ давать имъ вознагражденіе за службу. Люди другихъ колѣнъ имѣли свои жертвенники, сами приносили козловъ и овецъ въ жертву, сами вопрошали Іегову бросаніемъ жребія, и у левитовъ не было обезпеченныхъ доходовъ. Изъ исторіи Михи видимъ, что израильтяне начинали предпочитать имѣть жрецомъ левита, если можно было нанять его, но не считалось необходимою, чтобы жрецомъ былъ левитъ. Обрядъ жертвоприношенія былъ еще такъ простъ, что его могъ исполнить и человѣкъ, не учившійся тому. Но вопрошеніе Іеговы бросаніемъ жребія ужъ было, кажется, спеціальнымъ знаніемъ жрецовъ, и вѣроятно составляло главный доходъ ихъ. Для этого они носили на груди сумку съ жребіями. Не каждый считалъ себя способнымъ правильно понять значеніе отвѣтовъ, получаемыхъ посредствомъ жребіевъ. А при важныхъ случаяхъ чувствовалась потребность знать волю Іеговы. Вожди израильскіе имѣли при

себѣ въ своихъ походахъ жрецовъ, приносившихъ жертвы за нихъ и за войско, и открывавшихъ имъ волю Іеговы.

Объ идолослуженіи Михи разсказывается въ XVII и XVIII главахъ Книги Судей. — Идолослуженіе Михи.
«Былъ нѣкто на горѣ Эфремовой, именовъ Миха». Онъ взялъ у матери 1.100 сиклей серебра, и пустилъ ихъ въ выгодные обороты. Когда онъ возвратилъ матери ея серебро, она отдала 200 сиклей плавильщику, чтобъ онъ на эту сумму сдѣлалъ «истуканъ и литой кумиръ». Плавильщикъ «сдѣлалъ истуканъ и литой кумиръ», который и находился въ домѣ Михи. «И былъ у Михи домъ Божій. И сдѣлалъ онъ эфодъ и терафимъ» — изображенія домашнихъ боговъ — «и посвятилъ одного изъ сыновей своихъ, чтобъ онъ былъ у него священникомъ. Одинъ юноша изъ Вилеема Іудейскаго, левитъ, пошелъ, чтобы пожить гдѣ случится и, идя дорогою, пришелъ къ дому Михи. И сказалъ ему Миха: Будь у меня священникомъ; я буду давать тебѣ по десяти сиклей серебра на годъ, потребное одѣяніе и пропитаніе. И согласился левитъ остаться у этого человѣка, и былъ у него, какъ одинъ изъ сыновей его. Въ тѣ дни колѣно Даново искало себѣ удѣла, гдѣ бы поселиться. И послали сыны Дановы пять человѣкъ осмотрѣть землю. Они пришли къ дому Михи и ночевали тамъ. Узнали они голосъ молодого левита и сказали ему: выступи Богу, успѣшенъ ли будетъ путь нашъ. Священникъ сказалъ имъ: Идите съ миромъ, предъ Господомъ путь вашъ». Они осмотрѣли Лансъ, городъ сидонинъ, и возвратившись къ своимъ братьямъ, сказали, что овладѣть Лансомъ будетъ легко. «И отправились изъ колѣна Данова шесть сотъ мужей, препоясанныхъ воинскимъ оружіемъ и пришли къ дому Михи. И тѣ пять человѣкъ, которые ходили осматривать землю, вошли въ домъ молодого левита, взяли истуканъ и эфодъ и терафимъ и литой кумиръ. Священникъ же стоялъ у воротъ съ тѣми шестью стами человѣкъ; и они сказали ему: иди съ нами, будь у насъ священникомъ. Лучше ли тебѣ быть священникомъ въ домѣ одного человѣка, нежели въ колѣнѣ или племени израилювомъ? Священникъ обрадовался и пошелъ съ народомъ». Миха и его сосѣды, замѣтивъ похищеніе, погнались за ними, «и кричали сынамъ Дана. Миха сказалъ: Вы взяли боговъ моихъ, которыхъ я сдѣлалъ. Сыны Дановы сказали ему: Молчи. Миха, видя, что они сильнѣе его, пошелъ назадъ». А сыны Дановы, взявъ Лансъ, «поставили у себя истуканъ». Левитъ, пошедшій съ ними, «и сыновья его, были священниками въ колѣнѣ Дановомъ».

Изрѣдка, но все-таки пробуждалось иногда у нѣкоторыхъ племенъ Распаденіе политическихъ связей.
во время бѣдствій сознаніе родства и національности, вообще древнее. На сѣверѣ Ханаана, кажется, существовалъ нѣсколько времени союзъ городовъ, главою которыхъ былъ Сихемъ; такъ можно думать потому, что въ этомъ городѣ было «капище Вааль-Вериеа» (Бааль-Берита; «Бааль-Берить» значитъ «Богъ союза»). Но не было никакой государственной организаціи, никакой власти, которая могла бы удерживать народъ отъ распаденія, соединять силы націи для общихъ предпріятій. Каждое колѣно было предоставлено самому себѣ, и когда подвергалось нападенію, вело свою войну своими силами. Когда какому-нибудь выдающемуся вождю удавалось соединить сосѣднія колѣна, то случалось, что другія колѣна сердились, зачѣмъ не были приглашены и они. Въ особенности колѣно Эфремово всегда завидовало, если другимъ племенамъ случалось пріобрѣтать славу успѣшными предпріятіями. Гедеонъ послѣ своей побѣды надъ мадіанитянами только искусною предусмотрительностью избѣжалъ ссоры съ колѣномъ Эфремовымъ, а Іефеаю, когда онъ побѣдилъ аммонитянъ, онъ

тянь, пришлось воевать съ этимъ колѣномъ. Послѣ тяжелаго пораженія, которое оно потерпѣло въ этой войнѣ, гегемонія—насколько можетъ быть рѣчь о гегемоніи при совершенной разрозненности частей народа—перешла къ колѣну Іудину. Былъ даже такой случай, что когда собраніе всего народа въ Силомѣ рѣшило наказать людей, совершившихъ гнусное преступленіе въ Гивѣ, о которомъ мы расскажемъ въ Пополненіяхъ, то малочисленное колѣно Веніаминово и одинъ изъ Галаадскихъ городовъ воспротивились этому рѣшенію, и необходимо стало принять энергическую мѣру для обузданія усилившейся порчи нравовъ.

Ослабѣли и древнія родовыя связи между племенами, принадлежавшими къ одному колѣну. Послѣ поселенія въ новой странѣ, пришло въ упадокъ патріархальное устройство, пользуясь которымъ, Моисей ввелъ организацію власти, опиравшуюся на родственныя чувства, на уваженіе къ племенному старшинству. Тѣ колѣна, которыя, какъ Эфремово и Іудино, имѣли особую, сплошную область, еще могли оставаться вѣрны прежнему порядку; но у другихъ колѣнъ, племена которыхъ жили разрозненно, у которыхъ отдѣльные отряды подъ начальствомъ смѣлыхъ вождей пріобрѣтали себѣ оружіемъ особая владѣнія, естественная связь племенъ и родовъ разорвалась, наследственная власть старѣйшинъ упала. Вожди съ своими родственниками основывали новые правительственные роды, они вмѣстѣ съ прежними старшинами племенъ составили сословіе вельможъ, господъ, которые, какъ говоритъ о нихъ пѣсня Деворы, «ѣздили на ослицахъ бѣлыхъ, сидѣли на корвахъ». Во времена угнетенія, эти «повелители» и старѣйшины родовъ собирались совѣщаться о средствахъ избавленія и поручали кому нибудь изъ своей среды, пользующемуся общимъ довѣріемъ, быть вождемъ на войнѣ. Если кто имѣлъ извѣстность умнаго и опытнаго судьи, то его племя, а иногда и цѣлое колѣно избирало его рѣшителемъ споровъ. Но все основывалось на добровольномъ послушаніи общества, на довѣріи, внушаемомъ личностью «судьи». Прочнаго officialнаго сана не имѣли даже и тѣ замѣчательные люди, которые въ эти времена безначалія и безпорядка становились во главѣ народа и оказывали такое сильное вліяніе на общественную жизнь, что періодъ отъ смерти Іисуса Навина до введенія царской власти названъ, по дававшемуся этимъ героямъ названію, «временемъ судей». Ихъ власть въ мирное время основывалась на уваженіи къ ихъ старости, мудрости, богатству, а въ военное время на боговдохновенной энергіи, силою которой они освобождали народъ и хотъ на время возвращали жизнь и единство разслабленной и разрозненной націи.

Внѣшніе враги. Хананейскіе народы были не вполне вытѣснены и скоро стали пытаться отнять потеряныя земли у пришельцевъ; кочевыя племена, жившія на югѣ и на востокѣ отъ Палестины, по временамъ вторга-

лись въ нее; жители приморья, искусные въ военномъ дѣлѣ, потому бывшіе сильнѣе израильтянъ, вели съ ними борьбу на жизнь и смерть. Всѣ эти непріатели имѣли обыкновенно успѣхъ, такъ что почти всѣ колѣна израильтянъ попадали на болѣе или менѣе продолжительное время подъ владычество иноплеменниковъ, страдали въ порабоженіи. Но когда повидимому исчезала всякая надежда на избавленіе, появлялся герой, возбуждалъ въ своемъ колѣнѣ мужество и рѣшимость, велъ своихъ единоплеменниковъ на борьбу съ врагами. Его подвиги внушали имъ довѣріе къ нему; его власть была признаваема и другими колѣнами, онъ становился вождемъ и судьей Израиля. Изъ темной ночи тѣхъ смутныхъ временъ выступаютъ, сіяя, какъ звѣзды, образы Гедеона, героини Деворы, воинственнаго Іефая, другихъ великихъ людей. Это—судьи. Они—представители національности израильскаго народа, основанной на служеніи національному богу. Ихъ было двѣнадцать. Нѣкоторые стали любимыми героями народныхъ преданій. Упомянутія о другихъ кратки.

Не всѣ колѣна имѣли одинаковое участіе въ славѣ, какую въ это время разрозненности народа доставляли Израилю воздвигаемые богамъ воители. И въ особенности, почти вовсе не имѣетъ участія въ Говонилѣ, изъ которой колѣно Іудино, которое въ своей защищенной природою обла- колѣна Іудина. сти вело обособленную жизнь. Ему принадлежитъ лишь одинъ судья, Говонилъ, о которомъ говорится только то, что «предалъ Господь въ руки его Хусарсаема, царя месопотамскаго», которому «сыны израильтянъ служили восемь лѣтъ». Болѣе славы пріобрѣло сосѣднее съ Іудинимъ малочисленное колѣно Веніаминово, которое вначалѣ этого безпорядочнаго времени было знаменито храбростью и искусствомъ бросать камни изъ пращи и стрѣлять изъ лука, а впоследствии испорченностью нравовъ. Аодъ, искусный въ воен- Аодъ, изъ ко- лѣна Веніа- ныхъ хитростяхъ и умѣвшій биться мечемъ, взявъ его въ лѣвую руку, освободилъ своею отвагою отечество отъ ига Эглона, царя мо- нова. авитскаго, перешедшаго черезъ Іорданъ, овладѣвшаго Іерихономъ, и осемнадцать лѣтъ бравшаго дань съ колѣна Веніаминова и сосѣднихъ израильскихъ земель. Самегаръ, «который шесть сотъ человѣкъ филистимлянъ побилъ воловьимъ рожномъ и спасъ Израиля», жилъ, вѣроятно, тоже въ южной части Палестины. Изъ колѣна Нефеа- Девора, изъ колѣна Нефеа- лимова (книга Бытія, XLIX, 21) происходила пророчица Девора, лимова. которая жила подъ пальмою на горѣ Эфремовой, и судила народъ; она возбудила сѣверныя колѣна и колѣно Эфремово на борьбу съ Іавиномъ, царемъ Асорскимъ и его военачальникомъ Сисарою. Этотъ могущественный царь, оправившись отъ пораженія, нанесеннаго ему сильною рукою Іисуса Навина, и заключивъ союзъ съ другими хананейскими царями, поработилъ себѣ страну израильскую до горы Фавора и до потока Киссона. Девора, при содѣйствіи Варака, сокрушила его иго. Побѣдная пѣсня Деворы—прекрасный памятникъ ли-

Военачальникомъ у Іавина былъ Сисара. «У него было девять сотъ желѣзныхъ колесницъ, и онъ жестоко угнеталъ сыновъ Израилевыхъ двадцать лѣтъ». Владычество его простиралось до потока Киссона и до горы Ѡвора, и тѣ изъ дѣтей Израилевыхъ, которыя не хотѣли служить ему, искали убѣжища въ удѣлахъ Эфрема и Манасіи. «Въ то время была судьюю Израили Девора, пророчица, жена Лапидоева. Она жила подъ Пальмою Девориною, на горѣ Эфремовой; и приходили къ ней сыны Израилевы на судъ. Девора послала и призвала Варака, сына Авиноамова, изъ Кедееса Нефеалимова, и сказала ему: повелѣваетъ тебѣ Господь, Богъ Израилевъ, пойди, взойди на гору Ѡворъ, и возьми съ собою десять тысячъ человекъ изъ сыновъ Нефеалимовыхъ и сыновъ Завулоновыхъ. Варакъ созвалъ Завулонианъ и Нефеалимлянъ въ Кедеесъ, и пошли въ слѣдъ за нимъ десять тысячъ человекъ, и Девора пошла съ нимъ. Сисара созвалъ всѣ колесницы свои, девять сотъ желѣзныхъ колесницъ, и весь народъ, который у него, къ потоку Киссону. И сошелъ Варакъ съ горы Ѡвора, а за нимъ десять тысячъ человекъ. Тогда Господь привелъ въ замѣшательство Сисару и всѣ колесницы его и все ополченіе его отъ меча Варакова, и побѣждалъ. Варакъ преслѣдовалъ его и пало все ополченіе Сисарино отъ меча, не осталось никого. Сисара же убѣжалъ пѣшій въ шатеръ Іаили, жены Хевера Кенеянина: ибо между Іавиномъ, царемъ Асоренимъ, и домомъ Хевера Кенеянина былъ миръ. И вышла Іаиль на встрѣчу Сисарѣ, и сказала ему: найди, господинъ мой, найди ко мнѣ, не бойся. Онъ зашелъ къ ней въ шатеръ, и она покрыла его ковромъ. Сисара сказала ей: дай мнѣ немного воды напиться, я пить хочу. Она развязала мѣхъ съ молокомъ, и напоила его, и онъ уснулъ, утомленный. «Іаиль взяла колъ отъ шатра, и взяла молотъ въ руку свою, и подошла къ нему тихонько, и вонзила колъ въ високъ его такъ, что приколола къ землѣ; а онъ спалъ отъ усталости, и умеръ. И смирилъ Богъ въ тотъ день Іавина, царя Ханаанскаго, предъ сынами Израилевыми. Рука сыновъ Израилевыхъ усиливалась болѣе и болѣе надъ Іавиномъ, царемъ Ханаанскимъ, доколѣ не истребили они Іавина, царя Ханаанскаго. Въ тотъ день воспѣла Девора сими словами: Слушайте, цари, внимайте, вельможи: я Господу, я пою, бряцаю Господу, Богу Израилеву. Когда выходилъ Ты, Господи, отъ Сеира, когда шелъ съ поля Эдомскаго; тогда земля тряслась, и облака проливали воду. Не стало обитателей въ селеніяхъ у Израили, не стало, доколѣ не возстала я, Девора, доколѣ не возстала мать я, въ Израилѣ. Избрали новыхъ боговъ, отъ того война у воротъ. Видѣли ли были щитъ и копье у сорока тысячъ Израиль? Возстанъ, Варакъ! и веди плѣнниковъ твоихъ, сынъ Авиноамовъ! Пришли цари, сразились, тогда сразились цари Ханаанскіе въ Ѡанаахъ у водъ Мегиддонскихъ, но не получили ничего серебра. Потокъ Киссонъ увлекъ ихъ. Попирай, душа моя, силу! Да будетъ благословенна между женами Іаиль, жена Хевера, Кенеянина, между женами въ шатрахъ да будетъ благословенна! Воды просилъ онъ; молока подала она, въ чашѣ вельможеской принесла молока лучшаго. Лѣвую руку свою протянула къ колу, а правую свою къ молоту работниковъ; ударила Сисару, поразила голову его, разбила и пронзила високъ его. Къ ногамъ ея склонился, палъ и лежалъ, къ ногамъ ея склонился, палъ; гдѣ склонился, тамъ и палъ сраженный. Въ оно выглядываетъ и вопить мать Сисарина сквозъ решетку: что долго нейдетъ конница его, что медлятъ колеса колесницъ его? Умныя изъ ея женщинъ отвѣчаютъ ей: Вѣрно, они нашли, дѣлать добычу, по дѣвицѣ, по двѣ дѣвицы на каждаго воина, въ добычу полученная разноцвѣтная одежда Сисарѣ, полученная въ добычу разноцвѣтная одежда, вышитая съ обѣихъ сторонъ, снятая съ плечъ плѣнника. Такъ да погибнутъ всѣ враги Твои, Господи! любящіе же Его да будутъ какъ солнце, восходящее во всей силѣ своей!» Такъ пѣлась древнѣйшая пѣсня побѣды, которую сѣверныя колѣна Израили хранили вѣрнымъ преданіемъ, пока она была внесена въ книгу Судей. — «И покоилась страна сорокъ лѣтъ».

Подвиги Гедеона противъ Мадіанитянъ.

Какъ Іавинъ Асореній, царь Ханаанейскихъ племенъ, угнеталъ сѣверныя колѣна Израильскихъ, такъ угнетали Израильскихъ на югѣ и востокѣ кочевыя племена Мадіанитянъ и Амалинитянъ. «Тяжела была рука Мадіанитянъ надъ Израилемъ, и сыны Израилевы» укрывались отъ нихъ въ ущельяхъ горъ и въ пещерахъ. «Когда посѣтитъ Из-

раиль, придутъ Мадіанитяне и Амалинитяне и жители востока, и ходять у нихъ и истребляютъ произведенія земли до самой Газы, и не оставляютъ для пропитанія Израиль ни овцы, ни вола, ни осла. Ибо они приходили съ шатрами своими въ такомъ множествѣ, какъ саранча». Однажды, они «стали станомъ на долину Изреельскую». Въ это время Гедеонъ, младшій сынъ Іоаса, изъ племени Авиезерова, принадлежавшаго къ колѣну Манассіину, «вымолачивалъ ишеницу въ точилѣ, чтобы скрыться отъ Мадіанитянъ». Іоасъ жилъ въ Офрѣ подъ дубомъ, и его старшіе сыновья были убиты Мадіанитянами. И сказалъ Господь Гедеону: «Разрушь жертвенникъ Ваала, который у отца твоего, и сруби священное дерево, которое при немъ. Гедеонъ сдѣлалъ, какъ говорилъ ему Господь. И духъ Господень объялъ Гедеона; онъ вострубилъ трубою, и созвано было племя Авиезерова идти за нимъ. И послалъ пословъ по всему колѣну Манассіину, и къ Асиру, Завулону и Нефеалиму», и собралось къ нему много людей. Въ томъ, что Богъ поможетъ ему, онъ удостовѣрился такъ: онъ разостлалъ вечеромъ на гумнѣ стриженую шерсть; и сказалъ Богу: «Если роса будетъ только на шерсти, а на всей землѣ сухо, то буду знать, что спасешь рукою моею Израиль. Такъ и сдѣлалось». Онъ попросилъ втораго знаменія: «И сказалъ Гедеонъ Богу: не прогнѣвайся на меня, если еще однажды сдѣлаю испытаніе. Пусть будетъ сухо на одной только шерсти, а на всей землѣ пусть будетъ роса. Богъ и сдѣлалъ такъ въ ту ночь». Тогда Гедеонъ выбралъ триста человекъ самыхъ храбрыхъ и надежныхъ, «локавшихъ воду языкомъ своимъ, какъ локаетъ пѣсь», то есть, всегда готовыхъ идти впередъ, не теряющихъ лишняго времени на бѣду, — и оставилъ ихъ на горѣ; «станъ же Мадіамскій былъ у него внизу въ долині. И сошелъ онъ и слуга его Фура къ самому полку въ станъ», и подслушалъ разговоры Мадіанитянъ. «И раздѣлилъ триста человекъ на три отряда, и далъ въ руки всѣмъ имъ трубы и пустые кувшины, и въ кувшины свѣтилильники, и сказалъ имъ: смотрите на меня, и дѣлайте то же. Вотъ я подойду къ стану, и что буду дѣлать, то и вы дѣлайте. И пошелъ Гедеонъ и сто человекъ съ нимъ къ стану, въ началѣ средней стражи, и затрубили трубами, и разбили кувшины, которые были въ рукахъ ихъ. И затрубили всѣ три отряда трубами, и разбили кувшины, и держали въ лѣвой рукѣ своей свѣтилильники, а въ правой рукѣ трубы, и трубили, и кричали: мечъ Господа и Гедеона! И стали бѣгать во всемъ станѣ, и кричали, и обратились въ бѣгство, обратилъ Господь мечъ одного на другаго во всемъ станѣ и бѣжало ополченіе, и Израильскіе изъ колѣна Нефеалимова, Асирова и всего колѣна Манассіина, погнались за Мадіанитянами. Гедеонъ же послалъ пословъ на всю гору Эфремову, сказать: выйдите на встрѣчу Мадіанитянамъ, и перехватите у нихъ переправу черезъ воду до Беевары и Іорданъ. И Эфремляне перехватили переправы черезъ воду до Беевары и Іорданъ. И поймали двухъ князей Мадіамскихъ: Орива и Зива, и убили. И сказали ему (Гедеону) Эфремляне: зачѣмъ ты это сдѣлалъ, что не позвалъ насъ, когда шелъ воевать съ Мадіанитянами? И сильно ссорились съ нимъ. Гедеонъ отвѣчалъ имъ: сдѣлалъ ли я что такое, какъ вы нынѣ? Не счастливѣе ли Эфремъ добиралъ виноградъ, нежели Авиезеръ обиралъ? Въ ваши руки предалъ Богъ князей Мадіамскихъ, Орива и Зива, и что могъ сдѣлать я такое, какъ вы? Тогда успокоился духъ ихъ противъ него, когда сказалъ онъ имъ такія слова. И пришелъ Гедеонъ къ Іордану, перешелъ самъ и триста человекъ, бывшіе съ нимъ. Они были утомлены, преслѣдуя враговъ. И сказалъ онъ жителямъ Соххоа: дайте хлѣба народу, который идетъ за мною; они утомились, а я преслѣдую Зевея и Салмана, царей Мадіамскихъ. Князья Соххоа сказали: развѣ рука Зевея и Салмана уже въ твоей рукѣ, чтобы намъ войску твоему давать хлѣбъ? И сказалъ Гедеонъ: за это, когда предастъ Господь Зевея и Салмана въ руки мои, я растерзаю тѣло ваше терновникомъ пустыннымъ и молитильными зубчатыми досками. Оттуда пошелъ онъ въ Пенуелъ, и то же сказалъ жителямъ его, и жители Пенуела отвѣчали ему то же, что отвѣчали жители Соххоа. Онъ сказалъ и жителямъ Пенуела: когда я возвращусь въ миръ, разрушу башню сію. Зевей же и Салманъ были въ Каркорѣ и съ ними ихъ ополченіе, все, что осталось изъ всего ополченія жителей востока. Гедеонъ пошелъ на востокъ и поразилъ станъ и схватилъ обоихъ царей Мадіамскихъ, Зевея и Салмана, и пришелъ онъ къ жителямъ Соххоа.

хоескимъ, и сказалъ: вотъ Зевей и Салманъ, за которыхъ вы посмѣялись надо мною. И взялъ старѣйшины города и терновникъ пустынный и зубчатые молотилыныя доски, и напалъ ими жителей Сихеона. И башню Пенуельскую разрушилъ, и перебилъ жителей города. И сказалъ Зевей и Салману: каковы были тѣ, которыхъ вы убили на Оаворѣ? Они сказали: они были такіе, какъ ты, каждый имѣлъ видъ сыновъ царскихъ. Гедеонъ сказалъ: это были братья мои, сыны матери моей. Живъ Господь, если бы вы оставили ихъ въ живыхъ, я не убилъ бы васъ. И сказалъ Гедеону, первенцу своему: встань, убей ихъ; но юноша не извлекъ меча своего; потому что боялся, такъ какъ былъ еще молодъ. И сказали Зевей и Салманъ: встань самъ и порази насъ; потому что по челоуку и сила его. И всталъ Гедеонъ, и убилъ Зевей и Салмана. И сказали Израилѣтяне Гедеону: владѣй нами ты и сынъ твой, и сынъ сына твоего; ибо ты спасъ насъ отъ руки Мадианитянъ. Гедеонъ сказалъ имъ: ни я не буду владѣть вами, ни мой сынъ не будетъ владѣть вами: Господь да владѣетъ вами. И сказалъ имъ Гедеонъ: прошу у васъ одного, дайте мнѣ каждый по серьгѣ изъ добычи своей. Они разостлали одежду, и бросали туда каждый по серьгѣ изъ добычи своей. Всѣхъ въ золотыхъ серьгахъ, которыя онъ выпросилъ, было тысяча семь сотъ золотыхъ сиклей, кромѣ пряжекъ, пуговицъ и пурпуровыхъ одеждъ, которыя были на царяхъ Мадиамскихъ, и кромѣ золотыхъ цѣпочекъ, которыя были на шеѣ у верблюдовъ ихъ. Изъ этого сдѣлалъ Гедеонъ эфодъ, и положилъ его въ своемъ городѣ, въ Офрѣ. И умеръ Гедеонъ, въ глубокой старости, и погребенъ въ гробѣ отца своего, Іоса, въ Офрѣ Авиезеровой.

Авимелехъ.

„У Гедеона было семьдесятъ сыновей, потому что у него много было женъ. Также и наложница, жившая въ Сихемѣ, родила ему сына, и онъ далъ ему имя Авимелехъ. Когда умеръ Гедеонъ, сыны Израилевы опять стали блудно ходить въ слѣдъ Вааловъ, и поставили себѣ богомъ Ваалвернеа. Авимелехъ пошелъ въ Сихемъ, и говорилъ жителямъ Сихемскимъ: что лучше для васъ, чтобы владѣли вами семьдесятъ, или чтобы владѣлъ одинъ? И вспомните, что я кость ваша и плоть ваша. И склонилось сердце ихъ къ Авимелеху; ибо говорили они: онъ братъ нашъ. И дали ему семьдесятъ сиклей серебра изъ дома Ваалвернеа; Авимелехъ нанялъ на оныя праздныхъ и своевольныхъ людей, которые и пошли за нимъ. И пришелъ онъ въ домъ отца своего въ Офру, и убилъ братьевъ своихъ, семьдесятъ сыновъ Іеровааловыхъ, на одномъ камнѣ. Остался только Іоаамъ, младшій сынъ, потому что скрылся. И собрались всѣ жители Сихемскіе и весь домъ Милло, и пошли и поставили царемъ Авимелеха у дуба, что близъ Сихема. Когда рассказали объ этомъ Іоааму, онъ пошелъ и сталъ на вершинѣ горы Гаризима, и, возвысивъ голосъ свой, кричалъ и говорилъ имъ: послушайте меня, жители Сихема. Пошли нѣкогда дерева помазать надъ собою царя, и сказали терновнику: иди ты, царствуй надъ нами. Терновникъ сказалъ деревьямъ: если вы по истинѣ поставяете меня царемъ надъ собою, то идите, пойдите подъ тѣню мою; если же нѣтъ, то выйдетъ огонь изъ терновника, и пожжетъ кедры Ливанскіе. И такъ смотрите, по истинѣ ли и по правдѣ ли вы поступили, поставивъ Авимелеха царемъ? А вы возстали противъ дома отца моего, и убили семьдесятъ сыновъ на одномъ камнѣ, и поставили царемъ надъ жителями Сихемскими Авимелеха, сына рабыни его, потому что онъ братъ вашъ. Авимелехъ царствовалъ надъ Израилемъ три года. И не стали покоряться жители Сихемскіе Авимелеху. И собралъ Авимелехъ большое войско, — и взялъ городъ, и побилъ народъ, бывшій въ немъ, и разрушилъ городъ, и засѣялъ его солью. Услышавъ объ этомъ, всѣ бывшіе въ башнѣ Сихемской, ушли въ башню капища Вааль-Вернеа. И пошелъ Авимелехъ на гору самъ и весь народъ, бывшій съ нимъ, и нарубилъ каждый изъ всего народа сучьевъ, и пошли за Авимелехомъ, и положили къ башнѣ, и сожгли посредствомъ ихъ башню огнемъ, и умерли всѣ, бывшіе въ башнѣ Сихемской, около тысячи мужчинъ и женщинъ. Потомъ пошелъ Авимелехъ въ Тевецъ, и осадилъ Тевецъ и взялъ его. Среди города была крѣпкая башня, и убѣжали туда всѣ мужчины и женщины и всѣ жители города, и заперлись и вошли на кровлю башни. Авимелехъ подошелъ къ дверямъ башни, чтобы сжечь ее огнемъ. Тогда одна женщина бросила отломокъ жернова на голову Авимелеху, и проломилла ему черепъ. Авимелехъ тотчасъ призвалъ оруженосца своего, и сказалъ ему: обнажи мечъ твой и умертви меня,

чтобы не сказали обо мнѣ: женщина убила его. И пронзилъ его отрокъ его, и онъ умеръ».

«Сыны Израилевы, жившіе на востокѣ отъ Іордана въ Галаадѣ, были осмнадцать лѣтъ угнетаемы Аммонитянами. «Наконецъ Аммонитяне перешли Іорданъ, чтобы вести войну съ Іудею и съ Веніаминомъ и съ домомъ Эфремовымъ, и весьма тѣсно было сынамъ Израиля». И вспомнили старѣйшины Галаадскіе объ Іефеѣ. «Іефеѣ, галаадитянинъ, былъ человекъ храбрый. Онъ былъ сынъ блудницы. Когда возмужали сыновья жены отца его, изгнали они Іефеѣ, сказавъ ему: ты не наследникъ въ домъ отца нашего, потому что ты сынъ другой женщины. И убѣждалъ Іефеѣ и жилъ въ землѣ Товъ; и собрались къ Іефеѣ праздные люди, и ходили съ нимъ на разбой. И пришли старѣйшины Галаадскіе и сказали Іефеѣ: прійди, будь у насъ вождемъ, и сразимся съ Аммонитянами. Іефеѣ сказалъ старѣйшинамъ Галаадскимъ: не вы ли возненавидѣли меня, и выгнали изъ дома отца моего? Зачѣмъ же пришли ко мнѣ нынѣ, когда вы въ бѣдѣ. Старѣйшины Галаадскіе сказали Іефеѣ: для того мы теперь пришли къ тебѣ, чтобы ты пошелъ съ нами, и сразился съ Аммонитянами, и былъ у насъ начальникомъ всѣхъ жителей Галаадскихъ. И пошелъ Іефеѣ со старѣйшинами Галаадскими, и народъ поставилъ его надъ собою начальникомъ и вождемъ. И послалъ Іефеѣ пословъ къ царю Аммонитскому сказать: что тебѣ до меня, что ты пришелъ ко мнѣ воевать на землѣ моей? Царь Аммонитскій сказалъ посламъ Іефеѣ: Израиль, когда шелъ изъ Египта, взялъ землю мою. Іефеѣ въ другой разъ послалъ пословъ къ царю Аммонитскому, сказать ему: не владѣешь ли тѣмъ, что далъ тебѣ Хамось, богъ твой? И мы владѣемъ всѣмъ тѣмъ, что далъ намъ въ наследіе Господь, Богъ нашъ. И былъ на Іефеѣ Духъ Господень, и онъ изъ Массифы Галаадской пошелъ къ Аммонитянамъ. И далъ Іефеѣ обѣтъ Господу: если Ты предашь Аммонитянъ въ руки мои, то по возвращеніи моемъ съ миромъ отъ Аммонитянъ, что выйдетъ изъ воротъ дома моего на встрѣчу мнѣ, будетъ Господу, и вознесу сіе на всесожженіе. И пришелъ Іефеѣ къ Аммонитянамъ и порази ихъ пораженіемъ весьма великимъ. И пришелъ Іефеѣ въ Массифу въ домъ свой, и вотъ, дочь его выходитъ на встрѣчу ему съ тилианами и лианами: она была у него только одна, и не было у него еще ни сына, ни дочери. Когда онъ увидѣлъ ее, разодралъ одежду свою, и сказалъ: ахъ, дочь моя! ты сразила меня; и отверзъ о тебѣ уста мои предъ Господомъ, и не могу отречься. Она сказала ему: отецъ мой, ты отверзъ уста твои предъ Господомъ, — и дѣлай со мною то, что произнесли уста твои, когда Господь совершилъ чрезъ тебя отмщеніе врагамъ твоимъ, Аммонитянамъ. Сдѣлай мнѣ только вотъ что: отпусти меня на два мѣсяца; я пойду, взойду на горы, и оплачу дѣвство мое съ подругами моими. Онъ сказалъ: пойдѣ; и отпустилъ ее на два мѣсяца. Она пошла съ подругами своими, и оплакивала дѣвство свое въ горахъ. По прошествіи двухъ мѣсяцевъ, она возвратилась къ отцу своему, и онъ свершилъ надъ нею обѣтъ свой, который далъ, и она не познала мужа. И вошло въ обычай у Израиля, что ежегодно дочери Израилевы ходили оплакивать дочь Іефеѣ, Галаадитянина, четыре дня въ году. Эфремяне собрались и сказали Іефеѣ: для чего ты ходилъ воевать съ Аммонитянами, а насъ не позвалъ съ собою? Іефеѣ сказалъ имъ: и я и народъ мой имѣли съ Аммонитянами сильную ссору; я звалъ васъ, но вы не спасли меня отъ руки ихъ. Зачѣмъ же вы пришли нынѣ воевать со мною? И собралъ Іефеѣ всѣхъ жителей Галаадскихъ, и сразился съ Эфремянами, и побилъ жители Галаадскіе Эфремянъ. И переправили Галаадитяне переправу чрезъ Іорданъ отъ Эфремянъ, и когда кто изъ убѣжавшихъ Эфремянъ говорилъ: позвольте мнѣ переправиться, то жители Галаадскіе говорили ему: не Эфремянинъ ли ты? Онъ говорилъ нѣтъ. Они говорили ему: скажи: сибболетъ, а онъ говорилъ: сибболетъ, и не могъ иначе выговорить. Тогда они закалили его у переправы чрезъ Іорданъ. И пало въ то время изъ Эфремянъ сорокъ двѣ тысячи. Іефеѣ былъ судьей Израиля шесть лѣтъ, и умеръ Іефеѣ Галаадитянинъ, и погребенъ въ одномъ изъ городовъ Галаадскихъ.

Самый знаменитый изъ судей—Самсонъ. «Былъ человекъ отъ племени Данова, по имени Маной; жена его была неплодна. И явился Ангелъ Господень женѣ, и сказалъ

Іефеѣ.

Самсонъ.

ей: Вотъ, ты неплодна; но зачнешь и родишь сына. Бритва не коснется головы его, потому что отъ самаго чрева матери младенецъ сей будетъ назорей Божій; и онъ начнетъ спасать Израиля отъ руки филистимлянъ;—филистимляне господствовали тогда надъ Израилемъ. И жена родила сына, и нарекла имя ему Самсонъ. «Когда Самсонъ возмужалъ, онъ увидѣлъ въ филистимскомъ городѣ Тимнаѣ дѣвушку, которая понравилась ему; и переговоривъ съ своимъ отцомъ и матерью, пошелъ сватать ее. И когда онъ подходилъ къ виноградникамъ Тимнаескимъ, вотъ молодой левъ, рыкая, идетъ на встрѣчу ему. И сошелъ на него Духъ Господень, и онъ растерзалъ льва какъ козленка. И пришелъ и поговорилъ съ женщиною. Спустя нѣсколько дней, опять пошелъ онъ, чтобы взять ее, и зашелъ посмотрѣть трупъ льва, и вотъ, рой пчелъ въ трупѣ львиномъ и медъ. Онъ взялъ его въ руки свои, и пошелъ и ѣлъ дорогою. И пришелъ къ женщинѣ, и сдѣлалъ пиръ, какъ обыкновенно дѣлаютъ женихи. И выбрали тридцать брачныхъ друзей, которые были бы при немъ. И сказалъ имъ Самсонъ: загадаю я вамъ загадку; если вы отгадаете мнѣ ее въ семь дней пира, и отгадаете вѣрно; то я дамъ вамъ тридцать синдоновъ—рубашекъ изъ тонкаго полотна—и тридцать перемѣнъ одеждъ. Если же не сможете отгадать мнѣ, то вы дайте мнѣ тридцать синдоновъ и тридцать перемѣнъ одеждъ. Они сказали ему: загадай загадку твою, послушаемъ. И сказалъ имъ: изъ ядущаго вышло ядомовъ, и изъ сильнаго вышло сладкое. И не могли отгадать загадки. Въ седмйй день сказали они женѣ Самсоновой: уговори мужа твоего, чтобы онъ разгадалъ намъ загадку; иначе сождемъ огнемъ тебя и домъ отца твоего. Развѣ вы призвали насъ, чтобы обобрать насъ? И плакала жена Самсонова предъ нимъ, и говорила: ты ненавидишь меня и не любишь; ты загадалъ загадку сынамъ народа моего, а мнѣ не разгадаешь ее. Онъ сказалъ ей: отцу моему и матери моей не разгадалъ ее; и тебѣ ли разгадаю? И плакала она предъ нимъ. Наконецъ разгадалъ ей; ибо она усиленно просила его. А она разгадала загадку сынамъ народа своего. И въ седмйй день до захожденія солнечнаго сказали ему граждане: что слаще меда, и что сильнѣе льва! Онъ сказалъ имъ: если бы вы не орали на моей телицѣ, то не отгадали бы моей загадки. И сошелъ на него Духъ Господень, и пошелъ онъ въ Аскалонъ, и, убивъ тамъ тридцать человѣкъ, снялъ съ нихъ одежды, и отдалъ перемѣны платья ихъ разгадавшимъ загадку. И воспылалъ гнѣвъ его, и ушелъ онъ въ домъ отца своего».

«Черезъ нѣсколько дней, во время жатвы пшеницы пришелъ Самсонъ повидаться съ женою своею, принесши съ собою козленка; и когда сказалъ: войду къ женѣ моей въ спальню, отецъ ея не далъ ему войти. И сказалъ отецъ ея: я подумалъ, что ты возненавидѣлъ ее, и я отдалъ ее другу твоему. Вотъ, меньшая сестра красивѣе ея; пусть она будетъ тебѣ вмѣсто ея. Но Самсонъ сказалъ имъ: теперь я буду правъ предъ филистимлянами, если сдѣлаю имъ зло. И пошелъ Самсонъ, и поймалъ триста лисицъ, и взялъ факелы, и связалъ хвостъ съ хвостомъ, и привязалъ по факелу между двумя хвостами. И зажегъ факелы, и пустилъ ихъ на жатву филистимскую, и выжегъ и копны и нежатый хлѣбъ, и виноградные сады и масличные. И говорили филистимляне: кто это сдѣлалъ? и сказали: Самсонъ, зять Тимнаенина; ибо этотъ взялъ жену его, и отдалъ другу его. И пошли филистимляне, и сожгли огнемъ ее и отца ея. Самсонъ сказалъ имъ: хотя вы сдѣлали это; но я отыщу вамъ самими. И перебилъ онъ имъ голени и бедра, и пошелъ и засѣлъ въ ущеліе скалы Етама. И пошли филистимляне и расположились станомъ въ Іудеѣ, и протянулись до Лехи. И сказали жители Іудеи: за что вы вышли противъ насъ? Они сказали: мы пришли связать Самсона, чтобы поступить съ нимъ, какъ онъ поступилъ съ нами. И пошли три тысячи человѣкъ изъ Іудеи къ ущелію скалы Етама, и сказали Самсону: развѣ ты не знаешь, что филистимляне господствуютъ надъ нами? что ты это сдѣлалъ намъ? Онъ сказалъ имъ: какъ они со мною поступили, такъ и я поступилъ съ ними. И сказали ему: мы пришли связать тебя, чтобы отдать тебя въ руки филистимлянамъ. И сказалъ имъ Самсонъ: погляните мнѣ, что вы не убьете меня. И сказали ему: нѣтъ, мы только свяжемъ тебя и отдадимъ тебя въ руки ихъ, а умертвить не умертвимъ. И связали его двумя новыми веревками, и повели его изъ ущелія. Когда онъ подошелъ къ Лехѣ, филистимляне съ

крикомъ встрѣтили его; и сошелъ на него Духъ Господень, и веревки, бывшія на рукахъ его, сдѣлались, какъ перегорѣвшій ленъ, и упали узы его съ рукъ его. Нашелъ онъ свѣжую ослиную челюсть, и, протянувъ руку свою, взялъ ее, и убилъ ею тысячу человѣкъ. И назвалъ то мѣсто: Рамаѣ-Лехи. (Брошенная челюсть). И почувствовалъ сильную жажду, и воззвалъ къ Господу и сказалъ: теперь умру я отъ жажды, и попаду въ руки необрѣзанныхъ. И разверзъ Богъ ямину въ Лехѣ, и потекла изъ нея вода. Онъ напился, и возвратился духъ его, и онъ ожилъ; отъ того и наречено имя мѣсту сему: источникъ вызывающаго».

«Пришелъ однажды Самсонъ въ Газу, и, увидѣвъ тамъ блудницу, пошелъ къ ней. Жителямъ Газы сказали: Самсонъ пришелъ сюда; и подстерегали его всю ночь въ воротахъ города, говоря: до свѣта утренняго подождемъ, и убьемъ его. А Самсонъ спалъ до полуночи; въ полночь же вставъ, схватилъ двери городскихъ воротъ съ обоими косяками, поднялъ ихъ вмѣстѣ съ запоромъ, положилъ на плеча свои, и отнесъ ихъ на вершину горы, которая на пути къ Хеврону».

«Послѣ того полюбилъ онъ одну женщину, жившую на долинѣ Сорекъ; имя ей Далида. Къ ней пришли владѣльцы филистимскіе, и говорятъ ей: уговори его, и выведи, въ чемъ великая сила его, и какъ намъ одолѣть его, чтобы связать его и усмирить его; а мы дадимъ тебѣ за то каждыи тысячу сто синлей серебра. И сказала Далида Самсону: скажи мнѣ, въ чемъ великая сила твоя, и чѣмъ связать тебя чтобы усмирить тебя? Онъ сказалъ ей: если свяжутъ меня новыми веревками, которыя не были въ дѣлѣ, то я сдѣлаюсь безсиленъ, и буду, какъ прочіе люди. Далида взяла новыя веревки, и связала его, и сказала ему: Самсонъ! Филистимляне идутъ на тебя, (между тѣмъ одинъ скрытно сидѣлъ въ спальнѣ); и сорвалъ онъ ихъ съ рукъ своихъ, какъ нитки. И сказала Далида Самсону: ты обманываешь меня и говоришь мнѣ ложь; скажи мнѣ, чѣмъ бы связать тебя. Онъ сказалъ ей: если ты вотчешь семь косъ головы моей въ тканъ, и прибьешь ее гвоздемъ къ ткальной колодѣ. И прикрѣпила ихъ къ колодѣ, и сказала ему: филистимляне идутъ на тебя, Самсонъ! Онъ пробудился отъ сна своего и выдернулъ ткальную колоду вмѣстѣ съ тканью; и сказала ему Далида: какъ же ты говоришь: люблю тебя, а сердце твое не со мною? вотъ, ты не сказалъ мнѣ, въ чемъ великая сила твоя. И какъ она словами своими тяготила его всякій день и мучила его, то душѣ его тяжело стало до смерти; и онъ открылъ ей все сердце свое, и сказалъ ей: бритва не касалась головы моей, ибо я назорей Божій отъ чрева матери моей. Если же остричь меня, то отступитъ отъ меня сила моя; я сдѣлаюсь слабъ, и буду, какъ прочіе люди. Далида, видя, что онъ открылъ ей все сердце свое, послала и звала владѣльцевъ филистимскихъ, сказавъ имъ: идите теперь; онъ открылъ мнѣ все сердце свое. И пришли къ ней владѣльцы филистимскіе, и принесли серебро въ рукахъ своихъ. И усыпила его Далида на колѣняхъ своихъ, и призвала челоѣка, и велѣла ему остричь семь косъ головы его. И отступила отъ него сила его. Она сказала: филистимляне идутъ на тебя, Самсонъ! Онъ пробудился отъ сна своего, и сказалъ: какъ и прежде, освобожусь; а не зналъ, что Господь отступилъ отъ него. Филистимляне взяли его, и выкололи ему глаза, привели его въ Газу, и оковали его двумя мѣдными цѣпями, и онъ молотъ въ домѣ узниковъ».

«Между тѣмъ волосы на головѣ его начали расти, гдѣ они были острижены. Владѣльцы филистимскіе собрались, чтобы принести великую жертву Дагону, богу своему, и повеселиться, и сказали: богъ нашъ предалъ Самсона, врага нашего, въ руки наши. И когда развеселилось сердце ихъ, сказали: позовите Самсона, пусть онъ позабавитъ насъ. И призвали Самсона изъ дома узниковъ, и онъ забавлялъ ихъ, и поставили его между столбами. И сказалъ Самсонъ отроку, который водилъ его за руку: подведи меня, чтобы ощупать мнѣ столбы, на которыхъ утверждёнъ домъ, и прислониться къ нимъ. Домъ же былъ полонъ мужчинъ и женщинъ; тамъ были всѣ владѣльцы филистимскіе, и на кровлѣ было до трехъ тысячъ мужчинъ и женщинъ, смотрѣвшихъ на забавляющаго ихъ Самсона. И воззвалъ Самсонъ къ Господу и сказалъ: Господи Боже! вспомни меня, и укрѣпи меня только теперь, о Боже! чтобы мнѣ въ одинъ разъ от-

мстить филистимлянамъ за два глаза мои. И сдвинулъ Самсонъ съ мѣста два среднихъ столба, на которыхъ утверждены были домъ, упершись въ нихъ, въ одну правую рукою своею, а въ другой лѣвою. И сказалъ Самсонъ: умри, душа моя, съ филистимлянами! И уперся всею силою, и обрушился домъ на владѣльцевъ и на весь народъ, бывшій въ немъ. И было умершихъ, которыхъ умертвилъ Самсонъ при смерти своей, болѣе, нежели сколько умертвилъ онъ въ жизни своей. И пришли братья его и весь домъ отца его, и взяли его, и пошли и похоронили его во гробъ Маноя, отца его».

Изъ этихъ отрывочныхъ извѣстій состоитъ исторія народа израильскаго въ періодъ безначалія, продолжавшійся полторасти или болѣе лѣтъ. Преданія, группировавшіяся около изреченій, пѣсенъ, жертвенниковъ, памятниконъ, урочищъ, освященныхъ религіознымъ своимъ характеромъ и именемъ Іеговы, переходили изустно отъ поколѣнія къ поколѣнію, пока во времена болѣе образованности были записаны. Твердая привязанность къ старинѣ и непріязнь къ иноземцамъ, качества, принадлежавшія и евреямъ, какъ всѣмъ восточнымъ народамъ, благопріятствовали сохраненію воспоминаній, передаваемыхъ отцами. И устраняли примѣсь иноземныхъ рассказовъ къ нимъ. Подробные эпизоды отдѣлены одинъ отъ другаго большими промежутками времени, отъ которыхъ сохранились лишь краткія упоминанія о нѣсколькихъ именахъ. Но можно опредѣлить порядокъ, въ какомъ судьи слѣдовали другъ за другомъ, и ясно видно, что разстройство національной жизни израильтянъ все увеличивалось. Мы видимъ, что между Моисеемъ и Деворою было нѣсколько судей, что Гедеонъ жилъ послѣ, что за эпохою Гедеона слѣдуетъ періодъ разстройства и смугъ. Во время Іефѳаи разстройство ужь очень велико; а Самсонъ борется ужь только какъ отдѣльное лицо и, при всей своей исполинской силѣ, безуспѣшно. Къ этому времени порчи и упадка должно быть относимо гнусное дѣло жителей Гивы, о которомъ мы ужь упоминали выше.

Злодѣяніе, совершенное въ Гивѣ и наказаніе за него. Жилъ одинъ Левитъ на склонѣ горы Эфремовой. Онъ взялъ себѣ наложницу изъ Вилеема Іудейскаго. Нложница его поссорилась съ нимъ, и ушла отъ него въ домъ отца своего. Мужъ ея всталъ и пошелъ за нею, чтобы поговорить къ сердцу ея, и возвратитъ ее къ себѣ. Отецъ этой молодой женщины съ радостію встрѣтилъ его. И пробылъ онъ у него три дня; они ѣли и пили и ночевали тамъ. Въ четвертый день встали они рано, чтобъ идти. И сказалъ отецъ молодой женщины зятю своему: останься еще на ночь, и пусть повеселится сердце твое. Человѣкъ тотъ всталъ было, чтобъ идти, но тестъ его упростиъ его, и онъ опять ночевалъ тамъ. Тестъ упростивалъ его еще остаться, но ужь не уговорилъ. «И всталъ тотъ человѣкъ, чтобъ идти, самъ онъ, наложница его и слуга его, и пошелъ, и пришелъ къ Іевусу, что нынѣ Іерусалимъ, и наложница его съ нимъ. И сказалъ слуга: найдемъ въ этотъ городъ Іевусеевъ и почуемъ въ немъ. Господинъ его сказалъ ему: нѣтъ, не пойдемъ въ городъ иноплеменниковъ, но дойдемъ до Гивы Веніаминовой. И пришелъ онъ, и сѣлъ на улицѣ въ городъ; но никто не приглашалъ ихъ въ домъ для ночлега. И вотъ, идетъ одинъ старикъ съ работы своей съ поля вечеромъ; онъ родомъ былъ съ горы Эфремовой, и жилъ въ Гивѣ. Жители же мѣста сего были сыны Веніаминовы. Онъ ввелъ его въ домъ свой, и далъ корму осламъ его, а сами они омыли ноги свои, и ѣли и пили. Тог-

да какъ они развеселили сердца свои, вотъ, жители города, люди развратные, окружили домъ, стучались въ двери, и говорили старикъ, хозяину дома: выведи человѣка, вошедшаго въ домъ твой, мы познаемъ его. Хозяинъ дома вышелъ къ нимъ, и сказалъ имъ: нѣтъ, братья мои, не дѣлайте этого безумія. Но они не хотѣли слушать его. Тогда мужъ взялъ свою наложницу, и вывелъ къ нимъ на улицу, чтобы спасти себя. «Они познали ее, и ругались надъ нею всю ночь до утра, и отпустили ее при появленіи зори. И пришла женщина, и упала у дверей дома того человѣка, и умерла. «Господинъ ея всталъ по утру, отворилъ двери дома, и вотъ, наложница его лежитъ у дверей мертвая. «Онъ положилъ ее на осла, всталъ и пошелъ на свое мѣсто. Пришедши въ домъ свой, взялъ ножъ, и, взявъ наложницу свою, разрѣзалъ ее по членамъ ея на двѣнадцать частей, и послалъ во всѣ предѣлы Израилевы. Всякій, видѣвшій это, говорилъ: не бывало и не видано было подобнаго сему отъ дня изшествія сыновъ Израилевыхъ изъ земли Египетской до сего дня. Обратите вниманіе на это, посовѣтуйтесь и скажите. И вышли всѣ сыны Израилевы, и собралось все общество, какъ одинъ человѣкъ, предъ Господа въ Массифу. И собрались начальники всего народа, всѣ колѣна Израилевы, въ собраніе народа Божія, четыреста тысячъ пѣшихъ, обнажающихъ мечъ». Только изъ колѣна Веніаминова и изъ Галаадскаго города Іависа не пришелъ никто. Выслушавъ Левита, послали колѣна Израилевы во все колѣно Веніаминово сказать: Выдайте развратныхъ оныхъ людей, которые въ Гивѣ; мы умертвимъ ихъ, и искоренимъ зло изъ Израиля. Но сыны Веніаминовы не хотѣли послушать голоса братьевъ своихъ. А собрались сыны Веніаминовы изъ городовъ въ Гиву, чтобы пойти войною противъ сыновъ Израилевыхъ. И насчиталось въ тотъ день сыновъ Веніаминовыхъ, собравшихся изъ городовъ, двадцать шесть тысячъ человѣкъ, обнажающихъ мечъ; кромѣ того было семьсотъ человѣкъ отборныхъ, которые, бросая изъ пращей камни въ волосъ, не бросали мимо. И поклялись Израильтяне, говоря: никто изъ насъ не отдастъ дочери своей сынамъ Веніаминова въ замужество. И спросили Бога сыны Израилевы, — о томъ, какому колѣну должно принадлежать управленіе походомъ; и Господь сказалъ: Іудину. Израильтяне назначили отъ каждаго десяти человѣкъ одного заботиться о подвозѣ съѣстныхъ припасовъ; и выступили на войну противъ Веніаминова, и стали въ боевой порядокъ близъ Гивы. Но сыны Веніаминовы два раза выходили изъ Гивы и въ двухъ побѣдоносныхъ битвахъ «положили на землю» 40.000 человѣкъ изъ народа Израилева. Тогда Израильтяне сдѣлали такъ, какъ сдѣлалъ Іисусъ Навинъ на войнѣ противъ Гаи: поставили засаду, заманили непріятеля притворнымъ бѣгствомъ далеко отъ Гивы; «засада поспѣшила и устремилась къ Гивѣ, и вступила, и поразила весь городъ мечемъ», и зашла его. «Тогда началъ подыматься изъ города дымъ столбомъ»; по этому условному знаку, бѣжавшіе Израильтяне воротились, а Веніаминъ оробѣлъ, ибо увидѣлъ, что постигла его бѣда; Израильтяне нанесли Веніамитянамъ такое пораженіе, что изъ всего ихъ войска спаслось только 600 человѣкъ, успѣвшихъ убѣжать въ пустыню къ скалѣ Риммону. Израильтяне сожгли города колѣна Веніаминова, «и поразили мечемъ и людей и скотъ». Сошедши по окончаніи войны въ Веилъ, Израильтяне стали жалѣть о погибелѣ колѣна Веніаминова, «и подняли громкій вопль и сильно плакали, и сказали: Дая чего это случилось въ Израилѣ, что не стало теперь одного колѣна у Израиля! На другой день сказали сыны Израилевы: кто не приходилъ въ собраніе предъ Господа (въ Массифу)? Ибо великое проклетіе произнесено было на тѣхъ, которые не пришли въ Массифу, и сказано было, что тѣ преданы будутъ смерти. И оказалось, что изъ Іависа Галаадскаго никто не приходилъ. И послало туда общество 12.000 мужей сильныхъ, и дали имъ приказаніе: Поразите жителей Іависа Галаадскаго мечемъ, — и женщинъ, и дѣтей; велѣно было пощадить только взрослыхъ дѣвушекъ. Посланные исполнили приказаніе. «И нашли они между жителями Іависа Галаадскаго четыреста дѣвицъ, и привели въ станъ, въ Силомъ. И послало все общество переговорить съ сынами Веніаминова, бывшими въ скалѣ Риммонѣ, и объявило имъ миръ. Тогда возвратились сыны Веніаминова, и дали имъ женъ, которыхъ оставили въ живыхъ изъ женщинъ Іависа Галаадскаго; но оказалось, что этого было недостаточно. Народъ же сожалѣлъ о Веніаминѣ,

что Господь не сохранилъ цѣлости колѣнъ Израилевыхъ. И сказали старѣйшины общества: мы не можемъ имъ дать женъ изъ дочерей нашихъ, ибо сыны Израилевы поплялись, говоря: проклятъ, кто дастъ жену Веніамину. И сказали: вотъ, каждый годъ бываетъ праздникъ Господень въ Силомѣ. И приказали сынамъ Веніамина и сказали: пойдите и засядьте въ виноградникахъ. И смотрите, когда выйдутъ дѣвицы Силомскія, плясать въ хороводахъ; тогда выйдите изъ виноградниковъ, и схватите себѣ каждый жену изъ дѣвицъ Силомскихъ, и идите въ землю Веніаминову. И когда придутъ отцы ихъ съ жалобою къ намъ, мы скажемъ имъ: простите насъ за нихъ; ибо мы не взяли для каждаго изъ нихъ жены на войнѣ, и вы не дали имъ; теперь вы виновны. Сыны Веніамина такъ и сдѣлали, и взяли женъ по числу своему изъ бывшихъ въ хороводѣ, которыхъ они похитили и, пошли и возвратились въ удѣлъ свой, и построили города, и стали жить въ нихъ. Въ то же время Израилѣтяне разошлись оттуда каждый въ колѣно свое и въ племя свое.

Это событіе бросаетъ дурную тѣнь на нравы народа. Но и понятно само собою, что отъ анархіи и непрерывныхъ войнъ народъ долженъ былъ очень загрубѣть. «Массу израилѣтянъ составляли поселяне, нравственные понятія которыхъ не подымались выше принципа возмездія» (Гицигъ). Но должно сказать и то, что у нихъ была патриархальная, здоровая простота чувства, было сознаніе высокаго предназначенія. Свидѣтельствомъ тому служить всеобщее негодованіе на «небывалое въ Израилѣ» преступленіе жителей Гивы; объ этомъ свидѣтельствуется и поговорка: «Такъ безбожно нельзя поступать въ Израилѣ». При анархической, добродушной и недобродушной, свободѣ, когда «всякій могъ дѣлать, что хотѣлъ», все-таки видны у израилѣтянъ успѣхи культуры; формы жизни у нихъ улучшались. Они все болѣе привыкали къ осѣдлому быту. У большей части колѣнъ главнымъ занятіемъ постепенно становится земледѣліе, разведеніе виноградниковъ и фруктовыхъ деревьевъ. Гдѣ мѣстность была удобнѣе для скотоводства, сохранялся пастушескій бытъ. На сѣверѣ, населеніе переходитъ къ городскому образу жизни. Въ періодъ безначалія израилѣтяне вели только оборонительныя войны, лишь для защиты своей свободы и собственности. Проявляется у нихъ и нѣкоторая любовь къ умственной дѣятельности. Въ исторіи Самсона играютъ большую роль остроуміе, загадки. «Поэзія израилѣтянъ оставалась, правда, все еще только лирическою», говоритъ Эвальдъ: «Но великая побѣдная пѣсня Деворы показываетъ, до какой художественности стремилась возвыситься ихъ лирика, и какое тонкое чувство прекраснаго ума проявлялось въ ней, хоть формы ея еще были тяжелы». Эта пѣсня и другіе остатки тогдашней лирики, проникнутые чистымъ религіознымъ одушевленіемъ, свидѣлствуютъ также и о томъ, что религіозная жизнь народа была исполнена противорѣчій: когда пѣлись эти пѣсни, масса народа поклонялась идоламъ. Пѣсня Деворы и нѣкоторыя другія народныя пѣсни могли быть записаны еще въ тѣ времена: примѣръ финикіянъ, ужь давно имѣвшихъ письменность, вѣроятно не остался безъ вліянія на даровитый и воспримчивый народъ израилѣтскій.

2. САУЛЬ. ДАВИДЪ. СОЛОМОНЪ.

А. ОСНОВАНІЕ ЦАРСТВА. САУЛЬ.

1. Илій и Самуилъ.

(Приблизительно отъ 1120 до 1050).

Распаденіе государства, ослабленіе племенныхъ связей во времена Смерть Илія. судей имѣло своимъ послѣдствіемъ упадокъ силы Израиля, порабо- Утрата ковчега завѣта. щеніе разрозненныхъ колѣнъ его воинственными сосѣдними народами. Филистимляне, ужь во время Самсона владычествовавшіе надъ колѣнами Іудинымъ и Симеоновымъ, направили послѣ того свои нападенія на среднюю часть страны израилѣтской, на колѣна Эфремово, Веніаминово и Манасиино. Тѣснимый ими народъ искалъ спасенія себѣ въ соединеніи власти свѣтскаго правителя съ саномъ первосвященника: онъ избралъ судьей и военачальникомъ Илія, главнаго священника при Силомскомъ святилищѣ. Пока былъ еще не очень старъ, Илій, кажется, оправдывалъ ожиданія израилѣтянъ: въ продолженіи сорокалѣтняго своего правленія, онъ энергически боролся съ врагами, и спасалъ Эфрема отъ порабоженія иноплеменниками. Но когда онъ состарѣлся и ослѣпъ, беззаконія и насилія его сыновей ослабили довѣріе и преданность народа къ его семейству; и воинственные враги стали больше и больше брать перевѣсъ надъ Израилемъ. Они разбили израилѣтянъ при Афекѣ и овладѣли ковчегомъ завѣта. При извѣстїи объ этомъ, старикъ первосвященникъ отъ ужаса упалъ со стула навзничъ и сломалъ себѣ хребетъ.

Въ 1-й Книгѣ Царствъ (II, 12 слѣд.) находится живое описаніе нравовъ сыновей Илія: «Сыновья Илія были люди негодные; они не знали Господа, и долга священниковъ въ отношеніи къ народу. Когда кто приносилъ жертву, отрокъ священническій, во время варенія мяса, приходилъ съ вилкою въ рукѣ своей, и опускалъ ее въ котелъ, или въ кострюлю, или на сковороду, или въ горшокъ, и что вынетъ вилка, то бралъ себѣ священникъ. Такъ поступали они со всѣми израилѣтянами, приходившими туда въ Силомъ. Даже прежде, нежели сожигали тукъ, приходилъ отрокъ священническій, и говорилъ приносившему жертву: дай мяса на жаркое священнику; онъ не возьметъ у тебя варенаго мяса, а дай сырое. И если кто говорилъ ему: пусть сожгутъ прежде тукъ, какъ должно, и потомъ возьми себѣ, сколько пожелаетъ душа твоя; то онъ говорилъ: нѣтъ, теперь же дай, а если нѣтъ, то силою возьму. Илій же былъ весьма старъ, и слышалъ все, какъ поступаютъ сыновья его со всѣми израилѣтянами, и что они спятъ съ женщинами, собиравшимися у входа въ свѣтнью собранія. И сказалъ имъ: для чего вы дѣлаете такіа дѣла? Если согрѣшитъ человѣкъ противъ человѣка, то помолится о немъ Богу; если же человѣкъ согрѣшитъ противъ Господа, то кто будетъ ходатаемъ о немъ? Но они не слушали голоса отца своего».

Плѣненіе ковчега завѣта. «Выступили израильтяне противъ филистимлянъ на войну», рассказывается далѣе въ 1-й Книгѣ Царствъ, и расположились станомъ при Авенъ-езерѣ, а филистимляне расположились при Афекѣ и произошла битва, и были поражены израильтяне филистимлянами, которые побили на полѣ сраженія около четырехъ тысячъ человѣкъ; и сказали старѣйшины израильтянъ: Возьмемъ себѣ изъ Силома ковчегъ завѣта Господня, онъ спасетъ отъ руки враговъ нашихъ. И послалъ народъ въ Силомъ, и принесли оттуда ковчегъ завѣта и утрастились филистимляне. Но вожди ихъ сказали: Будьте мужественны, филистимляне, чтобы вамъ не быть въ порабощеніи у евреевъ, какъ они у васъ въ порабощеніи. И сразились филистимляне, и поражены были израильтяне, и пало изъ израильтянъ тридцать тысячъ пѣшихъ, и ковчегъ Божій былъ взятъ, и два сына Иліеви, Офни и Финеесъ, умерли. И побѣждалъ одинъ воніамитянинъ съ мѣста сраженія, и пришелъ въ Силомъ; одежда на немъ была разодрана и прахъ на головѣ его. Когда пришелъ онъ, Илій сидѣлъ на сѣдалищѣ при дорогѣ у воротъ, и смотрѣлъ; ибо сердце его трепетало за ковчегъ Божій. И сказалъ тотъ человѣкъ Илію: побѣждалъ Израиль предъ филистимлянами, и оба сына твои, Офни и Финеесъ, умерли, и ковчегъ Божій взятъ. Когда упомянулъ онъ о ковчегѣ Божіемъ, Илій упалъ съ сѣдалища навзничъ у воротъ, сломалъ себѣ хребетъ и умеръ. Невѣстка его, жена Финеесова, была беременна уже предъ родами. И когда услышала она извѣстіе о взятіи ковчега Божія и о смерти свекра своего и мужа своего, то упала на колѣна, и родила. И назвала младенца: Иха-водъ (Безславіе), сказавъ: отошла слава отъ Израиля, ибо взятъ ковчегъ Божій. И было великое стenanіе въ городѣ.

«Филистимляне же взяли ковчегъ Божій, и принесли его въ Азотъ. И взяли филистимляне ковчегъ Божій и внесли его въ храмъ Дагона, и поставили его подлѣ Дагона. И встали азотяне рано на другой день, и вотъ, Дагонъ лежитъ лицомъ къ землѣ предъ ковчегомъ Господнимъ. И взяли они Дагона, и опять поставили его на свое мѣсто. И встали они поутру на слѣдующій день, и вотъ Дагонъ лежитъ ницъ на землѣ предъ ковчегомъ Господнимъ; голова Дагонова и обѣ руки его лежали отсѣченныя, каждая особо, на порогѣ, осталось только туловище Дагона. И отяготѣла рука Господня надъ азотянами, и Онъ поражалъ ихъ, и наказалъ ихъ мучительными наростами, въ Азотѣ и въ окрестностяхъ его, и увидѣли это азотяне, и отправили ковчегъ Бога израилева въ Геѣ. И поразилъ Господь жителей города отъ малаго до большаго, и показались на нихъ наросты. И отослали они ковчегъ Божій въ Аскалонъ; и возопили аскалонитяне, говоря: принесли къ намъ ковчегъ Бога израилева, чтобы умертвить насъ и народъ нашъ. И сказали: отошлите ковчегъ Бога израилева; пусть онъ возвратится въ свое мѣсто». По совѣту жрецовъ и прорицателей филистимляне поставили ковчегъ на новую колесницу, запряженную молодыми коровами, еще не бывавшими въ ярмѣ, положили на колесницу золотые подарки, и пустили коровъ идти. Коровы привезли колесницу съ ковчегомъ въ пограничный съ филистимскою землею городъ колѣна Іудина, Веесамисъ; жители его поставили ковчегъ на большомъ камнѣ въ полѣ, а коровъ принесли въ жертву всеожженія Іеговѣ. Но скоро и въ Веесамисѣ стало умирать много людей, и жители его послали къ жителямъ Киріаѳарима пословъ съ просьбою, чтобы они взяли ковчегъ. «И пришли жители Киріаѳарима, и взяли ковчегъ Господа, и принесли его въ домъ Аминадава, на холмъ, а Элеазара, сына его, посвятили, чтобы онъ хранилъ ковчегъ Господа». Ковчегъ оставался въ Киріаѳаримѣ двадцать лѣтъ, потому что «во дни Саула не обращались къ нему» (1 Паралипом. XIII, 8). При Давидъ былъ онъ перевезенъ въ Іерусалимъ и поставленъ въ скиніи, которую устроилъ для него Давидъ въ своей новой столицѣ.

Самуилъ становится судьей.

Въ бѣдственномъ положеніи народа израильскаго явился избавитель ему боговдохновенный пророкъ С а м у и л ъ. Благочестивая мать Самуила, Анна, жена эфремлянина Элкана, долго была неплодна, и когда родился у нея сынъ, она, въ признательности своей, посвятила

его Іеговѣ. Онъ съ дѣтства воспитывался въ Силомскомъ святилищѣ. Илій любилъ его. Онъ гнушался беззаконіями сыновей Ілія и не слѣдовалъ примѣру ихъ. Благочестивая мать каждый годъ, приходя съ мужемъ на поклоненіе Господу въ Силомъ, приносила сыну «малую верхнюю одежду», и «онъ служилъ предъ Господомъ, надѣвая льняной эфодъ». Когда бѣдствіе постигло домъ Ілія, и врагъ угрожалъ погубить ослабленный народъ израильскій, Самуилъ, много лѣтъ служившій Іеговѣ и получавшій откровенія отъ Бога, былъ провозглашенъ преемникомъ Ілія въ санѣ судьи. Онъ собралъ народъ въ Массифѣ, увѣщевалъ его обратиться всѣмъ сердцемъ къ Богу, исполнять всѣ заповѣди Божіи, принесъ въ жертву ягненка, взятаго изъ сосцовъ, и «воззвалъ къ Господу объ Израилѣ», на котораго во время жертвоприношенія пришли филистимляне. И услышалъ Господь Самуила: «Господь возгремѣлъ въ тотъ день сильнымъ громомъ надъ филистимлянами и навелъ на нихъ ужасъ, и они были поражены», обратились въ бѣгство.—Самуилъ сокрушилъ всѣхъ князей филистимскихъ, говорится въ книгѣ Сираха (XLVI, 23). Самуилъ поставилъ на мѣстѣ битвы камень и назвалъ его: Авенъ-езеръ («камень помощи»). «И возвращены были Израилю города, которые взяли филистимляне у Израиля». Самуилъ всѣми силами заботился оживить израильскій народъ возстановленіемъ закона Моисеева. Въ особенности старался онъ внушать свои чувства молодымъ людямъ; они, научившись, распространяли въ народѣ преданность закону Моисееву. Уважаемый всѣми израильтянами «пророкъ» Іеговы, Самуилъ былъ въ бѣдственное время Израиля проповѣдникомъ національной религіи, судьей и военачальникомъ народа.

Самуилъ жилъ въ Силомѣ. Ковчегъ завѣта теперь былъ не тамъ; но тамъ стояло святилище, наиболее уважаемое изъ всѣхъ святилищъ въ цѣлой странѣ. Святилища были тогда въ разныхъ мѣстахъ, обыкновенно на «высотахъ». На нѣкоторыхъ изъ этихъ «высотъ» («бема») были поставлены для богослуженія зданія, подобныя храмамъ. Мы видимъ, что были совершаемы моленія и приноsimы жертвы въ Веѳилѣ, Галгалѣ, Массифѣ, Рамѣ, Номвѣ, Гивѣ; у племени Данова тоже было святилище, съ исторіею котораго мы ужъ знакомы; въ этомъ святилищѣ жрецами были левиты. Но не одни левиты имѣли въ тѣ времена право приносить жертвы. Еще и при первыхъ царяхъ сохранялся патриархальный обычай, по которому жертвы приносили домохозяинъ, старѣйшина рода, старѣйшина колѣна. Жертвы приносили Гедеонъ, Самуилъ, Саулъ, происходившіе не изъ колѣна Левіина. Послѣ жертвоприношенія, принесшіе жертву обѣдали. Праздники совпадали съ главными эпохами земледѣльческихъ работъ, были праздниками земледѣльцевъ. Они совершались повсюду въ странѣ. Въ мысляхъ народа Іегова былъ національнымъ богомъ, другіе народы пользовались покровительствомъ другихъ боговъ: Іефѳай говоритъ аммо-

Религіозныя дѣла.

нитскому царю: «Не владѣешь ли ты тѣмъ, что далъ тебѣ Хамось, богъ твой? И мы владѣемъ тѣмъ, что далъ намъ въ наслѣдіе Господь (Іегова) Богъ нашъ» (Книга Судей, XI, 24). Израильтяне не задавали себѣ вопроса, какъ же возможно признавать существованіе другихъ боговъ, признавая Іегову единственнымъ богомъ. Считая дѣйствительно богами боговъ другихъ народовъ, израильтяне легко впадали въ многобожіе, въ идолопоклонство. «Понятіе ихъ о Іеговѣ было ужъ таково, что если бы они разсуждали послѣдовательно, они не могли бы признавать существующими никакихъ другихъ боговъ; но они считали ихъ дѣйствительно существующими» (Бодиссинъ). Черезъ пять столѣтій послѣ Моисея, у израильтянъ все еще держались остатки многобожія. Нужно было дальнѣйшее развитіе религіознаго и нравственнаго сознанія израильтянъ въ послѣдующее время, чтобы для нихъ стало яснымъ понятіе о Іеговѣ, чтобы предъ этимъ понятіемъ исчезли другіе боги, и чтобы еврейское названіе бога «Элогимъ», имѣющее форму множественнаго числа, утратило въ мысляхъ народа смыслъ множественности, стало означать исключительно единого бога, Іегову. А теперь даже тѣ израильтяне, которые совершенно усердно чтили Іегову, все еще думали только, что онъ—самый могущественный изъ боговъ; онъ былъ для нихъ не единственный, а только верховный богъ.

Миръ, заключенный филистимлянами съ израильскимъ народомъ послѣ пораженія, нанесеннаго имъ Самуиломъ, едва ли былъ продолжителенъ. Кажется, еще въ то время, когда Самуилъ былъ судьей, они устроили на восточномъ склонѣ горной страны къ Іордану, въ Михмасѣ, укрѣпленный лагерь, чтобы систематически вести дѣло покоренія средней части Палестины; и судя по отрывочнымъ краткимъ извѣстіямъ библейскаго разсказа должно думать, что они держали южную часть горной страны израильской въ тяжеломъ порабоженіи, отобрали у населенія оружіе, имѣли въ Гивѣ отрядъ, начальникъ котораго собиралъ налоги съ народа; что израильтяне южной Палестины были даже обязаны ходить вмѣстѣ съ филистимлянами на войну противъ своихъ единоплеменниковъ. Отобравъ оружіе у южныхъ израильтянъ, филистимляне не позволяли кузнецамъ жить въ покоренной землѣ, чтобы жители ея не могли вновь обзавестись оружіемъ, такъ что «должны были ходить всѣ израильтяне къ филистимлянамъ, когда сдѣлается щербина на остріѣ у сошниковъ, и у заступовъ, и у вилъ, и у топоровъ; во время войны», начатой Сауломъ при его воцареніи, «не было ни меча, ни коня у всего народа, бывшаго съ Сауломъ».

Народъ требуетъ себѣ царя. Эти бѣдствія привели народъ къ убѣжденію, что нельзя оставаться при слабомъ государственномъ устройствѣ, что власть судьи, даже и въ соединеніи съ саномъ первосвященника, не имѣетъ достаточной силы; что вся нація неизбѣжно подпадаетъ подъ иго иноплеменниковъ,

если не будетъ создана такая власть, которая могла бы соединить и направить на враговъ силы всѣхъ колѣнъ. Филистимляне и другіе хананеи собственно потому и одолевали израильтянъ на войнѣ, что у нихъ были военные цари, была твердая власть, дававшая силамъ государства единство. Къ прискорбному убѣжденію въ неудовлетворительности власти судьи присоединилось опасеніе, что по смерти Самуила дѣла пойдутъ еще хуже, потому что «сыновья его не ходили путями его, а уклонились въ корысть, и брали подарки, и судили превратно». Такимъ образомъ, распространилось у израильтянъ мнѣніе, что надобно имѣть царя; онъ будетъ водить народъ противъ угрожающихъ враговъ, будетъ побѣждать ихъ. Самуилъ всѣми силами противился этому желанію. По своему положенію и по своимъ понятіямъ онъ не могъ не осуждать переменъ государственнаго устройства. Онъ пытался отвратить старѣйшинъ отъ ихъ требованія тою знаменитою рѣчью, въ которой описалъ притѣсненія, какимъ подвергнутся израильтяне подъ властью царя (1 книга Царствъ VIII, 10—18). Но сила обстоятельствъ, неотвратимая необходимость преодолѣла его сопротивленіе.

Однимъ изъ тѣхъ обстоятельствъ, которыя дѣлали необходимою для израильтянъ избрать царя, были бѣдствія колѣнъ, жившихъ на востокѣ отъ Іордана. Эти кочевыя племена, избавленные могущественною рукою Іефѳая отъ вторженій аммонитянъ, теперь снова подвергались хищническимъ нашествіямъ ихъ, были такъ же угнетаемы ими, какъ западныя колѣна филистимлянами. Теперь Галааду грозило новое нашествіе: царь Аммонитскій Наасъ ужъ осадилъ Іависъ. Напрасно жители Іависа выражали готовность быть покорны ему, если онъ заключить съ ними союзъ; онъ отвѣчалъ: «Я заключу съ вами союзъ, но съ тѣмъ, чтобы выколоть у каждого изъ васъ правый глазъ и тѣмъ положить безчестіе на всего Израиля» (1 книга Царствъ, XI, 2). Старѣйшины Іависскіе отправили пословъ къ единоплеменникамъ своимъ на западѣ отъ Іордана, умоляя о помощи. Слущая пословъ, весь народъ стоналъ и плакалъ.

Въ Гивѣ, одномъ изъ городовъ колѣна Веніамина, жилъ тогда Саулъ, сынъ Киса, зажиточнаго человѣка; «не было никого изъ Израильтянъ красивѣе его; отъ плечъ своихъ былъ выше всего народа». Когда послы Іависскіе были въ Гивѣ, и весь народъ, выслушавъ ихъ, рыдалъ, Саулъ вернулся съ волами своими съ поля въ городъ; спросилъ: что народъ плачетъ? И пересказали ему слова жителей Іависа. И сошелъ духъ Божій на Саула, и сильно воспламенился гнѣвъ его. И взялъ онъ пару воловъ, и разсѣкъ ихъ на части, и послалъ во всѣ предѣлы Израильскіе, объявляя, что такъ будетъ поступлено съ волами того, кто не пойдетъ въ слѣдъ Саула. И напалъ страхъ Господень на народъ, и выступили всѣ, какъ одинъ человѣкъ». Саул повелъ ихъ за Іорданъ къ Іавису и раздѣлилъ на

Воцареніе Сау-
ла.

три отряда, «и они проникли въ средину стана (аммонитянъ) во время утренней стражи, и поразили аммонитянъ до дневнаго зноя; оставшіеся разсѣялись, такъ что не осталось изъ нихъ двоихъ вмѣстѣ». Этою побѣдою было рѣшено дѣло объ установленіи царской власти: «Пошелъ весь народъ въ Галгалъ, и поставили тамъ Саула царемъ предъ Господомъ въ Галгалѣ, и принесли тамъ мирныя жертвы предъ Господомъ. И весьма веселились тамъ Саулъ и все Израильтяне». Только нѣкоторые «негодныя люди говорили: ему ли спасти насъ? и презрѣли его, и не поднесли ему даровъ». Ихъ никто не слушалъ. Самуилъ теперь сказалъ народу: «Вотъ, я послушался голоса вашего и поставилъ надъ вами царя. А я состарѣлся. Вотъ я; свидѣствуйте предъ Господомъ и предъ помазанникомъ его, у кого взялъ я вола, у кого осла, кого обидѣлъ и кого притѣснилъ, у кого взялъ даръ и закрылъ въ дѣлѣ его глаза мои. И отвѣчали: Ты не обижалъ насъ и не притѣснялъ насъ, и ничего ни у кого не взялъ». Самуилъ произнесъ рѣчь, въ которой убѣждалъ царя и народъ бояться Господа и служить ему: если они будутъ служить Господу и исполнять повелѣнія его, то помощь его никогда не покинетъ ихъ.

2. Царь Саулъ.

(1180—1058 или 1055—1033).

Война Саула
съ Филисти-
млянами.

Гивѣ Самуила
на Саула.

Первые два года своего правленія Саулъ употребилъ на то, чтобы составить себѣ хорошее войско изъ 3000 отборныхъ воиновъ. Двумя тысячами ихъ командовалъ онъ самъ, третьею тысячею его храбрый сынъ Ионаанъ. «Остальной народъ отпустилъ онъ по домамъ», спокойно заниматься земледѣліемъ. Но страна все еще была угнетаема Филистимлянами. Ионаанъ, чтобъ избавить Израиля отъ стыда рабства, пошелъ на Гиву «и разбилъ охранный отрядъ Филистимскій, который былъ въ Гивѣ». Раздраженные этимъ Филистимляне «собрались на войну противъ Израиля: тридцать тысячъ колесницъ и шесть тысячъ конницы, и народа множество, какъ песокъ на берегу моря; и пришли, и расположились станомъ въ Михмасѣ. Израильтяне укрывались въ пещерахъ и въ ущельяхъ, и между скалами, и въ башняхъ, и во рвахъ; а нѣкоторые переправились за Иорданъ, въ страну Гадову и Галаадскую. И вышли изъ стана Филистимскаго три отряда для опустошенія земли: одинъ направился по дорогѣ къ Офрѣ, другой по дорогѣ Веѳоронской, а третій по дорогѣ къ границѣ долины Цевоимъ, въ пустынь». Саулъ семь дней ждалъ Самуила, чтобъ онъ принесъ жертву и помолился Господу о помощи. «Но Самуилъ

не приходилъ, и сталъ народъ разбѣгаться», потому Саулъ самъ совершилъ жертвоприношеніе. «Но едва кончилъ онъ возношеніе всежженія, вотъ, приходитъ Самуилъ; и вышелъ Саулъ ему на встрѣчу, чтобы привѣтствовать его. Но Самуилъ сказалъ: Худо ты поступилъ, что не исполнилъ повелѣнія Господа, Бога твоего, которое было дано тебѣ; ибо нынѣ упрочилъ бы Господь царствованіе твое надъ Израилемъ навсегда. Но теперь не устоять царствованію твоему; Господь найдетъ себѣ мужа по сердцу Своему и повелитъ ему Господь быть вождемъ народа Своего». И ушелъ Самуилъ изъ стана.

Саулъ и Ионаанъ побѣдили Филистимлянъ при Гивѣ, и освободили Израиля отъ постыднаго ига. Эта побѣда упрочила власть Саула: «И утвердилъ Саулъ свое царствованіе надъ Израилемъ, и воевалъ со всеми окрестными врагами своими, и вездѣ, куда ни обращался, имѣлъ успѣхъ, и освободилъ Израиля отъ руки грабителей его. И когда Саулъ видѣлъ какого либо человѣка сильнаго и воинственнаго, бралъ его къ себѣ». Но Саулъ во второй разъ нарушилъ обязанность исполнять повелѣнія Іеговы, сообщаемыя ему Самуиломъ: послѣ побѣды надъ Амалекитянами онъ пощадилъ попавшагося въ плѣнъ царя ихъ Агага и часть взятыхъ въ добычу стадъ, послушавшись повелѣнія «предать заклітію» всѣхъ Амалекитянъ и все ихъ стада. Битва при Гивѣ и побѣда надъ Амалекитянами очень живо описываются въ первой книгѣ Царствъ:

Выступивъ противъ филистимлянъ, Саулъ пришелъ въ Гиву. «И вышелъ передовой отрядъ филистимскій къ переправѣ Михмаской; Саулъ же находился въ окрестности Гивы подъ гранатовымъ деревомъ. Съ нимъ было около шести сотъ человѣкъ народа». Ионаанъ, взявъ съ собою оруженосца своего, тайно ушелъ напасть на филистимскій отрядъ, стоявшій на скалистомъ возвышеніи. «И сказалъ Ионаанъ оруженосцу: Вотъ, мы станемъ на виду у нихъ. Если они скажутъ: поднимитесь къ намъ, то мы взойдемъ, ибо Господь предалъ ихъ въ руки наши, и это будетъ знакомъ для насъ. Когда оба они стали на виду у отряда филистимскаго; то филистимляне сказали: вотъ, евреи выходятъ изъ ущелій, въ которыхъ попрятались они. И закричали Ионаану и оруженосцу его, говоря: взойдите къ намъ, и мы вамъ скажемъ нѣчто. Тогда Ионаанъ сказалъ оруженосцу своему: слѣдуй за мною, ибо Господь предалъ ихъ въ руки Израиля. И началъ всходить Ионаанъ, цѣпляясь руками и ногами, и оруженосецъ его за нимъ, и падали филистимляне предъ Ионааномъ, а оруженосецъ добивалъ ихъ за нимъ. И пало около двадцати человѣкъ. И произошелъ ужасъ въ станѣ на полѣ. И воскликнулъ Саулъ и весь народъ, бывший съ нимъ, и пришли къ мѣсту сраженія, и вотъ, тамъ мечъ каждаго обращенъ былъ противъ ближняго своего; смятеніе было очень великое. Тогда и евреи, которые были у филистимлянъ, и повсюду ходили съ ними, пристали къ израильтянамъ, находившимся съ Сауломъ и Ионааномъ. И все израильтяне, скрывавшіеся въ горѣ Эфремовой, услышавъ, что филистимляне побѣжали, также пристали къ своимъ въ сраженіи. И спасъ Господь въ тотъ день Израиля; битва же простерлась даже до Беа-Авена. Люди израильскіе были истомлены въ тотъ день; а Саулъ заклалъ народъ, сказавъ: проклять, кто вкуситъ хлѣба до вечера, доколѣ я не отмщу врагамъ моимъ; и никто изъ народа не вкусилъ пищи. И пошелъ весь народъ въ лѣсъ, и былъ тамъ на полянѣ медъ. И вошелъ народъ въ лѣсъ, говоря: вотъ течетъ медъ; но никто не протянулъ руки своей ко рту своему; ибо народъ боялся заклітія. Ионаанъ же не слы-

Побѣда Саула
и Ионаана при
Гивѣ.

шалъ, когда отецъ его заклиналъ народъ, и, протянувъ конецъ палки, которая была въ рукѣ его, обмануль ее въ сотъ медовый и обратилъ рукою къ устамъ своимъ, и просвѣтили глаза его. И сказалъ Саулъ Ионаану: расскажи мнѣ, что сдѣлалъ ты? И разсказалъ ему Ионаанъ, и сказалъ: я отвѣдалъ концомъ палки, которая въ рукѣ моей, немного меду; и вотъ я долженъ умереть. И сказалъ Саулъ: Ты, Ионаанъ, долженъ сегодня умереть! Но народъ сказалъ Саулу: Ионаану ли умереть, который доставилъ столь великое спасеніе Израилю? Да не будетъ этого! Живъ Господь; и волосъ не упадетъ съ головы его на землю; ибо съ Богомъ онъ дѣйствовалъ нынѣ. И освободилъ народъ Ионаана, и не умеръ онъ».

Побѣда надъ Амалеки-
тианами. «Сказалъ Самуилъ Саулу: Такъ говоритъ Господь Саваоѣ: Иди и порази Амалика и истреби все, что у него; и не давай пощады ему, но предай смерти отъ мужа до жены, отъ отрока до груднаго младенца, отъ вола до овцы, отъ верблюда до осла. И порази Саулъ Амалика. И Агага, царя Амаликова, захватилъ живаго, а народъ весь истребилъ мечемъ. Но Саулъ и народъ пощадили Агага и лучшихъ изъ овецъ и воловъ и откормленныхъ ягнятъ, и все хорошее, и не хотѣли истребить, а всѣ вещи маловажныя и худыя истребили. И всталъ Самуилъ рано утромъ, и пошелъ на встрѣчу Саулу. Когда пришелъ Самуилъ къ Саулу, то Саулъ сказалъ ему: благословенъ ты у Господа; и вспомнилъ слово Господа. И сказалъ Самуилъ: а что это за блеяніе овецъ въ ухахъ моихъ и мычаніе воловъ, которое я слышу? Зачѣмъ же ты не послушалъ гласа Господа, и бросился на добычу, и сдѣлалъ зло предъ очами Господа? И сказалъ Саулъ Самуилу: я послушалъ гласа Господа, и пошелъ въ путь, куда послалъ меня Господь, и привелъ Агага, царя Амаликитскаго, а Амалика истребилъ. Народъ же изъ добычи, изъ овецъ и воловъ, взялъ лучшее изъ запятого, для жертвоприношенія Господу, Богу твоему, въ Галгалѣ. И отвѣчалъ Самуилъ: неужели всесожженія и жертвы столько же пріятны Господу, какъ послушаніе гласу Господа? Послушаніе лучше жертвы и повиновеніе лучше тука овновъ. Ибо неповиновеніе есть такой же грѣхъ, что волшебство, и противленіе то же, что идолопоклонство. За то, что ты отвергъ слово Господа, и Онъ отвергъ тебя, чтобы ты не былъ царемъ. И сказалъ Саулъ Самуилу: согрѣшилъ я, ибо преступилъ повелѣніе Господа и слово твое; но я боялся народа, и послушалъ голоса ихъ. Но почти меня нынѣ предъ старѣйшинами народа моего и предъ Израилемъ, и воротись со мною, и я поклонюсь Господу, Богу твоему. И возвратился Самуилъ за Сауломъ, и сказалъ: приведите ко мнѣ Агага, царя Амаликитскаго; и подошелъ къ нему Агагъ дрожащій, и сказалъ Агагъ: конечно горечь смерти миновалась? Но Самуилъ сказалъ: какъ мечъ твой женъ лишалъ дѣтей, такъ мать твоя между женами пусть лишена будетъ сына; и разрубилъ Самуилъ Агага предъ Господомъ въ Галгалѣ. И отошелъ Самуилъ въ Раму».

Саулъ и Самуилъ. Съ этого времени разрывъ между свѣтскою и духовною властью проявился все яснѣе и яснѣе. Границы между ними еще не были опредѣлены съ точностью, потому нерѣдко случалось, что одна изъ нихъ присвоивала себѣ права, принадлежащія другой. Кажется, что Самуилу было тяжело предоставлять военачальнику свѣтскую власть, которою пользовался онъ прежде. Въ 1-ой Книгѣ Царствъ говорится: «Былъ Самуилъ судьей Израиля во всѣ дни жизни своей» (1 Кн. Ц. VII, 15). И такъ, Самуилъ не вполнѣ передалъ Саулу даже и судейскую власть; тѣмъ менѣе могъ онъ равнодушно выносить, когда царь бралъ на себя права жреца. Самуилъ постоянно держалъ себя относительно Саула, какъ повелитель надъ нимъ. Даже на войнѣ онъ даетъ приказанія Саулу. Мы видѣли, онъ своею рукою разрубилъ Агага, котораго Саулъ пощадилъ изъ уваженія къ царскому сану.

Саулъ, простой скромный человѣкъ, исполнявшій въ отцовскомъ домѣ всякія работы по хозяйству, повидимому охотно подчинялся въ первые годы своего правленія руководству Самуила, который былъ гораздо старше его лѣтами и пользовался въ народѣ высокимъ уваженіемъ, какъ пророкъ, истолкователь воли Іеговы. Саулъ тогда постоянно высказывалъ сыновнюю почтительность, смиренную преданность Самуилу. Но въ послѣдствіи, когда побѣды надъ сосѣдними народами на западѣ, на востокѣ, на югѣ и преданность храбраго войска пробудили въ царѣ сознаніе его могущества, онъ, быть можетъ, менѣе подчинялся Самуилу. Самуилъ и онъ рѣдко стали видѣться. Самуилъ въ Рамѣ, занимаясь дѣлами религіи, и между прочимъ, школами пророческими, которыя были или основаны или преобразованы, расширены, оживотворены имъ. Саулъ жилъ въ Гивѣ, былъ занятъ заботами объ охраненіи страны отъ внѣшнихъ враговъ, о развитіи ея благосостоянія. Онъ былъ царь-герой патріархальнаго характера, человѣкъ благородной души, хорошій семьянинъ. То время, какое оставалось у него отъ походовъ, онъ жилъ по старинной простотѣ на своемъ участкѣ земли, окруженный четырьмя сыновьями: Ионааномъ, Аминадавомъ, Іевосеемъ, Мельхисеемъ, и двумя дочерьми: Мервою и Мельхолою, которыхъ родила ему скромная жена его, Ахиноама; собесѣдникомъ его былъ начальникъ войска его, Авениръ, сынъ его дяди, храбрый воинъ. У него была только одна наложница, Рица.—Онъ явился избавителемъ Израиля въ самое тяжелое время. Онъ сокрушилъ иго филистимлянъ на западѣ, аммонитянъ на востокѣ, и обогатилъ страну добычею. Онъ покровительствовалъ «сонму пророковъ», которыхъ собралъ около себя Самуилъ, и даже самъ однажды былъ объятъ духомъ пророческимъ, о чемъ припоминалъ народъ израильскій, повторяя поговорку: «Неужели и Саулъ во пророкахъ?» Онъ «изгналъ волшебниковъ и гадателей изъ страны». Онъ воздвигалъ жертвенники Іеговы. За его доблести и хорошія дѣла, народъ чтилъ великодушнаго царя-героя, какъ «помазанника Іеговы», оставался съ уваженіемъ и любовью преданъ ему и тогда, когда померкли дни его блеска.

Школы пророческія, о которыхъ мы упомянули, заслуживаютъ особеннаго вниманія. О томъ, какъ пророчествовалъ Саулъ, мы читаемъ въ 1-ой Книгѣ Царствъ (XIX, 23, 24): «Поехалъ онъ въ Наваѣ въ Рамѣ», гдѣ пророчествовалъ сонмъ пророковъ Самуиловыхъ, «и на него сошелъ Духъ Божій, и онъ шелъ и пророчествовалъ, доколѣ не пришелъ въ Наваѣ. И снялъ и онъ одежды свои, и пророчествовалъ предъ Самуиломъ, и весь тотъ день и всю ту ночь лежалъ не одѣтый».—И такъ, это былъ экстазъ; и пророки, въ экстазѣ, сбрасывали съ себя одежды. Сонмы пророковъ, являющіеся во время перехода отъ правленія судей къ монархическому правленію, показываютъ, что это былъ періодъ сильнаго возбужденія религіозной жизни. Самуилъ собиралъ вокругъ себя юношей, проникнутыхъ усердіемъ къ служенію Іеговы, и безъ сомнѣнія очищалъ ихъ понятія отъ хананейскихъ примѣсей. Онъ положилъ тѣмъ основаніе «школамъ проро-

Школы пророческія.

ческимъ“, которыя въ послѣдствіи размножились и скоро стали имѣть своими членами даровитѣйшихъ и вліятельнѣйшихъ людей. Эти „дома пророческіе“, подготавливавшіе своихъ воспитанниковъ къ пророчествованію, первоначально предназначены были, вѣроятно, только содѣйствовать упроченію религіи Іеговы. Но кажется, что мало по малу они стали также центрами, въ которыхъ развилась еврейская литература, сохранялись и разрабатывались религіозныя, нравственныя, юридическія, историческія преданія. Люди, учившіеся въ нихъ, легко пріобрѣтали вліяніе на современниковъ. Еврейское слово „наби“, переводимое словомъ „пророкъ“, собственно значить „вѣстникъ“, „возвѣщатель“, — то есть возвѣщатель религіозныхъ истинъ, вѣстникъ воли Божіей. Слова „роэ“ и „хосе“, которыя также употребляются въ смыслѣ „пророкъ“, значать: „человѣкъ, имѣющій видѣнія“.

3. Саулъ и Давидъ.

Давидъ при дворѣ Саула.

При дворѣ Саула жилъ молодой воинъ, Давидъ, младшій сынъ Іессен, родомъ изъ Вифлеема, города въ землѣ Іудиной. Онъ умѣлъ играть на «струнахъ», былъ «человѣкъ храбрый и воинственный, и разумный въ рѣчахъ, и видный собою; и Господь былъ съ нимъ» (1 кн. Царствъ, XVI, 16, 18). Онъ въ дѣтствѣ и юности пасъ стада отца своего, и на тихихъ поляхъ родины сталъ музыкантомъ, пѣвцовъ и поэтомъ; охраняя стада отъ львовъ и медвѣдей, онъ сдѣлался сильнымъ и ловкимъ бойцомъ. Трое изъ его старшихъ братьевъ уже служили въ войскѣ, когда онъ промѣнялъ пастушескій посохъ на мечъ; онъ такъ отличился въ войнѣ съ филистимлянами, что Саулъ сдѣлалъ его сначала оруженосцемъ, потомъ тысяченачальникомъ. Его мужество пріобрѣло ему дружбу храбраго Іонаѳана, который «полюбилъ его, какъ свою душу»; Іонаѳанъ вступилъ съ нимъ въ союзъ братства по оружію, обмѣнялся съ нимъ «одеждою, и мечемъ, и лукомъ, и поясомъ своимъ»; его подвиги въ долинѣ Дуба сдѣлали его любимцемъ народа, пѣвшаго пѣсни о его поединкѣ съ филистимскимъ богатыремъ Голиафомъ Геѳскимъ. И до позднихъ временъ повторялъ народъ еврейскій стихъ изъ пѣсни, которую пѣли женщины израильскія, выходя «съ плясками, съ торжественными тимпанами и съ кимвалами» на встрѣчу возвращавшимся съ той войны Саулу и бѣлокурому юношѣ-герою: «Саулъ побѣдилъ тысячи, а Давидъ — десятки тысячъ». Саулъ завидовалъ растущей популярности Давида, но оказывалъ ему очень большой почетъ; сдѣлавъ его начальникомъ своихъ тѣлохранителей, вторымъ военачальникомъ по главнокомандующему всѣми войсками, Авенирѣ, отдалъ за него свою дочь, красавицу Мелхолу. И Давидъ, въ смиренной признательности, восклицалъ: «Кто я, и что жизнь моя, и родъ отца моего въ Израилѣ, чтобы

мнѣ быть зятемъ царя? Я человѣкъ бѣдный и незначительный». (1 кн. Царствъ XVIII, 18, 23).

Главную чертою характера Давида была твердая надежда на Саулъ, хотеть Іегову, чьимъ воителемъ былъ онъ, и чья рука хранила его. Потому, когда разстроилось согласіе между Самуиломъ и Сауломъ и духовная власть начала рѣшительную борьбу противъ свѣтской, Давидъ сталъ на сторонѣ духовенства. «Злой духъ», мучившій Саула тоскою, овладевалъ имъ, вѣроятно, потому, что ссора Самуила съ нимъ внушила ему опасенія за судьбу его рода и за спокойствіе государства. И единственный человѣкъ, отгонявшій отъ Саула мрачныя мысли своею «игрою на струнахъ» и пѣніемъ, Давидъ, сталъ теперь подозрителенъ ему. Въ душѣ Саула все глубже вкоренялась мысль, что Давидъ, котораго возвысилъ онъ, вступилъ въ заговоръ съ его врагами, задумавшими погубить его и его родъ. У него было смутное предчувствіе, что сильный и благочестивый военачальникъ, любимый народомъ, пользующійся расположеніемъ духовенства, будетъ царемъ Израиля. Однажды, когда Давидъ игралъ на струнахъ для успокоенія тоски Саула, «въ рукѣ у Саула было копье, и бросилъ Саулъ копье въ Давида; «Давидъ уклонился»; и копье вонзилось въ стѣну. Давидъ успѣлъ убѣжать домой. Это было вечеромъ. «Саулъ послалъ слугъ въ домъ къ Давиду, чтобы стеречь его, и убить его до утра». Но «Мелхола, жена его, спустила Давида изъ окна, и онъ убѣжалъ и спасся; Мелхола же взяла статую, и положила на постелю, а въ изголовье его положила козью кожу, и покрыла одеждою. И пришли слуги, и вотъ, на постелѣ статуя. Тогда Саулъ сказалъ Мелхолѣ: «Для чего ты такъ обманула меня, и отпустила врага моего, чтобы онъ убѣжалъ»? Давидъ убѣжалъ къ Самуилу въ Раму, и принялъ участіе въ занятіяхъ школы пророческой, находившейся въ Наваѣ, близъ Рамы.

Давидъ былъ убѣжденъ, что возвратиться къ царскому двору будетъ Давидъ и Іонаѳанъ. опасно для него. Но Іонаѳанъ, его другъ, говорилъ ему, что опасно онъ предполагаетъ въ Саулѣ дурной умыселъ; Іонаѳанъ думалъ, что попытка убить Давида была сдѣлана душевно-больнымъ отцомъ лишь въ припадкѣ изступленія. По просьбѣ Іонаѳана, Давидъ оставался нѣсколько времени не подалеку отъ столицы Саула; въ уединеніи на лугу, Іонаѳанъ и онъ возобновили клятву братской дружбы. Трагизмъ судьбы Саула состоялъ, между прочимъ, и въ томъ, что люди, милые ему, были преданы его врагу. Узнавъ, что Іонаѳанъ видѣлся съ Давидомъ, «сильно разгнѣвался Саулъ на Іонаѳана, и сказалъ ему: Развѣ я не знаю, что ты подружился съ сыномъ Іессеевымъ, на срамъ себѣ и на срамъ матери своей? Докопѣ сынъ Іессеевъ будетъ жить на землѣ, не устоишь ни ты, ни царство твое!» Когда у Іонаѳана не осталось сомнѣнія, что Саулъ твердо хотеть убить Давида, онъ снова пошелъ повидаться съ Давидомъ; друзья поклялись вѣчно оста-

ваться вѣрными своей дружбѣ, «и цѣловали они другъ друга, и плакали», и разстались.

Саул велитъ убитъ священниковъ святилища, бывшаго въ Номвѣ. Давидъ пошелъ въ Номву, жреческій городъ; тамъ священникъ далъ ему хлѣба, далъ ему, не имѣвшему оружія, хранившійся въ святилищѣ мечъ, которымъ онъ нѣкогда поразилъ Голиаѳа. Давидъ бѣжалъ къ Анхусу, царю Геѳскому. Слуги Анхуса узнали его; онъ сталъ опасаться за свою жизнь, «и измѣнилъ лице свое и притворился безумнымъ въ ихъ глазахъ», и нашедши случай, бѣжалъ изъ Геѳа. Подозрѣніе Саула росло между тѣмъ съ каждымъ днемъ; ему казалось, что онъ окруженъ шпионами, измѣнниками. Идумеянинъ Доикъ, начальникъ пастуховъ Сауловыхъ, донесъ ему о томъ, что Ахимелехъ далъ Давиду нѣсколько хлѣбовъ и мечъ. «И послалъ царь призвать Ахимелеха священника и весь домъ отца его, священниковъ, что въ Номвѣ»; когда они пришли, онъ «сидѣлъ въ Гивѣ подъ дубомъ на горѣ, съ копьемъ въ рукѣ. И сказалъ Саулъ (Ахимелеху): Для чего вы сговорились противъ меня, ты и сынъ Іессея, что ты далъ ему хлѣбы и мечъ, и спросилъ о немъ Бога, чтобъ онъ возсталъ противъ меня? И отвѣчалъ Ахимелехъ: Давидъ зять царя и исполнитель повелѣній твоихъ и почтенъ въ домѣ твоёмъ; не обвиняй раба твоего, во всемъ этомъ дѣлѣ не знаетъ рабъ твой ни великаго ни малаго.

И сказалъ царь: ты долженъ умереть, Ахимелехъ, ты и весь домъ отца твоего. И сказалъ царь тѣлохранителямъ, стоявшимъ при немъ: ступайте, умертвите священниковъ Господнихъ. Но слуги царя не хотѣли поднять рукъ своихъ на убіеніе священниковъ Господнихъ. И сказалъ царь Доику: ступай ты, и умертви священниковъ; и пошелъ Доикъ, идумеянинъ, и напалъ на священниковъ, и умертвилъ въ тотъ день восемьдесятъ пять мужей, носившихъ льняной эфодъ. И Номву, городъ священниковъ, поразилъ мечемъ; и мужчинъ и женщинъ, и юношей и младенцевъ, и воловъ и ословъ и овецъ поразилъ мечемъ. Спасся одинъ только сынъ Ахимелеха, по имени Авіаѳаръ и убѣжалъ къ Давиду.

Давидъ въ пещерѣ Адолламской. Давидъ бѣжалъ изъ Геѳа въ пещеру Адолламскую, въ перерѣзанной пустынями холмистой мѣстности восточной Іудеи. Онъ созвалъ къ себѣ бѣглецовъ отважныхъ людей и дѣлалъ съ ними набѣги. «И собрались къ нему всѣ притѣсненные, и всѣ должники, и всѣ огорченные душою, и сдѣлался онъ начальникомъ надъ ними; и было съ нимъ около четырехсотъ человекъ». Своихъ отца и мать онъ отвелъ «къ царю моавитскому, и жили они у него все время, доколѣ Давидъ былъ въ ономъ убѣжищѣ». Къ нему пришли новые отважные люди изъ колѣнъ Веніамина, Іудина, Гадова, такъ что отрядъ его увеличился до шестисотъ человекъ. Колѣно Іудино завидовало первенству колѣнъ Веніамина и Эфремова, родоначальники которыхъ были моложе Іуды; оно полагало, что первенство должно принадлежать ему; надежда достигнуть этого доставила Давиду много приверженцевъ въ колѣнѣ Іудинѣ. Важнѣйшими изъ нихъ были храбрые сыновья его сестры Саруи, Іовавъ, Авесса и Асавъ.

Въ Первой Книгѣ Паралипоменонъ (XII, 8—19) рассказывается, какъ пришли къ Давиду въ горы пустыни одиннадцать человекъ изъ племени Гадова, «люди мужественные, воинственные, вооруженные щитомъ и копьемъ; лица львиныя—лица ихъ, и они быстры, какъ серны на горахъ».

Этотъ рассказъ проливаетъ нѣкоторый свѣтъ на то, какъ жилъ Давидъ въ тѣ годы, когда укрывался отъ Саула и былъ вождемъ отряда отважныхъ людей. Одиннадцать храбрыхъ мужей изъ колѣна Гадова „перешли Іорданъ въ первый мѣсяцъ, когда онъ выступаетъ изъ береговъ своихъ, и разогнали всѣхъ, жившихъ въ долинахъ, къ востоку и къ западу“. Къ нимъ присоединилось нѣсколько человекъ изъ колѣнъ Веніамина и Іудина. „И пришли къ Давиду, когда онъ укрывался отъ Саула. Давидъ вышелъ на встрѣчу имъ и сказалъ: Если съ миромъ пришли вы ко мнѣ, чтобы помочь мнѣ, то да будетъ у меня съ вами одно сердце; а если для того, чтобы коварно предать меня врагамъ моимъ, то да видитъ Богъ отцовъ нашихъ и разсудитъ. И объялъ духъ Амасай (одного изъ пришедшихъ) и сказалъ онъ: миръ тебѣ Давидъ, и миръ помощникамъ твоимъ; ибо помогаетъ тебѣ Богъ твой. Тогда принялъ ихъ Давидъ“.—Въ эти же годы произошло столкновение съ Наваломъ, имѣвшее слѣдствіемъ женитьбу Давида на Авигей. Когда Давидъ былъ въ пустынѣ Маонъ, онъ услышалъ, что Наваль, потомокъ Халева, „человѣкъ очень богатый“, у котораго „были три тысячи овецъ и тысяча козъ“, стрижетъ овецъ своихъ на Кармилѣ. Давидъ послалъ къ нему, привѣтствовать его и сказать ему: „Вотъ, пастухи твои были съ нами, и мы не обижали ихъ и ничего у нихъ не пропало. Дай же рабамъ твоимъ, что найдетъ рука твоя. И Наваль отвѣчалъ слугамъ Давида: Кто такой Давидъ, и кто такой сынъ Іессеевъ? Нынѣ стало много рабовъ, бѣгающихъ отъ господъ своихъ; неужели мнѣ взять хлѣбы мои и воду мою и мясо, приготовленное мною для стригущихъ овецъ у меня, и отдать людямъ, о которыхъ не знаю, откуда они?“ Когда люди Давида передали ему этотъ отвѣтъ, онъ пошелъ съ воинами своими напасть на домъ Навала. Но у Навала была жена, Авигей, „женщина весьма умная, и красивая лицомъ“. Она „взяла двѣсти хлѣбовъ, и два мѣха съ виномъ, пять овецъ приготовленныхъ, и пять мѣръ сушеныхъ зеренъ, и сто связокъ изюму и двѣсти связокъ смоквъ, и навьючила на ослѣ“. Мужъ, бывшій далеко отъ дома на стрижкѣ овецъ, не зналъ этого. Она отправилась съ вьюками подарковъ къ Давиду, „пала къ ногамъ его“, прося о пощади. „И сказалъ Давидъ Авигей: Живъ Господь, Богъ Израилевъ, если бы ты не пришла на встрѣчу мнѣ, то до разсвѣта утренняго я не оставилъ бы“ живымъ ни одного мужчину въ домѣ Навала.—Когда она вернулась домой, у мужа былъ пиръ. Жена промолчала. „Утромъ же, когда Наваль отрезвился, жена его рассказала ему объ этомъ, и замерло въ немъ сердце его, и сталъ онъ, какъ камень. Дней черезъ десять, онъ умеръ. И услышалъ Давидъ, что Наваль умеръ, и послалъ сказать Авигей, что беретъ ее въ жену“. Она согласилась, „и сѣла на осла, и пять слуганокъ сопровождали ее, и пошла она за послами Давида, и сдѣлалась его женою“.—Мельхола въ это время ужъ была выдана Сауломъ за другаго мужа.

Пока Давидъ съ своимъ отрядомъ скитался по пустынямъ и го- Саулъ преслѣ-
рамъ у Мертваго моря, Саулъ не принималъ противъ него никакихъ дуетъ Давида.
мѣръ. Но когда онъ вошелъ въ городъ Кеиль, Саулъ сказалъ: «Богъ
предалъ его въ руки мои; ибо онъ заперъ себя, вошедши въ городъ
съ воротами и запорами; собравъ войско, Саулъ пошелъ къ Кеилу.
Давидъ спросилъ Господа, предадутъ ли его жители Кеиля въ руки
Саула, Господь сказалъ: «Предадутъ». Давидъ и его отрядъ ушли
изъ Кеиля назадъ, въ пустыню и въ горы области Іудиной. Саулу
донесли, куда онъ скрылся; Саулъ пошелъ за нимъ и окружилъ сво-

ими войсками его убѣжище, когда получилъ извѣстіе, что на государство напали Филистимляне. Это спасло Давида: Саулъ поспѣшно пошелъ отразить враговъ. Возвратившись изъ похода противъ Филистимлянъ, Саулъ взялъ 3,000 человекъ отборнаго войска, и пошелъ къ берегу Мертваго моря, въ область Энъ-Гадди, «искать Давида и людей его по горамъ, гдѣ живутъ серны». Давидъ ушелъ съ своимъ отрядомъ къ Филистимлянамъ.

Великодушіе Давида относи-
тельно Саула. На пути въ Энъ-Гадди, Саулъ зашелъ одинъ въ пещеру, въ глубинѣ которой скрылся Давидъ съ своими людьми. Саулъ не видѣлъ ихъ, въ темнотѣ. Они совѣтовали Давиду воспользоваться случаемъ, убить преслѣдователя. Онъ великодушно отвѣчалъ имъ: «Да не попуститъ мнѣ Господь сдѣлать это господину моему, помазаннику Господню, чтобы наложить руку мою на него», и удовольствовался тѣмъ, что незаятно для Саула отрѣзалъ край одежды его. Когда Саулъ вышелъ изъ пещеры, чрезъ нѣсколько времени вышелъ и Давидъ, издали показавъ ему отрѣзанный край одежды, убѣждалъ его въ своей невинности и преданности. «И возвысилъ Саулъ голосъ свой, и плакалъ, и сказалъ Давиду: Ты правѣе меня; ибо ты воздалъ мнѣ добромъ, а я воздавалъ тебѣ зломъ. Я знаю, что ты будешь царствовать; и такъ поклонись мнѣ Господомъ, что ты не искоренишь потомства моего послѣ меня и не уничтожишь имени моего въ домъ отца моего. И поклонился Давидъ Саулу; и пошелъ Саулъ въ домъ свой». — Когда Саулъ преслѣдовалъ Давида въ пустынь Зифъ, Давидъ ночью, взявъ съ собою Авессу, пошелъ въ станъ Саула, вошелъ въ шатеръ, гдѣ спали Саулъ и военачальникъ его Авениръ. Авесса хотѣлъ пронзить Саула копьемъ; Давидъ сказалъ ему: «Не убивай помазанника Господня»; взялъ копье Саула и сосудъ съ водою, стоявшій у его изголовья. Никто не замѣтилъ Давида и Авессу, всѣ спали. Они ушли. Потомъ Давидъ съ горы показалъ Саулу копье его и сосудъ съ водою, упрекнулъ Авенира за то, что онъ плохо бережетъ царя. Саулъ сознался, что онъ не правъ и простился съ Давидомъ, благословляя и предсказывая ему успѣхъ въ его дѣлахъ. Эти рассказы должны были служить доказательствомъ, что самъ Саулъ признавалъ права Давида на престолъ.

4. Погибель Саула.

Давидъ у филистимлянъ. Самуилъ умеръ. Въ немъ Давидъ лишился главной своей опоры. Онъ не могъ ожидать пощады отъ Саула. Единственнымъ спасеніемъ ему было искать убѣжища у филистимлянъ. «И сказалъ Давидъ: Когда нибудь попаду я въ руки Саула, и нѣтъ для меня ничего лучшаго, какъ убѣжать въ землю филистимлянскую. И всталъ Давидъ, и отправился самъ и шесть сотъ мужей, бывшихъ съ нимъ, къ Анхусу, царю Геѣскому. И довѣрился Анхусъ Давиду, говоря (самъ себѣ): онъ опротивѣлъ народу своему, Израилю, и будетъ слугою моимъ во вѣкъ». Анхусъ полагалъ, что Давидъ будетъ очень полезенъ въ войнахъ съ израильтянами, и черезъ нѣсколько времени далъ ему городъ Секелагъ. Давидъ поселился тамъ съ своимъ отрядомъ. «И выходилъ Давидъ съ людьми своими, и нападалъ на Гессурианъ, и Гир-

зерянъ, и Амалекитянъ, которые издавна населяли эту страну. И опустошалъ Давидъ ту страну, и не оставлялъ въ живыхъ ни мужчинъ, ни женщинъ, и забиралъ овецъ, и воловъ, и верблюдовъ, и одежду». Когда Анхусъ спрашивалъ его, на кого ходилъ онъ, онъ отвѣчалъ: «На полуденную страну Іудеи». Для того онъ и не оставлялъ въ живыхъ никого, чтобы некому было донести на него.

Когда онъ прожилъ въ землѣ филистимлянской годъ и четыре мѣсяца, «филистимляне собрали свои войска, чтобы воевать съ Израилемъ, и Анхусъ сказалъ Давиду: Да будетъ тебѣ извѣстно, что ты пойдеши со мною въ ополченіе, ты и люди твои». Давидъ пошелъ съ своимъ отрядомъ, въ числѣ другихъ войскъ Анхуса. Но когда другіе цари и князья филистимскіе увидѣли Давида и его отрядъ, то сказали Анхусу: «Что это за еврей? Отпусти ты этого человека, пусть сидитъ онъ въ своемъ мѣстѣ, которое ты ему назначилъ, чтобы онъ не шелъ съ нами на войну и не сдѣлался противникомъ нашимъ на войнѣ. Чѣмъ онъ можетъ умиловить господина своего, какъ не головами сихъ мужей?» Анхусъ отвѣчалъ: «Онъ при мнѣ уже болѣе года, и я не нашелъ въ немъ ничего худаго со времени его прихода до сего дня». Но цари и князья филистимскіе остались при своемъ мнѣніи; Анхусъ увидѣлъ себя принужденнымъ сказать Давиду, что онъ долженъ возвратиться. «Давидъ сказалъ Анхусу: Что я сдѣлалъ, почему бы мнѣ не идти и не воевать съ врагами господина моего, царя?» Анхусъ увѣрилъ его, что очень доволенъ имъ, но что по требованію другихъ принужденъ отослать его.

Пока Давидъ былъ въ походѣ съ Анхусомъ, «Амалекитяне напали съ юга на Секелагъ и сожгли его огнемъ, а женщинъ и всѣхъ бывшихъ въ немъ увели въ плѣнъ. И пришелъ Давидъ и люди его къ городу, и вотъ онъ сожженъ огнемъ, а жены ихъ и сыновья ихъ и дочери ихъ взяты въ плѣнъ. И подняли Давидъ и народъ, бывший съ нимъ, вопль, и плакали, доколѣ не стало въ нихъ силы плакать; но укрѣпились духомъ, погнались за амалекитянами, напали на нихъ въ-расплохъ, когда они широко раскинулись, ѣли и пили, разбили ихъ, освободили своихъ плѣнныхъ, взяли много добычи. Давидъ послалъ изъ добычи богатые подарки «къ старѣйшинамъ Іудинымъ, друзьямъ своимъ», и увеличилъ тѣмъ число своихъ приверженцевъ на родинѣ.

Душа Саула была омрачена, когда приближалась великая борьба съ филистимлянами. Онъ собралъ свое войско на сѣверѣ отъ области стояніе Саула. колѣна Эфремова, у горы Гельвуй. Но сердце его трепетало, и черныя предчувствія мучили его душу. Въ тоскѣ своей, онъ рѣшился обратиться къ восточному суевѣрію, которое прежде преслѣдовалъ. Когда гнѣвная тѣнь Самуила возвѣстила ему гибель, старикъ, ничего не вѣдѣвшій цѣлый день, «упалъ всѣмъ тѣломъ своимъ на землю»; и съ трудомъ уговорила его волшебница подкрѣпить изнемогшее тѣло пищею.

Смерть Саула. Битва при горѣ Гельвуѣ кончилась пораженіемъ израильтянъ. Три сына Саула уже пали, когда онъ сталъ изнемогать, израненный стрѣлами филистимлянъ. Онъ «сказалъ оруженосцу своему: Обнажи твой мечъ и заколи меня имъ, чтобъ не пришли эти необрѣзанные и не издѣвались надо мною. Но оруженосецъ не хотѣлъ. Тогда Саулъ взялъ мечъ свой, и палъ на него». — Такъ умеръ Саулъ, первый царь израильскій. По отрывочнымъ чертамъ извѣстій о немъ мы видимъ, что онъ былъ герой съ благороднымъ сердцемъ.

«Оруженосецъ его, увидѣвъ, что Саулъ умеръ, и самъ палъ на свой мечъ, и умеръ съ нимъ» (1 Книга Царствъ, XXXI, 5). Къ Давиду въ Селелагъ пришелъ молодой амалекитянинъ, и рассказалъ о смерти Саула совсѣмъ иное, хвалясь передъ его соперникомъ, что убилъ его: «Я случайно пришелъ на гору Гелвуйскую; и вотъ, Саулъ палъ на свое копьѣ, колесницы же и всадники (филистимские) настигали его. Тогда онъ сказалъ мнѣ: Убей меня; и я подошелъ къ нему и убилъ его. И взялъ я вѣнецъ, бывшій на головѣ его, и запястье, бывшее на рукѣ его, и принесъ ихъ къ господину моему сюда». Давидъ велѣлъ убить этого амалекитянина за то, что онъ поднялъ руку убить помазанника Господня (2 Книга Царствъ, I, 1—15).

Израильтяне бѣжали за Иорданъ, оставивъ города свои, «а филистимляне пришли и засѣли въ нихъ».

На другой день филистимляне пришли грабить убитыхъ, и нашли Саула и трехъ сыновей его, падшихъ на горѣ Гелвуйской. И отсѣкли ему голову, и сняли съ него оружіе и послали по всей землѣ филистимской, чтобы возвѣстять о семъ въ вапницахъ и доловъ своихъ и народу. И положили оружіе его въ вапницѣ Астарты, и тѣло его повѣсили на стѣнѣ Бее-сана. «Жители Іависа Галаадскаго», которыхъ нѣкогда спасъ Саулъ отъ руки аммонитянъ, «услышали о томъ, какъ поступили филистимляне съ Сауломъ, и поднялись всѣ люди сильные, и шли всю ночь, и взяли тѣло Саула и тѣла сыновей его со стѣны Бее-сана, и пришли въ Іависъ, и сожгли ихъ тамъ. И взяли кости ихъ, и погребли подъ дубомъ въ Іависѣ». Печальная вѣсть о поражении Израиля Давидова пѣснь и о смерти Саула и Ионаана скоро дошла и до Давида въ Селелагъ. Услышавъ ее, плача о Саулѣ. «схватилъ Давидъ одежды свои и разорвалъ ихъ, также и всѣ люди, бывшіе съ нимъ, и рыдали и плакали и постились до вечера». Давидъ, впечатлительная душа котораго была объята скорбью о гибели героевъ, «оплакалъ Саула и сына его Ионаана сею плачевною пѣснью, и велѣлъ научить сыновъ израильтянъ пѣть ее, чтобъ и потомство славilo павшихъ героевъ: «Краса твоя, о Израиль, поражена на высотахъ твоихъ! какъ пали сильные! Не рассказывайте въ Геѣѣ, не возвѣщайте на улицахъ Аскалофа, чтобы не радовались дочери филистимлянъ, чтобы не торжествовали дочери необрѣзанныхъ. Горы Гелвуйскія! Да не сойдетъ ни роса, ни дождь на васъ, и да не будетъ на васъ полей съ плодами; ибо тамъ поверженъ щитъ сильныхъ, щитъ Саула. Саулъ и Ионаанъ, любезные и согласные въ жизни своей, не разлучились и въ смерти своей; быстрѣе орловъ, сильнѣе львовъ они были. Дочери израильтянъ! Плачьте о Саулѣ, который одѣвалъ васъ въ багряницу съ украшеніями, и доставлялъ на одежды ваши золотые уборы. Какъ пали сильные на брани! Сраженъ Ионаанъ на высотахъ твоихъ. Скорблю о тебѣ, братъ мой, Ионаанъ; ты былъ очень дорогъ для меня; любовь твоя была для меня превыше любви женской. Какъ пали сильные, погибло оружіе бранное!»

5. Давидъ въ Хевронѣ.

Когда Саулъ, послѣ царствованія, продолжавшагося, вѣроятно, болѣе двадцати лѣтъ, палъ жертвою своей трагической судьбы, почти вся земля израильская на правой сторонѣ Иордана была во власти филистимлянъ, а колѣна, еще оставшіяся свободными, были ослаблены раздорами. Положеніе дѣлъ требовало человѣка съ такою энергіею и извѣстностью, какъ Давидъ. — Давидъ спросилъ Господа: идти ль ему въ область Іудину. «И сказалъ ему Господь: Иди». И пошелъ Давидъ съ людьми, бывшими при немъ, «и поселились въ городѣ Хевронѣ». — «И пришли мужи Іудины, и помазали тамъ Давида на царство надъ домомъ Іудинымъ». — Іевосеей, единственный оставшійся въ живыхъ сынъ Саула, былъ, по вліянію Авенира, признанъ царемъ въ странѣ Галаадской. Напрасно Давидъ хотѣлъ привлечь на свою сторону жителей Іависа Галаадскаго, отправивъ къ нимъ пословъ похвалить ихъ за любовь, которую выказали они къ Саулу, и объявить имъ, что онъ помазанъ на царство домомъ Іудинымъ: мужи іависскіе остались вѣрны сыну Саула. Резиденціею Іевосея былъ древній городъ Маханаимъ. Храбрый Авениръ скоро освободилъ отъ власти враговъ области Эфремову, Веніаминову, области другихъ колѣнъ; онъ присоединился къ царству Іевосея. Ободренный этими успѣхами, Авениръ хотѣлъ возстановить власть дома Саулова и надъ колѣномъ Іудинымъ. Давидъ, признавая надъ собою власть филистимлянъ, не былъ тревожимъ ими, и превосходно пользовался миромъ, который давала ему подвластность имъ, для увеличенія числа своихъ приверженцевъ. Колѣно Іудино больше всѣхъ другихъ привыкло быть въ зависимости отъ филистимлянъ. Желаніе Авенира подчинить его Іевосею повело къ ожесточенной войнѣ. О мужествѣ и ярости, съ какими вели свое междоусобіе израильтяне, свидѣтельствуетъ битва на «Полѣ коварныхъ» (Хелкаѣ-Хаццуримѣ) близъ Гаваона. Она началась поединкомъ двѣнадцати веніамитянъ противъ двѣнадцати воиновъ Давида. Авениръ въ этой битвѣ пронзилъ копьемъ Асаила, «легкаго на ноги, какъ сѣрна на полѣ», младшаго изъ племянниковъ Давида. «И была продолжительная распря между домомъ Сауловымъ и домомъ Давидовымъ. Давидъ все болѣе и болѣе усиливался, а домъ Сауловъ болѣе и болѣе слабѣвалъ». Давидъ привлекалъ къ себѣ вліятельныя семейства, и число его сторонниковъ росло. Онъ прожилъ въ Хевронѣ вассаломъ филистимлянъ семь съ половиною лѣтъ.

Но ужъ приближался конецъ царствованія Іевосея. Онъ держался только Авениромъ. Вѣроятно, Авениръ убѣдился, что этотъ слабый,

Давидъ и Іевосеей.

Смерть Авенира.

робкій человекъ, не можетъ долго устоять противъ предприимчиваго и проницательнаго Давида, и что ослабленный междоусобіемъ народъ можетъ пользоваться внутреннимъ спокойствіемъ, приобрести внѣшнее могущество только соединившись подъ властью энергическаго царя. Потому онъ желалъ примириться съ Давидомъ. Ссора съ Іевосеемъ дала ему желанный предлогъ для этого. Авениръ женился на бывшей наложницѣ Саула, Рицпѣ. Іевосеей увидѣлъ въ этомъ замыселъ сдѣлаться царемъ, и потребовалъ у Авенира отчета въ его намѣреніяхъ. «Авениръ сильно разгнѣвался и сказалъ: Развѣ я собачья голова? Я противъ Іуды оказалъ милость (любовь) дому Саула, а ты нынѣ взыскиваешь на мнѣ изъ-за женщины. Отниму царство отъ дома Саулова, и поставлю престолъ Давида надъ Израилемъ и надъ Іудой, отъ Дана до Вирсавіи. И послалъ Авениръ пословъ къ Давиду, сказать: заключи союзъ со мною». Давидъ съ радостью согласился, но подъ условіемъ, чтобъ ему была возвращена его жена Мельхола, дочь Саула. Дѣлая это требованіе, онъ имѣлъ двѣ цѣли: подкрѣпить свои права родствомъ съ домомъ Саула, и получить обезпеченіе противъ обмана со стороны Авенира. Іевосеей, боявшійся Авенира, подчинился его волѣ: взялъ сестру отъ мужа, за котораго отдалъ ее отецъ, послалъ къ Давиду; мужъ съ плачемъ провожалъ ее, пока Авениръ велѣлъ ему вернуться. Переговоривъ послѣ этого со старѣйшинами израильскими и склонивъ ихъ въ пользу Давида, Авениръ въ сопровожденіи двадцати человекъ отправился въ Хевронъ, и установилъ съ Давидомъ условія, на которыхъ нація соединится въ одно государство. Онъ вѣроятно преднамѣренно выбралъ для поѣздки къ Давиду такое время, когда Іоавъ, племянникъ и полководецъ Давида, былъ въ походѣ: Іоавъ питалъ сильную вражду противъ Авенира, который убилъ его брата, Асаила. Но едва посольство выѣхало изъ Хеврона, Іоавъ возвратился; услышавъ о договорѣ, онъ рѣзко упрекалъ дядю за то, что тотъ далъ уѣхать такому подозрительному человеку, и послалъ гонцовъ вернуть Авенира. Когда Авениръ вернулся въ Хевронъ, то Іоавъ отвелъ его внутрь воротъ, какъ будто для того, чтобы поговорить съ нимъ тайно, и тамъ поразилъ его въ животъ. И умеръ Авениръ за кровь Асаила, брата Іоавова». Это было кровомщеніе; потому Давидъ оставилъ безнаказаннымъ Іоаву, который былъ необходимъ ему и былъ, какъ онъ самъ говорилъ, сильнѣе его; но онъ проклиналъ домъ Іоавовъ, въ день похоронъ шелъ во вретѣ за гробомъ Авенира, громко плакалъ надъ нимъ, постился до самаго вечера, и почтилъ память Авенира заплачкою: «Смертію ли подлаго (было) умирать Авениру? Руки твои не были связаны, и ноги твои не въ оковахъ; и ты палъ, какъ падаютъ отъ разбойниковъ». Возможно было подозрѣніе, что самъ Давидъ былъ тайнымъ возбудителемъ къ убійству; при тогдешнемъ положеніи дѣлъ, это подозрѣніе очень повредило бы Давиду;

и онъ очевидно заботился устранить его. Потому и сказалъ онъ слугамъ своимъ, когда услышалъ объ убійствѣ: «Вождь и великій мужъ палъ въ этотъ день въ Израилѣ».

Когда Іевосеей услышалъ объ убійствѣ Авенира, «опустились руки его, и весь Израиль смутился». Двое изъ военачальниковъ Іевосеей рѣшились на гнусное злодѣйство, думая заслужить имъ награду отъ Давида. «Въ самый жаръ дня», когда Іевосеей спалъ полуденнымъ отдыхомъ, они вошли внутрь дома; «Іевосеей лежалъ на постели своей; они умертвили его, и отрубили голову его, и взяли голову его съ собою, и шли пустынною дорогою, и принесли голову Іевосею къ Давиду въ Хевронъ». Но Давидъ сказалъ имъ: «Негодные люди убили человека невиннаго въ его домѣ на постели его. Неужели я не взыщу крови его отъ руки вашей? И приказалъ Давидъ слугамъ, и убили ихъ, и отрубили имъ руки и ноги, и повѣсили ихъ надъ прудомъ въ Хевронѣ. А голову Іевосею погребли въ гробѣ Авенира».

Изъ дома Саулова оставались теперь въ живыхъ: два сына наложницы Саула, Рицпы; пять сыновей его дочери Меровы и сынъ Іонаана Мемфивосеей (Мериббаалъ), хромою на обѣ ноги: «пять лѣтъ было ему, когда пришло извѣстіе о Саулѣ и Іонаанѣ изъ Израиля» — то есть, о ихъ смерти въ битвѣ — «и нянька, взявъ его, побѣжала. И когда она бѣжала поспѣшно, то онъ упалъ, и сдѣлался хромымъ». Наслѣдникомъ престола долженъ былъ быть онъ; но по своей болѣзненности былъ не способенъ править государствомъ. Старѣйшины народа, чтобы покончить междоусобіе, рѣшили заключить съ Давидомъ договоръ и признать его царемъ надъ всѣмъ Израилемъ. Великое торжество было, и было началомъ лучшаго времени, когда «пришли всѣ старѣйшины Израиля къ царю въ Хевронъ, и заключилъ съ ними царь Давидъ заветъ», и въ торжественномъ собраніи народа «помазали Давида въ царя надъ Израилемъ».

На родѣ Сауловомъ лежало проклятіе, преслѣдовавшее самого Саула, который подъ тяжестью его палъ на свой мечъ. Духовенство было враждебно дому Саулову. Давидъ не могъ считать себя прочно утвердившимся на престолѣ, пока остаются потомки законной династіи; ихъ права были тѣмъ опаснѣе для него, что у него не было дѣтей отъ Мельхолы, дочери Саула. Іисусъ Навинъ пощадилъ Эвеевъ, жившихъ въ Гаваонѣ; Саулъ „по ревности своей о потомкахъ Израиля и Іуды“, поступалъ съ ними сурово, убилъ многихъ изъ нихъ, „хотѣлъ“ совершенно „истребить ихъ“. Потому они очень ненавидѣли Саула и его родъ. Тѣ два военачальника, которые убили Іевосею, вѣроятно были гаваонитяне. Но смертью Іевосею ненависть гаваонитянъ еще не была насыщена. „Былъ голодъ три года. И вопросилъ Давидъ Господа; и сказалъ Господь: это ради Саула и кроваваго дома его, за то, что онъ умертвилъ гаваонитянъ. Тогда

Смерть Іевосея.

Израиль признаетъ Давида царемъ.

Истребленіе рода Саулова.

царь призвалъ гаваонитянъ и сказалъ: Чѣмъ примирить васъ“. И сказали ему гаваонитяне: Не нужно намъ ни серебра, ни золота; того человѣка, который губилъ насъ и хотѣлъ истребить насъ, — изъ его потомковъ выдай намъ семь человѣкъ, и мы повѣсимъ ихъ предъ Господомъ въ Гивѣ“. И взялъ царь двухъ сыновей Рицпы и пять сыновей Мелхолы (Меровы), и отдалъ ихъ въ руки Гаваонитянъ, и они повѣсили ихъ на горѣ предъ Господомъ, въ первые дни жатвы, въ началѣ жатвы ячменя. Рицпа взяла вретиче и разостлала его себѣ на той горѣ, и сидѣла отъ начала жатвы до того времени, пока не полились воды Божіи съ неба, и не допускала касаться ихъ птицамъ небеснымъ днемъ и звѣрямъ полевымъ ночью“. Дождь показалъ, что „умилостивился Богъ надъ страной“. — „И донесли Давиду, что сдѣлала Рицпа; и собрали кости повѣшенныхъ“. — „И пошелъ Давидъ, и взялъ кости Саула и кости Ионаана у жителей Іависа Галаадскаго, и похоронили кости Саула и Ионаана въ землѣ Веніаминовой, въ Цела, въ гробѣ Киса, отца Саулова“. — Приверженцы дома Саулова считали Давида виновнымъ въ гибели его; и когда Давидъ бѣжалъ отъ Авессалома, за бѣгущимъ шелъ „человѣкъ изъ рода Саулова, по имени Семей; онъ шелъ и злословилъ, и бросалъ камнями на Давида; такъ говорилъ Семей, злословя: уходи, уходи, убійца и беззаконникъ! Господь обратилъ на тебя всю кровь дома Саулова, и вотъ ты въ бѣдѣ, ибо ты кровопійца“. — Только къ одному изъ потомковъ прежняго царя Давидъ былъ милостивъ, къ Мемфивосеею, хрому сыну Ионаана. Воспоминаніе о дружбѣ къ его отцу еще не умерло въ груди Давида. Онъ далъ Мемфивосеею участокъ земли въ Гивѣ, принадлежавшій Саулу, и назначилъ ему мѣсто за своимъ столомъ. Мемфивосеей „жилъ въ Іерусалимѣ и ѣлъ всегда за царскимъ столомъ“. Слуга, управлявшій хозяйствомъ Саула, былъ сдѣланъ управляющимъ этого участка, поселился тамъ съ сыновьями и рабами и отдавалъ доходъ съ земли Мемфивосеею.

В. ЦВѢТУЩЕЕ ВРЕМЯ ЦАРСТВА ПРИ ДАВИДЪ И СОЛОМОНЪ.

1. Царь Давидъ.

(1058—1014 или 1033—993 *)

Давидъ восшелъ на престолъ Израильскій по свободному выбору народа. Въ его прошломъ было много дурныхъ дѣлъ; но въ трудныхъ обстоятельствахъ онъ всегда выказывалъ разсудительность и

*) Около 1000-го года до Р. Хр. начинаются сопоставленія еврейской исторіи съ ассирійско-вавилонскою. Теперь, когда найдены ассирійскіе историческіе документы, хронологія еврейской исторіи получила болѣе точности; прежній счетъ лѣтъ оказался ото-

находчивость, твердость и храбрость. Народъ видѣлъ въ немъ избавителя отъ бѣдствій безрядицы и раздора, отъ которыхъ страдалъ край со времени Гельвуйской битвы; духовенство тогда ужъ примирилось съ мыслью о царской власти, лишь бы царь исполнялъ повелѣнія Господни; оно довѣряло и помогало благочестивому царю, искавшему непоколебимой опоры себѣ въ „скалѣ Израиля“, Іеговѣ, направлявшаго взоръ свой на „свѣтъ Израиля“, Іегову. Великія надежды возлагалъ Израиль на своего царя, и онъ не обманулъ ихъ. Ему было тридцать лѣтъ, когда онъ сталъ царемъ всего Израиля. Темныя стороны его прошлаго исчезли въ блескѣ его царствованія.

Вскорѣ послѣ того, какъ выбранъ былъ царемъ Израильскимъ, Давидъ рѣшился свергнуть съ себя постыдную подвластность филистимлянамъ. Для этого ему нужно было перенести свою резиденцію въ безопасную мѣстность въ центрѣ края; область Іудина была слишкомъ доступна нашествіямъ филистимлянъ. Въ цѣлой Палестинѣ не было города, положеніе котораго было бы такъ удобно для обороны, такъ твердо, какъ положеніе Іерусалима, столицы аморрейскаго племени Іевусеевъ, жившихъ среди Израильскаго населенія, на границѣ между колѣнами Іудинымъ и Веніаминовымъ, и въ продолженіе вѣковъ сохранявшихъ свою независимость. Городъ этотъ стоялъ на широкой высотѣ горы, отдѣленной отъ сосѣднихъ горъ глубокими долинами, какъ рвами, проведенными самою природою, а на южной части высоты подымался холмъ, на которомъ былъ построенъ фортъ съ крѣпкими стѣнами, Сіонъ, служившій сильною защитою городу. Іерусалимъ былъ острымъ терніемъ въ тѣлѣ Израиля; онъ считался неодолимою твердынею; о немъ шла поговорка, что для обороны его достаточно слѣпыхъ и хромыхъ. Потому его жители и дали насмѣшливый отвѣтъ на требованіе Давида, чтобъ они сдались. Они привели въ своемъ отвѣтѣ эту поговорку. Оскорбленный насмѣшкою, желая ознаменовать начало своего царствованія блестящимъ подвигомъ, который поднималъ бы духъ его войска, Давидъ энергически повелъ осаду. Онъ овладѣлъ водопроводами, и взялъ приступомъ цитадель, всѣ защитники которой, «слѣпые и хромы», были, по его приказанію, убиты. На южномъ холмѣ, въ цитадели, получившей названіе «города Давидова», тирскіе плотники и каменщики построили изъ ке-

Взятіе Іерусалима.

двигавшимъ ее событія слишкомъ далеко; но и новый счетъ еще недостаточно точенъ. Поэтому, выставляя, отъ начала царствованія Давида до изгнѣнія Вавилонскаго, двойной рядъ хронологическихъ цифръ, мы только показываемъ этимъ, что новый счетъ различенъ отъ прежняго. Основанія, по которымъ сдѣланъ новый счетъ, объяснены въ *Geschichte des Alterthums*, Дункера. Авторъ новѣйшаго изслѣдованія о вавилонско-ассирійской и объ паравельской исторіи, Гоммель (*Abriss der babylonisch-assyrischen und israelitischen Geschichte von Hommel*, 1880) полагаетъ, что цифры лѣтъ должны быть уменьшены еще значительно. Соломонъ по его счету царствовалъ въ 960—920 годахъ, Давидъ въ 1000—960.

царь призвалъ гаваонитянъ и сказалъ: Чѣмъ примирить васъ“. И сказали ему гаваонитяне: Не нужно намъ ни серебра, ни золота; того человѣка, который губилъ насъ и хотѣлъ истребить насъ, — изъ его потомковъ выдай намъ семь человѣкъ, и мы повѣсимъ ихъ предъ Господомъ въ Гивѣ“. И взялъ царь двухъ сыновей Рицпы и пять сыновей Мелхолы (Меровы), и отдалъ ихъ въ руки Гаваонитянъ, и они повѣсили ихъ на горѣ предъ Господомъ, въ первые дни жатвы, въ началѣ жатвы ячменя. Рицпа взяла вретище и разостлала его себѣ на той горѣ, и сидѣла отъ начала жатвы до того времени, пока не полились воды Божіи съ неба, и не допускала касаться ихъ птицамъ небеснымъ днемъ и звѣрямъ полевымъ ночью“. Дождь показалъ, что „умилостивился Богъ надъ страной“. — „И донесли Давиду, что сдѣлала Рицпа; и собрали кости повѣшенныхъ“. — „И пошелъ Давидъ, и взялъ кости Саула и кости Ионаѳана у жителей Іависа Галаадскаго, и похоронили кости Саула и Ионаѳана въ землѣ Веніаминовой, въ Цела, въ гробѣ Киса, отца Саулова“. — Приверженцы дома Саулова считали Давида виновнымъ въ гибели его; и когда Давидъ бѣжалъ отъ Авессалома, за бѣгущимъ шелъ „человѣкъ изъ рода Саулова, по имени Семей; онъ шелъ и злословилъ, и бросалъ камнями на Давида; такъ говорилъ Семей, злословя: уходи, уходи, убійца и беззаконникъ! Господь обратилъ на тебя всю кровь дома Саулова, и вотъ ты въ бѣдѣ, ибо ты кровопійца“. — Только къ одному изъ потомковъ прежняго царя Давидъ былъ милостивъ, къ Мемфивосеею, хрому сыну Ионаѳана. Воспоминаніе о дружбѣ къ его отцу еще не умерло въ груди Давида. Онъ далъ Мемфивосеею участокъ земли въ Гивѣ, принадлежавшій Саулу, и назначилъ ему мѣсто за своимъ столомъ. Мемфивосеею „жилъ въ Іерусалимѣ и ѣлъ всегда за царскимъ столомъ“. Слуга, управлявшій хозяйствомъ Саула, былъ сдѣланъ управляющимъ этого участка, поселился тамъ съ сыновьями и рабами и отдавалъ доходъ съ земли Мемфивосеею.

В. ЦВѢТУЩЕЕ ВРЕМЯ ЦАРСТВА ПРИ ДАВИДЪ И СОЛОМОНЪ.

1. Царь Давидъ.

(1058—1014 или 1033—993 *)

Давидъ восшелъ на престолъ Израильскій по свободному выбору народа. Въ его прошломъ было много дурныхъ дѣлъ; но въ трудныхъ обстоятельствахъ онъ всегда выказывалъ разсудительность и

*) Около 1000-го года до Р. Хр. начинаются соприкосновенія еврейской исторіи съ ассирійско-вавилонскою. Теперь, когда найдены ассирійскіе историческіе документы, хронологія еврейской исторіи получила болѣе точности; прежній счетъ лѣтъ оказался ото-

находчивость, твердость и храбрость. Народъ видѣлъ въ немъ избавителя отъ бѣдствій безрядицы и раздора, отъ которыхъ страдалъ край со времени Гельвуйской битвы; духовенство тогда ужъ примирилось съ мыслью о царской власти, лишь бы царь исполнялъ повелѣнія Господни; оно довѣряло и помогало благочестивому царю, искавшему непоколебимой опоры себѣ въ „скалѣ Израиля“, Іеговѣ, направлявшаго взоръ свой на „свѣтъ Израиля“, Іегову. Великія надежды возлагалъ Израиль на своего царя, и онъ не обманулъ ихъ. Ему было тридцать лѣтъ, когда онъ сталъ царемъ всего Израиля. Темныя стороны его прошлаго исчезли въ блескѣ его царствованія.

Вскорѣ послѣ того, какъ выбранъ былъ царемъ Израильскимъ, Давидъ рѣшился свергнуть съ себя постыдную подвластность филистимлянамъ. Для этого ему нужно было перенести свою резиденцію въ безопасную мѣстность въ центрѣ края; область Іудина была слишкомъ доступна нашествіямъ филистимлянъ. Въ цѣлой Палестинѣ не было города, положеніе котораго было бы такъ удобно для обороны, такъ твердо, какъ положеніе Іерусалима, столицы аморрейскаго племени Іевусеевъ, жившихъ среди Израильскаго населенія, на границѣ между колѣнами Іудинымъ и Веніаминовымъ, и въ продолженіе вѣковъ сохранявшихъ свою независимость. Городъ этотъ стоялъ на широкой высотѣ горы, отдѣленной отъ сосѣднихъ горъ глубокими долинами, какъ рвами, проведенными самою природою, а на южной части высоты подымался холмъ, на которомъ былъ построенъ фортъ съ крѣпкими стѣнами, Сіонъ, служившій сильною защитою городу. Іерусалимъ былъ острымъ терніемъ въ тѣлѣ Израиля; онъ считался неодолимою твердынею; о немъ шла поговорка, что для обороны его достаточно слѣпыхъ и хромыхъ. Потому его жители и дали насмѣшливый отвѣтъ на требованіе Давида, чтобъ они сдались. Они привели въ своемъ отвѣтѣ эту поговорку. Оскорбленный насмѣшкою, желая ознаменовать начало своего царствованія блестящимъ подвигомъ, который поднялъ бы духъ его войска, Давидъ энергически повелъ осаду. Онъ овладѣлъ водопроводами, и взялъ приступомъ цитадель, всѣ защитники которой, «слѣпые и хромы», были, по его приказанію, убиты. На южномъ холмѣ, въ цитадели, получившей названіе «города Давидова», тирскіе плотники и каменщики построили изъ ке-

двигавшимъ ея событія слишкомъ далеко; но и новый счетъ еще недостаточно точенъ. Потому, выставя, отъ начала царствованія Давида до паденія Вавилонскаго, двойной рядъ хронологическихъ цифръ, мы только показываемъ этимъ, что новый счетъ различенъ отъ прежняго. Основанія, по которымъ сдѣланъ новый счетъ, объяснены въ *Geschichte des Alterthums*, Дункера. Авторъ новѣйшаго изслѣдованія о вавилонско-ассирійской и объ израильской исторіи, Гоммель (*Abriss der babylonisch-assyrischen und israelitischen Geschichte von Hommel, 1880*) полагаетъ, что цифры лѣтъ должны быть уменьшены еще значительно. Соломонъ по его счету царствовалъ въ 960—920 годахъ, Давидъ въ 1000—960.

дроваго дерева и камня великолѣпный дворецъ Давиду; на остальномъ пространствѣ цитадели поселилъ онъ своихъ воиновъ. Такимъ образомъ, онъ имѣлъ теперь добытую собственной его энергіею столицу въ центрѣ страны, превосходную опору независимости новаго государства. Чтобы возвысить свою резиденцію въ глазахъ народа, дать царской власти религіозное освященіе, обезпечить царю поддержку духовенства, онъ рѣшилъ перенести ковчегъ завета Господня изъ Ки-
 Перенесеніе ковчега завета въ Іерусалимъ. риаѳарима въ Іерусалимъ. „И поставили ковчегъ Божій на новую колесницу“, и повезли его торжественною процессіей изъ дома Аминадава, гдѣ былъ онъ поставленъ по возвращеніи его изъ плѣна филистимскаго. Оза и Ахіо, сыновья Аминадава, сопровождали національную святыню. Когда процессія дошла „до гумна Нахонова, Оза простеръ руку свою къ ковчегу Божію и взялся за него, ибо волны наклонили“ колесницу, „но Господь прогнѣвался на Озу, и поразилъ его за дерзновеніе, и умеръ онъ тамъ у ковчега Божія. И утрастился Давидъ, и не захотѣлъ везти ковчегъ Господень къ себѣ, а обратилъ его въ домъ Аведдара, Геоянина“. Но узнавъ, что „Господь благословилъ Аведдара и весь домъ его, пошелъ Давидъ и съ торжествомъ перенесъ ковчегъ Божій въ городъ Давидовъ“. Весь народъ сопровождалъ ковчегъ: „Давидъ и всѣ сыны Израилевы играли предъ Господомъ на всякихъ музыкальныхъ орудіяхъ изъ кипарисоваго дерева, и на цитрахъ, и на псалтиряхъ, и на тимпанахъ, и на систрахъ, и на кимвалахъ; Давидъ скакалъ изъ всей силы предъ Господомъ, одѣтъ же былъ Давидъ въ льняной эфодъ. Такъ Давидъ и весь домъ Израилевъ несли ковчегъ Господень“. Мельхола порицала Давида за то, что онъ „унизилъ“ себя въ этой процессіи, „какъ какой нибудь пустой человѣкъ“. Въ душѣ у нея сохранялась наслѣдованная отъ отца гордость передъ духовенствомъ. Но Давидъ не смутился ея упреками.

Въ разсказѣ о перенесеніи ковчега завета не упоминается о священникахъ и левитахъ. Обязанности священника исполнялъ самъ Давидъ: „И принесли ковчегъ Господень; и принесъ Давидъ всесоженія и жертвы мирныя. Когда Давидъ окончилъ приношеніе всесоженій и жертвъ мирныхъ, то благословилъ онъ народъ именемъ Господа Саваоѳа“ (1 Книга Царствъ VI, 17, 18). Собственною властью Давидъ назначилъ священниками при святилищѣ Авіаѳара, который нѣкогда бѣжалъ къ нему изъ Номвы, и Садока. Въ день праздника „роздалъ онъ всему народу, какъ мужчинамъ, такъ и женщинамъ, по одному хлѣбу, и по куску жаренаго мяса, и по одной лепешкѣ каждому“. Давидъ хотѣлъ построить храмъ Іеговы. Но этому мѣшали войны; а по прекращеніи ихъ, Іегова сказалъ чрезъ пророка Наѳана, что не хочетъ, чтобы храмъ ему былъ построенъ Давидомъ, что храмъ будетъ построенъ сыномъ Давида. По перенесеніи ковчега Господня въ Іерусалимъ, жертвы продолжали быть приносимы и въ другихъ мѣстахъ: Давидъ и его сыновья приносятъ жертвы въ Внолеемѣ и на Масличной горѣ; Авессаломъ приносить жертвы въ Хевронѣ, Адонія у источника Рогель, Соломонъ въ Гаваонѣ.

Едва Давидъ укрѣпился въ своей новой столицѣ, на него пошли войною филистимляне, которымъ народъ израильскій не казался опасенъ, лишь пока былъ раздѣленъ на два царства. Разсказъ объ этой войнѣ кратокъ: „Когда филистимляне услышали, что Давидъ помазанъ на царство надъ Израилемъ, то поднялись все и расположились въ долину Рефаимъ. И спросилъ Давидъ Господа, говоря: Идти ли мнѣ противъ филистимлянъ? И сказалъ Господь Давиду: Иди. И пошелъ Давидъ, и поразилъ ихъ“ на томъ мѣстѣ, которое послѣ этой битвы называлъ Вааль-Перацимъ, „мѣсто разносовъ“, потому что Іегова „разнесъ тамъ враговъ“ его передъ нимъ, „какъ разноситъ“ землю „вода“. Филистимляне бѣжали такъ поспѣшно, что даже „оставили тамъ истукановъ своихъ“. Они пришли во второй разъ и стали опять въ долину рефаимовъ. „И спросилъ Давидъ Господа, и онъ отвѣчалъ ему: Не выходи на встрѣчу имъ, а зайди имъ съ тылу, со стороны тутовой рощи; и когда услышишь шумъ какъ бы идущаго по вершинамъ тутовыхъ деревьевъ, то двинься, ибо тогда пошелъ Господь предъ тобою, чтобы поразить войско филистимское. И сдѣлалъ Давидъ такъ, и поразилъ филистимлянъ отъ Гаваи до Газера“. Вѣроятно, въ эту эпоху геройскихъ подвиговъ произошелъ тотъ случай, который разсказанъ въ 1-й Книгѣ Паралипоменонъ, XI, 15—20: „Станъ филистимлянъ былъ расположенъ въ долину Рефаимовъ. Давидъ былъ въ укрѣпленномъ мѣстѣ“, на скалѣ, „а охранное войско филистимлянъ было въ Внолеемѣ. И сильно захотѣлось пить Давиду“, а воды негдѣ было достать, кромѣ какъ изъ колодезя у воротъ Внолеема. Трое изъ воиновъ Давида пробілись сквозь филистимскій отрядъ, почерпнули воды и принесли ее Давиду. „Но Давидъ не захотѣлъ пить ее, и вылилъ ее во славу Господа, и сказалъ: Сохрани меня Господь, чтобы я сдѣлалъ это! Стану ли я пить кровь мужей сихъ! Ибо съ опасностью собственной жизни они принесли“. Кажется, именно къ этой филистимской войнѣ относится и другой случай: Давидъ, сражаясь съ филистимлянами, слишкомъ отважно шелъ впередъ, и подвергся очень большой опасности, изъ которой былъ спасенъ Авессою; „тогда люди Давидовы поклялись, говоря: не выйдешь ты больше съ нами на войну, чтобы не угасъ свѣтильникъ Израиля“.

Но и послѣ первой войны, Давиду пришлось много воевать съ храбрыми филистимлянами, чтобы «вырвать возжи» изъ рукъ правителей колесницъ ихъ и «сломать рогъ гордыни» ихъ. Мы не имѣемъ прямыхъ извѣстій объ этихъ войнахъ; но онѣ были упорныя, тяжелыя, какъ мы видимъ по отрывочнымъ упоминаніямъ о подвигахъ знаменитыхъ воиновъ. Кажется, что въ изустныхъ преданіяхъ народа долго хранились воспоминанія о славныхъ дѣлахъ шести сотъ «героевъ» («габборимъ»), составлявшихъ при Давидѣ отборное войско, которое служило примѣромъ храбрости для народнаго ополченія. Начальниками этихъ шести сотъ воиновъ были Іоавъ и Авесса; имена второстепенныхъ начальниковъ сохранены во 2-ой Книгѣ Царствъ и въ 1-ой Книгѣ Паралипоменонъ. Авесса, Элхананъ и сынъ брата Давидова, Іонаѳанъ, показали свою богатырскую силу въ войнахъ Давида съ филистимлянами, какъ показалъ свою силу самъ Давидъ, когда, въ молодости, побѣдилъ Голиаѳа. Герои израильскіе сражались не на коняхъ и колесницахъ, какъ это было у язычниковъ: они ходили въ бой, по старинному еврейскому обычаю, пѣшіе, съ

Герои Давидовы.

копьемъ и мечемъ. Лишь вожди, и то рѣдко, ѣздили на ослахъ или мулахъ. — Филистимляне, побѣжденные, оттѣсненные въ границы своей земли, заключили миръ съ Давидомъ и прекратили опустошительныя нашествія, отъ которыхъ такъ долго страдалъ Израиль. Они сохранили независимость, но должны были доставлять муку и скотъ царскому двору въ Иерусалимъ. Кажется, только городъ Геѣ съ своею областью былъ подвластенъ Давиду. Съ той поры филистимляне стали заниматься больше торговлею и промышленностью, чѣмъ войною. Но многіе изъ ихъ отважныхъ воиновъ были приняты въ войско царя Иерусалимскаго, даже въ число его тѣлохранителей.

Покореніе моавитянъ.

Съ другими сосѣдними народами Давидъ также велъ удачныя войны, отмщаль имъ за страданія и угнетенія, какія прежде терпѣлъ отъ нихъ народъ израильскій. Наиболѣе сурово поступилъ онъ съ моавитянами, къ царю которыхъ нѣкогда отвелъ своихъ отца и мать, спасая ихъ отъ гнѣва Саула, но которые теперь чѣмъ-то — чѣмъ именно, мы не знаемъ — навлекли на себя месть строгаго воителя. Когда онъ побѣдилъ ихъ, онъ положилъ всѣхъ плѣнныхъ на землю, и мѣрлялъ веревкою всѣхъ лежащихъ, дѣля ихъ на три части: двѣ части были «на умерщвленіе»; этихъ плѣнниковъ онъ велѣлъ раздавить молотильными телѣгами и растоптать, води по нимъ лошадей; только третью часть оставилъ онъ въ живыхъ, но сдѣлалъ ихъ «рабами,

Война съ аммонитянами и асирійцами.

платящими дань». — Покореніе моавитянъ возбудило, вѣроятно, ненависть и подозрѣніе въ аммонитянахъ. Когда Давидъ, по смерти царя аммонитскаго Нааса, съ которымъ бился нѣкогда Саулъ, отправилъ пословъ въ Равву къ его сыну и преемнику Аннону, чтобы показать новому царю свое расположеніе и пожелать счастливаго царствованія, «князья аммонитскіе сказали Аннону, что Давидъ поручилъ посламъ высмотрѣть все въ городѣ», что онъ хочетъ напасть на него; «и взялъ Аннонъ слугъ Давидовыхъ, и обрилъ каждому изъ нихъ половину бороды, и обрѣзалъ одежды ихъ на половину, до чреслъ, и отпустилъ ихъ». Когда донесли объ этомъ Давиду, онъ велѣлъ сказать имъ: «Оставайтесь въ Иерихонѣ, пока отростутъ бороды ваши», и послалъ Иоава на аммонитянъ. Они обратились съ просьбою о помощи къ могущественному царю Адраазару, чьей столицею была Сува, чьи владѣнія простирались отъ Оронта до Эвфрата и кому платили дань и давали войско всѣ сирійскія племена, города и цари этихъ земель. По отрывочнымъ извѣстіямъ не ясно, въ какомъ порядкѣ слѣдовали одинъ за другимъ походы ряда войнъ съ аммонитянами и сирійцами; кажется даже, что еще до аммонитско-сирійской войны Давидъ ужъ ходилъ на Адраазара. Какъ бы то ни было, но Адраазаръ соединилъ всѣ арамейскія племена въ коалицію противъ быстро усиливавшагося царства израильскаго и послалъ противъ израильскаго войска своего военачальника Савака съ болѣшими силами. На помощь ему пришли войска даже изъ Месопотаміи.

Тогда двинулся за Иорданъ самъ Давидъ, и въ жаркой битвѣ одержалъ полную побѣду близъ города Гелама, названіе котораго встрѣчается только въ этомъ разсказѣ. Въ числѣ убитыхъ былъ самъ Савакъ. — Въ связи съ этими войнами были другія: на сѣверѣ съ Дамаскомъ, Покореніе Дина югѣ съ идумеями. Но побѣда всегда была на сторонѣ Давида и маска и идумеянъ. его храбрыхъ сподвижниковъ. Самъ онъ одержалъ еще побѣду, покорилъ богатый городъ Дамаскъ «и поставилъ охранныя войска въ Сиріи Дамасской»; а Иоавъ и Авесса нанесли въ долину Соляной близъ Мертваго моря рѣшительное пораженіе идумеямъ, которыхъ было тутъ убито 18.000 человекъ. Идумей послѣ того храбро защищались полгода въ своихъ ущельяхъ и пещерахъ; но Иоавъ принудилъ царя ихъ бѣжать, истребилъ все мужское населеніе, подымавшее оружіе на Израиля; Эдомъ былъ порабощенъ: «и поставилъ (Давидъ) охранныя войска во всей Идумеѣ, и всѣ идумеяне были рабами Давиду». Въмѣсто туземныхъ царей и старѣйшинъ, покоренными странами правили мужи Давидовы. Только аммонитяне еще оборонялись въ своемъ Покореніе аммонитянъ. сильно укрѣпленномъ городѣ Раввѣ. Но Иоавъ опустошилъ ихъ землю, и когда увидѣлъ, что Равва ужъ не можетъ долго защищаться, призвалъ Давида, чтобы честь ея завоеванія принадлежала царю. «И собралъ Давидъ весь народъ, и пошелъ къ Раввѣ, и воевалъ противъ нея, и взялъ ее. И взялъ Давидъ вѣнецъ царя ихъ съ головы его, — а въ немъ было золота талантъ, и драгоценный камень, — и возложилъ его Давидъ на свою главу; и добычи изъ города вынесъ очень много. А народъ, бывший въ немъ, онъ вывелъ, и положилъ ихъ подъ пилы, подъ желѣзныя молотилки, подъ желѣзные топоры и бросилъ ихъ въ обжигательныя печи. Такъ онъ поступилъ со всѣми городами аммонитскими». Аммонитская страна стала тоже подвластна израильтянамъ.

Съ торжествомъ возвратился Давидъ въ свою столицу, Иерусалимъ. Торжественное Богата была добыча, которую привезъ онъ. Онъ взялъ у Адраазара возвращеніе сто боевыхъ колесницъ, золотыя щиты его воиновъ, взялъ въ за- Давида въ Іерусалимъ. воеванныхъ городахъ очень много мѣди. Оой, царь Имаѣскій, бывший подвластнымъ Адраазару, поздравлялъ Давида съ побѣдою, „и прислалъ ему сосуды золотыя, серебряныя и мѣдныя. Всѣ драгоценныя вещи изъ своей добычи и подарки Ооя Давидъ посвятилъ Іеговѣ, повѣсилъ ихъ въ святилищѣ, и воспѣлъ въ радости сердца своего пѣснь побѣды и благодаренія, помѣщенную въ XXII-й главѣ 2-й книги Царствъ, и вошедшую въ псаломъ 17-й:

«Господь твердыня моя, и вѣрность моя, и избавитель мой. Объяли меня волны смерти, но я призвалъ Господа, и Онъ услышалъ изъ чертога Своего голосъ мой. По- трясаясь, всколебалась земля, дрогнули и подвиглись основанія небесъ, ибо разгнѣвался (на враговъ моихъ) Господь. Простеръ онъ руку съ высоты, и взялъ меня, и извлекъ меня изъ водъ многихъ. Ты препоясываешь меня силою для войны, и низлагаешь предо мною возстающихъ на меня. Я разсѣваю ихъ, какъ прахъ земной, какъ грязь топчу

ихъ. Ты сохранилъ меня, чтобы быть мнѣ главою надъ иноплемениками; народъ, котораго я не зналъ, служить мнѣ. За то я буду славить Тебя, Господи, и буду пѣть имени Твоему».

Жена Уріи. Давидъ былъ теперь на высотѣ могущества и славы. Іегова давалъ ему побѣду во всѣхъ походахъ его. Но черныя тѣни омрачили его жизнь во время войны съ аммонитянами; онъ совершилъ преступное дѣло противъ Уріи.

Однажды подъ вечеръ, Давидъ прогуливался на кровлѣ царскаго дома, и увидѣлъ съ кровли купающуюся женщину; а та женщина была очень красива. И послалъ Давидъ развѣдать, кто эта женщина? И сказали ему: это Вирсавія, дочь Еліама, жена Уріи, Хеттеянина, одного изъ военачальниковъ, бывшаго тогда въ войскѣ Іоава, осаждавшемъ Равву. Давидъ послалъ слугъ взять ее; и она пришла къ нему, и онъ спалъ съ нею. Женщина эта сдѣлалась беременною. И послалъ Давидъ сказать Іоаву: пришли ко мнѣ Урію, Хеттеянина. И послалъ Іоавъ Урію къ Давиду. И пришелъ къ нему Уріи, и спросилъ его Давидъ о положеніи Іоава, и о положеніи народа, и о ходѣ войны. И сказалъ Давидъ Урію: иди домой, и омой ноги свои. Но Уріа спалъ у воротъ царскаго дома со всѣми слугами своего господина, и не пошелъ въ свой домъ. И сказалъ Давидъ Уріи: вотъ, ты пришелъ съ дороги; отчего же не пошелъ ты въ домъ свой? И сказалъ Уріа Давиду: Израиль и Іуда находятся въ полѣ, а я вошелъ бы въ домъ свой ѣсть и пить, и спать съ своею женою! Клянусь твоею жизнью и жизнію души твоей, этого я не сдѣлаю. И сказалъ Давидъ Уріи: останься здѣсь и на этотъ день. И пригласилъ его Давидъ, и ѣлъ Уріа предъ нимъ, и пилъ, и напоилъ его Давидъ. Но вечеромъ Уріа пошелъ спать съ рабами господина своего, а въ свой домъ не пошелъ. Поутру Давидъ написалъ письмо къ Іоаву, и послалъ его съ Уріею. Въ письмѣ онъ написалъ такъ, поставьте Урію тамъ, гдѣ будетъ самое сильное сраженіе, и отступите отъ него, чтобъ онъ былъ пораженъ и умеръ. Іоавъ поставилъ Урію на такомъ мѣстѣ, о которомъ зналъ, что тамъ храбрые люди. И вышли люди изъ города, и пало нѣсколько изъ слугъ Давидовыхъ; былъ убитъ также и Уріа, Хеттеянинъ. Когда кончилось время траура Вирсавіи, Давидъ послалъ, и взялъ ее въ домъ свой; и она сдѣлалась его женою, и родила ему сына. И было это дѣло, которое сдѣлалъ Давидъ, зло въ очахъ Господа. Господь послалъ пророка Наѳана сказать ему, какъ преступно дѣло, совершенное имъ, „и поразилъ Господь дитя, которое родила жена Уріи Давиду, и оно заболѣло, и на седьмой день умерло“. Давидъ глубоко раскаивался въ своемъ преступленіи, постился, лежалъ цѣлыя ночи на землѣ, пока Іегова не простилъ ему его грѣхъ. Къ этому дѣлу относятся псалмы 50-й („Псаломъ Давида, когда приходилъ къ нему пророкъ Наѳанъ“) и 31-й („Блаженъ, кому отпущены беззаконія, и чьи грѣхи покрыты! Блаженъ человекъ, которому Господь не вѣнчитъ грѣхи!“). Получивъ прощеніе отъ Господа, „утѣшилъ Давидъ Вирсавію, жену свою: и она родила ему сына, и нарекла имя ему: Соломонъ, и Господь возлюбилъ его.—Давидъ очень любилъ этого сына.

Государственное устройство. Царская власть при Давидѣ вообще еще сохраняла патриархальный характеръ. Но есть факты, показывающіе, что ужъ начался при немъ переходъ къ формамъ восточнаго деспотизма. Финикійскіе мастера

построили ему и роскошно украсили великолѣпный дворецъ, по образцу дворца Хирама, богатаго царя Тирскаго. Давидъ имѣлъ гаремъ. Онъ окружилъ себя стражею, составленною изъ иноплеменныхъ наемниковъ, критянъ и филистимлянъ («Хелееи» и «Фелееи»); эти тѣлохранители повсюду сопровождали его; они исполняли также обязанности гонцовъ и палачей. У него былъ большой придворный штатъ; администраторами, совѣтниками царя, судьями были придворные. Онъ приобрѣлъ себѣ очень много помѣстій, имѣлъ множество стадъ, виноградниковъ; ими завѣдывали управители, надзиратели. Онъ постепенно преобразовалъ израильское ополченіе въ такое войско, какія были у другихъ восточныхъ царей. Точное опредѣленіе числа людей, обязанныхъ служить въ войскѣ и введеніе новаго военного устройства было по всей вѣроятности цѣлью народной переписи, возбужденной гнѣвъ Іеговы и навлекшей на народъ моровую язву.

По приказанію Давида, «пошелъ Іоавъ съ военачальниками считать народъ израильскій». Они обошли всю землю отъ Дана до Вирсавіи и отъ Сидона до пустыни, «и пришли черезъ девять мѣсяцевъ и одиннадцать дней въ Іерусалимъ. И подалъ Іоавъ списокъ народной переписи царю, и оказалось, что израильтянъ было восемьсотъ тысячъ мужей сильныхъ, способныхъ къ войнѣ, а іудеянъ пять сотъ тысячъ». (2 книга Царствъ XXIV, 4—9). По описанію воеустройства при Давидѣ, находящемуся въ 1-ой книгѣ Паралипоменонъ (глава XXVII), войско состояло изъ двѣнадцати отдѣловъ, въ каждомъ изъ которыхъ было 24.000 человекъ. Давидъ поставилъ и тысяченачальниковъ и стоначальниковъ, и ввелъ такой порядокъ, что каждый отдѣлъ находился при царѣ по одному мѣсяцу въ годъ, поочередно; но въ случаяхъ надобности, призывалось на службу и нѣсколько отрядовъ вмѣстѣ. По этому счету, войско Давида простиралось, какъ видимъ, почти до 300.000 человекъ. Народъ справедливо полагалъ, что перепись имѣетъ цѣлью доставленіе Давиду точныхъ свѣдѣній о томъ, сколько налоговъ можетъ платить народъ и сколько воиновъ можетъ онъ поставлять, и что результатомъ переписи будетъ увеличеніе налоговъ и числа требуемыхъ въ войско людей. Въ 1-ой книгѣ Паралипоменонъ говорится объ этомъ такъ: «И возсталъ сатана на Израиль и возбудилъ Давида сдѣлать перечисленіе израильтянамъ» (1 Парал. XXI, 1). Давидъ самъ понялъ, что сдѣлалъ дурно: «И вздрогнуло сердце Давидово послѣ того, какъ онъ сосчиталъ народъ, и сказалъ Давидъ Господу: тяжко согрѣшилъ я, поступивъ такъ; ибо крайне неразумно поступилъ я. Когда Давидъ всталъ на другой день утромъ, то было слово Господне къ Гаду пророку, прозорливцу Давида: Скажи Давиду: Такъ говоритъ Господь: Три наказанія предлагаю я тебѣ, выбери себѣ одно изъ нихъ. И пришелъ Гадъ къ Давиду, и возвѣстилъ ему, и сказалъ ему: избирай себѣ, быть ли голоду въ странѣ твоей семь лѣтъ, или чтобы ты три мѣсяца бѣгалъ отъ непріятелей твоихъ, и они преслѣдовали тебя, или чтобы въ продолженіи трехъ дней была моровая язва въ странѣ твоей? И сказалъ Давидъ Гаду: пусть впаду я въ руки Господа, ибо велико милосердіе Его; только бы въ руки человѣческія не впасть мнѣ. И послалъ Господь язву на израильтянъ отъ утра до назначеннаго времени; и умерло изъ народа, отъ Дана до Вирсавіи, семьдесятъ тысячъ человекъ. И простеръ Ангелъ руку свою на Іерусалимъ, чтобы опустошить его; но Господь пожалѣлъ о бѣдствіи, и сказалъ Ангелу, поражающему народъ: довольно, теперь опусти руку твою. Ангелъ же Господень былъ тогда у гумна Орны, Іевусейнина. И пошелъ въ тотъ день Гадъ къ Давиду, и сказалъ: иди, поставь жертвенникъ Господу на гумнѣ Орны, Іевусейнина. И соорудилъ тамъ Давидъ жертвенникъ Господу, и принесъ всесоженія и мирныя жертвы».—Въ книгѣ Исходъ (XXXII, 12) говорится: «И сказалъ Господь Моисею: Когда будешь дѣлать перечисленіе сыновъ израилевыхъ, то пусть каждый дастъ

Перепись народа.

выкупъ за душу свою Господу при перечисленіи ихъ, и не будетъ между ними язвы губительной при перечисленіи ихъ». — И такъ, послѣдствіемъ перечисленія должна была быть моровая язва, если не будетъ данъ «выкупъ за душу». — Важѣйшими изъ придворныхъ сановниковъ Давида были: Ионаанъ, племянникъ царя, совѣтникъ и писецъ; Ахитофель и Хувій, тоже совѣтники царя, пользовавшіеся особеннымъ его довѣріемъ; Іехиалъ, воспитатель его сыновей. При Давидѣ ужъ было много сановниковъ, завѣдывавшихъ разными отраслями управленія: одинъ завѣдывалъ «сокровищами царскими», другіе «запасами въ полѣ, въ городахъ, и въ селлахъ, и въ башняхъ»; — «полевыми работами», «виноградниками», запасами вина», «маслинами и смоковницами», «крупнымъ скотомъ въ Шаронѣ», «скотомъ въ долинахъ», верблюдами и т. д., принадлежащими царю. Ванея, сильный воинъ, который «сошелъ и убилъ льва во рвѣ въ сѣжное время», былъ начальникомъ тѣлохранителей, а Иебосеевъ, который «поднялъ копье свое на восемь сотъ человекъ и поразилъ ихъ въ одинъ разъ», былъ начальникомъ «правителей колесницъ»; мы видимъ, что Давидъ ввелъ въ своемъ войскѣ боевыя колесницы.

Посѣтили народъ Израильскій при Давидѣ и другія бѣдствія, кромѣ моровой язвы: былъ голодъ, былъ мятежъ. По поводу голода были, какъ мы видѣли, преданы смерти семь потомковъ Саула. Бѣдствію мятежа Давидъ подвергъ себя многоженствомъ. У него уже въ Хевронѣ было семь женъ. Въ Іерусалимѣ число ихъ стало еще больше. Давидъ имѣлъ двадцать сыновей и много дочерей. Соперничество между женами и между сыновьями отъ разныхъ женъ нарушало спокойствіе его жизни, вело къ порочнымъ и преступнымъ дѣламъ, было причиною страданій и для царя и для царства. Когда Давидъ взялъ себѣ жену Уріи, Господь возвѣстилъ ему чрезъ пророка Наѳана: „Я воздвигну тебѣ зло изъ дома твоего. Не отступитъ мечъ отъ дома твоего во вѣки». Это скоро сбылось. Мятежъ Авессалома, одного изъ сыновей Давида, былъ тяжелымъ ударомъ для царя, тогда уже старца. Исторія этого мятежа, подробно рассказываемая во 2-ой книгѣ Царствъ, проливаетъ яркій свѣтъ на бытъ и нравы того времени, и на главныхъ дѣятелей; потому перескажемъ рассказъ тоже подробно.

Аммонъ и Авессаломъ.

Старшій сынъ Давида, Аммонъ, матерью котораго была Ахиноама, изрелитянка, страстно полюбилъ свою сестру по отцу, красавицу Оамарь, матерью которой была третья жена Давида, Мааха, дочь царя Гессурскаго. Кромѣ дочери, у Маахи былъ и сынъ, Авессаломъ. — Аммонъ, отъ природы человекъ пылкаго безразсуднаго характера, привыкъ быть наглымъ, злоупотребляя тѣмъ, что онъ старшій сынъ царя. По совѣту своего двоюроднаго брата Ионадава, „человѣка очень хитраго“, онъ, притворившись больнымъ, заманилъ Оамарь въ свой домъ; прося ее „сдѣлать ему лепешку или двѣ при его глазахъ“; завелъ ее одну въ отдаленную комнату и изнасиловалъ. Какъ удовлетворилъ своей животной страсти, онъ почувствовалъ „величайшую ненависть къ ней, такъ что ненависть, какою онъ возненавидѣлъ ее, была сильнѣе любви, какою онъ имѣлъ къ ней“. Онъ выгналъ ее. „И посыпала Оамарь пепломъ голову свою, и разодрала разноцвѣтную одежду, которую имѣла на себѣ, положила руки свои на голову свою и такъ шла“ и рыдала. Авессаломъ утѣшилъ сестру, и сталъ задумывать мщеніе. „Черезъ два года было стриженіе овецъ у Авессалома въ Вааль-Гадорѣ, и позвалъ Авессаломъ всѣхъ сыновей царскихъ“ на праздникъ (при стрижкѣ овецъ всегда былъ пиръ). Царскіе сыновья сидѣли и пировали; слуги Авессалома, по

приказанію своего господина, бросились на Аммона и убили его. Другіе сыновья Давида, испуганные, сѣли на муловъ своихъ и ускакали. Авессаломъ, боясь гнѣва отца, убѣжалъ къ своему дѣду по матери, царю Гессурскому, и оставался у него три года. Когда печаль Давида о смерти Аммона утихла, и любовь къ Авессалому оживля въ его душѣ, Іоавъ ловкою хитростью выманилъ у Давида позволеніе Авессалому возвратиться. Но Давидъ еще не вполне простилъ его: не хотѣлъ видѣть его, запретилъ ему бывать во дворцѣ. Два года онъ оставался въ неплоти, потомъ насиліемъ и просьбою вынудилъ Іоава убѣдить Давида совершенно примириться съ нимъ.

Авессаломъ ужъ и прежде былъ дерзокъ; счастливая развязка его преступнаго дѣла увеличила его самонадѣянность, тѣмъ болѣе, что онъ считался теперь наслѣдникомъ престола: второй сынъ Давида, Далуія, матерью котораго была Авигея, жена Навала, умеръ или былъ убитъ. Авессаломъ былъ третій сынъ. Онъ былъ красавецъ: „Не было во всемъ Израилѣ мужчины столь красиваго, какъ Авессаломъ, и столько хвалимаго, какъ онъ; отъ подошвы ногъ до верха головы не было недостатка въ немъ“. Удивительно хороши были его длинныя, густыя волосы. Народу правился этотъ красавецъ, мужественный, смѣлый. Въ надеждѣ на любовь народа, онъ становился все смѣлѣе въ своихъ честолюбивыхъ замыслахъ. „Онъ завелъ у себя колесницы и лошадей и пятьдесятъ скороходовъ“. Онъ старался обратить въ свою пользу неудовольствія народа плохимъ ходомъ правосудія. Царская власть еще не вполне утратила патріархальный характеръ; Давидъ передалъ своимъ сановникамъ многія изъ правительственныхъ и судебныхъ занятій, но все еще оставалось въ обычай, что каждый могъ обращаться съ просьбами прямо къ царю; а въ важныхъ тяжбахъ судьей былъ все еще царь. Государство стало велико, а Давидъ состарѣлся; и разумѣется, онъ не успѣвалъ исполнять свои судебныя обязанности; многіе просители вѣроятно долго ждали, чтобъ онъ разобралъ ихъ дѣло, и уходили не выслушанные царемъ. Этимъ сталъ пользоваться Авессаломъ, чтобы пріобрѣсти себѣ еще больше любви у народа. „И вставалъ Авессаломъ рано утромъ, и становился при дорогѣ у воротъ, и когда кто-нибудь, имѣя тяжбу, шелъ къ царю на судъ, то Авессаломъ подзывалъ его къ себѣ, и спрашивалъ. И когда тотъ отвѣчалъ, говорилъ ему Авессаломъ: вотъ дѣло твое доброе и справедливое, но у царя некому выслушать тебя. О, если бы меня поставили судьей къ этой землѣ! ко мнѣ приходилъ бы всякій, кто имѣетъ споръ и тяжбу, и я судилъ бы его по правдѣ. И когда подходилъ кто нибудь поклониться ему, то онъ простиралъ руку свою, и обнималъ его и цѣловалъ его. Такъ поступалъ Авессаломъ со всякимъ израильтяниномъ, приходившимъ на судъ къ царю, и вкрадывался Авессаломъ въ сердце израильтянъ“.

Давидъ своими ошибками охладилъ ту восторженную преданность, какую прежде имѣлъ къ нему народъ. Взоры многихъ обращались съ надеждою на его сына. Партія недовольныхъ состарѣвшимся царемъ была особенно сильна въ его родной области, въ землѣ Іудиной; колѣну Іудину не нравилось стремленіе Давида укрѣпить связь государственнаго единства, объединить всѣ колѣна общими для всѣхъ законами, заставить всѣ колѣна одинаково повиноваться царю. Колѣно Іудино гордилось своимъ старшинствомъ, имѣло давнюю привычку къ самостоятельности, смотрѣло на остальной народъ израильскій съ чувствомъ племеннаго соперничества, считало обидою себѣ то, что ему не предоставляется господствовать надъ другими колѣнами, что они пользуются равноправностью съ нимъ. Авессаломъ зналъ это недовольство: двое изъ вліятельнѣйшихъ людей колѣна Іудина, Амессай и Ахитофель, были на его сторонѣ, были посвящены въ его честолю-

Авессаломъ записываетъ любовь у народа.

Будетъ Авессалома.

бывшие замыслы. Амессай был близкий родственник Иоава и Давида; Ахитофель был умнейший и влиятельнейший из советников Давида: „Советы Ахитофела в то время считались, какъ если бы кто спрашивалъ наставленія у Бога. Таковъ былъ всякій советъ Ахитофела для Давида“. Авессаломъ рѣшился сдѣлать центромъ возстанія область Іудину. Сказавъ отцу, что отправляется въ Хевронъ принести обѣщанную Господу жертву, онъ „разослалъ лазутчиковъ во все колѣна израильтянъ, сказавъ: Когда вы услышите звукъ трубы, то говорите: Авессаломъ воцарился въ Хевронѣ. И всталъ онъ, и пошелъ въ Хевронъ“, взявъ съ собою 200 человекъ. Пришелъ туда и Ахитофель изъ своего роднаго города, Гило, бывшаго неподалеку отъ Хеврона.

Бѣгство Давида.

При появленіи Авессалома и Ахитофела въ Хевронѣ, поднялось тамъ давно подготовленное возстаніе; изъ Хеврона, прежней столицы царства, оно съ быстротою горнаго потока разлилось неудержимо по всей области Іудиной. При всей своей проницательности, Давидъ былъ застигнутъ возстаніемъ совершенно неожиданно; кажется, онъ нисколько не подозрѣвалъ незаконныхъ замысловъ сына. Это показываетъ, что формы государственнаго устройства были еще просты, что связь между частями царства была еще очень слаба. Но врожденная находчивость и теперь не изменила Давиду. Убѣжденный, что безразсудное предпріятіе опрометчиваго сына скоро разстроится, лишь бы дать народу время одуматься, онъ рѣшился покинуть Іерусалимъ, отчасти потому, что не могъ разсчитывать на вѣрность жителей, отчасти потому, что не хотѣлъ подвергать свою столицу первому взрыву междоусобія, дѣлать ее мѣстомъ битвы. Онъ пошелъ изъ Іерусалима. „И вышелъ царь и весь домъ его пѣшкомъ, и все слуги его шли по сторонамъ его“. Его тѣлохранители и его отборный отрядъ шести сотъ остались вѣрны ему и пошли съ нимъ. Во дворцѣ онъ оставилъ только десять наложницъ, „для охраненія дома“. Левиты и первосвященники Садокъ и Авіаѳаръ хотѣли тоже идти съ нимъ, и ужъ пошли было, взявъ съ собою и ковчегъ завета; но онъ велѣлъ имъ вернуться, оставаться при святилищѣ, и поручилъ Садоку и Авіаѳару присылать ему черезъ ихъ сыновей извѣстія о томъ, что будетъ происходить въ городѣ. „И возвратили Садокъ и Авіаѳаръ ковчегъ Божій въ Іерусалимъ, и остались тамъ. А Давидъ пошелъ на гору Елеонскую, шелъ и плакалъ; голова у него была покрыта; онъ шелъ босой, и все люди, бывшіе съ нимъ, покрыли каждый голову свою, шли и плакали. Когда Давидъ взомель на вершину горы, вотъ на встрѣчу ему идетъ Хусій, Архитянинъ, другъ Давидовъ; одежда на немъ была разодрана, и прахъ на головѣ его. И сказалъ ему Давидъ: если ты пойдешь со мною, то будешь мнѣ въ тягость. Но если возвратишься въ городъ, и скажешь Авессалому: царь, я рабъ твой; доселѣ я былъ рабомъ отца твоего, а теперь я—твой рабъ: то ты разстроишь для меня советъ Ахитофела. Вотъ тамъ съ тобою Садокъ и Авіаѳаръ, священники, и всякое слово, какое услышишь изъ дома царя, пересказывай Садоку и Авіаѳару, священникамъ. Тамъ съ ними и два сына ихъ, чрезъ нихъ посылайте ко мнѣ всякое извѣстіе, какое услышите“. Мемфивосеей, сынъ Іонаана, единственный изъ потомковъ Саула, къ которому Давидъ былъ милостивъ, остался въ Іерусалимѣ, надѣясь, что Израиль теперь возвратитъ ему наследственное царство. Но его слуга Сива привезъ Давиду на двухъ ослахъ двѣсти хлѣбовъ, мѣхъ съ виномъ, изюму и смоквъ для подкрѣпленія ослабѣвшимъ въ пути по пустынѣ. Давидъ за это обѣщалъ отдать ему помѣстье его господина. „Когда дошелъ царь Давидъ до Бахурима, вотъ вышелъ оттуда человекъ изъ рода дома Саулова, по имени Семей, сынъ Геры; онъ шелъ и злословилъ, и бросалъ камнями на Давида и на всехъ рабовъ царя Давида. Такъ говорилъ Семей, злословя его: уходи,

уходи, убійца и беззаконникъ! Господь обратилъ на тебя всю кровь дома Саулова, вмѣсто котораго ты воцарился, и предашь Господь царство въ руки Авессалома, сына твоего; и вотъ ты въ бѣдѣ; ибо ты—кровопійца. И сказалъ Авесса царю: Пойду я, и сниму съ него голову. И сказалъ Давидъ Авессѣ и всемъ слугамъ своимъ: вотъ, если мой сынъ, который вышелъ изъ чреслъ моихъ, ищетъ души моей, тѣмъ больше сынъ веніамитянина; оставьте его, пусть злословитъ; ибо Господь повелѣлъ ему“. И пошли дальше царь и бывшіе съ нимъ, утомленные.

Вскорѣ послѣ того, какъ вышелъ изъ Іерусалима Давидъ, вступилъ туда Авессаломъ въ Авессаломъ, со множествомъ народа. Хусій, другъ Давидовъ, пришелъ къ Авессалому и сказалъ: Да живетъ царь! Авессаломъ, удивленный, спросилъ его, почему жъ онъ не послѣдовалъ за другомъ своимъ. Хусій отвѣчалъ: „Нѣтъ, кого избралъ Господь и народъ, съ тѣмъ и я“. Этимъ онъ приобрѣлъ довѣріе Авессалома. Ахитофель сказалъ Авессалому, что немедленно пойдетъ съ отборнымъ войскомъ въ погоню за Давидомъ, настигнетъ утомленныхъ бѣглецовъ, все они разбѣгутся. Но Хусій ловко доказалъ Авессалому, что на этотъ разъ Ахитофель плохо сообразилъ: „Ты знаешь твоего отца и людей его; они храбры и сильно раздражены, какъ медвѣдица въ полѣ, и если кто падетъ при первомъ нападеніи на нихъ, и услышатъ, и скажутъ: было пораженіе людей, послѣдовавшихъ за Авессаломомъ, тогда и самый храбрый, у котораго сердце, какъ сердце львиное, упадетъ духомъ. Посему я советую: пусть соберется къ тебѣ весь Израиль, отъ Дана до Вирсавіи, во множествѣ, какъ песокъ при морѣ; и ты самъ пойдешь посреди его. Тогда мы нападѣмъ на него, какъ падаетъ роса на землю; и не останется у него ни одного человека изъ всехъ, которые съ нимъ“. Авессаломъ предпочелъ советъ Хусія умному плану Ахитофела. Но Ахитофель могъ и безъ позволенія Авессалома, тайкомъ отъ него пойти съ отрядомъ на Давида; чтобъ охранить Давида отъ этой опасности, Хусій черезъ служанку сообщилъ сыновьямъ первосвященниковъ, скрывавшимся у источника Рогель, что онъ советуетъ Давиду перейти за Іорданъ. Они тотчасъ же пошли передать его слова Давиду. Ихъ замѣтилъ мальчикъ, сказалъ Авессалому; онъ послалъ за ними погоню; но они успѣли спрятаться въ Бахуримѣ въ колодезь; женщина, жившая въ домѣ, на дворѣ котораго былъ колодезь, „растянула надъ устьемъ колодезя покрывало и насыпала на него крупы, такъ что не было ничего замѣтно“; когда пришли гнавшіеся за ними, она сказала, что они ушли за Іорданъ. Погоня вернулась; тогда они вышли изъ колодезя, пошли и передали Давиду слова Хусія; Давидъ и бывшіе съ нимъ въ ту же ночь ушли за Іорданъ. „И увидѣлъ Ахитофель, что не исполненъ советъ его, и осѣдлалъ осла, и пошелъ въ домъ свой, въ городъ свой, и сдѣлалъ завѣщаніе дому своему, и удавился“.

Въ Маханаймѣ, гдѣ прежде была столица Іевосеей, Давидъ собралъ Давидъ въ Га-своихъ приверженцевъ и приготовился къ борьбѣ съ сыномъ, который, за-лаадъ. Смерть Авессалома. нувъ Іерусалимъ, овладѣлъ дворцомъ и гаремомъ отца. Ахитофель далъ ему тогда такой советъ: „Войди къ наложницамъ отца твоего, и услышатъ все израильтяне, что ты сдѣлался ненавистнымъ для отца твоего, и укрьются руки ихъ. И поставили для Авессалома палатку на (плоской) кровлѣ, и вошелъ Авессаломъ къ наложницамъ отца своего предъ глазами всего Израиля“. Авессаломъ, помазанный въ царя, созвалъ все ополченіе Израиля, назначилъ военачальникомъ Амессая, двоюроднаго брата Иоава, и пошелъ за Іорданъ, на Давида. Давидъ надѣялся на храбрость своихъ воиновъ и на преданность галаадитянъ, которые добровольно и безплатно снабдили его съѣстными припасами, одѣядами, постелями, посудой, и сами присоединились къ его войску. Потому онъ не уклонился отъ битвы, хотя

войско Авессалома было многочисленнее. Онъ раздѣлилъ своихъ воиновъ на три отряда, начальниками которыхъ назначилъ Иоава, Авессу и геонина Эеел. Онъ самъ хотѣлъ идти въ битву, но его воины не согласились, чтобъ онъ подвергалъ себя опасности, — потому онъ остался въ Маханаймѣ. Когда войско выходило изъ города, Давидъ сталъ въ воротахъ и приказалъ военачальникамъ: „Сберегите мнѣ Авессалома“. Битва произошла въ странѣ Галаадской, въ лѣсу Эфремовомъ. На сторонѣ Авессалома былъ очень большой перевѣсъ числа; но храброе, искусное въ бою войско Давида одержало побѣду. Двадцать тысячъ враговъ пало; остальные, отчаявшись въ успѣхѣ, разсѣялись, и погибали, заблудившись, такъ что „лѣсъ погубилъ народа больше, чѣмъ сколько истребилъ мечъ, въ тотъ день“. Обратился въ бѣгство и Авессаломъ. „Онъ былъ на мулѣ. Когда мулъ вбѣжалъ съ нимъ подъ вѣтви большого дуба, то Авессаломъ запутался волосами своими въ вѣтвяхъ дуба и повисъ между небомъ и землею, а мулъ, бывшій подъ нимъ, убѣжалъ. И увидѣлъ это“ одинъ изъ воиновъ „и донесъ Иоаву; и сказалъ Иоавъ: Зачѣмъ же ты не повергъ его тамъ на землю? И взялъ въ руки три стрѣлы, и вонзилъ ихъ въ сердце Авессалома. И взяли Авессалома, и бросили его въ лѣсу въ глубокую яму, и наметали надъ нимъ огромную кучу камней“.

Печаль Давида. Иоавъ прекратилъ преслѣдованіе бѣгущихъ: „затрубилъ Иоавъ трубою, и возвратились люди изъ погони за Израилемъ; ибо Иоавъ щадилъ народъ“. — Давидъ ждалъ извѣстій, „сидя между двумя воротами“. Услышавъ о смерти Авессалома, онъ закрылъ лицо свое, „и пошелъ въ горницу надъ воротами, и плакалъ, и когда шелъ, говорилъ такъ: Сынъ мой Авессаломъ! О, кто далъ бы мнѣ умереть вмѣсто тебя, Авессаломъ, сынъ мой, сынъ мой! И обратилась побѣда того дня въ плачъ для всего народа“, потому что царь скорбѣлъ о сынѣ; и воины входили въ городъ украдкою, какъ крадутся люди, стыдящіеся, которые во время сраженія обратились въ бѣгство. И пришелъ Иоавъ къ царю и сказалъ: Ты въ стыдъ привелъ всѣхъ слугъ твоихъ, спасшихъ нынѣ жизнь твою. Встань, выйди, поговори къ сердцу рабовъ твоихъ. И всталъ царь, и сѣлъ у воротъ; сошелся народъ, и онъ говорилъ съ народомъ.

Подавленіе возстанія. Послѣ пораженія въ лѣсу Эфремовомъ и смерти Авессалома, мятежники распались на двѣ партіи. Бунтъ былъ начатъ колѣномъ Іудинымъ; другія колѣна Палестины были только завлечены въ мятежъ этимъ колѣномъ; теперь они вспомнили о прежнихъ заслугахъ Давида и были расположены возвратиться къ повиновенію ему. Но колѣно Іудино оставалось твердымъ и сосредоточило свое войско подъ начальствомъ Амессая. Давидъ „послалъ сказать священникамъ Садоку и Авіагару: скажите старѣйшинамъ Іудинымъ: Вы братья мои, кости мои и плоть моя вы; зачѣмъ хотите вы быть послѣдними въ возвращеніи царя въ домъ его? И Амессаю скажите: Не кость ли моя и плоть моя—ты? Ты будешь военачальникомъ при мнѣ, вмѣсто Иоава, навсегда. И склонилъ онъ сердце іудеевъ, какъ одного человѣка, и послали они къ царю сказать: Возвратись. И пришелъ царь къ Іордану, а іудеи пришли въ Галгалъ, чтобъ встрѣтить царя и перевести царя чрезъ Іорданъ“. Въ числѣ ихъ находился и вѣніамитянинъ Семей Бахуримскій, который злословилъ бѣжавшаго изъ Іерусалима царя и бросалъ въ него камнями. „Семей палъ предъ царемъ, какъ только онъ перешелъ Іорданъ. И сказалъ царю: не поставь мнѣ, господинъ мой, и не помани того, чѣмъ согрѣшилъ рабъ твой; вотъ нынѣ я пришелъ первый изъ всего дома Іосифова, чтобъ выйти на встрѣчу господину моему, царю. И отвѣчалъ Авесса, сынъ Саруинъ, и сказалъ: неужели Семей не умретъ за то, что злословилъ помазанника Господня? И сказалъ царь Семейю: ты не умрешь; и поклялся ему царь“.

„И Мемфивосеей, сынъ Іонаана, вышелъ на встрѣчу царю. Онъ не омывалъ ногъ своихъ, не заботился о бородѣ своей, и не мылъ одеждъ своихъ съ того дня, какъ вышелъ царь, до дня, когда онъ возвратился съ миромъ. Царь сказалъ ему: почему ты не пошелъ со мною? Тотъ отвѣчалъ: господинъ мой, царь! слуга мой обманулъ меня; ибо я рабъ твой говорилъ: осѣдлаю себѣ осла и сяду на немъ, и поѣду съ царемъ; такъ какъ рабъ твой хромъ. А онъ оклеветалъ раба твоего. Дѣлай что тебѣ угодно. И сказалъ ему царь: Я сказалъ, чтобы ты и Сива раздѣлили между собою поля“. Царь простился съ восьмидесятилѣтнимъ старикомъ Верзеліемъ, помогавшимъ ему въ дни нужды, и отказавшимся по старости отъ почестей, которыми хотѣлъ наградить его Давидъ; царь обѣщалъ ему перенести свою милость къ нему на его сына Кимгама. Давидъ переправился чрезъ Іорданъ, пришелъ въ Галгалъ. Тутъ поднялась новая ссора. „Всѣ израильтяне“ — то есть, всѣ колѣна Палестинскія, кромѣ Іудины — сошлись въ Галгалъ и роптали на то, что колѣно Іудино, начавшее бунтъ, теперь присвоило одному себѣ заслугу и честь возвращенія царя на царство, вышло одно встрѣтить его и царь оказываетъ ему предпочтеніе передъ другими колѣнами. Пользуясь этимъ неудовольствіемъ израильтянъ, „одинъ негодный человѣкъ, по имени Савей, Вѣніамитянинъ, затрубилъ трубою и сказалъ: нѣтъ намъ части въ Давидѣ и нѣтъ намъ доли въ сынѣ Іессеевомъ; всѣ (расходитесь) по шатрамъ своимъ, израильтяне! и отдѣлились всѣ израильтяне отъ Давида, и пошли за Савеемъ“. Только іудеи „остались на сторонѣ царя своего“ и проводили его въ Іерусалимъ.

Пришедши въ Іерусалимъ, Давидъ поручилъ Амессаю собрать въ теченіе семи дней войско колѣна Іудины и идти на Савей. Амессай промедлилъ болѣе назначеннаго времени. Давидъ велѣлъ Авессѣ идти съ воинами, которые были собственнымъ войскомъ царя: шестьюстами отборныхъ воиновъ (гибборимами), тѣлохранителями, и воинами, какихъ наскоро собралъ Иоавъ. Поспѣшность была нужна, чтобы мятежники не успѣли занять крѣпостей: если бы успѣли, междоусобная война стала бы продолжительною. Иоавъ пошелъ съ Авессою. „Близъ Большого Камня, что у Гаваона“, пришелъ къ нимъ Амессай, съ войскомъ, которое собралъ. „И сказалъ Иоавъ Амессаю: Здоровъ ли ты, братъ мой? И взялъ Иоавъ правую рукою Амессая, чтобы поцѣловать его. Амессай же не остерегся меча, бывшаго въ (лѣвой) рукѣ Иоава, и тотъ поразилъ имъ его въ животъ, такъ что выпали внутренности его на землю, и не повторилъ удара, и онъ умеръ. Одинъ изъ отроковъ Іоавовыхъ стащилъ Амессая съ дороги въ поле и набросилъ на него одежду“, чтобы не останавливались смотрѣть на убійство. Воины, которыхъ привелъ Амессай, пошли за Іоавомъ. Съ обыкновенною своею энергіею Иоавъ подавилъ мятежъ. Знаменитый вожь шелъ изъ области въ область, при его приближеніи масса населенія покидала сторону Савей, возвращалась къ повиновенію царю. Только укрѣпленный городъ Авель, лежавшій близъ Беѣ-Маахи, въ самомъ сѣверномъ углу области Дановой, далъ пріютъ мятежникамъ. Но когда Иоавъ насыпалъ валъ и осадныя машины стали серьезно угрожать крѣпости, горожане упали духомъ. „Одна умная женщина“ взошла на стѣну города, спросила у Иоава, неужели онъ непременно хочетъ разрушить городъ; онъ сказалъ, что уйдетъ, если ему выдадутъ Савей. Она сказала это горожанамъ; „и отсѣкли голову Савею, и бросили Иоаву. Тогда Иоавъ затрубилъ трубою“, и отступилъ отъ города.

Смерть Амессая и Савей.

По усмиреніи возстанія Давидъ царствовалъ, кажется, еще лѣтъ десять; и кажется, они прошли спокойно, мирно. Извѣстій объ этомъ правленіи Давида.

времени нѣтъ, потому должно думать, что въ послѣдніе годы жизни великаго царя не произошло никакихъ важныхъ событій. Прекрасныя размышленія, приводимыя во 2-ой Книгѣ Царствъ подъ заглавіемъ «Послѣднія слова Давида», показываютъ, что его душа была тогда всего болѣе занята религіозными мыслями: „Владычествующій надъ людьми будетъ праведенъ, владычествуя въ страхѣ. И какъ на разсвѣтѣ утра, при восходѣ солнца на безоблачномъ небѣ, отъ сіянія послѣ дождя вырастаетъ трава изъ земли, не такъ ли домъ мой у Бога? А нечестивые будутъ какъ выброшенное терніе, котораго не берутъ рукою; но кто касается его, вооружается желѣзомъ или деревомъ копыя, и огнемъ сожигаютъ его на мѣстѣ“.

Но у постели умирающаго Давида поднялась новая смута, возбужденная семейнымъ раздоромъ и интригами приближенныхъ царя. «Когда царь Давидъ состарѣлся» (ему было въ это время лѣтъ семьдесятъ) „не могъ согрѣться“, сколькими бы „одеждами ни покрывали его“. „И сказали слуги его: пусть поищутъ для господина нашего молодую дѣвицу, чтобъ она ходила за нимъ, и тепло будетъ господину нашему. И нашли Ависагу Сунамитянку. Дѣвица была очень красива; и ходила она за царемъ и прислуживала ему; но царь не позналъ ея“. Адонія, послѣ смерти Авессалома ставшій старшимъ изъ сыновей Давида, подобно Авессалому властолюбивый, и тоже красавецъ, считалъ себя законнымъ наслѣдникомъ престола, „и завелъ себѣ колесницу, и всадниковъ, и пятьдесятъ человѣкъ скороходовъ“; — имѣть ихъ, было принадлежностью царскаго сана. Мать его, Агриа, родила его, когда Давидъ жилъ въ Хевронѣ; потому онъ былъ теперь въ самой энергической порѣ мужества. Иовъ, главнокомандующій всѣхъ войскъ, и одинъ изъ двухъ первосвященниковъ, Авиаѳаръ, были на его сторонѣ. Другіе сыновья Давида признавали его права. Но Давидъ обѣщалъ красавицѣ Вирсавіи — той женѣ, которую отнялъ у ея прежняго мужа, Ури — что ея сынъ, Соломонъ, хоть онъ и былъ лишь десятый сынъ царя, будетъ царемъ. Соломонъ и теперь былъ еще несовершеннолѣтній. Но на его сторонѣ стояли вліятельные люди теократической партіи: пророкъ Наанъ, ужь много лѣтъ пользовавшійся очень большимъ довѣріемъ царя, первосвященникъ Садокъ, храбрый Ванея, начальникъ тѣлохранителей, — многіе другіе военачальники, отборный отрядъ шести сотъ. Адонія, въ желаніи овладѣть престоломъ, устроилъ торжественное жертвоприношеніе у источника Рогель, пригласилъ на этотъ праздникъ своихъ приверженцевъ и братьевъ, кромѣ Соломона, и на пиршествѣ, для котораго «закололъ множество воловъ, тельцовъ и овецъ», его сторонники провозгласили его царемъ. Пиръ еще продолжался, когда Вирсавія, по совету Наана, «пошла къ царю въ спальню, и сказала: Господинъ мой царь! ты клялся рабѣ твоей Господомъ Богомъ твоимъ: сынъ твой Соломонъ будетъ царствовать послѣ меня. А теперь вотъ Адонія во-

Адонія хочетъ
сдѣлаться ца-
ремъ.

царился. Когда господинъ мой царь почіетъ съ отцами своими», то постра-
даемъ я и мой сынъ. Вошелъ Наанъ, были позваны Садокъ и Ванея;
они подтвердили слова Вирсавіи объ Адоніи, поддержали ея просьбу, и
дряхлый царь принялъ рѣшеніе, отъ котораго до той поры уклонялся.
Онъ велѣлъ Садоку и Наану посадить Соломона на мула, идти съ нимъ
черезъ весь городъ; на другомъ концѣ города, въ Гіонѣ, помазать его
при трубныхъ звукахъ въ царя надъ Израилемъ, опять черезъ весь го-
родъ вести его обратно во дворецъ и посадить на царскій престолъ; а
Ванеѣ царь велѣлъ провожать съ дворцовыми войсками процессію. Такъ
и было исполнено. Процессія пришла въ Гіонъ. „И взялъ Садокъ
священникъ рогъ съ елеемъ изъ скинии, и помазалъ Соломона. И за-
трубили трубою, и весь народъ восклицалъ: Да живетъ царь Соло-
монъ! И весь народъ провожалъ Соломона и игралъ на свирѣляхъ,
и весьма радовался, такъ что земля разсѣдалась отъ криковъ его“. Адонія
и приглашенные имъ, услышавъ звукъ трубы, „перестали
ѣсть“; Иовъ спросилъ: что это такое? Въ эту минуту вошелъ Иона-
ѳанъ, сынъ Авиаѳара, и рассказалъ, что Соломонъ провозглашенъ ца-
ремъ; и испугались и встали всѣ приглашенные и пошли каждый
своею дорогою. Адонія же убѣжалъ въ святилище, „и ухватился за
роги жертвенника“, какъ дѣлали ищущіе во святилищѣ спасенія отъ
смерти. «И донесли (объ этомъ) Соломону и сказалъ Соломонъ: Если
онъ будетъ человѣкомъ честнымъ, то ни одинъ волосъ его не упа-
детъ на землю; если же найдется въ немъ лукавство, то умретъ». Адонія
согласился покинуть святилище, «и пришелъ, и поклонился
царю Соломону, и сказалъ ему Соломонъ: иди въ домъ свой». По
смерти Давида, «Адонія пришелъ къ Вирсавіи, и сказалъ: Прошу те-
бя, поговори Соломону, чтобъ онъ далъ мнѣ Ависагу Сунамитянку въ
жену». Соломонъ увидѣлъ въ этомъ замыселъ Адоніи возобновить при-
тязанія на престолъ, и велѣлъ Ванеѣ убить Адонію. «А священнику
Авиаѳару сказалъ: Ступай въ Анаѳовъ на твое поле: ты достоинъ
смерти; но я не умерщвлю тебя, ибо ты носилъ ковчегъ Владыки Гос-
пода предъ Давидомъ отцомъ моимъ и терпѣлъ все, что терпѣлъ отецъ
мой. И удалилъ Соломонъ Авиаѳара отъ священства». О дальнѣйшей
судьбѣ старика нѣтъ извѣстій. Санъ священства, принадлежавшій пре-
жде двумъ лицамъ, сталъ принадлежать теперь одному Садоку; Садокъ
собственно говоря, и былъ первый, ставшій первосвященникомъ.

Помазаніе Со-
ломона на цар-
ство. Смерть
Адонія.

Правила, по которымъ Соломонъ поступилъ съ Адонією и Авиаѳа-
ромъ, были тѣ же самыя, которыхъ держался Давидъ, любившій
выказывать себя милостивымъ. Эта мудрость Давида вполне прояв-
ляется въ послѣднихъ его словахъ Соломону: «Когда приблизилось
время умереть Давиду, онъ «завѣщалъ Соломону» хранить завѣтъ
Господа, и продолжалъ: «Еще: ты не знаешь, что сдѣлалъ мнѣ Ио-
авъ, какъ поступилъ онъ съ двумя вождями войска израильскаго, съ
Авениромъ и Амессаеомъ, какъ онъ умертвилъ ихъ и пролилъ кровь
бранную во время мира, обагривъ кровію бранною поясъ на чреслахъ

Послѣдній со-
вѣтъ Давида
Соломону.

своихъ и обувь на ногахъ своихъ. Поступи съ нимъ по мудрости твоей, чтобы не отпустить его сѣдины мирно въ преисподнюю». Далѣе, Давидъ сказалъ, что Соломонъ долженъ оказывать расположеніе сыновьямъ Верзеллія, который помогалъ ему въ нуждѣ, когда онъ бѣжалъ отъ Авессалома, и что Соломонъ долженъ наказать Семея: „онъ злословилъ меня, когда я шелъ въ Манахائمъ. Я поклялся ему Господомъ: говоря: Я не умерщвлю тебя мечемъ. Ты же не оставь его безнаказаннымъ; ибо ты человѣкъ мудрый, и знаешь, что тебѣ сдѣлать съ нимъ, чтобы низвести сѣдину его въ крови въ преисподнюю“. — «И почилъ Давидъ съ отцами своими, и погребенъ былъ въ городѣ Давидовомъ. Время царствованія Давида надъ Израилемъ было сорокъ лѣтъ: въ Хевронѣ царствовалъ онъ семь лѣтъ, и тридцать три года царствовалъ въ Иерусалимѣ».

Соломонъ съ точностью исполнилъ порученіе отца. Услышавъ о смерти Адоніи и удаленіи Авіаѳара, «убѣжалъ Іоавъ въ скинію Господню и ухватился за роги жертвенника. И послалъ Соломонъ Ванею, говоря: «пойди, умертви его. И пришелъ Ваней въ скинію Господню, и сказалъ ему: такъ сказалъ царь: выходи. И сказалъ тотъ: нѣтъ я хочу умереть здѣсь. Ваней передалъ это царю, говоря: такъ сказалъ Іоавъ. Царь сказалъ ему: сдѣлай, какъ онъ сказалъ, и умертви его, и похорони его, и сними невинную кровь, пролитую Іоавомъ, съ меня и съ дома отца моего. И пошелъ Ваней, сынъ Іудаевъ, и поразилъ Іоава, и умертвилъ его, и онъ былъ похороненъ въ домъ своею въ пустынѣ. И поставилъ царь Соломонъ Ванею, сына Іудаева, вмѣсто его надъ войскомъ. И послалъ, царь призывалъ Семея, и сказалъ ему: построй себѣ домъ въ Иерусалимѣ, и живи здѣсь, и никуда не выходи отсюда. И знай, что въ тотъ день, въ который ты выйдешь, и перейдешь потокъ Кедронъ, непременно умрешь. И жилъ Семей въ Иерусалимѣ. Но черезъ три года случилось, что у Семея двое рабовъ убѣжали. И всталъ Семей и осѣдлалъ осла своего, и отправился искать рабовъ своихъ. И возвратился Семей, и привелъ рабовъ своихъ. И донесли Соломону, что Семей ходилъ изъ Иерусалима. И призвалъ царь Семей, и сказалъ ему: Зачѣмъ ты не соблюлъ приказанія, которое я далъ тебѣ предъ Господомъ съ клятвою? Ты знаешь зло, какое ты сдѣлалъ отцу моему, Давиду; да обратитъ же Господь злобу твою на голову твою! И повелѣлъ царь Ваней, и онъ пошелъ, и поразилъ Семея, и тотъ умеръ». Такъ упрочилась царская власть въ рукѣ Соломона.

Сужденія о Давидѣ очень различны. Въ его жизни много пятенъ, начиная съ того, что онъ хотѣлъ, какъ вассалъ филистимскаго царя, участвовать въ походѣ на своихъ единоплеменниковъ, и кончая его совѣтами Соломону убить Іоава и Семея. Его порицатели говорили, что прославляемыми подвигами его, о которыхъ однако же нѣтъ подробныхъ разсказовъ, не уравниваются жестокости, совершенныя имъ надъ моавитянами и аммонитянами, которыхъ онъ велѣлъ пе-

репилить пилами, давить молотильными телѣгами, бросать въ печи, что его великодушіе было обманомъ, служившимъ для болѣе вѣрнаго мщенія, что искренность его печали о смерти Саула рѣзко опровергается истребленіемъ потомковъ Саула; говорили о томъ, какъ онъ поступилъ съ Урією. Въ параллель разсказу о его побѣдѣ надъ Голиафомъ приводили другое извѣстіе, находящееся во 2-й книгѣ Царствъ: «Было сраженіе въ Гобѣ; тогда убилъ Элхананъ, сынъ Ягаре-Оргима Виелеемскаго, Голиафа Геоянина, у котораго копье древка было, какъ навой у ткачей» (2 кн. Царствъ, XXI, 19); отвергали объясненіе, которое дается этому въ 1-й книгѣ Паралипоменонъ, пополняющей извѣстія книги Царствъ: «Опять была война съ филистимлянами. Тогда Элхананъ поразилъ Лахмія, брата Голиафова, Геоянина, у котораго древко копья было какъ навой у ткачей» (1 Парал. XX, 5); говорили, что народное расположеніе къ Давиду присвоило ему подвигъ, совершенный Элхананомъ. — Но тѣ поступки Давида, за которые порицаютъ его, находятъ извиненіе себѣ въ общей склонности семитовъ къ мстительности, въ затрудненіяхъ, съ которыми приходилось бороться Давиду, въ характерѣ того времени, въ горячности населенія Сиріи, въ необходимости борьбы съ элементами, враждебными власти Давида, выросшей не на почвѣ наслѣдственности и легитимности. А во всякомъ случаѣ, не должно забывать, что Давидъ оказалъ великія услуги израильскому народу и что въ его характерѣ были благородныя черты. Онъ далъ націи единство и прочное устройство, укрѣпивъ ослабѣвшія связи племеннаго родства, давъ народу религіозный центръ перенесеніемъ ковчега завѣта въ Иерусалимъ; далъ націи могущество и самоуваженіе, одолевъ великими битвами сосѣднія племена, покоривъ ихъ или принудивъ заключить миръ съ Израилемъ; онъ возвысилъ и упрочилъ національную религію, оживилъ духъ народа упованіемъ на Іегову, необходимымъ для твердости народа въ настоящемъ и для прочности его будущаго. Чтобы совершить такіа дѣла, человѣку необходимо имѣть великія душевныя силы; и надобно признать, что Давидъ имѣлъ ихъ. Въ извѣстіяхъ о немъ есть черты, показывающія, что у него были благородныя качества. Своей дружбѣ къ Іоанаѳану онъ остался вѣренъ навсегда; онъ скорбѣлъ о гибели враговъ, которые прежде были дороги его сердцу, на примѣръ о Саулѣ и Авессаломѣ; въ опасностяхъ и лишеніяхъ онъ братски держалъ себя относительно своихъ сотоварищей воиновъ; онъ твердо былъ преданъ Богу, которому онъ служилъ всю жизнь, никогда не преклонивъ коленъ предъ идолами язычниковъ; онъ кротко переносилъ и прощалъ оскорбленія, хотя впоследствии подавлялъ въ себѣ добрыя влеченія сердца по разсчету политической надобности; — все это такіа достоинства, которыхъ нельзя не цѣнить высоко. Давидъ былъ щедро одаренъ природою. Онъ «игралъ на струнахъ» съ такимъ же мастер-

Смерть Іоава и
Семея.

Характеръ Да-
вида.

ствомъ, какъ владѣль мечемъ; онъ твердо выносилъ труды и лишения суровой жизни изгнанника, добывающаго себѣ пищу своимъ оружіемъ; зналъ и тихое счастье, свѣтлое спокойствіе души, даваемое поэтическимъ творчествомъ;—такого царя исторія должна изображать и судить по всей совокупности его многостороннихъ качествъ. И у него была рѣдкая черта человѣчности, особенно прекрасная въ царѣ: было смиреніе, была способность сознаваться въ своихъ дурныхъ поступкахъ, готовность раскаяваться въ нихъ. Многіе грѣшили, какъ Давидъ, но не каждый раскаявался, какъ онъ.

Псалмы Давида. Давидъ оставилъ намъ письменныя произведенія, въ которыхъ до нѣкоторой степени отражается его душевная жизнь. Мы ужъ говорили о тѣхъ его пѣсняхъ, которыя помѣщены во 2-й книгѣ Царствъ (стр. 637, 639, 645, 653). Только одна изъ нихъ вошла въ собраніе псалмовъ (2 книга Царствъ, глава XXII — псаломъ 17-й). О томъ, какіе именно псалмы принадлежатъ Давиду, исследователи судятъ очень неодинаково.

2. Премудрый Соломонъ.

(1018—978 или 993—953).

Отпаденіе нѣкоторыхъ изъ покоренныхъ племенъ. Военнымъ счастьемъ Давида были покорены сосѣдніе народы, жестокая лѣзная строгость его удерживала ихъ въ покорности. Давидъ, выигравшій столько побѣдъ, внушалъ иноземцамъ такое чувство, что царь аммонитскій старался заслужить подарками его расположеніе въ то время, когда онъ пришелъ изгнанникомъ въ Маханаимъ. По отрывочнымъ извѣстіямъ мы видимъ, что слухъ о смерти Давида и Іоавъ вызвалъ у покоренныхъ Давидомъ южныхъ и восточныхъ племенъ попытки свергнуть съ себя иго израильтянъ; это также показываетъ, какъ страшно было имя воинственнаго царя: такихъ попытокъ не было, пока онъ былъ живъ, хоть онъ въ послѣдніе годы и былъ дряхлъ, хоть и были междоусобія у самихъ израильтянъ. — Когда Іоавъ, разбивъ идумеевъ въ долину Соляной, завоевалъ ихъ страну и истреблялъ остриемъ меча всѣхъ людей мужскаго пола въ ней, мальчикъ царскаго рода, Адеръ (Гададъ) былъ спасенъ вѣрными слугами; они бѣжали съ нимъ чрезъ пустыню Синайскаго полуострова въ Египетъ. Фараонъ принялъ его ласково; далъ ему домъ и землю, и назначилъ ему содержаніе; когда онъ выросъ, Фараонъ отдалъ за него сестру своей жены. «Когда Адеръ услышалъ, что Давидъ почилъ съ отцами своими и что военачальникъ Іоавъ умеръ, то сказалъ Фараону: отпусти меня; я пойду въ свою землю». Фараонъ не отпускалъ его; онъ бѣжалъ изъ Египта, явился въ родныя горы и поднялъ населеніе ихъ противъ Соломона. Въ Эдомскихъ горахъ много ущелій и пещеръ; потому начать возстаніе было удобно.

Успѣху его помогло то, что одновременно съ нимъ начались двѣ другія войны противъ израильтянъ: возстало противъ подвластности израильтянамъ населеніе лежащаго у филистимской границы небольшого Гессурскаго царства, откуда родомъ была мать Авессалома, и сдѣлался опаснымъ врагомъ Соломона предприимчивый Разонъ, вождь одного изъ племенъ сѣверной Сиріи. Онъ отложился отъ Адраазара, царя Сувскаго, во время войны его съ Давидомъ, дѣлалъ послѣ того набѣги на сосѣдовъ. Число его воиновъ росло. Онъ овладѣлъ теперь Дамаскомъ и провозгласилъ себя царемъ сирійскимъ. Сколько можно судить по краткимъ и отрывочнымъ извѣстіямъ объ этихъ возстаніяхъ, можно думать, что и Адеръ и Разонъ остались не побѣждены. Давидомъ кончается героическій періодъ израильскаго народа. Если Соломону и удалось одолѣть своихъ южныхъ враговъ, то лишь при помощи царя египетскаго. Мы знаемъ, что Соломонъ вступилъ въ союзъ съ Фараономъ Псусенномъ (стр. 183). Извѣстіе объ этомъ находится въ 3-й книгѣ Царствъ (IX, 16): «Фараонъ, царь египетскій, пришелъ и взялъ Газеръ, и сжегъ его огнемъ, и хананеевъ, жившихъ въ городѣ, побилъ, и отдалъ его въ приданое дочери своей, женѣ Соломоновой». Во 2-й книгѣ Паралипоменонъ говорится, что на сѣверныхъ враговъ ходилъ самъ Соломонъ: «И пошелъ Соломонъ на Эмаѣ-Сува и взялъ его» (2 Парал. VIII, 3). Но каковъ бы ни былъ успѣхъ войнъ Соломона, онъ увеличилъ оборонительную силу страны израильской построеніемъ многихъ крѣпостей и упрочилъ внутреннюю безопасность израильскаго народа совершеннымъ покореніемъ остатковъ хананейскихъ племенъ; покоренныхъ имъ хананеянъ онъ «сдѣлалъ оброчными работниками».

Построеніе крѣпостей и покореніе хананеянъ.

На сѣверѣ онъ укрѣпилъ стѣнами городъ Гацоръ; на югѣ онъ вновь построилъ сожженный египтянами городъ Газеръ, и укрѣпилъ его стѣнами. Проходы, ведущіе съ приморья на Палестинскую террасу, защитилъ крѣпостями Мегидономъ, Беорономъ и Валааомъ; они каменнымъ поясомъ охраняли границы государства отъ филистимлянъ. О пораженіи хананеевъ Соломономъ мы имѣемъ лишь краткое извѣстіе: «Весь народъ, оставшійся отъ Аморреевъ, Хеттеевъ, Ферезеевъ, Эвеевъ и Іевусеевъ, которыхъ сыны израильтянъ не могли истребить, Соломонъ сдѣлалъ оброчными работниками». Это отнятіе прежнихъ правъ у нихъ вѣроятно побудило многихъ изъ нихъ переселиться въ Финикію, и Финикійяне вѣроятно воспользовались приливомъ пришельцевъ для основанія и расширенія колоній въ далекихъ странахъ.

Построеніе крѣпостей и совершенное покореніе остатковъ хананейскихъ племенъ были очень полезными для государства дѣлами; границы израильскаго царства не расширились при Соломонѣ, но оно приобрѣло болѣе единства, прочности, оборонительной силы. Оно простиралось отъ Потока Египетскаго до Эвфрата, отъ богатаго торговаго города Тапсака до цвѣтущаго города Газы на филистимскомъ приморьѣ. Чтобы оно могло не бояться внѣшнихъ враговъ, Соломонъ умножилъ

число войска. Еще Давидъ завелъ, по примѣру египтянъ, конницу и боевыя, колесницы; Соломонъ очень усилилъ эти части войска. У израильтянъ вошло въ поговорку выраженіе: «колесницы Фараоновы при дворѣ Соломоновомъ». У Соломона «было тысяча четыреста колесницъ и двѣнадцать тысячъ всадниковъ; и размѣстилъ онъ ихъ по колесничнымъ городамъ и въ Іерусалимѣ. Коней же царю Соломону приводили изъ Египта и изъ Кувы»; военныя колесницы тоже покупалъ онъ въ Египтѣ. Онъ усилилъ и число пѣшихъ воиновъ, обязавъ служить въ ополченіи всѣхъ израильтянъ, способныхъ носить оружіе. Работниками на его постройки были поработанные хананеяне, «сыновъ же Израилевыхъ Соломонъ не дѣлалъ работниками; но были они его воинами, его вельможами, его военачальниками и вождями его колесницъ и его всадниковъ».

Торговля пред-
пріятія.

Но Соломонъ думалъ не столько о военной славѣ, сколько о великолѣпіи, блескѣ. Государство ужъ расширилось до своихъ естественныхъ границъ; нація была свободна и безопасна, важнѣйшею ея задачею должно было стать достиженіе благосостоянія и образованности. Соломонъ заботился о доставленіи этихъ благъ своему народу; благодаря тому государство стало благоденствовать, а онъ пріобрѣлъ себѣ средства удовлетворять своей любви къ искусствамъ и своей склонности къ великолѣпію. Однимъ изъ главныхъ предметовъ дѣятельности Соломона было развитіе торговли; мысль объ этомъ возбуждало самое положеніе страны между богатыми торговыми государствами на Эвфратѣ и на Нилѣ и Финикію. Соломонъ вошелъ въ самыя дружескія связи съ Египтомъ и Тиромъ. Онъ заключилъ торговые договоры съ этими государствами, далеко превосходившими израильтянъ образованностью, и его народъ черезъ торговые сношенія знакомился съ ихъ культурою. Въ числѣ женъ Соломона были дочь Фараона и дочь царя Тирскаго. Онъ пролагалъ торговыя дороги, основывалъ на нихъ города для стоянки караванамъ и склада товаровъ; его народъ вовлекался въ торговую дѣятельность. Въ Іерусалимѣ сходились караванные пути, соединявшіе побережье Средиземнаго моря съ торговыми городами на Эвфратѣ; черезъ Іерусалимъ шли товары, которыми богатый востокъ обмѣнивался съ промышленнымъ западомъ. Кромѣ другихъ стоянокъ на караванныхъ дорогахъ чрезъ пустыни, онъ построилъ для склада товаровъ большой городъ Тадморъ (13 Книга Царствъ, IX, 17, 18): «И построилъ Соломонъ Газеръ и Нижній Беѳоронъ и Ваалаѳъ и Тадморъ въ пустынѣ». 2 Книга Паралипоменонъ, VIII, 3, 4: «И пошелъ Соломонъ на Эмаѳъ-Сува, и взялъ его, и построилъ онъ Тадморъ въ пустынѣ, и всѣ города для запасовъ, какіе основалъ въ Эмаѳѣ»;—эти извѣстія не опредѣляютъ положеніе Тадмора съ такою точностью, чтобы можно было рѣшить, тотъ ли это городъ, который послѣ сталъ знаменитъ подъ именемъ Пальмиры, или онъ находился гораздо южнѣе Паль-

мирскаго оазиса, на юго-востокъ, а не на сѣверо-востокъ отъ Палестины. Торговля боевыми конями и военными колесницами доставляла Соломону большія выгоды: покупая ихъ въ Египтѣ, онъ продавалъ ихъ сирійскимъ царямъ и родоначальникамъ. Еще больше выгоды приносила морская торговля съ южною Аравією; онъ велъ ее, какъ мы ужъ говорили, въ товариществѣ съ финикіянами. По извѣстію, находящемуся въ 3 Книгѣ Царствъ (IX, 28), большая экспедиція, отправленная имъ и Хирамомъ въ Офиръ, привезла на его долю 420 талантовъ золота. Итакъ, Израиль, чья торговая дѣятельность прежде состояла лишь въ томъ, что сѣверныя колѣна его продавали хлѣбъ своихъ нивъ и шерсть своихъ стадъ финикіянамъ, принялъ теперь участіе въ торговлѣ, которую вели Египетъ и Финикія съ Сирією и бассейномъ Эвфрата. Значительная часть прибыли поступала въ казну царя, который строилъ себѣ и своимъ женамъ великолѣпные дворцы, пріобрѣталъ драгоцѣнную мебель и посуду, далъ своимъ тѣлохранителямъ оружіе, украшенное золотомъ. Но богатѣлъ отъ торговли и народъ. Въ позднѣйшія столѣтія, евреи, скорбя о своемъ настоящемъ, вспоминали о временахъ Соломона, временахъ мира, счастья и блеска, когда «жили Іуда и Израиль спокойно, каждый подъ виноградникомъ своимъ и подъ смоковницею своею, отъ Дана до Вирсавіи».

Самою блестящею славою царствованія Соломона были его сооруженія, постройку которыхъ поручалъ онъ, по примѣру отца, финикійскимъ архитекторамъ и мастерамъ. Евреи были пастушескій и земледѣльческій народъ; кромѣ войны, они занимались только воздѣлываніемъ полей, виноградниковъ, скотоводствомъ, отдыхая отъ своихъ трудовъ на сельскихъ пирушкахъ. Они теперь только еще начинали покидать патриархальные нравы предковъ, привыкать къ формамъ жизни культурныхъ деспотическихъ государствъ, и были еще не способны строить тѣ зданія, какія хотѣлъ воздвигать Соломонъ по примѣру царей египетскихъ, финикійскихъ и вавилонскихъ. Потому онъ отправилъ пословъ къ Хираму, царю Тирскому, въ дружбѣ съ которымъ былъ ужъ и его отецъ, и велѣлъ послать сказать Хираму отъ его имени: «Вотъ, я намѣренъ построить домъ имени Господа, Бога моего; итакъ, прикажи рубить для меня кедровъ съ Ливана; рабы мои будутъ вмѣстѣ съ твоими рабами, и я буду давать тебѣ плату за рабовъ твоихъ, какую ты назначишь; ибо ты знаешь, что у насъ нѣтъ людей, которые умѣли бы рубить деревья такъ, какъ сидоняне». Хирамъ, чьи огромныя сооруженія въ Тирѣ возбуждали удивленіе современниковъ и потомства, разумѣется могъ быть наилучшимъ совѣтникомъ въ этомъ дѣлѣ и доставить Соломону все надобное для постройки. Онъ съ удовольствіемъ согласился на предложеніе Соломона. «И послалъ Хирамъ къ Соломону сказать: Я исполню все желаніе твое о деревьяхъ кедровыхъ и деревьяхъ кипарисовыхъ. Рабы

Сооруженія,
построенныя
Соломономъ.
1. Договоръ съ
Хирамомъ.

мои свезутъ ихъ съ Ливана къ морю, и я моремъ доставлю ихъ къ мѣсту, которое ты назначишь мнѣ; но и ты исполни желаніе мое, чтобы доставлять хлѣбъ для моего дома. И давалъ Хирамъ Соломону дерева кедровыя и дерева кипарисовыя, вполне по его желанію. А Соломонъ давалъ Хираму двадцать тысячъ коровъ (мѣръ) пшеницы для продовольствія дома его и двадцать коровъ оливковаго масла. Столько давалъ Соломонъ Хираму каждый годъ». Заключивъ этотъ договоръ, Соломонъ сталъ дѣлать приготовленія для постройки храма. Ею завѣдывали финикійскіе архитекторы, библосскіе и сидонскіе мастера; потому должно полагать, что сооруженіе было сдѣлано въ финикійскомъ стилѣ. Но это относится только къ каменной, деревянной и золотой работѣ. Въ другихъ отношеніяхъ, замѣтно сходство съ египетскими формами. Образцами для общаго плана вѣроятно служили храмы, уже существовавшіе въ Силомѣ, Номвѣ, Данѣ, другихъ городахъ, такъ что устройство новаго храма соответствовало древнимъ богослужебнымъ обычаямъ еврейскаго народа. Въ 1-ой книгѣ Паралипоменонъ говорится, что и храмъ и всѣ принадлежности его были сдѣланы по рисункамъ, которые, вмѣстѣ съ золотомъ и серебромъ для утвари храма, передалъ Соломону Давидъ: «Все сіе въ письмени отъ Господа, говорилъ, Давидъ, какъ онъ вразумилъ меня на всѣ дѣла постройки» (1 Книга Паралип. XXVIII, 19).

2. Подготовительныя работы. Чтобы имѣть такое число работниковъ, какое было нужно для громад- ныхъ сооружений, Соломонъ употребилъ тѣ же средства, какими пользова- лись египетскіе цари: онъ „сдѣлалъ работниками“ порабощенныхъ ханане- янъ, какъ фараоны заставляли работать иноплеменниковъ. Во 2-ой Книгѣ Паралипоменонъ (II, 17, 18) говорится: „И исчислилъ Соломонъ всѣхъ при- шельцевъ (то есть, иноплеменниковъ, хананеянъ), бывшихъ тогда въ землѣ Израилевой, и нашлось ихъ сто пятьдесятъ три тысячи шесть сотъ. И сдѣ- лалъ онъ изъ нихъ семьдесятъ тысячъ носильщиковъ (для переноски стро- ительныхъ матеріаловъ) и восемьдесятъ тысячъ каменосѣковъ на горахъ, и три тысячи шесть надзирателей, чтобы они побуждали народъ къ рабо- тѣ“. Впослѣдствіи, когда количество работъ увеличилось, „обложилъ царь повинностью“ и израильтянъ; „повинность же состояла въ тридцати тыся- чахъ человѣкъ. И посылалъ ихъ на Ливанъ по десяти тысячъ попеременно; мѣсяцъ они были на Ливанѣ, а два мѣсяца въ домѣ своемъ“ (3 Кн. Царствъ V, 13, 14). Главнымъ распорядителемъ работъ былъ Адонирамъ. Три года длились подготовительныя работы: рубка и перевозка кедроваго лѣса, ломка и обтеска камня на Ливанѣ и въ горахъ близъ Іерусалима, изготовленіе мѣдныхъ принадлежностей храма: утвари и украшеній. Эти мѣдныя вещи были литыя. „Царь выливалъ ихъ въ глинистой землѣ, въ окрестности Іордана, между Соххоомъ и Цартаномъ“. Литьемъ завѣды- валъ финикійскій художникъ Хирамъ; по матери онъ былъ израильскаго происхожденія: она была „вдова изъ колѣна Нефѣалимова. Отецъ его, ти- рянинъ, былъ мѣдникъ. Онъ владелъ способностью, искусствомъ и умень- емъ выдѣлывать всякія вещи изъ мѣди. И пришелъ онъ къ царю Соломону, и производилъ у него всякія работы“ (3 Кн. Царствъ VII, 14); потому что онъ умѣлъ „дѣлать издѣлія“ не только „изъ мѣди“, но также и „изъ зо- лота, и изъ серебра, изъ желѣза, изъ камней, и изъ деревь, и изъ пряжи

пурпуроваго, яхонтоваго цвѣта, и изъ виссона, и изъ багряницы, и вырѣ- зывать всякую рѣзьбу“ (2 Кн. Паралип. II, 14). Мѣстомъ для построенія храма Соломонъ выбралъ самый высокій изъ холмовъ, охватываемыхъ го- родскою стѣною; этотъ холмъ, находящійся на сѣверовостокѣ отъ Сіона, евреи по возвращеніи изъ плѣненія вавилонскаго стали называть „Моріа“; мѣсто храма было то самое „Гумно Орны“, на которомъ Давидъ послѣ мо- ровой язвы „соорудилъ жертвенникъ Господу“. Но евреи любили называть храмъ „Горою Сіонскою“. Громадными работами была устроена ровная площадь для возведенія храма: выступы скалы были стесаны, въ ложби- нахъ были возведены фундаменты до общаго уровня площади. Съ восточ- ной стороны, гдѣ скала опускается крутыми обрывами къ потоку Кедрону, была построена, по словамъ Іосифа, стѣна для того, чтобы держалась на- сыпанная на обрывы земля; Іосифъ говоритъ, что стѣна эта имѣла 440 локтей высоты. По окончаніи подготовительныхъ работъ, стали строить храмъ изъ „каменей большихъ, каменей обтесанныхъ“; они были обтесаны еще въ каменоломняхъ, и кладка стѣнъ храма была ведена такъ спокойно и тихо, что „ни молота, ни тесла, ни всякаго другаго желѣзнаго орудія не было слышно въ храмѣ при построеніи его“.

Храмъ Соломоновъ состоялъ изъ зданія, которое было собственно Храмъ Соломо- новъ, и двухъ дворовъ. Храмъ былъ раздѣленъ на двѣ части; одинъ отдѣлъ былъ вдвое больше другаго; бѣльшій отдѣлъ былъ „Святое“; меньшій „Святое Святыхъ“. „Стѣны храма внутри“ были „обложены кедровыми досками“; и „на всѣхъ стѣнахъ храма“ были сдѣланы „разныя изображенія херувимовъ и пальмовыхъ деревьевъ и распускающихся цвѣтовъ, внутри и внѣ“ (3 Кн. Царствъ VI, 15, 29). Въ „Святомъ Святыхъ“ былъ поставленъ Ковчегъ Завета; въ немъ находились Моисеевы каменные скрижали закона. Надъ ковче- гомъ были изображенія двухъ херувимовъ, распростирающихъ свои крылья, осѣняющихъ ими ковчегъ; эти изображенія имѣли десять локтей въ вышину; они были сдѣланы изъ масличнаго дерева и об- ложены золотомъ. Въ другомъ отдѣлѣ, „Святомъ“, находились: жерт- венникъ для куреній, тоже обложенный золотомъ, „столъ для хлѣ- бовъ предложенія“, десять „золотыхъ свѣтильниковъ, другая утварь. Вокругъ храма были пристройки; выше пристроекъ, въ стѣнахъ хра- ма были сдѣланы „окна, рѣшетчатая, съ откосами“. Входъ въ храмъ съ востока образовалъ великолѣпный „притворъ“, богато украшен- ный; въ немъ стояли двѣ колоссальныя мѣдныя колонны. Къ при- твору примыкалъ жреческій дворъ, обведенный стѣною; на немъ сто- ялъ колоссальный жертвенникъ для жертвъ всесоженія; подлѣ него былъ большой мѣдный водоемъ, котораго вода служила для умовенія жрецамъ; его называли „мѣднымъ моремъ“; по сторонамъ жертвен- ника стояли „на подставахъ“ десять „омывальницъ“, для обмыванія мяса разрубленныхъ для жертвоприношенія животныхъ; далѣе отъ святилища, за жреческимъ дворомъ, былъ другой дворъ для народа, составлявшій единственную доступную народу часть святилища. Въ ограду святилища вели съ разныхъ сторонъ великолѣпныя ворота;

главныя были съ восточной стороны. Постройка величественнаго зданія длилась болѣе семи лѣтъ. На одиннадцатый годъ царствованія Соломона она была окончена; и освященіе храма было совершено съ великолѣпнымъ торжествомъ, на которое собрался весь народъ отъ Эмаа до Потока Египетскаго.

Царскій дворецъ. Съ внутренняго двора храма великолѣпная лѣстница, по которой ходилъ обыкновенно только царь, вела въ другое величественное сооруженіе Соломона, въ царскій дворецъ. Онъ состоялъ изъ трехъ зданій, и былъ сложенъ «изъ камней, обтесанныхъ по размѣру, обрѣзанныхъ пилою»; полы и потолки въ немъ были кедровые, стѣны внутри обложены кедровыми досками. Главное зданіе было трехъ-этажное; по каждому этажу былъ особый рядъ колоннъ; въ этомъ зданіи находились парадные залы; оно имѣло два «притвора», обложенные кедромъ, богато украшенные. Одинъ изъ притворовъ служилъ судилищемъ; въ немъ стоялъ царскій престолъ, сдѣланный изъ слоновой кости и золота, украшенный изображеніями львовъ. По бокамъ главнаго зданія стояли два дворца; въ одномъ изъ нихъ жилъ самъ Соломонъ, а другой былъ построенъ для той его жены, которая была дочерью Фараона, и которая пользовалась гораздо большимъ почетомъ, чѣмъ другія жены. Оба эти дворца были отдѣланы такъ же великолѣпно, какъ центральный дворецъ. Обширный дворцовый дворъ былъ обнесенъ невысокою каменною стѣною, на которой былъ поставленъ частоколъ изъ кедровыхъ брусевъ. Съ южной стороны дворца былъ, кажется, разведенъ обширный садъ съ виноградниками и съ водопроводами. Соломонъ позаботился и о томъ, чтобъ усилить укрѣпленія города. Онъ оградилъ стѣною ложбину на сѣверо-востокъ верхняго города, между горою Моріа и «городомъ Давидовымъ», Сіономъ; это укрѣпленіе называлось Милло; онъ обвелъ стѣною нижній городъ и мѣстность Офель.—Подобно другимъ восточнымъ царямъ, Соломонъ любилъ переѣзжать изъ резиденціи въ резиденцію. Онъ построилъ себѣ загородный дворецъ на сѣверѣ царства, въ живописной мѣстности Ливанскаго хребта, чтобы проводить тамъ лѣто; другую резиденцію онъ устроилъ себѣ въ знаменитомъ виноградникѣ Бааль-Гамонскомъ. Онъ построилъ на Антиливанѣ украшенныя инкрустаціею изъ слоновой кости изящныя башни, изъ которыхъ виденъ былъ Дамаскъ. Онъ ѣздилъ въ эти резиденціи на прекрасной колесницѣ, кругомъ которой ѣхали шестьдесятъ тѣлохранителей съ мечами; былъ у него для путешествій и паланкинъ, сдѣланный изъ кедроваго дерева; «столбы» паланкина были «изъ серебра, локотники его изъ золота, сѣдалище его изъ пурпуровой ткани» (Пѣснь Пѣсней, III, 10).

Подробности:
а) храмъ. Зданіе храма имѣло 60 локтей въ длину, 20 локтей въ ширину, 30 локтей въ высоту (еврейскій локоть—48 сантиметровъ, нѣсколько болѣе 1½ фута). Подобно скиніи, храмъ раздѣлялся на двѣ части; не завѣсою, какъ въ скиніи, а стѣною; кровля у обо-

ихъ отдѣловъ была общая, изъ кедроваго дерева, съ рѣзнымъ выступомъ. Одно изъ отдѣленій было «Святое», другое—«Святое Святыхъ». Входъ былъ съ востока и образовалъ великолѣпный притворъ, одинаковой ширины и вышины съ храмомъ; въ длину онъ имѣлъ 10 локтей. Кажется, что финиійскому искусству была предоставлена наибольшая свобода въ украшеніи именно этого притвора, и что поэтому онъ былъ самою великолѣпною частью храма. Особенно прекрасны были двѣ колоссальныя мѣдныя колонны, знаменитыя произведенія тирскаго художника Хирама; одна изъ нихъ называлась Іахинъ («твердо стоящая»), другая—Воазъ («крѣпкая»); высота ихъ была по 18 локтей, кромѣ капителей, которые увеличивали ее еще на 5 локтей. Капители были очень красивыя. Онѣ имѣли форму раскрывающагося цвѣтка лиліи, расширяющагося вверху; гладкая чашечка цвѣтка была одѣта сѣткою изъ 7 искусно переплетенныхъ нитей, какъ будто сдерживавшихъ ее; внизу, гдѣ чашечка суживается, и вверху надъ сѣтью нитей были по два вѣнка изъ гранатовыхъ яблокъ, искусной работы. Быть можетъ, эти колонны поддерживали порталъ; но гораздо вѣроятнѣе, что онѣ стояли вольно. Храмъ былъ окруженъ трехъ-этажною пристройкою, имѣвшею 18 локтей въ высоту и снабженною витыми лѣстницами. Комнаты этой пристройки вѣроятно были кладовыми для храненія приношеній въ храмъ, утвари его и сокровищъ. Въ первой части стѣны храма, подымавшейся надъ пристройкою, были окна, безъ стеколъ, съ рѣшетками; они служили вѣроятно болѣе для вентиляціи храма, нежели для его освѣщенія, потому что въ храмѣ владычествовалъ, вѣроятно, таинственный мракъ. Въ «Святомъ Святыхъ» былъ, кажется, совершенный мракъ. Стѣны храма были массивныя, изъ тесанаго камня, и были обложены кедровыми панелями, кажется, и снаружи. Внутри, весь храмъ былъ одѣтъ кедровыми панелями по стѣнамъ и по кровлѣ; полъ былъ кипарисовый; такъ что внутри все сплошь было дерево. Эта деревянная одежда была сама одѣта золотыми листами; стѣны были покрыты художественными орнаментами: изображеніями херувимовъ, фигурами пальмъ, колоквиновъ, распускающихся цвѣтовъ. Двустворчатыя двери, въ 4 локтя ширины, съ полотнами изъ масличнаго дерева, вели изъ «Святаго» въ «Святое Святыхъ»; онѣ были украшены рѣзбою и одѣты золотыми листами, какъ стѣны. Двери висѣли на золотыхъ крюкахъ; по нимъ шла золотая сѣтка. Двери изъ «Святаго» въ притворъ имѣли четыре кипарисовыя полотна, съ косяками изъ масличнаго дерева. Притворъ, стѣны котораго были сплошныя, такъ что входъ въ него со двора былъ только чрезъ двери, былъ тоже украшенъ по стѣнамъ золотомъ и орнаментами въ видѣ лилій. Храмъ имѣлъ два двора: внутренній и ви́шній; площадь внутренняго была выше наружнаго двора, которымъ онъ былъ окруженъ; стѣна, которою былъ обведенъ внутренній дворъ, состояла изъ трехъ рядовъ тесанаго камня; по верхнему ряду шла рѣшетка или настилка изъ кедроваго дерева; ви́шній или «большой» дворъ, постройка котораго была окончена позже освященія храма, былъ обведенъ стѣною съ колоннадами; впослѣдствіи времени къ ней примкнули многія другія постройки. Внутренній дворъ былъ предназначенъ для жрецовъ, чьи жилища были по соседству съ храмомъ, ви́шній—для народа. Залы и комнаты пристроекъ часто служили залами совѣщаній. Въ наружной стѣнѣ ви́шняго двора было нѣсколько воротъ, большихъ и прекрасныхъ. На внутреннемъ, жреческомъ дворѣ стояло, неподалеку отъ большихъ колоннъ, другое колоссальное произведеніе Хирама, «мѣдное море», водоемъ, имѣвшій 30 локтей въ окружности, 10 локтей въ діаметръ по верхней окантѣ; онъ былъ литой; толщина металла была въ ширину ладони. Окантѣ его была сдѣлана съ отгибомъ, въ формѣ края чаши; по нижнему обводу его шли украшенія въ формѣ колоквиновъ, литыя вмѣстѣ съ нимъ. Этотъ мѣдный бассейнъ стоялъ на двѣнадцати мѣдныхъ волахъ, «три глядѣли къ сѣверу, три къ западу, три къ югу, три къ востоку». По срединѣ двора, передъ храмомъ, возвышался обложенный мѣдью жертвенникъ для жертвъ всесожженія, имѣвшій по 20 локтей въ длину и ширину и 10 локтей въ высоту. Для омыванія жертвъ служили десять «омывальницъ», поставленныхъ по бокамъ жертвенника на мѣдныхъ «подставахъ»; подставы имѣли по 4 локтя въ длину и по 3 локтя въ ширину; онѣ были мѣдныя, искусной работы; у подставъ было по четыре колеса, чтобы можно было передвигать ихъ къ тому мѣсту, гдѣ закалается жертвенное животное. И подставы и омывальницы были украшены изображеніями львовъ, волковъ, хе-

рувимо́въ и пальмъ. Огромное количество золота, употребленное на украшеніе храма, можетъ свидѣтельствовать о томъ, какія богатства доставляла Соломону торговля съ Офиромъ. «Строитель храма хотѣлъ, чтобъ онъ импонировалъ не формами своими, а удивительнымъ изобиліемъ драгоценнѣйшаго матеріала», говоритъ Куглеръ: «Но гдѣ главное значеніе придается не формѣ, а матеріалу, тамъ нельзя ожидать высокаго художественнаго достоинства. Орнаменты изъ цвѣтовъ и пальмовыхъ листьевъ, барельефныя изображенія львовъ, воловъ и крылатыхъ животныхъ, которыми были украшены стѣны храма, двери, подставы—все это украшенія, принадлежащія ассирійскому искусству, и свидѣтельствующія, повидимому, о его вліяніи. Орнаменты изъ пальмъ и цвѣтовъ мы должны, быть можетъ, представлять себѣ подобными тѣмъ барельефнымъ рисункамъ, которые такъ часто встрѣчаются въ ниневійскихъ дворцахъ и изображаютъ дерево жизни».

б) Освященіе храма.

Постройка храма началась на четвертомъ году царствованія Соломона и продолжалась 7½ лѣтъ. По окончаніи ея было совершено, какъ предпразднество ежегоднаго осенняго праздника, освященіе храма. Это было великолѣпное торжество, съ принесеніемъ безчисленнаго множества жертвъ. Соломонъ пригласилъ «старѣйшихъ Израилевыхъ и всѣхъ главъ колѣнъ, начальниковъ колѣнъ сыновъ Израилевыхъ; и собрались всѣ Израилѣтяне на праздникъ. И принесли священники ковчегъ завета Господня на мѣсто его, во «Святое Святыхъ». Царь же Соломонъ и все общество Израилево приносили жертвы изъ овецъ и воловъ, которыхъ нельзя исчислить и опредѣлить, по причинѣ множества. И когда загремѣлъ звукъ трубъ и кимваловъ и музыкальныхъ орудій и восхваляли Господа, тогда домъ Господень наполнило облако; и не могли священники стоять на служеніи по причинѣ облака; потому что слава Господня наполнила домъ Божій. Тогда сказалъ Соломонъ: Господь сказалъ, что онъ благоволитъ обитать во мнѣ; а я построилъ домъ Тебѣ, мѣсто для вѣчнаго Твоего пребыванія. И обратился царь лицомъ своимъ (отъ храма къ народу) и благословилъ все собраніе Израилѣтянъ», высказавъ народу свою радость о томъ, что Господь далъ ему построить храмъ, какъ обѣщано было Господомъ, что заветъ, заключенный предками съ Господомъ, теперь получилъ новое подтвержденіе и укрѣпился; и молилъ Соломонъ Господа, чтобъ онъ былъ милостивъ къ Израилю. Онъ взывалъ къ Господу: «Небо и небеса небесъ не вмѣщаютъ Тебя; тѣмъ менѣе, сей храмъ, который построилъ я Тебѣ; но призри на молитву раба Твоего»,—и просилъ Бога спастъ Израиль и царя Израильскаго отъ всякихъ бѣдствій. Эта прекрасная молитва (3 Книга Царствъ VI, 18 слѣд.) проникнута понятіями, болѣе возвышенными, чѣмъ какія владычествовали тогда у Израилѣтянъ. Соломонъ молилъ Господа: «Да будутъ очи Твои отверсты на храмъ сей днемъ и ночью»; когда согрѣшитъ народъ, «прости грѣхъ рабовъ Твоихъ; Боже мой, да будутъ очи Твои отверсты и уши Твои внимательны къ молитвѣ на мѣстѣ семъ». «И сдѣлалъ Соломонъ семидневный праздникъ, и весь Израиль съ нимъ, и въ день осьмой сдѣлали поприздно, и въ двадцать третій день седьмаго мѣсяца царь отпустилъ народъ, радующійся и веселящійся въ сердцахъ».

в) Царскій дворецъ.

По сооруженіи храма, Соломонъ сталъ строить царскій дворецъ, соответствующій могуществу, обширности и блеску государства. Простой домъ, въ которомъ жилъ Давидъ, не удовлетворялъ широкимъ потребностямъ богатаго сына Давидова. Постройка дворца продолжалась тринадцать лѣтъ; ужъ этого одного достаточно, чтобы судить, какъ огроменъ былъ онъ. Дворецъ Соломона стоялъ, вѣроятно, на южномъ продолженіи горы храма. Это было нѣсколько разныхъ зданій, соединенныхъ между собою. Главное зданіе, имѣвшее 100 локтей въ длину, 50 въ ширину, 30 въ вышину, было построено въ три этажа, каждый изъ которыхъ былъ украшенъ пятнадцатью колоннами, обложенными кедровою одеждою; потолки были поддерживаемы, стѣны скрѣплены балками тоже изъ кедроваго дерева, такъ что все зданіе казалось сложеннымъ изъ высокихъ кедровъ, и его называли «домомъ лѣса Ливанскаго». Была въ немъ лѣстница или балюстрада изъ сандаловаго дерева, привезеннаго въ Иерусалимъ изъ Офира. Передъ этимъ дворцомъ были два притвора, по 50 локтей въ длину и по 30 въ ширину, украшенные колоннами, капители которыхъ были покрыты рѣзбою, изображавшею листья, а стѣны, потолки и полы обложены кедромъ. Одинъ изъ этихъ притворовъ былъ судебнымъ заломъ, и безъ со-

мнѣнія въ немъ стоялъ знаменитый престолъ, «какого не бывало ни въ одномъ царствѣ». Престолъ былъ сдѣланъ «изъ слоновой кости и обложенъ чистымъ золотомъ». Онъ стоялъ на возвышеніи, имѣвшемъ шесть ступеней; по сторонамъ его стояли двѣнадцать львовъ, по льву на каждой ступени. На эстрадѣ подлѣ престола тоже стояли львы. Для украшенія престола были избраны именно львы, вѣроятно потому, что знаменемъ колѣна Иудина было изображеніе льва. Подлѣ престоломъ былъ балдахинъ, вершина котораго обрѣзала корону. Въ этомъ главномъ дворцѣ находились, вѣроятно, парадные залы и кладовыя для сокровищъ, для оружія. По сторонамъ его стояли два дворца для житья; въ одномъ жилъ самъ царь; другой онъ построилъ для одной изъ своихъ женъ, дочери Фараона, которой всегда оказывалъ особенный почетъ. Всѣ эти зданія сдѣланы были «изъ камней обтесанныхъ по размѣру, обрѣзанныхъ пилою съ внутренней и съ наружной стороны, отъ основанія до выступовъ» подъ кровлею. Кругомъ ихъ былъ сдѣланъ большой дворъ, огороженный стѣною изъ тесаннаго камня. Великолѣпная лѣстница вела изъ дворца во дворъ храма, терраса котораго была нѣсколько выше дворцоваго двора; на внутреннемъ дворѣ храма, въ концѣ царскаго пути, было устроено покрытое царское мѣсто. Судя по краткимъ упоминаніямъ, должно полагать, что Соломонъ соорудилъ водопроводы на дворы храма и дворца, устроилъ на южномъ краю города виноградники и прекрасные сады, примыкавшіе къ дворцовому двору. Объ этомъ говорится въ Екклесіастѣ (II, 4—6): «Я построилъ себѣ дома, посадилъ себѣ виноградники, устроилъ себѣ сады и рощи, и насадилъ въ нихъ всякія плодовые деревья; сдѣлалъ себѣ водоемы для орошенія изъ нихъ рошей произрастающихъ деревьевъ».

Построеніе храма Соломона имѣло чрезвычайно большое вліяніе на ходъ религіозной жизни израильскаго народа и на положеніе духовенства. Прежде, было много мѣстъ поклоненія Іеговѣ; святилища находились во всѣхъ частяхъ страны: въ Силомѣ, въ Галгалѣ, въ Массифѣ, въ Рамѣ и проч.: были жертвенники на высотахъ, были жертвенники въ мѣстностяхъ, гдѣ приносили жертвы патриархи. До построенія храма Соломона, служеніе Іеговѣ во всѣхъ этихъ святилищахъ, при всѣхъ этихъ жертвенникахъ считалось совершенно законнымъ: о томъ времени, когда Соломонъ женился на дочери Фараона, въ 3 книгѣ Царствъ (III, 2) говорится: «Народъ еще приносилъ жертвы на высотахъ, ибо не былъ построенъ домъ имени Господа» въ Иерусалимѣ. Съ построеніемъ этого храма, служеніе Іеговѣ стало постепенно сосредоточиваться въ немъ. Соломонъ считалъ полезнымъ для религіозной и политической централизаціи государства, для возвышенія блеска столицы, чтобы на большіе праздники сходились отовсюду массы народа въ Иерусалимъ. Левиты стали переселяться въ этотъ городъ; они жили доходами отъ жертвоприношеній, а теперь желающіе принести жертву стали предпочитать для этого Иерусалимскій храмъ прежнимъ святилищамъ; собственныя выгоды влекли левитовъ поселиться при этомъ храмѣ; и власть вызывала ихъ туда, потому что для служенія въ Иерусалимскомъ храмѣ, при торжественности обрядовъ и при многочисленности поклонниковъ, приходившихъ приносить жертвы, нужно было очень много священнослужителей. Прежнія святилища и жертвенники на высотахъ стали утрачивать свое значеніе. Наблюдать за чистотою служенія въ отдаленныхъ мѣстахъ было трудно; и къ поклоненію Іеговѣ тамъ примѣшивалось идолопоклонство; потому эти святилища и жертвенники стали подозрительны. Обезпечено противъ примѣси идолопоклонства было только богослуженіе въ Иерусалимскомъ храмѣ, совершаемое священниками. Все это возвысило значеніе духовенства. Прежде каждый израильянинъ, отъ царя до пастуха, совершалъ жертвоприношеніе самъ, хоть и при содѣйствіи левита. Теперь совершеніе жертвоприношеній стало мало по малу дѣлаться исключительнымъ правомъ жрецовъ и служителей Иерусалимскаго храма. Собранный около національнаго святилища, они организовались, въ нихъ возросло сознаніе своей силы, и пользуясь обстоятельствами, духовенство приобрѣло вліятельное положеніе, стало силочнымъ сословіемъ.

Вскорѣ послѣ своего вступленія на престолъ, Соломонъ «пошелъ Мудрость Солона въ Гаваонтъ, чтобы принести тамъ жертву; ибо тамъ былъ главный

Национальное
значеніе храма
Соломонова.

жертвенникъ. Тысячу всесоженныхъ вознесъ Соломонъ на томъ жертвенникѣ. Въ Гаваонѣ явился Господь Соломону во снѣ ночью, и сказалъ Богъ: проси, что дать тебѣ. И сказалъ Соломонъ: Даруй рабу Твоему сердце разумное, чтобы судить народъ Твой и различать, что добро и что зло. И благоугодно было Господу, что Соломонъ просилъ это. И сказалъ ему Господь: за то, что ты просилъ этого, я сдѣлаю по слову твоему; Я даю тебѣ сердце мудрое и разумное, такъ что подобнаго тебѣ не было прежде тебя; и то, чего ты не просилъ, Я даю тебѣ, и богатство и славу».

И далъ Богъ Соломону мудрость, и весьма великій разумъ и обширный умъ, какъ песокъ на берегу моря. И была мудрость Соломона выше мудрости всѣхъ сыновъ восточна и всей мудрости Египтянъ. И изрекъ онъ три тысячи притчей, и пѣсней его было тысяча и пять; и говорилъ о деревьяхъ, отъ кедра, что въ Ливанѣ, до пессона, вырастающаго изъ стѣны; говорилъ и о животныхъ, и о птицахъ, и о пресмыкающихся, и о рыбахъ: и приходили отъ всѣхъ народовъ послушать мудрости Соломона, отъ всѣхъ царей земныхъ, которые слышали о мудрости его». (3 книга Царствъ, IV, 29—34).

Изъ этого краткаго очерка умственной дѣятельности Соломона мы видимъ, что онъ былъ полнымъ представителемъ образованности своего времени. Онъ «изрекалъ притчи». Востокъ до сихъ поръ любитъ высказывать выводы изъ долгаго житейскаго опыта краткими изреченіями.

Мудрость Соломона была, конечно, практическая.—Его учитель, пророкъ Наанъ, умѣлъ хорошо говорить притчами (2 Книга Царствъ XII, 1—4). Слова 3-ей Книги Царствъ, что онъ говорилъ о деревьяхъ и о животныхъ, можно понимать въ смыслѣ притчъ о нихъ. Но быть можетъ, это были и рассказы ботаническаго и зоологическаго содержанія. Въ восточныхъ легендахъ, Соломонъ является ученымъ натуралистомъ.

Вѣкъ Соломона.

Вѣкъ Соломона безъ сомнѣнія былъ временемъ энергической умственной дѣятельности. Израильскій народъ спокойно владѣлъ теперь своею плодородною страной, участвовалъ въ выгодной финикійской торговлѣ; онъ теперь въ первый разъ съ незапамятныхъ временъ чувствовалъ себя свободнымъ отъ заботъ и лишеній прежней бѣдности, прежнихъ военныхъ тревогъ, радостно предавался новымъ впечатлѣніямъ, отовсюду шедшимъ къ нему. Духовенство, избавившись отъ прежней необезпеченности въ средствахъ жизни, сдѣлавшись уважаемымъ, вліятельнымъ сословіемъ, могло теперь заняться пріобрѣтеніемъ образованія, а впоследствии занялось и переработкою пріобрѣтенныхъ знаній въ національномъ духѣ. Знакомство съ финикійскою цивилизаціею и литературою возбуждало къ письменной дѣятельности.

Мудрое рѣшеніе тяжёбныхъ споровъ Соломономъ.

О Соломонѣ осталось много преданій. Главнымъ достоинствомъ царя-судьи считается у восточныхъ народовъ умѣнье ясно и прак-

тично рѣшать тяжбы. Въ 3 Книгѣ Царствъ помѣщенъ рассказъ о томъ, какъ Соломонъ рѣшилъ споръ двухъ женщинъ: у одной изъ нихъ во время сна ея умеръ младенецъ, и каждая изъ двухъ говорила, что другой младенецъ, оставшійся въ живыхъ — ея дитя. «И сказалъ царь: Подайте мечъ. И принесли мечъ. И сказалъ царь: Раздѣлите живое дитя на двое, и отдайте половину одной и половину другой». Одна сказала: рубите. А другая сказала: «О господинъ мой, отдайте ей этого ребенка, не умерщвляйте его». Стало ясно, которая изъ нихъ мать этого ребенка, и царь сказалъ: «Отдайте этой дитя; она его мать».—Другимъ доказательствомъ мудрости считается на востокѣ умѣнье разгадывать загадки. Соломонъ славился и этимъ. Въ 3-ей Книгѣ Царствъ разсказывается о томъ, что царица Савская, чье государство находилось въ юговосточной Аравіи, пріѣзжала испытать искусство Соломона въ разгадываніи загадокъ:

„Царица Савская, услышавъ о славіи Соломона, пришла испытать его загадками. И пришла она въ Іерусалимъ съ весьма большимъ богатствомъ: верблюды навьючены были благовоніями и великимъ множествомъ золота, и драгоценными камнями; и пришла къ Соломону, и бесѣдовала съ нимъ. И объяснилъ ей Соломонъ всѣ слова ея, и не было ничего незнакомаго царю, чего бы онъ не изъяснилъ ей. И увидѣла царица Савская всю мудрость Соломона и домъ, который онъ построилъ. И пищу за столомъ его, и жилище рабовъ его, и стройность слугъ его, и одежду ихъ, и всесоженія его, которые онъ приносилъ въ храмъ Господень, и не могла она болѣе удержаться. И сказала царица: Мудрости и богатства у тебя больше, нежели какъ я слышала. Блаженны люди твои, которые всегда предостоятъ предъ тобою и слышать мудрость твою! И подарила она царю сто двадцать талантовъ золота и великое множество благовоній и драгоценные камни: никогда еще не приходило такого множества благовоній, какое подарила царица Савская царю Соломону. И царь Соломонъ далъ царицѣ Савской все, чего она желала, и чего просила, сверхъ того что подарилъ ей царь Соломонъ своими руками. И отправилась она обратно въ свою землю, она и всѣ слуги ея“.—Иосифъ, безъ сомнѣнія передавая древнее народное сказаніе, говоритъ, что Хирамъ, царь Тирскій, велъ съ Соломономъ игру въ загадки; проигрывавшій платилъ известное количество золота. Долго выигрывалъ Соломонъ, но наконецъ Хирамъ, при помощи тирянина Абдемона, одолѣлъ его.

Царица Савская.

Не менѣе, чѣмъ своею мудростью, знаменитъ былъ Соломонъ своимъ богатствомъ, великолѣпіемъ своего двора и своей столицы. «И сдѣлалъ царь (Соломонъ) серебро въ Іерусалимѣ равноцѣннымъ съ простыми камнями», говорится въ 3 Книгѣ Царствъ (X, 27), «а кедры, по ихъ множеству, сдѣлалъ равноцѣнными сикоморамъ, растущимъ въ низкихъ мѣстахъ». Удивлялись великолѣпію его дворца, его чудному престолу изъ золота и слоновой кости, его золотой посудѣ, его великолѣпному паланкину, украшенному золотомъ и пурпуромъ; дивились драгоценнымъ щитамъ, которые несли передъ нимъ въ торжественныхъ процессіяхъ его тѣлохранители. Объ этихъ щитахъ въ 3 Книгѣ Царствъ читаемъ: «И сдѣлалъ царь Соломонъ двѣсти большихъ щитовъ изъ кованатаго золота; по шести сотъ сиклей на каждый щитъ; и триста меньшихъ щитовъ изъ кованатаго золота;

Великолѣпіе Соломоново.

по три мины золота пошло на каждый щить». — «Всѣ сосуды» во дворцѣ Соломона «были изъ чистаго золота; изъ серебра ничего не было; потому что серебро во дни Соломоновы считалось ни за что» (3 Кн. Царствъ X, 21). «Всѣ цари на землѣ искали видѣть Соломона, чтобы послушать мудрости его, которую вложилъ Богъ въ сердце его. И они подносили ему, каждый отъ себя въ даръ: сосуды серебряные и сосуды золотые, и одежды, и оружіе, и благовонія, коней и муловъ» (3 Кн. Царствъ, X, 24, 25). Число приходящихъ въ Іерусалимъ увеличилось, и подарки, приносимые Соломону, сдѣлались ежегодною данью, когда новый храмъ сталъ привлекать къ себѣ множество богомольцевъ, изъ которыхъ каждый давалъ подарокъ царю. Въ 3 Книгѣ Царствъ говорится: «Царь Соломонъ превосходилъ всѣхъ царей земли богатствомъ и мудростью» (X, 23). Съ гордою отрадою вспоминали потомъ евреи о временахъ Соломона, когда Іуда и Израиль «были многочисленны, какъ песокъ на берегу моря, и ѣли, и пили, и веселились». Соломонъ навсегда остался идеаломъ для восточныхъ царей. Мудрость, богатство и могущество «Сулеймана», царя еврейскаго, основателя Тадмора, были преувеличены преданіями до сверхъестественныхъ размѣровъ, такъ что онъ сталъ въ понятіяхъ восточныхъ народовъ чародѣемъ, понимающимъ языкъ птицъ, властителемъ духовъ, господиномъ тайныхъ силъ природы; и послѣ всѣхъ смѣнъ царствъ, народовъ и религій, его образъ все еще сохраняется въ легендахъ и сказкахъ востока, во всей восточной поэзіи.

Обремененность на- Но блестящее царствованіе Соломона имѣло и темныя стороны, которые въ послѣдніе годы его выступали все рѣзче и рѣзче. По мѣрѣ того, какъ царская власть въ израильскомъ государствѣ принимала формы, обычаи, роскошь деспотическихъ царствъ египетскаго и вавилонскаго, стали проявляться въ государственной жизни пороки, притѣсненія, бѣдствія, неразлучныя съ деспотизмомъ. При Давидѣ царская власть не отрѣшалась вполне отъ національных основъ, изъ которыхъ развилась, сохраняла болѣе или менѣе патріархальный характеръ. Воинственный царь, изъ бѣдственного положенія поднявшійся на престолъ силою мужества и благоразумія, не покидалъ и на высотѣ величія простоту жизни, съ которою свыкся въ походахъ. На содержаніе двора, администраціи, слугъ и воиновъ ему вѣроятно было достаточно того, что получалъ онъ отъ своихъ нивъ, стадъ, виноградниковъ и что бралъ въ дань съ покоренныхъ народовъ. Притомъ, онъ былъ благочестивый служитель Іеговы, чтившій духовенство, съ покорностью выслушивавшій порицанія отъ пророка Наана, никогда не нарушавшій ни правъ, ни религіозныхъ обычаевъ народа. Совершенно иное настало при Соломонѣ. «Героизмъ исчезъ», говоритъ Бунзенъ: «осталась азіатская деспотія и слатолубецъ». У Давида было семь женъ и нѣсколько наложницъ. Но у Соломона

число ихъ возросло до многихъ сотенъ. Многочисленность придворныхъ и служителей возбуждала удивленіе царицы Савской. Мы считаемъ, что «продовольствіе Соломона», то есть, двора Соломонова, «на каждый день составляли: тридцать коровъ муки пшеничной и шестьдесятъ коровъ прочей муки, десять воловъ откормленныхъ и двадцать воловъ съ пастбища и сто овецъ, кромѣ оленей и сернъ и сайгаковъ и откормленныхъ птицъ»; прибавимъ къ этому хлѣбъ, вино и масло, которыми расплачивался Соломонъ съ Хирамомъ, и безчисленные расходы, которыхъ требовали его постройки, и мы поймемъ, что издержки Соломона не покрывались прибылью отъ торговли, хотя она и была велика, данью съ покоренныхъ земель, доходами съ царскихъ имѣній и приношеніями поклонниковъ, приходившихъ въ храмъ, что надобно было обложить народъ тяжелыми податями и поставками продовольствія. Чтобы эти поставки и налоги были получаемы правильно, Соломонъ назначилъ «двѣнадцать приставниковъ», сборщиковъ дохода; въ области каждаго колѣна былъ такой «приставникъ». Приставники завѣдывали царскими имѣніями, собирали поставки натурою, налоги, и каждый «долженъ былъ доставлять на одинъ мѣсяць продовольствіе царю и дому его». Эти выгодныя должности были розданы большею частію зятямъ царя, а начальникомъ надъ этими приставниками былъ сдѣланъ Азарія, сынъ Наана, такъ сильно содѣйствовавшій тому, что Соломонъ получилъ престолъ. Черезъ нѣсколько времени, израильтяне принуждены были исполнять работы на царя. И при всемъ этомъ обремененіи народа налогами, поставками и работами, богатый царь дошелъ до такого затруднительнаго положенія, что отдалъ Хираму двадцать галилейскихъ городовъ на тирской границѣ въ зачетъ за невысланные ему продукты и за 120 талантовъ золота, которые согласился дать ему Хирамъ. Въ 3 Книгѣ Царствъ объ этомъ рассказывается такъ: «По окончаніи двадцати лѣтъ, въ которые Соломонъ построилъ два дома, — домъ Господень и домъ царскій, — на что Хирамъ, царь Тирскій, доставлялъ Соломону дерева кедровыя и дерева кипарисовыя и золото, царь Соломонъ далъ Хираму двадцать городовъ въ землѣ Галилейской. И вышелъ Хирамъ посмотреть города, которые далъ ему Соломонъ, и они не понравились ему, и онъ сказалъ: что это за города, которые ты, братъ мой, далъ мнѣ? И назвалъ ихъ землею Кавулъ (землею ничего не стоящую). И послалъ Хирамъ царю сто двадцать талантовъ золота. То, что уступленные города показались Хираму «ничего не стоящими», конечно, было плохимъ утѣшеніемъ для національнаго чувства.

Въ томъ, что всѣ колѣна израильскія были обложены одинаковыми податями, ужь обнаруживались стремленія Соломона устранить, вмѣстѣ съ остатками простоты царской жизни и послѣдніе остатки республиканской свободы, общихъ народныхъ и частныхъ племенныхъ

Непріязнь колѣна Эфремова и другихъ колѣнъ къ Іерусалиму и храму Іерусалимскому.

правъ, поставить всю націю въ одинаково полную подчиненность неограниченной власти царя; еще яснѣе выказалось это стремленіе, когда Соломонъ, построивъ Іерусалимскій храмъ, сталъ давать духовенству іерархическое устройство, вводить богослужебную централизацию. Безъ сомнѣнія многіе изъ пожилыхъ людей грустили о томъ, что святилища, «высоты», жертвенники, священные деревья, гдѣ молились и приносили жертвы они въ дни молодости, гдѣ находили подкрѣпленіе душѣ, теряютъ прежнее значеніе, затмѣваемые великолѣпнымъ храмомъ столицы, куда ужъ начинаютъ уходить отъ нихъ левиты. Простой человѣкъ умѣетъ молиться Богу съ задушевнымъ увлеченіемъ только при богослуженіи по привычнымъ ему формамъ, въ привычномъ ему святомъ мѣстѣ, гдѣ молились его предки. Блестящее Іерусалимское святилище безъ сомнѣнія наносило глубокое огорченіе религиозному чувству современниковъ Соломона; только ужъ новые поколѣнія, выросшія въ другихъ понятіяхъ и привычкахъ, стали любить новый храмъ. И могло ли колѣно Эфремово, хранившее прежде въ своей области ковчегъ завета, всегда первенствовавшее въ славныя времена свободы при судьяхъ, равнодушно уступить первенство колѣну Іудину, которое прежде смиренно покорялось игу филистимлянъ, и которому теперь достаются всѣ выгоды, даваемые централизацией религиозной и государственной жизни въ Іерусалимѣ? Строгое племенное соперничество пробуждалось съ новою силою, и скоро разорвало еще не окрѣпшую связь государственнаго единства.

Отношенія Соломона къ про-
рокамъ. Нарушая общенародныя и племенные права, Соломонъ глубоко оскорблялъ и чувства вѣрныхъ приверженцевъ стараго національнаго служенія Іеговѣ. Духовенство, обязанное царю своимъ привилегированнымъ положеніемъ, своею матеріальною обезпеченностью, оставалось, кажется, предано благодѣтелю, отъ щедрой руки котораго получало богатые подарки и разныя выгоды. Но представители народныхъ чувствъ, пророки, дѣятельности которыхъ не было мѣста въ дисциплинированной іерархіи, введенной Соломономъ, были въ явной немилости у него. Онъ держалъ себя относительно Ахіа и Самея совсѣмъ не такъ, какъ Давидъ относительно Гада и Наана. Его стремленіе къ неограниченной власти, образцомъ которой была для него власть фараона, не могло примириться съ идеею о томъ, что Господь возвышаетъ свои повелѣнія устами не царя, а другого. Въ первые годы правленія Соломона народъ, восхищаясь новымъ зрѣлищемъ царскаго великолѣпія, наслаждаясь новыми благами мира и выгодами новой торговли, не обращалъ вниманія на то, что царь не любитъ и устраняетъ отъ себя пророковъ. Но послѣ, когда правленіе Соломона стало тяжело народу, пророки Ахіа и Самей, опираясь на общее неудовольствіе, выступили противниками стремленій государя. Торговля связи израильскаго царства съ сосѣдними царствами требовали отъ Соломона терпимости къ религіямъ другихъ народовъ, въ

Терпимость относительно до-
лопоблосства.

которой не было надобности прежде, когда израильтяне были обыкновенно во враждебныхъ отношеніяхъ съ сосѣдями. Притомъ, тѣ жены Соломона, которыя были наиболѣе важными по своей знатности, были иностранки; какъ онъ могъ не предоставлять имъ права слѣдовать и въ израильской странѣ религиознымъ обычаямъ, въ которыхъ онъ выросъ? Это привело къ тому, что мы читаемъ въ 3 Книгѣ Царствъ (XI, 4—8): «Во время старости Соломона, жены его склонили сердце его къ другимъ богамъ и сердце его не было вполне предано Господу (Іеговѣ). И сталъ Соломонъ служить Астарѣ, божеству сидонскому, и Милхому, мерзости аммонитской; и построилъ Соломонъ капище Хамосу, мерзости моавитской, на горѣ, которая предъ Іерусалимомъ, и Молоху, мерзости аммонитской. Такъ сдѣлалъ онъ для всѣхъ своихъ чужестранныхъ женъ, которыя кадили и приносили жертвы своимъ богамъ».

О бoгахъ египетской жены Соломона не упоминается въ этомъ перечисленіи чужеземныхъ божествъ. Вѣроятно, національная неприязнь къ египетской религіи была такъ сильна, что Соломонъ не могъ допустить египетскаго богослуженія; божества, поклоненіе которымъ допустилъ онъ, всѣ были божествами народовъ, одноплеменныхъ съ израильтянами. Въ 3 Книгѣ Царствъ (IX, 25) говорится: „Приносилъ Соломонъ три раза въ годъ всесожженія и жертвы мирныя на жертвенникѣ, который онъ построилъ Господу“; потому надобно думать, что Соломонъ оставался чителемъ Іеговы, и только не отказывался присутствовать на религиозныхъ праздникахъ своихъ женъ. Вѣроятно, вельможи слѣдовали примѣру царя. Израильское царство находилось въ тѣсныхъ связяхъ съ Финикіею и Египтомъ; государственное устройство этихъ царствъ было образцомъ для Соломона; во все свое царствованіе онъ подражалъ имъ; онъ завелъ при своемъ дворѣ египетскіе и финикійскіе порядки; онъ построилъ свой храмъ въ египетско-финикійскомъ стилѣ. Не удивительно, что онъ не чуждался финикійскихъ и другихъ иноземныхъ формъ богослуженія. Но основою его религиозныхъ понятій оставалось, какъ надобно думать, вѣрованіе въ Іегову.

Терпимость Соломона къ иноземнымъ религіямъ оскорбляла чувства ревностныхъ читателей Іеговы; колѣно Эфремово и сѣверныя колѣна должны были тѣмъ сильнѣе негодовать на языческое богослуженіе въ Іерусалимѣ, что ихъ областныя жертвенники и священные мѣста на «высотахъ» вѣроятно были въ немилости у Соломона, желавшаго сосредоточить національное богослуженіе въ своемъ новомъ святилищѣ. Такимъ образомъ, было много мотивовъ къ недовольству Соломономъ, развивавшемуся въ послѣдніе годы его царствованія и грозившему подвергнуть новымъ бурямъ государство, еще не успѣвшее окрѣпнуть; сѣмена раздора прозябали, и вскорѣ по смерти Соломона созрѣла гибельная жатва ихъ.

Большимъ несчастіемъ для израильской націи было то, что племенное соперничество и голосъ страсти были у израильтянъ сильнѣе разсудительныхъ соображеній. Правда, причины къ неудовольствію

Недовольство
народа.

дѣйствительно существовали; и конечно, невозможно было, чтобы стремленіе царя къ неограниченной власти не вызвало противодѣйствія со стороны большей части колѣнъ. Но печальный опытъ прошлаго долженъ былъ бы научить націю, что ей необходимо единодушіе, что раздоръ поведетъ одинаково всѣ части ея къ гибели. Увлеченіе страсти ослѣпило израильтянъ. Народъ, привыкнувъ пользоваться миромъ, забылъ, что онъ обязанъ Давиду и Соломону своею свободою, безопасностью, своимъ благосостояніемъ; онъ думалъ только о томъ, что начальники притѣсняютъ его, что подати и натуральныя повинности тяжелы, и желалъ возвращенія прежнихъ временъ, когда патріархально правили имъ старѣйшины и родоначальники; когда каждый жилъ свободно на виноградникѣ своемъ, подъ смоковницею своею, не платилъ податей, не ходилъ на царскую работу.

Іеровоамъ.

Когда Соломонъ строилъ Милло, онъ замѣтилъ, что одинъ изъ второстепенныхъ надзирателей за работниками, энергическій молодой человекъ, «умѣетъ дѣлать дѣло» и «поставилъ его смотрителемъ» надъ всѣми работниками изъ потомства Іосифа. Это былъ Іеровоамъ, сынъ вдовы Эфремлянки, въ то время юноша, не имѣвшій покровителей. Послѣ того, однажды «случилось Іеровоаму выйти изъ Іерусалима; и встрѣтилъ его на дорогѣ пророкъ Ахія, Силомлянинъ» — то есть тоже Эфремлянинъ — «и взялъ Ахія новую одежду, которая была на немъ, и разорвалъ ее на двѣнадцать частей, и сказалъ Іеровоаму: «Возьми себѣ десять частей, ибо такъ говоритъ Господь, Богъ Израилевъ: Я исторгаю царство изъ руки Соломоновой и дамъ тебѣ десять колѣнъ». — Пророкъ Ахія уже давно былъ въ ссорѣ съ Соломономъ. Вскорѣ послѣ того, Іеровоамъ поднялъ возстаніе противъ Соломона. Мы не имѣемъ извѣстій о ходѣ этого дѣла; по результатамъ видно только, что Іеровоамъ нашелъ себѣ поддержку у сѣверныхъ колѣнъ, и что подавить его возстаніе было не легко. Но напослѣдокъ оно было подавлено; Іеровоамъ бѣжалъ въ Египетъ; царемъ въ Египтѣ былъ тогда Сисакъ (Сусахимъ; Сесонхъ), изъ новой династїи; которая была менѣе прежней расположена къ Соломону; онъ принялъ Іеровоама подъ свое покровительство. Іеровоамъ сносился съ своими приверженцами; по смерти Соломона, недовольство народа и раздоръ партій возбудили въ немъ надежду на успѣхъ и онъ возвратился.

3) ЦАРСТВО ИЗРАИЛЬСКОЕ И ЦАРСТВО ІУДЕЙСКОЕ.

А. ИСТОРІЯ ЦАРСТВЪ ИЗРАИЛЬСКАГО И ІУДЕЙСКАГО ДО СОЮЗА АХАВА СЪ ІОСАФАТОМЪ

(отъ 978 до 900 или отъ 953 до 850).

Когда вѣсть о смерти Соломона разнеслась по царству, израильтяне собрались въ Сихемѣ, городѣ области Эфремовой, гдѣ происходили прежнія народныя собранія. Они хотѣли по совѣщанію съ царемъ установить законы для царской власти. Однимъ изъ главныхъ предметовъ народнаго неудовольствія была обременительность постановокъ на содержаніе двора. Народъ давно сталъ тяготиться ими. Собравшись, народъ послалъ пригласить Ровоама, наслѣдника Соломонова. Ровоаму было тогда сорокъ лѣтъ. Мать его была дочь царя аммонитскаго. Когда Ровоамъ пришелъ со своею свитою въ собраніе, израильтяне сказали ему: «Отецъ твой наложилъ на насъ тяжкое иго; ты же облегчи намъ жестокую работу отца твоего и тяжкое иго, которое онъ наложилъ на насъ, и тогда мы будемъ служить тебѣ». При такомъ настроеніи израильтянъ, необходимо было большое благоразуміе, чтобы отвратить отпаденіе ихъ. Но Ровоамъ, избалованное дитя блестящаго времени Соломона, поступилъ надменно и упрямо. Онъ сказалъ, что дастъ отвѣтъ на третій день, и собралъ своихъ совѣтниковъ, узнать ихъ мнѣніе. Старшіе лѣтами, «которые предстоиали предъ Соломономъ», совѣтовали уступить и говорить ласково. Но «молодые люди, которые выросли съ нимъ и предстоиали ему», и знали его характеръ и желанія, сказали, что надобно отвѣчать суровымъ отказомъ. Ровоамъ принялъ ихъ мнѣніе. Когда на третій день народъ собрался, Ровоамъ сказалъ ему, какъ совѣтовали они: «отецъ мой наложилъ на васъ тяжкое иго, а я увеличу его выше; отецъ мой наказывалъ васъ бичами, а я буду наказывать васъ скорпіонами» — (бичами съ крючьями, которые рвали мясо кусками). И раздался крикъ, который однажды — при Давидѣ — уже раздавался: «Какая намъ честь въ Давидѣ». Нѣтъ намъ доли въ сынѣ Іесеевомъ; по шатрамъ своимъ Израиль! Теперь знай свой домъ, Давидъ!». — Ровоамъ послалъ Адонирама, «начальника надъ податью», вступить въ переговоры съ народомъ. «Но всѣ израильтяне забросали его камнями, и онъ умеръ; царь же Ровоамъ поспѣшно возшелъ на колесницу, чтобы убѣжать въ Іерусалимъ». Народное собраніе призвало Іеровоама, и провозгласило его царемъ надъ всѣмъ Израилемъ. «За домомъ Давидовымъ не осталось никого, кромѣ колѣна Іудина», той части области колѣна Веніамина, въ которой находился Іерусалимъ, и маленькой области колѣна Симеонова, уже совершенно

Отпаденіе десяти колѣнъ.

затерявшася между массою населенія, принадлежавшею колѣну Іудину. Ровоамъ сначала думалъ силою принудить къ повиновенію отпавшія колѣна, собралъ всѣхъ людей колѣна Іудина, способныхъ носить оружіе; но вѣроятно увидѣлъ, что его силы недостаточны; какъ бы то ни было, — онъ покорился непоправимо совершившемуся. Пророкъ Самей сказалъ ему, что такова воля Божія. Такимъ образомъ, распадѣніе націи на два царства, происшедшее по смерти Саула, но черезъ нѣсколько лѣтъ устраненное благоразуміемъ Давида, возобновилось теперь, и осталось навсегда. Іеровоамъ избралъ своею столицею сначала Сихемъ, городъ области Эфремовой, потомъ городъ Фирцу, лежащій на востокъ отъ Сихема.

Царства Изра-
ильское и Іу-
дейское.

Еще при Давидъ въ объединенномъ государствѣ преобладалъ югъ; при Соломонѣ это преобладаніе доведено было до такой крайности, что неудивительно распадѣніе націи на два государства. Двѣ неравныя половины, на которыя раздѣлилась страна, такъ и остались разъединены. Были патріоты, надѣявшіеся, что нація воссоединится; отголоски ихъ надеждъ находятся у Осіи, Амоса, Исаіи; даже еще и у Іезекіиля. Но ихъ желанія остались напрасными. Непосредственною причиною отпаденія большей половины страны отъ юга было противодѣйствіе націи заведенному Соломономъ роскошному деспотизму съ его обременительными налогами, натуральными повинностями и блестящимъ централизованнымъ культомъ. Народъ снова принялъ на себя право избирать царя, какъ прежде выбралъ Саула, и выбралъ царя не изъ династіи Давида, чтобъ обезпечить себѣ сохраненіе старыхъ обычаевъ подъ управленіемъ другой династіи. Но это сдѣлано только большинствомъ націи; движеніе не охватило всю націю; тому помѣшало племенное соперничество колѣна Іудина противъ колѣна Эфремова, управлявшаго движеніемъ; помѣшала и преданность столицы жреческо-монархическому устройству, введенному Соломономъ. Народъ распался на два царства. Вначалѣ значеніе національнаго царства принадлежало, по народнымъ понятіямъ, собственно лишь одному изъ нихъ, царству десяти колѣнъ. Въ немъ лежали святыя мѣста, съ которыми были соединены самыя славныя воспоминанія старины: Веилъ, Гаваонъ, Силомъ, многія другія; въ области Іосифовой, въ странѣ Эфремовой, поставилъ ковчегъ завѣта Іисусъ Навинъ, начиная великое дѣло завоеванія. Потому царство десяти колѣнъ и носило національное имя: царство Израильское, Израиль; а меньшее по объему южное царство называлось только Іудею, царствомъ Іудинымъ. Политическое разъединеніе ослабило и умственную связь между населеніемъ царствъ; потому развитіе ихъ быта и понятій пошло въ разныхъ направленіяхъ. Въ замкнутомъ отъ иноземныхъ вліяній югѣ установилась неподвижная вѣрность учрежденнымъ формамъ и упрочилось господство іерархіи, а суровая природа страны внушила населенію мрачныя воззрѣнія на жизнь, строгія правила морали. Сѣверное

царство по своему географическому положенію было болѣе доступно нападеніямъ иноземцевъ, но за то и болѣе открыто цивилизирующему вліянію образованныхъ сосѣдовъ; характеръ страны возбуждалъ болѣе свѣтлыя чувства, почва была плодороднѣе; потому въ царствѣ десяти колѣнъ умственная дѣятельность имѣла болѣе свѣтлыя чувства, почва была плодороднѣе; потому въ царствѣ десяти колѣнъ умственная дѣятельность имѣла болѣе свободное развитіе, жизнь была радостнѣе; но и быстрѣе насталъ упадокъ нравственныхъ силъ и національной религіи. Основанное мятежемъ, царство десяти колѣнъ навсегда осталось волнуемо мятежами, и при непрочности общественнаго порядка въ немъ не могли выработаться твердыя юридическія понятія. Оторвавшись отъ Іерусалима, Израиль оторвался отъ основы своей національной жизни.

Отпаденіе отъ династіи Давида было побѣдою старыхъ гражданскихъ и религіозныхъ обычаевъ надъ учрежденіями, заимствованными у иноземцевъ; это съ самаго уже начала показали дѣйствія новоизбраннаго царя. Іеровоамъ противопоставилъ новому храму тѣ древнія священные мѣста, гдѣ привыкъ народъ совершать служеніе своему національному Богу. Какъ въ старину отцы и дѣды служили Іеговѣ подъ дубами и теревинѣами, чтили его въ изображеніяхъ, такъ слѣдовало служить ему теперь, по мнѣнію Іеровоама; онъ сталъ покровителемъ этихъ формъ богослуженія потому, что онѣ болѣе соответствовали понятіямъ народа, нежели великолѣпное жреческое богослуженіе въ Іерусалимскомъ храмѣ. Онъ тѣмъ ревностнѣе поддерживалъ ихъ, что его выгода требовала заботиться о возрастаніи отчужденія между частями націи, раздѣлившейся въ политическомъ отношеніи, упрочить разъединеніе, порвавъ религіозную связь между ними. И, по согласію съ старѣйшинами, онъ поставилъ изображенія божества на сѣверѣ своего царства, въ Данѣ, гдѣ ужь издавна было уважаемое народомъ служеніе изображенію божества, и на южной границѣ, въ Веилѣ, гдѣ Іаковъ нѣкогда видѣлъ лѣстницу, верхъ которой касался неба; это мѣсто было съ глубокой старины священнымъ для народа. Изображенія, которыя поставилъ онъ, были золотыя тельцы. Это было или заимствованіе изъ египетскихъ вѣрованій, съ которыми онъ ознакомился, когда жилъ при дворѣ своего покровителя Фараона, или, проще, это было сдѣлано по вліянію западно-азиатскихъ религіозныхъ представленій, по которымъ быкъ былъ символомъ божества. Какъ бы то ни было, но Іеровоамъ «сдѣлалъ двухъ золотыхъ тельцовъ, и сказалъ народу: не нужно вамъ ходить въ Іерусалимъ», потому что это изображеніе того бога, который вывелъ Израиль изъ Египта. «И построилъ (Іеровоамъ) капище на высотахъ». Левиты все рѣшительнѣе и рѣшительнѣе отдавали предпочтеніе Іерусалимскому богочитанію; потому Іеровоамъ «поставилъ изъ народа священниковъ, которые были не изъ сыновъ

Служеніе на
высотахъ.

Іеровоамъ
978—953 или
953—927.

Левитских». Эти капища были построены имъ въ Данъ и въ Ве-
оилъ, для служенія золотымъ тельцамъ. Кромъ того, онъ перенесъ
великій осенній праздникъ изъ седьмага мѣсяца года на восьмой.

Строгіе чтители Иеговы говорили, что, поставивъ золотыхъ тельцовъ, Иеро-
воамъ совратилъ народъ Израильскій въ идолопоклонство. Они были пра-
вы въ томъ смыслѣ, что служеніе „на высотахъ“ вело, какъ мы уже го-
ворили (стран. 667), къ принятію языческихъ обрядовъ. Но самъ Иеровоамъ
не имѣлъ намѣренія вводить язычество. Попытки вводить языческія рели-
гіи стали дѣлать цари Израильскіе только со времени Ахава; эти нововве-
денія производили смуты. Иеровоамъ сдѣлалъ совершенно иное: онъ возста-
новлялъ грубыя религиозныя представленія простодушной старины, когда
необразованный, непривычный къ отвлеченнымъ понятіямъ народъ чтилъ
Иегову, какъ способнъ былъ чтить его въ своемъ наивномъ усердіи. Это
было только восстановление старины; потому и не возбудило въ народѣ ни-
какого недоумѣнія: народъ сталъ ходить въ Данъ и въ Веоилъ, совершалъ
тамъ привычныя ему обряды и праздники. Дурно было то, что Иеровоамъ
опирался на грубыя старыя понятія, когда мысли образованной части на-
ціи поднялись уже выше ихъ. Потому Ровоамъ находилъ поддержку себѣ
въ левитахъ, уходившихъ изъ царства Израильскаго въ Иерусалимъ.

Возстаніе поко-
ренныхъ пле-
менъ.

Распаденіе царства Соломонова на два царства, скоро ставшія
въ открытую вражду между собою, возбудило въ покоренныхъ пле-
менахъ надежду освободиться. Аммонитяне и моавитяне отложились
отъ царства израильскаго, идумеи отъ царства іудейскаго. Иеровоаму
удалось вновь покорить моавитянъ. Но аммонитяне, кажется, остано-
вили свою независимость, подъ защитою Сирійскаго царства, столицею
котораго былъ освободившійся еще при Соломонѣ Дамаскъ и которое
скоро по своему основаніи стало могущественнымъ государствомъ;
все арамейскіе цари и племена до самаго Эвфрата были принуждены
или добровольно согласились быть союзниками сирійскаго царя и да-
вать ему свои войска. Иеровоамъ сдѣлалъ своею резиденціею городъ
Пенуилъ, стоявшій на юговосточной караванной дорогѣ; вѣроятно,
онъ сталъ жить тамъ потому, что надо было защищать израильское
царство отъ нападений съ юго-востока.

Царство Изра-
ильское:
Погибель дина-
стии Иеровоама
и династии Ва-
асы.

Въ царствѣ израильскомъ не могъ установиться законный поря-
докъ престолонаслѣдія; это имѣло гибельныя послѣдствія. Иеровоамъ
царствовалъ 22 года или больше. Когда онъ отошелъ къ отцамъ
своимъ, воцарился сынъ его, Наватъ, но процарствовалъ только два
года. Филистимляне возобновили войну противъ Израиля, ослаблен-
наго отпаденіемъ Іуды; Наватъ пошелъ противъ нихъ и осадилъ
филистимскій городъ Гаваѡнъ; во время этой осады, Вааса, одинъ
изъ его военачальниковъ, устроилъ противъ него заговоръ, убилъ
его, сталъ царемъ и истребилъ „весь домъ Иеровоамовъ, не оставилъ
ни души“ изъ рода Иеровоамова, такъ что у израильтянъ говорилось
объ этомъ: «Кто изъ рода Иеровоамова умеръ въ городѣ, того съѣли

псы; кто умеръ въ полѣ, того склевали птицы небесныя». Вааса
былъ изъ колѣна Иссахарова. Онъ сталъ воевать съ царствомъ Іу-
динымъ, отнялъ у него города, которые были передъ тѣмъ завоеваны
Іудою, и сталъ строить въ городѣ Рамѣ крѣпость, чтобъ отнять у
іудеевъ торговлю по этому пути. Аса, внукъ Ровоама, царствовавшій
тогда въ Іудеѣ, отправилъ дары Венададу, царю Дамасскому, прося его
помощи. Венададъ послалъ войска въ сѣверную часть царства изра-
ильскаго; овладѣлъ всею землею по истокамъ Іордана и принудилъ
Ваасу прекратить военныя дѣйствія противъ Іудеи. Когда царь из-
раильскій ушелъ, Аса разрушилъ крѣпостныя постройки въ Рамѣ и
употребилъ дерево и камень ихъ на укрѣпленіе Гивы и Мицпы. Ва-
аса былъ храбрый воинъ. Династія его тоже не удержалась. Онъ
царствовалъ 24 года. По его смерти вступилъ на престолъ сынъ его,
Ила. Замвріи, «начальствовавшій надъ половиною (военныхъ) колес-
ницъ», составилъ заговоръ, убилъ Илу на пирѣ у «начальствующаго Ила и Замвріи.
надъ дворцомъ», и истребилъ всѣхъ его родныхъ и друзей, такъ что
и къ династии Ваасы израильтяне примѣнили тѣ выраженія, въ ко-
торыхъ говорили о династии Иеровоама. Замвріи убилъ Илу для того,
чтобы самому стать царемъ. Но царствовалъ только семь дней. Из-
раильское войско, бывшее тогда на войнѣ противъ филистимлянъ, и
снова осаждавшее въ это время Гаваѡнъ, провозгласило царемъ
военачальника Амвріа, пошло къ Өирцѣ, и вступило въ городъ. «Когда
увидѣлъ Замвріи, что городъ взятъ, вошелъ во внутреннюю комнату
царскаго дома, и зажегъ за собою царскій домъ огнемъ, и погибъ». Но
явился другой противникъ Амврію, Өамніи; нѣсколько лѣтъ шла
ожесточенная междоусобная война. Только когда Өамніи и его братъ
Іорамъ были убиты въ сраженіи, Амвріи одолѣлъ. Великолѣпныя
зданія богатой Өирцы сильно пострадали отъ войны и отъ пожара;
потому Амвріи рѣшилъ основать новую столицу. Кажется, у него
была способность понимать красоту природы, любовь къ живопис-
нымъ мѣстоположеніямъ, — качество, не часто встрѣчающееся у ази-
атцевъ. Онъ купилъ гору, далеко выдающуюся въ плодородную рав-
нину, построилъ на ней сильно укрѣпленный городъ Самарію и пе-
ренесъ свою резиденцію въ него. Онъ прекратилъ войну съ цар-
ствомъ іудейскимъ и заключилъ миръ съ Венададомъ Дамасскимъ,
уступивъ ему нѣсколько пограничныхъ городовъ и дозволить проло-
жить черезъ Самарію торговыя дороги въ Финикию. Царствованіе его
продолжалось не менѣе двѣнадцати лѣтъ, быть можетъ и гораздо
больше, лѣтъ двадцать или двадцать пять. По смерти его царемъ
израильскимъ сталъ сынъ его, Ахавъ. Амвріи уже старался дать
возможность оправиться государству, разоренному войнами съ сосѣдами и
междоусобіями. Ахавъ заботился больше него о развитіи благосостоянія
въ государствѣ. Послѣ долгихъ бурь, народъ нуждался въ отдыхѣ,
въ упроченіи порядка, въ добромъ согласіи съ сосѣдами. Женившись

Династія Ам-
вріа.

на Иезавели (Иезебели), дочери тирского царя и первосвященника Эваала (Этбаала или Итобала), онъ вошелъ въ близкія связи съ финикиянами. Вліяніе этой промышленной націи замѣтно во всей дѣятельности Ахава. Онъ покровительствовалъ торговлѣ, основывалъ города, построилъ на прекрасномъ холмѣ обширной и плодородной Изреельской равнины новый дворецъ съ огромнымъ садомъ и паркомъ. И далеко шла слава объ этомъ «домѣ изъ слоновой кости» (3 книга Царствъ XXII, 39; псаломъ XLIV, 9). Дружба съ финикиянами, язычниками, привела Ахава къ тому же, къ чему привела Соломона: въ царство проникла иноземная религія, культъ которой имѣлъ чувственный характеръ. Иезавель была усердная чтительница божествъ своей родины; по ея желанію Ахавъ построилъ тирскому Ваалу, богу солнца, великолѣпный храмъ, съ высокими остроконечными колоннами передъ изображеніемъ Ваала, построилъ великолѣпный храмъ Астартѣ въ посвященной этой богинѣ рощѣ при любимой своей резиденціи, Изреельскомъ дворцѣ. Для служенія въ храмѣ Ваала было 450 жрецовъ, въ храмѣ Астарты 400 жрецовъ.

Итакъ, теперь и въ Израильскомъ царствѣ была покинута старинная національная простота богослуженія, замѣнена заимствованнымъ у иноземцевъ великолѣпнымъ культомъ, введена была въ Самарію религіозная терпимость, какъ введена была при Соломонѣ въ Иерусалимѣ. Вообще царствованіе Ахава многими чертами напоминаетъ царствованіе Соломона. Дѣятельныя сношенія съ иноземцами имѣли своими результатами и при Ахавѣ, какъ при Соломонѣ, благосостояніе, любовь къ искусствамъ, свѣтлыя воззрѣнія на жизнь. Оирца, прежняя столица Израильскаго царства, была такъ великолѣпна, что въ Пѣснѣ Пѣсней о ней говорится на-ряду съ Иерусалимомъ (Книга Пѣсни Пѣсней, VI, 3). Новая столица, Самарія, конечно не уступала великолѣпіемъ прежней.

Переходимъ теперь къ исторіи южнаго царства, меньшаго по объему. Границы его обыкновенно простирались на сѣверѣ до Веѡрона и Гивы, на югѣ до Вирсавіи. Разумѣется, эти границы были измѣнчивы; временами къ Иудейскому царству принадлежали и Веѡиль и Иерихонъ. При самомъ распаденіи націи, въ царство Иудино переселились преданные Иерусалимскому богослуженію люди изъ сѣверныхъ колѣнъ; при Асѣ пришли новые переселенцы изъ колѣнъ Эфремова и Манассіина. Иерусалимъ, стоявшій на границѣ между областями Иудиною и Веніаминовою, былъ городъ обширный, и небольшому царству трудно было поддерживать великолѣпіе своей столицы. Значеніе Иерусалиму придавалъ главнымъ образомъ его храмъ, возбуждавшій въ ревностныхъ южныхъ чтителяхъ Иеговы убѣжденіе, что колѣна отдѣлившіяся отъ Иерусалимскаго царства—отступники отъ вѣры. Но и въ Иудейскомъ царствѣ богослуженіе не было вполне централизовано: при Ровоамѣ оставались святилища на высотахъ, и служеніе въ нихъ совершали левиты. А черезъ нѣсколько времени по своемъ воцареніи, Ровоамъ пошелъ тою же дорогою, на какую вступилъ въ старости Соломонъ. Въ 3-ей Книгѣ Царствъ говорится (XIV, 23, 24) „И устроили они (жители царства Иудейскаго) у себя высоты, и статуи, и капища на всякомъ высокомъ холмѣ и подъ всякимъ тѣнистымъ деревомъ; и блудники (люди служившіе иноземнымъ божествамъ) были также въ этой землѣ, и дѣлали всѣ мерзости народовъ, которыхъ Господь прогналъ отъ лица сыновъ Израилевыхъ“.

За уклоненіемъ отъ Иеговы послѣдовало политическое бѣдствіе. Ровоамъ, какъ мы читаемъ во 2 Книгѣ Паралипоменонъ, пополняющей своими извѣстіями объ этомъ царѣ краткій рассказъ 3-ей Книги Царствъ, построилъ по границамъ своего маленькаго царства 15 крѣпостей; изобильно снабдилъ ихъ гарнизоны, оружіемъ, запасами продовольствія, назначилъ начальниками ихъ своихъ сыновей. Но въ пятый годъ его царствованія Сусакимъ (Шашанкъ, Шешонкъ или Сисакъ), царь Египетскій, союзникъ Ровоама, взялъ и ограбилъ Иерусалимъ.

Во 2 Книгѣ Паралипоменонъ рассказывается объ этомъ такъ: „На пятомъ году царствованія Ровоама, Сусакимъ, царь Египетскій, пошелъ на Иерусалимъ съ тысячею и двумястами колесницъ и съ шестьюдесятью тысячами всадниковъ; и не было числа народу, который пришелъ съ нимъ изъ Египта: Ливіанамъ, Сукхитамъ и Эѡиплянамъ; и взялъ укрѣпленные города въ Иудѣ, и пришелъ въ Иерусалимъ, и взялъ сокровища дома Господня и сокровища дома царскаго; его взялъ онъ, взялъ и щиты золотые, которые сдѣлалъ Соломонъ“. Онъ прошелъ до Мегиддона, помогъ филистимлянамъ и идумеямъ возстановить свою независимость, и принудивъ Ровоама къ заключенію унижительнаго мира, вернулся въ Египетъ съ богатою добычею. Въ потерѣ золотыхъ щитовъ Ровоамъ утѣшился поддѣлкою: „И сдѣлалъ Ровоамъ вмѣсто нихъ щиты мѣдные, и отдалъ ихъ начальникамъ тѣлохранителей“, чтобы тѣлохранители носили въ торжественныхъ процессіяхъ эти щиты, какъ прежде носили золотые. Въ исторіи Египта мы говорили (стр. 183), что Шашанкъ увѣковѣчилъ славу этого своего похода барельефнымъ рисункомъ на южной наружной стѣнѣ большого Карнакскаго храма: онъ тамъ ведетъ къ Аммону 140 плѣнниковъ, символически изображающихъ покоренные имъ города и страны.

Сынъ Ровоама, Авія, чьей матерью была Мааха, внука Авесаломъ, „ходилъ во всѣхъ грѣхахъ отца своего“. Онъ велъ войну противъ царства Израильскаго и допускалъ иноземное богослуженіе. Сынъ его Аса пошелъ другимъ путемъ. Въ царствѣ Израильскомъ начали тогда служить иноземнымъ богамъ, и онъ возвратился къ служенію Иеговы, какъ служилъ Давидъ. Онъ разбилъ колонны Вааловы и вырубилъ рощи Астарты; „и даже мать свою Ану лишилъ званія царицы за то, что она сдѣлала истуканъ Астарты. И изрубилъ Аса истуканъ ея, и сжегъ у потока Кедрона“. Онъ сформировалъ большое, храброе войско; часть воиновъ была вооружена копьемъ, другую часть войска составляли стрѣлки. Кромѣ людей изъ колѣнъ Иудины и Веніамина, въ войскѣ были добровольцы изъ другихъ колѣнъ. Упрочивъ такимъ образомъ порядокъ въ государствѣ и образовавъ сильное войско, онъ одержалъ славную побѣду надъ египтянами, которые напали на царство Иудейское и дошли до Марешы. Онъ обратилъ ихъ въ бѣгство, взялъ нѣсколько городовъ и возвратился въ Иерусалимъ съ большимъ количествомъ добычи. По возвращеніи изъ похода Аса „обновилъ жертвенникъ Господень, который передъ притворомъ Храма Господня, „и собралъ всего Иуду и всего Веніамина и живу-

шихъ съ ними переселенцевъ отъ Эфрема и Масаи; и принесли въ жертву Господу изъ добычи, которую привели, изъ крупнаго скота семь сотъ, и изъ мелкаго семь тысячъ, и вступили въ завѣтъ, чтобы разыскать Господа, Бога отцовъ своихъ, отъ всего сердца своего и отъ всей души своей, и клялись Господу громогласно, и съ восклицаніемъ, и при звукѣ трубъ и роговъ“. Но менѣе счастливъ былъ Аса въ первое время войны съ Ваасою, царемъ Израильскимъ. Чтобы принудить его уйти изъ Рамы, Аса послалъ, какъ мы ужь упоминали, подарки Венададу Дамасскому. Въ 3 Книгѣ Царствъ говорится объ этомъ такъ: „И взялъ Аса все серебро и золото, остававшееся въ сокровищницахъ дома Господня и въ сокровищницахъ дома царскаго, и послалъ Венададу, царю Сирійскому“, прося его помощи противъ Ваасы. Венададъ завоевалъ сѣверныя области царства Израильскаго, и Вааса ушелъ изъ Рамы. Для лучшей защиты своего царства отъ нападеній царя Израильскаго, Аса выкопалъ на границѣ длинный ровъ. Царствованіе его, продолжительное и большею частью мирное, было счастливымъ временемъ для народа Іудейскаго. И долго послѣ вспоминали іудеи о своемъ благоденствіи подъ управленіемъ благочестиваго царя. Когда онъ, послѣ долгаго страданія отъ болѣзни ногъ, умеръ, его похоронили съ большими почестями.

Іосафатъ, 919—893 или 873—848. Въ такомъ же духѣ, какъ Аса, правилъ царствомъ сынъ его Іосафатъ. Онъ тоже допускалъ въ храмъ и на высотахъ только служеніе Іеговъ. Онъ строилъ города и укрѣпленія, заготовлялъ въ нихъ запасы, привелъ въ хорошій порядокъ войско. Идумеи, аммонитяне и моавитяне напали въ большихъ силахъ на царство Іудейское, заняли крутизны и ущелья около Энгедди, у берега Мертваго моря. При извѣстіи объ этомъ, Іосафатъ сначала испугался, и назначилъ постъ по всему царству; но пророчество левита Іозіила, что Богъ поможетъ ему, ободрило его; онъ повелъ на враговъ войско черезъ горы, съ которыхъ видна была пустыня, и увидѣлъ, что враги, стояшіе въ долинѣ Барахъ, перессорились, сражаются между собою; онъ легко обратилъ въ бѣгство всѣхъ ихъ и взялъ несмѣтную добычу. Идумеи, болѣе всѣхъ пострадавшіе при этомъ пораженіи, вынуждены были снова признать надъ собою власть царя Іерусалимскаго; Іосафатъ сталъ теперь, подобно Давиду и Соломону, владычествовать надъ всею землею до Арабскаго залива, и завелъ на немъ корабли для плаванія въ Фарсисъ. Могущество Іосафата было такъ велико, что «филистимляне приносили ему дары и въ дань серебро; также аравитяне пригоняли ему (въ дань) скотъ».

В. ВРЕМЕНА ИЛИИ И ЕЛИСЕЯ.

(900—870 или 850—820).

При Ахавѣ и Іосафатѣ политика царствъ Израильскаго и Іудейскаго получила новое направленіе. Въ первое столѣтіе по своемъ распаденіи, эти одноплеменные царства находились въ борьбѣ между собою; она мѣшала развитію ихъ благосостоянія. Теперь, непріязнь кончилась, замѣнилась мирными договорами, союзами. Оба царства мало по малу привыкли къ мысли, что воссоединеніе распавшейся націи невозможно; печальныя слѣдствія вражды чувствовались въ обоихъ царствахъ такъ сильно, что оба они стали желать жить въ мирѣ между собою. Притомъ, въ обоихъ царствахъ были теперь миролюбивые цари: Ахавъ и Іосафатъ, оба находили, что торговля съ сосѣдними народами полезнѣе для государства, чѣмъ раззорительныя войны. Такимъ образомъ они вступили въ дружескій союзъ и чтобы дать ему болѣе прочности, Іосафатъ женилъ своего сына Іорама на Гоолиі, дочери Ахава и Іезавели (4 кн. Царствъ VIII, 18). Со времени этого брака начинается новый періодъ и въ умственной жизни народа въ обоихъ царствахъ, періодъ борьбы идей, которая очистила и облагородила религіозныя понятія націи, но и ослабила ее, много содѣйствовала и тому, что дружеское согласіе между царствами Израильскимъ и Іудейскимъ разрушилось. Перенесеніе тирской религіи съ ея блестящимъ богослуженіемъ и могущественной іерархіею сначала въ царство Израильское, потомъ и въ царство Іудейское, возбудило сильное противодѣйствіе, представителями котораго были пророки, имѣвшіе теперь своимъ вождемъ и передовымъ бойцомъ Ілію, чело- вѣка сильной воли, твердаго характера, пророка, подобнаго своею энергіею Самуилу.

И такъ, мы должны возвратиться къ развитію дѣятельности пророковъ, получившей теперь новое могущество. О Саулѣ еще спрашивали: «Неужели и онъ сталъ пророкомъ»? Преемникъ его, Давидъ, очень преданный религіи, очень уважающій духовенство, былъ въ хорошихъ отношеніяхъ и съ пророками, какъ видимъ это по высокому почету, которымъ пользовался при его дворѣ Нафанъ. Соломонъ былъ, какъ должно полагать, воспитанъ Нафаномъ въ мудрости пророческой, потому легко могъ прийти къ мысли, что не нуждается въ совѣтахъ пророковъ. Какъ бы то ни было, но пророки не имѣли вліянія на дѣла въ его царствованіе. Значеніе ихъ поднялось, когда нація раздѣлилась на два царства; особенно усилилось оно въ царствѣ десяти колѣнъ. Но тотъ же самый пророкъ, который предсказалъ Іеровоаму, что онъ будетъ царемъ десяти колѣнъ, Ахія, возсталъ противъ него и сказалъ о его династіи тѣ слова, которыя

иослѣ были примѣнены пророкомъ Іуемъ, сыномъ Ананіевымъ, къ династіи Ваасы, и повторены пророкомъ Іліею въ примѣненіи къ Ахаву: «Кто» изъ его рода «умретъ въ городѣ, того съѣдятъ псы, а кто умретъ на полѣ, того склюютъ птицы небесныя». Такимъ образомъ мы видимъ, что въ первое столѣтіе царства десяти колѣнъ пророки, если не постоянно, то во всякомъ случаѣ не рѣдко бывали противниками царей его. Край страдалъ отъ мятежей, одна династія за другою были истребляемы, религіозныя нововведенія смущали мысли народа, возбуждали въ немъ желаніе, чтобы Богъ открылъ, какія вѣрованія угодны ему;—у кого жъ, какъ не у пророковъ, представителей національных юридическихъ и религіозныхъ воззрѣній (стран. 629), могъ искать нравственной поддержки и утѣшенія себѣ народъ Израильскаго царства, покинутый своимъ духовенствомъ, страдающій и матеріально и духовно отъ виѣшнихъ враговъ, отъ свирѣпостей междоусобія? Евреи съ глубокой древности имѣли обычай не предпринимать ничего важнаго, не узнавъ волю Іеговы. Потому во времена бѣдствій, каковы были теперь въ царствѣ Израильскомъ, пророки, хранители національных воспоминаній, говорившіе именемъ Іеговы, приобрѣли сильное вліяніе на мысли населенія этого царства. Къ нимъ обращались за совѣтомъ и помощью во всякихъ затрудненіяхъ, въ болѣзняхъ, при семейныхъ несчастіяхъ, въ юридическихъ недоумѣніяхъ. Во 2 книгѣ Паралипоменонъ (XVI, 14) Аса подвергается порицанію за то, что «въ болѣзни своей взыскалъ не Господа, а врачей». Охозія спрашивалъ даже у Веельзевула, божества Аккаронскаго, выздоровѣетъ ли отъ тяжелаго ушиба (4 Книга Царствъ I, 2); но это было, разумѣется, тяжкимъ грѣхомъ.

Въ царствѣ іудейскомъ хорошія отношенія между царями и пророками удержались, кажется, тоже не долго. Даже благочестивый Аса навлекъ на себя порицаніе «прозорливца Ананія своимъ союзомъ съ царемъ сирійскимъ», «разгнѣвался на прозорливца, и заключилъ его въ темницу». Въ царствѣ израильскомъ, «пророкъ-старецъ», предсказавшій гнѣвъ Божій пришедшему изъ Іудеи порицателю Іеровоама (3 Книга Царствъ, глава XIII), былъ представителемъ прежнихъ стремленій пророковъ дѣйствовать въ пользу царей. Но пророки стали въ рѣшительную оппозицію царямъ, когда въ царство вторглось иноземное богослуженіе, съ которымъ пришло и иноземное духовенство, когда цари ввели служеніе чужеземнымъ богамъ, языкъ которыхъ былъ нѣмъ. Ілія выступилъ мужественнымъ борцомъ за служеніе Іеговѣ, отъ котораго получали свои вдохновенія пророки. Поклоненіе золотымъ тельцамъ въ Данѣ и Вирсавіи было въ глазахъ пророковъ израильскихъ только стариннымъ обычаемъ, съ которымъ народъ не соединялъ никакихъ мыслей, несогласныхъ съ вѣрованіемъ въ Іегову; это была только грубая простонародная форма служенія Іеговѣ, и пророки не возставали противъ нея. Но совсѣмъ иное было дѣло,

когда цари израильскіе ввели чувственное служеніе Ваалу и Астартѣ, сдѣлали этотъ безнравственный культъ государственной религіей и стали поддерживать его насильственными мѣрами; пророки воспламенились святымъ негодованіемъ. Оппозиція ихъ становилась тѣмъ энергичнѣе, чѣмъ больше возростало въ высшихъ сословіяхъ число послѣдователей иноземной религіи, пользующейся покровительствомъ двора, чѣмъ больше входила въ моду мысль, что предпочитать простымъ обрядамъ жертвоприношеній въ святилищахъ Іеговы великолѣпные праздники культа Ваала и Молоха, предаваться подъ предлогомъ религіознаго энтузіазма сладострастію въ рощахъ Астарты (Ашеры)—признакъ образованности.

Пророки возвысили голосъ противъ этого нововведенія, возбуждая народъ сопротивляться ему. Раздраженный ихъ оппозиціею, Ахавъ, по внушенію Іезавели, женщины горячаго характера, принялъ свирѣпую мѣру: онъ велѣлъ истреблять пророковъ и разрушать жертвенники Іеговы. Началось жестокое преслѣдованіе защитниковъ старой вѣры. Многіе изъ нихъ бѣжали за границу, другіе скрывались въ пустыняхъ и пещерахъ, куда тайно доставляли имъ пищу ихъ приверженцы. Такъ напримѣръ Авдія, «начальствовавшій надъ дворцомъ» Ахава, «скрывалъ сто человѣкъ пророковъ Господнихъ въ пещерахъ, и питалъ ихъ». Однимъ изъ подвергшихся преслѣдованію былъ Ілія Ѳесвитянинъ (уроженецъ галаадскаго города Ѳесвы), не судья, не священникъ, не вельможа, но ревностный служитель Божій, пророкъ, могучій словомъ и дѣломъ. Онъ бѣжалъ за Іорданъ въ пустыню, и скрывался у потока Хораа, «и вѣроны приносили ему хлѣбъ и мясо, а изъ потока онъ пилъ». Онъ не стригъ волосъ; они были густые и длинные; онъ препоясывался кожанымъ поясомъ, и на плечахъ его былъ власной плащъ, отъ удара которымъ по водѣ Іордана разступилась вода, такъ что онъ перешелъ Іорданъ по-суху.—Наступила засуха, посланная Богомъ на грѣховную страну, засушила потокъ. Тогда Ілія ушелъ въ Сарепту, городъ Сидонской области, нашелъ тамъ пріютъ себѣ у бѣдной вдовы. Онъ возвратилъ жизнь умершему сыну ея. Засуха длилась три года. Ілія пошелъ къ Ахаву, пославъ Авдія предувѣдомить своего преслѣдователя, что самъ идетъ къ нему. «И пошелъ Ахавъ на встрѣчу Ілію; когда увидѣлъ Ілію, то сказалъ ему Ахавъ: Ты ли это, смущающій Израиля? И сказалъ Ілія: Не я смущаю Израиля, а ты и домъ отца твоего, тѣмъ, что вы идете во слѣдъ Вааламъ. Пошли и собери ко мнѣ всего Израиля на гору Кармилъ, и пророковъ Вааловыхъ (жрецовъ рощъ Астарты), питающихся отъ стола Іезавели»; предъ всѣмъ народомъ, будетъ рѣшенъ вопросъ, кто истинный Богъ, Іегова или Вааль; засуха прекратится, будетъ ниспосланъ дождь; кто пошлетъ его, Іегова или Вааль, того и должно будетъ признать истиннымъ богомъ. Ахавъ согласился исполнить требованіе Іліи.

Борьба Іліи
противъ слу-
женія Ваалу.

Народъ израильскій сошелся на гору Кармилъ, сошлись и жрецы Ваала и Астарты. Были сдѣланы приготовления къ приносу жертвъ. „И подошелъ Илія ко всему народу, и сказалъ: долго ли вамъ хромать на оба колѣна? Если Господь есть Богъ, то послѣдуйте Ему; а если Вааль, то ему послѣдуйте. Я одинъ остался пророкъ Господень, а пророковъ Вааловыхъ четыреста пятьдесятъ человѣкъ. Пусть дадутъ намъ двухъ тельцовъ, и пусть они выберутъ себѣ одного тельца, и разсѣкутъ его, и положатъ на дрова, а я приготовлю другаго тельца и положу на дрова, а огня не подложу. И призовите вы имя бога вашего, а я призову имя Господа, Бога моего. Тотъ Богъ, который дастъ отвѣтъ посредствомъ огня, есть Богъ. И отвѣчалъ весь народъ и сказалъ: хорошо“. И взяли они тельца, приготовили, и призывали имя Ваала отъ утра до полудня, говоря: Ваале, услышь насъ! но не было ни голоса, ни отвѣта. И скакали они у жертвенника, который сдѣлали. Въ полдень Илія сталъ смѣяться надъ ними, и говорилъ: кричите громкимъ голосомъ, ибо онъ богъ; можетъ быть, онъ задумался, или занятъ чѣмъ либо, или въ дорогѣ, а можетъ быть, и спать, такъ онъ проснется. И стали они кричать громкимъ голосомъ, и кололи себя, по своему обыкновению, ножами и копьями, такъ что кровь лилась по нимъ. Прошелъ полдень, а они все еще бѣсновались до самаго времени вечерняго жертвоприношенія; но не было ни голоса, ни отвѣта, ни слуха. Тогда Илія сказалъ всему народу: подойдите ко мнѣ; и подошелъ весь народъ къ нему. И взялъ Илія двѣнадцать камней, по числу колѣнъ сына Іакова. И построилъ изъ сихъ камней жертвенникъ во имя Господа и сдѣлалъ вокругъ жертвенника ровъ. И положилъ дрова, и разсѣкъ тельца, и возложилъ его на дрова. И сказалъ Илія: лейте воду на жертву и на дрова. И сдѣлали такъ; „и вода полилась вокругъ жертвенника, и ровъ наполнился водою“. И воззвалъ Илія: „Услышь меня, Господи, услышь меня! Да познаетъ народъ сей, что Ты, Господи, Богъ, и Ты обратишь сердце ихъ къ Тебѣ. И ниспалъ огонь Господень и пожралъ всеожженіе, и дрова, и камни, и прахъ, и поглотилъ воду, которая во рвѣ. Увидавъ это, весь народъ палъ на лицо свое, и сказалъ: Господь есть Богъ, Господь есть Богъ! И сказалъ имъ Илія: схватите пророковъ Вааловыхъ, чтобы ни одинъ изъ нихъ не укрылся; и схватили ихъ. И отвелъ ихъ Илія къ потоку Киссону, и закололъ ихъ тамъ. И сказалъ Илія Ахаву: пойди, ѣшь и пей; ибо слышенъ шумъ дождя. И сказалъ отроку своему: пойди, посмотри къ морю. Тотъ пошелъ, и посмотрѣлъ, и сказалъ: ничего нѣтъ. Онъ сказалъ продолжай это до семи разъ. Въ седьмой разъ тотъ сказалъ: вотъ небольшое облако поднимается отъ моря, величиною въ ладонь человѣческую. Онъ сказалъ: пойди, скажи Ахаву, запрягай колесницу твою и поѣзжай, чтобы не засталъ тебя дождь. Между тѣмъ небо сдѣлалось мрачно отъ тучъ и отъ вѣтра, и пошелъ большой дождь. Ахавъ же сѣлъ въ колесницу, и поѣхалъ въ Изреель. И была на Иліи рука Господня. Онъ опоясалъ чресла свои, и бѣжалъ предъ Ахавомъ до самаго Изрееля. И пересказалъ Ахавъ Іезавели все, что сдѣлалъ Илія, и то, что онъ убилъ всѣхъ пророковъ мечемъ. И послала Іезавель посланца къ Иліи сказать: что, если я завтра къ этому времени сдѣлаю съ твоею душою то, что сдѣлано съ душою каждаго изъ нихъ? Увидѣвъ это, онъ всталъ и пошелъ въ пустыню на день пути, и, пришедши, сѣлъ подъ можжевельнымъ кустомъ, и просилъ смерти себѣ, и сказалъ: довольно уже, Господи; возьми душу мою. И вотъ, ангелъ коснулся его, и сказалъ ему: встань, ѣшь. И взглянулъ Илія, и вотъ у изголовья его печеная лепешка и кувшинъ воды. Онъ поѣлъ и напился, и опять заснулъ. И всталъ онъ, поѣлъ и напился и, подкрѣпившись тою пищею, шелъ сорокъ дней и сорокъ ночей до горы Божіей, Хорива. И вошелъ онъ тамъ въ пещеру, и ночевалъ въ ней. И

вотъ, было къ нему слово Господне, и сказалъ ему Господь: что ты здѣсь, Илія? Онъ сказалъ: возревновалъ я о Господѣ, Богѣ Саваоѣ; ибо сыны Израилевы оставили завітъ Твой, разрушили Твои жертвенники, и пророковъ Твоихъ убили мечемъ: остался я одинъ, но и моей души ищутъ, чтобы отнять ее. И сказалъ (ему Господь): Выйди и стань на горѣ предъ лицомъ Господнимъ. И вотъ, Господь пройдетъ, и большой и сильный вѣтеръ, раздирающій горы и сокрушающій скалы предъ Господомъ; но не въ вѣтрѣ Господь. Послѣ вѣтра землетрясеніе. Послѣ землетрясенія огонь, но не въ огнѣ Господь. Послѣ огня вѣліе тихаго вѣтра. Услышавъ сіе, Илія закрылъ лице свое милотью своею, и вышелъ и сталъ у входа въ пещеру. По землетрясенію и огнѣ, при вѣяніи тихаго вѣтра, „былъ къ нему голосъ, и сказалъ ему Господь, что не одинъ онъ въ царствѣ израильскомъ остался вѣрнымъ служителемъ Господнимъ: „Я оставилъ между израильтянами семь тысячъ мужей“, которыхъ „колѣна не преклонились предъ Вааломъ и уста не лобызали его“, открылъ ему Господь.

И современники и потомки видѣли въ Иліи героя, безстрашно боровшагося за древнее національное служеніе Іеговы, за старые еврейскіе обычаи противъ чужеземныхъ религіозныхъ и политическихъ учреждений, насильственно вводимыхъ царями-идолопоклонниками. Многія черты разсказовъ о немъ напоминаютъ разказы о Моисеѣ.

Но вначалѣ не всѣ усердные поклонники Іеговы сочувствовали Иліи. Да и впоследствии было много ложныхъ пророковъ, называвшихъ себя вѣстниками воли Іеговы, и защищавшихъ Ахава. Потому, народъ израильскій колебался въ своихъ мысляхъ о томъ, могутъ ли не могутъ религіозныя нововведенія Ахава быть примирены съ національнымъ вѣрованіемъ въ Іегову.

Послѣдніе годы правленія Ахава прошли въ тяжелой борьбѣ съ врагами, нападавшими на царство Израильское. Венададъ, царь дамасскій, вѣроятно сынъ того Венадада, который воевалъ съ Баасою, осадилъ Самарію. У него было большое войско, были «кони и колесницы»; тридцать два царя, подвластные ему, были съ нимъ. Ахавъ считалъ невозможнымъ устоять противъ такого сильнаго врага, былъ готовъ отдать Венададу, какъ онъ требовалъ, все свое золото и серебро и послать ему своихъ женъ и дѣтей, въ обезпеченіе своей вѣрности условіямъ мира. Но Венададъ, въ своемъ высокомѣріи, прибавилъ къ прежнимъ требованіямъ новое; онъ сказалъ, что пришлетъ своихъ слугъ осмотрѣть дворецъ Ахава и дома его придворныхъ и взять оттуда все, что они захотятъ. Ахавъ созвалъ старѣйшинъ и по ихъ совѣту отвѣчалъ Венададу, что на его новое требованіе не можетъ согласиться. Венададъ грозно сказалъ: «праха Самарійскаго не достанетъ по горсти для всѣхъ людей, идущихъ за мною!» Ахавъ отвѣчалъ на его угрозу: «Пусть не хвалится подпоясывающійся (мечемъ, передъ битвою), какъ распоясывающійся (послѣ битвы)». Онъ сосчиталъ своихъ воиновъ; ихъ было 7.000 человѣкъ. Онъ повелъ ихъ изъ города въ поле на непріятеля; впереди шелъ

Войны и
смерть Ахава.

отрядъ, составленный изъ 232 «слугъ областныхъ начальниковъ», то есть самыхъ храбрыхъ воиновъ. Венададъ въ это время пировалъ съ царями, сопровождавшими его, и всѣ они были ужь пьяны. Неожиданное нападеніе израильтянъ смутило сирійское войско, оно обратилось въ бѣгство; израильтяне убили очень много бѣгущихъ. Венададъ спасся только благодаря быстротѣ своего коня. Но въ слѣдующемъ году сирійцы снова пришли къ Самаріи, и расположились станомъ на равнинѣ Афекъ, разсудивъ такъ: Богъ израильскій—богъ горъ, потому израильтяне въ прошломъ году побѣдили ихъ въ горной мѣстности у Самаріи; но онъ не богъ равнинъ, и на равнинѣ они одолѣютъ израильтянъ.—Венададъ не взялъ теперь съ собою подвластныхъ ему царей, присутствіе которыхъ въ станѣ было причиною бѣды, а назначилъ начальниками отрядовъ своихъ собственныхъ волостелей. Израильтяне заняли горы на южной сторонѣ равнины; и «были передъ ними (сирійцами) какъ бы два небольшіе стада козъ, а сиріяне наполнили землю. И стояли станомъ одни противъ другихъ семь дней; въ седьмой день началась битва, и сыны израилены поразили (убили) сто тысячъ сиріянъ въ одинъ день; остальные убѣжали въ городъ Афекъ; тамъ упала стѣна на двадцать семь тысячъ человѣкъ. А Венададъ бѣгалъ изъ одной внутренней комнаты въ другую». Его совѣтники видѣли, что единственное спасеніе ему—просить пощады у Ахава. «И опоясали они вретичами чресла свои и возложили веревки на головы свои и пришли къ царю израильскому и сказали: Рабъ твой Венададъ говоритъ: Пощади жизнь мою. Тотъ сказалъ: Развѣ онъ живъ? онъ братъ мой». Ахавъ посадилъ Венадада къ себѣ на колесницу. «И сказалъ ему Венададъ: города, которые взялъ мой отецъ у твоего отца, я возвращу» и обѣщалъ разрѣшить израильтянамъ торговать въ Дамаскѣ. Ахавъ, заключивъ съ нимъ на этихъ условіяхъ миръ, освободилъ его.

Когда онъ возвратилъ свободу Венададу, одинъ изъ пророковъ подошелъ къ нему, и спросилъ у него, виноватъ ли человѣкъ, позволившій уйти плѣннику, котораго обязанъ былъ не освобождать? Ахавъ отвѣчалъ, что этотъ человѣкъ виноватъ. «И сказалъ ему (пророкъ): Такъ говоритъ Господь: за то, что ты выпустилъ человѣка, заклатаго Мною»—то есть, человѣка, котораго должно было предать смерти,—«душа твоя будетъ вмѣсто его души». Ахавъ разсердился и снова сталъ врагомъ пророковъ. Преступленіе, за которое осужденъ былъ на гибель Ахавъ, было такое же, какъ то, за которое осужденъ былъ Саул.—Венададъ не вполнѣ сдержалъ свои обѣщанія: онъ не возвратилъ одного изъ тѣхъ городовъ, которые обѣщался отдать; это былъ галаадскій городъ Рамоеъ. Ахавъ рѣшился идти войною на Венадада и пригласилъ Иосафата, царя Іудейскаго, участвовать въ этой войнѣ. «И сказалъ Иосафатъ царю израильскому: Какъ ты, такъ и я; какъ твой народъ, такъ и мой народъ; какъ твои кони, такъ

и мои кони»; и пошелъ съ войскомъ къ Ахаву въ Самарію. Однажды, когда оба они въ полномъ вооруженіи сидѣли передъ воротами Самаріи, дѣлая смотръ войскамъ, «сказалъ Иосафатъ царю израильскому: Спроси, что скажетъ Господь (относительно того, будетъ ли война успѣшна). И собралъ царь израильскій пророковъ, около четырехъ сотъ человѣкъ, и сказалъ: идти ли мнѣ войною на Рамоеъ Галаадскій? Они сказали: Иди, Господь предастъ его въ руки царя». Только Михей, сынъ Іемвлая, пророчествовавшій объ Ахавѣ дурное, потому не любимый имъ, но призванный теперь съ поля по желанію Иосафата, сказалъ: «Я вижу всѣхъ израильтянъ разсѣянныхъ по горамъ, какъ овецъ, у которыхъ нѣтъ пастыря», и объявилъ, что слова всѣхъ другихъ были внушеніями духа лжи. «И сказалъ Ахавъ: возьмите Михея и посадите его въ темницу, и кормите его скудно хлѣбомъ и скудно водою, доколѣ я не возвращусь съ миромъ», то есть, съ хорошимъ успѣхомъ. Ахавъ и Иосафатъ пошли къ Рамоеу. Венададъ платилъ Ахаву за великодушіе неблагодарностью: велѣлъ своимъ начальникамъ колесницъ не сражаться ни съ кѣмъ, кромѣ Ахава, нападать всѣмъ на него. Потому Ахавъ передъ сраженіемъ переодѣлся, чтобы враги не узнавали его по царской одеждѣ. Но одинъ изъ стрѣлковъ случайно попалъ стрѣлою въ Ахава сквозь шва его латъ. «И сказалъ онъ своему возницѣ: повороти назадъ, выведи меня изъ войска, ибо я раненъ»; но потомъ вернулся въ сраженіе, ободрялъ своихъ воиновъ, и «стоялъ» на колесницѣ противъ сиріянъ, хоть кровь лилась изъ него, стоялъ весь день до вечера, «и вечеромъ умеръ». Тогда по войску раздался крикъ: «Каждый иди въ свой городъ, каждый въ свою землю!» — Иосафатъ вернулся въ Іерусалимъ. То, что онъ одинъ былъ на сраженіи въ царской одеждѣ, подвергало его большей опасности: сирійцы приняли было его за Ахава. — Тѣло Ахава было привезено въ Самарію. И когда обмывали у пруда его колесницу, «псы лизали кровь его», какъ превозвѣстилъ ему пророкъ Ілія, въ наказаніе за незаконное убійство Навуея.

У Навуея въ Езреели былъ виноградникъ, подлѣ дворца Ахава, царя Самарійскаго. И сказалъ Ахавъ Навуею, говоря: отдай мнѣ свой виноградникъ; изъ него будетъ у меня овощный садъ; а вмѣсто него я дамъ тебѣ виноградникъ лучше этого: или, дамъ тебѣ серебра, сколько онъ стоитъ. Но Навуея сказалъ Ахаву: сохрани меня Господь, чтобы я отдалъ тебѣ наслѣдство отцовъ моихъ! И пришелъ Ахавъ домой огорченный. И легъ на постель свою, и хлѣба не ѣлъ. И вошла къ нему Іезавель, и сказала ему: отъ чего встревоженъ духъ твой? Онъ сказалъ ей. И сказала ему Іезавель: я доставлю тебѣ виноградникъ Навуея, Изреелитянина. И написала она отъ имени Ахава письма, и запечатала ихъ его печатью, и послала эти письма къ старѣйшинамъ и знатымъ въ городѣ. Въ письмахъ она писала такъ: объявите постъ, и посадите Навуея на первое мѣсто въ народѣ; а противъ него посадите двухъ негодныхъ людей, которые свидѣтельствовали бы на него, и сказали: ты хулилъ Бога и царя; и потомъ выведите его, и побейте его камнями, чтобы онъ умеръ. И сдѣлали мужи города старѣйшины и знатные

Навуея.

какъ приказала имъ Иезавель. И вывели его (Навуою) за городъ, и побили камнями». Ахавъ, услышавъ, что Навуою убитъ, пошелъ въ его виноградникъ. Туда пришелъ къ нему, по слову Господню, пророкъ Илія и сказалъ ему: «Такъ говорилъ Господь: на томъ мѣстѣ, гдѣ псы лизали кровь Навуою, псы будутъ лизать и твою кровь. И поступлю съ домомъ твоимъ, какъ поступилъ съ домомъ Іеровоама и съ домомъ Ваасы. И Иезавели сказалъ Господь: псы съѣдятъ Иезавель за стѣною Изрееля». Выслушавъ слова сіи, Ахавъ разодралъ одежды свои, и возложилъ на тѣло свое вретиче, и постился и ходилъ печально. За его раскаяніе, погибель его рода была отсрочена до слѣдующаго поколѣнія, ему было дано не видѣть бѣдствій его семейства.

Иорамъ (израильскій) 895—888 или 851—843. Дружескія отношенія между царствами Іудинымъ и Израильскимъ продолжались и при сынѣ Ахава, Іорамѣ, наслѣдовавшемъ своему старшему брату Охозіи, который, служа Іеговѣ, служилъ съ тѣмъ вмѣстѣ и Ваалу, и умеръ на второмъ году царствованія, отъ сильнаго поврежденія, полученнаго при паденіи изъ окна верхняго этажа. —Царь моавитянъ, богатство которыхъ составляли стада, дававшій прежде царю израильскому каждый годъ по 100.000 овецъ и по 100.000 нестриженныхъ барановъ, отложился отъ данничества по смерти Ахава. Іорамъ пошелъ вмѣстѣ съ царемъ Іудейскимъ на моавитянъ. Послѣ семидневнаго пути по пустынѣ, израильтяне и ихъ союзники пришли въ землю моавитянъ, разбили ихъ; «и города разрушили, и на всякій лучший участокъ въ полѣ бросили каждый по камню, и закидали его, и всѣ протоки водъ запрудили, и всѣ дерева лучшія (то есть, фруктовые) срубили». Царь моавитскій заперся въ крѣпости Киръ-Хашеретъ, но израильтяне пращники сильно поражали защитниковъ крѣпости; «и царь взялъ сына своего первенца и вознесъ его во всесоженіе на стѣнѣ. Это произвело большое негодованіе въ израильтянахъ, и они отступили отъ него и возвратились въ свою землю». Принесеніе дѣтей въ жертву для отвращенія бѣдствій было въ обычаѣ у хананейцевъ, и многіе израильтяне могли раздѣлять хананейское суевѣріе о спасительномъ дѣйствіи такихъ жертвъ; израильское войско могло потерять надежду побѣдить царя моавитскаго. Моавитяне остались независимы и впослѣдствіи платили израильтянамъ хищническими набѣгами за страданія, которымъ подверглись отъ нихъ. Неудачный походъ на моавитянъ уронилъ военную репутацію царства Іудейскаго, и при наслѣдникѣ Іосафата, Іорамъ, который, чтобъ упрочить за собою престолъ, убилъ шесть братьевъ, отложились отъ Іуды идумеи, отложилась Ливна; походъ на идумеевъ кончился неудачею; арабскія кочевыя племена въ союзѣ съ филистимлянами взяли и ограбили Іерусалимъ, увели въ плѣнъ сыновей и женъ царя, увели много плѣнныхъ, увезли много добычи.

Когда Іорамъ израильскій и Іосафатъ шли на моавитянъ чрезъ пустыню и войско упало духомъ, не находя воды, цари и воины были ободрены предсказаніями пророка, дѣятельность котораго стала съ

той поры имѣть большое вліяніе на дѣла. Это былъ Елисей, преемникъ Иліи. Онъ пахалъ землю; «двѣнадцать паръ воловъ было у него, и онъ самъ былъ при двѣнадцатой». Илія, проходя мимо него, бросилъ на него милоть свою. «И оставилъ Елисей воловъ и пошелъ за Иліею, и сталъ служить ему». Потому Елисею и называли челоуѣкомъ, «который подавалъ воду на руки Иліи». Когда Илія былъ взятъ на небо, духъ его опочилъ на Елисеѣ. У Елисея были враги, и однажды дѣти посмѣялись надъ нимъ, «плѣшивымъ»; но его энергія производила увлекающее дѣйствіе на народъ. Иногда онъ былъ въ хорошихъ отношеніяхъ съ Іорамомъ израильскимъ, иногда во враждѣ, и дѣятельность его имѣла сильное вліяніе на судьбу династии Іорама. Въ ущельяхъ Кармила, въ безлюдьѣ пустыни, нуждаясь въ пищѣ, —или въ многолюдномъ городѣ, среди вельможъ, при дворѣ, —онъ одинаково былъ челоуѣкъ могущественной воли, покоряющей людей. Илія и онъ очень много содѣйствовали развитію религіозной жизни въ своей націи. Подвергаясь иногда ожесточеннымъ преслѣдованіямъ суевѣрнаго двора и непрерывно ведя тяжелую борьбу, они очищали понятія народа о божествѣ и подготавливали тѣмъ дѣятельность пророковъ слѣдующихъ поколѣній. Въ борьбѣ съ язычествомъ, старыя національныя понятія о божествѣ получили болѣе опредѣленности. Изъ остатковъ первобытныхъ грубыхъ представленій о служеніи божеству упорнѣе всего держалось у израильтянъ принесеніе жертвъ на горахъ и высотахъ. Но этотъ обычай основался на представленіи о томъ, что богъ живетъ на небѣ. Пророки очистили это представленіе отъ грубыхъ примѣсей. —Династія Амврія, покровительствовавшая финикійскому богослуженію, мѣшала стремленію пророковъ очистить религіозныя понятія народа. Потому возникъ планъ низвергнуть ее. Для этого надобно было сначала возвести на Дамасскій престолъ такого царя, который началъ бы войну противъ династии Амврія, и тогда поднять противъ нея возстаніе, вождемъ котораго надобно сдѣлать ревностнаго служителя Іеговы, челоуѣка съ безпощаднымъ характеромъ. О низверженіи династии Амврія думалъ ужъ Илія. Но только его преемнику суждено было осуществить его намѣреніе.

Неудача похода израильтянъ на моавитянъ возбудила, повидимому, въ Іорамѣ (израильскій) и Венададѣ Дамасскомъ надежду, что если онъ возобновитъ теперь войну (израильскій) и Венададъ. она будетъ успѣшнѣе прежней. Онъ собралъ все войско свое, и осадилъ Самарію; былъ большой голодъ въ Самаріи, такъ что ослиная голова продавалась по восьмидесяти сиклей серебра. Пророкъ Елисей находился въ Самаріи, и возбуждалъ осажденныхъ быть твердыми. Іорамъ слушался его, надѣлъ вретиче, покался, сталъ служить Іеговѣ. Однажды, когда царь ходилъ по стѣнѣ города, подошла къ нему женщина, и съ воплемъ разсказала ему, что она уговорилась съ другою женщиною вмѣстѣ ѣсть дѣтей ея и той женщины; вчера съѣли ея ребенка; нынѣ, по уговору, слѣдовало имъ съѣсть ребенка той женщины, но

вотъ она не даетъ своего ребенка. Царь, услышавъ такой расказъ, разодралъ одежды свои, и поклялся наказать смертью Елисея, который своими обнадеживаніями, довелъ народъ до такого бѣдствія. Но предсказанія Елисея сбылись: сирійцы бѣжали: „Господь сдѣлалъ то, что стану Сирійскому послышался стукъ колесницъ и ржаніе коней, шумъ войска большого; и сказали они другъ другу: вѣрно, нанялъ противъ насъ царь израильскій царей хеттескихъ и египетскихъ, и встали, и побѣжали въ сумерки, и оставили шатры свои, весь станъ свой, какъ онъ былъ“, и въ безпорядкѣ бѣжали за Иорданъ. Осажденные нашли въ станѣ множество стѣстныхъ припасовъ. Иорамъ снялъ статую Ваала, которую сдѣлалъ отецъ его; но послѣ Елисей былъ недоволенъ имъ; вѣроятно потому, что его мать, Іезавель, всю жизнь остававшаяся усердною чтительницею боговъ своей родины, приобрѣла вліяніе на сына. Но въ чемъ бы ни состояла причина недовольства, очевидно, что Елисей былъ недоволенъ Иорамомъ: это ясно ужь изъ того, что онъ уходилъ во враждебный израильскому царству Дамаскъ. Вскорѣ послѣ того, какъ онъ пришелъ туда, тамъ совершился дворцовый переворотъ, которому онъ былъ радъ. Онъ передъ тѣмъ исцѣлилъ отъ проказы сирійскаго военачальника Неемана; когда онъ пришелъ въ Дамаскъ, Венададъ былъ боленъ, пожелалъ получить чрезъ Елисея исцѣленіе,—и послалъ къ нему одного изъ своихъ сановниковъ, Азаила, „и сказалъ ему (Азаилу) Елисей: скажи царю: выздоровѣешь. Однакожь открылъ мнѣ Господь, что онъ умретъ. Указалъ мнѣ Богъ въ тебѣ царя Сиріи. И пошелъ онъ къ государю своему и сказалъ: онъ (Елисей) говоритъ мнѣ, что ты выздоровѣешь. А на другой день онъ (Азаилъ) взялъ одѣяло, намочилъ его водою, и положилъ на лицо его (Венадада), и онъ умеръ. И воцарился Азаилъ вмѣсто него“.—Воинственный царь Азаилъ, возбуждаемый Елисеемъ, немедленно началъ войну противъ царства израильскаго. Войска встрѣтились у Рамоеа, изъ-за котораго такъ часто боролись сирійцы съ израильтянами. Иорамъ былъ раненъ и возвратился въ Изреель лѣчиться. Но прежде, чѣмъ онъ совершенно выздоровѣлъ, онъ былъ убитъ.

Приглашеніе, посланное Елисеемъ Іиуу. Иорамъ лежалъ больной въ своемъ изреельскомъ дворцѣ. Охозія, царь іудейскій, племянникъ его, не задолго передъ тѣмъ наслѣдовавшій своему отцу, пріѣхалъ навѣстить больного. «Елисей пророкъ призвалъ одного изъ сыновъ пророческихъ и сказалъ ему: Возьми сей сосудъ съ елеемъ и пойдѣ въ Рамоеа, отыщи тамъ Іиуя, вели выступить ему изъ среды братьевъ своихъ, и введи его во внутреннюю комнату, и возьми сосудъ съ елеемъ, и вылей на голову его и скажи: такъ говоритъ Господь: «Помазую тебя въ цари надъ Израилемъ».—Іиуй былъ однимъ изъ начальниковъ войска, стоявшаго въ Рамоеѣ. —Посланный Елисеемъ сынъ пророческій пришелъ въ Рамоеа. Военачальники сидѣли вмѣстѣ. Онъ вызвалъ Іиуя; оставшись наединѣ съ нимъ, «вылилъ елей на голову его и сказалъ ему: Такъ говоритъ Господь, Богъ Израилевъ: помазую тебя въ цари надъ Израилемъ, и ты истребишь домъ Ахава, чтобы мнѣ отмстить за кровь рабовъ моихъ, пророковъ, и за кровь всѣхъ рабовъ Господнихъ, павшихъ отъ руки Іезавели. И погибнетъ весь домъ Ахава; Іезавель же съѣдятъ псы на полѣ изреельскомъ, и никто не похоронитъ ея. И отворилъ дверь, и убѣжалъ.»—Военачальники спросили Іиуя: «Зачѣмъ

приходилъ этотъ неистовый къ тебѣ? И сказалъ имъ: Вы знаете этого человека, и что онъ говоритъ. И сказали: не правда; скажи намъ. И сказалъ онъ: онъ сказалъ мнѣ: Такъ говоритъ Господь: Помазую тебя въ цари надъ Израилемъ. И они взяли каждый одежду свою, и подостлали ему, и затрубили трубою, и сказали: воцарился Іиуй!» Увѣренный въ содѣйствіи всѣхъ строгихъ приверженцевъ національнаго богослуженія, Іиуй, искуснѣйшій въ цѣломъ войскѣ всадникъ и правитель колесницы, сѣлъ на коня и съ отрядомъ надежныхъ воиновъ поѣхалъ въ Изреель, приказавъ не выпускать никого изъ Рамоеа, чтобы никакая вѣсть не дошла до Іорама ранѣе его пріѣзда. «На башнѣ въ Изреелѣ стоялъ сторожъ, и увидѣлъ полчище Іиуево», и сказалъ Іораму. Иорамъ послалъ всадника узнать, что это такое; Іиуй задержалъ всадника; сторожъ донесъ объ этомъ; царь послалъ другого всадника; Іиуй задержалъ и его. Сторожъ опять донесъ. И сказалъ Іорамъ: запрягай. И запрягли колесницу его. И выступилъ Іорамъ и Охозія каждый на колесницѣ своей и выступили на встрѣчу Іиуу, и встрѣтились съ нимъ на полѣ Навуоея. И когда увидѣлъ Іорамъ Іиуя, то сказалъ: съ миромъ ли, Іиуй? И сказалъ онъ: какой миръ при любодѣйствѣ Іезавели, матери твоей, и при многихъ волхвованіяхъ ея? И поворотилъ Іорамъ руки свои, и побѣжалъ, и сказалъ Охозіи: измѣна, Охозія! А Іиуй натянулъ лукъ рукою своею, и поразилъ Іорама между плечъ его, и прошла стрѣла чрезъ сердце его, и палъ онъ на колесницѣ своей. И сказалъ Іиуй Бидекару, сановнику своему: возьми, брось его на участокъ поля Навуоея, вспомни, какъ мы съ тобою ѣхали вдвоемъ сзади Ахава, отца его, и какъ Господь изрекъ на него такое пророчество. Итакъ возьми, брось его въ поле, по слову Господню». Царь Іудейскій искалъ спасенія въ бѣгствѣ. Воины Іиуя догнали его на возвышенности Гуръ близъ Ивлеама и изранили его. Тяжело раненый онъ пріѣхалъ въ Мегиддонъ и умеръ тамъ. Слуги отвезли его тѣло въ Іерусалимъ и похоронили въ гробницѣ отцовъ его, въ городѣ Давидовомъ.

Іиуй поспѣшилъ въ Изреель. Когда онъ входилъ въ ворота дворца, Іезавель, надѣвшая царскій богослужебный финикійскій нарядъ, чтобы по-царски встрѣтить смерть, сказала ему изъ окна: «Было ли счастье Замврію, убійцѣ своего государя»? Іиуй поднялъ глаза и сказалъ: «Кто за меня»? Два или три евнуха выглянули въ окна. Онъ сказалъ: «Выбросьте ее». И они выбросили ее. Кровь ея брызнула на стѣну и на коней. Іиуй переѣхалъ черезъ нее. И растоптали ее конями. Іиуй пошелъ во дворецъ, сѣлъ ѣсть и пить; наѣвшись, напившись, сказалъ: «Похороните эту проклятую, потому что она все таки царская дочь». Но дѣло истребленія проклятаго рода только еще началось. Оно было доведено до полного конца. У Ахава было семьдесятъ сыновей. Они жили въ Самаріи; тамъ были боевыя колесницы, конница, военные запасы; потому Іиуу надобно было прежде

Смерть Іорама
и Охозіи.

Смерть Іезавели.

Ииуй истребля- всего управиться съ сыновьями Ахава. «И написалъ Ииуй письмо къ етъ все потом- старѣйшинамъ и воспитателямъ дѣтей Ахавовыхъ, такое: Если вы ство Ахава. мои и слову моему повинуетесь, то возьмите головы сыновей государя своего и прійдите (съ ними) ко мнѣ въ Изреель. Они взяли царскихъ сыновей и закололи ихъ, и положили головы ихъ въ корзины и послали къ нему въ Изреель». Онъ велѣлъ разложить головы эти на двѣ груды у входа въ ворота; вышелъ и сказалъ собравшемуся народу: «Вы невинны. Вотъ, я возсталъ противъ государя моего и умертвилъ его. А ихъ всѣхъ кто убилъ? Знайте же, что не падетъ на землю не одно слово Господа, которое сказалъ онъ о домѣ Ахава». И онъ докончилъ дѣло: «И умертвилъ Ииуй всѣхъ оставшихся изъ дома Ахава въ Изреелѣ, и всѣхъ вельможъ его, и близкихъ его, и священниковъ его, такъ что не осталось отъ него ни одного уцѣлѣвшаго». Послѣ того, Ииуй отправился въ Самарію; на дорогѣ, у «Беѡ-Экеда пастушескаго», онъ встрѣтилъ братьевъ Охозіи, цари Иудейскаго, которые шли узнать, что дѣлается съ дѣтьми Іорама, ихъ родственниками. «И сказалъ онъ: Возьмите ихъ! И взяли ихъ, и закололи ихъ, сорокъ два человека, при колодезѣ Беѡ-Экеда, и не осталось изъ нихъ ни одного». Скоро послѣ того, онъ встрѣтился на дорогѣ съ Іонадавомъ, вождемъ Рихавовъ, одного изъ кочевыхъ племенъ израильскихъ; «и сказалъ ему: Расположено ли (къ моему сердцу) твое сердце такъ, какъ мое сердце къ твоему? И сказалъ Іонадавъ: Да». Ииуй посадилъ его къ себѣ въ колесницу, и сказалъ: «Поезжай со мною, и смотри мою ревность о Господѣ». Прибывши въ Самарію, «онъ убилъ всѣхъ оставшихся у Ахава въ Самаріи, такъ что совсѣмъ истребилъ» родъ Ахава.

Ииуй уничто- жасть служеніе Ваалу. Теперь онъ могъ заняться другимъ дѣломъ, тѣмъ, чтобъ уничтожить служеніе Ваалу. Для болѣе вѣрнаго успѣха, онъ притворился усерднымъ поклонникомъ Ваала. «И собралъ Ииуй весь народъ, и сказалъ имъ: Ахавъ мало служилъ Ваалу; Ииуй будетъ служить ему болѣе», назначилъ большой праздникъ въ честь Ваала, пригласилъ на этотъ праздникъ «всѣхъ пророковъ Ваала и всѣхъ священниковъ его»; они сошлись, и «наполнили домъ Вааловъ, отъ края до края». Онъ велѣлъ принести изъ царскихъ кладовыхъ богослужебное облаченіе для нихъ. Они облеклись, «приступили къ совершенію жертвъ и всесоженій». А онъ поставилъ у храма «сорокоходовъ и начальниковъ» колесницъ. «Когда кончено было всесоженіе, сказалъ Ииуй сорокоходамъ и начальникамъ: Пойдите, бейте ихъ, чтобъ ни одинъ не ушелъ. И поразили ихъ остріемъ меча и разбили статую Ваала, и разрушили капище Ваалово, и сдѣлали изъ него мѣсто нечистотъ. И истребилъ Ииуй Ваала съ земли Израильской». Но служеніе золотымъ тельцамъ въ Данѣ и въ Веѡилѣ онъ оставилъ неприкосновеннымъ; въ позднѣйшія времена, оно считалось идолопоклонствомъ; но тогда самые усердные служители Іеговы снисходительно смотрѣли на этотъ старинный,

по ихъ мнѣнію, безвредный обычай. «И сказалъ Господь Ииую: за то, что ты охотно сдѣлалъ то, что было праведно въ очахъ моихъ, исполнилъ надъ домомъ Ахавовымъ все, что было на сердцѣ у меня, сыновья твои до четвертаго рода будутъ сидѣть на престолѣ Израильскомъ».

Какъ въ царствѣ десяти колѣнъ родъ Ахава былъ истребленъ Ии- Говолия истреб- ляетъ родъ Охозіи. уемъ, такъ въ царствѣ Иудейскомъ династія была истреблена властолюбивою дочерью Ахава. Ииуй, убивая попавшихся ему въ руки царя Охозію и его братьевъ, быть можетъ надѣялся овладѣть, при помощи усердныхъ приверженцевъ національной религіи, и царствомъ Иудейскимъ, какъ овладѣлъ Израильскимъ. Но мать убитаго Охозіи, Говолия, захватила твердою рукою управленіе Иудейскимъ государствомъ, и чтобы некому было отнять у нея власть, безжалостно умертвила всѣхъ мужчинъ царскаго рода; уцѣлѣлъ только одинъ малютка, сынъ Охозіи, Іоасъ, котораго успѣла спасти Іосевеѡ, сестра его отца. Ея мужъ, Іодай, былъ первосвященникомъ. Она спрятала малютку и его кормилицу въ одной изъ пристроекъ храма, и при помощи мужа шесть лѣтъ укрывала его тамъ отъ Говолии.

Ииуй взошелъ на Самарійскій престолъ кровавымъ путемъ; его приверженцы были увѣрены, что теперь настанетъ для государства счастливое время. Ихъ надежда не оправдалась. Двадцати-восьмилѣтнее царствованіе Ииуя представляло печальную противоположность блестящему, побѣдоносному правленію Ахава; оно было временемъ внутренняго разстройства и безсилія противъ внѣшнихъ враговъ. Изъ ассирійской исторіи мы уже знаемъ, что Ииуй былъ принужденъ платить дань Салманасару II (стр. 451). Азаилъ Дамасскій, на содѣйствіе котораго опиралась партія, давшая престолъ Ииую, отнялъ у царства Израильскаго всю землю на восточной сторонѣ Іордана, отъ Ароера на рѣкѣ Арнонѣ до Васана. При сынѣ Ииуя, Іоахазѣ, были отняты у Израильскаго царства многіе города и на западѣ отъ Іор- Іоахазъ 855— 838 или 815— 798. дана; военныя силы царства такъ уменьшились, что «у Іоахаза оставалось войска только 50 всадниковъ, 10 военныхъ колесницъ и 10,000 человекъ пѣхоты, оттого что истребилъ ихъ царь Сирійскій и обратилъ ихъ въ прахъ на погребеніе». Царство Израильское было на краю гибели. Только при слѣдующихъ царяхъ, Іоасѣ и Іеровоамѣ II, оно нѣсколько окрѣпло. Іоасъ разбилъ Сирійцевъ при Афекѣ, Іоасъ 838— гдѣ ужь происходило столько битвъ, и возвратилъ царству отнятые 822 или 798— 790. города на западной сторонѣ Іордана. Пророкъ Елисей, ободрившій Іоаса въ этой войнѣ, вскорѣ по окончаніи ея умеръ. Онъ совершилъ много чудесъ при жизни, и по кончинѣ его совершилось чудо въ его могилѣ: «Полчища моавитскія пришли въ землю въ слѣдующемъ году. И было, что когда погребали одного человека, то, увидѣвъ это полчище, погребавшіе бросили того человека въ гробъ Елисеевъ; и онъ при паденіи своемъ коснулся костей Елисея, и ожилъ, и всталъ

на ноги свои» (4 Книга Царствъ XIII, 20, 21). Еще успѣшнѣе, чѣмъ Іеровоамъ II, Іоасъ противъ сирійцевъ, воевалъ Іеровоамъ II противъ моавитянъ. 822—761 или 790—749. Они заняли опустѣвшую область колѣна Рувимова; онъ совершенно покорилъ ихъ. Въ Іоасѣ «далъ Господь израильтянамъ избавителя» (4 Кн. Царствъ XIII, 5); такимъ же избавителемъ израильтянъ былъ Іеровоамъ II. Онъ завоевалъ на сѣверѣ и на востокѣ всѣ тѣ земли, которыми владѣли Давидъ и Соломонъ. Благодаря ему, израильтяне теперь не страшились Дамаска и Эмаа. Послѣ долгихъ лѣтъ бѣдствій, когда сирійцы, по выраженію пророка Амоса, «молотили Галаадъ желѣзными молотилами» (Амосъ, I, 3), царствованіе Іеровоама II было временемъ счастья для израильтянъ: они жили тогда, какъ встарину, при Давидѣ, и торговля съ финикійскими городами давала странѣ благосостояніе. По обличительнымъ рѣчамъ пророка Амоса, жившаго при Іеровоамѣ II, мы видимъ, что сыны израилены въ это время строили себѣ дома изъ тесанныхъ камней, разводили себѣ прекрасныя виноградники, что вельможи ихъ отдыхали на ложахъ изъ слоновой кости, намазывались ароматными маслами, ѣли дорогія кушанья; пили дорогія вина, наслаждались игрою на арфѣ и на другихъ струнныхъ инструментахъ. Счастье мира, которымъ пользовались израильтяне, нарушалось иногда бѣдствіями: однажды, на примѣръ, Іегова на три мѣсяца удержалъ дождь, когда было время идти дождю, и все на поляхъ засохло; въ другой разъ, онъ послалъ саранчу, которая съѣла смоквы и оливки; иногда онъ посылалъ на израильтянъ моровую язву или землетрясеніе, за то, что они «судъ превращали въ ядъ, и плодъ правды въ горечь» (Амосъ VI, 12); но эти бѣды бывали рѣдко, и мало нарушали благоденствіе государства, счастье народа. Правда, по описанію пророка, съ благоденствіемъ соединялась роскошь, изнѣженность; судьи часто извращали истину, брали подарки, обижали бѣдныхъ и беззащитныхъ. Правда, богатые и сильные часто притѣсняли народъ въ денежныхъ дѣлахъ, подымали цѣну на хлѣбъ, обманывали невѣрными вѣсами, чтобы за небольшіе долги обращать бѣдныхъ въ рабство; а сами жили въ роскоши и наслажденіи, забывали древнюю чистоту нравовъ, скромность семейнаго быта, служили Ваалу и Ашерѣ, и «не болѣзновали о бѣдствіи Іосифа» (VI, 6). Судя по всему, государство страдало тою необезпеченностью законныхъ правъ, отъ которой бѣдствуетъ населеніе даже и въ самыхъ лучшихъ азіатскихъ государствахъ. Пророкъ Амосъ очень энергически вступаетъ за бѣдныхъ и слабыхъ. Блескъ завоеваній Іеровоама II не ослѣплялъ его: онъ видѣлъ, что это обманчивое величіе, и предвѣщалъ дому Інуя ту ужасную гибель, которой подвергалась династія и, вмѣстѣ съ династіею, страна.

Амосъ.

Въ дни Іеровоама II, когда, при матеріальномъ благосостояніи, владычествовали въ Израилѣ идолослуженіе и безправственность, Амосъ, „одинъ

изъ пастуховъ Ѣекоискихъ, покинулъ принадлежавшую царству Іудину окраину пустыни, гдѣ лежали пастбища Ѣекои, и переселился въ Веилъ, чтобы возвѣщать разратившемуся народу израильскому наказанія отъ Бога, если онъ не исправится отъ своей грѣховной жизни и идолослуженія.

„Левъ началъ рыкать; кто не содрогнется? Господь Богъ сказалъ, кто не будетъ пророчествовать?“—„Господь возгремитъ съ Сіона, и дастъ голосъ свой изъ Іерусалима, и восплачутъ хижины пастуховъ, и изсохнетъ вершина Кармила“.—Амосъ произноситъ въ Веилѣ рѣчи, рѣзко изобличающія алчность, несправедливости, роскошь и пороки богатыхъ и сильныхъ, которые „насилиемъ и грабежомъ собираютъ сокровища въ чертоги свои, плодъ правды превращаютъ въ горечь, возлежатъ на одеждахъ, взятыхъ въ залогъ, и пьютъ вино, взыскиваемое съ должниковъ, ходятъ, отецъ и сынъ, къ одной женщинѣ“.

Орудіемъ гнѣва Божія являются ему ассиріане, возрастающее могущество которыхъ видитъ онъ издали. Имени ихъ нѣтъ у него, но ясно, что онъ говоритъ о нихъ. Онъ возвѣщаетъ наказаніе семи сосѣднимъ съ израильтянами народамъ: сирійцевъ, филистимлянъ, тирянъ, идумеевъ, аммонитянъ, моавитянъ, народа царства іудейскаго. Очертивъ этотъ кругъ около царства израильскаго, онъ переходитъ къ тому, что собственно и составляетъ цѣль его проповѣди, къ царству Десяти колѣнъ, предсказываетъ разрушеніе государству, странѣ опустошеніе, народу—плѣнъ въ чужой землѣ. Съ потрясающею силою описываетъ онъ порокъ и порождаемый порокомъ бѣдствіа, близкую гибель.

«За то, что вы попираете бѣднаго и берете отъ него подарки хлѣбомъ, вы построите дома изъ тесаныхъ камней, но жить въ нихъ не будете; разведете прекрасныя виноградники, а вина изъ нихъ не будете пить.—Вы, которые лежите на ложахъ изъ слоновой кости, и нѣжитесь на постеляхъ вашихъ, ѣдите лучшихъ овецъ изъ стада и тельцовъ съ тучнаго пастбища, поете подъ звуки гуслей, думая, что владѣете музыкальнымъ орудіемъ, какъ Давидъ, пьете изъ чашъ вино, мажетея наилучшими мастиями, и не болѣзнуете о бѣдствіи Іосифа, выслушайте это, алчущіе поглотить бѣдныхъ и погубить нищихъ, вы, которые говорите: когда-то пройдетъ новолуніе, чтобы намъ продать хлѣбъ, и суббота, чтобы открыть житницы, уменьшить мѣру, увеличить цѣну сѣмянъ и обманывать невѣрными вѣсами, чтобы покупать неимущихъ за серебро и бѣдныхъ за пару обуви». Проникающими въ душу словами заклинаетъ сыновей израиленыхъ, взыскать Господа, «чтобъ онъ не устремился на домъ Іосифовъ какъ огонь, который пожретъ его»; но взыскать Господа не жертвоприношеніями и постами, а чистотою сердца и хожденіемъ въ правдѣ: «Возненавидѣте зло и возлюбите добро и возстановите у воротъ правосудіе, чтобы вамъ остаться въ живыхъ; быть можетъ, Господь Богъ Саваоѣ помилуетъ остатокъ Іосифовъ. Говоритъ Господь: Ненавижу, отвергаю праздники ваши, и не обоняю жертвъ во время торжественныхъ собраній вашихъ. Если вознесете мнѣ всесоженіе и хлѣбное приношеніе, я не приму ихъ, и не призрю на благодарственную жертву изъ тучныхъ тельцовъ вашихъ. Удали отъ меня шумъ пѣсней твоихъ, ибо звуковъ гуслей твоихъ я не буду слушать. Пусть какъ вода течетъ судъ и правда какъ сильный потокъ! приносили ли вы мнѣ жертвы и хлѣбные дары въ пустынѣ? А теперь вы носите «скинію Молохову и звѣзду бога вашего Ремфана, изображенія, которыя вы сдѣлали для себя.»—«Въ тотъ день, когда Я взыщу съ Израиля за преступленія его, отсѣю ены будутъ рога алтаря, и падутъ на землю. И поражу домъ зимній вмѣстѣ съ домомъ лѣтнимъ, и исчезнутъ дома съ украшениями изъ слоновой кости. Вотъ непріятель, и притомъ вокругъ всей земли! Онъ низложитъ могущество твое, и ограблены будутъ чертоги твои.—Вотъ, я воздвигну народъ противъ васъ, домъ израиленъ, и будутъ тѣснить васъ отъ входа въ Эмаѣ до потока въ пустынѣ. Я переселю васъ за Дамаскъ. Повлекутъ васъ крѣпками, и остальныхъ вашихъ удами.»—«Пройдите въ Кальне и посмотрите, отъ

туда перейдите въ Эмаѳъ великій, и спуститесь въ Геѳъ филистинскій: не лучше ли они сихъ царствъ? Не обширѣе ли предѣлы ихъ предѣловъ вашихъ?» — «Отъ меча умрутъ всѣ грѣшники изъ народа моего, которые говорятъ: не постигнетъ насъ и не придетъ къ намъ это бѣдствіе!».

Вееилльскимъ жрецамъ не нравилось то, что Амосъ говоритъ противъ жертвоприношеній. „Амасія, священникъ Вееилльскій, послалъ сказать Іеровоаму: Амосъ производитъ возмущеніе противъ тебя; ибо такъ говоритъ Амосъ: отъ меча умретъ Іеровоамъ, а Израиль непремѣнно будетъ отведенъ плѣнникомъ изъ земли своей“. Амосу было запрещено проповѣдывать: „и сказалъ Амасія Амосу: Провидецъ, удались въ землю Іудину; въ Вееилль больше не пророчествуй. И отвѣчалъ Амосъ Амасіи: Я не пророкъ и не сынъ пророка; я былъ пастухъ, и собиралъ сикоморы. Но Господь взялъ меня отъ овецъ и сказалъ: иди, пророчествуй къ народу моему, Израилю“. — Но его все-таки принудили возвратиться въ царство іудейское.

Разсказавъ это, онъ изображаетъ въ новыхъ видѣніяхъ грѣхи и пороки Израиля, возстаетъ противъ причины ихъ, идолопоклонства, и предвѣщаетъ, что послѣ грѣховъ и бѣдствій настанетъ примиреніе Израиля съ Господомъ, возрожденіе израильскаго народа изъ гибели. Свѣжее дыханіе луговъ, на которыхъ выросъ Амосъ, вѣетъ въ пророческихъ рѣчахъ его, даетъ имъ жизненность и картинность. Почти всѣ его уподобленія заимствованы изъ сельской природы и блещутъ яркостью красокъ.

Царство Іудейское. Гоѳолія, убійствомъ власть, — единственный примѣръ царствованія женщины у евреевъ. Вѣрная преданіямъ своего рода, она покровительствовала служенію Ваалу и Ашерѣ. Сіонскіе левиты повидимому не противились иноземной религіи такъ непреклонно, какъ пророки царства Самарійскаго. Но побѣда служителей Іеговы въ этомъ царствѣ не осталась безъ вліянія на царство іудейское. Первосвященникъ Іодай созвалъ въ храмъ начальниковъ тѣлохранителей, показалъ наследника престола, семилѣтняго Іоаса, который тайно воспитывался въ храмѣ, и условился съ ними о планѣ провозглашенія его царемъ. Въ субботу, когда собралось много народа во дворѣ храма, два изъ трехъ отрядовъ тѣлохранителей стали плотнымъ кругомъ у храма; третій отрядъ стоялъ, по обыкновенію, какъ стража кругомъ дворца. Іодай роздалъ начальникамъ тѣлохранителей храма копья и щиты Давида, чтобы возвысить ихъ энтузіазмъ, ввелъ въ средину тѣлохранителей Іоаса, возложилъ на него царскій вѣнецъ, «и воцарили его и помазали его, и рукоплескали, и восклицали: Да живетъ царь!» Гоѳолія, встревоженная шумомъ, смѣло пошла въ храмъ и увидѣвъ, что такое произошло, «разорвала одежды свои и закричала: Заговоръ! заговоръ.» Іодай велѣлъ начальникамъ тѣлохранителей вывести ее изъ храма. Она пошла сама. «И дали ей мѣсто, и она прошла чрезъ входъ къ искіи (черезъ подъѣздъ) къ дому царскому, и убили ее тамъ». — «И заключилъ Іодай завѣтъ между Господомъ и между царемъ и народомъ, чтобы онъ былъ народомъ Господнимъ». Въ порывѣ новопробужденнаго усердія служить Іеговѣ, народъ бросился къ храму Ваала, «и разрушили жертвенники его и изображенія его, и Мат-

оана, жреца Ваалова, убили». Іодай учредилъ стражу при храмѣ го-споднемъ, сталъ учителемъ ребенка-царя, потомъ руководилъ подростящимъ, и воспиталъ Іоаса такъ, что онъ остался преданъ Іеговѣ, уважалъ духовенство. Но царство іудейское имѣло такъ же мало счастья при Іоасѣ, какъ царство израильское при Іиуѣ и его сынѣ. Филистимляне призвали на помощь себѣ сирійскаго царя Азаила; онъ разбилъ іудейское войско, осадилъ Іерусалимъ; Іоасъ былъ принужденъ купить его отступленіе всѣми сокровищами, какія были въ храмѣ и во дворцѣ. Молодой царь любилъ миръ, и долго держалъ себя какъ воспитанникъ духовныхъ, даже превосходилъ ихъ усердіемъ къ поправкѣ и украшенію храма: онъ назначилъ на исправленіе поврежденій всѣ добровольныя приношенія народа въ храмъ и поручилъ священникамъ завѣдывать этими работами; «но до двадцать третьяго года царя Іоаса священники не исправляли поврежденій въ храмѣ», потому онъ передалъ завѣдываніе деньгами и работами, смотрителями которыхъ выбралъ изъ числа левитовъ самъ. Когда Іодай умеръ, Іоасъ хотѣлъ, кажется, держать себя самостоятельнѣе. Языческое богослуженіе снова стало проникать въ Іерусалимъ. Сынъ Іодай, священникъ Захарія, грозилъ за это царю гнѣвомъ Божиимъ; царь велѣлъ убить его. Это возбудило противъ Іоаса оппозицію; онъ былъ слабаго характера, не умѣлъ держать себя; составилъ заговоръ, и двое изъ царедворцевъ убили его на постелѣ, «за кровь сына Іодай». Но свергнуть династію не удалось заговорщикамъ. Преемникомъ слабаго Іоаса былъ его сынъ, Амасія, человекъ предприимчивый, имѣвшій при вступленіи на престолъ 25 лѣтъ. Онъ наказалъ смертью убійцъ своего отца, но не захотѣлъ, чтобы дѣти убійцъ пострадали за преступленіе отцовъ, какъ это часто дѣлалось. Отецъ его былъ миролюбивъ, онъ, напротивъ, любилъ воевать, пошелъ на идумеевъ, разбилъ ихъ, взялъ городъ Селу и велѣлъ сбросить съ вершины скалы 10.000 плѣнныхъ. Возгордившись удачею этого похода, онъ послалъ вызовъ на войну Іоасу, царю израильскому: «Выходи, повидаемся лично», были его слова. Іоасъ отвѣчалъ баснею о терновникѣ, который хотѣлъ считать себя равнымъ кедрѣ ливанскому, но былъ вытоптанъ ливанскими звѣрями, и пояснилъ ее: «Ты говоришь, вотъ я побилъ идумеевъ, и вознеслось сердце твое до тщеславія. Сиди лучше у себя дома. Падешь ты, и Іудея съ тобою». Но не послушался Амасія и выступилъ Іоасъ, и разбиты были іудеи израильтянами. И Амасію захватилъ Іоасъ, и пошелъ въ Іерусалимъ, взялъ его «и разрушилъ стѣну Іерусалимскую отъ воротъ Эфремовыхъ до воротъ угольныхъ на 400 локтей». Онъ взялъ все золото и серебро, какія были въ храмѣ и въ дворцѣ; взялъ заложниковъ, и освободилъ Амасію на этихъ постыдныхъ условіяхъ мира. Черезъ нѣсколько времени вспыхнуло возстаніе противъ Амасіи, и онъ былъ убитъ.

Народъ возвелъ на престолъ Давидовъ шестнадцатилѣтняго сына

Іоасъ 878—838 или 837—797.

Амасія 838—809 или 797—792.

Озіа 809—757 Амасіа, Озію (по другому имени, Азарію). Съ воцареніемъ его начинаются для царства Іудейскаго время такого же блеска и благоденствія, какимъ пользовалось царство израильское при его современникѣ, Іеровоамѣ II. Одинаково великій полководецъ и правитель, Озіа доставилъ своему государству внутреннее благосостояніе и внѣшнее могущество. Онъ возстановилъ храмъ въ великолѣпномъ видѣ и окончательно изгналъ изъ него всѣ остатки язычества. Для огражденія Іудеи отъ нашествій, которымъ такъ часто подвергалась она, онъ улучшилъ крѣпости и увеличилъ войско. Онъ возстановилъ разрушенную при Амасіа часть іерусалимской стѣны, возвелъ башни во всѣхъ слабыхъ мѣстахъ укрѣпленій Іерусалима, поставилъ на нихъ машины, бросавшія камни и большія стрѣлы. Точно также усилилъ онъ и другія крѣпости. Число воиновъ народнаго ополченія было при немъ болѣе 300.000, и онъ «заготовилъ для всего войска щиты и копья и шлемы, и латы, и луки, и пращные камни». Устроивъ такъ хорошо военныя силы, онъ предпринималъ походы на югъ и на западъ. Онъ покорилъ страну Идумейскую, нѣкоторыя арабскія кочевыя племена, дошелъ до Элаа (Эцеонъ-Гебера), возстановилъ пристань тамъ и возобновилъ торговлю по Чермному морю, которая за долго передъ тѣмъ прекратилась. Онъ наказалъ арабовъ за ихъ нашествіе на Іудею при Іорамѣ, успѣшно воевалъ съ филистимлянами, взялъ Геоъ, Азотъ, Іавнею, построилъ новые города въ отнятой у филистимлянъ области. Со времени Давида, ни одинъ царь іерусалимскій не сдѣлалъ столько завоеваній. Какъ позаботился онъ о возобновленіи плаваній въ Офиръ, такъ заботился о развитіи земледѣлія и скотоводства. «Онъ любилъ земледѣліе», говорится о немъ въ 2 книгѣ Паралипоменонъ (XXVI, 10) «и построилъ башни въ пустынѣ, и изсѣкъ много водоемовъ, потому что имѣлъ много скота на низменности, и земледѣльцевъ и садовниковъ на горахъ и на Кармилѣ». Имя его славилось «до предѣловъ Египта». Но за возвышеніемъ неизбѣжно слѣдуетъ пониженіе. Кажется, что и въ іудейскомъ царствѣ благосостояніе имѣло слѣдствія, подобныя тѣмъ, какія имѣло оно, какъ мы видѣли, въ царствѣ израильскомъ. Пророки Амосъ, Осія, Исаія (въ первой половинѣ пророчествъ книги Исаіи) осуждаютъ царство Іудейское за несправедливость судей, угнетеніе бѣдныхъ и безпомощныхъ, за отпаденіе въ сладострастное язычество, за пристрастіе къ иноземнымъ обычаямъ, за безнравственность женщинъ, за страсть всего народа къ наслажденіямъ, за легкомысленную жизнь.

Во 2 книгѣ Паралипоменонъ мы читаемъ, что Озіа умеръ отъ проказы, которою былъ пораженъ за то, что, наперекоръ сопротивленію священниковъ, вошелъ во храмъ воскурить оиміамъ на алтарѣ. — Преемникомъ его былъ храбрый его сынъ Іоааамъ, шедшій путемъ отца. Онъ побѣдилъ аммонитянъ, которые одни изъ всѣхъ на-

падавшихъ на Іудею народовъ остались не наказаны Озіею, и наложилъ на нихъ ежегодную дань въ 100 талантовъ серебра и 10.000 коровъ пшеницы и ячменя. Онъ построилъ верхнія (сѣверныя) ворота храма и юго-западную часть стѣны Іерусалима, основалъ новые города въ такихъ мѣстахъ южной Іудеи, которыя были безплодны, и которыя онъ сдѣлалъ плодородными, построилъ въ горныхъ лѣсахъ дворцы и башни. Дружескія отношенія къ египетскому царю и другимъ сосѣднимъ царямъ, существовавшія при его отцѣ, продолжались и при немъ. Вообще, онъ заслужилъ похвалу у потомковъ. Но у Исаіи есть мѣста, показывающія, что народъ іудейскій слишкомъ беззаботно наслаждался тогда благосостояніемъ, котораго достигъ въ продолжительное царствованіе Озіа.

С. ПОГИБЕЛЬ ЦАРСТВА ДЕСЯТИ КОЛѢНЪ ИЗРАИЛЕВЫХЪ. ЭПОХА ПРОЦВѢТАНІЯ ПРОРОЧЕСТВОВАНІЯ.

Между тѣмъ какъ царство Іудейское, подъ правленіемъ Озіа и его сына Іоаама, слѣдовавшаго примѣру отца, пользовалось болѣе мирными и счастливыми временами, чѣмъ прежде, царство Десяти колѣнъ, по смерти Іеровоама II, было потрясемо новыми бурями, а съ востока приближались къ Сиріи войска могущественной военной державы, расширявшей свои завоеванія. Съ той самой поры, какъ израильтяне раздѣлились на два царства, филистимляне и сирійцы дѣлали много вреда имъ: теперь стала близка царству израильскому начавшая угрожать ему еще при Ахавѣ (стр. 450) опасность со стороны страшно усиливавшейся Ассиріи. Пророкъ Осія, съ которымъ мы ознакомимся на слѣдующихъ страницахъ, первый между пророками называетъ по имени ассиріянъ, предвѣщая наказаніе отступившему отъ Іеговы народу царства Десяти колѣнъ: бичемъ въ руки Іеговы будутъ ассиріане, прямо говоритъ Осія. Бичъ этотъ сталъ поражать израильтянъ тѣмъ сильнѣе, что они были ослаблены переворотами и междоусобіями. Послѣдній царь изъ рода Іуя, Захарія, сынъ энергическаго Іеровоама II, царствовалъ только полгода: противъ него составилъ заговоръ, и онъ былъ убитъ. Глава заговорщиковъ, Селлумъ, овладѣвшій престоломъ, былъ черезъ мѣсяцъ убитъ Менаимомъ. Когда происходили эти мятежи, Тиглаѳъ-Пилессаръ II, который въ 4-ой Книгѣ Царствъ называется Фуломъ, стоялъ съ своимъ войскомъ уже въ Сиріи. Менаимъ, человекъ жестокій, истребившій всѣхъ жителей Типсаха, не хотѣвшаго признать его царемъ, былъ неспособенъ возстановить внутренній порядокъ и защитить го-

Менаимъ,
760—750 или
748—738.

сударство отъ иноземнаго врага. Повсюду въ царствѣ былъ раздоръ, была анархія. Шайки разбойниковъ ходили по всему краю, грабили и рѣзали. Была даже шайка, состоявшая изъ священниковъ (пророкъ Осія VI, 9: «сборище священниковъ убиваютъ на пути въ Сихемъ»). Послѣ того, какъ были покорены моавитяне, центръ политической жизни царства израильскаго находился, кажется, въ той части его, которая была на востокъ отъ Иордана. Селлумъ и Менаимъ были обоимъ изъ Галаада. Но все-таки Ароеръ и всѣ сѣверные города Галаада были завоеваны царемъ Дамасскимъ. На юго-западѣ возобновили свои опустошительныя нашествія филистимляне. Царство, потрясемое такими бѣдствіями, едва держалось. Потому возникла мысль, что надобно искать опоры ему въ покровительствѣ иноземнаго государства; по мнѣнію однихъ, Египта, по мнѣнію другихъ, Ассирии. Менаимъ согласился съ совѣтовавшими стать подъ защиту ассирянъ, и приобрѣлъ помощь Фула, давъ ему 1000 талантовъ серебра и обѣщавъ ежегодную дань. Страна была тогда такъ бѣдна, что деньги для посылки Фулу собраны были особымъ налогомъ на зажиточныхъ людей.

Пророкъ Осія. Въ это время, когда страшныя бѣдствія и смуты потрясали царство Десяти колѣнъ въ самыхъ основаніяхъ его, когда властвовало беззаконіе, когда жизнь всѣхъ сословій была отравлена испорченностью нравовъ и когда царь Менаимъ, видя все вокругъ себя рушащимся, рѣшился искать помощи у могущественнаго ассирійскаго царя, расширявшаго свое государство завоеваніями, подвигнулъ духъ Господень Осію, сына Бееріина, обличать народъ израильскій въ грѣхахъ его, чтобы обратился онъ отъ служенія идоламъ къ почитанію истиннаго Бога, и внушать ему, что только въ твердой преданности вѣрѣ отцовъ можетъ найти онъ себѣ спасеніе отъ бѣдъ.

Осія много содѣйствовалъ очищенію религіозныхъ понятій своего народа. Онъ развивалъ давнее сравненіе завета между Господомъ и народомъ израильскимъ съ союзомъ супружества, основаннымъ на любви; уклоненіе отъ этого союза—любовѣніе; потому, отпаденіе отъ Іеговы постоянно называется у Осіа любовѣніемъ. Название это соответствовало дѣйствительности въ томъ смыслѣ, что хананейскіе и финикійскіе религіозныя обряды, противъ которыхъ возставалъ Осія, имѣли сладострастный характеръ. «Идолослуженіе» у него равнозначительно «любовѣнію», и онъ находитъ въ немъ источникъ всѣхъ пороковъ и всѣхъ бѣдствій. «На вершинахъ горъ они приносятъ жертвы, и на холмахъ совершаютъ каженіе подъ дубомъ и тополемъ и теревинномъ, потому что хороша отъ нихъ тѣнь»; потому «нѣтъ ни истины, ни милосердія, ни Богопознанія на землѣ; клятва и обманъ, убійство и воровство и прелюбодѣйство крайне распространены и кровопролитіе саѣдуетъ за кровопролитіемъ». Не то было прежде, когда народъ былъ вѣренъ своему союзу съ Господомъ. — «Когда Израиль былъ юнъ, Я любилъ его», говоритъ Господь, «и изъ Египта вызвалъ сына Моего. Какъ виноградъ въ пустыни нашелъ Я Израиля, какъ первую ягоду на смоковницѣ въ первое время ея, увидѣлъ Я отцовъ вашихъ. Я самъ приучалъ Эфрема ходить, носилъ его на рукахъ Своихъ; а они не сознавали, что Я врачевалъ ихъ. Узами человеческими влекъ Я ихъ, узами любви; и былъ для нихъ какъ бы поднимающій яромо съ челюстей ихъ, и ласково подкладывалъ пищу имъ». — Но «благочестіе ваше какъ утренній туманъ, и какъ роса,

скоро исчезающая». — «Они пошли къ Ваалфегору и предались постыдному, и сами стали мерзкими, какъ тѣ, которыхъ возлюбили. Сдѣлали для себя литыхъ истукановъ изъ серебра своего, по понятію своему,—полная работа художниковъ; и говорятъ они приносящимъ жертву людямъ: цѣлуйте тельцовъ!». — «Осрамила себя зачавшая ихъ (Самарія), ибо говорила: пойду за любовниками моими, которые даютъ мнѣ хлѣбъ и воду, шерсть и ленъ, елей и напитки. А не знала она, что Я, Я давалъ ей хлѣбъ и вино и елей, умножилъ у ней серебро и золото, изъ котораго сдѣлали истукана Ваала. И прекращу у нея всякое поселіе, праздники ея и новомѣсячія ея, и субботы ея, и всѣ торжества ея. И опустошу виноградныя лозы ея и смоковницы ея, о которыхъ она говоритъ: это у меня подарки, которые мнѣ надарили любовники мои. И накажу ея за дни служенія Вааламъ, когда она кадила имъ, и украсивъ себя серьгами и ожерельями, ходила за любовниками своими, а Меня забывала». — «Оставилъ тебя телець твой, Самарія. Художникъ сдѣлалъ его, и потому онъ не богъ». — «Онъ (Господь) разрушитъ жертвенники ихъ, сокрушитъ кумиры ихъ. И истреблены будутъ высоты Авена, грѣхъ Израиля; терніе и волчцы выростутъ на жертвенникахъ ихъ, и скажутъ они горамъ: покройте насъ! и холмамъ: падите на насъ! Они сѣяли вѣтеръ, то и пожнутъ бурю».

Рѣзко возстаетъ пророкъ противъ намѣренія Менаима просить покровительства у царя ассирійскаго. Вмѣсто того, чтобы искать дружбы и обманчивой помощи иноземцевъ, Израиль долженъ обратиться къ Іеговѣ и возложить надежду свою на него: онъ чудесно сохранялъ Іакова и чрезъ пророка своего вывелъ народъ израильскій изъ Египта. — «Увидѣлъ Эфремъ болѣзнь свою и Іуда свою рану, и пошелъ Эфремъ къ Ассору. Но онъ (Ассуръ) не можетъ исцѣлить насъ, и не излѣчитъ насъ отъ раны. И сталъ Эфремъ, какъ глухой голубь. Зовутъ египтянъ, идутъ въ Ассирію. Когда они пойдутъ, Я залюю на нихъ сѣть Мою, какъ птицъ небесныхъ низвергну ихъ. Хотя Эфремъ плодотворитъ, но придетъ восточный вѣтеръ, поднимется вѣтеръ Господень изъ пустыни, и иссохнетъ родникъ его, и изсякнетъ источникъ его: онъ опустошитъ сокровищницу вещей драгоценныхъ сосудовъ. Опустошена будетъ Самарія; отъ меча падутъ они; младенцы ихъ будутъ разбиты; и беременныя ихъ будутъ разсѣчены».

Но эти мрачныя предсказанія—не предсказанія объ окончательной гибели. Іегова не только гнѣвный Богъ, который «нападаетъ, какъ ливневая дѣтея, медвѣдица», на Самарію, отнявшую у него дѣтей, онъ и Богъ любви, говорящій: «Я милости хочу, а не жертвы», Богъ, желающій не смерти грѣшника, а обращенія и спасенія его; и въ заключеніе своихъ пророчествъ Осія возбуждаетъ упованіе на всепрощающую любовь Господа. Пророку видится время, когда «обратятся сыны Израилевы и взывутъ Господа, Бога своего, и Давида, царя своего, и будутъ благоговѣть предъ Господомъ и благостію Его въ послѣдніе дни». Надежда на то, что всѣ колѣна израильскія воссоединятся и тогда не будутъ нуждаться въ помощи иноземцевъ, внушала пророку вдохновенныя слова, изображающія примиреніе Господа съ народомъ его.

«Обратись, Израиль, къ Господу, Богу твоему, говорите Ему: отними всякое беззаконіе, и мы принесемъ жертву устъ нашихъ. Ассуръ не будетъ уже спасать насъ; не станемъ садиться на коня, и не будемъ болѣе говорить издѣлю рукъ нашихъ: боги наши; потому что у Тебя милосердіе для сиротъ». И скажетъ тогда Господь: «Уврачу отпаденіе ихъ, возлюблю ихъ». — «Я увлеку ее, и буду говорить къ сердцу ея, и дамъ ей виноградники ея, и она будетъ пѣть тамъ, какъ въ дни юности своей и какъ въ дни выхода своего изъ земли египетской. Я буду росой для Израиля; онъ расцвѣтетъ какъ лилія, и пуститъ корни свои, какъ Ливанъ. Расширятся вѣтви его, и будетъ красота его, какъ маслины, и благоуханіе отъ него, какъ отъ Ливана. Я услышу его и призрю на него. Я буду какъ зеленѣющій кипарисъ; отъ Меня будутъ тебѣ плоды». — «И обручу тебя Мнѣ на вѣкъ, и обручу тебя Мнѣ въ правдѣ и судѣ, въ благости и милосердіи».

Подобно Амосу, Осія пророчествуетъ главнымъ образомъ о царствѣ Десяти колѣнъ. Изложеніе у него отрывочное, быстро переходящее отъ одного предмета къ другому. Онъ высказываетъ свои мысли въ немногихъ словахъ, не давая имъ подробнаго развитія, и рисуетъ свои поэтическіе образы лишь нѣсколькими чертами, не пополняя ихъ подробностями. Его рѣчь — бурный потокъ взволнованнаго чувства, а не плавное теченіе мысли. Онъ безпрестанно переходитъ отъ обличенія къ обѣщанію, отъ угрозы къ нѣжности. Онъ человѣкъ съ поэтическимъ талантомъ, и еще болѣе того, человѣкъ съ теплымъ сердцемъ, сильнымъ чувствомъ и религіознымъ вдохновеніемъ. Страданія Израиля терзали его душу, какъ личные его страданія, и ревность о Господѣ пылала въ его сердцѣ.

Факія, 750— Покровительство иноземцевъ не послужило, какъ и предсказывалъ
748 или 738— Осія, прочною поддержкою новой династіи. Сынъ Менаима, Факія,
736. наслѣдовавшій отцу, былъ, послѣ двухлѣтняго царствованія, убитъ
Факей 748 — во дворцѣ однимъ изъ своихъ военачальниковъ, Факеемъ, сыномъ
728 или 736— Ремалии. Убийца овладѣлъ престоломъ. Кровавымъ дѣломъ приобрѣлъ
724. онъ его, такими же дѣлами старался онъ утвердиться на немъ. Безъ сомнѣнія къ Факею относятся слова древняго отдѣла книги пророчествъ Захаріи о пастухѣ, «который о погибающихъ (овцахъ) не заботится, потерявшихъ не будетъ искать, и больныхъ не будетъ лечить, здоровыхъ не будетъ кормить, а мясо тучныхъ будетъ ѣсть и копыта ихъ оторветъ».

Древній отдѣлъ книги пророчествъ Захаріи. Отдѣлъ древнихъ пророчествъ, принадлежащихъ времени до разрушенія царства Израильскаго ассириянами, составляютъ въ книгѣ пророка Захаріи 9-я, 10-я и 11-я главы. Въ книгѣ пророка Исаіи, въ пророчествѣ, относящемся ко времени царствованія Факей, упоминается о Захаріи, сынѣ Варахиинномъ (Исаія, VIII, 2). Въ древнемъ отдѣлѣ книги Захаріи предвѣщается, что наказаніе Божіе постигнетъ Дамаскъ, Тиръ, Сидонъ, города филистимскіе, а потомъ и грѣховнаго, служащаго идоламъ Израиля и неправедныхъ пастырей его. Царство іудейское и его праведный царь будутъ въ это время пользоваться спокойствіемъ, охраняемые не колесницами и всадниками, а сильною рукою Господа. Когда „величавые дубы“ (неправедные властители) „падутъ“, когда неправедные пастыри, „расторгающіе братство между Іудею и Израилемъ“ (какъ Факей) будутъ „истреблены“, то увведенные въ плѣнъ израильтяне будутъ возвращены Господомъ изъ земли египетской и Ассиріи, соединятся съ Іудею и въ союзъ съ нимъ снова станутъ могущественны, будутъ побѣдоносными ратоборцами Господа противъ народовъ, служащихъ идоламъ.

Развитіе дѣятельности пророковъ. Мы говорили ужъ о трехъ пророкахъ послѣднихъ временъ царства Израильскаго, Амосѣ, Осіи и Захаріи. Опредѣлимъ различіе существеннаго содержанія пророческой дѣятельности въ этомъ періодѣ отъ дѣятельности прежнихъ пророковъ, могущественными представителями которыхъ были Илія и Елисей. Прежніе пророки восторжествовали, низвергнувъ идолопоклонническую династію, разрушивъ храмъ Ваала, отмстивъ за угнетеніе и преслѣдованіе, которому под-

вергались служители Іеговы. Послѣ этого торжества, дѣятельность пророковъ принимаетъ другое направленіе. Торжество не привело къ желанному результату. Цари, возведенные на престолъ путемъ насилія, рѣдко сохраняютъ на-долго расположеніе къ тѣмъ, чьей помощью приобрѣли они власть, кому обязаны успѣхомъ; вообще они скоро начинаютъ смотрѣть съ недовѣріемъ на своихъ союзниковъ, особенно, когда цѣли стремленій у нихъ и этихъ союзниковъ различны. Іиуй и его преемники отстранили отъ себя пророковъ, это очевидно; они «не ходили въ законъ Господа» «дѣлали неугодное въ очахъ Господнихъ» (4 Книга Царствъ X, 31; XIII, 2). О царяхъ, которымъ помогли взойти на престолъ, пророки не могли говорить тѣмъ языкомъ, какимъ говорили объ Ахавѣ и Іезавели; а если бы и говорили, то не произвели бы своими словами такого же дѣйствія на народъ, какъ тогда: народъ жалѣлъ о переменѣ династіи; переворотъ подвергъ его величайшимъ бѣдствіямъ, и онъ смотрѣлъ на пророковъ съ недовѣріемъ и нерасположеніемъ. Такимъ образомъ, вліяніе пророковъ, бывшее такимъ могущественнымъ при Іліи и Елисеѣ, стало незначительнымъ. Цари избавились отъ нежеланныхъ и непріятныхъ совѣтниковъ, а народъ жилъ, покоряясь обстоятельствомъ.

Но черезъ нѣсколько времени обнаружили вредныя послѣдствія этой переменѣ. Боязнь подвергнуться обличеніямъ пророковъ не только заставляла царей нѣсколько сдерживаться въ своемъ произволѣ; она удерживала и всѣ сословія народа въ границахъ нравственности и справедливости. Съ исчезновеніемъ авторитета пророковъ развратъ и злыя склонности стали проявляться все смѣлѣе и смѣлѣе. Чѣмъ печальнѣе становилась дѣйствительность, чѣмъ опаснѣе и мрачнѣе представлялось будущее, чѣмъ сильнѣе потрясалась жизнь разрушительными переворотами, тѣмъ больше предавались испорченныя поколѣнія чувственнымъ наслажденіямъ, тѣмъ меньше сопротивлялись приманкамъ сладострастія и грѣха, тѣмъ больше ослабѣвала въ нихъ совѣсть, справедливость, религіозность. Жадно стремились богатые къ увеличенію своего богатства, чтобъ имѣть больше средствъ роскошничать и развратничать, притѣняли бѣдныхъ и слабыхъ, запутывая ихъ въ долги, извлекали прибыль себѣ изъ народныхъ бѣдствій. Официальная религія, особенно въ царствѣ израильскомъ, не представляла противодѣйствія этому. Она не требовала душевнаго благочестія, довольствовалась обрядами и жертвоприношеніями, въ старинныхъ ли національныхъ святилищахъ Дана и Веиля, въ сладострастныхъ ли рощахъ Ашеры, или на жертвенникахъ Ваала и Молоха, все равно. Какъ въ общественной жизни не было никакихъ высокихъ стремленій, и при быстрыхъ переворотахъ дѣла люди переходили отъ роскоши къ нищетѣ, отъ гордости къ отчаянію, такъ и въ религіозной жизни все болѣе склонялись они къ финикійскимъ

вѣрованіямъ и обрядамъ, основною идеею которыхъ была мысль объ измѣнчивости жизни природы и судьбы людей, переходахъ добра въ зло, зла въ добро.

Противъ пороковъ и беззаконій, отравлявшихъ жизненные силы націи, вовлекавшихъ ее въ окончательную гибель, возстало новое поколѣніе пророковъ. Эти пророки уже не хотѣли дѣйствовать безпощадно, не хотѣли низвергать царей, подчинять себѣ государственную власть; они стремились къ иной цѣли, къ тому, чтобъ облагородить общественную жизнь, улучшить религіозныя понятія народа; они хотѣли оживить чистыя вѣрованія, благочестіе, ввести въ нравы общества честность и добродѣтель; хотѣли, внушая надежду на помощь Іеговы, прояснить національное самосознаніе, возбудить патриотизмъ. Они жили не въ пустыняхъ, не въ ущельяхъ горъ, какъ «сыны пророческіе» временъ Ілии и Елисея, а въ центрѣ общественной жизни; они всматривались въ мысли и дѣла людей; и вливали жизненные силы въ умирающую націю; доставляли жизненные соки чахнущему дереву, дали ему силу еще разъ произвести цвѣты и плоды, которые стали духовною пищею для людей всѣхъ слѣдующихъ временъ. Одаренные краснорѣчіемъ и поэтическимъ талантомъ, они умѣли облекать свои пророчества художественными формами; и записывая свои рѣчи, они обогатили еврейскую литературу произведеніями чрезвычайно высокой цѣны. Великія столкновенія народовъ, совершавшіяся въ ихъ время, расширили ихъ умственный горизонтъ за узкіе предѣлы ихъ маленькой страны, и они приобрѣли правильныя понятія о жизни государствъ и народовъ. Исходя въ своихъ мысляхъ изъ твердаго убѣжденія, что ихъ нація можетъ найти спасеніе себѣ только въ сердечной приверженности къ Іеговѣ и питаемомъ надеждою на Іегову довѣріи къ собственнымъ силамъ, эти пророки имѣли главнымъ своимъ стремленіемъ возбудить любовь къ Богу и богобоязненность. Центромъ ихъ идей было древнее представленіе о завѣтѣ, заключенномъ Іеговою съ народомъ его. Съ той поры, какъ Моисей соединилъ израильскія племена въ одну націю, въ ней никогда не исчезала мысль, что она избранный народъ Божій, что Израиль «достояніе» Іеговы, священный народъ. На это представленіе опирались пророки. Они напоминали народу о благодѣяніяхъ, какія оказывалъ Богъ отцамъ его: о томъ, какъ Богъ вывелъ отцовъ его изъ земли египетской, чудесно спасъ ихъ въ пустынѣ, ввелъ ихъ въ землю плодородную, изобильную; они доказывали, что вѣрность Іеговѣ—долгъ признательности. Если народъ станетъ исполнять заповѣди завѣта, будетъ вѣрно, искренно служить Іеговѣ, Богу своему, Богъ исполнитъ свои обѣщанія и не отниметъ отъ Израиля охраняющую руку свою. То, какъ поступаетъ Іегова съ народомъ, обусловливается тѣмъ, какъ держитъ себя народъ: Богъ святъ и справедливъ, онъ хранитель заповѣдей завѣта; потому народъ можетъ

ждать помощи его, лишь когда добросовѣстно исполняетъ свои обязанности къ нему; за всякое нарушеніе завѣта Іегова строго наказываетъ. Пророки не ограничивались напоминаніями объ этихъ давнихъ убѣжденіяхъ, что Израиль—народъ Іеговы, что Іегова—національный богъ его, царь его; они выводили изъ мысли о завѣтѣ между Іеговою и народомъ требованіе, чтобы религіозное чувство было соединено съ чистотою жизни. Изобличая пороки, порицая жестоковыйный народъ, они стремились облагородить нравственные понятія. Благочестіе, которое проповѣдывали они, имѣло источникомъ своимъ надежду на Бога, неизмѣннаго въ своей вѣрности завѣту своему съ народомъ, и вело къ блаженному чувству единства съ Богомъ. Примиреніе съ Богомъ достигается не дѣлами формальной набожности, а душевнымъ раскаяніемъ, нравственнымъ исправленіемъ, богобоязненною жизнью. Не жертвоприношеній и праздничныхъ обрядовъ требуетъ Іегова, а справедливости, чистоты сердца, непорочной жизни, святости души.

„Къ чему мнѣ множество жертвъ вашихъ?“ говоритъ Господь устами пророка Исаи (I, 11—17): „Я пресыщенъ всесожженіями овновъ и тукомъ откормленнаго скота. Не носите больше даровъ тщетныхъ; куреніе отвратительно для Меня; новомѣсячія ваши и праздники ваши ненавижу душа Моя. И когда вы простираете руки ваши, Я закрываю отъ васъ очи Мои; и когда вы умножаете моленія ваши, Я не слышу. Омойтесь, очиститесь, удалите злыя дѣянія ваши отъ очей Моихъ, перестаньте дѣлать зло; научитесь дѣлать добро, ищите правды; спасайте угнетеннаго; защищайте сироту; вступайтесь за вдову“.

Въ этомъ нравственномъ направленіи развивали пророки со времени Амоса и Осии понятіе о служеніи Іеговѣ, и ко временамъ Іереміи религіозныя представленія народа возвысились до чистаго монотеизма. Пророки боролись противъ поклоненія иноземнымъ божествамъ, бывшимъ олицетвореніями силъ природы и роковаго хода явленій ея; этою борьбою очищалось отъ грубыхъ примѣсей представленіе о Іеговѣ, и народъ научился мыслить, что Іегова живое, личное духовное существо, правящее жизнью природы, что это Богъ, который распростеръ небо и сдѣлалъ землю подножіемъ ногъ своихъ, величіе и всемогущество котораго раскрывается явленіями природы, что силы природы только орудія святой воли Его. Прежде израильтяне представляли себѣ Іегову только національнымъ богомъ, думали, что и племенные боги другихъ народовъ тоже существуютъ, тоже въ самомъ дѣлѣ боги, хоть и менѣе могущественные, чѣмъ Іегова, но подобные ему. Со времени Осии, пророки проповѣдуютъ, что эти боги не имѣютъ никакого вліянія на судьбу Израиля, что они—только мечты заблуждающихся. У пророковъ вавилонской эпохи высказывается ясное убѣжденіе, что Іегова — единственный Богъ, что небо и земля повинуются Ему, природа трепещетъ предъ Нимъ. Исаія

говорилъ о немъ: «Онъ исчерпалъ воды горстію своею, и пядію измѣрилъ небеса, и вмѣстилъ въ мѣру прахъ земли и на чашахъ вѣсовыхъ холмы» (Исаія XL, 12); онъ живетъ не въ храмахъ, сдѣланныхъ руками человѣческими, и не должно чтить его въ изображеніи, сдѣланномъ руками человѣческими. Дѣятельностью пророковъ народъ израильскій былъ возведенъ къ единобожію. Оффиціальная іерархія не могла возвыситься до ихъ понятій о служеніи богу духомъ. За ихъ проповѣди о тщетности жертвоприношеній, за то, что они требовали не «жертвъ» и «всесоженій», а повиновенія заповѣдямъ Божиимъ и нравственной чистоты (Перемія, VI, 20; VIII, 21, 23), священники и левиты враждовали противъ нихъ. Они были проповѣдники покаянія, изобличали пороки народа, потому были не вождями народа, какъ Илія и Елисей, а борцами противъ грубыхъ понятій его, противъ чувственныхъ обрядовъ его богослуженія.

Эта борьба пророковъ не только противъ поклоненія языческимъ божествамъ, но и противъ мертвой формалистики жертвоприношеній и обрядовъ, ихъ проповѣдь служенія Богу духомъ, благочестіемъ сердца, нравственною жизнью очищала религіозныя представленія народа.

Пророки временъ предшествовавшихъ паденію царства израильскаго ужь не имѣли ничего общаго съ экзальтированнымъ мистицизмомъ хананейскихъ культовъ. Они возвышались надъ этимъ умозступленіемъ; ихъ религіозность имѣла нравственное направленіе; ихъ совѣсть была неподкупна, и никакія опасности не могли принудить ихъ замолчать, не называть дурное дурнымъ. Они не составляютъ заговоровъ для низверженія династій, не ведутъ фанатизированныя толпы противъ тирановъ, служащихъ идоламъ; они только порицаютъ то, что несправедливо предъ очами Господа, укрѣпляютъ сердца людей, желающихъ служить Господу; основная идея ихъ дѣятельности та, что богъ—богъ святой, требующій чистой нравственности; эту мысль проводятъ они чрезъ всѣ дѣла жизни, чрезъ всѣ историческія катастрофы, и самыя катастрофы представляются, по ихъ объясненію, доказательствами святости Господа и всемогущества его. Іегова не только святой, но и всемогущій богъ; онъ имѣетъ силу избавить свой народъ отъ всѣхъ бѣдствій, если народъ станетъ вполне преданъ ему, будетъ соблюдать его заповѣди въ чистотѣ сердца и дѣлъ. По убѣжденію пророковъ, душевное благочестіе—единственный вѣрный путь народу къ спасенію отъ бѣдъ, къ величію и благоденствію. Когда царь и народъ будутъ ходить путемъ правды, чтить Іегову сердцемъ и устами, служить ему непорочною жизнью въ благочестіи души, всемогущій защититъ ихъ рукою своею и сокрушитъ ихъ враговъ; а если они останутся упорны въ закоснѣніи своемъ, въ духовной жизни своей, въ ожесточеніи сердца своего и будутъ продолжать служить чужимъ богамъ, то Іегова предастъ ихъ неотвратимой гибели. Съ этими религіозными и нравственными увѣщаніями пророки соединяли патріотическіе совѣты; но въ

борьбу политическихъ партій они не хотѣли вмѣшиваться. Обращеніе народа къ Іеговѣ было, по ихъ убѣжденію, путемъ къ возстановленію національнаго единства. Они желали воссоединенія царствъ израильскаго и іудейскаго въ служеніи Богу отцовъ; убѣждали царство израильское возстановить низвергнутый въ немъ престолъ Давидовъ; отклоняли отъ союзовъ съ иноплемениками, дружба съ которыми легко могла вести къ отпаденію отъ Іеговы. Они даже не одобряли построенія крѣпостей, заботъ объ усиленіи конницы и т. п. По ихъ убѣжденію, надобно было уповать на «Святаго Израилева», какъ называется Господа Исаія; силы человѣческія тщетны, только Господь силенъ защитить Израиля.

Непоколебимое убѣжденіе, что, при помощи божіей, восторжествуетъ добро, давало пророкамъ мужество защищать народъ отъ угнетенія и неправого суда, изобличать несправедливость царей, судей, царскихъ совѣтниковъ и правителей. «Вы опустошили виноградникъ» (раззорили народъ), говоритъ Исаія старѣйшинамъ и князьямъ народа (III, 14): «Награбленное у бѣднаго—въ вашихъ домахъ. Что вы тѣсите народъ Мой и угнетаете бѣдныхъ?»—говоритъ Господь». Пророки были представителями національнаго и религіознаго сознанія народа, ихъ голосъ былъ голосъ совѣсти еврейскаго народа. Они были проповѣдниками, но съ тѣмъ вмѣстѣ были и защитниками правъ народа.

Не должно полагать, что главнымъ содержаніемъ рѣчи пророковъ того времени было предвѣщаніе будущихъ событій. Этотъ элементъ сталъ преобладающимъ у пророковъ только ужь позднѣе, со времени паденія царства Іудина. А до плѣненія вавилонскаго вниманіе пророковъ было обращено на положеніе дѣлъ въ настоящемъ. Когда они говорятъ о будущемъ, предсказываютъ судъ божій, который искоренитъ всякое зло, и ободряютъ духъ народа надеждою на прекрасную будущность, эти мысли развиваются у нихъ изъ той основной идеи, что преданность Господу даетъ народу Израильскому благоденствіе, уклоненіе отъ путей Господнихъ вовлекаетъ его въ бѣдствія. Но они предвидѣли бѣдствія: къ Палестинѣ приближались могущественные ассиріяне, а въ испорченномъ народѣ израильскомъ владычествовали раздоры; судьба другихъ народовъ, подавленныхъ ассиріянами, показывала, какая участь предстоитъ израильтянамъ. Предчувствуя бѣдствія, пророки изображали ихъ въ самомъ мрачномъ видѣ: погибнуть оба царства, на которыя раздѣлилась нація; страна будетъ опустошена, жители ея будутъ уведены въ плѣнъ, въ рабство. Ассуръ будетъ «жезломъ гнѣва Господа» (Исаія IX, 5); посредствомъ ассиріянь Богъ накажетъ за грѣхи и злодѣянія народъ израильскій, какъ и окрестные народы. Ассиріяне предназначены исполнить судъ Господа, «грядущій на все гордое высокомерное», которое будетъ «унижено», «на всѣ кедры ливанскіе, высокіе и превозносящіеся, и на всѣ дубы Васанскіе» (Исаія II, 12, 13). Судъ божій неотвратимъ. Потому

пророки увѣщаютъ народъ смиренно покориться наказывающей рукѣ Господа, не надѣяться ни на свои крѣпости и войска, ни на союзы съ иноземцами. Эти предостереженія, обличенія, заклинанія пророковъ, ихъ проповѣди, полныя патріотизма, благочестія, негодованія на иноземныхъ поработителей и на развратъ народа дышатъ высокимъ трагизмомъ. Но какъ свѣтлая звѣзда въ темной ночи, надъ картинами опустошенія, видящимися ихъ духу, сіяетъ ихъ твердая надежда на счастливую будущность, на возстановленіе царства Давидова. Жезлъ гнѣва будетъ сокрушенъ, ассиріянамъ будетъ съ избыткомъ отмщено за страданіе народа израильскаго. Это страданіе очиститъ, облагородитъ народъ; оно будетъ періодомъ перехода отъ оскверненнаго беззаконіями, развратомъ, идолослуженіемъ, бѣдственнаго настоящаго къ возникновенію истиннаго царства Божія, въ которомъ прочно возстановится въ новой силѣ и нравственной чистотѣ завѣтъ, заключенный нѣкогда Іеговою съ избраннымъ народомъ его.

Такой величественный характеръ получала вѣра въ проповѣдничество пророковъ; она становилась у нихъ щитомъ для благочестивыхъ во время бѣдствій. Но центръ ихъ вѣрованія въ спасеніе переносился на будущее, которое настанетъ лишь по разрушеніи обоихъ царствъ; знамя надежды водружалось на развалинахъ всего существующаго. Вначалѣ могла быть мысль, что Іегова, посылая въ праведномъ гнѣвѣ своемъ погубить на народъ, оградить отъ нея свое сіонское святилище, что оно будетъ точкою опоры для возстановленія царства Давидова: «Сіонъ спасется правосудіемъ и обратившіеся сыны его — правдою. Всѣмъ же отступникамъ и грѣшникамъ — погубить, и оставившіе Господа — истребятся» (Исаія I, 27, 28). Послѣ того, какъ будутъ истреблены отступившіе отъ Господа, «произойдетъ отрасль отъ корня Іессеева, и станетъ какъ знамя для народовъ. И Господь снова простретъ руку свою, чтобы возвратитъ себѣ остатокъ народа своего, и соберетъ изгнанниковъ Израиля и разсѣянныхъ іудеевъ соберетъ отъ четырехъ концовъ земли. Ефремъ не будетъ завидовать Іудѣ, и Іуда не будетъ притѣснять Ефрема» (Исаія XI, 1, 10, 11, 12, 13); они соединятся въ преданности Господу, будутъ ходить въ правдѣ, и, какъ во времена Давида, станутъ покорны народу Израильскому его давніе національные враги. Эта надежда на то, что Господь поставитъ царя, который удовлетворитъ задушевнѣйшимъ стремленіямъ благочестивыхъ и патріотичныхъ людей, высказывается съ наибольшею силою у Исаи. Тогда осуществятся всѣ желанія народа Израильскаго, и настанетъ благой вѣкъ справедливости: «Тогда волкъ будетъ жить вмѣстѣ съ ягненкомъ. Не будутъ дѣлать зла и вреда на всей горѣ святой Господней» (Исаія XI, 6, 9; LXC, 25). Свѣтлая надежда на то, что явится праведный царь изъ дома Давидова и царство его будетъ счастливо, все тверже и тверже укрѣплялась въ еврейскомъ народѣ, была отрадою и нравственною поддержкою ему въ дни скорби

и порабоженія. Эта вѣра въ царство Мессіи, высказанная Амосомъ, Осіею, Захаріею, Михеемъ и особенно сильно Исаіею, проходитъ, какъ золотая нить, черезъ всю слѣдующую исторію еврейскаго народа. Она оживляла духъ его во всѣхъ его страданіяхъ.

Въ ту эпоху, о которой мы говоримъ теперь, еврейскіе патріоты надѣялись, что царство израильское и царство іудейское соединятся. Положеніе націи между Египтомъ и Ассиріею требовало, чтобы она дѣйствовала единодушно: только соединенными силами, она могла бы отстоять свою независимость противъ могущественныхъ сосѣднихъ державъ. Но вмѣсто того царь израильскій напалъ, какъ мы увидимъ, на царство іудейское, а царь іудейскій призвалъ на помощь себѣ ассиріяны, и такимъ образомъ навлекъ на царство израильское погубить, ужасы которой были предсказаны Амосомъ и Осіею. Царство іудейское, болѣе израильскаго вѣрное національному духу, продержалось послѣ того еще полтора вѣка, но и оно было разрушено завоевавшими Ассирію вавилонянами. — Событія, результатомъ которыхъ была погубить царства израильскаго, начались тѣмъ, что Факей, царь самарійскій, вступилъ въ союзъ съ Рециномъ, царемъ сирійскимъ и вмѣсто того, чтобы пригласить царя іудейскаго къ участию въ союзѣ для сопротивленія общими силами ассиріянамъ, эти цари, оба думавшіе о завоеваніяхъ, напали на Іудею. Іоаѳамъ, царь іудейскій, храбрый и искусный воинъ, энергически оборонялся и, поддерживаемый великимъ пророкомъ Исаіею, одушевлявшимъ іудеевъ пламенными патріотическими рѣчами, отразилъ нападенія сирійцевъ и израильтянъ. Но когда онъ сошелъ въ гробъ, и его мѣсто занялъ слабый и бездарный сынъ его, Ахазъ, дѣла быстро приняли другой оборотъ. Сирійцы Ахазъ, 741 — завоевали всю землю на Востокѣ отъ Іордана до Чермнаго моря и 725 или 734 — отдали идумеямъ торговый городъ Элаѳъ, а Факей съ хищнымъ своимъ войскомъ ворвался въ западную часть іудейскаго государства, опустошалъ ее, убивалъ всѣхъ мужчинъ, способныхъ носить оружіе, увелъ въ Самарію женщинъ и дѣтей, увезъ много добычи. Филистимляне взяли «города низменнаго края» Іудеи: Веѳсамисъ, Аялонъ, Фимну; съ юга дѣлали опустошительные набѣги идумей, уводили много людей въ плѣнъ. Тѣснимый отовсюду, Ахазъ — первый изъ іудейскихъ царей — формально выказалъ, что не надѣется на силу Іеговы, и въ своемъ отчаяніи сталъ искать милости сирійскихъ боговъ, помогавшихъ его врагамъ, сталъ «приносить жертвы и куренія на высотахъ и на холмахъ, и подъ всякимъ вѣтвистымъ деревомъ», принесъ въ жертву Молоху своего сына, «подражая мерзостямъ народовъ, которыхъ изгналъ Господь предъ лицомъ сыновъ израилевыхъ»; все было напрасно: сирійскіе боги не слышали его; и «вызыватели умершихъ» не дали ему «свѣта» (Исаія VIII, 19—20). Казалось, насталъ послѣдній часъ царства іудейскаго. Партія, враждебная дому Давидову, задумывала даже возвести на престолъ другаго царя.

Ахазъ призы-
ваетъ ассирі-
янъ.

Если неслыханнымъ преступленіемъ былъ союзъ Израиля съ язычниками противъ единоплеменнаго царства, то Ахазъ для своего спасенія обратился къ средству, не менѣе гибельному: онъ призвалъ на помощь себѣ ассиріянъ; онъ предавалъ Палестину этимъ завоевателямъ. Напрасны остались ободренія и предостереженія Исаіи, говорившаго ему: «Не страшись, и да не унываетъ сердце твое отъ двухъ концовъ этихъ дымящихся головней, отъ разгорѣвшагося гнѣва Рецины и сына Ремалина», эти враги не возьмутъ Іерусалима, не завоюютъ Іудеи; но «обрѣтетъ Господь бритвою, нанятою по ту сторону рѣки (Эвфрата), царемъ ассирійскимъ, голову (тебѣ), и даже отниметъ бороду» (Исаія VII, 4, 20). Тѣснимый врагами, Ахазъ «взялъ серебро и золото, какое нашлось въ домѣ Господнемъ и въ сокровищницахъ дома царскаго, и послалъ царю ассирійскому, и сказалъ ему: Рабъ твой и сынъ твой я; прійди и защити меня отъ руки царя сирійскаго и отъ руки царя израильскаго, возставшихъ на меня». Царь ассирійскій, которому союзъ между царями израильскимъ и сирійскимъ казался опасенъ, пошелъ на помощь Ахазу; Факей и Рецинъ поспѣшно вернулись защищать свои земли.

«За то, что этотъ народъ (израильскій народъ) восхищается Рециномъ и сыномъ Ремалинымъ», говорилъ Исаія при вѣсти о нашествіи ассиріянъ на Сирію, «наведетъ на него Господь воды рѣки бурныя и большія, — царя ассирійскаго, и поднимется она во всѣхъ протокахъ своихъ, и выступитъ изъ всѣхъ береговъ своихъ; богатства дамасскія и добычи самарійскія понесутъ передъ царемъ ассирійскимъ». Но «пойдетъ» эта рѣка и «по Іудеѣ, и наводнитъ ее, и высоко поднимется, дойдетъ до шеи» (Исаія VIII, 7, 4, 8). То, что предвидѣлъ пророкъ, скоро исполнилось.

741—739 или 738—731. Тиглаѳъ-Пилесаръ пришелъ съ многочисленнымъ войскомъ, взялъ Дамаскъ, умертвилъ Рецина, переселилъ жителей Дамаска въ Мидію, на рѣку Куръ (Киръ); потомъ присоединилъ къ своимъ владѣніямъ почти цѣлую половину царства самарійскаго: на сѣверѣ область Нефѳалимову съ городами Газоромъ и Кадесомъ, а на востокъ весь Галаадъ, переселилъ жителей этихъ земель, — однихъ въ Месопотамію, за Эвфратъ, другихъ еще дальше, за Тигръ, въ Ассирію. Опустѣвшую область колѣна Гадова заняли аммонитяне. Надъ остальною половиною царства Самарійскаго Тиглаѳъ-Пилесаръ оставилъ царемъ Факея, сдѣлавъ его своимъ данникомъ. Черезъ нѣсколько времени, противъ Факея составилъ заговоръ, и онъ былъ убитъ (стран. 435).

Ахазъ еще больше прежняго вдается въ идолопоклонство. Ахазъ поѣхалъ въ Дамаскъ благодарить побѣдоноснаго царя ассирійскаго, взявъ изъ храма всѣ, какія только было можно, драгоценности, чтобъ упрочить за собою этими подарками благосклонность Тиглаѳъ-Пилесара. Въ Дамаскъ онъ присутствовалъ при жертвоприношеніи, совершаемомъ побѣдителемъ; и велѣлъ сдѣлать изображеніе жертвенника того ассирійскаго бога, который доказалъ свое могущество, давъ побѣду Тиглаѳъ-Пилесару; это «изображеніе жертвенника

и чертежъ всего устройства» Ахазъ послалъ въ Іерусалимъ къ первосвященнику Уріи, съ приказаніемъ сдѣлать такой жертвенникъ. Урія сдѣлалъ. Ахазъ, возвратившись изъ Дамаска, сталъ приносить жертвы на этомъ жертвенникѣ, а прежній жертвенникъ Господень велѣлъ передвинуть на сѣверную сторону притвора. Послѣ этого, служеніе по восточнымъ языческимъ обрядамъ, которые и прежде правилъ Ахазу, стало все больше расширяться въ Іерусалимѣ. Къ прежнему поклоненію сирійскимъ божествамъ присоединилось вавилонское служеніе «всему воинству небесному»; для служенія этимъ вавилонскимъ богамъ свѣтилъ небесныхъ Ахазъ сдѣлалъ постройку на плоской кровлѣ храма и поставилъ тамъ небольшіе жертвенники. Онъ учредилъ праздники богу солнца; на этихъ праздникахъ совершались торжественныя процессіи, кони солнца возили колесницу солнца. Для этихъ коней и колесницы были устроены помѣщенія у внѣшняго двора храма.

Напрасно возставалъ Исаія противъ этого «возрастающаго отпаденія, напрасно заклиналъ царя и народъ не осквернять «дщерь Сіона», которая одна уцѣлѣла отъ непріятельскаго опустошенія, «какъ шатеръ въ виноградникѣ, какъ шалашъ въ огородѣ», не увеличивать гнѣва Господа, который спасъ этотъ «небольшой остатокъ» отъ участи Содомы и Гоморры; — царь держался своихъ фантастическихъ нововведеній; гроза войны, собиравшаяся надъ нимъ, приближавшаяся опасность гибели не выводила его изъ увлеченія заманчивыми въ своей ужасности ощущеніями, какія производили въ немъ иноземные обряды.

Опустошеніе царства Самарійскаго Тиглаѳъ-Пилесаромъ было предвѣстіемъ участи, которой подвергнется царство іудейское. Эта тяжкая судьба постигла Іудею при воинственномъ преемникѣ Тиглаѳъ-Пилесара, Салманассарѣ. Мы уже рассказывали (стр. 506 и слѣд.), что Салманассаръ, желая приобрести владычество на Средиземномъ морѣ, пошелъ на Финикію, что Сидонъ, Арка, Старый Тиръ, другія второстепенныя финикійскія государства, завидовавшія преобладанію Новаго Тира, — Тира построеннаго на островѣ — покорились ассиріянамъ, дали имъ корабли и гребцовъ — помогали при осадѣ новаго Тира, что этотъ городъ мужественно защищать свою независимость, и выдержалъ пятилѣтнюю осаду. Финикійскій походъ Салманассара рѣшилъ и судьбу царства Самарійскаго. Въ Самаріи, по смерти Факея вступилъ на окровавленный престолъ Осія. Ободренный тѣмъ, что Тиръ успѣшно сопротивляется ассиріянамъ, Осія, человекъ отважный и твердый, упрочивъ за собою власть, пересталъ платить ассирійскому царю дань, которую платилъ Факей, и вступилъ въ переговоры съ Египтомъ. Эѳіопская династія, господствовавшая тогда въ Египтѣ, понимала опасность, какою грозятъ ему ассирійскіе цари завоеватели. Кипръ и почти все финикійское побережье были теперь

Нашествіе Салманассара.

Осія, 734—722 или 728—719.

уже во власти ассириянъ; ассирийскій полководецъ Таршанъ взялъ филистимскій городъ Азотъ, и граница владѣній ассирийскаго царя придвинулась къ самой границѣ Египта. Египетскія торговля и мореплаваніе должны были погибнуть, если суровые ассирияне овладѣютъ всѣмъ восточнымъ приморьемъ. Эти соображенія склонили египетскаго царя помогать мелкимъ государствамъ, какія еще оставались между Египтомъ и Эвфратомъ, въ ихъ сопротивленіи ассириянамъ. Онъ поддерживалъ Тиръ, сталъ поддерживать Самарію. Но онъ дѣйствовалъ съ дипломатическою осторожностью, не хотѣлъ явно ссориться съ могущественнымъ соперникомъ, потому египетская помощь была запоздалая и слишкомъ слабая. Проницательный Исаія предостерегалъ, что союзъ съ Египтомъ опасенъ, предостерегалъ отъ него, говорилъ, что онъ только ускоритъ гибель Самаріи: могущество Ассирии непреодолимо; не только Финикія и Эфремъ будутъ подавлены имъ, не выдержитъ борьбы даже и Египетъ; ассирийское войско — жезлъ гнѣва въ рукѣ Господа, и исполнитъ свое предназначеніе. Онъ восклицалъ:

«Горе вѣнцу гордости пьяныхъ Эфремлянъ, увидшему цвѣтку красиваго убранства его, который на вершинѣ тучной долины сраженныхъ виномъ! Вотъ, крѣпкій и сильный у Господа, какъ ливень съ градомъ и губительный вихрь, какъ разлившееся наводненіе бурныхъ водъ, съ силою повергаетъ его на землю. Ногами попираетъ вѣнокъ гордости пьяныхъ Эфремлянъ. И съ увидшимъ цвѣткомъ красиваго убранства его на вершинѣ тучной долины дѣлается то же, что бываетъ съ созрѣвшею прежде времени смокою, которую, какъ скоро кто увидитъ, тотчасъ беретъ въ руку и проглатываетъ ее» (Исаія XXVIII, 1—4).

Въ Иерусалимѣ думали о союзѣ съ Египтомъ; но предостереженія Исаія произвели такое сильное впечатлѣніе, что наслѣдовавшій въ это время Ахазу сынъ его, благочестивый Эзекиа, рѣшился держаться въ сторонѣ, сохранять миръ. Благодаря тому, царство Іудейское уцѣлѣло. А Израильское царство созрѣло для жатвы. «Отсѣчетъ Господь у Израиля голову и хвостъ въ одинъ день», говорилъ Исаія (IX, 14—16): «Старецъ (старѣйшина) и знатный — это голова, а пророкъ — лжеучитель есть хвостъ. Вожди сего народа введутъ его въ заблужденіе, и водимые ими погибнутъ». Услышавъ о замыслѣ Осіи, Салманассаръ быстро двинулся къ границѣ его царства, потребовалъ его къ отвѣту; онъ явился; Салманассаръ заковалъ его въ цѣпи и посадилъ въ темницу. Раздраженный такимъ поруганіемъ надъ царемъ и надѣясь на помощь отъ египтянъ, народъ возсталъ и въ отчаянной борьбѣ выказалъ такое сильное сопротивленіе ассириянамъ, какого нельзя было ожидать отъ слабаго и разстроеннаго государства. Салманассару пришлось брать крѣпость за крѣпостью. Самарія три года выдерживала осаду, она была взята (ужь преемникомъ Салманассара, Саргономъ), и народъ Израильскій лежалъ подавленный подъ

Предостереженія Исаія про- тивъ союза съ Египтомъ.

Погибель цар- ства Десяти ко- лѣнъ.

ногою побѣдителя. Суровый властелинъ подвергъ побѣжденныхъ страшной участи (стр. 466). Всѣ, кто не успѣли бѣжать въ Египетъ или въ Европу, были или проданы въ рабство или уведены въ Ассирію. Уведенные въ плѣнъ были расселены по обширному пространству отъ границъ Арменіи до «городовъ Мидійскихъ». А въ Самарію „перевелъ царь ассирийскій людей изъ Вавилона и изъ Куты, и изъ Аввы и изъ Эмаа и изъ Сепарваима и поселилъ ихъ въ городахъ Самарійскихъ вмѣсто сыновъ Израилевыхъ“. Страна была опустошена, и цѣлыя десятилѣтія оставалась такъ мало воздѣлываема, что на мѣстахъ нивъ разросся лѣсъ и хищные звѣри терзали людей (4 Книга Царствъ XVII, 25). „Голосъ слышенъ на высотахъ, жалобный плачъ сыновъ Израиля, что извратили путь свой, забыли Господа, Бога своего“, говоритъ объ этомъ времени Іеремія (III, 21). Но мало по малу сформировалась въ Самаріи новая, чрезвычайно своеобразная національность.

Иноземцы, переселенные въ Самарію, продолжали служить своимъ языческимъ божествамъ: вавилоняне Милиттъ, въ „шалашахъ дѣвическихъ“; кутійцы Нергалу, сепарваимцы «сожигали дѣтей своихъ въ огнѣ Адrameлеку и Анамелеху», богамъ огня. Но уцѣлѣвшіе на родинѣ остатки народа Израильскаго продолжали совершать обряды своей религіи: Асаргадонъ, внукъ Саргона, даже прислалъ имъ одного изъ уведенныхъ въ плѣненіе священниковъ; онъ поселился въ Веонѣ „и училъ ихъ, какъ чтить Господа“ (4 Книга Царствъ XVII, 28). Такимъ образомъ, разноплеменное Самарійское населеніе служило Іеговѣ, служило и разнымъ языческимъ богамъ; но мало по малу все оно соединилось въ служеніи одному общему Богу, покинувъ идоловъ.

Идолопоклонство не могло удержаться въ Самаріи. Это показываетъ, что уцѣлѣвшіе на родинѣ израильтяне были многочисленнѣе переселенныхъ туда иноземцевъ. Само собою разумѣется, что невозможно жъ было Саргону вывести совершенно всѣхъ жителей изъ такой большой страны, какъ царство Десяти колѣнъ. Черезъ сто лѣтъ послѣ паденія царства Израильскаго, Іосія, царь Іудейскій, вводитъ теократическія преобразованія, распространялъ ихъ и въ Самарію; это показываетъ, что большинство населенія въ ней было Израильскаго происхожденія. Черезъ сто лѣтъ послѣ Іосіи, когда іудеи возвратились изъ плѣненія, самаритяне сами называли себя ихъ единоплеменниками и желали участвовать въ построеніи храма Іерусалимскаго. Да и не затерялись бы среди другихъ народовъ потомки десяти колѣнъ Израильскихъ, еслибы эти колѣна были переселены въ цѣлой своей массѣ. Мы возвратимся къ этому вопросу.

д. послѣднія времена царства іудейскаго.

1. Бѣдственное положеніе и спасеніе царства іудейскаго. Дѣятельность Исаія.

Въ то время, какъ погибало царство Десяти колѣнъ, царство іудейское, 728 — дейское пользовалось миромъ подъ правленіемъ разсудительнаго царя 697 или 725 — 697.

Эзекии, который въ противоположность своему отцу, Ахазу, искренно преданъ былъ Іеговѣ, и все царствованіе котораго, длившееся около тридцати лѣтъ, было мирное. Умственная дѣятельность еврейскаго народа, развившаяся въ царствѣ Десяти колѣнъ, стала теперь достояніемъ царства іудейскаго, и литературныя произведенія Эфремлянъ были теперь усвоены областью Іудиною; въ частности, дѣятельность пророковъ стала теперь продолжаться въ царствѣ іудейскомъ, гдѣ именно теперь жилъ величайшій изъ пророковъ, Исаія. Онъ былъ друженъ съ Эзекиєю; но не одинаково съ нимъ судилъ о той опасности, которая грозила царству съ востока. Могучій завоеватель Саргонъ, разрушитель Самаріи, умеръ; царемъ ассирійскимъ сталъ его сынъ, Сеннахиримъ (Санхерибъ). Продолжалъ дѣлать завоеванія и онъ; онъ покорилъ мало-азіатскую страну Киликію, прошелъ съ войскомъ по филистимской землѣ до границы Египта и сталъ покорять арабскія племена на югѣ и юговостокѣ отъ Іудеи. Эзекиа между тѣмъ подготовилъ Іерусалимъ къ осадѣ: поправилъ прежнюю стѣну, укрѣпилъ ее башнями, возвелъ кругомъ первой стѣны вторую и окопалъ ее рвомъ, поправилъ Милло, фортъ, находившійся между Сіономъ и горою храма. При постройкѣ этихъ укрѣпленій понадобилось сломать много домовъ, или для того, чтобы получить матеріалъ для крѣпостныхъ сооружений, или для того, чтобы непріятель не имѣлъ прикрытія для веденія осады. Царь заготовилъ множество оружія, провелъ воду внутрь города, завалилъ землею всѣ родники и потоки въ окрестностяхъ Іерусалима. Надѣясь на то, что столица можетъ теперь выдержать осаду, Эзекиа пересталъ давать царю ассирійскому дань, которую со времени Ахаза Іудея платила Ассиріи, и отправилъ въ Египетъ посольство съ дарами, прося, наслѣдовавшаго Сабакону Фараона Тиргаку (стр. 189), чтобы въ случаѣ нападенія ассиріяны онъ помогъ Іудеѣ войскомъ, въ особенности конницею. Услышавъ объ этомъ посольствѣ, Исаія сталъ отъ имени Іеговы порицать это дѣло:

«Горе непокорнымъ сынамъ, говорятъ Господь, которые дѣлаютъ совѣщанія, но безъ Меня, и заключаютъ союзы, но не по духу Моему, чтобы прилагать грѣхъ ко грѣху; не вопросивъ устъ Моихъ, идутъ въ Египетъ, чтобы подкрѣпить себя силою Фараона и укрыться подъ тѣнію Египта. Но сила Фараонова будетъ для васъ стыдомъ, и убѣжище подъ тѣнію Египта—безчестіемъ». — «Горе тѣмъ, которые идутъ въ Египетъ за помощію, надѣются на коней и полагаются на колесницы, а на Святаго Израилева не възираютъ, и къ Господу не прибѣгаютъ! Египтяне — люди, а не Богъ, и кони ихъ плоть, а не духъ. И простретъ руку Свою Господь, и споткнется защитникъ, и упадетъ защищаемый, и всѣ вмѣстѣ погибнутъ». — «Такъ говоритъ Господь: оставаясь на мѣстѣ и въ покоѣ, вы спаслись бы; въ тишинѣ и упованіи крѣпость ваша. Но вы не хотѣли; и говорили: Нѣтъ, мы на коняхъ убѣжимъ;—за то и побѣдите; мы на быстрыхъ скачемъ; — за то и преслѣдующіе васъ будутъ быстры». — «Такъ какъ вы надѣетесь на обманъ и неправду, то беззаконіе это будетъ для васъ какъ угрожающая паденіемъ трещина, обнаружившаяся въ высокой стѣнѣ, которой разрушеніе настанетъ внезапно, въ одно мгновеніе».

Слова пророка скоро исполнились. Царь египетскій охотно согласился на предложеніе Эзекии и «прислалъ пословъ по морю въ павловыхъ судахъ»; обѣщанія Фараона были блистательны. Напрасно Исаія совѣтовалъ царю сказать посламъ, что они должны вести переговоры съ ассиріянами: «Идите, быстрые послы, къ народу крѣпкому и бодрому, къ народу страстному, къ народу рослому и и все попирающему, котораго землю разрѣзываютъ рѣки». Напрасно говорилъ пророкъ, что близко время, когда Іегова рѣшитъ судьбу ассирійскаго войска въ горахъ Ханаанскихъ. Вельможи были за союзъ съ Египтомъ, и увлекали нерѣшительнаго царя все дальше и дальше по опасному пути. Сеннахиримъ съ многочисленнымъ войскомъ ужъ пошелъ было на Египетъ; но узнавъ о союзѣ Эзекии съ фараономъ, рѣшилъ, что надобно овладѣть маленькимъ царствомъ іудейскимъ, чтобы при войнѣ съ Египтомъ не имѣть враговъ въ тылу у себя. Въ четырнадцатый годъ царствованія Эзекии, по еврейскому лѣтосчисленію, а по ассирійскимъ извѣстіямъ, въ четвертый годъ царствованія Санхериба (Сеннахирима), ассирійскія войска внезапно появились на границахъ Іудеи, стали грабить, опустошать страну, брали одну за другою крѣпости іудейскія. «Опустѣли дороги, не стало путешествующихъ», говоритъ Исаія (XXXIII, 8, 9): «Саросъ похожъ сталъ на пустыню, и обнажены отъ листьевъ своихъ Васанъ и Кармилъ». — Въ ужасѣ, «послалъ Эзекиа къ царю ассирійскому въ Лахисъ (гдѣ былъ станъ Сеннахирима) сказать: Виновенъ я; отойди отъ меня; что наложишь на меня, я внесу. И наложилъ царь ассирійскій на Эзекию триста талантовъ серебра и тридцать талантовъ золота. И отдалъ Эзекиа все серебро, какое нашлось въ домѣ Господнемъ и въ сокровищницахъ дома царскаго, и снялъ золото съ дверей дома Господня и съ древнихъ столбовъ», которые прежде обложилъ золотомъ. Но его покорность только возвысила требованія царя ассирійскаго. Египетское войско приближалось, Сеннахириму надобно было обезпечить свой тылъ, онъ потребовалъ, чтобы Эзекиа сдался ему, и послалъ своего сановника Рабсака и двухъ другихъ военачальниковъ съ отрядомъ войска къ Іерусалиму. Исаія изображаетъ движеніе этого отряда такъ:

«Онъ идетъ на Аіаѳъ; проходитъ Мигронъ; въ Михмасѣ складываетъ свои запасы. Проходятъ тѣнины; въ Гевѣ ночлегъ ихъ; Рама трясется; Гива Саулова разбѣжалась. Вой голосомъ твоимъ, дочь Галима; пусть услышитъ тебя Лансъ, бѣдный Анавоѳъ! Мадмена разбѣжалась, жители Гевима спѣшатъ уходить. Еще день простоятъ онъ въ Новѣ. Грозитъ рукою своею горѣ Сіону, холму Іерусалимскому». (Исаія X, 28—32).

Войска іудейскія, кажется, вышли на встрѣчу врагу; но были побѣждены; они бѣжали, многіе изъ бѣгущихъ были взяты въ плѣнъ. Ассиріяне подступили къ Іерусалиму «и стали у водопровода верхняго пруда, который на дорогѣ поля бѣлильничьяго», на сѣверной

Нашествіе Сеннахирима.

Осада Іерусалима.

сторонѣ города. Народъ взбѣжалъ на стѣны города и на кровли, смотрѣть, что теперь будетъ. Исаія говоритъ объ этомъ такъ:

«Что съ тобою, что ты весь взмошелъ на кровли, городъ шумный, волнуемый, городъ ликующій? Пораженные твои не мечемъ убиты и не въ битвѣ умерли; всѣ вожди твои бѣжали вмѣстѣ, но были связаны стрѣлами; всѣ были связаны вмѣстѣ, какъ ни далеко бѣжали. И вотъ, лучшія долины твои полны колесницами, и всадники выстроились противъ воротъ. Эламія несетъ колчанъ и Киръ (Куръ) обнажаютъ щитъ. Ломаютъ стѣну, и крикъ восходитъ на горы» (XXII, 1—7).

Ассиріяне ждали скоро встрѣчи съ египетскимъ войскомъ; потому предпочли бы веденію осады Іерусалима добровольную покорность его. Начальствовавшіе отрядомъ объявили, что хотятъ передать свои требованія царю іудейскому. Эзекія выслалъ къ нимъ Эліакима, начальника своего дворца, «писца» Севну и «дѣписателя» Іоаха. «И сказалъ имъ Рабсакъ: скажите Эзекіи: Вотъ, ты думаешь опереться на Египетъ, на эту трость подломанную, которая, если кто опрется на нее, войдетъ ему въ руку и проколетъ ее. И такъ, вступи въ союзъ съ господиномъ моимъ, царемъ ассирійскимъ. Я дамъ тебѣ двѣ тысячи коней; можешь ли достать себѣ всадниковъ на нихъ? Какъ тебѣ одолѣть и одного вождя изъ малѣйшихъ слугъ господина моего?—И сказалъ Эліакимъ: Говори по-арамейски, потому что понимаемъ мы, а не говори по-іудейски, въ слухъ народа, который на стѣнѣ. И сказалъ Рабсакъ: Развѣ только къ господину твоему и къ тебѣ послалъ меня господинъ мой сказать сіи слова? Нѣтъ, также и къ людямъ, которые сидятъ на стѣнѣ. И всталъ Рабсакъ и возгласилъ громкимъ голосомъ по-іудейски: Слушайте слово царя великаго, царя ассирійскаго! Пусть, не обольщаетъ васъ Эзекія, ибо онъ не можетъ спасти васъ отъ руки моей. Примиритесь со мною, и пусть каждый ѣстъ плоды виноградной лозы своей и смоковницы своей, и пусть каждый пьетъ воду изъ своего колодезя. Не слушайте Эзекіи, который обольщаетъ васъ, говоря: Господь (Іегова) спасетъ васъ. Спасли ли боги народовъ каждый свою землю отъ руки царя ассирійскаго? Гдѣ боги Эмаоа и Арпада? Гдѣ боги Сепарваима, Эны и Иввы?—И молчалъ народъ, и не отвѣчалъ ни слова, потому что было приказаніе отъ царя: «Не отвѣчайте ему».

Исаія предвѣщаетъ спасеніе. Презрительныя слова о безсиліи Іеговы, повторенныя самимъ Сеннахиримомъ въ письмѣ, которое черезъ нѣсколько дней прислалъ онъ изъ Ливны къ Эзекіи, не произвели того дѣйствія, какого ожидали отъ нихъ ассиріяне. Сравненіе Іеговы съ ложными богами деревянными и каменными раздражило народъ, и онъ одобрилъ отказъ Эзекіи покориться царю ассирійскому. Исаія ободрялъ Эзекію и народъ, предсказывая, что Сеннахирима постигнетъ неудача:

«Ассуръ скажетъ: Такъ какъ рука моя овладѣла царствами идолическими, въ которыхъ кумировъ болѣе, нежели въ Іерусалимѣ, то не сдѣлаю ли того же съ Іерусалимомъ и

изваяніями его, что сдѣлалъ съ Самаріею и идолами ея? Силою руки моей и мудростію моею сдѣлалъ я это, потому что я уменъ; и переставляю предѣлы народовъ, и рука моя захватила богатства народовъ, какъ гнѣзда, и какъ забираютъ оставленные въ нихъ яйца, такъ забрала я всю землю, и никто не повелѣлъ крыломъ, и не открылъ рта, и не писнулъ.—И будетъ, когда Господь совершитъ все свое дѣло на горѣ Сіонѣ и въ Іерусалимѣ, скажетъ: посмотрю на успѣхъ надменнаго сердца царя ассирійскаго и на тщеславіе высоко поднятыхъ глазъ его» (Исаія X, 10, 11, 13, 14; 12).

Величественно было значеніе пророческой дѣятельности, когда Исаія, съ увѣренностью и энергіею человѣка, взгляду котораго открыто будущее, предсказывалъ неудачу могущественнаго царя ассирійскаго. Эзекія, прочитавъ письмо Сеннахирима, «пошелъ въ храмъ Господень, и развернулъ его (письмо) предъ лицомъ Господнимъ», и молился: «Господи, Боже нашъ, спаси насъ отъ руки его (Сеннахирима), и узнаютъ всѣ царства земли, что Ты, Господи, Богъ Одинъ!». Исаія, бывший до сихъ поръ горячимъ противникомъ союза съ Египтомъ, говорившій о необходимости спокойно покориться наказывающей рукѣ Господа, теперь, когда Святой Израилевъ былъ оскорбленъ Сеннахиримомъ, «послалъ къ Эзекіи сказать: Такъ говоритъ Господь о царѣ ассирійскомъ: Не войдетъ онъ въ сей городъ, и не броситъ туда стрѣлы, и не приступитъ къ нему съ щитомъ, и не насыпетъ противъ него вала. Тою же дорогою, которою пришелъ, возвратится, и въ городъ сей не войдетъ, говоритъ Господь» (4 Кн. Царствъ, XX, 22, 33; Исаія, XXXVII, 33, 34). А Сеннахириму Господь чрезъ Исаію возвѣщалъ: «Я издавна предначерталъ это, а нынѣ выполнилъ, что ты опустошаешь укрѣпленные города, превращая ихъ въ груды развалинъ, и жители ихъ стали маломощны, трепещутъ и остаются въ стыдѣ, стали какъ трава на полѣ, какъ опаленный хлѣбъ, прежде нежели выколосился»; а теперь «за твою дерзость противъ меня и за то, что надменіе твое дошло до ушей моихъ, я вложу кольцо мое въ ноздри твои и удила мои въ ротъ твой, и возвращу тебя назадъ тою же дорогою, которою ты пришелъ» (4 Кн. Царствъ, XIX, 24—28; Исаія XXXVII, 26—29).

И раньше, чѣмъ надѣялись угнетаемые бѣдствіемъ жители Іудеи, Основовженіе Іерусалима. совершился предсказанный Исаіею судъ божій надъ ассиріанами, были истреблены истребители. Мы видѣли (стр. 467), что Санхерибъ потерпѣлъ неудачу и возвратился въ Ниневію, которой угрожали враги болѣе близкіе, чѣмъ египтяне. Исаія, предвозвѣщая это спасеніе Іерусалиму, говорилъ:

«Такъ говоритъ Господь: Народъ Мой, живущій въ Сіонѣ, не бойся Ассура! Еще немного, очень немного, и пройдетъ Мое негодованіе (на тебя) и ярость Моя обратится на истребленіе ихъ. И подниметъ Господь Саваоѣхъ бычъ на него, какъ во время пораженія Мадіама у скалы Ориава. И будетъ въ тотъ день, снимется съ раменъ твоихъ бремя его и ярмо его съ шеи твоей».—«Шумъ народовъ многихъ! Шумятъ они, какъ шумитъ море. Ревъ племенъ! они режутъ, какъ сильныя воды. Но Онъ погрозилъ имъ

и они далеко побѣждали, и были гонимы, какъ прахъ по горамъ отъ вихря. Вечеръ—и вотъ ужасъ; и прежде утра уже итъ его (войска ассирійскаго). Такова участь грабителей нашихъ, жребій раззорителей нашихъ» (Исаія, X, 24—27; XVII, 12—14).

Во 2-й книгѣ Паралипоменонъ (XXXII, 21) объ этомъ рассказываетъ такъ: «Послалъ Господь Ангела, и онъ истребилъ всѣхъ храбрыхъ, и главноначальствующаго, и начальствующихъ въ войскѣ царя ассирійскаго. И возвратился онъ со стыдомъ въ землю свою». Въ 4-й Книгѣ Царствъ (XX, 35) говорится и о числѣ убитыхъ: «И случилось въ эту ночь: пошелъ Ангелъ Господень и поразилъ въ станѣ ассирійскомъ сто восемьдесятъ пять тысячъ». Та же самая цифра находится и у пророка Исаи (XXXVII, 36). Мы видѣли (стр. 189 и слѣд.), что и египетское преданіе приписывало внезапное отступленіе ассиріянь божественному чуду. Иудейскій народъ радовался спасенію своей столицы и долго пѣлъ объ этомъ чудесномъ событіи пѣсни побѣды и благодарности:

«Возшумѣли народы, двинулись царства: Всевышній далъ гласъ Свой, и растаяла земля. Богъ посреди его (Іерусалима); онъ не поколеблется: Богъ поможетъ ему съ ранняго утра. Приидите, и видите дѣла Господа, — какія произвелъ онъ опустошенія на землѣ: прекращая брани до конца земли, сокрушая лукъ и переломляя копье, колесницы сожегъ огнемъ. Остановитесь, и познайте, что Я твой Богъ: буду превознесенъ на землѣ» (Псаломъ 45) — «Богъ въ жилищахъ Его вѣдомъ, какъ заступникъ. Ибо вотъ сошлись цари, и прошли всѣ мимо; увидѣли, изумились, смутились и обратились въ бѣгство. Какъ слышали мы, такъ и увидѣли во градѣ Господа силу, во градѣ Бога нашего: Богъ утвердилъ его на вѣки». (Псаломъ 47).

Смерть Эзекии. Эзекиа занемогъ; болѣзнь казалась смертельною; онъ помолился со слезами Іеговѣ: «О, Господи, вспомни, что я ходилъ предъ лицомъ Твоимъ вѣрно и съ преданнымъ Тебѣ сердцемъ, и дѣлалъ угодное въ очахъ Твоихъ». Богъ помиловалъ его. Получивъ откровеніе объ этомъ отъ Господа, Исаія передалъ царю, что онъ проживетъ еще пятнадцать лѣтъ; по распоряженію Исаи, приложили раздавленные смоквы къ нарыву, которымъ страдалъ царь, нарывъ прорвался. По выздоровленіи, Эзекиа воспѣлъ Богу пѣснь благодаренія: «Я говорилъ: не увижу болѣе человѣка между живущими въ мірѣ; жилище мое снимается съ мѣста и уносится отъ меня, какъ шалашъ пастушескій. Ты избавилъ душу мою отъ рва погибели. Не нисшедшіе въ могилу уповаютъ на истину Твою; живой, только живой прославить Тебя, какъ я нынѣ» (4 Кн. Царствъ, XXXVIII, 9—19). Эта пѣсня превосходный памятникъ искренняго благочестія и поэтическаго таланта Эзекии.

Человѣкъ мягкаго характера, искренно преданный служенію Іеговѣ, Эзекиа покровительствовалъ развитію духовной поэзіи, въ которой самъ находилъ отраду; онъ одобрялъ дѣятельность пророковъ. Затруднительность положенія государства, измѣнчивость обстоятельствъ

возбуждала въ народѣ религіозныя мысли; пророки внушали ему, что преданность вѣрѣ отцовъ — единственный путь къ спасенію государства отъ гибели; вся умственная жизнь народа мало-по-малу получила религіозное направленіе. Вѣроятно, много благочестивыхъ, проникнутыхъ глубокимъ чувствомъ, пѣсень было составлено во времена Эзекии самимъ царемъ, священниками, пророками, благочестивыми людьми изъ народа; тогда были такія трудныя времена, что люди должны были искать отраду въ мысляхъ о богѣ («При умноженіи скорбей моихъ въ сердцѣ моемъ, утѣшенія Твои улаживаютъ душу мою». Псаломъ XCIII, 19); неожиданныя спасенія отъ бѣдъ должны были порождать пѣсни торжества и благодаренія, исполненные свѣтлаго упованія на Бога, какъ псалмы XLV и XLVII, а годы мира и благоденствія по отступленіи ассиріянь должны были вызывать пѣсни радостной признательности къ Богу за изобиліе всего надобнаго для жизни («Ты посѣщаешь землю и обильно обогащаешь ее. Луга одѣваются стадами и долины покрываются хлѣбомъ», псаломъ LXIV, 10, 14). Во всѣхъ этихъ пѣсняхъ мы видимъ болѣе художественныя формы, чѣмъ въ прежнихъ, видимъ любовь къ живости описаній, къ неожиданнымъ оборотамъ мыслей. — При Эзекии было составлено новое собраніе притчей и присоединено къ прежнему, какъ это и сказано въ надписи новаго сборника: «и это притчи Соломона, которыя собрали мужи Эзекии, царя іудейскаго». (Книга притчей, XXV, 1). Афоризмы объ обязанностяхъ царя, помѣщенные въ новомъ сборникѣ, даютъ очень выгодное понятіе о правилахъ, которыхъ держался Эзекиа и показываютъ вѣрность его мыслей относительно опасностей, окружающихъ царя.

«Слава Божія — облекать тайною дѣло, а слава царей — изслѣдовать дѣло. — Удали неправеднаго отъ царя, и престолъ его утвердится правдою. — Кто отклоняетъ ухо свое отъ слушанія закона, того и молитва мерзость. — Не отдавай женщинамъ силу твоихъ, ни путей твоихъ губительницамъ царей. Не царямъ, Лемуналь, не царямъ пить вино, и не князьямъ сикеру, чтобы, напившись, они не забыли закона и не превратили суда всѣхъ угнетаемыхъ. — Дайте сикеру погибающему, и вино огорченному душою; пусть онъ пьетъ и забудетъ бѣдность свою и не вспомнитъ болѣе о своемъ страданіи. Открывай уста свои за безгласнаго и для защиты всѣхъ сиротъ; открывай уста твои для правосудія и для дѣла бѣднаго и нищаго».

Но центромъ умственной жизни при Эзекии была дѣятельность пророковъ, имѣвшихъ тогда великаго вождя, въ лицѣ Исаи, царя между пророками по своему величію. Жизнь его, исполненную подвиговъ, мы знаемъ изъ его рѣчей. Быть можетъ, онъ лично участвовалъ и въ томъ торжествѣ пророковъ, которое описываетъ. Многіе ученые приписываютъ ему и псалмы 45-й, 46-й, 47-й. Но если они и не принадлежатъ ему, все равно величественна дѣятельность его; мы пополнимъ въ слѣдующемъ подробномъ очеркѣ тѣ свѣдѣнія о ней, которыя ужъ были приведены нами.

Псалмы.

ПРОРОКЪ ИСАІЯ.

Подробный очеркъ дѣятельности Исаіи. Пророки, о которыхъ говорили мы прежде, принадлежали по своему происхожденію или по крайней мѣрѣ по своей дѣятельности, царству израильскому. Исаія—могучій человекъ, въ пророческихъ рѣчахъ котораго отражается вся внутренняя и внѣшняя жизнь царства Іудейскаго въ продолженіе нѣсколькихъ десятилѣтій. Его рѣчами о событіяхъ его времени, о мѣстныхъ дѣлахъ его отечества пополняются краткіе рассказы 4-ой Книги Царствъ и 2-ой Книги Паралипоменонъ. Благодаря ему, мы знаемъ состояніе общества и ходъ исторіи іудейскаго народа и царства при Озіи, Іоааамѣ, Ахазѣ и Іезекіи такъ же основательно, какъ благодаря Іереміи, жившему черезъ сто лѣтъ послѣ него, знаемъ бытъ и исторію іудеевъ при четырехъ послѣднихъ царяхъ. Событія личной жизни „сына Амосова“ мало извѣстны намъ; но ходъ его умственной жизни, исторія его мыслей раскрывается передъ нами въ его рѣчахъ и сужденіяхъ съ такою полнотою, что мы видимъ и все то, чѣмъ занята была его душа: весь бытъ народа, всѣ стремленія его современниковъ, всѣ ихъ понятія о національныхъ дѣлахъ, всѣ перемѣны въ ихъ правахъ и образѣ мыслей. Жизнь Исаіи—зеркало, въ которомъ отражается исторія его времени; а его книга—норма для оцѣнки литературной и научной образованности его времени. Но и дѣла другихъ странъ—Самаріи, Сиріи, Египта, Ассиріи во многомъ разъясняются его рѣчами; онъ человекъ могучаго ума; онъ проповѣдникъ, но онъ и государственный человекъ, вождь народа. И могущественны были его рѣчи: ни въ дни счастья, ни въ дни бѣды, ни цари, ни народъ не могли противостать дѣйствію его рѣчей, въ которыхъ звучала твердая вѣра энергическаго человека, убѣжденнаго, что онъ говоритъ по божественному откровенію. Съ его непоколебимымъ убѣжденіемъ въ своей боговдохновенности соединена была чрезвычайная проницательность ума, основательность сужденій о ходѣ дѣлъ. Мы представимъ очеркъ жизни его сердца, и въ исторіи его души увидимъ отраженіе религиозныхъ понятій его націи, общественнаго и домашняго быта ея, всю ея исторію въ его время. Когда Исаія былъ молодъ, царствовалъ Озіи; страна тогда благоденствовала, была полна „серебромъ и золотомъ“ и не было „числа сокровищамъ“, и Исаія въ царствованіе Озіи была страна полна конями, и не было числа колесницамъ (Исаія II, 7). Въ годъ смерти Озіи, о временахъ котораго пророкъ всегда говорилъ съ теплотою воспоминаній свѣтлой молодости, Исаія, почувствовавшій, что въ немъ совершилось нравственное очищеніе, получилъ отъ Господа призваніе обличать грѣхи и преступленія народа своего, возвѣщать народу наказаніе Господне, если онъ останется упоренъ въ нихъ, но и ободрять сердца надеждою на прекрасное будущее, которое расцвѣтетъ на развалинахъ настоящаго. Господь повелѣлъ ему идти и проповѣдывать грѣховному народу, „доколѣ не опустѣютъ города и останутся безъ жителей, и доколѣ земля эта совсѣмъ не опустѣетъ“. (Книга пророка Исаія, VI, II). Исаія посвятилъ себя своему призванію. Онъ сознавалъ, что божественная благодать коснулась устъ его (VI, 7); это давало ему боговдохновенную силу исполнять повелѣніе Божіе, жертвовать для того всѣми житейскими благами (VI, I слѣд.).

„Слушайте, небеса, и внимай земля, потому что Господь говоритъ“—такъ начинается собраніе рѣчей Исаіи: „Я воспиталъ и возвысилъ сыновей, а они возмущились противъ Меня. Волъ знаетъ владѣтеля своего, и оселъ ясли господина своего, а Израиль не

знаетъ Меня. Оставили Господа, презрѣли Святого Израилева. Вся голова (у Израіля) въ язвахъ, и все сердце исчахло“ (I, 1—5). Исаія описываетъ испорченность нравовъ, распространяющуюся отъ высшихъ классовъ по всему народу: „Какъ сдѣлалась блудницею вѣрная столица, исполненная правосудія! Правда обитала въ ней, а теперь—убійцы. Серебро твое стало изгарью, вино твое испорчено водою. Князья твои—законопреступники и сообщники норовъ; всѣ они любятъ подарки и гоняются за мздою; не защищаютъ сироты, и дѣло вдовы не доходитъ до нихъ“ (I, 21—23). „Очищу съ тебя примѣсь“, говоритъ Господь Іерусалиму: „И опять буду поставлять тебѣ судей, какъ прежде. Сіонъ спасется правосудіемъ. Всѣмъ же отступникамъ и грѣшникамъ—погибель. Они будутъ постыжены за дубровы (Астарты), которые столь возжеланны для васъ, и посрамлены за сады (ея), которые вы избрали себѣ. Ибо вы будете какъ дубъ, листъ котораго опалъ, и какъ садъ, въ которомъ нѣтъ воды. И сильный будетъ отрѣземъ, а дѣло его искрою; и будутъ горѣть выѣстъ, и никто не потушитъ“ (I, 25—31). Кромѣ несправедливости судей и распространяющагося идолопоклонства, пророкъ возстаетъ особенно на роскошь и на страсть іудейскихъ женщинъ къ нарядамъ: „И сказалъ Господь: за то, что дочери Сіона надменны, и ходятъ поднимая шею и оболщая взорами, и выступаютъ величавою поступью и гремятъ цѣпочками на ногахъ, оголить Господь темя дочерей Сіона и обнажитъ Господь срамоту ихъ. Въ тотъ день отниметъ Господь красивыя цѣпочки на ногахъ и звѣздочки, и луночки, серьги, и ожерелья, и опашала, и запястья, и пояса, и сосуды съ духами, и привѣски волшебныя, перстни, и кольца въ носу, верхнюю одежду и нижнюю, и платки, и кошельки, свѣтлыя тонкія епанчи, и пояски и покрывала; и будетъ вмѣсто благовонія зловоніе, и вмѣсто пояса будетъ веревка, и вмѣсто завитыхъ волосъ плѣшь, и вмѣсто широкой епанчи узкое вретнище, вмѣсто красоты—клеймо. Мужи твои падутъ отъ меча; и храбрые твои, на войнѣ. И будутъ вздыхать и плакать ворота столицы, и будетъ она сидѣть на землѣ опустошенная“ (III, 16—25). Пусть царь не надѣется на высокія башни и вѣрныя стѣны, построенныя имъ и его отцомъ: „грядетъ день“ суда Господа Саваоа на все высокое и высокѣйшее и на все превознесенное, и оно будетъ унижено“ (II, 12).

Если при благочестивомъ царѣ Іоааамѣ состояніе общества было ужь таково, что заслуживало очень суровыхъ порицаній, то конечно оно должно было стать еще гораздо хуже въ несчастное царствованіе Ахаза, когда сладострастный дворъ и нравственно испорченная аристократія увлекались иноземною роскошью и языческимъ богослуженіемъ, а бѣдствія опустошительной войны приводили народъ въ отчаяніе, и грозный непріятель постоянно былъ на границахъ государства, выжидая случая уничтожить его.

Дѣятельность Исаіи при Ахазѣ.

Еще при Іоааамѣ Исаія предвидѣлъ бѣдствія, которыя постигли Іудею при Ахазѣ. Богъ говорилъ устами его: „Притѣснители народа Моего—дѣти, и женщины господствуютъ надъ нимъ. Народъ Мой! вожди твои вводятъ тебя въ заблужденіе, и путь стезей твоихъ испортили“ (III, 12). Скоро проявилось вліяніе двора и развратныхъ вельможъ: безнравственность распространилась во всемъ народѣ; и пророкъ „воспѣлъ“ пѣснь о „виноградникѣ Возлюбленнаго своего“: „У Возлюбленнаго моего былъ виноградникъ на вершинѣ утучненной горы. И онъ обнесъ его оградой, и очистилъ его отъ камней, и насадилъ въ немъ отборныя виноградныя лозы, и всячески заботился о немъ; и ожидалъ, что онъ принесетъ добрыя грозды, а онъ принесъ дикія ягоды“; господинъ виноградника говоритъ: „И нынѣ, жители Іерусалима и мужи Іуды, разсудите Меня съ виноградникомъ Моимъ. Я скажу вамъ, что сдѣлаю съ виноградникомъ Моимъ: отниму у него ограду, и будетъ онъ опустошаемъ; и оставлю его въ запустѣніи, и заростетъ онъ тернами и волчцами“ (V, 1—6). Въ слѣдъ за этою пѣснью, пророкъ обращаетъ свои обличенія противъ алчности и роскоши богатыхъ: „Горе вамъ, прибавляющіе домъ къ дому, присоединяющіе поле къ полю, такъ что другимъ не остается мѣста, какъ будто вы одни поселены на землѣ. Многочисленные дома эти будутъ пусты. Горе тѣмъ, ко-

торые съ раннего утра ищут сикеры и до позднего вечера разгораютъ себя виномъ. И цитра, и гусли, тимпанъ и свирѣль, и вино на пиршествахъ ихъ; а на дѣла Господа они не изираютъ. Горе тѣмъ, которые храбры пить вино, и сильны приготовить крѣпкій напитокъ, которые за подарки оправдываютъ виновнаго, и правыхъ лишаютъ законнаго! Горе тѣмъ, которые влекутъ на себя беззаконіе вервами суетности, и грѣхъ какъ бы ремнями колесничными! За то возгорится гнѣвъ Господа на народъ Его, и простретъ Онъ руку Свою на него, и поразитъ его, такъ что содрогнутся горы, и трупы будутъ на улицахъ» (V, 8—25). Наказаніе отъ Господа постигло Іудею, когда Факей Эфремскій и Рецинь Дамасскій вторглись въ это маленькое государство и стали опустошать его. Мы ужъ говорили, что Исаія старался тогда внушить Ахазу мужество, надежду на помощь Божію, удержать его отъ вступленія въ союзъ съ ассирианами, но что его убѣжденія не подѣйствовали на безразсуднаго царя. Пророкъ ясно предвидѣлъ результаты призыва ассириинъ на помощь Іудеѣ. Онъ говорилъ: они покорятъ царства Самарійское и Дамасское; но послѣ того станутъ врагами Іудеѣ, болѣе страшными, чѣмъ эти царства: «Вотъ Дамаскъ исключается изъ числа городовъ и будетъ грудой развалинъ. Города Ароерскіе будутъ покинуты, останутся для стадъ, которые будутъ отдыхать тамъ, и некому будетъ пугать ихъ. Не станетъ твердыни Эфремовой и царства Дамасскаго» (XVII, 1—3). Но и на Іудею «наведетъ Господь воды рѣки бурныя и большія, царя ассирійскаго со всею славою его; и пойдетъ по Іудеѣ (эта рѣка), и наводнитъ ее, высоко поднимется, дойдетъ до шеи» (VIII, 7, 8); «И гдѣ росла тысяча виноградныхъ лозъ, будетъ терновникъ и колючій кустарникъ, и ни на одну изъ горъ, которыя расчищались бороздниками, не пойдешь, боясь терновника и колючаго кустарника; туда будутъ выгонять коровъ и мелкій скотъ» (VII, 23, 25). Но при Ахазѣ дѣло еще не дошло до этого: царь іудейскій призналъ надъ собою власть царя ассирійскаго; силы Салманасара были заняты войнами съ Финикією и царствомъ Самарійскимъ; благодаря тому, ассирійскія войска не приходили опустошать Іудею. Когда они шли на Финикію, потомъ на Самарію, филистимлянъ, аммонитянъ, Исаія предсказывалъ гибель этихъ и другихъ сосѣднихъ съ Іудеею народовъ. Эти его пророчества очень богаты поэтическими картинами. Напримѣръ въ «пророчествѣ о Моавѣ» (главы XV и XVI) онъ говоритъ: «Моавъ восходитъ на высоты, чтобы плакать; на улицахъ его препоясываются вѣтхимъ; на кровляхъ его и площадяхъ его все рыдаетъ, утопаетъ въ слезахъ. Поля Эссевонскія оскудѣли, также и виноградникъ Севамскій; властители народовъ истребили лучшія лозы его. Исчезло съ плодоносной земли веселіе и ликованіе, и въ виноградникахъ не поютъ, не ликуютъ, виноградарь не топчетъ винограда въ точилахъ» (XV, 2—4; XVI, 8, 10). Пророкъ описываетъ, какъ «дочери Моава» будутъ искать спасенія въ Іерусалимѣ, гдѣ будетъ праведный царь: «Блуждающей птицѣ, выброшенной изъ гнѣзда, будутъ подобны дочери Моава у бродовъ Арнонскихъ. Будь имъ покровомъ отъ грабителя, и утвердятся престолъ милостію, и возсѣдетъ на немъ, въ шатрѣ Давидовомъ, судія, ищущій правды и правосудія» (XV, 2, 5).

Дѣятельность Исаіи при Эзекіи. Этимъ царемъ былъ благочестивый Эзекія, другъ Исаіи; вѣроятно, при вѣтствіемъ ему при вступленіи на престолъ были прекрасныя слова пророка: «Народъ, ходящій во тмѣ, увидитъ свѣтъ великій; на живущихъ въ странѣ тѣни смертной свѣтъ возсіяетъ. Ты умножишь народъ, увеличишь радость его. Онъ будетъ веселиться предъ тобою, какъ веселятся во время жатвы, какъ радуются при раздѣлѣ добычи. Ибо ярмо, тяготившее его, и жезлъ, поражавшій его, и трость притѣснителя его ты сокрушишь» (IX, 2—4).

Мы ужъ рассказывали, что Исаія поддерживалъ Эзекію своими совѣтами въ опасностяхъ, которымъ подвергалось государство; мы видѣли, какъ онъ грозилъ и ободрялъ, удерживая царя и народъ отъ гибельныхъ намѣреній. Легкомысленному совѣтнику царя, начальнику дворца

Савиѣ, онъ предсказалъ близкое паденіе и то, что Эліакимъ будетъ «одѣтъ въ одежду» его и «описанъ поясомъ» его (XXII, 15 слѣд.). Исаія описывалъ въ своихъ пророчествахъ бѣдствія и опустошенія, которымъ подвергнется Египетъ отъ вторженія ассирианъ, отъ междоусобія (XIX, 2), отъ деспотичныхъ царей, отъ гибельныхъ явленій природы, и отклонялъ этими предсказаніями царя и аристократическую придворную партію отъ союза съ ненадежнымъ государствомъ, съ этою «тростью надломленною» (XXXVI, 6). Онъ порицалъ «народъ мятежный, дѣтей лживыхъ, которыя провидящимъ говорятъ: перестаньте провидѣть, и пророкамъ: не пророчествуйте намъ правды, говорите намъ лестное, предсказывайте пріятное» (XXX, 9, 10). Онъ предсказывалъ осаду Іерусалима, когда время праздника станетъ временемъ трепета и стона; предсказывалъ опустошеніе страны: «Женщины безнечны, послушайте голоса моего. Еще нѣсколько дней сверхъ года, и ужаснетесь, безнечныя; ибо не будетъ обиранія винограда, и время жатвы не настанетъ. На землѣ народа моего будутъ расти терны и волчцы, и на всѣхъ домахъ веселія въ ликующемъ городѣ; чертоги будутъ оставлены, ибо шумный городъ будетъ повинуть; офель и башня будутъ навсегда служить вмѣсто пещеръ, убѣжищемъ дикихъ ословъ и пасущихся стадъ» (XXXII, 10—14).

Но какъ ни мрачны краски, которыми Исаія изображаетъ будущее, какъ ни напрасна кажется ему надежда отразить приближающіяся ассирійскія войска, которыя Іегова посылаетъ наказъ народы,—въ его пророчествахъ много отрадныхъ предсказаній счастливаго будущаго. Онъ имѣлъ и высказывалъ царю и народу твердую увѣренность, что Сіонъ не падетъ, Іерусалимъ не будетъ взятъ; самыя мрачныя его предвѣщанія всегда просвѣтлены лучами сіяющаго счастьемъ будущаго, которое наступитъ послѣ бѣдствій; на развалинахъ настоящаго расцвѣтетъ новая жизнь людей поколѣнія, лучшаго, чѣмъ нынѣшнее; при царѣ, потомкѣ Давида, возвратится время величія и счастья, какое было при Давидѣ; сердца людей обратятся къ Іеговѣ; «высоты», на которыхъ народъ служилъ теперь языческимъ богамъ, опустѣютъ. Когда придутъ бѣдствія, которыя Господь пошлетъ на всѣ народы, и на слабые и на сильные, когда беззаконники и грѣшники, идолослужители и сластолюбцы, непокорные Господу, будутъ истреблены въ Іудеѣ, когда цвѣтущія поля, опустошенныя непріятельскими войсками, обратятся въ безлюдныя пастбища, когда великолѣпные дома со всѣмъ ихъ роскошнымъ убранствомъ будутъ разрушены, то для «небольшаго остатка» іудеевъ, который уцѣлѣетъ отъ гибели, начнется вѣкъ счастья и мира; эти добродѣтельные люди будутъ служить Іеговѣ въ искренности и чистотѣ сердца правдою и чистотою жизни.

«Когда Господь омоетъ скверну дочерей Сіона и очиститъ кровь Іерусалима изъ среды его духомъ суда и духомъ огня, и падетъ величіе человеческое и высокое людское унижится,—ты (народъ Іудейскій) не будешь много плакать: Онъ (Господь) помилуетъ тебя по голосу вопля твоего, и какъ только услышитъ его, отвѣтитъ тебѣ. И дастъ вамъ Господь хлѣбъ въ горести и воду въ нуждѣ. Въ тотъ день человекъ броситъ кротамъ и летучимъ мышамъ серебряныхъ своихъ идоловъ и золотыхъ своихъ идоловъ, и одинъ Господь будетъ высокъ въ тотъ день» (IV, 4; II, 17; XXX, 19, 20, 22, 26; II, 20; II, 17). Тогда простретъ Господь руку свою на Сіонъ, и воздвигнетъ знамя свое на немъ, и обратится къ нему народы. (XI, 11). «И произойдетъ отрасль отъ корня Іессеева. И почиетъ на немъ (этомъ потомкѣ Давида) духъ премудрости и разума, духъ совѣта и крѣпости. Онъ будетъ судить по правдѣ, и дѣла страдальцевъ земли рѣшать по истинѣ. И будетъ препоясаніемъ чреслъ его правда, и препоясаніемъ бедръ его истина. Тогда волкъ будетъ жить вмѣстѣ съ агнцемъ, и барсъ будетъ лежать вмѣстѣ съ козленкомъ, и левъ,

Надежды на будущее.

какъ полъ, будетъ ѣсть солому, и младенецъ будетъ играть надъ норою аспида. Не будутъ дѣлать зла и преда на всей святой горѣ Моей. И Господь снова простретъ руку свою, чтобы возвратить себѣ остатокъ народа своего, и соберетъ остатокъ Израили. Эфремъ не будетъ завидовать Иудѣ, и Иуда не будетъ притѣснять Эфрема. И будетъ въ тотъ день, къ корню Иессееву, который станетъ, какъ знамя для народовъ, обратятся язычники, и покой его будетъ слава. И пойдутъ многіе народы, и скажутъ: Приидите, и взойдемъ на гору Господню, въ домъ Бога Іаковлева, и научить онъ насъ своимъ путямъ, и будемъ ходить по стезямъ Его. И будетъ онъ судить народы; и перекуютъ мечи свои на орала, и копыя свои на серпы; не подниметъ народъ на народъ меча, и не будутъ болѣе учиться воевать (XI, 1—18; II, 3, 4).

Пророкъ Михей. Пророчество о томъ, что соберутся многіе народы на гору Господню, научатся ходить путями Господа, и перекуютъ мечи свои на орала, повторяется тѣми же самыми словами у пророка Михея Марасейтина, т. е. уроженца Марасеы (Михей, IV, 2, 3). Онъ пророчествовалъ въ первые годы царствованія Эзекии. Современникъ Исаи, Михей проповѣдовалъ поселянамъ въ томъ же духѣ, въ какомъ Исаія говорилъ жителямъ Іерусалима. Онъ тоже предвѣщалъ, что царство Іудейское подвергнется судьбѣ, какая ужъ постигла царство Самарійское. Онъ предсказывалъ, что «Сіонъ распаханъ будетъ какъ поле, и Іерусалимъ сдѣлается грудой развалинъ, и гора дома сего (Храма) будетъ лѣсистымъ холмомъ» (III, 12), въ наказаніе за то, что «главы его (Іерусалима) судятъ за подарки и священники учатъ за плату, и пророки его предвѣщаютъ за деньги» (III, 11); «пожелаютъ полей, и берутъ ихъ силою, домовъ—и отнимаютъ ихъ; обираютъ человека и его домъ, мужа и его наслѣдіе» (II, 2). Проникнутый тѣми же стремленіями, какъ Исаія, Михей передаетъ жителямъ мелкихъ мѣстечекъ Іудейскихъ величественныя рѣчи Исаи болѣе простымъ языкомъ.

Подобно Исаиѣ, Михей изобличаетъ беззаконія вельможъ и духовенства, но въ особенности сильно возстаетъ онъ противъ лживыхъ пророковъ. Были люди, пророчествовавшіе въ угожденіе ошибочнымъ мыслямъ царя и народа; разумеется, ихъ предсказанія были выслушиваемы съ удовольствіемъ. Беззаконники не любятъ истинныхъ пророковъ, говоритъ Михей, и продолжаетъ: «Не пророчествуйте, пророки, не пророчествуйте имъ. Если бы какой нибудь вѣтренникъ выдумалъ ложь и сказалъ: Я буду проповѣдывать о винѣ и сикерѣ, то онъ и былъ бы удобнымъ проповѣдникомъ для этого народа» (II, 6, 11).—«Я буду плакать и рыдать, какъ ограбленный». (I, 8). Но постыжены будутъ ложные пророки тѣмъ, что не исполнятся ихъ предсказанія; «а я исполню силы Духа Господня, правды и твердости, чтобы высказать Іакову преступленіе его и Израилу грѣхъ его» (III, 8). Подобно Исаиѣ, Михей возвѣщаетъ, что Господь накажетъ Іудею за грѣховность ея: «Такъ какъ богачи его (Іерусалима и всего царства іудейскаго) исполнены неправды, и жители его говорятъ ложь, и языкъ ихъ есть обманъ въ устахъ ихъ, сынъ позоритъ отца, дочь возстаетъ противъ матери, невѣстка противъ свекрови своей, враги человеку домашніе его» (VI, 12; VII, 6), то «говоритъ Господь: истреблю коней твоихъ изъ среды твоей и уничтожу колесницы твои; истреблю города въ землѣ твоей и разрушу всѣ укрѣпленія твои; исторгну чародѣянъ изъ руки твоей, истреблю истуканы твои и кумиры изъ среды твоей, и не будешь болѣе поклоняться издѣланнымъ рукъ твоихъ» (V, 10—13). Подобно Исаиѣ, Михей говоритъ, что на развалинахъ настоящаго будетъ создано Господомъ благоденствіе: настанетъ счастливое время, когда іудеи, избѣжавшіе отъ бѣдъ, будутъ истинно служить Богу; и онъ проститъ грѣхи «остатку наслѣдія своего».—«Не вѣчно гнѣвается Онъ, потому что любитъ миловать. Онъ опять умилосердится надъ нами, изгладитъ беззаконія наши. Ты ввергнешъ въ пучину морскую всѣ грѣхи наши» (VII, 18, 19). Подобно Исаиѣ, Михей говоритъ, что избавитель, который

будетъ основателемъ этого благоденствія, будетъ происходить отъ дома Давидова, родною втораго былъ Виедеемъ: «Ты, Виедеемъ, малъ ли ты между тысячи Іудиными? Изъ тебя произойдетъ Мнѣ тотъ, который долженъ быть владыкою въ Израилѣ, и котораго происхожденіе изъ начала, отъ дней вѣчныхъ» (V, 2).

2. Угнетеніе вѣры при Манассіи, и преобразование, свершенное Іосіею.

(690—620).

По смерти Эзекии вступилъ на престолъ двѣнадцати-лѣтній сынъ его, Манассія; царствованіе Манассіи продолжалось 55 лѣтъ. Возведеніемъ своимъ на престолъ онъ былъ обязанъ, вѣроятно, усиліямъ партіи, преданной языческому богослуженію: она была оттѣснена Исаіею отъ вліянія на дѣла; при Манассіи ей удалось повернуть ихъ на тотъ путь, которымъ велъ государство дѣдъ новаго царя, Ахазъ. Манассія видѣлъ, что боги ассирійцы побѣдили боговъ всѣхъ другихъ народовъ; потому онъ возстановилъ изображенія и жертвенники, разрушенныя Эзекиемъ, возобновилъ въ Іудѣ вавилонское поклоненіе небеснымъ свѣтиламъ («воинству небесному»), вновь построилъ имъ маленькіе жертвенники на кровлѣ храма, поставилъ имъ на дворахъ храма два большіе; поставилъ въ храмъ Господнемъ «истуканъ Астарты» и сталъ совершать въ храмъ Господнемъ служеніе ей; построилъ при храмъ нѣсколько домовъ, въ которыхъ жрицы сладострастнаго культа Астарты ткали священныя одежды; въ долинѣ сыновъ Энномовыхъ, гдѣ ужъ Ахазъ принесъ одного изъ своихъ сыновей въ жертву Молоху, Манассія возобновилъ сладострастно-свирѣпое служеніе этому богу и черезъ нѣсколько времени тоже принесъ своего сына въ жертву ему. Онъ «гадалъ и ворожилъ, и завелъ вызывателей мертвецовъ и волшебниковъ» (4 кн. Царствъ XXI, 6). Возобновилъ тѣ формы языческаго богослуженія, которыя существовали при Ахазѣ, онъ перенесъ въ Іерусалимъ другія, которыхъ прежде не было тамъ.

Манассія.
697—642.
Увеличеніе
идолопоклон-
ства и преслѣ-
дованіе правед-
ныхъ.

Разсказъ 4-й Книги Царствъ о гнусномъ времени Манассіи и его сына, Аммона, кратокъ; но пополняется извѣстіями, находящимися во второмъ отдѣлѣ книги пророчествъ Исаи, въ книгѣ пророка Іереміи, въ нѣкоторыхъ псалмахъ; они бросаютъ нѣсколько лучей яркаго свѣта на исторію этого періода, когда храмъ Іеговы былъ оскверненъ идолослуженіемъ и «сколько городовъ» было у Іуды, «столько и боговъ» (Іеремія II, 28), когда, кажется былъ даже вынесенъ ковчегъ завета изъ Святого Святыхъ и разрушенъ жертвенникъ Іеговы на дворѣ храма. Въ это время владыче-

ствовала партія, приверженцы которой характеризуются во второмъ отдѣлѣ книги Исаіа названіями: „дѣти преступленія, сѣмя лжи“ (Исаіа LVII, 4); „разжигаемые похотью къ идоламъ подъ каждымъ вѣтвистымъ деревомъ, закаляющие дѣтей при ручьяхъ, между разсѣлинами скалъ“, они „на каждой высокой горѣ“ ставили „ложе“ срадоустраснаго служенія своего, и на этихъ ложахъ, „за дверьми и за косяками“ предавались разврату своего языческаго культа (Исаіа, LVII, 4—8). Въ книгѣ пророка Іереміи (VII, 30—32) Іегова говоритъ: „Сыновья Іуды поставили мерзости свои въ домъ, на которомъ наречено имя Мое, чтобы осквернить его; и устроили высоты Тофета въ долинѣ сыновей Энномовыхъ, чтобы сжигать сыновей своихъ и дочерей своихъ въ огнѣ: вотъ за то приходятъ дни, когда не будутъ болѣе называть мѣсто сіе Тофетомъ и долиною сыновей Энномовыхъ, но долиною убійства; и прекращу въ городахъ Іудей и на улицахъ Іерусалима голосъ торжества и голосъ веселія, голосъ жениха и голосъ невесты, потому что земля эта будетъ пустынею“.

Большинство народа подражало примѣру двора; знатные охотно подчинялись приказаніямъ строгаго царя, подчинялись и люди индифферентные, люди слабаго характера. Многіе изъ пророковъ, прежде ревновавшихъ о Господѣ, теперь смотрѣли на все молча, стали «нѣмыми псами, не могущими лаять, бредящими лежа, любящими спать» (Исаіа LVI, 10) или даже «пророчествовали во имя Ваала» (Іереміа II, 8). Многіе «пастыри отпали» отъ Іеговы, приносили жертвы идоламъ, «говоря дереву: ты мой отецъ, и камню: ты родилъ меня» (Іерем. II, 8, 27. Софонія III, 4). Лицемѣріе, обманъ, нарушение чужихъ правъ вошли въ нравы всѣхъ сословій; «торговцы» и «люди обремененные серебромъ» (Софонія I, 11) думали только о корысти; сластолюбцы, равнодушные ко всему кромѣ чувственныхъ наслажденій, говорили другъ другу: «Приходите, я достану вина, и мы напьемся сикеры; и завтра будетъ то же, что сегодня, да еще и больше» (Исаіа LVI, 12). Противъ служащихъ Іеговѣ «расширяли ротъ», «глумились» надъ ними (Исаіа LVII, 4); праведники умирали въ скорби, нищетѣ (LVII, 1; LIII, 3), и имъ «назначали гробъ со злодѣями» (LIII, 9). Благочестивые люди, вѣрные Іеговѣ, подвергались тяжкимъ преслѣдованіямъ. Чѣмъ охотнѣе подчинялось большинство народа волѣ Манассіи, служило идоламъ, тѣмъ сильнѣе разгорался гнѣвъ царя на непокорныхъ. Если пророкъ оставался вѣренъ Іеговѣ и возвѣщалъ слова Господа: «Протину на Іерусалимъ мѣрную вервь Самаріи и отвѣсѣ дома Ахавова, и вытру Іерусалимъ такъ, какъ вытираютъ чашу,—вытрутъ и опрокинутъ ее» (4 Кн. Царствъ XXI, 13),—то отъ важнаго пророка убивали; «пролилъ Манассія весьма много невинной крови, такъ что наполнилъ ею Іерусалимъ отъ края до края». (4 Кн. Ц. XXI, 16). Есть древнее преданіе, что Исаія, скрывшійся въ дуплѣ кедра, и замѣченный тамъ, былъ перепиленъ вмѣстѣ съ кедромъ. Преслѣдованіе было обращено болѣе всего на пророковъ, какъ видимъ изъ словъ Іереміи (II, 30): «Пророковъ вашихъ поядалъ мечъ вашъ, какъ истребляющій левъ». Но чѣмъ жесточе было гоненіе на

нихъ, тѣмъ сильнѣе пробуждалось усердіе вѣрныхъ служителей Іеговы, сознание обязанности противиться беззаконію. Подавляемые идеи становятся отъ стѣсненій болѣе энергичными, преслѣдованіе за вѣру усиливаетъ любовь къ ней, даетъ ей мучениковъ, слава которыхъ увеличиваетъ число ея приверженцевъ. Въ историческихъ книгахъ Библии нѣтъ извѣстій о религіозной борьбѣ въ царствованіи Манассіи и Аммона; онѣ не сообщаютъ намъ ничего о сопротивленіи служителей Іеговы языческому деспотизму; но смуты вѣроятно были сильны, и вѣроятно совершенно расшатали государство, и безъ того разстроенное. По немногимъ и отрывочнымъ даннымъ мы все таки видимъ, что эти тяжелыя времена были періодомъ очищенія понятій служителей Іеговы. Знаменитая 53-я глава книги пророка Исаіа говоритъ о праведникѣ. «Онъ изъязвленъ былъ за грѣхи наши и мучимъ за беззаконія наши; наказаніе мира нашего на немъ и ранами его мы исцѣлились; онъ истязуемъ былъ, но страдалъ добровольно; какъ овца онъ былъ веденъ на закланіе, и не отверзалъ устъ своихъ». Много было при Манассіи истинновѣрующихъ въ Іегову, засвидѣтельствовавшихъ искренность своей вѣры твердымъ перенесеніемъ бѣдствій и гоненій, умершихъ добровольными жертвами за грѣхи отцовъ; преслѣдованіемъ, которому подвергались они, была очищена вѣра Іудейскаго народа въ Іегову.

Въ такихъ раздорахъ маленькое царство іудейское должно было утратить послѣднія свои силы. Потому сосѣднія племена, покоренныя Озіею, возвратили себѣ независимость отъ іудеевъ, и на этотъ разъ ужь окончательно. Во 2-й книгѣ Паралипоменонъ (XXXIII, 11—14) мы читаемъ, что «военачальники царя ассирійскаго заковали Манассію въ кандалы и отвели въ Вавилонъ». Премники Санхериба, Асаргадонъ и Асурбанипаль, воевали съ египтянами; ассирійскія войска, ходившія мимо Іудей, легко могли войти въ обезсиленный смутами Іерусалимъ. Далѣе, во 2-й книгѣ Паралипоменонъ разсказывается, что въ плѣну Манассія «смирился предъ Богомъ отцовъ своихъ», что «Богъ услышалъ моленіе его и возвратилъ его въ Іерусалимъ на царство его». Очень можетъ быть, что по возвращеніи на царство онъ сталъ болѣе кроткимъ, болѣе разсудительнымъ, чѣмъ былъ прежде. Но языческое богослуженіе не было отмѣнено имъ. Могущество Египта возрастало при современникѣ Манассіи, Псамметихѣ; кажется, что въ послѣдніе годы своего царствованія Манассія надѣялся найти въ Египтѣ опору себѣ противъ ассиріянъ, если они вновь пойдутъ на Іудею. Онъ поставилъ гарнизоны по крѣпостямъ, поправилъ вторую стѣну кругомъ Іерусалима, и, кажется, даже заключилъ союзъ съ Псамметихомъ, приславшимъ ему военныхъ коней и въ замѣнъ того получившимъ отрядъ іудейскихъ наемниковъ.

Усердныхъ служителей Іеговы осталось много, и они сохраняли бодрость духа; это обнаружилось вскорѣ по смерти Манассіи. Сынъ

Плѣнъ Манассіи.

Аммонъ 642 — его, Аммонъ, подобно ему служившій идоламъ, сталъ послѣ двухлѣт-
 640. няго царствованія жертвою заговора. Народъ убилъ заговорщиковъ и
 Иосія 640 — возвелъ на престолъ осьмилѣтняго сына Аммона, Иосію. Приверженцы
 609. національной религіи воспитали молодого царя въ преданности, ей и
 служеніе Іеговѣ окончательно восторжествовало надъ иноземными
 культами. Постановленія національной религіи были записаны. Иосія
 создалъ народъ, прочелъ имъ книгу завѣта, народъ принялъ этотъ
 уставъ вѣры, вступилъ въ завѣтъ съ Господомъ. Всякое нарушение
 завѣта было объявлено грѣхомъ, преступленіемъ, и были установлены
 строгія наказанія за преступленія этого рода. Духовенство, пользуясь
 благоприятными обстоятельствами, составило кодексъ вѣроученія и
 религиозныхъ обрядовъ, чтобы народъ имѣлъ точныя понятія о вѣрѣ
 и о формахъ богослуженія, не могъ быть вводимъ въ ошибки такъ
 легко, какъ при Ахазѣ и Манассіи. Успѣху реформы много помогло
 Нашествіе ски- то, что бѣдствія, которымъ подвергло страну нашествіе скифовъ
 606. (стр. 408 слѣд.), сдѣлали народъ воспримчивымъ къ проповѣди про-
 роковъ, избличавшей грѣхи, выставившей ихъ ведущими къ бѣдамъ,
 требовавшей покаянія: какъ «жгучій вѣтеръ», который «несется съ
 высотъ пустынныхъ» (Іерем. IV, 11), неслись эти номады. Опусто-
 шивъ страну, принудивъ население Ханаана бѣжать въ чащи лѣсовъ
 и на скалы, «обступившіе, какъ сторожа полей», Іерусалимъ (Іер. IV,
 17), скифы удалились, и государство, ожидавшее совершенной поги-
 бели отъ нихъ, оказалось уцѣлѣвшимъ; священники и пророки видѣли
 въ этомъ избавленіи страны такое же ясное проявленіе милости Бо-
 жіей, какъ то, какимъ было за восемьдесятъ лѣтъ передъ тѣмъ вне-
 запное отступленіе Сennaхирима.
 Совонія. Вѣроятно, въ то время, когда скифы опустошали Мидію и запад-
 ную Азію, написалъ свою небольшую книгу пророчествъ Совонія,
 возвѣщающій наказаніе божіе, которое постигнетъ не только Іеру-
 салимъ, оскверненный языческимъ богослуженіемъ, несправедливостя-
 ми, притѣсненіями, обманомъ, введенный въ заблужденіе лживыми
 пророками и недостойными священниками, но и хананейскіе народы
 и Ассирію. Когда божественное правосудіе совершитъ опустошитель-
 ное дѣло наказанія, то воздвигнетъ Богъ благоденствующее царство,
 въ которомъ Господь дастъ «народамъ уста чистыя, чтобы всѣ при-
 зывали имя Господа и «служили Ему единодушно;» собраны будутъ Го-
 сподомъ въ Сіонъ дѣти іудеевъ, разсѣянныхъ бѣдствіемъ, и приве-
 детъ ихъ Господь «въ почетъ и именитость на землѣ поношенія
 ихъ» (Совонія III, 9, 19).
 Иосія «ходилъ во всемъ путемъ Давида, и не уклонялся ни на
 право, ни на лѣво», говоритъ о немъ 4-ая Книга Царствъ. Въ во-
 семнадцатый годъ своего царствованія Иосія «послалъ Шафана, писца,
 къ Хелкіи, первосвященнику, пусть онъ пересчитаетъ серебро, при-
 несенное въ домъ Господень на исправленіе поврежденій. И сказалъ

Хелкія Шафану: книгу закона я нашелъ въ домѣ Господнемъ. И по- Книга закона,
 далъ Хелкія книгу Шафану; и донесъ Шафанъ царю: книгу далъ найденная въ
 мнѣ Хелкія. И читалъ ее Шафанъ передъ царемъ. Когда услышалъ храмъ 623.
 царь слова книги закона, то разорвалъ одежды свои въ скорби о
 томъ, какъ нарушаемы были заповѣди Господни, и послалъ къ
 Олдамъ пророчицѣ, спросить у нея, должна ли Іудея ожидать нака-
 занія отъ Бога за идолослуженіе. Олдама отвѣчала, что Господь про-
 гнѣвленъ идолослуженіемъ жителей Іерусалима и накажетъ ихъ за
 него; но такъ какъ сердце Іосіи смирилось предъ Господомъ, то Го-
 сподь устами ея говоритъ ему: «Не увидятъ глаза твои того бѣд-
 ствія, которое Я наведу на мѣсто сіе; ты положенъ будешь въ гроб-
 ницу твою въ мирѣ». Царь, укрѣпленный въ своихъ мысляхъ этимъ отвѣтомъ про-
 ро- чицы, создалъ народъ въ храмъ, и прочелъ въ слухъ народа «всѣ
 слова книги завѣта, найденной въ домѣ Господнемъ, и заключилъ
 предъ лицомъ Господнимъ завѣтъ послѣдовать Господу, и соблюдать
 заповѣди Его; и откровенія Его и уставы Его отъ всего сердца и
 отъ всей души, чтобы выполнить слова завѣта сего, написанныя въ
 книгѣ сей. И весь народъ вступилъ въ завѣтъ» (4 Кн. Царствъ
 XXIII, 3).

Въ это время ужъ началъ пророчествовать Іеремія, сынъ Хелкіи, свя-
 щенника, жившаго въ Анаѳотѣ. Пророческая дѣятельность Іереміи была
 такъ тѣсно связана съ историческими событіями въ продолженіе почти
 пятидесяти лѣтъ, что можетъ служить нитью разсказа, проходящею чрезъ
 исторію его страны въ это время. Первые пророческія рѣчи свои Іеремія
 произнесъ еще до нашествія скифовъ. Теперь Господь сказалъ ему: «Ска-
 жи имъ (мужамъ Іуды): Такъ говоритъ Господь Богъ Израилевъ: Проклятъ
 человекъ, который не послушаетъ словъ завѣта сего, который Я далъ от-
 цамъ вашимъ, когда вывелъ ихъ изъ земли египетской, изъ желѣзной печи,
 сказавъ: слушайтеъ гласа Моего и дѣлайте все, что Я заповѣдаю
 вамъ,—и будете Моимъ народомъ, и Я буду вашимъ Богомъ» (Іеремія XI,
 1—4). Іеремія ходилъ по всѣмъ городамъ Іудеи и по улицамъ Іерусалима,
 возвѣщая это повелѣніе Господне и объясняя, что всѣ бѣдствія, по-
 стигшія домъ Израилевъ и домъ Іуды—наказанія Божіи за нарушеніе за-
 вѣта (XI, 3—8).

Когда Иосія и весь народъ вступили въ завѣтъ съ Господомъ,
 обѣщавшись соблюдать все, написанное въ книгѣ завѣта, то было
 предпринято и исполнено уничтоженіе идолопоклонства. Жертвенни-
 ки, кумиры и утварь иноземныхъ культовъ были разрушены, храмъ
 былъ очищенъ. «И вынесъ (Иосія) Астарту (статую Астарты) изъ
 дома Господня за Іерусалимъ, и сжегъ ее у потока Кедрона и истеръ
 ее въ прахъ, и бросилъ прахъ ея на кладбище общенародное. И разру-
 шилъ дома блудилищныя, которые были при храмѣ Господнемъ, гдѣ
 женщины ткали одежды для Астарты. И отмѣнилъ коней, которыхъ
 ставили цари іудейскіе солнцу предъ входомъ въ домъ Господень,

колесницы же солнца сжегъ огнемъ»; низвергъ съ кровли храма жертвенники божествамъ небесныхъ свѣтилъ, которые построилъ Манассія; уничтожилъ жертвенники на высотахъ въ окрестностяхъ Иерусалима. — Итакъ, даже при благочестивомъ Іосіи цѣлыя семнадцать лѣтъ продолжалось служеніе иноземнымъ богамъ и даже въ самомъ храмѣ Іеговы совершалось служеніе Астартѣ. Только теперь были разрушены и «высоты» — то есть, жертвенники на высотахъ — которые устроилъ Соломонъ Астартѣ, Хамосу, Милхому»; ни при одномъ изъ прежнихъ царей служеніе на этихъ высотахъ не было прекращаемо. Іосія «изломалъ статуи и срубилъ дубовыя всѣхъ высотъ, «наполнилъ мѣсто ихъ костями человѣческими». — «И осквернилъ онъ Тофетъ, въ долину сыновей Энномовыхъ, гдѣ сожигали дѣтей въ жертву Молоху», чтобы ужъ никто не могъ приносить Молоху такія жертвы. Онъ разрушилъ и жертвенникъ, поставленный Іеровоамомъ въ Веилѣ, «и сжегъ сію высоту, стеръ въ прахъ, и сжегъ дуброву». Разрушилъ и «всѣ капища высотъ въ городахъ самарійскихъ, и сдѣлалъ съ ними то же, что въ Веилѣ; и закололъ всѣхъ жрецовъ высотъ, которые были тамъ, на жертвенникахъ, закололъ ихъ на тѣхъ самыхъ жертвенникахъ, при которыхъ служили они. Только тѣ изъ нихъ, которые были левиты, были пощажены, изъ уваженія къ происхожденію ихъ; но были, какъ нечистые, навсегда устранены отъ служенія при жертвенникѣ Іеговы. Іосія запретилъ и служеніе домашнимъ божествамъ (терафимамъ), которое съ древнѣйшихъ временъ оставалось семейнымъ дѣломъ, не возбуждавшимъ до той поры порицаній. «И вызывателей мертвыхъ, и волшебниковъ истребилъ Іосія». Своею ревностью къ чистому служенію Іеговы онъ приобрѣлъ себѣ высокое уваженіе священниковъ и ихъ друзей. «Подобнаго ему не было царя прежде его, и послѣ него не возсталъ подобный ему», говоритъ о немъ 4-ая Книга Царствъ (XXIII, 25); черезъ четыре столѣтія послѣ него, книга Сираха (XLIX, 1) говоритъ, что память его сладка въ устахъ каждаго, какъ медъ, и какъ игра струнъ на пирѣ, какъ смѣшеніе благоуханій, приготовленное искусною рукою». — Уничтоживъ «всѣ мерзости» идолослуженія и вполне обративъ народъ къ Іеговѣ, царь «повелѣлъ всему народу совершить пасху, какъ написано въ книгѣ завѣта», «потому что не была совершена такая пасха во всѣ дни царей іудейскихъ» (4 Кн. Царствъ XXIII, 21, 22); то есть: пасха, бывшая до той поры праздникомъ весны, стала теперь праздникомъ возобновленія завѣта между Господомъ и народомъ.

Второзаконіе.

«Книга завѣта», которую Іосія прочелъ передъ народомъ, безъ сомнѣнія была та, которая образуетъ законодательную часть Второзаконія; то есть, это былъ кодексъ, составляющій теперь главы Второзаконія отъ 5-ой до конца 26 и 28-ую главу. Тѣ угрозы отступникамъ, которые ужаснули Іосію, находятся въ концѣ «книги завѣта», и составляютъ теперь вторую

половину 28-ой главы Второзаконія, начиная съ стиха 15-таго: «Если не будешь стараться исполнять всѣ заповѣди Его (Господа), которые я (Моисей) заповѣдую тебѣ сегодня, „то придутъ на тебя всѣ проклятія сіи и постигнутъ тебя“ и далѣе идетъ рядъ проклятій. Но и въ изложеніи заповѣдей есть угрозы за неисполненіе ихъ (Второзаконіе VI, 15; VII, 19, 20; IX, 13, 14; XI, 28; XIII, 6, 11, 12, 16—18). Реформа, произведенная Іосіею, соответствуетъ заповѣди книги завѣта о единствѣ богослуженія, и ученію пророковъ двухъ столѣтій, предшествовавшихъ этому преобразованію. — Въ книгѣ завѣта заповѣди изложены систематическимъ образомъ. — О томъ, кому принадлежитъ главное участіе въ установленіи понятій, исполнителемъ которыхъ былъ Іосія, изслѣдователи думаютъ не одинаково. По предположенію Эвальда, эти понятія были сформулированы еще въ царствованіе Манассіи кѣмъ нибудь изъ поклонниковъ Іеговы, бѣжавшихъ въ Египетъ; Гизигъ полагаетъ, что это было сдѣлано самимъ Хелкіею.

Пророки, въ своей борьбѣ противъ сладострастныхъ языческихъ культовъ, уже давно заботились о развитіи нравственныхъ элементовъ въ понятіяхъ народа о служеніи Іеговѣ. Мы видимъ это стремленіе у Амоса и Осіи. Начатое прежними пророками было довершено Исаіею и его сподвижниками. По проповѣди Исаи, Іегова, «Святой Израилевъ» — источникъ всякой справедливости, всякой нравственности; служить ему должно святостью сердца и жизни; не должно дѣлать изображеній его. Онъ избралъ себѣ въ достояніе маленькій бѣдный народъ, и безчисленными благодѣяніями обязалъ этотъ народъ служить Ему, быть святымъ народомъ Господнимъ. Если избранный народъ будетъ исполнять обязанности, возложенныя на него «книгою завѣта», то наградою ему будетъ благоденствіе. Отъ юности, когда люди народа Израильскаго посвящаются Богу символическимъ обрядомъ обрѣзанія, вся ихъ жизнь должна быть святымъ служеніемъ Іеговѣ; они должны служить Ему молитвою и жертвоприношеніями, справедливою и добродѣтельною жизнью, храненіемъ дня субботняго, совершеніемъ трехъ великихъ ежегодныхъ праздниковъ, соблюденіемъ религіозныхъ правилъ, изложенныхъ подробно въ книгѣ завѣта и дающихъ дѣламъ жизни характеръ чистоты и святости. Такимъ образомъ, къ великому требованію Исаи, чтобы народъ Израильскій служилъ Господу чистотою сердца и добродѣтельною жизнью, въ книгѣ завѣта присоедины правила служенія Господу исполненіемъ обрядовъ и соблюденіемъ формъ. Книга завѣта устанавливаетъ, что богослуженіе должно быть сосредоточено въ одномъ мѣстѣ маленькаго іудейскаго государства. Только въ этомъ одномъ мѣстѣ должны быть приносимы жертвы; только въ этомъ мѣстѣ богослуженіе совершается законнымъ духовенствомъ. Народъ собирается къ этому святилищу при звукахъ трубъ; тамъ ежедневно совершается богослуженіе; тамъ, въ святилищѣ, каждую субботу возлагаются предъ лицомъ Господнимъ на столъ, обложенный золотомъ, двѣнадцать хлѣбовъ предложенія; тамъ горитъ священный неугасаемый огонь; тамъ совершаются три великіе годичные праздника, на которые сходятся

Содержаніе и характеръ Второзаконія.

въ огромномъ числѣ мужи израильскіе и приносятъ, каждый соразмѣрно своему состоянію, дары Господу, потому что «никто не долженъ являться предъ лицо Господа съ пустыми руками» (Второзак. XVI, 16). Благоугодныя Господу жертвоприношенія и богослужебные обряды совершаются только въ жилищѣ его, и только чрезъ посредство священниковъ и служителей этого избраннаго имъ жилища. Закланіе чистыхъ животныхъ на пищу дозволяется повсюду, но эти закланія не должны быть жертвоприношеніями. Отмѣна прежняго обычая, по которому каждое закланіе животного на пищу было соединено съ обрядомъ жертвоприношенія, уменьшала доходы левитовъ, большинство которыхъ и при прежнемъ обычаѣ было бѣдно; потому книга завѣта внушаетъ израильтянамъ другихъ колѣнъ, что они должны помогать левитамъ, быть гостепріимны къ нимъ; левитъ, которому «нѣтъ части и удѣла» въ землѣ, долженъ пользоваться такими же правами на гостепріимство, какъ пришелецъ сирота, вдова: «И пусть прійдетъ левитъ, ибо ему нѣтъ части и удѣла съ тобою, и пришелецъ, и сирота и вдова, и пусть ѣдятъ и насыщаются» (Второзак. XIV, 29). Устанавливается общее правило, что совершать богослуженіе и обряды жертвоприношеній должны только люди духовнаго сословія, которое называется колѣномъ Левитинымъ. Книга завѣта упоминаетъ и о пророкахъ, внушаетъ народу, что онъ долженъ слушаться ихъ (XVIII, 9—22): Внушенія народу относительно пророковъ одинаковы во Второзаконіи съ тѣмъ, что говорилъ объ этомъ Іеремія; книга завѣта предостерегаетъ народъ противъ ложныхъ пророковъ, какъ предостерегала противъ нихъ Іеремія (Книга пророка Іереміи, глава XXIII). Ложные пророки—тѣ, которые учатъ народъ поклоняться инымъ богамъ, кромѣ Іеговы (Второзакон. XIII, 2—6), и тѣ, чьи предсказанія не сбываются (XVIII, 22); установленіе этихъ признаковъ, по которымъ можно отличать ложныхъ пророковъ, дѣлало ихъ ремесло опаснымъ для нихъ. Народъ израильскій соединенъ съ Іеговою «завѣтомъ», договоромъ, соблюдать который поклялся; потому отпаденіе отъ Іеговы, неповиновеніе волѣ его—клятвенное преступленіе, котораго онъ не оставляетъ безнаказаннымъ. Народъ израильскій обязанъ служить Іеговѣ за тѣ благодѣянія, которыя оказываетъ ему Іегова. Служеніе другимъ богамъ—гнусная измѣна, мятежъ противъ Іеговы. Служа богамъ язычниковъ, народъ израильскій уподобляется женѣ, покидающей мужа, уходящей отъ мужа къ любовникамъ; уподобляется рабу, убѣгающему отъ господина, милостиваго къ нему. Потому книга завѣта устанавливаетъ тяжкія наказанія за идолопоклонство, расторгающее завѣтъ народа съ Іеговою, принуждающее Іегову отвращаться отъ Израиля, ниспосылать бѣдствія на преступный народъ. По книгѣ завѣта, идолопоклонство—источникъ всѣхъ бѣдствій; оно низвергаетъ всѣ нравственныя основанія общественной жизни, разрушаетъ государственный порядокъ, отравляетъ всѣ благородные эле-

менты національнаго быта. Государство должно искоренить языческіе обряды, или оно погибнетъ. Судьба израильскаго народа опредѣляется отношеніями его къ Іеговѣ; вѣрность завѣта съ Іеговою даетъ народу благоденствіе, измѣна Іеговѣ ведетъ его къ бѣдамъ, къ гибели. Потому книга завѣта имѣетъ главную свою цѣлью упроченіе вѣрности народа Іеговѣ. Религіозныя обязанности должны владычествовать надъ всею жизнью народа. Но книга завѣта не забываетъ и другихъ сторонъ народной жизни. Многие изъ царей іудейскихъ измѣняли Іеговѣ; но были и цари, усердно служившіе ему, напримѣръ, Эзекиа и Іосія, потому книга завѣта допускаетъ монархическую форму правленія, но опредѣляетъ кругъ власти царя, предписываетъ народу слушаться духовенства (Второзак. XVII, 12), ставить даже войско въ походъ подъ контроль духовенства (XX, 2). Она запрещаетъ народу избирать царемъ иноплеменника, царь долженъ быть избираемъ израильтянами «изъ среды братьевъ», по указанію Господа. Царю ставится въ обязанность «не умножать коней» (не заводить многочисленной конницы), онъ долженъ также «не умножать себѣ женъ, дабы не развратилось сердце его»; и «не умножать себѣ чрезмѣрно серебра и золота»; онъ «долженъ списать для себя списокъ закона сего, и пусть онъ читаетъ его во всѣ дни жизни своей, дабы научался бояться Господа и старался исполнять всѣ слова закона сего, чтобы не надмевалось сердце его предъ братьями его» (Второзак. XVII, 14—20). Книга завѣта устанавливаетъ законы и для общественныхъ отношеній, для семейнаго быта; она беретъ подъ защиту Іеговы безопасность личности, собственности, семейную жизнь; стремится оградить слабыхъ, безпомощныхъ отъ притѣсненій, смягчить нравы повелѣніями о милосердіи къ рабамъ, къ бѣднымъ, даже къ животнымъ. „Избранному народу“ воспрещается вступать въ брачныя связи съ Хананейскими племенами; все мужское населеніе отдаваемой Господомъ Израилу земли Ханаанской должно быть истреблено; но нѣкоторыя изъ постановленій относительно международнаго и военнаго права проникнуты духомъ кротости, человѣчности, составляющимъ общій характеръ Второзаконія. О египтянахъ и о родственныхъ израильтянамъ племенахъ: идумеяхъ, моавитянахъ, аммонитянахъ Второзаконіе говоритъ миролюбиво (II, 5, 9, 19; XXIII, 7, 8); оно повелѣваетъ „любить пришельца“ (X, 18, 19). Оно воспрещаетъ рубить фруктовыя деревья въ непріятельской землѣ, воспрещаетъ опустошать ее (XX, 19). Этимъ смягчаются прежніе жестокіе обычаи. Правда, и Второзаконіе постоянно говоритъ, что Бога должно „бояться“ (X, 20; XIV, 23; XXXI, 12); но гораздо чаще оно требуетъ любви къ Богу (VI, 5; X, 1, 13, 22; XIII, 14; XIX, 9; XXX, 6, 16, 20). Основные принципы постановленій книги завѣта—справедливость (XXIII, 25, 26) и доброжелательство (XXII, 1—4).

3. Погибель царства іудейскаго. Дѣятельность Іереміа.

(623—586).

Смерть Іосіа.

Царству іудейскому было не суждено испытать на себѣ благотворныя дѣйствія реформъ, произведенныхъ Іосіею. Прежде чѣмъ успѣли зажить раны, успокоиться потрясенія, бывающія неизбѣжною принадлежностью коренныхъ преобразованій политической или религіозной жизни, Сирійскія земли подверглись новымъ военнымъ бурямъ. Ассирія была близка къ паденію; мидяне и халдеи ужь двинулись на нее и угрожали Ниневіи. Это положеніе дѣлъ возбудило, какъ должно полагать, въ Іосіа надежду возстановить и внѣшнее величіе царства Давидова, какъ возстановилъ онъ во внутреннемъ бытѣ царства единоебожіе временъ Давида. Пользуясь распаденіемъ Ассирійскаго царства, Іосіа овладѣлъ Самарійскою областью, установилъ въ ней исключительное господство религіи Іеговы, которой ужь держалась часть населенія, разрушилъ языческія святилища и жертвенники на высотахъ, предавъ смерти тѣхъ жрецовъ, которые не хотѣли покинуть привычныхъ имъ обрядовъ. Мечъ гоненія, поражавшій при Манассіа служителей Іеговы, поразилъ теперь поклонниковъ Ваала, Ашеры и небесныхъ свѣтилъ. Но египетскій царь, предприимчивый Нехо, тоже хотѣлъ воспользоваться благоприятными обстоятельствами для расширенія своего царства (стр. 196). Если бы фараонамъ удалось сдѣлать границею и оплотомъ своихъ владѣній Ливанское побережье и восточную пустыню, Египетъ сталъ бы безопасенъ отъ непріятельскихъ нападений. Руководясь этою мыслью, Псамметихъ завоевалъ Асдодъ (Азотъ) и нѣкоторые другіе филистимскіе города. Нехо, болѣе отважный, чѣмъ отецъ, хотѣлъ захватить какъ можно большую долю изъ наслѣдства Ассирійскаго царства. Мы ужь рассказывали, что онъ привезъ моремъ войско къ побережью сѣверной Палестины; у Кармилскаго мыса и пошелъ черезъ области, принадлежавшія прежде къ царству Эфремову, направляясь къ Эвфрату; онъ хотѣлъ прійти къ этой рѣкѣ въ томъ мѣстѣ, гдѣ впадаетъ Хаборъ, и думалъ овладѣть Кархемисомъ (Киркезіемъ), который сталъ бы тогда крѣпкимъ оплотомъ его завоеваній. Іосіа справедливо полагалъ, что Іудея утратитъ свою независимость, если египтяне овладѣютъ сѣвернымъ Ханааномъ. Онъ рѣшился стать на пути Нехо и остановить его. Напрасно Нехо старался отклонить его отъ войны. Іосіа твердо надѣялся побѣдить; и кажется, что эта надежда его основывалась на пророчествахъ о царствѣ Мессіа. Очень можетъ быть, что онъ примѣнялъ къ себѣ слова вниги завѣта: «Когда ты выступишь на войну противъ врага твоего, и увидишь коней и колесницы, и народа болѣе, нежели у тебя, то не бойся ихъ» (Второзак. XX, 1). Но онъ потерпѣлъ полное пораженіе при Мегиддонѣ, и самъ

былъ смертельно раненъ въ этой битвѣ. Тѣло его было привезено въ Іерусалимъ. Велика была скорбь народа о смерти благочестиваго царя, убитаго въ цвѣтѣ лѣтъ. Іеремія написалъ пѣсни плача о немъ; онѣ долго хранились въ памяти народа; въ опредѣленные дни ихъ пѣли хоры пѣвцовъ и пѣвицъ. Іосіа былъ послѣдній великій царь Іудеи; съ его тѣломъ было похоронено ея счастье.

Вѣрные служители Іеговы, главой и боевымъ вождемъ которыхъ былъ пророкъ Іеремія, потеряли въ Іосіа могущественнѣйшую свою опору. Рѣшительность, съ какою дѣйствовалъ Іосіа противъ идолопоклонства и жрецовъ его, запугала приверженцевъ язычества; въ пѣмой покорности они подчинялись распоряженіямъ царя и служили Іеговѣ, какъ велѣлъ царь; но это было лишь притворство. Пристрастіе къ язычеству съ его великолѣпными и сладострастными обрядами было особенно распространено въ высшихъ сословіяхъ, между людьми богатыми и образованными; во времена гоненія они не желали быть мучениками своихъ вѣрованій; но какъ только перемѣнились обстоятельства, они вознаградили себя за долгое стѣсненіе, быстро возвратились къ любимымъ обрядамъ. Впрочемъ не тѣмъ, что Іосіа былъ убитъ, а тѣмъ, что битва была неудачна, былъ нанесенъ смертельный ударъ старой израильской формѣ вѣрованія въ Іегову. Тринадцать лѣтъ народъ служилъ Іеговѣ съ такимъ усердіемъ, какъ никогда въ прежнія времена. По старымъ понятіямъ слѣдовало ожидать ненаружимаго счастья. А вышло совершенно иначе. И являлся великій вопросъ, терзавшій сердце іудеевъ: «Гдѣ богъ твой» Израиль? (Псаломъ XLI, 4). Бѣжавшіе съ поля битвы Мегиддонской принесли домой вопросы этого рода. Не сбылось упованіе на Іегову. «Развѣ Ты совсѣмъ отвергъ Іуду? Развѣ душѣ Твоей опротивѣлъ Сіонъ? Для чего поразилъ насъ такъ, что нѣтъ намъ исцѣленія? Идемъ времени исцѣленія, и вотъ ужасы» (Іеремія XIV, 19). Но вѣрованіе въ Іегову укоренилось въ сердцахъ лучшей части народа Іудейскаго ужь такъ глубоко и твердо, что выдержало этотъ кризисъ. Для вѣрующихъ въ Іегову, онъ былъ теперь не то что только могущественнѣйшимъ изъ боговъ, какъ думали предки, онъ былъ единственнымъ богомъ. Пророки не приписываютъ бѣдствій своего народа какому-нибудь иноземному враждебному богу; это служить самымъ яснымъ доказательствомъ того, что, по ихъ вѣрованію, нѣтъ никакихъ иныхъ боговъ, кромѣ Іеговы. Но пророкамъ и другимъ вѣрнымъ служителямъ Іеговы становилось все труднѣе и труднѣе объяснить несогласія дѣйствительности съ привычнымъ идеаломъ народа. Погибель царства Самарійскаго объяснялась его беззаконіями; ассирияне были жезломъ наказанія въ рукѣ Господа. Но чѣмъ были виноваты теперь іудеи? А имъ грозила совершенная погибель. Къ военному несчастію присоединились всяческія другія бѣдствія; за что же наказываетъ Іудею Богъ? Не напрасно ли надѣяться на него? Самимъ

Борьба служенія Іеговѣ съ язычествомъ.

Иеремію овладѣло сомнѣніе: «О Господи!» — говорилъ онъ: «было слово Твое мнѣ въ радость. Неужели Ты будешь для меня какъ бы обманчивымъ источникомъ» (Иерем. XV, 15, 18). Отвѣтъ и у него и въ 4-й Книгѣ Царствъ одинъ: Господь не предалъ забвенію беззаконій Манассіи, наказываетъ Іудею за нихъ. Позднѣе, Іезекіиль въсказывалъ тотъ же отвѣтъ (Іезек. XLIII, 7; XLIV, 7, 10 слѣд.). Въ 2-й Книгѣ Паралипоменонъ (XXXV, 20—22) гибель Іосіи объясняется тѣмъ, что его попытка помѣшать походу Нехо была сопротивленіемъ волѣ Господа: когда Іосія пошелъ противъ Нехо (Нехо), то «послалъ къ нему Нехо сказать: не противъ тебя иду я, но туда, гдѣ у меня война. И Богъ повелѣлъ мнѣ послѣдовать; не противъся Богу, который со мною, чтобы Онъ не погубилъ тебя. Но Іосія не послушалъ словъ Нехо отъ лица Божія, и выступилъ на сраженіе». Большинство іудеевъ того времени не находили достаточнымъ утѣшеніемъ себѣ мысли этого рода. Потому понятно, что четыре царя, правившіе Іудеею послѣ Іосіи, всѣ четверо, при всѣхъ различіяхъ по лѣтамъ и по характеру, «не ходили путемъ» Іосіи, дѣлали, подобно прежнимъ царямъ, «неудное въ очахъ Господнихъ». Реакція не доводилась до кроваваго гоненія на служителей Іеговы, какъ было въ мрачное время Манассіи; поклоненіе Іеговѣ и идолопоклонство пользовались одинаковою терпимостью, потому что большинство людей высшихъ сословій стало индифферентно къ религіи, а въ массѣ народа убѣжденія расшатались, понятія перепутались. Проповѣди Іереміи и его сподвижниковъ не могли измѣнить этого хода переменъ религіозной жизни. Въ Іерусалимѣ было много людей съ литературнымъ образованіемъ, и терпимость находила себѣ искусныхъ защитниковъ. Іеремія очень сильно порицаетъ ихъ. Но они соображали свои мысли съ обстоятельствами времени, потому онъ и поддерживавшіе его пророки, Іезекіиль и Аввакумъ, оставались безсильны. Государство падало; раздоры партій ускорили его паденіе. Въ предчувствіи гибели, народъ характеризовалъ свою судьбу поговоркою: «отцы ѣли кислый виноградъ, а у дѣтей на зубахъ оскомина» (Иерем. XXXI, 29).

Пораженіемъ при Мегиддонѣ кончается и внѣшняя и внутренняя исторія царства Іудейскаго. Внутреннюю жизнь его раздѣляло сомнѣніе въ вѣрности прежнихъ національныхъ понятій о Іеговѣ. Внѣшняя сила царства была сломана египтянами, и оно было неспособно устоять противъ вавилонянъ. Послѣ побѣды при Мегиддонѣ, Нехо, кажется, продолжалъ свой походъ къ Эвфрату и былъ нѣсколько времени занятъ покореніемъ маленькихъ царствъ Эмаэскаго и Дамаскаго. Это могло дать іудеямъ надежду, что онъ оставитъ ихъ въ покоѣ, что они сохранятъ свою независимость. Старшій сынъ Іосіи, Эліакимъ, жестокий и деспотичный, не правилъ іудеямъ, и они возвели на престолъ не его, а его младшаго брата, Іоахаза (или, по

другому имени, Саллума). Нехо, стоявшій у Ривлы, вызвалъ молодого царя въ свой лагерь, заковалъ его въ цѣпи и послалъ въ Египетъ, гдѣ онъ остался всю жизнь въ плѣну. «Не плачьте объ умершемъ», говорилъ тогда народу Іеремія; «но горько плачьте объ отходящемъ въ плѣнъ; ибо онъ уже не возвратится и не увидитъ родной страны» (Иерем. XXII, 10). Нехо вошелъ въ Іудею; вѣроятно, взявъ Іерусалимъ, но входилъ ли въ столицу, или нѣтъ, онъ «наложилъ» на Іудею «пени сто талантовъ серебра и талантъ золота» (2 книга Паралипоменонъ XXXVI, 3), «и воцарилъ Эліакима, и переименовалъ имя его на Іоакима»; Іоакимъ долженъ былъ платить дань Нехо: «И серебро и золото давалъ Іоакимъ фараону; онъ сдѣлалъ оцѣнку землѣ, чтобы давать серебро по приказанію фараона; отъ каждаго изъ народа земли, онъ по оцѣнкѣ своей взыскивалъ серебро и золото для того, чтобы отдавать фараону Нехо» (4 Кн. Царствъ XXIII, 34, 35). Онъ послушно покорялся всѣмъ приказаніямъ Нехо, и чтобы заслужить милость своего повелителя, совершенно отдалъ себя въ распоряженіе языческой партіи, симпатизировавшей Египту. Чувства національной чести у него не было, къ страданіямъ народа онъ былъ безчувственъ, предавался наслажденіямъ, собиралъ сокровища, всячески угнеталъ народъ, обременилъ его налогами и натуральными повинностями; онъ даже не уплатилъ работникамъ, строившимъ ему великолѣпные дворцы; за это Іеремія предсказывалъ ему, что его тѣло будетъ выброшено изъ города, какъ бросаютъ падаль.

Іоакимъ
607—598.

Іоакимъ и
Іеремія.

Горе тому, кто строитъ домъ свой неправдою и горницы свои беззаконіемъ, кто заставляетъ ближняго своего работать даромъ и не отдаетъ ему платы; кто говоритъ: построю себѣ домъ обширный и горницы просторныя, и прорубаетъ себѣ окна и обшиваетъ кедромъ и краситъ красною краскою. Думаешь ли ты быть царемъ, потому что заключилъ себя въ кедръ? Отецъ твой ѣлъ и пилъ, но производилъ судъ и правду, и потому ему было хорошо. Но твои глаза и твое сердце обращены только къ твоей корысти, и въ пролитію невинной крови, и въ тому, чтобы дѣлать притѣсненіе и насиліе. Потому такъ говоритъ Господь о Іоакимѣ царѣ іудейскомъ: не будутъ оплакивать его: «увы! Государь!» и «увы! его величіе!» Ослѣплымъ погребеніемъ будетъ онъ погребенъ; вытащатъ его, и бросятъ далеко за ворота Іерусалима» (Иерем. XXII, 13—19).

Роскошная жизнь египетскаго вассала, заглушавшаго въ себѣ пирами мысли о бѣдственномъ положеніи царства, тѣмъ сильнѣе возмущала пророка, что со времени нашествія египтянъ страна оставалась очень опустошена. Но мрачныя предсказанія и печальныя проповѣди Іереміи давно надоели и царю и народу. Даже въ родномъ его городѣ, Анавоѣ, были люди, хотѣвшіе убить его; одиноко долженъ былъ выносить онъ горькую душевную борьбу, на которую обрекъ себя, принимая призваніе Господа быть пророкомъ. Чѣмъ тѣснѣе становилась связь Іудейскаго царства съ Египтомъ, тѣмъ смѣлѣе и рѣшительнѣе отрицалъ онъ ее, предсказывалъ, что она погубитъ царство. Чѣмъ больше распространялось языческое богослуженіе,

женіе, чѣмъ больше служеніе богу святостью сердца вытѣснялось формалистикою жертвоприношеній, тѣмъ опредѣленнѣе предвѣщаль онъ близость карающаго суда Господня. Наказаніе божіе заслужено ужь предками, которые рыскали, «какъ рѣзвая верблюдца, какъ привыкшая къ пустынь дикая ослица въ страсти души своей», такъ что благодѣянія Господа не удерживали ихъ отъ преступнаго служенія чужимъ богамъ (Іерем. II, 23, 24). Беззаконія, совершаемыя теперь, ускоряютъ наступленіе кары. Іеремія видѣлъ, что предсказанія прежнихъ пророковъ о вѣчной неизблемости Сіона послужили для народа источникомъ ошибочной безпечности: народъ говорилъ, что храмъ и святой городъ никогда не погибнутъ, что въ часъ опасности Господь силъ всегда защититъ Сіонъ, какъ было во дни Сеннахирима. Тѣмъ рѣшительнѣе проповѣдывалъ Іеремія, что только нравственное улучшение народа можетъ спасти его, что надежда нераскаявающихся на помощь божію окажется тщетною, что Іегова предастъ Іерусалимъ и храмъ на разрушеніе.

«Такъ говоритъ Господь Саваоѣ: исправьте пути ваши и дѣянія ваши, и я оставлю васъ жить на семь мѣстъ. Не надѣйтесь на обманчивыя слова: «здѣсь храмъ Господень, храмъ Господень, храмъ Господень». Вы надѣетесь на слова, которые не принесутъ пользы. Какъ! вы крадете, убиваете и прелюбодѣйствуете, и клянетесь во лжи, и надаете Ваалу, женщины мѣсятъ тѣсто, чтобы дѣлать пирожки для богини неба (Астарты), и потомъ (вы) приходите и становитесь предъ лицомъ Моимъ въ домъ семь, надъ которымъ наречено имя Мое и говорите: «мы спасены», чтобы впредь дѣлать всѣ эти мерзости! Пойдите же въ Силомъ, гдѣ Я прежде назначилъ пребывать имени Моему, и посмотрите, что сдѣлалъ Я съ нимъ за нечестіе народа Моего, Израиля! И нынѣ, такъ какъ вы дѣлаете всѣ эти дѣла, и Я говорилъ вамъ, а вы не слушали, то Я такъ же поступлю съ домомъ симъ, какъ поступилъ съ Силомомъ, и отвергну васъ отъ лица Моего, какъ отвергъ всѣхъ братьевъ вашихъ, все сѣмя Эфремово» (Іерем. VII 3—9, 18, 10—15).

Іеремія въ опасности быть лишеннымъ жизни.

Однажды, когда Іеремія, ставъ на дворѣ храма, пророчествовалъ предъ народомъ, что храмъ будетъ разрушенъ, какъ Силомъ, и что Іерусалимъ «будетъ преданъ на проклятіе всѣмъ народамъ земли» (Іерем. XXVI, 6), «схватили его священники и пророки (лживые, обманывавшіе народъ успокоительными рѣчами) и народъ, и сказали: Ты долженъ умереть; зачѣмъ ты пророчествуешь именемъ Господа и говоришь: и домъ сей (храмъ) будетъ какъ Силомъ, и городъ сей опустѣетъ?» «Князья Іудейскіе», услышавъ объ этомъ, поспѣшили къ мѣсту шума и сѣли у входа въ новые ворота» храма. «Тогда священники и пророки сказали князьямъ: Смертный приговоръ этому человѣку! И сказалъ Іеремія князьямъ и всему народу: Господь послалъ меня пророчествовать. Исправьте пути ваши и дѣянія ваши, и послушайте гласа Господа Бога вашего, и Господь отмѣнитъ бѣдствіе, которое изрекъ на васъ. А что до меня, я въ вашихъ рукахъ; дѣлайте со мною, что въ глазахъ вашихъ покажется хорошимъ и справедливымъ. Только твердо знайте, что если вы умертвите меня,

то невинную кровь возложите на себя и на городъ сей. Тогда князья и весь народъ сказали священникамъ и пророкамъ: этотъ человѣкъ не подлежитъ смертному приговору, потому что онъ говорилъ намъ именемъ Господа, Бога нашего». Нѣкоторые «изъ старѣйшинъ земли» говорили тоже въ защиту Іереміи, ссылаясь на то, что во дни Эзекии пророкъ Михей также предсказывалъ: «Сіонъ будетъ вспаханъ какъ поле, и Іерусалимъ сдѣлается грудой развалинъ, и гора дома сего лѣсистымъ холмомъ». Эзекиа и народъ Іудейскій не умертвили за это Михея; напротивъ, они послушались его, покаялись, и «Господь отмѣнилъ бѣдствіе, которое изрекъ».—Такимъ образомъ, Іеремія спасся отъ смерти. Но Іоакимъ былъ такъ раздраженъ противъ Іереміи и другихъ пророковъ, предвѣщавшихъ бѣдствія, что хотѣлъ убить пророка Урію, «говорившаго точно такими же словами, какъ Іеремія». Урія успѣлъ бѣжать въ Египетъ; Іоакимъ послалъ туда своихъ агентовъ, они схватили Урію «и привели его къ царю Іоакиму, и онъ умертвилъ его мечемъ и бросилъ трупъ его, гдѣ были простонародныя гробницы». Іеремія былъ охраненъ отъ такой же участи только покровительствомъ Ахикама (Іеремія, глава XXVI). Ахикамъ былъ сынъ того Шафана, который принесъ книгу завѣта царю Іосіа.

Въ то время, когда Іеремія подвергался опасности быть убитымъ, принужденъ былъ скрываться отъ преслѣдованій и не могъ являться къ народу, на востокѣ произошло событіе, совершенно измѣнившее положеніе дѣлъ. Удары, которые наносимы были мидянами и халдеями воинственнымъ ассиріянамъ, и погибель Ниневіи были, по объясненію пророковъ Іудейскихъ, наказаніемъ Божіимъ этому грѣховному городу, за бѣдствія, которымъ подвергли цари его народъ израильскій. Мы ужь видѣли (стр. 466 слѣд.), какими живыми и яркими чертами описаны походъ мидянъ и халдеевъ на Ниневію; взятіе и разрушеніе ея въ книгѣ пророка Наума Элкосеянина (по мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ, Элкосъ былъ городъ въ Галилеѣ, который послѣ назывался Капернаумомъ, то есть «городомъ Наумовымъ»; по мнѣнію другихъ, это нынѣшній Алькушъ, селеніе близъ Мосула, и если такъ, то Наумъ былъ однимъ изъ израильтянъ, уведенныхъ въ плѣнъ). Наумъ радовался о гибели города, который долго былъ столицею и сладострастія и тиранства, изъ котораго «произошелъ умыслившій злое противъ Господа, составившій совѣтъ нечестивый» (Наумъ, I, 11); поэтическія картины этого событія—главное содержаніе книги Наума.

Пораженіе египтянъ.

Наумъ.

Вскорѣ послѣ паденія Ниневіи, Нехо былъ разбитъ при Кархемисѣ, и предприимчивый, энергическій побѣдитель повелъ халдейское войско на Сирію. Этотъ внезапный, неожиданный поворотъ дѣлъ изумилъ Іерусалимъ. Ужасъ овладѣлъ Іоакимомъ и всѣми сторонниками Египта. Но пророкъ Іеремія ликовалъ, видя бѣгство египет-

скаго войска, легко вооруженной и тяжело-вооруженной пѣхоты, боевыхъ колесницъ и конницы.

«Готовьте щиты и копья, и вступайте въ сраженіе; сѣдлайте коней, и садитесь всадники; и становитесь въ шлемахъ, точите копья, облакайтесь въ брони! Почему же, вижу я, они оробѣли и обратились назадъ, и сильные ихъ поражены и бѣгутъ, не оглядываясь?—Отовсюду ужасъ, говоритъ Господь. Не убѣжитъ быстроногій, и не спасется сильный; на сѣверѣ, у рѣки Евфрата, они споткнутся и падутъ.—Кто это поднимается, какъ рѣка, и какъ потоки возмущаютъ воды его?—Это Египетъ. Онъ говоритъ: «Поднимусь, и покрою землю. Садитесь на коней, и мчитесь колесницы, и выступайте сильные, Эфиопяне и Ливіане, вооруженные щитами. Пбо день сей у Господа Бога Саваофа есть день отмщенія, чтобы отмстить врагамъ его; и мечъ будетъ пожирать, и насытится, и уныетъ кровію ихъ; пбо это Господу Богу Саваофу будетъ жертвоприношеніе въ землѣ сѣверной, при рѣкѣ Евфратѣ. Пойди въ Галаадъ, и возьми бальзама, дѣва, дочь Египта; напрасно ты будешь умножать врачевства, пѣтъ для тебя исцѣленія. Услышали народы о посягновеніи твоёмъ, и вопль твой наполнилъ землю» (Іеремія, XLVI, 3—12).

Пророчество Іеремія принужденъ былъ скрываться отъ гоненія, потому онъ при-
Іеремія о Навуходонсорѣ. звалъ «писца», Варуха, продиктовалъ ему рѣчи, которыя произносилъ прежде, и прибавилъ къ нимъ пророчество о нашествіи Навуходонсора (Небукаднэзара), который будетъ жезломъ гнѣва Господня.

«Отъ тринадцатаго года Іосіа, царя іудейскаго, до сего дня, вотъ уже двадцать три года, и говорилъ вамъ, и вы не слушали. Господь посылалъ вамъ (и другихъ) пророковъ, и вы не слушали. Вамъ говорили: «обратитесь отъ злаго пути своего, и не ходите во слѣдъ иныхъ боговъ, чтобы служить имъ»—и вы остаетесь въ землѣ вашей. «Но вы не слушали меня, говоритъ Господь, прогнѣвая меня дѣлами рукъ вашихъ (идолами, которымъ вы служили). Посему такъ говоритъ Господь Саваофъ: за то, что вы не слушали словъ моихъ, вотъ, Я пошлю всѣ племена сѣверныя къ Навуходонсору, царю вавилонскому, рабу Моему, и приведу ихъ на землю сію и на города ея и на жителей ея, и совершенно истреблю ихъ (города этой земли) и сдѣлаю ихъ ужасомъ и посмѣшищемъ и вѣчнымъ запустѣніемъ. И прекращу у нихъ (жителей этой земли) голосъ веселія, голосъ жениха и голосъ невесты, звукъ жернововъ и свѣтъ свѣтильника. И вся земля эта будетъ пустынею и ужасомъ» (Іерем. XXV, 3—11).

Іеремія и Варухъ снова въ опасности. Когда Варухъ записалъ грозное пророчество, Іеремія велѣлъ ему идти въ храмъ, гдѣ въ это время собрался народъ на торжественное моленіе, и прочесть записанное передъ всѣмъ народомъ: «быть можетъ, они обратятся отъ злаго пути своего», тогда Богъ проститъ имъ беззаконія ихъ и отвратитъ гнѣвъ свой отъ нихъ. Варухъ прочелъ свитокъ въ комнатѣ Гемаріа, на верхнемъ дворѣ храма. «Князья», то есть, высшіе сановники, у которыхъ въ это время происходило засѣданіе, услышавъ о чтеніи Варуха, призвали его, велѣли ему прочесть свитокъ передъ ними. Выслушавъ угрожающее пророчество, «они съ ужасомъ посмотрѣли другъ на друга» и спросили Варуха: какъ онъ написалъ это? Варухъ отвѣчалъ, что онъ только записывалъ то, что диктовалъ Іеремія. Князья сказали Варуху: «скройтесь, ты и Іеремія, чтобы никто не зналъ, гдѣ вы». Они взяли у Варуха свитокъ, отдали царскому писцу, и пошли доложить царю. Это было въ холод-

ное время года. Царь жилъ тогда «въ зимнемъ домѣ». Когда пришли князья, передъ царемъ стояла жаровня. Онъ велѣлъ принести свитокъ и читать ему въ слухъ. Когда сановникъ, читавшій ему, «прочитывалъ три или четыре столбца, царь отрѣзывалъ ихъ писцовымъ ножикомъ, и бросалъ на огонь въ жаровнѣ, доколѣ не уничтоженъ былъ весь свитокъ на огнѣ». Дослушавъ чтеніе, царь велѣлъ схватить и привести къ нему Іеремію и Варуха. Но они скрылись, и Іеремія снова продиктовалъ Варуху все, что было въ сожженномъ свиткѣ, и прибавилъ къ прежнимъ угрожающимъ пророчествамъ новое.

«Царю іудейскому, Іоакиму, такъ говоритъ Господь: Ты свегъ свитокъ сей, сказавъ: зачѣмъ ты написалъ въ немъ: непременно прійдетъ царь вавилонскій и разоритъ землю сію, и истребитъ на ней людей и скотъ. За это говоритъ Господь объ Іоакимѣ: не будетъ отъ него сидящаго на престолѣ Давидовомъ, и трупъ его будетъ брошенъ на зной дневной и на холодъ ночной. И посѣщу его и племя его и слугъ его за неправду ихъ, и наведу на нихъ и на жителей Іерусалима и на мужей Іуды все зло, которое я изрекъ на нихъ, а они не слушали» (Іерем. XXXVI, 29—31).

Но существованіе царства іудейскаго было продлено еще на нѣ-
Нашествіе Навуходонсора на Ханаанъ. сколько времени. Мы видѣли (стр. 475), что Навуходонсоръ, получивъ извѣстіе о внезапной смерти отца, долженъ былъ поспѣшно идти отъ Газы прямымъ путемъ черезъ Сирійскую пустыню въ Вавилонъ. Іудея осталась въ сторонѣ отъ его дороги. Но утвердившись на престолѣ, онъ снова обратилъ свои мысли на западъ, гдѣ богатые торговые города представляли заманчивую добычу, а государства были мелкія, несогласныя между собою, такъ что завоевать ихъ было не трудно. Халдеи были наслѣдники западной части ассирійскаго царства; имъ естественно было думать о томъ, чтобы овладѣть всѣми землями на западѣ. Черезъ четыре года послѣ битвы при Кархемисѣ Навуходонсоръ снова привелъ войска свои въ Ханаанъ. Іеремія предвѣщалъ, что жезломъ гнѣва Божія будетъ теперь Вавилонъ, какъ прежде была Ниневія. Другой пророкъ, Аввакумъ, тоже возвѣщалъ народу іудейскому нашествіе войскъ Навуходонсора, предъ которыми бѣжали египтяне и которыя грабятъ и опустошаютъ всѣ земли, куда приходятъ.

«Вотъ (говоритъ Господь) я подниму халдеевъ, народъ жестокой и необузданный, который ходитъ по широтамъ земли, чтобы завладѣть принадлежащими ему селеніями. Страшенъ и грозенъ онъ; отъ него самого происходитъ судъ его и власть его. Быстрые барсовы кони его и прытче вечернихъ волковъ; скачетъ въ разныя стороны конница его; издали приходятъ всадники его, пролетаютъ какъ орелъ, бросающійся на добычу. Весь онъ идетъ для грабежа; устремивъ лицо свое впередъ, онъ забираетъ плѣнниковъ какъ песокъ. Надъ царями онъ издѣвается, и князья служатъ ему посмѣшищемъ; надъ всякою крѣпостію онъ смѣется: насыплетъ осадный валъ, и беретъ ее. Тогда надмевается духъ его, и онъ ходитъ и буйствуетъ; сила его—богъ его» (Аввакумъ I, 6—11).

Книга пророка Аввакума и по содержанію и по формѣ одно изъ превосходнѣйшихъ произведеній еврейской литературы. Съ пламеннымъ во-

ображеніемъ у него соединена величайшая точность картинъ; онъ никогда не впадаетъ въ напыщенность; и при всей энергіи, при всемъ изобиліи поэтическихъ образовъ, онъ всегда остается въ границахъ художественной красоты. Умбрейтъ говоритъ о немъ: „У Аввакума, какъ и у Іереміи, съ лирическою мягкостью соединяется высокая энергія, даже страстность мысли. Бурные порывы чувства дивно сочетаются у него съ тихимъ вѣніемъ мысли“.

Онъ начинаетъ свои пророчества плачемъ о томъ, что Господь на-долго отдастъ свой народъ во власть „жестокимъ“ халдеямъ, которыхъ пошлетъ на Іудею въ гнѣвъ своемъ: „Для чего Ты смотришь на злодѣевъ, и безмолствуешь, когда нечестивецъ поглощаетъ того, кто праведнѣе его?“ (Аввак. I, 13). Итакъ, въ душѣ Аввакума была та же борьба съ недоумѣніями, какъ и въ душѣ Іереміи. „Для чего-жь это такъ?“—вопрошаетъ онъ Господа, видя бѣдствіе своего народа. Во второй главѣ его книги, Господь отвѣчаетъ ему на этотъ вопросъ: постигнетъ наказаніе и халдеевъ. Противъ народа, который грабитъ теперь другіе народы, поднимутся иныя грабители, онъ достанется на расхищеніе ихъ, станетъ посмѣшищемъ. Утѣшенный Господомъ, пророкъ поетъ молитву, въ которой съ лирическимъ одушевленіемъ высказываетъ, что сердце его успокоено; онъ прославляетъ всемогущество Господа, говоритъ о своемъ упованіи на него, своей преданности волѣ его: „Богъ отъ Ѳемана грядетъ, и Святой—отъ горы Фаранъ“, наказать Халдеевъ: „Покрыло небеса величіе Его, и славою Его наполнилась земля. Онъ сталъ, и поколебалъ землю; возрѣлъ, и въ трепетъ привелъ народы; вѣковые холмы распались, первобытные холмы опали“ и т. д. Это видѣніе великолѣпная картина. Цѣль пророчества Аввакума—подать надежду трепещущему передъ халдеями народу, внушить ему упованіе на Господа. Побѣдители египтянъ, халдеи, будутъ побѣждены другими народами; грабители погибнуть, „а праведный своею вѣрою живъ будетъ“ (II, 4).

Іеремія также пророчествовалъ тогда о халдеяхъ. Онъ предсказывалъ, что халдеи покорятъ мелкія сирійскія государства. Это былъ цѣлый рядъ пророчествъ о народахъ, сосѣднихъ съ Іудею (главы XLVII—XLIX). „Посрамлены Ѳмаѣ и Арпадъ, ибо, услышавъ скорбную вѣсть, они уныли. Оробѣлъ Дамаскъ, и обратился въ бѣгство; страхъ овладѣлъ имъ; боль и муки схватили его, какъ женщину въ родахъ. Какъ не уцѣлѣлъ городъ славы, городъ радости моей? Падутъ юноши его на улицахъ его и всѣ воины погибнуть, говоритъ Господь: И зажгу огонь въ стѣнахъ Дамаска, и истребятъ чертоги Венадада. Вставайте (халдеи), выступайте противъ Кидара, противъ народа мирнаго, живущаго безпечно; ни дверей, ни заповорѣвъ нѣтъ у него; живутъ по-одиночкѣ (въ шатрахъ). Верблюды ихъ будутъ отданы въ добычу, и множество стадъ ихъ на расхищеніе. И будетъ Асоръ жилищемъ шакаловъ, вѣчною пустынею“ (XLIX, 23—33). „Рыдай, Эсевонъ, кричите, дочери Раввы (города аммонитскаго), опоясывайтесь вретисцемъ, плачьте и скитайтесь по огородамъ; ибо Малхомъ (богъ аммонитянъ) пойдетъ въ плѣнъ, вмѣстѣ съ священниками и князьями своими“ (XLVIII, 3). „Горе тебѣ, Моавъ! Погибъ народъ Хамоса (бога моавитянъ). Отсѣченъ рогъ Моава, и мышца его сокрушена. Вотъ, какъ орелъ налетитъ онъ (царь халдейскій) и распростретъ крылья свои надъ Моавомъ. Опустошитель напалъ на лѣтніе плоды твои и на спѣлый виноградъ. Радость и веселіе отнято отъ земли Моава (XLVII, 46; 25; 40; 32; 33).—„О Эдомъ такъ говоритъ Господь Саваоѣ: Грозное положеніе твое и надменность сердца твоего обольстили тебѣ, живущаго въ разсѣлинахъ скалъ и занимающаго вершины холмовъ. Но хотя бы какъ орелъ высоко свилъ гнѣздо твое, и оттуда низрину тебя. И будетъ Эдомъ ужасомъ; вся-

кій, проходящій мимо, изумится, смотря на язвы его“ (XLIX, 7; 16, 17).—„Господь раззоритъ филистимлянъ; гибнетъ Аскалонъ, остатокъ долины ихъ. Доколѣ будешь посѣкать, о мечъ Господень! доколѣ ты не успокоишься? Но какъ тебѣ успокоиться, когда Господь далъ повелѣніе противъ Аскалона и противъ берега морскаго?“ (XLVII, 4—7).

Съ такими чувствами и ожиданіями жители Іудеи смотрѣли на приближеніе Навуходоносора, когда онъ возвратился въ Ханаанъ. Онъ взялъ все отъ потока египетскаго до рѣки Эвфрата» (4 Кн. Царствъ XXIV, 7). Іоакимъ, покинутый фараономъ, покорился Навуходоносору, и изъ египетскаго данника сталъ данникомъ царя вавилонскаго. Этимъ онъ отвратилъ на нѣкоторое время гибель отъ себя. Но халдейское войско осталось въ Іудеѣ, буйствовало и грабило. Черезъ три года возобновилась война между Вавилонскимъ царемъ и фараономъ; Іоакимъ, вѣроятно собственно потому, что халдеи слишкомъ угнетали Іудею, вошелъ въ сношенія съ прежнимъ своимъ покровителемъ и отказался платить данъ Навуходоносору. Это было гибельное для Іоакима рѣшеніе. Самъ Навуходоносоръ пошелъ на египтянъ, у которыхъ еще оставались крѣпости въ филистимской землѣ, а покорившіеся ему сирійскіе и ханаанскіе народы, ненавидѣвшіе іудеевъ за ихъ прежнее тиранство, пошли, по приказанію Навуходоносора, въ Іудею и стали грабить ее. Но покорена была она только ужъ самимъ Навуходоносоромъ, когда онъ, побѣдивъ египтянъ, пришелъ изъ филистимской земли подавить мятежъ. Іоакимъ или былъ убитъ въ сраженіи, или умеръ отъ болѣзни въ осажденномъ Іерусалимѣ. Іерусалимляне возвели на готовый упасть престолъ Давидовъ 18 лѣтняго сына Іоакима, Іехонію.

Гибель
Іоакима.

Іеремія пророчествовалъ о судьбѣ новаго царя: «Сказалъ Господь: Если бы Іехонія былъ перстнемъ на правой рукѣ Моей, то и отсюда Я сорву тебя, и отдамъ въ руки ищущихъ души твоей, и въ руки тѣхъ, которыхъ ты боишься, въ руки Навуходоносора, царя вавилонскаго, и въ руки Халдеевъ. И выброшу тебя и твою мать въ чужую землю, и тамъ умрете» (Іерем. XXII, 24—26).

Іехонія, 597.

Правленіе молодого царя, дѣйствіями котораго руководила его мать, продолжалось три мѣсяца. Навуходоносоръ, взявъ всѣ іудейскія крѣпости, самъ велъ осаду Іерусалима. Было рѣшено сдаться ему. «И вышелъ Іехонія къ царю вавилонскому, онъ, и мать его, и слуги его и князья его. И переселилъ онъ Іехонію въ Вавилонъ, и мать царя, и женъ царя, и сильныхъ земли отвелъ на поселеніе въ Вавилонъ». Нѣкоторые успѣли бѣжать въ Египетъ.—Іехонія «дѣлалъ не-удобное въ очахъ Господнихъ» (4 Кн. Царствъ XXIV, 9). Этимъ объясняется у Іереміи его паденіе: онъ былъ отвергнутъ Господомъ; Іеремія предвѣщалъ, что «никто ужъ изъ его племени не будетъ сидѣть на престолѣ Давидовомъ и владычествовать въ Іудеѣ» (XXII, 30).

Иудея ограблена и обезсилена. Гнѣвный Навуходоносоръ не удовлетворился ссылкой царскаго семейства и придворныхъ. Онъ вывезъ изъ Іерусалима все, что было тамъ драгоценнаго, и послалъ въ плѣнъ все население Іерусалима, кромѣ бѣдняковъ: «И вывезъ онъ оттуда (изъ Іерусалима) всѣ сокровища дома Господня и всѣ сокровища дома царскаго, и изломалъ, какъ изрекъ Господь, всѣ золотые сосуды, которые Соломонъ сдѣлалъ въ храмъ Господень. И выселилъ весь Іерусалимъ, и всѣхъ князей, и все храброе войско—десять тысячъ было переселенныхъ—и всѣхъ плотниковъ и кузнецовъ; никого не осталось, кромѣ бѣднаго народа земли». Навуходоносоръ взялъ по всей странѣ заложниковъ изъ вліятельныхъ семействъ, взялъ священниковъ, пророковъ (былъ взятъ, въ числѣ другихъ, и Іезекіиль, которому было тогда 18 лѣтъ). Плѣнники были поселены и въ самомъ Вавилонѣ, и по разнымъ другимъ мѣстамъ въ Халдеѣ. Въ Іудеѣ оставлены были только люди низшаго сословія. Царемъ надъ развалинами государства Навуходоносоръ сдѣлалъ третьяго сына Іосіа, Матѳанію, которому было тогда двадцать одинъ годъ, «и переименовалъ имя его на Седекію». Новый царь долженъ былъ дать торжественную клятву, что будетъ вѣрнымъ слугою Навуходоносора.

Седекія.
596—586.

Волненіе умовъ въ царствѣ іудейскомъ. Царь халдейскій наложилъ на Іудею тяжелое иго. Лучшіе люди страны были уведены въ плѣнъ, или бѣжали отъ этой судьбы въ Египетъ. Населеніе уменьшилось и обѣднѣло. Часть его впала въ оцѣпенѣніе, другая готовилась къ возстанію. Упавшіе духомъ говорили: «Оставилъ Господь землю сію» (Іезекіиль IX, 9). Увлекавшіеся раздраженіемъ говорили, что именно теперь, когда бѣдствіе дошло до крайняго предѣла, приблизилось время чудесной помощи Господней. Тяжело наказала рука Господа законопреступный народъ, но сохранила государство. Іерусалимъ и храмъ уцѣлѣли. Потому старинная вѣра въ то, что Господь не дастъ погибнуть своему храму и своему городу, укрѣпилась въ народѣ съ новою силою. Прежніе пророки предвѣщали бѣдствія; но предвѣщали и то, что послѣ бѣдствій начнется счастливое время. Это время теперь близко, полагали многіе. Великіе перевороты, совершившіеся въ послѣднія десятилѣтія, располагали думать, что можетъ произойти еще какой-нибудь переворотъ, благопріятный для Іудеи. Ассирійское могущество внезапно пало. Такъ можетъ упасть и могущество Халдеевъ. И были пророки, говорившіе, что его паденіе близко, державшіе въ постоянномъ волненіи мысли бѣдствующаго народа, лишеннаго разсудительныхъ руководителей, уведенныхъ въ плѣнъ или бѣжавшихъ.

Пророчество Аввакума о паденіи халдейскаго царства. Вѣроятно въ эти годы было провозглашено Аввакумомъ его исполненное энергіи пророчество о паденіи «надменнаго», который, «какъ бродящее вино, не успокоивается», который «расширяетъ душу свою, какъ адъ!»—онъ «какъ смерть ненасытенъ; собираетъ къ себѣ всѣ народы и захватываетъ себѣ всѣ племена. Но не всѣ ли они будутъ проносить о немъ притчу и насмѣшливую пѣснь: Горе тому, кто обогащаетъ себя безъ мѣ-

ры не своимъ,—ни долго ли? Такъ какъ ты ограбилъ многіе народы, то и тебя ограбить всѣ остальные народы. Горе тому, кто жаждетъ неправедныхъ приобрѣтеній для дома своего, чтобы устроить гнѣздо свое на высотѣ. Безсловіе измыслилъ ты для своего дома, истребляи многіе народы, и согрѣшилъ противъ души своей. Камни изъ стѣнъ возопіють, и перекладки изъ дерева будутъ отвѣчать имъ: Горе строящему городъ на крови и создающему крѣпости неправдою! Вотъ, не отъ Господа ли Саваога это, что народы трудятся для огня и племена утруждаютъ себя напрасно? Горе тебѣ, который подаешь ближнему твоему питье съ примѣсью злобы твоей. Ты пресытился стыдомъ вмѣсто славы; обратится и къ тебѣ чаша десницы Господней и посрамленіе на славу твою. Злодѣйство твое обратится на тебя за пролитіе крови человѣческой, за опустошеніе страны, города и всѣхъ живущихъ въ немъ» (Аввакумъ II, 5—17).

Такіе голоса не оставались безъ вліянія на народъ, подавленный, но не примирившійся съ своимъ униженіемъ; они укрѣпляли національное чувство, поддерживали энергію его надеждами. Египетская партія оправилась отъ своего оцѣпенѣнія и снова приобрѣла преобладаніе при дворѣ. Іудея и Египетъ страдали отъ одного и того же угнетателя, были соединены чувствомъ ненависти къ нему; чѣмъ тяжелѣе было настоящее, чѣмъ ближе была опасность совершенной гибели въ будущемъ, тѣмъ сильнѣе волновались іудеи фантастическими надеждами, тѣмъ больше склонялись они снова опереться на Египетъ, тѣмъ крѣпче льнули къ основнымъ элементамъ своей національности, и съ непреклонною стойкостью еврейскаго характера стремились сохранить свои народныя особенности.

Только одинъ вліятельный человѣкъ не раздѣлялъ общаго настроенія—Іеремія. Всѣми силами своей энергической натуры боролся онъ противъ увлеченія, которое быть можетъ и казалось ему почтеннымъ, но которое находилъ онъ ведущимъ къ гибели, потому заслуживающимъ строгаго осужденія. Сначала онъ былъ, кажется, въ хорошихъ отношеніяхъ съ Седекією, котораго, быть можетъ, по его рекомендаціи назначилъ Навуходоносоръ царемъ и назвалъ именемъ «Седекія», напоминающимъ выраженіе Іереміи «справедливость божія».

Дѣятельность
Іереміи при
Седекіи.

По всей вѣроятности, при вступленіи Седекія на престолъ была рѣчь Іереміи: «Вотъ, наступаютъ дни, говоритъ Господь, и возставлю Давиду отрасль праведную, и возарится царь, и будетъ поступать мудро, и будетъ производить судъ и правду на землѣ. Во дни его Іуда спасется и Израиль будетъ жить безопасно; и вотъ имя его, которымъ будутъ называть его: Господь оправданіе наше» («Цидкену» — имя, произведенное отъ того же слова, отъ котораго происходитъ имя «Седекія», Седекія). «Ибо такъ говоритъ Господь: Не превратится у Давида мужъ, сидящій на престолѣ дома Израилева» (Іереміи XXIII, 5, 6; XXXIII, 14—17).

Но Седекія пошелъ путемъ предшественниковъ своихъ, сталъ все больше и больше «дѣлать неугодное въ очахъ Господнихъ», отдался египетской партіи; Іеремія отстранился отъ него, сталъ порицать его дѣйствія. По убѣжденію Іереміи, надобно было терпѣливо выносить иго халдеевъ; всякая попытка свергнуть его поведетъ къ поги-

Политическія бели. Халдеи—жестъ наказанія въ рукѣ Господа; надобно покоряться волѣ Божіей; пассивное повиновеніе побѣдителю—единственный путь спасенія, проповѣдовалъ Іеремія. Но лишь немногіе раздѣляли его мысли. Тяжесть халдейскаго владычества была такъ велика, что царь и народъ не могли не думать о средствахъ избавиться отъ него; были пророки, возбуждавшіе къ возстанію увѣреніями, что война будетъ счастлива.

Въ началѣ царствованія Седекіи прибыли въ Іерусалимъ послы отъ моавитянъ, аммонитянъ, Тира и Сидона, совѣщающіеся съ новымъ царемъ іудейскимъ о томъ, чтобы общими силами свергнуть невыносимое иго халдейское. Іеремія наглядно показалъ имъ, къ чему поведетъ попытка этого рода: онъ пришелъ въ собраніе пословъ, положивъ себѣ ярмо на шею, роздалъ имъ цѣпи, чтобы они передали эти цѣпи пославшимъ ихъ, и сказалъ: „Такъ говоритъ Господь: Такъ скажите государямъ вашимъ: Я отдаю (отдаю) всѣ земли сіи (ваши) въ руку Навуходоносора, раба моего. И если какой народъ и царство не захочетъ служить ему и не преклонитъ выи своей подъ ярмо царя вавилонскаго, этотъ народъ я накажу мечемъ, голодомъ и моровою язвою, доколѣ не истреблю ихъ рукою его. И вы не слушайте своихъ пророковъ и своихъ гадателей, своихъ сновидцевъ и своихъ волшебниковъ и своихъ звѣздочетовъ, которые говорятъ вамъ: не будете служить царю вавилонскому, ибо они пророчествуютъ вамъ ложь (и ведутъ васъ къ тому), чтобы удалить васъ изъ земли вашей и чтобы вы погибли. Народъ же, который подклонитъ выю свою подъ ярмо царя вавилонскаго, я оставлю на землѣ своей, и онъ будетъ воздѣлывать ее и жить на ней. И Седекіи, царю іудейскому, Я говорилъ всѣми сими словами: зачѣмъ умирать тебѣ и народу твоему отъ меча, голода и моровой язвы?“ (Іерем. XXVII, 2—13). Черезъ нѣсколько времени „Ананія, пророкъ изъ Гаваона“, сказалъ Іереміи въ храмѣ Господнемъ, при священникахъ и множествѣ народа: „Такъ говоритъ Господь: сокрушу ярмо царя вавилонскаго черезъ два года; и возвращу на мѣсто сіе всѣ сосуды дома Господня, которые Навуходоносоръ взялъ изъ сего мѣста и перенесъ въ Вавилонъ; и Іехоніу, и всѣхъ плѣнныхъ іудеевъ, пришедшихъ въ Вавилонъ, я возвращу на мѣсто сіе; ибо я сокрушу ярмо царя вавилонскаго“. Іеремія отвѣчалъ ему, что время покажетъ, кто изъ нихъ пророчествовалъ истину. Ананія снялъ ярмо съ шеи Іереміи и сломалъ его, говоря: „Такъ говоритъ Господь: Такъ сокрушу ярмо Навуходоносора чрезъ два года, снявъ его съ выи всѣхъ народовъ“. Ярмо на шеѣ Іереміи было обыкновенное, деревянное. Іеремія велѣлъ сдѣлать желѣзное ярмо, надѣлъ его, и въ новомъ свиданіи съ Ананією сказалъ ему: Ты сокрушилъ ярмо деревянное, и сдѣлаешь вмѣсто него ярмо желѣзное. Ибо такъ сказалъ Господь: желѣзное ярмо возложу на шею всѣхъ этихъ народовъ, чтобы они работали Навуходоносору. Послушай, Ананія: Господь тебя не посылалъ. Посему такъ говоритъ Господь: Я сброшу тебя съ лица земли; въ этомъ же году ты умрешь, потому что ты говорилъ вопреки Господу. И умеръ пророкъ Ананія въ томъ же году на седмомъ мѣсяцѣ“ (Іеремія, глава XXVIII).

Іеремія и отве-денныя въ Ва-вилонъ іудеи. Іеремія старался убѣдить въ необходимости пассивнаго повиновенія халдеямъ не только жителей Іерусалима, но и отведенныхъ въ плѣнъ. Онъ думалъ теперь, что эти плѣнники—та часть народа, на которой покоится вся будущность націи. Очевидно, они полагали, что ихъ участь очень скоро измѣнится. Многіе изъ нихъ имѣли тай-

ныя сношенія съ партією, мечтавшею въ Іерусалимѣ о возстаніи; у нихъ были мысли о томъ, чтобы найти средства уйти изъ плѣна, вернуться на родину. Іеремія не одобрялъ этихъ замысловъ. Седекія отправилъ въ Вавилонъ пословъ разсѣять подозрѣнія, возбужденныя въ Навуходоносорѣ волненіемъ народа въ Іудеѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ просить о возвращеніи плѣнниковъ. Іеремія, опасаясь, что ихъ возвращеніе усилитъ попытки къ возстанію, послалъ черезъ двухъ, дружныхъ съ нимъ, членовъ посольства письмо къ «старѣйшинамъ между переселенцами»: онъ въ этомъ письмѣ убѣждалъ ихъ спокойно выносить плѣнъ, и мы видимъ изъ его словъ, что его надежда на возрожденіе націи была надеждою именно на эту часть ея, бывшую теперь въ плѣну.

«Стройте дома и живите въ нихъ», говоритъ Іеремія отъ имени Господа въ своемъ письмѣ къ плѣнникамъ: «и разводите сады, и ѣшьте ихъ плоды. Берите женъ, и рождайте сыновей и дочерей, и сыновьямъ своимъ берите женъ, и дочерей своихъ отдавайте въ замужество, и размножайтесь. И заботьтесь о благосостояніи города, въ который Я переселилъ васъ, и молитесь за него, потому что при благосостояніи его вамъ будетъ миръ. Да не обольщаютъ васъ пророки ваши. Ложно пророчествуютъ они. Когда исполнится вамъ въ Вавилонѣ семьдесятъ лѣтъ, я возвращу васъ изъ плѣна. Такъ говорилъ Господь о царѣ, сядущемъ на престолѣ Давидовомъ, и о всемъ народѣ, живущемъ въ городѣ семъ, о братьяхъ вашихъ, которые не отведены съ вами въ плѣнъ: Я пошлю на нихъ мечъ, голодъ и моровую язву, и сдѣлаю ихъ такими, какъ негодныя смоквы, которыхъ нельзя ѣсть по негодности ихъ, и предамъ ихъ на озлобленіе всѣмъ царствамъ земли, на проклятіе и ужасъ, на посмѣяніе и поруганіе между всѣми народами, куда Я изгоню ихъ, за то, что они не слушали словъ Моихъ, съ которыми Я посылалъ къ нимъ рабовъ Моихъ, пророковъ» (Іерем. XXIX, 5—19).

Это письмо очень не понравилось тѣмъ изъ плѣнныхъ іудеевъ, которыхъ національное чувство не было заглушено религіознымъ, и Шемаія, одинъ изъ старѣйшинъ еврейской общины въ Вавилонѣ, послалъ въ Іерусалимъ первосвященнику Софоніи сильный протестъ противъ мыслей Іереміи. «Господь поставилъ тебя священникомъ, чтобы ты былъ между блюстителями въ домѣ Господнемъ за всякимъ человекомъ неистовствующимъ и пророчествующимъ», писалъ Шемаія Софоніи: «почему же ты не запретишь Іереміи пророчествовать?» (Іерем. XXIX, 26, 27). Были и въ Іерусалимѣ люди, говорившіе, что Іеремія одураченный или подкупленный агентъ Навуходоносора, желающій, чтобы Іудея на вѣкъ осталась подъ игомъ Халдеевъ.

Іереміи было очень тяжело подвергать себя такимъ обвиненіямъ; Душевная борьба Іереміи. но голосъ Іеговы, говорившій душѣ его, повелѣвалъ ему пророчествовать въ прежнемъ смыслѣ. «Ты влекъ, меня, Господи, и я увлеченъ», восклицалъ онъ: «Ты сильнѣе меня, и превозмогъ; и я каждый день въ посмѣяніи; каждый издѣвается надо мною. Ибо только начну говорить я, вопію о раззореніи. Слово Господне обратилось въ поношеніе мое. И подумалъ я: не буду говорить во имя Его;

но было въ сердцѣ моемъ какъ бы горящій огонь, заключенный въ костяхъ моихъ, и я истомился, удерживая его, и не могъ» (Іерем. XX, 7—9). Враги его говорили: «сдѣлаемъ доносъ, отмстимъ ему» (XX, 10). Онъ проклиналъ день, въ который родился: жалѣлъ, что Господь не убилъ его въ утробѣ матери, чтобы жизнь его не проходила въ печали и безславіи (XX, 14—18). Патріотическая борьба умирающаго народа противъ могущественнаго поработителя было дѣло величественное, справедливое. Тѣмъ трагичнѣе была судьба человека, влекомаго неодолимою силою отдѣлиться въ эти дни испытанія отъ большинства своихъ братьевъ. Не по недостатку патріотизма Іеремія проповѣдовалъ покорность обстоятельствамъ, нѣкое смиреніе подъ халдейскимъ игомъ какъ единственное средство спасенія: онъ видѣлъ гибельность сопротивленія яснѣе толпы и ея вождей, въ которыхъ національное чувство затемняло соображенія разсудка. Онъ исполнялъ тяжкую обязанность, возлагаемую на него божественнымъ откровеніемъ, просвѣщавшимъ его:

«Я не желалъ быть пастыремъ, Ты это знаешь; что вышло изъ устъ моихъ, открыто предъ лицомъ Твоимъ. Ты знаешь, что ради Тебя несу я поруганіе. Обрѣтены (мною) слова Твои, и я сѣлъ ихъ; и было слово Твое мнѣ въ радость и въ веселіе сердца моего. Но сидѣлъ я въ собраніи смѣющихся и не веселился; подъ тяготящею на мнѣ рукою Твоею я сидѣлъ одиноко, ибо Ты исполнилъ меня негодованіи. За то такъ упорна болѣзнь моя и рана моя неисцѣльна» (Іерем. XXII, 16; XV, 15—18).

Такое изнеможеніе овладѣвало иногда его душою. Но вѣра въ Іегову оставалась тверда въ ней. Онъ былъ проникнутъ національною идеею о связи между служеніемъ Іеговы и благоденствіемъ, о томъ, что бѣдствія—это наказанія отъ Господа за измѣну ему. Египетская партія предавалась идолослуженію; тѣмъ яснѣе было для Іереміи, что замышляемое ею возстаніе неизбежно навлечетъ на идолослужителей наказаніе божіе. Ихъ побѣда была бы пораженіемъ служителей Іеговы. Іеремія былъ убѣжденъ, что Господь не допуститъ этого: халдеи подавятъ возстаніе. Іеремія старался отвратить столкновеніе съ халдеями, которое погубитъ страну. Его патріотизмъ былъ проникательнѣе патріотизма стремившихся поднять возстаніе.

Посылая Іеремію пророчествовать, Господь говорилъ ему: «Препояшь чресла твои, и встань, и скажи имъ (іудеямъ) все, что Я повелю тебѣ. Не малодушествуй предъ ними. Я поставилъ тебя желѣзнымъ столбомъ и мѣдною стѣною противъ царей Іуды, противъ князей его, противъ священниковъ его и противъ народа земли сей. Они будутъ ратовать противъ тебя, но не превозмогутъ тебя, ибо Я съ тобою, чтобы избавлять тебя» (Іерем. I, 17—19). Господь и послѣ ободрялъ его такими же словами, и говорилъ ему: «И спасу тебя отъ руки злыхъ, и избавлю тебя отъ руки притѣснителей» (XV, 20, 21). Сознавая себя пророчествующимъ по откровенію Божію, Іеремія призывалъ наказаніе отъ Господа на своихъ противниковъ, за которыхъ прежде вступался онъ предъ Іеговою, отъ которыхъ хотѣлъ отвратить гнѣвъ Божій, и которые воздаютъ ему за это добро зломъ: «И такъ предай сыновей ихъ голоду и подвергни ихъ мечу. Да

будутъ жены ихъ бездѣтными и вдовами, и юноши ихъ умерщвлены мечемъ на войнѣ. Ты, Господи, знаешь всѣ замыслы ихъ противъ меня, чтобы умертвить меня; не прости имъ неправды ихъ, и грѣха ихъ не изглади предъ лицомъ Твоимъ» (Іерем. XVIII, 19—23).

Противодѣйствуя замысламъ возстанія противъ Халдеевъ, Іеремія предсказывалъ іудеямъ погибель отъ этой войны. Онъ говорилъ то грустнымъ, то ужасающимъ тономъ: Господь даетъ въ пищу іудеямъ полынъ, и въ питье имъ воду горечи, превратитъ Іерусалимъ въ груды развалинъ, всѣ города Іудеи сдѣлаетъ мѣстами запустѣнія, разсѣетъ жителей ихъ по землямъ чужихъ народовъ, пошлетъ на нихъ мечъ истребленія; въ горахъ будутъ раздаваться стоны и рыданія ихъ, по равнинамъ пустыни будутъ слышаться пѣсни гласа ихъ; Рахиль будетъ безутѣшно плакать о погибели дѣтей своихъ. Онъ говорилъ: «Выбросятъ кости царей Іуды, и кости князей его, и кости священниковъ, и кости пророковъ, и кости жителей Іерусалима изъ гробовъ ихъ, и раскидаютъ ихъ предъ солнцемъ и луною, и всѣмъ воинствомъ небеснымъ (звѣздамъ), которыхъ они любили и которымъ поклонялись, и не уберутъ ихъ, и не похоронятъ, онѣ будутъ навозомъ на землѣ. И будутъ смерть предпочитать жизни всѣ остальные, которые останутся отъ этого злаго племени» (VIII, 1—3). Тогда глаза его померкнули отъ плача, и душа его истечетъ слезами, говорилъ онъ, и непрерывно возвѣщалъ своему народу неотвратимую погибель его, погибель всего, что любилъ; ужасъ будетъ повсюду, предвидѣлъ онъ. И на робкій вопросъ, какой скоро будутъ дѣлать ему: «Что будетъ съ нами?»—у него былъ впередъ одинъ отвѣтъ: одни изъ васъ умрутъ, другіе будутъ отведены въ плѣнъ».

Но предвидя погибель государства и бѣдствія народа, онъ былъ твердо убѣжденъ и въ томъ, что послѣ страданій начнется для народа счастливая жизнь. За мрачными картинами разрушенія онъ видѣлъ свѣтлую будущность, когда Господь «сокрушитъ ярмо», лежащее на «выѣ народа», народъ уже «не будетъ служить чужеземцамъ» (XXX, 8). Онъ возвѣщалъ своему народу: «Такъ говоритъ Господь: вотъ возвращу плѣнъ шатровъ Іакова, и селенія его помилую; и городъ опять будетъ построенъ на холмѣ своемъ, и храмъ устроится по прежнему; и вознесутся изъ нихъ благодареніе и голосъ веселящихся. Я снова устрою тебя и ты будешь устроена, дѣва израилева, снова будешь украшаться тимпанами твоими и выходить въ хоробы веселящихся. Снова разведешь виноградники на горахъ Самаріи; ибо будетъ день, когда стражи на горѣ Эфремовой провозгласятъ: Вставайте, и взойдемъ на Сіонъ, къ Господу, Богу нашему. Тогда дѣвица будетъ веселиться въ хороводѣ, и юноши и старцы вмѣстѣ; и измѣню печаль ихъ на радость, и утѣшу ихъ, и обрадую ихъ послѣ скорби. Возвращайся, дѣва израилева, возвращайся въ города свои» (XXX, 8; 18, 19; XXXI, 4—6; 13; 21). Такъ возвѣщалъ Господь Іереміи въ видѣніи сна; «Я пробудился, и сонъ мой былъ пріятенъ мнѣ», говоритъ пророкъ (XXXI, 26). Онъ проповѣдывалъ то, что было открыто ему во снѣ: «Вотъ наступаютъ дни, говоритъ Господь, когда я заключу съ домомъ Израиля и съ домомъ Іуды новый завѣтъ, не такой завѣтъ, какой я заключилъ съ отцами ихъ; тотъ завѣтъ Мой они нарушили; но вотъ завѣтъ, который Я заключу съ домомъ израилевымъ: вложу законъ Мой во внутренность ихъ, и на сердцахъ ихъ напишу его; и уже не будутъ учить другъ друга и говорить: познайте Господа; ибо всѣ сами будутъ знать Меня, отъ малаго до большого; прошу беззаконія ихъ, грѣховъ ихъ уже не воспомяну болѣе» (XXXI, 31—34).

Іеремія предсказываетъ по-гибель Іерусалима.

Счастливая будущность.

Седекія всту-
паетъ въ союзъ
съ египтянами.

Когда раздраженіе умовъ въ Іерусалимѣ достигло высочайшей степени и ненависть къ игу халдеевъ заглушила всякую разсудительность, заклеили именемъ измѣны всякій совѣтъ воздержаться отъ возстанія, фараонъ Вафрій (Гофра; тотъ, котораго греческіе писатели называютъ Апріемъ) рѣшился возобновить попытку своего дѣда Нехо овладѣть Сирією. Онъ сдѣлалъ большія приготовленія къ войнѣ и вступилъ въ переговоры съ Седекією. Египетская партія въ Іерусалимѣ торжествовала; ея пророки обѣщали побѣду. Даже плѣнники, поселенные на Эвфратѣ, знали о подготавливаемомъ возстаніи; оно и радовало и пугало ихъ. Пророкъ Іезекіиль, дѣйствовавшій между плѣнниками въ томъ же направленіи, какъ Іеремія на родинѣ, напрасно старался удержать Седекію отъ «презрѣнія клятвы» (Іезекіиль XVII, 19) мрачными описаніями бѣдствій, какія навлечетъ на всю страну война; обольстительныя рѣчи «ложныхъ пророковъ», противъ которыхъ возставалъ онъ съ такою же энергією, какъ Іеремія, нравились народу. Предсказанія этихъ пророковъ, надежда на египетскую конницу, приготовленія къ возстанію у финикійцевъ, у нѣкоторыхъ хананейскихъ народовъ, особенно у аммонитянъ, возбуждали рѣшимость царя; а главнымъ образомъ дѣйствовалъ на него воинственный энтузіазмъ аристократической партіи, окружавшей его. Онъ отложился отъ Навуходоносора. Но халдеи знали о томъ, что дѣлается въ Ханаанѣ. Навуходоносоръ былъ готовъ къ походу, и, пылая гнѣвомъ, ждалъ только рѣшительнаго извѣстія оттуда, чтобы вторгнуться въ Іудею раньше, нежели двинется въ походъ египетское войско.

Сначала Навуходоносоръ, повидимому, колебался, на кого направить первый ударъ, на аммонитянъ или на іудеевъ; у Іезекіиля мы читаемъ: „Царь вавилонскій остановился на распутіи, при началѣ двухъ дорогъ (въ Равву аммонитскую и въ Іерусалимъ), для гаданія; трясетъ стрѣлы, вопрошаетъ терафимовъ, разсматриваетъ печень (принесеннаго въ жертву животного); въ правой рукѣ у него гаданіе: „въ Іерусалимъ“ (т. е. ему попадаетъ тотъ жребій, на которомъ написано: въ Іерусалимъ), гдѣ должно поставить тараны, возвысить голосъ для военнаго крика, насыпать валъ, построить осадыя башни. Ты, недостойный, преступный вождь Израиля,—такъ говоритъ Господь Богъ: Сними съ себя діадему и сложи вѣнецъ; низложу, низложу, низложу! Дохну на тебя огнемъ ярости Моей, и отдамъ тебя въ руки людей свирѣпыхъ, опытныхъ въ убійствѣ“ (Іезекіиль XXI, 21—31).

Навуходоносоръ
въ Іудеѣ.

Въ десятый мѣсяцъ девятаго года царствованія Седекія Навуходоносоръ вступилъ съ большимъ войскомъ въ Іудею. Онъ безъ труда взялъ пограничныя крѣпости; поселяне, сильно угнетаемые іерусалимскимъ правительствомъ, безъ сопротивленія отдавались подъ власть халдейскаго царя; онъ велѣлъ имъ идти съ его войскомъ на Іерусалимъ, и они шли, быть можетъ охотно. Изъ всѣхъ крѣпостей, только Ла-

хисъ и Асека держались нѣсколько времени. Скоро къ шедшимъ на Іерусалимъ войскамъ присоединились, по старой народной ненависти, идумеи и филистимляне. Но многочисленность враговъ только увеличила энергію осажденныхъ. Безразсудно поступили іерусалимляне, поставъ противъ Навуходоносора; но геройскою борьбою съ подавляющимъ могуществомъ его они показали, какую силу рукъ, какую твердость душъ даетъ горячая любовь къ національной свободѣ. Легко было предвидѣть, что Іерусалимъ падетъ и испытаетъ всѣ тѣ ужасы, какіе предсказывали пророки; Іерусалимъ самъ былъ виноватъ въ томъ, что подвергъ себя паденію; но онъ палъ съ честью. Невозможно отказать ему въ уваженіи за мужество, съ какимъ бился онъ до совершеннаго изнеможенія.

Навуходоносоръ обложилъ городъ и возвелъ осадный валъ. Седекія послалъ къ Іереміи своихъ сановниковъ, сказать ему: «Вопроси о насъ Господа». Іеремія отвѣчалъ:

Осада Іерусалима.

«Такъ говоритъ Господь, Богъ Израилевъ: Я обращаю назадъ воинскія орудія, которыя въ рукахъ вашихъ, и Самъ буду воевать противъ васъ рукою и мышцею крѣпкою, во гнѣвѣ, и въ ярости и въ великомъ негодованіи. Я предлагаю вамъ путь жизни и путь смерти. Кто останется въ этомъ городѣ, тотъ умретъ отъ меча и голода и моровой язвы; а кто выйдетъ и предастся халдеямъ, осаждающимъ васъ, тотъ будетъ живъ. Ибо я обратилъ лицо Мое противъ города сего; онъ будетъ преданъ въ руки царя вавилонскаго, и тотъ сожжетъ его огнемъ» (Іерем. XXI, 4—10).

Ужасенъ былъ отвѣтъ. Но онъ не сломилъ мужества іерусалимлянъ. Всѣ взялись за оружіе. И чтобы увеличить число воиновъ, царь освободилъ всѣхъ рабовъ еврейскаго происхожденія. Нѣсколько удачныхъ вылазокъ подкрѣпили надежду осажденныхъ. Приближеніе египетскаго войска принудило халдеевъ снять осаду, чтобы идти противъ египтянъ; іерусалимляне ликовали; они были такъ увѣрены въ окончательномъ торжествѣ, что снова обратили въ рабство освобожденныхъ рабовъ (Іерем. XXXIV, 11). Іеремія порицалъ это, какъ нарушеніе обѣщанія, даннаго предъ Господомъ, и горько смѣялся надъ надеждою на египтянъ, которая окажется грубою ошибкою.

«Такъ говоритъ Господь: Не обманывайте себя. Войско фараоново, которое шло къ вамъ на помощь, возвратится въ Египетъ. А халдеи снова придутъ воевать противъ города сего, и возьмутъ его и сожгутъ его огнемъ. Если бы вы даже разбили все войско халдеевъ, и остались бы у нихъ только раненые, то и тѣ встали бы, и сожгли бы городъ сей огнемъ» (XXXV, 7—10).

Такое противорѣчіе всеобщему увлеченію раздражило іудеевъ противъ пророка. Когда онъ, послѣ снятія осады, хотѣлъ по своимъ личнымъ дѣламъ идти на родину, въ Анаѳоѣ, его остановили въ воротахъ, обвиняя въ намѣреніи передаться халдеямъ, и посадили въ подвалъ тюрьмы; но черезъ нѣсколько времени царь велѣлъ перевести его въ одну изъ комнатъ дома дворцовой стражи.

Предсказаніе Іереміи о возобновленіи осады скоро сбылось. Египетское войско было прогнано халдеями, они снова осадили Іерусалимъ. Осажденные съ трудомъ отражали ихъ приступы; для поправки разбиваемыхъ стѣнъ, для постройки новыхъ позади прежнихъ, ломали дома, ломали дворцы. И сохраняли непоколебимую твердость души; надѣялись на новую помощь египтянъ. Іеремія подѣ стражею продолжалъ предвѣщать паденіе города, совѣтовать покориться Навуходоносору. И «князья сказали царю: Да будетъ преданъ смерти этотъ человѣкъ, потому что онъ ослабляетъ руки воиновъ и руки всего народа, говоря къ нимъ такія слова; ибо этотъ человѣкъ не благоденствія желаетъ народу сему, а бѣдствія. И сказалъ Седекія: онъ въ вашихъ рукахъ, потому что царь ничего не можетъ дѣлать вопреки вамъ». Іеремію взяли и опустили на веревкахъ въ яму, на дворѣ стражи; «въ ямѣ той не было воды, а только грязь; и погрузился Іеремія въ грязь». Авдимелехъ эіоплянинъ, одинъ изъ царскихъ евнуховъ, услышавъ объ этомъ, убѣдилъ Седекію велѣть, чтобъ Іеремію вытащили изъ ямы, содержали по прежнему въ домѣ дворцовой стражи. Въ Іерусалимѣ начался и все усиливался голодъ; многіе жители уходили къ халдеямъ, чтобы спастись отъ голодной смерти. Седекія снова обратился за совѣтомъ къ Іереміи. Пророкъ совѣтовалъ ему покориться. Но царь былъ во власти партіи, не хотѣвшей сдаваться, и она зорко наблюдала за нимъ. Голодъ сталъ очень силенъ. Люди гибли на стѣнахъ отъ меча осаждающихъ, въ своихъ домахъ умирали отъ голода и моровой язвы. Наконецъ халдеямъ удалось пробить стѣну съ сѣверной стороны; они овладѣли нижнимъ городомъ, стали у среднихъ воротъ близъ цитадели, гдѣ былъ дворецъ. Ужасъ овладѣлъ жителями. По улицамъ побѣжали несчастные изнуренные голодомъ. Ночью бѣжалъ и царь, вмѣстѣ съ воинами; Седекія взялъ онъ прошелъ черезъ юговосточную стѣну и былъ уже недалеко отъ Іордана. Но халдеи догнали его на Іерихонской равнинѣ; войско его разбѣжалось, «и взяли царя, и отвели его къ царю вавилонскому въ Ривлу; и произвели надъ нимъ судъ. И сыновей Седекіи закололи предъ глазами его, а самому Седекіи ослѣпили глаза, сковали его окочками и отвели его въ Вавилонъ» (4 Кн. Царствъ XXV, 6, 7). Въ Вавилонѣ до самой его смерти держали его въ темницѣ.

Седекія взятъ въ плѣнъ; отведенъ въ Вавилонъ.

Разрушеніе Іерусалима; переселеніе іудеевъ въ плѣнъ.

Гнѣвъ побѣдителя не удовлетворился этими жертвами. Идумей, пользуясь случаемъ отмстить іудеямъ за прежнія страданія отъ нихъ, поддерживали раздраженіе Навуходоносора, и въ слѣдующемъ мѣсяцѣ онъ послалъ начальника своихъ тѣлохранителей, Навузардана (Небузаръ-Адана) разрушить Іерусалимъ. Навузарданъ взялъ изъ храма всѣ драгоценности, и произведенія искусствъ, какія еще оставались въ немъ; взялъ, въ числѣ другихъ вещей, двѣ знаменитыя мѣдныя колонны, поставленныя Соломономъ, мѣдное море и двѣнадцать вольвъ, на которыхъ стоялъ этотъ водоемъ, взялъ всю утварь храма,

и отправилъ въ Вавилонъ; сжегъ храмъ, дворецъ, всѣ большіе дома; разрушилъ стѣны города, взялъ подѣ стражу всѣхъ жителей города. «И взялъ начальникъ тѣлохранителей Сераію первосвященника, и Цефанію, священника втораго, и трехъ стоявшихъ у порога», взялъ нѣсколькихъ сановниковъ, шестьдесятъ человѣкъ «изъ народа земли» и «отвелъ ихъ къ царю вавилонскому въ Ривлу»; Навуходоносоръ казнилъ ихъ (4 Кн. Царствъ XXV, 8—21). Другіе 832 человѣка изъ высшихъ сословій были скованы по два и вмѣстѣ съ семействами отосланы въ Вавилонъ. Отосланы были въ Вавилонъ и вообще всѣ жители Іерусалима; кромѣ бѣдныхъ простолюдиновъ, отосланы всѣ вліятельные люди изъ всей страны. Такъ «помрачилъ Господь во гнѣвъ своемъ дочеръ Сіона, повергъ на землю красоту Израиля, и не вспомнилъ о подножіи ногъ своихъ въ день гнѣва своего» (Плачь Іереміи II, 1). Въ Іудеѣ остались только простолюдины; да и тѣхъ число очень уменьшилось, такъ что не доставало рукъ для воздѣлыванія земли. Правителемъ страны съ этимъ скуднымъ населеніемъ Навуходоносоръ назначилъ Годолію, внука Шафана (Сафана),—того «писца», который нѣкогда принесъ Эзекии изъ храма книгу завѣта. Іерусалимъ остался грудой развалинъ. «Руками всплескиваютъ о тебѣ всѣ проходящіе путемъ», говорилъ въ эти годы Іеремія: «и качаютъ головою своею о дочери Іерусалима, говоря: это ли городъ, который называли совершенствомъ красоты, радостію всей земли?» (Плачь Іереміи II, 15).

Взятіе Іерусалима было освобожденіемъ Іереміи изъ подѣ стражи. Халдеямъ было извѣстно, въ какомъ направленіи дѣйствовалъ онъ: потому Навуходоносоръ велѣлъ освободить его и предоставилъ на его выборъ, идти ли въ Вавилонъ, гдѣ будетъ онъ пользоваться благосклонностью царя, или остаться въ Іудеѣ. Онъ рѣшился остаться, и сталъ жить при Годоліи, какъ совѣтовалъ ему самъ Навуходоносоръ, давшій ему подарки и назначившій продовольствіе.—Какъ огрубѣли люди отъ бѣдствій войны, показываютъ намъ злодѣйства, совершенныя Измаиломъ, человѣкомъ, происшедшимъ изъ царскаго рода. Годолія жилъ въ Массифѣ. Измаиль съ нѣсколькими товарищами пришелъ туда, былъ приглашенъ Годоліею на обѣдъ. За обѣдомъ, онъ и его товарищи напали на Годолію, убили его, убили іудеевъ и халдеевъ, которые были тутъ; послѣ того притворными слезами и приглашеніемъ отъ имени Годоліи Измаиль завлекъ въ Массифу караванъ іудеевъ, шедшихъ изъ Египта помолиться и принести жертву на развалинахъ Іерусалимскаго храма, и убилъ 70 человѣкъ изъ нихъ; только десять человѣкъ спаслись, обманувъ Измаила: они сказали ему, что у нихъ есть закопанные въ землѣ запасы продовольствія, и онъ велѣлъ не убивать ихъ, чтобъ они указали эти запасы. Онъ захватилъ дочерей Седекіи, остававшихся въ Массифѣ, захватилъ всѣхъ бывшихъ тамъ іудеевъ и хотѣлъ увести ихъ къ аммонитянамъ. Іоананъ, одинъ изъ друзей убитаго правителя, настѣгъ разбойника у Большихъ Водъ въ Гаваонѣ и отбилъ у него плѣнныхъ; но самъ онъ и восемь человѣкъ изъ его товарищей ушли къ аммонитянамъ. Іоананъ и бывшіе съ нимъ, опасаясь, что халдеи будутъ мстить всѣмъ іудеямъ за убійство Годоліи Измаиломъ, рѣшились уйти въ Египетъ.

Злодѣйства Измаила.

Иеремія въ
Египтѣ.

Иеремія говорилъ имъ, что Господь воспрещаетъ имъ идти въ Египетъ. Они не хотѣли послушаться. Иеремія возвѣстилъ имъ, что если они уйдутъ въ Египетъ, то всѣ погибнутъ. Но Іоананъ собралъ всѣхъ оставшихся въ Массифѣ іудеевъ и іудеянокъ и повелъ ихъ въ Египетъ. Иеремія и его писецъ Варухъ принуждены были идти съ ними въ царство, отъ союза съ которымъ онъ такъ часто предостерегалъ. Такимъ образомъ остатокъ іудейскаго народа возвратился въ землю, откуда за тысячу лѣтъ передъ тѣмъ вышли его предки. Вафрій отдалъ пришельцамъ Тафнисъ близъ Пелузія, въ той части Египта, гдѣ нѣкогда поселились Іаковъ и его сыновья. Но и въ Мемфисѣ, и въ другихъ городахъ Нижняго и Средняго Египта жило много іудеевъ, переселившихся туда во время войны. Они поклонялись египетскимъ богамъ. У нихъ была надежда, что египтяне побѣдятъ халдеевъ и что они возвратятся на родину. Иеремія укорялъ ихъ за идолопоклонство и за ошибочную надежду на египтянъ; предвѣщалъ имъ гибель; говорилъ имъ, что если они и ихъ жены будутъ продолжать «кадить богинѣ неба и возливать ей возліаніе», то Господь поразитъ ихъ мечемъ, голодомъ и моровою язвою, и лишь немногіе изъ нихъ уцѣлѣютъ и возвратятся въ Іудею (Іерем. XLIV, 25—28). Но его печальныя предостереженія оставались напрасными. Израильтяне не вѣрили ему, что испытанныя ими бѣдствія были наказаніемъ за отступничество отъ Іеговы.

Мы ужъ говорили (стр. 197), что Иеремія и Іезекіиль предсказывали и Египту такую же судьбу, какой подверглась Іудея: онъ будетъ завоеванъ халдеями, которые будутъ вознаграждены египетскою добычею за неудачу въ желаніи своемъ разграбить Тиръ, отстоявшій свою независимость. Однажды Иеремія зарылъ большіе камни въ глинѣ при входѣ во дворецъ фараона въ Тафнисъ и сказалъ: «Такъ говоритъ Господь: Я пошлю Навуходоносора и поставлю престолъ его на этихъ камняхъ, скрытыхъ мною, и раскинетъ онъ надъ нимъ великолѣпный шатеръ свой; и поразитъ землю египетскую: кто обреченъ на смерть, преданъ будетъ смерти; и кто въ плѣнъ—пойдетъ въ плѣнъ; и сокрушитъ (Навуходоносоръ) статуи въ Басамисѣ (Геліополѣ), и напища боговъ египетскихъ сожжетъ огнемъ. И одѣнется въ землю египетскую, какъ пастухъ надѣваетъ на себя одежду свою, и выйдетъ оттуда спокойно» (Іерем. XLIII, 8—13). Мы рассказывали о томъ, какой оборотъ приняла война халдеевъ съ египтянами по взятіи Іерусалима (стр. 198).

Опустошеніе
Іудеи.

Но бѣдствія страны іудейской еще не кончились. Черезъ пять лѣтъ по разрушеніи Іерусалима іудеи, оставшіеся на родинѣ, соединились съ аммонитянами и моавитянами, хотѣвшими свергнуть съ себя иго халдеевъ. Халдейскія войска все еще оставались тогда въ Финикіи. Возстаніе было подавлено; 745 человекъ іудеевъ были отведены въ плѣнъ; Іудея была совершенно опустошена. Иеремія былъ тогда еще живъ; скорбь его души о бѣдствующей родинѣ выразилась въ «Книгѣ Плача» его. Онъ умеръ въ Египтѣ. Есть преданіе, что его соотечественники побили его камнями въ Тафнисѣ.

„Какъ одиноко сидитъ городъ, нѣкогда многолюдный! Онъ сталъ, какъ вдова; великій междоусобица между народами, князь надъ областями сдѣлался данникомъ. Горько плачетъ онъ ночью, и слезы на ланитахъ его. Пути Сіона стѣтуютъ, потому что нѣтъ идущихъ на праздникъ; всѣ ворота его опустѣли; дѣти его пошли въ плѣнъ впереди врага. Господь въ негодованіи гнѣва Своего отвергъ царя и священника, отвергъ жертвенникъ свой. Вспомни, Господи, что надъ нами совершилось; призри и посмотри на поруганіе наше. Наслѣдіе наше перешло къ чужимъ, дома наши—къ иноплеменикамъ; мы сдѣлались сиротами безъ отца; матери наши какъ вдовы. Воду свою пьемъ за серебро, дрова наши достаются намъ за деньги. Съ опасностью жизни отъ меча, въ пустынѣ достаемъ хлѣбъ себѣ. Кожа наша почернѣла какъ печь, отъ жгучаго голода. Рабы господствуютъ надъ нами; женъ безчестятъ на Сіонѣ, дѣвицъ—въ горахъ іудейскихъ; князья повѣшены руками ихъ; юношей берутъ къ жерновамъ, и отроки падаютъ подъ ношами дровъ. Прекратилась радость сердца нашего; хороводы наши обратились въ стѣнованіе, упалъ вѣнецъ съ головы нашей. Ты, Господи, пребываешь вѣвѣки. Для чего совсѣмъ забываешь насъ? Обрати насъ, Господи, къ себѣ, и мы обратимся; obnovи дни наши, какъ древле. Неужели ты совсѣмъ отвергъ насъ?“

Книга „плача Іереміи“, состоящая изъ пяти элегій, описываетъ печальными пѣснями своими судьбу разрушеннаго Іерусалима. — И по формѣ и по содержанію она имѣетъ нѣкоторое родство съ книгою Іова. Въ ней нѣтъ параллелизма, составляющаго обыкновенно форму еврейской поэзіи; изложеніе въ ней идетъ строфами; начальныя буквы стиховъ въ первыхъ четырехъ пѣсняхъ образуютъ алфавитъ. Въ пятой пѣснѣ этого нѣтъ. Каждая элегія—законченное цѣлое; но всѣ соединены между собою общностью основныхъ мыслей: пророкъ скорбитъ объ ужасной судьбѣ Іерусалима, о страданіяхъ жителей разрушенной столицы царства; говоритъ, что ихъ бѣдствія навлечены на нихъ преступленіями ихъ предковъ; молить Господа объ отмщеніи надменнымъ врагамъ и объ избавленіи іудеевъ отъ невыносимыхъ страданій.

Книга Плача
Іереміи.

Современникъ Іереміи, пророкъ Авдій, предвѣщалъ, что Господь накажетъ идумеевъ, помогавшихъ халдеямъ и злобно радовавшихся разрушенію Іерусалима, издѣвавшихся надъ бѣдствіями іудеевъ. Пророчество Авдіи, имѣющее очень небольшой объемъ, почти буквально повторяется въ книгѣ пророка Іереміи (XLIX, 7—21). Оно написано, повидимому, вскорѣ по разрушеніи Іерусалима.

Пророкъ Авдій.

Б. ПЛѢНЪ И ВОЗВРАТЪ.

1. Время плѣненія вавилонскаго.

(586—538).

Ассирійскимъ и вавилонскимъ завоеваніями народъ израильскій былъ разсѣянъ, какъ предсказывали пророки, «по всѣмъ странамъ»; увѣденные въ плѣнъ были поселены не только «на рѣкахъ вавилонскихъ», но и въ «городахъ мидійскихъ», изъ кото-

Разсѣяніе на-
рода израиль-
скаго по раз-
нымъ странамъ.

рой вышли ихъ праотцы въ Ханаанъ; многіе, вѣроятно, на островахъ, многіе въ Аравіи; многіе были проданы въ рабство и были уведены въ разныя другія страны. Большинство переселенцевъ мало Десять колѣнъ. по малу утратило свою національность. Въ особенности трудно было сохранить ее тѣмъ, которые были изъ царства Десяти колѣнъ, потому что они были очень разбросаны по обширнымъ областямъ ассирийскаго государства; они, какъ должно полагать, совершенно слились съ тѣми народами, среди которыхъ были расселены. Евреи, живущіе въ Адіабенскихъ горахъ въ Арменіи, считаютъ себя потомками Десяти колѣнъ; такъ думаютъ о нихъ и армяне тѣхъ мѣстъ. Но вѣроятноже, что и армянскіе и персидскіе евреи—потомки іудеевъ, переселенныхъ въ Вавилонъ, и впоследствии перешедшихъ сюда; или потомки болѣе позднихъ переселенцевъ. Были ученые, искавшіе слѣдовъ исчезнувшихъ израильтянъ Десяти колѣнъ въ разныхъ странахъ Азіи, даже въ Америкѣ. Но это была пустая фантазія. Народъ царства Эфремова, имѣвшій близкія сношенія съ финикійскими городами, рано усвоилъ себѣ многіе иноземные нравы и сталъ очень способенъ утратить свою національность; вражда къ царству Іудину, вторженіе чужихъ религій, отсутствіе національнаго храма—все это мѣшало религіи Іеговы твердо установиться у израильтянъ Десяти колѣнъ; а не имѣя усердія къ ней, они не имѣли причины держаться особыми общинами между народовъ, въ страны которыхъ были переселены, и должны были легко слиться съ ними.

Іудеи въ Вавилоніи.

Переселяя побѣжденных въ чужія имъ страны, какъ это часто дѣлалось въ древнемъ мірѣ, побѣдители хотѣли уничтожить ихъ національность. Эфремяне и дѣйствительно исчезли, смѣшавшись съ другими народами. Но іудеи держались особо отъ народа страны, въ которую были переселены, крѣпко оберегали свою національность, и результатъ вавилонскаго плѣненія былъ прямо противоположенъ тому, какой имѣло плѣненіе Эфремянъ ассиріянами. Поселенные между халдеями іудеи сохранили свою народность, свою религію. Положеніе области Іудиной было замкнутое, и у племени, которому досталась она, выработалась прочная національность. При раздѣленіи израильскаго народа на два государства, царство іудейское сохранило за собою славу легитимности и поддержало его въ безупречной чистотѣ до самаго паденія своего, оставаясь неизмѣнно вѣрнымъ династіи Давида. Притомъ, оно и просуществовало долѣе, нежели царство Десяти колѣнъ; оно имѣло религіозный центръ, имѣло организованное духовенство; преданія и законы въ немъ получили определенность, будучи записаны; въ немъ развилась національно-религіозная литература; въ немъ явились ревностные пророки;—все это дало прочность іудейской національности. Опоры ея сохранились у іудеевъ, переселенныхъ въ Халдею. У пророковъ временъ царства іудейскаго есть жалобы на то, что большинство іудеевъ служило идо-

ламъ. Но лучшіе люди въ Іудеѣ пребыли вѣрны національной религіи. Этого было достаточно, чтобы національность уцѣлѣла. Когда ассиріяне уводили въ плѣнъ жителей царства израильскаго, многіе образованные люди, преданные національной вѣрѣ, бѣжали въ царство іудейское, нашли себѣ хорошій пріемъ и остались въ Іудеѣ. А когда халдеи разрушили царство Іудино, то увели въ плѣнъ лучшую отборную часть націи. Въ Вавилонѣ жилъ плѣнный царь Іехонія; всѣ іудеи, переселенные въ Халдею, считали его своимъ законнымъ царемъ; въ Вавилонѣ жили князья и старѣйшины; они и въ плѣненіи оставались уважаемыми руководителями переселенцевъ, были начальниками ихъ общины; въ Вавилонѣ жили священники, поддерживавшіе въ переселенцахъ вѣрность Іеговы и совершавшіе богослуженіе по національнымъ обрядамъ, насколько то было возможно; были въ Вавилонѣ у іудеевъ пророки, возвѣщавшіе волю Іеговы, утѣшавшіе сокрушенныхъ обѣщаніями счастливаго будущаго; образованные служители Іеговы, знатоки національной литературы, сохраняли ея священные сокровища: псалмы, сборники изреченій, историческіе рассказы; увеличивали число ихъ собственными произведеніями, проникнутыми глубокимъ душевнымъ чувствомъ, какое возбуждалось грустнымъ настоящимъ, требовавшимъ утѣшенія; сердца, угнетенныя скорбью, искали отрады себѣ въ поэтическомъ творчествѣ, взывавшемъ къ Богу о помощи.—Халдеи, повидимому, не притѣсняли переселенцевъ, не мѣшали имъ жить организованными общинами подъ управленіемъ старѣйшинъ, по прежнему племенному устройству; не мѣшали имъ приобретать поземельную собственность и заниматься сельскимъ хозяйствомъ, не мѣшали заниматься торговлею и промышленностью; и кажется, что іудеи во время своего плѣненія приобрѣли любовь къ торговой и промышленной дѣятельности. Конечно, усерднымъ служителямъ Іеговы не могло быть пріятно жить въ странѣ идолопоклонства (Іерем. I, 38) и въ основаніи всѣхъ пророчествъ, составляющихъ второй, вавилонскій отдѣлъ книги пророка Исаи, лежитъ то чувство, что жизнь въ плѣненіи очень тяжела; мы видимъ по этимъ пророчествамъ, что іудейскіе переселенцы глубоко ненавидѣли халдеевъ, желали гибели имъ. Но матеріальное положеніе іудеевъ въ Халдеѣ было не дурно, какъ доказываетъ тотъ фактъ, что лишь меньшинство ихъ захотѣло возвратиться въ отечество, когда это было дозволено. И во всякомъ случаѣ, введенные въ плѣнъ жили лучше, нежели оставшіеся на родинѣ. Тѣ іудеи, которые остались въ родной странѣ, подвергались на смѣшкамъ сосѣднихъ народовъ; многіе скитались безпріютно по пустынямъ; многіе умирали отъ нищеты. Поставленный укрѣпленнымъ лагеремъ въ Іерусалимѣ халдейскій горнизонъ не позволялъ, кажется, и той страдальческой отрады имъ, чтобы молиться и плакать на развалинахъ храма.—Пророки говорили, что Навуходоносоръ былъ испол-

нителемъ воли Іеговы, называли его «рабомъ Божиимъ»; при такомъ воззрѣніи, покорность царю вавилонскому была религіозною обязанностью для іудеевъ; это помогало имъ пользоваться въ Халдеѣ спокойствіемъ. Сынъ Навуходоносора, Эвильмеродахъ, освободилъ изъ темницы плѣннаго царя іудейскаго, Іехонію, сталъ оказывать уваженіе ему, далъ ему мѣсто за своимъ столомъ, и тотъ сохранилъ это мѣсто до конца жизни.

Надежды іудеевъ.

Религіозное чувство укрѣпилось у плѣнныхъ іудеевъ и стало твердою поддержкою имъ въ скорбяхъ жизни. Его развивала въ нихъ главнымъ образомъ дѣятельность пророковъ. Число пророковъ уменьшилось послѣ паденія Іерусалима; но и въ плѣненіи у іудеевъ были пророки. Тѣ предсказанія о грядущемъ наказаніи отъ Господа, какія были прежде высказываемы пророками и въ счастливые и въ несчастные годы царства, оказались теперь исполнившимися; то, что эти ужасныя предвѣщанія сбылись, внушало вѣру и въ предсказанія пророковъ, что бѣдственное время будетъ не очень продолжительно, что оно переходное время очищенія народа для счастливой будущности; мрачное настоящее просвѣтлялось лучами вѣчной надежды на благоденствіе. Какъ освободилъ нѣкогда Іегова свой народъ отъ рабства египетскаго и ввелъ его въ обѣтованную прекрасную землю, такъ онъ и теперь спасетъ свой народъ отъ руки халдеевъ. Прежній завѣтъ съ Господомъ разрушенъ отступничествомъ отцовъ; нынѣшнее бѣдствіе—наказаніе за это отступничество. Но Господь не на-вѣки отвратилъ лицо свое отъ народа израильскаго; онъ заключитъ съ нимъ новый, болѣе прочный завѣтъ, заповѣди котораго будутъ начертаны не на камнѣ, а въ сердцахъ; Израиль, очистившись, возродится обновленный, и будетъ вѣрнѣе прежняго исполнять свое высокое призваніе, снова будетъ достоинствомъ Іеговы, святымъ храмомъ его, и неизмѣнно будетъ служить ему. Прежніе пророки ужъ предвѣщали это время матеріальнаго благоденствія и душевной святости; упованіе на него сіяло въ ихъ проповѣдяхъ, подобно яркой звѣздѣ въ темную ночь; пророки плѣненія съ самою твердою увѣренностью говорили о близости его. Іеремія, пророкъ бѣдствій, ужъ предвѣщалъ, что настанетъ благоденственное царствованіе потомка Давидова. Еще опредѣлительнѣе говорилъ о будущемъ благоденствіи Іезекіиль, бывшій пророкомъ собственно времени плѣненія. Онъ съ полною точностью предвѣщалъ, что народъ израильскій возвратится въ землю отцовъ своихъ, что будетъ построено новый храмъ, всѣ очертанія котораго ужъ видѣлись его душевнымъ очамъ. Іезекіиль—полный представитель душевной жизни плѣннаго народа, который, лишившись политической дѣятельности, созидаетъ себѣ изученіемъ писаній и дѣятельностью души новый храмъ въ сердцахъ своемъ. Сынъ священника, человѣкъ высокообразованный, Іезекіиль, увведенный въ плѣнъ еще вмѣстѣ съ царемъ Іехоніею, былъ твердою поддержкою своему народу въ плѣненіи. Его домъ на рѣкѣ Ховаръ (Хаборъ) въ Месопотаміи былъ для плѣнныхъ іудеевъ

Пророчества Іезекіиля.

святыищемъ; благочестивые люди собирались туда молиться, старѣйшины искали тамъ совѣта. Тамъ, «обративъ очи на горы Іерусалимскія», онъ писалъ то, что Іегова влагалъ въ его душу, да видятъ плѣнники іудейскіе, что «есть пророкъ посреди ихъ».

Книга пророка Іезекіиля—произведеніе человѣка ученаго; всѣ части ея составляютъ одно связанное цѣлое. Іезекіиль собралъ свои пророчества и историческіе очерки въ эту книгу подъ конецъ своей жизни; планъ и содержаніе книги пророчествъ Іезекіиля. Кажется, около 573 года (Іезек. XL, 1). Такимъ образомъ, его книга—полное изложеніе его понятій о прошломъ, настоящемъ и будущемъ Израильскаго народа. Будучи связнымъ, художественнымъ цѣлымъ, она состоитъ изъ трехъ отдѣловъ. Первую часть книги составляютъ пророчества, принадлежащія времени до разрушенія Іерусалима; это первыя 24 главы. Въ нихъ пророкъ предвѣщаетъ, что царство Іудейское будетъ разрушено, въ наказаніе за идолопоклонство и другія прегрѣшенія народа; предостерегаетъ увведенныхъ въ плѣнъ іудеевъ отъ довѣрія къ ложнымъ извѣстіямъ изъ Іерусалима объ успѣшности результатовъ союза съ Египтомъ, о побѣдахъ, убѣждаетъ не обольщаться обманчивыми рѣчами лживыхъ пророковъ, не увлекаться неразумными надеждами, не впадать въ опрометчивые замыслы. Онъ предсказываетъ, что Седекія будетъ наказанъ богомъ за измѣну Навуходоносору, быть вѣрнымъ которому клялся, что онъ будетъ приведенъ плѣнникомъ въ Вавилонъ, а іудейскій народъ весь, кромѣ небольшого остатка, погибнетъ отъ меча или будетъ разсѣянъ по разнымъ странамъ. Но отъ корня срубленнаго дерева произрастетъ новое дерево, величественный кедръ, подъ тѣнью котораго будутъ въ мирѣ жить праведные. Потому переселенные въ Вавилонію іудеи не должны отчаиваться, не должны вѣчно повторять старую поговорку: «наши отцы ѣли кислый виноградъ, а у сыновей оскомины»: кто исполняетъ заповѣди божіи, къ тому Богъ будетъ милостивъ. «Отвергните отъ себя всѣ грѣхи ваши, которыми согрѣшили вы, и сотворите себѣ новое сердце и новый духъ;—и зачѣмъ вамъ умирать? Обратитесь, и живите!» (XVIII, 31—32). За трогательною пѣснью плача о величественной виноградной лозѣ, «у которой были вѣтви крѣпкія для скипетровъ властителей» и которая «во гнѣвѣ вырвана, брошена на землю и пересажена въ пустыню, въ землю сухую и жаждущую» (XIX, 11—13), слѣдуетъ рѣчь къ старѣйшинамъ, въ которой пророкъ перечисляетъ прежнія прегрѣшенія народа израильскаго, за которыя теперь наказывается онъ, и говоритъ, что тѣ изъ іудеевъ, которые, очистившись страданіями, обратятся къ Богу, будутъ возвращены въ землю свою. Послѣднія четыре главы перваго отдѣла содержатъ въ себѣ живое описаніе похода халдеевъ въ Палестину, идолослуженія, которому предавались Самарія и Іерусалимъ, поклонявшіеся языческимъ богамъ, осады и разрушенія Іерусалима.—Второй отдѣлъ образуютъ пророчества о другихъ государствахъ, которыя, подобно іудей-

скому, будутъ разрушены халдеями. (Главы XXV—XXXII). Эти пророчества были написаны по разрушеніи Іерусалима, когда Навуходоносоръ стоялъ еще въ Палестинѣ, и его нашествіе угрожало финикійскимъ городамъ и Египту. За краткимъ пророчествомъ о гибели аммонитянъ, моавитянъ, идумеевъ и филистимлянъ слѣдуетъ очень живое описаніе того, какъ падетъ Тиръ, богатство, могущество и торговля котораго превосходно изображены яркими чертами. Далѣе, Іезекіиль предсказываетъ, что Навуходоносоръ завоюетъ и опустошитъ Египетъ, который уподобляется величественному кедру, и будетъ срубленъ другой такой же кедръ, Ассирія. — Третій отдѣлъ (главы XXXIII, — XLVIII) составляютъ пророчества о возрожденіи народа израильскаго и о наказаніи враговъ его, въ особенности идумеевъ, о возобновленіи завѣта Господня съ Израилемъ; это будетъ по уничтоженіи Гога, который изъ сѣверной страны, называющейся у Іезекіиля Магогомъ, приведетъ на Палестину многочисленное войско, одѣтое въ желѣзные доспѣхи, и всадники котораго быстры. Когда войско Гога будетъ истреблено, Господь возвратитъ Израиля въ родную страну, Іуда и Эфремъ соединятся въ одно царство, и царемъ надъ нимъ будетъ потомокъ Давида. Въ послѣднихъ девяти главахъ своей книги Іезекіиль подробно описываетъ новый храмъ, который будетъ построенъ Господу. — Къ прекраснѣйшимъ и возвышеннѣйшимъ мѣстамъ книги Іезекіиля принадлежатъ пророчества о сосѣднихъ съ Израилемъ народахъ, пѣснь плача о паденіи Египта (глава XXXII) и видѣніе о томъ, какъ воскреснетъ убитый народъ израильскій (глава XXXVII). — По характеру возрѣній, книга Іезекіиля составляетъ переходъ книгъ прежнихъ пророковъ къ произведеніямъ іерархическаго направленія: «Іезекіиль — предшественникъ новаго времени, основатель того, что называется въ тѣсномъ смыслѣ слова іудействомъ» (Смендъ).

Іезекіиль, какъ представитель духовенства. Въ «книгѣ завѣта» были установлены не только заповѣди вѣры и нравственности, но и обряды богослуженія. Іеремія былъ сынъ священника; интересы духовенства были близки его сердцу. Онъ предвозвѣщалъ религію, при которой не будетъ ковчега завѣта; но говорилъ, что и при этой религіи будутъ приносимы жертвы, и что обряды жертвоприношеній будутъ совершаемы священниками изъ колѣна Левіина (Іерем. XXXIII, 18). По разрушеніи храма, нѣкоторые полагали, что, отвративъ лицо свое отъ храма, Господь отвергъ тѣмъ все формы богослуженія, потому нѣтъ надобности возстановлять ихъ. Но большинство іудеевъ считало обряды необходимыми для поддержанія благочестиваго настроенія души; Іезекіиль былъ представителемъ этого убѣжденія. Во время плѣна религіозныя постановленія начали принимать тотъ характеръ, который окончательно получили при Эздрѣ. Іезекіиль придаетъ очень большую важность обрядамъ богослуженія и заботится о томъ, чтобы возвысить значеніе духовенства.

Самъ Іезекіиль прекрасно характеризуетъ свою книгу словами о свиткѣ, который былъ данъ ему въ видѣніи: «Свитокъ исписанъ былъ внутри и снаружи, и написано на немъ: плачь, и стонъ, и горе». Но когда онъ съѣлъ этотъ свитокъ, то «было въ устахъ его сладко, какъ медъ» (Іезек. II, 10; III, 3). Горечь его пророчествъ переходитъ въ сладость. Въ первомъ отдѣлѣ ихъ онъ рѣзко изобличаетъ беззаконія іудеевъ, «людей не покорныхъ, возмущившихся противъ Господа», «измѣнниковъ» Господу; они осквернили храмъ Господень идолослуженіемъ, и гибель ихъ — наказаніе за ихъ измѣну Господу. Уцѣлѣвшіе въ плѣненіи, проповѣдывать которымъ посылаетъ Господь Іезекіиля, тоже «сыны съ огрубѣлымъ лицомъ и жестокимъ сердцемъ», «мятежный домъ» (II, 3—5). Но Іезекіиль отвергаетъ привычную іудеямъ мысль, что потомки подвергаются наказанію за грѣхи предковъ; люди отвѣчаютъ передъ Богомъ только за свои дѣла, потому что Богъ справедливъ: «Зачѣмъ вы употребляете эту пословицу: отцы ѣли кислый виноградъ, а у дѣтей на зубахъ оскомины»? Сынъ не понесетъ вины отца, правда праведнаго при немъ и останется. И беззаконникъ, если обратится отъ грѣховъ своихъ и будетъ поступать праведно, живъ будетъ, не умретъ. Преступленія его, какія дѣлалъ онъ, не припомнятся ему; въ правдѣ своей, которую будетъ дѣлать, онъ живъ будетъ. Развѣ Я хочу смерти беззаконника? говоритъ Господь Богъ. Не того ли, чтобъ онъ обратился отъ путей своихъ и былъ живъ? (XVIII, 1; 20—23). Такимъ образомъ, отъ обращенія плѣнниковъ къ Господу зависитъ вся ихъ будущность; Іезекіиль твердо надѣется, что она будетъ счастлива, у него много картинъ будущаго благоденствія іудейскаго народа; онѣ написаны яркими красками.

«Живу Я! говоритъ Господь Богъ: Выведу васъ изъ народовъ и изъ странъ, по которымъ вы разсѣяны, и соберу васъ рукою крѣпкою и мышцею простертою, и приведу васъ въ пустыню народовъ и тамъ буду судиться съ вами лицомъ къ лицу, какъ Я судился съ отцами вашими въ пустынѣ египетской. И проведу васъ подъ жезломъ, и введу васъ въ узы завѣта. И выдѣлю изъ васъ мятежниковъ и непокорныхъ. Мнѣ, въ землю Израилеву они не войдутъ. А вы не оскверняете святаго имени Моего идолами вашими. На Моей святой горѣ, на высокой горѣ Израилевой, тамъ съ благоволеніемъ приму васъ, какъ благовонное куреніе (XX, 34—41). И окроплю васъ чистою водою, и вы очиститесь отъ всехъ сквернъ вашихъ, и отъ всехъ идоловъ очищу васъ. И дамъ вамъ сердце новое, и духъ новый дамъ вамъ; и возьму изъ плоти вашей сердце каменное, и дамъ вамъ сердце плотное. Вложу внутрь васъ духъ Мой. Тогда вспомните о злыхъ путяхъ вашихъ и почувствуете отвращеніе къ самимъ себѣ за беззаконія ваши и за мерзости ваши. Въ тотъ день очищу васъ отъ всехъ беззаконій вашихъ, и населю города, и обстроены будутъ развалины, и опустошенная земля будетъ воздѣлываема. Тогда скажутъ: эта опустѣлая земля сдѣлалась, какъ садъ Эдемскій» (XXXVI, 25—35). «Вотъ, я соберу сыновъ Израилевыхъ изъ среды народовъ, между которыми они находятся, и соберу ихъ отовсюду и приведу ихъ въ землю. На этой землѣ, на горахъ Израиля, Я сдѣлаю ихъ однимъ народомъ, и одинъ царь будетъ царемъ у всехъ ихъ, и не будутъ болѣе раздѣляться на два царства. Рабъ Мой Давидъ будетъ надъ ними и

пастыремъ всѣхъ ихъ, и они будутъ ходить въ заповѣдяхъ Моихъ и уставы Мои будутъ соблюдать и исполнять ихъ. И заключу съ ними завѣтъ мира, завѣтъ вѣчный будетъ съ ними. И устрою ихъ, и размножу ихъ, поставлю среди нихъ святилище Мое на вѣки, и будетъ жилище Мое, и буду ихъ Богомъ, а они будутъ Моимъ народомъ» (XXXVІІ, 22—27).

Укрѣпленіе религиознаго чувства въ плѣненіи. Эти пророчества, проникнутыя непоколебимою вѣрою въ счастливое будущее, давали іудеямъ силу выносить страданія плѣна, укрѣпляли въ нихъ національное чувство; сближая съ Богомъ, сближали ихъ между собою. Разбросанные по чужимъ землямъ, они не могли надеяться собственными силами возстановить свою независимость; тѣмъ глубже укоренялась въ нихъ вѣра, что когда придетъ время, Іегова пошлетъ имъ избавителя, царя. Изъ грустнаго настоящаго они уносились мыслями въ счастливую будущность, обѣщанную Господомъ. Религиозныя воззрѣнія пророковъ все болѣе и болѣе становились общимъ вѣрованіемъ народа. Угнетеннымъ отрадно было убѣжденіе, что они находятся подъ особеннымъ покровительствомъ всемогущаго Бога, избравшаго ихъ въ достояніе себѣ, не возлагающаго на сыновей наказанія за вины отцовъ; что Богъ заключитъ новый завѣтъ съ ними, избраннымъ народомъ своимъ, вознаградитъ ихъ за вѣрность и покорность ему и будетъ въ награду имъ такъ же щедръ, какъ строгъ былъ въ наказаніи отцовъ ихъ за отступничество. Узнавъ по тяжкому опыту, что правдивы были предвѣщанія пророковъ о грядущемъ наказаніи, іудеи не могли теперь отвергать ихъ совѣтовъ, которыми пренебрегали прежде.

Они стали теперь поклонниками единого Бога, какъ внушали имъ пророки; проповѣдь пророковъ сдѣлала монотеизмъ неотъемлемою принадлежностью іудейской національности. Понятіе о томъ, что Іегова—единственный богъ, что нѣтъ никакихъ боговъ, кромѣ Іеговы, все яснѣе вырабатывалось въ умахъ іудеевъ, старавшихся сохранить свою народность среди вавилонянъ, религія которыхъ получила высокое научное и художественное развитіе, но была въ нравственномъ отношеніи очень дурна; противопоставляя вавилонскому многобожію свой монотеизмъ, іудеи стали глубже прежняго понимать свою національную религію, какъ служеніе Богу святостью сердца и жизни. Старинныя узкія представленія о Іеговѣ, какъ племенномъ богѣ, все болѣе уступали мѣсто возвышенному понятію о немъ, какъ о владыкѣ вселенной, властителѣ надъ всѣми царствами и народами. И чѣмъ яснѣе становилось для нихъ, что онъ—единственный богъ, что боги язычниковъ не существуютъ, тѣмъ меньше возможности для нихъ было отпадать отъ служенія ему въ идолопоклонство. Языческіе боги называются у пророковъ плѣненія пустыми призраками; во второмъ отдѣлѣ книги пророка Исаи мнимые боги не болѣе какъ смѣшныя мечты. По мѣрѣ того, какъ возвышалось у іудеевъ понятіе о богѣ, плотнѣе соединялись общностью служенія единому Богу по-

клоняющіеся ему. Одинаковость страданій и интересовъ сблизила въ плѣненіи священниковъ съ народомъ; духовенство приобрѣло довѣріе. Въ случаяхъ тяжбъ между собою, плѣнные іудеи охотнѣе обращались къ своимъ племеннымъ старшинамъ, чѣмъ къ халдейскимъ судьямъ. Такимъ образомъ, время плѣненія вавилонскаго было періодомъ очищенія іудейскаго народа; онъ вышелъ изъ плѣненія возрожденнымъ: національное чувство, религиозныя убѣжденія его, преданность Богу окрѣпли въ плѣненіи. Синайская пустыня была мѣстомъ рожденія народа израильскаго, вавилонская степь стала мѣстомъ рожденія іудейской національности.

Самымъ яснымъ доказательствомъ укрѣпленія вѣры въ Іегову и раскаянія въ прежнихъ грѣхахъ у плѣнныхъ іудеевъ служитъ то, что они стали совершать четыре великіе дня поста и покаянія въ память о четырехъ важныхъ бѣдственныхъ событіяхъ халдейской войны, стали совершать общественныя моленія, при которыхъ обращались лицомъ въ ту сторону, гдѣ Іерусалимъ, который былъ и снова будетъ святымъ городомъ Господнимъ. Такимъ образомъ, во время плѣна религиозное значеніе Іерусалима возвысилось. Значеніе дня субботняго возвысилось, при невозможности совершать обряды болѣе торжественныя, чѣмъ празднованіе субботы.

Чувства, которыми были проникнуты сердца народа въ это скорбное время, высказывались пѣснями и псалмами. Наиболѣе печальныя изъ пѣсней Плача Іереміи написаны въ это время. Многіе изъ псалмовъ, самыхъ прекрасныхъ по силѣ и возвышенности чувства, также принадлежатъ періоду плѣненія. Соединеніе тоски по родинѣ съ ненавистью къ врагамъ, жаждою мщенія, бывшее характеристическою чертою чувствъ плѣнниковъ, превосходно выражается въ знаменитомъ 136 псалмѣ.

«При рѣкахъ Вавилона, тамъ сидѣли мы, и плакали, когда вспоминали о Сіонѣ. На вербахъ посреди его повѣсили мы наши арфы. Тамъ плѣнившіе насъ требовали отъ насъ словъ пѣсней, и притѣснители наши—веселія. Какъ намъ пѣть пѣснь Господню на землѣ чужой? Если я забуду тебя, Іерусалимъ, забудь меня, десница моя. Прилипли языкъ мой къ гортани моей, если не поставлю Іерусалимъ во главѣ веселія моего. Дочь Вавилона, опустошительница! блаженъ, кто возьметъ и разобьетъ младенцевъ твоихъ о камень!»

Надежды іудеевъ на освобожденіе и возвращеніе возрасли, когда Воззрѣніе про- Киръ началъ свои побѣдоносные подвиги, и персы съ неодолимою роковъ на Ки- силою низвергли мидійское владычество. Царство вавилонское, ослаб- ленное изнѣженностью, обезсиливашимъ сладострастіемъ народа, порочностью преемниковъ Навуходоносора, было такою привлекатель- ною добычею, что глаза предприимчиваго завоевателя не могли не обратиться на него. И легко было предвидѣть, что одряхлѣвшій Вавилонъ не устоитъ противъ удара, угрожающаго ему. Еврейскіе ученые въ Халдеѣ, политическая проницательность которыхъ развилась раз-

думьями о причинахъ гибели ихъ царства, быстро увидѣли, что Киръ — тотъ человекъ, который разрушитъ вавилонскую державу и дастъ новый оборотъ судьбѣ ихъ народа. Очень можетъ быть, что вавилонскіе іудеи рано вступили въ дружескія сношенія съ персами, заключили съ ними условія о содѣйствіи другъ другу. Халдеи были общими врагами для нихъ. Персидскій царь не могъ не понимать, что помощь плѣнныхъ іудеевъ будетъ полезна ему при нападеніи на Вавилонію, и что если онъ возвратитъ ихъ въ Ханаанъ, то они проложатъ персидскому владычеству путь до самаго Египта. Общность интересовъ вѣроятно склонила Кира пріобрѣсти расположеніе вавилонскихъ іудеевъ заманчивыми обѣщаніями. Пророки называли его «помазанникомъ Господнимъ» (Исаія XLV, 1), видя въ немъ человека, который возстановитъ ниспровергнутый престолъ Давидовъ, поможетъ возникновенію новаго счастливаго и святаго царства іудейскаго. Сближеніе было облегчено тѣмъ, что персы, подобно іудеямъ, гнушались идолопоклонствомъ, и религія ихъ тоже имѣла нравственный характеръ. Богъ персовъ былъ свѣтлое духовное существо; іудеи находили это понятіе правильнымъ; и вообще, многое въ религіи персовъ соотвѣтствовало ихъ мыслямъ. Ближайшее знакомство съ персами оказало въ послѣдствіи времени сильное вліяніе на ихъ умственную жизнь. Они заинтересовались вопросами, о которыхъ мало думали до той поры, и персидскія рѣшенія этихъ вопросовъ показались имъ правильными.

Но и съ самаго начала іудеи видѣли, что персы имѣютъ понятія, симпатичныя имъ. А интересы ихъ совпадали съ персидскими. Поэтому во второмъ, вавилонскомъ, отдѣлѣ книги пророка Исаіи высказывается сильное сочувствіе Киру, будущему освободителю іудеевъ.

Вавилонскіе іудеи надѣялись, что по завоеваніи Мидійскаго царства Киръ немедленно ринется на Вавилонію. Мы говорили объ этомъ на 482 и слѣдующихъ страницахъ.

Ожиданіе вавилонскихъ іудеевъ. Но желаніе плѣнныхъ іудеевъ исполнилось не такъ скоро, какъ они полагали. По завоеваніи Мидіи Киръ пошелъ не на вавилонянъ. Обстоятельства сложились такъ, что онъ повелъ войска на лидянъ. Лишь по окончаніи этой войны онъ вернулся на востокъ и двинулся на Вавилонъ. Голосъ великаго пророка возвѣщалъ вавилонскимъ іудеямъ, что приближается время освобожденія ихъ:

Вавилонскій отдѣлъ книги пророка Исаіи. «Утѣшайте, утѣшайте народъ Мой, говоритъ Богъ Вашъ; возвѣщайте ему, что исполнилось время борьбы его, что за неправды его сдѣлано удовлетвореніе (Исаія XL, 1, 2). Кто воздвигъ отъ востока мужа правды, призвалъ его слѣдовать за собою, предалъ ему народы и покорилъ царей? Я воздвигъ его, и онъ придетъ; отъ востока солнца будетъ призывать имя Мое, и поирать владыкъ, какъ грязь, и топтать, какъ горшечникъ глинну (XLI, 2; 25). Вотъ, предсказанное прежде сбылось, и новое Я возвѣщу (XLII, 9). Кто предалъ Іакова на разореніе и Израіля грабителямъ? Не Господь-ли, противъ котораго мы грѣшили? Онъ излилъ на нихъ ярость гнѣва Своего и лютость войны. Ны-

нѣ же такъ говоритъ Господь, сотворившій тебя, Іаковъ, и устроившій тебя, Израиль: Я искупилъ тебя; въ выкупъ за тебя отдалъ Египетъ, Эѳіопію и Савейю, такъ какъ ты дорогъ въ очахъ Моихъ. Отъ востока приведу племя твое и отъ запада соберу тебя; съ веру снаху: отдай; и югу: не удерживай; веди сыновей Моихъ издалека, и дочерей Моихъ отъ концовъ земли. Я проложу дорогу въ степи, рѣки въ пустынь, чтобы поить избранный народъ Мой (XLII, 24, 25; XLIII, 1, 3, 4 — 6, 19, 20). Я изолью воды на жаждущее и потоки на изсохшее; излью благословеніе Мое на потомковъ твоихъ, и будутъ расти, какъ и вы при потокахъ водъ» (XLIV, 3, 4). «Такъ говоритъ Господь помазаннику Своему, Киру. Я держу тебя за правую руку, чтобы покорить тебѣ народы; Я пойду предъ тобою, и горы уравнию, двери мѣдныя сокрушу и запоры желѣзные сломаю» (XLV, 1, 2). «Такъ говоритъ Господь: Я воздвигъ его въ правдѣ, и уравнию все пути его. Онъ постройтъ городъ Мой, и отпуститъ плѣнныхъ Моихъ» (XLV, 13). «Господь возлюбилъ его, и онъ исполнитъ волю Его надъ Вавилономъ, и явитъ мышцу Его надъ халдеями. — Я, Я призвалъ его; Я привелъ его, и путь его будетъ благоуспѣшенъ, такъ говоритъ Господь» (XLVIII, 14, 15, 17) — «Голосъ говоритъ: возвѣщай! Засыхаетъ трава, увядаетъ цвѣтъ, когда дуетъ на него дуновеніе Господа» (XL, 7) — такъ будетъ съ Вавилономъ: «Сойди и сядь на прахъ, дѣвица, дочь Вавилона; сяди на землѣ; престола нѣтъ, дочь халдеевъ; сяди молча и уйди въ темноту, оба впередъ не будутъ называть тебя госпожею царствъ. Я прогнѣвался на народъ Мой и предалъ ихъ въ руки твои; а ты не оказала имъ милосердіе, на старца налагала крайне тяжкое иго твое. И ты говорила: вѣчно буду госпожею, и не представляла себѣ, что будетъ послѣ. Но нынѣ выслушай это, изнѣженная, живущая безпечно, говорящая въ сердцѣ своемъ: я, — и нѣтъ другой подобной мнѣ, не буду сидѣть вдовою и не буду знать потери дѣтей. Но внезапно придетъ къ тебѣ потеря дѣтей и вдовство въ полной мѣрѣ придутъ они на тебя. Оставайся же съ твоими волшебствами и съ множествомъ чародѣйствъ твоихъ, которыми ты занималась отъ юности твоей. Ты утомлена множествомъ совѣтовъ твоихъ; пусть же выступятъ наблюдатели небесъ, звѣздохъ и предвѣщатели по новолуніямъ, и спасутъ тебя отъ того, что должно приключиться тебѣ. Вотъ они, какъ солома; огонь пожегъ ихъ; никто не спасетъ тебя» (XLVII, 1—15). «Сіонъ говорилъ: Оставилъ меня Господь, и Богъ мой забылъ меня! забудетъ ли женщина грудное дитя свое, чтобы не пожалѣть сына чрева своего? Но если бы и она забыла, то Я не забуду тебя. Вотъ, Я начерталъ тебя на дланяхъ моихъ, стѣны твои всегда предо мною (XLIX, 14—16). О, если бы ты внималъ заповѣдямъ моимъ! тогда миръ твой былъ бы, какъ рѣка, и правда твоя — какъ волны морскія» (XLVIII, 18).

Мы не можемъ опредѣлительно сказать, за сколько именно времени Паденіе Вавилона было написано это энергическое предвозвѣщеніе, вѣроятно по іудейскому разсказу. Но Вавилонъ былъ взятъ Киromъ, какъ предсказывало оно. Послѣ долгой осады, персамъ удалось войти въ Вавилонъ ночью, когда жители были развлечены праздничнымъ весельемъ. «Палъ Вавилонъ!» — восклицали плѣнные іудеи. Мысль пророковъ, что паденіе его — наказаніе отъ Бога за разрушеніе Іерусалима, сохранилась въ народѣ іудейскомъ. Разсказъ книги Даниіла о взятіи Вавилона былъ ужъ приведенъ нами (стран. 482 слѣд.).

2. Возвращение из плѣна и новый Іерусалимъ.

(537—432).

Возвращение плѣнныхъ іудеевъ подъ предводительствомъ Зоровавеля и Иисуса сына Иоседекова. «Въ первый годъ владычества (въ Вавилонѣ) Кира персидскаго, во исполнение слова Господня изъ устъ Іереміи, возбудилъ Господь духъ Кира царя, и онъ повелѣлъ объявить по всему царству своему, словесно и письменно: Такъ говоритъ Киръ, царь персидскій: Всѣ царства земли далъ мнѣ Господь (Іегова), Богъ небесный; и онъ повелѣлъ мнѣ построить Ему домъ въ Іерусалимѣ, что въ Іудеѣ. Кто есть изъ васъ, изъ всего народа Его, да будетъ Господь Богъ его съ нимъ, и пусть онъ туда идетъ»—этими словами кончается вторая книга Паралипоменонъ; книга Эздры, начинаясь повтореніемъ этихъ словъ, продолжаетъ: («Пусть онъ идетъ») въ Іерусалимъ, что въ Іудеѣ, и строить домъ Господа, Бога израилева, того Бога, который въ Іерусалимѣ» (это продолженіе повелѣнія Кира). А всѣ оставшіеся жители мѣста того (гдѣ жилъ уходящій въ Іерусалимъ) пусть помогутъ ему серебромъ, и золотомъ, и инымъ имуществомъ и скотомъ, съ добротнымъ даяніемъ для дома Божія, что въ Іерусалимѣ. И поднялись главы поколѣній Іудиныхъ и Веніаминовыхъ, и священники и левиты, всякій, въ комъ возбудилъ Богъ духъ его, чтобы пойти строить домъ Господень. И царь Киръ «велѣлъ отдать имъ» сосуды дома Господня, которые Навуходоносоръ взялъ изъ Іерусалима и положилъ въ храмъ бога своего».

Такимъ образомъ, дружескія отношенія вавилонскихъ іудеевъ къ персидскому царю, высказавшіяся во второмъ отдѣлѣ книги пророка Исаіи, принесли желанные плоды, какъ только Киръ овладѣлъ Вавилономъ. Іудейскій пророкъ называлъ Кира помазанникомъ божіимъ; Киръ призналъ народъ іудейскій имѣющимъ высокое предназначеніе, какъ видимъ изъ того, почти безпримѣрнаго факта, что онъ отдалъ іудеямъ утварь храма. По приказанію царя, Миердаты (Митридаты), хранитель сокровищъ его, передалъ имъ 5400 золотыхъ и серебряныхъ сосудовъ и другихъ вещей». Халдеи видѣли благосклонность своего новаго царя къ іудеямъ; притомъ, проживъ долго съ ними, ужь не имѣли вражды къ нимъ; потому, кажется, давали подарки собиравшимся въ путь. Возвращавшіеся въ Іудею плѣнники везли съ собою много имущества, какъ видимъ по количеству выючнаго скота: въ книгѣ Эздры говорится, что у нихъ было 736 лошадей, 245 муловъ, 435 верблюдовъ и 6720 ословъ. Они пошли на родину черезъ сорокъ восемь лѣтъ по разрушеніи Іерусалима. Число ихъ было 42,360 свободныхъ людей и 7,337 рабовъ и рабынь. Книга Эздры упоминаетъ, что «при нихъ было 200 пѣвицъ и пѣвцовъ». Быть можетъ, къ возвращающимся іудеямъ присоединились и нѣкоторые изъ потомкомъ израильтянъ царства Десяти колѣнъ, оставшіеся вѣрными

національной религіи. Воздемъ переселявшихся былъ, по назначенію Кира, Зоровавель, сынъ Салаиіла, который считался внукомъ царя Іехоніи, слѣдовательно потомкомъ Давида. Помощникомъ Зоровавеля былъ Иисусъ, сынъ Иоседека, или Сераи, первосвященника, казненаго Навуходоносоромъ, принадлежавшій, подобно Зоровавелю, къ числу уведенныхъ въ плѣнъ не съ Іехоніею, а по разрушеніи Іерусалима. Онъ сдѣланъ былъ первосвященникомъ, и этотъ санъ остался наследственнымъ въ его родѣ. Пропорція пожелавшихъ возвратиться въ Іудею была особенно велика въ томъ классѣ плѣнныхъ, который составляли священники и левиты. Пожелали возвратиться и старѣйшины, родоначальники, бывшіе въ прежнемъ царствѣ правящимъ сословіемъ. Эти два класса—духовенство и аристократія—образовали важнѣйшую часть пошедшихъ въ Іудею. Многіе плѣнники хорошо устроились въ Вавилоніи; она была для нихъ ужь роднымъ краемъ, и они не воспользовались разрѣшеніемъ переселиться въ Іудею. Потомство ихъ образовало очень многочисленный іудейскій элементъ населенія Вавилоніи. Кажется, что, вообще, торговцы и ремесленники остались въ Вавилоніи, а духовенство и аристократія возвратились въ Іудею. Патріотическое влеченіе къ родинѣ и высокія надежды одушевляли возвращающихся. Они полагали, что теперь начнется время благоденствія, которое предсказывали пророки.

«Выходите изъ Вавилона, бѣгите отъ Халдеевъ», говоритъ пророческое воззваніе, Восторженныя написанное въ это время: «Со гласомъ радости возвѣщайте и проповѣдуйте эту вѣсть до предѣловъ земли: Господь искупилъ раба своего, Іакова. И не жаждутъ они въ пустыняхъ, черезъ которыя ведетъ онъ ихъ. Онъ источаетъ имъ воду изъ камня; разсѣкаетъ скалу, и льются воды» (Исаія, XLVIII, 20, 21).—Въ другихъ главахъ этого, вавилонскаго, отдѣла книги пророка Исаіи, читаемъ другія написанныя тогда же радостныя мысли о переселеніи: «Возстань, возстань, облекись крѣпостію, мышца Господня! Не ты ли иссушила море, воды великой бездны, превратила глубины моря въ дорогу, чтобы прошли искупленные? И возвратятся избавленные Господомъ, и придутъ на Сіонъ съ пѣніемъ, и радость вѣчная надъ головою ихъ; они найдутъ радость и веселіе; печаль и вздохи удалятся» (LI, 9—11). «Возстань, возстань, облекись въ силу твою, Сіонъ! облекись въ одежды величія твоего, Іерусалимъ, городъ святой! ибо уже не будетъ болѣе входить въ тебя необрѣзанный и нечистый. Такъ, Господь утѣшитъ Сіонъ, утѣшитъ всѣ развалины его, и сдѣлаетъ пустыни его, какъ рай, и степь его, какъ садъ Господа; радость и веселіе будетъ въ немъ, славословіе и пѣнопѣніе. Какъ прекрасны на горахъ ноги благовѣстника, возвѣщающаго миръ, благовѣствующаго спасеніе, говорящаго Сіону: Воцарился Богъ твой! Идите, идите, выходите оттуда, не касайтесь нечистаго; выходите изъ среды его, очистите себя, носящіе сосуды Господни! (LII, 1; LI, 3; LII, 7—11). Распространи мѣсто шатра твоего, расширь покровы жилищъ твоихъ (одинокая, не имѣвшая дѣтей, дочь Сіона); не стѣсняйся, пусти длиннѣе верви твои, и утверди колья твои. Ибо ты распространишься направо и налево, и потомство твое завладѣетъ народами, и населитъ опустошенные города. Ты забудешь посрамленіе юности твоей и не будешь болѣе вспоминать о безславіи вдовства твоего. Ибо какъ жену оставленную и скорбящую духомъ призываетъ тебя Господь, и какъ жену юности, которая была отвержена, говоритъ Господь Богъ твой. На малое время оставилъ Я тебя (говоритъ Онъ), но съ великою милостію восприму тебя. Какъ Я поклялся, что воды Ноя не придутъ болѣе на землю, такъ поклялся не гнѣваться на тебя. Горы сдвинутся, и

холмы поколеблются; а милость Моя не отступить отъ тебя и завѣтъ мира Моего не поколеблется. Бѣдная, бросаема бурей, безутѣшная! Вотъ, Я положу камни твои изъ рубинъ и сдѣлаю основаніе твое изъ сапфировъ. И сдѣлаю окна твои изъ рубиновъ и ворота твои изъ жемчужинъ и всю ограду твою изъ драгоценныхъ камней (LIV, 2—14). Возведи очи твои, и посмотри вокругъ: всѣ они собираются, идутъ къ тебѣ, сыновья изъ далека идутъ, и дочерей твоихъ на рукахъ несутъ. Богатство моря обратится къ тебѣ, достояніе народовъ придетъ къ тебѣ. Ждутъ корабли Фарсисскіе, чтобы перевезти сыновъ твоихъ издалека, и съ ними серебро ихъ и золото ихъ. Сыновья иноземцевъ будутъ строить стѣны твои и цари ихъ служить тебѣ. И будутъ всегда отверсты врата твои, не будутъ затворяться ни днемъ, ни ночью, чтобы приносимо было къ тебѣ достояніе народовъ и приводимы были цари ихъ (LX, 4—11). И будутъ цари питателями твоими и царицы ихъ кормилицами твоими; лицомъ до земли будутъ кланяться тебѣ и лизать прахъ ногъ твоихъ; и узнаешь, что Я Господь, что надъющійся на Меня не постыдится. (XLIX, 23). Не зайдетъ уже солнце твое, и луна твоя не сокроется, ибо Господь будетъ для тебѣ вѣчнымъ свѣтомъ, и окончатся дни сѣтованія твоего» (LX, 20).

Возрожденіе
жизни на ро-
динѣ.

Исполненные такихъ надеждъ, возвращавшіеся іудеи пришли, послѣ полугодичнаго пути, на священное мѣсто разрушеннаго Іерусалима. Опустошенная страна кругомъ Іерусалима оставалась имѣющею очень мало жителей, такъ что новые пришельцы безъ всякихъ столкновений поселились въ Іерусалимъ и въ нѣкоторыхъ городахъ на сѣверѣ отъ него: въ Анаѳоѣ, Гевѣ, Михмасѣ, Киріаѳіаримѣ. Но широкая южная часть Іудеи, съ древнею столицею, Хеврономъ, и сѣверовосточная окраина до самаго Іордана были заняты идумеями, которымъ, какъ должно думать, халдеи отдали эти области въ награду за дѣятельное участіе въ войнѣ съ іудеями. Возвратившіеся всегда говорили поэтому объ идумеяхъ съ проклятіями. Итакъ, пришельцы могли взять въ свое владѣніе только небольшую часть прежняго царства Іудейскаго. Лишь въ послѣдствіи времени, по мѣрѣ того какъ силы ихъ увеличивались прибытіемъ новыхъ переселенцевъ изъ Вавилоніи, они постепенно овладѣли и другими областями Іудеи.

Іудеи, жившіе въ странѣ, которая стала теперь одною изъ центральныхъ областей персидскаго царства, переселились въ отдаленный уголокъ его;—матеріальная перемѣна состояла только въ этомъ. Но внутреннее значеніе факта было велико. Новое іудейское государство мало походило на прежнія царства израильское и іудейское. Вѣрность возвратившихся іудеевъ Господу была непоколебима. Въ новомъ государствѣ іудейскомъ ужъ нѣтъ рѣчи объ идолопоклонствѣ. Но религиозная жизнь іудеевъ быстро впадаетъ въ оцѣпенѣлость формъ; этимъ іудейство отличается отъ прежней израильской народности.

Еще на пути, переселенцы по возможности возстановили прежнее раздѣленіе народа на двѣнадцать племенъ, управляемыхъ каждое своимъ племеннымъ старѣйшиною. Эта организація, освященная преданіемъ, сохранена была и по переселеніи; она составляла основу общественнаго устройства; ею облегчалось рѣшеніе споровъ о правахъ на земли, и упрочивалось установленное распредѣленіе участковъ. «Ста-

рѣйшины», «главы родовъ» и князь племени, Зоровавель, были посредниками между народомъ и персидскимъ намѣстникомъ Сирийской области, которому принадлежала высшая административная и судебная власть. Въ послѣдствіи времени, у сѣверовосточной стѣны Іерусалима былъ его грозный трибуналъ. Съ особенною заботливостью іудеи провѣрили родословныя колѣна Левина. Кто не могъ доказать своего происхожденія отъ фамилій священниковъ, тѣ были устранены отъ священнослуженія. «Новый Іерусалимъ» долженъ былъ быть городомъ «народа Божія», и въ святилище не долженъ былъ вступать никто, кромѣ имѣющихъ право на то по своему происхожденію.

Первою заботою возвратившихся было построеніе храма. Надобная на это сумма денегъ была доставлена добровольными пожертвованіями. Она простиралась до 61.000 (70.000) драхмъ золота (золотыхъ монетъ, которыя въ послѣдствіи стали называться дариками) и до 5.000 минъ серебра. Кромѣ того, было пожертвовано сто (или шестьдесятъ) священническихъ одеждъ (Книга Эздры II, 69). Къ началу седьмого мѣсяца перваго года мѣсто храма было ужъ достаточно расчищено отъ развалинъ, такъ что на немъ можно было поставить жертвенникъ; «и стали возносить на немъ всежженія Господу, всежженія утреннія и вечернія», и стало можно снова совершать прежніе праздники. Усердные чтители Іеговы съ самаго же начала были увѣрены, что у нихъ достанетъ средствъ построить великолѣпный храмъ; это видимъ изъ того, что они, подобно Соломону, заключили контракты съ тирянами и сидонянами, которые обязались рубить кедры на Ливанѣ и привозить моремъ въ Іуппію; іудеи платили имъ за это пшеницею, виномъ и оливковымъ масломъ. Каменщики и плотники начали постройку; наблюденіе за нею было поручено священникамъ и левитамъ. По окончаніи подготовительныхъ работъ, во второмъ мѣсяцѣ втораго года, торжественно, при звукахъ кимваловъ и пѣніи славословій Господу, «положили основаніе храму Господню», и «весь народъ восклицалъ громко, славя Господа. Впрочемъ, многіе изъ священниковъ и левитовъ, и главъ поколѣній, старики, которые видѣли прежній храмъ, при основаніи этого храма предъ глазами ихъ, плакали громко» (видя по размѣру основаній, что онъ будетъ малъ и—конечно, будетъ бѣденъ—сравнительно съ прежнимъ); «но многіе восклицали отъ радости громко; и не могъ народъ распознать восклицаній радости отъ воплей плача; потому что народъ восклицалъ громко, и голосъ слышенъ былъ далеко» (Книга Эздры III, 12, 13).

Религиозное одушевленіе распространилось и на жителей Самаріи, пробудило въ населеніи, группировавшемся около уцѣлѣвшихъ потомковъ народа израильскаго, дремавшіе зародыши вѣры въ Іегову. Скоро пришло къ Зоровавелю и старѣйшинамъ племенъ посольство отъ составившагося изъ смѣси разныхъ народовъ Самарійскаго населенія.

Посольство сказало отъ имени самарянъ: «Будемъ и мы строить съ вами (храмъ), потому что и мы, какъ вы, прибогаемъ къ богу вашему и ему приносимъ жертвы отъ дней Асардана (Асаргаддона), царя ассирійскаго, который перевелъ насъ сюда». Вѣроятно, они справедливо называли себя служащими Іеговѣ; и помощь ихъ была бы нужна. Но Зоровавель и старѣйшины отклонили ихъ предложеніе, отчасти по гордости чистотою своего происхожденія и вѣрностью Іеговѣ во время плѣна, отчасти по опасенію, что религія самарянъ, въ которой была большая примѣсь языческихъ элементовъ, имѣла бы вредное вліяніе на чистоту служенія Іеговѣ, помѣшала-бъ основать царство божіе, о чемъ іудеи усердно заботились. Отказъ пробудилъ Самаряне оста- навливають по- строеніе храма. въ самаритянахъ старую неприязнь къ іудеямъ. Она усиливалась тѣмъ, что пришельцы держали себя въ строгой обособленности отъ сосѣдовъ и, твердо вѣруя въ предсказанія своихъ пророковъ, высказывали надежду на скорое возстановленіе царства Давидова, царемъ котораго будетъ потомокъ Давида. Самаритяне начали описывать персидскому двору іудеевъ какъ людей сомнительной вѣрности; ссора дошла до того, что можно было ожидать вооруженныхъ столкновеній; потому Киръ запретилъ продолжать постройку храма. Работы прекратились и не возобновлялись во все остальное время Кира и въ царствованіе его сына, Камбиза. Многие изъ возвратившихся іудеевъ считали Зоровавеля за предвозвѣщеннаго пророками Мессію и ожидали, что въ его правленіе наступятъ тѣ дни, о которыхъ пророкъ Захарія говорилъ: тогда вы «будете другъ друга приглашать подъ виноградъ и подъ смоковницу» (Захарія, III, 10). Но дѣйствительность была не похожа на эти ожиданія; и много лѣтъ іудеи провели въ горькомъ разочарованіи. Храмъ оставался развалиною недостроеннаго зданія; жители Іерусалима, думавшіе сдѣлаться повелителями многихъ народовъ, оставались слабою общиною, презираемою и осмѣиваемою сосѣдами; мысли о благоденствіи оказались мечтами; пришлось выносить притѣсненія, военныя бѣдствія. По смерти Камбиза, нѣкоторые изъ іудейскихъ сановниковъ написали на арамейскомъ языкѣ письмо къ новому персидскому царю, магу, назвавшему себя Смердисомъ; они просили, чтобъ имъ было дозволено продолжать сооруженіе храма и постройку стѣнъ кругомъ Іерусалима; въ ожиданіи рѣшенія, Зоровавель и старѣйшины возобновили эти работы. Но какъ только разнесся слухъ о работахъ, два персидскіе сановника, изъ класса тѣхъ, которые «были соль отъ дворца царскаго», послали отъ имени всѣхъ жившихъ въ Самаріи племенъ письмо въ Сузу, убѣждавшее, что надобно отказать іудеямъ въ ихъ просьбѣ: Іерусалимъ-де издавна былъ мятежнымъ городомъ; за то онъ и былъ разрушенъ; если іудеи возобновятъ его и обведутъ стѣнами, то снова станутъ мятежничать, «ни подати, ни налога, ни пошлины не будутъ давать, и царской казнѣ будетъ ущербъ», и царь потеряетъ свои владѣнія за Іорда-

номъ. Это письмо произвело желанное дѣйствіе. Пославшіе его сановники получили приказаніе заставить іудеевъ прекратить работы, и вооруженною силою остановили ихъ.

Постройка опять прекратилась на нѣсколько лѣтъ. Задержки поколебали надежду народа довести ее до конца; многіе вовсе бросили мысль о возстановленіи Іерусалима и занялись исключительно своими житейскими дѣлами: воздѣлывали нивы и виноградники, строили себѣ дома, не думая о храмѣ. Но въ шестой мѣсяцъ втораго года царствованія Дарія пророкъ Аггей, теперь уже старикъ, одинъ изъ немногихъ, еще видѣвшихъ въ молодости храмъ Соломоновъ, сталъ убѣждать возобновить покинутое дѣло. Онъ говорилъ:

«Народъ сей говоритъ: Не время строить домъ Господень. А вамъ самимъ время жить въ домахъ вашихъ украшенныхъ, тогда какъ домъ сей въ запустѣніи? Взойдите на гору, носите деревья и стройте храмъ. И Я буду благоволить къ нему и прославлюсь, говорить Господь. За Мой домъ, который въ запустѣніи, небо заключилось и не дастъ вамъ росы, и земля не дастъ своихъ произведеній».

Объясняя, что наступившая тогда засуха — наказаніе Божіе, Аггей успѣлъ возбудить охладѣвшій къ постройкѣ храма народъ снова приняться за это дѣло. Сравненіе плана новаго храма съ великолѣніемъ прежняго производило печальное впечатлѣніе. Аггей утѣшалъ народъ обѣщаніемъ, что «слава» новаго храма «будетъ больше, нежели прежняго», потому что Господь дастъ «на семь мѣстъ миръ», Господь всегда будетъ съ своимъ народомъ, не покинетъ его. — Аггей произнесъ увѣщаніе въ шестомъ мѣсяцѣ втораго года Дарія, потомъ говорилъ народу еще два раза, въ седьмомъ и въ девятомъ мѣсяцахъ. Въ это же время Захарія произносилъ тѣ пророчества, собраніе которыхъ составляетъ первыя восемь главъ его книги. — Аггей говорилъ собственно о самомъ храмѣ; Захарія говорилъ о храмѣ, какъ о символѣ царства Божія.

Общія усилія Аггея и Захаріи достигли успѣха. Зоровавель, правитель Іудеи, и первосвященникъ Іисусъ, сынъ Іоседековъ, надѣясь на справедливость царя, и, вѣроятно, ободренные тѣмъ, что прежніе персидскіе сановники въ Сиріи были смѣнены, стали дѣлать приготовленія къ возобновленію постройки. Сирійскій намѣстникъ, вѣроятно по новымъ кознямъ самаритянъ, спросилъ у строителей: кто далъ имъ разрѣшеніе возобновить работы. Зоровавель и старѣйшины сослались на повелѣніе Кира. «Око Бога было надъ старѣйшинами іудейскими», и намѣстникъ дозволилъ продолжать работы, пока придетъ рѣшеніе отъ царя, которому онъ донесъ объ этомъ дѣлѣ. Жители Іерусалима впали въ уныніе, опасаясь, что царь запретитъ постройку. Захарія ободрялъ ихъ благоприятными предвѣщаніями:

«Такъ говоритъ Господь: Я обращаюсь къ Іерусалиму съ милосердіемъ; въ немъ соорудится домъ Мой, и землѣнная вервь протянется по Іерусалиму. Снова переполнятся города Мои добромъ» (Захарія I, 16, 17). Господь показалъ Захарію въ видѣніи, что первосвященникъ будетъ облеченъ «въ одежды торжественныя» (III, 4). Пророкъ, передавая откровенія народу, называлъ Зоровавеля и первосвященника Іисуса масличными вѣтвями; ему было открыто, что они помазанники Господни, и что ихъ дѣятельность будетъ успѣшна; Господь сказалъ Захарію: «Руки Зоровавеля положили основаніе дому сему (храму); его руки и окончатъ его» (III, 4).

Зоровавель до- Пророчества Аггея и Захарія сбылись. Дарій велѣлъ изслѣдовать
водить до кон- дѣло. Слова іудейскихъ старѣйшинъ о повелѣніи Кира оказались
на построеніе справедливыми: въ Экбатанскомъ архивѣ былъ найденъ этотъ доку-
храма. ментъ; Дарій подтвердилъ всѣ распоряженія Кира въ пользу
іудеевъ, и велѣлъ персидскимъ правителямъ Сиріи помогать ста-
рѣйшинамъ іудейскимъ въ постройкѣ храма. Около того же вре-
мени вавилонскіе іудеи прислали въ Іерусалимъ богатые дары. Бла-
гопріятный оборотъ дѣла возбудилъ въ народѣ новую надежду и ра-
дость. Работа пошла быстро. Въ шестой годъ царствованія Дарія
построеніе храма было кончено. «И совершили сыны израилены,
священники и левиты, и прочіе, возвратившіеся изъ плѣна, освяще-
ніе дома Божія съ радостію», съ великимъ торжествомъ, съ прине-
сеніемъ жертвъ искупленія за грѣхи и жертвъ благодаренія.

Храмъ Зоровавеля имѣлъ вообще такую же форму, такое же внутрен-
нее устройство, какъ храмъ Соломоновъ; только примыкающія къ нему
постройки были выше, и былъ прибавленъ тогда ли, или въ послѣдствіи
времени — третій дворъ, на который допускались и язычники. Но ве-
ликолѣпіемъ новый храмъ далеко уступалъ Соломонову. Святое Святыхъ
оставалось пусто, потому что ковчегъ завѣта исчезъ; сдѣлать новый ков-
чегъ іудеи не рѣшались. Не было въ новомъ храмѣ и той священной при-
надлежности первосвященническаго убранства, которая называлась „Уримъ
и Туммимъ“; халдеи похитили эту драгоценность. — Близъ храма была по-
строена цитадель для персидскаго гарнизона; былъ также построенъ домъ
для царскаго намѣстника. — Священники и левиты, раздѣленные на 24 „че-
реды“, совершали, одна чередъ за другою, служеніе въ храмѣ. Персидскій
царь повелѣлъ своимъ правителямъ бесплатно доставлять въ храмъ
все надобное для ежедневныхъ жертвоприношеній, „чтобы“ іудеи „прино-
сили жертву пріятную Богу небесному и молились о жизни царя и сыно-
вей его (Книга Эздры VI, 10).

Итакъ Богъ Израилевъ снова имѣлъ жилище себѣ среди народа
своего. Но, какъ мы видимъ изъ исторіи построенія храма, іудеи
оставались въ полной зависимости отъ персидскаго царя и его сатра-
повъ. Они чувствовали себя стѣсненными; ихъ жизнь не имѣла
той свободы, какъ въ то время, когда они были независимымъ на-
родомъ; потому они продолжали ежегодно совершать постъ въ па-
мять разрушенія Іерусалима, хотя пророкъ Захарія совѣтовалъ имъ
отмѣнить этотъ постъ, говоря, что благочестивая, справедливая жизнь
болѣе угодна Богу, чѣмъ обряды поста и печали.

Время отъ Зо- После построенія храма, исторія болѣе пятидесяти лѣтъ не имѣ-
ровавеля до етъ прямыхъ свѣдѣній о судьбахъ новаго народа іудейскаго, слабого
Эздры. молодого растенія, послѣднею крѣпкою опорой котораго былъ Зоро-
вавель. Даже о жизни самого Зоровавеля не сохранилось извѣстій.
Позднѣйшее преданіе рассказывало о немъ, что онъ служилъ при
дворѣ Дарія, обратилъ на себя вниманіе царя умными замѣчаніями и
отвѣтами, и заслужилъ ими у него милость и іудейскому народу; но

это поэтический вымыселъ. Быть можетъ, еще при немъ наступили
для іудеевъ печальныя времена, а безъ сомнѣнія таковы были вре-
мена по его смерти, какъ мы видимъ изъ псалмовъ, принадлежащихъ
этому періоду.

Въ псалмѣ 84-мъ говорится: «Господи, Ты умилился къ землѣ Твоей, возвра-
тилъ плѣнъ Іакова; простилъ беззаконіе народа Твоего, покрылъ всѣ грѣхи его. Воз-
станови насъ, Боже спасенія нашего, и прекрати негодованіе Твое на насъ. Неужели
будешь вѣчно гнѣваться на насъ, прострешь гнѣвъ Твой отъ рода въ родъ? Неужели
снова не оживишь насъ, чтобы народъ Твой возрадовался о Тебѣ?»

Вѣроятно, въ это время, о событіяхъ котораго мы не имѣемъ свѣдѣній, жилъ по- Малахія.
слѣдній изъ пророковъ, Малахія, чью жизнь обыкновенно относятъ къ эпохѣ болѣе позд-
ней, считая его пророчествовавшимъ при Эздры и Нееман. Книга пророка Малахія зна-
комитъ насъ съ нравственнымъ и религіознымъ состояніемъ іудейскаго народа въ это
время. Онъ изобличаетъ легкомысленныхъ священниковъ, освятившихъ жертвенникъ
нечистыми жертвами, возстаетъ противъ браковъ іудеевъ съ язычниками, противъ же-
стокости, съ какою іудеи прогоняли отъ себя «женъ юности своей», опровергаетъ со-
мнѣнія въ правосудіи Божию, возвѣщая, что настанетъ день суда Господня и время
благоденствія. Его обличенія показываютъ, что іудеи того времени, гордившіеся точ-
ностью въ исполненіи обрядовъ, не имѣли душевнаго благочестія. Но онъ занимается
почти исключительно интересами и грѣхами духовенства. Онъ проповѣдуетъ не всему
народу, а собственно духовенству. — Кажется, что враждебные іудеямъ сосѣдніе народы
дѣлали много вреда имъ. Стѣны и ворота Іерусалима долго оставались не возобновлен-
ными. — Мы говорили, что не имѣемъ точныхъ свѣдѣній о событіяхъ іудейской исторіи
въ періодъ отъ Зоровавеля до Эздры; жизнь маленькаго іудейскаго народа шла неза-
мѣтно въ исторіи персидскаго царства, часть котораго составлялъ онъ. Высшая админи-
стративная и высшая судебная власть находилась въ рукахъ персидскаго правителя Си-
ріи и его помощниковъ. Только религіозныя дѣла были предоставлены завѣдыванію са-
мимъ іудеямъ. Киръ назначилъ Зоровавеля княземъ Іудеи; оставался ли этотъ санъ
наслѣдственнымъ въ родѣ Зоровавеля, мы не знаемъ; родъ Зоровавеля теряется отъ
нашего взгляда въ общемъ мрачѣ того періода. Подъ персидскою властью Іудея не
имѣла и тѣни независимости. Потому многіе изъ знатныхъ или образованныхъ іудеевъ
предпочитали оставаться въ Вавилоніи, гдѣ жизнь была пріятнѣе. Но они не забывали
родины; центромъ ихъ мысли были Іерусалимъ и Сіонъ.

Іудеи, жившіе въ Вавилонѣ, присылали приношенія въ храмъ на
богослужебные расходы, и часто приходили на поклоненіе въ святой
городъ, гдѣ избралъ жилище себѣ Господь. Между іудеями, остав-
шимися въ Вавилонѣ и другихъ городахъ, было много людей обра-
зованныхъ или имѣвшихъ почетное положеніе; эти общины заботли-
вѣе іудеевъ, возвратившихся на родину, хранили священные преда-
нія и умственные приобрѣтенія предковъ, вѣрнѣе удерживали языкъ,
на которомъ были написаны законы, пророчества и священные пѣсни.

Въ царствованіе Артаксеркса I (Артасасты) жилъ въ Вавилонѣ
знатный іудей, происходившій отъ священническаго рода, Эзра, Эзра.
«книжникъ, свѣдующій въ законѣ Моисеевомъ». Усердный и благо-
честивый служитель Іеговы, онъ желалъ помочь бѣдствующему но-
вому Іерусалиму, возвысить его значеніе. Эзра былъ извѣстенъ при
персидскомъ дворѣ, какъ вѣрный подданный царя; потому царь охотно

оказалъ поддержку его намѣренію. Онъ получилъ подписанную царемъ и семью главными царскими совѣтниками грамоту, которою царь позволялъ ему вести въ Іудею всѣхъ сыновъ израилевыхъ, которые пожелаютъ идти съ нимъ, разрѣшалъ принимать стекавшіяся къ нему отовсюду богатые даянія на храмъ Іерусалимскій: золото, серебро, утварь, назначилъ его верховнымъ судьей іудейскаго народа, повелѣвалъ царскимъ сокровищехранителямъ области за Іорданомъ выдавать ему деньги, какихъ онъ потребуетъ, до суммы ста талантовъ серебра, выдать ему также известное количество пшеницы, вина, масла, и какое потребуетъ онъ количество соли. Тою же грамотою царь освобождалъ священниковъ, левитовъ, пѣвцовъ и всѣхъ служителей Іерусалимскаго храма отъ податей, налоговъ и пошлинъ. Съ такими полномочіями, Эздра, въ седьмой годъ царствованія Артаксеркса, повелѣ въ Іерусалимъ новыхъ переселенцевъ; ихъ было 1800 человекъ, не считая женщинъ и дѣтей. Они были большею частью изъ тѣхъ же родовъ, изъ которыхъ были плѣнники, пошедшіе съ Зоровавелемъ; но между ними находилось только 38 левитовъ и 220 служителей храма. Сборнымъ мѣстомъ для новыхъ переселенцевъ былъ берегъ рѣки Агавы. Они шли до Іерусалима нѣсколько болѣе трехъ мѣсяцевъ. Путь лежалъ чрезъ пустыню, по которой кочевали хищные бедуины. Эздра не захотѣлъ имѣть вооруженнаго конвоя. И не имѣлъ причины раскаться въ своей отвагѣ. Переселенцы съ большими сокровищами, которыя везли въ храмъ, безвредно пришли въ Іерусалимъ, и принесли жертву благодаренія Господу за то, что онъ безопасно провелъ ихъ чрезъ пустыню.

Реформы
Эдры.

Сдавъ привезенныя сокровища въ храмъ, и позаботившись о жилищахъ для новыхъ пришельцевъ, Эздра приступилъ къ осуществленію своихъ плановъ преобразованія, въ пользу которыхъ умѣлъ, — мы не знаемъ, какими доводами, но умѣлъ — склонить царя. Тяжелы были впечатлѣнія, какія произвели на него и матеріальное и нравственное состояніе іудейской области. Въ особенности ужаснулся онъ, узнавъ, что возвратившіеся изъ плѣненія, — люди всѣхъ сословій, даже священники, даже люди первосвященническаго рода, — вступали въ браки съ иноплеменницами. Это было нарушеніемъ обычаевъ и законовъ, это былъ великій грѣхъ, который долженъ былъ неминуемо навлечь на преступный народъ гнѣвъ Божій. «Услышавъ это», — рассказываетъ онъ въ своей книгѣ — «я разодралъ одежду мою, и рвалъ волосы на головѣ моей и на бородѣ моей, и сидѣлъ печальный. И я сидѣлъ въ печали до вечерней жертвы. А во время вечерней жертвы, я всталъ съ мѣста сѣтованія моего, и въ разодранной одеждѣ палъ на колѣна мои» предъ домомъ Божиимъ, при большомъ стеченіи народа. Онъ молился, «плача и повергаясь» лицомъ на землю. Его пламенное чувство подѣйствовало на народъ. Въ народномъ собраніи подъ его предсѣдательствомъ было рѣшено

«отпустить женъ иноплеменныхъ» и дѣтей рожденныхъ отъ нихъ, и впередъ не допускать браковъ съ иноплеменницами. Было произведено изслѣдованіе, разысканы всѣ, имѣвшіе женами иноплеменницъ, и рѣшеніе народа было исполнено. Это было началомъ строгаго очищенія народной жизни по правиламъ закона Моисеева. Скоро было постановлено воспретить всѣмъ необрѣзаннымъ иноплеменникамъ участіе въ праздникахъ и исключить ихъ изъ числа гражданъ; они могли оставаться въ Іудеѣ лишь какъ подзащитные пришельцы. Постепенно все было преобразовано по уставамъ закона Моисеева. Кодексъ закона, по которому велось теперь преобразование, былъ не тотъ, который былъ найденъ при Іосіи, а другой, привезенный Эздрою, вошедшій въ употребленіе у плѣнниковъ іудейскихъ въ Вавилонѣ; это «книга Левитъ», съ относящимися къ законодательству частями книги Исходъ и книги Числъ, такъ называемый «Священническій кодексъ». Богослуженіе было преобразовано, согласно съ его правилами. Чтобы сдѣлать его известнымъ народу, ввести въ народную жизнь его постановленія, Эздра поручилъ нѣсколькимъ молодымъ богословамъ и судьямъ читать и объяснять этотъ кодексъ народу. «И (они) читали изъ книги, изъ закона Божія, внятно, и присоединяли толкованіе, и народъ понималъ прочитанное» (Книга Нееміи, VIII, 8).

Изъ VIII главы книги Нееміи мы видимъ, что сдѣланное Эздрою преобразование богослуженія произвело сильное впечатлѣніе на народъ. Торжество началось молитвами и пѣніемъ левитовъ; послѣ того, «принесъ Эзра законъ предъ собраніемъ мужчинъ и женщинъ, и читалъ изъ него на площади, которая передъ Водяными воротами, отъ разсвѣта до полудня; и уши всего народа были приклонены къ книгѣ закона. Эзра стоялъ на деревянномъ возвышеніи, которое для него сдѣлали», шесть священниковъ стояли по правую руку его, семь священниковъ по лѣвую; левиты пѣли. — «И открылъ Эзра книгу, и когда онъ открылъ ее, весь народъ всталъ. И благословилъ Эзра Господа, Бога великаго, и весь народъ отвѣчалъ: аминь, аминь, поднимая руки свои, и поклонялись и повергались предъ Господомъ лицомъ до земли». Священники и левиты читали и поясняли законъ. «Весь народъ плакалъ, слушая слова закона». Неемія, Эзра и левиты, объясняющіе законъ, говорили народу: «Не плачьте, ибо день сей святъ Господу, не печальтесь. И сказалъ имъ (Эзра): «Пойдите, ѣшьте тучное и пейте сладкое, и посылайте части тѣмъ, у кого ничего не приготовлено. И пошелъ весь народъ ѣсть и пить и посылали части, и праздновать съ великимъ веселіемъ». Чтеніе и объясненіе закона продолжалось восемь дней. Торжество, которымъ началось оно, было въ первый день седьмого мѣсяца. «На другой день собрались главы поколѣній, священники и левиты къ Эздрѣ и напѣли написанное въ законѣ, чтобы сыны Израилевы въ седьмомъ мѣсяцѣ, въ праздникъ, жили въ кущахъ» (Это установленіе находится въ Книгѣ Левитъ XXIII, 39 слѣд.); «Потому (они) провозгласили (народу): Несите вѣтви масляны, и вѣтви миртовыя, и вѣтви пальмовыя, чтобы сдѣлать кущи. И пошелъ народъ, и принесли, и сдѣлали себѣ кущи. Отъ дня Іисуса Навина до этого дня, не дѣлали такъ сыны Израилевы». (Книга Нееміи VIII, 2—17).

Начиная съ этого времени, духовная жизнь народа стала подпадать подъ руководство «книжниковъ», ученыхъ богослововъ и знатоковъ каноническаго права. Эзра былъ «книжникъ», и его должно считать основателемъ іудейской теологіи. Эздрѣ приписываютъ и учрежденіе «верховнаго совѣта», высшаго духовнаго судилища по всѣмъ дѣламъ вѣры и богослуженія; въ греческое время изъ этого верховнаго совѣта развился Синед-

ріонъ (Сангедринъ), совѣтъ Семидесяти. Позднѣйшее іудейское преданіе приписывало Эздру, «второму Моисею», учрежденіе Сinedріона, и называло его основателемъ того богослуженія, какое стало совершаться въ синагогахъ. Это несправедливо. Окончательный свой видъ іудейскіе религиозные законы и богослуженіе получили послѣ Эздры. Дѣятельность «верховнаго совѣта» составляла переходъ отъ Торы къ Талмуду.

Неемія.

Раввинское преданіе говоритъ, что Эзра по божественному вдохновенію написалъ въ 40 дней вновь книги закона, погибшія при сожженіи Іерусалима Навуходоносоромъ. Мы ужъ видѣли историческіе факты, послужившіе основаніемъ для этой сказки. Но и ту реформу, которую дѣйствительно произвелъ Эзра, не удалось бы ему совершить въ полномъ ея размѣрѣ, если бы не помогалъ ему человекъ, раздѣлявшій его стремленія и имѣвшій въ своихъ рукахъ необходимую для осуществленія реформы свѣтскую власть, Неемія.

Эзра нашелъ іудейскій народъ въ бѣдственномъ положеніи, и не имѣлъ средствъ улучшить его состояніе. Это было причиною того, что рѣшился пріѣхать въ Іудею Неемія. Іудеи были «рабами» въ той землѣ, которую Господь далъ отцамъ ихъ (книга Нееміи IX, 36). Іерусалимъ не имѣлъ стѣнъ и воротъ; группы бѣдныхъ домовъ стояли между грудями развалинъ. Неемія, молодой іудей, былъ виночерпиемъ царя Артаксеркса. Онъ былъ красавецъ, прекрасно держалъ себя; поэтому пользовался большимъ расположеніемъ и довѣріемъ царя и царицы. Но почести не могли изгнать изъ его благородной души мыслей о землѣ его отцовъ. Однажды іудей, пришедшій изъ Іерусалима въ Сузу, гдѣ жилъ Неемія при царскомъ дворѣ, рассказалъ ему, что возвратившіеся изъ плѣна «находятся тамъ, въ странѣ своей, въ великомъ бѣдствіи и въ униженіи; и стѣна Іерусалима разрушена, и ворота его сожжены огнемъ». Быть можетъ, Іерусалимъ подвергся передъ тѣмъ новому раззоренію во время войны, которую нѣсколько лѣтъ вели въ Сиріи царскія войска противъ возставшаго персидскаго полководца Мегабиза. «Услышавъ эти слова», говоритъ Неемія, «я сѣлъ и заплакалъ, и печаленъ былъ нѣсколько дней». Царь и царица замѣтили его печаль, царь спросилъ о причинѣ ея. Онъ отвѣчалъ: «Да живетъ царь во вѣки! какъ не быть печальну лицу моему, когда городъ, гробъ отцовъ моихъ, въ запустѣніи, и ворота его сожжены огнемъ!» Царь, по его просьбѣ, отпустилъ его на нѣкоторое время въ Іудею, назначилъ его своимъ уполномоченнымъ тамъ, разрѣшилъ ему поправить на государственный счетъ цитадель храма, стѣну города, укрѣпленный дворецъ намѣстника, велѣлъ выдавать бревна для этихъ построекъ изъ царскихъ лѣсовъ. Съ грамотами отъ царя къ областнымъ начальникамъ, Неемія отправился въ Іерусалимъ, взявъ военныхъ коней и своихъ слугъ; съ нимъ пошло много іудеевъ, которыхъ онъ на свои деньги выкупилъ изъ рабства. Караванъ провелъ въ пути около трехъ мѣсяцевъ. По пріѣздѣ въ Іерусалимъ, Неемія, ночью осмотрѣвъ разрушенныя

стѣны города, началъ свою правительственную дѣятельность. Онъ былъ человекъ богатый и получалъ большое жалованье, потому могъ держать открытый столъ для іудеевъ и персовъ, дѣлалъ много пособій бѣднымъ, и не бралъ съ народа хлѣба, вина и денегъ на содержаніе своего стола, какъ дѣлали прежніе правители.

Неемія повелѣлъ дѣла очень осмотрительно и умно. Чтобы сосѣднія племена, враждебныя іудеямъ, не помѣшали его работамъ съ самага же начала, онъ сдѣлалъ приготовленіе къ постройкамъ тайно. Ознакомившись съ обстоятельствами, онъ собралъ народъ и взялъ съ него обѣщаніе усердно помогать работамъ. Начали расчищать мусоръ, возводить стѣны. Но скоро усердіе народа остыло; онъ сталъ говорить: «Ослабѣла сила у носильщиковъ, а мусору много; мы не въ состояніи строить стѣну» (Неемія VI, 10). Бѣдные люди, оторванные отъ своихъ занятій, работая при постройкахъ, впадали въ необходимость закладывать свое имущество на содержаніе семейства и на уплату податей, или даже продавать дѣтей въ рабство богатымъ соотечественникамъ. «И сдѣлали большой ропотъ въ народѣ и у женъ его на братьевъ своихъ (богатыхъ) іудеевъ» (кредиторовъ). Раздоръ угрожалъ неудачею дѣлу. Только благодаря твердой волѣ, неутомимой дѣятельности, благородному безкорыстію Нееміи оно не было брошено, и всѣ затрудненія были побѣждены. Созвавъ большое собраніе, Неемія сказалъ богатымъ, взявшимъ въ залогъ или купившимъ поля, сады и дома бѣдняковъ: «Не въ страхѣ ли Бога должны ходить вы, дабы избѣгнуть поношенія отъ народовъ, враговъ нашихъ?»—Онъ и пришедшіе съ нимъ давали бѣднымъ въ заемъ хлѣбъ и деньги, но не будутъ взыскивать долговъ, продолжалъ онъ, и потребовалъ, чтобы, по ихъ примѣру, ростовщики не взыскивали долговъ до окончанія постройки стѣнъ, и возвратили бѣднымъ заложенные имущества. Богатые согласились сдѣлать такъ.

Еще тяжеле было преодолѣть затрудненія, происходившія отъ вражды сосѣднихъ племенъ, сохранявшихъ свою старую ненависть къ іудеямъ. Въ особенности много вредили іудеямъ три сильные врага, осмѣивавшіе и презиравшіе ихъ: Санабаллатъ, правитель Самаріи, Товія, князь аммонитянъ, жившихъ за Іорданомъ, бывшій прежде на службѣ при персидскомъ дворѣ и остававшійся въ большой милости у царя, и Гешемъ, старѣйшина арабовъ, жившихъ на югѣ отъ Палестины. Санабаллатъ и Товія были по бракамъ въ родствѣ съ семействомъ первосвященника и съ многими другими вліятельными іудейскими семействами, и узнавали отъ нихъ обо всемъ, что дѣлалось въ Іерусалимѣ. Эзра и другіе усердные служители Іеговы старались, какъ мы видѣли, уничтожить брачныя связи іудеевъ съ сосѣдними племенами; но это противорѣчило естественной склонности сосѣдовъ сближаться между собою: она бываетъ особенно сильна, когда племена, живущія другъ подле друга, находятся подъ однимъ игомъ, какъ было тогда.

Построеніе стѣнъ и воротъ Іерусалима.

Потому усилія Эздры и его друзей не имѣли большаго успѣха. Іудеи продолжали вступать въ брачныя связи съ сосѣдами. Неемія говорилъ Санаваллату, Товіи и Гешему: «вамъ нѣтъ части и права и памяти въ Іерусалимѣ» (Неемія II, 20): — эти слова показываютъ, что они по своимъ родственнымъ связямъ съ іудеями хотѣли участвовать въ построеніи стѣнъ Іерусалима, считали себя имѣющими право принимать участіе въ завѣдываніи храмомъ. Вѣроятно, причиною вражды ихъ и было собственно то, что они были устранены отъ этого. Неемія слѣдовалъ относительно иноплеменниковъ правилъ Эздры. Устраненные хотѣли повредить предпріятію Нееміи насмѣшками и угрозами. Услышавъ, что постройка стѣнъ началась, Санаваллатъ сказалъ съ насмѣшкою: «Что дѣлають эти жалкіе іудеи! Неужели они когда-нибудь кончатъ? Неужели они оживятъ камни изъ грудъ праха, и притомъ пожженные?» Товія, бывшій подлѣ него, сказалъ: «Пусть ихъ строятъ; если вспрыгнетъ лисица на ихъ стѣну, стѣна развалится». Но увидѣвъ, что постройка идетъ успѣшно, они и нѣкоторые другіе сосѣди іудеевъ «сговорились идти войною на Іерусалимъ и разрушить его» (Неемія IV, 1 — 8). Неемія принужденъ былъ «ставить противъ нихъ стражу, днемъ и ночью», чтобы Іерусалимъ не сдѣлался жертвою неожиданнаго нападенія. Азотскіе филистимляне тоже присоединились къ врагамъ іудеевъ.

Поселяне, преданные Нееміи, извѣщали его обо всѣхъ движеніяхъ непріятелей. Онъ поставилъ отряды вооруженныхъ людей на мѣстахъ, удобныхъ для отраженія нападающихъ; враги подступали къ Іерусалиму, но не рѣшились напасть. Послѣ того, Неемія раздѣлилъ жителей Іерусалима на двѣ половины; пока одна работала, другая стояла на стражѣ въ готовности къ бою. Работающіе были препоясаны мечами. При Нееміи всегда былъ трубачъ; по сигналу его трубы, работающіе должны были собираться всѣ къ Нееміи. «Такъ производили мы работу», рассказываетъ онъ; чтобы работающіе могли ночью спокойно подкрѣпляться сномъ для работы, продолжавшейся весь день, онъ и его конвой не снимали съ себя по ночамъ одежды и оружія.

Окончаніе постройки и освященіе стѣнъ Іерусалима.

Какъ ни старались внѣшніе враги и союзники ихъ, іерусалимскіе измѣнники, помѣшавъ построенію стѣнъ, мужественный и твердый Неемія преодолѣлъ всѣ коварства, клеветы и предательства. Его непоколебимая энергія одушевила и ободрила жителей Іерусалима и окрестностей города, такъ что всѣ безъ различія сословій стали строить стѣны; знатные работали вмѣстѣ съ простолюдинами, священники подобно мірянамъ. Окружность города была раздѣлена на 42 части; въ каждомъ отдѣлѣ управленіе работою было поручено особому смотрителю, избранному Нееміею изъ числа вліятельнѣйшихъ людей. Такимъ образомъ, громадное дѣло постройки было кончено въ 57 дней; стѣны были сооружены, были освящены съ ра-

достнымъ торжествомъ. Довольно многіе изъ окрестныхъ поселянъ перешли жить въ городъ, который былъ еще малолюдень. Возобновленіе Іерусалима было теперь завершено. Заботами Эздры и Нееміи общественныя дѣла Іудейскаго народа были приведены въ порядокъ. Эзра обнародовалъ книгу закона Моисеева только ужъ во время управленія Нееміи (Неемія находился въ Іерусалимѣ, при обнародованіи закона, какъ мы знаемъ отъ него самого; книга Нееміи, VIII, 9). Обыкновенно полагають, что это было во второй годъ его управленія Іудеею. Неемія возвратился ко двору царя. Но послѣ, все еще въ царствованіе Артаксеркса, онъ снова пріѣзжалъ въ Іерусалимъ. Во второй свой пріѣздъ Неемія отнялъ у Товіи комнаты, которыя даны были ему въ одной изъ пристроекъ храма, и велѣлъ хранить въ нихъ священныя вещи, какъ было прежде; возстановилъ порядокъ въ богослуженіи; учредилъ правильность въ доставкѣ дровъ для жертвоприношеній; устранилъ нарушенія законовъ о соблюденіи дня субботняго и о недозволительности браковъ съ иноплеменницами. Личность Нееміи вполне обрисовывается его рассказомъ о его дѣятельности въ Іудеѣ. Онъ оказалъ большія услуги отечеству. Онъ былъ мудрый цѣлитель ранъ своего народа, подобно Эздрѣ; но дѣйствовалъ иногда мягче Эздры, иногда энергичнѣе. Въ его характерѣ соединялись смѣлость, твердость, прямотушіе и расчетливая осмотрительность. Два раза покидалъ онъ свое высокое положеніе при персидскомъ дворѣ, по чистой любви къ бѣдствующему народу своему. Онъ отказался отъ всякой земной награды; его желаніе было лишь одно: «Помяни меня, Боже мой, и не изгладь усердныхъ дѣлъ моихъ, которыя я сдѣлалъ для служенія при немъ!» (Книга Нееміи XIII, 14; и та же мольба въ другихъ мѣстахъ этой главы: XIII, 22, 31).

Дальнѣйшій ходъ іудейской исторіи подъ владычествомъ персовъ не представляетъ ничего замѣчательнаго. Какъ и въ другихъ областяхъ громаднаго мидійско-персидскаго царства, съ потерей политической самостоятельности стала замирать въ Іудеѣ свободная умственная дѣятельность. Отчасти по самому положенію своей страны, отчасти по врожденной непріязни къ иноплеменникамъ, отчасти по расчетливой политикѣ персидскаго деспотизма, поддерживавшаго разрозненность подвластныхъ народовъ, какъ наилучшее обезпеченіе владычества надъ ними, іудеи жили, не имѣя близкихъ сношеній съ болѣе образованными націями; ихъ умственный горизонтъ былъ узкій; ихъ мысли вращались въ тѣсномъ кругу ихъ маленькаго уголка. Центромъ всѣхъ идей былъ Іерусалимскій храмъ. Предметами ихъ умственной дѣятельности были только богослужебные вопросы и изученіе закона Моисеева. Одушевленіе, дававшее могучую живую силу рѣчамъ пророковъ, исчезло. Оно замѣнилось заботою о соблюденіи буквы закона. Мѣсто пророковъ заняли священники и книжники, из-

Іудея подъ властью персовъ.

лагавшіе готовыя мысли, неподвижныя правила, и подводившіе подъ нихъ все въ жизни. Впрочемъ, умственная дѣятельность замерла не вдругъ. Точныя правила служенія Іеговѣ, установленныя Эздрою и Нееміею, въ началѣ еще внушали народу душевное восхищеніе; оно производило псалмы, проникнутые живымъ благочестивымъ чувствомъ. Послѣ, энтузіазмъ угасъ; новыхъ созданій поэзіи не было; являлись только блѣдныя, искусственныя подражанія прежнимъ. Потомъ прекратилось и это; замерло все, кромѣ сухихъ ученыхъ толкованій. Умственный застой длился до той поры, пока къ іудеямъ стала проникать греческая цивилизація. Знакомство съ нею открыло имъ невѣдомый дотолѣ умственный міръ, и дало новое содержаніе ихъ литературной дѣятельности. Но это время находится за предѣломъ, до котораго идетъ теперь наше изложеніе. Мы останавливаемся здѣсь на персидскомъ періодѣ іудейской исторіи. Въ продолженіе его іудеи чуждались всего иноземнаго, даже и такого, что было на половину родственно имъ. Такъ, напримѣръ, ихъ отношенія къ самаритянамъ оставались непріязненными. Въмѣсто того, чтобы сблизиться и быть опорой другъ для друга, они и самаритяне враждовали между собою по чувству племеннаго соперничества и старались превзойти другъ друга раболопнымъ угодничествомъ персамъ, чтобы получить отъ нихъ какое-нибудь предпочтеніе передъ соперниками. Іудеи, по своей строгой ортодоксальности, удалялись всякаго общенія съ самаритянами и не позволяли имъ участвовать въ іерусалимскомъ богослуженіи; потому самаритяне построили на горѣ Гаризимъ (для себя особое національное святилище, и совершали въ немъ богослуженіе по правиламъ Пятикнижія, бывшаго и у нихъ закономъ вѣры. Въ Гаризимскомъ храмѣ, какъ и въ Іерусалимскомъ, были ежедневно приносимы жертвы и исполняемы молитвенные обряды и очищенія по предписаннымъ правиламъ, и въ исполненіи этихъ правилъ состояла сущность религіи по мнѣнію самаритянъ точно такъ же, какъ и по мнѣнію іудеевъ. Невидимый богъ былъ бы чуждъ понятіямъ массы народа, не возвышающейся въ своихъ мысляхъ надъ чувственными представленіями и вѣрою въ преданія, если бы духовенство не облекло служеніе Іеговѣ торжественными обрядами, не приблизило его къ народу жертвоприношеніями, пѣніемъ, музыкою, веселыми праздниками, великолѣпною обстановкою, не возбуждало въ массѣ этими чувственными впечатлѣніями представленіе, что невидимый, но всевѣдущій и всемогущій Богъ живетъ среди своего народа, въ храмѣ своемъ. Такимъ образомъ, понятіе о Богѣ было облечено формами, доступными чувствамъ; эти формы получали все болѣе и болѣе преобладанія надъ идеею о служеніи Богу духомъ, и наконецъ іудейская религія стала формализмомъ, душевное благочестіе замѣнилось исполненіемъ обрядовъ, служеніе Богу сердцемъ превратилось въ служеніе ему устами.

Пятикнижіе, и въ особенности «священническій кодексъ» Эздры,—

основаніе іудейской національной жизни въ законченномъ ея видѣ. Іудейскій историкъ Іосифъ называетъ іудейскую форму народной жизни теократіею, «богоправленіемъ». До плѣненія, жизнь израильскаго народа не вполне соответствовала такому названію. Но быть іудеевъ послѣ плѣненія превосходно характеризуется имъ. Вся жизнь народа была охвачена тогда религіозными постановленіями.

Потому изложеніе содержанія Второзаконія и священническаго кодекса, соединенныхъ въ Пятикнижіе, завершить собою наше изложеніе исторіи народа израильскаго.

РЕЛИГІЯ И БОГОСЛУЖЕНІЕ, ГОСУДАРСТВО И ЖИЗНЬ НАРОДА ИЗРАИЛЬСКАГО ПО ЗАКОНУ МОИСЕЕВУ (ПО СВЯЩЕННИЧЕСКОМУ КОДЕКСУ И ПО ВТОРОЗАКОНІЮ).

Изложенію постановленій предшествуетъ во Второзаконіи историческій рассказъ. Содержаніе этого предисловія къ обнародованной при Іосіи книгѣ завѣта таково:

„Сіи суть слова, которыя говорилъ Моисей всѣмъ израильтянамъ въ пустынѣ на равнинѣ противъ Суфа“ (Второзак. I, 1). Это было въ землѣ Моавской; слова, которыя говорилъ Моисей, были изложеніемъ того, что „заповѣдалъ ему Богъ“ о сынахъ израильтяныхъ (I, 3): „За Іорданомъ, въ землѣ Моавской, началъ Моисей изъяснять законъ сей, „сказалъ: Господь Богъ нашъ говоритъ въ Хоривѣ“ (I, 5, 6),—за этимъ началомъ слѣдуетъ рѣчь Моисея, напоминающая народу израильскому исторію странствованія отъ Хорива (Синая) до того времени, когда Моисей созвалъ народъ слушать изложеніе закона и сталъ говорить свою рѣчь. Сдѣлавъ этотъ историческій очеркъ, Моисей продолжалъ:

„Слушай, Израиль, постановленія и законы, которые я изреку“ (V, 1),— за этимъ слѣдуетъ изложеніе Десяти заповѣдей, данныхъ Господомъ на Хоривѣ, а за изложеніемъ ихъ слѣдуетъ изложеніе „заповѣдей, постановленій и законовъ“ (VI, 1), составляющихъ книгу завѣта.

„Слушай, Израиль: Господь, Богъ нашъ, Господь единъ есть. И люби Господа, Бога твоего, всѣмъ сердцемъ твоимъ и т. д. (VI, 4, 5 слѣд.);— переходимъ къ подробному обозрѣнію содержанія этихъ „заповѣдей, постановленій и законовъ“ книги завѣта.

Прочно установить въ народѣ служеніе Господу (Іеговѣ) составляетъ главную цѣль Второзаконія. Потому прежде всего было необходимо дать народу правильное понятіе о Богѣ, разъяснить отношеніе Бога къ избранному его народу, опредѣлить форму служенія Богу, разъяснить народу, что Богъ воспрещаетъ ему принимать что-нибудь изъ языческихъ религій и обрядовъ.

«Слушай Израиль: Господь, Богъ нашъ, Господь единъ есть» (VI, 4). Онъ — Богъ спаситель, избравшій себя народъ свой не за заслуги этого народа предъ нимъ, а по милосердію своему и любви своей; онъ всегда оказывалъ благодѣянія избранному своему народу, всегда оставался вѣренъ завѣту, который заключилъ съ праотцами этого народа. Потому Израиль обязанъ любить своего Бога благодѣтеля всѣми силами души: «И люби Господа, Бога твоего, всѣмъ сердцемъ твоимъ, и всею душою твоею, и всѣми силами твоими. И да будутъ слова сіи въ сердцѣ твоёмъ, и навязи ихъ въ знахъ на руку

Понятіе о
Богѣ.

твою, и да будутъ они повязкою надъ глазами твоими» (VI, 5—8), «ибо ты народъ святой у Господа, Бога твоего» (VIII, 6). «Итакъ, обрѣжьте крайнюю плоть сердца вашего, и не будьте впредь жестоковѣйны» (X, 16). «Ибо Господь, Богъ вашъ, есть Богъ боговъ и Владыка владыкъ, Богъ великій, сильный и страшный, который не смотритъ на лица и не беретъ даровъ, который даетъ судъ сиротѣ и вдовѣ, и любитъ пришельца, и даетъ ему хлѣбъ и одежду» (X; 17, 18), «совершенны дѣла Его и всѣ пути Его праведны. Богъ вѣренъ, и нѣтъ неправды въ Немъ» (XXXII, 4). Но милостивый къ любящимъ его, исполняющимъ заповѣди Его, «Господь, Богъ твой есть Богъ ревнитель», гнѣвъ котораго воспламеняется на противящихся Ему (VI, 15).

Благословенія
и проклятія.

Милосердый Богъ, хотящій не смерти грѣшника, а того, чтобы грѣшникъ обратился къ нему и былъ живъ, Богъ, поражающій и исцѣляющій, Господь „предложилъ“ народу своему выборъ между „проклятiями“ и „благословенiями“ (XI, 26). Если народъ будетъ слушать гласа Господа, Бога своего, (XXVIII, 2), то будетъ благословенъ отъ Господа—и будетъ благоденствовать.

«Откроетъ тебѣ Господь добрую соприпущину Свою, небо, чтобы оно давало дождь землѣ твоей во время свое, и чтобы благословлять всѣ дѣла рукъ твоихъ, и будешь давать взаимны многимъ народамъ, а самъ не будешь брать взаимны. Благословенъ (будетъ) плодъ чрева твоего и плодъ земли твоей, и плодъ скота твоего; благословенны житницы твои и кладовыя твои. Всякое мѣсто, на которое ступитъ нога ваша, будетъ ваше; отъ пустыни до Ливана, отъ рѣки Евфрата даже до моря западнаго будутъ предѣлы ваши» (Второзак. XXIII, 12; 4, 5; XI, 24).—И будутъ долго жить исполняющіе заповѣди Господни (IV, 40).

Но если народъ, увлекаясь чувственностью, не будетъ исполнять заповѣдей Господнихъ, отступитъ отъ Иеговы и будетъ служить чужимъ богамъ, уподобится невѣрной женѣ, покидающей мужа и ходящей къ любовникамъ, то благословеніе обратится въ проклетіе.

«Поразитъ тебя Господь злою проказою на коленяхъ и голенихъ, отъ которой ты не сможешь исцѣлиться, отъ подошвы ноги твоей до самаго темени головы твоей. Проклятъ будешь ты въ городѣ, и проклятъ будешь ты на полѣ. Поразитъ тебя Господь чахлостью, горячкою, лихорадкою, воспаленіемъ, засухою, палящимъ вѣтромъ и ржавщиною; и небеса надъ головою твоею сдѣлаются мѣдью, и земля подъ тобою желѣзомъ. Поразитъ тебя Господь сумасшествіемъ, снѣпотою и оцѣпенѣніемъ сердца. Предастъ тебѣ Господь на поражение врагамъ твоимъ: и будутъ трупы твои пищею всѣмъ птицамъ небеснымъ и звѣрямъ и не будетъ отгоняющаго ихъ. Отведетъ Господь тебя и царя твоего къ народу, котораго не зналъ ни ты, ни отцы твои; и будешь ужасомъ, притчею и посмѣшищемъ у всѣхъ народовъ; сыновъ и дочерей родишь, но ихъ не будетъ у тебя, потому что пойдутъ въ плѣнъ. Будешь служить врагу твоему въ голодѣ, и жадѣ, и наготѣ, и во всякомъ недостаткѣ; онъ возложитъ на шею твою желѣзное ярмо, такъ какъ измучитъ тебя» (XXVIII, 35, 16, 17; 22, 23; 28; 25; 36; 37; 41 48). Когда книга завета была обнародована Іосіею, все это уже сбылось надъ царствомъ Десяти коленъ; исполнилось надъ нимъ проклетіе: «Разсѣетъ тебя Господь по всѣмъ народамъ; но и между этими народами не успокоишься, и Господь дастъ тебѣ тамъ трепещущее сердце, иставаніе очей и изнываніе души» (XXVIII, 64, 65). При Манассіи іудеи заключили съ Псамметихомъ союзъ, не послушавшись предостереженій, которыя Господь давалъ чрезъ пророка Исаію; за это народъ іудейскій будетъ наказанъ: «Возвратитъ тебѣ Господь въ Египетъ; и тамъ будете продаваться врагамъ вашимъ въ рабовъ и рабынь» (XXVIII, 68); къ этому же союзу Манассіи съ Египтомъ относится запрещеніе царю отдавать іудеевъ египтянамъ въ обмѣнъ за коней (XVII, 16: царь не долженъ «возвращать народа въ Египетъ для умноженія себя коней»).

Но когда народъ раскается и станетъ исполнять заповѣди Господни, Обѣщаніе счастливаго будущаго.

«Тогда Господь, Богъ твой, возвратитъ плѣнныхъ твоихъ, и опять соберетъ тебя. Хотя бы ты былъ разсѣянъ до края неба, и оттуда соберетъ тебя Господь, и приведетъ тебя въ землю, которую владѣли отцы твои, и облагодѣтельствуетъ тебя и размножитъ тебя болѣе отцовъ твоихъ, чтобы ты любилъ Господа отъ всего сердца твоего и отъ всей души твоей. Тогда Господь, Богъ твой, всѣ проклятiя сіи обратитъ на враговъ твоихъ и ненавидящихъ тебя, которые гнали тебя» (XXX, 3—7). Господь дастъ народу благоденствіе подъ условіемъ исполнять законъ; это условіе не тяжело: «Ибо эта заповѣдь, которую я заповѣдую тебѣ, не недоступна для тебя, и не далека. Она не на небѣ, чтобы можно было говорить: Кто взомелъ бы на небо и принесъ бы ее намъ; и не за моремъ она, чтобы можно было говорить: Кто сходилъ бы за море, и принесъ бы ее намъ, и далъ бы намъ услышать ее, и мы исполнили бы ее. Но весьма близко къ тебѣ слово сіе: оно въ устахъ твоихъ и въ сердцѣ твоёмъ». (XXX, 11—14).

Второзаконіе очень сильно говоритъ о томъ, что служеніе Господу состоитъ въ святости сердца и жизни, въ любви къ Богу, въ соблюденіи нравственныхъ законовъ, исполненіи заповѣдей Господнихъ, въ жертвѣ духовной; но необходимо и соблюденіе уставовъ о формахъ богослуженія, о жертвоприношеніяхъ.

Служеніе «на высотахъ» и «подъ развѣсистыми деревьями» легко переходило въ идолопоклонство; потому книга завета повелѣваетъ истребить всѣ мѣста служенія на высочайшихъ горахъ и на холмахъ и подъ всякимъ вѣтвистымъ деревомъ; мѣсто служенія Господу должно быть одно: «Къ мѣсту, которое изберетъ Господь, Богъ вашъ, изъ всѣхъ коленъ вашихъ, чтобы пребывать имени Его тамъ, обращайтесь и туда приходите, и туда приносите всесоженія ваши, и жертвы ваши, и десятины ваши, и возношеніе рукъ вашихъ, и обѣты ваши, и добровольныя приношенія ваши, и первенцевъ крупнаго скота вашего и мелкаго скота вашего. И ѣшьте тамъ предъ Господомъ, Богомъ вашимъ, и веселитесь, вы и семейства ваши, о всемъ, что дѣлалось руками вашими». (XII, 2—7). «На томъ только мѣстѣ, которое изберетъ Господь, приноси всесоженія твои. Впрочемъ, когда только пожелаетъ душа твоя, можешь закалать и ѣсть, по благословенію Господа, мясо, которое онъ далъ тебѣ, во всѣхъ жилищахъ твоихъ», но безъ жертвенныхъ обрядовъ, которые должны совершаться только въ одномъ мѣстѣ (XII, 15; 20, 21). Такимъ образомъ, устанавливается различіе между жертвою въ собственномъ смыслѣ слова и закаланіемъ животныхъ для пищи. Въ жертву должны быть приносимы только домашнія животныя, и обряды жертвоприношеній совершаются только левитами. Закалать животныхъ для пищи можно вездѣ; и кромѣ домашнихъ животныхъ можно закалать для пищи нѣкоторыхъ другихъ, напримѣръ, серну и оленя; эту, не жертвенную, а простую пищу могутъ ѣсть и «нечистые», какъ напримѣръ пришельцы. «Только строго наблюдай, чтобы не ѣсть крови; потому что кровь есть душа: не ѣшь души вмѣстѣ съ мясомъ. Не ѣшь ея; выливай ее на землю, какъ воду» (XII, 23, 24; 16). Благочестивый царь Іосія очистилъ землю Іудину отъ «всѣхъ мерзостей» идолослуженія. Духовенство стремилось возвысить значеніе храма Іерусалимскаго. Служеніе въ немъ стало совершаться по точнымъ, подробнымъ правиламъ, соблюдать которыя должнымъ образомъ умѣли только люди, учившіеся тому. Ежедневно утромъ и вечеромъ былъ приносимъ въ жертву всесоженія овенъ, съ присоединеніемъ плодовъ земныхъ и возлиянія. Въ субботу приносимы были два овна. По правиламъ, изложеннымъ въ книгахъ «Исходъ» и «Левитъ», въ жертву приносились только домашнія животныя: рогатый скотъ, овны, козлы; основное понятіе о жертвѣ состояло въ томъ, что человѣкъ отдаетъ Богу часть своего имущества; а только домашнія животныя были въ строгомъ смыслѣ слова собственностью человѣка. Голубей могли приносить въ жертву только

бѣдные люди, и то лишь въ нѣкоторыхъ случаяхъ. Жертвенное животное должно быть здорово и не имѣть недостатковъ; должно быть не работавшимъ на человека, не оскон- ленымъ. Вообще приносились въ жертву животныя мужскаго пола, быки и бараны; коровы и овцы считались жертвами, менѣе важными. Передъ жертвоприношеніемъ, при- носящій жертву долженъ былъ очистить и освятить себя. Онъ приводилъ жертвенное животное къ порогу святилища и молилъ Бога о благосклонномъ принятіи жертвы. Онъ подводилъ животное къ жертвеннику, клалъ руки на голову жертвы и закалалъ ее обыкновенно самъ, часто при помощи левита, и съ этой минуты начинался обрядъ, совершаемый священникомъ. Священникъ держалъ жертвенную чашу, въ которую ли- лась кровь жертвы; это было самою важною частью всего обряда. Потомъ, съ пѣніемъ и молитвами, священникъ обносилъ жертвенную чашу вокругъ жертвенника, окропляя кровью подножіе его, углы и стѣны.

Разные раз- Когда жертва была приносима во «всесоженіе», то, выпустивъ кровь изъ живот- ряды жертво- наго, снимали съ него кожу, разрѣзывали его на куски; хорошо вымывъ ихъ, возла- приношеній. гали ихъ на жертвенникъ, и, посыпавъ епіямомъ, сожигали въ пепелъ. Жертвующій не получалъ ничего. Эта, самая торжественная изъ всѣхъ жертвъ, приносилась для приобрѣтенія благоволенія Господня во очищеніе грѣховъ жертвующаго (Книга Левитъ I, 4). Кромѣ жертвы всесоженія («ола»), во Второзаконіи упоминается «жертва мир- Жертва мирная» или жертва благодаренія («шеламимъ»); это былъ обѣдъ, съ принесеніемъ части закалываемаго животного въ жертву: оно закалалось у жертвенника, но большая часть мяса возвращалась жертвователю; онъ съ своимъ семействомъ ѣлъ это мясо, отдавая часть бѣднымъ. По правиламъ книги Левитъ, только почки и нѣкоторые другіе осо- бенно жирные куски животного (тукъ животного) сожигались на жертвенникѣ; грудъ и нѣкоторые другіе куски получалъ священникъ; остальные части животного отдавались жертвователю, онъ готовилъ изъ нихъ обѣдъ и съ своимъ семействомъ, своими друзьями и гостями съѣдалъ этотъ обѣдъ на мѣстѣ жертвоприношенія; домой нельзя было брать ничего. Второзаконіе говоритъ, что къ этому жертвенному обѣду должно приглашать и левитовъ (Второзак. XII, 18).—Въ книгѣ Левитъ устанавливаются «жертвы за грѣхи» отдѣльныхъ людей и всего народа. Въ жертву за свой личный грѣхъ жертвователь обыкновенно приносилъ козу, овцу или ягненка. Обрядъ этого жертвоприношенія былъ торжественный, священникъ мазалъ кровью жертвы «роги» жертвенника. Но важнѣй- шею изъ жертвъ за грѣхи была «жертва очищенія грѣховъ народа», ежегодно совер- шаемая въ опредѣленный день.—Мясо жертвы за грѣхъ не отдавалось жертвователю; внутренности животного сожигались на жертвенникѣ, все остальное получалъ священ- никъ.—Въ книгѣ Левитъ устанавливается много разрядовъ жертвъ: для каждаго разряда опредѣляются точныя правила обряда. Количество животныхъ, закалываемыхъ для жертво- приношеній на дворѣ предъ храмомъ, было, по уставу книги Левитъ, громадно. — Но кромѣ приношенія животныхъ въ жертву, были «жертвы возліянія», состоявшія въ томъ, что зали вино къ подножію жертвенника, и «жертвы приношенія хлѣбнаго», состоявшія изъ «прѣсныхъ хлѣбовъ, смѣшанныхъ съ елеемъ, лепешекъ прѣсныхъ, помазанныхъ еле- емъ», пшеничной муки съ елеемъ, плодовъ и т. д.; все это посыпалось солью и бла- гоуханіями; часть приношенія сожигалась, другая только возлагалась на жертвенникъ и предоставлялась священникамъ; были наконецъ «жертвы куренія», состоявшія изъ епі- міама и другихъ благоуханій; онѣ воскуривались на маломъ жертвенникѣ, стоявшемъ въ самомъ храмѣ и обложенномъ золотыми листами.

Принося жертву, жертвователь отдавалъ часть имущества своего Богу, чтобъ онъ далъ землѣ плодородіе, дѣламъ жертвователя успѣхъ. Въ жертву должно было приносить наилучшее, самое драгоценное. Потому легко было прійти къ мысли, что приношеніе въ жертву людей, и въ особенности дѣ- тей—даръ самый угодный божеству, вѣрнѣйшее средство приобрѣтать ми- лость его; эта мысль подкрѣплялась у израильтянъ примѣромъ ихъ сосѣ- довъ, хананейскихъ племенъ; да и вообще въ первобытныя времена почти

у всѣхъ народовъ были человѣческія жертвоприношенія. Нельзя отрицать того, что встрѣчаются слѣды существованія этого жестокаго обычая у на- рода израильскаго; напримѣръ Іефеай принесъ въ жертву свою дочь. Но въ послѣдствіи, принесеніе дѣтей въ жертву было замѣнено выкупомъ. Въ Синайской книгѣ завета говорится такъ: „Не медли приносить Мнѣ на- чатки отъ гумна твоего и отъ точила твоего; отдавай мнѣ первенца изъ сыновъ твоихъ. То же дѣлай съ воломъ твоимъ и съ овцою твоею“ (Ис- ходъ, XXII, 29, 30). Но въ священническомъ кодексѣ это поясняется такъ: „Всѣхъ первенцевъ твоихъ выкупай“ (Исходъ, XXXIV, 20). „И ска- залъ Господь Аарону: Все, разверзающее ложесна у всякой плоти, которую приносятъ Господу, изъ людей и изъ скота, да будетъ твоимъ. Только первенецъ изъ людей долженъ быть выкупленъ. Но за первородное изъ воловъ и за первородное изъ овецъ и за первородное изъ козъ не бери выкупа; кровью ихъ окропляй жертвенникъ, и тукъ ихъ сожигай въ жертву. Мясо же ихъ тебѣ принадлежитъ“ (Книга Числъ XVIII, 15—18). Въ книгѣ Числъ читаемъ также, что посвященіе колѣна Левина на ис- полненіе богослужебныхъ обязанностей было выкупомъ за первенцевъ: „И сказалъ Господь Моисею: Вотъ, я взялъ левитовъ изъ сыновъ израиле- выхъ“ (Книга Числъ III, 11, 12; тоже 45). Потому въ послѣдствіи говорится ужь только о первенцахъ изъ скота, что они принадлежатъ Богу: посвя- щаемое человѣкомъ изъ его собственности Богу можетъ быть выкупаемо; но первенцы изъ скота не подлежатъ этому правилу добровольнаго посвя- щенія, потому что они принадлежатъ Богу: „Только первенцевъ изъ скота, которые по первенству принадлежатъ Господу, не долженъ никто посвя- щать; волъ ли то или мелкій скотъ—Господни они“ (Левитъ XXVII, 26).— Во Второзаконіи постановленія о первенцахъ таковы: первенцевъ отъ скота нельзя „ѣсть въ жилищахъ“; „ѣшь сіе предъ Господомъ, на томъ мѣстѣ, которое изберетъ Господь Богъ твой, т. е., первенцы скота приносятся въ жертву на дворѣ храма, но мясо ихъ отдается собственникамъ. (То же, Второзакон. XII, 6; XIV, 23; XV, 19, 20). Принесеніе дѣтей въ жертву строго воспрещается Второзаконіемъ; Израиль не долженъ подражать бо- гослуженію хананейскихъ народовъ, „ибо все, чего гнушается Господь, что ненавидитъ Онъ, они дѣлаютъ богамъ своимъ; они и сыновей своихъ и дочерей своихъ сожигаютъ на огнѣ богамъ своимъ“; объ этомъ, поста- новляется повелѣніе Господне: „Не дѣлай такъ Господу Богу твоему“ (Второзак. XII, 31).

Но древнее правило о „преданіи заклятію“ сохраняется и во Второза- Преданіе закл- коніи и въ священническомъ кодексѣ относительно хананеевъ. По этому правилу, „предавалось заклятію“, было обрекаемо на истребленіе все, что могло вредить истинной вѣрѣ. Заклятію предавались отдѣльные люди, предавались цѣлыя народы. Малѣйшая пощада „заклятому“ была пре- ступленіемъ, наказаніемъ, за которое положена смерть. Законъ о преданіи заклятію примѣнялся въ особенности на войнѣ, къ плѣннымъ, къ ихъ ста- дамъ и вообще къ ихъ имуществу.

Жертвоприношенія совершались исключительно при іерусалимскомъ хра- мѣ; точно также, исключительно при храмѣ торжествовались великіе ре- лигіозные праздники, которыхъ было три въ году. Народъ іудейскій схо- дился на нихъ въ Іерусалимъ, къ святилищу Господню.—Съ незапамятныхъ временъ былъ обычай праздновать седьмой день, праздновать новолунія и полнолунія, праздновать смѣны временамъ года, смѣны періодовъ земле- дѣльской жизни. Праздники новолуній и полнолуній постепенно теряли свою важность и послѣ Моисея ужь мало оставалось слѣдовъ этихъ древнихъ семейныхъ и народныхъ праздниковъ. Праздникъ гражданскаго новаго года совпадалъ въ древности съ началомъ весны, и еще у Іезекииля говорится, что

Национальные
религіозные
праздники.

онъ совершается за 14 дней передъ пасхою. По книгѣ Левитъ, онъ долженъ быть совершаемъ въ седьмомъ мѣсяцѣ церковнаго года, то есть, осенью. — Важнѣйшими праздниками у израильтянъ издавна были, какъ почти у всѣхъ народовъ, праздники начала весны и начала осени. Въ послѣднія столѣтія царства іудейскаго эти два праздника сдѣланы были важнѣйшими религіозными торжествами. При этомъ только осенній праздникъ сохранилъ почти безъ измѣненія свое прежнее земедѣльское значеніе: онъ остался, какъ былъ, праздникомъ благодаренія Богу за жатву и сборъ плодовъ. Но давній обычай проводить въ шалашахъ или подъ шатрами послѣдніе дни теплаго времени и ясной погоды нѣсколько видоизмѣнился: іудеи стали строить шалаши не за городомъ, а въ городѣ: на плоскихъ кровляхъ, на дворахъ, на площадяхъ; стали строить ихъ изъ пальмовыхъ или масличныхъ, миртовыхъ, кипарисовыхъ вѣтвей, украшать ихъ фруктами. Въ книгѣ Левитъ этотъ такъ называемый „праздникъ кущей“ получаетъ характеръ воспоминанія о томъ, что во время странствованія по пустынѣ израильтяне жили въ „кущахъ“: „Возьмите себѣ вѣтви красивыхъ деревьевъ: вѣтви пальмовыя и вѣтви деревъ широколиственныхъ и вербъ рѣчныхъ, и веселитесь предъ Господомъ, Богомъ вашимъ, семь дней. Въ кущахъ живите семь дней; всякій туземецъ израильтянинъ долженъ жить въ кущахъ, чтобы знали роды ваши, что въ кущахъ поселилъ Я сыновъ израилевыхъ, когда вывелъ ихъ изъ земли египетской, Я, Господь, Богъ вашъ“. (Левитъ XXIII, 40—43). Еще гораздо рѣшительнѣе принялъ исторически-религіозный характеръ праздникъ весны, на которомъ люди и первоначально держали себя серьезнѣе, въ раздумьѣ о томъ, хорошо ли будетъ начинающійся годъ. Къ этому времени созрѣвалъ ячмень, и прежде чѣмъ ѣсть новый хлѣбъ, израильтяне сожигали на жертвенникѣ первыя собранныя зерна ячменя; пекли прѣсные хлѣбы (опрѣсноки) и сѣдали ихъ, все семейство вмѣстѣ, приглашая къ этой праздничной ѣдѣ и друзей. Хлѣбы пекли прѣсные вѣроятно по давнему обычаю пастушеской жизни. Тотъ праздникъ, на который приносили Богу первыя зерна хлѣба и первыя хлѣбы изъ новой жатвы, былъ самымъ приличнымъ срокомъ для того, чтобы приносить Богу и вообще все то первое, что принадлежало ему; потому, на праздникъ весны приносили Богу и первенцевъ отъ скота, и выкупъ за первенцевъ человѣческихъ. Съ выкупомъ первенцевъ человѣческихъ соединялось благодареніе Богу за то, что онъ пощадилъ ихъ, „прошелъ“ мимо жилищъ израильскихъ. По древнему обычаю самъ домохозяинъ рѣзалъ ягненка или козленка, мазалъ его кровью верхнюю перекладину и косяки дверей; и этого ягненка или козленка жарили не разрѣзаннымъ, и въ тотъ же вечеръ сѣдали его всѣмъ семействомъ, приглашая иногда и сосѣдовъ. Второзаконіе ставитъ этотъ праздникъ въ связь съ исходомъ изъ Египта, опрѣсноки называетъ хлѣбами бѣдствія: „Закалай пасху Господу. Не ѣшь съ нею кваснаго; семь дней ѣшь съ нею опрѣсноки, хлѣбы бѣдствія, ибо ты съ поспѣшностью вышелъ изъ земли египетской, дабы ты помнилъ день исшествія своего изъ земли египетской“. (Второзак. XVI, 2, 3). Прежде, пасха была семейнымъ праздникомъ; по Второзаконію, празднованіе ея было сосредоточено при храмѣ и въ домахъ столицы. Праздникъ начинался вечеромъ 14-таго дня перваго мѣсяца еврейскаго богослужебнаго календаря; это былъ вечеръ полнолунія. Праздникъ продолжался недѣлю. Но только въ первый и въ осьмой день прекращалась всякая работа; другіе дни были праздничными лишь въ томъ отношеніи, что въ храмѣ приносилось болѣе жертвъ, чѣмъ въ простые дни.

Праздникъ жатвы (пятидесятница). Черезъ семь недѣль, на пятидесятый день послѣ пасхи, совершался праздникъ жатвы, пятидесятница; это былъ веселый праздникъ благодаренія Богу за жатву, которая къ тому времени ужъ окончилась; пяти-

десятницею завершалось начатое на праздникъ весны приношеніемъ первыхъ плодовъ. Въ день пятидесятницы были приносимы: въ жертву все-сожженія: телець, два овна, семь однолѣтнихъ агнцевъ; въ жертву мирную: козель и два однолѣтніе агнца, и были приносимы въ храмъ два „хлѣба возношенія“ изъ новой пшеницы, „какъ первый плодъ Господу“. По священническому кодексу, не должно было до этого приношенія ѣсть новаго хлѣба (Книга Левитъ 23, 14). Второзаконіе не даетъ никакихъ особыхъ правилъ для празднованія пятидесятницы; оно говоритъ о ней такъ: „Семь седмиць отсчитай себѣ съ того времени, какъ появится серпъ на жатвѣ. Тогда совершай праздникъ седмиць Господу, Богу твоему, по усердію руки твоей, сколько ты дашь, смотря по тому, чѣмъ благословитъ тебя Господь, и веселись предъ Господомъ, Богомъ твоимъ“ (Второзак. XVI, 9—11). Священническимъ кодексомъ установлены, какъ мы видѣли, точныя правила. Въ седьмомъ мѣсяцѣ, отъ 14 до 21 дня его, совершался, какъ мы ужъ говорили, веселый праздникъ кущей, праздникъ окончанія сбора винограда.

Древніе праздники, первоначальный земледѣльскій характеръ которыхъ еще яснѣе по установленіямъ книги Левитъ (XVII—XXVI), съ теченіемъ времени утрачивали это значеніе, все рѣшительнѣе становились праздниками историческихъ воспоминаній. Этой перемѣнѣ возрѣній соотвѣтствуетъ торжество дня очищенія. Во Второзаконіи о немъ не говорится. Въ книгѣ Левитъ подробно излагаются правила его. Въ десятый день седьмаго мѣсяца, то есть, въ началѣ гражданскаго года по новому календарю, должно быть совершенно торжество покаянія народа и примиренія его съ Богомъ. Въ этотъ день народъ долженъ воздерживаться отъ всякой работы и долженъ соблюдать строгій постъ отъ вечера предъидущаго дня до вечера этого дня. Кто нарушитъ эту заповѣдь, „истребится изъ народа своего“ (Левитъ, XXIII, 29). День очищенія былъ установленъ для того, чтобы грѣхи отдѣльныхъ лицъ и всего народа уничтожались покаяніемъ и священнымъ обрядомъ. Въ этотъ день ставили двухъ козловъ передъ входомъ въ святилище, и бросали жребій, котораго изъ нихъ принести въ жертву Господу, и котораго изгнать въ пустыню. Передъ началомъ торжественнаго жертвоприношенія, которымъ примирялся народъ съ Богомъ, первосвященникъ долженъ былъ очистить себя омовеніемъ и жертвоприношеніемъ, и, облачась въ „льняныя одежды, одежды священныя“, долженъ былъ очистить святилище. Въ жертву за свои грѣхи и для очищенія дома своего, онъ приносилъ тельца. Послѣ того, онъ приступаетъ къ очищенію святилища; это должно было совершаться такъ: „И возьметъ (первосвященникъ) горящихъ угольевъ полную кадильницу съ жертвенника, и благовоннаго мелко истолченнаго куренія полныя горсти и внесетъ за завѣсу (храма, во святое святыхъ) и положитъ куреніе предъ лицомъ Господнимъ, и облако куренія покроетъ крышку, которая надъ ковчегомъ откровенія дабы ему не умереть (отъ того, что онъ вошелъ въ святое святыхъ); и возьметъ крови тельца (изъ жертвенной чаши, которую тоже принесъ), и покропитъ перстомъ своимъ на крышку (ковчега) спереди и предъ крышкою, семь разъ покропитъ кровію съ перста своего. (И возвратившись изъ святаго святыхъ на дворъ предъ храмомъ къ жертвеннику), заколетъ козла (указаннаго жребіемъ) въ жертву за грѣхъ народа, и внесетъ кровь его за завѣсу (въ святое святыхъ), и сдѣлаетъ съ кровію его тоже, что дѣлалъ съ кровію тельца, и покропитъ ею на крышку и предъ крышкою“. (Книга Левитъ, XVI, 12—15). Послѣ того, онъ кропитъ кровію козла жертвенникъ куреній, находившійся въ переднемъ отдѣлѣ храма. „И очиститъ (онъ этимъ кропленіемъ) святилище отъ нечистотъ сыновъ израилевыхъ и отъ преступленій ихъ во всѣхъ грѣхахъ ихъ“ (XVI, 16). Во все

День очищенія.

это время, онъ долженъ находиться въ храмѣ одинъ; никто кромѣ него, не можетъ вступать туда, пока онъ совершаетъ тамъ обрядъ очищенія. Этимъ обрядомъ онъ „очиститъ себя, домъ свой и все общество израильское“ (XVI, 17). Вышедши изъ храма, „возложитъ (онъ) обѣ руки свои на голову живаго козла, и отошлетъ (козла) съ нарочнымъ человекомъ въ пустыню. И понесетъ козель на себѣ все беззаконія ихъ въ пустыню“ (XVI, 21, 22). Послѣ того, первосвященникъ входилъ въ святилище, снималъ съ себя льняныя одежды, выходилъ къ народу въ обыкновенномъ своемъ облаченіи, и совершалъ жертву всесожженія за себя и за народъ, постившійся и молившійся на дворѣ храма.

Годъ субботній
и юбилейный
годъ.

Израильтяне праздновали каждый седьмой день; праздники весны и осени продолжались по семи дней. И седьмой годъ долженъ былъ быть „годомъ субботы Господней“, а каждый седьмой изъ годовъ субботы „юбилейнымъ годомъ“. — „Въ седьмой годъ да будетъ суббота Господня; поля твоего не засѣвай, и виноградника твоего не обрывай“ въ этотъ годъ (Левитъ XXV, 4). А въ юбилейный годъ должны быть возстановлены первоначальныя личныя права и первоначальное рапредѣленіе собственности. „И насчитай себѣ семь субботнихъ лѣтъ, чтобы было сорокъ девять лѣтъ; и въ седьмой мѣсяцъ, въ десятый день мѣсяца, въ день очищенія вострубите трубою по всей землѣ вашей, и освятите пятидесятый годъ, и объявите свободу на землѣ всемъ жителямъ ея; да будетъ это у васъ юбилей; и возвратитесь каждый во владѣніе свое“. (Левитъ XXV, 8—10). Земля принадлежала Господу; онъ далъ каждому семейству участокъ ея. Юбилейный годъ имѣлъ своею цѣлью возвращеніе полей, построекъ на нихъ и всѣхъ принадлежностей хозяйства первоначальнымъ владѣльцамъ или ихъ наслѣдникамъ, чтобы люди, бывшіе по своему происхожденію полноправными гражданами, но утратившіе съ наслѣдственнымъ участкомъ свое гражданское положеніе въ своемъ племени, получали возможность снова сдѣлаться трудящимися, самостоятельными людьми, пользующимися уваженіемъ въ обществѣ, чтобы сохранилась честь родовъ и племенъ, возстановился благоустроенный общественный порядокъ. Такимъ образомъ, сельско-хозяйственные участки были неотчуждаемою собственностью; продаваться могло только право пользованія ими до извѣстнаго срока; продажная цѣна должна была опредѣляться тѣмъ, сколько лѣтъ остается до этого срока, до юбилейнаго года. Проданное могло всегда быть и выкуплено по расчету срока, остающагося до юбилейнаго года. Но этотъ законъ былъ только идеалъ, не осуществившійся въ дѣйствительности, какъ видимъ между прочимъ и по жалобамъ пророковъ на то, что поземельная собственность сосредоточена въ рукахъ немногихъ людей. — Второзаконіе говоритъ только, что израильтяне, попавшіе въ рабство должны быть освобождены на седьмой годъ, и что израильтянинъ займодавецъ долженъ въ седьмой годъ прощать долгъ своему ближнему (израильтянину); чтобы предотвратить отказы въ кредитъ изъ-за боязни пропажи долга, Второзаконіе дѣлаетъ внушеніе: „Берегись, чтобы не вошла въ сердце твое беззаконная мысль: приближается седьмой годъ, годъ прощенія, и чтобы отъ того глазъ твой не сдѣлался немилостивъ къ нищему брату твоему и ты не отказалъ ему“. (Второзак. XV, 9).

Нечистое въ
природѣ.

Иерусалимское духовенство установило очень много правилъ о соблюденіи чистоты и объ очищеніи. Почти у всѣхъ восточныхъ народовъ издавна существовало мнѣніе, что человекъ оскверняется употребленіемъ въ пищу нѣкоторыхъ животныхъ, прикосновеніемъ къ нѣкоторымъ предметамъ, въ особенности къ трунамъ, нѣкоторыми физическими состояніями или житейскими случайностями, и что оскверненный остается недостойнымъ общенія съ Богомъ и вѣрующими, пока не будетъ очищенъ священными обря-

дами и покаяніемъ. Иерусалимское духовенство дало очень обширное развитіе этимъ понятіямъ. Источникомъ ученія объ оскверненіи служить опытъ, показывающій, что нѣкоторые предметы природы полезны человеку, другіе вредны ему, что должно остерегаться вредныхъ вещей, по возможности уничтожать ихъ дурныя дѣйствія. Опредѣляя, какія вещи въ природѣ дурны, духовенство въ разныхъ странахъ постановляло очень не одинаковыя правила, но вообще руководилось въ своихъ сужденіяхъ природными чувствами страха, отвращенія и полученными изъ опыта свѣдѣніями о вредномъ вліяніи нѣкоторыхъ вещей на здоровье. Устанавливая многочисленные правила предосторожности и многосложные обряды очищенія, оно слѣдовало отчасти тѣмъ же чувствамъ, отчасти убѣжденію, что нѣкоторые религиозныя правила и обряды благотворно дѣйствуютъ на человека, предохраняютъ его отъ измѣшествъ; съ тѣмъ вмѣстѣ оно желало подчинить жизнь его своему вліянію.

Второзаконіе опредѣляетъ, какія животныя могутъ быть употребляемы въ пищу, и какія нельзя ѣсть, потому что они нечисты. Обычай ѣсть только животныхъ «жующихъ жвачку и имѣющихъ раздвоенныя копыта» происходилъ у израильтянъ вѣроятно еще отъ первобытныхъ временъ пастушескаго быта; тогда они ѣли, вѣроятно, только рогатый скотъ, овецъ и козъ своихъ стадъ; впоследствии, израильтяне стали ѣсть также оленя и серну. Но верблюда, зайца, тушканъ, свиньи считались нечистыми. Изъ рыбъ считались чистыми всѣ, имѣющія плавники и чешую; но всѣ, похожія на змѣй, на примѣръ угорь, были нечисты. Изъ птицъ, почти всѣ хищныя и почти всѣ водяныя были нечисты: но всѣ голубиныя породы и всѣ птицы пустыни были чисты. Ко всѣмъ другимъ разрядамъ животныхъ, кромѣ млекопитающихъ, птицъ и рыбъ, израильтяне имѣли національное отвращеніе; только саранчу дозволено было ѣсть, въ воспоминаніе о странствованіи въ пустыни. — Нечисто было мясо животныхъ, растерзанныхъ звѣрями, удушенныхъ, зарѣзанныхъ не по установленнымъ правиламъ. Подъ тяжелымъ наказаніемъ было запрещено употреблять въ пищу кровь.

Правила о
пишѣ.

Но не только употребленіе нечистыхъ животныхъ, самое прикосновеніе къ нимъ и къ нечистымъ предметамъ оскверняло. Въ особенности сильное отвращеніе имѣли израильтяне ко всему мертвому. Люди, которые прикасались къ трупу, были на нѣкоторое время устранимы отъ общества, какъ нечистые. Половые отправления дѣлали людей нечистыми. Женщина во время регулъ была нечистою. Тоже нечистою была послѣ родовъ, и очищалась только исполненіемъ предписаннаго обряда. Очень страшились израильтяне проказы, считавшейся наказаніемъ Божиимъ. Подвергнувшись ей были удаляемы изъ общества и должны были жить въ уединенныхъ мѣстахъ, не имѣя сношеній ни съ кѣмъ, кромѣ страдающихъ тою же болѣзнію. Только по совершенномъ исцѣленіи они, очищенные многосложными обрядами, были снова принимаемы въ общество.

Оскверненіе
прикосновеніемъ.

Осквернившійся былъ на извѣстный срокъ, соразмѣрный важности оскверненія, устранимъ отъ храма и отъ сношеній съ людьми. Лишь по окончаніи срока онъ могъ быть очищенъ; это дѣлалось совершеніемъ предписанныхъ обрядовъ. Осквернившійся былъ удаляемъ даже изъ войска. Для очищенія отъ маловажныхъ оскверненій достаточно было хорошее омовеніе. Но отъ прикосновенія къ человѣческому трупу и отъ другихъ важныхъ оскверненій человекъ очищался только многосложнымъ священнымъ обрядомъ, одною изъ принадлежностей котораго было окропленіе „водою освященіа“. Эту воду приготовляли священники такимъ образомъ: рыжую телицу безъ порока, не бывшую въ ярмѣ, выводили за городъ, заколали тамъ и сожигали вмѣстѣ съ кусками кедроваго дерева, иссопомъ и нитью червленой шерсти; собирали пепелъ; и когда нужно было сдѣлать воду очищенія, бросали въ воду нѣсколько этого пепла. — По от-

Правила очи-
щенія.

вращенію къ трунамъ, мѣста для кладбищъ выбирали какъ можно дальше отъ жилищъ; если были въ той мѣстности глубокія пещеры, то въ нихъ.—
Недозволитель- Очень строго было запрещено соединеніе того, чего не соединяетъ сама
ность соедине- природа. Такъ напримѣръ, не должно было впрягать въ плугъ вола съ
ній, чуждыхъ осломъ, сѣять смѣсь двухъ разныхъ хлѣбовъ, дѣлать ткани изъ смѣси
природъ. льна и шерсти. За противоестественные пороки наказывали смертью. Было
воспрещено всякое искаженіе тѣла, въ знакъ печали по умершихъ, или
по религіозному энтузіазму; было воспрещено оскотленіе для доставленія
евнуховъ царскому двору (евнухи были и при Іудейскомъ дворѣ). Эти и
подобныя имъ постановленія основаны на мысли, что должно уважать
природу, какъ созданіе божества, и не портить ее.
Законы про- Болѣе всего заботится Второзаконіе о томъ, чтобы истребить идолопо-
тивъ идоло- клонство и предотвратить возобновленіе бывшихъ при Манассіи преслѣдо-
поклонства. ваній противъ служителей Іеговы. Потому оно устанавливаетъ строгія наказанія
за поклоненіе чужимъ богамъ. Хананейскіе народы должны быть преданы
заклятію. Израилю повелѣвается: „Не вступай съ ними въ союзъ и не щади
ихъ. И не вступай съ ними въ родство, ибо они отвратятъ сыновъ твоихъ отъ
Меня (Господа), чтобы служить инымъ богамъ. Но поступите съ ними такъ:
жертвенники ихъ разрушьте, столбы ихъ сокрушите и роши ихъ вырубите,
и истуканы ихъ сожгите огнемъ“ (Второзак. VII, 15; то же XII). Даже
аммонитяне и моавитяне, единоплеменники израильтянъ, не принимаются въ
общество ихъ до десятого поколѣнія. (Только идумеи принимаются въ
третьемъ поколѣніи, потому что они братья израильтянамъ). — „Если най-
дется среди тебя (Израиля) мужчина или женщина, кто станетъ служить
инымъ богамъ и поклоняться имъ, или солнцу, или лунѣ, или всему воин-
ству небесному, то ты хорошо разыщи, и если это точная правда, то вы-
веди мужчину того или женщину ту къ воротамъ твоимъ, и побей ихъ кам-
нями. И такъ истреби зло изъ среды себя“ (Второзак. XVII, 2—7); „ибо
ты народъ святой у Господа Бога твоего; тебя избралъ Господь, Богъ твой,
чтобы ты былъ собственнымъ его народомъ изъ всѣхъ народовъ, которые
на землѣ“ (VII, 6). Если даже пророкъ будетъ совращать въ служеніе инымъ
богамъ, то и пророкъ долженъ быть наказанъ смертью: „Если пророкъ или
сновидецъ представитъ тебѣ знаменіе или чудо, и сбудется то знаменіе или
чудо, о которомъ онъ говорилъ тебѣ, и скажетъ притомъ: Пойдемъ во
слѣдъ боговъ иныхъ и будемъ служить имъ, пророка того или сновидца
того должно предать смерти“ (XIII, 1—5). И ближайшихъ родныхъ нельзя
щадить, если они склоняются къ служенію инымъ богамъ: „Если будетъ
угovarивать тебя тайно братъ твой, или сынъ твой, или дочь твоя, или
жена на лонѣ твоемъ, или другъ твой, который для тебя какъ душа твоя,
говоря: пойдемъ и будемъ служить богамъ инымъ, то да не пощадитъ его
глазъ твой; не прикрывай его; твоя рука прежде всѣхъ должна быть на
немъ, чтобы убить его, а потомъ руки всего народа. Побей его камнями
до смерти“ (XIII, 6—10). Если какой-нибудь изъ городовъ израильтянъ
будетъ служить инымъ богамъ, „порази жителей того города остріемъ меча,
предай заклѣтію его и все, что въ немъ, и скотъ его порази остріемъ меча.
Всю же добычу его (движимое имущество жителей его) собери на средину
площади его, и сожги городъ и всю добычу его во всесоженіе Господу,
Богу твоему; и да будетъ онъ вѣчно въ развалинахъ, не должно никогда
вновь созидать его. Ничто изъ заклѣтаго да не прилипнетъ къ рукѣ твоей,
дабы укротилъ Господь ярость гнѣва своего и далъ тебѣ милость“ (XIII,
15—17). Кромѣ общаго воспрещенія идолопоклонства, есть и особенныя
постановленія противъ частностей служенія сирийскимъ божествамъ: не
должны быть терпимы „прорицатели, гадатели, ворожеи, чародѣи, обая-
тели, вызывающіе духовъ, волшебники и вопрошающіе мертвыхъ“ (Второзак.

XVIII, 10, 11). „На женщинѣ не должно быть мужской одежды, и мужчина
не долженъ одѣваться въ женское платье“ (XXII, 5). Оскотленный „не
можетъ войти въ общество Господне“ (XXIII, 1). Не должно дѣлать по-
рѣзы на своемъ лицѣ или обривать себѣ волосы въ знакъ траура (какъ
дѣлали финикіяне). „Не должно быть блудницы изъ дочерей израильтянъ
и не должно быть блудника изъ сыновъ израильтянъ. Не вноси платы
блудницы въ домъ Господа, Бога твоего, ни по какому обѣту“ (XXIII, 17, 18).

Въ древнѣйшее время духовенство возвышало волю Господа и учило на-
родъ страху Божию. Послѣ, учить народъ страху божію стали пророки.
Перестало духовенство и возвышать волю божію; вмѣсто обѣихъ преж-
нихъ своихъ дѣятельностей оно, со времени построенія храма Соломона,
стало заниматься служеніемъ въ храмѣ. Соединеніе всѣхъ левитскихъ фа-
милій въ замкнутое духовное сословіе произошло, какъ мы говорили (стран.
667), только уже при царяхъ. Во времена Самуила колѣно Левіино еще
не имѣло такого привилегированнаго положенія, какое занимало послѣ.
Во времена судей и при первыхъ царяхъ право совершать жертвоприно-
шенія и богослуженіе еще не было исключительнымъ достояніемъ одного
этого колѣна. Только со времени Соломона Іерусалимскій священническій
родъ Садока постепенно приобрѣлъ первенствующее положеніе. Съ разви-
тіемъ образованности въ народѣ, формы богослуженія становились все
разнообразнѣе, обряды жертвоприношеній и очищеній все многосложнѣе;
священникамъ была нужна все болѣе и болѣе обширная подготовка къ
ихъ занятіямъ, и потому должности священниковъ стали наслѣдственными;
наслѣдственность ихъ установилась тѣмъ легче, что вся общественная ор-
ганизация израильтянъ имѣла форму племеннаго и родоваго уст-
ройства. Правда, по возрѣнію пророковъ весь Израиль былъ святой на-
родъ, былъ весь посвященъ Господу. Но часто онъ уклонялся отъ Господа.
Потому необходимо было особенно святое сословіе, которое очищало бы
грѣхъ народа, возвращало-бъ ему благоволеніе божіе и святость.

Чтобы быть священникомъ, надобно было удовлетворять условіямъ, дѣлающимъ чело-
вѣка достойнымъ этого высокаго сана. Священникомъ могъ быть только человѣкъ не
имѣющій никакихъ физическихъ недостатковъ (Книга Левитъ XXI, 16). Священники «не
должны брить головы своей и подстригать края бороды своей, и дѣлать нарѣзы на тѣ-
лѣ своемъ» (XXI, 5). «Ни къ какому умершему» первосвященникъ «не долженъ» при-
касаться, ни даже къ отцу или матери и не долженъ раздирать одежду своихъ въ знакъ
печали (XXI, 11; 10), священники могутъ прикасаться только къ тѣламъ самыхъ близ-
кихъ родныхъ (XXI, 2). Они должны жениться только на непорочныхъ дѣвицахъ изъ
колѣна Левіина. Священникъ долженъ быть вполнѣ преданъ Іеговѣ, преданъ до такой
степени, чтобы въ своихъ заботахъ о служеніи Господу говорить объ отцѣ своемъ и
матери своей: «я ихъ не знаю», не знать братьевъ своихъ и сыновей своихъ. (Второ-
зак. XXXIII, 9).

И по священническому кодексу и по Второзаконію право совершать
жертвы, благословлять и поучать народъ принадлежитъ исключительно ду-
ховенству. О раздѣленіи духовнаго сословія (колѣна Левіина) на высшее
и низшее духовенство говоритъ только священническій кодексъ. Высшее
духовенство составляли два рода, происшедшіе отъ Аарона и раздѣляв-
шіеся на 24 чреды, то есть группы, которыя поочередно исполняли выс-
шія обязанности богослуженія и жертвоприношенія, — обязанности служе-
нія собственно при жертвенникѣ. Это было сословіе священниковъ. Дру-
гіе роды колѣна Левіина, раздѣлявшіеся тоже на 24 группы, составляли
низшее духовенство, сословіе собственно такъ называемыхъ левитовъ.

Священники и
левиты.

Положеніе и
дѣятельность
священниковъ.

Классы духо-
венства.

Они исполняли второстепенныя обязанности служения при жертвенникѣ и вообще низшія обязанности службы храму. Они были прислугой при храмѣ и значеніе ихъ нѣсколько возвышалось только тѣмъ, что они были также музыкантами и пѣвцами при богослуженіи. Торжественность служенія возрасла, когда построенъ былъ новый храмъ; музыка и пѣніе сдѣлались важными элементами богослужебныхъ обрядовъ. Тѣ безыскусственныя пѣснопѣнія, лирическія изліянія восторженнаго событіями религіознаго чувства, которыми прославляли Іегову предки, были переработаны по правиламъ искусства еще во времена Соломонова храма, стали художественными гимнами; въ богослуженіи новаго храма было дано еще большее художественное развитіе пѣнію и музыкѣ. И на праздникахъ, и въ простыя дни, хоръ пѣлъ съ аккомпаниментомъ оркестра. Въ нѣкоторыхъ частяхъ пѣнія чередовались съ хоромъ священники и народъ. Тѣ фамиліи левитовъ, которые были предназначены для пѣнія и музыки, занимались и разработкою религіознаго пѣнія. Она получила правильный музыкальный характеръ, потому что пѣвцы пѣли съ аккомпаниментомъ лютней и арфъ (которые дѣлались иногда изъ драгоценнаго сандаловаго дерева). Нѣкоторые изъ псалмовъ принадлежатъ, вѣроятно, фамиліямъ пѣвцовъ; нѣкоторые другіе, передававшіеся прежде отъ поколѣнія поколѣнію изустно, были записаны ими. По 2-й книгѣ Паралипоменонъ, къ числу обязанностей левитовъ принадлежало пѣніе гимновъ при богослуженіи. — Между левитами другихъ семействъ распределены были разныя другія обязанности службы при храмѣ: левиты были привратниками храма, стражами его; хранителями сокровищъ; омывали мясо жертвенныхъ животныхъ; подметали, убрали святилище; чистили утварь и т. д. Каждая изъ этихъ обязанностей была наслѣдственною въ исполнявшихъ ее семействахъ.

Само собою разумѣется, что богослуженіе въ Іерусалимскомъ храмѣ приобрѣло полное свое развитіе лишь мало по малу, и систематическая организація духовенства установилась тоже постепенно. Построеніе храма Соломономъ дало лишь начало этому. Духовенство, объединенное служеніемъ при храмѣ, получившее важность, соотвѣтственно великолѣпію храма, заботилось объ усовершенствованіи установленныхъ тогда учрежденій. По Второзаконію, каждый левитъ можетъ быть священникомъ. Но левиты и священники, совершавшіе до построенія храма богослуженіе на высотахъ, и переселившіеся въ Іерусалимъ для служенія при храмѣ, не были сравнены въ правахъ съ іерусалимскимъ семействомъ священниковъ, главою котораго во время построенія храма былъ Садокъ; семейство Садока низвело ихъ въ положеніе прислуги храма. У Іезекіиля мы уже находимъ раздѣленіе духовенства на священниковъ и левитовъ. Въ священническомъ кодексѣ это раздѣленіе установлено вполне. „Сыны Аароновъ“ составляютъ по священническому кодексу особое сословіе; они одни занимаютъ должности священниковъ; люди всѣхъ другихъ фамилій колѣна Левіина, называющіеся просто левитами, подчинены потомкамъ Аарона, и составляютъ низшій классъ духовенства; они только прислуживаютъ священникамъ.

Посвященіе.

Священники и левиты при вступленіи въ должность „освящались“ (посвящались). Это былъ торжественный обрядъ, продолжавшійся семь дней. Поступающій въ санъ священника омывался, былъ очищаемъ; были приносимы жертвы; посвящаемый былъ помазываемъ, посвящающій возлагалъ на него руки; совершались еще и другія символическія дѣйствія. Общее значеніе обряда состояло въ томъ, что человекъ, надъ которымъ совершается онъ, былъ посвящаемъ Іеговѣ. Посвящаемый въ должность левита не былъ помазываемъ, потому что служба левитовъ имѣла характеръ фи-

зическаго труда, а не собственно священной дѣятельности. Левиты обязанъ былъ служить храму съ 25 или съ 30 до 50 лѣтъ.

Все духовенство носило особенную одежду. Облеченіе первосвященника было великолѣпно. Главную часть одежды простого священника составлялъ хитонъ изъ бѣлаго виссона (полотна), доходившій до колѣнъ, не сшитый, а сотканный весь цѣльнымъ; хитонъ опоясывался на груди поясомъ изъ крученнаго виссона трехъ цвѣтовъ: бѣлаго, голубаго и краснаго; отъ пояса спускались по спинѣ длинныя концы. Подъ хитономъ священникъ носилъ короткіе шальвары изъ бѣлаго крученнаго виссона, а на плечахъ поверхъ хитона короткую „верхнюю ризу“ изъ простого полотна. На головѣ у священника была высокая повязка изъ бѣлаго виссона, завязанная внизу лентами. При служеніи въ храмѣ священникъ былъ босой, въ знакъ того, что находится въ чистотѣ, святомъ мѣстѣ. (Обувь у израильтянъ служила для защиты не отъ холода, а отъ грязи). Первосвященникъ надѣвалъ на обыкновенный священническій хитонъ голубую виссоновую „верхнюю ризу“ безъ рукавовъ, сотканную цѣльной; кругомъ по подолу этой ризы были трехцвѣтныя кисти и маленькіе золотые звонки. „Она“ (верхняя риза съ золотыми звонками) будетъ“ на первосвященникѣ „въ служеніи, дабы слышенъ былъ отъ него звукъ, когда онъ будетъ входить во святилище предъ лицо Господне, и когда будетъ выходить, чтобы ему не умереть“ (Левитъ XXVIII, 35). Это была великолѣпная царская одежда; подолъ ея разстилался по полу. Посверхъ ея на плеча набрасывалась короткая мантия, называвшаяся эфодомъ; она опоясывалась на груди широкимъ поясомъ, у котораго не было висящихъ концовъ. Эфодъ и поясъ его были сдѣланы изъ золотыхъ нитей и крученнаго виссона трехъ цвѣтовъ (голубаго, пурпуроваго и червленнаго). На нарамникахъ эфода было по онису на каждомъ; на онисахъ были вырѣзаны имена колѣнъ народа израильскаго. Посверхъ эфода надѣвался на грудь „напередникъ судный“, такой же ткани, какъ эфодъ; онъ имѣлъ видъ сумки; на передней сторонѣ сумки были прикрѣплены, въ золотой оправѣ, по три въ рядъ, четырьмя рядами, двѣнадцать драгоценныхъ камней, по числу колѣнъ израильтянъ; всѣ двѣнадцать были разныя. Въ сумкѣ лежали священные жребіи, называвшіеся „уримъ“ (просвѣтленіе, откровеніе) и „туммимъ“ (правда). Посредствомъ этихъ жребіевъ первосвященникъ узнавалъ волю Господа. Прежде, всѣ священники вопрошали Господа. Но по священническому кодексу это предоставляется только первосвященнику. — На головѣ первосвященникъ носилъ высокую виссоновую повязку (кидарь); на передней сторонѣ кидара была прикрѣплена золотая дощечка, на которой были вырѣзаны слова „святныя Господня“ (Левитъ XXVIII, 4—39). Кидаръ былъ символомъ царскаго сана, дощечка — символомъ освященія отъ Господа. Въ книгахъ Царствъ упоминаются первосвященники: Іодай, Захарія, Урія, Хелкія, нѣкоторые другіе. Наслѣдственнымъ санъ первосвященника сталъ только послѣ плѣненія вавилонскаго; и значеніе первосвященника поднялось тогда, потому что у іудейскаго народа не было своего царя. Мы видѣли, что вскорѣ по возвращеніи плѣнныхъ въ Іудею, первосвященникъ является духовнымъ главою народа, живущаго подъ властью наместника персидскаго царя. Со времени Эздры, духовный элементъ получаетъ преобладаніе въ жизни іудейскаго народа, и значеніе первосвященника стало тогда очень велико.

Должностная дѣятельность священниковъ не ограничивалась богослуженіемъ; мы знаемъ, что они наблюдали за правильностью вѣсовъ и мѣръ; они заведывали установленіемъ годичнаго календаря, какъ это и было необходимо для опредѣленія времени праздниковъ; они учили вѣрѣ, проповѣдывали; они давали рѣшенія по всяческимъ вопросамъ, требовавшимъ

Одежда.

Первосвященникъ.

Кругъ дѣятельности священниковъ.

близкаго знакомства съ законами, обычаями, преданіями. „Уста священника должны хранить вѣдѣніе“, говоритъ пророкъ Малахія; „и закона ищутъ отъ устъ его, ктому что онъ вѣстникъ Господа Саваога“ (Малахія II, 7).

Священники были знатоками законовъ, изъ которыхъ многіе были составлены духовенствомъ, или собраны имъ изъ устныхъ преданій; въ запутанныхъ дѣлахъ за рѣшеніемъ обращались къ нимъ. Второзаконіе постановляетъ: „Если по какому нибудь дѣлу затруднительнымъ будетъ для тебя разсудить между кровію и кровію, между судомъ и судомъ, между побоями и побоями, и будутъ несогласныя мнѣнія въ воротахъ твоихъ, то встань и пойди къ священникамъ левитамъ и къ судѣ, и спроси ихъ, и они скажутъ тебѣ, какъ разсудить. И поступи по слову, какое они скажутъ тебѣ. А кто поступитъ такъ дерзко, что не послушаетъ священника, стоящаго на служеніи предъ Господомъ, Богомъ твоимъ, или судѣ, тотъ долженъ умереть“ (XVII, 8—12).

Доходы духовенства.

Первые плоды.

Десятина.

Многостороннія занятія священниковъ и левитовъ не позволяли имъ приобрѣтать себѣ средства жизни земледѣліемъ или какимъ-нибудь промышленнымъ занятіемъ; потому и Второзаконіе и священническій кодексъ ставятъ израильтянамъ въ священную обязанность доставлять духовенству достаточное содержаніе. „Священникамъ левитамъ, всему колѣну Левіину не будетъ удѣла между братьями его. Самъ Господь удѣлъ его“, говоритъ Второзаконіе (XVIII, 2). Потому оно ставитъ ихъ на ряду съ вдовами и сиротами, бѣдными и пришельцами, постоянно поручаетъ ихъ благотворительности народа.—По тѣмъ постановленіямъ, которыя дѣлаетъ относительно ихъ священническій кодексъ, всѣ они должны были бы жить богато. Онъ говоритъ, что духовенству должны быть отдаваемы: 1) первые плоды нивъ, масличныхъ садовъ, виноградниковъ и первенцы рогатаго скота и овецъ. Второзаконіе только внушаетъ сынамъ израилевымъ, чтобы собственники первыхъ плодовъ и первенцевъ скота, дѣлая изъ нихъ обѣды для себя и своихъ семействъ въ Иерусалимѣ, приглашали на эти обѣды и левитовъ; 2) десятина, налогъ, существовавшій также у финикійцевъ и кареагенянъ.—Десятая часть отъ всѣхъ произведеній земли, отъ хлѣба, вина и плодовъ, и одно изъ десяти домашнихъ животныхъ, родившихся въ теченіе года, должны были отдаваться во храмъ. Левиты низшаго класса должны были собирать по всей странѣ этотъ налогъ, и десятую часть его передавать первосвященнику, а остальные девять долей удерживать себѣ. Кажется, это постановленіе никогда не осуществлялось въ полномъ размѣрѣ; а во всякомъ случаѣ, оно скоро пришло въ упадокъ. Во Второзаконіи о десятинѣ отъ скота вовсе не говорится; о десятинѣ отъ плодовъ говорится такъ: „Отдѣлай десятину отъ всего произведенія сѣмянъ своихъ, и ѣшь предъ Господомъ, Богомъ твоимъ“ при храмѣ Господнемъ „десятину хлѣба твоего и елея твоего и первенцевъ скота твоего“; а если ты живешь далеко отъ Иерусалима, то „протѣйши это на серебро“, приходи въ Иерусалимъ съ серебромъ, купи тамъ всего, чего захочешь для праздничнаго обѣда, „и ѣшь предъ Господомъ и веселись ты и семейство твое. И Левита не оставь“. (Второзак. XIV, 22—27). Лишь въ одинъ годъ изъ трехъ, хозяинъ долженъ отдѣлять десятину не для пришествія самому себѣ: „По прошествіи же трехъ лѣтъ отдѣлай всѣ десятины произведеній твоихъ въ тотъ годъ, и пусть придетъ левитъ, и пришелецъ, и сирота и вдова, и пусть ѣдятъ и насыщаются“ (Второзак. XIV, 28, 29).—итакъ, это лишь милостыня для бѣдныхъ. Но по уставу книги Левитъ, десятина получила, какъ мы видѣли, иной характеръ. Первое упоминаніе о ней, какъ о налогѣ въ пользу духовенства, находится у пророка Малахія. Но и Неемія, жившій послѣ Малахія, только съ большимъ трудомъ успѣлъ ввести

этотъ налогъ, да и то лишь относительно плодовъ земли. 3) Третьимъ источникомъ доходовъ духовенства были приношенія Господу по обѣтамъ, и въ особенности, извѣстная доля изъ всякой военной добычи (Книга Числъ, XXXI, 26 слѣд.). Изъ военной добычи должно было отдавать въ святилище Господне всѣ металлы, благородные и неблагородные; они употреблялись безъ сомнѣнія на украшеніе храма. Скотъ, взятый въ добычу, дѣлился между святилищемъ и народомъ. Во Второзаконіи не говорится объ этомъ. Не говорится и о томъ, что при переселеніи народа „всякій долженъ давать приношеніе Господу, для выкупа души своей“, какъ устанавливается это въ священническомъ кодексѣ (Книга Исходъ, XXX, 14—15). 4) Въ доходъ духовенства поступала доля всякой жертвы: отъ жертвы мирной правое плечо и нѣкоторыя другія части; отъ жертвы всесожженія, шкура; отъ приношенія хлѣбнаго, опредѣленная часть; кромѣ того, ежедневно по 12 хлѣбовъ предложенія. 5) По священническому кодексу, левиты должны были получить 48 городовъ. Но это не было осуществлено.

По теократическому устройству израильскаго государства, главнымъ предметомъ законодательства были религіозныя дѣла, обязанности и права духовенства; но нельзя было оставлять совершенно безъ вниманія и другія стороны народной жизни. Ближайшую связь съ религіозными дѣлами имѣетъ судъ. По еврейскому воззрѣнію, источникомъ всякаго права былъ Господь; потому высшую судебную инстанцію должно было составлять духовное начальство; священники должны были считаться самыми достойными истолкователями законовъ. Мы уже видѣли, что въ запутанныхъ дѣлахъ вообще такъ и было. И въ обыкновенныхъ процессахъ было предоставлено духовенству самое широкое, по возможности, вліяніе.—Въ древнія времена, когда народная жизнь была проста, процессы рѣшались старѣйшинами, на основаніи народныхъ обычаевъ; но во времена царей общественныя отношенія стали многосложнѣе, судъ старѣйшинъ по обычному праву сдѣлался недостаточнымъ; потому были назначены особые судьи; они судили, сидя у городскихъ воротъ, публично при всемъ народѣ (Исходъ XVIII, 21, 22; Второзак. XVI, 18—20). При недостаточности письменныхъ законовъ, судъ, во времена нравственной порчи, очень часто бывалъ, какъ надобно думать, пристрастенъ, справедливость была нарушаема по лихоимству и другимъ своекорыстнымъ побужденіямъ судей. Пророки очень много говорятъ о несправедливости ихъ, и угрожая имъ на казаніемъ отъ Бога, проповѣдуютъ имъ осмотрительность и честность. Судьями должны быть назначаемы „люди способные, боящіеся Бога, правдивые, ненавидящіе корысть“ (Исходъ XVIII, 21). Второзаконіе говоритъ: „Не извращай закона, не смотри на лица и не бери даровъ; правды, правды ищи“ (XVI, 19, 20).—Судъ производился на открытомъ мѣстѣ передъ городскими воротами. Каждый имѣлъ право самъ вести свой процессъ. Защищать слабыхъ, въ особенности вдовъ и сиротъ, считалось священною обязанностью; пророки сильно внушаютъ ее. Обвиняемый долженъ былъ стоять на-лѣво отъ жалующагося. Если не было письменныхъ доказательствъ, то для рѣшенія нужно было свидѣтельство не менѣе какъ двухъ человѣкъ. Второзаконіе требуетъ отъ судей внимательнаго допроса свидѣтелей: „Судьи должны хорошо изслѣдовать, и если свидѣтель ложно донесетъ на брата своего, то сдѣлайте ему то, что онъ умышлялъ сдѣлать брату своему“ (Второзак. XIX, 18).—Смертная казнь, обыкновенною формою которой было побіеніе камнями, всегда исполнялась за городомъ. Смертью наказывались только преступленія противъ Бога и преднамѣренное убійство. Въ древнія времена былъ обычай вѣшать предаваемого смерти, какъ жертву, на деревѣ лицомъ къ солнцу (Книга Навина VIII, 29). Второзаконіе постановляетъ, чтобы тѣло снималось съ дерева до наступленія вечера и

Другія приношенія.

Города Левитовъ.
Судопроизводство.

Наказанія.

за тѣмъ погребалось; это было нѣкоторымъ смягченіемъ. Заключенія въ темницу нѣтъ въ законѣ Моисеевомъ. Денежныя наказанія вошли въ употребленіе только ужъ во времена позднѣйшихъ царей и считались, по строго проведенному въ еврейскомъ законѣ принципу возмездія, вознагражденіемъ за убытокъ, нанесенный преступникомъ. Тѣлесное наказаніе, внѣ круга домашняго суда, вошло въ употребленіе только ужъ во времена царей, и, по Второзаконію, не должно было превышать 40 ударовъ палкою: „Сорокъ ударовъ можно дать ему (виноватому), а не болѣе, чтобы отъ многихъ ударовъ братъ твой не былъ обезображенъ предъ глазами твоими“ (Второзак. XXV, 3). Бросать камни на могилу преступниковъ, возбуждавшихъ особенную ненависть къ себѣ, было, кажется, древнимъ обычаемъ народа.

Понятіе святости не ограничивалось религіозными отношеніями народа израильскаго къ Іеговѣ; оно должно было охватывать и житейскія отношенія между израильянами: права личности, собственности, домашній бытъ; законъ Моисеевъ даетъ постановленія, ограждающія эти права, какъ священныя.

Святость личности.
Законъ о преднамѣренномъ и о неумышленномъ убійствѣ.
Кровомщеніе.

1. Святость личности. Жизнь („душа“) человека считалась святою у всѣхъ образованныхъ народовъ древности. На этомъ понятіи о ней основывается идущій изъ первобытныхъ временъ обычай кровомщенія, сохранявшій у израильянъ полную силу; законъ Моисеевъ освящаетъ его: онъ ставитъ разницу между преднамѣреннымъ и неумышленнымъ убійствомъ. Если показаніями двухъ свидѣтелей удостовѣрено, что убійство было преднамѣренное, то ближайшіе родные убитаго обязаны преслѣдовать убійцу, и убить его, хотя бы онъ успѣлъ прибѣжать къ жертвеннику Господню; имъ строго запрещено шадить его, братъ выкупъ отъ него: „Не берите выкупа за душу убійцы; его должно предать смерти; не оскверняйте земли (вашей); ибо кровь (убійство) оскверняетъ землю, и земля не иначе очищается отъ пролитой на ней крови, какъ кровію пролившаго ее“ (Книга Числъ XXXV, 31, 33). Иное дѣло, если человекъ нанесъ другому смерть не по злобѣ, не по умыслу, а по несчастному случаю; напримѣръ, если „кто пойдетъ съ ближнимъ своимъ въ лѣсъ рубить дрова, и размахнется рука его съ топоромъ, чтобы срубить дерево, и соскочитъ желѣзо съ топорница, и попадетъ въ ближняго, и онъ умретъ“ (Второзак. XIX, 5); такіе убійцы „могутъ оставаться живы“; для нихъ были назначены шесть „городовъ убѣжища“, по три города на востокъ отъ Іордана и въ Ханаанѣ; человекъ, неумышленно убившій другого, пусть бѣжитъ въ одинъ изъ этихъ городовъ: ему предоставляется жить тамъ безопасно. Если кровомститель встрѣтитъ его за предѣлами города убѣжища, то можетъ убить или пощадить его, какъ захочетъ; но если пощадить, то выкупъ отъ него братъ не долженъ. Когда первосвященникъ умретъ, скрывшійся въ городъ убѣжища приобретаетъ свободу безопасно жить повсюду. Но если уйдетъ въ городъ убѣжища человекъ, сдѣлавшій убійство преднамѣренно, по злобѣ, „то старѣйшины города его должны послать, чтобы взять его оттуда, и предать его въ руки мстителя за кровь, чтобы онъ умеръ“ (Второзак. XIX, 12). Въ заботѣ объ охраненіи человѣческой жизни, законъ постановлялъ: „Если воля забодаетъ мужчину или женщину до смерти, то вола побить камнями, и мяса его не ѣсть“, потому что волъ сталъ нечистымъ, убивъ человека; а „если волъ былъ бодливъ“ и прежде, и хозяинъ зналъ о томъ, но не стерегъ его, то хозяинъ должно „предать смерти“ или по крайней мѣрѣ „наложить на него выкупъ за душу“. (Книга Исходъ XXI, 28—30). Домохозяинъ обязанъ былъ ограждать рѣшеткою или стѣнкою плоскую кровлю дома, чтобы кто нибудь не упалъ съ кровли (замѣнявшей комнату); иначе, хозяинъ будетъ виноватъ въ смерти упавшаго. Если на полѣ будетъ найденъ убитый, и убійца не будетъ открытъ, то старѣйшины ближайшаго города „пустъ возъ-

мутъ телицу, которая не носила ярма, и пусть отведутъ сію телицу въ дикую долину, которая не разработана и заколятъ тамъ телицу, и пусть омоютъ руки свои надъ головою телицы зарѣзанной, и объявятъ: руки наши не пролили крови сей (крови того убитаго) и глаза наши не видѣли; очисти народъ Твой, Господи, и не вѣнни народу Твоему невинной крови. И они очистятся отъ крови. Такъ долженъ ты (Израиль) смывать у себя кровь невиннаго“ (Второзак. XXI, 1—9). Жизнь человека была священна; принципъ возмездія, по которому убійца предавался смерти, былъ примѣняемъ ко всѣмъ поврежденіямъ тѣла: „око за око, зубъ за зубъ“.

2. Святость собственности. Древніе законы о правахъ пользованія и собственности были сохранены новымъ законодательствомъ, и въ нѣкоторыхъ случаяхъ пополнены сообразно опыту. По закону Моисееву каждому дому долженъ быть предоставленъ участокъ земли въ странѣ, данной израильскому народу Іеговою, который оставался истиннымъ собственникомъ ея; этотъ участокъ былъ неотчуждаемымъ владѣніемъ при домѣ, и вмѣстѣ съ нимъ поступалъ послѣ отца въ наслѣдство старшему сыну, становившемуся главою рода. Остальное имущество дѣлилось между всѣми сыновьями; но старшій сынъ получалъ двойную долю (Второзак. XXI, 17), вѣроятно съ обязанностию содержать женъ отца и дать приданое тѣмъ дочерямъ его, которыя не вышли замужъ при его жизни. „Если у кого будутъ двѣ жены, одна любимая, а другая нелюбимая, и первенцемъ будетъ сынъ нелюбимой, то при раздѣлѣ имѣнія онъ не можетъ сыну жены любимой дать первенство передъ первороднымъ сыномъ нелюбимой“ (XXI, 15, 16). Сыновья паложницъ не были наслѣдниками, получали только то, что отецъ или наслѣдники захотятъ дать имъ. Дочери наслѣдовали только въ томъ случаѣ, если не было сыновей; дочери наслѣдницы должны были брать въ мужья себѣ людей изъ своего колѣна, чтобы наслѣдственные участки оставались во владѣніи людей того колѣна, въ области котораго находились. Для сохраненія рода было даже сдѣлано исключеніе изъ правилъ, которыми законъ (Книга Левитъ, глава XVIII) строго воспрещаетъ брани между близкими родными: „Если“ одинъ изъ братьевъ „умретъ, не имѣя у себя сына, то жена умершаго не должна выходить на сторону за чужака, но деверь ея долженъ взять ее себѣ въ жену, и первенецъ, котораго она родитъ, останется съ племенемъ брата его умершаго, чтобы имя его не изгладилось въ Израилѣ (Второзак. XXV, 5, 6). Если деверь откажется взять ее въ жену себѣ, она должна пойти къ воротамъ, гдѣ сидятъ старѣйшины, и объявить имъ объ этомъ; они призовутъ ея деверя. Она „сниметъ сапогъ съ ноги его“ (сниманіе обуви было символомъ отреченія отъ права владѣнія; иногда снималъ сапогъ самъ отрекающійся; книга Руевъ, IV, 7). Снявъ сапогъ съ его ноги, „плюнетъ въ лицо его и скажетъ: такъ поступаютъ съ человекомъ, который не создаетъ дома брату своему“ (Второзак. XXV, 7—9). Тогда обязанность левирата переходила на слѣдующаго ближайшаго родственника. Взавшій жену умершаго владѣлъ имуществомъ его до совершеннолѣтія наслѣдника, прижитаго съ его женою. Если братъ или слѣдующій за нимъ родственникъ ужъ имѣлъ жену, это не освобождаетъ отъ обязанности левирата. — Если у вдовы умершаго не родится сынъ, то родовой участокъ переходитъ къ ближайшему родственнику. Но собственникъ, не имѣющій сына, могъ распорядиться съ родовымъ участкомъ иначе: онъ могъ передъ смертью усыновить вѣрнаго слугу, и наслѣдство переходило къ усыновленному.

Израильяне должны были, давая ссуды израильянамъ, не брать процентовъ: „Не отдавай въ ростъ брату твоему (израильянину); иноземцу отдавай въ ростъ, а брату твоему не отдавай“ (Второзак. XXIII, 19, 20). Если Израиль будетъ исполнять заповѣди Господни, Господь благословитъ

Законъ о собственности.

Законъ о наслѣдствѣ.

Левиратъ.

Законъ о займѣ.

его изобиліемъ всего, такъ что иноземцы (напримѣръ финикійскіе купцы) будутъ брать у него займы, а самъ онъ не будетъ нуждаться брать займы у иноземцевъ: „откроетъ тебѣ Господь добрую сокровищницу свою, чтобы благословлять всѣ дѣла рукъ твоихъ; и будешь давать займы многимъ народамъ, а самъ не будешь брать займы“ (Второзак. XXVIII, 12). Запрещеніе брать проценты съ израильтянъ имѣло цѣлю охранить народъ отъ порабощенія кредиторами. Но заимодавцы все таки угнетали бѣдныхъ. Давать займы безъ процентовъ было не выгодно; потому Второзаконіе внушаетъ богатымъ, что помогать бѣднымъ ссудами — обязанность ихъ. „Не ожесточи сердца твоего и не сожми руки твоей предъ нищимъ братомъ твоимъ, но открой ему руку твою и дай ему займы, смотря по его нуждѣ, въ чемъ онъ нуждается“ (Второзак. XV, 7, 8). Было запрещено брать въ залогъ необходимѣйшія для бѣдныхъ вещи, какъ напримѣръ, жернова ручныхъ мельницъ; было запрещено удерживать въ залогъ долбе, чѣмъ до вечера, верхнюю одежду, которая служила на ночь одѣяломъ (Второзак. XXIV, 6, 12). Было запрещено требовать уплаты долга; повелѣвалось ждать, пока бѣднякъ самъ возвратитъ его (XXIV, 10, 11). Это были идеальныя постановленія, не примѣнявшіяся на практикѣ. Изобличенія пророковъ и описанія фактовъ въ книгѣ Іова показываютъ, что заимодавцы отнимали у бѣдныхъ самыя необходимыя вещи, напримѣръ, одежду, отнимали рабочаго вола или осла (Амосъ II, 8; книга Іова XXII, 6; XXIV, 3). Ссуды были даваемы подъ залогъ или подъ поруку. Если поручившійся за него не могъ уплатить долгъ въ срокъ, то попадалъ въ полную власть кредитора. Кредиторъ имѣлъ право взять себѣ даже и родовой участокъ должника, могъ и самого должника и его жену отвести къ себѣ въ домъ, и держать въ рабствѣ; могъ даже продать въ рабство другому. Мы имѣемъ много свидѣтельствъ, показывающихъ, что во времена упадка братской любви къ соплеменникамъ кредиторы безжалостно пользовались своими правами. Потому Второзаконіе постоянно говоритъ о милосердіи. — Есть во Второзаконіи постановленія противъ воровства, противъ плутовскаго перемѣненія межей. „Не нарушай межъ ближняго твоего, которую положили предки. Проклятъ нарушающій межъ ближняго своего!“ (Второзак. XIX, 14; XXVII, 17). Похитившій чужое долженъ отдать вдвое больше, нежели укралъ, если украденное осталось не испорчено; а если испорчено, то въ четыре раза или въ пять разъ больше. Если онъ не можетъ сдѣлать этой уплаты, то отдается въ рабство тому, у кого укралъ. Вора, застигнутаго на воровствѣ ночью, можно убить. Вошедши въ чужой виноградникъ, можно ѣсть виноградъ до-сыта; но уносить съ собою въ посудѣ не должно. Точно также, бѣдные могутъ на чужой нивѣ срывать колосья руками; но жать серпомъ не должны (Второзак. XXIII, 24, 25). Строго воспрещается похищать единоплеменниковъ: „Если найдутъ кого, что онъ укралъ кого-нибудь изъ братьевъ своихъ, изъ сыновъ израилевыхъ, и поработилъ его, и продалъ его, то такого вора должно предать смерти“ (XXIV, 7). Заблудившійся скотъ должно возвращать хозяину; если хозяинъ живетъ далеко или неизвѣстенъ, то беречь скотъ у себя, пока придетъ хозяинъ. Подобно этому должно поступать, найдши потерянную кѣмъ-нибудь вещь.

3. Святость домашняго быта. Въ древнемъ законѣ ужъ есть постановленія, ограждающія порядокъ въ семьѣ и освящающія семейную жизнь. Въ новомъ законодательствѣ они повторены и пополнены. И тамъ и здѣсь, все направлено къ упроченію власти отца семейства надъ всѣми въ его домѣ. Младшіе вообще должны уважать старшихъ: „Передъ лицомъ сѣдого вставай и почитай лицо старца“ (Левитъ, XIX, 32). Уважать родителей и повиноваться имъ — религіозная обязанность дѣтей. „Кто ударитъ отца своего или

Законъ про-
тивъ воровства
и плутовскаго
перемѣненія
межъ зна-
ковъ.

Права родите-
лей надъ дѣ-
ти.

мать, того должно предать смерти. Кто злословитъ отца своего или свою мать, того должно предать смерти.“ (Исходъ XXI, 15—17; Левитъ, XX, 9; Второзак. XXVII, 16). Но во Второзаконіи исполненіе этого наказанія не предоставляется власти самого отца: „Если у кого будетъ сынъ буйный и непокорный, то отецъ его и мать пусть приведутъ его къ старѣйшинамъ города своего, къ воротамъ; тогда всѣ жители города его пусть побьютъ его камнями до смерти“ (Второзак. XXI, 18—21). Отецъ семейства былъ владыкою надъ всѣми своими домашними. Онъ могъ продавать своихъ дочерей въ рабство; но лишь на опредѣленный закономъ срокъ, и не за предѣлы страны Израильской. Отдача дочери въ замужество имѣла форму продажи ея: женихъ покупалъ ее у отца. Отецъ получалъ выгоду отъ ея работы, и бралъ выкупъ за потерю работницы. Кажется, что обыкновенная величина выкупа въ позднѣйшія времена составляла 20—50 сиклей серебра (12—32 рубля золотомъ). Древній обычай, дѣлавшій дѣтей ответственными за вины отцовъ, былъ смягченъ Второзаконіемъ (XXIV, 16).

Власть домохозяина простиралась и на жену, какъ на дѣтей. Мужъ купилъ жену у ея отца или старшаго брата, уплатилъ выкупъ за нее скотомъ, вещами или своею службою; потому она была его собственностью. Но законъ Моисеевъ заключаетъ въ себѣ постановленія, имѣющія цѣлю освятить основаніе народной жизни, брачный союзъ, и защитить жену отъ произвола и обидъ мужа. Ему дозволяется имѣть нѣсколько женъ и увеличивать число своихъ дѣтей сожителемъ съ наложницами. Но брать въ жены должно только дочерей израильтянъ; израильтяне должны оставаться особымъ народомъ, не смѣшиваться съ язычниками (Книга Числъ XXIII, 9; Второзак. XXXIII, 28). Иноплеменницъ можно имѣть только наложницами, и то лишь тѣхъ, которыя попали въ домъ какъ военнопленныя, какъ рабыни. По мѣрѣ того, какъ народъ цивилизовался, многоженство выходило изъ обычая. До нѣкоторой степени уменьшалось оно и запрещеніемъ браковъ въ близкихъ степеняхъ родства (кроме обязанности левирата); это воспрещеніе уменьшало и гаремныя гнусности многоженства. За нарушеніе правилъ, запрещавшихъ браки въ близкихъ степеняхъ родства, наказаніемъ было побіеніе камнями. Запрещеніе шло много дальше тѣхъ степеней родства, въ которыхъ естественное чувство отвращается половыхъ отношеній; было запрещено вступать въ бракъ не только съ матерью, другими женами и наложницами отца, съ собственными дочерьми, внуками, сестрами, но и съ тетками по отцу или по матери, со вдовою дяди, съ овдовѣвшею или покинутою мужемъ женою сына, съ сестрами жены, съ падчерицами отца. Изъ понятія о женѣ, какъ о собственности мужа, происходило право мужа прогнать жену, „ненравящуюся очамъ его. Когда ослабѣла въ народѣ добросовѣстность, очень многіе мужья стали злоупотреблять этимъ правомъ. Во Второзаконіи сдѣлано постановленіе, имѣвшее цѣлю хоть нѣсколько ограничить вредныя слѣдствія злоупотребленія: кто „отпускаетъ“ жену, долженъ дать ей „разводное письмо“, чтобъ она имѣла свободу выйти за другаго мужа, и если второй мужъ тоже „отпуститъ“ ее или если она овдовѣетъ, прежній мужъ не можетъ снова взять ее въ жену себѣ. — Мужъ покупалъ жену какъ товаръ; слѣдовательно былъ въ правѣ требовать, чтобъ она имѣла тѣ качества, какія по формальному или подразумеваемому условію были обѣщаны ему въ ней; изъ нихъ самымъ главнымъ была дѣвическая невинность. Потому законъ Моисеевъ не ограничивается тѣмъ, что наказываетъ смертью за прелюбодѣяніе и невірную жену и любовника; онъ наказываетъ смертью и ту дѣвушку, которая при замужествѣ окажется не сохранившею цѣломудрія въ своемъ дѣвичесствѣ. Онъ строго требуетъ цѣломудрія отъ дѣвушекъ, отчасти по заботѣ собственно о нравственности, отчасти потому, что проституція была обыч-

Законъ о бра-
кѣ.

Законъ о цѣ-
ломудріи.

емъ сирійскаго язычества. Придавая очень большую важность цѣломудрію дѣвушекъ, законъ долженъ былъ имѣть и постановленія для защиты ея.

Такое постановленіе Второзаконія: «Если кто встрѣтится съ дѣвицею необрученною и ляжетъ съ нею, и застанутъ ихъ, то долженъ дать отцу отроковицы пятьдесятъ сиклей серебра, а она пусть будетъ его женою», и «во всю жизнь свою онъ не можетъ развестись съ нею» (Второзак. XXII, 28, 29). Второзаконіе охраняетъ и молодую женщину отъ клеветы: «Если кто возьметъ жену и укажетъ: я не нашелъ у нея дѣвства», и если родители ея докажутъ передъ старѣйшинами, что она вышла замужъ цѣломудренною дѣвицею, то «старѣйшины пусть возьмутъ мужа и накажутъ его, и наложатъ на него сто сиклей серебра пени, и отдадутъ отцу отроковицы; она же пусть останется его женою, и онъ не можетъ развестись съ нею во всю жизнь свою» (XXII, 13—19).

Законы о нарушении брачныхъ обязанностей.

По древнему обычаю, нарушеніе брачныхъ обязанностей было преступленіемъ противъ общественнаго порядка, и наказаніемъ за него было побиеніе камнями. Замужняя женщина или обрученная дѣвушка, не сохранившая вѣрности мужу или жениху, избавлялась отъ смерти только въ томъ случаѣ, если преступленіе было совершено за городомъ, въ пустомъ мѣстѣ; тогда это могло быть изнасилованіемъ ея: она, быть можетъ, «кричала, но некому было спасти ее» (Второзак. XXII, 23—27). Отъ подозрѣнія въ измѣнѣ мужу женщина могла избавиться судомъ божіимъ. Мужъ, сомнѣвающійся въ вѣрности жены, долженъ былъ привести ее къ священнику; священникъ приготавлилъ жертву ревнованія или «приношеніе ревнованія» изъ ячменной муки, принесенной для этого мужемъ, велъ женщину въ храмъ, ставилъ ее передъ завѣсою Святаго Святыхъ, почерпалъ изъ колодезя, бывшаго при храмѣ, святой воды, въ глиняный сосудъ, бралъ съ пола храма нѣсколько пыли, клалъ въ воду, повелѣвалъ женщинѣ открыть голову, давалъ ей держать въ рукахъ приношеніе ревнованія, говорилъ: «Если ты не измѣнила мужу своему, то невредима будешь отъ сей горькой воды (отъ этой воды горя, скорби); но если ты измѣнила мужу своему, да пройдетъ вода сія, наводящая проклятіе, во внутренность твою, чтобы опухъ животъ твой и опало лоно твое». Женщина должна была сказать: «аминь» (да будетъ такъ). Священникъ писалъ на свиткѣ произнесенныя имъ слова заклинанія, смывалъ ихъ со свитка въ горькую воду, давалъ женщинѣ выпить ее, и приносилъ жертву ревнованія. «Тогда, если она (женщина) сдѣлала преступленіе противъ мужа своего», опухало «чрево ея», опадало «лоно ея»; «если же жена была чиста», то оставалась невредимою. (Второзак. V, 12—28).

Положеніе женщины.

Законъ и религія не могли совершенно устранить изъ жизни еврейскаго народа восточныя понятія о женщинѣ и восточные семейные обычаи; но все таки положеніе женщины у евреевъ было гораздо благороднѣе и свободнѣе, чѣмъ у другихъ восточныхъ народовъ. Уже одно то, что многоженство было лишь терпимо религіею, какъ старинный обычай, а не освящаемо ею, служить доказательствомъ, что воззрѣнія евреевъ на женщину были лучше общихъ восточныхъ. Женщины пользовались свободою. Нѣкоторые изъ нихъ были даже пророчицами, были поэтессами; онѣ участвовали въ народныхъ праздникахъ; оживляли ихъ своимъ пѣніемъ, танцами, игрою на музыкальныхъ инструментахъ. Все домашнее хозяйство было въ ихъ рукахъ: онѣ ткали, шили одежду, пекли хлѣбъ, готовили кушанье: онѣ ходили за водою. Вообще, онѣ ходили по улицамъ съ открытымъ лицомъ и не были устранены отъ общества мужчинъ. Когда праздновалась свадьба, отецъ и мать невѣсты, послѣ веселаго пира, сами приводили ее, нарядную,

въ брачную комнату. Въ еврейской литературѣ постоянно говорится, что мужчина долженъ рано жениться; это показываетъ, что нравственная жизнь народа была вообще хороша.

Непосредственную связь съ домашнимъ бытомъ евреевъ имѣетъ рабство. Оно было такъ привычно всѣмъ народамъ древности, что не могло не существовать и у евреевъ. Въ каждомъ богатомъ домѣ было много рабовъ. Они считались частью имущества. Большинство ихъ составляли люди хананейскаго происхожденія или плѣнные, или похищенные, или купленные у торговцевъ невольниками. Но были въ числѣ рабовъ и евреи: должники, взятые въ рабство; жены и дѣти должниковъ, отданные мужьями и отцами въ уплату долга; воры, которые не имѣли средствъ уплатить штрафъ; были и такіе, которые по бѣдности или нравственному упадку добровольно отдались въ рабство, чтобы избавиться отъ заботы о пропитаніи. Дѣти рабовъ были рабы; число этихъ рабовъ по рожденію было велико. — Рабы исполняли и полевые и домашнія работы. Евреи такъ привыкли имѣть рабовъ, что священническій кодексъ не могъ требовать уничтоженія рабства. Но онъ всячески старался смягчить его, ввести гуманность въ отношенія господъ къ рабамъ. Онъ постановляетъ, что всѣ рабы должны получать обрѣзаніе, то есть, быть причисляемы къ народу израильскому, къ избранному народу божію; должны пользоваться покоемъ для субботняго, быть участниками религиозныхъ праздниковъ. Онъ ограничиваетъ произволъ господина истязать и убивать раба, постановляя, что если рабъ умретъ отъ наказанія, то господинъ его самъ подвергается наказанію, а если онъ изувѣчилъ раба, то рабъ получаетъ свободу. Рабъ еврей имѣлъ нѣкоторыя особенныя преимущества; это соответствовало общему характеру воззрѣній всѣхъ народовъ древности: повсюду въ древнемъ мірѣ законы для соплеменниковъ были иные, чѣмъ для людей другихъ племенъ. По священническому кодексу, родственники раба-израильянина имѣли право выкупить его; а господинъ долженъ былъ держать его не какъ раба, а какъ наемнаго слугу (Книга Левитъ XXV, 39—42). Второзаконіе требуетъ, чтобы рабъ и рабыня еврейскаго происхожденія были послѣ шести лѣтъ службы отпускаемы на волю, и притомъ съ вознагражденіемъ за службу: «Не отпусти его съ пустыми руками, но снабди его отъ стада твоихъ и отъ гумна твоего и отъ точила твоего; помни, что и ты былъ рабомъ въ землѣ египетской, и избавилъ тебя Господь, Богъ твой» (Второзак. XV, 12—15). Но если рабъ не хочетъ воспользоваться освобожденіемъ, которое приноситъ ему седьмой годъ, и предпочитаетъ остаться въ рабствѣ, «то пусть господинъ приведетъ его предъ судей, и поставитъ его къ двери и проколетъ ему ухо шиломъ, и онъ останется рабомъ его вѣчно» (Исходъ XXI, 6). Рабы, успѣвшіе убѣжать въ другой городъ, не должны быть выдаваемы господамъ. Конечно, это были постановленія идеальныя, встрѣчавшія много препятствій своему осуществленію.

Стараясь улучшить и смягчить отношенія домовладыки ко всѣмъ, зависящимъ отъ него, даже и къ рабамъ, законъ Моисеевъ внушалъ израильтянамъ обязанность быть сострадательными, гуманными и относительно жившихъ между ними иноземцевъ, тѣмъ болѣе, относительно бѣдныхъ и беззащитныхъ людей одного съ ними племени. Второзаконіе говоритъ: «Когда будешь жать на полѣ твоемъ, и забудешь снопы на полѣ, то не возвращайся взять его; пусть онъ остается пришельцу, сиротѣ и вдовѣ. Когда будешь обивать маслину твою, то не пересматривай за собою вѣтвей (не остались ли на нихъ необитыя маслины); когда будешь снимать плоды въ виноградникъ твоемъ, то не собирай остатковъ за собою: пусть остается пришельцу, сиротѣ и вдовѣ» (XXIV, 19—21). Углы нивъ тоже долж-

Положеніе рабовъ.

Забота о бѣдныхъ и объ иноземныхъ поселенцахъ.

но оставлять не вполне сжатыми, чтобы бѣдные могли взять на нихъ нѣсколько хлѣба. Наемному работнику „въ тотъ же день отдай плату его, чтобы солнце не зашло прежде того, ибо онъ бѣденъ, и ждетъ ея душа его“ (XXIV, 15). Имѣющихъ физическіе недостатки и больныхъ законъ Моисеевъ тоже принимаетъ подъ свою защиту: „Не злословь глухаго, и предъ слѣпымъ не владь ничего, чтобы преткнуться ему“ (Левитъ XIX, 14). „Проклятъ, кто слѣпнаго сбиваетъ съ пути“. (Второзак. XXVII, 18). Должно быть милосерднымъ и относительно животныхъ. Рабочій скотъ долженъ имѣть отдыхъ въ день субботній. „Не заграждай рта вогу, когда онъ молотитъ“. (Второзак. XXV, 4). Вынимая изъ гнѣзда птенцовъ, „не бери матери вмѣстѣ съ дѣтьми; мать пусти“ (Второзак. XXII, 6, 7). Даже относительно иноплемениковъ есть постановленія гуманныя. Какъ ни сильна настойчивость, съ какою законъ Моисеевъ поддерживаетъ національную ненависть къ хананейскимъ племенамъ, повелѣвая при взятіи хананейскихъ городовъ убивать всѣхъ мужчинъ, и ставя въ заключеніе длиннаго ряда правилъ справедливости повелѣніе истребить амалекитянъ (Второзак. XXV, 17—19), но все таки онъ провозглашаетъ принципъ, что должно съ любовью помогать всѣмъ нуждающимся, безъ различія племени, всѣмъ вдовамъ, сиротамъ и пришельцамъ: „Господь, Богъ вашъ, любитъ пришельца; любите и вы пришельца, ибо сами были пришельцами въ землѣ египетской“ (Второзак. X, 17—19). „Проклятъ, кто превратно судитъ пришельца, сироту и вдову“. (Второзак. XXVII, 19).

Г. ОБЗОРЪ ЕВРЕЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

(Собраніи книгъ Ветхаго Завета).

Позднѣйшая исторія іудейскаго народа и государства тѣсно соединена съ исторіею государствъ, основанныхъ македонянами, и Рима; потому мы отложимъ разсказъ о ней до третьяго тома нашей книги. Здѣсь мы продолжимъ до начала нашей христіанской эры обзоръ только одной стороны жизни іудейскаго народа, литературной и вообще умственной дѣятельности его. Мы видѣли, что нравственными руководителями израильтянъ были пророки, послѣ пророковъ священники, а впослѣдствіи ученые богословы и специалисты по каноническому праву, «книжники». Эти ученые составили сборники памятниковъ письменной дѣятельности пророковъ и священниковъ, собрали священныя книги еврейскаго народа, «Книги Ветхаго Завета», какъ стали впослѣдствіи называть это собраніе священныхъ еврейскихъ книгъ христіанскіе учителя вѣры.

Три отдѣла
Собранія Книгъ
Ветхаго За-
вета.
Когда трудами Эздры и его преемниковъ еврейскіе законы получили свою окончательную форму, всѣ сколько нибудь значительныя еврейскія общины приобрѣли себѣ списки закона и устроили у себя чтенія этого закона, какъ было сдѣлано Эздрою и Нееміею въ Іерусалимѣ. Чтеніе и объясненіе его стало одною изъ главныхъ частей богослуженія,

совершавшагося въ іудейскихъ молитвенныхъ домахъ (синагогахъ). Послѣ, когда разговорнымъ языкомъ у іудеевъ сталъ сирійскій, а еврейскій сдѣлался мало понятенъ имъ, къ чтенію еврейскаго подлинника присоединилось чтеніе сирійскаго перевода. Въ синагогахъ читали «Законъ», то есть «Книги Моисеевы», «Пятикнижіе» (по гречески: «Пентатевхъ»). Это и было первое собраніе еврейскихъ священныхъ книгъ, называемое по-еврейски «Тора». Прежде, «Тора» было названіемъ рѣчей пророковъ; послѣ, стали давать это названіе закону, обнародованному Іосіею; теперь, дали его Пятикнижію Моисееву. Съ «Пятикнижіемъ» имѣетъ тѣсную связь Книга Іисуса Навина; ученымъ часто приходится говорить о Пятикнижіи и о ней вмѣстѣ; тогда они употребляютъ выраженіе «Шестикнижіе» («Гексатевхъ», терминъ составленный по образцу термина Пентатевхъ). Книга Іисуса Навина составляетъ посредствующее звено между Пятикнижіемъ и послѣдующими священными историческими книгами. Книги Моисеевы написаны въ духѣ пророческомъ; но съ тѣмъ вмѣстѣ, даютъ историческій разсказъ. Потому, когда іудейскіе ученые стали собирать историческія книги и книги пророковъ, то соединили тѣ и другія въ одно собраніе, которому дали общее названіе книгъ пророковъ. Это было второе собраніе священныхъ книгъ. Историческія книги, вошедшія въ составъ его, іудейскіе ученые называли «книгами старшихъ пророковъ»; то были: Книга Іисуса Навина, Книга Судей, Книга Самуила (Двѣ первыя Книги Царствъ, по переводу Семидесяти Толковниковъ) и Книги Царствъ (Третья и Четвертая Книги Царствъ, по переводу Семидесяти Толковниковъ). Книги собственно пророческія, вошедшія въ составъ втораго собранія, іудейскіе ученые называли «книгами младшихъ пророковъ»; это были книги трехъ «великихъ пророковъ» (Исаи, Іереміи, Іезекіиля) и двѣнадцати «малыхъ пророковъ» (Осѣи, Іоиля, Амоса, Авдія, Іоны, Михея, Наума, Аввакума, Софоніи, Аггея, Захаріи, Малахіи). По названіямъ этихъ двухъ первыхъ частей собранія книгъ Ветхаго завета, оно и въ полномъ своемъ составѣ часто называется въ книгахъ Новаго завета: «Законъ и Пророки». Къ двумъ первымъ частямъ была присоединена третья, составленная изъ книгъ, общее названіе для которыхъ затруднялись найти іудейскіе ученые. Иногда (какъ напримѣръ въ Евангеліи отъ Луки, XXIV, 44), все третье собраніе называемо было, по имени главной книги его, «Псалмами», то есть «Гимнами»; впослѣдствіи, оно называлось просто «Писаніями». Въ этомъ третьемъ собраніи, составившемъ третью часть собранія всѣхъ священныхъ книгъ Ветхаго Завета, находились: Книга Псалмовъ, Книга Притчей Соломоновыхъ, Книга Іова, и, какъ особый отдѣлъ, «Свитки»: Книга Пѣсни Пѣсней, Книга Руоу, Книга Плача Іереміи, Книга Экклезіаста и Книга Эсѣрь. Въ составъ этого же третьяго собранія вошли: Книга пророка Даниила и историческія книги: Книга Эздры, Книга Нееміи, Книга Паралипоменонъ. Такимъ

образомъ, когда составлялось третье собраніе, второе было ужъ закончено, такъ что позднѣйшія книги, принадлежавшія къ историческимъ и пророческимъ, были присоединены не къ историческимъ и пророческимъ книгамъ второго собранія, а къ Псалмамъ и другимъ книгамъ третьяго сборника. Такимъ образомъ, іудейское раздѣленіе священныхъ книгъ Ветхаго завѣта на три части показываетъ намъ, въ какомъ порядкѣ были собираемы онѣ.

Три группы книгъ Ветхаго Завѣта. Впрочемъ, насъ интересуетъ здѣсь не столько самая исторія этой дѣятельности іудейскихъ ученыхъ, повидимому еще не бывшей вполне законченою во время Христа, сколько развитіе іудейской литературы, почти всѣ книги которой принадлежатъ періодамъ іудейской исторіи, уже рассказаннымъ нами. Если считать время отъ возникновенія первыхъ источниковъ этой литературы, то развитіе ея продолжалось цѣлую тысячу лѣтъ. Обзоръ ея книгъ удобнѣе будетъ вести не по порядку ихъ распредѣленія у іудеевъ, а по другому, болѣе систематическому, въ какомъ расположены онѣ въ греческомъ, въ латинскомъ и другихъ западныхъ переводахъ.

1. ИСТОРИЧЕСКІЯ КНИГИ.

Еврейскія преданія. Еврейскія преданія отличаются отъ преданій другихъ древнихъ народовъ тѣмъ, что въ нихъ нѣтъ грубой чувственной фантастичности. Отъ нея предохраняло израильтянъ поклоненіе Іеговѣ. Ихъ преданія не міеы о приключеніяхъ фантастическихъ существъ, а рассказы о жизни людей. Основы, на которыхъ разрослись ихъ сказанія, принадлежатъ міру дѣйствительности. Очень изобильнымъ источникомъ происхожденія еврейскихъ преданій служили имена лицъ и мѣстностей. Камни и жертвенники, колодези и деревья возбуждали въ евреяхъ воспоминанія о предкахъ, и становились центрами, около которыхъ слагались легенды.

Ходъ развитія сказаній. Преданія израильтянъ—преданія народа, живущаго въ Ханаанѣ. Событія жизни Авраама группируются, главнымъ образомъ, около Хеврона; Іаковъ живетъ въ Сихемѣ и его окрестностяхъ. Черты патриархальнаго быта съ большою живостью обрисовываются рассказами о жизни предковъ Израильскаго народа.

Изустная передача преданій. Эти рассказы о предкахъ сохранялись въ продолженіе вѣковъ памятью поколѣній, изустно передававшихъ одно другому свои свѣдѣнія о прошломъ. Они глубоко впечатлѣлись въ народномъ сознаніи, потому долго оставались незаписанными и въ тѣ времена, когда Израильскій народъ ужъ умѣлъ писать; для чего было записывать то, что знали всѣ? Точно также, долго оставались незаписанными законы: это были народные обычаи, всѣмъ и безъ того извѣстные. Лишь когда

жизнь народа стала подвергаться большимъ перемѣнамъ, и явилось опасеніе, что изъ-за новаго можетъ позабыться старое, могутъ утратиться или ослабѣть преданія отцовъ, явилась и необходимость записывать ихъ.

Это началось во времена Самуила, и получило болѣе обширное развитіе во времена царей, когда прежняя простота быта стала замѣняться болѣе сложными формами жизни цивилизованнаго государства. Въ Пятикнижии мы находимъ цитату изъ «Книги браней Господнихъ». (Въ своемъ странствованіи по пустынѣ, израильтяне, отправившись изъ долины Заредъ, «остановились у той части Арнона въ пустынѣ, которая течетъ внѣ предѣловъ Аморея; ибо Арнонъ граница Моава, между Моавомъ и Амореємъ. Потому и сказано въ Книгѣ браней Господнихъ: Вагебъ въ Суфѣ и потоки Арнона, и верховье потоковъ, которое склоняется въ Шебетъ-Ару и прилегаетъ къ предѣламъ Моава». Книга Числъ XXI, 13—15).

Книга Бытія состоитъ, главнымъ образомъ, изъ рассказа объ исторіи праотцевъ народа Израильскаго. Законодательная часть Книги Второзаконія—тотъ кодексъ, который былъ обнародованъ Іосіею. Законодательные отдѣлы второй половины Книги Исходъ, Книга Левитъ и законодательные отдѣлы Книги Числъ составляли «священническій кодексъ», прочтенный народу Эздрою.—Іезекіиль вообще слѣдуетъ Второзаконію. Онъ развиваетъ идеи Второзаконія въ томъ же направленіи, какъ развиваются онѣ въ священническомъ кодексѣ; но едва ли знаетъ его. Вавилонскій отдѣлъ Книги пророка Исаи знаетъ только Второзаконіе. Неемія знаетъ все Пятикнижіе.

Книга Іисуса находится въ тѣсной связи съ Второзаконіемъ.

О временахъ отъ Іисуса Навина до Самуила у израильтянъ было мало письменныхъ извѣстій, принадлежавшихъ тому періоду. Главнымъ матеріаломъ для составленія Книги Судей были изустные рассказы, переходившіе отъ поколѣнія къ поколѣнію, и старинныя пѣсни, какъ на примѣръ, пѣснь Деворы. Рассказы Книги Судей полны поэтической наглядности и свѣжести, жизненности и реальности; очевидно, что они записаны во всей своей народной подлинности. Они записаны были, какъ отдѣльные рассказы, во времена царей, а соединены въ одну книгу вѣроятно во время плѣненія вавилонскаго, и, во всякомъ случаѣ, одновременно съ Книгами Царствъ и въ связи съ ними. Древнѣйшія части Книгъ Царствъ принадлежатъ, вѣроятно, временамъ Исаи. — Рассказы въ Книгѣ Судей записаны съ точностію, и сохранили свой первоначальный народный характеръ; но они соединены между собою теократическимъ прагматизмомъ, подведены подъ священническое и пророческое воззрѣніе, по которому отпаденіе отъ Іеговы ставится причиною всѣхъ бѣдствій, раскаяніемъ и обращеніемъ къ Богу пріобрѣтается помощь Божія, избавляющая отъ бѣдъ. А при самомъ записываніи

Книга Судей.

разказовъ народа они ужь были подведены подъ ту мысль, что безпорядокъ и беззаконія, господствовавшія во времена судей, свидѣлствуютъ противъ республиканской анархіи, обнаруживаютъ превосходство монархической формы правленія. Эта мысль составляла первую связь между разказами; при соединеніи ихъ въ одну книгу, вложенная въ нее теократически-прагматическая идея прибавила новыя звенья связи къ прежнимъ.

Книги Царствъ.

Когда іудеи плакали на рѣкахъ вавилонскихъ, то вѣроятно многіе изъ нихъ раздумывали объ исторіи своего народа, искали отрады печальному настоящему во временахъ величія и счастья отцовъ, находили въ немъ полезные уроки, которыми слѣдуетъ воспользоваться. Плѣнники изучали поэтическія преданія и прозаическія лѣтописи, которыя унесли съ собою въ страну изгнанія, перерабатывали лѣтописи царства по идеямъ пророковъ своего времени; дѣлали извлеченія изъ прежнихъ историческихъ книгъ, выбирая изъ нихъ полезнѣйшіе, поучительнѣйшіе для настоящаго времени эпизоды. Такимъ образомъ составились «Книги Самуила» (Первая и вторая Книги Царствъ) и тѣ книги, которыя у іудеевъ называются собственно «Книгами Царствъ» (Третья и Четвертая Книги Царствъ). Какъ въ Книгѣ Судей, написанной въ тѣ же времена, такъ и въ этихъ книгахъ, разказы были соединены между собою теократическимъ прагматизмомъ и изложены въ духѣ понятій священниковъ и пророковъ. Прежнія бѣды и настоящее бѣдственное положеніе были объяснены какъ праведныя наказанія божіи за нарушеніе заповѣдей завѣта, за отпаденія отъ Господа, за идолопоклонство; это должно было вести къ мыслямъ о раскаяніи, вѣрномъ служеніи Господу, какъ о единственномъ средствѣ умилостивить прогнѣваннаго Господа, о единственномъ пути къ возстановленію царства іудейскаго въ прежнемъ блескѣ величія.

Лѣтописи царей израильскихъ и царей іудейскихъ.

Книги Царствъ составлены по письменнымъ матеріаламъ; нѣкоторые изъ этихъ матеріаловъ извѣстны намъ изъ указаній на нихъ, находящихся въ самыхъ книгахъ Царствъ; о нѣкоторыхъ другихъ знаемъ по самому содержанию разсказываемаго. Такими матеріалами были: 1) Лѣтописи царей израильскихъ и царей іудейскихъ. Онѣ составлялись придворными исторіографами. Это были, главнымъ образомъ, своды извлеченій изъ официальныхъ реестровъ и документовъ: перечни событій, распоряженій, построекъ; списки придворныхъ сановниковъ, военачальниковъ, членовъ царскаго рода и т. п. Работа по составленію лѣтописи шла, вѣроятно, во все время правленія царствующаго государя и завершалась немедленно по его смерти. Эти лѣтописи содержали въ себѣ множество историческихъ данныхъ, и сообщаемыя ими свѣдѣнія, безъ сомнѣнія, записывались въ нихъ съ документальной точностью, такъ что были вполне достоверны. Но это были краткія, сухія замѣтки и списки, безсвязные перечни; подробныхъ, живыхъ разказовъ не было въ лѣтописяхъ царей. 2) Древнія пѣсни; быть можетъ, и историческіе разказы о жизни и рѣчахъ древнихъ пророковъ, какъ напримѣръ, Самуила, Наана, и въ особенности Іліи и Елисея. Помѣщенные въ 3-ей и 4-ой книгахъ Царствъ разказы объ Іліи

и Елисея рѣзко отличаются своею подробностью отъ перерываемыхъ этими обширными вставками выписокъ изъ лѣтописей. 3) Семейные мемуары и разказы изъ жизни Давида и его потомковъ. Мы имѣемъ прекрасный памятникъ старой еврейской литературы, принадлежащій къ этому классу историческихъ произведеній, милый разказъ о Руені, собиравшей колосья на нивѣ Вооза. Эта легенда, передаваемая съ поэтической безыскусственностью, имѣетъ своею цѣлью объяснить важное обстоятельство въ родословной Давида. Записана она довольно поздно, какъ показываетъ то, что въ языкѣ ея встрѣчаются слѣды халдейскаго вліянія. Эта граціозная картинка изъ тихаго, свѣтлаго, скромнаго семейнаго быта поселенъ возникла, вѣроятно, около 500 года. „То было время, когда Зоровавель, потомокъ Давида, оказалъ великія услуги возвратившимся въ Іерусалимъ іудеямъ, и въ особенности много содѣйствовалъ построенію храма“, говоритъ Мейеръ: „Объединившіе потомки Давида не могли тогда имѣть никакихъ другихъ притязаній, кромѣ того, чтобы пріобрѣтать уваженіе народа качествами своего характера и быть нравственною опорою націи. Этимъ положеніемъ Зоровавеля проще всего объясняется происхожденіе идилическаго разказа о Руені“. Въ тѣ времена у іудеевъ было въ обычаѣ жениться на иноплеменницахъ (книга Эздры, глава IX); потому-то, говоритъ Мейеръ, разказъ о Руені не находитъ ничего предосудительнаго въ происхожденіи рода Давидова отъ моавитянки. Если бы разказъ былъ написанъ послѣ реформы Эздры, это не могло бы быть такъ.

Книга Руені.

Всѣ историческія книги Ветхаго Завѣта имѣютъ въ большей или меньшей степени ту особенность, что сужденія о людяхъ, событіяхъ (по еврейскимъ и обычаяхъ прошлыхъ вѣковъ дѣлаются въ нихъ по понятіямъ, какія господствовали во время ихъ составленія. Онѣ переносятъ въ прошлое идеи настоящаго; потому онѣ даютъ точныя свѣдѣнія о нравахъ и понятіяхъ той эпохи, когда написаны; но характеръ изображаемаго въ нихъ прошлаго раскрывается намъ, лишь когда мы будемъ составлять себѣ понятія о немъ по сообщаемымъ ими фактамъ, а не по оцѣнкамъ этихъ фактовъ ими. Оцѣнки эти сдѣланы на основаніи Второзаконія при переработкѣ историческаго матеріала, результатомъ которой были «книги Самуила» (двѣ первыя книги Царствъ, по заглавію ихъ въ греческомъ переводѣ) и «книги Царствъ» (3-ья и 4-ая книга Царствъ, по греческому переводу). Эта переработка произведена была около половины VI вѣка. Царь Іехонія, жившій плѣнникомъ въ Вавилонѣ, тогда ужь умеръ. Итакъ работа составленія «книгъ Самуила» и «книгъ Царствъ» была закончена не раньше второй половины времени плѣненія вавилонскаго. Главною цѣлью переработки было подведеніе разказа «царскихъ лѣтописей» подъ религіозную точку зрѣнія. Для этого въ ихъ изложеніе были вставлены замѣтки, объяснявшія ходъ событій, сообразно теократическимъ идеямъ и воззрѣніямъ пророковъ. Излагая исторію народа по раздѣленію его на два царства, составитель разказа часто довольствовался краткими извлеченіями изъ лѣтописей, отбрасывая почти все, что говорилось въ нихъ о войнахъ, постройкахъ и другихъ мірскихъ дѣлахъ царей и ихъ личной жизни; по обыкновенію семитическихъ

заглавіямъ: «книги Самуила» и собственно «книги Царствъ»).

историковъ, онъ соединялъ въ концѣ біографіи царя общія замѣчанія о его царствованіи: свѣдѣнія о его дворѣ, его женахъ и дѣтяхъ, его образъ жизни. Но то, что говорилось въ лѣтописяхъ о религиозныхъ дѣлахъ и въ особенности о храмѣ, составитель книгъ Царствъ переписывалъ въ свой рассказъ и прибавлялъ свое сужденіе объ этихъ фактахъ; съ его точки зрѣнія, все несогласное съ Второзаконіемъ было отпаденіемъ отъ служенія Іеговѣ. Потому, только два изъ іудейскихъ царей, Эзекиа и Іосія, оказываются у него сохранявшими вѣрность Іеговѣ; всѣ остальные цари іудейскіе и всѣ безъ исключенія цари израильскіе являются съ его точки зрѣнія преступными передъ Іеговою, и оба царства погибли за эти беззаконія. —Послѣдній отдѣлъ послѣдней книги, рассказъ о царствованіи Седекіи и о гибели царства іудейскаго написанъ самимъ составителемъ этихъ книгъ.

Позднѣйшія
историческія
книги.

Черезъ много времени послѣ того, какъ былъ сооруженъ Эздрою и Неемію Новый Іерусалимъ,—въ то время, когда персидское владычество было близко къ паденію, а быть можетъ и позднѣе его паденія, одинъ изъ служителей храма, левитъ, пожалуй — пѣвецъ или привратникъ, изложилъ исторію своего народа съ іерархической точки зрѣнія, сосредоточивая свое вниманіе исключительно на религиозныхъ дѣлахъ, на дѣлахъ духовенства и храма Іерусалимскаго. Его трудъ состоитъ изъ трехъ отдѣловъ: первый отдѣлъ—это двѣ книги Паралипоменонъ; второй отдѣлъ—непосредственное продолженіе второй книги Паралипоменонъ, книга Эздры; третій отдѣлъ—книга Нееміи. Это произведеніе новаго періода возрѣній, произведеніе такой эпохи, когда іудейскіе ученые интересовались ужъ только религиозною стороною жизни своихъ предковъ; когда отъ славнаго прошедшаго израильскаго народа уцѣлѣло только богослуженіе въ Іерусалимскомъ храмѣ, и любовь народа къ своей національности стала любовью къ Іерусалимскому храму. Въ книгахъ Паралипоменонъ исторія іудеевъ до паденія царства переработана въ духъ прочно установившихся понятій новаго іудейскаго народа. Сообразно этимъ понятіямъ, въ книгахъ Паралипоменонъ получаютъ чрезвычайно важное значеніе родословные списки; въ особенности, родословная дома Давидова и родословная первосвященническаго рода. Историческая жизнь націй, подъ властью которыхъ жилъ новый іудейскій народъ, была не интересна и непонятна ему. Его взоры были устремлены на храмъ, его мысли сосредоточены на ожиданіи, что Господь возстановитъ прежнее величіе Іерусалимскаго царства; онъ проводилъ свою замкнутую жизнь въ усердномъ исполненіи религиозныхъ формальностей. Книги Паралипоменонъ, какъ названы онѣ въ греческомъ переводѣ, или, какъ собственно называются, — «Книги Лѣтописи», смотрятъ на всю исторію человечества исключительно съ точки зрѣнія іудейской національности. Начинаясь исторіею человечества, рассказъ скоро

входитъ въ узкія границы исторіи народа іудейскаго, вводитъ ее въ тѣсныя предѣлы Іерусалима и его окрестностей и становится наконецъ исторіею храма Іерусалимскаго, его богослуженія, его праздниковъ, его духовенства. Храмъ и духовенство — главные, собственно говоря, единственные предметы вниманія составителя этой хроники. Онъ съ очевидною радостью останавливается на рассказахъ о тѣхъ царяхъ и герояхъ, которые оказали услуги храму и духовенству, на тѣхъ событіяхъ, которыми доказана неприкосновенная святость храма. Когда рѣчь идетъ объ этомъ, онъ одушевляется, онъ безъ сокращеній переписываетъ изъ своихъ источниковъ самыя подробныя описанія. Источниками для него служили: во первыхъ, Пятикнижіе и книга Іисуса Навина, которыя онъ считаетъ ужъ общеизвѣстными и изъ которыхъ поэтому не переписываетъ почти ничего, кромѣ родословныхъ; во вторыхъ, сводъ тѣхъ лѣтописей царей израильскихъ и іудейскихъ, откуда ужъ почерпалъ свои рассказы составитель книгъ Царствъ; онъ переписывалъ изъ нихъ очень много; этимъ и прямыми заимствованіями извѣстій о царяхъ іудейскихъ изъ книгъ Царствъ объясняется то, что многія мѣста въ книгахъ Паралипоменонъ буквально сходны съ оотвѣтствующими мѣстами книгъ Царствъ.

Книга Эздры и книга Нееміи составлены, какъ мы ужъ говорили, тѣмъ же левитомъ, который написалъ книги Паралипоменонъ. Материалами, по которымъ составилъ онъ эти отдѣлы своего труда, были: подробные списки іудеевъ, возвратившихся изъ плѣненія; подлинныя, написанныя на арамейскомъ языкѣ, акты о прекращеніи постройки храма и о возобновленіи ея, и, всего болѣе, мемуары Эздры и Нееміи; Эзра въ своихъ мемуарахъ рассказывалъ главнымъ образомъ о религиозныхъ дѣлахъ и о постройкѣ храма, Неемія—о состояніи Іерусалима и гражданскихъ дѣлахъ. —Кодексъ, обнародованный Эздрою, служить для составителя книгъ Паралипоменонъ, Эздры и Нееміи нормою сужденій обо всѣхъ временахъ, даже самыхъ давнихъ. Въ книгахъ Царствъ прошлое оцѣнивается, какъ мы видѣли, на основаніи Второзаконія; въ книгахъ Паралипоменонъ точно также все оно оцѣнивается съ точки зрѣнія священническаго кодекса.

Книга Эсфирь, которою заканчивается историческій отдѣлъ еврейской литературы, рассказываетъ о томъ, какъ при персидскомъ царѣ Агасверѣ (Ксерксѣ) іудей, по заступничеству своей единоплеменницы, Эсфири, сдѣлавшейся женою царя, избавились отъ грозившей имъ гибели и отмстили своимъ врагамъ, главнымъ изъ которыхъ былъ Аманъ.

Книга Эсфирь написана вскорѣ послѣ паденія персидскаго царства, іудеемъ, хорошо знавшимъ персидскіе обычаи и жизнь персидскаго двора. Она объясняетъ происхожденіе іудейскаго праздника пуримъ.

Книги Паралипоменонъ (книги лѣтописи).

Книга Эсфирь.

II. ПОЭТИЧЕСКІЯ КНИГИ.

Древняя народная поэзія. Древнѣйшую поэзію евреевъ составляли народныя пѣсни и народныя притчи. И въ послѣдствіи у нихъ развились только два вида поэзіи: лирической и дидактической. О еврейской дидактикѣ или «мудрости» («Хокма») мы будемъ говорить въ слѣдующемъ отдѣлѣ. Здѣсь мы займемся тѣми непосредственными изліяніями чувствъ, которыми высказывалась жизнь души въ минуты волненій сердца. Когда душевное возбужденіе производимо было историческими событіями, пѣсни, порожденные ими, сохраняли память прошлаго у потомковъ; нѣсколько такихъ пѣсень внесены въ историческія книги евреевъ. У евреевъ было много пѣсень объ историческихъ событіяхъ; во времена царей были составлены сборники ихъ. Мы знаемъ изъ 2-й Книги Царствъ (I, 18), что въ одномъ изъ такихъ сборниковъ, въ «Книгѣ Праведнаго» находились, между прочимъ, пѣсни Давида. Въ Книгѣ Исуса Навина есть цитата изъ «Книга Праведнаго» («Написано въ Книгѣ Праведнаго: стояло солнце среди неба, и не спѣшило къ западу почти цѣлый день». Книга Исуса Навина, X, 13). Въ Книгѣ Числъ (XXI, 14) приводится другой сборникъ, «Книга браней Господнихъ». До насъ дошли только очень немногіе остатки произведеній этой поэзіи; но были цѣлыя книги, составленныя изъ историческихъ пѣсень, и намъ довольно знать это, чтобы видѣть, что евреи были очень богаты ими. Свѣтская лирика процвѣтала у евреевъ до позднихъ временъ царства іудейскаго; мы знаемъ это; но почти вся она погибла для насъ. — Израильтяне считали себя избраннымъ народомъ божіимъ; всѣ событія своей исторіи они считали происходящими по волѣ Господней, приписывали ей и удачу и неудачу свои; войны свои называли «бранями Іеговы». Потому ихъ народная лирика рано получила религіозный характеръ. Ихъ пѣсни о побѣдахъ прославляли давшаго эти побѣды Іегову; они славословили его пѣніемъ хоровъ при звукахъ кимваловъ; это пѣніе хоровъ, въ которомъ участвовали иногда и женщины, было, безъ сомнѣнія, очень древнимъ видомъ народной религіозной поэзіи. Но были и свѣтскія народныя пѣсни, военныя и пиршественныя, свадебныя и любовныя, пѣсни жатвы, пѣсни печали объ умершихъ, другія безыскусственныя пѣсни. Сохранились и маленькіе отрывки такихъ пѣсень, принадлежащіе первому времени по вступленіи народа израильскаго въ Ханаанъ, періоду энергическаго и радостнаго настроенія народныхъ чувствъ. Это были коротенькія, безыскусственныя пѣсни, — такія, которыя составляютъ вѣчную потребность народовъ, возникаютъ и исчезаютъ, будто звуки самой природы, и возрождаются въ новомъ видѣ съ каждымъ новымъ поколѣніемъ. Историческія пѣсни, на которыхъ основаны преданія еврейскаго народа о давнемъ прошломъ, тоже были народныя. Сохранились слѣды старыхъ народныхъ

поговорокъ и шутокъ, которыми евреи характеризовали себя и своихъ сосѣдовъ, то съ похвалою, то съ насмѣшкою, съ порицаніемъ или, въ случаяхъ бѣды, съ сожалѣніемъ. — Сохранилась изъ еврейской поэзіи древнѣйшихъ временъ и большая пѣсня, не отрывокъ, а вся, цѣлая пѣсня, превосходное произведеніе безыскусственной поэзіи, — пѣсня Деворы. Уцѣлѣла одна она; быть можетъ, другія пѣсни позабылись именно потому, что она вытѣснила ихъ изъ памяти народа. «Пѣснь Деворы чисто лирическая», говоритъ Мейеръ: «Но она представляетъ ясный примѣръ того, что лирика, основная форма поэзіи, содержитъ въ себѣ зародыши и эпической и драматической формъ, и что соединеніе этихъ элементовъ съ лирическимъ можетъ производить превосходное дѣйствіе». Лирическое одушевленіе религіознымъ чувствомъ составляетъ основной тонъ пѣсни Деворы; битва изображается въ ней съ драматическою живостью, а рассказъ о побѣдѣ и ея послѣдствіяхъ имѣетъ эпическую полноту. — Изъ народныхъ историческихъ пѣсень произошли у евреевъ, какъ Слабость раз- мы ужъ говорили, древнѣйшіе историческіе народные рассказы; они, вѣтій эпической при своей наивной и живой подробности, замѣняли евреямъ эпиче- и драматической скую поэзію, которая у другихъ народовъ развивалась изъ лирической. поэзіи у евре- евъ. У евреевъ не развилась она потому, что они рано стали принимать свои старыя лирическія пѣсни за фактическіе рассказы, имѣющіе буквальную историческую точность; притомъ, у нихъ не было мифологій, изъ которой бралъ матеріалы эпосъ другихъ народовъ. Ихъ историческіе рассказы о патріархахъ, Іосифѣ, Моисеѣ, о странствованіи по пустынѣ, объ Исусѣ Навинѣ, о судьяхъ, о молодости Давида были такъ хороши, что имъ и не нуженъ былъ эпосъ. — Драматическая поэзія тоже не развилась у евреевъ. Въ Пѣснѣ Пѣсней есть драматическіе элементы, но лирической элементъ совершенно преобладаетъ въ ней. Есть драматическіе элементы и въ книгѣ Іова: содержаніе ея трагическое; форма ея — разговоръ. Но въ ней нѣтъ драматическаго развитія событій, нѣтъ дѣйствій. — Еврейскій народъ имѣлъ мало расположенія къ созданію пластическихъ формъ въ поэзіи, какъ имѣлъ мало расположенія къ пластическимъ искусствамъ; вся его умственная дѣятельность приняла религіозное направленіе; его мысли сосредоточивались на исполненіи его призванія быть народомъ божіимъ. Его поэзія была выраженіемъ душевной жизни; потому лиризмъ преобладалъ въ ней. Главнымъ назначеніемъ ея было высказывать ощущенія, производимыя въ благочестивой душѣ соприкосновеніями съ внѣшнимъ міромъ, впечатлѣніями скорбей и радостей.

Древнѣйшія народныя пѣсни, о которыхъ говорили мы, имѣютъ главными своими достоинствами свѣжесть чувства, вѣрность природѣ, безыскусственность; народъ дорожилъ только содержаніемъ ихъ, мало заботясь о формѣ, о ритмѣ. Но съ самаго своего начала еврейская лирика имѣла ту особенность, что поэтическая форма ея состояла не въ соблюденіи какихъ нибудь правилъ, опредѣляющихъ число и размѣръ слоговъ, а въ

«ритиѣ мыслей»; у евреевъ не было версификаціи, которая доведена до совершенства въ греческой лирикѣ; форма еврейской лирики состояла въ «параллелизмѣ членовъ» мысли, въ сочетаніи двухъ оборотовъ мысли, одинаковыхъ или противоположныхъ по своему содержанию, въ соединеніи двухъ предложений, изъ которыхъ второе служить логическимъ пополненіемъ перваго. У нихъ не было правилъ распредѣленія длинныхъ и короткихъ слоговъ по точному, ясному порядку, какъ это было у грековъ и римлянъ; не было у нихъ и рѣзкой, господствующей въ поэзіи среднихъ вѣковъ и новаго времени; не было и аллитераціи; но первые зачатки построенія лирической рѣчи стихами и строфами были и у нихъ: они обращали нѣкоторое вниманіе на то, чтобы чередовались слоги съ удареніями и безъ удареній, а параллелизмъ оборотовъ мысли производилъ отдѣлы рѣчи, подобные стихамъ. Отдѣлъ, соответствующій въ еврейской поэзіи стиху, составляютъ предложения, соединенныя между собою параллелизмомъ своего смысла; эти предложения идутъ обыкновенно по-парно; но есть и болѣе сложные сочетанія ихъ: иногда части одной параллели идутъ перемежаясь частями другой, или части одной параллели охватываютъ другую. Иногда пѣса состоитъ изъ отдѣловъ, въ каждомъ изъ которыхъ одинаковое число параллелей; такую группировку параллелей образуютъ строфы. Иногда бываетъ даже то, что называется въ нашей лирикѣ прапѣвомъ: строфы кончаются однимъ и тѣмъ же стихомъ (такъ написаны псалмы 41 и 42, имѣющіе одинаковый послѣдній стихъ своихъ строфъ, или строфы начинаются однимъ и тѣмъ же стихомъ (такъ написанъ псаломъ 106).

1. Псалмы.

Развитіе свя-
щенной лири-
ческой поэзіи.
Новый періодъ развитія начался для еврейской поэзіи, когда царь-поэтъ Давидъ далъ народу центръ религіозной жизни и образцы той священной поэзіи, произведенія которой называются псалмами. Собраніе псалмовъ пополнялось въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ и окончательный свой видъ получило быть-можетъ черезъ цѣлыя восемь столѣтій по смерти Давида. Но основателемъ этого вида священной поэзіи былъ онъ. У него и его ближайшихъ послѣдователей псалмы сохраняли безыскусственную форму прежнихъ народныхъ пѣсень; но скоро они получили формы, болѣе литературныя; съ теченіемъ времени, составленіе богослужебныхъ пѣсень стало специальнымъ занятіемъ особаго сословія; тогда формы псалмовъ окончательно установились, содержаніе новыхъ священныхъ пѣсень заимствовалося изъ круга идей, высказанныхъ въ прежнихъ, изъ которыхъ заимствовались обороты мысли, заимствовались и выраженія. — Народъ пѣлъ псалмы, мало справляясь о томъ, кѣмъ написаны они; потому обыкновенно и оставалось это неизвѣстно. Исслѣдованія ученыхъ нашего времени даютъ мало такихъ результатовъ, которые не возбуждали бы новыхъ споровъ, потому что дошедшія до насъ данныя вообще не достаточны для точнаго разъясненія вопросовъ этого рода. Надписи именъ на псалмахъ сдѣланы поздно, такъ что въ древнѣйшихъ переводахъ они и не присоединены къ тексту; содержаніе псалмовъ болѣею частью составляютъ идеи, общія многимъ вѣкамъ; ходъ мыслей въ псалмахъ вообще одинаковый, языкъ тоже одинаковый; по-

тому относительно большей части этихъ гимновъ не достаетъ данныхъ, чтобы опредѣлить, какому времени принадлежать они; такъ что ученые часто расходятся въ своихъ выводахъ очень далеко. Но достовѣрно то, что собраніе ста-пятидесяти священныхъ пѣсень, составляющее «Псалтирь» и раздѣленное на пять частей, содержитъ въ себѣ произведенія священной поэзіи евреевъ отъ Давида до позднихъ временъ македонско-сирійскаго періода; что многіе псалмы написаны священниками для употребленія при богослуженіи; другіе, написанные безъ этой цѣли, послѣ тоже получили богослужебное употребленіе. Лишь относительно немногихъ псалмовъ можно по внѣшнимъ или по внутреннимъ признакамъ съ достовѣрностью опредѣлить, когда или по какому поводу написаны они. Изучая ходъ, какимъ шло развитіе идей пророковъ, мы можемъ опредѣлить ходъ развитія идей и въ священной лирикѣ. Въ нѣкоторыхъ псалмахъ встрѣчаются упоминанія объ историческихъ событіяхъ, дающія возможность съ точностью опредѣлить время, когда написаны они. Но вообще, приходится довольствоваться распредѣленіемъ псалмовъ на три хронологическія группы: псалмы, написанные до плѣненія вавилонскаго; псалмы времени плѣненія и псалмы, принадлежащіе временамъ послѣ плѣна.

Псалтирь — собраніе священныхъ пѣсень, употреблявшихся въ бо-
гослуженіи; тѣ пѣсни, въ которыхъ выражались религіозныя чувства, — Характеръ свя-
общія всѣмъ вѣрующимъ, болѣе соответствовали этому предназна-
ченію, нежели тѣ, въ которыхъ высказывались особенныя личныя<sup>ченіе во време-
на до плѣненія.</sup> чувства отдѣльнаго человѣка; потому, въ Псалтири мало гимновъ, изображающихъ особенныя чувства отдѣльныхъ лицъ. Въ ней преобладаютъ гимны, выражающіе общія чувства народа. Они писаны не отъ имени общества вѣрующихъ; нѣтъ, чувства излагаются обыкновенно отъ лица автора. Но благочестивый израильтянинъ жилъ общою жизнью народа, сознавалъ, что его религіозное и нравственное существованіе совершенно обусловлено религіозностью и нравственностью народа, что его судьба сливается съ судьбою народа, которая опредѣляется отношеніями народа къ Богу. Главное достоинство, истинно религіозное значеніе еврейской священной лирики состоитъ именно въ этомъ, въ томъ, что человѣкъ не отдѣляетъ себя отъ своего народа. — Большая часть псалмовъ — просьбы къ Богу о защитѣ, о помощи противъ враговъ; пѣсень благодаренія и славословія меньше, нежели пѣсень просьбы. Кто тѣ враги, защита отъ которыхъ испрашивается у Бога, вообще остается не опредѣлено; почти никогда нельзя рѣшить, внѣшніе ли эти враги, опустошившіе землю израилеву, ассиріяне, вавилоняне, хананеяне, или внутренніе враги, гонители служащихъ Іеговѣ. Поэтому, содержаніе просьбъ не даетъ опоры для хронологическаго распредѣленія псалмовъ. Но можно находить нѣкоторыя данныя для этого въ характерѣ понятій и выраженій. Тѣ псалмы, которые по воззрѣніямъ и по слогу одинаковы съ рѣчами пророковъ, должны

быть относимы къ временамъ ассирійскихъ и вавилонскихъ нашествій, потому что это былъ періодъ самаго сильнаго вліянія пророковъ на мысли народа; оно должно было отражаться и на священныхъ пѣсняхъ. Новѣйшіе изслѣдователи полагаютъ, что многіе псалмы написаны Исаіею и Іереміей. Характеристическія качества псалмовъ этого періода непоколебимость духа среди опасностей и бѣдствій, твердое упованіе на покровительство Іеговы; въ особенности сильно проявляются эти черты въ псалмахъ, принадлежащихъ времени благочестиваго царя Эзекии, который, какъ доказываетъ его молитва, приведенная въ книгѣ пророка Исаи (XXXVIII, 10—20), самъ былъ поэтъ: его молитва по картинности выраженій и богатству мыслей замѣчательное поэтическое произведеніе. Форма изложенія у Эзекии менѣе плавная, менѣе выработанная, нежели въ большей части псалмовъ; но оригинальности въ ней больше: изъ этого ясно, что она древнѣе большинства псалмовъ. Военныя бѣдствія, какимъ подвергался народъ въ правленіе Эзекии, могли породить такія мольбы о спасеніи, какъ на примѣръ псаломъ 6-й; а неожиданное избавленіе отъ орды Сеннахирима могло возбуждать такіе радостные, исполненные упованія на Бога гимны, какъ псалмы 45-й, 46-й и 47-й. (Сравни выше стран. 721). Другіе псалмы, въ которыхъ выражается твердая надежда на благія послѣдствія возвращенія къ Богу, иногда, какъ и у Аввакума, укрѣпляющаяся борьбою съ сомнѣніемъ, могутъ принадлежать времени Іосіи; псаломъ 27-й принадлежитъ, быть можетъ, и самому Іосіи. Еще болѣе вѣроятнымъ должно считать то, что нѣкоторые изъ псалмовъ страданія, какъ на примѣръ 21-й, 30-й, 31-й, 37-й, 40-й и 69-й написаны Іереміею.

Но не одинъ Іеремія, всѣ вѣрующіе стали пѣть пѣсни плача, когда Іегова предалъ свой народъ во власть враговъ. Къ первому времени плѣненія относятся, быть можетъ, довольно многіе псалмы, въ которыхъ высказывается глубокая тоска по родинѣ и скорбь о храмѣ. Всѣ псалмы халдейскаго періода—пѣсни скорби.

«Надобно живо перенестись мыслями въ тѣ времена неслыханныхъ страданій, чтобы понять порывы чувства, встрѣчающіеся въ псалмахъ періода плѣненія», говоритъ Майеръ: «Не всѣ способны имѣть такую непоколебимую вѣру въ будущее, какъ авторъ псалмовъ 41-го и 42-го; не всѣ способны быть такими вроткими, переносить свое страданіе съ такимъ самоотреченіемъ, какъ авторъ псалма 38-го; естественны въ страшныхъ бѣдствіяхъ и такія пѣсни проклятій врагамъ, какъ псаломъ 108-й».—Чрезвычайно хорошо знакомитъ насъ съ душевнымъ настроеніемъ уведенныхъ въ плѣнъ іудеевъ псаломъ 136-й, который приведенъ нами на страницѣ 765-й.

Третій — и не менѣе прежнихъ богатый прекрасными пѣснями — періодъ священной лирики начался по возвращеніи изъ плѣна; псалмы продолжали возникать у іудеевъ подъ персидскимъ и подъ македонско-греческимъ владычествомъ; въ особенности оживилась религіозная

поэтическая дѣятельность іудеевъ послѣ построенія храма. Въ это время были написаны многіе изъ самыхъ прекрасныхъ и задушевныхъ богослужебныхъ пѣсень, высказывающихъ благодарность народа Богу за избавленіе отъ бѣдствія, проникнутыхъ упованіемъ на Бога, изображающихъ величіе и благодать Господа; таковы псалмы 94, 95, 96, 97 и 135, всѣ псалмы отъ 137 до 150, и въ томъ числѣ возвышенный псаломъ 138-й. Подъ игомъ иноземной власти, окруженный непріязненными племенами, народъ іудейскій все исключительнѣе предавался религіозному направленію, углублялся въ размышленія о всемогуществѣ Божию, проявляющемся въ спокойномъ величіи природы. Этимъ настроеніемъ души были порождены великолѣпныя описанія природы, составляющія одинъ изъ главныхъ элементовъ священной лирики послѣ плѣненія вавилонскаго. Она прославляла премудрость Божию, раскрывающуюся созданіями своими, и описанія вселенной, благоустроенной по вѣчнымъ законамъ, были хвалою Творцу и Хранителю ея. Таковы псалмы 147 и 148, и въ особенности псаломъ 103, о которомъ Александръ Гумбольдтъ говоритъ, что въ немъ дано полное изображеніе космоса, «и, въ контрастъ движеніямъ стихійной жизни природы ставится тихая трудовая дѣятельность человѣка, выходящаго съ разсвѣтомъ утра на работу свою до вечера». Описанія природы влагаютъ въ дидактику псалмовъ реальный элементъ и понятію о духовномъ Богѣ «даютъ черты конкретнаго, живаго представленія»,—какъ выражается объ этомъ Гумбольдтъ: «Въ еврейской поэзіи», говоритъ онъ, «природа изображается не какъ нѣчто существующее само по себѣ, не какъ нѣчто прекрасное собственною красотою; еврейскому пѣвцу она всегда является откровеніемъ высшей, правящей ею силы. Природа у него—природа созданная, устроенная; она для него — живое выраженіе вездѣущія божія въ созданіяхъ божіихъ. Потому еврейская поэзія величественна содержаніемъ своимъ, торжественно серьезна, и когда говоритъ о дѣлахъ людскихъ, грустна, исполнена тоски, стремящейся къ Богу».

Но живая дѣятельность религіозной мысли у іудеевъ ослабѣвала. Характеръ священной поэзіи. Составители священныхъ пѣсень стали довольствоваться подражаніемъ прежнему, повтореніемъ его. Но еще возникали и превосходныя созданія поэзіи; таковы, на примѣръ, «Пѣсни восхожденія» (въ Іерусалимѣ, пѣсни паломничества),—пятнадцать псалмовъ, отъ 119 до 133, составлявшіе, какъ это очевидно, особый маленький сборникъ до включенія своего въ общее собраніе псалмовъ и до раздѣленія Псалтири, по примѣру Пятикнижія, на пять частей (псалмы 1—40; псалмы 41—71; псалмы 72—88; псалмы 89—105; и псалмы 106—150).—Вѣроятно, и нѣкоторые другія группы псалмовъ были прежде особыми маленькими сборниками, на примѣръ, вѣроятно были особымъ сборникомъ двѣнадцать псалмовъ, имѣющихъ надписи «пса-

ломъ Асафа»; другой сборникъ вѣроятно образовали одиннадцать псалмовъ «Кореевыхъ сыновъ»; «сыны Кореевы» — это одна изъ семей левитовъ; вѣроятно, къ ней принадлежали Эманъ, которому приписывается псаломъ 87, и Эамъ, которому приписывается псаломъ 88. — Окончательнымъ образомъ собраніе псалмовъ было завершено и въ окончательномъ своемъ, нынѣшнемъ составѣ, было введено въ богослуженіе много позднѣе построенія храма; быть можетъ, около того же времени, когда были составлены книги Паралипоменонъ. Теперь распространяется между изслѣдователями мнѣніе, что это было уже при Маккавеяхъ, и что многіе псалмы написаны въ періодъ послѣдняго оживленія іудейскаго народа, въ эпоху маккавейскихъ войнъ. Такъ, напримѣръ, псаломъ 72 находитъ себѣ историческое объясненіе въ первыхъ двухъ главахъ 1-й книги Маккавейской, псаломъ 82-й въ 5-й главѣ ея, псаломъ 88-й въ 6-й главѣ; а слова 8-го стиха псалма 73-го: «Сожгли (враги Твои, Боже) всѣ мѣста собраний Божіихъ на землѣ», говорятъ, по всей вѣроятности, о сожженіи синагогъ при Селевкидахъ и едва ли могутъ быть относимы къ чему нибудь, кромѣ этого. Если такъ, то трудъ составленія Псалтири былъ законченъ не раньше половины второго вѣка до нашей эры.

Въ Псалтирѣ отражается ходъ духовный жизни израильскаго народа въ продолженіе многихъ вѣковъ. «Псалмы», говоритъ Гицигъ, «рассказываютъ намъ душевную жизнь Израиля во всей ея глубинѣ и ширинѣ. Все, что волнуетъ челоуѣческое сердце, всѣ радостныя чувства, всѣ печальныя настроенія души выражаются въ этихъ пѣсняхъ, разнообразіе которыхъ дѣйствительно дѣлаетъ Псалтирь антологіею священной поэзіи евреевъ, какъ называютъ ее.» Какъ въ природѣ Іудейской страны, гдѣ возникли эти пѣсни, въ нихъ преобладаетъ грустное величіе; и какъ жизнь народа Іудейскаго не часто была озаряема свѣтомъ счастья, такъ и въ пѣсняхъ его больше печали, нежели радости. Въ древнія времена лирическая поэзія евреевъ часто бывала и радостна; но лишь въ древнія времена; послѣ, грустное настроеніе стало господствующимъ въ ней. Но какъ въ могучихъ явленіяхъ природы еврей видѣлъ проявленія величія всемогущаго Бога, такъ и страданія свои онъ преодолевалъ силою упованія на Бога, укрѣпляемый твердою вѣрою, что Господь спасетъ и возвеличитъ праведныхъ своихъ.

2. Книги Соломоновы.

Мудрость Соломона.

Давидъ, псалмопѣвецъ, былъ для евреевъ представителемъ священной лирической поэзіи; сынъ его, Соломонъ, былъ представителемъ, основателемъ той дидактики, любимая форма которой у восточныхъ

народовъ — «притчи», афоризмы житейской мудрости, часто высказываемой въ нихъ посредствомъ уподобленій. Мы уже говорили (стран. 667 слѣд.) о томъ, какое положеніе занялъ премудрый Соломонъ въ преданіяхъ еврейскаго народа; мы привели тогда факты, изъ которыхъ развилось у евреевъ понятіе о немъ, какъ о величайшемъ изъ мудрецовъ, быстро разрѣшающихъ трудные вопросы жизни. Мудрѣйшій изъ мудрецовъ, онъ сдѣлался въ мысляхъ евреевъ представителемъ всѣхъ тѣхъ видовъ поэзіи, въ которыхъ выражаютъ восточные народы свою житейскую философію. Основною формою этой поэзіи у евреевъ было «уподобленіе» («машаль»), замысловатое сопоставленіе предметовъ, далекихъ другъ отъ друга. Такими уподобленіями, «притчами», восточные народы формулировали правила нравственности, уроки житейскаго благоразумія. Притча въ сокращенномъ видѣ становится «пословицею». Краткіе остроумные афоризмы, наивные опыты юнаго народнаго ума дѣлать общіе выводы изъ наблюденія жизни, пословицы ходятъ въ народѣ какъ мелкая монета, принимаемая всѣми. Онѣ образуютъ общее умственное достояніе всего народа; онѣ — мудрость, усвоенная всѣми и передающаяся отъ поколѣнія къ поколѣнію. Форма еврейской поэзіи, состоящая въ раздѣленіи мысли на двѣ части, была очень благопріятна формированію уподобленій, развитію афористической дидактики. Уподобленіе хорошо укладывалось въ двучленную параллель еврейской поэзіи: однимъ членомъ параллели была основная мысль, другой членъ пояснялъ ее сравненіемъ или контрастомъ. Выводъ представляется въ афоризмѣ готовою, безспорною истиною, которая не требуетъ никакихъ доказательствъ, сама собою очевидна для каждаго, кто не лишенъ здраваго смысла». (Нельдеке).

Соломонъ былъ для евреевъ представителемъ и другаго вида восточной мудрости, состоящаго въ умѣньѣ составлять и разгадывать загадки. Изъ исторіи Соломона мы видимъ, что еще и до него евреи любили загадки. Но Соломонъ довелъ эту форму умственной дѣятельности до совершенства. Воспитанникъ Наана, онъ въ годы ученія безъ сомнѣнія много упражнялся въ ней подъ руководствомъ своего наставника; послѣ онъ состязался въ разгадываніи загадокъ съ царицею Савскою и съ Хирамомъ, царемъ тирскимъ. Наблюдая природу, имѣя многостороннюю житейскую опытность, онъ конечно находилъ много матеріаловъ для загадокъ; онъ, какъ показываетъ загадка, предложенная Самсономъ филистимлянамъ, бывали иногда составляемы на основаніи дѣйствительныхъ случаевъ. Въ Книгѣ Притчей сохранились нѣкоторые слѣды загадокъ; вопросы выпущены, но отвѣты на нихъ приведены; такъ напримѣръ:

«Отъ трехъ трясется земля, четверехъ она не можетъ носить: раба, когда онъ дѣлается царемъ; глухаго, когда онъ до-сыта ѣсть хлѣбъ; позорную женщину, когда она вы-

ходить за мужъ; и служанку, когда она занимаетъ мѣсто госпожи своей» (Книга Притчей XXX, 21—23).

Притчи Соло-
моновы.

«Книга Притчей» состоитъ изъ нѣсколькихъ сборниковъ притчей. По надписямъ, сдѣланнымъ на этихъ сборникахъ, два изъ нихъ содержатъ въ себѣ притчи Соломона; первый сборникъ составляетъ отдѣлъ книги, идущій отъ начала X главы до 16 стиха XXII главы; второй сборникъ составляютъ главы XXV—XXIX; надпись второго сборника такова: «И это притчи Соломона, которые собрали мужи Эзекіи, царя іудейскаго» (XXV, 1). Когда именно завершена была работа составления Книги Притчей, трудно опредѣлить; но вѣроятно, это было ужъ послѣ плѣненія. Какъ въ Псалтири отражается религиозная сторона душевной жизни народа израильскаго, такъ въ Книгѣ Притчей собраны выводы житейской мудрости, выработанные благочестивыми людьми еврейскаго народа въ продолженіе многихъ столѣтій. «Своеобразное еврейское мировоззрѣніе раскрывается съ наибольшею полнотою псалмами», говоритъ Бунзенъ: «Но и притчи евреевъ, особенно тѣ, которые принадлежатъ древнѣйшимъ временамъ, гораздо выше всѣхъ другихъ восточныхъ сборниковъ афоризмовъ, даже арабскихъ».

Составъ Книги
Притчей.

Книга Притчей состоитъ изъ четырехъ большихъ сборниковъ и четырехъ прибавленій къ нимъ. Въ первомъ сборникѣ (главы I—IX) древній мудрецъ внушаетъ своему сыну, то есть, ученику, что онъ долженъ постоянно стремиться къ мудрости, которая даетъ счастье и душевное спокойствіе, и что начало премудрости — страхъ Господень (I, 1—7). Притчи этого сборника расположены въ довольно систематическомъ порядкѣ. Мудрецъ предостерегаетъ своего ученика отъ «чужой жены», то есть отъ иноплемянницы, обольстительной представительницы всякой лжи, всѣхъ пороковъ и беззаконій, и убѣждаетъ его быть вѣрнымъ мудрости, надѣяться на Бога, не унывать въ несчастіяхъ. Въ этомъ отдѣлѣ Книги Притчей и въ Книгѣ Іова (XV, 7 слѣд., XXVIII, 12 слѣд.) мудрость — первое и высшее изъ существъ, созданныхъ Богомъ. Она говоритъ о себѣ: «Господь имѣлъ меня началомъ пути своего. Когда онъ еще не сотворилъ земли, когда Онъ уготовлялъ небеса, я была при немъ художницею» (Книга Притчей VIII, 22, 27, 30). Впослѣдствіи, это представленіе о мудрости получило очень большое значеніе въ религиозной философій іудеевъ. — Второй сборникъ имѣетъ свою надпись «Притчи Соломона» (X, 1). Въ этомъ отдѣлѣ книги (X, 1—XXII, 16) собрано 375 притчей; онѣ имѣютъ форму двучленныхъ параллелей, въ которыхъ второй членъ обыкновенно представляетъ контрастъ первому. Содержаніе большей части ихъ относится къ быту людей средняго сословія. Поученія этого отдѣла обращены въ особенности къ молодымъ людямъ и очень настойчиво говорятъ о единоженствѣ, какъ о единственной хорошей формѣ брачной жизни. Третій сборникъ составляютъ «слова мудрыхъ» (XXII, 17—XXIV, 12); къ нему присоединено дополненіе (XXIV, 23—35). Четвертый сборникъ (XXV—XXIX) содержитъ въ себѣ притчи Соломона, которые собрали мужи Эзекіи, царя іудейскаго. За этимъ отдѣломъ слѣдуютъ три прибавленія: 1) «Слова Агура» (глава XXX); 2) «Слова Лемуила царя. Наставленіе, которое преподала ему мать его» (XXXI, 1—9); — это поученія для царей; и 3) похвала добродѣтельной женѣ (XXXI, 10—31) достойнымъ образомъ завершаетъ книгу. — Притчи первого сборника принадлежатъ тѣмъ временамъ, когда національная энергія еврейскаго народа была еще крѣпка. И въ слѣдующихъ отдѣлахъ есть много принадлежащаго временамъ великихъ пророковъ. Но окончательный свой видъ книга получила позднѣе, какъ доказываетъ характеръ ея содержа-

нія. 1) Въ ней нигдѣ нѣтъ предостереженій противъ идолопоклонства, о грѣховности котораго много и сильно говорили пророки; такъ, идолопоклонства ужъ не было тогда у іудеевъ. 2) Книга Притчей чужда узкой національной исключительности и считаетъ единоженство единственною хорошею формою брака; такого развитія іудей достигла поздно. 3) Книга Притчей имѣетъ очень много сходства съ Книгою Сираха, составленною въ очень позднее время; 4) Въ Книгѣ Притчей сильно развита рефлексія; въ ней встрѣчаются понятія, явившіяся у іудеевъ только послѣ плѣненія. — По этимъ и тому подобнымъ соображеніямъ, Мейеръ пришелъ къ выводу, что Книга Притчей составлена въ концѣ VI или въ началѣ V вѣка до нашей эры, когда возникли и наилучшіе изъ священныхъ пѣсень, принадлежащихъ временамъ послѣ плѣненія; что она составлена въ Іудеѣ; но что въ составъ ея вошли древніе сборники притчей и сохраненныя изустнымъ преданіемъ древнія притчи, такъ что основную часть книги образовали древнія притчи, принадлежавшія не однимъ Іудеямъ, но всѣмъ колѣнамъ народа израильскаго.

Экклезиастъ (Проповѣдникъ; по-еврейски: «Когелетъ») — книга, написанная въ формѣ размышленій пожилаго человѣка, приведеннаго опытомъ жизни къ убѣжденію, что на свѣтѣ нѣтъ ничего прочнаго; и потому единственная опора душевнаго спокойствія — вѣра въ бога. Мысли Экклезиаста печальны; очевидно, что книга эта была написана во времена тяжкихъ бѣдствій. По характеру языка, въ которомъ много халдейской примѣси, ясно, что она принадлежитъ очень позднему періоду еврейской литературы. Быть можетъ, она написана въ періодъ персидскаго владычества; но гораздо вѣроятнѣе, — составлена послѣ его паденія, во времена войнъ, начавшихся по смерти Александра Македонскаго. У Экклезиаста нѣтъ свѣтлыхъ воспоминаній даже и о годахъ молодости; потому онъ не хвалитель прошлаго; оно было такъ же бѣдственно, какъ настоящее; и въ будущемъ онъ не предвидитъ ничего лучшаго.

«Изъ всѣхъ еврейскихъ книгъ, Экклезиастъ представляетъ наибольшее сходство съ тѣмъ, что мы называемъ философіею», говоритъ Гидигъ. Авторъ этой книги ставитъ задачею себѣ разъясненіе вопроса объ отношеніяхъ человѣка къ вѣчнымъ законамъ міроваго порядка. Все во вселенной измѣняется; потому нѣтъ ничего прочнаго и въ дѣлахъ человѣческой жизни. Все въ ней зависитъ отъ случайностей; потому человѣкъ долженъ пользоваться радостями, какія даетъ ему ходъ случайностей, благоразумно наслаждаться мимолетными удовольствіями, какія представляются ему, и изъ-за невозможности понять ходъ случайностей не отказываться отъ вѣры въ Бога. Всякія излишества вредны. Наслаждаясь жизнью, должно оставаться благочестивымъ, богобоязненнымъ. Все въ жизни мимолетно; потому не должно чрезмѣрно привязываться ни къ чему въ ней. И все сомнительно, кромѣ одного: существуетъ Богъ. Книга кончается увѣщаніемъ соблюдать заповѣди божіи: «Бойся Бога и заповѣди Его соблюдай, потому что въ этомъ все для человѣка. Ибо всякое дѣло Богъ приведетъ на судъ, и тайное, хорошо ли оно, или худо». По настойчивости, съ какою Экклезиастъ говоритъ о необходимости повиноваться царю, хотя-бъ и дурному, и по замѣчанію его о томъ, что женщина — величайшее зло, нѣкоторые ученые полагаютъ, что книга эта написана, когда Іудея была подъ владычествомъ сирійскихъ царей, при которыхъ управляли всѣмъ интриганткн.

Книга Эккле-
зиаста.

Содержаніе и
цѣль книги.

Книга Пѣсн
Пѣсней.

«Пѣснь Пѣсней» — лирическая поэма, имѣющая своимъ основаніемъ идиллическій рассказъ и написанная въ драматической формѣ. Нѣкоторые изслѣдователи полагали, что она написана послѣ плѣненія вавилонскаго. Гораздо вѣроятнѣе, что она принадлежитъ времени гораздо болѣе раннему, періоду благоденствія царства израильскаго при Іеровоамѣ II, или даже времени Ахава. Послѣ плѣненія Вавилонскаго, не было такого благоденствія, какое было необходимымъ условіемъ для возникновенія этой свѣтлой, радостной поэмы.

Ея содержаніе. Прежніе изслѣдователи полагали, что Пѣснь Пѣсней — собраніе отдѣльных стихотвореній, не имѣющихъ связи между собою. Новые изслѣдователи доказали, что это цѣльная связная поэма. Планъ ея таковъ: дѣвушка, родомъ изъ мѣстечка Сулема, лежащаго у Геннесаретскаго озера, и потому называющаяся въ поэмѣ „Суламитою“, то есть, Сулемитянкою, любитъ пастуха, который, подошедши къ ея окну, говоритъ ей, что взошло солнце, и приглашаетъ ее на прогулку. Мать дѣвушки благопріятствуетъ этой любви; но братья дѣвушки опасаются, чтобы не возникла обидная для нея молва (кажется, что отца ужъ нѣтъ въ живыхъ, и хозяева въ домѣ — братья дѣвушки). Опасаясь за сестру, они отсылаютъ ее изъ городского дома въ виноградникъ, стережъ его, прогоняя изъ него лисицъ. Дѣвушка тоскуетъ о своемъ миломъ, который теперь далекъ отъ нея; у нея одна отрада — мысль о томъ, что они любятъ другъ друга, и скоро будутъ опять вмѣстѣ. Однажды, гуляя по долигѣ, она ушла далеко отъ бывшихъ съ нею на прогулкѣ, они тревожатся за нее. Ей встрѣчается царь Соломонъ, который съ большою свитою ѣхалъ тогда въ свой загородный дворецъ, Вааль-Гамонъ. Очарованный красотой дѣвушки, на лицѣ которой загаръ отъ солнца, онъ увозитъ ее съ собою; онъ и женщины его свиты поютъ пѣсни о ея красотѣ. Въ своемъ великолѣпномъ сельскомъ дворцѣ Соломонъ убѣждаетъ дѣвушку принять его любовь, старается подѣйствовать на ея сердце прославленіемъ ея красоты, обшаніями; но она остается вѣрна своему милому; напрасно упрашиваетъ ее царь, уговариваютъ придворныя дамы; Соломонъ говоритъ, что дастъ ей санъ первой изъ царичъ, — все напрасно, она непоколебима въ вѣрности своему милому. Царь отпускаетъ ее, и она соединяется съ своимъ милымъ. Итакъ основная идея поэмы — прославленіе вѣрной любви, преодолевающей всѣ искушенія. Это высказывается съ особенною ясностью въ концѣ поэмы; дѣвушка, сидя съ своимъ милымъ подъ тою яблонью, подъ которою они обмѣнялись первыми признаніями въ любви, говоритъ ему: „Положи меня, какъ печать, на сердце твое, какъ перстень, на руку твою; ибо крѣпка, какъ смерть, любовь; стрѣлы ея — стрѣлы огненныя. Большія рѣки не могутъ потушить любви, и рѣки не зальютъ ея. Если бы кто давалъ все богатство дома своего за любовь, то и онъ былъ бы отвергнутъ съ презрѣніемъ. Виноградникъ былъ у Соломона въ Вааль-Гамонѣ. А мой виноградникъ у меня при себѣ“ (VIII, 6, 7; 11, 12).

«Пѣснь Пѣсней» представляетъ переходъ отъ народной поэзіи къ литературной. Это — превосходнѣйшее произведеніе еврейской лирики. Искренность чувства, глубокая симпатія къ природѣ, всемогущая сила чистой любви, дивное сочетаніе пламенной страсти съ чистѣйшею нравственностью, проникающее всю поэмѣ, дѣлаютъ ее высокимъ созданіемъ поэзіи.

Пѣснь Пѣсней имѣетъ высокое нравственное значеніе. Женщины на востокѣ живутъ подѣ стражею; когда онѣ выходятъ изъ гарема, онѣ должны закрывать лицо. При такой отчужденности отъ общественной жизни, женщина остается существомъ неразвитымъ

умственно; самостоятельность отнята у нея. Восточная жизнь имѣетъ своимъ характеромъ гаремный бытъ, унижающій, убивающій душу. Потому должно признать великою нравственною заслугою автора Пѣсн Пѣсней идея его поэмы: его суламитянка отвергаетъ гаремную жизнь; она не хочетъ быть владычицею въ гаремѣ, всѣмъ почестямъ она предпочитаетъ свободу.

Вопросъ о томъ, къ какому роду поэзіи должно причислить «Пѣснь Пѣсней», остается еще спорнымъ, подобно тому, какъ не рѣшенъ этотъ вопросъ относительно Книги Іова. О Пѣсн Пѣсней можно съ большимъ правомъ, чѣмъ о Книгѣ Іова, сказать, что въ ней есть зачатки и элементы драмы. Но все-таки, и она не драма: связь между сценами и положеніями въ ней слаба, развитіе дѣйствія въ ней идетъ отрывочно, въ ней преобладаетъ лиризмъ. Это рядъ пѣсень, часто имѣющихъ форму разговора; факты и слова отсутствующихъ излагаются въ нихъ тоже посредствомъ разговорной формы. Вѣрнѣе всего судать, кажется, тѣ изслѣдователи, которые говорятъ, что Пѣснь Пѣсней — идиллія, занимающая средину между эпосомъ и драмою, и соединяющая въ себѣ элементы всѣхъ формъ поэзіи, рассказъ, разговоръ и пѣніе. Можно также назвать ее идиллическою драмою.

3. Книга Іова.

Это глубокодумное произведеніе еврейской мысли, одно изъ цѣль и содержаніе. величайшихъ твореній во всей поэзіи всѣхъ народовъ и временъ, занимаетъ по своему содержанію совершенно одинокое положеніе въ еврейской литературѣ. По формѣ, оно соединяетъ въ себѣ всѣ виды поэзіи: начало и конецъ его имѣютъ эпическій характеръ; главная по объему средняя его часть написана въ драматической формѣ разговора, возвышающагося въ описаніяхъ природы до лиризма, а въ цѣломъ своемъ, Книга Іова имѣетъ дидактическое направленіе.

„Былъ человекъ въ землѣ Уцъ; имя его Іовъ; и былъ человекъ этотъ. Ходъ дѣйствія. непороченъ, справедливъ и богобоязненъ, и удалялся отъ зла“, — такъ начинается эпическое вступленіе Книги Іова. Земля Уцъ — часть юговосточной Палестины. Іовъ былъ князь кочеваго племени. За его справедливость и богобоязненность, Богъ наградилъ его всѣми благами. Сатана сказалъ Господу, что благочестіе Іова не безкорыстно: Іовъ любитъ-де Господа только за то, что Господь даетъ ему богатство и счастье; если Господь отниметъ у него награды за благочестіе, онъ перестанетъ благословлять Господа. Господь далъ сатанѣ позволеніе испытать, такъ ли это, подвергать Іова бѣдствіямъ. На Іова стали обрушиваться одно за другимъ тяжкія бѣдствія. Стада и рабы его погибли. Домъ, въ которомъ пировали его сыновья и дочери, упалъ и раздавленъ ихъ своими развалинами. Но обнищавшій, лишившійся дѣтей Іовъ остался твердъ въ своей преданности Господу. Сатана испросилъ позволеніе подвергнуть страданію и тѣло самого Іова, и „поразилъ Іова проказою лютою отъ подошвы ноги его по самое темя его“. Но и въ этомъ страданіи Іовъ сохранилъ преданность Господу. Онъ сказалъ женѣ, возбуждавшей его къ ропоту: „Неужели доброе мы будемъ принимать отъ Бога, а злаго не будемъ принимать?“ И „не согрѣшилъ Іовъ устами своими“. Молва о бѣдствіяхъ Іова разнеслась, и трое друзей его изъ разныхъ мѣстностей „сошлись, чтобы идти вмѣстѣ сѣтовать съ нимъ и утѣшать его.

И поднявъ глаза свои издали, они не узнали его“,—такъ онъ перемѣнился отъ болѣзни;—и зарыдали, и сидѣли съ нимъ на землѣ семь дней и семь ночей,“ не находя словъ утѣшенія. Наконецъ, Іовъ прервалъ тяжкое молчаніе, и скорбь его излилась жалобами, проклятіями мучительной жизни. Его горькія слова показались его друзьямъ нечестивыми; они стали доказывать Іову, что Богъ справедливъ, награждаетъ и наказываетъ людей по заслугамъ; одинъ послѣ другого, они пытались доказать Іову, что если онъ подвергся бѣдствіямъ, то долженъ считать себя заслужившимъ наказаніе отъ Бога какими-нибудь грѣхами. Іовъ споритъ противъ нихъ, говоритъ, что чувствуетъ себя невиннымъ; онъ упрекаетъ ихъ въ безжалостности къ нему, и въ скорби своей рѣзко говоритъ о томъ, что беззаконники остаются счастливы, а праведники бѣдствуютъ. Его друзья всѣ трое возмущаются такими мыслями, называютъ ихъ нечестивыми, опровергаютъ ихъ примѣрами. Такимъ образомъ, идетъ рядъ рѣчей: друзья Іова, сообразно съ господствующими въ странѣ понятіями, доказываютъ, что Богъ всегда поступаетъ съ людьми, какъ заслужили того люди, и что слѣдовательно бѣдствіа Іова наказаніе ему за какіе-нибудь грѣхи; Іовъ продолжаетъ утверждать, что онъ страдаетъ невинно, и продолжаетъ приводить примѣры того, что нечестивцы остаются безнаказанными, праведники страдаютъ. Онъ говоритъ, что если не при жизни его, то по его смерти Богъ покажетъ людямъ невинность его; онъ кончаетъ свои возраженія друзьямъ трогательными воспоминаніями о своемъ прежнемъ счастьи, о своей непорочной жизни и призываетъ Бога во свидѣтельство своей невинности. Но раньше, нежели наступаетъ минута рѣшенія вопроса голосомъ самого Господа, въ споръ съ Іовомъ вступаетъ слушатель, молчавшій, пока у трехъ друзей Іова находились возраженія ему: „Когда тѣ три мужа перестали отвѣчать Іову, воспылалъ гнѣвъ Эліу на Іова за то, что онъ оправдывалъ себя больше, нежели Бога, а на тѣхъ трехъ друзей его воспылалъ гнѣвъ его за то, что они не нашли, что отвѣчать“; Эліу молчалъ, пока они говорили, „потому что они лѣтами были старше его“;—когда они замолчали, беретъ на себя защиту высказанныхъ ими возрѣній онъ. Эліу упрекаетъ Іова за то, что онъ не видитъ справедливости Господа въ управленіи судьбами людей: „Неправда, что Богъ не слышитъ“ жалобъ, возсылаемыхъ ему праведными: „Судъ предъ нимъ, и жди его. Онъ не поддерживаетъ нечестивыхъ, и воздастъ должное угнетеннымъ“ (XXXV, 13, 14; XXXVI, 6). Послѣ рѣчи Эліу, которая остается безъ отвѣта со стороны Іова, Господь отвѣчаетъ на призваніе Іова свидѣтельствовать о его невинности. „И отвѣчалъ Господь Іову изъ бури, и сказалъ: Препояши, какъ мужъ, чресла твои: Я буду спрашивать тебя, а Ты отвѣчай Мнѣ.“ Господь вопрошаетъ Іова, можетъ ли онъ постичь пути Господни? Господь говоритъ, что Іовъ и друзья его слишкомъ самонадѣянно считали себя постигающими всемогущество и мудрость Господа; друзья Іова слишкомъ узко судили о правосудіи Господа, обвиняя Іова; Іовъ говоритъ, что ни онъ самъ, ни кто иной изъ людей не можетъ постичь пути Господа. Господь вознаграждаетъ Іова за его страданія и утраты. Онъ исцѣлилъ его отъ болѣзни, и „благословилъ послѣдніе дни Іова болѣе, нежели прежніе“, удвоилъ богатство его, и далъ ему столько же дѣтей, сколько было у него прежде. „И не было на всей землѣ такихъ прекрасныхъ женщинъ, какъ дочери Іова. Послѣ того Іовъ жилъ сто сорокъ лѣтъ, и видѣлъ сыновей своихъ, и сыновей сыновнихъ до четвертаго рода. И умеръ Іовъ въ старости насыщенный днями“. Такъ кончается Книга Іова.

Основная идея Рѣчи Іова опровергаютъ привычное восточнымъ народамъ узкое понятіе о правосудіи Божию,—ту мысль, что всякое бѣдствіе—на-

казаніе за грѣхи. Исторія утратъ и страданій самого Іова свидѣтельствуетъ, что бѣдствующие не всегда бываютъ виновны. Въ этомъ состоитъ основная идея Книги Іова.

Очевидно, что Книга Іова написана въ такое время, когда еврейскій народъ уже достигъ высокой степени образованности. По всей вѣроятности справедливо мнѣніе тѣхъ нѣмъ о томъ, исследователей, которые полагаютъ, что она возникла послѣ паденія царства Іудейскаго. Никакихъ фактическихъ данныхъ для опредѣленія времени ея происхожденія мы не имѣемъ; выводъ, который мы принимаемъ за справедливый, основанъ только на соображеніяхъ вѣроятности. Но ясно, что Книга Іова принадлежитъ такому періоду, когда іудейскій народъ ознакомился съ ученіями, противорѣчащими его привычнымъ понятіямъ. Въ Книгѣ Іова есть признаки знакомства евреевъ съ вѣроученіемъ персовъ. Борьбы противъ хананейскаго язычества въ ней уже нѣтъ, еврейскій народъ уже не впадаетъ въ идолопоклонство. Изъ всего этого, кажется, слѣдуетъ, что Книга Іова написана не раньше паденія вавилонскаго. Во время ли паденія написана она, или по возвращеніи іудеевъ изъ плѣна, едва ли возможно рѣшить. Описанія природы въ Книгѣ Іова превосходны. Описанія природо-метеорологическихъ процессахъ предлагаются въ ней вопросы, которые сзумѣла формулировать въ научныхъ выраженіяхъ наша нынѣшняя физика, но разрѣшить еще не умѣетъ.

Александръ Гумбольдтъ во второмъ томѣ «Космоса» говоритъ: «Книга Іова справедливо считается превосходнымъ созданіемъ еврейской поэзіи. Картины явленій природы въ ней очень живописны, а распредѣленіе ихъ въ ней сдѣлано съ художественнымъ мастерствомъ дидактики. На всѣхъ новыхъ языкахъ, на которые переведена Книга Іова, ея описанія восточной природы производятъ глубокое впечатлѣніе. «Господь ходитъ по хребтамъ воздымаемыхъ бурей волнъ моря». «Заря охватываетъ края земли, и земля становится какъ разноцвѣтная одежда». Въ Книгѣ Іова описываются нравы животныхъ: дикаго осла, лошади, буйвола, гиппопотама, крокодила, орла и страуса. Мы видимъ, какъ чистый эфиръ разстилается при знойномъ южномъ вѣтрѣ зеркальною одеждою надъ жаждущею землею. Гдѣ природа скупо даетъ свои дары, чувства человека изощряются, онъ внимательно слѣдитъ за каждою перемѣною въ атмосферѣ, на поверхности безжизненной пустыни, на волнующемся морѣ; онъ зорко видитъ признаки приближающихся перемѣнъ. Въ сухой, скалистой части Палестины прозрачность воздуха очень благопріятна зоркимъ наблюденіямъ».

III. КНИГИ ПРОРОЧЕСКІЯ.

Мы уже рассказывали о возникновеніи и развитіи дѣятельности Пророковъ, о могущественномъ вліяніи ихъ на политическую и на религиозную жизнь израильтянъ; мы видѣли, что собственно они научили народъ израильскій понимать нравственные требованія служенія Господу. Теперь мы кратко пересмотримъ книги, въ которыхъ записали они свои поученія и предвѣщанія. — Бурныя времена Іліи не давали пророкамъ спокойствія, нужнаго для литературной дѣятельности; только уже пророки слѣдующаго періода стали записывать свои рѣчи. Записывая, они давали имъ литературную обработку. Это ясно по формѣ ихъ книгъ; и положительно засвидѣтельствовано ими самими (напримѣръ, Іеремія въ четвертый годъ царствованія Іоакима

написалъ книгу, въ которой изложилъ содержаніе своихъ рѣчей за всѣ предыдущіе годы своей пророческой дѣятельности; книга пророка Іереміи XXXVI, 1—4). «Лишь послѣ продолжительной дѣятельности пророкъ приступалъ къ письменному изложенію своихъ изустныхъ проповѣдей», говоритъ Мейеръ: «Когда онъ видѣлъ, что рядъ событій закончился, онъ записывалъ содержаніе своихъ рѣчей, относившихся къ этимъ событіямъ, чтобы увѣковѣчить свои пророчества, истину которыхъ доказали факты, чтобы потомки видѣли, кто былъ правъ, онъ или спорившіе противъ него». Содержаніе многочисленныхъ рѣчей, которыя пророкъ произнесъ въ продолженіе многихъ лѣтъ, излагалось иногда въ очень краткомъ видѣ; къ изложенію того, что было проповѣдано, часто присоединялись историческія извѣстія.—Итакъ, пророкъ писалъ свою книгу, успокоившись отъ волненія изустной дѣятельности своей; но рѣчи, которыя излагалъ онъ въ спокойствіи мыслей, были произносимы въ порывахъ одушевленія; потому и въ литературной обработкѣ онѣ оставались живыми рѣчами. Впослѣдствіи времени, какъ на примѣръ у Іезекіиля, получила сильное развитіе и начитанность, ученость.

Іоиль.

Относительно большинства пророковъ, оставившихъ намъ свои книги, мы знаемъ, когда они жили. Лишь относительно немногихъ трудно опредѣлить это. Такъ, на примѣръ, относительно Іоиль. Разные изслѣдователи относятъ его дѣятельность къ эпохамъ, очень далекимъ одна отъ другой. Потому мы не говорили о его книгѣ въ нашемъ разсказѣ о ходѣ событій. По объему она невелика. Она состоитъ изъ двухъ отдѣловъ. Въ первомъ отдѣлѣ (I, 2—II, 17) пророкъ говоритъ объ ужасномъ опустошеніи страны саранчою, объясняя народу, что это бѣдствіе—наказаніе за грѣхи, убѣждая народъ покаяться и исправиться; во второмъ отдѣлѣ (II, 17—IV, 21) онъ возвѣщаетъ счастливое будущее, предсказываетъ торжество Израиля надъ всѣми врагами. Быть можетъ, эти два отдѣла принадлежать разнымъ годамъ: первый отдѣлъ написанъ, вѣроятно, во время бѣдствія, объясняемаго имъ; а второй, быть можетъ, черезъ нѣсколько времени послѣ. Пророчества Іоиль относятся къ Іудеѣ; и въ частности, пророкъ обращался къ жителямъ Іерусалима. Онъ говорилъ въ Іерусалимѣ: стѣны и дома города, гора храма и самый храмъ были предъ глазами его; онъ проповѣдовалъ въ собраніи іерусалимлянъ. Страна была тогда раздроблена; часть жителей ея была расхвачена, распродана въ рабство разнымъ народамъ. Есть упоминаніе о томъ, что Іудея подвергалась нашествію египтянъ (IV, 19); нѣкоторые изслѣдователи думаютъ, что это относится къ нашествію Сисака, и потому полагаютъ, что Іоиль жилъ при Ровоамѣ. Но прежде, чѣмъ было высказано это предположеніе, общепринятымъ мнѣніемъ было, что Іоиль жилъ въ бѣдственные времена Іоаса и Амасіи; а нѣкоторые полагали, что онъ пророчествовалъ при Озіи, въ одно

время съ Амосомъ. Но теперь почти всѣ изслѣдователи думаютъ, что онъ былъ современникомъ Эздры. Это мнѣніе наиболѣе сообразно съ содержаніемъ книги: вѣрованіе въ Іегову при немъ было уже непоколебимо; предостереженій противъ идолопоклонства у него нѣтъ; нѣтъ у него упоминаній ни объ ассиріянахъ, ни о вавилонянахъ, ни о царствѣ Десяти колѣнъ; нѣтъ и различія между дѣятельностью пророковъ и духовенства. Притомъ, по всему своему характеру, его книга соотвѣтствуетъ состоянію маленькаго, слабаго народа іудейскаго временъ Эздры, народа бѣдствующаго, но сохраняющаго твердую вѣру въ то, что онъ избранный народъ божій. Іоиль очень живо описываетъ бѣдствія народа іудейскаго, говоритъ ему, что покаяніе должно состоять не въ наружныхъ формахъ печали, а въ душевномъ исправленіи: «Раздирайте сердца ваши, а не одежды ваши» (II, 13). Господь «благъ и многомилостивъ», потому Онъ помилюетъ народъ свой, когда народъ покается: «Тогда возревнуетъ Господь о землѣ своей и скажетъ народу своему: Вотъ, Я пошлю вамъ хлѣбъ, и вино, и елей, и будете насыщаться ими» (II, 13; 18, 19). Господь поможетъ своему народу и противъ язычниковъ, угнетающихъ его; предастъ ихъ въ руки его: «Провозгласите объ этомъ между народами, приготовьтесь къ войнѣ, возбудите храбрыхъ; пусть выступятъ, поднимутся всѣ ратоборцы. Перекуйте орала ваши на мечи и серпы ваши на копья» (IV, 9, 10). Господь дастъ побѣду народу своему въ долинѣ суда, въ долинѣ битвы: «Толпы, толпы въ долинѣ суда! И возгремѣтъ Господь съ Сіона, и дастъ гласъ свой изъ Іерусалима; содрогнутся небо и земля, но Господь будетъ защитой для народа своего и обороной для сыновъ Израиля. Тогда узнаете, что Я Господь, Богъ вашъ, обитающій на Сіонѣ, на святой горѣ Моей; и будетъ Іерусалимъ святынею, и не будутъ уже иноплеменники проходить чрезъ него. И будетъ въ тотъ день, горы будутъ капать виномъ и холмы потекутъ молокомъ, и всѣ русла іудейскія наполнятся водою. Египетъ сдѣлается пустынею, и Эдомъ будетъ пустою степью за то, что они притѣсняли сыновъ іудиныхъ и проливали невинную кровь въ землѣ ихъ. А Іуда будетъ жить вѣчно, и Іерусалимъ въ роды родовъ. Я смою кровь, которую не смылъ еще. И Господь будетъ обитать въ Сіонѣ» (IV, 14; 16—21).

Нѣкоторыя книги пророковъ состоятъ изъ частей, принадлежащихъ разнымъ періодамъ. Таковы, въ особенности, книги пророка Захаріи и пророка Исаіи. Первые восемь главъ книги пророка Захаріи принадлежатъ временамъ послѣ плѣненія вавилонскаго (стран. 773), а послѣднія шесть главъ временамъ до плѣненія (стран. 704).—Исаія, пророческая дѣятельность котораго была подробно разсказана нами, былъ, какъ должно полагать, челоѣкъ, получившій ученое образованіе, и, повидимому, изучившій книги прежнихъ пророковъ; книги Амоса и Осіи были хорошо извѣстны ему, это мы положительно зна-

Исаія.

емъ. «Его пророчества и по формѣ и по содержанию—самое высокое созданіе еврейской пророческой дѣятельности», говоритъ Мейеръ: «Все достоинства другихъ пророковъ соединены въ немъ. Онъ мастерски владѣетъ всѣми формами изложенія, и на всемъ, что написано имъ, лежитъ печать его могущественнаго, величественнаго характера. Преобладающее качество его рѣчей—возвышенность мыслей, возвышающая и мысли читателя. Прекрасная гармонія формы съ идеею и сдержанность тона дѣлаютъ все его рѣчи истинно классическими твореніями. Могучая, здоровая, замкнутая въ самой себѣ іудейская національность, глубоко нравственная и серьезная, имѣетъ Исаію прекраснѣйшимъ своимъ представителемъ». — «Существеннѣйшая его особенность», говоритъ Эвальдъ, «величественное спокойствіе рѣчи, происходящее отъ полного, твердаго обладанія предметомъ рѣчи».

Книга пророка Исаіи состоитъ изъ двухъ главныхъ отдѣловъ. Первый отдѣлъ, о которомъ собственно и говорятъ Мейеръ и Эвальдъ въ приведенныхъ нами характеристикахъ пророчествъ Исаіи, составляютъ первыя тридцать девять главъ книги. Это—пророчества, принадлежащія временамъ до плѣненія вавилонскаго. Второй отдѣлъ составляютъ остальные главы, отъ главы XL до конца книги. Это пророчества, принадлежащія времени плѣненія. И по художественности формы и по величественности идей, второй отдѣлъ равенъ первому.—Имя пророка Исаіи упоминается въ послѣдній разъ въ концѣ перваго отдѣла. Второй отдѣлъ присоединенъ къ первому безъ всякаго обозначенія имени пророка, которому принадлежатъ слѣдующія пророчества, и не имѣетъ особеннаго заглавія. Онъ—полное выраженіе мыслей, порожденныхъ въ іудейскихъ плѣнникахъ страданіями, очищавшими ихъ понятія; въ немъ вполне высказалось національное сознаніе еврейскаго народа, постигнувшаго свое всемірно-историческое положеніе, объяснившаго себѣ препятствія, задерживавшія его развитіе, понявшаго свои отношенія къ язычникамъ и значеніе своихъ долгихъ страданій. Это великая, глубокомысленная картина, соединяющая въ одинъ цѣльный живой образъ прошедшее, настоящее и будущее Израиля.

Пророчества
Валаама.

Ассирійскій періодъ, которому принадлежатъ второй отдѣлъ книги Захаріи, книга Михея, первый отдѣлъ книги Исаіи, пророчества Валаама, былъ самымъ блестящимъ временемъ еврейской пророческой литературы. Пророки этого періода, отважно и безпощадно изобличая пороки и нравственные слабости своего народа, понимая грозившія ему опасности, все таки были исполнены вѣры въ его будущность, потому что въ немъ еще была тогда крѣпкая живая сила. Эта увѣренность въ счастливой будущности Израиля высказывается пророчествами Валаама.

Иеремія.

Когда къ Іудеѣ приблизились границы могущественнаго вавилонскаго царства, начался въ дѣятельности пророковъ новый періодъ, главнымъ представителемъ котораго сдѣлался Іеремія, сынъ Анаѳооскаго священника. Онъ произнесъ первое пророчество свое въ 13-й годъ царствованія Іосіа, еще до реформы, произведенной этимъ царемъ. Онъ былъ тогда молодымъ человекомъ; онъ пережилъ разрушеніе Іерусалима. Въ исторіи временъ паденія Іудейскаго царства, мы подробно рассказывали о пророческой и политической дѣятельности Іереміи въ эти страшные годы, и довели его біографію до времени бѣгства его въ Египетъ. — Первыя десять главъ его

книги содержатъ въ себѣ пророчества, произнесенныя имъ до реформы Іосіа. Она не была его дѣломъ, но совершенно соотвѣтствовала его идеямъ. Онъ говоритъ совершенно въ духѣ Второзаконія. Священническій кодексъ еще неизвѣстенъ ему. Однако же съ Второзаконіемъ онъ требуетъ соблюденія субботы и настойчиво говоритъ, что рабы должны быть освобождены въ седьмой годъ.—Но важнѣйшее время его дѣятельности начинается по смерти Іосіа.

Въ четвертый годъ царствованія Іоакима, Іеремія продиктовалъ своему писцу Варуху изложеніе пророчествъ, сказанныхъ имъ съ начала его дѣятельности, длившейся теперь уже болѣе двадцати лѣтъ. Мы видѣли (стр. 743), что это первое собраніе его пророчествъ было изрѣзано на куски и брошено въ огонь царемъ, что Іеремія снова продиктовалъ сожженную книгу и прибавилъ къ прежнимъ пророчествамъ новыя. Плѣнные, уводимые въ Вавилонъ, вѣроятно взяли съ собою эту книгу пророчествъ Іереміи и присоединили къ ней тѣ слѣдующія пророчества его, какія доходили до нихъ. Второе собраніе пророчествъ Іереміи было сдѣлано по разрушеніи Іерусалима, лѣтъ черезъ двадцать послѣ перваго собранія. Тогда были въ числѣ другихъ дополненій прибавлены къ прежней книгѣ утѣшительныя пророчества, составляющія теперь XXX—XXXIII главы. Послѣднія дополненія сдѣлалъ Іеремія, когда жилъ въ Египтѣ. Итакъ, было двѣ редакціи книги: вавилонская, принесенная потомъ въ Палестину, и александрійская, составленная въ Египтѣ. Онѣ соединены въ той книгѣ пророчествъ, которую мы теперь имѣемъ.

Мы уже говорили, какою мучительною скорбью наполняла нѣжную душу Іереміи неотвратимая судьба народа іудейскаго; мы видѣли, какъ онъ оплакивалъ свою участь и проклиналъ день рожденія своего, но и укрѣплялся духомъ, твердо сознавая, что Господь говоритъ устами его, что онъ трудится для блага родины. Лучшею характеристикой этого пророка печаль служить его восклицаніе: «О, кто дастъ головѣ моей воду и глазамъ моимъ источникъ слезъ! Я плакалъ бы день и ночь» (IX, 1). Но съ нѣжностью души въ немъ соединялись мужественная отвага, непреклонность воли, высокая нравственная энергія. Съ безпощадною правдивостью изобличалъ онъ дурное въ государственной, религіозной и общественной жизни, смѣло спорилъ съ вельможами и царями, не боясь смерти, много разъ угрожавшей ему; и когда настала давно предвидѣнная имъ погибель государства и народа, онъ не упалъ духомъ; на развалинахъ Іерусалима онъ предсказывалъ возвращеніе праведныхъ въ отечество, прекрасное будущее народа, править которымъ будетъ самъ Богъ; возвѣщалъ, что Богъ заключитъ съ народомъ своимъ новый завѣтъ, не такой, какъ прежній, который былъ нарушенъ народомъ, а такой, которому народъ останется вѣренъ, потому что это будетъ законъ, написанный на сердцахъ людей (XXXI, 33); это будетъ союзъ души съ Богомъ, не нуждающийся ни въ какихъ внѣшнихъ залогахъ, ни даже въ ковчегѣ завѣта: «Въ тѣ дни не будутъ говорить болѣе: ковчегъ завѣта Господня; онъ и на умъ не прійдетъ, и не вспомнятъ о немъ, и не будутъ приходить къ нему, и его уже не будетъ» (III, 16). У Іереміи нѣтъ такой си-

лы воображенія, какъ у Исаи, нѣтъ такого разнообразія картинъ. Но его душа была нѣжна, впечатлительна, и его рѣчи полны задушевнаго чувства.

Возвратившіеся изъ плѣна іудеи много страдали отъ сосѣднихъ племенъ. Языческіе народы оставались могущественны. Газа, Дамаскъ, Тиръ уцѣлѣли. Какъ было понять это? Объясненіе нашлось; объясненіе, соотвѣтствовавшее ученію пророковъ о томъ, что Господь долготерпѣливъ и многомилостивъ. Оно было еще во времена Іереміи высказано раздѣлявшими его мысли старѣйшинами земли: когда враги Іереміи требовали, чтобъ онъ былъ преданъ смерти за то, что предсказываетъ разрушеніе Іерусалима, «изъ старѣйшинъ земли встали нѣкоторые, и сказали ко всему народному собранію: Михей пророчествовалъ во дни Эзекиа: Сіонъ будетъ вспаханъ, какъ поле, и Іерусалимъ сдѣлается грудой развалинъ. Умертвили ль его за то Эзекиа и весь Іуда? Не убоился ли онъ (Іуда) Господа, и не умолялъ ли Господа? И Господь отмѣнилъ бѣдствіе, которое изрекъ на нихъ» (Іерем. XXVI, 17—19). И такъ, бѣдствія, которыя были возвѣщены пророками, могли быть отвращены покаяніемъ; города, уцѣлѣвшіе отъ возвѣщенной пророками гибели, спасли себя отъ нея покаяніемъ. Книга Іоны показываетъ, что относительно Ниневіи это было именно такъ. Пророкъ Іона получилъ отъ Господа повелѣніе идти въ Ниневію и возвѣстить ей, что она за ея грѣхи будетъ разрушена. Онъ побоялся идти въ Ниневію и «хотѣлъ бѣжать отъ лица Господня, и пришелъ въ Іопшію, и нашелъ корабль, отправлявшійся въ Фарсисъ, и вошелъ въ него, чтобы плыть въ Фарсисъ отъ лица Господня». Но поднялась буря; было найдено, что грѣшникъ, присутствіе котораго на кораблѣ ввергаетъ всѣхъ въ опасность погибнуть, это Іона; его бросили въ море; море утихло. «И повелѣлъ Господь большому киту поглотить Іону; и былъ Іона во чревѣ этого кита три дня и три ночи». По молитвѣ Іоны, Господь повелѣлъ киту извергнуть его на берегъ и снова послалъ его въ Ниневію. Іона возвѣстилъ Ниневіи, какъ сказалъ Господь, что она черезъ сорокъ дней будетъ разрушена; но Ниневія покалась, и Господь пощадилъ ее. Іона сильно огорчился тѣмъ, что пророчество его не сбылось. Но Господь говоритъ ему, что пощадилъ Ниневію за ея раскаяніе. Книга Іоны написана языкомъ, въ которомъ есть халдейская примѣсь. Нѣкоторые полагаютъ, что она написана во времена Маккавеевъ; этому предположенію противорѣчитъ кротость ея понятій о язычникахъ. Но Книга пророка Даніила дѣйствительно принадле-

Книга пророка
Іоны.

Книга пророка
Даніила.

Книга притчей
Іисуса сына
Сирахова.

жить временамъ Маккавеевъ. Языкъ ея по-переменно то еврейскій, то арамейскій; есть въ ней и нѣсколько греческихъ выраженій. Тому же вѣку принадлежатъ книга Притчей Іисуса сына Сирахова и первая книга Маккавейская. Обѣ онѣ сохранились только въ греческомъ переводѣ. Книга Іисуса сына Сирахова—собраніе притчей,

народныхъ пословицъ и собственныхъ афоризмовъ автора, имѣвшего, какъ показываютъ они, большую житейскую опытность. Это работа литератора; въ ней много истинно національнаго, но есть и заимствованія изъ греческой дидактики. Она представляетъ богатый запасъ здравыхъ сужденій обо всяческихъ житейскихъ дѣлахъ, превосходные нравственные совѣты, благочестивыя поученія, прекрасные афоризмы о религіи и добродѣтели. Съ гордостью и удивленіемъ смотритъ авторъ на великое прошлое Ізраиля и прославляетъ пророковъ, «утѣшавшихъ Іакова и показывавшихъ ему спасеніе твердою вѣрою». «Вѣнцомъ мудрости» считаетъ онъ «страхъ Божій, дающій спокойствіе, порождающій разумность и возвышающій славу соблюдающихъ его».

ОБЩІЙ ОБЗОРЪ И ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Таковъ былъ ходъ умственного и религіознаго развитія и политической исторіи народа, призваннаго въ страданіяхъ своихъ пріобрѣсти для человѣчества высочайшее благо людей, богопознаніе болѣе чистое, нежели тѣ понятія о божествѣ, какихъ достигали другіе народы древности, и создать геніальныя произведенія мысли, глубокое нравственное и религіозное содержаніе которыхъ облечено художественностью поэтической формы. Исходя отъ благоговѣйнаго почитанія силы, проявляющейся въ жизни природы, евреи рано возвысились чрезъ поученія боговдохновенныхъ людей до познанія личнаго бога, правящаго природою и человѣческою жизнью, и постепенно вырабатывали себѣ все болѣе и болѣе духовныя понятія о немъ. Іегова сначала былъ для нихъ только богъ ихъ племени, живущій на облакахъ; боги другихъ племенъ считались у нихъ тоже богами, чужими, не ихъ богами, но тоже богами, менѣе могущественными, чѣмъ Іегова, но тоже дѣйствительно существующими богами. Но мало по малу, силою умственной дѣятельности пророковъ, въ борьбѣ противъ свирѣпаго и сладострастнаго богослуженія хананейцевъ, понятія евреевъ о Іеговѣ сдѣлались такъ возвышенны, что передъ святымъ и нравственнымъ богомъ всѣ представленія о богахъ язычниковъ оказались пустыми, боги эти превращались въ ничтожество. Но и при высокомъ нравственномъ понятіи о Іеговѣ онъ еще оставался для евреевъ только ихъ національнымъ богомъ, богомъ, которому чужды всѣ другіе народы; только Ізраиль былъ «избраннымъ» народомъ божіимъ. Въ этомъ представленіи евреевъ о себѣ, какъ единственномъ народѣ божіемъ, были элементы національной надменности и замкнутости, непріязни къ другимъ народамъ, той жестокости къ

нимъ, которую выказывали израильтяне при завоеваніи Ханаана, истребляя туземное населеніе; были элементы «человѣконенавистничества», за которое такъ строго порицають іудеевъ греческіе и римскіе писатели; но въ этомъ представленіи евреевъ о своемъ избранничествѣ, о завѣтѣ между святымъ богомъ и народомъ его коренились и тѣ элементы, изъ которыхъ развилось чистое ученіе о нравственности, выработанное еврейскими пророками. Основнымъ условіемъ завѣта между святымъ Іеговою и Израилемъ было то, что долженъ быть святъ и Израиль; это безъ сомнѣнія возбуждало въ еврейскомъ народѣ чистыя, благородныя чувства. Онъ видѣлъ задачу своего существованія въ осуществленіи высочайшихъ идей, соединявшихся въ представленіи о богѣ, идей справедливости, добродѣтели, святости; только исполненіемъ божественныхъ заповѣдей достигалъ онъ благоденствія. Нравственное развитіе культурныхъ народовъ находится вообще въ тѣсной связи съ религіознымъ; по этой связи, и семейная, домашняя жизнь у израильтянъ была благороднѣе, человѣчнѣе, чѣмъ у большинства народовъ древняго міра, а чистота семейнаго быта благотворно отражалась въ религіозныхъ понятіяхъ израильтянъ, помогала развитію ихъ нравственныхъ понятій о божествѣ. Отецъ, патріархъ, князь племени долго былъ у израильтянъ нравственнымъ руководителемъ, представителемъ религіи, на котораго смотрѣли съ благоговѣніемъ. Бракъ, символъ союза еврейскаго народа съ Господомъ, мало по малу получилъ характеръ святаго, добровольнаго союза между мужемъ и женою. Понятія о святости всей націи дѣлало священнымъ и каждого человѣка, принадлежащаго къ ней; человѣческая жизнь, человѣческая личность находились подъ охраненіемъ божества; потому у евреевъ развилось такое уваженіе къ человѣческимъ правамъ, какого не было ни у одного изъ всѣхъ остальныхъ народовъ древняго востока. Рабство, составляющее самую мрачную сторону народной жизни въ древнемъ мірѣ, имѣло у евреевъ болѣе мягкую форму и болѣе узкій размѣръ, чѣмъ у многихъ народовъ христіанскихъ временъ. Такимъ образомъ, почитаніе Іеговы было деревомъ жизни, дававшимъ нравственную пищу еврейскому народу, и у евреевъ развилось нравственное ученіе такое возвышенное, что хотъ была въ немъ національная узкость, но было въ немъ и стремленіе расшириться до общечеловѣческой справедливости; мысль о единомъ Богѣ вела къ признанію единства рода человѣческаго, къ признанію равноправности всѣхъ людей. По мѣрѣ того, какъ развивалось, подъ вліяніемъ пророковъ, духовное пониманіе идеи божества, развивалось и пониманіе, что нельзя выразить идею о Богѣ никакимъ чувственнымъ способомъ; потому евреи, первоначально имѣвшіе обычай поклоняться изображеніямъ Іеговы, мало по малу совершенно перестали изображать Іегову, стали считать прежній обычай идолопоклонствомъ, воспретили его; эта національная особенность ихъ много содѣйство-

вала ихъ отчужденію отъ другихъ народовъ, и внушила имъ неприязнь ко всѣмъ инымъ религіямъ, которыя всѣ казались имъ идолопоклонническими, гнусными. Вліяніе духовенства поддерживало, усиливало эту неприязнь, и она неизгладимо впечатлѣлась въ сознаніе еврейскаго народа. Но духовенство собрало и тѣ нравственные сокровища, которыя служили назиданіемъ для потомковъ, возвышала ихъ мысли: оно записало сохранявшіеся отъ давнихъ вѣковъ въ изустномъ преданіи законы, пѣсни и историческіе рассказы; оно дало всей жизни народа религіозный характеръ, подвело его воспоминанія подъ священный прагматизмъ, по которому вся исторія націи опредѣлялась ея отношеніями къ Богу, всѣ бѣдствія объяснялись, какъ наказанія за отступничество отъ Бога.

Богата творческою силою была религіозная и нравственная жизнь израильскаго народа, бѣденъ былъ онъ способностью выработать себѣ государственную и общественную организацію. Патріархальныя учрежденія первобытныхъ временъ не получили у него естественнаго развитія, результатомъ котораго должно было бы явиться монархическое устройство. Отвыкнувъ отъ политической жизни подъ египетскимъ игомъ и смѣшавшись съ иноземцами, народъ израильскій по вступленіи въ Ханаанъ раздробился на племена; между племенами возникло различіе по образу жизни, они стали чужды другъ другу; нація распалась на мелкія областныя общества, занятая лишь своими частными интересами; и это было въ такое время, когда крѣпкое соединеніе всѣхъ силъ народа было настоятельнѣйшею надобностью для успѣшности борьбы съ воинственнымъ туземнымъ населеніемъ. Потому израильтянамъ не удалось вполне овладѣть страной; разрозненныя племена ихъ часто подвергались поработенію; ослабѣло національное чувство, ослабѣлъ патріотизмъ. Привыкнувъ думать лишь о мелкихъ областныхъ дѣлахъ, народъ забывалъ національные интересы. Эта разрозненность не исчезла и тогда, когда необходимость принудила израильтянъ принять монархическую форму правленія. Народъ былъ энергиченъ; первые цари его были опытные воины; соединившись подъ ихъ предводительствомъ, онъ пріобрѣлъ силу завоевать весь Ханаанъ, поработить или сдѣлать своими данниками туземныя племена, которыя прежде часто поработали его. Но племенное соперничество между колѣномъ Іудинымъ и колѣномъ Эфремовымъ скоро разстроило государство смутами, не дало развиваться законному порядку. Въмѣсто того, чтобы дружно остановить стремленіе къ деспотизму, начавшее проявляться при Соломонѣ, племена Іудино и Эфремово своимъ соперничествомъ произвели гибельное расторженіе національнаго единства, разорвали націю на два государства, ссорящіяся, воюющія между собою, ослабляющія другъ друга. Внутренніе раздоры между приверженцами и противниками проникавшихъ въ оба государства изъ Финикіи языческихъ культовъ ускорили ходъ упадка

силъ, а между тѣмъ съ востока шли на западъ могущественные завоеватели, цари страны Эвфрата и Тигра. Находясь на пути между Месопотаміею и Египтомъ, царства Іудино и Эфремово оба запутались въ войны, выдержать которыя было не по силѣ имъ. Первое изъ нихъ пало, послѣ геройской борьбы, царство Десяти колѣнъ, разрушенное ассиріянами; потомъ было разрушено вавилонянами и царство Іудейское. Населеніе было уведено въ «города мидійскіе» и на «рѣки вавилонскія». Но священное сокровище, вложенное пророками въ сердца іудеевъ, было сохранено въ плѣненіи, у «вербъ рѣкъ вавилонскихъ». Боговдохновенные мужи возвѣщали іудеямъ еще до паденія ихъ царства, что Іегова накажетъ свой народъ тяжкими бѣдствіями за отступничество и беззаконія, но потомъ помилуетъ его и возвратитъ въ отечество, что тогда созданъ будетъ новый Іерусалимъ и начнется время спокойствія и благоденствія подъ управленіемъ царя изъ дома Давидова. Надежда на это поддерживала іудеевъ въ странѣ плѣненія, давала имъ силу твердо выносить страданія рабства и насмѣшки иноплемениковъ. «Сыны плѣненія» берегли и умножали духовныя богатства свои, божественная искра сохранялась въ душѣ ихъ и поддерживала жизнь ея. Они возвратились на родину; но судьба ихъ по возвращеніи была не такова, какъ ожидали они. Были построены новый Іерусалимъ и новый храмъ на Сіонѣ; но іудейскій народъ не сдѣлался могущественнымъ; онъ оставался слабымъ, жилъ подъ властью иноплемениковъ, бѣдствовалъ. Предвозвѣщенное пророками царство Мессіи должно было быть не такимъ царствомъ, какого ждали іудеи. Но сокровища жизни были сохранены народомъ іудейскимъ: пѣсни, сложенные поэтами его, видѣнія пророковъ его, уставы, написанные законодателями его, стали священнымъ достояніемъ человѣчества, поддержкою и утѣшеніемъ народамъ въ дни печали, свѣтомъ, озаряющимъ темныя стези земной жизни.

ВАЖНѢЙШІЕ НЕДОСМОТРЫ,

замѣченные по отпечатаніи этого тома.

- Стр. 189. Послѣ словъ: Канаанской и Канаанъ, слѣдовало пояснить въ скобкахъ: Ханаанской и Ханаанъ.
- 196. Послѣ имени: Небукаднецаръ, слѣдовало такъ же выставить: Навуходоносоръ.
- 384. Напечатано: Бундегеша, вмѣсто Бундегешта.
- 496. Пресной, вмѣсто прѣсной.
- 512. Перые, вмѣсто первые.

830
499
345

- Нуглера. Руководство къ исторіи искусства. Пер. *Е. Кориа*. 2 ч. М. 1870 г. Цѣна 10 р.
- Руководство къ исторіи живописи. Пер. *И. Васильева*. М. 1870 г. Цѣна 7 р.
- Куно-Фишеръ. Лессингъ, какъ преобразователь нѣмецкой литературы. Перев. *И. И. Рассадина*. М. 1882 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Нурціусъ. Исторія Греціи, 3 части. Пер. *А. Вессловскаго* и *М. Корсакъ*. М. 1880 г. Цѣна 12 р.
- Левитовъ. Собраніе сочиненій. Съ портретомъ автора, гравированнымъ въ Лейпцигѣ, и статьею о жизни его. *Ф. Д. Нефедова*. 2 тома. М. 1884 г. Ц. 5 р.
- Лессингъ, Г. Э. Гамбургская драматургія. Перев. *И. И. Рассадина*. М. 1883 г. Ц. 3 р.
- Лотце. Микрокосмъ. 3 части. Пер. *Е. Кориа*. М. 1870 г. Цѣна 6 р. 50 к.
- Любке. Исторія пластики (съ 231-мъ рисунк. въ текстѣ). Перев. *В. Часва*. М. 1883 г. Ц. 6 р.
- Магаффи. Исторія классич. періода греческой литературы. 2 т. Пер. *А. Вессловской*. М. 1873 г. Цѣна 6 руб.
- Марта. Философы и поэты-моралисты во времена Римской Имперіи. Пер. *М. Корсакъ*. М. 1879 г. Ц. 2 р.
- Моммсена. Римская исторія. Т. II и III. Пер. *А. Вессловскаго*. М. 1880 г. Цѣна 7 руб. Т. V, перев. *В. Невъдомскаго*. Ц. 3 р. 50 к.
- Морлея, Дж. Руссо. Перев. съ англійскаго *В. Н. Невъдомскаго*. М. 1882 г. Цѣна 2 р. 50 к.
- Дидро и Энциклопедисты. Пер. *В. Н. Невъдомскаго*. М. 1882 г. Цѣна 2 р. 50 к.
- Маурера. Введеніе въ исторію общиннаго, подворнаго, сельскаго и городского устройства и общественной власти. Пер. *В. Кориа*. М. 1880 г. Цѣна 2 р. 75 к.
- ✓ Ольденбергъ, Г. Будда, его жизнь, ученіе и община. Перев. съ нѣмецкаго. М. 1884 г. Ц. 2 р.
- Пешель, Оск. Исторія эпохи открытій, пер. *Э. Циммерманъ*. М. 1885 г. Цѣна 3 руб.
- Полонскаго, Я. П. На закатѣ. Стихотворенія. М. 1881 г. Цѣна 1 р. 25 к.
- Попова. Россія и Сербія. 2 части. М. 1872 г. Цѣна 4 р.
- Рибо. Современная Англійская психологія. Перев. *И. Д. Воборыкинъ*. М. 1882 г. Цѣна 2 р.
- Рихтера. Вліяніе целлулярной патологіи. М. 1872 г. Цѣна 1 р.
- Рѣшетникова. Сочиненія, 2 части. М. 1874 г. Цѣна 5 р. 50 к.
- Саади-Ширази. Гюлистанъ. Съ персидскаго подлинника пер. *И. Холмогоровъ*. М. 1882 г. Ц. 1 р.
- Страбона. Географія (въ 17 книгахъ, 1 т.). Перев. съ греческаго *Θ. Г. Мишенка*. М. 1879 г. Цѣна 10 р.
- Суринова. Стихотворенія. Изд. 3-е, полное. М. 1877 г. Ц. 1 р.
- Собраніе стихотвореній. Съ портретомъ автора, факсимиле, снимкомъ съ памятника и біографич. очеркомъ его жизни *Н. А. Соловьева-Несмѣлова*. Изд. 4-е посмертное. М. 1885 г. Ц. 3 р.

- Тацита. Лѣтопись. Перев. *К. Кронберга*. М. 1865 г. Цѣна 1 р. 50 к.
- Тинноръ. Исторія испанской литературы. Т. I. Пер. *Н. Н. Стороженко*. М. 1883 г. Ц. 3 р.
- Трачевскаго. Польское безкоролье. М. 1865 г. Цѣна 3 р.
- Тренделенбурга. Логическія изслѣдованія. 2 части. М. 1868 г. Цѣна 4 руб.
- Тэна. Чтенія объ искусствѣ. М. 1874 г. Цѣна 2 р.
- Титъ Ливій. Критич. изслѣдованіе пер. *Иванова и Щепкина*. М. 1885 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Фета. Стихотворенія. 2 части. 1868 г. Цѣна 2 р.
- Финлей. Греція подъ римскимъ владычествомъ. Пер. *С. Никитенко*. М. 1876 г. Цѣна 4 р.
- Фойгтъ, Г. Возрожденіе классической древности или первый вѣкъ гуманизма. Пер. *Н. П. Рассадина*. Въ 2 томахъ. М. 1884 г. Ц. 6 р. 50 к.
- Фрикена. Римскія катакомбы и памятники первоначальнаго христіанскаго искусства (съ рисунками). Части I, II, III и IV. М. 1885 г. Ц. 6 р. 50 к.
- Чичерина. Исторія политическихъ ученій. Часть 1, 2, 3 и 4. М. 1876 г. Цѣна за каждую 3 р.
- Нѣсколько современныхъ вопросовъ. М. 1876 г. Ц. 1 р.
- Областныя учрежденія. М. 1876 г. Цѣна 3 р.
- Опыты по исторіи русскаго права. М. 1876 г. Ц. 1 р.
- Очерки Англіи и Франціи. М. 1876 г. Цѣна 1 р.
- Шекспира. Полное собраніе драматическихъ сочиненій. Перев. *Н. Кетчера*. 9 частей. Ц. 10 р.
- Шилова. Ключъ или алфавитный указатель къ Исторіи Россіи *С. Соловьева*. Съ 6-ю родословными таблицами. М. 1870 г. Цѣна 3 р.
- Шмидта, Карла. Исторія педагогики, изложенная во всемірно-историческомъ развитіи и въ органической связи съ культурною жизнью народовъ. Съ третьяго изданія, дополненнаго и исправленнаго *В. Ланге*, пер. *Э. Циммермана*. Томъ II, III и IV-й (IV томъ въ 2-хъ частяхъ). М. 1880 г. Цѣна за все томы 16 р.
-